

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Lif-Gardet
Finska Skarpskytte-Bataillons
BIBLIOTHEK.
1st Afdelningen.
N° 24.

Utskrift af 1752-45

~~Vet. Slav. P. 2~~
~~Item 6 (Vet. Slav. P. 2)~~
Vet. DK4. S2775. 085

1848

9-10

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга девятая.

=====
СЕНТЯБРЬ.
=====

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 3-го сентября 1848 года.

Ценсоръ *А. Можалинъ.*

Ценсоръ *И. Срезневскій.*

Редакторъ *К. Масальскій.*

Издатель *К. Жерняковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Подвиги Русскихъ на рѣкѣ Амурѣ, въ XVII столѣтіи, описанные на основаніи подлинныхъ бумагъ якутскаго и нерчинскаго архивовъ. Соч. *И. Щукина*. . . 1—52

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. — Высочайшіе рескрипты, данныя: на имя почетнаго опекуна с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Тучкова. — На имя исправляющаго должность наказнаго атамана войска Донскаго, генераль-лейтенанта Хомутова 1-го. — Высочайшая Грамата на имя австрійскаго фельдмаршала графа Радецкаго. — Обзоръ современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 іюля по 15 августа сего года. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ, замѣчательныхъ событій за границею. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Голландія. — Данія. — Франкфуртъ на Майнѣ. — Ганноверъ. — Пруссія. — Австрія. — Война Австріи съ Италіей. — Венгрія. — Церковная область. — Испанія. — Турція. — Египеть. — Марокская имперія 1—86

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Пора любви. (Изъ Томаса Мура). *А. Бородинна*. 1—2
Пѣсня горемыки. Соч. *Д. Сушкова*. 2—3
Гордость Русскаго. Соч. *А. Соколова*. 4—4
Хандра. Соч. *К. Неудачина*. 5—6
Добро и зло. Романъ. Соч. *П. Фурманна*. Часть вторая. 7—84
Рѣшительный и нерѣшительный. Соч. *А. М....скаго*. . . 85—116

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Землемѣръ. Романъ *Купера*. (Окончаніе). 1—66
 Сэръ Артуръ. Разказъ *Морица Галлера*. 67—92

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Популярная исторія химіи. Статя III. 1—21
 Шатобрианъ, его замогильныя записки и отрывокъ изъ
 его завѣщанія. Его похорovy на берегу Океана . . . 22—50

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Альціона. Учено-литературный сборникъ, изданный К.
 Зеленецкимъ. — (Сикстинская Мадонна. Опытъ крити-
 ко-эстетической оцѣнки картины Рафаэля Санціо д'Ур-
 бано.) — Пѣшеходная опись части русскихъ владѣній
 въ Америкѣ, произведенная лейтенантомъ Л. Заго-
 скинымъ. 1—42

VII. СМѢСЬ.

- Карланъ двоеженецъ. (Повѣсть Мери). — Городъ Пара и
 его окрестности. (Отрывокъ изъ путешествія по Бра-
 зиліи.) — Петербургскія моды. — Новыя русскія кни-
 ги. — Новыя французскія книги. — О продолженіи из-
 данія *Сына Отечества* на 1849 годъ. 1—37
 Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская
 картинка модъ.

Всего 30 печ. листовъ.

Русская Исторія.

ПОДВИГИ РУССНИХЪ НА РѢНѢ АМУРЪ,

ВЪ XVII СТОЛѢТІИ,

ОПИСАННЫЕ НА ОСНОВАНІИ ПОДЛИННЫХЪ БУМАГЪ ЯКУТСКАГО И
ИРЧЕНСКАГО АРХИВОВЪ.

Въ южной Сибири пространство земли отъ Яблоноваго хребта къ востоку называлось встарину Даурією. Это имя произошло отъ небольшого тунгусскаго племени, обитавшаго по рѣкѣ Жи или Зеѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ Амуръ. Якутскіе казаки, посланные для завоеванія народовъ, обитающихъ по рѣкѣ Амуру, прежде всего нашли Дауровъ и всю страну, орошаемую рѣками Онономъ, Ингодю, Шилькою, Аргунью и Амуромъ, назвали Даурією. Русскіе туземцы уже давно забыли это слово, но въ географіяхъ оно сохраняется вмѣстѣ съ небывалою Татарією.

Страна, орошаемая рѣкою Амуромъ, нѣкогда принадлежала намъ по праву завоеванія, но уступлена Китаю по праву силъ-

наго. Изъ прежней Дауріи остались за нами только земли, лежащія по теченію рѣкъ Ингоды и Онона до слиянія рѣкъ Шильки съ Аргувею.

Рѣка Амуръ, со впадающими въ нее рѣками, худо извѣстна Европѣ и даже Русскимъ, а потому скажемъ объ ней нѣскольکو словъ, заимствованныхъ изъ географіи китайской, разсказовъ Китайцевъ, торгующихъ на Кяхтѣ и еще кое-какихъ бывакъ.

Мы воображаемъ рѣку Амуръ одною потокою воды, произшедшею отъ слиянія рѣкъ Шильки и Аргуніи и впадающею въ Охотское море;—на дѣлѣ выходитъ не такъ. Нашъ Амуръ состоитъ изъ трехъ рѣкъ и каждая изъ нихъ имѣетъ свое названіе. Туземцы не знаютъ даже слова Амуръ; отъ чего произошло это ошибочное названіе увидимъ тотчасъ.

Рѣка Ингодá и Онднъ, слившись, составили рѣку Шильку, или по туземному Силькаръ. Эга рѣка на пути своемъ принимаетъ рѣку Аргунъ и течетъ подъ прежнимъ названіемъ до впаденія въ большую рѣку Сунгари или Шунгалъ. Сунгари впадаетъ въ рѣку Усури, а послѣдняя вливается уже въ Океанъ.

Русскіе въ первый разъ услышали о рѣкѣ Амуръ отъ народовъ, обитающихъ по берегамъ Охотскаго моря и сообщили о томъ въ Якутскъ, а тамъ все протяженіе водъ отъ моря до рѣки Аргуни назвали Амуромъ, и хотя въ послѣдствіе времени убѣдились въ своей ошибкѣ, но имя присвоенное однажды, осталось неизмѣннымъ. Ни Китайцы, ни Манжуры не смѣшиваютъ трехъ рѣкъ въ одну: у нихъ Силькаръ до впаденія въ Сунгари называется Хэ-лунъ-цзянь: т. е. рѣка чернаго дракона, Сунгари: Хунъ-тхунъ-цзянь, а Усури: Ву-су-ли-хэ. Теперь слово Амуръ укоренилось въ книжномъ и разговорномъ языкахъ, станемъ же, для ясности, держать его *.

Отъ впаденія рѣки Аргуни, гдѣ стоитъ нашъ караулъ *стрѣлка*, до бывшаго города Албазина, Амуръ течетъ между

* Слово наше не новость: въ донесеніяхъ завоевателей амурскихъ народовъ всегда говорится о трехъ рѣкахъ; на Китайскихъ картахъ соединеніе трехъ рѣкъ видно съ перваго взгляда.

горами, такъ что нѣтъ почти мѣстъ удобныхъ для поселенія. Въ горахъ этихъ бродягъ Тунгусы извѣстныя подъ именемъ Орочноновъ и Мангировъ. Потомъ горы начинаютъ удаляться отъ береговъ и оставлять равнины: по косогорамъ показывается мелкой дубнякъ и орѣшнякъ, деревья неизвѣстныя въ Сибири. Здѣсь встрѣчаются уже хижины при устьяхъ рѣчекъ; Манжуры, здѣсь обитающіе, заготовляютъ дрова и строевой лѣсъ. Отъ устья рѣки Жи или Зеи Амуръ течетъ прямо на югъ, берега его ровны и плодоносны. Жители занимаются преимущественно земледѣіемъ и обитаютъ въ небольшихъ селеніяхъ. Верстахъ въ 50 ниже устья Жи стоитъ единственный городъ на Амуръ Сахаланъ—ула хотомъ. Китайцы говорятъ, что онъ тянется по берегу версты на четыре, на обоихъ концахъ имѣетъ по крѣпости. Верхняя состоитъ изъ двухъ рядовъ частокола, а нижняя сдѣлана изъ камня; на стѣнахъ лежатъ небольшія чугунныя пушки. Передъ городомъ островъ, позади котораго легко проплыть ночью, однако жъ для всякаго случая поставлена крѣпосца Айгунъ ниже острова на лѣвой сторонѣ Амурса; она укрѣплена двойнымъ частоколомъ. Гарнизонъ въ обоихъ крѣпостяхъ вооруженъ луками и стрѣлами, сабель очень мало, а ружей и совѣсьмъ нѣтъ. Здѣсь растутъ на свободномъ воздухѣ дыня, арбузы и кукуруза, но есть-ли плодоносныя деревья Китайцы не знаютъ.

Далѣе сжимаютъ Амуръ утесы съ обоихъ береговъ; такія мѣста называются въ Сибири шеками. Тѣснина эта продолжается верстъ на сто, а за нею идутъ берега ровные, поросшіе камышемъ и высокою травою. Въ такомъ положеніи Силькаръ, или по нашему Амуръ, впадаетъ въ рѣку Сунгари, выходящую изъ Манжуріи. Отсюда начинаются берега совершенно ровные и продолжаютъ до впаденія Сунгари въ рѣку Усури. Постоянныхъ жителей нѣтъ, но лѣтомъ останавливаются здѣсь Тунгусы для рыбной ловли. Далѣе по ровнымъ берегамъ живутъ Натки небольшими селеніями; они питаются земными и рыбными промыслами. Для зимней еды содержатъ собакъ. Отсюда до моря идутъ берега возвышенныя, покрытыя лиственныю, едрами, сосною, елью, то-

полеми, осиною и березою: тутъ обитають Гиляки, народъ независимый. Амуръ вливается въ заливъ, имѣющій ширины верстъ 30.

Рѣка эта судходна отъ начала до конца, не имѣеть пороговъ, изобильна рыбою, теченіе имѣеть тихое, такъ что лодки поднимаются вверхъ на веслахъ, дѣло неизвѣстное на прочихъ сибирскихъ рѣкахъ. Земля на берегахъ хлѣбородная, а въ лѣсахъ водятся отличныя соболы и другіе звѣри.

Описавъ по мѣрѣ возможности рѣку Амуръ, расскажешь какимъ образомъ забрались сюда Русскіе и овладѣли всею рѣкою.

Сибирское царство было уже покорно Россіи отъ горъ Уральскихъ до рѣки Енисея, но далѣе къ востоку была земля невѣдомая и народы пезнаемые.

Въ 1620 году казаки изъ Мангазейскаго острога съ рѣки Енисея перебрались черезъ хребетъ на рѣку Вилюю. Рѣка эта выходитъ изъ горъ, сопровождающихъ правой берегъ Енисея, течетъ прямо на востокъ и впадаетъ въ рѣку Лену. Здѣсь нашли неизвѣстный имъ народъ, богатый скотомъ и соболинами шкурами. То были нынѣшніе Якуты, племя турское, переселившееся сюда изъ верховья рѣки Енисея. Казаки по Вилюю выплыли на Лену, и обитающихъ по ней Якутовъ, обложили ясакомъ. Въ 1632 году заложень Якутскъ, а въ 1640 году управлялъ имъ уже стольникъ и воевода Петръ Петровичъ Головинъ.

Между тѣмъ завоеванія продолжались все далѣе и далѣе къ востоку. Казаки, плавая по рѣкамъ, находили жителей, облагали ихъ ясакомъ и выспрашивали о народахъ, обитающихъ далѣе. Въ 1636 году одна изъ таковыхъ партій, поднимаясь по рѣкѣ Алдану, поворотила въ рѣку Маю и съ вершинъ этой рѣки перешла черезъ горы на рѣку Улью и спустилась по ней въ Охотское море. Тутъ нашли Тунгусовъ, пришедшихъ съ рѣки Уди, впадающей въ Охотское море южнѣе Ульи, отъ нихъ услышали вѣсть необыкновенную. Тунгусы рассказывали, что они мѣняють евоихъ соболей на хлѣбъ народамъ, живущимъ осѣдло по берегамъ рѣкъ Джи и Силимжи, что рѣка Джи впадаетъ въ Силькаръ, этотъ

въ рѣку Мамуръ или Амуръ, а послѣдняя вливается въ море. Потомъ сказывали о народѣ осѣдломъ и земледѣльческомъ, обитающемъ по рѣкѣ Омуту; что народъ этотъ привозитъ къ Наткамъ, обитающимъ въ нижнихъ странахъ по Амуру, золото, серебро, мѣдные котлы, бисеръ, шелковыя и бумажныя ткани, которыхъ однако жъ самъ не дѣлаетъ, а получаетъ отъ другаго народа. Казаки донесли объ этомъ въ Якутскъ, гдѣ изъ показанія столь неяснаго и сбивчиваго составили понятіе о великой рѣкѣ Амуръ, впадающей въ море. Можетъ-быть Тунгусы назвали ее иначе, но Русскіе, мастера на передѣлку иностранныхъ словъ по-своему, сочинили неизвѣстное туземцамъ слово Амуръ и заставили потомковъ углубляться въ изысканія о происхожденіи этого слова. Такимъ образомъ ошибочное названіе рѣки осталось за нею навсегда, и хотя въ послѣдствіе времени завоеватели наши писали якутскимъ воеводамъ, что на Амуръ не слыхали про рѣку Амуръ, но они не находили надобности перемѣнять названіе, къ которому привыкли *.

Извѣстіе о народахъ, у которыхъ есть золото, серебро и шелковыя ткани, взволновало Якутскъ; не знали вѣрить или нѣтъ казакамъ; какъ вдругъ эта вѣсть подтвердилась съ другой стороны и гораздо полнѣе.

Въ 1638 году енисейскій атаманъ Максимъ Перфильевъ посланъ былъ съ партіею казаковъ *провѣдать* руку Витимъ. Рѣка эта выходитъ изъ Яблонова хребта, течетъ на сѣверъ и впадаетъ съ правой стороны въ Лену. Перфильевъ, поднимаясь бичевою по Витиму, не успѣлъ добраться до вершинъ этой рѣки и долженъ былъ зимовать на пустомъ мѣстѣ. На другое лѣто онъ пошелъ впередъ и попалъ въ рѣку Цыпу, вытекающую изъ озера Баунта. Здѣсь узналъ онъ отъ Тунгусовъ, что далѣе за горами течетъ большая рѣка Силькаръ, по ней живутъ Дауры, ими владѣютъ два князя Лавкай и Батога; бой у нихъ *лучной и огненной*. Народъ этотъ

* Можно догадываться, что рѣка, извѣстная намъ подъ именемъ Амуре, носитъ имя это близъ устья своего; вѣроятно слово Мамуръ или Амуръ гиллкое. Впрочемъ и въ манжурскомъ языкѣ есть похожее на Мамуръ слово *Меморэмби*, медью.

богатъ скотомъ и хлѣбомъ, добываетъ серебро и мѣняетъ его Тунгусамъ на соболей, а ихъ продаетъ другому народу, отъ котораго получаетъ шелковыя ткани и другіе товары.

Пока въ Якутскѣ толковали о томъ какъ бы этихъ Дауровъ, столь богатыхъ, прибрать къ рукамъ, пріѣхалъ воевода Головинъ. Онъ понялъ важность этого дѣла и для покоренія Дауровъ отправилъ двѣ экспедиціи. Первая, подъ начальствомъ письменнаго головы Еналея Бахтеярова, пошла по рѣкѣ Витиму, а другая подъ предводительствомъ атамана Василья Пояркова избрала путь по рѣкѣ Алдану. Бахтеяровъ поднимался по Витиму далѣе Перфильева, но пробраться на Амуръ ему не удалось, вѣроятно потому—что Тунгусы, обложенные имъ ясакомъ, не знали этого пути, или не смѣли указать его. Бахтеяровъ возвратился въ Якутскъ на другое лѣто съ ясакомъ и чертежемъ рѣки Витима.

Вторая экспедиція была счастливѣе. Письменный голова Василій Поярковъ отправился изъ Якутска 15 іюля 1643. года; съ нимъ было 140 человекъ стрѣльцовъ, казаковъ и промышленныхъ. По Ленѣ спустились они до устья рѣки Алдана и по этой рѣкѣ пошли бичевою. Вожатыми ихъ были Тунгусы, которыхъ брали на пути ласками и угрозами. Черезъ четыре недѣли пришелъ Поярковъ къ устью рѣки Учюра, впадающей въ Алданъ. По Учюрушли они 10 дней и поворотили въ рѣчку Гонамъ, мелкую и порожистую. Пять недѣль мучились казаки въ этой рѣчкѣ: разбирали пороги, закружали рѣчку досками и подавались впередъ, но зима остановила ихъ дѣятельность. Удаальцы построили зимовье, ходили на охоту, дѣлали сани или нарты для предстоящаго путешествія: о возвратномъ пути никто не думалъ. Въ концѣ зимы. Поярковъ оставилъ здѣсь часть своей команды, провіантъ и воинскіе снаряды, а самъ съ небольшою партією пошелъ на лыжахъ черезъ Яблоновый хребетъ. Тяжести вели казаки на саняхъ. Три недѣли шли они по глубокому снѣгу, перевалились черезъ горы и вышли на рѣку Бранду, впадающую въ рѣку Жи или Зею. Въ ожиданіи вскрытія рѣкъ построили судно и полою водою спустились въ рѣку Пжи. Продолжая путь по рѣкѣ, они въ первый разъ увидѣ-

ли осваивать жителей на устьях рѣчки Умленана, занимающихся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Люди эти назывались Даурами (Дагурь).

Здѣсь остановились Русскіе въ ожиданіи своихъ товарищей, оставшихся на рѣчкѣ Гонамъ. Дауры приняли ихъ благосклонно, снабдили съѣстными припасами, но вскорѣ измѣнили свое обращеніе. Можетъ-быть гости и сами въ томъ были виноваты. Начались непріязненные отношенія. Поярковъ былъ малосилень, Дауры принудили его отступить и защищаться, провіанту не было: онъ потерялъ до 50 человекъ отъ голоду и болѣзней.

Отъ Дауровъ получены свѣдѣнія болѣе положительныя о народахъ, обитающихъ по рѣкѣ Амуру. Казаки узнали, что кромѣ извѣстныхъ имъ князей Лавкай и Батоги, есть ханъ Борбой; онъ живѣтъ въ городѣ, обнесеномъ деревянною стѣною и землянымъ валомъ. Ему подчинены всѣ окрестные народы. На непокорныхъ посылаетъ онъ по двѣ и по три тысячи войска. У побѣжденных беретъ Аманатовъ. *Бой у него лучной и огненной.* Съ покорныхъ собираетъ ясакъ соболями; скота и хлѣба у него много; изъ послѣдняго курятъ вино. Князь Лавкай живѣтъ отъ устья рѣкѣ Джи вверхъ по Амуру.

Поярковъ дождался товарищей своихъ, построилъ судно и поплылъ внизъ по рѣкѣ Джи. На пути онъ видѣлъ небольшіе даурскіе острожки, много пашень и скота. Наконецъ онъ вышелъ и въ давно желанную рѣку Амуръ; берега ея показались ему обитованною землею, и не мудрено: Русскіе увидѣли здѣсь пашни, яблоки, груши и орѣхи. Разсказъ о плодородныхъ деревьяхъ сомнителень: не разумѣтъ ли нашъ странствователь сибирскія яблочки и персики, дико растущіе въ Дауріи.

Въ это время на берегахъ Амура жили мелкія тунгусскія племена, имѣвшія разныя названія по родамъ; ими управляли князьки, платившіе дань манжурскому владѣльцу, обитавшему въ городѣ на рѣкѣ Нони, или по нашему Науну. Этотъ владѣлецъ зависѣлъ отъ хана дома Манжу, тогда усилившагося и занявшаго Китай. Обитатели Амура жили осѣло,

занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, звѣринными и рыбными промыслами. Владѣльцы ихъ жили въ деревянныхъ городкахъ; огнестрѣльнаго оружія не имѣли.

Поярковъ кажется не думалъ о завоеваніяхъ, а рѣшился только *провѣдать* рѣку Амуръ; онъ пустился по теченію этой рѣки и въ три недѣли пришелъ къ тому урочищу, гдѣ рѣка Амуръ впадаетъ въ рѣку Сунгарь, по ея Шунгалъ. Поярковъ называетъ Амуръ Силькаромъ и не смѣшиваетъ его съ другими рѣками. Здѣсь онъ остановился, но, чтобъ узнать далеко ли море, послалъ 25 человекъ изъ партіи своей внизъ по рѣкѣ; изъ нихъ воротились только двое, остальные убиты: Дучерами, тамошними обитателями.

Отсюда плылъ Поярковъ 6 дней до рѣки Усури, въ которую впадаетъ Сунгарь. Вездѣ жили Дучеры; за ними обитали Натки, а потомъ уже до самаго моря Гиляки. Въ четыре недѣли приплыли они въ устье рѣки Амура и остановились тутъ зимовать. Гиляки, здѣсь обитавшіе, были обложены ясакомъ и объявлены подданными Блага Царя. Поярковъ говоритъ, что народъ этотъ никому неподвластенъ и управляется своими князьями.

Здѣсь провели Русскіе всю зиму, плыть назадъ по Амуру вѣроятно не смѣли, но рѣшились возвратиться въ Якутскъ другою дорогою: имъ извѣстно было, что рѣка Улья впадаетъ въ море, а съ вершинъ этой рѣки можно пробраться черезъ горы въ рѣку Маю, потомъ въ Алданъ и въ Лену. Поярковъ пустился въ море, держась берега: 12 недѣль носило ихъ по Океану и выкинуло на берегъ. Судно разбилося, а странствователи пришли пѣшкомъ на устье рѣки Ульи, тамъ стояло зимовье, построенное прежними казаками. Здѣсь провели часть зимы, а потомъ на лыжахъ отправились къ вершинамъ рѣки Ман. До вскрытія рѣки построили судно и по Алдану спустились въ Лену. Въ Якутскъ возвратился Поярковъ въ 1646 году съ 12 сороками соболей, гиляцкими амазатами, огромнымъ описаніемъ своихъ походовъ и чертежемъ рѣкъ, имъ пройденныхъ. Онъ говоритъ, что если на Амуръ отправить 300 человекъ и построить три острожка

съ 50 человекъми гарнизона въ каждомъ, достальныя покорять всѣхъ народовъ, тамъ обитающихъ.

Вотъ первый подвигъ Русскихъ на Амуръ, ознаменованный необыкновенными трудами нашихъ предковъ, но съ другой стороны онъ полезенъ тѣмъ, что мы провѣдали эту рѣку, узнали ея жителей, силу ихъ и произведенія земли; узнали, что непріятель можетъ довольствоваться наше войско хлѣбомъ и скотомъ, а это условіе весьма важно при началѣ войны въ землѣ непріятельской.

Появленіе Русскихъ на Амуръ было для туземцевъ происшествіемъ неожиданнымъ и сверхъ-естественнымъ. Они въ первой разъ увидѣли огромныхъ людей съ длинными волосами и бородами; обь огнестрѣльномъ оружіи они имѣли уже понятіе; но ихъ страшилъ одинъ видъ ужасныхъ пришельцевъ: они не считали ихъ за людей обыкновенныхъ и называли Русскаго Лѣшіемъ (Лѣча) духомъ лѣснымъ. Такъ величаютъ насъ теперь вся сѣверовосточная Азія, такъ называлъ и Китай до-тѣхъ-поръ, пока не ознакомился съ нами совершенно и переимѣнилъ прежнее названіе на Олосъ, т. е. Оросъ.

Мысль о покореніи амурскихъ странъ сдѣлалась господствующею въ Якутскѣ, но трудность пути и недостатокъ силъ удерживали нашихъ предпринимателей воеводъ. Между тѣмъ какъ продолжалась переписка о рѣкѣ Амуръ съ Москвою, найдена въ Даурію другая дорога, короче прежней. Въ Лену впадаетъ съ правой стороны рѣка Олѣкма; она выходитъ на югъ изъ хребта, который отдѣляетъ систему водъ амурскихъ отъ ленскихъ. Въ 1647 году артель звѣровщиковъ, поднимаясь по этой рѣкѣ, изобилюющей соболями, дошла до устья рѣки Тугира. Встрѣтившіеся съ Русскими Тунгусы объявили, что съ вершинъ Тугира переходятъ они черезъ хребетъ на рѣку Уру, а эта рѣка впадаетъ въ Силькаръ, гдѣ живутъ князья Лавкай и Батога. Вѣсть эта была по сердцу якутскимъ воеводамъ, въ томъ же году они отправили на Олѣкму нѣсколько служивыхъ съ тѣмъ, чтобъ они провѣдали путь на Амуръ, построили на рѣкѣ Тугирѣ зимовье и обложили ясакомъ тѣхъ Тунгусовъ, которые попадутся. Въ первое лѣто служилые успѣли только придти на

Тугирь и построить зимовье; на другой годъ перешли за хребетъ и открыли желанную рѣку Уру. * По этой рѣкѣ шли они въшиномъ, наблюдая осторожность, чтобъ не попасть на какой-нибудь даурскій улусъ и успѣли пробраться на Амуръ ниже устья рѣки Уры. Здѣсь увидѣли они плотъ; охранявшій его Тунгусъ объявлялъ, что на такихъ плотяхъ приплываютъ они изъ верховья рѣки Силькара сюда за хлѣбомъ и, купивши его, возвращаются зимою по льду; что до города, въ которомъ живетъ Лавкай, день пути. Казаки не смѣли приблизиться къ Лавкаевой столицѣ, но вымѣряли только глубину и ширину рѣки Амура и, возвращаясь на Тугирь, дѣлали на деревьяхъ засѣки или замѣтки для будущихъ походовъ.

Въ это время жилъ на Ленѣ, около киренскаго острога, выходецъ изъ Устюга Великаго Ерофей Павловичъ Хабаровъ, человекъ богатый и предприимчивый. Сперва онъ занимался хлѣбопашествомъ около Енисейска, но въ 1638 году набралъ 27 человекъ покрученниковъ (работники, которымъ плата дана впередъ), взялъ изъ казны 2000 пудовъ хлѣба, рыболовныя сѣти, бархатные кафтаны, суконъ и мѣди въ кускахъ; всего на 1504 рубля и пустился на Лену торговать и ловить соболей. Пребываніе свое устроилъ онъ, какъ можно полагать недалеко отъ нынѣшняго Киренска, въ деревнѣ Хабаровой. Здѣсь онъ развелъ пашни, посылалъ своихъ покрученниковъ на ловлю соболей и недалеко отъ устья рѣки Куты построилъ соловаренный заводъ, который отняли однако жъ въ казну. Неизвѣстно, былъ ли онъ самъ на Олѣнкѣ или его зѣровщики нашли дорогу на Амуръ, только видно, что онъ имѣлъ хорошія свѣдѣнія о князьяхъ Лавкаѣ и Батогѣ и народахъ, на рѣкѣ Силькару обитающихъ. Старый опытовщикъ Ерофей Хабаровъ ** составилъ планъ завоеванія рѣки

* Кажется эта рѣка называлась потомъ Амазуромъ или большою горбцею (Кербече).

** Опытовщикъ едва-ли означитъ предприниматель, асеристъ. Наши юные писатели, не имѣющіа времени заниматься чтеніемъ скучныхъ историческихъ документовъ, отвергаютъ существованіе Хабарова и говорятъ, что онъ извѣстенъ только по преданіямъ. Мы указываемъ на историческіе акты археологической комиссіи и № 1 Сына Отечества 1849 года.

Амура и въ мартѣ мѣсяцѣ 1649 года явился въ Илимскъ, къ зимовавшему тамъ новому якутскому воеводѣ Францбекову. Овъ подалъ ему челобитную, за своеручнымъ подписаніемъ, въ которой объяснилъ, что въ прошлыхъ годахъ посланъ былъ на князей Лавка и Батогу письменный голова Еналей Бахтеяровъ, но онъ не зналъ настоящаго пути на Амуръ, а шелъ по рѣкѣ Витиму. Теперь же Хабаровъ нашелъ прямой путь во владѣнія этихъ князей по рѣкѣ Олѣкѣ, почему проситъ о дозволѣніи набрать партію въ 150 человекъ, или сколько собрать можетъ; съ ними пойдетъ онъ на Амуръ рѣку противъ князей Лавка и Батог, и если удастся покорить тѣхъ захребетныхъ непослушниковъ, то Государю прибыль будетъ большая. Артель свою беретъ Хабаровъ довольствоваться на свой счетъ хлѣбомъ, порохомъ, свинцомъ и оружіемъ, беретъ построить суда, вооружить ихъ; словомъ не проситъ у казны никакого пособія, кромѣ дозволѣнія набирать охочихъ людей.

Планъ этотъ найденъ уважительнымъ, и Хабарову дана наказная память (наставленіе), въ которой между прочимъ было сказано: идти ему по рѣкамъ Олѣкѣ и Тугиру на рѣку Шильку, на государевыхъ непослушниковъ князей Лавка и Батог и на ихъ улусныхъ людей. Дорогою идти сторожливо и дѣйствовать вооруженною рукою тогда только, когда иноземцы откажутся отъ добровольнаго покоренія. Во всѣхъ случаяхъ поступать благоразумно, чтобы Государю было прочно и стоятельно, а покореннымъ не въ тягость. Своихъ же подчиненныхъ отъ всякаго дурна унимать. Когда же придуть на рѣку Шильку, то въ приличномъ мѣстѣ поставить острожикъ и отсюда ходить въ походы. Если же князья Лавка и Батог покорятся добровольно, то, обложивъ ихъ ясакомъ, оставить по-прежнему, обнадеживъ покровительствомъ Царя. Собранный ясакъ и людей, давшихъ присягу на подданство, записывать въ книгу. Со всѣхъ рѣкъ пройденныхъ снять чертежи и описаніе народовъ, тамъ обитающихъ.

Предпріятіе Хабарова напоминаетъ намъ завоевателя Мексики Кортеса. На свой счетъ набралъ онъ людей и взялся

довольствоваться ихъ, единственно изъ надежды получить богатство силою и обманомъ отъ бѣдныхъ Американцевъ. У Кортеца было 500 солдатъ, артиллерія и ружья; но Хабаровъ шелъ противъ народовъ ему неизвѣстныхъ со 150 человѣками и безъ пушекъ. Правда что Кортецъ имѣлъ дѣло съ народомъ воинственнымъ и многочисленнымъ; онъ погибъ бы непременно въ первомъ сраженіи, если бъ не выручила его конница, явленіе необыкновенное для Мексиканцевъ, воображавшихъ человѣка и лошадь однимъ существомъ. Но и Хабаровъ встрѣтилъ на Амурѣ огнестрѣльное оружіе, о существованіи котораго онъ слышалъ. У народовъ бываютъ какіе-то періоды открытій и завоеваній, отъ времени до времени появляются гени, увлекающіе за собою современную толпу. Мы думаемъ, что времена эти прошли, потому что истощились матеріалы, нѣтъ, матеріалы всегда будутъ и есть; гени найдутъ ихъ подъ руками и произведутъ чудеса, которыхъ мы не могли и подозревать. Духъ завоеваній и предпріятій господствовалъ у Русскихъ съ половины XVI до начала XIX столѣтія. Теперь онъ пріостановился и отдыхаетъ до появленія Ермаковъ, Хабаровыхъ, Дежневыхъ и Шелеховыхъ.

Весною 1649 года, Хабаровъ набралъ 70 человѣкъ охотниковъ, построилъ суда и по Ленѣ спустился къ устью рѣки Олѣкмы; на пути пристало къ нему еще нѣсколько человѣкъ. Отсюда начинается трудный путь противъ теченія быстрой и порожистой рѣки Олѣкмы. Какихъ трудовъ стоило провести судно по этой рѣкѣ бичевою, видно ужъ изъ того, что въ продолженіе лѣта онъ дошелъ только до устья рѣки Тугира, гдѣ и долженъ былъ зимовать. Хабаровъ, описывая трудность подъема по рѣкѣ Олѣкмѣ, говоритъ, что въ порогахъ снасти рвало, слопцы ломало и людей ушибало, но Божіею помощію и Государевыиъ счастіемъ дѣло кончилось благополучно.

Въ генварѣ 1650 года они поднялись съ зимовки и пошли на лыжахъ по льду рѣки Тугира; поклажу везли сами на легкихъ саняхъ (нарты) перевалились черезъ хребетъ и вышли на Амуръ выше устья рѣки Урки. Здѣсь начинались владѣнія

князя Лавкаа: внизъ по Амуру стояли пять городовъ его одинъ за другимъ; они обнесены были деревянными стѣнами съ башнями, внизу были подлазы, или отверстія для вылазокъ; ровъ и валъ защищали стѣны.

Хабаровъ занялъ эти города безъ сопротивленія одинъ за другимъ: жители, увидевъ Русскихъ, сѣлились на коней и удалялись въ слѣдующій городъ. Внутри городковъ были деревянные дома съ бумажными окнами. Третій изъ Лавкаевыхъ городковъ показался Хабарову надежнѣе прочихъ и онъ избралъ его мѣстомъ своего пребыванія.

Лишь только Русскіе остановились, какъ подъѣхали къ нимъ верхами пять человекъ. Тунгусъ, переводчикъ, объяснилъ, что одинъ изъ нихъ есть князь Лавкай, а прочіе его родственники; они спрашиваютъ за чѣмъ пришли сюда Русскіе. Хабаровъ велѣлъ сказать, что они купцы и желаютъ торговаться. Нѣтъ, отвѣчалъ Лавкай, я знаю что васъ идетъ 500 человекъ, а позади гораздо болѣе; вы хотите насъ убить, имѣніе наше отнять, а женъ и дѣтей въ полонъ взять. Тогда объявилъ ему Хабаровъ, что присланъ отъ великаго Царя и приглашаетъ ихъ въ подданство; если они покорятся добровольно и будутъ платить ясакъ, Царь возметъ ихъ подъ свое покровительство. Если такъ, отвѣчалъ Лавкай, желаніе ваше будетъ исполнено. Поворотилъ коня и скрылся.

Хабаровъ думалъ, что Лавкай придетъ къ нему съ ясакомъ, но ожиданіе его не исполнилось. Онъ пошелъ впередъ. Два городка Лавкаевы были пусты, въ послѣднемъ нашелъ онъ старуху, сестру Лавкаеву; она сказала, что была въ плѣну у князя Богдоа, но братомъ выкуплена; что князь этотъ богатъ и силенъ, пьетъ и ѣстъ изъ золотой и серебряной посуды; городъ его стоитъ на рѣкѣ Науни, укрѣпленъ землянымъ валомъ, на которомъ стоятъ пушки. Но есть другой царь, которому Богдой подвластенъ и платитъ дань. Получивъ такія свѣдѣнія, Хабаровъ понялъ, что съ его силами нельзя ничего здѣсь предпринимать, а потому возвратился въ избранный имъ городокъ. Тамъ нашли они много хлѣба въ ямахъ; бѣжавшіе Дауры не успѣли его взять. Здѣсь оста-

взялъ онъ 70 человекъ своей команды и отправился съ небольшимъ отрядомъ въ Якутскъ, для личныхъ объясненій, куда и прибылъ въ маѣ мѣсяцѣ.

Разсказъ Хабарова о благословенныхъ амурскихъ странахъ воспламенилъ воображеніе воеводы Францбекова и дьяка Степанова. Живучи въ Якутскѣ, нельзя было слышать кладнокровно о странахъ, которая производила чудесный хлѣбъ, отличныхъ соболей, а въ рѣкахъ водились огромныя рыбы. Государь пріобрѣталъ новыхъ подданныхъ, съ богатымъ ясакомъ, а этотъ ясакъ переходилъ черезъ руки воеводъ. Но Хабаровъ объявилъ, что съ такими средствами, какія у него, нельзя воевать съ народомъ многочисленнымъ, живущимъ огнестрѣльное оружіе и города.

Францбековъ понялъ важность этого дѣла, только не въ силахъ былъ исполнить предложенія Хабарова: онъ могъ только снабдить его двумя пушками, порохомъ, свинцомъ и двадцатыо стрѣльцами; но далъ позволеніе набирать дорогою охотихъ и промышленныхъ людей сколько можетъ. При отправленіи вручены были Хабарову двѣ гранаты, одна къ князю Лавкаю, а другая къ Багдою. Въ этихъ гранатахъ воевода утѣщевалъ ихъ покориться добровольно и платить ясакъ великому Царю, за что обѣщалъ малость и покровительство. Что теперь посылаетъ онъ противъ нихъ приказанаго человека Ерофея Хабарова съ малыми людьми, для посольства и провѣданія, но въ случаѣ несокорности пойдетъ самъ съ 6 тысячами воиновъ, съ пушками и смертію накажетъ непослушныхъ. «А Государь нашъ Царь Алексѣй Михайловичъ силенъ, великъ и страшенъ; но милостивъ и праведенъ, кровей неискатель. А у Государя въ одномъ сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей многое множество, въ якутскомъ же острогѣ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Ленѣ Якуты, Тумгусы и Юкагиры къ ратному бою навичны и быются не щадя головъ своихъ».

Хабаровъ набралъ 117 человекъ охотниковъ, такъ что вся его команда съ оставленными на Амурѣ простиралась до 300 человекъ, и съ этой-то горстью людей онъ надѣялся покорить Государю второе Сибирское царство. Между тѣмъ оставленные имъ на Амурѣ въ городкѣ товарыни выдержали

несколько осадъ отъ Дауровъ, но отравили ихъ не только удачно, даже успѣли обратъ съ окрестныхъ жителей ясакъ, который и послали въ Якутскъ, съ образцами хлѣба, произрастающаго на Амуръ.

Хабаровъ пришелъ на Амуръ осенью 1650 года и, не теряя времени, пошелъ подъ городокъ князя Албазы. Дауры вышли на вылазку и бой продолжался съ полдня до вечера, но при всемъ томъ Хабаровъ не потерялъ ни одного товарища; стрѣлы равняли только 20 человекъ, за то огнестрѣльное оружіе Русскихъ произвело страшное опустошеніе въ рядахъ непріятельскихъ. Дауры бросились на коней и пустились внизъ по Амuru, а городъ свой оставили побѣдителямъ. Хабаровъ нашелъ тутъ много хлѣбныхъ запасовъ. Городъ показался ему крѣпче другихъ и ближайшимъ къ пути въ Якутскъ, а потому избралъ его мѣстомъ своего пребыванія. Этотъ городокъ, принадлежавшій князю Албазъ, названъ Албазинымъ городкомъ.

Въ тотъ же день отправилъ Хабаровъ за бѣгущими Даурами 130 человекъ въ погоню, подл командою Дунай Трофимова и Тренки Ермолина въ легкихъ стругахъ. Всю ночь плыли они, не встрѣчая ни одного селенія, на утро увидѣли городокъ, принадлежащій князю Атую. Русскіе однимъ появленіемъ навели такой страхъ на жителей, что они городъ свой зажгли и, бросившись на коней, ускакали внизъ по Амuru. Завоеватели пустились въ погоню и около полудня увидѣли непріятеля готоваго на бой. Русскіе ударили на нихъ колонною, произвели страшное опустошеніе и Дауры бѣжали, оставя побѣдителямъ 117 головъ скота. Нашъ уронъ состоялъ изъ девяти раненыхъ. 11 ноября побѣдители возвратились въ Албазинъ.

Спустя нѣсколько времени, Хабаровъ самъ отправился въ походъ: пушны и припасы везли на саняхъ. Девять дней шли они вдоль Амuru и только въ десятый увидѣли даурскихъ князей съ огромною конницею. Бой продолжался съ утра до вечера: Дауры бѣжали.

Въ продолженіе зимы Хабаровъ построилъ новый городокъ съ угожемъ мѣсть подъ волокомъ, гдѣ переводить

русекимъ людямъ пѣшею ногою только два дня», и въ томъ острогѣ оставилъ для пашни двадцать человекъ, да для привода въ покорность Дауровъ и сбора съ нихъ ясака 30 служилыхъ людей.

Трудно понять, о какомъ городѣ онъ говоритъ; тотъ ли этотъ городокъ, въ которомъ жили оставленные имъ товарищи во время поѣздки въ Якутскъ, или князя Албазы, гдѣ Хабаровъ укрѣпился, или онъ построилъ новый острогъ на устьѣ реки Горбицы, по-тогдашнему Уры, который впоследствии сталъ называться по старой привычкѣ Албазинымъ; только дѣло въ томъ, что городъ Албазинъ основанъ Хабаровымъ, а не бѣглымъ полякомъ Черниговскимъ, какъ сказано въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ. Черниговскій возобновилъ только этотъ городъ, раззоренный Манжурами, о чемъ будетъ сказано ниже. Донесенія въ Якутскъ, писалъ Хабаровъ самъ, онъ былъ опытовщикъ, а не писака, происшествія у него такъ сливаются, что трудно отличить одно отъ другаго. За то ужъ ничего не пропущено: всѣ подробности изложены съ величайшею отчетливостію; за то въ каждомъ словѣ видна истина. Предки наши не якшались съ иноземцами, слѣдовательно не имѣли возможности научиться шарлатанству; ложь и обманъ почитали грѣхомъ смертнымъ.

На последнемъ бою взяли въ плѣнъ дѣтей и родственниковъ дучерскаго князя Шилгиней. Плѣнные въ распросахъ показали, что по Амуру, начиная съ вершинъ, живутъ по порядку слѣдующіе владѣльцы: Лавкай, Шилгиней, Албазъ, Ату, Дезаулъ, Балбулай, Гагударъ, Якорей, Шочканы. Всѣ они платятъ ясакъ богдойскому царю Шамшакану; царь же Шамшаканъ есть посаженникъ царя Алакабатуракана*, и собранный съ подвластныхъ князей ясакъ отсылаетъ къ нему. Шамшаканъ живетъ на рѣкѣ Нони, до жилища его съ Амура черезъ хребетъ двѣ пядли пути верхомъ, а во-

* Вѣроятно Алаки-Батуръ-Ханъ.

домъ по Амуру и прочимъ рѣкамъ четыре ведѣли. По этимъ рѣкамъ стоятъ города каменные и деревянные съ пушками, но въ сраженіяхъ употребляются стрѣлы, копья и сабли. Во владѣніяхъ царя Шамшакана на рѣкѣ Шулишъ есть гора, въ которой добываютъ серебряную руду. До нея съ Амура верховой ѣзды семь дней. Для охраненія этой горы стоитъ караулъ человекъ 500. Если кто хочетъ изъ руды выплавить серебро, тотъ платитъ хану часть выплавленного металла; дѣломъ этимъ занимаются Арары, обитающіе по рѣкѣ Шилану. Въ этой же землѣ находятъ жемчугъ и камень дороговос. Ниже по Амуру живутъ народы, которые Шамшакану не подвластны и ясаку никому не платятъ. Всѣ обитающіе въ вершинахъ Амура бѣгутъ отъ Русскихъ на низъ къ сильнымъ соседямъ. Тутъ же обитаетъ съ родомъ своимъ князь Гантимуръ-Уланъ, онъ ни отъ кого не зависитъ и съ Русскими драться не станетъ, но будетъ платить ясакъ. Хабаровъ представилъ это показаніе въ Якутскѣ съ мнѣніемъ своимъ, что Даурскою землею овладѣть можно и подъ царскую высокую руку привести, и та новая Даурская земля будетъ Государю второе Сибирское царство, а теперь даурскіе люди ждуть себя обороны отъ царей Шамшакана и Алакабатуракана. А если Государь пожелаетъ овладѣть землями царей Шамшакана и Алакабатуракана, то послать въ ту землю большихъ ратныхъ людей, а хлѣба можно получить отъ Дауровъ хотя на продовольствіе 20,000 человекъ.»

Это простое, но правильное описаніе Дауріи и Манжуріи, при всей краткости своей, хорошо объясняетъ политическое положеніе народовъ и произведенія земли. Горы съ серебряною рудою достались потомъ Русскимъ, и это наши нерчинскіе заводы. Акваринны, тяжеловѣсы и аметисты найдены въ тѣхъ же горахъ. Жемчужныя раковины добываются и теперь по рѣкамъ Манжуріи. Политическій составъ Манжуріи и донынѣ тотъ же: мелкіе владѣльцы подвластны силь-

* Этотъ князь перешелъ потомъ въ Россію съ 300 человеками своихъ подданныхъ, былъ въ Москвѣ и получилъ княжеское достоинство. Потомки его существуютъ донынѣ.

нимъ владѣтельнымъ княземъ, а они Ботде-Хану китайскому. Трудно, при нашихъ средствахъ добраться до настоящихъ именъ царей Алакабатурукана и Шамшахана. Ханъ ли это увидѣвшася тогда владѣнія Манжу и занявшаго Китай, или въ свою очередь зависѣлъ отъ этого дома? Какъ бы то ни было, Хабаровъ описалъ вѣрно тогдашнее состояніе народовъ, съ которыми имѣлъ дѣло.

Не должно забывать, что Хабаровъ отбиралъ вопросы отъ племяннаго чрезъ Тунгуса, своего переводчика, разумѣвшаго, безъ всякаго сомнѣнія, худо по-русски и несовершенно понимавшаго нарѣчіе своихъ соплеменниковъ Дауровъ. Какъ послѣ этого не подвигаться вниманію и проницательности нашего героя!

О дѣлахъ Хабарова писано было изъ Якутска въ Москву въ сибирскій приказъ, а между-тѣмъ набрано было 26 человекъ служилыхъ людей, 107 человекъ охотныхъ и промышленныхъ съ ружьями, имъ дано пороху и свинцу 30 пудовъ, къ Хабарову посланъ писарь и стопа писчей бумаги. Отрядомъ этимъ командовали до прихода на Амуръ Тренка Чечегинъ и Аваній Руслановъ. Слѣдъ команду и принасы Хабарову, они должны были отправиться къ царю Шамшахану съ грамотою отъ якутскаго воеводы Францбекова и дѣка Степанова; они именемъ Царя Алексѣя Михайловича приглашали его въ подданство, «а въ нынѣшнемъ году подвластные тебѣ князья Лавкай и прочіе хотѣли собиру ратныхъ людей Царя Алексѣя Михайловича, но отъ его ратнаго бою ваши люди стоять не могли, и тебѣ Царю Шамшахану не стоять и съ его Государя нашего людьми не битися и Государя нашего тѣмъ не противляти, а велѣтъ давать серебромъ, золотомъ, и самоцѣпными каменьями и узурочными товарами, и мягкою рудильдою, что въ вашемъ Государствѣ родится, во всякой силѣ, какъ бы вамъ въ нечѣ».

* Можно подозревать въ словѣ Шамшаханъ первого китайскаго императора изъ дома Манжуровъ Шунъ-ши-хана, владѣвшаго въ это время всѣмъ китайскимъ государствомъ. Не имѣяще Шамшахана на рѣкѣ Нонѣ противорѣчить истинѣ. Можетъ-быть толмачи перемѣшали рассказъ племяннаго Манжурувъ.

Песальство это не выполнило своего назначенія: Дауры взяли доставить его къ царю Шамшакану, но дорогою убили посланныхъ.

На другое лѣто Хабаровъ пошелъ внизъ по Амуру на судахъ. Онъ проплылъ мимо вызженнаго даурскаго городка и двухъ пустыхъ улусовъ, вечеромъ приближился къ тремъ городкамъ, стоящимъ одинъ подлѣ другаго и раздѣлявшимся только стѣнами. Они принадлежали тремъ князьямъ Гогударю, Олюмзъ и Лютодиму. Князья эти, услышавъ о появленіи страшныхъ людей на Амуръ, собрались въ одно мѣсто и построили три города. Стѣны были деревянныя, двойныя, набитыя внутри землею, кругомъ рвы и въ нихъ изъ городовъ подлазы. Дауры выступили на берегъ съ тѣмъ, чтобъ не позволить Русскимъ выйти на землю, между ними было 50 человекъ Манжуръ съ ружьями, но лишь Русскіе сдѣлали залпъ изъ ружей и повалили 20 человекъ непріятелей, Дауры немедленно добрались въ первый городокъ свой и тамъ заперлись, а Манжуры побѣжали въ поле, откуда спокойно смотрѣли на происходившее, не подавая помощи осажденнымъ и не дѣйствуя противъ Русскихъ. Хабаровъ не обратилъ на нихъ вниманія, но рѣшился взять городъ.

Сперва онъ предложилъ осажденнымъ, чтобы сдались добровольно, но вмѣсто отвѣта они пустили такое множество стрѣлъ, что поле у городка казалось пашнею съ житою. Русскіе открыли по городу пальбу изъ трехъ пушекъ и къ утру сдѣлали подъ одною башнею проломъ, чрезъ который и ворвались въ городъ. Непріятель отступилъ и замерся въ другомъ городкѣ, который въ полдень былъ взятъ, наконецъ и третій городъ взяли приступомъ и всѣхъ Дауровъ перерубили. Убитыхъ оказалось 661 человекъ, Русскіе потеряли четверыхъ; раненыхъ было 45 человекъ. Въ плѣнъ взято женщинъ 243, дѣтей 118, лошадей 237, рогатаго скота 113 штукъ. Вотъ первая побѣда Хабарова надъ непріателемъ, вдвое, а можетъ-быть и втрое противъ него многочисленнымъ, не имѣвшимъ огнестрѣльнаго оружія и храбрости.

Отъ плѣнныхъ узнали, что 50 человекъ Манжуръ, бывшіе спокойными зрителями происходившаго, суть подданные ца-

ря Шамшакана и живутъ здѣсь постоянно для сбора ясака и торговли, и что противъ Русскихъ они не воевали потому, что не имѣли на то приказанія отъ царя своего. На другой день явился къ Хабарову посланный отъ нихъ; онъ былъ одѣтъ въ шелковое платье и соболью шапку, говорилъ много, но Тунгусъ, толмачъ, могъ перевести только то, что Манжуры желаютъ быть въ миръ съ Русскими.

Здѣсь прожилъ Хабаровъ шесть недѣль, собирая ясакъ съ окрестныхъ жителей и приглашая князей въ подданство, но успѣхъ былъ незначителенъ. Онъ рѣшился плыть далѣе, взявъ съ собою лучшихъ лошадей, чтобъ при высадкахъ имѣть конницу. На другой день остаповился онъ у пустаго городка и разослалъ во всѣ стороны людей провъдывать. Отъ плѣнныхъ узнали, что противъ устья рѣки Жи или Зеи есть улусъ, въ которомъ княжить Какорей, а ниже недавно построены городокъ, въ которомъ живутъ князья Турунча, Толга и Омутей.

Хабаровъ плылъ до устья рѣки Зеи два дня и ночь; онъ нашелъ здѣсь только пустыя юрты. Подъ вечеръ увидѣли и желанный городокъ.

Онъ построенъ былъ наскоро, когда вѣсть о прибытіи Русскихъ разнеслась по Амуру, и служилъ убѣжищемъ всѣмъ окрестнымъ владѣльцамъ: сюда свезли они богатство свое и, считая себя въ безопасности, весело пировали на лугу за городомъ. Передовые Хабарова свободно вошли въ городъ, а между-тѣмъ подошли суда съ пушками и конница вышла на берегъ. Немедленно окружены были пировавшіе князья. Дауры бросились—было вны въ городъ, другіе на утекъ, но всѣ были изрублены. Князья заперлись въ юртахъ и начали отстрѣливаться, но посланный отъ Хабарова уговорилъ ихъ сдаться со всѣми старщинами улусовъ. Плѣнные отведены были въ городъ, гдѣ, давъ на вѣрность присягу, обещались платить ясакъ съ тысячи человекъ. Князей Турунчу и Толгу оставили у себя аманатами, а Омутей и прочихъ выпустили съ тѣмъ, чтобъ они спокойно жили въ своихъ улусахъ. Три недѣли продолжался миръ и согласіе. Дауры снабжали Русскихъ съѣстными припасами, водили дружбу, но вдругъ

всѣ убѣжали. Хабаровъ рѣшился, было здѣсь зимовать, по-лишась возможности получать съѣстные припасы, долженъ былъ искать мѣста для зимнихъ квартиръ. Сожегши Толгинъ городокъ, взялъ съ собою князей и поплылъ далѣе. Князь Толга на другой день умертвилъ самъ себя.

Черезъ четыре дня приплыли они къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Амуръ пробивается между двумя хребтами; такія мѣста въ Сибири называются щекми. Черезъ эту тѣснину плылъ Хабаровъ двои сутки, а потомъ еще два дня до рѣки Сунгари-Ула, или по-тогдашнему Шунгала. Народъ, обитающій выше и ниже щекъ, называетъ онъ Гагулами. Отъ рѣки Сунгари-Ули простираются на недѣлю плаванія жилища Дучеровъ. За ними живутъ Ачаны. Гагулы и Дучеры занимаются земледѣіемъ и скотоводствомъ. Но Ачаны питаются рыбою. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ рѣшился остановиться на зимовку въ больномъ ачанскомъ улусѣ, отъ котораго до мѣчевьевъ Гиляковъ считалось 10 дней пути.

Хабаровъ построилъ здѣсь укрѣпленіе, которое назвалъ ачанскимъ городкомъ. Сюда перевезли все что было на судахъ; а какъ въ хлѣбъ чувствовали они недостатокъ, то и отправились 100 человекъ вверхъ по Амуру, 106 остались въ городѣ. Дучеры и Ачаны воспользовались этимъ раздѣленіемъ силъ; собравшись до 1000 человекъ, окружили городъ съ земли и стали зажигать его, но Хабаровъ вывелъ на вылазку 70 человекъ; подъ прикрытіемъ огня съ города изъ пушекъ и ружей, ударилъ на непріятеля и черезъ два часа обратилъ его въ бѣгство. Убитыхъ оказалось 117 человекъ; Русскіе потеряли только одного. Черезъ два дня послѣ сраженія, возвратилась посланная партія съ большимъ запасомъ хлѣба.

Въ продолженіе зимы, Русскіе укрѣпляли свой новый городъ и собирали ясакъ съ жителей. Между тѣмъ разбитые на Амурѣ туземцы просили помощи у манжурскаго хана, своего повелителя. Онъ приказалъ подвластному князьку Изиню собрать до двухъ тысячъ войска, по большей части коннаго, и взять Русскихъ живыхъ съ оружіемъ. Шестъ пу-

шекъ и 30 ружей безъ замковъ, но съ тремя и четырьмя стволами, нѣсколько глиняныхъ пинартъ, матишешныхъ пороховъ, для подорванія стѣнъ, были первыми огнестрѣльными орудіями, употребленными здѣсь противъ Русскихъ.

24 марта, рано по утру, когда наши удалцы еще спали, вдругъ пробудились они отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Эти звуки они слышали въ первый разъ на рѣкѣ Амурѣ, однако жъ вскорѣ пришли въ себя и стали отвѣчать непріятелю тѣмъ же. Осаждающимъ удалось сдѣлать проломъ и ворваться въ городъ, но, исполняя приказъ своего хана, захватить Русскихъ живыхъ, они сами были убиты, между-тѣмъ Хабаровъ поставилъ въ проломъ нѣдную пушку, изъ которой столь удачно дѣйствовалъ при помощи ружей, что Манжуры отступили отъ города. Послѣ того вышли на вылазку 150 человекъ и сперва взяли двѣ чугунныя непріятельскія пушки, стоявшія ближе къ городу, а потомъ ударили съ саблями въ рукахъ на тѣхъ Манжуровъ, которые стрѣляли изъ ружей. Они были сломлены и изрублены, а остальные бѣжали.

Такимъ образомъ 206 человекъ Русскихъ разбили двухтысячный корпусъ Манжуровъ, имѣвшихъ 6 пушекъ и ружья. Дѣло невѣроятное! Но храбрость и дисциплина всегда оказывали чудеса въ военномъ дѣлѣ. Мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ найдено 676; двѣ пушки, 17 ружей, восемь знаменъ, до 830 лошадей достались побѣдителямъ. Здѣсь уже нельзя сказать, что Русскіе имѣли на своей сторонѣ какой-нибудь вещественный перевѣсъ: оружіе съ обѣихъ сторонъ было равное. Превосходство въ силахъ было на сторонѣ Манжуровъ: они могли, какъ говорится, забросать Русскихъ шапками, но вѣроятно презирали слабыхъ противниковъ своихъ: это ихъ и погубило.

Блистательная побѣда не сдѣлала Русскихъ самонадеянными, а напротивъ показала, что они удалились отъ своихъ пособій. Путь въ Якутскъ лежалъ по рѣкѣ, на берегахъ которой обитатели—народы, не совсѣмъ еще покоренные и готовые сдѣлаться врагами при первой возможности. Хабаровъ рѣшился возвратиться въ Албазинъ и, дождавшись тамъ подкрѣпленія изъ Якутска, дѣйствовать съ новыми силами. По-

строено было несколько джамашковъ, на которыхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поплыли вверхъ по Амуру бичевою. Въ этомъ походѣ Русскіе погибли бы непременно: одно счастье спасло ихъ. На устьѣ рѣки Сунгары-Ула стояло 6,000 Манжуровъ и подданныхъ имъ народовъ; они посланы были съ тѣмъ, чтобъ не позволять Русскимъ укрѣпляться на Амурѣ и раззорять нестроенные ими города. Манжуры, узнавъ, что Русскіе вышли изъ Ачанскаго городка и тянутся вверхъ по Амuru, караулили ихъ въ удобномъ мѣстѣ. Хабаровъ не зналъ о томъ, но фортуна была на его сторонѣ. Сдѣлался попутный вѣтеръ, и русскіе суда прошли мимо устья Сунгары-Ула на парусахъ по срединѣ рѣки.

Выше шекъ, о которыхъ уже было сказано, встрѣтился Хабаровъ съ посланнымъ къ нему изъ Якутска подирьшленіемъ, отправленнымъ подъ командою казаковъ Чечегина и Петрадовскаго.

Чечегинъ зимовалъ на Амурѣ въ пустомъ Бембулаевомъ городѣ и въ началѣ весны, когда рѣка вскрылась, послалъ казака Ивана Нагибу съ 26 человеками внизъ по Амuru искать Хабарова. Нагиба на пути своемъ по островамъ оставлялъ записки о своемъ пребываніи, но впрямую ночью разсѣхался съ Хабаровымъ. Приключенія Нагибы занимательны.

На четвертый день плаванія, окружили его Дауры въ лодкахъ; конница стояла по берегамъ; однако жъ напасть на него не смѣли. Въ кочевьяхъ Натковъ сказали ему, что Хабаровъ въ нижнихъ странахъ Амура. Нагиба поплылъ далѣе. Черезъ три недѣли онъ принялъ въ землю Гиляковъ и былъ окруженъ ихъ лодками до такой степени, что не могъ идти ни назадъ, ни впередъ. Двѣ съ половиною недѣли стоялъ онъ на якорѣ посреди рѣки. Голодъ принудилъ его выйти на берегъ; убивши до 30 человекъ непріятелей, онъ пробился до ихъ юрты и, захвативъ сушившуюся тамъ рыбу, пошелъ на судно своемъ далѣе. На третій день онъ достигъ устья Амура. Идти назадъ вверхъ по рѣкѣ онъ не смѣлъ. Рѣшено было построить судно и плыть моремъ до устья рѣки Ульи, гдѣ стоялъ русской острожекъ. Тринадцать дней плыли они благополучно подлѣ береговъ, но сильнымъ вѣтромъ унесло ихъ

въ море и черезъ десять дней выквинуло на берегъ; судно разбилось и утонуло со всѣмъ имуществомъ и воинскими снарядами. Пять дней шли они по берегу, питаясь травою, ягодами, персиками и выброшенными изъ моря мертвыми тюленьями и моржами «и тѣмъ душу свою осквернили.» На устьѣ одной рѣчки построили они судно и пошли опять по морю до рѣчки Учальды, гдѣ встрѣтили Тунгусовъ и Гиляковъ, и тутъ остановились зимовать. Отсюда перебрались они на рѣку Тугуръ, впадающую въ Охотское море. Здѣсь обложивъ ясакомъ Тунгусовъ и построили тугурской острогъ. Нагиба оставилъ тутъ 20 человекъ своей команды, а самъ, съ 5 человекъ, спустился по Тугуру въ море и по немъ пришелъ къ устью Нантары. По этой рѣкѣ онъ поднялся до становаго хребта, перешелъ черезъ него на рѣчку Ваганъ. Здѣсь построилъ онъ судно, спустился въ рѣку Маи, потомъ въ Алданъ и наконецъ добрался до Якутска.

Мы привели это происшествіе, какъ образецъ твердости, терпѣнія и послушанія нашихъ предковъ, но подобныхъ прищровъ множество въ исторіи завоеванія Сибири. Завистники говорятъ, что одна корысть была двигателемъ нашихъ предковъ. Бѣдняжки, вы не имѣете понятія о русской удали. Русской, оградивъ себя знаменіемъ креста, бросается на смерть съ крикомъ: духъ смертей не будетъ, а одной не миновать, полковникъ или покойникъ! Гдѣ же тутъ корысть вещественная?

Съ новыми подкрѣпленіемъ, Хабаровъ смѣло продолжалъ путь вверхъ по Амуру, собирая ясакъ съ жителей; онъ рѣшился непременно поставить новый городъ протавъ устья рѣки Зей, но происшествіе, совсѣмъ неожиданное, помѣшало исполнить это намѣреніе.

Трое изъ сослуживцевъ его, Степанъ Поляковъ, Константинъ Ивановъ и Логинъ Васильевъ всбунтовались, подобравъ себя партію, лестью и угрозами, и, въ числѣ 136 человекъ, отправились внизъ по Амуру на трехъ дощанникахъ искать приключеній. Объ участи ихъ молчать архивныя бумаги; но есть основанія думать, что бѣглецы эти частію возвратились, частію побиты, и частію попались въ плѣнъ Маижу-

раць. Въ слѣдующихъ затѣхъ отпискахъ въ Якутскъ весьма часто упоминается о Русскихъ, живущихъ въ Богдойскихъ владѣніяхъ.

Такимъ образомъ, у Хабарова осталось 212 человекъ; онъ отложилъ намѣреніе построить новый городъ и пошелъ вверхъ по Амуру. Последнее его донесеніе въ Якутскъ было отъ 5 августа 1652 года. Хабаровъ просилъ подкрѣпленія и увѣрялъ, что 6,000 человекъ Русскихъ разобьютъ всякую даурскую армию и въ короткое время покорятъ всехъ здѣшнихъ народовъ. Но такого количества невозможно было собрать въ Якутскъ. Посланные отъ Хабарова отправлены были въ Москву, для личныхъ объясненій; но тамъ уже сдѣлано было распоряженіе по первымъ донесеніямъ якутскихъ воеводъ. На Амуръ назначенъ былъ князь Лобановъ-Ростовскій, а съ нимъ до 3,000 стрѣльцовъ и казаковъ. Хотя намѣреніе это не исполнено, однако жъ въ мартѣ мѣсяцъ 1652 года, посланъ былъ на Амуръ, предварительно для обозрѣнія, дворянинъ Дмитрій Зиновьевъ. Здѣсь кончаются подвиги знаменитаго Хабарова; можно только полагать, что вскорѣ послѣ отправленія посланныхъ въ Якутскъ, онъ ходилъ къ устью рѣчки Хамары, гдѣ заложилъ камарскій острогъ, бывшій потомъ главнымъ помѣщеніемъ Русскихъ на Амурѣ. Съ Хабаровымъ поступлено жестоко, какъ съ человекомъ, который ничего не сдѣлалъ и нанесъ важныя убытки казнѣ. Зиновьевъ дѣйствовалъ на Амурѣ самовластно. Ему поручено было объявить амурскимъ завоевателямъ царскую милость, раздать золотыя монеты, поощрить на новыя предпріятія и подкрѣпить ихъ свѣжими силами, порохомъ и свинцомъ, собрать полныя свѣдѣнія о тамошней странѣ, силахъ и средствахъ непріятеля, заготовить помѣщеніе и продовольствіе для 3,000 стрѣльцовъ и казаковъ, которые должны были отправиться туда подъ командою князя Лобанова-Ростовскаго.

Сообщеніе между Москвою и рѣкою Амуромъ тогда было самое трудное; посланные изъ Москвы въ Якутскъ вѣхали дѣлкій годъ, болѣею частью по рѣкамъ вверхъ противъ теченія. Зиновьевъ въ первое лѣто своего пути выбрался только на Лену и зимовалъ на Чечуйскомъ волокъ, ниже

ныбшнннго города Киренска. На слѣдующее лѣто продолжая плаваніе внизъ по Лѣнѣ, оставилъ команду свою на устьѣ рѣки Олѣкмы, съ тѣмъ чтобъ она поднялась сверху по этой рѣкѣ, а потомъ по Тусиру и на волокъ, гдѣ должно переходить чрезъ хребетъ на амурскія покати, построилъ острогъ, а самъ отправился далѣе въ Якутскъ.

Въ это время русская населенность по рѣкѣ Лѣнѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ была такъ ничтожна, что двѣ, три избы считались уже чѣмъ-то значительнымъ, за тысячу верстъ отъ нихъ стояли опять двѣ, три избы. Самая густая по-тогдашнему населенность была вѣхо отъ Лены по небольшой рѣкѣ Илимѣ, впадающей въ Анггару. Съ Лены пробирались на эту рѣку волокомъ, по Илимѣ спускались въ Анггару, потомъ въ Енисей. Отсюда волокомъ перебирались на рѣки, текущія въ Обь, и слѣдовали далѣе. Посланные изъ Якутска съ вѣстями въ Москву разглашали объ амурскихъ странахъ чудеса, показывали соболей, шелковое платье, тамъ пріобрѣтенныя, и воспламеняли воображеніе легковѣрныхъ. Можетъ-быть и нужно было хвастать, чтобъ привлечь на Амуръ болѣе народу. Илимъ и верховья рѣки Лены взволновались, побросали дома, женъ и дѣтей и пустились на благословенный Амуръ. Даже плотники, строившіе суда на рѣкѣ Кутѣ для князя Лобанова-Ростовскаго, бросили не конченное дѣло и ушли на Амуръ. За бѣглецами посылали погоню, но случалось и такъ, что преслѣдователи соединялись съ бѣглецами и шли на Амуръ. Зиновьевъ, оставя Якутскъ, пошелъ вверхъ по Лѣнѣ и въ устьѣ рѣки Олѣкмы на острову нашелъ 100 человекъ бѣглецовъ: онъ долженъ былъ присоединить ихъ къ командѣ своей.

Зиновьевъ выбрался на Амуръ въ августъ мѣсяцъ и нашелъ Хабарова съ партіею на устьѣ рѣки Зеи. Уполномоченный царскою властію и 200 человекъ команды, онъ сталъ поступать самовластно и круто. Во-первыхъ оподозрилъ Хабарова въ утайкѣ царскаго ясака, требовалъ отъ него отчета и дерзость свою простеръ до того, что плевалъ Хабарову въ лицо, драгъ за бороду и вооружалъ противъ себя товарищей героя. Но, наконецъ, главнѣйшею причиною неудѣ-

вольствій была то, что онъ возложилъ на команду Хабарова обязанность построить три городка: первый на устьѣ рѣки Урки, второй на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ князь Лавкай, а третій на устьѣ рѣки Зея; требовалъ, чтобъ занялись земледѣліемъ и приготовили хлеба для той команды, которая придетъ съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Можно ли было притужать къ труду и осѣлости людей, привыкшихъ жить на чужой счетъ! Наконецъ Зиновьевъ оставилъ въ тугирскомъ острогѣ порохъ и свинецъ, въ которыхъ терѣли на Амурѣ страшную нужду. Кончивъ свои дѣла, Зиновьевъ поѣхалъ обратно и чтобъ разомъ уничтожить на Амурѣ духъ партій, онъ взялъ съ собою любимаго вождя Хабарова, едва ли не сжованнаго, и потому представилъ его въ Москву, гдѣ несчастный былъ хотя оправданъ и пожалованъ сыномъ боярскимъ, но его не возвратили на Амуръ, а сдѣлали прикащикомъ Государевымъ надъ поселеніями по рѣкамъ Илему и Лейѣ. Хабаровъ погребенъ въ илимскомъ острогѣ. Потомки его служатъ въ Сибири, а поселеніе, гдѣ онъ занимался земледѣліемъ и торговлею, и теперь называется Хаборово.

Въ бумагахъ якутскаго архива попадаются иногда свитки, объясняющіе характеръ и нѣкоторые черты изъ жизни Хабарова. Можно полагать навѣрное, что онъ зналъ грамоту, обладалъ физическими силами; имѣлъ твердую непреклонную волю, не любилъ противорѣчій и къ убѣжденіямъ слова иногда прибавлялъ дубину. Любилъ прекрасный полъ и былъ богатъ. Точно таковъ былъ и Кортецъ, завоеватель Мексики. Въ необыкновенные люди нивѣли сильныя страсти и величайшее благоразуміе. Наши Европейцы улыбаются сравненію Хабарова съ Кортцомъ. Какъ можно уподоблять, скажутъ они, героя, въ богатомъ испанскомъ одѣяннѣ, мужику, одѣтому въ бархатный кафтанъ, подпоясанный шелковымъ кушакомъ, и въ себолиной шапкѣ. Важность не въ одеждѣ, а въ головѣ. Конечно Кортецъ, сынъ благородныхъ родителей, превосходилъ образованіемъ какого-нибудь устюжскаго крестьянина, но умъ даетъ намъ Богъ, а не порода или воспитаніе; школа свята есть лучшее образованіе природнаго ума. Дѣло въ томъ, что характеръ Кортца и его под-

дѣла описаны подробно, а матеріалы для жизнеописанія нашего героя скрываются въ истлевшихъ бумагахъ якутскаго архива, откуда понемногу выказываются на свѣтъ. Кортца знаетъ вся модная Русь, а кому изъ нихъ извѣстенъ Хабаровъ? Если подвиги Хабарова не произвели выгодныхъ послѣдствій для государства, онъ не виноватъ въ этомъ. Ему не позволили кончить дѣла, важность котораго онъ понялъ и при ничтожныхъ средствахъ сдѣлалъ блестящіе успѣхи. Потомство должно внести этого человѣка въ списокъ великихъ людей и благоговѣть при воспоминаніи объ немъ.

Командующимъ на Амуръ сдѣланъ Онофрій Степановъ; о происхожденіи и званіи этого человѣка молчатъ тогдашнія дѣловые бумаги. Мы не находимъ въ нихъ даже имени казака, но всѣ отправляемые на Амуръ называются или стрѣльцами или служилыми людьми, охотими и промышленными. Былъ ли Степановъ стрѣлецъ, или просто охотій, пришелъ ли онъ съ Зиновьевымъ или съ Хабаровымъ, только имя этого человѣка достойно памяти. Онъ былъ герой, не уступающій ни въ чемъ предметнику своему Хабарову.

Первымъ подвигомъ Степанова былъ походъ внизъ по Амuru; на рѣкъ Сунгари-Ула досталъ онъ хлѣба и расположился зимовать въ землѣ Дучеровъ. Здѣсь построили новыя суда и, когда рѣки вскрылись, пошли вверхъ по Амuru и поворотили въ рѣку Сунгари-Ула, гдѣ Русскіе еще не были. Три дня шли вверхъ на парусахъ, какъ вдругъ окружили ихъ съ воды и съ берега Манжурь. Степановъ не оробѣлъ, но приказалъ сдѣлать залпъ по судамъ непріятельскимъ. Манжурь ретировались немедленно. Степановъ, не имѣя ни пороху, ни свинцу, не смѣлъ напасть на двухъ-тысячный корпусъ, стоящій на берегу, почему и долженъ былъ спуститься по Сунгари-Ула въ Амуръ.

Въ продолженіе этого лѣта ничего важнаго не сдѣлано: партія нуждалась въ хлѣбѣ и воинскихъ припасахъ. Между-тѣмъ Русскіе пробрались на Амуръ другимъ путемъ, гораздо кратчайшимъ и удобнѣйшимъ. Сотникъ Петръ Бекетовъ по рѣкамъ Енисею и Ангартъ пришелъ на озеро Байкалъ, переплылъ черезъ него и, поднимаясь далѣе по Селенгѣ, вошелъ

въ рѣку Чикой, съ вершинъ которой перебрался на рѣку Ингоду, а по ней спустился въ Амуръ. Здѣсь, въ 1654 году встрѣтился онъ со Степановымъ, и оба остановились зимовать въ камарскомъ острогѣ, раззоренномъ по уходѣ Хабарова туземцами *.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, Степановъ началъ укрѣплять свой городокъ. Сдѣланъ былъ четырехъ-угольный валъ съ быками по угламъ (батареями). Земля была уже мерзла, но ее раставляли разведенными на ней огнями, рубили кирками и носили на валъ. Ниже вала былъ ровъ глубиною въ сажень, а шириною въ двѣ сажени. Все пространство около него усыпано было чеснокомъ: то были желѣзные колючки съ шестью ножками или спицами; брошенная на землю, она становилась на три ножки, а три остальные торчали и вонзались въ ноги лошадямъ и людямъ. Чеснокъ засыпали слегка древесными листьями или рыхлою землею. На дѣланіе его употреблены копейцы изъ непріятельскихъ стрѣлъ, или кибиріи. Внутри города сдѣлано было изъ земли возвышеніе раскатами на всѣ стороны, тутъ поставлены пушки, изъ которыхъ можно было стрѣлять черезъ валъ въ непріятеля. Выкопанъ колодезь и отъ него проведены желоба во всѣ стороны, на случай пожара. На валу стоялъ двойной частокъ, съ насыпаннымъ внутри крупнымъ пескомъ.

13 марта 1655 года, пришелъ подъ городъ десятитысячный корпусъ Манжуровъ, съ 15 пушками и другими огневыми снарядами, лѣстницами, баграми, дегтемъ, соломою, щитами, обитыми войлоками и кожею и т. п.

Русскихъ было не больше 500; 20 человекъ, строившіе суда внѣ крѣпости, были пойманы непріателемъ и убиты. Вышедшіе на первую вылазку подверглись той же участи, дорого продавши свою жизнь.

Манжуры построили передъ городкомъ двѣ батареи и кромѣ того поставили на утѣсь другаго берега Амура пушки,

* Рѣка Хумаръ-бира впадаетъ въ Амуръ съ правой стороны ниже Албазина. Она приходится на половинѣ пути между Албазиномъ и устьемъ рѣки Джн.

в 20 марта открыли стрельбу на городу, но вреда ихъ никакого не сдѣлали, почему и рѣшились взять городъ штурмомъ. Ночью на 25 марта они пошли на приступъ, сраженіе продолжалось до разсвѣта безъ успѣха для осаждающихъ. Они отступили въ свой лагерь, а Русскіе, сдѣлавъ вылазку, многихъ убили и отняли двѣ пушки и несколько мѣшковъ съ перехомъ.

Этотъ поступокъ, столь отважный, произвелъ большое вліяніе на Манжуровъ: они отступили отъ города въ свой лагерь, откуда стрѣляли по городу на удачу, вѣроятно для того, чтобъ осажденные не забывались. 4 апрѣля Манжуры удалились во-своихъ, не сдѣлавъ ничего, но потерявъ множество народу и оружія.

По уходѣ непріятеля, Степановъ послалъ собранный лѣсъ уже не черезъ Якутскъ, какъ бывало прежде, но прямо въ Москву, по рѣкамъ Ингодъ, Сазеньгъ, черезъ Байкаль и такъ далѣе. Обстоятельство это имѣло въслѣдствіи большое вліяніе на дѣла амурскія. Якутскіе воеводы стали чуждаться Даурии, какъ не принадлежащей ихъ вѣдомству. Тщетно завоеватели просили у нихъ подкрѣпленій, воеводы молчали; писали въ Москву, но бумаги ихъ доходили туда черезъ годъ.

Якутскъ думалъ однако жъ о Даурии: тамошніе соборы нравились воеводамъ, но Степановъ, посаженникъ Зиновьева, былъ имъ не по сердцу. Чтобъ вознаградить сколько-нибудь пропавшее, они послали 50 человекъ, подъ командою сына боярскаго Федора Пушина на рѣку Аргунь, для покоренія Тунгусовъ, тамъ обитающихъ. Артель эта не имѣла никакихъ успѣховъ: на рѣкѣ Уркѣ потонуло ихъ судно съ воинскими и съѣстными припасами. Однако жъ Пушинъ добрался до Аргуни и въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка эта соединяется съ Шилькою, построилъ лѣтнее жилище; живущіе по берегамъ рѣки Тунгусы все разбѣжались. Пушинъ подвигался далеко вверхъ по Аргуню, однако жъ не встрѣтилъ ни одной души. Въ съѣстныхъ припасахъ оказался недостатокъ, и вся артель положила отправиться на Амуръ къ Степанову, котораго и нашли они на устьѣ рѣки Сунгари-Ула.

Оба предводителя пошла вверхъ по этой рѣкѣ и получили въ добычу множество хлѣба, однако жъ далеко углубляться не рѣшились, но выплыли на Амуръ и пошли къ Гилякимъ. Хотя этотъ народъ обложенъ былъ ясакомъ еще Поярковымъ, но Хабаровъ не былъ въ землѣ ихъ, а присылаемые изъ Якутска казаки черезъ Охотскъ поступали съ туземцами столь несправедливо, что Гиляками были не разъ умерщвляемы. Для прочаго утвержденія русской власти, Степановъ построилъ здѣсь острогъ; который называлъ косогорскимъ. Отказавшихся отъ повиновенія Гиляковъ и Дучеровъ, которые, предъ прибытiемъ Степанова, убили 30 человекъ охотскихъ казаковъ, наказалъ и привелъ въ послушанiе; собралъ съ нихъ ясаку 120 сороковъ и наступившею весною пошелъ обратно вверхъ по Амуру. Пушнинъ, въ отпискѣ своей въ Якутскъ, говоритъ, что теперь на Амуръ только съ однихъ Гиляковъ можно собирать ясакъ, и если верхняя страна Амура отойдетъ отъ Россiи подъ власть Китая, за то нижняя останутся за нами, потому-что Гиляки народъ независимый и никогда не платилъ ясаку владѣльцамъ амурскимъ.

Изъ отписки Пушнина видно, что жители береговъ Амура были частiю разворованы сборомъ ясака и съѣстныхъ припасовъ партiями Русскихъ, частiю разбѣжались, а остальные, по распоряженiю правительства, переселены во внутренность Манчурiи. Благословенный Амуръ опустѣлъ: куда не приставали Русскiе, вездѣ находили сожженные жилища туземцевъ, и наши завоеватели должны были привѣяться за соху, чтобъ не умереть съ голода. Безпорядки эти произведены не столько партiями Хабарова и Степанова, сколько багальми съ Илимъ и другихъ рѣкъ сибирскихъ, привлеченными на Амуръ слухами о богатствахъ, напримѣръ, въ 1655 году, братья Михайло и Яковъ Сорокины набрали самовольно партiю бѣглецовъ въ Верхотенскъ и на Илимъ и, въ числѣ 300 человекъ; отправились внизъ по Лесѣ къ устью рѣки Обѣкмы; по дорогѣ они грабили и разворовали все, что имъ попадалось. Они успѣли пробраться на Амуръ, но здѣсь погибли частiю отъ стрѣлъ туземцевъ, частiю умерли съ голо-

да. Можно судить, какимъ неистовствамъ предавалась на Амурь такая ватага людей, которая не щадила своихъ единовърцевъ и соотечественниковъ.

Пушинъ отправился въ Якутскъ, а Степановъ пошелъ на легкомъ суднѣ вверхъ по Сунгарь-Ула, но вездѣ встрѣчалъ одну пустоту. Степановъ писалъ, что онъ не знаетъ, какъ продовольствовать свою команду, и готовъ оставить Амурь. Отправляя съ сотникомъ Бекетовымъ ясакъ, подъ прикрытіемъ 50 человекъ, просилъ чтобъ людей этихъ къ нему не возвращали.

Между-тѣмъ Зиновьевъ прибылъ въ Москву съ радостными вѣстями. Амурь обратилъ вниманіе правительства. Степанову послана милостивая грамота, но она принесла мало пользы: завоеватели нуждались въ существенномъ.

Въ Москвѣ рѣшено было учредить въ Дауріи прочное управленіе: избранъ былъ енисейскій воевода Афанасій Пашковъ, заслужившій умными своими распоряженіями любовь народа и вниманіе начальства. Онъ писалъ въ Москву, что на рѣкѣ Шилькѣ нужно построить укрѣпленіе, которое бы служило основаніемъ военнымъ дѣйствіямъ въ цѣлой Дауріи. Такимъ образомъ можно приобрести второе Сибирское царство. Мысль его одобрена, и Пашковъ отправился на Амурь съ тѣмъ, чтобъ принять начальство отъ Степанава, построить на Шилькѣ городъ. Оружіемъ и порохомъ приказано было снабдить его изъ Тобольска; съ нимъ было служилыхъ, охотчухъ и промышленныхъ 566 человекъ. Онъ шелъ сперва вверхъ по Ангарѣ, потомъ чрезъ Байкаль, потомъ вверхъ по рѣкѣ Селенгѣ, изъ нее поворотилъ въ рѣку Хилокъ и появился до иргеньскаго острога. Отсюда сухимъ путемъ перешелъ на рѣку Ингоду, а ею вышелъ въ рѣку Шильку и при устьѣ рѣчи Нерчи основалъ въ 1658 году нерчинскій острогъ. Между-тѣмъ провіантъ и военные припасы отправлены были по старой дорогѣ Леною и Олѣкмою; провожавшіе не торопились въ пути, безпрестанно ожидая, что Пашковъ ихъ догонитъ. Они захвачены были морозомъ на рѣкѣ Олѣкмѣ. Хорошо, что Пашковъ, зимую на Ангарѣ въ братскомъ острогѣ, приказалъ доставить себѣ 225 четвертей муки изъ Илимска.

Военные припасы изъ Тобольска не приходили, тогда вспомнили о порохѣ, зарытомъ Зиновьевымъ въ тугирскомъ острогѣ. Хабаровъ посланъ былъ съ Лены для указанія мѣста, но тамъ найденъ былъ только деревянный крестъ, съ объясненіемъ, что порохъ взятъ былъ партией Сорокина, бѣжавшаго на Амуръ.

Изъ Нерчинска послалъ Пашковъ 30 человекъ на Амуръ къ Степанову съ тѣмъ, чтобы ему объявить о главномъ своемъ начальствѣ и о присылкѣ къ нему въ Нерчинскъ 100 человекъ, а съ остальными чтобы приступилъ къ постройкѣ города Албазина. Но Степановъ не въ состояніи былъ исполнить приказанія. Этотъ герой увлекался уже рокомъ своимъ. Духъ неповиновенія оказался между его подчиненными: недостатокъ пропитанія и добычи разочаровали многихъ. Партии самовольныхъ пришлецовъ разбѣвали заразу, исчезло единодушіе и стремленіе къ одной цѣли, каждый думалъ о себѣ.

Къ довершенію несчастія Манжуры на 47 лодкахъ окружили Степанова ниже устья рѣки Сунгарь-Ула. Хотя Русскихъ было около 500 человекъ, но это было уже не тѣ герои, которые безбоязненно ударили на десяти-тысячный корпусъ Манжуровъ и заставили ихъ съ большою потерей отступить въ укрѣпленный лагерь. Теперешніе товарищи Степанова частію бѣжали до начала сраженія, другіе добровольно сдались Манжурамъ, и Степановъ съ 270 вѣрныхъ пропалъ безъ вѣсти. Неизвѣстно, палъ ли онъ на сраженіи или захваченъ въ плѣнъ. Бѣглецы сообщили только вѣсть о началѣ битвы и потерянныхъ 80 сорокахъ соборей. 180 человекъ изъ нихъ встрѣтился съ посланнымъ отъ Пашкова, отняли у нихъ провіантъ и прогнали въ Нерчинскъ, а сами пустились опять внизъ по Амуру и зимовали на устьѣ его у Гиляковъ, гдѣ собрали ясаку 18 сороковъ. Весною пошли въ камарской острогъ и дорогою присоединились къ нимъ 47 человекъ изъ ушедшихъ отъ Степанова. Тутъ раздѣлились они на двѣ партіи: 107 человекъ пошли на Лену и разбрелись по домамъ своимъ, кромѣ семи человекъ, доставившихъ ясакъ въ Якутскъ, а потомъ въ Москву. Оставшіеся

120 человекъ въ северномъ острогѣ пошла на рѣку Засо и тамъ разсѣялись. Нѣкоторые изъ нихъ въ 1666 году пришли въ Якутскъ, а остальные явились изъ Цашкову съ покарвою головою въ иргенскій острогъ. Цашковъ послалъ было изъ съ сыномъ своимъ противъ ослушныахъ Тумусовъ, но они лишь вышли на Ингоду, тотчасъ составили заговоръ. и ночью ушли внизъ по рѣкѣ на плотахъ. Въ Нерчинскъ они захватили судно и на немъ вышли на Амуръ, и сухимъ путемъ отправились на Лену. Тамъ встрѣтилъ ихъ сынъ боярскій Толбузинъ, ѣхавшій на смѣну Цашкова: онъ повелъ ихъ обратно.

Послѣ раббтїя Степанова Амуръ былъ совершенно оставленъ Русскими; о завоеванїи его перестали уже и думать, какъ вдругъ неожиданное происшествїе заставило обратить вниманїе на эту рѣку.

Въ киренскій острогъ на рѣку Лену съѣзжались купцы и промышленники торговать. Для сбора съ нихъ десятинной пошлыны, суда и расправы прїѣзжалъ обыкновенно ближайшїй воевода изъ Илимска. Въ 1655 году лѣтомъ воевода Обуховъ, кончивъ свои дѣла, возвращался по рѣкѣ Ленѣ въ Илимскъ, на него напали разбойники, ограбили и убили.

Полякъ Никифоръ Черниговскій, бывшїй въ послѣднее время смотрителемъ устькутскаго солотовареннаго завода, былъ атаманомъ этихъ разбойниковъ. Опасаясь наказанїя, онъ съ шайкою своею пустился по Олкъмъ на Амуръ, куда пришелъ уже пѣшкомъ зимою. Партїя его состояла изъ 84 человекъ. Города, построенные Русскими на Амурѣ, были всѣ разорены Манжурами, и Черниговскій рѣшился возобновить Албазинъ. Построивъ острогъ, онъ сталъ собирать ясакъ съ тѣхъ жителей, которыхъ могъ отыскать, и послалъ его въ Нерчинскъ, гдѣ впрямую не знали о сдѣланномъ имъ смертоубїйствѣ. Въ 1671 году заложенъ недалеко отъ Албазина, на брусняномъ камнѣ, монастырь во имя Спаса. Въ 1672 и 73 году перенесено сюда нѣсколько крестьянъ изъ Нерчинска и началось производиться земледѣліе.

Устроивъ дѣла свои, Черниговскій отправилъ челобикную въ Москву, подписанную 101 человекомъ о прошенїи. По

первому пригнатору, Черниговскій съ сыномъ и семью заговорщиками осужденъ на смерть, а 46 человекъ его шайки на жестокое телесное наказаніе. Но два дня спустя объявлено имъ прощеніе и послано 2,000 рублей награжденія. Но чтобъ упрочить наши поселенія на Амурь, отправленъ былъ изъ Москвы посланникомъ къ манжурскому хану переводчикъ высочайшаго приказа Грекъ Спафаріи. Онъ дозвжалъ только до города Цицикара, стоящаго на рѣкѣ Нонни, до-тогдашнему Мауни. Кажется, онъ призвалъ наше обладаніе Амуромъ неправильнымъ, это доказывается тѣмъ, что на возвратномъ пути онъ посылалъ изъ Нерчинска наказныя памяти въ Албазинь, чтобъ ни по Амuru, ни по рѣкѣ Джи водою не плавали и съ живущихъ Тунгусовъ ясаку не требовали, а въ Албазинѣ жила спокойно, остерегаясь нападенія Манжуровъ. Спафарій вѣроятно убѣдился, что съ силами столь ничтожными трудно нашимъ ратовать противъ народа многочисленнаго.

Но прежде полученія этого приказанія, Русскіе вострономъ уже ясачное зимовье при устьѣ рѣчки Гимоя, въ Джи впадающей, а потомъ основали свои заведенія и на рѣкѣ Сакшанжъ, впадающей въ Джи, такъ что въ этой сторонѣ было несколько русскихъ острожковъ. Успѣхъ былъ значителенъ, потому-что слабыя тунгускія племена, здѣсь кочевавшія, не смѣли противиться Русскимъ.

Въ это же время упоминается о какомъ-то городѣ Аюихунь, построенномъ кѣмъ-то на сѣверномъ берегу Амyра, на полдня пути ниже устья рѣки Джи. Онъ обведенъ былъ землянымъ валомъ длиною въ 400, а шириною во 100 сажень. По срединѣ была цитадель. Кто основалъ этотъ городъ и почему онъ оставленъ, свидѣній нѣтъ. Вѣроятно дѣло идетъ о манжурскомъ городѣ Айгунь.

Въ 1681 году нерчинскій воевода Воейковъ послалъ въ Албазинь сына боярскаго Никифора Сьнотрусова съ тѣмъ, чтобъ онъ набралъ тамъ партію охотниковъ и съ ними отправился бы внизъ до Амyра до устья, осмотрѣлъ бы морскіе берега и наложилъ бы ясакъ на тѣ народы, которыхъ най-

деть. Сънотрусовъ набралъ въ Албазинъ 18 человекъ, но чѣмъ кончилось это предпріятіе не извѣстно.

Городъ Албазинъ зависѣлъ тогда отъ нерчинскаго воеводы, который посылалъ туда управителей, и хотя строго наказывали имъ удерживать всѣхъ желающихъ распространять русскую власть на Амуръ, чтобъ сохранить миръ съ Манжурами, но партіи безпрестанно разъѣзжали по рѣкамъ, грабили и тревожили обывателей, а весьма часто и сами пропадали. Между-тѣмъ Манжуры не покидали мысли вытѣснить новыхъ пришлецовъ изъ владѣній своихъ. Они укрѣпили городъ свой Айгунъ и начали собирать въ немъ войско. Въ это время послана была изъ Албазина партія, подъ командою Григорья Мыльникова, на смѣну служившей въ острожкѣ на одной изъ рѣкъ, въ Амуръ впадающихъ. Партія эта дошла только до города Айгуна. Здѣсь окружили ее до 300 судовъ. Русскіе должны были пристать къ берегу. Манжурскій воевода позвалъ къ себѣ Мыльникова, для переговоровъ, и задержалъ его. Товарищи частію сдались, частію разбѣжались по лѣсамъ. Мыльниковъ приведенъ былъ въ Пекинъ и принятъ ласково и, какъ человекъ предпримчивый, тотчасъ предложилъ китайскому правительству проектъ о постройкѣ русскихъ мельницъ и мыловарни, но, чуждые всѣхъ нововведеній, Китайцы едвали уважили это предложеніе.

Въ это время Манжуры владѣли уже Китаемъ, и ханъ ихъ царствовалъ въ Пекинѣ. Жалобы изъ Манжуринъ на раззореніе, претерпѣваемое отъ Русскихъ, тревожили правительство; пекинскій дворъ утвердилъ мнѣніе выжить Русскихъ съ Амура вооруженною рукою, но сперва послали въ Албазинъ уважительную грамоту, чтобъ Русскіе сдались добровольно. Въ Айгунъ наши переметчики и плѣнные перевели грамоту на русской языкъ и въ этомъ видѣ передали ее въ Албазинъ. Управитель прочелъ грамоту вслухъ, однако жъ никто не прельстился на обѣщанія Китайцевъ, но всѣ клялись защищать городъ до послѣдней капли крови.

Хотя Албазинцы безпрестанно писали въ Нерчинскъ, Енисейскъ и Тобольскъ о присылкѣ имъ помощи, но первый городъ былъ тогда весьма малолюдень, а два послѣдніе от-

стояли на большое пространство и не могли вскорѣ исполнить требованія. Въ Москвѣ тоже разсуждали о трудномъ положеніи города, столь далеко высунувшагося въ чужія владѣнія. Рѣшено было во-первыхъ усилить власть его, а во-вторыхъ послать туда регулярный полкъ изъ казаковъ и охочихъ, набранныхъ въ Сибири. Въ Албазинѣ учреждено воеводство и данъ городу гербъ, изображающій орла съ распростертыми крыльями, въ лѣвой ногѣ у него лукъ, а въ правой стрѣла. Воеводою сдѣланъ Алексѣй Толбузинъ; онъ привѣхалъ въ Албазинъ 1684 года. Для образованія регулярнаго полка, посланъ былъ въ Сибирь пѣвннй Нѣмецъ Афанасій Фонъ Бейтонъ, служившій прежде въ польскомъ войскѣ. Шестисотный полкъ былъ набранъ въ Тобольскѣ и съ артиллерією, ружьями, порохомъ и прочими снарядами отправленъ водою. Все это медленно подавалось впередъ, а между-тѣмъ Манжуры сперва истребили всѣ острожки, построенныя Русскими, жителей увели въ плѣнъ, а въ 1685 году подступили и подъ Албазинъ. Сто судовъ, по 50 человекъ на каждомъ, приплыли по рѣкѣ, а 10,000 человекъ пришли сухимъ путемъ. Полевой артиллеріи было 100 пушекъ и 50 большихъ осадныхъ.

Воевода манжурской прислалъ въ Албазинъ отъ имени своего хана три грамоты: одну на манжурскомъ, другую на польскомъ, а третью на русскомъ языкѣ съ увѣщаніемъ, если Русскіе сдадутъ городъ добровольно, то будутъ приняты благосклонно. Двое Русскихъ, перебѣжчиковъ, исправляли должность переговорщиковъ. Осажденные не отвѣчали: Манжуры открыли пальбу по городу.

Воевода Толбузинъ собралъ изъ окрестныхъ деревень всѣхъ жителей и сожегъ обывательскіе дома, стоящіе за городомъ. Всѣхъ людей было у него 450 человекъ, 3 пушки и 300 ружей. Съ этими ничтожными средствами онъ рѣшился обороняться отъ 15,000 корпуса.

Въ первые два дня потеряли осажденные болѣе 100 человекъ. Стѣны и башни были сильно повреждены. Наконецъ порохъ и свинецъ весь вышелъ; обороняться не было возможности. Иеромонахъ Спасскаго монастыря и священникъ го-

русской церкви съ обывателями стали просить воеводу Толбузину, чтобъ предложилъ китайскому командующему войсками о сдачѣ города и свободномъ пропускѣ жителей въ Нерчинскъ. Китайцы воззвали сперва всѣхъ жителей въ свой лагерь и тутъ уговаривали ихъ передаться; но этотъ вызовъ подѣйствовалъ только на 25 человекъ, остальные, отдавъ все имущество свое Китайцамъ, пошли въ Нерчинскъ. Въ числѣ добровольно перешедшихъ къ Китайцамъ былъ ерфольно и священникъ, можетъ-быть онъ согласился на просьбы нашихъ перебѣжчиковъ; но какъ бы то не было, а поклѣнїе русскаго священника до-сихъ-поръ продолжается въ Пеннѣ, между солдатами русской сотни, взятыми въ плѣнъ на Амурѣ.

Вышедшіе изъ Албазина встрѣтили на другой день 100 человекъ съ двумя мѣдными и тремя чугунными пушками, съ 300 ружей и принадлежностію. Это подкрѣпленіе послалъ изъ Нерчинска воевода Власовъ. Китайцы наблюдали за Русскими версты 200, до послѣднихъ албазинскихъ деревень.

Послѣ этого происшествія, столь невыгоднаго для Русскихъ, казалось, что мы потеряли опять Амуръ на-всегда, но воевода нерчинскій не такъ думалъ.— Не далѣе какъ черезъ мѣсяць онъ послалъ 70 человекъ, на легкихъ стругахъ, провѣдать, что дѣлается на Амурѣ. Посланные возвратились съ извѣстіемъ, что Албазинъ и русскія деревни сожжены, а посвященный хлѣбъ стоялъ на пашняхъ: его насчитали болѣе 1,000 десятинъ. Между-тѣмъ собрался въ Нерчинскъ и полкъ Афанасья Бейтона. Воевода Власовъ отправилъ предварительно на мѣсто, гдѣ былъ Албазинъ полковника Бейтона съ 200 человеками, а за нимъ пошли многіе изъ прежнихъ жителей съ тѣмъ, чтобъ сперва сжать созрѣвшій хлѣбъ, а потомъ построить городъ съ лучшими противъ прежняго удобствами. Толбузинъ, по желанію обывателей, назначенъ былъ опять воеводою, а Бейтону велено быть подъ его начальствомъ. Всѣхъ, отправившихся въ Албазинъ, было 674 человекъ, пять пушекъ мѣдныхъ и три чугунныя.

Въ августѣ мѣсяцѣ пришелъ Толбузинъ на мѣсть. Сперва

принадлець явить хлѣбъ, а почему строить городъ. Решено было вырыть колодезь, но воды не оказалось, почему городъ хотѣли переставить на другомъ мѣстѣ, однако жъ удобнѣе прежняго не нашли. Сдѣлали валъ изъ дерна глины и корней, вышиною въ три, а въ основаніи въ четыре сажени. Построили домъ для воеводы и нѣсколько домовъ въ крѣпости. Засѣяно нѣсколько десятинъ хлѣба, но успѣху работъ мѣшала недостатокъ желѣза! Его доставили изъ Телембиска, за нѣсколько сотъ верстъ.

Осенью показались легкіе отряды Манжурозъ, въ Албазинъ пришло нѣсколько Тунгусовъ съ ласкомъ, но это были лазутчики, подосланные Манжурами.

Толбузинъ откомандировалъ полковника Бейтона на устье рѣки Камары съ тѣмъ, чтобъ тайно присматривать за движеніями Манжуровъ и стараться *достать языкъ*. Вскорѣ появился небольшой отрядъ, но онъ бѣжалъ при видѣ Русскихъ. Бейтонъ преслѣдовалъ его и съ большимъ трудомъ схватилъ одного человека: Манжуры оборонялись отчаянно. Пленный показалъ, что они посланы для наблюденія, что дѣлается въ Албазинѣ. Манжуры намѣрены осадить этотъ городъ, не прежде однако жъ весны 1687 года, а между-тѣмъ осенью легкіе ихъ разъезды будутъ препятствовать Русскимъ убирать хлѣбъ. Что Манжуры построили новый городъ на Амурѣ ниже устья рѣки Жи на день пути*. Вся армія, пришедшая изъ-подъ Албазина въ прошломъ году, стоитъ тамъ. Въ городѣ 30 пушекъ, но мелкаго огнестрѣльнаго оружія мало. Назначено построить другой городъ на рѣкѣ Нонни (Наунь), впадающей въ Сунгари, но къ работамъ еще не приступили.

Въ іюль мѣсяцъ Манжуры подступили опять подъ Албазинъ. Пѣхота приплыла на 150 судахъ, а конница въ числѣ 3,000 пришла берегомъ. Русскіе убрались въ городъ, а для защиты выкопали землянки. У Толбузина было всего на все 736 человекъ, однако жъ онъ рѣшился противустать Манжурамъ и немедленно далъ знать о положеніи своемъ въ Нерчинскъ.

* Изъ-лучъ-донецъ-челъ, онъ стоитъ и теперь.

Манжуры прикрыли себя частоколмъ, позади котораго на-мѣтали много срубленнаго сыраго лѣсу. Но это укрѣпленіе сгорѣло отъ каленыхъ ядеръ, пушенныхъ съ крѣпости, а на-валенный сырой лѣсъ взорванъ подкопомъ. Послѣ этого сдѣлали они вокругъ Албазина валъ и на немъ поставили до 30 пушекъ. До перваго сентября продолжалась только ко-нонада, въ этотъ же день они ходили на приступъ, но от-биты съ большимъ урономъ. Послѣ того Русскіе пять разъ выходили на вылазку и много непріятелей убили, и въ плѣнь взяли. Между-тѣмъ, отъ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеній въ землянкахъ, появилась цынга и поразила болѣе нежели не-пріятель. Но главная потеря осажденныхъ была та, что храб-рый ихъ воевода Толбузинъ убитъ ядромъ въ концѣ сен-тября. Послѣ него принялъ начальство полковникъ Бейтонъ.

Въ бумагахъ тогдашняго времени описывается Бейтонъ *навычнымъ ратному дѣлу и zelo хитрымъ*. Въ самомъ дѣлѣ онъ успѣлъ съ горстью людей сдѣлать ничтожными всѣ по-кушенія многочисленной манжурской арміи. Въ концѣ ноября начались морозы, и осада перемѣнена въ облежаніе. 6 мая 1787 года непріятель отступилъ отъ города на 4 версты, и осажденные могли свободно выходить изъ города и посылать отписки въ Нерчинскъ. Манжуры вызвались прислать въ Албазинъ своихъ лекарей для леченія больныхъ, лишь бы имъ объявили о числѣ страждущихъ, но Бейтонъ отвѣчалъ, что команда его здорова и ни въ чемъ не нуждается, въ удо-стовѣреніе чего и послалъ манжурскому воеводѣ пирога въ-сомъ въ пудъ. Хотя у Бейтона осталось въ живыхъ только 60 человекъ, а 600 погибли отъ жестокой цынга, но онъ не терялъ бодрости.

Наконецъ въ августъ мѣсяцъ Манжуры удалились въ свои мѣста, а Русскіе принялись за пашни.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій произошло отъ начавшихся переговоровъ между дворами московскимъ и пекинскимъ. Въ 1685 году отправленъ былъ изъ Москвы канцеляристъ посольскаго приказа Никифоръ Венуковъ, а за нимъ другой канцеляристъ Иванъ Логиновъ съ извѣстіемъ, что нашъ по-солъ выѣхалъ уже изъ Москвы. Въ слѣдствіе этого послѣдо-

валъ указъ китайскаго богдыхана о выводѣ всѣхъ войскъ, расположенныхъ около Албазина.

Предложеніе о мирѣ сдѣлано со стороны московскаго двора. Вѣроятно тягостное положеніе Албазина, столь отдаленнаго отъ главныхъ силъ, и трудность подавать ему скорую помощь были тому причиною. Дворъ московскій полагалъ, что Китайцы уступятъ намъ рѣку Амуръ, или берега ея разделятъ пополамъ: сѣверный будетъ за нами, а южный за Китаемъ, однако жъ посолъ былъ уполномоченъ опредѣлить границы по усмотрѣнію и сдѣлалъ величайшую уступку, слѣдствія которой чувствуемъ донныя.

Съ русской стороны назначены были посланниками окольничій, брянскій намѣстникъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, стольникъ, нерчинскій воевода Иванъ Астафѣевичъ Власовъ и дьякъ Семень Карницкій. Свиту ихъ составляли дворяне: Алексій Сенявинъ, Федоръ Ушаковъ, Степанъ Коровинъ, Василій Лутовиновъ и Ларіонъ Сенявинъ. Съ ними былъ пятисотный стрѣлецкій полкъ, подъ командою полковника Скрипицына, а двумъ полковникамъ Павлу Грибову и Антону Смаленбергу велѣно набрать въ Сибири два пятисотные полка.

Головинъ выѣхалъ изъ Москвы 20 января 1686 года и 24 марта пріѣхалъ въ Tobольскъ. Здѣсь взялъ онъ 600 новонабранныхъ драгуновъ. Второй же полкъ собранъ былъ въ проѣздъ чрезъ города Енисейскъ и Илимскъ.

Изъ Tobольска отправилось посольство по Иртышу и Оби до Маковского волока, гдѣ сухимъ путемъ переѣзжаютъ на рѣку Енисей. Въ Енисейскъ получено извѣстіе объ осадѣ Албазина, и, для поправленія дѣлъ, отправленъ былъ въ Нерчинскъ подполковникъ Богатыревъ.

Изъ Енисейска отправилось посольство опять водою, сперва вверхъ по Енисею, а потомъ по Ангарѣ. Здѣсь застигли ихъ морозы, и надо было зимовать. На другую весну пошли далѣе по Ангарѣ и 1 августа пришли въ Иркутскъ. Переправились чрезъ Байкаль и по рѣкѣ Селенгѣ поднялись до верхнеудинскаго острога. Отсюда отправился посланникъ сухимъ путемъ, поспѣвая подать помощь утѣшенному Албазину, однако жъ, узнавъ отъ нарочно посланнаго, что Манжу-

ры отступили отъ Албазина, возвратился въ Селенгинскъ. Отсюда отправилъ въ Пекинъ дворянина посольства Коровина, съ уведомленіемъ о пріѣздѣ своемъ, предоставлялъ на волю Китайцамъ назначить мѣсто для свиданія и переговоровъ.

Въ это время Монголы осадили Селенгинскъ и разсыпались до самаго удинскаго острога; у посланника была только рота стрѣльцовъ, а прочее войско стояло на квартирахъ на деревняхъ, ниже по рѣкѣ Селенгѣ. Но въ двухъ сраженіяхъ Монголы были разбиты.

Возвратившійся изъ Пекина дворянинъ Коровинъ объявилъ, что китайскій ханъ сперва назначилъ для переговоровъ городъ Селенгинскъ и уполномочилъ двухъ знатныхъ вельможъ Сонготу и Тунъ-Ке-Кана, которые со свитою отправились въ Монголію, но въ это время начинались непріятельскія дѣйствія между Монголами и Эюнгарами, и послы воротились въ Пекинъ. Тогда богдо-ханъ избралъ мѣстомъ свиданія городъ Нерчинскъ, куда можно было пріѣхать чрезъ Манчурію, минуя Монголію. Послы набрали въ Манчуріи 15,000 войска и съ этими силами приближались къ Нерчинску. При посольствѣ были переводчиками два іезуита Францискъ Жербилювъ и Томасъ Перейра.

Послѣ этого извѣстія, столь неблагопріятнаго, Головинъ усумнился въ дружескомъ расположеніи Китайцевъ. Тутъ кажется онъ понялъ, что сдѣлалъ ошибку, предоставивъ Китайцамъ назначить мѣсто свиданія. Нерчинскъ, окруженный непріятельскимъ войскомъ, не могъ уже имѣть никакихъ сообщеній съ Албазиномъ. Этотъ городокъ отрѣзывался совершенно отъ Россіи и былъ во власти Китайцевъ. Головинъ отправилъ немедленно двухъ дворянъ, одного къ идущимъ Китайцамъ, съ предложеніемъ, что мѣстомъ для переговоровъ назначаетъ онъ Албазинъ; другому же посланному велѣно плыть въ Албазинъ и приказать Бейтану, чтобы остановилъ идущихъ по Амуру къ Нерчинску Манчуровъ, но Головинъ поздно схватился за умъ. Нерчинскъ назначенъ былъ самымъ богдо-ханомъ, и никто не осмѣлится войти къ нему съ докладомъ о перебитыи мѣста. Предложеніе Головина оставлено безъ уваженія.

21 июля 1689 года прибыло къ Нерчинску посольство китайское и остановилось въ палаткахъ на лугу ниже города. Черезъ три недѣли призвалъ сюда и Головинъ со всею свитою.

Для веденія переговоровъ устроенъ былъ шатеръ; одна половина его была русская, другая китайская. Русская половина убрана была дорогими турецкими коврами, столъ накрытъ былъ персидскимъ ковромъ, на немъ стояла чернильница и дорогіе часы. За столемъ сидѣли на креслахъ Головинъ и Васковъ, а подлѣ нихъ на стулѣ дьякъ Корницкій. Въ китайской половинѣ небыло никакихъ украшеній, послы китайскіе сидѣли на низкой скамьѣ, устланной полстами.

Съ общаго согласія, положено было, чтобъ у каждаго шатра стояло по 260 солдатъ, да въ отдаленіи по 500 воиновъ съ каждой стороны. Это постановленіе соблюдалось во все продолженіе переговоровъ. Русскіе не вѣрили Китайцамъ, зная ихъ коварство, а Китайцы не знали европейскаго закона, что посла не куютъ, не рубятъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Головинъ хотѣлъ предъявить свой кредитивъ, но Китайцы не имѣли отъ своего хана письменнаго полномочія, а потому не хотѣли видѣть и русскаго. Головинъ зналъ по-латыни, и объясняться ему черезъ іезуитовъ было легко. Положено не говорить ни о ссорахъ, прежде бывшихъ, ни о взаимныхъ неудовольствіяхъ, но заняться опредѣленіемъ границъ между обоими государствами. Головинъ предложилъ, чтобъ рѣка Амуръ была границею, лѣвая сторона по теченію принадлежала бы намъ, а правая Китаю, потому что многіе народы, здѣсь обитающіе, платятъ Россіи дань около 50 лѣтъ. Но Китайцы несогласны были на это предложеніе, они знали, что въ горахъ по сѣверную сторону Амура ловятся отличные соболы, и лишиться этихъ ухожей они не желали. Съ своей же стороны предложили, чтобъ Россія уступила имъ всю земли до озера Байкала, доказывая, что народами, здѣсь обитающими, владѣлъ Чынгисъ-ханъ, ихъ повелитель. Нашимъ не трудно было опровергнуть эти доводы тѣмъ болѣе, что и Китайцы предложили ихъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ было что уступить на слу-

чай спора и тѣмъ показать свою умѣренность. Насталъ вечеръ, и послы разошлись до завтрашняго свиданія.

На другой день Китайцы согласились считать Нерчинскъ пограничнымъ городомъ, откуда Русскіе могутъ ѣздить для торговли въ Китай; Головинъ благодарилъ ихъ за то, что оставляютъ ему Нерчинскъ, гдѣ можетъ отдохнуть. Китайцы были упорны, Русскіе не уступали имъ, и день кончился ничѣмъ. При этомъ свиданіи не было іезуитовъ, Китайцы подозрѣвали ихъ въ предательствѣ уже потому-что они говорили съ Русскими на латинскомъ языкѣ, имъ непонятномъ въ этихъ переговорахъ. Послы говорили чрезъ монгольскаго переводчика.

Послѣ того наши просили китайскихъ пословъ дать имъ на бумагѣ свои требованія, а взамѣнъ обѣщались дать свои, чтобъ представить ихъ на разсмотрѣніе государей. Но Китайцы отказались подъ разными предлогами.

Затѣмъ явились къ Головину отцы іезуиты подъ видомъ посѣщенія. Въ разговорахъ они объявили посланнику, что ханъ китайскій поставилъ въ непремѣнную обязанность посламъ своимъ требовать Албазинъ; если Русскіе не уступятъ его, то нельзя ожидать мира. Что же касается до страны, лежащей къ сѣверу отъ Амура, то гдѣ назначена ханомъ граница они не знаютъ. Впрочемъ Китайцы имѣютъ большое расположеніе къ миру.

На другой день послалъ Головинъ къ Китайцамъ своего дворянина, чтобъ узнать, какое они приняли намѣреніе на счетъ границъ. Китайцы показали ему на картѣ рѣку Кербече или по-нашему Горбицу; она вышла изъ каменныхъ горъ, тянушихся къ сѣверо-востоку; по этимъ-то горамъ они назначали границу, такъ, что всѣ рѣки, текущія изъ горъ на югъ, принадлежали бы Китаю, а текущія на сѣверъ Россіи. Отъ Горбицы къ западу, назначили рѣку Аргунь границею между обѣими государствами, потребовали что аргунскій острогъ, стоящій на южномъ берегу рѣки, переселъ былъ на сѣверный. Послѣ того іезуиты опять приходили къ окольнымъ съ предложеніями объ уступкѣ Албазина, безъ чего Китайцы не хотѣли продолжать переговоровъ.

Вечеромъ видѣли изъ Нерчинска большое движеніе въ китайскомъ лагерь; Головинъ послалъ узнать о томъ своего толмача, которому велѣно объявить Китайцамъ, что Русскіе желаютъ толковать о границахъ мирно, а если Китайцы не хотятъ болѣе говорить, то прислали бы письменное увѣдомленіе. Китайцы отвѣчали, что до письменнаго объясненія имъ нѣтъ дѣла, но отъ требованій своихъ не отступятся; если же русской посольствѣ тѣмъ не доволенъ, то далъ бы отвѣтъ сей же ночи, далѣе они ждать не хотятъ.

По утру поднялся весь китайскій лагерь, войско окружило Нерчинскъ и по горамъ дѣлало большое движеніе въ виду Русскихъ.

Хотя съ посольствомъ было войско до полутора тысячъ, но Головинъ растерялся: въ это время Монголы онготскаго рода, обитавшіе по рѣкѣ Нерчѣ и недавно присоединенные къ Россіи, вдругъ передались Китайцамъ въ числѣ 2,700 человекъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ околичій рѣшился на уступку: онъ послалъ къ Китайцамъ сказать, что соглашается на ихъ предложенія.

Три дня шли переговоры. Китайцы, видя нашу уступчивость, усилили требованія свои: вмѣсто прежнихъ границъ по хребту, идущему къ Охотскому морю, они назначили вѣтъ его, идущую къ сѣверу къ рѣкѣ Анадыру и въ Чукотской носъ. Головинъ не отвѣчалъ на это безразсудное предложеніе. Іезуиты же представили китайскимъ посламъ о несообразности требованія. Они объяснили, что отъ Пекина до Чукотскаго носа, по прямой линіи, будетъ болѣе 10,000 м и на такомъ пространствѣ нѣтъ возможности охранять границъ. Китайскіе послы отступились отъ своего требованія, и наконецъ 27 августа 1689 года совершенъ слѣдующій трактатъ:

«Божіею милостію Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, ихъ Царскаго Величества великіе и полномочные послы Ближней Околичій и Намѣстникъ Брянской Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, Стольникъ и Намѣстникъ Елатомскій Иванъ Остафѣвичъ Власовъ, Дьякъ Семень Корницкой, будучи на посольскихъ

связахъ близъ Нерчинска великихъ Азіятскихъ странъ повелителя, Монарха Самовластнѣйшаго межъ премудрѣйшими вельможи Богдайскими, закона управителя, дѣль общества народа Китайскаго хравителя и славы, мастомцаго Богдойскаго и Китайскаго Богдыханова Высочества съ великими послы Самгута, надворныхъ войскъ съ начальникомъ и внутреннїя палаты съ Воеводою, Царства Событникомъ Дагунке Камомъ, внутреннїя жъ палаты съ Воеводою перваго чину Княземъ и Ханскаго знамени съ Господиномъ, и Ханскимъ дядею Иламотъ, одного жъ знамени Господиномъ и прочими постановили, и сими договорными ставвами утвердивъ:

«1. Рѣка именемъ Горбица, которая впадаетъ, идучи впасть, въ рѣку Шилку съ лѣвья стороны, близъ рѣки Черной*, рубежъ между обоими Государствы постановить; такожде отъ вершины той рѣки каменными горами, которыя начинаются отъ той вершины рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ, даже до моря протяженныхъ, обихъ Государствъ державу тако раздѣлять, яко всѣмъ рѣкамъ малымъ или великимъ, которыя съ полудневныя стороны съ ихъ горъ впадаютъ въ рѣку Амуръ, быти подъ владѣніемъ Хинскаго Государства; такожде всѣмъ рѣкамъ, которыя съ другія стороны тѣхъ горъ идутъ, тѣмъ быти подъ державою Царскаго Величества Россійскаго Государства; прочія жъ рѣки, которыя лежатъ въ срединѣ межъ рѣкою Удью подъ Россійскаго Государства владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которыя содержатся близъ Амура владѣнія Хинскаго Государства и впадаютъ въ море, и всякія земли посреди еущія межъ тою вышепомянутою рѣкою Удью и межъ горами, которыя до границы надлежатъ, неограниченны нынѣ да пребываютъ, понеже на оныя земли разграниченіе великіе и пономощнее послы, неимѣюще указу Царскаго Величества, отлагавоу неограниченны до инаго благополучнаго времени, въ которомъ при возвращенїи съ обихъ сторонъ пословъ Царское Величество изволить и Богдыханово Высочество пожелать. о томъ обослатися послы или посланники любительными по-

* Вѣроятно Амуръ, который на китайскомъ, манжурскомъ и монгольскомъ языкахъ называется Черною рѣкою.

решенья, и тогда или чрезъ грамоты, или чрезъ пословъ тѣмъ означенныхъ неограниченныхъ земли покойничихъ и пристойными случаями успокоить и разграничить могутъ.

«2. Такжеже рѣка, реченная Аргунь, которая въ рѣку Амуръ впадаетъ, границу постановить такою, яко всѣми землями, которыя суть стороны лѣвыя, идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ, подъ владѣніемъ Хивскаго Хана да содержатся, правая сторона также все земли да содержатся въ сторонѣ Царскаго Величества Россійскаго Государства и все стрѣніе съ полудневыми стороны той рѣки Аргуни снести на другую сторону той же рѣки.

«3. Городъ Албанитъ, которой построенъ былъ съ стороны Царскаго Величества, разорить до освоенія, и тамо пребывающіе люди со всеми при нихъ будущими воинскими и иными припасы да изведены будутъ въ сторону Царскаго Величества и ни малаго убытка или нанікъ малыхъ вещей отъ нихъ тамо оставлено будетъ.

«4. Бѣглецы, которые до сего мирнаго постановленія какъ съ стороны Царскаго Величества, такъ и съ стороны Богдыханова Высочества были: и тѣмъ перебѣжчикамъ быть въ обѣихъ сторонахъ безрозумно; а которые послѣ сего постановленнаго мира перебѣгати будутъ, и такихъ бѣглецовъ безъ всякаго умедленія отсылати съ обѣихъ сторонъ безъ замедленія къ пограничнымъ Воеводамъ.

«5. Какимъ либо ни есть людемъ съ проѣзжими грамотами изъ обѣихъ сторонъ для нынѣшнія начатыя дружбы для своихъ дѣлъ въ обѣихъ сторонахъ приѣзжати и отъѣзжати до обѣихъ Государствъ добровольно, и покупати, и продавать, что имъ надобно да повелѣно будетъ.

«6. Прежде будущія нанія ни есть ссоры межъ порубежными жителями до сего восстановленнаго мира были и тѣмъ ссорамъ быти немстительнымъ и ненамятнымъ; а если съ сего постановленнаго мира для какихъ промысловъ обѣихъ Государствъ промышленные люди предѣдутъ и разбой или убийство учинить: и такихъ людей поймавъ, присылать въ тѣ стороны, изъ которыхъ они будутъ въ порубежные города къ Воеводамъ, а имъ за то

чинить казнь жестокою; будетъ же соединясь многочисленнымъ и учинять такое вышесказанное воровство, и такихъ своевольниковъ перелова, отсылать къ порубежнымъ Воледамъ, а имъ за то чинить смертная казнь; а войны и кровопролитія съ обѣихъ сторонъ для такихъ причинъ и за самыя пограничныхъ людей преступки не вчинять, а о такихъ ссорахъ писать, изъ которыхъ стороны то воровство будетъ; обѣихъ сторонъ къ Государемъ и разрывать тѣ ссоры любительными посольскими пересылки.

«7. Противу сихъ постановленныхъ о границъ посольскими договоры статей, если похочетъ Богдыханово Высочество поставить отъ себя при границахъ для памяти какіе признаки и подписать на нихъ сіи статьи, и то отдаеъ мы на волю Богдыханова Высочества. Данъ на границахъ Царскаго Величества, въ Даурской землѣ при Нерчинскѣ, лѣта 1689, Августа 27 дня.»

Для утвержденія и подписанія трактата собрались посланники въ нашу ставку. Трактатъ былъ подписанъ, печати приложены и утвержденъ клятвою съ обѣихъ сторонъ. Китайцы хотѣли было клясться передъ образомъ Спасителя, однако жъ наши на то не согласились, дабы *Христіанство не давать язычникамъ въ поруганіе*. Послѣ клятвы перемѣнились трактатами: нашъ былъ написанъ по-русски, а китайскій по-манжурски. Латинскій переводъ подписанъ былъ обѣими сторонами и размѣнянъ въ двухъ экземплярахъ одинаковаго содержанія. Послы обнялись при звукахъ трубъ и лютавръ. Наши подчивали Китайцевъ винами и закусками; гости разѣхались ночью.

На другой день посланники дарилъ другъ-друга, а на завтра Китайцы отправились въ путь. Бейтовъ очистилъ Албазинъ и пришелъ въ Нерчинскъ, а Манжуры, возвращаясь по Амуръ во-своися, сожгли въ Албазинѣ все строеніе.

Такимъ образомъ подвиги на Амуръ Хабарова и Степанова сдѣлались бесполезными кровопролитіями. Мы потеряли страну, которою владѣли 40 лѣтъ, потеряли рѣку, соединяющую весь забайкалскій край съ Восточнымъ океаномъ и лишились чрезъ то важныхъ выгодъ.

Потомки могутъ судить о предкахъ своихъ по однимъ фак-

тѣмъ, безжолвнымъ свидѣтелямъ прошедшаго, постороннія обстоятельства, иногда весьма важныя, ускользаютъ изъ-подъ канцелярскаго пера. Мы видали, что посольство наше сдѣлало первую ошибку въ томъ, что не назначило Албазина мѣстомъ переговоровъ, но предложило на волю Китайцамъ избрать это мѣсто, а тѣмъ уже нѣкоторымъ образомъ подчинило себя ихъ капризамъ. Посольство спохватилось о томъ, да поздно. Наши дипломаты не знали азіатскихъ обычаевъ и правила: «спроси больше, дадутъ то что тебѣ нужно». Китайцы въ первыхъ переговорахъ назначили границами Байкаль единственно потому, чтобъ можно было уступить; напротивъ Русскіе, назначившіе съ первыхъ словъ рѣку Амуръ, не подумали что и имъ должно чѣмъ-нибудь пожертвовать; а потому когда уступка съ нашей стороны оказалась неизбежною, мы должны были отказаться отъ своихъ уже владѣній, отдать всю рѣку Амуръ, которая никогда не принадлежала Манжурѣн, собственно отъ начала до устья. Народы, обитавшіе по этой рѣкѣ, не всѣ платили ясакъ манжурскому шамшакану, наприм.: князь Гантимуръ, обитавшій гдѣ-то около устья рѣки Жи, не признавалъ власти Манжуровъ и потомъ перекочевалъ къ намъ съ 500 своихъ подданныхъ. Гиляки, обитающіе на устьѣ Амура ни прежде, ни нынче не признаютъ китайской власти.

Можетъ-быть мы будемъ оправдывать посланника Головина и тѣмъ, что онъ, имѣя только 15,000 человекъ, окруженъ былъ 15,000 Манжуровъ. Правда численный перевѣсъ былъ на сторонѣ Китайцевъ, но у посланника было регулярное войско съ пушками и ружьями. Мы помнимъ, что Хабаровъ съ двумя сотнями Русскихъ разбилъ 2,000 Манжуровъ, имѣвшихъ ружья, что Степановъ не болѣе какъ съ 500 отразилъ десяти-тысячный корпусъ Манжуровъ, вооруженный пятнадцатью пушками. Нашъ прадедушка Головинъ былъ дипломатъ, а не воинъ. 15,000 Манжуровъ разбѣжались бы послѣ десяти удачныхъ выстрѣловъ изъ нашей артиллеріи, а остальное кончила бы вылазка.

Головинъ согласился на всѣ статьи, предложенныя ему Китайцами.

Отказавшись отъ Амура, они пришли за границу какихъ-то каменныхъ горъ, идущія на востокъ. Но всякой знаетъ, что въ такой гористой странѣ, какова Сибирь, трудно опредѣлить направление горъ. Такъ вышло и въ самомъ дѣлѣ: теперь ни мы, ни подданные богдана не знаютъ черты, разделяющей два государства на пространство отъ Горбицы до Охотскаго моря. Хорошо еще что рѣдкая тамошняя населенность не подаетъ случая къ ссорамъ за переходы, и Тунгусы, не обращая никакого вниманія на границу, кочуютъ по-прежнему съ рѣчки на рѣчку и платятъ ясакъ тѣмъ сборщикамъ, на которыхъ навадуть.

Трактатъ, подписанный Головиннымъ, два раза былъ перемѣняемъ послѣ него, но дѣло шло уже не объ Даурин, а о торговлѣ и перебѣжчикахъ.

Китайцы, желая увѣковѣчить столь выгодный для нихъ договоръ, вырвали его на каменномъ столбѣ, стоящемъ въ началѣ ихъ владѣнія на Амурѣ. Этотъ договоръ совершенно переизмененъ рукою неопытнаго рѣшителя въ пользу Россіи. Въ подлинникѣ сказано, что вся рѣка и рѣчки, текущія отъ Каменнаго хребта на *сѣверъ* принадлежатъ Россіи, а на столбѣ вырвано: всѣ рѣки, текущія на югъ, принадлежатъ Россіи. До сихъ поръ Китайцы не замѣтили этой ошибки, а она можетъ сдѣлаться когда-нибудь важною.

Правительство наше, кажется, не роптало на Головина, да и некому было; Петръ царствовалъ тогда съ братомъ своимъ Иоанномъ при вліяніи Софіи. Головинъ занималъ юнаго Монарха разсказами о Сибири и Китайцахъ. Важность потери нашего сообщенія съ Восточнымъ океаномъ тогда не была видна, государство потеряло только новое сибирское царство, а Сибиряки сожалѣли о благословенныхъ странахъ на рѣкѣ Амурѣ и твердили, что рано или поздно, а рѣка эта будетъ нашею. Но спустя цѣлое столѣтіе, нужда свободнаго плаванія по этой рѣкѣ сдѣлалась существенною. Мы построили два порта на Восточномъ океанѣ, въ Охотскъ и Камчаткѣ, туда заведено войско, но доволствовать его провіантомъ не имѣли возможности ни Якутскъ, ни Охотскъ, ни Камчатка. Хлѣбъ тамъ рѣшительно не родится, не смотря

на постоянные опыты земледѣлія. Въ это же время американская наша компанія завела селенія на сѣверозападномъ берегу Америки и по островамъ Алеутскимъ. Хлѣбъ для продовольствія всего сѣвера и сѣверовостока идетъ съ вершинъ рѣки Лены. До Якутска плавятъ его водою, а отсюда на выючныхъ лошадяхъ перевозятъ по худой дорогѣ въ Охотскъ. Но эта перевозка сопряжена съ большими тратами и хлѣбъ дорого продается въ Охотскъ, Камчатку и Америку.

Но если бы рѣка Амуръ принадлежала намъ, половина этихъ затрудненій уничтожилась бы. Вся система рѣкъ, составляющая Амуръ, протекаетъ по странамъ хлѣбороднѣйшимъ и богатымъ скотомъ. Въмѣсто тепершняго Охотска, который существуетъ единственно для Камчатки, мы построили бы портъ при устьѣ рѣки Амура. Барки и плоты, нагруженные хлѣбомъ, и пожалуй живымъ скотомъ, спускались бы по Ингодъ, Шилькъ, Аргуни и Онону въ Амуръ и достигали бы амурскаго порта. Здѣсь перегружали бы ихъ на суда и моремъ доставляли бы въ Камчатку и американскія селенія. Забайкалскій край получилъ бы новый сбытъ своимъ произведеніямъ, а Камчатка и колоніи не стали бы нуждаться въ хлѣбѣ и платить за него высокую цѣну.

Кромѣ этого мы давно бы поладили съ Японією и открыли бы туда сбытъ своихъ произведеній, получая въ замѣнъ что намъ нужно. Проектъ о возвращеніи Амура можетъ когда-нибудь осуществиться, и Китайцы будутъ обязаны сдѣлать его нейтральною рѣкою, для блага обоихъ государствъ.

Впрочемъ мы имѣемъ полное право возвратитъ Гиляковъ, обитающихъ при устьѣ Амура и по берегамъ Охотскаго моря. Они долго принадлежали намъ и платили дань, но забыты послѣ неудачъ нашихъ на Амуръ и теперь не принадлежатъ ни намъ, ни Китаю.

Вотъ очеркъ дѣяній нашихъ предковъ на рѣкъ Амуръ; онъ не сдѣлаетъ пятна нашей славы, не замазаетъ страницъ нашей исторіи, но выводитъ на сцену героевъ, о которыхъ къ стыду мы и не знали. Предѣлы журнальной статьи заключи-

ли насъ въ тѣсную раму и мы должны были, при изобиліи матеріаловъ, дѣлать одни абрисы съ едва заметными отгнѣнками. Подвиги нашихъ предковъ на Амуръ требуютъ отдельной исторіи, факты для нея хранятся въ бумагахъ бывшаго сибирскаго приказа въ Москвѣ. ими пользовался трудолюбивый Миллеръ, но кому они достались послѣ историографа, неизвѣстно. Ревнитель русской славы отыщетъ ихъ когда-нибудь и покажетъ Европѣ, что еще во времена Царей, предки наши отличались такими добродѣтелями, которыя теперь показались бы выдумками, если бы остатки ихъ не сохранились въ первобытной чистотѣ внутри Имперіи.

Не знающіе подумаютъ: если Китайцы, живущіе на Кяхтѣ, прочитаютъ эту статью, то могутъ произойти худые толки. Изъ Китайцевъ, торгующихъ на Кяхтѣ, ни одинъ не умѣетъ и не хочетъ умѣть читать по-русски. Они не знаютъ даже настоящаго русскаго языка, но объясняются на какомъ-то варварскомъ языкѣ, передѣланномъ изъ русскаго. Они ни сколько не заботятся узнать: какъ разумѣютъ ихъ Русскіе и что объ нихъ толкуютъ въ Европѣ. Размышляя о Китаѣ, не должно мѣрять его европейскимъ аршиномъ: тамъ все на выворотъ противъ нашего.

Н. ЩУКИНЪ.

Современная Литература и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ,

ДАННЫЕ:

На имя почетнаго опекуна С.-Петербургскаго Опекунскаго Совета Дѣйствительнаго Тайнаго совѣтника Тучкова.

Паселъ Алексѣевичъ! Желая изъявить вамъ особенную Мою признательность за ревностные труды ваши по званію почетнаго опекуна здѣшняго опекунскаго совѣта, при другихъ важныхъ обязанностяхъ, доверіемъ Моимъ на васъ возложенныхъ, Всемилостивѣйше жалуя вамъ препровождаемую при семъ табакерку съ Моимъ портретомъ, украшенную брилліантами, пребывая къ вамъ всегда благоклоннымъ.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Петербургѣ,
Іюля 1 дня 1848 года.

К. IX. — Отд. II.

*На имя исправляющего должность Наказнаго Атамана Войска
Донскаго генераль-лейтенанта Хомутова 1-го.*

Нашему генераль-лейтенанту Хомутову 1-му. Съ душевнымъ сокрушеніемъ получили мы извѣстіе о кончинѣ наказнаго атамана Войска Донскаго генерала отъ кавалеріи Власова. Ознаменовавъ долголѣтнее поприще свое подвигами неустрашимости во время войны и Государственными заслугами въ продолженіе управленія Войскомъ Донскимъ, сей доблестный старецъ почилъ, стяжавъ право на особенную Нашу признательность.

Издавна зная правоту и неутѣнимое къ службѣ усердіе ваше, усмотрѣли Мы съ удовольствіемъ при неоднократныхъ командировкахъ вашихъ въ С.-Петербургъ, по войсковымъ дѣламъ, что вы вполнѣ сроднились съ бытомъ Войска Донскаго и что благоустройство онаго составляетъ постоянный предметъ заботы вашей. Это рѣшило Намъ нынѣ назначить васъ исправляющимъ должность наказнаго атамана Войска Донскаго, опредѣляя въ помощь вамъ, исправляющимъ должность начальника штаба сего войска Святы Нашей генераль-маіора графа Орлова-Денисова. Принадлежа Дону и по рожденію своему и по чувствамъ, онъ уже давно обратилъ на себя своею службою вниманіе Наше.

Какъ первую изъ важныхъ обязанностей вашихъ, возлагаемъ на васъ: попеченіе о неприкосновенномъ охраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ дарованныхъ въ Божь почивающими Нашими предками и Нами Любезно-вѣрному Войску Донскому и неизмѣнное соблюденіе утвержденного для онаго Положенія, коего благотворное на устройство всего края дѣйствіе, уже доказано опытомъ.

Бывъ столь долго ближайшимъ исполнителемъ распоряженій покойнаго наказнаго атамана, вы будете безъ сомнѣнія управлять храбрымъ Донскимъ Войскомъ въ томъ же духѣ; и тогда только исполните вполнѣ желаніе сердца Нашего, когда Войско Донское, какъ Мы надѣемся, найдетъ

въ самомъ назначеніи вашемъ, удостовѣреніе всегдашняго
Нашего къ оному благоволенія и особенной о благѣ его
попечительности.

Пробываемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Петергофъ,

3 Юля 1848 года.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Генераль-фельдмаршалу Императорско-Австрійской служ-
бы, графу Радецкому.

Слѣдя съ постояннымъ вниманіемъ за дѣяствіями войскъ,
взвренныхъ вашему главному началству для поддержанія
законныхъ правъ вашего Монарха, и узнавъ о блистатель-
ныхъ побѣдахъ, одержанныхъ вами при Сомнакамбаньи и
Кустоцѣ, Мы признали справедливымъ пожаловать васъ
кавалеромъ ордена *Св. Великомуч. и Побѣдоносца Георгія
первой степени*, знаки коего при семъ къ вамъ препровожда-
емъ. Желая этою высшею въ Нашей Имперіи военною на-
градю явить новое доказательство отличнаго Нашего ува-
женія къ долговременному и славному служенію вашему,
столь знаменитыми подвигами ознаменованному, прибыва-
емъ къ вамъ навсегда благосклонны.

На подлинной Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Петергофъ. 7-го августа 1848 года.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 ІЮЛЯ ПО 15 АВГУСТА СЕГО ГОДА.

Учрежденія Государственныя и Губернскія.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о преобразованіи герольдіи въ департаментъ правительствующаго сената, *мнѣніемъ положи*лъ:

1. Согласно съ предложеніями министра, сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1. Временное присутствіе герольдіи закрыть и дѣла онаго передать въ герольдію.

2. Для сей передачи назначить, со дня изданія настоящаго постановленія, двухмѣсячный срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе онаго временное присутствіе дѣлало исполненія по рѣшеннымъ дѣламъ, и чтобы чиновникамъ сего присутствія производилось получасное ими содержаніе.

3. По минованіи означеннаго срока преобразовать герольдію, по прилагаемому здѣсь штату, въ департаментъ правительствующаго сената, съ наименованіемъ онаго департаментомъ герольдіи и тогда же открыть его дѣйствія.

4. Департаментъ герольдіи ввести въ составъ перваго общаго собранія правительствующаго сената, которому и именоваться общимъ собраніемъ первыхъ трехъ департаментовъ и герольдіи.

5. Для присутствованія въ семъ департаментъ назначить, съ Высочайшаго соизволенія, сенаторовъ въ числѣ четырехъ изъ тѣхъ правительствующаго сената департаментовъ, гдѣ находится ихъ болѣе сего числа.

Примѣчаніе. Въ департаментъ герольдіи, въ продолженіи вакантнаго времени, соблюдается тотъ же порядокъ, какъ и въ 1-мъ департаментъ сената.

6. Герольдмейстеру, съ сохраненіемъ сего наименованія,

присвоить права и обязанности оберъ-прокурора, тремъ его товарищамъ, также съ сохраненіемъ сего наименованія, права и обязанности оберъ-секретарей, прочимъ же чинамъ канцеляріи герольдіи, права и обязанности таковыхъ же чиновъ канцеляріи сената.

7. Предметы занятій департамента герольдіи, въ составъ коего входятъ нынѣшнія три экспедиціи герольдіи, суть: дѣла о дворянствѣ, о почетномъ гражданствѣ, о награжденіи чиновниковъ, вышедшихъ въ отставку до 1 января 1842 г. и по опредѣленію къ должностямъ ниже VI класса чиновниковъ, утвержденіе коихъ зависитъ отъ правительствующаго сената.

8. Департаменту герольдіи предоставляется право рѣшать окончательно всѣ дѣла, остающіяся въ кругѣ занятій герольдіи, кромѣ дѣлъ, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія и утвержденія; равно пересматривать, въ случаѣ жалобъ, прежнія рѣшенія герольдіи, въ томъ же порядкѣ, какъ пересматривало оныя общее собраніе правительствующаго сената.

9. Дѣла сіи между экспедиціями распредѣляются слѣдующимъ образомъ: къ 1-й и 2-й экспедиціямъ, относятся дѣла о дворянствѣ, о почетныхъ титулахъ и о перемѣнѣ фамилій, съ предоставленіемъ дальнѣйшаго раздѣленія сихъ дѣлъ между означенными экспедиціями, усмотрѣнію герольдмейстера. Къ 3-й экспедиціи: дѣла по составленію гербовниковъ дворянскихъ родовъ и гербовника городского, сочиненію гербовъ, приготовленію грамотъ, дипломовъ и копій съ гербовъ и родословныхъ, веденію списка дворянамъ и лицамъ, лишеннымъ дворянскаго достоинства; о почетномъ гражданствѣ, о выдачѣ патентовъ на чины: о награжденіи пенсіями чиновниковъ, вышедшихъ въ отставку до 1-го января 1828 года; объ опредѣленіи къ должностямъ, ниже VI-го класса, утвержденіе въ коихъ зависитъ отъ сената, и по исполненію Высочайшихъ приказовъ по гражданскому вѣдомству.

Примѣчаніе 1-е. Дѣла объ изготовленіи грамотъ на жалованья и званія, о выдачѣ дипломовъ на дворянскія и почетныя

достоинства, также копін съ гербовъ и родословныхъ, производятся въ 3-й экспедиціи только въ отношеніи самаго заготовленія актовъ; разсмотрѣніе же сихъ дѣлъ въ существѣ принадлежитъ 1-й экспедиціи, которая, по восполнѣніи окончательнаго опредѣленія о выдачѣ упомянутыхъ актовъ, сообщаетъ о томъ 3-й экспедиціи лишь для исполненія.

Примѣчаніе 2-е. Составленіе для адресъ-календаря списка чиновниковъ, служащихъ по ведомству сената и отсылаемаго въ установленное время въ министерство народнаго просвѣщенія, отнесенныя нѣмъ къ обязанностямъ герольдіи, возлагаются непосредственно на оберъ-прокурора, подобно тому, какъ они отсылаютъ списки о подвѣдомственныхъ имъ канцелярахъ въ канцелярію ордемовъ.

10. Общій порядокъ производства и доклада дѣлъ въ департаментъ герольдіи устанавливается тотъ же самый, какъ и въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената, въ частности же исполняются правила дѣлопроизводства, постановленныя для герольдіи, въ приложеніи къ 439-й ст. учр. прав. сената (св. зак. том. 1), съ такимъ лишь измѣненіемъ: а) чтобы въ каждомъ столѣ входящіе реэстры велись по прилагаемымъ здѣсь подъ лит. А, Б и В формамъ, и чтобы въ оный вносились въ послѣдовательномъ порядкѣ все безъ исключенія поступающія въ столъ бумаги; б) чтобы дѣла по запросамъ начальствъ о происхожденіи лицъ, поступающихъ на службу, въ учебныя заведенія или же представленныхъ къ производству въ чины были изъемаемы изъ общей очереди и разрѣшаемы немедленно по порядку поступленія запросовъ; в) чтобы сверхъ входящаго и настольнаго реэстовъ были установлены, по прилагаемой здѣсь подъ лит. Г. формѣ, исходящіе реэстры.

11. При герольдмейстерскихъ дѣлахъ имѣть такія же входящія и исходящія книги, какъ и при оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ 1-го департамента, (форма лит. Д и Е, а у протоколиста книгу, установленную статьею 295 учр. прав. сената (св. зак. т. 1) для департаментовъ онаго.

12. Изъ дѣлъ о дворянствѣ и о почетныхъ титулахъ записокъ не составлять, а изготовлять одни родословныя, съ

наложеніемъ существа документовъ и съ обозначеніемъ въ оныхъ: въ началѣ, отъ кого и когда представлены документы, изъ коихъ родословныя и описаніе извлечены; на полъ (противъ каждаго документа) рода онаго и страницы дѣла, на которой документъ находится; и въ концѣ относящихся къ дѣлу законовъ. Въ случаѣ, если родословная, т. е. поколѣнная таблица вменъ, по обширности своей, не можетъ быть наложена на одномъ листѣ съ описаніемъ документовъ, то оная приобщается къ описанію на особомъ листѣ. Къ сему описанію прилагается, для составленія опредѣленія, резолюція сенаторовъ, съ означеніемъ, когда она послѣдовала и съ прописаніемъ предъ одною законовъ, въ кои сдѣлана въ ней ссыла. (форма лит. Ж).

13. Дѣла о почетномъ гражданствѣ, выдачѣ патентовъ и назначеніи пенсій чиновникамъ, вышедшимъ въ отставку до 1 января 1828 г., перемѣнѣ фамилій и опредѣленіи къ должностямъ ниже VI класса чиновниковъ, утвержденіе коихъ зависитъ отъ сената, докладываются записками, въ которыхъ излагается сущность документовъ и которыя обращаются потомъ, установленнымъ въ сенатѣ порядкомъ, въ опредѣленія департамента герольдіи.

14. Бумаги, не требующія разсмотрѣнія существа дѣла, напримѣръ запросы начальства о дворянствѣ тамнихъ лицъ, дѣла которыхъ уже рѣшены, вносятся только въ одни журналы, по коимъ и дѣлается надлежащее исполненіе.

15. Журналы остаются на нынѣшнемъ ихъ основаніи; опредѣленія пропускаются установленнымъ въ правительствующемъ сенатѣ порядкомъ, и по пропускѣ оныхъ посылаются указы, сообразно предписаннымъ въ законѣ правиламъ. Отсылка указовъ производится отъ экзекуторскихъ дѣлъ, у которыхъ имѣется для сего особый исходящій реэстръ по формѣ, определенной для подобныхъ реэстровъ въ департаментъ правительствующаго сената.

16. Сношенія съ департаментомъ герольдіи производится на основаніи общихъ правилъ, для сношенія съ правительствующимъ сенатомъ постановленныхъ.

II. Проектъ штата департамента герольдіи правительству-

ющаго сената поднести, при мнѣніи государственнаго совѣта, къ Высочайшему утвержденію; а слѣдующія къ порядку производства въ томъ департаментъ дѣлъ формы, на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества *.

Мнѣніе государственнаго совѣта и штатъ герольдіи правительствующаго сената Высочайше утверждены 12 мая 1848 года.

— Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената о составѣ общаго присутствія уезднаго суда и магистрата, и соглашаясь съ заключеніемъ сената, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 17 мая 1848 года, положилъ въ дополненіе подлежащихъ статей св. зак., постановить, что общее присутствіе уезднаго суда и магистрата, въ опредѣленныхъ по закону случаяхъ (ст. 3839 и 4243 учр. губерн. св. зак. т. II), составляется, подъ предсѣтельствомъ уезднаго судьи или занимающаго его мѣсто, по всемъ вообще дѣламъ, кромѣ дѣлъ, въ конхъ участвуютъ лица сельскаго сословія, изъ трехъ членовъ уезднаго суда включительно съ уезднымъ судьей и трехъ старшихъ изъ наличныхъ членовъ магистрата; по дѣламъ же, къ которымъ, кромѣ лицъ городскаго сословія, прикосвенны и поселяне, изъ всѣхъ членовъ уезднаго суда и пяти старшихъ наличныхъ членовъ магистрата.

Уставы о повинностяхъ.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи и журналъ рекрутскаго комитета о промышляющихъ прискиваніемъ и сбытомъ охотниковъ въ рекруты, и соглашаясь вполнѣ съ симъ представленіемъ и заключеніемъ означеннаго комитета, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 5 іюля 1848 года, положилъ постановить:

1. Въ дополненіе ст. 329 рекрутскаго устава (св. зак. тома IV:)

* Штатъ департамента герольдіи правительствующаго сената и формы дѣлъ приложены къ № 52 Санктпетербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей.

а) Частные договоры о наймахъ въ рекруты должны быть совершаемы по правиламъ устава рекрутскаго обѣими сторонами лично. Мѣста, совершающія по тому же уставу сѣм договоры, обязаны наблюдать, чтобы при томъ не было никакаго принужденія или обмана.

б) При частныхъ наймахъ охотниковъ въ рекруты запрещается принимать на себя какое либо посредство не только въ соглашеніяхъ нанимателей съ желающими наняться въ рекруты, но даже и въ приисканіи сихъ послѣднихъ. Сіе запрещеніе распространяется на всѣхъ тѣхъ, которые ищутъ нанять охотника не для замѣна въ очереди или жеребь рекрутскомъ себя или члена своего семейства, или по крайней-мѣрѣ близкаго своего родственника.

2) Въ дополненіе ст. 604-й рекрутскаго устава: «Винновный въ нарушеніи вышеозначеннаго запрещенія (п. 1-й бук. б.) подвергается, на основаніи 1589-й ст. уложенія о наказаніяхъ, денежному взысканію не менѣе трехъ сотъ рублей серебромъ. Если онъ сверхъ того, будетъ изобличенъ въ какомъ либо обманѣ для побужденія ко вступленію въ обязательство наняться въ рекруты, или же въ какомъ либо къ сему принужденіи: то подвергается въ первомъ случаѣ, т. е. за употребленіе обмана, наказаніямъ, положеннымъ въ статьяхъ 2200 и 2201-й, а въ послѣднемъ, за принужденіе, тѣмъ, которыя опредѣлены въ статьяхъ 2198 и 2189-й, уложенія о наказаніяхъ».

3. Въ замѣнѣ употребленныхъ въ дополненіи ко 2-му пун. ст. 444 рекрутскаго устава (по IV прод. свода), и въ 4-мъ пунктѣ примѣчанія къ ст. 1059-й законовъ о состояніяхъ (тоже по продол. IV-му) словъ: «продать оныя (квитанціи) другому по желанію» сказать: «продать оныя въ казну по общимъ правиламъ 444-й ст. устава рекрутскаго».

3. Въ измѣненіе примѣчанія при пун. 1-мъ ст. 330-й устава рекрутскаго (по прод. VII-му): «Отпущенные на волю дворовые люди съ условіемъ исполнить нѣкоторыя обязанности въ пользу прежняго ихъ владѣльца (св. зак. о сост. ст. 1059-й по прод. IV) не допускаются къ найму въ рекруты за другихъ, буде на самыхъ отпускныхъ актахъ,

или на совершенныхъ при отпускѣ отдѣльныхъ договорахъ. Имѣть письменнаго удостовѣренія прежняго владѣльца или его наследниковъ, что все условія, при отпускѣ ихъ на волю постановленныя, ими уже исполнены. Сии удостовѣренія владѣльцовъ должны быть засвидѣтельствованы въ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, коимъ вообще предоставлено свидѣтельствованіе отпускныхъ актовъ, и присутственныя мѣста, возвращая отпускной актъ или договоръ въ руки вольноотпущенному, обязаны объяснить ему, что за сѣмъ владѣлецъ не имѣетъ уже никакой на него претензіи.

5. Въ поясненіе 2-го пункта статьи 1059-й законовъ о состояніяхъ (по продолж. IV): «Условія, на основаніи коихъ дворовые люди, записанные такими въ послѣднюю (8-ю) ревизію, отпущены на волю, должны быть излагаемы съ возможною точностію и подробностію въ самыхъ отпускныхъ актахъ. Если же означеніе всехъ сихъ условій въ самомъ отпускномъ актѣ по чему либо неудобно, или они написаны и совершены отдѣльно въ особомъ отъ него договорѣ, то о существѣ сего договора, времени и мѣстѣ совершенія его должно быть непременно упомянуто въ самомъ отпускномъ актѣ; безъ сего договоръ считается неимѣющимъ силы».

6. Въ дополненіе ст. 604-й рекрутскаго устава: «Когда кто либо изъ помѣщиковъ продастъ свою зачетную рекрутскую квитанцію поселянцѣмъ и вообще въ частныя руки, вопреки правилъ 444-й статьи устава, то сверхъ уничтоженія сей продажи и вознагражденія всехъ убытковъ, покушникомъ понесенныхъ, на счетъ продавца; самая квитанція отбирается и отсылается въ казенную палату и при томъ, принимаясь къ 1589-й статьѣ уложенія о наказаніяхъ, безъ всякаго уже вознагражденія бывшаго владѣльца квитанціи».

7. Въ дополненіе пунктовъ 4 и 5 статьи 444-й рекрутскаго устава (свода зак. тома IV); «Зачетныя квитанціи, кои дозволено продавать въ казну по 3000 р. сереб. (уст. рекрут. ст. 444 пун. 4 и 5-й), а равно и тѣ, кои по постановляемому нынѣ узаконенію (пун. 6-й) должны, въ случаѣ продажи оныхъ помѣщиками въ частныя руки, вопреки пра-

нелъ ст. 444-й рекрутскаго устава, быть отбразены въ казенну, дозволяется палатамъ государственныхъ имущества продавать казенныиъ крестьянамъ, по 570 руб. сереб., подобно тому какъ они продають нииъ квитанціи за поступившихъ въ рекруты охотою по казенному найму (ст. 349 и 308) съ тѣмъ, чтобы изъ вырученной за каждую квитанцію суммы—300 руб. сер. съ 6-ю процентами, возвращать государственному казначейству, а все остальное обращать на составленіе капитала для отставныхъ солдатъ (ст. 357 рекр. устава).

УСТАВЫ КАЗЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Государственный советъ, рассмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о магометанскомъ духовенствѣ въ таврической губерніи, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 24 мая мая 1848 года, положилъ: въ поясненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить слѣдующія правила: 1, Всѣхъ занимающихъ въ таврической губерніи духовныя должности магометанскаго исповѣданія, исчисленныя въ §§ 13, 14, 18, 20 и 21 положенія 23 декабря 1831 года о таврическомъ магометанскомъ духовенствѣ, оставить, на основаніи существующаго закона, свободными отъ всѣхъ податей и повинностей, равно какъ и тѣхъ, кои отъ духовныхъ должностей уволены за старостию (свыше 60 лѣтъ) и увѣчьемъ. 2, Оставить также свободными отъ податей и повинностей всѣхъ записанныхъ досель и уже перечисленныхъ въ означенное духовенство, хотя бы они духовныхъ должностей и не исполнили, ограничивъ такое преимущество собственно сими лицами, безъ предоставленія онаго ихъ потомству. 3, Дѣтей лицъ высшаго въ таврической губерніи магометанскаго духовенства, и именно: Муфтія, Каді-Эскера и пяти уѣздныхъ Кадіевъ, и духовенства приходскаго: Хатыновъ, Имамовъ, Мулъ и Маязиновъ оставить равномерно свободными отъ податей и повинностей, если только они сами, по собственному желанію, не поступили въ другое состояніе, не распространяя однако сего преимущества на дальнѣйшее ихъ потомство. 4, Всѣмъ прочимъ духовнаго происхожденія

магометанамъ, таврической губерніи, досель въ духовенство неперечисленнымъ предоставить въ теченіе года, со дня объявленія на мѣсть настоящаго постановленія, избрать родъ жизни. 5, За симъ никакихъ уже новыхъ просьбъ о перечисленіи, по правиламъ происхожденія, въ таврическое магометанское духовенство, безъ исправленія духовныхъ должностей, не принимать.»

Уставы государственнаго благоустройства.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра финансовъ, относительно облегченія силою закона обряда, существующаго на с.-петербургской биржѣ при производствѣ ссудъ подъ акціи, *мнѣніемъ*, Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1848 года, *положилъ*: представленіе сіе утвердить, и, въ слѣдствіе того, въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановить, относительно производства на с.-петербургской биржѣ ссудъ подъ акціи, слѣдующія правила: 1, получающій денежную ссуду подъ залогъ акцій передаетъ оныя дѣлающему такую ссуду, при письмѣ, которымъ предоставляетъ ему, въ случаѣ неплатежа въ назначенный срокъ капитала и процентовъ, распорядиться тѣми акціями по своему усмотрѣнію, т. е. продать ихъ другому лицу, или оставить за собою по существующей на биржѣ цѣнѣ; а если чрезъ продажу акцій, вся ссуженная сумма съ причитающимися процентами не выручится, то получитель ссуды доплату недостающаго количества принимаетъ на свою обязанность. 2, Дѣлающій же ссуду подъ акціи, съ своей стороны выдаетъ получающему оную также письменное удостовѣреніе въ томъ, что въ обеспеченіе данныхъ въ ссуду денегъ принялъ такія то акціи, которыя, по уплатѣ обратно данныхъ подъ залогъ ихъ денегъ, обязывается возратить по принадлежности; въ противномъ случаѣ, если плата не послѣдуетъ, имѣетъ право обратить ихъ въ свою пользу или продать, по состоящей на биржѣ цѣнѣ. 3, За тѣмъ, получившій ссуду, соображался съ уставами компаній, вмѣстѣ съ тѣми изъ акцій, кото-

рыя передаются съ переводными надписями, вручаетъ ссудившему и объявленіе, въ правленіе подлежащей компаніи, для персвода такихъ акцій на его имя; другія же акціи передаетъ по бланковымъ надписямъ, а писанцыя на предъявителей безъ всякихъ надписей. 4, Сдѣлки, совершаемыя купечествомъ по предмету ссудъ подъ акціи, писать, согласно 2254 статьѣ учрежд. и уст. торг. (св. зак. т. XI, на гербовой, пятнадцати копѣчнаго достоинства, бумагъ, съ соблюденіемъ формальностей, установленныхъ для мажорскихъ записокъ.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената, по вопросу, о объявленіи купеческихъ капиталовъ родственниками несостоятельныхъ должниковъ, и соглашаясь съ заключеніемъ сената, *мнѣніемъ*, Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1848 года, *положилъ*: 1, Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановить, что сила 15 статьи учрежденій торговыхъ (св. зак. т. XI), на основаніи коей купеческіи жены несостоятельнаго должника допускаются къ объявленію особаго капитала и къ запискѣ по этому въ гильдію, не ожидая окончанія конкурса, если само конкурсное управленіе, по положенію дѣлъ, признаетъ сіе возможнымъ, распространяется въ той же силѣ и на дѣтей и родственниковъ несостоятельнаго должника, въ одномъ семейномъ капиталѣ съ нимъ состоящихъ. 2) Соответственно сему (въ разрѣшеніе частнаго случая, изъ коего возникъ настоящій вопросъ) дозволить сыну умершаго Новоладожскаго купца Арапова, Тимоѣю Арапову, объявить особый капиталъ и записаться по оному въ гильдію, если новоладожскій сиротскій судъ, гдѣ разсматривается дѣло о несостоятельности его матери, Татьяны Араповой, удостовѣритъ, что объявляемый капиталъ не подлежитъ на уплату долговъ ея, Араповой.

Законы уголовные.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о мѣрѣ наказанія за ввозъ изъ-за грани-

К. IX. — Отд. II.

ны и водвореніе въ Имперіи фальшивыхъ билетовъ польскаго и финляндскаго банковъ, нашелъ, что подлежащій вопросу исполнѣе разрѣшается яснымъ смысломъ ст. 604 улож. о накз. Въ статьѣ сей прямо и положительно сказано, что дѣйствию оной подлежатъ виновные въ поддѣлкѣ всякихъ билетовъ кредитныхъ установленій, имѣющихъ въ общемъ обращеніи достоинство денегъ, а накзъ съ одной стороны такое достоинство билеты финляндскаго и польскаго банковъ Имперіи имѣютъ, а съ другой самое Царство Польское и Великое Княжество финляндское составляютъ неотдѣльные части Государства Россійскаго; то засимъ ни въ какомъ уже новомъ по настоящему предмету постановленіи надобности не представляется. Въ слѣдствіе чего государственный совѣтъ имѣиэмъ, Высочайше утвердившимъ 10 мая 1848 года, положилъ: не дѣлая никакого въ ст. 604 улож. о нак. дополненія, предоставить правительствующему сенату, если бы при разсмотрѣніи въ уголовныхъ судахъ частныхъ случаевъ о привозѣ изъ-за границы, водвореніи въ Имперію и поддѣлкѣ фальшивыхъ билетовъ банковъ: Царства польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, встрѣтились какіи либо сомнѣнія, разрѣшать оныя чрезъ точное прихъненіе къ онымъ случаямъ содержащихся въ упомянутой 604 ст. постановленій».

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Изъ 1-го отдѣленія 6-го департамента Правительствующаго Сената поднесенъ былъ Его Императорскому Величеству, чрезъ государственный совѣтъ, всеподданнѣйшій докладъ, по дѣлу о губерискомъ секретарѣ Константиѣ Добрынинѣ, сужденномъ за разныя преступленія.

Государственный совѣтъ, при разсмотрѣніи дѣла о Добрынинѣ, остановился на предположеніи судебныхъ мѣсть о преданіи его церковному покаянію за намѣреніе къ самоубійству, нашелъ, что Добрынинъ намѣреніе лишить себя жизни выразилъ въ письмахъ къ одной помѣщицѣ и къ

своей жень, но къ исполненію такого намъренія вовсе не приступала. По 9 и 11-ст. Улож. о Наказ., изъясненію на словахъ или письменно, или же инымъ какимъ-либо дѣйствіемъ, намъренія учинить преступленію, почитается признакомъ умысла; а покушеніемъ на преступленію признается всякое дѣйствіе, коимъ начинается или продолжается приведеніе злаго намъренія въ исполненіе. Въ приведенной же судебными мѣстами 1944 ст. Улож., церковному поканію подвергаются лишь изобличенные въ покушеніи лишить себя жизни, когда исполненіе намъренія того остановлено посторонними, независящими отъ нихъ обстоятельствами. Посему государственный советъ, сообразивъ въ семъ отношеніи обстоятельства дѣла съ приведенными статьями Улож., призналъ, что подсудимый въ покушеніи на самоубійство не изобличенъ, а потому и церковному поканію не подлежитъ.

На семъ основаніи государственный советъ постановилъ мѣрніе, удостоенное Высочайшаго утвержденія.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: въ С.-Петербургу, во всей Литейной части и въ Московской части на всеиъ пространствѣ, которое заключается между Фонтанкою и Владимірскою улицею отъ Невскаго до Обуховскаго проспектовъ, никакихъ новыхъ деревянныхъ строений впредь не дозволить.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, представленія генераль-губернатора Западной Сибири, — Высочайше повелѣть соизволилъ, въ г. Тобольскѣ, деревянные дома на улицу, строить всеиъ, непременно, на камешныхъ или кирпичныхъ фундаментахъ.

Государь Императоръ, по ходатайству Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы Окружное Правленіе 1-го округа путей сообщенія, имѣло должное наблюденіе, чтобъ обыватели Каменнаго острова, обязанные содержать тамъ

шоссе на свой счет, при исполненіи этой обязанности, соблюдали всѣ установленныя въ семь случаевъ, въ искусственномъ отношеніи, правила.

Дворянство Тамбовской губерніи пожертвовало въ пользу запасныхъ баталіоновъ 3-го пѣхотнаго корпуса 12 троекъ зрительныхъ лошадей съ упряжью, и сверхъ того дворянами, проживающими въ Тамбовѣ, пожертвовано въ пользу нижнихъ чиновъ 270 руб. серебромъ.

Государь Императоръ, по прочтеніи донесенія объ этомъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: благодарить дворянство за означенныя пожертвованія.

Государь Императоръ, по прочтеніи постановленія дворянства Черниговской губерніи, съ изъясненіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, одушевляющихъ дворянъ по случаю манифеста 14 прошедшаго марта, и о пожертвованіи снѣмъ дворянствомъ на провіантъ для войскъ 100 т. пудовъ муки,—Высочайше соизволилъ: объявить дворянству Черниговской губерніи, что Его Императорское Величество душевно благодарить дворянство за благородныя чувства его.

— Государь Императоръ, прочитавъ съ удовольствіемъ изъясненныя во всеподданнѣйшемъ адресѣ Ярославскаго дворянства выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ къ Престолу и отечеству, Высочайше повелѣть изволилъ: объявить Ярославскому дворянству, что Его Императорское Величество душевно благодарить дворянство за благородныя чувства, его одушевляющія и давно извѣстныя Его Величеству.

Изъ министерства внутреннихъ дѣлъ выдана 20 іюля сего года надв. сов. Вышенскому привилегія на 5 лѣтъ на учрежденіе дилижансовъ, для перевозки пассажировъ отъ Новой-Ладоги до Тихвина, на разстояніи 104 верстъ, съ платою по 1 руб. сер. съ особы.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Назначены: мая 30. Предсѣдателемъ владимирской пала-

ты уголовного суда, председатель таврической гражданской палаты стат. сов. *Крашенинниковъ*. Чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ правит. сенатъ, чиновникъ особыхъ порученій въ V-мъ классъ при министрѣ юстиціи стат. сов. *Торнау*. іюня 3. Свиты Е. И. В. генераль-маіоръ *Пашковъ*—вице-директоромъ департ. вишней торговли и инспекторомъ пограничной стражи, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества. Іюня 16. Въ должности оберъ-прокуроровъ правит. сената. сост. за оберъ-прокурорскимъ столами въ сенатъ, статскіе совѣтники: *Нефедьевъ* въ 1-е отдѣленіе шлага и *Чередыевъ* въ 1-е отдѣленіе шестаго департаментовъ сената. Іюля 1. Исправляющему должность председательствующаго въ С.-Петербургскомъ оекунскомъ совѣтѣ Е. И. В. Принцу Петру Ольденбургскому, Всемило-стивѣйше повельно быть председательствующимъ въ семъ совѣтѣ. Іюля 3. Начальнику штаба войска донскаго генераль-лейтенанту *Холотову* 1-му, повельно быть испр. должн. наказнаго атамана сего войска. Свиты Е. И. В. генераль-маіору графу *Орлову-Денисову*, испр. должн. начальника штаба сего войска, съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В. Іюля 6. Назначенъ вице-директоромъ депар. сельскаго хозяйства, по вѣдом. госуд. имущ., нач. отд. того деп. стат. сов. *Миллеръ*. Іюля 13. Сост. при мнн. внутр. дѣлъ, въ званіи камергера двора Е. И. В., дѣйст. стат. сов. *Писареву*, повельно быть Олонецкимъ гражд. губернаторомъ. Іюля 20. Въ члены комисіи построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, назначенъ сенаторъ генераль-лейтенантъ *Бологовской*.

Дозволеніе пользоваться баронскимъ титуломъ.

Государственный совѣтъ, по разсмотрѣніи доклада правительствующаго сената о баронскомъ достоинствѣ коллежскаго совѣтника *Карла Кистера*, принявъ на видъ, что Кистеръ, состоящій нынѣ въ подданствѣ и службѣ Россійской Имперіи возведенъ съ потомствомъ въ баронское достоин-

ство владѣтельнымъ герцогомъ Ангальтъ-Кетенскимъ 16 апрѣля 1832 года, признавъ представленный на означенное достоинство дипломъ соответствующимъ смыслу законовъ о доказательствахъ на почетные титулы, (ст. 53 и прим. 2 къ сей ст. VII прод. IX т. св. зак. о состоян.) а потому мнѣемъ, Высочайше утвержденнымъ 2 Іюня 1848 года, положить: коллежскому совѣтнику Карлу Кистеру, съ прямымъ нисходящимъ потомствомъ его, дозволить согласно съ заключеніемъ правительствующаго сената, пользоваться въ Россіи баронскимъ титуломъ герцогства Ангальтъ-Кетенскаго.

Пожалованіе въ званіе къ высочайшему двору.

Іюня 13. Пажи: Николай *Игнатьевъ* 1-й, Николай *Чевкинъ*, экстернъ *Василій Пашковъ*, баронъ *Андрей Корфъ* 1-й, экстернъ князь *Сергій Трубецкой* 3-й, экстернъ *Алексій Олсуфьевъ*, *Сергій Авиневъ*, Николай *Пилларъ Фонтъ-Пильхау* 1-й, князь *Александръ Трубецкой* 1-й, *Алексій Толстой* 2-й, *Иларіонъ Толстой* 3-й, *Александръ Рылеевъ*, *Левъ Маковъ*, экстернъ Николай *Пилларъ Фонтъ-Пильхау* 2-й, Николай *Ланской* и *Иванъ Семіонтовскій*, пожалованы въ камеръ-пажи. Іюня 25. Пажъ графъ *Павель Шуваловъ*, пожалованъ въ камеръ-пажи, сверхъ комплекта. Іюня 30. Внука оберъ-камергера графа *Строганова*, дѣвица *Елена Черткова*, пожалована во фрейлины къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Іюля 1. Дѣвица *Наталья Хвоцки-скал*, пожалована во фрейлины, къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Іюля 20 *Пензенскій уездный судья*, кол. асс. *Николай Кишинскій*, пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера. Іюля 22. Княжна *Наталья Салтыкова* пожалована во фрейлины къ Е. И. В. Государынѣ Цесаревнѣ.

НАГРАДЫ:

произведены:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

За отличіе, изъ статскихъ совѣтниковъ: Іюня 12. Импе-

ваговецкаго дерптскаго университета ректоръ орд. прус. *Нейе*. Юня 25. Чиновники при департаментахъ: при комиссаріатскомъ, *Брискорнъ*; при провіантскомъ 5-го класса *Кирилинъ*. Юля 3. Московскаго оекунскаго совѣта директоръ при повивальномъ институтѣ воспитательнаго дома *Рихтеръ*. Юля 7. Правитель канцеляріи главнаго командира черноморскаго флота и портовъ *Кашневъ*.

Въ статскіе совѣтники.

Изъ коллежскихъ совѣтниковъ, за отличіе: іюля 19. Чиновникъ особыхъ порученій V-го класса, при статскъ секретарѣ, управляющемъ дѣлами комитета министровъ, камеръ-юнкеръ *Безобразовъ*. Юня 25. Члены комиссаріатскихъ комиссій: Кіевской-*Жандръ* и Тобольской-*Соболевъ*. За выслугу лѣтъ: мая 30. Таганротскаго коммерческаго суда председатель *Броневскій*. Юня 2. III-го отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи старшій чиновникъ *Левенталь*. Юня 16. Состоящій при министрѣ статскъ-секретарѣ царства польскаго чиновникомъ особыхъ порученій *Гонзаго-Павличинскій*. Юня 17. Харьковской палаты, по вѣдом. мин. финансовъ, губернскій контролеръ *Ковалевъ*. Юня 22. Казанской духовной академіи Профессоръ *Бенволенскій*. Юня 26. С.-Петербургской палаты старшій совѣтникъ, управляющій отдѣленіемъ питейныхъ сборовъ *Лукошковъ*. Юня 30. Курляндской межевой комиссіи, председатель *Киницъ*. Юля 3. Департ. мануф. и внутр. торговли чиновникъ особыхъ порученій V класса, *Леопольдъ*. Юля 7. Причисленный ко II-му отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи баронъ *Корфъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

(Іюня 25)

Св. Равноапостольнаго князя Владимира I-го степени

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, кіевскій

военный, подольскій и волыньскій генераль-губернаторъ *Бибиковъ* 1-й.

Св. Александра Невскаго.

Генераль-лейтенантъ, попечитель дерптскаго учебнаго округа, Евстафій *Крафстремъ*. Юля 1. Тайный совѣтникъ, сенаторъ *Ланской*. Тайный совѣтникъ, сенаторъ князь *Оболенскій*.

Благо Орла.

Юля 1. Генераль-лейтенантъ, сенаторъ *Мартыновъ*.

Св. Анны 1-й степени, съ Императорскою короною.

Юня 25. Тайный совѣтникъ *Марини*.

Св. Анны. 1-й степени.

Юня 8. Королевскій датскій генераль-маіоръ *Оксгольмъ*. Юня 15. Дѣйст. стат. сов. Иванъ *Лазаревъ*. Дѣйст. стат. сов. Христофоръ *Лазаревъ*. Юня 25. Свиты Е. И. В. генераль-маіоръ баронъ *Притвицъ* 2-й. Генераль-маіоръ, попечитель кievскаго учебнаго округа *Траскинъ*. Юля 1. Двора Е. И. В. гофмейстеръ князь *Юсуповъ*.

Св. Станислава 1-й степени.

Юня 19. Дѣйст. стат. сов. первый драгоманъ азiятскаго департамента *Дестунисъ*. Дѣйст. стат. сов. сост. при азiятскомъ департаментѣ, *Тилковскій*. Юня 25. Дѣйст. стат. сов. старшій врачъ при с.-петербургскомъ училищѣ ордена Св. Екатерины *Блюмъ*. Юня 25. Дѣйст. стат. сов. графъ *Хрептовичъ*.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени.

Апрѣля 29. Флигель-адъютантъ Е. И. В. командиръ стгер-

скаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, полковникъ князь *Брятинскій*. Мая 1. Предсѣдательствующій въ почетельномъ комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, дѣйст. стат. сов. *Ганъ* и нач. отд. лѣснаго департамента стат. сов. *Грешницевъ*. Управляющіе палатами госуд. имуществъ: курляндскою—дѣйст. стат. сов. баронъ *Оффенбергъ* и орловскою—стат. сов. *Норровъ*, и нач. отд. 1-го департ. госуд. имущ. стат. сов. *Журавлевъ*. Мая 7. Екатеринбургскій губернскій предводитель дворянства дѣйст. стат. сов. Баронъ *Франкъ*. Нач. отд. почтоваго департ. Кол. совѣт. *Крисковъ*. Іюня 11. Статскіе совѣтники: главный лекаръ царскосельскаго военнаго госпиталя *Ведринскій* и старшій докторъ Феодосійскаго военнаго госпиталя *Кайзеровъ*. Іюня 12. Нач. отд. комитета призьрніи заслуженныхъ гражд. чиновн. стат. сов. *Гейнъ*. Іюня 19. Первый драгоманъ въ азійскомъ департаментѣ. стат. совѣт. *Ярцовъ*. Сост. при департаментѣ Ревизіи отчетовъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій со стороны государственнаго контроля, оберъ-контролеръ кол. сов. *Вороновъ*. Іюня 24. Велико-герцогской гессенской службы полковникъ *Троттъ*. Іюня 25. Военный губернаторъ города Ярославля и ярославскій гражданскій губернаторъ, Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ *Бутурлинъ* 2-й и флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества лейбъ-гвардіи коннаго полка полковникъ графъ *Бенкендорфъ*. Нач. отдѣленія строительнаго департамента морскаго министерства, статскій совѣтникъ *Лобановъ*.

Св. Владимира 4-й степени, съ бантомъ.

Мая 4. Маіоры: Ставропольскаго егерскаго полка *Прушинскій* и кубанскаго егерскаго полка *Зергель* и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ баронъ *Сталь*. Іюня 6. Самурскаго пѣхотнаго полка маіоръ *Болотниковъ*. Донскаго казачьяго № 22 полка войсковый старшина *Поповъ* 15-й, Самурскаго пѣхотнаго полка капитанъ *Смирновъ* 2-й и штабсъ-

капитаны: драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго принца Виртенбергскаго полка, *Бужикъ*. Юня 20. Донскаго казачьяго № 39 полка сотникъ *Положевъ*.

Св. Владимира 4-й степени, безъ банта.

Мая 15. Главный лекаръ шемахинскаго военнаго госпиталя, штабъ-лекаръ надв. Сов. *Чапскій*, младшій ординаторъ тифлисскаго военнаго госпиталя, штабъ-лекаръ кол. асс. *Ноодтъ*, старшій ординаторъ лабинскаго военнаго госпиталя, штабъ лекаръ тит. сов. *Золотаревъ* и главный докторъ царско-колодскаго военнаго временнаго госпиталя, штабъ-лекаръ *Роубе*. Юня 6. Полковый штабъ-лекаръ пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка, кол. асс. *Сергеевъ* и баталіонные лекари сего же полка: кол. асс. *Васильевъ* и тит. сов. *Соболевскій*.

Пожалованы медалями:

Золотыми, съ надписью: «за усердіе» для ношенія на шеѣ: Юля 24. На *Андреевской* лентѣ: Почетный гражданинъ Московскій 1 гильд. куп. Павелъ *Данцловъ*. Конгурскій 2 гильд. куп. Дмитрій *Бѣловъ*. На *Александровской* лентѣ: юня 6. Воскресенскій градской глава, 2-й гильдіи купецъ Филимонъ *Горячій*. Юня 11. Оцѣвникъ драгоценныхъ вещей при С.-Петербур. ссудной казнѣ купецъ 3-й гильдіи Борисъ *Кохендорферъ*. Юля 24. Вильманстрандскій 1 гильд. купеч. сынъ Фотій *Швецовъ*. На *Аннинской* лентѣ: юля 6. Градскіе головы: Серпуховскій 1-й гильд. купецъ Андрей *Солодовниковъ* и бронницкій купецъ Никита *Терентьевъ*. Юня 11. Бѣлгородскій 2-й гильдіи купецъ *Мачуринъ*. *Серебраною*, на *Аннинской* лентѣ: Юня 6. Гласный Воскресенской градской думы, 3-й гильд. купецъ Николай *Бородиль*.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Билль лорда *Джона Росселя*, объ отъѣздѣ на время въ Ирландію закона о личной неприкосновенности, принятый 22 іюля въ нижней палатѣ, 24 числа былъ выслушанъ въ верхней палатѣ, и послѣ нѣкоторыхъ преній также одобренъ и принятъ. 25 числа, было уже получено въ парламентъ утвержденіе королевы, и такимъ образомъ этотъ билль получилъ законную силу.

24 іюля, въ верхней палатѣ, былъ прочтенъ во второй разъ билль о публичныхъ работахъ въ Ирландіи, принятый уже нижней палатою. Лордъ *Элленборо* одобрилъ эту мѣру вообще, сдѣлалъ обзорныя положенія Ирландіи и въ концѣ своей рѣчи, совершенно неожиданно, приписалъ постоянныя замышательства въ Ирландіи положенію церкви относительно государства. Онъ предложилъ, чтобы католическое духовенство получало отъ казны жалованье и чтобы изъ назначаемыхъ для Ирландіи денегъ была употреблена нужная сумма на постройку домовъ и покупку земель для католическихъ священниковъ. Лордъ *Монтгиль* одобрилъ это предложеніе и сказалъ, что Георгъ III, хотя былъ ревностный протестантъ, но считалъ нужнымъ давать жалованье католическимъ священникамъ.

25 числа, былъ прочтенъ въ третій разъ билль о вступ-

леніи въ супружество въ Шотландіи. До настоящаго времени бракъ заключали тамъ такимъ образомъ: мужчина или лучше днтя 14 лѣтъ и дѣвочка 12 лѣтъ давали въ любомъ мѣстѣ брачную присягу передъ свидѣтелями, и дѣло тѣмъ и оканчивалось. Настоящій же билль требуетъ исполненія нѣкоторыхъ формальностей, именно предварительнаго пребыванія въ приходѣ, объявленія и т. п., и браки въ Шотландіи будутъ считаться законными только тогда, когда заключены въ присутствіи священника и чиновника, на котораго возложено веденіе метрическихъ списковъ.

Большая часть засѣданій палатъ въ августѣ была посвящена преніямъ о заграничныхъ дѣлахъ: лямбургскихъ и италіянскихъ, и о томъ участіи, какое принимаетъ или намѣрена принять въ этихъ дѣлахъ Англія.

Въ нижней палатѣ 7 числа, лордъ *Пальмерстонъ*, отвѣчая на вопросъ г. *д'Израэли* о лямбургскихъ дѣлахъ, сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Г. *д'Израэли* въ точности изложилъ наши обязанности, которыя возлагаетъ на насъ трактатъ 1839 года. По этому договору, часть люксембургскаго герцогства уступлена Бельгіи. Парламенту извѣстно, что люксембургское герцогство составляло часть германскаго союза, и нидерландскій король, въ званіи великаго герцога люксембургскаго, былъ членомъ этого союза. Договоромъ 1839 года было опредѣлено, что за уступку части этого герцогства король получитъ въ вознагражденіе Лямбургъ. Король могъ владѣть этой областью, какъ великій герцогъ, или присоединить ее къ нидерландскому королевству. По другой статьѣ договора, онъ долженъ былъ вознаграждать членовъ нассаускаго дома, за понесенную ими потерю, и Германскій Союзъ долженъ былъ также получить вознагражденіе. Король заключилъ особенный договоръ съ членами своего дома. Статьи этого договора англійскому правительству неизвѣстны. Объ условіяхъ съ Германскимъ Союзомъ Англія тоже оффициально ничего не знаетъ. На дняхъ посланникъ нидерландскаго короля сообщилъ мнѣ воту о дѣйствіяхъ франкфуртскаго сейма касательно этой части королевства. Но прежде нежели англійское правительство рѣшить,

до какой степени означенный договор возлагает на него обязанность или дает ему право вѣшаться въ эти происшествія, а долженъ былъ потребовать отъ нидерландскаго министерства подробныхъ свидѣній о договорѣ, заключенномъ покойнымъ королемъ съ Германскимъ Союзомъ на счетъ этой части нидерландскаго королевства. Этихъ свидѣній я еще не получалъ, и потому не могу отвѣчать на сдѣланный мнѣ вопросъ, приметъ ли Англія участіе въ этомъ дѣлѣ и какими именно образомъ.»

8 августа, въ верхней палатѣ лордъ *Станлей* предложилъ вопросъ о сицилійскомъ дѣлѣ. Маркизь *Ландсдаунъ* отвѣчалъ:

«Не обинуясь сообщаю почтенному лорду всѣ объясненія, какія только могу сообщить объ интервенціи Англіи въ сицилійскихъ дѣлахъ, если только это можно назвать интервенціею. Это скорѣе выраженіе мнѣнія Англіи о распряхъ, происходившихъ, по несчастію, между Неаполемъ и Сициліею. Я бы хотѣлъ убѣдить палату, что во все продолженіе этихъ дѣлъ, ни на минуту не проявлялось желаніе произвести разрывъ между обими частями государства, или даже способствовать, поощрять къ нему. Мнѣ очень пріятно объявить, что Англія была и, надѣюсь, еще долгое время будетъ въ союзѣ съ королемъ неаполитанскимъ. Хотя королевство Сицилія было соединено съ королевствомъ неаполитанскимъ, но съ Сициліею Англія, и независимо отъ своего союза съ Неаполемъ, была всегда въ тѣсныхъ сношеніяхъ, по причинѣ ея конституціи. Въ распряхъ, происшедшихъ между этими двумя странами, Англія постоянно старалась дружескими совѣтами поддерживать союзъ Неаполя съ Сициліею на условіяхъ наиболее выгодныхъ для обомъ.»

«Такова была цѣль лорда *Минто*. Наши совѣты приняты были съ доброжелательствомъ и дружественнымъ расположеніемъ. Одно время правительство королевы надѣялось, что цѣль его интервенціи будетъ достигнута и примиреніе между Неаполемъ и Сициліею произведено. Но при неаполитанскомъ дворѣ произошли перемѣны, которыя замедлили ожидаемое рѣшеніе. Послѣдующія событія еще расширили

брешь, образовавшуюся между Сицилією и Неаполемъ и, безъ всякаго сомнѣнія, событія, совершившіяся во Франціи, сильно подстрекнула духъ сопротивленія. Провсвѣдшущо развѣяку нельзя приписывать ни недостатку усилій правительства Ея Величества, ни недостатку способности лорда *Минто*. Когда сдѣлалось уже очевиднымъ, что Сицилія не будетъ болѣе составлять часть королевства неаполитанскаго, желаніе правительства королевы содѣйствовать выгодамъ короля неаполитанскаго было столь же сильно какъ и прежде. Правительство употребляло сначала свое вліяніе для того, чтобы одинъ изъ принцевъ неаполитанскаго дома былъ избранъ въ короли этого государства, которое сдѣлалось бы въ сущности владѣніемъ независимымъ. Графъ *Минто* употреблялъ всевозможныя усилія для того, чтобы побудить къ тому Сицилійцевъ. По итрь того какъ событія совершались, сдѣлалось очевиднымъ, что Сицилійцы всѣхъ классовъ, пачиная съ аристократіи до черни, твердо рѣшились сохранить свою независимость. Ихъ мужество и рѣшимость упрочили эту независимость.

«Между-тѣмъ правительство долгомъ почло продолжать свои совѣты и могу увѣрить почтеннаго лорда, что эти совѣты не сопровождались никакими угрозами. Правительство королевы не считало своей обязанности вмешиваться въ избраніе рода правленія, которое надлежитъ учредить въ Сициліи; но оно не скрывало, что болѣе расположено въ пользу монархическаго, чѣмъ республиканскаго правленія. При нынѣшнемъ положеніи Европы, я думаю, что это добрый совѣтъ, который Англія могла дать, Сицилія могла принять. Какъ скоро сдѣлалось известнымъ, что народъ, свободный въ выборѣ, склоненъ въ пользу правленія монархическаго, надобно было желать, чтобы сицилійскій государь былъ избранъ изъ числа италіянскихъ принцевъ, для того, чтобы не вводить принцевъ чуждыхъ государствъ и чуждой крови. Избраніе иностранца могло бы подать поводъ къ иностранному вмешательству и повлечь за собою еще большія затрудненія.

«Правительство королевы не имѣло причины сожалѣть о

совѣтахъ, которые издавало въ этомъ случаѣ. Благородный лордъ ошибается, полагая, что сицилійскому народу или сардинскому королю сообщено было, что англійское правительство требуетъ удостовѣренія, что въ королѣ Сициліи избранъ будетъ герцогъ гетуазскій или будто мы постановили какія-либо условія поведенію, которое Англія будетъ наблюдать въ отношеніи къ Сициліи, какъ къ независимому государству. Англійское правительство говорило только одно, именно что Англіи пріятнѣе будетъ, ежели Сицилія, слѣдующаясь отдѣльнымъ государствомъ, изберетъ государя изъ италіанскихъ принцевъ, а не изъ иностранцевъ».

Что касается до политики Англіи въ отношеніи къ Австріи и Сардиніи, то она ясно обозначена въ одной статьѣ газеты Times.

Она состоитъ въ томъ, чтобы признать факты, уже совершившіеся и не компрометировать своего достоинства, поддерживать инсurreкцію противъ законнаго государя. «Это было бы явнымъ нарушеніемъ началъ международной политики, говорить эта газета, если бы Англія стала противиться торжественному шествію фельдмаршала *Радецкого*. Здѣсь надобно признать правила, которыя лордъ *Пальмерстонъ* поддерживалъ въ прошломъ году въ отношеніи къ Швейцаріи. Дипломатіи нечего дѣлать тамъ, гдѣ уже оружіе рѣшило дѣло. «А главное, говорить Times, мы не можемъ нашею политикою поддерживать инсurreкцію въ другихъ странахъ, когда съ такою строгостію возстаешь противъ духа мѣлака у себя, дома; и мы, конечно, должны оказывать торжеству законной власти, по крайней мѣрѣ, такое же уваженіе, какое оказывали правительствамъ, несравненно менѣе правильнымъ.»

Въ засѣданіи нижней палаты 9 числа, лордъ *Джонъ Россель*, въ отвѣтъ своемъ на вопросы г. *д'Израэли*, объявилъ, что англійское правительство официально признало французскую республику.

16 августа, на совѣтъ г. *д'Израэли* не вступать въ союзъ съ Французами, которыхъ онъ называетъ Якобинцами, лордъ

Пальмерстонъ, защищая дружественныя сношенія съ Франціею, отвѣчалъ между прочимъ слѣдующее:

«Надѣюсь, что наши дѣйствія сохранятъ въ Европѣ миръ, и желаю того, — миръ, который, благодаря взаимному содѣйствію, продолжался непрерывно тридцать лѣтъ, и въ послѣднія пятнадцать лѣтъ безспорно поддерживался добрымъ согласіемъ между Англіею и Франціею. Вотъ почему мы вновь присоединились къ Франціи, вотъ почему съ удовольствіемъ соглашаемся съ правительствомъ французскимъ, каково бы оно ни было, для отвращенія ужасовъ войны. Вижу, что почтенный членъ улыбается презрительно. Не смотря на эту насмѣшливую улыбку, я утверждаю, что это такое дѣло, какимъ всякое правительство и особенно правительство англійское, по справедливости, можетъ гордиться. Такъ, мы гордимся тѣмъ, что можемъ это сказать, въ виду грозныхъ происшествій, недавно ниспровергнувшихъ бывшее правительство Франціи и отдавшихъ власть въ руки людей, которые долгое время были ей чужды. — Мы считаемъ за счастье повторить, что не смотря на эти происшествія и ихъ послѣдствія, мы почти совершенно увѣрены, что начальники французской націи и часть самой Франціи твердо рѣшились откровенно соединить политику обѣихъ земель. Скажу еще, что изъ происшествій послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ явствуется не менѣе важный фактъ — быстрый успѣхъ, который оказала между націями просвѣщенная политика въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Если бѣ происшествія, о которыхъ мы говоримъ, случился за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, они возгли бы войну во всей Европѣ. Но нынѣ, при важныхъ переворотахъ у разныхъ народовъ твердой земли, желаніе мира преобладаетъ у большей части людей. — Утѣшительно видѣть, что люди, служащіе теперь органомъ французской націи, вмѣсто того, чтобъ обратить всѣ дурныя наклонности къ войнѣ, какъ случилось въ первую революцію, занимаются внутренними дѣлами и стараются утвердить порядокъ. Это приноситъ честь симъ людямъ, каковы бы ни были прежніе ихъ поступки. Доколь Англія и

Франція захотятъ поддерживать миръ въ свѣтъ, изъ этого единогласія произойдутъ только достойныя уваженія послѣдствія, и нѣтъ возможности, чтобы двѣ такія великія націи соединились съ цѣлю, которой нельзя объявить предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ. И такъ мы вамъ предлагаемъ этотъ союзъ, и дай Богъ, чтобы мое предложеніе было принято, ибо я думаю, что отъ него произойдетъ только благо для человѣчества. Во всякомъ случаѣ, всѣ наши усилія будутъ обращены къ сей цѣли, и каковъ бы ни былъ исходъ ихъ, мы надѣемся, что парламентъ одобритъ старанія наши къ достиженію ея.

Въ засѣданіе нижней палаты 17 августа, происходило сильное преніе по поводу вторичнаго чтенія билля о дипломатическихъ сношеніяхъ Англіи съ папою. Лордъ *Пальмерстонъ* защищалъ этотъ билль и доказалъ, что коммерческія выгоды требуютъ сношеній Англіи съ римскимъ дворомъ. Онъ только поверхностно коснулся пунктовъ англійскаго закона, воспреещающаго эти сношенія, потому-что они теперь не могутъ уже служить основаніемъ дипломатіи, и потому-что въ такомъ случаѣ нельзя было бы Англіи вступать въ сношенія и съ магометанскою державою, опасаясь, чтобы король или королева Англіи не приняли исламизма. Г. *Эйсти* говорилъ противу билля, и г. *Уркуартъ* поддерживалъ его мнѣніе, однако же оно было отвергнуто большинствомъ голосовъ (125 противъ 46) и билль прошелъ вторично.

— Газета *Times*, разсуждая о рѣчи г. *д'Израэли* объ италіянскихъ дѣлахъ, между прочимъ говоритъ: «Конечно, если бы Францію вызвали на бой, она въ состояніи была бы выставить въ поле огромныя арміи. Поэтому миръ Европы зависитъ оттого, что Франціи не подадутъ ни малѣйшаго повода къ войнѣ, что французская республика вообще хорошо принята другими державами и что большинство Французовъ очень хорошо понимаетъ, до какой степени столкновеніе съ другими народами затруднило бы ихъ положеніе и усилило тягости, которыми они и безъ того

обращены. Но какъ бы ни важна была эта послѣдняя причина, въ особенности для государственнаго чловѣка, она однако жъ не можетъ заглушить воинственнаго инстинкта этого гордаго и отважнаго народа, если бы кто унижилъ его гордость или оскорбилъ его тщеславіе.

«Конечно, Франція не въ состояніи предпринять политической войны; но это еще не можетъ служить ручательствомъ, что она не устремится, очертя голову, въ непріязненныя дѣйствія, совершенно противныя здравой политикѣ. Что касается до ея средствъ, то они не ниже средствъ другихъ великихъ державъ, за исключеніемъ одной только Россіи, а географическое положеніе Франціи даетъ ей большія преимущества. Положимъ, что она можетъ быть увѣрена въ нейтралитетъ Англіи; тогда Франція со своей африканской арміей можетъ въ самое короткое время сдѣлать набѣгъ на любую изъ южныхъ странъ Европы, и мы желаемъ только одного, чтобы не быть свидѣтелями подобнаго бѣдствія. Объявленіе войны возбудило бы во Франціи энтузіазмъ, котораго не пересплять никакія финансовыя и политическія соображенія. Къ счастью для Европы и для самой Франціи, этотъ революціонный геній еще не проявился, между тѣмъ какъ въ 1793 году онъ извлекъ пять армій изъ банкротства и боролся съ непріятелемъ на всѣхъ границахъ, даже на равнинахъ Аргоны и въ кустарникѣхъ Бретами. Но мы не можемъ вполнѣ полагаться на продолжительность этого спокойствія, потому что еще помнимъ волненіе, которое въ самые спокойныя года минушаго царствованія произвели договоръ объ осмотрѣ кораблей и *Причардовское* вознагражденіе.

«Но г. *д'Израэли* поступилъ весьма несправедливо, сравнивая правленіе генерала *Кавельяка*, съ которымъ мы находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ, съ тѣмъ, которое онъ называлъ якобинскою партіею. Не надобно забывать, что не революція, а сопротивленіе революціоннымъ партіямъ и началамъ предоставило ему власть. Онъ ознаменовалъ вступленіе свое въ должность пораженіемъ страшныхъ массъ, которыя, съ 24 февраля по 11 іюля, были въ сущности полными

австединами Париза и страшилицей правительства. Сверхъ того, наказаніе анархистовъ оиъ возложилъ на военные суды, и эти суды, конечно, накажутъ мятежниковъ строже, чѣмъ когда либо наказывало ихъ французское правительство.

«Франція и національное собраніе окружаютъ генерала *Кавеньяка* своей довѣренностію именно потому, что онъ, какъ они надѣются, спасетъ ихъ отъ пагубныхъ послѣдствій революціи; и онъ заслуживаетъ уваженіе Европы именно по причинѣ надежды, которую возлагаетъ на него его отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что война была бы теперь торжествомъ революціонерной партіи и что предводители красной республики снова приобрѣли бы расположеніе народа однимъ только крикомъ: «Независимость Италіи».

«Что касается до генерала *Кавеньяка*, то для него война была бы новымъ затрудненіемъ. Если бы онъ самъ принялъ начальство надъ арміею, правительство было бы низпровергнуто и Парижъ остался бы безъ покровителя. Если же оиъ предоставилъ бы начальство надъ арміею другому генералу, то подвергъ бы свою репутацію опасному соперничеству, и поколебалъ бы свое могущество, потому-что генералъ, который одержалъ бы первую побѣду, тотчасъ сдѣлался бы первымъ человекомъ во Франціи и рѣшителемъ судебъ ея. Мы имѣемъ ручательства въ искренности миролюбиваго расположенія французскаго правительства и не видимъ, почему мы должны оскорблять соседнее государство, учредившее у себя республиканское правительство, точно также какъ не видимъ, почему, сохраняя дружественныя сношенія съ этимъ государствомъ, не могли бы по-прежнему уважать напримѣръ Россію или всякаго другаго вѣрнаго союзника.

«Не знаемъ, продолжительное ли будетъ это согласіе, потому что редакторы *Le National* много лѣтъ сряду возбуждали непримѣримую ненависть къ англійской политикѣ, къ англійскимъ учрежденіямъ. Какъ бы то ни было, это не мѣшаетъ намъ изъявлять генералу *Кавеньяку* и его посланнику у насъ, г. *де Бомону*, нашу увѣренность, что благоразу-

ніе ихъ поддержитъ начала умѣренности, которыя одни могутъ ручаться за спокойствіе Европы.»

— Верхней палатѣ недавно были сдѣланы сообщенія о состояніи австральскихъ колоній и въ особенности южной Австраліи. Въ этихъ сообщеніяхъ много любопытнаго. Въ 1828 году эти колоніи состояли только изъ южнаго Новаго Валлиса и Фанъ-Дименовой Земли и имѣли 53,000 душъ народонаселенія, въ томъ числѣ 23,000 ссыльныхъ. Теперь пространство Новаго Валлиса съ Портъ-Филиппомъ, втрое болѣе пространства Великобританіи: оно простирается въ длину на 1,000, въ ширину на 300 и по берегу на 1,500 англійскихъ миль. Къ этому надобно прибавитъ южную и западную Австралію и Новую Зеландію. Народонаселеніе австральскихъ колоній простирается нынѣ до 30,000 душъ, то есть, оно въ пять или шесть разъ больше, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ. Въ отношеніи къ благосостоянію колоніи сдѣлали еще бѣльшіе успѣхи. Въ 1828 году вывозъ оттуда простирался только до 181,000 фун. стер., въ 1845 году до 2.189,000. Портъ-Филиппъ созданъ въ послѣдніе шесть лѣтъ: въ 1826 году тамъ было не болѣе 200 жителей; въ 1836—32,800; ввозъ простирался до 205,000 фун. ст., вывозъ до 314,000, доходъ до 185,000. Эта колонія почти ничего не стоила метрополи. Южная Австралія гигантскими шагами идетъ къ преуспѣянію. У ней есть значительные доходы и капиталы для споспѣшествованія эмиграціи, и народонаселеніе состоитъ не изъ одного рабочаго класса: въ немъ много людей образованныхъ. Австральскія колоніи развились гораздо быстрее, чѣмъ старинныя англійскія колоніи въ Америкѣ—доказательство, что нашему времени нельзя отказать въ геніи колонизаціи. Въ американскихъ колоніяхъ было въ 1772 году 2,300,000 жителей, въ австральскихъ въ 1845 только 233,000, и между тѣмъ вторыя получали привозныхъ товаровъ слишкомъ на два милліона фунтовъ стерлинговъ, а первыя только на одинъ; что касается до вывоза, то онъ въ Америкѣ не доходилъ до двухъ милліоновъ фун. ст., а въ Австраліи простирался до 2.185,000. Съ 1846 года въ особенности переселенія въ Австралію чрезвычайно

усилились. Въ нынѣшнемъ году изъ Англіи уже отправилась въ южный Новый Валлисъ 23 судна съ эмигрантами, въ южную Австралію 11 и всякій мѣсяць отправляется круглымъ числомъ 6, такъ что къ концу текущаго года народонаселеніе Австраліи можетъ увеличиться 18,000 душъ.

Ирландія.

Возмутительное движеніе Ирландіи, возбуждавшее столько оясеній, было подавлено почти въ самомъ началѣ. Къ этому способствовали быстрыя и энергическія мѣры, принятыя правительствомъ, и самое положеніе партіи мятежниковъ. Это положеніе отчетливо изображено въ *Journal des Débats*. «Возмутительная партія вовсе не такъ многочисленна, какъ кажется по ея крикамъ. Она состоитъ изъ одной юной Ирландіи, которая имѣетъ противниками не только Англію, но и почти всю старую Ирландію, т. е. Ирландію *О'Коннелла* и духовенство. Сверхъ того, съ одной стороны нѣтъ ни какого единства, а съ другой дѣйствуютъ дисциплина и порядокъ. На сторонѣ послѣднихъ 50,000 войска, которые могутъ моремъ быть доставлены на каждый пунктъ возмущенія, и вся партія оранжистовъ и сѣверно-протестантскихъ провинцій. Не должно однако же быть въ заблужденіи на счетъ характера ирландскаго возстанія. Теперь дѣло идетъ уже не о союзѣ репелеровъ. Эта мечта сошла во гробъ вмѣстѣ съ *О'Коннелемъ*. Сыновья его не въ состояніи поддержать ее. Бѣдный *Джонъ О'Коннель* (сынъ) самъ отчаявается въ своемъ дѣлѣ и, по неимѣнію денегъ и слушателей, принужденъ былъ закрыть свой клубъ *Conciliations-Hall*, уступивъ сцену дѣйствія безпокойнымъ шайкамъ клуба *Music-Hall* и пропагандистамъ насильственнаго возмущенія. Эта партія юной Ирландіи, иначе называемая *якобинскою*, находится теперь въ главѣ возстанія. Это движеніе не только республиканское, но вмѣстѣ и коммунистское. Вотъ въ чемъ оно разнится отъ прежнихъ, произведенныхъ *О'Коннелемъ*, и съ помощію которыхъ онъ исторгъ у Анг-

лиа законъ сравненія нравъ католиковъ съ протестантами и множество другихъ реформъ.»

Главную роль въ ирландскихъ возмущеніяхъ игралъ *Смитъ О'Бринъ*. Ближайшими его помощниками были: *Мигеръ, Меджи, Дурфи, Мертикъ, Лалоръ* и *Бремонъ*. *Смитъ О'Бринъ*, человекъ лѣтъ 45. Онъ родился въ Дромелендъ въ графствѣ Клеръ, и происходитъ изъ фамиліи О'Бринъ, королевскаго рода, потому-что глава этой фамиліи есть не кто иной, какъ знаменитый ирландскій король *Бріанъ Борроимъ* (или *Борю*), который царствовалъ съ 1002 по 1014 годъ. Нынѣшній глава этой фамиліи маркизъ *Томондъ*, дядя *Смита О'Брина*. Братъ его, *Луційусъ О'Бринъ*, лордъ-наместникъ клерскаго графства; онъ членъ нижней палаты и подалъ голосъ въ пользу отмены въ Ирландіи закона habeas corpus. *Смитъ О'Бринъ*, который былъ постепенно тори, вигонъ, репилеромъ, наконецъ республиканцемъ, былъ избранъ въ Лиммерикъ и заседалъ въ нижней палатѣ съ 1835 года. *Смитъ О'Бринъ* не богатъ, но его мать, которой онъ единственный наследникъ, получаетъ 5,000 фунт. стерл. дохода.

Какъ скоро былъ полученъ въ Ирландіи билль объ отменѣ закона о личной неприкосновенности, предводители инсургентовъ тотчасъ удалились изъ Дублина. Къ числу причинъ, поддерживающихъ смуты въ Ирландіи, принадлежатъ между прочимъ то, что масса народа состоитъ тамъ изъ людей, которые ни сколько не дорожатъ жизнию и совершенно равнодушны къ послѣдствіямъ своего поступка, какъ бы ужасны они ни были. Браки по любви, очень часты въ Ирландіи, умножаютъ число вѣщныхъ дѣтей, которыя наконецъ дѣлаются людьми отчаянными. Само собою разумвется, что подобный народъ всегда къ услугамъ предводителя партіи, который захочетъ имъ воспользоваться. Потому, неудивительно, что возмутители общественнаго спокойствія всегда находятъ людей, готовыхъ послѣдовать ихъ примѣру.

Къ *Смиту О'Брину* также пристала толпа вооруженныхъ людей, тысячъ до трехъ. 28 іюля онъ явился съ этой колонною въ Типперари, и началъ проповѣдовать возмущеніе, но не удачно, потому-что явился городской священникъ

Жераранъ, и началъ увещавать своихъ прикомандъ и инсургентовъ, чтобы они разошлись по домамъ и не слѣдовали за безумцами, которые ведутъ ихъ къ погибели. Слова пастора произвели обыкновенное свое дѣйствіе на ирландскихъ поселянъ. Отрядъ *О'Брина*, значительно уменьшился, и онъ пошелъ изъ Типперари въ Килькенни. Въ Килленауль онъ встрѣтилъ небольшой отрядъ гусаровъ; инсургенты немедленно устроили баррикаду при входѣ въ городское училище и другую на краю города. *Смитъ О'Бринъ*, съ винкою въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой, взобрался на баррикаду и спросилъ солдатъ, не для того ли пришли они, чтобы взять его подъ стражу. Офицеръ, командовавшій гусарами, отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ на то никакаго приказанія. Ирландцы тотчасъ разбросали свои баррикады и пропустили отрядъ. *О'Бринъ* скитался нѣкоторое время въ окрестностяхъ Типперари, являлся то въ Килленауль, то въ Фетгардъ, въ Баллигарри, говорилъ народу рѣчи и вездѣ просилъ, чтобы ему помогли. Въ Моллинагонъ онъ объявилъ народу, что его вѣрно взять подъ стражу и если возьмутъ, то повѣсятъ его, потомка послѣднихъ королей, въ этой самой провинціи, Мюнстеръ, гдѣ царствовали его предки. Онъ прибавилъ, что бросается въ объятія народа и увѣряетъ, что народъ его не выдастъ. После этой рѣчи, принятой очень холодно, *Смитъ О'Бринъ* пошелъ къ полицейскому посту. За нимъ слѣдовала толпа. На немъ была широкая трехцвѣтная лента, зеленая, бѣлая и оранжевая, и поясъ, за которымъ были два пистолета. Въ полицейскомъ караулѣ были только сержантъ и шестеро солдатъ. *О'Бринъ* пригласилъ сержанта присоединиться къ народу, увѣряя, что онъ будетъ получать больше жалованья, и что въ службѣ Ирландіи ему вообще будетъ гораздо лучше, чѣмъ въ службѣ Англіи. Сержантъ потребовалъ времени на размышленіе, до слѣдующаго утра, и ночью, со своими шестью человѣками, укрѣпился въ караульнѣ.

Но на другой день *Смитъ О'Бринъ* уже не являлся. По настоятельной просьбѣ моллинагонскаго духовенства, онъ вышелъ изъ этого города и отправился въ Баллигарри, къ

Слейв-Ардасскимъ рудникамъ, въ которыхъ, онъ намѣревался, въ случаѣ нужды, скрыться.

Корреспондентъ газеты Times, описывая сцены ирландскаго возстанія, рассказываетъ о дальнѣйшихъ похищеніяхъ *О'Брина* слѣдующее: «Едва было получено изъ Дублина въ Килькенни извѣстіе, что *Смитъ О'Бринъ* и его товарищи объявлены измѣнниками и что головы ихъ оцѣнены, какъ г. *Блекъ*, инспекторъ констеблей графства, рѣшился, во что бы то ни стало, захватить этихъ предводителей мятежниковъ. Узнавъ, что *Смитъ О'Бринъ* провелъ ночь между булагскими рудокопами, онъ далъ знать объ этомъ въ Калленъ, куда собрались констебли изъ окрестностей, и сталъ сзывать войска со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ, небольшой отрядъ констеблей, изъ пятидесяти челоуѣкъ, подъ предводительствомъ старшаго констебля *Трента*, неустранимо вступилъ въ самую средину страны, занятой мятежниками. Въ булагской общинѣ нашли они *Смита О'Брина* и его товарищей, расположившихся тамъ съ далеко-превосходнѣйшими силами, во всей готовности къ бою. По приближеніи констеблей, колоколъ ближней церкви загудѣлъ, и со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться поселяне. *Тренту* и его спутникамъ грозила опасность быть окруженными, и потому они бросились въ одинъ крѣпкій домъ, стоящій на возвышеніи. Здѣсь скоро напали на нихъ вооруженныя толпы. *Смитъ О'Бринъ*, съ пистолетами въ рукахъ, подошелъ къ окну и потребовалъ, чтобы констебли выдали свое оружіе, общая имъ полную безопасность и, въ знакъ пріязни, пожимая чрезъ окно ихъ руки. Между тѣмъ, его приверженцы хладнокровно подкладывали къ дверямъ дома солому и сѣно, собираясь удушить или сжечь находившихся тамъ бѣдняковъ. При такомъ положеніи дѣлъ, нельзя было терять ни минуты; но констебли не прежде прибѣгли къ оружію, какъ когда уже раздалось нѣсколько выстрѣловъ со стороны мятежниковъ и въ окна были брошены камни. Только тогда констебли начали стрѣлять. Двое изъ толпы были убиты на мѣств; третій, смертельно раненый, скоро испустилъ духъ. Мятежники оробѣли и начали отступать,

не смотря на всѣ убѣжденія *Смита О'Брина*, который угонявалъ ихъ взять домъ приступомъ. Католическій священникъ, пришедшій изъ окрестностей, заклиналъ инсургентовъ не употреблять насилія. *О'Бринъ* и его друзья, видя, что дѣло плохо, обратились въ бѣгство.

Въ *Times* сообщаютъ еще слѣдующія подробности этого дѣла: «Къ пятидесяти констеблямъ, которые заперлись въ домъ подъ начальствомъ *Трента*, присоединились еще 19, явившихся изъ *Кашеля*, подъ предводительствомъ подъ-инспектора *Кокса*. Возмутители, отбитые отъ дому, бросились на этотъ вновь прибывшій отрядъ. Впереди ихъ шелъ человекъ съ пикою. «Стрѣляйте же!» закричалъ *Коксъ*, и предводитель этотъ палъ, какъ подстрѣленный на бѣгу заяцъ. Толпа тотчасъ же разбѣжалась, а выстрѣлы сыпались вслѣдъ за нею. Эти выстрѣлы услышаны были другимъ отрядомъ констеблей въ 90 человекъ, которые и приближались на мѣсто битвы. Тогда *Трентъ* вышелъ изъ своего убѣжища. Домъ этотъ принадлежитъ вдовѣ *Кормаку*. У нея пятеро дѣтей, и *Трентъ* задержалъ ихъ заложниками. Боясь за ихъ участь, она бросилась отыскивать *О'Брина* и нашла его, лежащаго въ своемъ огородѣ между грядами капусты. Она просила его поговорить съ *Трентомъ* о ея дѣтяхъ и дергала его за воротъ. Но *Смитъ О'Бринъ* боялся выползти оттуда. Наконецъ онъ рѣшился выйти, но его замѣтили вдаль, закричали: вотъ онъ! и выстрѣляли по немъ. Онъ бросился бѣжать.»

Между тѣмъ генераль-маіоръ *Непиръ* и полковникъ *Дойль* отправились изъ *Типперари* въ *Тюрль*, гдѣ они нашли полкъ шотландской пѣхоты, артиллерійскую баттарею, эскадронъ карабинеровъ, эскадронъ гусаровъ и эскадронъ гвардейскихъ драгуновъ. Всѣ эти силы направлены были на *Урлингфордъ*. Въ то же время, генераль-маіоръ *Макдональдъ*, прибывшій изъ *Дублина* въ *Килькенни*, выступилъ съ своимъ полкомъ, такъ что шайка *О'Брина* очутилась между двумя огнями двухъ отрядовъ, изъ которыхъ и одного было уже довольно, чтобы истребить ее. Съ *О'Бриномъ* было не болѣе 300 человекъ, вооруженныхъ ружьями. у другихъ были только пикн и косы. Такъ какъ лордъ *Клирендонъ* предписалъ военнымъ на-

чальникамъ прибѣгать къ оружію только въ крайности и всѣчески избѣгать кровопролитія, принявъ между тѣмъ всевозможныя мѣры для пониженья главныхъ предводителей мятежниковъ, то соображалась съ этими предписаніями, генералъ-майоръ *Макдональдъ* окружилъ войсками округъ, въ которомъ *О'Бринъ* скрылся съ остальными своими приверженцами; но 6 августа, вечеромъ захваченъ въ Тюрль и сперва отведенъ въ тюрьму съ конвоемъ войска, подъ начальствомъ генерала *Макдональда*, но тотчасъ же потомъ, подъ прикрытіемъ другаго конвоя, отведенъ въ Дублинъ. Здѣсь посадили его сначала въ казармы, а вскорѣ потомъ въ Кильмайнгамъ, главную дублинскую тюрьму. Это арестованіе *Смита О'Брина* можетъ быть почитаемо окончаніемъ ирландскаго возстанія. Ни одинъ изъ предводителей, укрывающихся досель отъ поисковъ англійской полиціи, не въ состояніи замѣнить его. У нѣкоторыхъ изъ нихъ больше талантовъ, больше способностей, чѣмъ у него; но ни у одного нѣтъ преимущества наследственной знатности, вліянія, которое всегда производитъ на ирландскаго мужика историческое имя и долгоевременное обладаніе обширными помѣстьями. Толпы, передъ которыми говорили гг. *Мигеръ*, *Догени*, *Диллонъ*, съ энтузіазмомъ рукоплескали имъ; но ни одинъ изъ нихъ не могъ претендовать на власть, которою безспорно пользовался потомокъ ирландскихъ королей, въ жилахъ котораго течетъ чистая кельтическая кровь.

16 августа, предводители ирландскаго возстанія *Мигеръ*, *О'Донне* и *Лейнъ* взяты подъ стражу и отвезены въ Дублинъ, и посажены въ ту же самую тюрьму, гдѣ содержится *Смитъ О'Бринъ*. *Мертинъ*, издатель газеты *Felon*, приговоренъ къ ссылкѣ на десять лѣтъ.

По извѣстіямъ изъ Ирландіи отъ 21 августа, тамъ все спокойно; но вся страна погружена въ глубочайшее уныніе по причинѣ дурной жатвы и плохаго сбора картофеля: кажется, что не только весь картофель погибъ, но и зѣбѣ во многихъ мѣстахъ очень плохи.

ФРАНЦІЯ.

Мы говорили уже, что въ числѣ мѣръ, необходимыхъ для водворенія и обезпеченія общественнаго спокойствія, былъ предложенъ 11 іюля г. Сенаромъ проектъ о преобразованіи клубовъ. Этотъ проектъ разсматривала особая коммиссія и съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями представила его общему собранію, которое посвятило на разсужденіе объ немъ четыре дня. Въ засѣданіи 25 іюля, первыя двѣ статьи были приняты безъ премій. Статья 1 состоитъ въ слѣдующемъ: «Всѣ граждане имѣютъ право образовывать клубы и общества подъ условіями, которыя означены въ слѣдующихъ статьяхъ.» Въ статьѣ 2 сказано: «Основателя всякаго клуба или общества гражданъ должны представить объявленіе, въ Парижъ въ префектуру полиціи, а въ департаментахъ—меру общины или префекту. Объявленіе должно быть подано 40 часами ранѣе открытія клуба и должно содержать въ себѣ означеніе имени, званія и мѣста жительства учредителей, мѣста, дней и часовъ засѣданій. Въ полученіи объявленія выдается свидѣтельство. Клубъ долженъ носить названіе не иначе, какъ по мѣсту своихъ засѣданій. Публичныя и общинныя дома не могутъ служить мѣстомъ засѣданій ни постояннымъ, ни временнымъ.» Статья 3 подала поводъ къ забавнымъ выходкамъ. Она содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Засѣданія клубовъ должны быть публичныя, и клубы не могутъ преобразоваться ни въ какіе тайныя комитеты; а для этого, но крайней мѣрѣ, четвертая часть мѣсть должна быть предоставлена постороннимъ лицамъ. Женщины и дѣти не могутъ ни быть членами клубовъ, ни присутствовать въ нихъ. Засѣданія не могутъ продолжаться послѣ опредѣленнаго начальствомъ времени для закрытія публичныхъ мѣсть.» Флоконъ вступился за права прекраснаго пола, взомель на кафедру бодро и смело, закрутилъ себя усы и облокотился на столъ съ благородною небрежностью, какъ на прилавокъ въ кофейнѣ, за которымъ сидитъ хорошенькая хозяйка. «Не соглашаюсь, сказалъ онъ,

чтобъ женщинъ ставили на одну доску съ малолѣтними!» При этомъ раздался батальный огонь эпиграммъ, прерываемый хохотомъ. «Знаемъ, кричалъ одинъ, что мадамъ или гражданка Флоконъ уже давно не малолѣтная!»—«Она совершеннолѣтняя во всѣхъ отношеніяхъ! вопилъ другой. Она училась политикѣ у великаго своего мужа!»—«Но гражданка эта, возражалъ третій, любить компанію гражданъ, клубы, публичныя мѣста!»—«Гражданка, кричали съ трибуны журналистовъ, любить свободу во всѣхъ отношеніяхъ.» Флоконъ притворялся, что ничего не слышитъ и не понимаетъ, а Паніеръ, покачивая огромною своею головою, опровергалъ его мнѣнія неопровержимыми доводами. «Очень хорошо, говорилъ онъ, что въ республикѣ есть еще два пола. Бѣда была бы, если бъ женщины вздумали взяться за дѣла. Кто сталъ бы заниматься хозяйствомъ, нянчить дѣтей, присматривать за кухнею? Неужели самъ мужъ!» Президентъ хотѣлъ подвергнуть балотировкѣ отмѣну слова «женщины» (*Возраженіе*). Онъ потребовалъ, чтобы тѣ, которые согласны съ допущеніемъ женщинъ въ члены клубовъ, встали. Встало почти все собраніе. (*Шумъ*). Многие отозвались, что вопросъ былъ не хорошо понять. Приступили къ балотировкѣ, и собраніе рѣшило огромнымъ большинствомъ, что женщины не могутъ быть ни членами клубовъ, ни даже являться въ ихъ собраніяхъ. (*Волненіе въ трибунахъ, гдѣ было много женщинъ*). 4 статья состоитъ въ слѣдующемъ: «Начальство, которому объявлено о намѣреніи открыть клубъ, можетъ нарядить чиновника для присутствованія при засѣданіяхъ клуба; чиновникъ занимаетъ выбранное имъ самимъ особенное мѣсто и долженъ вѣсть на себя отличительный знакъ.» Статья 5: «Въ концѣ засѣданія долженъ быть составленъ протоколъ и подписанъ всеми членами бюро. Протоколъ долженъ содержать въ себѣ: 1) имена членовъ бюро; 2) краткое и точное изложеніе всего, что происходило въ засѣданіи. Онъ долженъ быть представленъ начальству для разсмотрѣнія всякій разъ, когда оно потребуетъ. Присутствующій въ засѣданіи чиновникъ можетъ требовать внесенія въ протоколъ всѣхъ обстоятельствъ,

которыя кажутся ему необходимыми, не исключая права внести въ протоколъ и всякое нарушеніе закона.» Вся эти статьи, равно какъ и слѣдующія семь, не важныя по своему содержанію, были приняты безъ возраженій. Но дальнѣйшія статьи возбудили сильныя пренія. Въ 13 статьѣ проекта сказано: «Независимо отъ публичныхъ собраній, граждане могутъ, съ разрѣшенія муниципальнаго начальства и на постановленныхъ имъ условіяхъ, учреждать съ цѣлью политической или иной, общества или собранія не публичныя.—Администрація всегда можетъ отменить данное позволеніе и закрывать общества и собранія, существующія безъ позволенія.—Гражданинъ, принимающій участіе въ обществахъ или собраніяхъ недозволенномъ, можетъ быть приговоренъ за это къ уплатѣ отъ 25 до 500 фр. пени.—Президенты, члены бюро и весь другіе основатели означенныхъ недозволенныхъ обществъ или собраній, могутъ сверхъ того быть приговорены къ заключенію въ тюрьму срокомъ отъ пяти дней до шести мѣсяцевъ. Означенные приговоры могутъ быть произнесены независимо отъ судебныхъ преслѣдованій за преступленія и проступки, совершенные въ тѣхъ обществахъ и собраніяхъ.» Многіе члены возставали противъ этого постановленія, утверждая, что на основаніи его можно будетъ запрещать самыя позволительныя, самыя безвѣщныя общества и собранія въ частныхъ домахъ, и требовали исключенія слова *иной* (съ цѣлью политической или иной). Въ отвѣтъ на это, г. Дюпенъ, произнесъ пылкую импровизацію. «Я думаю, сказалъ онъ, что сохраненіе этихъ двухъ словъ для правительства важнѣе чѣмъ принятіе всего декрета. (*Слушайте! Слушайте!*) Дѣйствительно, вычеркните эти два слова, и вы ничего не сдѣлали, и вы предали правительство на жертву всѣмъ кознямъ, всѣмъ мрачнымъ замысламъ тайныхъ обществъ. Никогда правительство, какое бы то ни было, не дѣйствовало смѣлѣе нашего; оно допускаетъ политическія разсужденія въ клубахъ; такъ по крайней мѣрѣ надобно предоставить ему право разрѣшать учрежденіе этихъ обществъ, чтобы это право могло слу-

жить противозвѣснѣе важной уступки, которую оно дѣлаетъ. Вамъ говорятъ, что законъ не можетъ жить единично на тайныхъ обществахъ и что бесполезно было бы издавать законы противъ нихъ. Когда эти общества будутъ запрещены, тогда законъ можетъ поразить ихъ. Нарушеніе возбуждаетъ вниманіе юстиціи и можетъ повести ее къ открытію другихъ преступленій, подлежащихъ строгости закона. Размыслите объ этомъ. Тутъ надобно все или ничего. Если вы оставите въ своемъ законѣ хотя малѣйшее отвращеніе, сквозь которое могло бы пробраться тайное общество, вы ровно ничего не сдѣлали. Боятся, чтобы не были запрещаемы общества безвредныя, невинныя, даже полезныя. Я болѣе не доверяю тайнымъ обществамъ, чѣмъ правительству. Правительству нужна охрана. Господа, никакое правительство не можетъ защититься отъ подземной работы тайныхъ обществъ; надобно, чтобы республика, порожденная всеобщимъ правомъ выборовъ, была вооружена противъ заговоровъ. Тѣ, которые въ другія времена учреждали подобныя общества, очень хорошо понимаютъ могущество этихъ орудій разрушенія; но, употребивъ ихъ для того, чтобы довести Францію до республики, не должно допускать, чтобы она со временемъ могла быть низвергнута тѣми самыми средствами, которыя послужили къ ея основанію». (*Одобрительный смѣхъ и продолжительное волненіе*). Послѣ этого, все еще не утвержденныя статьи декрета переданы въ комиссію для соображенія. Послѣ шумныхъ и непристойныхъ споровъ 26 іюля, вся вторая часть проекта, съ этой статьей и многочисленными замѣненіями, снова передана въ комиссію. Эти вренія не кончились и въ слѣдующемъ засѣданіи (27 числа). Собраніе занималось декретомъ о клубахъ во все засѣданіе и дошло только до 16-ой статьи, разсужденіе о которой происходило 28 числа. Содержаніе 16 статьи состоитъ въ слѣдующемъ: «Нарушенія, о которыхъ говорится въ статьяхъ: 2, 3, 4, 5 и 8 перваго параграфа настоящаго закона, итѣютъ быть разсматриваемы полицейскими судами, а преступ-

ни, с которыхъ говорится въ статьяхъ 6, 7, 8 параграфовъ 2, 13 и 14 настоящаго закона, судами присяживать». Этотъ параграфъ, въсь сильныхъ вреній, былъ принять огромнымъ большинствомъ голосовъ. Въ заключеніе г. *Антони Туре* предлагалъ постановить, что этотъ декретъ выдается только по уваженію нынѣшнихъ обстоятельствъ и долженъ быть пересмотрѣнъ въ слѣдующемъ собраніи законодательнаго сословія. Ему замѣтили, что это значило бы издавать законъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добавочной статьею, ослаблять нравственную его силу. Противъ этого сильно возсталъ министръ внутреннихъ дѣлъ г. *Сенаръ*, а г. *Ксавье Доррье* защищалъ предложеніе г-на *Туре*. «Я не хочу, сказалъ онъ, возобновлять сужденій объ этомъ проэктѣ; помни, онъ никуда не годится, это уже извѣстно. (Смѣхъ.) Но въ пользу предложенія г-на *Антони Туре* можно привести множество доводовъ. Я бы могъ привести ихъ двадцать; приведу только одинъ: этотъ законъ лишаетъ насъ всей свободы, которою мы наслаждались въ царствованіе Б. В. Короля Людовика-Филиппа. (Смѣхъ и ропотъ.) Прошу покорнѣйше г. министра внутреннихъ дѣлъ объяснить мнѣ, какимъ образомъ, подъ вліяніемъ этого закона, онъ устроилъ бы реформистскій банкетъ, бывшій въ Шато-Ружъ, въ которомъ и я участвовалъ?»—Г. *Сенаръ*. «Если почтенный г. *Доррье* полагаетъ, что этотъ законъ направленъ противъ случайныхъ собраній, то я покорнѣйше прошу его подать голосъ въ пользу проэкта: въ немъ нѣтъ ничего подобнаго.» (Смѣхъ.) Не смотря на всѣ эти шутки и насмѣшки, болѣе или менѣе остроумныя, проэктъ декрета наконецъ утверждень огромныймъ большинствомъ 629 голосовъ противъ 100.

29 іюль, на очереди былъ проэктъ о подвижной гвардіи, котораго единственная статья состоитъ въ слѣдующемъ: «Министерству внутреннихъ дѣлъ открывается на 1848 годъ чрезвычайный кредитъ въ 5.500,000 фр. на издержки для 25 баталіоновъ парижской пѣшей подвижной гвардіи. Этотъ кредитъ вмѣстѣ съ 4.500,000 фр., назначенными декретомъ

временнаго правительства отъ 30 марта и внесеннымъ въ исправленный бюджетъ 1848 года и съ однимъ милліономъ, назначеннымъ декретомъ 1 іюля, составляетъ въ сложности одиннадцатъ милліоновъ на издержки для подвижной національной гвардіи въ продолженіи 1848 года.» Этотъ декретъ принятъ въ томъ видѣ, какъ представленъ былъ комитетомъ.

30 іюля г. *Могенъ* предлагалъ министерству вопросы объ иностранныхъ дѣлахъ, а г. *Прудонъ* въ рѣчи, чтеніе которой продолжалось слишкомъ три часа, развивалъ свое знаменитое ученіе, основанное на знаменитой аксіомѣ, которую этотъ социалистъ безпрерывно повторяетъ въ своихъ сочиненіяхъ. «Право собственности—кража» говоритъ г. *Прудонъ*. Поэтому одному можно судить, какова должна быть система, основанная на подобной аксіомѣ. Но возвратимся къ г. *Могену*. Пренія объ иностранныхъ дѣлахъ не могли представлять большой занимательности, потому что министръ иностранныхъ дѣлъ, г. *Бастидъ*, съ самаго начала объявилъ, что правительство не можетъ вдаваться въ пренія, которыя могутъ повредить его сношеніямъ съ другими государствами. Онъ прибавилъ, что французская республика состоитъ въ мирѣ со всеми иностранными державами, что всѣ иностранныя правительства, какого бы рода они ни были, имѣютъ право ожидать отъ нея чѣстности и добросовѣстности въ поступкахъ въ отношеніи къ нимъ, всѣ народы участія въ судьбѣ ихъ. Не смотря на это объявленіе, г. *Могенъ* произнесъ заранѣе приготовленную рѣчь и, по своему обыкновенію, прогулялся по всей Европѣ. Онъ требовалъ, чтобы французская республика воздерживалась отъ всякой пропаганды, чтобы она основывала свои внѣшнія сношенія и союзы на выгодахъ Франціи, чтобы, по примѣру Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, она не обращала вниманія на происхожденіе и политическое устройство правительствъ, которыя предлагаютъ ей свою дружбу. Все это было совершенно согласно съ тѣмъ, что говорилъ г. *Бастидъ*; но г. *Могенъ* этимъ не ограничилъ

ся. Опъ намекалъ, что французскіе политическіе агенты дѣйствуютъ несообразно съ этими началами, возбуждаютъ подозрѣнія и недовѣрчивость иностранныхъ правительствъ. Это вызвало на кафедре президента совѣта министровъ, генерала *Кавеньяка*. Онъ потребовалъ, чтобы г. *Могенъ* высказалъ свои обвиненія яснѣе и подкрѣпилъ ихъ доказательствами. Тогда г. *Могенъ* сказалъ, что агентъ республиканскаго правительства въ Неаполь простеръ забвеніе своихъ обязанностей до того, что возбуждалъ народъ къ возстанію, къ постройкѣ баррикадъ, и потомъ французское правительство потребовало вознагражденія за потери, причиненныя французскимъ гражданамъ этимъ самымъ возстаніемъ. Въ этомъ отношеніи собраніе ограничилось засвидѣтельствованіемъ г. *Бастиды*, что французскій агентъ, бывший въ то время въ Неаполь, определенный не имъ и, вносльдствіи, по собственному желанію, уволенный, отнюдь не измѣнилъ своему долгу и не принималъ ни малѣйшаго участія въ возстаніи. Тѣмъ дѣло и кончилось. Потомъ взошелъ на кафедру г. *Прудонъ*. Національное собраніе выказало изумительное долготерпѣніе. Въ безконечной рѣчи своей, г. *Прудонъ* говорилъ такіа вещи, которыя, конечно, никогда не были высказываемы въ законодательномъ собраніи; онъ отважно преступалъ за всѣ предѣлы, положенныя свободѣ слова въ подобныхъ собраніяхъ; онъ опровергалъ право собственности, уваженіе къ святости контрактовъ, право національнаго собранія управлять дѣлами Франціи, наконецъ самое право гражданъ избирать своихъ представителей. Г. *Прудонъ* старался поколебать всѣ основанія, на которыхъ покоится всякое благоустроенное общество. Рѣчь его выставила разрушительное ученіе социалистовъ во всей отвратительной наготѣ его. Общее негодованіе, возбужденное этой рѣчью, выражалось, въ продолженіи ея, только отдѣльными восклицаніями; никто не хотѣлъ отвѣчать на подобныя, безумныя разглагольствованія, и онъ преспокойно читалъ свою рѣчь по угрожной тетрадицѣ, съ которою

взобрался на кафедру, читалъ вяло, монотонно, утомительно, и это чтеніе повредило успѣху, котораго онъ ожидалъ. Многія дамы помѣстились въ трибунахъ, ожидая засѣданія драматическаго, интереснаго и забавнаго; но когда увидѣли нескладную, безобразную фигуру, подлое лице, злобные глаза, прикрытые огромными очками, оратора въ черномъ поношенномъ сертукѣ, въ черномъ жилетѣ, застегнутомъ до подбородка, при кашукулярномъ жарѣ, любопытныя слушательницы не высидали долѣе часу и, утомленные скукою, оставили залу. За ними послѣдовали и многіе слушатели. Прудонъ же оставался на кафедрѣ, не смущаясь выраженіемъ нетерпѣнія, досады и презрѣнія всѣхъ присутствующихъ. Это презрѣніе наконецъ было выражено въ мнѣніи всего собранія, которое приняло большинствомъ 691 голоса противъ 2 (самаго г. *Прудона* и его сосѣда, міонскаго работника *Греппо*) слѣдующее опредѣленіе, представленное гг. *Ландремъ* и *Сенаромъ*: «Принимая въ уваженіе, что предложеніе гражданина *Прудона* есть нечестивое нападеніе на правила нравственности, что оно глубоко нарушаетъ право собственности и подрываетъ основанія общественнаго порядка, что оно поощряетъ къ доносамъ и содержитъ въ себѣ воззваніе къ самымъ порочнымъ страстямъ; принимая также въ уваженіе, что гражданинъ *Прудонъ* клеветаетъ на февральскую революцію, дѣлая ее участницею теорій, которую онъ развивалъ на трибунѣ,—собраніе переходитъ къ другимъ своимъ занятіямъ.»

3 Августа, г. *Бошаръ* представилъ собранію докладъ комиссіи, которой было поручено произвестъ слѣдствіе о майскихъ и іюньскихъ событіяхъ въ Парижѣ. Въ газетѣ *Le Constitutionnel* напечатано слѣдующе обозрѣніе этого важнаго документа:

«Донесеніе г. *Бошара* объ анархическихъ событіяхъ, потрясшихъ Францію, начинается не съ 15 мая, но восходитъ гораздо выше, къ источникамъ революціи. Онъ разсматриваетъ происшествія, случившіяся въ продолженіе существованія временнаго правительства. Было, говоритъ онъ,

какъ бы это сказать, четыре движенія послѣдовательныя, и въ сожалѣнію возрастающія въ силѣ: 17 марта движеніе черны, какъ отвѣтъ на худо-понятое движеніе парижской національной гвардіи; 16 апрѣля заговоръ, не удавшійся по причинѣ разбитія вооруженной силой гражданъ; 15 мая злоумышленное посягательство на національное собраніе; 23 іюня междоусобная война. Вотъ печальный путь, который мы прошли!

«Домадчикъ оцениваетъ эти различныя происшествія и ихъ причины. Беспорядокъ въ умахъ, возбужденія газетъ и клубовъ, анархическая революціонная партія, социаллисты, слова изъ которыхъ изъ членовъ временнаго правительства то съ первыми, то съ послѣдними, засѣданія люксембургскаго собранія, національныя мастерскія; таковы многочисленные элементы, изъ которыхъ возникли наши междоусобныя волненія. Все эти вопросы о вещахъ и событіяхъ уже не новы. Любопытство собранія всего болѣе возбуждалъ вопросъ о лицахъ. Четыре представителя поименованы въ донесеніи к. *Бошара*, по разнымъ случаямъ, и обвинены въ разной степени.

«Г. *Ледрю-Ролланъ* обвиненъ въ явныхъ связяхъ съ партією всеобщаго волненія и общественнаго безпорядка. Противъ него говорить назначеніе комиссаровъ, которые все разстроили; отправленіе въ провинціи самыхъ отчаянныхъ анархистовъ изъ парижскихъ клубовъ, которымъ платили по 40 франковъ въ день изъ суммъ секретной полиціи; противъ него 16-й бюллетень республики, проповѣдующій возмущеніе противъ національнаго собранія, если оно не будетъ выражать «общественной истины»; противъ него политика бельгійской экспедиціи, столь несогласная съ политикою манифеста *Ламартина*. Противъ него, наконецъ, поппозиціоніе къ диктаторству, замѣченное 16 апрѣля, когда, полагаясь на силы рабочаго народа, говоря словами *Собриэ*, онъ, не смотря на свое званіе министра внутреннихъ дѣлъ, воздержался приказать битъ сборъ, хотя видѣлъ явную, всеобщую опасность.

«Таковы обвинения, взводимыя въ докладѣ на г-на *Ледрю-Роллена*. По нашему мнѣнію, характеръ ихъ чисто политическій. Обвиненія другаго рода падаютъ на гг. *Луи-Блана* и *Коссидьера*. Первый сдѣлалъ изъ люксамбургскаго дворца горнило междоусобной войны. Рѣчи его, произнесенныя передъ депутатами рабочаго класса, были невѣрно передаваемы въ *Монитеръ*. Коммиссія вытребовала буквальный переводъ ихъ съ записокъ официальныхъ стенографовъ, которые присягнули въ вѣрности своихъ показаній. Г. *Луи-Бланъ* говорилъ своимъ приверженцамъ, что онъ далъ клятву *Аннибала* противу состава нынѣшняго общества; онъ заранѣе протестовалъ противъ результатовъ всеобщаго избрательства; онъ говорилъ рабочимъ, что они одни народъ, что они имѣютъ право отнести свои проекты декретовъ въ національное собраніе и заставить его превратить ихъ въ законы. Утромъ 15 мая, собрались у него нѣкоторые изъ предводителей демонстраціи. Въ минуту нашествія ихъ на собраніе видѣли, какъ онъ ободрялъ ихъ, а послѣ того какъ *Гюберъ* провозгласилъ о распущеніи собранія, *Луи-Бланъ* отправился въ ратушу. Одинъ судья видѣлъ его на *Pont au change*. Одинъ подполковникъ національной гвардіи, новый свидѣтель, говоритъ, что узналъ г. *Луи-Блана* въ одной изъ залъ ратуши, посреди прочихъ членовъ мятежнаго временнаго правленія. Наканунъ іюньскихъ дней, предводители національныхъ мастерскихъ дѣйствовали только подъ его вліяніемъ. Гражданинъ *Трела*, прежній другъ его, видѣть въ немъ теперь величайшаго врага отечества. *Эмилъ Тома*, когда его попросили выѣхать изъ Парижа, объявилъ, что если бы онъ хотѣлъ послушаться совѣтовъ *Луи-Блана*, то его не такъ легко удалили бы отъ стотысячной его арміи; наконецъ, изъ донесеній видно, что 22 іюня г. *Луи-Бланъ* былъ въ національной мастерской портныхъ, въ *Клиши*, которые были самыми жаркими и уворными бунтовщиками.

«Противу г. *Коссидьера*, къ тѣмъ обвинениямъ, которыя уже были на него за двусмысленное его поведение отъ 15 апрѣля до 15 мая, прибавляютъ теперь, что многіе изъ

іонських инсургентовъ называли его своимъ предводителемъ, передавали другъ другу его приказанія, и что, наконецъ, его самого видѣли въ улицѣ Св. Антонія, близъ церкви Св. Павла, гдѣ онъ присутствовалъ при постройкѣ баррикады. Такое же обвиненіе вводятъ и на г. *Прудона*.

«Мы не вполне передаемъ обвиненія комиссіи, изложенныя въ донесеніи. Разумѣется, что многіе изъ фактовъ возбудили энергическіе протесты со стороны обвиненныхъ. Но жестокія выходки Монтаньяровъ противъ докладчика кажутся намъ совершенно несправедливыми. Докладчикъ читалъ только то, что составила комиссія, а слѣдственная комиссія исполнила добросовѣстно трудную обязанность, возложенную на нее собраніемъ. Слѣдственно ропотъ неудовольствія падаетъ на собраніе. Повторяемъ, что нельзя же было не прочесть донесеніе предъ собраніемъ, прежде нежели допускать чье-либо оправданіе. Надобно отдать справедливость г. *Ледрю-Роллену*: его импровизированное опроверженіе было увлекательно. Онъ одаренъ однимъ изъ первыхъ качествъ политическаго оратора—голосомъ убѣжденія. Пылкость его рѣчи, доходящая иногда до излишества, была тутъ въ мѣру и кстати. И надобно сказать, что въ его способѣ защиты замѣтна ловкая тактика. Онъ говорилъ, какъ будто обвиненіе противъ него можетъ имѣть судебныя послѣдствія. Этого совсѣмъ нѣтъ. Его упрекаютъ не въ томъ, что онъ мятежникъ; а въ томъ, что онъ придерживался дурной политики.

«Въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи онъ сказалъ: «если бы я и дѣлалъ то, въ чемъ меня упрекаютъ, я бы имѣлъ на это полное правъ.» По нашему мнѣнію, это совершенно справедливо. Нападали на его политику, а онъ отвѣчалъ какъ министръ, отданный подъ судъ и тѣмъ привлекъ къ себѣ участіе собранія. Совсѣмъ не то было съ *Луи-Бланомъ*. Онъ имѣлъ несчастіе говорить вслѣдъ за г. *Ледрю-Ролленомъ*, и, послѣ пламенной рѣчи предшественника своего, произнесъ рѣчь чисто декламаторскую. Слогъ *Луи-Блана*, какъ и всѣ его идеи—пустой и ложный. Что же касается до г. *Косси-*

двора, то онъ, не обыкновенно, заставлялъ собраніе свѣяться. Не знаемъ, обезоружилъ ли онъ его, и даже не знаемъ, нужно ли было обезоруживать. Подождемъ подробныхъ разсужденій объ этомъ дѣлѣ.» Собраніе опредѣлило напечатать какъ этотъ докладъ слѣдственной комиссіи, такъ и обвинительные акты.

Въ засѣданіи 5 числа г. *Ледрю-Ролленъ* просилъ, чтобы собраніе назначило день, для рассмотренія доклада слѣдственной комиссіи. Предсѣдатель комиссіи, г. *Одилонъ-Барро* отвѣчалъ, что докладъ и приложенія къ нему еще печатаются и что потому теперь еще нельзя назначить день для преній о докладѣ. Г. *Коссидьеръ* требовалъ, чтобы печатаніе доклада и документовъ было ускорено сколько возможно, и чтобы потомъ, обвиненнымъ дали три дня срока для рассмотренія ихъ. Послѣ того онъ жаловался на пропускъ какого-то письма. «А это опущеніе для меня важное. Наше положеніе вѣдь совсѣмъ не пріятно. Сегодня, напри- мѣръ, иду я по улицѣ Сентъ-Оноре, и слышу, кто-то говорить: Это Коссидьеръ, разбойникъ! (*Смѣхъ*). Мнѣ нужды нѣтъ; да скажите сами, похожъ ли я на разбойника? (*Смѣхъ еще сильнѣйшій*). Вы смѣетесь? Такъ у васъ нѣтъ матери, сестры, вы не понимаете, въ какомъ безпокойствѣ теперь наши родные? Я только для нихъ и отвѣчалъ комиссіи. А мнѣ все равно. Сведите меня въ тюрьму: мнѣ уже не привыкать. Пробовалъ я королевскіе назематы, попробую и республиканскіе.» Кончилось тѣмъ, что положено было ускорить печатаніе доклада и приложеній, и потомъ уже назначить день для преній о немъ.

Въ засѣданіи 9 числа, главнымъ предметомъ преній былъ проектъ декрета о журнальномъ залогѣ. Главные противники его, г. *Паскаль Дюпра* и г. *Ледрю-Ролленъ* предложили измѣненіе или, лучше сказать, совершенно новый законъ. Они полагали отменить залогъ; но за то обязать автора всякой статьи непременно выставлять подъ нею свое имя. Одинъ изъ защитниковъ министерскаго проекта, г. *Леонъ Фоме*, въ блестящей рѣчи обличилъ тайную мысль этой системы: она состоитъ въ томъ, чтобы лишить журналы ихъ нравствен-

наго вліянія, потому-что тогда важное званіе главнаго редактора уничтожается, журналъ превращается въ сборникъ и мнѣнія его дѣлаются уже не мнѣніями такого-то журнала, но мнѣніями извѣстныхъ лицъ. Противники проэкта приводили въ примѣръ между прочимъ американскій журналъ, доступный каждому желающему и неограниченный почти никакими законами; отвѣчая имъ, г. *Леона Фоме* между прочимъ сказалъ: «Да, правда, въ Соединенныхъ Штатахъ журналы наслаждаются неограниченною свободою, но по мнѣ, это не свобода: свобода неограниченная нечто иное, какъ своеволие, необузданность. Какіе же результаты принесла эта свобода въ Соединенныхъ Штатахъ. Во-первыхъ, журналы тамъ не могутъ назваться политическимъ; эти журналы мѣстные, которые мало занимаются дѣлами, а болѣе лицами; журналы, которые пытаются злословіемъ и клеветою. Что жъ изъ этого выходитъ? Если примѣръ журналъ проповѣдуетъ уничтоженіе невольничества, чернь собирается и уничтожаетъ его типографію; не рѣдко случается, что журнальная полемика разрывается—чѣмъ бы вы думали?—Дуелью на карабинахъ; человекъ, оскорбленный въ журналъ, самъ чинить судъ и расправу—чѣмъ? просто, ножомъ или пистолетомъ. Однимъ словомъ противодѣйствіе этой безграничной свободѣ заключается въ правахъ, въ томъ что въ западныхъ Штатахъ называется *Lynchlaw*, то есть самоуправствомъ, отсутствіемъ всякаго закона, возвращеніемъ къ состоянію варварства. Этого я не желаю для моего отечества.» (*Общее одобреніе*). Рѣчь г. *Леона Фоме* подѣйствовала на собраніе такъ сильно, что предложеніе г. *Паскаля Дюпра* отвергнуто большинствомъ 407 голосовъ противъ 342, и проэктъ закона принять безъ важныхъ измѣненій, но съ тѣмъ, что дѣйствіе его простирается только до будущаго года, въ томъ предположеніи, что до тѣхъ поръ собраніе утвердитъ общій законъ о свободѣ тисненія.

10 августа, собраніе приступило къ разсужденіямъ о штрафахъ и наказаніяхъ за проступки въ дѣлѣ тисненія. Въ министерскомъ проэктѣ находится 8 статей; комитетъ сдѣлалъ

демпогія перемены, но множество измѣненій предложено было разными членами собранія. Статья 1 состоитъ въ слѣдующемъ: «Всякое нападеніе, означенное въ 1-й статьѣ закона 17 мая 1829, на права и мнѣнія національнаго собранія и членовъ исполнительнои власти, а также на учрежденія республики и ея конституцію, влечетъ за собою штрафъ отъ 300 до 6,000 фр. и тюремное заключеніе на время отъ $\frac{1}{4}$ года до 5 лѣтъ. Статья эта принята. Статья 2: «Оскорбленіе національнаго собранія наказывается тюремнымъ заключеніемъ на время отъ одного мѣсяца до одного года и денежнымъ штрафомъ отъ 160 до 5,000 фр.» Принято. Статья 3-я: «Нападенія на религію, на неприкосновенность собственности и семействъ, наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ и штрафомъ отъ 200 до 4,000 фр.» Совѣщанія объ этой статьѣ произвели сильныя споры. Г. *Прудонъ*, какъ само собою разумѣется, говорилъ противъ этой статьи, а г. *Жюль Фауръ* краснорѣчиво защищалъ ее. Наконецъ статья была принята. Статья 4-я назначаетъ наказанія за возстанія противъ республиканской формы правленія. Г. *Лагранжъ* предложилъ включить слова: «противъ начала господства народа и всеобщаго избирательства.» Генераль *Кавеньякъ* согласился съ этимъ предложеніемъ. Въ засѣданіи своемъ 11 августа, собраніе окончило разсмотрѣніе этого проэкта и утвердило его.

Такъ какъ народъ пользуется единственнымъ правомъ, которое ему предоставлено — подавать прошенія, то не можете вообразить, о чемъ просятъ правительство, что ему предлагаютъ, чего требуютъ! На основаніи этого права, всѣ глупцы, всѣ невежды, всѣ помѣшанные въ Шарантонъ (это домъ умалишенныхъ) полоумныя бабы, увлечшія дѣвы, заваливаютъ національное собраніе прошеніями, и національное собраніе, отъ бездѣля, выслушиваетъ всѣ эти вздоры и нелѣпости. Поступили, напримѣръ, слѣдующія прошенія: N. проситъ выпустить всѣхъ арестантовъ въ самое скорое время; M. желаетъ возстановленія республиканскаго календаря; P. предлагаетъ ввести многоженство; R., основываясь на правилахъ Прудона, проситъ сослать въ ссылку его

хозяина, который требует съ него деньги за квартиру. Гражданинъ Дюранъ, сапожникъ въ Карантавъ, предлагаетъ ввести въ моду сапоги съ отворотами, какъ было въ 1793 году. Члены демократическаго клуба въ Лионъ просятъ, чтобъ сняли съ площади статую Людовика XIV.—Г. Марцелла, директоръ эллискаго общества въ Парижъ, предлагаетъ, вѣсто деревъ вольности въ Парижъ, которыя большею частію не принялись тамъ (неблагодарная земля), развести садики съ трехколерными цвѣтами. Но самое любопытное и чудовищное предложеніе сдѣлано какимъ-то благодѣтелемъ отечества, для обогащенія его безъ большаго труда. Онъ предлагаетъ растопить колонну на вандомской площади, вылитую изъ завоеванныхъ пушекъ, и изъ бронзы ея извлечь серебро и золото, которыя заключаются въ ней въ большомъ количествѣ, на нѣсколько милліоновъ. Проситель увѣренъ, что въ правленіе Наполеона серебряныя пятифранковики были не по чемъ, и что читатели славы императора бросали ихъ пригоршнями въ формы, въ которыхъ отливались барельефы и другія части колонны. Многие генералы, по сказанію его, побросали туда и шитые свои мундиры и шляпы съ галунами. Особенно щедры были маршалы. Сульть одинъ кинулъ въ растопленную бронзу сто тысячъ франковъ. Наполеонъ случайно вошелъ въ литейную и, узнавъ объ усердіи маршала, подралъ его за ухо и сказалъ: «Жанъ де-Діё Сульть! я доволенъ тобою.» Этого недовольно: Наполеонъ вынулъ изъ жилетнаго кармана щепотку табаку и бросилъ въ кипящую бронзу. «Раздробивъ колонну, говоритъ проситель пресерьозно, вы найдете эту драгоценную пыль, бывшую въ жилетѣ непобѣдимаго. Кто не дастъ за нее милліона! Чтобы избавить національное собраніе отъ необходимости терять время на слушаніе нелѣпныхъ прошеній, г. Вивьень, 11 августа, представилъ, отъ имени комиссій регламента, проектъ закона о прошеніяхъ, подаваемыхъ въ собраніе. Въ тотъ же день министръ финансовъ, г. Гудшо, вошелъ на кафедру и сказалъ: «Граждане представители, въ застѣданіи вашемъ 14 іюля вы уполномочили меня заключить заемъ въ 177 милліо-

новъ франковъ. Вы опредѣлили, что до вѣдѣннаго дня, именно до полудни, въ счетъ займа могутъ быть принимаемы и купоны прежняго займа въ 250 милліоновъ. Долгомъ считаю довести до вашего свѣдѣнія, что, за исключеніемъ самой ничтожной суммы, теперь, въ эту минуту, весь заемъ уже пополненъ. Само собою разумѣется, что это объявленіе принято было съ большимъ удовольствіемъ. И дѣйствительно, чрезвычайно замѣчательно, что государственный кредитъ, упавшій до такой низкой степени, поднялся вдругъ, какъ скоро правительство отбросило пелѣвые планы пововодителей.

19 числа происходили выборы президента. Число подававшихъ голоса было 708; изъ нихъ оказалось: въ пользу г. *Марраста* 611. Такимъ образомъ г. *Маррастъ* провозглашенъ президентомъ еще на мѣсяць.—Наконецъ выслушали проектъ закона о прошеніяхъ. Предполагалось представлять собранію только тѣ прошенія, которыя, по мнѣнію пятерыхъ членовъ комиссіи, найдены будутъ дѣльными и заслуживающими вниманія. Собраніе занялось этия дѣломъ съ такимъ невниманіемъ, что по одобреніи всѣхъ трехъ статей поодиначкѣ, оно вотомъ отринуло весь законъ въ цѣломъ его составѣ. Узнавъ о послѣдствіи блотировки, члены сами тому удивились и не знали, что дѣлать: видно, они вляли шары, не думая и не зная куда.

Въ засѣданіи 21 августа, г. *Кретонъ* потребовалъ у правительства отчета въ казенныхъ суммахъ, истраченныхъ со времени февральской революціи, спрашивалъ: изъ какихъ денегъ платили комиссарамъ клубовъ и вооруженнымъ толпамъ, отправленнымъ къ границѣ? «Комиссіи финансовъ не получала еще ни какого отчета объ употребленіи денегъ, назначенныхъ въ выдачу прежнею исполнительною комиссіею. Министръ финансовъ представилъ только доведенія. Этого недостаточно для Франціи. Все доказываетъ, что внутренняя и внѣшняя междуособная война была производима на казенныя деньги выдачею суммъ комиссарамъ клубовъ. Вотъ что произвело опустошеніе государственной кассы!» (При этихъ словахъ поднялся сильный шумъ въ собраніи.) *Лед-*

де-Радассе объявилъ, что министерство расходовало только то, на что имѣло законныя права, и что тайныя издержки революціи не превосходили произведенныхъ въ 1832 и 1834 годахъ. — Онъ сознался однако, что экспедиціи къ границамъ были произведены изъ суммъ правительства. Министръ финансовъ замѣтилъ, что отчеты представлены въ комитетъ финансовъ, и тотъ объявилъ ихъ удовлетворительными. Продолженіе рѣчи *Кретона* возбудило сильное волненіе и шумъ въ собраніи. Министръ финансовъ отвѣчалъ на эту рѣчь довольно рѣшительно, и все преніе кончилось ничѣмъ, потому-что г. Гуэнь предложилъ дожидаться донесенія комитета финансовъ.

Въ засѣданіи національнаго собранія 21 августа, г. *Друэ* *де-Люи* представилъ докладъ комитета иностранныхъ дѣлъ о прошеніи 30 уполномоченныхъ миланской національной гвардіи. Комитетъ вполнѣ одобряетъ политику правительства и, чтобы не мѣшать производящимся переговорамъ, предлагаетъ только передать прошеніе президенту совѣта. Генералъ *Кавеньякъ* объявилъ, что онъ принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ храбраго итальянскаго народа; но что употребленіе французскаго оружія онъ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не считаетъ средствомъ, полезнымъ для Италіи. Поэтому Франція предложила Англіи помочь ей въ посредничествѣ по этому дѣлу, въ достиженіи мѣли мирными средствами; есть надежда, что это средство удастся; но, прибавилъ генералъ *Кавеньякъ*, собраніе понимаетъ, что я не могу сказать ничего болѣе, не подвергаясь опасности повредить производящимся переговорамъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что ему досталась роль не блестящая, потому-что Франція привыкла къ громкимъ рѣчамъ о славѣ и побѣдахъ; но что, по чувству долга, онъ заботится всего болѣе о честномъ мирѣ, потому-что одинъ миръ можетъ упрочить существованіе и благоденствіе французской республпки. Но если бы честь Франціи и пользы человечества потребовали, чтобы Франція извлекла свой мечъ, онъ надеется, что собраніе не откажетъ ему въ своемъ содѣйствіи и тогда только ему позволено будетъ возвратиться

къ привычкамъ всей своей жизни. Эта рѣчь возбудила въ собраніи громкое одобреніе.

Членамъ собранія уже розданы документы слѣдственной комиссіи, составляющіе три тома въ четвертую долю листа. Чтеніе этихъ документовъ внушило *Journal des Débats* печальный размышленіи, немножко декламаторскія, но тѣмъ не менѣе поразительныи, въ которыхъ онъ мрачными красками изображаетъ положеніе Франціи: «Объ именахъ и лицахъ мы будемъ говорить осторожно, какъ требуетъ справедливость. Но сквозь открытія и показанія слѣдственной комиссіи мы видимъ не имена, не лица, не партіи, а нравственное состояніе нашего народа, которое извлекаетъ у насъ крикъ ужаса и горести. Напрасно стали бы мы закрывать глаза, чтобы не видѣть страшнаго свѣта, которымъ докладъ слѣдственной комиссіи озарилъ все общество, сверху до низу, съ дворцевъ до берлогъ. Что скажетъ міръ, который на насъ смотритъ? Что скажутъ тѣ, которые указывали народамъ, какъ на страшный, поучительный урокъ, на зрѣлище нашихъ страданій, раздоровъ и нищеты? Какъ! и всѣ эти признанія вырываются изъ устъ предводителей народа, людей, которые съ нимъ росли, съ нимъ жили, вмѣстѣ съ нимъ составляли заговоры и сражались! Неужели правда, что подъ солнцемъ, что въ природѣ есть свирѣпая орда, въ 400,000 человекъ, всегда готовая изпепелить, срыть, стереть съ лица земли городъ, который нѣкогда считался столпцею образованности? Есть 400,000 работниковъ, говорите вы, которые скорѣе готовы уничтожить Парижъ, чѣмъ отступить? И этому-то народу говорили: ты будешь имѣть все, ты будешь богатъ, счастливъ, ты будешь первымъ, потому-что ты долго былъ послѣднимъ! И въ тотъ день, когда народъ усталъ ждать, когда онъ увидѣлъ всю лживость этихъ преступныхъ обѣщаній, народъ беретъ за ружья, выворачиваетъ камни мостовой и выпускаетъ красное знамя; мужчины другъ друга убиваютъ; женщины и дѣти плачутъ; работникъ безъ хлѣба, безъ пристанища, безъ Бога, котораго онъ не знаетъ, падаетъ, испуская страшный крикъ, который вы слышали

въ одномъ показаніи: «Отметите за меня, и грабьте!» и съ этимъ проклятіемъ, душа его улетаетъ въ вѣчность.

«А на верху, посмотрите на верхъ, что вы тамъ увидите? Какое-то всеобщее потемнѣніе; нѣчто въ родѣ головокруженія, которое чувствуешь, смотря внизъ съ высокаго балкона или съ вершины башни. Мы не ищемъ преступныхъ посреди этого всеобщаго смятенія; люди поглощаются событіями и свободная воля человека какъ бы подавляется рукою исторіи. Но какое зрѣлище эта страстная, нервическая игра, которая разыгрывается въ высшихъ слояхъ общества! Какой чудовищный ландскнехтъ политическій и общественный! Посмотрите, вотъ вокругъ зеленаго стола игроки, тревожные, разгоряченные, лихорадочные. У нихъ одна только мысль, одно только слово на устахъ: «Если я и буду увлеченъ, такъ еще успѣю застрѣлиться!» Случай и головокруженіе—вотъ ихъ богъ; и когда Сивилла приноситъ два или три листка, берутъ одинъ изъ нихъ на удачу и пускаютъ во все концы страны бюллетень ужаса и анархіи. А свобода, а власть, что дѣлается съ ними посреди этого тревоженія? Онѣ распадаются лохмотьями въ рукахъ, которыя ихъ одна у другой вырываютъ; а какъ послѣдній, неоспоримый аргументъ является одна и та же угроза: ружейные выстрѣлы. «Созовите своихъ, мы созовемъ своихъ, и выйдемъ на улицу!» Вотъ ихъ послѣднее слово, и это слово повторялось ежедневно. Помните ли вы нѣмецкую балладу, въ которой ученикъ чародѣя, подслушавшій тайну учителя, хочетъ, подобно ему, повелѣвать природою? Онъ приказываетъ палкѣ сходить за водою; послушное орудіе исполняетъ его волю; но оно все ходитъ, все напашиваетъ воду и скоро затопитъ весь домъ. Несчастный, который вызвалъ эту таинственную силу, тщетно старается остановить ее: онъ забылъ волшебныя слова; въ отчаяніи, онъ поднимаетъ къ небу руки и восклицаетъ: «Господи Боже мой! спаси меня въ этой опасности! Я осмѣлился вызвать духовъ твоихъ и не могу теперь удержать ихъ!»

«Да, это зрѣлище страшное; но не говорите, софисты

что это зрѣлище высокое. О если бъ это была не существованность, а страшная греза! Но это написано. Чтвая исторію вчерашняго дня, подумаемъ о завтрашней; пусть страшный свѣтъ прошедшаго озарить намъ по крайней мѣрѣ нуть будущаго. Время ли теперь заниматься людьми? Вся мы во всѣхъ рядахъ, во всѣхъ классахъ, во всѣхъ партіяхъ, должны подумать о другомъ. Мы должны соединить свои усилія, чтобы очистить, излечить больное общество, котораго мы дѣти, живые, страдающіе члены, чтобы освѣжить воздухъ въ огромномъ нечистомъ волканѣ, который хвастаются взорвать зажигательной спичкой».

Вотъ мнѣніе о томъ же предметѣ другаго журнала, l'Union:

«Всѣ журналы наполнены документами следственной комиссіи. Мы читали этотъ огромный сборникъ показаній и узнали изъ него только то, что уже знали прежде, именно что въ теченіе пяти мѣсяцевъ люди бѣшенные и неспособные угрожали Франціи совершеннымъ низпроверженіемъ, словно, будто жители Шарантона сорвались съ цѣпи.

«Въ этомъ огромномъ безнорядкѣ, въ этой толкотнѣ дурачествъ, въ этой сходкѣ пошлыхъ бездарностей, въ этомъ севренованіи бессмысленнаго социализма, мы наконецъ спрашиваемъ себя, гдѣ же серьезныя мысли этой революціи.

«Мы видимъ сумасбродовъ и почти не находимъ честолюбцевъ. Когда подумаешь, что *Собріе* заговорщикъ, что *Бланки* возмутитель, что гг. *Ледрю-Ролленъ* и *Коссидьеръ* оспариваютъ власть у гг. *Барбеса* и *Флотта*, что гг. *Луи-Бланъ* и *Гюберъ* оспариваютъ другъ у друга Францію, мы закрываемъ лицо и падаемъ ницъ на землю.

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ волнуютъ то негодованіе, возбуждаемое возмутителями, то живѣйшее соболъзнованіе къ несчастнымъ, которые служили орудіемъ подобныхъ замысловъ, и мы ищемъ глазами могущества, которому суждено было бы успокоить Францію, защитить ее противъ всѣхъ этихъ преступниковъ и безумцевъ. Какъ! общество предали заговорщикамъ, помѣшаннымъ, бѣшенымъ, плюминатамъ, больнымъ, и думали, что не произойдетъ вещей, которыя предвѣщаютъ совершенное извращеніе обществен-

наго здравомыслия? Но, Боже мой, это слабые доказывать только то, что и въ безумствѣ можетъ быть логика.

«Это должно показать людямъ, какъ безразсудно искать преобразований, улучшеній, усилковъ въ опытности и здраваго разсудка! Превращать націю въ клубъ и въ этомъ клубѣ спустить умъ съ безуміемъ и потомъ изъ этой борьбы извлечь опытъ правительствъ—этого еще не выдано ни у одного здравомыслящаго народа.

«Пусть по крайней мѣрѣ этотъ урокъ откроетъ глаза Франціи! Въ этомъ отношеніи счастье привесетъ пользу.»

— Главный штабъ національной гвардіи составлялся прежде по выборамъ; 15 августа генералъ *Каземьякъ* разпустилъ существовавшій штабъ и назначилъ новый самъ, о чемъ главнокомандующій національною гвардіею, генералъ *Шамарнье*, безъ дальнѣйшихъ околичностей, сообщилъ легионамъ «къ свѣдѣнію и въ потребномъ случаѣ къ исполненію».

— Въ Монитерѣ напечатанъ декретъ исполнительнои власти, которымъ назначается пѣчто въ родѣ временнаго государственнаго совета изъ 26 государственныхъ совѣтниковъ, подъ предѣлательствомъ дивизионнаго генерала, г. *Прессаля*. Советъ долженъ будетъ званъ въ сентябрь и октябрь дѣлами, не терпящими отлагательства.

— Национальное собраніе состоитъ теперь изъ слѣдующихъ партій: общества изъ 380 человекъ, собирающагося въ уездѣ Повазье; общества національнаго дворца, изъ 150 членовъ; общества института, изъ 200 человекъ; наконецъ, изъ демократическаго общества и коммунистовъ.

Г о л л а н д і я .

Въ послѣднее время, дѣйствіе германскаго національнаго собранія въ отношеніи къ герцогству лимбургскому, обратило на себя общее вниманіе. При образованіи нидерландскаго королевства, Люксембургъ былъ присоединенъ къ нему, но какъ отдѣльное герцогство, и притомъ «независимо

отъ его отношеній къ Германскому Союзу». Герцогство Люксембургъ, земля германская, было отдано королю Вильгельму взамѣнъ правъ его на другія германскія земли. Люксембургъ посылалъ своихъ депутатовъ въ Нидерландскіе Штаты, поставлялъ рекрутъ въ нидерландскую армію, платилъ одинаковые съ другими частями государства подати и налоги; однимъ словомъ составлялъ нераздѣльную часть Нидерландовъ. Связи его съ Германіею состояли только въ томъ, что въ люксембургской крѣпости былъ союзный гарнизонъ, а нидерландскій король, въ качествѣ великаго герцога люксембургскаго, посылалъ въ германскій сеймъ своего представителя. Въ 1830 году, когда Бельгія отдѣлилась отъ Голландіи, Люксембургъ тоже принималъ дѣятельное участіе въ революціи. Крѣпость осталась по-прежнему во владѣніи Германскаго Союза, но люксембургскіе депутаты заседали въ бельгійскихъ законодательныхъ собраніяхъ. Въ 1839 году, когда голландско-бельгійскій вопросъ былъ рѣшенъ договоромъ, валлонская часть Люксембурга была уступлена Бельгіи; другая осталась за Голландіею; но въ вознагражденіе этой потери, Голландіи была предоставлена та часть Лимбурга, которая заключается между границами литтихской провинціи на правомъ берегу Мааса, и еще та, которая лежитъ между лимбургскимъ округомъ, отданнымъ Бельгіи, и сѣвернымъ Брабантомъ, принадлежащимъ Голландіи. При этомъ было постановлено, что первый изъ этихъ округовъ можетъ быть управляемъ отдѣльно, или присоединенъ къ Голландіи; второй долженъ былъ составить часть Голландіи. 29 августа 1839 года, великій герцогъ лимбургскій объявилъ, что онъ со всѣмъ Лимбургомъ присоединяется къ Германскому Союзу, предоставляя однако жъ себѣ право сохранять въ Лимбургѣ голландскіе законы и голландское управленіе. Германскій сеймъ изъявилъ на это свое согласіе. Дѣло оставалось въ этомъ положеніи до созванія Франкфуртскаго парламента. Люксембургъ не имѣетъ никакихъ прямыхъ связей съ Голландіею. Голландскій король имѣетъ съ тѣмъ и великій герцогъ люксембургскій, вотъ и все; Люксембургъ управляется совершенно отдѣльно, не платитъ

Голландіи податей, не поставляет ей рекрутъ. Лимбургъ совсѣмъ въ другомъ положеніи: онъ подлежитъ голландскимъ законамъ, управляется центральною голландскою властію, платитъ голландскія подати и налоги, поставляетъ въ голландскую армію рекрутъ.

Въ послѣднее время, нѣкоторые Лимбургцы стали утверждать, что это положеніе не нормально. Лимбургъ, говорятъ они, уступленъ Голландіи въ вознагражденіе за часть Люксембурга, которая отошла отъ нея: слѣдственно, долженъ быть подчиненъ тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ владѣніе, на мѣсто котораго поступилъ онъ; а Люксембургъ въ политическомъ, финансовомъ и административномъ отношеніяхъ отдѣленъ отъ Голландіи, слѣдственно и Лимбургъ долженъ быть отдѣленъ точно также.

Между тѣмъ какъ подобныя пренія шли въ журналахъ этой землицы, открылся въ Франкфуртѣ германскій парламентъ. Король-великій-герцогъ безъ всякаго затрудненія согласился, чтобы Лимбургъ отправилъ туда своихъ депутатовъ, и въ представители Лимбурга выбраны были два рѣшительные приверженца отдѣленія Лимбурга отъ Голландіи.

Эти господа не давали національному собранію покоя, пока оно наконецъ не постановило, что соединеніе герцогства Лимбургскаго съ Голландіею не совмѣстно съ союзною конституціею Германіи; декретъ національнаго собранія отъ 27 іюня, въ которомъ сказано, что статьи частныхъ конституцій разныхъ государствъ, входящихъ въ составъ Германскаго Союза, должны быть соглашены съ его общей конституціею, относится и до Лимбурга; что вопросъ объ обязанности Лимбурга: нести часть голландскаго государственнаго долга, долженъ быть рѣшенъ договоромъ, утвержденіе котораго національное собраніе предоставляетъ себѣ. Это рѣшеніе произвело въ Лимбургѣ сильное волненіе, и представители его напечатали въ журналахъ письмо къ своимъ избирателямъ, въ которомъ они говорятъ, что судьба Лимбурга окончательно рѣшена франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ.

Теперь спрашивается: что будетъ дѣлать голландскій король, у котораго это собраніе оглашаетъ часть его владѣній? Голландскій оффиціальнй журналъ, выходящій въ Гагъ, перепечатавъ письмо лимбургскихъ депутатовъ, но въ примѣчаніи къ нему замѣтилъ, что еще нельзя сказать утвердительно, что судьба Лимбурга рѣшена окончательно, что на это нужна не одна воля франкфуртскаго собранія.

Тутъ представляется вопросъ чрезвычайно важный. Гамбургъ самъ по себѣ ровно ничего не значить; но что будетъ съ голландскими княжествами Маастрихтомъ и Ванлоо, если Лимбургъ отойдетъ къ Германскому Союзу? Если Маастрихтъ послѣдуетъ за нимъ, то Германія ступитъ на правый берегъ Мааса, и врядъ ли это будетъ пріятно Франціи. Если Маастрихтъ останется за Голландіею, а Лимбургъ отойдетъ къ Германіи, эта крепость очутится между нѣмецкимъ княжествомъ и Бельгіею; чтобы послать туда провіантъ или подкрѣпленіе гарнизону, Голландія должна будетъ просить позволенія Бельгіи или Германскаго Союза пройти черезъ нихъ владѣнія. Притомъ въ городѣ Маастрихтѣ 25,000 жителей. Окруженные со всехъ сторонъ бельгійскими и нѣмецкими таможенными, они совершенно будутъ зависѣть отъ своихъ сосѣдей. Подобное положеніе нестерпимо. Если голландскій король уступитъ Лимбургъ, онъ не можетъ сохранить и Маастрихта. А что же будетъ, если онъ не уступитъ? И что скажутъ великія державы, утвердившія договоръ, которымъ Бельгія отдѣлена отъ Голландіи и опредѣлены границы этихъ обоихъ государствъ?

Нидерландскій король протестовалъ противъ этого произвольнаго отторженія цѣлой области, и губернатору ея поручено объявить жителямъ, что рѣшеніе, принятое національнымъ франкфуртскимъ собраніемъ, можетъ заставить многихъ думать, будто отдѣленіе этого герцогства отъ Голландіи фактъ принятый и утвержденный; что эта мысль можетъ имѣть слѣдствіемъ нарушеніе спокойствія и непризнаніе законной власти; что Его Величество король нидерландскій обязанъ основнымъ закономъ, присягою и трактатами управлять Лимбургомъ, сообразно

сь существующими законами, и охранять неприкосновенность предельно государства; что законное положение Лимбурга, существующее уже восемь летъ средѣ и признанное всеми, не должно и не можетъ быть изменено иначе, кромѣ съ согласія морейя и утвержденія законодательной власти. Въ слѣдствіе сего онъ приглашаетъ жителей оставаться спокойными до новыхъ приказаній».

30-го іюля было, близъ Маастрихта, свиданіе министра *Листенфильда* съ барономъ *Шерпенцель-Гейшемъ*, лимбургскимъ депутатомъ при франкфуртскомъ національномъ собраніи и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ отдаленія этой области отъ нидерландскаго королевства. Цѣль министра состояла только въ томъ, чтобъ объявить г. *Шерпенцелю*, не призывая въ немъ никакого другаго званія кромѣ начальника партіи, что правительство рѣшилось поддерживать до послѣдней крайности права свои на Лимбургъ; что послана уже подвижная колонна войскъ для возстановленія порядка и сбора податей; что войско это употребить силу вездѣ, гдѣ это окажется нужнымъ; что польза человечества и жителей требуетъ, чтобы имъ внушить повинное знонаніе; что онъ приглашаетъ г. *Шерпенцеля* содѣйствовать съ своей стороны къ этому внушенію, потому-что если отъ его вины произойдетъ кровопролитіе, то предъ Богомъ и людьми кровь эта падеть на него. Этимъ ограничились слова министра П.: *Шерпенцель*, съ своей стороны, утѣриая въ миролюбивыхъ своихъ намереніяхъ, и обзаялся содѣйствовать къ достиженію этой цели.

Въ началѣ августа, въ газетѣ *Times* была напечатана замѣчательная статья, по этому же вопросу о присоединеніи Лимбурга къ Германскому Союзу. Изложивъ событія, *Times* объявляетъ, что державы, принимавшія участіе въ договорѣ: объ отдаленіи Бельгіи отъ Голландіи, не могутъ не поддерживать Нидерландовъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и заключаетъ свою статью слѣдующими словами:

«Какія бы причины ни приводили для подкрѣпленія этого вопроса, по во всякомъ случаѣ франкфуртское собраніе поступило весьма неблагоразумно, поднявъ его въ настоя-

щее время. Провозглашать новыя права на земли, лежащія на лѣвомъ берегу Рейна, значитъ вызывать къ тому же Францію; притомъ, хотя французское правительство доселѣ и уважало договоръ 1815 года о границахъ, объявляя между тѣмъ, что уже не считаетъ его обязательнымъ, но оно, вѣроятно, очень бы обрадовалось, если бы Англія доставила ему предлогъ для окончательнаго измѣненія постановленій этого договора. Вооруженная интервенція на берегахъ Маса была бы для Бельгійцевъ очень подозрительный характеръ, и за нею послѣдовала бы, по всей вѣроятности, такая же демонстрація съ французской стороны. Поэтому если бы германскіе министры и Франкфуртское собраніе были такъ неблагоразумны, что сдѣлали бы этотъ вопросъ предметомъ настойчиваго спора, они приобрѣли бы новыхъ противниковъ и возстановили бы противъ себя всю окружающія Германію государства, за исключеніемъ одной только Швейцаріи. Австрія уже ведутъ войну въ Италіи, войска Германскаго Союза сражаются на берегахъ Адригата и Минціо; съ другой стороны Пруссакъ и десятая часть германской арміи воюютъ въ Даніи, а съ тѣхъ поръ какъ переговоры прерваны, по всему надобно полагать, что Швеція скоро выступитъ на попріще, и Россія готовится отразить набѣгъ на Ютландію. Такимъ образомъ Германіи угрожаетъ опасность съ юга, съ востока и съ сѣвера; распря съ Голландіею за Лимбургъ прибавитъ къ этому еще новую бурю съ запада, и притомъ это распря за дѣло, на которое ни Бельгія, ни Франція равнодушно смотрѣть не могутъ. Таковы послѣдствія, въ которыя можетъ быть увлечена нація, которая дѣйствуетъ по какимъ-то внушеніямъ, а не по правиламъ здоровой политики, слушается патріотическихъ разглагольствованій, а не совѣтовъ государственныхъ людей. Мы искренно желали бы, чтобы соединенная Германія благоденствовала, и потому очень жалѣемъ объ этихъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ повести къ горькимъ разочарованіямъ. Нѣтъ на свѣтѣ націи, какъ бы могущественна ни была она, которая могла бы, безъ помощи союзниковъ, вести войну вдругъ во всѣхъ направленіяхъ, а Германія меньше всякой другой

могла бы восторжествовать въ подобномъ случаѣ, потому-что она окружена сосѣдями воинственными и всѣ границы ея открыты. Франція должна защищать только свои границы на востокъ и со стороны Пиреней; у Россіи непріатели могутъ быть только въ Европѣ; Англія охраняется океаномъ; а у Германіи нѣтъ ни одной границы, которую она могла бы оставить безъ защиты, нѣтъ ни одного сосѣда, которому бы она безнаказанно могла оказать неуваженіе. Политическія ея выгоды требуютъ, чтобы она въ настоящее время состояла въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ Даніею, съ Швеціею и съ Голландіею; а Германія вѣдѣла того, чтобы искать расположенія этихъ важныхъ морскихъ державъ, первая встревожила, оскорбила ихъ своими необдуманными требованіями, и тѣмъ изъ союзниковъ превратила въ непріателей. Поэтому почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что распри, которыя она такимъ образомъ вызвала, хотя и второстепенныя, будутъ имѣть самое несчастное вліяніе на упроченіе единства Германіи и на будущее политическое состояніе Европы.

Данія.

Морской министръ объявлялъ, что кромѣ портовъ, уже блокируемыхъ, именно: Свинемюнде, Вольгаста, Каммина, Киль съ устьемъ шлезвигскаго канала въ Гольтенау, съ 15 августа будутъ блокируемы еще слѣдующіе: Грейфсвальде и восточный входъ въ Стральзундъ, рѣки Эльба, Везеръ и Яде. Объ этомъ уже сообщено объявленіе посланникамъ всѣхъ союзныхъ и нейтральныхъ державъ при датскомъ дворѣ, и оно будетъ выдаваемо таможными всякому судну, проходящему черезъ Зундъ и оба Бельта. Никакой другой портъ не долженъ быть почитаемъ состоящимъ въ блокадѣ, пока не издано будетъ объ этомъ особаго объявленія.

— Франція и Англія вмѣшались въ дѣло между Германіею и Даніею. Это подтверждается въ шведскомъ оффиціальномъ журналѣ «Газета почтовая и внутренняя», которая, сообщая, 4 августа, это извѣстіе, прибавляетъ, что кабинеты па-

римскій, и лондонскій. совмѣстно и формально объявили центральному правительству Германіи, что всякія дальнѣйшія, неприязненные дѣйствія Германіи противъ Дании будутъ счтены объявленіемъ войны Франціи и Англии.—Та же газета сообщаетъ, что въ слѣдствіе этого извѣстія, полученнаго изъ Мальме, гдѣ находится король Оскаръ I, великій маршалъ королевства, президентъ сейма, созвалъ все четыре сословія этого собранія и объявилъ имъ, что засѣданія, которыя намѣревались уже закрыть, протѣжались на неопредѣленное время, и что все члены, находящіеся въ отпуску, получаютъ приглашеніе возвратиться. По повелѣнію короля, все государственныя совѣтники, находящіеся въ Стокгольмѣ, отъправились 3 августа въ Мальме, къ Его Величеству.

Франкфуртъ на Майнѣ.

Эригерцогъ Іоаннъ, оставилъ Вѣну 31 июля и слезивъ съ себя званіе императорскаго наместника, прибылъ во Франкфуртъ на Майнѣ, 3 августа, съ супругою и сыномъ своимъ.

— Национальное собраніе, 6 августа, большинствомъ 288 голосовъ противъ 146, рѣшило отменить смертную казнь.

Сто двѣнадцать депутатовъ представили национальному собранію предложеніе: объ отизвѣ безбрачности духовныхъ. Въ слѣдствіе этого три католическихъ епископа и шестьдесятъ пять другихъ депутатовъ представили протѣстъ, въ которомъ убѣждали собраніе не обвиняться во внутреннѣя дѣла римско-католической церкви, чтобы не произвести столкновенія съ нею, которое могло бы повредить достиженію цѣли собранія. Въ такомъ случаѣ католическая церковь, то есть римское духовенство и все его приверженцы отказались бы повиноваться правителю имперіи.

— Сообщаемъ статью, которую имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Авинингенъ, напечаталъ подъ своимъ именемъ въ Аугсбургской всеобщей газетѣ. Она важна потому, что, будучи подписана министромъ эригерцогта, прави-

тогда Парламент, может затеять выработку своей, а не центрального правительства. Заключение этой статьи: «*Одно из двух*».

«*Докажите единство может быть только одно, точно так же, как есть только одна свобода, та, которая основана на законъ и порядкъ. Единство значить соединеніе всехъ частей въ одно цѣлое, такъ чтобы между частями и цѣлымъ не могло быть ни малѣйшей борьбы.*»

«*Всякое другое сляніе произведетъ не единство, а распри и распаденіе. Поэтому, если германская нація хочетъ единства, то она должна хотѣть не однихъ только средствъ, но, вмѣстѣ съ средствами, и послѣдствій. Въ присутствіи интересовъ германскихъ, не можетъ быть речи объ интересахъ баварскихъ, прусскихъ, саксонскихъ и другихъ, потому что вторые поглощаются первыми. Зависть между отдельными государствами, распри между северомъ и югомъ, теперь уже неумолимы; оппозиція противъ центральной власти и франкфуртскаго національнаго собранія теперь была бы тоже преступленіемъ противъ власти націи, измѣною отечеству, измѣною, которая должна быть немедленно наказана.*»

«*Династическіе интересы въ отношеніяхъ къ центральной власти не могутъ быть принимаемы въ уваженіе, какъ скоро нація хочетъ союза и единства. Германскіе государи должны покориться той волѣ точно такъ же, какъ и всѣ другіе Нѣмцы. Такъ если нація хочетъ, чтобы желаніе ея осуществилось, она должна заставитьъ центральную власть и франкфуртское собраніе принять все нужное для того мѣры. Созываніе депутатовъ отдельныхъ государствъ было бы измѣною и опасно, если только оно дѣлается не для того, чтобы облегчить переходъ отъ стараго времени къ новому.*»

«*Если однако жъ теперь, какъ надобно на что-нибудь рѣшиться, нація не можетъ отказаться отъ своихъ союществъ къ Пруссіи, къ Ганноверу, если она не можетъ дожертвовать ими германскому единству, если старинный духъ распри и отдаленности еще слишкомъ преобладаетъ, если зависть*

между северомъ и югомъ еще не угасла, о! тогда пусть нація возвратится къ положенію федеративному, предоставитъ отдѣльнымъ государствамъ образоватъ свое правленіе какъ они хотять, пусть она распуститъ общее учредительное собраніе, уволитъ правителя минерин и его правительство.

«Такое федеративное состояніе не исключаетъ возможности образованія, если не Германія свободной и соединенной, то, по крайней мѣрѣ, германскихъ государствъ, свободныхъ въ своемъ союзѣ и соединенныхъ противъ вѣшняго врага. Но созидатъ новую имперію и вмѣстѣ съ тѣмъ готовить неизбежную для центрального правительства войну съ отдѣльными государствами; производить несогласіе вмѣсто соединенія, слабость вмѣсто силы, основывать новую имперію, соединяя въ ней все недостатки прежней безъ ея выгоды, это былъ бы неслыханный результатъ революціи, предпринятой съ столькими пожертвованіями и опасностями. Нація должна смѣло предложить себѣ этотъ вопросъ и выбрать то или другое, если она не хочетъ сдѣлаться посмѣшищемъ Европы, провозглашая повсюду единство Германіи и осуществляя совершенно противоположное этому единству. Нація обязана знать, чего она хочетъ. Она одна можетъ рѣшить дѣло. Такъ какъ всякой въ Германіи пмѣетъ право высказывать свое мнѣніе, то и нижеподписавшійся долгомъ считаетъ откровенно высказать что думаетъ.

«Я думаю, что Германія должна идти впередъ по пути, который она избрала для того, чтобы создать Германію сильную и соединенную, вмѣсто государства федеративнаго, раздѣленнаго и слабаго. Этого требуютъ честь и долгъ; это же предписываютъ благоразуміе и наши выгоды. Возвращеніе къ федеративному положенію было бы только временемъ переходнымъ, стремленіемъ къ новымъ катастрофамъ, къ новымъ революціямъ. Великія идеи, подобныя тѣмъ, которыя овладѣли Германцами, могутъ дремать некоторое время; но потомъ, рано или поздно, воспрянуть съ новой силой и успехомъ.

«Опасность состоянія революціонернаго или даже безире-

рышной войны въ Германіи слишкомъ велика для насъ, для Европы, для цивилизаціи. Надобно испытать всѣ средства, чтобы устранить ее. Надобно, чтобы центральная власть поглотила верховную власть отдельныхъ государствъ, и немедленно приступила къ преобразованію Германіи; надобно, чтобы основывая могущество имперіи, она ослабила власть отдельныхъ государствъ.

«Необходимо въ особенности, чтобы центральная власть заступила мѣсто отдельныхъ государствъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранцами.

«Центральная власть будетъ оцѣнивать и представлять достоинство и интересы каждаго государства. Она должна усвоить себѣ всѣ силы имперіи и располагать ими по своей воле; она должна отодвинуть таможенныя границы до предѣловъ имперіи.

«Она не можетъ допустить, чтобы рядомъ съ нею правительства и собранія занимались въ одно и то же время вопросами, которые исключительно подлежатъ вѣдѣнію учредительнаго собранія. Въ случаѣ неповиновенія, центральная власть немедленно должна прибѣгнуть къ прещенію. Она должна имѣть право призывать къ себѣ на судъ непокорныхъ министровъ и генераловъ, распускать собранія и корпуса, которые осмѣлились бы ей не повиноваться. Только этими средствами центральная власть можетъ основать Германію единую и свободную.

«Только этими средствами можно возстановить порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благоденствіе. Только этими средствами можно миролюбивымъ образомъ рѣшить социальныя вопросы. Только этими средствами Германія можетъ удержать свое положеніе въ отношеніи къ иностранцамъ, не возбуждая ихъ, какъ теперь, тщетными угрозами. Всякій другой путь поведетъ къ Германіи разъединенной или къ прежнему федеративному состоянію.»

ГАННОВЕРЪ.

Король ганноверскій отдалъ 6 августа приказъ по арміи, касательно отношеній ея къ правителю государства. Въ этомъ приказъ сказано, что король далъ свое согласіе на избраніе правителя государства, и что ему, правителю, принадлежитъ главное начальство надъ германскими войсками, какое донынѣ принадлежало сейму Союза. Лишь только потребуетъ того оборона отечества, король прикажетъ свести войнамъ присоединиться къ прочимъ германскимъ войскамъ, подъ главнымъ начальствомъ правителя государства.

П р у с с і я.

Король прусскій издалъ приказъ по арміи, въ которомъ говорить, что для единства Германіи управленіе центральными дѣлами вѣрнее государственному правителю, что онъ призналъ это опредѣленіе не только потому, что эригерцогъ *Іоаннъ* личный другъ его, но и потому, что онъ стяжалъ славное имя и въ мирѣ и на войнѣ, и чтобы войска прусскія, когда имъ повелѣно будетъ состоять подъ начальствомъ государственнаго правителя, поддержали славу прусской храбрости и дисциплины.

Король назначилъ государственнаго министра *Кампгаузема* своимъ уполномоченнымъ при центральномъ правительствѣ во Франкфуртъ.

— Въ Нюренбергскомъ Курьерѣ напечатана нота, сообщенная прусскимъ правительствомъ всемъ дворамъ Германіи, чтобы условиться съ ними на счетъ выполненія декрета германскаго сейма отъ 28-го іюня, касательно назначенія полномочныхъ при временной центральной власти. Она предлагаетъ назначить семь полномочныхъ: 1) отъ Австріи, 2) отъ Пруссіи, 3) Баваріи, 4) Саксоніи съ ея герцогствами и княжествами Шварцбургъ и Рейсъ, 5) Виртемберга и Бадена съ княжествомъ Гогенцоллернъ, 6) Ганновера съ Ольденбургомъ, Мекленбургомъ, Брауншвейгомъ,

Гамбургемъ и Лаубургемъ, Шаумбургъ-Липпе и Ганзатическими городами, 7) отъ Гессенскихъ владѣній съ Гомбургемъ, Нассау и Фравкфуртомъ. Эти семеро уполномоченныхъ должны составить советъ для рѣшенія большинствомъ голосовъ всѣхъ дѣлъ, которыя встретится между державами и центральной властію. Австрія и Пруссія должны имѣть каждая по три голоса, подаваемые, если это будетъ нужно, тремя отдельными уполномоченными.

— Берлинское національное собраніе, въ засѣданіи своемъ 4-го августа, приняло, послѣ продолжительнаго пренія, значительнымъ большинствомъ голосовъ законъ объ уничтоженіи смертной казни.

А В С Т Р І Я.

Императоръ австрійскій 12 августа торжественно въѣхалъ въ Вѣну. Всѣ сословія столицы приняли его съ выраженіемъ искренней любви и преданности. 16 августа императоръ издалъ слѣдующую прокламацію: «Любезнымъ моимъ жителямъ Вѣны! Вчерашній день, въ который я возвратился къ вамъ и въ который вы доказали мнѣ вашу всегдашнюю неизмѣнную любовь, останется на всегда памятнымъ для меня и для членовъ императорскаго дома. Да будетъ онъ въ исторіи воспоминаніемъ торжественнаго союза между свободнымъ народомъ и конституціоннымъ его императоромъ, да царствуютъ впредь миръ, порядокъ и законность, и да способствуютъ они къ устройенію новаго нашего конституціоннаго государства для блага народовъ Австріи. При содѣйствіи представителей и ответственныхъ совѣтниковъ, я надѣюсь исполнить возложенную на меня Провидѣніемъ важную задачу новаго устройства отечества. Фердинандъ.»

Война Австріи съ Италіей.

Въ одной заграничной газетѣ пишутъ: «Когда всѣ власти кажутся теперь въ большомъ упадкѣ, современная исто-

рія представляеть любопытное зрѣлище въ лицѣ стараго фельдмаршала *Радецкаго*, который, не смотря на свои 83 года и на неблагопріятныя обстоятельства, окружающія его, какъ генерала и представителя правительства, не любимаго въ Италіи, однако же сражается храбро, выдерживаетъ мужественно натиски сильныхъ войскъ и искусныя атаки противниковъ, сперва отступаетъ въ совершенномъ порядкѣ, а потомъ нападаетъ съ совокупностью, и наконецъ одерживаетъ верхъ. Кажется, что видишь героя прежнихъ славныхъ временъ, брошеннаго въ столкновение между событіями прошедшаго и настоящаго, — и каковы бы ни были сужденія людей о правотѣ той или другой стороны, конечно во всей Европѣ нѣтъ никого, чье сердце не забилося бы при имени этого старца, возобновляющаго въ нынѣшнемъ разрушающемся обществѣ примѣры мужества, оставленныя намъ въ образецъ прошедшими рыцарскими временами.»

Дѣйствительно, дѣйствія Австрійцевъ въ сѣверной Италіи, подъ предводительствомъ графа *Радецкаго*, представляютъ рядъ славныхъ побѣдъ. 17 іюля, Піемонтцы занимали еще укрѣпленную позицію при Риволи и пѣли сообщеніе съ лѣвѣмъ берегомъ рѣки Адижа, посредствомъ летучаго моста. Но Австрійцы, устроивъ батарею на одной изъ высочайшихъ и непреступныхъ скалъ Монте-Пастелло, успѣли разрушить непріятельскія укрѣпленія и летучій мостъ, и принудить Піемонтцевъ къ отступленію. Вслѣдъ за тѣмъ 23 іюля, при Соммакампань, была одержана Австрійцами блистательная побѣда надъ войсками Карла-Альберта. «Наша армія, писалъ графъ *Радецкій*, одержала блистательную побѣду, выгнала непріятеля изъ его ретраншаментовъ и обратила его въ бѣгство. Риволи, Соммакампань и Кастельнуово попали въ наши руки. Генераль *Мантонъ*, его адъютантъ и многіе офицеры взяты въ плѣнъ; сверхъ того у непріятеля отбиты шесть орудій, одно знамя, и большое количество боевыхъ припасовъ.»

25 іюля одержана новая побѣда надъ соединенною арміею Карла-Альберта при Кустоцѣ. Піемонтцы были разби-

ты на-голову, послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося девять часовъ, при 28-ми градусномъ жарѣ.

Императоръ австрійскій, получивъ извѣстіе объ этихъ побѣдахъ, препроводилъ къ фельдмаршалу графу Радецкому слѣдующій рескриптъ: «Любезный графъ Радецкій! Блестательныя побѣды при Соммакампань и Кустоцѣ исполнили сердце мое удивленіемъ и радостію. Мнѣ кажется, я не могу представить храброй италійской арміи лучшаго доказательства Своей признательности, какъ украсивъ, достойнаго славы, полководца ея большимъ крестомъ Моего военнаго ордена Маріи-Терезіи, знаки котораго препровождаю при семъ съ полковникомъ графомъ Кренивицемъ. Пусть еще долго этотъ высшій знакъ отличія война украшаетъ вашу мужественную грудь, а подвиги ваши служатъ примѣромъ австрійской арміи. Инспрукъ, 28 іюля 1848. (Подпис.) Фердинандъ.»

26 и 27 іюля, была одержана еще побѣда при Вольтѣ. То были послѣднія сраженія, данныя только непріятельскимъ арріергардомъ, который хотѣлъ при этомъ овладѣть высотами Вольты и прикрыть отступленіе главнаго корпуса піемонтской арміи. Въ этомъ дѣлѣ, по выраженію фельдмаршала Радецкаго, фельдмаршалъ — лейтенантъ баронъ фонъ-Аспре и весь корпусъ его, а также кавалерійская дивизія князя Таксина, покрылись славою. Въ полдень непріятель уже ретировался къ Кремонѣ. 27 іюля, спустя нѣсколько часовъ послѣ сраженія, въ главную квартиру барона фонъ-Аспре явились два піемонтскіе генерала и одинъ полковникъ, предлагая, отъ имени короля, перемиріе, причемъ, Оліо долженъ былъ служить демаркаціонною линіей. Однако жъ, предложенія непріятеля были вовсе не таковы, чтобъ фельдмаршалъ рѣшился принять ихъ, и потому, отринувъ предложеніе, графъ Радецкій предписалъ Піемонтцамъ другія условія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, объявилъ, что если эти условія не будутъ приняты до 5 часовъ утра 28 іюля, то онъ снова предоставитъ рѣшеніе дѣла оружію, и будетъ преслѣдовать непріятеля со всеми своими силами. Условія эти состояли въ слѣдующемъ: сдача

Венеція, Пескьеры и Озопо и отступление Пьемонтцев за Адду.

Король сардинскій не принялъ условій перемирія, и потому фельдмаршалъ Радецкій продолжалъ преслѣдовать его за рѣку Оліо до Кремоны. Король Альбертъ долженъ былъ наконецъ очистить и Кремону и отступить за Адду, черезъ которую перешелъ и фельдмаршалъ Радецкій, и направился вслѣдъ за непріятелемъ къ Милану. 4 августа, близъ Сень-Донато, завязалось сраженіе съ пьемонтскими войсками, стоявшими предъ Миланомъ, которыя были сбиты съ мѣста и преслѣдуемы до городскихъ стѣнъ. Въ тотъ же день было получено въ квартирѣ фельдмаршала извѣстіе, что Павія сдалась Австрійцамъ. 6 августа, въ два часа по полудни, австрійская армія вступила въ Миланъ. Карлъ Альбертъ, переправившись черезъ рѣку Тичино (Тессино), 7 августа прибылъ въ свою столицу.

Фельдмаршалъ графъ Радецкій прислалъ въ Вѣну, въ военное министерство, слѣдующее донесеніе, отъ 6 августа:

«Миланъ нашъ; онъ поручилъ себя милосердію Его Величества императора, и сегодня въ 12 часовъ утра я вступилъ въ этотъ городъ съ храбрыми моими войсками.

«Пьемонтская армія вышла изъ Милана нынче ночью и въ слѣдствіе капитуляціи; заключенной еще вчера съ нею и съ городомъ, завтра вечеромъ должна быть на Тессино, слѣдовательно въ императорскихъ владѣній.

«Двѣ недѣли тому назадъ армія предприняла наступательное движеніе; въ продолженіе этого времени она одержала победы при Соммакампань, Кустоць, Вольтъ, Кремонъ, Ниццендартенъ и два дня сряду передъ Миланомъ; поэтому армія и ея предводитель думаютъ, что вѣрно исполнили свой долгъ относительно императора и любезнаго отечества: въ Ломбардіи нѣтъ уже ни одного непріятеля.»

Вышеупомянутая конвенція состоитъ въ слѣдующемъ:

«1) Городъ будетъ пощаженъ. 2) Фельдмаршалъ, сколько это зависить отъ него, будетъ обращать справедливое вниманіе на прошедшее. 3) Сардинская армія, какъ это уже условлено съ сардинскими генералами, должна высту-

ише изъ города двумя отдѣльными колоннами. 4) Желаящіе могутъ безпрепятственно выѣхать изъ города, до 8 часовъ завтрашняго вечера, и отправиться въ Магенту. 5) Сегодня же, въ 8 часовъ утра, фельдмаршалъ займетъ римскія ворота, а въ полдень вступитъ съ арміею въ городъ; 6) Перевозка больныхъ и раненыхъ послѣдуетъ равнымъ образомъ во время обоихъ дней выступленія піемонтской арміи. 7) Все эти условія должны быть приняты и Его Величествомъ сардинскимъ королемъ. 8) Фельдмаршалъ требуетъ немедленнаго освобожденія всѣхъ плѣнныхъ австрійскихъ генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ, находящихся въ Миланѣ. Сентъ-Донатъ, 5 августа 1848. П. Басси, миланскій подеста. Генералъ-лейтенантъ графъ Салиско, начальникъ главнаго штаба.»

Въ частныхъ письмахъ изъ Милана находятся подробности занятія этого города Австрійцами. Отъ 7 авг. «Фельдмаршалъ Радецкій вступилъ вчера въ нашъ городъ съ 60,000 войскъ и многочисленною артиллеріею. Первая прокламація его состояла въ томъ, что онъ до времени соединяетъ въ рукахъ своихъ и военную и гражданскую власть. Миланъ объявленъ состояющимъ въ осадномъ положеніи. Военнымъ губернаторомъ назначенъ князь Шварценбергъ. Все лавры закрыты, и все народонаселеніе находится въ величайшемъ уныніи. Все молодые люди оставили городъ. Еще съ субботы (5-го) начали мы опасаться за участь города, и съ каждымъ часомъ возрастала неизвѣстность: въ состояніи ли будутъ Піемонтцы защитить насъ. Карлъ Альбертъ остановилелъ, съ двумя своими сыновьями, во дворцѣ Берни. Узнавъ объ этомъ, народъ окружилъ дворецъ и разставилъ около него рядъ опрокинутыхъ повозокъ, чтобъ не допустить короля выѣхать изъ Милана. Всеобщее волненіе усиливалось каждую минуту. Вездѣ были слышны угрозы Піемонтцамъ. Многіе депутаты говорили королю рѣчи, въ которыхъ выражали свое глубокое отчаяніе. Король былъ въ самомъ горестномъ положеніи. Въмѣсто него, герцогъ савойскій, сынъ его, отвѣчалъ народу: «Именемъ короля обещаю вамъ, что мы будемъ защищать Миланъ до послѣдней

капли крови, и если нужно, то погребемъ подъ его развалинами.» Въ вечеру герцогъ хотѣлъ пройти по улицамъ, но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ встрѣченъ двумя выстрѣлами; сверхъ того три пули попали въ комнату короля. Послѣ этого кавалерія очистила улицы, и около дворца собрался значительный отрядъ войска. Король вышелъ съ обоими сыновьями своими на площадь Бельджойозо, сѣлъ на лошадь посреди своихъ драгунъ, и въ полночь, со всею своею арміею, которая успѣла собраться, выступилъ изъ города. Въ воскресенье поутру весь городъ былъ въ величайшемъ смятеніи. Вышедши въ четыре часа на улицу, я увидѣлъ, что многіе жители съ женами и дѣтьми оставляютъ городъ съ самою малою частію своего имущества. Всѣ прежнія баррикады были разобраны, и городъ очищенъ для вступленія Австрійцевъ. Въ восемь часовъ явился первый авангардъ, а въ полдень вѣхалъ и самъ фельдмаршалъ. Вступленіе было торжественное, и тотъ же самый народъ, который недавно еще кричалъ: *morte ai Tedeschi!* (смерть Нѣмцамъ!) теперь возглашалъ фельдмаршалу: *evviva!* (да здравствуетъ!) Теперь уже 80,000 Австрійцевъ въ городъ, а вскорѣ ожидаютъ еще 20,000, подъ командою генерала *фонъ-Вельдена*. Порядокъ и дисциплина, наблюдаемые войскомъ, примѣрны. Не случилось еще ни одного непріятнаго или насильственнаго происшествія. Ломбардскія войска, отступавшія къ рѣкѣ По, были еще вчера настигнуты. Генералъ *Фанти* былъ окруженъ на одной мызѣ, взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ лагерь. Австрійцы заняли также уже часть провинціи Комо. Въ Туринѣ, по полученіи извѣстія о сдачѣ Милана, произошли безпокойства. Народъ кричалъ: смерть предателямъ! Правительство изда-ло строгія предписанія противу скопищъ.»

Отъ 8 августа: «Нашъ городъ сдѣлался пустынею. Австрійское войско стоитъ лагеремъ на дворцовой площади и на бастіонахъ. Главная квартира находится въ Виллѣ. Городскія ворота отперты. Вчера розданы были прокламаціи, въ которыхъ сообщаютъ, что національная гвардія распускается; что всякое оружіе должно быть сдано австрій-

екая начальства въ 24 часа, подъ ошесеніемъ отрогаго наказанія; цѣна на соль сбавлена; частыя имущества остаются неприкосновенными; скопища по улицамъ и неприличные политическія сужденія въ публичныхъ мѣстахъ воспрещаются, и штемпельная пошлина будетъ значительно сбавлена.—На городъ наложено 30 милліоновъ ляръ военной контрибуціи. Австрійцы наблюдаютъ строжайшую дисциплину.»

Двѣ трети жителей Милана оставили городъ. Въ кантонѣ тессинскомъ собралось до 30,000 этихъ выходцевъ. Въ Лугано ихъ было такъ много, что нѣкоторые спали подъ открытымъ небомъ. Большая часть изъ нихъ не имѣли ни какихъ средствъ къ пропитанію и только снабжены были необходимою одеждою.

Фельдмаршалъ *Радецкій* донесъ 9 августа, что онъ заключилъ съ королемъ сардинскимъ перемиріе на шесть недѣль, на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: демаркаціонною линіею между арміями будетъ граница государства (рѣка Тичино или Тессинъ); крѣпости Пескьера, Рокка д'Ансо и Озоппо должны быть сданы австрійскимъ войскамъ; города Модена, Парма и Пiacенца должны быть очищены пиемонтскими войсками въ теченіе трехъ дней; настоящая конвенція распространяется также на Венецію и ея владѣнія, которыя должны быть очищены сардинскими сухопутными и морскими силами.

Въ Газ. Times напечатана слѣдующая статья объ италіанскихъ дѣлахъ.

«Капитуляція Милана, естественное послѣдствіе успѣховъ, ознаменовавшихъ шестіе австрійской арміи со времени переправы чрезъ Минчіо, есть событіе величайшей важности въ этомъ году, столь обильномъ событіями. Оно оканчиваетъ ломбардское возстаніе, которыя началась италіанская война и теперь очевидно, что политическое положеніе этой провинціи можетъ измѣниться только въ слѣдствіе переговоровъ, или правильной войны; оно разстроило честолюбивые замыслы савойскаго дома и принудило короля Карла Альберта возвратиться въ предѣлы сво-

его государства; оно показало, какъ мало можно надѣяться на союзъ италіанскихъ государствъ, даже въ обстоятельствахъ, самыхъ благопріятныхъ для осуществленія этого народнаго желанія; оно показало еще разъ, какъ безразсудны надежды и тщетны обещанія революціонныхъ правительствъ, и что, не смотря на сотрясеніе, послѣдовавшее въ Европѣ, тѣ же непоколебимыя начала, которыя люди слишкомъ поспѣшно отвергли, и понынѣ управляютъ международными сношеніями; оно показало наконецъ, что австрійская имперія, хотя и ослабленная, можетъ еще выставить одну изъ первыхъ арій, подъ предводительствомъ одного изъ искуснѣйшихъ военачальниковъ въ Европѣ, которые совершенно въ состояніи покорить не только сѣверъ Италіи и весь полуостровъ, но и помѣряться съ равной надеждою на успѣхъ, съ противниками, несравненно болѣе страшными.

«При событіяхъ, внушающихъ намъ эти размышленія первое мѣсто, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ фельдмаршалъ *Радецкий*, который, обремененный 80 годами, не переставалъ выказывать во все теченіе этой войны, опытное благоразуміе зрѣлаго возраста и пылкую дѣятельность юности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на блестящіе воинскіе подвиги, ознаменовавшіе окончаніе этой войны, каковы наиримѣръ взятіе укрѣпленныхъ высотъ при Кустоцѣ, и энергическое преслѣдованіе непріятеля до самыхъ воротъ Милана; или на мужественную, неустрашимость, геройскую твердость, выказанныя старымъ воиномъ, когда онъ при началѣ кампаніи держался на берегахъ Адрижа и Минчио и оставался непоколебимымъ посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Ему суждено было возстановить свое отечество въ общемъ мнѣніи и приобрѣсти славу тѣхъ, которые, въ опасныя минуты, спасали государства. Прибавимъ, что вступленіе фельдмаршала въ Миланъ не сопровождалось никакой, даже самой справедливой строгостію, и что австрійскія войска постоянно наблюдали строжайшую дисциплину.

«Не трудно было бы возвысить славу этихъ подвиговъ,

противопоставивъ имъ обманувшуюся самонадеянность, не удавшиеся планы и безплодные усилія, которыхъ примѣры представляютъ намъ сардинскіе принцы; но не станемъ отягчать судьбу ихъ; отдадимъ полную справедливость ихъ мужеству на полѣ битвы и скажемъ, что не они виновны въ ихъ поражениіи и вступленіи Австрійцевъ въ Ломбардію. Король и его министры думали, что единственное средство предупредить революцію въ Сардиніи, состояло въ томъ, чтобы отвѣчать на крикъ войны противъ Австрійцевъ, раздававшійся по всей Италіи; теперь они наказаны за это нарушеніе началъ, а на Италіи лежатъ стыдъ за то, что она не поддержала національнаго дѣла. Карль Альбертъ, оскорбляемый въ Миланѣ такою самою черною, непостоянною и неблагодарною, которая побудила его приняться за оружіе, представляетъ достопамятный примѣръ награды, ожидающей тѣхъ, кто покоряется революціонерной политикѣ.»

Послѣ взятія Милана, быстро послѣдовало отъищеніе другихъ городовъ и крѣпостей Пиемонтцами.

Фельдмаршалъ-лейтенантъ *Гюлай* сообщаетъ о взятіи Болоньи: «Для прикрытія движеній генералъ-маіора князя *Лизтенштейна*, который долженъ былъ съ 6,000 войска двинуться къ Моденѣ, фельдмаршалъ-лейтенантъ *Вельденъ* переправился, 3 числа, черезъ По у Понте-Лавоскурто, и занявъ въ тотъ же день городъ Феррару; откуда непріятель отступилъ частью къ Равеннѣ, а частью къ Болоньи. Оставивъ въ городѣ Феррарѣ четыре роты пѣшихъ гренадеръ, для соблюденія тишины и порядка, баронъ *Вельденъ* перенесъ свою главную квартиру 4 числа въ Бондино, а 5 въ Ченто. Наши передовые посты стояли 5 числа ввѣчеру къ сѣверовостоку и западу отъ Болоньи, на одиной часъ отъ нея разстояніемъ. Ворота были заперты. Все было въ величайшемъ смятеніи; лошади были вездѣ собраны заранее, чтобы герцогу могли скорѣе снастись бѣгствомъ. По полученіи извѣстія о приближеніи нашихъ колоннъ, ворота Болоньи зажалили и воставили четыре орудія у воротъ Порто-Галлиера. Ввѣчеру 6 числа наши колонны стояли уже на разстояніи пу-

щечнаго выстрѣла отъ города. Модена была уже очищена отъ непріятелей, о чемъ тамошнее временное правленіе намъ сообщило. Ночью съ 6 на 7 поставили мы батарею гаубицъ на высотахъ Санъ-Микеле, другую со стороны Санъ-Феличе, а третью передъ воротами порта Галліера. По принятіи сихъ мѣръ, явилась изъ города депутація, и представила барону *Вельдену* удостовѣреніе въ своей покорности и въ совершенномъ очищеніи города отъ скопищъ непріятельскимъ волонтеровъ. Послѣ этого баронъ *Вельденъ* вступилъ въ городъ и занялъ его, какъ военную позицію.»

Но вскорѣ послѣ того, въ Болоньѣ вспыхнуло возстаніе, когда генераль *Вельденъ*, выступивъ того же 7 числа, изъ города предписалъ барону *Пергласу* выпустить 8 числа. Приступая къ исполненію этого предписанія, баронъ *Пергласъ* былъ атакованъ вооруженными толпами въ противность конвенціи, заключенной наканунѣ съ мѣстнымъ начальствомъ; многіе офицеры и солдаты были измѣннически умерщвлены. Баронъ *фонъ-Пергласъ* принужденъ былъ силою отражать атаки противъ своего арріергарда и отступилъ въ порядкѣ послѣ битвы, продолжавшейся нѣсколько часовъ, при которой онъ принужденъ былъ употребить артиллерію. Въ тотъ же день онъ достигъ Понте ди Рено, 9 числа Кортичетто и Сень-Джорджіо, и 10 Ченто.

— Брешиа сдалась безусловно фельдмаршалъ-лейтенанту барону *фонъ-Аспру*, не смотря на сопротивленіе 3,000 миланскихъ и павійскихъ студентовъ, которые, по вступленіи Австрійцевъ въ городъ, были обезоружены. 14 числа фельдмаршалъ-лейтенантъ князь *Шварцнбергъ* занялъ Бергаму. Піемонтцы, которые, по конвенціи, должны были очистить этотъ городъ, побросали свое оружіе. — Піемонтскій комендантъ Пинцигетона взорвалъ эту крѣпость. При этомъ погибло около 400 человекъ; въ томъ числѣ были нѣмецкіе пѣльины, женщины и дѣти. — Комендантъ крѣпости Озонно отказался повиноваться королю Карлу Альберту и ожидаетъ приказаній изъ Венеціи. Крѣпость Пескіера опять занята Австрійцами. Въ слѣдствіе конвенціи, заключенной 9-го августа фельдмаршаломъ Радецкимъ съ піемонтскимъ

королемъ, гарнизонъ сардинскихъ войскъ вышелъ изъ города. Чтобы принудить Пескьеру къ сдачѣ, Австрійцы построили на обонхъ берегахъ Минчио четыре батареи, вооруженныя 52-мя осадными орудіями, въ числѣ которыхъ было восемь 60-ти фунтовыхъ мортиръ. Въ полдень 9-го августа батареи были готовы, и огонь могъ уже начаться, потому что Австрійцы на требованіе сдачи получили отказъ. Въ семь часовъ онъ дѣйствительно былъ открытъ, и по прошествіи полутора часа, крѣпость была осыпана ядрами, гранатами и бомбами, такъ что уже была почти совершенно во власти Австрійцевъ. 10-го числа съ разсвѣтомъ возобновленъ былъ огонь еще въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; наконецъ прибыло извѣстіе о заключеніи перемирія и остановило всѣ непріязненные дѣйствія.

— Фельдмаршалъ-лейтенантъ *Вельденъ* отправилъ въ Венецію парламентаря съ предложеніемъ находящемуся тамъ піемонтскому комиссару сдать городъ на основаніи перемирія, заключеннаго между Австрією и Піемонтомъ; но тамошніе правители-самозванцы на это не согласились; они вновь провозгласили республику и приняли оборонительныя мѣры.

ВЕНГРІЯ.

— Въ Венгріи дѣла идутъ такъ, что надобно ожидать величайшихъ катастрофъ и совершеннаго разоренія страны, если скорый миръ не положитъ конца междуусобной войнѣ. Результаты, полученные доселѣ венгерскимъ правительствомъ, извѣстны: богатства уничтожены; венгерское дворянство, если бъ оно захотѣло платить долги свои, принуждено было бы объявлять себя банкротомъ; жатвы гниютъ на поляхъ, потому что нѣтъ рукъ для ихъ уборки, нѣтъ денегъ для уплаты этимъ рукамъ. Междуусобная война свирѣяствуетъ. 30 іюля Венгерцы повѣсили майора *Койтсъ* и *Странимировича*, взятыхъ въ плѣнъ при вершецѣ и такимъ образомъ вступили на страшный путь возмездій. Австрійскій сеймъ теряетъ время въ пустыхъ пе-

реговорахъ и нисколько не защищаетъ дѣлами Венгріи. Банъ *Теллачичъ*, въ прокламаціи, издавшой 6 августа, отъ даетъ отчетъ въ поведѣ своей въ Вѣну, и въ бесполезныхъ усиліяхъ, дѣланныхъ имъ, равно какъ эрцгерцогомъ паплатинномъ и эрцгерцогомъ Юанномъ для миролюбиваго рѣшенія дѣлъ Венгріи и Кроаціи. Въ заключеніе своей прокламаціи, Банъ *Теллачичъ* говоритъ: «Въ такихъ обстоятельствахъ намъ остается только ожидать рѣшенія пестскаго сейма на счетъ послѣднихъ нашихъ мирныхъ предложеній, которыя министры, конечно, сообщать ему; потому намъ не остается больше ничего дѣлать, какъ, желая живнись на нашу силу, на наше единодушіе, защищать свое дѣло, которое, конечно, не будетъ лишено ни участія народовъ Австріи и Европы, ни одобренія Е. В. императора и короля; ни помощи Всевышняго.»

Изъ Аграма отъ 12-го числа пишутъ, что тамъ ожидаютъ важныхъ происшествій. Всѣ регулярные полки Кроатовъ, въ числѣ 18,000 человекъ, сплываютъ къ границѣ. Банъ дѣлалъ смотръ пограничнымъ войскамъ, стоявшимъ въ Оттокарь и возвратившимся изъ Пескьеры. «Храбрые воины!» сказалъ онъ имъ: «большая часть Венгріи ожидаетъ насъ какъ избавителей. Черезъ четыре недели вы будете опять соединены съ своими семействами. Плодомъ усилій вашихъ будетъ образованіе законной монархіи, сильной противу всѣхъ своихъ враговъ.» Всѣ силы Бана простираются отъ 80-ти до 90,000 человекъ.

Съ своей стороны, президентъ венгерскаго министерства, графъ *Батіани*, въ циркулярѣ къ начальствамъ странъ, лежащихъ по Дравѣ и Дунаю, напоминаетъ, что кроатскій Банъ, *Теллачичъ*, въ присутствіи эрцгерцога Юанна, обещалъ отвести свои войска отъ границъ, если венгерское правительство со своей стороны сдѣлаетъ то же; но не исполнилъ своего обещанія и напротивъ сосредоточилъ значительныя силы на границѣ, въ особенности въ окрестностяхъ Варасдина; почему министръ предписываетъ сформировать и вооружить сколько можно больше отрядовъ во-

дезертеров и подвижной национальной гвардіи, чтобы быть въ состояніи отражать нападенія Кроатовъ.

ЦЕРКОВНАЯ ОБЛАСТЬ.

Въ Римѣ, 19 іюля, царствовало величайшее волненіе; клубы и другія политическія общества не расходились; народъ разсуждалъ на улицахъ и площадахъ. На другой день, именно 20 числа, народъ подъ вліяніемъ клубовъ и части гражданской гвардіи, огромною массою отправился ко дворцу, гдѣ собираются депутаты, занялъ весь дворъ и всѣ сосѣднія площади и отправилъ въ палату депутатовъ прешеніе о войнѣ по случаю занятія Австрійцами Феррары. Прошеніе при открытіи засѣданія и было прочтено президентомъ; но какъ палата отложила докладъ и рѣшеніе этого дѣла до слѣдующаго дня, то народъ ворвался въ залу, съ криками: *Да здравствуетъ министерство! Оружія! Оружія!* Засѣданіе было прервано и президентъ съ трудомъ могъ внушить вполнѣ уваженіе къ законодательному сословию. 21 числа папа принималъ депутацію палаты. Отвѣтъ Е. С. еще неизвѣстенъ. Между тѣмъ въ городѣ происходило сильное волненіе.

Въ Парижской газетѣ l'Union пишутъ изъ Рима отъ 8-го августа: «Положеніе Рима день отъ дня становится печальнѣе и опаснѣе. Со времени возвращенія пяти сотъ человекъ 1-го римскаго легіона, который подвергся постыдной капитуляціи въ Виченцѣ, и которому однако же, вопреки всѣмъ понятіямъ о справедливости, сдѣлили здѣсь торжественную встречу, мы находимся подъ владычествомъ солдатъ, и еще казакъ солдатъ! Они теперь столь же горды и дерзки, какъ были малодушны передъ непріятелемъ. Со времени ихъ возвращенія, умерщвлены два духовныя особы, нѣсколько человекъ подверглись побоямъ, и епископъ-миссіонеръ, который внушилъ бы уваженіе анкарямъ, былъ любично оскорбленъ на улицѣ Корсо. — Въ огорченіи видишь, что вижу, я выражаюсь, можетъ-быть, жестоко, но уверяю, что

пятьдесятъ французскихъ солдатъ легко сладятъ не только съ этими пятьюстами героями, какъ ихъ называютъ, но и со всею городскою гвардіею. Къ сожалѣнію, у папы нѣтъ истинно-преданныхъ людей.—Нѣскольکو недѣль тому назадъ, я находилъ, что въ газетѣ *l'Univers* слишкомъ преувеличенно говорятъ о стѣсненномъ состояніи папы, хотя впрочемъ извѣстія ея и вѣрны, но теперь вижу, что это сухая правда. Первыя пораженія *Карла Альберта* представлены были здѣсь въ видѣ побѣдъ. Въ полночь герои овладѣли всѣми колокольнями, выломавъ двери, и начали звонить, сопровождая звонъ ружейными выстрѣлами и фейерверочными шутками. Когда же узнали о пораженіи *Піемонтцевъ*, вынудили у палаты адресъ, требующій согласія папы на войну. Палата повиновалась; но, въ ожиданіи отвѣта папы, и вѣроятно, чтобъ испугать его, шайка мятежниковъ расположилась на площади *Монте-Кавалло*. Когда депутаты вышли отъ папы и объявили отвѣтъ его, неприятный возмутителямъ, они стали кричать: долой кардиналовъ! и даже, долой папу!—Скоро услышимъ мы и другіе крики.—Неужели Франція вступится за этихъ неголяевъ? Они требуютъ войны, и подъ этимъ предлогомъ производятъ всякаго рода безпорядка. Но вотъ уже два мѣсяца, какъ списки волонтеровъ выставлены въ *Капитоліи* и вписалось только десять человекъ.»

Испанія.

Въ одномъ французскомъ журналѣ обнародовано слѣдующее письмо: «Главная квартира *Кабреры* находится въ *Бомбренъ*, гдѣ онъ соединилъ войска генерала *Форкадела* и бригадира *Костеля*. Онъ издалъ къ войскамъ королевы прокламацію, которой спокойныя и утѣренныя выраженія противъ вернуть прежней звѣрской славѣ этого храбраго партизана. Онъ обходится съ плѣнными очень великодушно, навѣщаетъ ихъ и старается утѣшить слѣдующими словами, за достоверность которыхъ ручаюсь: «Если бъ даже *Югерасъ*,

убійца моей матери, всталъ въ мои руки, я бы и тому предложилъ мѣсто за моимъ столомъ.» Каталонскіе Монтемолнисты видимо успѣваютъ, наваррскіе очень малочисленны, и занимаются только устройствомъ своихъ отрядовъ. Они теперь формируютъ четыре баталіона. Генераль *Эліо* занимаетъ Сирауки съ колонною въ 1,500 человекъ, очень хорошо вооруженныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Вы можете почитать неизбѣжнымъ скорое возстаніе всей Наварры. Все прежніе предводители Карлистовъ извѣстили предводителей, что они явятся. И такъ междоусобная война началась. Когда и какъ она кончится?»

Турція.

По извѣстіямъ изъ Бухареста отъ 5 числа, императорскій комиссаръ, сулей-манъ-паша, послалъ изъ Журжево, гдѣ онъ находится съ 12,000 чел., къ временному правительству въ Бухарестъ ультиматумъ. Въ немъ онъ требуетъ возстановленія положенія вещей 1831 года, уничтоженія временнаго правительства и возстановленія князя *Бибеско*, угрожая въ случаѣ отказа явиться съ войсками въ Бухарестъ. Онъ назначилъ сроку 24 часа. Ультиматумъ не исключаетъ совѣщательныхъ преобразованій, но строго держится договора 1831 года. Конечно, въ Бухарестъ и не думаютъ о сопротивленіи. Городъ спокоенъ.

Египетъ.

Ибрагимъ Паша, по случаю ослабленія умственныхъ способностей отца своего, утверждёнъ портою въ званіи наследственнаго правителя Египта. По случаю открывшейся въ Каирѣ холеры, *Ибрагимъ Паша* приказалъ учредить карантинныя больницы, прекратить все утомятельныя работы, строго наблюдать за торгомъ съестными припасами и запретить ввозъ въ городъ фруктовъ и зелени.

МАРОКСКАЯ ИМПЕРІЯ.

По письмамъ съ марокской границы императоръ находится въ неприязненныхъ отношеніяхъ къ Англіи и въ открытой враждѣ съ Испаніею. Въ первомъ случаѣ дѣло касается спора между мазагранскимъ пашею и британскимъ генеральнымъ консуломъ; что же касается до Испаніи, то императоръ требуетъ отъ нея возвращенія Зафаринскихъ острововъ.

— 27-го іюля, испанская крѣпость Мелилья, на африканскомъ берегу, была сильно стѣснена Марокцами. По словамъ газеты *Heraldo*, самъ императоръ, со 120,000 чело-вѣкъ пѣхоты и 18,000 конницы находился въ разстояніи двухъ-дневныхъ переходовъ отъ этого мѣста.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ и Мексика.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ обнародовалъ ратификацію мирнаго договора съ Мексикою. Въ то же время сообщилъ онъ конгрессу объ ассигнованіи 20-ти милліоновъ долларовъ, слѣдующихъ по сему трактату Мексикѣ за военные убытки, о назначеніи комиссаровъ для опредѣленія границъ и торговыхъ сношеній съ Мексикою. При этомъ онъ объявилъ, что дальнѣйшее усиленіе войскъ уже не нужно.

— Извѣстія изъ Мексики доходятъ до 27-го іюля. Тамъ произошло сраженіе между *Бустаменте*, предводителемъ войскъ правительства, и *Парадесомъ*, командующимъ инсургентами. Войска правительства одержали побѣду и покорили Гуанилуано. *Ярауте*, одинъ изъ начальниковъ инсурентовъ, взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ.

=

Русская Словесность.

ПОРА ЛЮБВИ.

(ИЗЪ ТОМАСА МУРА.)

Въ дни юности, когда золъ жизни мы не знаемъ,
И счастье новое намъ каждый мигъ сулитъ,
Когда мы свѣтлый мѣръ блаженства создаемъ
И все зарей души неопытной блестятъ —
О, вѣрте, не тогда, безопасно утопая
Въ восторгахъ дѣвственныхъ, способнѣй мы любить:
Веселья и надеждъ эпоха золотая!
Любовь глубокая съ тобой не можетъ жить.

Когда жъ умчится въ даль срокъ жизни беззаботной,
Какъ листъ, поавшійся въ бунтующій потокъ,
И въ чашу, гдѣ игралъ напитокъ искромѣтвой,
Другаго, горькаго, прибавить грозный рокъ;

Тогда лишь любимъ мы, глубоко, неизмѣнно,
 И нѣжныхъ слъзъ душа прискорбная полна:
 Любовь средь радостей, какъ и онѣ, мгновенна!
 Питаясь грустію, она, какъ грусть, вѣрна.

Подъ блескомъ солнечнымъ пѣты хотя блистають,
 Но въ зноѣ лишены всей свѣжести своей,
 Лишь тамъ, гдѣ тучи сводъ туманный облекають,
 Благоуханіе отрадѣй и славѣй!
 Когда мы съ жадностью стремимся веселиться,
 Любви пріюта нѣтъ средь смѣха на пиряхъ.
 Въ лучахъ веселія ей можно лишь родиться,
 Но вся ея душа, всѣ сладости — въ слезахъ.

А. Бородинъ.

ПѢСНЯ ГОРЕМЫКИ.

Съ каждымъ днемъ грустнѣе
 Становлюся я,
 Каждый часъ сльзѣю —
 Мучитъ скорбь меня.

Прекнее шестило,
 Новость не влечетъ;
 Ничего не мило —
 Знаю: все пройдетъ!

Грустно одиноко —
 Гора размыкать,
 Дѣ ночи глубокой
 Вовсе сна не знать.

Грустно—безпрестанно
Думать объ одномъ,
Что, увы, такъ рано
Кажется намъ своимъ!

Плакать-ли захочешь —
Нѣтъ слезы въ глазахъ;
Знай себѣ хочешь
Такъ, что сердцу страхъ.

Хочешь ли молиться —
Не находишь словъ;
Хоть живьемъ ложиться
Между мертвецовъ.

Больно, очень больно
Въ молодость терпѣть,
И душой неволью
О быломъ скорбѣть.

Больно безъ надежды
Счастье призывать,
И, закрывши вѣжды,
Равно смерть желать.

Но мольбы напрасны:
Жизнь себѣ течеть.
Знать, и смерть къ несчастнымъ
На ихъ зовъ неидеть!

В. Сушковъ.

ГОРДОСТЬ РУССКАГО *.

Великъ Господень міръ! Народовъ разныхъ много
Живеть повсюду въ немъ; но между царствъ земныхъ,
Святая родина, ты, милостію Бога,
Какъ брилліантъ, горнишь межъ камней дорогихъ.

Часть отъ часу сильнѣй ты Вѣрой Православной,
Любовію къ Царю — и счастливъ нашъ народъ!
Чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣй летитъ орелъ державный,
Стрема подъ небеса свой царственный полетъ.

Горжусь, что Богъ судилъ мнѣ Русскимъ въ свѣтъ родиться;
Что въ жилахъ у меня Славяновъ кровь течетъ;
Что сынъ я той страны, которой врагъ страшится,
Которую Господь съ любовью бережетъ.

А. Соколовъ.

* Надѣемся, что доставимъ читателямъ удовольствіе, помѣщая въ нашемъ журналѣ это стихотвореніе, написанное солдатомъ Алексѣемъ Соколовымъ, и считаемъ обязанностью обратить вниманіе всѣхъ образованныхъ людей на такое замѣчательное дарованіе. Впоследствии помѣстимъ въ нашемъ журналѣ еще нѣсколько стихотвореній того же автора, которыми еще болѣе убѣдятъ читателей въ его талантѣ. — *Ред.*

ХАНДРА.

ПЕЧАЛЬНАЯ ЭЛЕГИЯ НА ГОЛОСЪ РУССКОЙ, ЗАУНЫВНОЙ ПѢСНИ:

*Охъ болитъ, да щемитъ
Ретивое сердце!*

У меня была вчера
Пренесносная хандра!

Думалъ выиграть въ лото,
Оказалось же не то.

Квартъ множество ниѣлъ!
Вдругъ: «довольно!» — грибъ и стѣлъ!

Я застѣлъ за преферансъ,
Но и тутъ все скверный шансъ!

Пять ремизовъ, да въ червахъ!
Програлся такъ, что страхъ!

Восемь! какъ-то я сказалъ,
Да и тутъ въ просакъ попалъ.

Кошелекъ и портъ-монъ
Пусты и противны миѣ!

Съ горя я зашелъ въ буфетъ
Выпить рюмку, — денегъ нѣтъ!

Закусилъ бы хоть въ кредитъ,
Да буфетчикъ-то сердитъ.

Я вѣшномъ пошелъ домой.
Дождь такой, что Боже мой!

Синьогорскія.

Пусть карманъ, съ небесъ вода,
Ну со всѣхъ сторонъ бѣда!

Не жаждѣ своихъ я ногъ,
И, какъ губка, я промокъ!

Та же все опять хендра,
И слышѣ, чѣмъ вчера.

Климъ Сеудахинъ.

ДОВО И ЗЛО.

Романъ П. Фурманна.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

...Пишите романы великіе—поворотные, сатирические, нравственно-мелкіе, а главное, разубітете, хороше. Бросьте свои личныя, *ладушныя* порывы къ эмпири, нули, восторги, свои поэтическія утопіи и эмпирическія грезы о безконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, потеря дайтеся оною вамъ и которой вы не знаете, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свѣтломъ или мутномъ теченіи, прислушивайтесь къ глухому стону окружающаго васъ страданій, забавляйте извѣстныя пути страстей, разсуждающихъ событіями, олицетворяйте все это въ образахъ простыхъ и непрезабвенныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обнять сердцемъ существенныя вопросы человѣческаго бытія и назначенія, —однимъ словомъ, разговаривайте, пишите романы.

А. Никитенко.

(Библ. для Читанія, июль—1846).

ГЛАВА 5.

КЛЯТВА МУЖА.

Въ нижнемъ этажѣ дома, бель-этажъ котораго занимала Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ, была небольшая квартира; ходъ въ нее съ парадныхъ стѣнъ.

Она состояла изъ трехъ комнатъ. Въ передней были двѣ двери: одна вела въ довольно обширную, но нѣсколько тѣсную залу, стѣны которой были совершенно закрыты шкапами, наполненными сверху до низу книгами, что придава-

ло этой комнаты еще болѣе мрачный видъ. На шкапахъ стояли глобусы и нѣсколько бюстовъ. Круглый столъ находился посреди этой библіотеки, окна которой выходили на дворъ. Другая дверь изъ передней вела въ красивую, со вкусомъ убранныю комнату, которую съ перваго взгляда можно было бы принять за будуаръ, если бъ въ воздухѣ и во всѣхъ предметахъ, наполнявшихъ ее, не запечатлѣлся тонкій сигарный запахъ. Вдоль стѣнъ, оклеенныхъ лоснящимися обоями сѣро-перловаго цвѣта, съ матовыми узорами того же цвѣта, и какъ бы усыпанными мелкими цвѣтками, вдоль стѣнъ тянулся турецкій диванъ, на которомъ лежало нѣсколько подушекъ разныхъ формъ. Противъ оконъ, диванъ примыкалъ съ обѣихъ сторонъ къ камину, сквозь прозрачный экранъ котораго просвѣчивался синеватый огонь горѣвшаго каменнаго угля. По сторонамъ камина стояло нѣсколько креселъ, придуманныхъ для всевозможныхъ положеній праздной лѣни. Мраморная доска камина была заставлена изящными бездѣлушками, вазочками, статуэтками. На длинныхъ шелковыхъ шнурахъ, доходившихъ до карниза, висѣли двѣ картины въ золотыхъ рамахъ: волна Айвазовскаго и копія съ *ноцтлюля* Моллера. На зеленомъ сукнѣ, покрывавшемъ паркетъ, лежалъ дорогой персидскій коверъ. Второе отъ прихожей окно было отгорожено золоченою рѣшеткой, обвитой густымъ плющемъ; за рѣшеткой стоялъ письменный столъ, тоже уставленный дорогими бездѣлушками; нѣсколько неразрѣзанныхъ французскихъ романовъ и два-три русскихъ журнала лежали на столѣ.

Стало быть, это былъ кабинетъ хозяина.

Изъ кабинета былъ ходъ въ спальню, убранныю съ прихотливою роскошью, а оттуда, за перегородкой, доходившей до потолка, находилась, какъ бы для контраста, дверь въ темную, мрачную кухню, единственное окно которой выходило на лѣстницу—черную, для квартиръ *на лицо*; чистую для квартиръ *во дворъ*. Впрочемъ для настоящаго жильца кухня была, по-видимому, не нужна; кромѣ нѣсколькихъ подсвѣчниковъ, ваксы, да щетокъ, на полкахъ ея ничего не было; а на сѣромъ, холодномъ очагѣ стоялъ

рядъ снѣговъ, да нѣсколько паръ галошъ. Тощая постель, въшалка, половья щетки, да трубка, запыленная сургучемъ, вмѣстѣ мундштука, составляли всю мебелировку кухни, превращенной въ лакейскую.

На другой день послѣ тайной, семейной ссоры Александра Матвѣевича съ женою, въ семьмомъ часу утра, въ кабинетъ нижняго этажа видѣлся уже свѣтъ.

Молодой человѣкъ, въ кашмировомъ халатѣ на мягкомъ заячьемъ мѣху, прохаживался взадъ и впередъ по кабинету, бросая безпокойные взгляды на бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ.

Растрепанный лакей, съ заспанными глазами, въ поношенной курткѣ и передникѣ, не привыкшій, по-видимому, къ такому раннему вставанью своего господина, сидѣлъ на корточкахъ и угрюмо подбиралъ соръ, подметенный къ двери прихожей.

Молодой человѣкъ подошелъ къ окну, отогнулъ штору и поднялъ глаза къ третьему этажу противоположнаго дома.

Тамъ не видно было ни малѣйшаго свѣта.

Нѣсколько секундъ глядѣлъ молодой человѣкъ на верхъ, потомъ опустилъ глаза и машинально остановилъ задумчивый взоръ на улицѣ.

Погода была пасмурная, но тихая. Темно-сѣрое небо просіялось; начинало свѣтать. Магазины были еще закрыты; только въ мелочной лавочкѣ да булочной проявилась утренняя дѣятельность. Тишину прерывали иногда стукъ сапей, проѣзжавшихъ по ухабистой дорогѣ, да раздражительный шумъ лопаты дворника, сгребавшаго съ троттуара приотпавшій снѣгъ.

Нѣсколько минутъ простоялъ молодой человѣкъ у окна, опутивъ глаза; прекратившаяся внезапно работа дворника и глухо доходившіе до него звуки повелительнаго голоса заставили молодого человѣка поднять глаза и обратить вниманіе на происходившее на улицѣ.

Подъ самымъ окномъ стоялъ дворникъ, а передъ нимъ городской. У послѣдняго была въ рукъ сложенная бумага-

ка, которую онъ, отдавъ дворнику, сказалъ ему нѣсколько словъ.

Сердце молодого человека дрогнуло; тягостное чувство сдавило грудь его; нахмуривъ брови, онъ судорожно опустил шторы и отошелъ отъ окна. Пройдя еще раза два по комнатѣ, онъ небрежно пожалъ плечами; морщинки между бровями его изгладились, лицо прояснилось.

Свѣтый, утренний свѣтъ сталъ сквозить черезъ шторы.

— Святаетъ! нетерпѣливо произнесъ молодой человекъ вполголоса. Сказалъ ли ты, чтобы мнѣ принесли кофе? прибавилъ онъ вслухъ, обратившись къ лакею, вернувшемуся въ комнату.

— Не готовъ еще, Николай Александрычъ.

— Ты былъ наверху?

— Сейчасъ оттуда.

— Что тамъ?

— Святъ еще. Александръ Матвѣичъ приказалъ разбудить себя въ восемь часовъ.

Молодой человекъ немодно взглянулъ на часы. Было четверть восьмого. Судорожно перекидывая, изъ руки въ руку кисти шелкового шнура, опоясывающаго шлафрокъ, сталъ молодой человекъ снова прохаживаться взадъ и впередъ.

Николай Александровичъ,—такъ звали хозяина квартиры,—былъ единственный сынъ Александра Матвѣевича Тучинова, отъ перваго брака.

На десятомъ году своего возраста Николай лишился матери. Эта незамѣнимая потеря имѣла сильное вліяніе на будущность его. До восьми лѣтъ онъ воспитывался дома, то есть, былъ совершенно предоставленъ заботливости гувернантки, дочери бѣднаго дворянина, воспитанной въ одномъ изъ казенныхъ заведеній для дѣвицъ. Гувернантка была добрая, кроткая и умная дѣвушка, но не могла замѣнить Николаю матери, тратившей жизнь свою въ свѣтскихъ развлеченіяхъ.

Отецъ Николай былъ обманъ всѣмъ своимъ состояніемъ жемъ, вышедшей за него по любви, если и не противъ во-

ли своихъ родителей, то, по-крайней-мѣрѣ, не по ихъ выбору. Она была наследница огромнаго состоянія, а у Александра Матвѣвича кромѣ жалованья ничего не было; но, отказавъ ему въ богатствѣ, судьба щедро надѣлила его нѣкоторыми качествами, съ помощію которыхъ легко пріобрѣтается состояніе. Александръ Матвѣвичъ былъ красавецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; природа надѣлила его не тою временною красотой, которую поддерживаетъ только юношеская безпечность и которая исчезаетъ съ лѣтами; уступая заботамъ или внутренней борьбѣ зрѣлыхъ, нравственныхъ качествъ. На двадцатомъ году онъ былъ прелестный юноша, стройный, ловкій, граціозный; на сороковомъ, когда вполне развилось богатство мощныхъ, античныхъ формъ его, грація уступила мѣсто *величественной осанкѣ*....

Кромѣ красотой, сильной организаціи, сохраненію красоты Тучинова содѣйствовалъ драгоценный даръ *не принимать ничего близко къ сердцу*; онъ обладалъ самымъ счастливымъ, какъ говорится, характеромъ: горести и заботы скользили по душѣ его быстро, возмущая только на мгновеніе поверхность ея, но не погружаясь, не западая въ нее. Эта же особенность проявлялась и въ умѣ Александра Матвѣвича, отличительную черту котораго составляла легкость, быстрота соображенія; но это блистательное качество легко превращается въ недостатокъ, не будучи развито, не подчиняясь мышленію.... а глубоко мыслить только тотъ, кто глубоко чувствуетъ.

Умъ Тучинова былъ такъ же лѣнивъ, какъ и сердце его.

Никакое дѣло не затрудняло его; немедленно за представленіемъ задачи рождалось въ умѣ его рѣшеніе ея; вочти непосредственно за вопросомъ слѣдовалъ отвѣтъ и, вмѣсто того, чтобы пользоваться этими первыми впечатлѣніями, какъ средствомъ, Тучиновъ принималъ ихъ прямо къ дѣлу. На этой легкости труда, на этой быстротѣ соображенія основалась слава Тучинова, какъ необыкновеннаго, дѣловнаго человека; нѣсколько удачныхъ, счастливыхъ рѣшеній

упрочили эту славу. Если иногда опытъ доказывалъ непрочность, недействительность необдуманныхъ рѣшеній, то Александръ Матвѣевичъ бросался изъ одной крайности въ другую, называя поступки свои рѣшительными, энергическими мѣрами. Впрочемъ, въ противоположность высшимъ, болѣе твердымъ, умственнымъ организаціямъ, для которыхъ достигнутая цель теряетъ свою важность, и которыхъ неудача, напротивъ, раздражаетъ и доводитъ часто до гениальныхъ соображеній, въ противоположность этимъ организаціямъ Тучиновъ помнилъ только свои удачи; неудачные случаи, подобно заботамъ и неприятностямъ, на короткое время огорчали его, потомъ вовсе выходили изъ памяти; первыя же льстили самолюбію его, и тщеславіе, почти неизбѣжный недостатокъ счастливыхъ характеровъ, бережно собирало эти удачные случаи и росло съ накопленіемъ ихъ....

Александръ Матвѣевичъ былъ не честолюбивъ, а тщеславенъ; онъ хотѣлъ только казаться, а не *быть*; домогался почестей и гражданскаго значенія не для удовлетворенія жажды ума обширнаго, чувствующаго силу и могущество свое и стремящагося къ расширенію круга дѣйствій своихъ; нѣтъ—онъ искалъ въ почестяхъ одну только *пріятную* сторону ихъ; его льстило уваженіе, сопутствующее имъ, ему были дороги преимущества, сопряженные съ ними. И, надобно отдать справедливость Александру Матвѣевичу: онъ прекрасно умѣлъ казаться и поддерживать наружное достоинство почетнаго титула и блестящихъ украшеній.

Другой, важный недостатокъ Тучинова былъ, такъ сказать, недостатокъ физическій, проптекавшій изъ мощнаго тѣлеснаго развитія, которымъ одарила его природа. Умственный трудъ не умѣрялъ, не поглощалъ огромнаго избытка физическихъ силъ, и равновѣсіе въ организмъ его нарушилось бы, если бы Тучиновъ не возстановлялъ его, тратя излишекъ силъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Александръ Матвѣевичъ былъ *чувствененъ*, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ не имѣлъ страстей,—между послѣдними и чувственностью такая же разница, какъ и

между честолюбіемъ и тщеславіемъ, — Тучиновъ наслаждался спокойно, разсудительно, такъ сказать, съ жадностью вкушая сладость наслажденій и съ эгоизмомъ отстраняя горечь ихъ; онъ никогда не забывался, не увлекался, не вдавался въ крайности, до которыхъ доводитъ слѣпая страсть; умѣлъ удерживать всѣ свои дѣйствія, скрывать всѣ свои поступки въ границахъ круга, описаннаго *свѣтомъ* вокругъ cadaго человека, *принятаго* въ этомъ свѣтѣ. Внутреннее пространство круга называется *семейною*, *частною* жизнью человека, и пока дѣйствія его не выходятъ за черту, за которую никто не имѣетъ права или, лучше сказать, возможности вступить, онъ пользуется уваженіемъ свѣта: малѣйшій же шагъ за нее влечетъ за собою позоръ, поношеніе, изгнаніе....

Похвальное качество, съ помощію котораго при самыхъ позорныхъ поступкахъ можно остаться внутри круга, называется—*лицемѣріемъ*.

Постыдный недостатокъ, увлекающій иногда человека самаго благоразумнаго за черту, именуется—*искренностью*. Это не парадоксъ.

Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ всегда питалъ глубокое уваженіе къ законамъ общества и — признательное общество составило ему самую прекрасную *репутацию*.

На двадцать второмъ году, Александръ Матвѣевичъ платилъ дань сердцу.... Онъ любилъ милую, прелестную дѣвушку, умную и образованную, но—бѣдную. Онъ любилъ и былъ любимъ. Родители ея охотно согласились бы на бракъ молодыхъ любовниковъ, но Александръ Матвѣевичъ медлилъ.... даже въ первой любви его не было ни страсти, ни увлеченія; онъ любилъ какъ эгоистъ; любилъ, потому что находилъ въ томъ наслаженіе.

Около того же времени онъ былъ введенъ въ одинъ изъ богатыхъ петербургскихъ домовъ. Въ этомъ домѣ была дѣвица-невѣста, и невѣста чрезвычайно богатая. Она была годомъ старше Александра Матвѣевича, дурна, избалована,

прихотлива.... Не прошло году и бедная девушка была забыта, а богатая невеста вышла по любви за Тучинова.

Онъ начиналъ понимать жизнь.

Супруги жили, разумеется, очень счастливо. Молодая жена пламенно любила своего мужа за его красоту, льстившую ей тщеславію и возбуждавшую тайную зависть прежнихъ подругъ ея. Молодой мужъ любилъ жену, какъ источникъ наслажденій, доставленныхъ ему ея богатствомъ. Правда, тщеславіе его иногда страдало, когда онъ сравнивалъ свою жену, далеко не красавицу, съ другими илювидными, свѣтскими женщинами... но блестящій, модный экипажъ, великолѣпная квартира, роскошные наряды и свѣтскость жены скорее сглаживали неприятное впечатлѣніе.

Два-три мѣсяца продолжалось счастье молодой жены; потомъ первое горе омрачило супружескую жизнь ея.... Она сдѣлалась беременною.

Многія читательницы возстанутъ противъ меня за то, что одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ въ жизни женщины я называю *горемъ*; а между тѣмъ какъ прикажете назвать болѣзненный періодъ, во время котораго къ физическимъ страданіямъ примѣшивается тайное, непреодолимое опасеніе о результатъ предстоящаго кризиса? Блаженство, ощущаемое иногда женщиною во время этого тягостнаго періода, чисто духовное, отвлеченное; страданія же—положительныя и происходятъ изъ эгоистическаго чувства самосохраненія.... Следовательно боязнь и опасенія женщины, готовящейся сдѣлаться матерью, извинительны, потому-что естественны; но совершенно другое дѣло горе женщины свѣтской въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Подъ названіемъ *свѣтской*, я понимаю женщину, все существованіе которой раздробляется въ домашняго, семейнаго быта; вся жизнь которой ограничивается двумя дѣйствіями: *сызжати* и *принимати*....

Такихъ женщинъ немного, скажутъ мнѣ.

Можетъ-быть;—но первая жена Тучинова была имено свѣтская женщина, и беременность, удаленная ее отъ

свѣта, крайне огорчала ее и заставляла проливать первыя, быть-можетъ, горькія слезы въ жизни ея.

Время испытанія прошло благополучно. Родился Николай, и молодая мать съ любовію, съ признательностію поцѣловала ребенка, возвратившаго ей, наконецъ, свободу....

Отказавъ матери новорожденнаго въ красотѣ, природа надѣлала ее, однако жъ, такимъ здоровымъ, крикливымъ сложіемъ, что если бы она родилась въ бѣдномъ, незаконъ состояніи, то могла бы сдѣлаться прекрасною кормилицею; не смотря на то, она чуть не отказала своему доктору за то, что онъ совѣтовалъ ей, для ея же собственнаго блага, принять на себя тривиальную обязанность кормленія ребенка. Однако жъ, какъ добрая свѣтская мать, она не пощадила никакихъ издержекъ для того, чтобы сынъ ея былъ принятъ приличнымъ образомъ при вступленіи его въ свѣтъ; ему отвели особую комнату, подалше отъ покоевъ родителей—(чтобы его или чтобы ихъ не беспокоить)—его окутали бѣлѣнкою, кружевами, шелкомъ, бархатомъ; ему наняли дюжую, свѣжую, здоровую кормилицу.

Впоследствии нянька замѣнила кормилицу, гувернантка замѣнила няньку, и шестилѣтній малютка прогуливался по Лѣтнему саду или по Невскому рядомъ съ гувернанткой и въ сопровожденіи ливрейнаго лакея...

Подробности эти могутъ показаться некоторымъ читателямъ мелочными, но онѣ необходимы, ибо въ нихъ заключается разгадка многихъ существованій... Есть люди, одаренные земными благами, надѣленные всеми средствами для достиженія нравственнаго первенства, а между тѣмъ жизнь этихъ людей не рѣдко протекаетъ въ бездѣятности, не отмѣченная ничѣмъ высокимъ, великимъ... Познанія, для достиженія которыхъ бѣднякъ отдаетъ половину своего насущнаго хлѣба, доступны этимъ людямъ безъ ощутительнаго со стороны ихъ пожертвованія; наука раскрываетъ передъ ними все свои сокровищницы и не рѣдко пристыженная, прѣзрѣнная, проходитъ мимо...

Въ малѣйшемъ проявленіи воли заключается уже энергія,

а совершенное отсутствіе послѣдней есть отличительная черта этихъ людей.

Энергія, слово ввозное, заморское, не имѣюшее, однако жъ, у насъ такого сбыта, какъ напримѣръ: устрицы. Причина тому очень простая: помятiе, прикрытое этимъ иностраннымъ словомъ, чисто и преимущественно русское.

Жаръ, восторгъ, быстрое увлеченіе, качества южныхъ народовъ, имѣютъ источникомъ пылкое воображеніе или легко вскипающую кровь. Энергія же—достойнiе сѣверянъ, основанное на твердой, желѣзной воли, на глубокомъ убѣжденіи.

Откуда же происходитъ отсутствіе энергіи въ тѣхъ сѣверянахъ, о которыхъ я упоминалъ? *Ложное воспитаніе* часто заглушаетъ ее.

Ложность *сѣвѣрскаго* воспитанія легче всего доказать отступленіями отъ него, исключеніями, доставляющими государству имена, окруженные сіяніемъ славы и вписанные вѣчными, неизгладимыми литерами въ исторіи его.

Николай Тучиновъ воспитывался страннымъ образомъ. Мелкія подробности семейной жизни, сближающія дѣтей съ родителями, близкія, постоянныя сношенія, скрѣпляющія взаимную привязанность ихъ, для него не существовали. Въ положенные часы являлся онъ къ папенькѣ и маменькѣ, произносилъ затверженное привѣтствіе, отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы, выслушивалъ похвалы или выговоры и, снабженный конфектами или игрушками, возвращался къ себѣ, прыгая и рвзвась точно птичка, выравшася изъ кляткы.

Любовь—первая потребность сердца дитяти. Сироты, закинутые судьбою въ чужой домъ, гдѣ встрѣчаютъ одну холодность, привязываются всѣмъ сердцемъ къ животнымъ, даже къ неодушевленнымъ предметамъ. Кровная прозорливость сердца составляетъ прекрасный поэтической вымыселъ, но—увы! не болѣе какъ *вымыселъ*. Какія бы странныя вещи случались, если бъ человекъ, съ самаго рожденія отлученный отъ родителей, узнавалъ ихъ при первой встрѣчѣ!...

Страшно подумать. Ребенокъ любить мать свою эгоистически; онъ любить ее за то, что она его любитъ, что во взоръ ея онъ инстинктивно замѣчаетъ выраженіе особенной нѣжности; за то, что въ попеченіяхъ ея о немъ онъ видитъ терпеливое самоотверженіе, на которое способна только мать. Развitiемъ этой первой, святой любви пренебрегаютъ часто даже самыя добрыя матери.

— Дитя полюбитъ меня, говорятъ оцъ, когда научится отличать мать отъ наемщицы.

Это сужденіе ошибочно, потому-что ощущенія сердца не повторяются; каждое изъ нихъ имѣетъ свой періодъ, свое время; сердце обладаетъ постоянною способностью любить, но виды этой способности измѣняются съ каждымъ возрастомъ, съ каждымъ годомъ. Только одна любовь къ матери не измѣняется; запавъ въ сердце съ самой той минуты, когда оно начало биться, эта любовь съ непоколебимымъ постоянствомъ тянется черезъ всю жизнь человѣка, и по святости, по чистотѣ своей опредѣляетъ качество другихъ, второстепенныхъ привязанностей; подобная любовь, будучи развита въ сердце свѣжемъ, не затрутомъ, служитъ залогомъ добра; мать же, довольствующаяся второю, мыслящею уже, такъ сказать, любовію ребенка, сама безсознательно кладетъ въ характеръ его первое основаніе *мелостности...*

Частное перенесеніе привязанности съ одного предмета на другой, отъ одного лица къ другому, ослабляетъ сердце и развиваетъ въ человѣкѣ жалкую, презрѣнную безхарактерность.

Николай Тучиновъ на восьмомъ году перешелъ уже нѣсколько степеней сердечной привязанности. Онъ зналъ наизусть всю коллекцію причинъ, по которымъ должно любить папеньку и маменьку болѣе другихъ, но въ то же время сердце его лежало къ гувернанткѣ, доброй и кроткой, какъ я уже сказалъ, двушкѣ. Маленькое сердце его, не облагороженное, не освященное истинною дѣтскою любовію къ родителямъ и уже зараженное тѣмъ свѣтскимъ воздухомъ, въ которомъ онъ жилъ, какъ-то странно лежало

къ гувернанткѣ: онъ старался вслѣдствіи угождать ей, грустилъ и радовался съ нею; краснѣлъ, когда она, тронутая какимъ-либо неожиданнымъ угожденіемъ, цѣловала его...

Замѣчательно, что въ натурахъ избранныхъ, одаренныхъ тонкимъ, нравственнымъ, эстетическимъ чувствомъ, рано развиваются нѣкоторыя особенности, называемыя недалеко-видными, суровыми моралистами *преждевременнымъ развитіемъ*. Изъ многихъ примѣровъ, опровергающихъ это ошибочное сужденіе, я упомяну только о жизни Жанъ-Жака Руссо...

Николай любилъ свою гувернантку; то была наивная любовь ребенка.

Ему минуло восемь лѣтъ, когда въ домъ Тучинова произошла внезапная перемена. Мать Николая стала хворать: *свѣтская* жизнь совершенно разстроила нѣкогда крѣпкое здоровье ея. Балы и пиршества прекратились; тишина и уныніе замѣнили прежній шумъ веселья. Сначала покой больной хозяйки были наполнены посѣтителями, но вскорѣ болѣзнь ея усилилась, сдѣлалась опасною и—минута горькаго возмездія наступила...

До-сихъ-поръ Тучинова для *свѣта* забывала домъ свой, теперъ *свѣтъ* забылъ ее.

Свѣтское тщеславіе заставило ее выйти за Александра Матвѣевича; и когда сердцу ея, удрученному страданіями, впервые понадобилась истинная любовь, она встрѣтила въ мужѣ самую безукоризненную *свѣтскую* прилипцанность. Тучиновъ самъ ѣздилъ за докторами, безпрестанно осматриваясь о здоровья жены, приказалъ наложить передъ домомъ содомы на поларшина толщины; но тщетно ждала жена одной изъ тѣхъ мелочныхъ услугъ, одного изъ тѣхъ сердечныхъ словъ, которыя такъ невыразимо-благодѣтельно дѣйствуютъ на жесточайшія страданія, которыя душа, готовая отойти въ вѣчность, собираетъ съ жадностью, съ наслажденіемъ...

Испуганная пустотою, образовавшеюся около нея, Тучинова обратила сердце свое къ единственному сыну, но и въ этомъ случаѣ была наказана тѣмъ, чѣмъ погрѣшила.

Почтительно отвѣчалъ Николайшка на ласки матери, и на лицъ его, не приученномъ еще къ притворству, выразилась радость, когда она позволила ему удалиться. Тучинова замѣтила эту радость, и сердце ея болезненно сжалось. На другой день она приказала сыну принести съ собою игрушки. Онъ повиновался, но, сидя на коврѣ, игралъ разсѣянно, неохотно... Вдругъ, во время одного изъ болезненныхъ кризисовъ матери, онъ вскопчилъ и зарыдалъ; сердце Тучиновой было такъ бѣдно утѣшительными ощущеніями, что даже эти естественныя слезы произвели на него благодѣтельное впечатлѣніе... Почти съ признательностію протянула она руки къ сыну... но послѣдній задрожалъ, отскочилъ со страхомъ, громко всхлипывая, бросился въ объятія гувернантки и скрылъ лицо на груди ея...

Только истинная, вкоренившаяся любовь побѣждаетъ въ подобныхъ случаяхъ дѣтскій страхъ. Тучинова поняла это, ощутила въ сердцѣ рѣзкую, острую боль, и безъ чувствъ опустилась на подушки....

Послѣ этого происшествія прошедшее явственно представилось воображенію бѣдной, больной женщины; теперь только поняла она ничтожество легкихъ, *свѣтскихъ* удовольствій, наполнявшихъ доселѣ всю жизнь ея; теперь только поняла она, что есть наслажденія чище и возвышеннѣе, обязанности свѣтѣ *свѣтскихъ*. Съ горестію упрекала она себя въ томъ, что до-сихъ-поръ не угадала этихъ наслажденій, пренебрегала этими обязанностями.

Тѣлесныя страданія очищаютъ, облагораживаютъ душу; послѣ тяжкой, продолжительной болѣзни человекъ возвращается къ жизни съ новыми, свѣтлыми намѣреніями, съ благородными стремленіями.

Изъ зла часто происходитъ добро.

Тучинова рѣшилась вознаградить потерянное. Сердцемъ обратилась она къ мужу; въ трогательныхъ словахъ сообщила она ему свои размышленія, свои намѣренія... Мужъ не понималъ ея.

Проясненіе сердца, возвращавшагося къ добру, отдававшему законамъ природы преимущество передъ законами

общества, онъ называлъ *утишемъ*, въ которое не совѣтовалъ вдаваться. Онъ даже совѣтовалъ ей лучше помышлять о свѣтскихъ удовольствіяхъ, къ которымъ она вернется съ восстановленіемъ здоровья.

Холодно отпрянуло сердце Тучиновой отъ мужа, и нераздельно, со всею полнотою новыхъ ощущеній обратилось къ сыну. Нежный голосъ матери всегда найдетъ отголосокъ въ груди дитяти, и нѣсколько дней спустя Николай уже самъ просился въ комнату больной, не пугался страданій ея, но даже смягчалъ ихъ нежными, дѣтскими ласками привязанности, скованной досель свѣтскою почтительностію и пробужденной взаимностію...

Но дни Тучиновой были сочтены. Жизненные силы ея видимо разрушались; выполненіе требованій свѣта ускорило законъ природы.

Въ одно весеннее утро Александръ Матвѣевичъ и Николай стояли возлѣ постели умирающей. Полуугасшій взоръ ея былъ неподвижно устремленъ на мужа и сына.

Глубокая, мрачная печаль была написана на лицѣ перваго; второй заглашалъ рыданія... почти въ одно время онъ приобрѣлъ и терлѣлъ мать.

Умирающая пожала руку мужа, съ любовію посмотрѣла на Николая, хотѣла говорить, но языкъ не повиновался ей!... Наконецъ она произнесла слабымъ голосомъ одно слово:

— Мачиха!... и съ умоляющимъ видомъ покачала головой.

— Понимаю, — отвѣчалъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ Александръ Матвѣевичъ и, опустившись на колѣни, произнесъ съ чувствомъ и убѣжденіемъ: Клянусь тебѣ, что ни въ моемъ сердцѣ, ни въ сердцѣ Николая никто не займетъ твоего мѣста!...

Небесная радость блеснула на лицѣ умирающей и, нѣсколько секундъ спустя, она унесла съ собою въ другой міръ клятву мужа...

Александръ Матвѣевичъ не произнесъ ни одной жалобы, но грудь его судорожно подымалась отъ заглушаемыхъ ры-

даній... Нѣсколько минутъ спустя, онъ всталъ, поцѣловалъ остывшій лобъ покойницы, осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, потомъ поднялъ на руки сына и прижалъ его къ груди. Лицо Тучинова было блѣдно, и сквозь вынужденную, холодную твердость просвѣчивалась глубокая горестъ...

— Молись, Николинька! Теперь насъ только двое!...

Выраженіе голоса и лица Александра Матвѣевича было такъ величественно, что ребенокъ готовъ былъ стать передъ нимъ на ковшни, какъ передъ существомъ высшимъ.

Казалось, судьба хотѣла вознаградить Николая за потерю матери, сблизивъ его съ отцомъ....

.

ГЛАВА II.

СЕРДЦЕ ДИТЯТИ.

Вскорѣ послѣ смерти жены, Тучиновъ выпросилъ себѣ порученія въ нѣсколько отдаленныхъ губерній и уѣхалъ на время изъ Петербурга.

Николай остался у своего дѣда.

Разнородныя ощущенія, перенесенныя Николаемъ въ послѣднее время, имѣли сильное вліяніе на характеръ его. Онъ пересталъ быть ребенкомъ, и на девятомъ уже году ступилъ первый шагъ въ юношескій возрастъ. Горестъ рано развила въ немъ мыслительныя силы, и умъ его требовалъ уже пищи. Въ лѣта Николая наука не удовлетворяетъ этого требованія: умъ не приготовленъ еще къ сухимъ, холоднымъ формамъ ея; ему тоже нужны свои игрушки....

Созданіе этихъ умственныхъ игрушекъ или такъ называемыхъ *дѣтскихъ книжекъ* дѣло чрезвычайно важное. Для него недостаточно одного ума; нужно имѣть сердце. Дѣйствовать прямо на умъ ребенка значить готовить его въ педанты или, что еще хуже, въ рецензенты; надобно

избрать посредникомъ сердце; а чтобы быть понятнымъ послѣднему, должно говорить сердцемъ.

Однажды, въ минуту скуки, неясной, бессознательной тоски, часто овлаждавшей имъ, Николай нашелъ на столѣ открытую книгу и машинально заглянулъ въ нее. Это былъ романъ. Прочитавъ нѣсколько строкъ небрежно, Николай задумался; потомъ сталъ читать далѣе; любопытство его возрастало, рассказъ завлекалъ его. Книга, съ которой онъ началъ, была послѣдняя часть, и до конца оставалось нѣсколько страницъ. Съ жадностью дочиталъ Николай до послѣдней страницы; развязка поразила его и пробудила въ немъ желаніе узнать цѣпь событій, предшествовавшихъ развязкѣ, и, въ тотъ же день, скрывшись въ уединенной части сада, онъ сталъ читать первую часть.

Вмѣсто простой, умѣренной пищи, потребной дѣтскому уму и сердцу, Николай прямо попалъ на горячительную пищу, служащую иногда для пробужденія совѣсти, отказывающейся исполнять свой долгъ, но вредную сердцу свѣжему, неопытному, и воображеніе Николая воспламенялось, преждевременныя понятія развивались быстро.

Гувернантка, какъ самая близкая изъ особъ, окружавшихъ Николая, хотѣла запретить ему читать романы, вспоминая съ какою строгостью въ пансіонѣ преслѣдовали ихъ; но бабушка заступилась за своего внука.

— Пускай читаетъ, говорила она: вѣдь онъ еще не понимаетъ того, что тутъ написано.

— Только при огнѣ да на солнцѣ не читай, прибавилъ дѣдушка: а не то какъ-разъ глаза испортишь.

Сложивъ съ себя ответственность, гувернантка не противилась болѣе страсти Николая къ чтенію, и онъ цѣлые дни просиживалъ за книгой.

— Экой прилежный! говорилъ слуги: все въ книгу смотреть. Будетъ ученый!

Часто гувернантка сама читала вслухъ. Николай, сидя у ногъ ея или возлѣ нея, не пропускалъ ни одного слова. На миломъ, нѣсколько блѣдномъ лицѣ его отражались всѣ событія разказа, производившія впечатлѣніе на его сердце;

нерядко крупныя слезы выступали на темногубыяхъ, выразительныхъ глазахъ его....

Иногда гувернантка заставляла его читать, и голосъ Николая соникался, дрожалъ, когда онъ произносилъ слова: любовь, любить, люблю... Невольно подымалъ онъ глаза, но тотчасъ же, какъ бы испугавшись, опять опускалъ ихъ.

Каждый романъ, выходящій изъ разряда посредственности, заключаетъ въ себя науку жизни и сердца. Первая была недоступна понятіямъ Николаю, но вторую онъ начиналъ уже понимать въ такой степени, въ какой то было доступно собственнымъ ощущеніямъ его, въ которыхъ онъ уже отдавалъ себѣ отчетъ.

Кто рано началъ жить сердцемъ, тотъ не обвинить меня въ преувеличеніи.

Однажды, въ прекрасный лѣтній вечеръ, гувернантка и Николай сидѣли въ бесѣдкѣ. Первая только что закрыла дочитанный романъ, оканчивавшійся всеобщимъ счастіемъ, наказаніемъ зла и вознагражденіемъ добра.

Красноватые лучи заходящаго солнца, пробиваясь сквозь густую зелень, бросали на песокъ аллеи золотистыя пятна, окаймлявшаго синеватою тѣнью. Цвѣты распространяли въ воздухъ упонительныя благоуханія. Вокругъ бесѣдки царствовала глубокая тишина; только за садомъ, въ рощѣ, соловей допѣвалъ вечернюю пѣснь....

Гувернантка задумалась, заслушавшись или засмотрѣвшись; но вдругъ она подняла голову и съ изумленіемъ посмотрѣла на Николая.

Онъ плакалъ.

— Что съ тобою, Николинъка? спросила она заботливо.

Онъ не отвѣчалъ; она обвила шею его одною рукою и съ живѣйшимъ участіемъ повторила свой вопросъ.

Николай поднялъ глаза, на которыхъ блеснули слезы, и, посмотрѣвъ на гувернантку, произнесъ тихимъ, почти умоляющимъ голосомъ:

— Я васъ люблю....

— О чемъ же тутъ плакать? сказала она, засмѣвшись. Я

тоже люблю тебя, потому-что ты добрый мальчикъ, умница....

- Смихъ и послѣднія слова произвели на Николая горестное впечатлѣніе. Ему стало стыдно... Онъ поспѣшно вскочилъ и убѣжалъ.

.....
 - Прошло лѣто. Александръ Матвѣевичъ возвратился въ Петербургъ, и Николай переехалъ въ городъ, къ отцу.

При первой встрѣчѣ отецъ и сынъ невольно вспомнили горестную потерю. Николай бросился въ объятія отца и заплакалъ. Александръ Матвѣевичъ молча поцѣловалъ его и прижалъ къ сердцу. Утѣшительное чувство проникло въ душу ребенка, когда онъ замѣтилъ, что и на глазахъ отца его выступили слезы. Онъ предчувствовалъ, что общее горе сблизитъ ихъ.

Предчувствіе не обмануло его. Сознывая вѣроятно, что на него одного пала теперь обязанность наблюдать за воспитаніемъ сына, Тучиновъ чаще прежняго сталъ заходить въ комнатку Николая, слѣдилъ за его занятіями и спрашивалъ гувернантку объ его успѣхахъ. Съ каждымъ днемъ онъ открывалъ новыя познанія, новыя качества въ ребенкѣ; каждый день благодарилъ онъ гувернантку и осыпалъ ее подарками.

Бѣдная дѣвушка робко, почти со страхомъ принимала эти подарки; ей казалось, что вмѣстѣ съ ними она принимала на себя обязанность, которая была уже не по силамъ ея; собственныя познанія ея почти ограничивались тѣмъ, что уже зналъ ея воспитанникъ.

Николаю минуло десять лѣтъ. Родственники покойной матери его совѣтовали Александру Матвѣевичу отдать его въ пансіонъ, но онъ отговаривался тѣмъ, что ему трудно разстаться съ единственнымъ существомъ, привязывавшимъ его еще къ дому; ему совѣтовали нанять хоть гувернера, на томъ основаніи, что десятилѣтнему мальчику неприлично имѣть гувернантку, но Тучиновъ отвѣчалъ, что нѣсколько слабое, нѣжное сложеніе ребенка требуетъ еще женскихъ попеченій.

И двадцатичетырехлѣтняя дѣвушка, добрая и кроткая, но образованія весьма ограниченнаго, продолжала воспитаніе десятилѣтняго мальчика.

Подобные случаи не рѣдки и тѣмъ болѣе предосудительны. Что бы сказали эти самые родители, если бы имъ кто-нибудь посоветовалъ поручить воспитаніе десятилѣтней дочери двадцатичетырехлѣтнему гувернеру?

— Это совсѣмъ другое дѣло! отвѣтятъ они.

Правда, въ частностяхъ это совсѣмъ другое дѣло, но въ сущности и то, и другое — зло.

Александръ Матвѣевичъ, принимавшій болѣе и болѣе живое участіе въ воспитаніи своего сына и проводившій съ нимъ цѣлые часы, понималъ, вѣроятно, это зло, ибо, ради приличія, приказалъ поставить перегородку въ дѣтской спальнѣ; но Николай, воспитанный, какъ дѣвочка, былъ и трусливъ, какъ дѣвочка. Гувернантка утѣшила его только тѣмъ, что позволила оставлять дверь открытою.

Въ одну темную, зимнюю ночь сильный ударъ вѣтра въ окно разбудилъ Николая. Онъ открылъ глаза. Глубокій мракъ былъ непроницаемъ; ночникъ, обыкновенно горѣвшій въ спальнѣ, погасъ.

Николаю стало страшно. Дрожащимъ, боязненнымъ голосомъ позвалъ онъ гувернантку... Отвѣта не было.

Тишина усилила боязнь ребенка. Повторивъ имя гувернантки громче прежняго, онъ скоро соскочилъ съ постели и побѣжалъ за перегородку. Едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ за дверь, какъ ноги его подкосились отъ испуга, и онъ лишился чувствъ....

Когда онъ пришелъ въ себя, возлѣ постели его сидѣлъ Александръ Матвѣевичъ. Зажженная свѣча стояла на полу.

— Легче тебѣ, Коля? тихимъ голосомъ спросилъ Тучиновъ, когда ребенокъ устремилъ на него неподвижный взоръ.

Николай не отвѣчалъ. Онъ припоминалъ случившееся.

— Какъ тебѣ не стыдно! Какой ты трусишка! произнесъ Александръ Матвѣевичъ, принужденно улыбаясь. Напейся воды.

Ребенокъ опорожнилъ стаканъ, поднесенный ему отцомъ.

— Не надо быть такимъ пугливымъ, продолжалъ послѣдній. Оправился ли ты теперь?

— Оправился, папешка.

— Ну, такъ спи, дружокъ; я засвѣчу ночникъ....

Забѣлливо закрывъ сына одвяломъ, Тучиновъ засвѣтилъ ночникъ и на цыпочкахъ удалился.

Николай былъ такъ сильно взволнованъ, что онъ не могъ сомкнуть глазъ. Самыя загадочныя мысли волновали умъ его. Вдругъ странный, тихій звукъ, подобный заглушаемому стою, поразилъ его...

Онъ притаилъ дыханіе, сталъ прислушиваться.

Явственнѣе слышалось за перегородкой заглушаемое рыданіе... Николай, убѣдился, что гувернантка плакала, и первымъ движеніемъ его было спросить ее о причинѣ слезъ ея, но онъ промолчалъ, пораженный внезапною мыслию, вполне завладѣвшею всеми умственными силами его: ему показалось, что слезы гувернантки имѣли связь съ происшествіемъ, случившимся съ нимъ самимъ... но какую связь?

Онъ слышалъ, какъ гувернантка приподнялась на постель.

— Николинъка, произнесла она дрожащимъ голосомъ.

Онъ не отвѣчалъ и не трогался.

Гувернантка тихо спустилась съ кровати и ступила нѣсколько шаговъ. Николаю казалось, что она подошла къ образамъ и опустила передъ ними на колѣни.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Господи, Господи! произнесла наконецъ гувернантка шопотомъ, и послѣдній звукъ слился съ воплемъ, насильно рвавшимся изъ груди....

Бѣдная дѣвушка заглушила громкій вопль; но, посреди ночной тишины носился, подобный отдаленному завыванію вѣтра, унылый, жалобный, протяжный отголосокъ душевныхъ страданій....

И внезапно новое понятіе мелькнуло въ умъ Николая; рѣзкая, нестерпимая боль проникла въ сердце его....

Нѣсколько минутъ крѣпился Николай, но наконецъ не выдержалъ и зарыдалъ.

Гувернантка поспѣшно встала, накинула большой платокъ и, не утеревъ даже слезъ, вошла за перегородку.

Николай закрылъ глаза и стиснулъ зубы.

— Что съ тобой, Николинъка? спросила гувернантка.

Нѣсколько разъ повторила она этотъ вопросъ и, не получая отвѣта, взяла руку ребенка. Онъ отдернулъ ее и отвернулся.

— Подите прочь, оставьте меня! произнесъ онъ.

Гувернантка задрожала и невольно ступила шагъ назадъ.

— Маменька, маменька! произнесъ Николай, съ выраженіемъ глубокой горести и, крѣпко схвативъ обѣими руками подушку, скрылъ въ ней свои слезы.

Сердце, внезапно оторвавшееся отъ двухъ существъ, вспомнило о единственной привязанности, которую смерть содѣлала непоколебимою, неизмѣнною....

Последнее слово, дважды произнесенное ребенкомъ, колебало минутную, вынужденную твердость бѣдной дѣвушки. Молча, безъ слезъ, опустилась она на полъ и приложила лицо къ кровати....

На другой день у Николая открылась опасная горячка. Долго былъ онъ въ совершенномъ безпамятствѣ и, прійдя въ себя, увидѣлъ возлѣ своей постели дремавшую, незнакомую женщину.

Сначала разсматривалъ онъ окружавшіе его предметы, не припоминая ничего; и только появленіе отца, пришедшаго осведомиться о состояніи его, произвело на него тягостное, непріятное впечатлѣніе. Ему показалось, что нѣжное участіе, оказываемое ему Александромъ Матвѣвичемъ, было неискренно; онъ самъ не смѣлъ поднять глазъ на отца, какъ бы опасаясь, что они измѣнятъ ему и выскажутъ его тайную мысль. Николая удивило, что гувернантка во все время его болѣзни не навѣщала его. Это равнодушіе огорчало выздоравливавшаго; за огорченіемъ послѣдовало сильное желаніе увидѣть гувернантку; немолчаливое это жела-

нiя возбудило беспокойство, тѣмъ болѣе сильное, что никто изъ окружавшихъ его не упоминалъ о бѣдной дѣвицѣ. Наконецъ, желая выйдти изъ тягостной неизвѣстности, онъ рѣшился спросить хожалку.

— Учительница? отвѣчала послѣдняя: она перѣехала къ роднымъ.

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, сердешный, что она васъ не берегла. Вотъ Богъ ее и наказалъ.

— Богъ ее наказалъ? съ безпокойнымъ изумленiемъ спросилъ Николай. Что съ нею сдѣлалось?

— То сдѣлалось, сердешный, что она сама въ постель слегла. Ужъ вѣстимо, коли себя не умѣла сберечь, такъ и васъ не сберегла. Вотъ то-то и есть! продолжала словоохотливая хожалка, понюхавъ табаку:—отдають дѣтей на руки молодѣжи, а гдѣ ей знать, что нужно ребенку? И напитокъ дать не во-время, и покушать дать, чего не слѣдуетъ... Ну, вотъ....

— Такъ она все еще больна? прервалъ Николай хожалку.

— Не могу знать; не спрашивала. Впрочемъ по-дѣломъ ей, впередъ будетъ умнѣе; хорошия денежки получаешь, такъ хорошо и служи... Чу! два часа; пора лекарство принять....

Новый урокъ Николаю. Онъ очень хорошо зналъ, что не бѣдная гувернантка была виновницей его болѣзни, а между-тѣмъ обвиненiе падало на нее. Какъ бы желая сдѣлать этотъ урокъ болѣе совершеннымъ, хожалка разсыпалась въ похвалахъ родительской заботливости Александра Матвѣевича и великодушiю, оказанному имъ недостойной учительницѣ, которую онъ *отослалъ* не со строгимъ, заслуженнымъ выговоромъ, а со знатнымъ подаркомъ.

— Она-было не хотѣла брать подарка, прибавила хожалка: да Александръ Матвѣевичъ отправилъ его къ ней нѣдомъ.

Самая строгая хула не произвела бы на душу Николая такого тягостнаго, разочаровательнаго впечатлѣнiя, какое производили эти похвалы....

Николай выздоровѣлъ. Сношенія его съ отцомъ были холодны, неискренны. Александръ Матвѣевичъ сначала старался разсвѣять эту холодность подарками, развлечениями; онъ забывалъ только единственное средство, которымъ бы могъ еще воротить уваженіе сына, — онъ забывалъ обратиться къ сердцу его. Наконецъ родительская гордость его возмутилась и, не себя, не уважившаго невинность ребенка, обвинялъ онъ, а Николая: онъ удивлялся раннему развитію въ немъ нѣкоторыхъ понятій, удивлялся дерзости, съ которою ничтожный мальчишка судилъ поступокъ отца, и называлъ холодность его упрямствомъ и, даже, расчетомъ!

Строгимъ голосомъ объявилъ Александръ Матвѣевичъ однажды сыну, что отдастъ его въ пансіонъ.

Николай, которому домашняя жизнь становилась со дня на день тягостнѣе, отнесъ это памѣреніе отца къ числу удовольствій, которыя онъ старался доставлять ему въ последнее время. Непритворная радость выразилась на лицѣ его и онъ кинулся цѣловать руку отца.

— Хорошо, хорошо, проговорилъ болѣе прежняго раздосадованный Тучиновъ: — Не нужно! прибавилъ онъ, съ сердцемъ отдернувъ руку и отвернувшись.

Нѣсколько дней спустя Николай поступилъ въ одинъ изъ модныхъ, французскихъ пансіоновъ.

Почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ между учащимися существуютъ три, рѣзко отдѣляющіяся, касты.

Къ первой принадлежать *долбилы*, то есть прилежные ученики, добросовѣстно исполняющіе свои обязанности; существа средняго разряда, которымъ природа даровала не блистательныя способности, но неутомимое трудолюбіе, стремящееся къ положенной цѣли. Достигнувъ ея, существа эти останавливаются и пользуются въ обществѣ званіемъ людей *серьозныхъ, полезныхъ*.

Вторую касту составляютъ *бойчилы*, шалуны, одаренные болѣею частию высокими способностями; наука дается имъ

легко, а потому они пренебрегают ею; дѣятельность ихъ начинается только тогда, когда останавливается дѣятельность долбилъ; не будучи утомлены сухимъ, школьнымъ учениемъ, способности ихъ сохраняютъ свѣжесть и силу, которыя ведутъ ихъ къ славнымъ, гениальнымъ подвигамъ, прославляющимъ общество, въ которомъ они живутъ... Но часто бываетъ и противное. Ко второй же кастѣ присоединяются существа, отличенныя либо грубою энергіею, либо физическою силою. Столкновение съ послѣдними часто направляетъ способности первыхъ на стезю, ведущую въ пропасть, называемую развратомъ.

Наконецъ къ третьей кастѣ принадлежатъ существа, обиженыя природою и лишенныя способностей къ наукамъ. Но судьба, вѣчно справедливая, возстановляетъ и въ этомъ случаѣ нарушенное, по-видимому, равновѣсіе, ставя этихъ людей подъ покровительство счастья, и—третья каста доставляетъ обществу такъ называемыхъ *добряковъ* и *счастливицевъ*, которымъ все удается.

Между долбилами и бойчилами существуетъ постоянная, непримиримая вражда. Въ школѣ сила на сторонѣ послѣднихъ, и они пользуются дурачками, какъ орудіями, для нанесенія оскорбленій послѣднимъ. Въ обществѣ, сила на сторонѣ людей *полезныхъ* в онѣ, болѣею частію, метятъ *гениямъ*, отнимая у нихъ средства дѣйствовать и отдавая преимущество *добрякамъ*, безобиднымъ по своему ничтожеству.

Между этими кастами Николая Тучинова ожидала странная участь. Поступивъ по склонности въ число долбилъ, онъ, однако жъ, вскорѣ перешелъ къ противникамъ ихъ, куда переманилъ его одинъ изъ тѣхъ учениковъ, которые въ школѣ пользуются довольно неблагозвучнымъ названіемъ *маклаковъ* и которымъ общество придумало менѣе жесткое имя *паразитовъ*. Маклакъ предложилъ свою дружбу Николаю, потому что замѣтилъ, что у него водились и денежки, и лакомства. Новичекъ всѣмъ сердцемъ предался новому чувствуванію, пополнившему раннюю душевную пустоту. . но новый урокъ, новое разочарованіе ожидали его.

Николай вскорѣ замѣтилъ, что новый другъ былъ съ нимъ

чрезвычайно холоденъ, когда у него ничего не было. Николай увернулъ его однажды въ этой холодности, мажакъ поколотилъ его, друзья поссорились, и—Николай опять присоединился къ прележнымъ.

Прошло около года съ тѣхъ поръ, какъ онъ постушилъ въ пансіонъ; вдругъ однажды, въ будни, отецъ пріѣхалъ за нимъ. Александръ Матвѣвичъ былъ необыкновенно ласковъ. Сѣвъ съ сыномъ въ карету, онъ заговорилъ съ нимъ о его сиротствѣ, о счасти имѣть мать и, наконецъ, спросилъ:

— Хочешь имѣть маменьку?

— Развѣ можно имѣть другую? возразилъ Николай.

Александръ Матвѣвичъ поморщился, помолчалъ нѣсколько секундъ и, какъ бы досадуя на свое вступленіе, объявилъ напрямки, что намѣренъ вторично жениться, и что сегодня же представитъ Николаю будущей, второй матери его.

Николай не отвѣчалъ; онъ вспомнилъ клятву, произнесенную отцомъ его у смертнаго одра матери... Слезы выступили на глазахъ его.

Александръ Матвѣвичъ замѣтилъ эти слезы; лицо его приняло грозное выраженіе, но онъ поспѣшно отвернулся. Впечатлѣніе, произведенное на Николая этимъ новымъ поступкомъ отца, было бы менѣе сильно, если бъ послѣдній сохранилъ молчаніе; но, со свойственною ему быстротою соображенія онъ разсудилъ, что гораздо лучше прямо объясниться. Онъ самъ напомнилъ Николаю о своей клятвѣ.

— *Объщаніе* это было необходимо, сказалъ онъ, потому что разсудокъ твоей матери былъ уже такъ слабъ, что она не могла вникнуть въ... неосновательность своего требованія; если бы она прожила еще нѣсколько дней, то, вѣроятно, сама отказалась бы отъ этого требованія и посоветовала бы мнѣ избрать тебѣ другую, достойную мать...

Александръ Матвѣвичъ все время говорилъ такъ, какъ будто бы имѣлъ въ виду только пользу и счастье сына.

— Я долженъ былъ *дать* это *объщаніе* твоей умирающей матери—царствіе ей небесное! продолжалъ Александръ Матвѣвичъ; но я не могу, не долженъ *сдерживать* его. Пока она была еще съ нами, отказъ мой могъ огорчить твою мать:

я доставилъ ей утѣшеніе. Теперь, душа ея, очищенная отъ мірскихъ страстей, паритъ надъ нами, какъ обитательница лучшаго міра, и если бѣ она могла сообщить намъ свою волю, то, вѣроятно, сама бы благословила намъреніе, которое не причинитъ ей ни малѣйшаго горя, ни малѣйшаго зла, а намъ... тебѣ принесетъ благо...

Это эгонистическое объясненіе успокоило Николая, непонимавшаго еще нерушимость даннаго слова.

Такъ развивалась нравственная жизнь Николая.

Отецъ его женился на дѣвицѣ съ огромнымъ приданымъ.

Сношенія Николая съ мачихой были холодны; въ минуту супружеской довѣрчивости, она призналась мужу, что холодный, почти строгій взглядъ юноши отталкивалъ ласки ея. Александръ Матвѣевичъ насупилъ брови и отвѣчалъ, что онъ самъ давно уже съ горестію замѣтилъ скрытный и, даже, злобный характеръ своего сына.

И Николай былъ почти исключенъ изъ семейнаго круга, не смотря на то, что отецъ его вступилъ во вторичный бракъ только для него. Нѣсколько лѣтъ пробылъ онъ еще въ пансіонѣ, потомъ поступилъ въ университетъ и, наконецъ, на службу...

Читатель увидитъ впоследствии, какое мѣсто приготовило Николаю въ обществѣ воспитаніе, образъ и подробности котораго я старался развить...

.

ГЛАВА III.

КАКЪ БЛАГОДѢЯНІЕ НАХОДИТЬ НАГРАДУ ВЪ САМОМЪ-СЕБѢ.

Николай Александровичъ нетерпѣливо прохаживался по комнатѣ, какъ вдругъ задребезжавшій въ прихожей колокольчикъ заставилъ его вздрогнуть.

Лакей вышелъ, открылъ дверь, потомъ вернулся въ кабинетъ и доложилъ:

— Съ книжками пришелъ.

— Ага! сказалъ Николай Александровичъ съ притворнымъ равнодушіемъ, между-тѣмъ какъ сердце его забилось сильнѣе; впусти его.

— Коверъ запачкаеть...

— Слышалъ ты, что я тебѣ сказалъ! вспыхливо вскричалъ молодой человекъ.

— Сказалъ... сказалъ... ворчалъ про-себя лакей, удалясь: а кому же послѣ коверъ вычистить... Ну, борода! продолжалъ онъ вслухъ, выйдя въ переднюю, вытри хорошенько сапоги о щетку, да ступай къ барину.

Минуту спустя въ кабинетъ вошелъ человекъ съ рыжею бородкой, въ изношенномъ кафтанѣ; подъ мышкой у него былъ мешокъ съ книгами.

— Здорово, Кнутаовъ! ласково сказалъ Николай Александровичъ: что скажешь?

— Пришелъ, какъ известно вашему благородію, по дѣлу... сказалъ знакомый уже намъ букинистъ, кланяясь.

— Да, да, ты принеси мнѣ новыя книги, поспѣшию перебилъ слова его Николай Александровичъ и, обратившись къ лакею, продолжавшему стирать пыль, прибавилъ: сходи, посмотри, что же мнѣ кофе не несутъ?

Лакей изподлобья посмотрѣлъ на букиниста, вышелъ въ прихожую, затворилъ за собою дверь и преспокойно остановился, чтобы подслушивать.

Лакеи обыкновенно принимаютъ такое живое участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ господъ, какъ будто бы потомство потребуетъ отъ нихъ самой подробной біографіи этихъ господъ. По чутью они узнаютъ стоить ли дѣло вниманія или нѣтъ.

— Какія же у тебя книги? спросилъ Николай Александровичъ, когда лакей удалялся.

— Плохія, ваше благородіе, отвѣчалъ букинистъ, покачивая головой.

Это слово произвело, по-видимому, известное впечатлѣніе на молодого человека. Разсчитавъ, что легкой вынестъ уже изъ прихожей, онъ приблизился къ Кнутови и спросилъ его съ безпокойствомъ:

— Не досталъ?

— Ахъ, не говорите, ваше благородіе! отвѣчалъ коварный пройдоха.

Онъ хотѣлъ, какъ говорится, помучить Николая Александровича, чтобы тѣмъ увеличить радость его и извлечь изъ послѣдней пользу себя.

— Да говори же, досталъ или нѣтъ? повторилъ Тучиновъ нетерпѣливо и съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Достать-то можно, сказалъ Кнутовъ протяжно, да не знаю, согласитесь ли вы?...

— Соглашусь! отвѣчалъ Николай Александровичъ въ первомъ порывѣ радости, но тотчасъ же, одумавшись, прибавилъ: впрочемъ надобно знать на какихъ условіяхъ...

— Я тоже говорилъ, ваше благородіе, что вы не согласитесь...

— Сколько ты досталъ?

— Да что, ваше благородіе, и говорить не стоить... Вы, кажись, просили полтора ста рублей...

— Двѣсти.

— Двѣсти! Помилуй Богъ! Гдѣ ихъ достанешь; теперь и денегъ-то ни у кого нѣтъ. Плохія времена, ваше благородіе. Сто еще кое-какъ наколотить можно.

— Ста мнѣ мало, возразилъ Николай Александровичъ съ неудовольствіемъ и пожавъ плечами. Похлопочи, постарайся, а я самъ отплачу тебѣ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе, я не сумѣваю, что вы не обидите меня; да я же и стараюсь для васъ такъ, какъ, ей Богу, для себя никогда не старался; ужъ куды я не бѣгалъ, изъ Коломной на Петербургскую, оттуда на Пески... пару сапоговъ истаскалъ; ей Богу, такъ усердствую вамъ и радъ бы душою помочь... Будь у меня свои денежки, такъ я бы и не заикнулся; съ душою бы

отдашь, ваше благородіе, и документа бы не спросилъ; а то съ такими извергами возмусь, ваше благородіе, что не приведи Господи! Жиды крещёные, ваше благородіе, ей Богу!

— Ты хоталъ побывать у... Опухтина?

Кнотовъ перекрестился и махнулъ рукой.

— Не дасть? спросилъ Николай Александровичъ.

— Опухтинъ, ваше благородіе, изъ изверговъ извергъ! Такія условія загнулъ, что волосъ дыбомъ всталъ!

— Да дасть ли онъ, по-крайней-мѣрь, деньги?

— Дасть, ваше благородіе, сто рублей, а беретъ воть эдакую цыдулочку.

И съ этими словами Кнотовъ вынулъ изъ-за пазухи замазанный бумажничъ, туго набитый разными бумагами, и отыскалъ въ немъ заемное письмо, о которомъ онъ уже условился съ Захаромъ Ивановичемъ, и подалъ его молодому человеку.

— Заемное письмо! вскричалъ послѣдній, почти радостно.

— Фію! свиснулъ лакей, отойдя отъ двери: птичка! Видно опять профершился!...

И узнавъ, что ему нужно было знать, онъ отправился исполнять возложенное на него порученіе.

Между-тѣмъ Николай Александровичъ быстро пробѣжалъ глазами заемное письмо.

— Триста за сто! вскричалъ онъ съ негодованіемъ.

— Извергъ, ваше благородіе, хладнокровно произнесъ буквицы.

— Это подло! продолжалъ Николай Александровичъ, бросивъ заемное письмо на столъ. Такихъ людей надобно предавать въ руки правосудія.

— Въ каторгу, ваше благородіе.

— Это лъза, продолжалъ молодой человекъ, разгорячась, и я считаю долгомъ донести на него.

— Доказательствъ не имется, ваше благородіе, произнесъ Кнотовъ со спокойной, коварной улыбкой.

— Ты самодержатель!

— Нѣтъ, ваше благородіе; я человекъ сторонній; я ничего не знаю.

Часы пробили восемь.

Николай Александровичъ, какъ бы вспоминая о чемъ-то, судорожно сжалъ обѣими руками голову и произнесъ тихимъ голосомъ:

— Господи, Господи! какъ мнѣ быть!... Кнутава, достань мнѣ деньги; какъ хочешь, гдѣ хочешь, а достань!...

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе, что Опухтинъ залога не беретъ... дасть чистыя денежки на одно заемное.

— Повторяю тебѣ, что мнѣ ста мало! нетерпѣливо возразилъ молодой человекъ, въ волненіи прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

Кнутава почесалъ бороду, покачавъ головой.

— Крѣпко хочется мнѣ услужить вашему благородію... ей Богу, не знаю... вотъ кабы мѣсяца черезъ два, такъ у меня будутъ свои.... Нельзя ли подождать, ваше благородіе?

Николай Александровичъ пожалъ плечами.

— Ахъ ты бѣда какая! продолжалъ Кнутава: ужъ коли вамъ такая надобность, ваше благородіе, такъ возьмите сотенку у Опухтина, а остальные...

Николай Александровичъ съ надеждой посмотрѣлъ на книжника, который, скорчивъ кислую мину, продолжалъ:

— Ей Богу, ваше благородіе, сердце болитъ, глядя на васъ; себя обижу, а васъ не оставлю! Нашъ братъ горемыка, мужикъ, а вы, сударь, благородный!... Душу за васъ отдамъ, Николай Александровичъ; ей Богу, отдамъ!

Слова эти кололи гордость Николая Александровича; но гордость его не смѣла жаловаться, потому что тщеславіе было удовлетворено надеждой выйдти изъ затруднительнаго положенія. Надежда эта была довольно основательна, по-

тому что отдать душу значило у Кнутова отдать свои деньги.

— Извольте видеть, ваше благородіе, продолжалъ книжникъ: сегодня нужно мнѣ заплатить долгъ, рублей въ шестьдесятъ серебромъ... Не заплачу, беда! Съѣсть! Такой зверь... Развѣ только хорошій залогъ принесу, такъ онъ умилостивится; а какой у нашего брата залогъ! Конечно книжонки тѣ же деньги, да надобно на охотника напасть, а то—маклатура!... Помнится мнѣ, ваше благородіе, что вы изволили говорить, что у васъ найдутся вещицы подъ залогъ....

— Да, да, съ живостію отвѣчалъ молодой человекъ: у меня есть нѣкоторыя золотыя вещи...

— Коли вамъ не противно будетъ пожаловать мнѣ ихъ, такъ я снесу ихъ къ...къ тому, а денежки отдамъ вамъ...

— Спасибо, Кнутовъ, спасибо!

— Не на чемъ, ваше благородіе; ей Богу, сердце болитъ, что нельзя обойти изверга Опухтина...

— Чтò дѣлать, нужда заставляетъ меня согласиться; я подпишу заемное письмо... и тебѣ отдамъ вещи... давай скорѣе деньги!

— Опухтинскихъ у меня нѣтъ, ваше благородіе; вамъ известно, что надобно засвидѣтельствовать у маклера...

— Какая досада!

— Свои же я сейчасъ вручу вашему благородію; кажись сотенка наберется у меня... Потрудитесь же, ваше благородіе, написать простую расписочку, такъ-съ, для порядку-съ, что-молъ состою долженъ такому-то, кои и обязуюсь выплатить по востребованію...

Николай Александровичъ скоро пошелъ къ столу и сталъ писать.

Въ это время лакей вошелъ съ подносомъ, поставилъ его на столъ, лукаво мигнулъ книжнику и вышелъ.

— Сколько? спросилъ Николай Александровичъ, не обращаясь.

— Сколько угодно будетъ вашей милости, отвѣчалъ Кну-

травъ: я съ радъ дронцовъ брать на ходу... Это не мое дѣло; я стараюсь служить вашему благородію, по мѣрѣ силъ и возможности...

— Сто пятьдесятъ довольно?

— Ужъ приите двадцать, круглымъ счетомъ, ваше благородіе; ей Богу, пару саноговъ истаскалъ....

Николай Александровичъ продолжалъ писать, посыпалъ написанное пескомъ и, вставъ, подалъ росписку буквисту.

Последній сталъ читать по складамъ, произнося каждый слогъ вслухъ.

— Число выставить изволили позабыть, сказалъ онъ съ приятной улыбкой. Вотъ такъ-съ! продолжалъ онъ, когда Николай Александровичъ прибавилъ годъ и число: теперь позвольте освидѣтельствовать вещицы.

Тучиновъ отомкнулъ шкатулку, стоящую на письменномъ столѣ, и вынулъ изъ нея золотую цѣпочку и нѣсколько перстней.

Кнутовъ взвѣсилъ ихъ на рукѣ, отыскалъ пробу, потомъ спросилъ:

— Вы, помнится, изволили говорить-съ, что есть еще булабочка съ гранатами?...

Плуть-ростовщикъ, забывшій сколько просилъ у него молодой человекъ, очень хорошо вспомнилъ о булачкѣ, о которой онъ упомянулъ, изчисляя вещи, которые могъ отдать подъ залогъ.

Николай Александровичъ прошелъ въ спальню и вернулся оттуда съ булавкой.

— Все ли теперь? спросилъ онъ съ видомъ жертвы.

— Все въ исправности-съ; только потрудитесь еще черкнуть на другой бумажкѣ два слова-съ, что-моль продалъ такому-то и упомяните о каждой вещи отдѣльно. Это для порядку-съ, ваше благородіе, а то онъ не приметъ у меня вещей и, чего добраго, пожалуй скажетъ еще что краденныя! Помилуй Господи!...

Николай Александровичъ написалъ и другую записку; Кнутовъ также внимательно прочиталъ ее, какъ в первый; собралъ золотыя вещи и вмѣстѣ съ россійскими спряталъ за

спазулу; откуда вытаскавъ опять свой бумажникъ, вынулъ изъ него нѣжъ мелкія ассигнаціи и, вслѣпывая пальцы, сталъ класть ихъ, одну за другою, на столъ....

Николай Александровичъ во все это время глядѣлъ на часы.

— Чтѣ это!... Никакъ я обсчитался.... пронѣсь, наконецъ, Кнутовъ и снова сталъ считать ассигнаціи, потирая каждую между большимъ и указательнымъ пальцемъ, какъ бы желая раздвоить ихъ.—Фу, ты пропасть! вскричалъ онъ опять, заглянувъ въ свой бумажникъ; потомъ схватился за голову: ахъ, вовсе изъ ума вонь! Три депозитки пятирублевья отдалъ за книги, а одной и безъ того не доставало! Эка бѣда-сь! продолжалъ онъ, почесывая затылокъ: тутъ всего восемьдесятъ, ваше благородіе! Нечего дѣлать, извольте получить обратно вещи и расписку-сь....

— Нѣтъ, оставь, оставь! восьмидесяти довольно будетъ, если ты сегодня же доставишь остальные сто....

— Безпрѣменно, ваше благородіе! Извольте пожаловать къ маклеру, что за Сѣнной, часу во второмъ....

— Хорошо! возразилъ Николай Александровичъ, дрожащими руками схвативъ деньги. Ну, спасибо, спасибо!

— Душевно радъ служить, вашему благородію.... А то-во-сь, книжечекъ не возьмете сегодня?

— Мнѣ теперъ некогда, зайди завтра, послѣ завтра....

— Слушаю, ваше благородіе, и, взявши въ плечо, букинистъ прибавилъ съ пріятной улыбкой: холодно, ваше благородіе; наишлся бѣ за ваше здоровье чайку въ харчевнѣ....

И ростовщикъ, со вздохами и жалобами *сдѣлавшій дѣльцо* въ сто слишкомъ рублей серебромъ, низко и съ признательностію поклонился Николаю Александровичу, когда тотъ сунулъ ему въ руку четвертакъ....

Судя по вышеописанному должно бы полагать, что подобныя *дѣльцы* скоро наживаютъ огромное состояніе. Конечно, бываютъ случаи, но они довольно рѣдки, потому-что и розы не безъ шиповъ! Жадность къ мелкому выигрышу часто ослѣпляетъ этихъ людей, и они попадаются въ руки

пройдохъ, дѣйствующихъ смѣлье ихъ, потому-что ни чѣмъ, кромѣ тюрьмы, не рискуютъ.... Но и тюрьму иногда провѣтриваютъ, и изъ нея часто выйдти легче, чѣмъ попасть въ нее.

— За тѣмъ счастливо оставаться, ваше благородіе! сказалъ букиннсть: не извольте упрекать Захара Ивановича.... Конечно, ваше благородіе, онъ извергъ; да что прикажете дѣлать! при случаѣ и извергъ пригодится.

Кнутовъ удалился. Въ прихожей ждалъ его лакей.

— Чтò? поживился? спросилъ послѣдній, преградивъ руками дорогу.

— Было бы чѣмъ! возразилъ букиннсть, съ неудовольствіемъ пожавъ плечами; но, замѣтивъ по нахально-насмѣшливому виду лакея, что онъ исполнялъ свой долгъ, то есть, подслушивалъ, Кнутовъ досталъ изъ кармана широкихъ шароваръ кожаный кошелекъ, долго рылся въ немъ и, наконецъ, съ грубою гордостью *дателя*, подалъ лакею мелкую монету....

— Чего? протяжно пропнесь лакей, не принимая подачи: я, братъ, не *кинарейка*.... гривеничковъ не потребляю.

— Экъ расчваннлся! Я, братъ, самъ съ четвертачкомъ отъѣхалъ.

— А покажь-ка чтò за пазухой?

— Эка чортова кукла! возразилъ Кнутовъ, принужденно засмѣявшись; на, вшь!

Лакей удовольствовался полтинникомъ и, взявъ еще въ добавокъ изъ мѣшка книжку почитать, ласково проводилъ букиннста.

ГЛАВА IV.

Мало.... мало.... мало!

Когда букиннсть вышелъ изъ кабинета, Николай Александровичъ выпрямился, поднялъ глаза къ небу и вздохнулъ изъ глубины души.

На дворе было уже совсем светло.

Николай Александрович подошел къ окну, поднялъ штору, опять посмотрѣлъ на третій этажъ противоположнаго дома, потомъ сѣлъ къ письменному столу, написалъ короткое письмо, вложилъ его въ конвертъ, вмѣстѣ съ ассигнаціями, запечаталъ и позвонилъ.

— Снесешь это письмо по адресу, сказалъ онъ вошедшему лакею; но сперва дай мнѣ одѣться.

Наскоро напившись кофе, Николай Александровичъ съ особенною заботливостью приступилъ къ своему туалету.

Николаю Александровичу было двадцать четыре года, но казалось едва двадцать. Онъ былъ средняго роста, нѣсколько худощавъ, строенъ и гибокъ; отъ отца перенялъ онъ привычку держаться чрезвычайно прямо и откинувъ нѣсколько голову назадъ. Черты благо, вѣжнаго, почти женственнаго лица были правильны, но постоянное небрежно-презрительное выраженіе придавало имъ нѣчто непріятное, не располагавшее съ перваго взгляда въ его пользу. Впрочемъ это была одна маска, быть-можетъ, даже невольна заимствованная Тучиновымъ у тѣхъ *свѣтскихъ* молодыхъ людей, въ кругу которыхъ онъ жилъ, и считающихъ привѣтливость первѣйшимъ признакомъ мѣщанскаго происхожденія.

Только по временамъ, въ минуты сильныхъ ощущеній, темно-голубые глаза Николая принимали почти черный цвѣтъ, и тогда лицо его терло приторное, отталкивающее выраженіе.

Употребивъ полтора часа времени на туалетъ, Николай Александровичъ вернулся въ кабинетъ въ щегольскомъ сюртукѣ, въ петличкѣ котораго была небрежно повязана ленточка. Остановившись передъ зеркаломъ, онъ поправилъ еще галстухъ, пригладилъ природныя, густыя, блыкурыя кудри и, не переставая смотрѣться въ зеркало, сталъ надѣвать перчатки.

Сильный звонъ колокольчика заставилъ его отвернуться отъ зеркала.

— Кто тамъ? спросилъ онъ вошедшаго лакея.

— Какой-то человекъ, небрежно отвѣчалъ послѣдній, по-

давая барину четырехугольную бумажку, заштылявшую, по-видимому, визитную карточку.

Николай Александровичъ взглянулъ на нихъ, швытавшее на бумажку, левольно вздрогнулъ и произнесъ въ полголоса:

— Лихаревъ!... Проси, прибавилъ онъ вслухъ.

Борисъ Астафьевичъ Лихаревъ вошелъ въ кабинетъ. На немъ была довольно поношенная венгерка. Рыжіе усы поднимали красноватый носъ.

— Бонжуръ, моншеръ! закричалъ онъ, протанувъ объ руки впередъ и скоро приближаясь къ Николаю Александровичу.

Последній слегка покраснѣлъ, подалъ руку и, не смотря на то, что Лихаревъ трясъ ее изо всѣхъ силъ, не отвѣчалъ даже пожатіемъ.

— Пардонъ, моншеръ, что я такъ, безъ сантиментальностей, зашелъ къ вамъ.... да знаете, ѣду мимо, и вдругъ вспомнилъ: Ахъ ты дьявольщина! Тучиновъ тутъ живетъ.... Надобно сдѣлать реперансъ. Знаете, что-то кровное, какая-то симпатія раждается между людьми, которые за зеленымъ столомъ рвжуются дѣлъ благородствомъ....

— Садитесь, пожалуйста, перебилъ его съ судорожною живостію Николай Александровичъ, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на лицѣ лакея, принявшагося опять убирать комнату. Гдѣ письмо? спросилъ онъ отрывисто лакея, и когда последний подалъ ему требуемое, продолжалъ: Ступай, я тебѣ тысячу разъ говорилъ, чтобы ты не пылилъ, когда я дома.

— Экой ты, братецъ! Видно недавно лапти слялъ! вскричалъ Лихаревъ, безъ церемоніи разваливаясь на диванъ.

Лакей ушелъ, не удостоивъ его даже взгляда.

— Борисъ Астафьевичъ, сказалъ Николай Александровичъ, подавая письмо Лихареву: вы видите, что я не забылъ васъ.

— Что это? небрежно спросилъ Лихаревъ.

— Это маленькое извиненіе въ томъ, что я не могу вы-
платить всего долга ранѣе третьяго часа, но вотъ пока болѣе
половинны ...

— **Чиналуайте, совсчитаемся!** Вы, пожалуй, еще подумаете, что я пришелъ къ вамъ за этимъ долгомъ.... Вы меня обижаете, мошенерь!

— **Нать,** серьезно отвѣчалъ Николай Александровичъ; но мнѣ самому крайне стыдно, что я рѣшительно не имѣю возможности заплатить сейчасъ своего долга.... Я знаю, что безчестье падаетъ на того, кто не заплатитъ карточного долга въ сутки, но надеюсь на вашу свисходительность....

Боже мой! какъ легко люди играютъ словами!...

Не заплатить портному, сапожнику, несчастному труженику, въ петъ лица зарабатывающему вусадный кусокъ хлѣба, не заплатить бадняку, у котораго жена и дѣти злбнуть въ холодной квартирѣ, потому-что нѣ на что купить дровъ; который теряетъ выгодную работу, потому-что нѣ на что купить матеріаловъ; котораго хозяйинъ гонитъ со двора, потому-что ему нѣ чѣмъ заплатить *впередъ* за квартиру, не заплатить такому чловѣку—*не бѣда*. Какое дѣло до того, что доврчивый бѣднакъ пострадаетъ? Главное то, чтобы не пострадала *честь* должника.

Но,—не заплатить долга карточного, не заплатить чловѣку, вовсе не нуждающемуся въ этихъ деньгахъ или проиграющему ихъ въ тотъ же вечеръ, не заплатить подобнаго долга,—*безчестно!!*

И на какомъ порядкѣ основанъ этотъ грозный, *свѣтскій законъ*?

Не заплатить карточного проигрыша значить обидѣть беззащитнаго, безоружнаго, ибо подобный долгъ не обезпеченъ гражданскими законами; ergo—онъ подлежитъ *законанъ чести*.

Пышное, но нелѣпое заключеніе.

Природныя, естественныя права каждаго чловѣка пользуются защитою и покровительствомъ законовъ,—я говорю собственно о законахъ, а не о частномъ примъненіи ихъ,—ибо природа есть источникъ законовъ.... *Natura est fons juris*. Слѣдовательно только самыя превратныя, скажу болѣе, развращенныя понятія могли подчинить строгому суду чes-

ти *неестественное* приобращеніе и набавить отъ этого суда *трудоное*....

Такъ, къ сожалѣнію, *свѣтъ* искажилъ самыя простыя; самыя первыя понятія о добрѣ и злѣ.

— Помилюйте, возразилъ Лихаревъ на извиненіе Николая Александровича: мы, съ вами, я надѣюсь, сразимся еще на пикахъ, поиграемъ на бубнахъ! Ха, ха, ха!... Да какъ вы важно живете! Будуарная роскошь-съ; настоящій фершампенуазъ!

Николай Александровичъ не зналъ что отвѣчать непростенному гостю и машинально махъ одну перчатку.

— Вы одна здѣсь живете или въ складчину съ кэмъ-нибудь? продолжалъ Борисъ Астафьевичъ.

— Одинъ.

— Важно! Это не по нашей препорціи....

Вѣсто зеркалъ, вазъ прекрасныхъ,

На столѣ стоять....

мѣдный шандалъ, да бутылка съ квасомъ. Ха, ха, ха! А позвольте узнать, что это за *физикъ*? продолжалъ Лихаревъ, указавъ на статуэтку, стоящую на каминѣ.

— Это Вольтеръ.

— Вольтеръ? А-а, важно! Читалъ, читалъ: Ивангоз, Пертская красавица.... де-Шаплетъ-съ переводилъ.

Николай Александровичъ улыбнулся, но не счелъ за нужное переобразовывать Бориса Астафьевича.

— Это еще что за фантифлюшка? спросилъ опять послѣдній.

— Гдѣ? спросилъ Тучиновъ, которому гость начиналъ порядочно надоедать. Это курильница.

— Ага, фиміамъ, ароматъ, бальзамъ, понимаю. Чортъ ихъ знаетъ, что выдумаютъ! А все Французы; такіе, право, артисты!... А это....

— Извините, Борисъ Астафьевичъ, но мнѣ необходимо вужно идти со двора....

— Я задерживаю васъ! Что же вы прямо не скажете? Пожалуйста, моншеръ, разъ на-всегда прошу васъ быть со мною безъ церемоній.... Бамаисъ и симпатія! вотъ мой девизъ. Если хотите, такъ я девизу васъ.... у меня свой экипажъ.

— Благодарю, я хочу пройтись пивкомъ.

— Подъ шляпки заглядывать! Курмахеръ, бонвиванъ! Ха, ха, ха!...

И Лихаревъ безъ церемоній взялъ Николая Александровича подъ-руку и, громко смѣясь, почти насильно вытащилъ его въ переднюю.

Лакей, не обращая вниманія на гостя, подалъ шубу своему барину, но Борисъ Астафьевичъ преспокойно обождаль, продолжая говорить и, когда лакей пошелъ отворять дверь, крикнулъ:

— Человѣкъ! Подай же мнѣ шубу!

А шуба Бориса Астафьевича, была не болѣе, какъ истасканная шинель на ватъ, съ рыжины, истертыми, енотовыми воротникомъ.

Въ то самое время, какъ Николай Александровичъ и Борисъ Астафьевичъ вышли въ снѣгъ, съ парадной лѣстницы сходилъ Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ.

Неожиданное появленіе его произвело и на сына, и на Лихарева странное впечатлѣніе. Николай Александровичъ покраснѣлъ; Лихаревъ насупилъ брови, но тотчасъ же придалъ лицу своему прежнее, безпечное, почти нахальное выраженіе, и смѣло пошелъ впередъ, напѣвая:

Ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ,

Изъ трактира въ....

Николай Александровичъ смутился пуще прежняго и, слыша за собою шаги отца, обратился къ Лихареву и, не подавая ему руки, сказалъ съ вѣжливостью, въ которой замѣтно было болѣе заищательства, нежели холодности:

— Прощайте, Борисъ Астафьевичъ.... я долженъ съ вами

разстаться.... Мнѣ нужно сказать несколько словъ бабонькѣ....

Лихаревъ внезапно обернулся, и какъ бы только теперь увидѣвъ подошедшаго Тучинова, сталъ расшаркиваться, вздергивая плечи и приподымая измятую шляпу, со свѣсившимся подлозынь пухомъ, и лоснившуюся такъ, какъ будто бы ее вымазали яичнымъ баломъ.

— Здравія желаю, ваше превосходительство, сказалъ онъ съ ужимками: честь мнѣю рекомендоваться, я не служащій дворянинъ, задушевный пріятель нашего Николая....

Тучиновъ, высившійся надъ безцеремоннымъ дворяниномъ почти цѣлою головою, гордымъ и холоднымъ взглядомъ окинулъ его съ ногъ до головы. Но взглядъ этотъ нимало не смутилъ Лихарева.

— Вѣроятно, продолжалъ онъ съ прежними ужимками: въ утренній променажъ собираетесь. Се три шарманъ....

— Николай, мнѣ нужно поговорить съ тобою, сказалъ Тучиновъ, отвернувшись отъ Бориса Астафьевича.

— Пардонъ, монсьеръ, мнѣ некогда ждать; я отправляюсь, сказалъ Лихаревъ, ударивъ по плечу Николая Александровича.

Онъ, казалось, съ намѣреніемъ поступалъ съ фамильярностію, болѣе и болѣе смущавшею молодого человека въ присутствіи отца.

— Мое почтеніе, ваше превосходительство, продолжалъ Лихаревъ. Адью, монсьеръ, адью! прибавилъ онъ, сдѣлавъ ручку Николаю Александровичу.

Выйдя на крыльцо, передъ которымъ стоялъ красивый, двухъестный возокъ Тучинова, Лихаревъ крикнулъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Эй, подавай!

— Здѣсь, баринъ, здѣсь! отвѣчалъ хриплымъ голосомъ ободранный ванькѣ, почтительно отъѣхавшій отъ господскаго экипажа.

Лихаревъ еще разъ обернулся къ свнзямъ, произнесъ съ достоинствомъ:

— Мое почтеніе! и сошелъ съ крыльца.

— Что это за человекъ? строгимъ голосомъ и пасунивъ бровей спросилъ Тучиновъ сына.

— Я его встрѣчалъ раза два въ обществѣ.... съ замѣшательствомъ отвѣчалъ Николай.

— Хорошо должно быть общество! съ вѣдкимъ презрѣніемъ произнесъ Тучиновъ: ты компрометируешь себя съ этими людьми! Твой знакомецъ очень похожъ на шулера....

Яркая краска бросилась на лице Николая.

— Ты вчера оячь не былъ въ должности? продолжалъ отецъ, переѣхавъ презрительный томъ на строгій.

— Я былъ на утреннемъ концертѣ....

— Прекрасно! однако жъ надобно же хоть показываться въ должности! Ты думаешь, пріятно мнѣ слышать: Николай Александровичъ не былъ, ждемъ Николая Александровича, Николай Александровичъ не подписалъ! *Мелкія твари* очень рады, что ты, своимъ поведеніемъ, подаешь орудіе ихъ зависти.... Прошу покорно впередъ быть поаккуратнѣе!

И съ этими словами Александръ Матвѣевичъ величественно пошелъ къ крыльцу.

Кучеръ наткнулъ уже возжи, лошади зашевелились, лакей отворилъ дверцы кареты, когда Тучиновъ еще разъ обратился къ сыну:

— Куда ты теперь?

— Въ должность.

— Я бы взялъ тебя съ собою, но не хочу, чтобы сказали, что я насильно привезъ тебя.... Въ департаментъ! прибавилъ онъ почти вполголоса лакею, захлопывавшему подножку.

— Въ департаментъ! громогласно крикнулъ лакей кучеру, защелкнувъ дверцы.

И красивые лошади помчали карету такъ быстро, что догнали и чуть не задавили ваньку, на которомъ плелся Борисъ Астафьевичъ.

Съ послѣднимъ произошла странная переѣзна, когда онъ отъѣхалъ отъ дома Тучинова. Лицо его приняло задумчивое, почти печальное выраженіе.... Выступъ изъ кармана кон-

вертъ, въ которомъ заключались ассигнаціи, онъ сосчиталъ послѣднія, прикрываясь шинелью, раздѣлялъ ихъ на три пачки, спряталъ каждую въ особый карманъ и, подумавъ нѣсколько минутъ, произнесъ про себя съ глубокимъ вздохомъ:

— Мало.... мало.... мало!...

Ванька поворотилъ въ Мѣщанскую и остановился у входа въ сберегательную кассу.

Полчаса спустя Борисъ Астафьевичъ вышелъ оттуда.

— На Васильевскій! сказалъ онъ извозчику.

На острову онъ остановился у табачной лавочки, самаго скромнаго вида. На окнѣ лавочки были выставлены два портрета, мужской и женскій, написанные масляными красками. Лихаревъ болѣе часу пробылъ въ лавочкѣ и вышелъ оттуда съ веселымъ, радостнымъ лицомъ.

Съ острова онъ повхалъ въ Гороховую; остановившись на углу Большой Мѣщанской, расчитался съ извозчикомъ и вошелъ въ трактиръ.

ГЛАВА V.

Тайнственное письмо.

Нѣсколько времени спустя Татьяна Ивановна зашла къ Юліи Карловнѣ, понабѣдаться о здоровьѣ.

Она застала жену доктора въ сильномъ волненіи. Глаза Аннеты были красны, заплаканы. Любопытство Татьяны Ивановны было сильно возбуждено; другая, менѣе любопытная женщина, пустилась бы въ распросы изъ участія, но старая дѣва притворилась, будто бы ничего не замѣчаетъ и затѣяла веселый разговоръ, расчитывая довольно верно, что если у Юліи Карловны есть какое-нибудь горе, то она выскажетъ хоть часть его, чтобы избавиться отъ пустаго разговора и настроить его на состояніе ея души.

Татьяна Ивановна не ошиблась. Вынужденная веселость

тягостные слезы и жалобь. Четверть часа спустя послѣ прихода гостыи, Юлія Карловна обратилась къ дочери, сидѣвшей за пальцами.

— Аннета, сказала она ей: поди, сыграй намъ что-нибудь.

Молодая дѣвушка, какъ бы угадавъ мысль матери, ушла въ другую комнату и стала играть тихое адажіо, не препятствовавшее Юліи Карловнѣ и гостѣ продолжать разговоръ, однако жъ столько покрывавшее голоса, что звуки ихъ не могли дойти до фортепіано.

— Я нарочно выслала Аннету, сказала Юлія Карловна, опустивъ глаза на рукодѣлье, которымъ была занята.

— Зачѣмъ? спросила старая дѣва съ притворнымъ удивленіемъ.

— Я хочу сообщить вамъ весьма непріятное для насъ происшествіе.

— Ахъ, Боже мой! Съ вами случилось несчастіе? вскричала Татьяна Ивановна, нарочно употребивъ послѣднее слово, чтобы заставить хозяйку высказать всю истину.

— Нѣтъ, благодаря Бога, не несчастіе, а большая непріятность. Зная вашу привязанность къ нашему дому, я почти считаю долгомъ сообщить вамъ это дѣло, тѣмъ болѣе, что вы, вѣроятно, не откажетесь помочь мнѣ совѣтомъ....

— Говорите, говорите, Юлія Карловна! съ живостію возразила Татьяна Ивановна, любопытство которой было возбуждено до-нѣльзя; не только совѣтомъ, но даже дѣломъ готова помочь вамъ.... Что же случилось?...

Лицо Юліи Карловны приняло строгое выраженіе; глаза ея сверкнули; молча вынула она изъ рабочаго ящика распечатанное письмо и подала его гостѣ.

— Что это? спросила послѣдняя, взявъ письмо, но не раскрывая его.

— Читайте.

Старая дѣва съ жадностію раскрыла письмо и стала читать. Каждое слово, сопровождаемое унылыми звуками фортепіано, поражало ее изумленіемъ, страхомъ.

Содержаніе письма было слѣдующее:

«Я люблю васъ. Вы это знаете, потому-что сердце мое высказалось въ тотъ единственный, счастливѣйшій въ жизни моей вечеръ, когда рука ваша покоилась въ моей рукѣ, когда я, не будучи узнавъ, всматривался въ ваши ангельскія черты, вслушивался въ вашъ мелодическій голосъ.... Слова мои возмутили вашу ангельскую невинность; вы удалились отъ меня, не выслушавъ моихъ оправданій и, вѣроятно, сохранили тагостное, неприятное воспоминаніе о человѣкѣ, дерзнувшемъ возмутить на мгновеніе ясную, свѣтлую жизнь вашу. Можетъ-быть вы даже вовсе забыли его.... Последняя мысль для меня горестнѣе первой. Ради Бога, дочитайте это первое и последнее письмо до конца; не пугайтесь, вы видите, что я стараюсь удержать порывы сердца, негодующаго на холодныя слова, которыми я прикрываю ощущенія его. Я не хочу, чтобы вы приняли это письмо, какъ пошлое, дерзкое изъясненіе; я умоляю объ одномъ: сохраните обо мнѣ воспоминаніе, и да защититъ это воспоминаніе ваше сердце.... Оно должно принадлежать мнѣ, потому-что я первый оцѣнилъ его; оно должно принадлежать мнѣ какъ владыка принадлежитъ рабу, добровольно покорившемуся и принесшему всю жизнь свою въ даръ этому владыкѣ....

Материальными, свѣтскія препятствія разлучаютъ насъ теперь, но я преодолею ихъ. Это цѣль моей жизни. И когда я достигну этой цѣли, этого блаженства, тогда, только тогда, вы получите отъ меня еще письмо;—оно будетъ предвѣстникомъ моего появленія....

Любить—счастіе и горе; быть любимымъ—чистое блаженство. Последнее вамъ, первое мнѣ.»

Подписи не было.

Письмо вышло изъ рукъ Татьяны Ивановны.

— Анна Федоровна! произнесла она съ изумленіемъ, исполненнымъ болѣе упрека, нежели сожалѣнія.

— Аннета сама отдала мнѣ это письмо, съ материнскою торжественностью и съ живостью возразила Юлія Карловна, угадавъ подозрѣніе старой дѣвы.

— Сама! повторила последняя почти съ завистью, но тотчас же, какъ бы повинувшись другой мысли, прибавила радостно: Стало-быть она не читала?

— Читала, печально отвѣчала мать.

Наступило минутное молчаніе.

Татьяна Ивановна сжала губы и задумалась.

— Вотъ какъ это случилось, сказала хозяйка: мужъ мой, какъ вамъ извѣстно, уезжаетъ съ утра и возвращается только къ обѣду; мнѣ самой нужно было ѣхать сегодня утромъ со двора; Аннета осталась одна дома и въ это время получила.... дерзкое письмо, какъ будто бы безымянный сочинитель его выжидалъ этого случая....

— Гм! произнесла старая дѣва и быстрымъ, косвеннымъ взглядомъ окинула сверху до низу противоположный домъ.

— Такъ какъ Аннета нерѣдко получаетъ записки отъ своихъ пріятельницъ, продолжала Юлія Карловна, то, не подозрѣвая ничего дурнаго, распечатала письмо и....

— Разумѣется не дочитала? сказала Татьяна Ивановна, продолжая изучать этажи противоположнаго дома.

— Увлеченная ли любопытствомъ, изумленіемъ или смущеніемъ, но Аннета дочитала письмо до конца. Она сама призналась мнѣ въ томъ.

— Гм! Вы правду говорите, это непріятное, чрезвычайное непріятное обстоятельство.... Кто занимаетъ тутъ, напротивъ, бельэтажъ?

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ Тучиновъ; онъ занимаетъ и половину нижняго этажа, машинально отвѣчала хозяйка.

— Тучиновъ?.... ага!... Дась, Юлія Карловна, это обстоятельство тѣмъ непріятнѣе, что можетъ имѣть вредное вліяніе на Анну Федоровну....

— Какое вліяніе? съ гордостью спросила курляндская дворянка. Я такъ воспитала свою дочь....

— Кому вы это говорите! Вы, Юлія Карловна, такая мать, какихъ не много.... Это я скажу передъ цѣлымъ свѣтомъ.... Но вы знаете, дѣвичье сердце легко принимаетъ впечатлѣнія, оно мягко какъ воскъ....

— Чѣмъ оно мягче, тѣмъ легче передѣлать его.

— Точно, Юлія Карловна, коли доищешься до него, а то иногда оно такъ глубоко спрятано....

— Отъ постороннихъ, но не отъ матери. Впрочемъ я напрасно спорю, потому-что въ душѣ почти согласна съ вами.... Не можетъ быть, чтобы это несчастное письмо не произвело на нее впечатлѣнія....

— Я тоже думаю; извините, Юлія Карловна.... а въ третьемъ этажѣ кто живетъ?

— По правую сторону вдова полковника, а по лѣвую архитекторъ.

— Семейный?

— Да.

— А у вдовы дѣти есть?

— Двѣ племянницы.

— Гм!... Я замѣтила по глазамъ ея, что Анна Федоровна плакала?

— Она проплакала до моего возвращенія и, рыдая, бросилась мнѣ на шею, когда отдала мнѣ письмо, отвѣчала Юлія Карловна, прослезившись.

— Это не хорошій знакъ, Юлія Карловна, возразила Татьяна Ивановна, покачавъ головой.

— Почему?

— Если бы она отдала вамъ письмо, смѣясь, такъ это было бы гораздо лучше.... А то значить, что слова, просьба.... негодяя, написавшаго это дерзкое письмо, запали въ сердечко ея. Простите мнѣ, Юлія Карловна, что я такъ смѣло излагаю передъ вами свое мнѣніе, но—коли Богъ мнѣ не судилъ жить сердцемъ, за то я много, много жила умомъ.... а умъ рѣже ошибается, нежели сердце.

Татьяна Ивановна вообще не любила говорить о своемъ безбрачномъ состояніи или говорила о немъ съ ядовитой злобой; въ первый, быть-можетъ, разъ, въ жизнь свою приняла она видъ жертвы судьбы вѣроятно потому, что задумала привести въ исполненіе какую-нибудь идею.

— Говорите, говорите, Татьяна Ивановна, сказала жена доктора; я знаю, что вы искренно любите насъ.... притомъ

же умъ хорошъ, а два лучше; а это письмо такъ смутило меня, что я не знаю на что рѣшиться, что предпринять....

— Понимаю, понимаю, Юлія Карловна..... тутъ по неволѣ растеряешься..... Въ четвертомъ этажѣ тоже, кажется, живутъ люди семейные; я вижу у окна кормилицу и дѣтей.....

— Да, отвѣчала жена доктора; потомъ, съ изумленіемъ посмотрѣвъ на Татьяну Ивановну, спросила: Вы не даромъ спрашиваете меня о жильцахъ противоположнаго дома?...

— Конечно, не даромъ, отвѣчала старая дѣва, улыбаясь. Я уже сказала, что готова служить вамъ не только совѣтомъ, но и дѣломъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сочинитель этого письма живетъ по сосѣдству съ вами.....

— Я тоже думаю.

— Прекрасно; постарайтесь же разузнать хорошенько о сосѣдяхъ, а я ручаюсь, что открою между ними виноватаго.

Юлія Карловна задумалась, потомъ покачала головой и спросила печально:

— Къ чему же это поведетъ?

— Какъ, къ чему! съ притворнымъ жаромъ вскричала Татьяна Ивановна: мы изобличимъ его! Федоръ Ивановичъ пойдетъ къ нему, пожуритъ его..... И если онъ заикнется, такъ мы затѣмъ такую исторію, что.....

— Нѣтъ, Татьяна Ивановна, съ живостью возразила Юлія Карловна: этого-то я и не хочу! лучше молча перенести оскорбленіе, нежели пустить это дѣло въ огласку.

— И то правда, отвѣчала старая дѣва, покачавъ головой: и то правда!

— Я не хочу, съ гордостію продолжала курляндская дворянка: чтобы имя моей дочери было замѣшано въ одной изъ исторій, потышающихъ сплетницъ.....

— Справедливо, Юлія Карловна; тѣмъ болѣе, что судьба бѣдныхъ женщинъ такова, что имъ ставятъ въ укоръ оскорбленіе, имъ же причиненное, сказала Татьяна Ивановна съ коварнымъ участіемъ.

— Какъ бы ни была низка любовная интрига, прибави-

за Юльи Карловна съ горечью: свѣтъ всегда почти ставить ее въ честь мужчинъ.

— Точно; и насмѣшки обращаются на бѣдную же женщину.

— О, это низко! вскричала жена доктора, судорожно смявъ записку.

— Никто не повѣритъ, что Анна Федоровна сама отдала вамъ записку.....

Юлія Карловна подняла глаза къ небу.

— Скажутъ, продолжала старая дѣва, что вы перехватили ее.....

— Моя бѣдная Аннета!

— Люди такъ коварны, Юлія Карловна, продолжала Татьяна Ивановна, умственно расположишая ходъ разговора и безжалостно приближавшаяся къ своей цѣли: люди такъ коварны, что, пожалуй, скажутъ еще, что Анна Федоровна сама подала поводъ.....

— Никто не осмѣлится этого сказать! съ негодованіемъ вскричала мать.

— А кто, какой законъ запретить?... Ахъ, Юлія Карловна, плохо вы знаете людей! Признаюсь, я не обдумала дѣла, когда совѣтовала вамъ затѣять исторію. Не дай Богъ! Пустить это дѣло въ огласку, значить вѣсто неспріятности наклонять тысячу бѣдъ! Никто не осмѣлится, говорите вы, сказать, что Анна Федоровна сама напросилась на письмо?..... А кто зажметъ ротъ клеветы? Истина? Да кто спросить ее? Кумушки пустятся въ догадки и такую состряпаютъ исторію, что доброе имя Анны Федоровны навсегда будетъ замарано!.... Извините, Юлія Карловна, но я, по искренней къ вамъ дружбѣ, говорю прямо, безъ обиняковъ. Благодарите Бога, Юлія Карловна, до васъ еще не коснулось ядовитое жало клеветы..... между-тѣмъ какъ я,—продолжала старая дѣва, понизивъ голосъ,—уже много, много пострадала отъ нея. Сожгите это письмо, соберите даже пепелъ, чтобы вѣтеръ не разнесъ его, а не то клевета подхватитъ одну пылинку и изъ нея составитъ цѣлую гору! Клевета не придетъ къ вамъ, не спроситъ васъ: правда ли это?

Мать! Клевета живет догадками, внушаемыми злобой; она боится истины, потому-что истина убивает ее. Клевета, подобно язве растетъ быстро и, по мѣрѣ распространенія, дѣйствіе ея становится ядовитѣе, смертельнѣе!..... Бойтесь клеветы, Юлія Карловна, бойтесь ея!.....

Слова старой дѣвы, произнесенныя рѣзкимъ, шипучимъ голосомъ, сжали сердце бѣдной матери.

— Боже мой! произнесла она со слезами отчаянія: какъ часто легкомысленный, необдуманый поступокъ разстраиваетъ спокойствіе цѣлаго семейства!.....

— Успокойтесь, Юлія Карловна; если вы намѣрены уничтожить это письмо, то клеветы не будетъ поживы.

— Письмо уничтожить не трудно, но какъ уничтожить впечатлѣніе его на сердце Аннеты.

— Это дѣло времени.

— Но если онъ напишетъ другое письмо?

— Правда..... я объ этомъ не подумала.

— Я рѣшительно не знаю что дѣлать!....

Татьяна Ивановна заглянула въ сосѣднюю комнату. Аннеты тамъ уже не было.

— Гдѣ Анна Федоровна? спросила старая дѣва шопотомъ.

— Она, вѣроятно, ушла въ свою комнату.

Татьяна Ивановна придвинула свое кресло къ креслу хозяйки.

— Юлія Карловна, сказала она тихимъ голосомъ: я хотѣла подождать еще годикъ, но такъ какъ къ слову пришлось, то объяснюсь съ вами теперь.

— Что такое? спросила хозяйка, удивленная таинственнымъ видомъ гостыи.

— Который годъ Аннѣ Федоровнѣ? спросила послѣдняя.

— Черезъ два мѣсяца будетъ восемнадцать.

— Счастливые годы!.... Думали ли вы о томъ, Юлія Карловна, что не сегодня, такъ завтра вамъ придется разстаться съ Анной Федоровной?....

— Думала, отвѣчала задумчиво мать: но мнѣ кажется, что это время еще далеко..... Аннета еще ребенокъ, не по лѣтамъ, а по характеру, но понятіямъ.

— Справедливо, Юлія Карловна, но въ ея лѣта понятія быстро развиваются; въ ея лѣта клевета слѣдить за малѣйшимъ движеніемъ ея..... советую вамъ подумать, и подумать серьезно о будущности Анны Федоровны. Чтобы погасить искру, зароненную въ сердце ея этимъ письмомъ, я знаю одно надежное средство, — отдайте Анну Федоровну за мужъ!

И старая дѣва устремила пронизательный взоръ на жену доктора.

Последняя улыбулась.

— Легко сказать, отвѣчала она: но не такъ легко исполнить.

— Отчего? съ живостію возразила Татьяна Ивановна; Анна Федоровна очень хороша собою.

— Да, она не дурна.

— Она прекрасно воспитана, образована.....

— Надѣюсь, что она будетъ добраа хозяйка.

— Она кротка, добра.....

— О! за это я могу поручиться.

— У нея..... будетъ хорощее..... приданое, произнесла старая дѣва, пристально смотря въ глаза хозяйкѣ.

— Лишняго не будетъ, спокойно отвѣчала Юлія Карловна: но въ необходимомъ она не будетъ нуждаться.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Благословите ее, да и подъ вѣнецъ.

— Вы забываете, возразила Юлія Карловна, улыбаясь: что сперва нужно найти жениха.

— Послушайте, Юлія Карловна, сказала старая дѣва шопотомъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ: у меня есть женихъ на примѣть.

Жена доктора съ изумленіемъ посмотрѣла на гостью. Последняя продолжала:

— Я знаю, что матери не очень-то любятъ, чтобы постороннія мѣшались въ ихъ дѣла, а потому никогда не осмѣлилась бы предложить вамъ жениха, если бы я была въ этомъ случаѣ вовсе посторонняя..... Выслушайте меня: вы за большимъ богатствомъ не гонитесь?

— Нѣтъ; но желаю челоуѣка достаточнаго.

— Прекрасно. При достаткѣ не худо имѣть порядочный, хоть и не большой чинъ..... такъ? Вамъ нуженъ не вертопрахъ какой-нибудь, а челоуѣкъ солидный, доброй нравственности, честныхъ правилъ; не мальчишка и не старикъ, а мужчина въ самыхъ прекрасныхъ лѣтахъ, отъ тридцати до тридцати пяти; красота въ мужчинѣ постороннее дѣло, лишь бы не было никакихъ тѣлесныхъ пороковъ..... Обстоятельства, въ которыхъ вы находитесь, такого рода, что надобно поспѣшить свадьбой, а между-тѣмъ вамъ необходимо нужно короче разузнать будущаго мужа вашей дочери; жениха же, мною предлагаемаго, вы давно знаете, вы удостоиваете его вашей дружбой.....

Юлія Карловна пристально посмотрѣла на Татьяну Ивановну; она почти угадала имя жениха, но ждала подтвержденія. Наконецъ, видя, что старая дѣва молчитъ, она отвѣчала:

— Признаюсь, Татьяна Ивановна, что я, какъ мать, не могу желать Аннетъ лучшаго жениха; но хоть я и намѣрена направить выборъ своей дочери, однако жъ принуждать ее не буду.

— Я въ этомъ никогда и не сомнѣвалась; но, чтобы направить выборъ, надобно пользоваться временемъ; не надобно дать сердцу Анны Федоровны время сдѣлать этотъ выборъ безъ вѣдома матери.....

— Но вы не сказали мнѣ имени вами предлагаемаго жениха?

— Неужели вы не угадали?

— Можетъ-быть догадываюсь, но не угадала.

— Его зовутъ.....

Старая дѣва не договорила, въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги Федора Ивановича; Татьяна Ивановна скоро схватила со стола письмо и подала его хозяйкѣ, но та не замѣтила этого движенія, и Татьяна Ивановна поспѣшно спрятала письмо въ свой ридикюль.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ съ докторомъ, старая

дѣва встала, съ особенною нѣжностію поцѣловала Юлію Карловну въ обѣ щеки и простилась.

Хозяйка проводила гостью; послѣдняя пожала ей руки, еще разъ поцѣловала ее и шепнула:

— Подумайте хорошенько о нашемъ разговорѣ; а я скажу вамъ еще по секрету, что женихъ, мною предлагаемый, безъ ума отъ Анны Федоровны!.... Вы знаете, братья обыкновенно повѣряютъ сестрамъ свои сердечныя тайны.....

И, вызвавъ на лицо самую нѣжную и пріятную улыбку, Татьяна Ивановна въ третій разъ и крѣпче прежняго поцѣловала хозяйку и удалилась.

— Сладила дѣльцо! шептала она съ торжествомъ, сходя съ лестницы.

Юлія Карловна задумчиво вернулась въ гостиную.

Докторъ нетерпливо барабанилъ пальцами по ручкѣ кресла. Было четверть перваго, а онъ обыкновенно завтракалъ ровно въ полдень.....

ГЛАВА VI.

Потеря и находка.

Татьяна Ивановна побывала еще въ двухъ, трехъ мѣстахъ и, въ исходѣ третьяго часа, поспѣшно возвращалась домой.

Въ то самое время, когда она переходила черезъ улицу въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гороховая пересѣкаетъ Большую-Мѣщанскую, изъ трактира, находящагося на углу этихъ двухъ улицъ, вышелъ Лихаревъ.

Шинель его была на распашку; шляпа надѣта на бекрень; лицо его было красно и сіяло самодовольствіемъ человека, плотно пообедавашаго. Выйдя на троттуаръ, Борисъ Астафьевичъ сталъ осмариваться на обѣ стороны, какъ бы не зная куда идти и гдѣ убить время.

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна, совершенно углубившись въ размышленія о началѣ сватовствъ, не замѣтила,

что съ одного конца улицы на нее набѣжала тяжелый возокъ, а съ другой сани.

Громкое: *пади!* извозчика въ саняхъ заставило ее очнуться.

Она вздрогнула и отскочила назадъ.

— *Брегись!* закричалъ кучеръ возка, и въ то же мгновение старая дѣва услышала почти надъ собою храпѣніе лошадей.

Она растерялась, вскрикнула и бросилась назадъ къ троттуару, но въ поспѣшности и со страху уронила ридикюль. Тяжело ударился патриархальный мѣшокъ объ землю; платокъ, связка ключей и нѣсколько мѣдныхъ денегъ выпали изъ него, на потѣху прохожимъ и извозчикамъ, толпившимся у колоды.

Все это совершилось въ одно мгновение, такъ что Лихаревъ, узнавшій Татьяну Ивановну, подоспѣлъ къ ней только въ то время, когда она добѣжала уже до троттуара.

— Не испугались ли вы, сударыня? спросилъ онъ, приподнявъ шляпу.

— Ахъ, Боже мой! мой ридикюль! вскричала старая дѣва.

Лихаревъ поспѣшно поднялъ мѣшокъ, платокъ, ключи, подобралъ деньги, не обращая ни малѣйшаго вниманія на смѣхъ и шуточки окружавшихъ, и вернулся къ старой дѣвѣ.

Онъ прикидывался въ нее влюбленнымъ, обѣщалъ на ней жениться, выманивалъ у нея деньги взаимны безъ росписокъ и все говорилъ, что обстоятельства не позволяютъ еще ему сдѣлать ей предложеніе. Все это онъ просилъ ее хранить въ глубокой тайнѣ отъ отца ея и брата.

— Покорно благодарю, Борисъ Астафьевичъ, отвѣчала послѣдняя, когда онъ подалъ ей съ поклономъ ея ридикюль.

— Помилуйте, нѣ за что-съ, съ ужимками возразилъ Лихаревъ, потомъ прибавилъ тихимъ голосомъ: позвольте мнѣ нѣжить счастье проводить васъ.

— Нѣтъ, уйдите, отвѣчала Татьяна Ивановна, скоро осмотрѣвшись, неравно встрѣтятся знакомые....

— Но канавъ народу мало....

Зная настойчивость Лихарева и не желая напрасно терять времени, Татьяна Ивановна скоро поворотила къ канавѣ и пошла по троттуару, вдоль домовъ. Тамъ было еще меньше народу, нежели близъ периль.

Лихаревъ, какъ я уже сказалъ, плотно пообедалъ, а потому былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и разсыпался въ нѣжностяхъ. Татьяна Ивановна слушала его разсыпано и, по временамъ, осматривалась съ безпокойствомъ. Наконецъ, не доходя Демидовскаго переулка, она такъ убедительно стала просить Бориса Астафьевича оставить ее, что онъ согласился, назначивъ однако жъ свиданіе въ тотъ же вечеръ. Чтобы избавиться отъ него, Татьяна Ивановна дала слово, и они разстались.

Старая дѣва пошла дальше, по направленію къ Средней-Мещанской, а Лихаревъ вернулся назадъ.

Возлѣ Каменнаго моста стоялъ столъ пирожника; хозяинъ сидѣлъ на тумбѣ и разбиралъ по складамъ какое-то письмо.

— Како, онъ—ко; глаголь, добро, азъ—гда; когда.... рцы, у—ру; како, азъ—ка; рука.... въди, азъ—ва; ша, азъ—ша; ваща.... покой, онъ—по; како, онъ—ко; иже, люди, азъ—ила; слово, ерь—сь....

Последнее слово было такъ длинно, что соединеніе слоговъ его нѣсколько затруднило пирожника; въ то самое время, какъ онъ сталъ повторять склады, мимо него прошелъ Борисъ Астафьевичъ.

Пирожникъ машинально поднялъ глаза и, узнавъ Лихарева, поспѣшно сложилъ письмо.

— Баринъ, сказалъ онъ,—это письмо тоже вывалилось изъ нѣшка барыни, да вы не замѣтили. Извольте получить.

Лихаревъ небрежно взялъ письмо изъ рукъ пирожника, кивнулъ ему головою и пошелъ далье. Машинально прочиталъ онъ нѣсколько словъ, и на лицѣ его выразилось изумленіе; потомъ онъ засмѣялся, поспѣшно развернулъ письмо и сталъ читать со вниманіемъ.

День былъ довольно теплый; обильные пріемы травничка

и березовки согрѣвали внутренность Бориса Астафьевича, и онъ шелъ, пустивъ шинель на распашку.

По мървѣ того, какъ онъ читалъ, изумленіе его увеличилось; наконецъ онъ не вытерпѣвъ, перевернулъ письмо, осмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, но—адреса не было; оно, по-видимому, было вложено въ конвертъ.

— Это не къ ней!... Не можетъ быть! произнесъ про-себя Лихаревъ: «ангельскія черты»—хороши должны быть ангелы, если похожи на нее!... «мелодическій голосъ»... какъ же-съ! Филармоническое общество!... «ангельскую невинность»... Нетъ, это не къ ней!

Онъ продолжалъ читать.

— Ни адреса! ни подписи! сказалъ онъ, дочитавъ и осмотрѣвъ еще разъ письмо со всѣхъ сторонъ. Экая сантиментальная гемеопатія! проворчалъ онъ, складывая письмо; но, можетъ-быть, это письмо выпало и не изъ ридикюля Татьянчки? Все равно, я сберегу его, авось понадобится когда-нибудь написать амурное объясненіе.... Штуки! понимаю теперь.... Татьяна Ивановна подцѣпила гдѣ-нибудь это письмецо какъ документъ... Аттанде-съ! Судьба состроила другой маневръ.... Можетъ-быть моя кралячка хотѣла маленько пожуровать на счетъ репутаціи какой-нибудь бѣдной дѣвушки....

При послѣдней мысли лицо Лихарева приняло серьезное, почти грустное выраженіе.... Богъ знаетъ, куда занесли его мысли.... Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ въ задумчивости, потомъ тряхнулъ головою и, ускоривъ шаги, сталъ напѣвать про-себя:

Не достанься же, моя пташечка,
Ни мнѣ, никому, ни злодѣю моему....

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна дошла до дому; первую заботою ея было припрятать письмо.... Безъ намѣренія спрятала она его въ свой ридикюль, но потомъ тайнзя, коварная мысль заставила ее оставить это письмо у себя....

— Авось пригодится! подумала она.

Велика была досада ея, когда она заметила, что письмо пропало; тщетно выбирала она по одиночке все вещи изъ мѣшка, тщетно отражала платокъ—письма не было.

— Какая досада! проворчала она, мысленно изчисляя всевозможныя выгоды, которыхъ она лишалась съ потерей этого письма.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей сошла она внизъ къ отцу; но, по мѣрѣ приближенія къ комнатѣ послѣдняго, лицо ея прояснилось; все злобное, коварное стиралось.... и, когда Татьяна Ивановна вошла въ комнату старика, сухое выраженіе лица ея уступило мѣсто нѣжной заботливости.

Иванъ Прохоровичъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Изъ-подъ лобья и съ аголистическимъ неудовольствіемъ посмотрѣлъ онъ на дочь.

Она подошла къ нему, поцѣловала костлявую, морщинастую руку и поправила шерстяной колпакъ на головѣ его.

— Здравствуйте, тятенька, сказала она, смотря въ глаза старику.

— Гуляйте.... веселитесь.... вообразить онъ своимъ дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ: бросайте старика.... ладно.... ладно....

— Тятенька, я ходила по дѣламъ....

— Первое дѣло.... дочери.... пещись о родителяхъ....

— Не сердитесь, тятенька; посмотрите, что я вамъ принесла....

И какъ бы утѣшая ребенка, Татьяна Ивановна подала старику десятокъ пятачковъ, которые она собирала.... и копила для него.

Видъ мелкой монеты внезапно разсѣялъ неудовольствіе Ивана Прохоровича. Устрашительная улыбка умножила морщины на лицѣ его, и, протянувъ дрожащую руку къ пятачкамъ, онъ спросилъ:

— Это.... это.... это.... кому?

— Вамъ, тятенька.

Старикъ хрипло засмѣялся и съ жадностію схватилъ деньги; съ судорожною силою сжалъ онъ ихъ въ кулакъ, а другою рукою по гладилъ по головѣ дочь.

— Танюша моя.... дитятко.... все тебя.... все!... *слу*
ничего!

Старая дѣва заботливо поправила халатъ отца, пододела мула подъ-ноги его скамеечку и сѣла къ окну, возлѣ котораго стоялъ рабочій столикъ.

Старикъ же принялся считать и пересчитывать пятачки.

ГЛАВА VII.

Трудъ и отдыхъ.

Захаръ Ивановичъ вернулся изъ должности угрюмый, сердитый.

Директоръ *распекъ* его за какое-то маловажное упущеніе, и выговоръ начальника имѣлъ на Опухтина тѣмъ непріятнѣйшее дѣйствіе, что онъ крѣпко дорожилъ репутаціею безпорочнаго чиновника и точнаго исполнителя высшихъ приказаній. До-сихъ-поръ дурное расположеніе духа директора ограничивалось кабинетными замѣчаніями, но сегодня оно разразилось формальнымъ выговоромъ *при встѣхъ*.

Захаръ Ивановичъ былъ глубоко оскорбленъ, но молча и безъ малѣйшаго возраженія, не совмѣстнаго съ его попятіями о служебной дисциплинѣ, проглотилъ обиду.

Только когда директоръ ушелъ, онъ позволилъ себѣ обратиться къ своему помощнику и сказалъ ему тихимъ голосомъ:

— Вотъ, Василій Петровичъ, какъ мнѣ *изъ-за васъ* до-
стало!...

Этимъ ограничилась жалоба оскорбленной души Захара Ивановича.

Выходя изъ должности въ узаконенный часъ, Захаръ Ивановичъ вовсе неожиданно наткнулся на директора, за-

говорившагося съ однимъ изъ начальниковъ отдѣленій, въ парадныхъ сѣняхъ.

Одна бѣда влечетъ за собою другую и даже, часто, много другихъ. Захарь Ивановичъ воображалъ, что директоръ уже за горами, а потому счелъ позволительнымъ выйти изъ должности. Глубоко почувствовать все неприличіе своего преждевременнаго выхода, Опухтинъ хотѣлъ-было вернуться и обождать на верху, когда его превосходительство уѣдетъ, но Тучиновъ уже замѣтилъ его,—и отступленіе могло показаться школьной продѣлкой, нимало не согласовавшеюся ни съ характеромъ, ни съ почетнымъ званіемъ Захара Ивановича.

Надобно было идти впередъ.

Придавъ спинѣ надлежащую покатость, лицу приличное выраженіе, Опухтинъ направилъ робкіе шаги къ швейцарской, гдѣ хранилась шуба его.

Сосредоточивъ все свое почтительное вниманіе на особу начальника и готовясь отвѣсить мимоходомъ низкій поклонъ, Захарь Ивановичъ забылъ о существованіи коврика, о который самъ же каждый день усердно и тщательно отиралъ сапоги, для того, чтобы *не внести сора въ избу*; правая нога его, почтительно скользившая по плитяному полу, задѣла за край коврика; Захарь Ивановичъ споткнулся и со всего размаха палетъ на его превосходительство.

— Что вы, что вы, Захарь Ивановичъ! вскричалъ Тучиновъ, довольно презрительно улыбнувшись.

— Виновать, ваше превосходительство.... нечаянно.... не замѣтилъ.... несчастный случай....

Опухтину было очень жалько, что онъ не ударился лбомъ объ полъ или объ уголь; тогда, можетъ-быть, директоръ пожалѣлъ бы о немъ.

Онъ рассуждалъ довольно вѣрно: упасть и убитъ до смерти или, по крайней мѣрѣ, до-крови, называется — *несчастнымъ случаемъ*; споткнуться или упасть безъ вреда называется — *человкостью*.

Пока Захарь Ивановичъ рассыпался въ несвязныхъ извѣ-

неніяхъ, Тучниовъ небрежно бросилъ ему слѣдующія слова:

— Тише ѣдешь, дальше будешь, Захаръ Ивановичъ! и, отвернувшись, продолжалъ разговаривать съ начальникомъ отдѣленія, не отвѣчая даже на поклонъ Опухтина.

Послѣдній робко пробрался въ швейцарскую и просидѣлъ въ ней до тѣхъ поръ, пока карета директора не отъѣхала отъ крыльца.

Захаръ Ивановичъ вышелъ на улицу съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ, повторяя про-себя пословицу: Тише ѣдешь, дальше будешь! точно такъ, какъ меломанъ, по выходѣ изъ оперы, невольно повторяетъ мелодію, наиболѣе понравившуюся ему.

— Его превосходительство извоили пошутить, думалъ Захаръ Ивановичъ: а я ужъ думалъ, что будетъ новое распеканье.... Тише ѣдешь, дальше будешь!... Камень съ души свалился.... Тише ѣдешь.... ай, батюшки!

Послѣднія два слова Захаръ Ивановичъ произнесъ почти вслухъ; лицо его вытянулось, улыбка исчезла....

Новая, горестная мысль блеснула въ умъ бѣднаго Опухтина.

— Тише ѣдешь, дальше будешь, повторилъ онъ про-себя,—да это не шутка! Это намекъ.... это новый выговоръ. Зачѣмъ-деस्कать бѣжешь такъ скоро изъ должности? Нѣчто не видишь, что карета у подъѣзда? А чьи лошади у кареты? Чей кучеръ на козлахъ?... Вотъ тебѣ и тише ѣдешь!... А я поспѣшилъ, да людей насмѣшилъ!... Господи, Господи!...

Вотъ почему Захаръ Ивановичъ вернулся домой угрюмый, сердитый.

Молча отобѣдалъ онъ съ сестрицей. Татьяна Ивановна хотѣла-было уже за обѣдомъ заговорить о затѣваемомъ ею дѣльцѣ, но, замѣтивъ, что братецъ не въ духъ, удержалась.

Послѣ обѣда Захаръ Ивановичъ сошелъ въ свой кабинетъ и принялся за чтеніе газетныхъ объявленій.

Татьяна Ивановна вернулась къ дряхлому старику, поиграла съ нимъ въ шашки, наполнила его чаемъ и въ семь часовъ уложила спать.

Старая дѣва никогда не жаловалась на однообразную, тягостную жизнь, которую вела; мелочными, но постоянными, безконечными помеченіями объ отцѣ даже не утомляли ее; привыкшая къ одру полуживаго старика, впаиваго въ дѣтство, прихотливаго, раздражительнаго и упримаго, она исполняла свои дочернія обязанности съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и, менѣе по чувству строгаго, холоднаго долга, нежели по чувству голоса сердца....

И, быть-можетъ, въ ту самую минуту, когда нѣжное, сердечное чувство заставляло ее покориться эгоистической прикоти старика, быть-можетъ въ ту самую минуту умъ ея замышлялъ что-либо злобное, коварное противу ближняго....

Странная противоположность, встречаемая ежедневно.

Уложивъ отца спать, Татьяна Ивановна посидѣла еще нѣсколько минутъ у кровати его; потомъ, когда старикъ заснулъ, она осторожно встала, заслонила хорошенько ночникъ и тихо-тихо вошла въ комнату брата.

Наступила глубокая тишина, прерываемая только тяжелымъ дыханіемъ старика да трескомъ свѣтильни въ ночникѣ.

Долго думалась эта тишина.

На верху стѣнные часы пробили восемь ударовъ.

Съ послѣднимъ ударомъ старикъ глубоко вздохнулъ и перевернулся.

Лежа на спинѣ, онъ открылъ свои тусклые, полуугасшіе глаза и неподвижно устремилъ ихъ въ потолокъ. Потомъ губы его зашевелились; онъ, казалось, говорилъ, но ни малѣйшій звукъ не прерывалъ тишины.

Болѣе четверти часа пролежалъ онъ въ этомъ положеніи; потомъ тихо приподнялся и осмотрѣлся.

Ночникъ горѣлъ тускло; по временамъ пламя его вспыхивало, и тогда длинныя тѣни, ложившіяся отъ всѣхъ пред-

петовъ, по стѣнамъ, шевелились подобно привидѣніямъ, то растлгивались, то сокращаясь.

Нѣсколько мгновеній слѣдилъ Иванъ Прохоровичъ за движеніемъ тѣней, потомъ сталъ прислушиваться.

Въ комнатѣ Захара Ивановича слышался тихій говоръ; но онъ не достигалъ до слуха старика.

Бросивъ послѣдній взглядъ на окно, сквозь которое про-свѣчивалась синеватая полутьма отъ сарая, по краямъ кото-раго пробѣгала серебристый лунной свѣтъ, Иванъ Прохо-ровичъ медленно спустилъ ноги на полъ.

Легкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу его, но онъ не возвращался подъ одеяло, а напротивъ продолжалъ спускаться на полъ.

Опустившись на колыки, онъ выпился дрожащими, ко-стлявыми пальцами въ край постели и еще разъ осмотрѣлся. Съ особенною боязнію взоръ его остановился на окнѣ, къ которому Татьяна Ивановна, по экономическому расчету, не сочла за нужное повѣсить шторы, такъ какъ оно выходило на задворокъ, куда никто не заходилъ.

Кровать Ивана Прохоровича примыкала изголовьемъ къ печкѣ; со стороны кровати, въ уровень съ поломъ, были въ поколъ печи двѣ продушины.

Къ одной изъ послѣднихъ протянулъ старикъ руку. Не-выразимая боязнь была написана на лицѣ его; рука его такъ сильно дрожала, что онъ долго не могъ попасть въ от-верстіе продушины.... Наконецъ онъ коснулся холодного изразца и такъ поспѣшно отдернулъ руку, какъ будто бы обжегся....

Тихо обернулъ онъ тряскую голову къ образу, висѣв-шему у изголовья кровати, и устремивъ на него жалобный, умоляющій взоръ, сотворилъ крестное знаменіе.

Потомъ наклонился подъ кровать и вперилъ глаза въ про-душину, какъ бы желая проникнуть во внутренность ея.... Опершись локтемъ лѣвой руки въ полъ, сталъ онъ протяги-вать правую къ продушинѣ; почти до локтя исчезла рука въ черномъ отверстіи и вдругъ остановилась, какъ бы ко-снувшись до чего-то....

Иванъ Прохоровичъ вздрогнулъ... Голова его тихо опустилась, и на лицѣ появилась улыбка мертвеца, подверженнаго дѣйствию гальванизма....

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна съ жаромъ разговаривала съ братомъ.

Захаръ Ивановичъ, прочитавъ газету до послѣдней строки, вздремнулъ. Проспавъ часа полтора, онъ проснулся. Было семь часовъ. Стало быть оставалось три часа до времени, въ которое можно было упокоиться надлежащимъ образомъ.

Куда дѣвать эти три часа....

Вотъ вопросъ, который ежедневно задають себѣ въ Петербургѣ нѣсколько тысячъ людей.

Отъ девяти до трехъ или четырехъ часовъ—трудъ; отъ четырехъ по полудни до девяти утра—отдыхъ. Такимъ милостивымъ распределеніемъ времени *человѣкъ трудящійся* себя очевидно не обижаетъ.

Но—увъ! двѣ трети, по-крайней-мѣрѣ, этихъ трудящихся не знаютъ какъ *убить* половину времени, предоставленнаго отдыху, не по недостатку въ средствахъ, а—по многимъ другимъ причинамъ.

Средства есть: общества, клубы, преферансы, бильярды, театры....

Но все это сопряжено съ расходами, превышающими часто приходъ трудящихся....

Театры,—роскошь, которую можно позволить себѣ пять, шесть разъ, не болѣе, въ году, если не посчастливится подружиться съ фигурантомъ или свести знакомство съ капельдинеромъ.

Карты,—прекрасное средство, которому всею душою предается половина отдыхающихъ *тружениковъ*, но оно такъ завлекательно, что другая половина, болѣе безпорочная, боится не только прослыть, но даже сдѣлаться по страсти картежникомъ.

Бильярдъ,—нужно предварительное образованіе, которое обходится болѣею частію дороже университетскаго курса.

Общества,—обществъ или, пожалуй, вечеринокъ, вече-

ровъ *иззванныхъ* у насъ почти нѣтъ; а чѣмъ ограничиваются *званыя*?... Танцами, иногда; картами—всегда. *Бесѣду*, оживленную, веселую, разнообразную и, даже, поучительную можно встрѣтить въ Петербургѣ только въ некоторыхъ избранныхъ домахъ. Счастливъ тотъ, кто попадетъ въ одно изъ этихъ немногихъ обществъ.

Повторяю, куда же дѣвать время, предоставленное отдыху?

Читать,—*глаза испортишь*; почитать можно, особенно коли интересная книжка попадется, но коли все читать да читать, такъ и надоѣсть.

Спать,—хорошее дѣло, даже весьма нравственное дѣло: кто спитъ, тотъ не грѣшитъ; да бока отлежишь.

Гулять,—тоже весьма пріятное дѣло; да сапоги денежекъ стѣять, калоши тожь.

Списывать стишки,—на это нужна поэтическая потребность сердца. Притомъ же писать, прописавъ цѣлый день,—монотонно.

Что же, наконецъ, дѣвать?

Есть еще одно средство не убить, а оживить время, удвоить, утроить каждую минуту....

Это средство называется *трудою*.

Предлагать для отдыха трудъ, довольно странно, но, вотъ въ чемъ дѣло:

Если бы человекъ обладалъ познаніемъ добра и зла, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, то человечество было бы совершенно во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ.

Всѣ способности человека суть дары Провидѣнія.

Предполагать неравенство способностей значить сомнѣваться въ справедливости Провидѣнія, значить допустить безумную идею невозможнаго пристрастія.

Не *неравенство*, а *разнообразіе* существуетъ между способностями.

Между ними такое же сходство, какъ между величественнымъ дубомъ и полевымъ цвѣтомъ,—сходство *совершенства*.

Дубъ, будучи срубленъ и употребленъ, какъ строевой

материаль, терять свое первобытное величіе; сила и польза остались за нимъ, но и та, и другая условны, не самостоятельны.

Полевой цвѣтокъ, влетенный въ волосы молодой дѣвушки, все еще граціозенъ, прелестенъ, но бытіе его сократилось; отлученный отъ того мѣста, на которомъ судила ему быть природа, онъ уже не соответствуетъ таинственному закону ея, по которому малѣйшая былинка въ мірѣ имѣетъ свою цѣль, свое назначеніе....

Лишите дугъ всѣхъ цвѣтовъ, и видъ его будетъ уныль, однообразенъ, неграціозенъ; за то тѣмъ очаровательнѣе будетъ видъ одного цвѣтка, случайно поднявшагося между двумя травками.

Вырубите лѣсъ, и отсутствіе его будетъ имѣть ощутительное вліяніе на окружающую почву и даже на климатъ. И, чѣмъ значительнѣе была польза, которую человекъ извлекалъ изъ этого лѣса, тѣмъ сильнѣе и нужда, рождающаяся за отсутствіемъ его, и тѣмъ заботливѣе бережетъ человекъ единственное дерево, случайно уцѣлѣвшее.

Таково, быть-можетъ, происхожденіе тѣхъ громаднѣхъ, необъемлемѣхъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, деревьевъ, одиноко высіявшихся посреди пустынной равнины и широко разстилающихся свои вѣтвями.... И усталый путникъ съ наслажденіемъ отдыхаетъ подъ его тѣнію, и любопытные, стекаясь со всѣхъ сторонъ, удивляются величію и силѣ его...

А между тѣмъ чѣмъ отличило Провидѣніе это дерево? Ничѣмъ.

Только человекъ, пощадивъ его, далъ ему возможность достигнуть совершеннаго развитія и остаться тѣмъ, чѣмъ судила ему быть природа.

Но *приличія свѣта* заглушили въ человекѣ изъ которыхъ образомъ естественныя наклонности и побужденія.

Никому не прашло еще въ голову собрать и написать ихъ. Собраніе ихъ возбудило бы паническій ужасъ или гомеорическій смѣхъ въ самыхъ усерднѣхъ служителяхъ этихъ *приличій*.

Не смотря на то, каждый возмущается имъ, почти каждый подчиняется имъ своей естественной, законной произволъ, заглушаетъ свои наклонности, покоряясь требованіямъ этихъ прищипъ и — природное разноееіа нарушается.

Отличный скотоводъ становится жалкимъ философомъ.

Прекрасный философъ—мелкимъ плутомъ-торгашомъ.

Дятельный, хитрый торгашъ—безтолковымъ издателемъ журнала.

Умный издатель журнала—безпечнымъ корректоромъ.

Зоркій корректоръ—рецензентомъ съ нелпыми направленіями.

Добросовѣстный рецензентъ—плохимъ сапожникомъ.

Сапожникъ—портнымъ.

Портной—булочникомъ....

И такъ далѣе.

Пусть каждый, въ минуту отдохновенія, справится со своими наклонностями, испытаетъ свои способности и—время отдыха не будетъ ему въ тягость; праздность не увлечетъ его въ грязный омутъ порока, который не есть еще преступленіе, но отъ котораго до послѣдняго — колпака...

Пусть каждый найдетъ въ себѣ особенное расположеніе къ какому-либо занятію, и тогда этотъ новый, добровольный трудъ будетъ не только пріятнѣйшимъ отдохновеніемъ, но легкимъ средствомъ къ умноженію благосостоянія; тогда труженикъ настоящимъ образомъ оценитъ и съ радостію проведетъ день воскресный, день всемірнаго отдохновенія отъ труда вольнаго и невольнаго....

Средство это такъ просто, что выгоды и удовольствія его очевидны; оно такъ естественно, что представилось уже въ котормъ пріямомъ, здоровомъ умѣ.

Есть чиновники, проводящіе все свободное отъ службы время въ сухихъ компіляціяхъ или утомительныхъ изчисленіяхъ, которыя служатъ иногда драгоценными матеріалами людямъ спеціальнымъ.

Есть чиновники, которые, запершись въ своей скромной квартиркѣ, проводятъ цѣлыя часы съ гитарой или чеканомъ въ рукахъ.

Есть чиновники, которые зачитываются за полночь; объ них товарищи говорятъ, что они читаютъ въ журналахъ *все*, то есть не одну легкую словесность; эти люди пользуются репутацией людей *начитанныхъ* и къ нимъ прибѣгаютъ товарищи, для разрѣшенія какого-либо ученаго или литературнаго спора.

Кому не извѣстно, что есть чиновники —

Занимающіеся изготовленіемъ конвертовъ,

Раскрывающіе картинки для дѣтскихъ книжекъ и кандидеровъ,

Гравирующіе на деревъ, камнѣ и мѣди,

Переплетающіе книги,

Дѣлающіе игрушки,

Папирсы,

Продающіе чинѣныя перья?...

Я самъ зналъ нѣкогда чиновника, который мастерски тачалъ дамскую обувь.

Не правда ли, какъ это забавно? Чиновникъ — башмачникъ!

Не лучше ли заснижаться до полуночи въ трактирахъ, шлифовать мостовыя, придумывать разныя хитрости. Не лучше ли, для покрытія расходовъ на буйныя удовольствія, въ которыхъ тупѣетъ умъ и черствѣетъ сердце, не лучше ли прибѣгать къ уловкамъ, продѣлкамъ, не совсѣмъ благовиднымъ? Не лучше ли жаловаться на недостаточность содержанія, вмѣсто того, чтобы употребить свободное время на какое-нибудь честное занятіе и, пожалуй, хоть *ремесло*?

Многіе, къ сожалѣнію, скажутъ, что *лучше*, потому-что взяться за ремесло чловѣку служащему —

Стыдно!...

Вѣчно тѣ же превратныя, искаженныя понятія о добрѣ и злѣ.

Душевно желаю, чтобы эти немногія, не пышныя, но искреннія слова, сказанныя въ защиту нѣкоторыхъ честныхъ труженниковъ, робкихъ и кроткихъ по наружности, но исполненныхъ истинной энергіи въ глубинѣ души; чтобы эти слова проникли въ одно изъ тѣхъ скромныхъ убѣжищъ, гдѣ бѣднякъ, скрываетъ занятіе, съ помощію котораго онъ содержитъ честнымъ, благороднымъ образомъ престарѣлую мать, сестеръ, жену или дѣтей...

Я знаю одно изъ подобныхъ убѣжищъ. Конечно, острый юмористъ найдетъ въ немъ много смѣшнаго, каррикатурнаго, но чтобы описать это смѣшное нужно перо Диккенса и, особенно, *сердце* его...

Юморъ англійскаго романиста вызываетъ смѣхъ и слезы; онъ трогаетъ сердце и заставляетъ любить ближняго, не смотря на каррикатурную оболочку его.

Наши юмористы-натуралисты снимаютъ только шероховатую скорлупу съ орѣха; и герои—ихъ существа смѣшныя, невозможныя...

.

ГЛАВА VIII.

Ассигнаціи и пятачки.

Захаръ Ивановичъ придумалъ, какъ убить время. Онъ рѣшился идти къ одному изъ своихъ сослуживцевъ, жившихъ по близости, въ той надеждѣ, что авось составитъ преферансикъ.

Онъ сталъ уже одѣваться, когда Татьяна Ивановна принесла ему чай.

— Оставайтесь, братецъ, дома, сказала она ему: мнѣ нужно переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.

Захаръ Ивановичъ, которому было все равно какъ бы ни убить время, повиновадся и облеяся опять въ халатъ. Уложивъ отца спать, старая дѣва вошла въ комнату брата.

Послѣ довольно продолжительнаго введенія, она, наконецъ, сообщила Захару Ивановичу наизвѣстнѣе женить его на хорошенякой дочери доктора.

Опухтину сначала представлялось, что сестрица подшучиваетъ надъ нимъ, угадавъ, по своей тонкой пропитательности, тайное, скрытое расположеніе его къ Аннетъ; но, убѣдившись, что сестрица говорила очень серьезно, и узнавъ, что она даже приступила уже къ дѣлу, Захаръ Ивановичъ, съ невольнымъ движеніемъ признательности, схватилъ со стола бумажникъ, досталъ изъ него десятирублевую депозитку и втиснулъ ее въ руку Татьяны Ивановны.

— Вотъ вамъ, сестрица, на новое платье! Закажите съ фалбалами, фестонами и всеми штуками! Я еще приплачѹ, коли этого не хватить!... Вы, то есть, сестрица, херувимчикъ!... Ну-те, ну-те, расскажите-ма хорошеняко, что Юлія Карловна вамъ сказала?... Да сядте на кресло, душечка, вамъ покойнѣе будетъ, а я стулъ возьму... Ну-те, ну-те!

Старая дѣва стала рассказывать; Захаръ Ивановичъ не пропускалъ ни одного слова и по временамъ, съ выраженіемъ сильнаго удовольствія, потиралъ руки и хлопалъ себя по коленнымъ.

Разговоръ длился долго.

Татьяна Ивановна сообщила братцу весь свой планъ, дала ему подробныя наставленія какъ вести себя съ докторомъ, его женою и Аннетою; Захаръ Ивановичъ слушалъ внимательно...

Оба были такъ заняты интереснымъ разговоромъ, что не замѣтили легкаго движенія, послышавшагося въ сосѣдней комнатѣ.

Иванъ Прохоровичъ простоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, какъ бы подавленный тяжестью чрезмѣрнаго, чувственнаго наслажденія, превышавшаго силы его; потомъ сталъ медленно и съ усиленіемъ вынимать руку изъ продушвы.

Раздался глухой, неясный звук металла; и старик снова вздрогнул и опять стал осматриваться.

Осторожно вытащил онъ, наконецъ, грязный, запыленный мѣшокъ; еще разъ погрузилась рука его въ черное отверстие и вернулась оттуда съ довольно объемистой пачкой, обернутой ситцевымъ лоскуткомъ.

Руки старика почти не дрожали и въ глазахъ его былъ необыкновенный блескъ, когда онъ сталъ развязывать пачку и когда, наконецъ, жадному, нетерпеливому взору его представилась куча плотно-сложенныхъ ассигнацій... Иванъ Прохоровичъ взялся ихъ за руки и сталъ считать; но не дойдя до десятка, перевернулъ пачку и сталъ считать съ другого конца...

Онъ сбился со счету, и только, какъ бы утѣшая себя, произносилъ шепотомъ:

— Вся тутъ... все на лицо... все... — и пальцы его продолжали машинально перебирать ассигнаціи.

Иванъ Прохоровичъ и сынъ его одинаково любили деньги; но послѣдняго увлекъ прогрессъ; старикъ придерживался того стариннаго правила, что для умноженія состоянія должно копить и копить; средство вѣрное, но медленное. Захаръ Ивановичъ же, напротивъ, твердилъ себѣ, что залежалая копейка остается копейкой; между-тѣмъ какъ, будучи пушчена въ оборотъ, она легко превращается въ рубли; средство быстрое, но невѣрное.

Насмотрѣвшись на ассигнаціи, нащупавшись, Иванъ Прохоровичъ сталъ завязывать пачку; нѣсколько разъ развязывалъ онъ ее, чтобы бросить еще послѣдній взглядъ на свое сокровище; вотомъ трижды перекрестилъ пачку и, съ выраженіемъ сожалѣнія на лицѣ, оустилъ ее обратно въ прудушину.

Послѣ высокаго наслажденія, оставалось еще мелкое развлеченіе, прихоть; старикъ сталъ медленно развязывать мѣшокъ... холодъ пола, на которомъ все еще сидѣлъ Иванъ Прохоровичъ раздражалъ грудь его; чтобы заглушить кашель, онъ скрылъ лицо въ перинѣ; судорожно подымалась грудь его, и хриплые, свистящіе звуки нарушали тишину.

Ни Татьяна Ивановна, ни братья ее не обратили вниманія на заглушаемый кашель.

Наконецъ грудь старика успокоилась; только по временамъ она еще судорожно вздрагивала, издавая шипящія звуки; онъ развязалъ мѣшокъ, съ наслажденіемъ запустилъ въ него руку и вынулъ полную горсть мелкой, серебряной монеты; осторожно положилъ онъ эту горсть на постель, и опять запустилъ руку въ мѣшокъ...

Въ это самое время за окномъ, посреди синеватаго полумрака, показалась черная тѣнь, окаймленная съ лѣвой стороны лучемъ луны, косвенно нававшимъ на задворокъ.

Но старикъ, въ пароксизмъ своего чувственного наслажденія, забылъ прежнія предосторожности; съ жадностью погружалъ онъ руку въ мѣшокъ и переложилъ уже нѣсколько горстей гривенниковъ и пятаконъ на кровать...

Тѣнь остановилась за окномъ неподвижно, какъ бы желая разгадать странную сцену, происходившую въ комнатѣ.

— Двѣнадцать лѣтъ... коплю!... проговорилъ старикъ про-себя, перекладывая деньги съ кровати обратно въ мѣшокъ и присоединивъ къ нимъ пятаконки, подаренные ему Татьяной Ивановной: двѣнадцать лѣтъ... сколько тутъ?... Не знаю... Нѣтъ, знаю, знаю! продолжалъ онъ съ боязнію; до послѣдней копейки знаю... Захаркѣ ни гроша... все Танькѣ... въ приданое; дай Богъ только... дожить... до свадьбы ея... Танька все прибережетъ... она хозяйка... Захарка какъ разъ бы... протранжирилъ... онъ по модѣ... одѣвается... буфонится... а я нѣчто затѣмъ... копилъ?...

И рука старика шарилъ по постели; онъ хотѣлъ удостовѣриться не осталась ли тамъ еще монета; но привычныя, костлявыя руки его такъ искусно загребали мелкія монеты, что всѣ до одной перешли обратно въ мѣшокъ.

Человѣкъ, стоявшій за окномъ, пораженный изумленіемъ, забылся и почти приложилъ лицо къ стеклу.

Иванъ Прохоровичъ вздохнулъ; потомъ почти съ яростію опустилъ обѣ руки въ мѣшокъ и сталъ рыться въ себѣ, прислушиваясь къ тихому звуку его....

Выраженіе лица дряхлаго старика было устрашительно;

ротъ его, съ двумя или тремя уцѣлѣвшими зубами былъ полураскрытъ; глаза непомерно вытаращились и зрачки были неподвижны, посреди желтыхъ, тусклыхъ бѣлковъ; ноздри расширились... Это было выраженіе высшаго наслажденія въ самомъ отвратительномъ видѣ его....

Татьяна Ивановна кончила разговоръ съ братомъ. Она встала и съ шумомъ отодвинула кресло.

Иванъ Прохоровичъ, воображавшій, что все въ домъ уже снятъ, услышалъ этотъ шумъ и—внезапный ужасъ выразился на лицѣ его.

Онъ скоро поднялъ голову и взоръ его обратился на окно.

Незнакомецъ стоялъ на задворкѣ въ прежнемъ положеніи.

Старикъ вдругъ выпрямился, какъ бы взброшенный вверхъ лежущею пружиною.... Онъ протянулъ объ руки къ окну и страшно разинулъ ротъ, но голосъ не повиновался ему....

За нимъ отворилась дверь.

— Господи! вскричала Татьяна Ивановна, съ ужасомъ отскочивъ назадъ.

Протяжный, жалобный вопль вырвался изъ груди старика, руки его опустились, и онъ рухнулъ на полъ....

Незнакомецъ между тѣмъ исчезъ.

Дочь и сынъ бросились къ старику, подняли его и уложили на постель.

Пока Татьяна Ивановна прикрывала отца и ласками старалась привести его въ чувство, Захаръ Ивановичъ поднялъ съ полу тяжелый мѣшокъ и заглянулъ въ него.

— Глядите-ка, глядите, сестрица! сказалъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, оставьте!... возразила Татьяна Ивановна, растерявшись и съ искреннимъ состраданіемъ суетясь около безчувственного старика.

— Ужъ не умеръ ли онъ? спросилъ Захаръ Ивановичъ болѣе съ изумленіемъ, нежели участіемъ.

Предположеніе это такъ сильно поразило Татьяну Ивановну, что не переставая суетиться, она судорожно, нервичес-

ни зарыдала; грудь ее подымалась, она всхлипывала, но из глазек не было слезинки....

— За докторомъ, братецъ, за докторомъ! вскричала она, наконецъ, бросившись цѣловать холодныя руки старика.

— Я самъ поѣду за Фѣдоромъ Ивановичемъ! вскрикнуло селзаль Опухтинъ.

Татьяна Ивановна утвердительно покривала головой, продолжая болезненно, судорожно всхлипывать.

Захаръ Ивановичъ смере одѣлся и ушелъ, не сказавъ сестрѣ утѣшительнаго слова, не по равнодушію, а потому, что есть люди, вовсе лишеныя способности утѣшать. Это, болѣею частію, люди практическіе, обладающіе необыкновеннымъ присутствіемъ духа въ чужихъ горестяхъ. Подобные люди, принимая иногда живое участіе въ горести друга, оплакивающаго кончину близкой сердцу особы, находятъ случай подщепнуть другу у какаго мастера заказать гробъ....

Минутъ десять спустя послѣ ухода Захара Ивановича, старикъ очнулся.

Безсмысленно и не припоминая случившагося, онъ осмотрѣлся.

Съ невыразимомъ извжностію цѣловала Татьяна Ивановна согрѣвавшуюся руку его.

— Таничка... произнесъ Иванъ Прехоросичъ едва слышимымъ голосомъ.

— Какъ вы себя чувствуете, тятенька?

— Ничего... слабъ немножко... спать хочется....

— Спите, тятинька, спите.

— Таничка....

— Что, тятинька?

— Своей мнѣ мою любимую пѣню... авось я скорѣе усну... Своей «Среди долины»....

И тихимъ, дребезжащимъ голосомъ запѣла дочь унылую, по мелодическую пѣню.

Старикъ заснулъ.

Татьяна Ивановна замолчала; приложила руку къ серд-

ду старика, прислушалась къ дышанью его, вздохнула свободно и перекрестилась, поднявъ глаза къ небу.

Потомъ, не любопытствуя даже заглянуть въ мѣшокъ съ деньгами, она положила его на стулъ, возлѣ постели, чтобы на утро отецъ ея тотчасъ нашелъ его и безъ помѣхи могъ спрятать туда, гдѣ до-сихъ-поръ мѣшокъ скрывался.

Потомъ она пошла къ окну, но вдругъ остановилась съ испугомъ.

Прежній незнакомецъ опять стоялъ за окномъ.

Но Татьяна Ивановна была не пуглива. Смѣло подошла она къ окну, и вдругъ злобное выраженіе сверкнуло въ глазахъ ея....

Оглянувшись, чтобы удостовѣриться, что отецъ ея спалъ, она осторожно, безъ шума отворила форточку.

— Я не могла и не могу выйти къ вамъ; тятенька нездоровъ, сказала она скороговоркой: приходите завтра!....

— Вистъ! отвѣчалъ голосъ на задворкѣ.

Татьяна Ивановна затворила форточку.

Незнакомецъ исчезъ.

ГЛАВА IX.

Дома и въ обществѣ.

Подъѣхавъ къ дому, въ которомъ жилъ докторъ, Захаръ Ивановичъ приказалъ извознику ждать, заплативъ однакожь за одинокъ моментъ, чтобы предоставить произволу извозника ждать и тѣмъ отнять у него всякое право требовать прибавки.

Въ то самое время, когда за нимъ захлопнулись двери съ разноцветными стеклами, изъ-подъ воротъ противуположнаго дома выѣхалъ щегольской возокъ, запряженный парой красивыхъ, гнѣдыхъ лошадей, и остановился у подъезда.

Докторъ былъ дома. Выслушавъ Захара Ивановича, онъ

поспѣшно одѣлся и, не медля ни минуты, сошелъ съ шивъ внизъ.

Пока они усаживались въ сани, съ противоположнаго, ярко освѣщеннаго крыльца съ живостію сбѣжалъ лакей. Вслѣдъ за нимъ показалась молодая женщина, въ темнофіолетовой, бархатной мантии, на мѣху и съ капюшономъ.

Свѣтъ отъ фонаря освѣтилъ блѣдное, почти болѣзненное лицо этой женщины; искры блеснули въ глазахъ....

Подобно привидѣнію мелькнула она.

Лакей захлопнулъ дверцы, вскочилъ на завязки, и лошади умчали возокъ.

— Это, никакъ, жена нашего директора? спросилъ Захаръ Ивановичъ, усѣвшись возлѣ доктора и застегивая полость.

— Да, да, отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечамъ: очень милая и добрая, но чрезвычайно странная женщина!... Представьте себѣ, недѣлю тому, она не хотѣла ступить шагу изъ своей комнаты, а теперь бросилась въ другую крайность... каждый день утромъ визиты, вечеромъ театры, концерты, балы... А послѣ жалуется! Повѣрю, противу такихъ крайностей не устоитъ и желѣзная натура....

— Значитъ она, тово... немножко капризна?

— Порядочно!... Счастлива она, что вышла за такого прекраснаго, благороднаго человѣка... Впрочемъ, не мнѣ хвалить Александра Матвѣевича; вы его должны знать лучше меня.

— Точно, отличный человѣкъ! отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ не совсѣмъ искренно только потому, что вспомнилъ объ утреннемъ выговорѣ и о колкой шуткѣ своего начальника.

— Но скажите мнѣ, что случилось съ вашимъ старикомъ? спросилъ Федоръ Ивановичъ, по обыкновенію докторовъ, которые, подобно гадальщикамъ, иначе не предсказываютъ будущее, какъ не поразузнавъ хорошенько прошедшее.

Захаръ Ивановичъ сталъ рассказывать, что самъ зналъ.

И возокъ, и пѣшечны сани скрылись въ ночномъ ту-

манъ, когда новое лицо показалось на парадномъ крыльцѣ дома, въ которомъ жилъ Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ.

То былъ мужчина средняго роста, въ старой шинели на востертомъ, епотовомъ меху, и въ бархатной шапкѣ. Меховой воротникъ шинели былъ поднятъ.

Съ живостію сошелъ этотъ человекъ съ крыльца и, не оглядываясь, скорыми шагами отошелъ отъ дома. Выйдя изъ круга, описаннаго свѣтомъ фонарей, онъ остановился въ тѣни и осмотрѣлся.

Шагахъ въ двадцати отъ него, по другую сторону улицы вжалъ извозчикъ.

Несмотря на то, что послѣдній медленно удалялся, незнакомецъ не кликнулъ его, но, ускоривъ шагъ, пошелъ за нимъ вслѣдъ.

Догнавъ его, онъ не порывшись вскочилъ въ сани, проговоривъ только:

— Ступай!

Извозчикъ остановился, по приказанію съдока, въ концѣ назначенной имъ улицы, передъ двухъ-этажнымъ, каменнымъ домомъ, грязной, некрасивой наружности.

Въ подвалахъ, по сторонамъ воротъ, былъ съ одной стороны мелочная, а съ другой штофная лавочка.

Въ первомъ этажѣ не было ни малѣйшаго свѣта; по былымъ билетамъ, отдѣлявшимся отъ мрака, господствовавшего за окнами, можно было угадать, что эта квартира отдавалась въ наемъ.

Во второмъ, послѣднемъ этажѣ, въ нѣсколькихъ окнахъ, сквозь плотно опущенные шторы, видѣлся свѣтъ.

Ворота были заперты.

Заплативъ извознику, незнакомецъ вошелъ въ калитку. Подъ воротами отвратительный, ѣдкій запахъ занялъ духъ его; скорыми шагами пошелъ онъ къ крыльцу, находившемуся подъ воротами и ошупью сталъ взбираться по темной, узкой и крутой лѣстницѣ, придерживаясь сырой стѣны, покрытой непріятною слизью.

Нѣсколько разъ споткнувшись, добрался онъ, наконецъ, до втораго этажа; ошупью отыскалъ дверь и машинально

протянул руку къ колокольчику, но вспомнивъ, вѣроятно, объ отсутствіи его, прибѣгнувъ къ средству болѣе простому, то есть, постучался въ дверь кулакомъ.

Онъ ждалъ не долго; ключъ щелкнулъ, дверь открылась, и на порогъ показалась дюжая, краснощекая, деревенская баба со свѣчой въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, заплывшемъ саломъ.

Узнавъ, по видимому, поздняго гостя, она пропустила его, заперла опять за нимъ дверь и, не говоря ни слова, вернулась къ себѣ въ кухню.

Пока гость старался прицѣпить свою шубу къ изсколькнмъ шпнеламъ, висѣвшимъ уже на двухъ гвоздяхъ, вколоченныхъ въ перегородку, отдѣлявшую прихожую отъ кухни, дверь изъ комнаты открылась и въ отверстіи ея показался Борисъ Астафьевичъ Лихаревъ, съ трубкой въ рукахъ.

— Чтѣ я сказала? вскричалъ онъ, обернувшись назадъ: сердце чулло!

— Онъ?... произнесли нѣсколько голосовъ въ комнатѣ.

— Разумѣется, онъ!... Душа общества! Вотъ что значить симпатія!

И Лихаревъ крѣпко обнявъ одною рукою и чмокнувъ въ щеку новоприбывшаго, продолжалъ съ жаромъ:

— Bonjour, эмаль, шарманъ, bonjour! Васъ только не доставало... За дѣло, господа, за дѣло! Зачѣмъ золотое время терять....

Лихаревъ и новоприбывшій вошли въ комнату; послышалось шарканье и шумъ передвигаемыхъ стульевъ.

Улицы уже пустыли, когда Федоръ Ивановичъ вернулся домой.

Онъ освидѣтельствовалъ старика и нашелъ, что онъ сильно взволнованъ, но что впрочемъ никакихъ признаковъ особеннаго разстройства нѣтъ.

Онъ утѣшилъ Татьяну Ивановну и обѣщавъ заѣхать утромъ.

Улицы совершенно опустѣли, магазины и лавки были

заперты, стоять въ окнахъ угасаль, а Катерина Васильевна Тучинова все еще не возвращалась домой.

Она была на балу, въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ совершеннаго уединенія.

Неожиданное появленіе ея было подобно театральному заступу.

Во-первыхъ, она явилась безъ мужа.

Во-вторыхъ, при свѣтѣ люстръ и посреди женщинъ, сіявшихъ болѣе или менѣе природною свѣжестью, болваненная, синеватая блѣдность ея была устрашительна.

Въ нарядѣ Катерины Васильевны не было ни малѣйшаго проступка противъ вкуса, ни даже противъ моды, а между тѣмъ, по странному случаю, все, до малѣйшихъ подробностей, все въ этомъ нарядѣ было какъ бы придумано для того, чтобы явственнѣе выказать блѣдность и худобу молодой женщины....

Катерина Васильевна какъ бы кокетничала тѣмъ, что другія женщины такъ тщательно скрываютъ.

Она была необыкновенно весела; но веселость ея навѣвала холодъ на окружавшихъ ее, сжимала сердце....

Между тѣмъ, какъ Катерина Васильевна предавалась шумнымъ, свѣтскимъ удовольствіямъ, мужъ ея проводилъ вечеръ въ мирномъ, семейномъ кругу.

Онъ провелъ весь вечеръ съ дѣтьми, и, какъ добрый отецъ семейства, легъ спать почти въ одно время съ ними.

Только часу въ двѣнадцатомъ въ окнахъ кабинета его опять показался свѣтъ.

Можетъ быть, онъ забылъ прочитать какое-нибудь важное и спѣшное дѣло и, — голосъ долга разбудилъ его.

Можетъ быть.

Но онъ ни разу не справился о томъ, возвращалась ли жена его.

Катерина Васильевна вернулась во второмъ часу.

Горячія, жгучія слезы согрѣли сердце ея, остывшее въ вынужденной веселости....

Фонари догорали, ранніе труженики столицы начинали уже просыпаться, когда полуразвалившіяся сани ночного

ваньки, остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Тучинова.

Тотъ самый мужчина, котораго такъ радушно принялъ Лихаревъ въ грязномъ домѣ ^{***}ской улицы, выскочилъ изъ саней.

Боязливо, точно человекъ, преслѣдуемый совѣстію, дошелъ онъ до крыльца, тихо отворилъ дверь на тяжеломъ блокѣ, такъ же тихо опустилъ ее и, поворачивъ направо, позвонилъ у квартиры Николая Александровича Тучинова....

М. Фурманъ.

(Третья часть въ слѣдующей книгѣ.)

РЪШИТЕЛЬНЫЙ И НЕРЪШИТЕЛЬНЫЙ.

ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ, ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

—

I.

— Идешь ты сегодня на службу, Валеріанъ?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь! Довольно странный отвѣтъ: вотъ уже почти годъ, какъ я живу съ тобою вмѣстѣ, и ты каждый день, аккуратно въ десять часовъ, отправлялся въ департаментъ, а сегодня въ двѣнадцатомъ часу и не думаешь одѣваться. По-крайней-мѣрѣ скажи: обѣдаешь ли дома?

— Не знаю.

— Опять не знаю! Чтò съ тобой случилось? Ужъ не проигрался ли ты въ лото или преферансъ? Если такъ, то право горевать не о чемъ. Ну сколько проигралъ?

— Я не игралъ вчера.

— Такъ отчего же ты такъ задумчивъ и блѣденъ? Кажется, не поздно воротился домой.

— Оставь меня въ покоѣ и поди въ свою комнату.

— Я тебя рѣшительно не узнаю. Ты былъ со мною всегда откровененъ, повзрѣлъ мнѣ въ свои тайны, а сегодня и

говорить не хочешь. Ты выводилъ меня просто изъ терпѣнія. Даю тебѣ честное слово, что я не выйду изъ твоей комнаты до тѣхъ поръ, пока ты мнѣ не откроешь причины твоей задумчивости. Совѣтую отъ меня не скрываться. Любя тебя, я хочу, я долженъ узнать: что съ тобою случилось. Ведь мы давнишніе друзья. Твой природный характеръ веселый и живой, почему же сегодня ты такъ скученъ и сидишь точно пораженный подагрой. Ужъ не влюбился ли ты вчера?

— Влюбился! За кого ты меня принимаешь; я ужъ не тотъ, что былъ прежде, лѣтъ семь тому назадъ, когда мнѣ было двадцать лѣтъ. Бывало на каждомъ балу непременно влюбисься, но эта любовь не западала глубоко въ сердце: она только слегка его касалась и оставалась въ немъ до слѣдующаго бала. Теперь ужъ я остепенился или, лучше сказать, разочаровался: не влюбляюсь такъ скоро; если же влюблюсь когда-нибудь, то конечно не вдругъ, но за то на-долго, на-всегда. Развѣ можно влюбиться послѣ перваго свиданія?

— А съ кѣмъ у тебѣ было первое свиданіе? Неужели у Б^н были вчера дѣвщцы? Видь у него вграютъ по четвергамъ въ карты, и потому собираются только мужчины.

— Не знаю, какъ это случилось. Когда я пріѣхалъ къ нему, еще въ передней услышалъ, что въ залѣ поговаривали: куплю, пась, сыгралъ шгукъ семь, въ червахъ, вистъ и проч. Мнѣ такъ надоѣлъ этотъ разговоръ, что, не останавливаясь въ залѣ, я прошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣли хозяйка дома и жена нашего экзекютора. Сказавъ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ фразъ, я прошелся по гостиной и заглянулъ въ диванную. Не такъ возрадовался Христофоръ Колумбъ открытію Америки, какъ я встрѣлъ съ двумя дѣвщинами, въ диванной. Одна изъ нихъ показалась мнѣ самой обыкновенной наружности, другая же очень понравилась. Нельзя назвать ее красавицей, но всякой, кто ее увидитъ, вѣроятно подумаетъ: какъ она мила! Ея густыя, темно-русые волосы, стройный станъ и тонныя, голубые

глаза обворожительны. Сколько въ этихъ глазахъ ума, сколько выраженія! Я поклонился, и когда взглянулъ на незнакомку, то какъ-то оробѣлъ и потупилъ невольно глаза. Хотѣлъ что-нибудь сказать, да не клеились фразы. По счастью, явилась въ диванную мадамъ Б^н и заговорила со мною. Я оправился, началъ отвѣчать ей, но замѣтить, что на меня смотритъ незнакомка, опять смутился. Ты знаешь, что я люблю быть въ обществѣ дѣвицъ и довольно находчивъ въ разговоръ съ ними, но вчера рѣшительно не удавалось сказать ничего умнаго и занимательнаго....

— Кто же такая эта дѣвица, которая такъ тебя сразила? Неужели ты не узналъ?

— Имя ея—Надежда, фамилія—Деланская. Она пріѣхала, какъ мнѣ сказали, вмѣстѣ съ своею матерью, изъ губерніи, въ которой находится ихъ деревня. Вотъ все, что я узналъ объ ней. Я не разспрашивалъ болѣе, боясь себя окомпрометировать. Но не подумай, дружище, что я уже влюбленъ. Мнѣ хочется только видѣться почаще съ Надеждой, чтобы узнать ее покорооче. Наружность ея, какъ я уже тебѣ сказалъ, мнѣ понравилась; если же я найду, что она умна и имѣетъ доброе сердце, то за будущее не отвѣчаю, можетъ-быть и влюблюсь.

— Довольно, довольно, Валеріанъ. Вѣдь я не упрекаю тебя въ вѣтренности, что жъ ты вздумалъ оправдываться. Расскажи лучше, что ты дѣлалъ у Б^н.

— Я уже говорилъ тебѣ, что я сидѣлъ въ диванной съ дѣвицами. Хозяйка дома позвала насъ вскорѣ въ столовую пить чай. Когда мы сѣли за столъ, начался разговоръ, въ который впрочемъ не принималъ я никакого участія. Я былъ совершенно доволенъ тѣмъ, что со мною не говорили, и дѣлалъ видъ, что слушаю другихъ, а между-тѣмъ не спускалъ глазъ съ Надежды, все смотрѣлъ на нее и не могъ насмотрѣться. Взоры наши часто встрѣчались, такъ что она наконецъ начала потуплять свои глазки и менного краснѣть, и чтобы скрыть свое смущеніе, заговаривала вполголоса съ сидѣвшею подлѣ нея дѣвицею, дочерью нашего электора. Когда мы встали изъ-за стола, хозяйка дома ма-

чала просить меня что-нибудь спеть. Я сталъ увѣрять ее, что голосъ мой слабый и не стоить никакого вниманія; что я пою только дома. Между-тѣмъ къ ней подоспѣла на помощь мать Надежды, и онъ вмѣстѣ дружно напали на меня. Представь себѣ мое мучительное положеніе. Заставляютъ пѣть, когда знаешь навѣрное, что никакого эффекта не произведешь, а только насмѣшишь или даже осрамишься, особенно съ непривычки пѣть въ обществѣ. Я никакъ не хотѣлъ пѣть, но вдругъ явилось къ непріятелю моему подкрѣпленіе, и въ главѣ его—Наденька. Она сказала мнѣ самымъ живымъ и приятнымъ голосомъ: «Спойте что-нибудь, я такъ люблю пѣніе.» Непріятель дѣйствовалъ на меня, какъ видишь, очень рѣшительно, я подавался назадъ и—не знаю какъ—очутился вдругъ у рояля. Желая прекратить сраженіе, я попросилъ позволенія сыграть что-нибудь. Мнѣ не противорѣчили; я сѣлъ за рояль, а меня окружили со всѣхъ сторонъ. Когда я кончилъ играть, снова завязалось сраженіе. Мнѣ стало наконецъ совѣстно заставлять себя просить такъ долго: я кашлянулъ и дрожащимъ голосомъ завѣлъ: «Только узналъ я тебя,» извѣстный романсъ Глинки. Не знаю, какое впечатлѣніе произвелъ я своимъ пѣніемъ? Не думаю, чтобы оно было для меня выгодное, потому-что голосъ мой не переставалъ порядочно дрожать. Кончивъ этотъ романсъ, я всталъ съ кресель. Меня благодарили, конечно, изъ учтивости, и я принялъ довольно холодно посылавшіеся на меня со всѣхъ сторонъ комплименты. Но когда Наденька, съ непритворною, выразительною улыбкою, сказала мнѣ: «Благодарю васъ!» я совершенно растаялъ и готовъ былъ спѣть въ эту минуту десять романсовъ, чтобы только услышать еще разъ сказанныя ею два слова. Я вышелъ въ залу. Одинъ изъ игроковъ, общій намъ знакомый, Вельскій, началъ восхищаться моимъ пѣніемъ и увѣрять, что никогда я не пѣлъ такъ хорошо, и что дрожаніе моего голоса придавало особенное чувство пѣнію. Но я ему не вѣрю: онъ, вѣроятно, пришелъ въ восторгъ оттого, что, во время моего пѣнія, ему удалось сыграть восемь, да еще обременить встававшихъ.

— Позволь перебить тебя. Ты говорилъ много, а все-таки не объяснилъ причины своей грусти.

— Я объясню тебѣ это сейчасъ, и ты не будешь меня упрекать за то, что я такъ скученъ сегодня. Я... я не надеюсь больше увидѣться съ Наденькой.

— Какъ такъ!

— Очень просто. Между старушкой Лелинскою и мадамъ Б** вышли вчера какія-то недоразумѣнія, и первая не хочетъ продолжать съ нею знакомства.... Странныя женщины! Въ прошломъ мѣсяцѣ только познакомились, а въ нынѣшнемъ уже поссорились, и вѣроятно изъ пустяковъ. Во всякомъ случаѣ я больше потеряю отъ этой ссоры, нежели онѣ.

— Почему же такъ? Ты, какъ человекъ нерыпительный, конечно не осмѣлившись сблизиться, безъ чужой помощи, съ Лелинскими: я ужъ тебя знаю хорошо; такъ справься: не бываютъ ли онѣ еще у какихъ-нибудь твоихъ знакомыхъ.

— Онѣ бываютъ, и очень часто, какъ мнѣ говорили, у нашего эзекутора, да мнѣ нельзя лѣзть къ нему въ домъ.

— Отчего же нельзя?

— Вчера, на зло мнѣ, была у Б** дочь нашего эзекутора. Если я явлюсь къ нему въ домъ, то, пожалуй, найдутся люди, которые подумаютъ, что я хочу искать руки его дочери, да я ей, безъ сомнѣнія, придетъ эта мысль въ голову.

— И полно, любезный, ничего не подумаютъ, а если и подумаютъ, такъ что же за бѣда! Нужно только тебѣ осторожно вести себя въ эзекуторскомъ домѣ. Не забудь, что мы живемъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ которомъ уже не считается странностью, если молодой человекъ лѣзетъ въ какой-нибудь домъ не по приглашенію хозяина его, а по рекомендаціи его знакомыхъ. Ввроятно, нѣкоторые изъ твоихъ сослуживцевъ бываютъ у вашего эзекутора. Попроси одного изъ нихъ ввести тебя къ нему въ домъ, да не откладывай этого дѣла: чѣмъ скорѣе къ нему приступишь, тѣмъ будетъ лучше. А прежде спроси Вальскаго: не знакомъ ли

онъ съ Делинскими? Онъ говорилъ мнѣ, что посвящаетъ книжъ-то Делинскихъ: можетъ-быть это тѣ самыя, съ которыми ты вчера видѣлся.

— Воспользуюсь твоимъ совѣтомъ, а между-тѣмъ позволяю тебѣ поцѣловать, за этотъ пріятный и дружескій совѣтъ.

Друзья обнялись. Одинъ изъ нихъ тотчасъ одѣлся и отправился, въ двѣнадцать часовъ, въ департаментъ, не думая о выговорѣ за поздній приходъ свой: такъ доволенъ онъ былъ совѣтомъ своего друга и пріятными мечтами, которыя послѣдній возбудилъ въ немъ. Зябликовъ заснулъ за дѣло, которое было ему дано начальникомъ на домъ, какъ говорится.

II.

Позвольте теперь, любезныя читатели, познакомиться вѣсь съ Валеріаномъ Александровичемъ Веняминовымъ и другомъ его, Константиномъ Ивановичемъ Зябликовымъ, а у вѣсь, любезныя читательницы, я и позволенія просить мѣ стаю: вамъ вѣроятно пріятно будетъ узнать ихъ покороче, а особенно Веняминова. Онъ находитъ особое удовольствіе быть въ вашемъ обществѣ, а это должно заставить васъ по-любить его. Не всѣ молодые люди нынѣшняго вѣка поклоняются прекрасному полу и любятъ безкорыстно, идельно: некоторые предпочитаютъ карты, другіе лоты, никогда не влюбляются и женятся только по расчетамъ, для поправленія своихъ разстроенныхъ финансовъ.

Валеріанъ Александровичъ Веняминовъ получалъ хорошее образованіе. Отецъ его не жалѣлъ на это денегъ: нанималъ для него гувернера, учителей и наконецъ отдалъ его въ одну изъ высшихъ учебныхъ заведеній, но, по важности родительскаго сердца своего, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи присматривать за своимъ сыномъ. Пока Валеріанъ Александровичъ жилъ съ отцомъ своимъ, поступки и дѣйствія его, каждый шагъ его подвергались критическому разбору, иногда и пристрастному, отъ извѣстнаго жалавія добра сыну. Это имѣло невыгодное вліяніе на характеръ молодого человека; сдѣлало его кроткимъ, не

застычивымъ и нерешительнымъ. Другъ же его, Константинъ Ивановичъ Зябликовъ воспитанъ былъ другимъ образомъ. Еще въ дѣтствѣ лишился онъ родителей и взятъ былъ роднымъ дядею на воспитаніе, который старался только о томъ, чтобы дать, черезъ другихъ, образованіе племяннику, но самъ не взялъ за нимъ большаго попеченія и присмотра, ведя разсыпанную жизнь холостика. Зябликовъ увидѣлъ, что ему не на кого надѣяться въ жизни, и что онъ самъ долженъ проложить себѣ дорогу трудолюбіемъ и приобретенными познаніями. У него отъ этого образовался характеръ твердый и рѣшительный, съ добрымъ, хорошимъ направлениемъ. Не смотря на различіе характеровъ, одинаковое образованіе породило дружбу между Вельяминовымъ и Зябликовымъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ описаннаго разговора между нашими друзьями, Вельяминовъ рѣшился ѣхать къ Вельскому. По распросамъ оказалось, что Вельскій давно уже знакомъ съ Делинскими. Онъ охотно согласился представить Вельяминова къ нимъ въ домъ.

Говорятъ, что влюбленные бываютъ всегда потерпѣливы. Я убѣдился въ этой истинѣ, смотря на Вельяминова, который не зналъ какъ дожидаться того желательнаго дня, въ который условился онъ ѣхать къ Делинскимъ. Наконецъ день этотъ насталъ. Впеч утромъ началъ думать Вельяминовъ о вечернемъ туалетѣ; въ полдень волосы его, всегда гладкіе, завились въ кудри; съ пяти часовъ началъ онъ одѣваться, подходя безпрестанно къ зеркалу и рассматривая лицо свое впрямь и съ профили. То казалось ему, что онъ очень не дурень и что, вѣроятно, понравится Делинскимъ, то вдругъ находило на него страшное сомнѣніе, отъ котораго глѣзалась съ нимъ лихорадка. Пріѣздъ Вельскаго заставилъ его погорѣться туалетомъ. Въ осьмомъ часу они отправились къ Делинскимъ. Во всю дорогу Вельяминовъ безпрестанно снималъ съ головы шляпу, боясь смять свою прическу. Подъѣзжая къ дому, въ которомъ жили Делинскіе, наши молодые люди весьма удивились, что онъ не былъ освѣщенъ. Войдя по лѣстницѣ въ третій этажъ, Вельскій позвонилъ,

но дверь не отпиралась; подождать немного, онъ позвонилъ погромче, но никакого успѣха! Подумавъ, что Делювскихъ нѣтъ дома, и желая удостовѣриться въ этомъ, онъ зазвонилъ изъ всей силы и сталъ прислушиваться. Тотчасъ раздались въ квартиру шумъ, крикъ и бѣготня, которые, переходя постепенно изъ комнаты въ комнату, все приближались къ передней. Наконецъ дверь отворилась, и наши гости встрѣчены были тремя заспанными физиономіями, изъ которыхъ одна принадлежала горничной, а двѣ лакеямъ.

— Ахъ! это вы, Евгенийъ Федоровичъ! сказалъ одинъ изъ слугъ. Ну ужъ, батюшка, досталось-таки намъ изъ-за васъ: посмотрите, какъ у меня горитъ щека! Куда тяжела ручка нашей барыни. Да что вы такъ поздно пожаловали? Сегодня мы никого не ожидали, такъ и ушли все въ кухню. Сначала побесѣдовали, а потомъ уснули. Смотрите, вдругъ вбѣгаетъ барыня. Я вскочилъ первый, а она меня в хлопъ. «Не слышите, что звонять!» Вотъ мы все трое и бросились въ переднюю.

— Доложи объ насъ, сказалъ Вѣльскій, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Сію-минуту; пожалуйста въ залу.

Войдя въ нее, лакей, поставивъ на столъ сальный огарокъ, воткнутый въ мѣдный подсвѣчникъ, пошелъ скорымъ шагомъ въ слѣдующую комнату, которая была не освѣщена, и въ потьмахъ едва не сшибъ съ ногъ своей барыни, которая шла въ залу встрѣтить гостей.

— Тяше, медвѣдь! Зажги свѣчи проворнѣе! раздалось въ гостиной.

— Позвольте, Марѳа Абрамовна, началъ Вѣльскій: представить вамъ моего пріятеля, Валеріана Александровича Веняминова, съ которымъ....

— Очень пріятно, очень пріятно! прервала Марѳа Абрамовна. Прошу садиться. Извините только, что застали насъ въ расплохъ. Вы, вѣроятно, долго звонили. Я, извольте видѣть, очень сегодня утомилась, свѣла послѣ объѣда въ кресла и заснула. Я это дѣлаю каждый день: и лѣта мои того требуютъ, и хлопоты-то меня утомляютъ. Вѣдь одна

всѣмъ домою распоряжаюсь. Мужъ мой черезъ-чуръ добръ, ни во чтѣ не входитъ и даже не рѣшится сдѣлать выговоръ слугѣ; а это ихъ балуетъ. Звонокъ вашъ меня перепугалъ. Я встала, смотрю—ни души въ передней. Вся забралась въ кухню! Такая досада! Я думаю, вы долго дождались на лѣстницѣ?

— Нѣтъ! Вы извините насъ, сказалъ Веньяминовъ: мы надѣлали вамъ хлопотъ.

— И полноте, что за хлопоты: я къ нимъ привыкла. Совѣстно мнѣ только, что долго простояли вы на лѣстницѣ. Ужъ не взыщите. Да вотъ и со мною тоже дармоуды-то сдѣлали. Вчера повѣхала я со двора; возвращаюсь домой, звоню—не отпираютъ. Между-тѣмъ мнѣ страхъ хотѣлось попасть скорѣе въ квартиру: я озѣбла. Вотъ я звоню, да считаю звонки и думаю сама про себя: ужъ надобно же пугнуть лѣнливцевъ. Наконецъ слышу шаги, дверь на лѣстницу открывается, вхожу—въ передней темно; вижу однако жъ, что стоитъ передо мной какой-то человекъ. Я ему оплеуху и скрояла съ досады, и вдругъ слышу голосъ моего мужа. «Что ты, Марѣа Абрамовна! Это я!» Я разсмѣялась, да и мужъ-то вскорѣ началъ смѣяться. А вотъ и онъ самъ! Легкокъ на поминъ! Онъ самъ вамъ этотъ забавный случай расскажетъ.

Въ залу вошелъ хозяинъ дома. Молодые люди встали и пошли къ нему на встрѣчу.

— Я привезъ къ вамъ, Яковъ Петровичъ, проговорилъ Ввльскій: моего пріятеля, Валеріана Александровича Веньяминова.

— Прошу полюбить меня, отвѣчалъ, кланяясь и смутившись, Яковъ Петровичъ: а между-тѣмъ позвольте васъ попросить садиться. Валеріанъ Алексѣевичъ, милости просимъ....

— Ну, такъ и есть! Перебралъ, по своей привычкѣ, отчетство, зайтила Марѣа Абрамовна. Ужъ, пожалуйста, извините, Валеріанъ Александровичъ: это его недостатокъ, всегда перевираетъ шема. Ужъ такого устройства память.

Яковъ Петровичъ, взглянувъ изъ-подлобья на сумерку своею, воздвигла оправдываться.

— Да разве я ошибся, Валеріанъ Ивановичъ, начала она, обратилась къ Вельяминову.

— Замолчи пожалуйста, сказала разительнымъ тономъ Марѳа Абрамовна. Полно срамиться-то!

Бѣдный Яковъ Петровичъ всталъ со своего стула, вздохнулъ и началъ ходить по залу, закинувъ руки за спину.

— Прикажи-ка, муженекъ, подать намъ чаю.

Яковъ Петровичъ, радуясь этому порученію, дававшему ему возможность уйти изъ комнаты, ускорилъ шаги и скрылся въ передней. Войдя въ нее, онъ снялъ со себя шапку, которая до того нагорѣла, что въ комнатѣ былъ не то, что светъ, и не то, что мракъ, а ивѣто въ родъ известнаго пламени изъ известной поэмы Мильтона. Усмотрѣвъ спавшаго на стулѣ лакея, онъ подошелъ къ нему и, взявъ его за плечо, сказалъ: «Григорій, а Григорій! подай намъ, пожалуйста, чаю.» Но Григорій не былъ вовсе расположенъ проснуться. Яковъ Петровичъ собрался съ духомъ и, наклонившись надъ самое ухо лакея, проговорилъ громко: «Вставай, любезный, и подай гостямъ чаю, а не то барыня разсердится.» Слуга вздрогнулъ и, увидѣвъ своего господина, вскочилъ со стула, но, потерявъ равновѣсіе, растянулся на полу. «Что съ тобою?» спросилъ съ участіемъ Яковъ Петровичъ. «Отсидалъ ногу!» отвѣчалъ лакей. «Не надо отсиживать,» замѣтилъ Яковъ Петровичъ: «а не то, пожалуйста, ушибешься.»

— Что ты въ переднюю-то забился, сказала Марѳа Абрамовна вошедшему въ залу мужу. Ужь я думала, что ты со двора ушелъ.

— Странный случай меня задержалъ тамъ, отвѣчалъ Яковъ Петровичъ, указывая пальцемъ на переднюю.

— Самъ ты странный, такъ и мерещится тебѣ вездѣ одно странное, возразила Марѳа Абрамовна. Садись-ка, да займись гостями. Они вѣрно у васъ скучаютъ.

— Можно ли у васъ соскучиться, отвѣчалъ Вельяминовъ.

— А почему же и нельзя, возразила Марѳа Абрамовна.

— Скука и печаль, началъ Вэльскій, по всему мнѣнію, понятія относительныя, и если разобрать философически этотъ предметъ, то...

Марѳа Абрамовна, не желая слышать ученый споръ, котораго боялась она пуще огня, спросила Веньяминова, съѣздивъ, что онъ хочетъ возражать:

— Правда ли, Валеріанъ Александровичъ, что завтра, въ домъ Энгельгардта, будетъ маскарадъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ Веньяминовъ.

— А позвольте васъ спросить: какого возраста люди ѣздить въ маскарадъ. Я никогда въ немъ не бывала.

— Маскарады посещаютъ и молодые, и пожилые люди, кромѣ дѣтей, отвѣчалъ Веньяминовъ.

— А что, не поѣхать ли и мнѣ завтра, въ маскарадъ, Марѳа Абрамовна? спросилъ рабѣю Яковъ Петровичъ. И я тамъ никогда не бывала.

— Ты, Яковъ Петровичъ, глупъ, возразила ему Марѳа Абрамовна.

— А отчего такъ? спросилъ Яковъ Петровичъ. Развѣ маскарадъ заключаетъ въ себѣ что либо неприличное?

— Замѣтьте, сударь, что мужья не ѣздить никогда въ маскарадъ, когда ѣдутъ туда жены. Вы, кажется, еще этого не знали, а мнѣ объ этомъ сказывала Дарья Семеновна заѣзжая. Полно пустяки-то говорить, сходи-ка лучше въ комнату Наденьки и позови ее къ намъ. Пускай она сыграетъ что-нибудь на роялѣ.

Вэльскій, увидѣвъ, что о преферансѣ и помина нѣтъ, и почувствовавъ, какъ страстный игрокъ, непреодолимое желаніе сыгратъ, не выдержавъ и, подъ предлогомъ сильной головной боли, вздумавъ увѣять, надѣясь найти гдѣ-нибудь партію. Выйдя на лестницу, въ провожаніи слуги Григорія, онъ былъ имъ остановленъ.

— У меня есть до васъ пребольшая просьба, сказала ему лакей.

— Что такое?

— Вотъ что-съ: не пожалуйте ли, баринъ, на чай; вы такіе добрые, а васъ уважаю отъ чистаго сердца.

Вельскій положилъ слугъ въ руку серебряную мосту.

— Покорнѣйше васъ благодарю, проговорилъ лакей скороговоркой. Не говорите только, сказалъ онъ шопотомъ: барыня, а то и мнѣ и вамъ будетъ бѣда.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Вельскаго, явился въ залу вѣрный исполнитель приказаній Марѣи Абрамовны, мужъ ея, вмѣстѣ съ дочерью.

Марѣя Абрамовна взяла послѣднюю за руку и, подведя ее къ Вельяминнову, сказала: — Вотъ дочь моя Надеенька, единственное утѣшеніе мое въ жизни.

Вельяминновъ поклонился; ему отвѣчали самымъ граціознымъ реверансомъ.

— Вы меня извините, Валеріанъ Александровичъ, что я васъ должна оставить, сказала Марѣя Абрамовна. Мнѣ нужно непременно съѣздить, не болѣе впрочемъ какъ на полчаса, къ одной моей знакомой, отъ которой получила я сейчасъ письмо. Она сдѣлалась больна; долгъ требуетъ навѣстить ее. Меня замѣнять вамъ Надеенька и мужъ мой. Они постараются васъ занять.

— Къ кому вы ѣдете, маменька? спросила съ участіемъ Надежда Яковлевна.

— Къ Алексію Ивановичу, отвѣчала Марѣя Абрамовна.

— Не къ Алексію-ли Ивановичу Добрынскому? прибавилъ Вельяминновъ.

— Точно такъ, Валеріанъ Александровичъ. А какъ вы его знаете?

— Онъ экзекуторъ въ томъ департаментѣ, въ которомъ я служу. А позвольте спросить: кто у него захворалъ?

— Его сунруга, отвѣчала Марѣя Абрамовна.

— Какое несчастіе для бѣднаго Алексія Ивановича! воскликнулъ Вельяминновъ.

— Я надѣюсь скоро возвратиться, прервала его Марѣя Абрамовна. Ты сыграй что-нибудь, мой другъ, прибавила она, обращаясь къ дочери. Это, вѣрно, доставитъ удовольствіе Валеріану Александровичу: вѣдь онъ самъ музыкантъ.

Марѣя Абрамовна уѣхала.

По просьбѣ Веньямина, Надежда Яковлевна съѣла за рояль. Грудь ея сильно колебалась. Она не знала что сыграть; наконецъ взяла нѣсколько аккордовъ и, какъ истинная артистка, скоро воодушевилась и начала фантазировать. Плавительны были звуки ея фантазіи: въ нихъ отразилась ея прекрасная, невинная душа. Веньяминовъ пришелъ въ восторгъ, слезы выступили на глазахъ его.

— Что съ вами? спросила его Надежда Яковлевна, взглянувъ на него и переставъ играть. Вы плачете?

— Вы сказали правду, но я не стыжусь этихъ слезъ. Плакать отъ восторга позволено и мужчинамъ.

— Конечно позволено; только я думаю, что нельзя прійти въ восторгъ отъ моей игры. У васъ, вѣроятно, нервы слабы, потому и дѣйствуетъ на васъ такъ сильно музыка.

— Я не могу пожаловаться на свои нервы: они выдерживали самые шумные концерты и оперы.

Тутъ разговоръ зашелъ о музыкѣ, отъ нея перешелъ къ литературѣ. Веньяминовъ не переставалъ удивляться начитанности и уму Надежды Яковлевны, забывъ и департаментъ, въ которомъ служилъ, и друга своего, Зябликова, однимъ словомъ все на свѣтъ.

Яковъ Петровичъ не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ. Онъ хотя и понималъ немного музыку и игралъ въ молодости русскую пѣсню: «Выйду я на рѣченьку», и даже съ вариациями, но такъ какъ говорили о Бетгове, Моцартѣ, Беллини, Россини, Оберъ и Мейерберъ, о которыхъ онъ слышалъ только мелькомъ, то онъ и боялся попасть въ просакъ съ своими сужденіями. Литературу же онъ не жаловалъ, находя ее бесполезною. Яковъ Петровичъ ходилъ по залѣ, погруженный въ задумчивость. Вѣроятно онъ размышлялъ о разныхъ философскихъ предметахъ.

Наговорившись съ Надеждой Яковлевной, Веньяминовъ распростился съ нею и съ отцомъ ея, не дождавшись возвращенія Марѣи Абрамовны. Съ него взяли слово, что онъ будетъ посѣщать домъ Лелицкихъ, какъ можно чаще.

III.

Веньяминъ сталъ часто ѣздить къ Делнскимъ. Онъ замѣчалъ съ удовольствіемъ, что посѣщенія его были приятны не только для Марѣи Абрамовны, но и для ея дочери. Между тѣмъ любовь къ Надеждѣ Яковлевнѣ усиливалась съ каждымъ свиданіемъ. Оставалось только признаться въ этой любви и сдѣлать, какъ говорится, формальное предложеніе, какъ вдругъ Марѣи Абрамовна занемогла и, своею болѣзнію, не только отдалила это признаніе, но и лишила бѣднаго молодого человѣка возможности видѣться съ предметомъ его любви. Валеріанъ Александровичъ впалъ въ отчаяніе и пересталъ ходить на службу, сказавшись больнымъ. Другъ его, Зябликовъ, старался утѣшать его и наконецъ, чтобы доставить ему развлеченіе, уговорилъ его вмѣстѣ прогуляться.

— Да куда мы пойдёмъ? печально спросилъ Веньяминъ своего друга, когда вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ дому.

— Ну, конечно, на *** улицу. Мы пройдемъ мимо квартиры Делнскихъ: авось тебѣ удастся увидѣть Надежду Яковлевну, хоть въ окно. Не скрою отъ тебя, что мнѣ очень любопытно и приятно будетъ ее увидѣть, не смотря на то, что я сталъ равнодушенъ къ прекрасному воу. Ты ужé знаешь, что я былъ влюбленъ, сватался, и идѣ забрши затылокъ. Тебѣ вельми не позавидовать: ты, конечно, не получивъ, какъ я, несчастный, отказа, и женившись. Вѣрно, ты въ сорочкѣ родился. Экой счастливецъ!

— Нѣтъ, Костя! или не наслаждаться мнѣ вовсе этимъ счастьемъ, или оно еще очень далеко.

— Да полно хандрить! Собралось маленькое облако на горизонтѣ твоей любви—что жъ за бѣда! Оно, конечно, скоро разсѣется.

— Нѣтъ, оно, вѣроятно, разразится грозой и дождемъ!

— Который окатитъ, какъ изъ ведра, твою пламенную любовь и ее погаситъ, полагаешь ты? Пустяки, любезный другъ! Успокойся! Любовь пожарною даже трубою не погасишь.

— Мать моея Наденьки, можетъ-быть, уиреть, на цѣлый

годъ трауръ, о свадьбѣ и думать въ это время нельзя, а въ годъ мало ли что можетъ сдѣлаться! Подвернется другой, понравится болѣе, чѣмъ я, и тогда прощай Наденька, прощай мое счастье на вѣки!

— Да брось ты эти черныя мысли! Пока бѣды еще нѣтъ, такъ не надо ее накалывать. Скажи мнѣ лучше: умна ли Надежда Яковлевна? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь! Вѣломкій говорилъ мнѣ, что родители ея самые простые люди и почти безъ всякаго образованія.

— Наденька воспитывалась не дома и можетъ поспорить съ кѣмъ хочешь въ образованности. Она читала всѣхъ лучшихъ авторовъ, прекрасно играетъ на фортепьяно, умна, добра, чувствительна...

— И прочее, и прочее. Не трудись перечислять всѣ ея достоинства. Они мнѣ всѣ уже извѣстны!

— Почему же извѣстны?

— Потому, что я давно уже знаю, изъ романовъ и изъ наблюденія жизни, установленную форму, по которой влюбленные хвалятъ предметы любви своей. Скажи лучше: есть ли за все-какое иридавое?

— Триста душъ въ ** губерніи, которыя завѣщала ей тетка.

— Заложенытъ?

— Нѣтъ!

— Bravo! Такъ ты въ пейщички мѣтишь! Да это, я тебѣ скажу, прекрасно! А ты не припялъ при этомъ въ соображеніе, что сочинители повѣстей и фельетонныхъ разсказовъ будутъ осмѣивать тебя и называть дикаремъ и людоедомъ?

— Какіе сочинители?

— Безъ сомнѣнія, безпомѣстные!

— Я тебя не понимаю.

— Ну да Богъ съ ними! Не объ нихъ теперь рѣчь! Обрати-ся къ нашему дѣлу. Я все удивлялся, какъ ты, съ твоими ограниченными жалованьемъ, такъ скоро рѣшился жениться, но теперь вижу, что мое удивленіе было несправедливо. Послушай, Валеріанъ! Сколько разъ я убѣждалъ тебя поторопиться сдѣлать предложеніе, а ты меня все не слушался! Жаль, очень жаль! Вотъ, болѣзнь Марьи Абрамовны и проучила тебя за

твою робость и нерѣшительность. Ты отъ этого, конечно, не переѣнишься и, вѣроятно, опять будешь медлить, а между-тѣмъ можетъ еще случиться что-нибудь, и прощай невѣста и поиѣстье! Нѣтъ, уже я этого, по дружбѣ нашей, не доущу. Поручи мнѣ объясниться съ твоею будущею тещею. Я хотя съ нею и незнакомъ, но, посмотри, что исполню это порученіе скорѣе и лучше тебя, и къ полному твоему удовольствію. Согласенъ ли?

— Дай подумать, отвѣчалъ Веньяминновъ. Теперь нельзя же тебѣ ѣхать къ Лелинскимъ: и меня они не принимаютъ.

Разговаривая такимъ образомъ, друзья и не замѣтили, какъ съ Васильевского острова дошли до той улицы, гдѣ жили Лелинскіе. Они прошли нѣсколько разъ мимо дома, гдѣ обитала Надежда, и внимательно осматривали, съ противоположнаго троттуара, каждое окно ея жилища, но увидѣли только одну моську Марѣы Абрамовны, которая (не Марѣа Абрамовна, а ея моська) сидѣла на окнѣ и глядѣла, съ задумчивою физиономіею, на прохожихъ и проѣзжающихъ.

По совѣту Зябликова, Веньяминновъ зашелъ въ заповѣднѣй для него домъ: навѣдаться о здоровьи Марѣы Абрамовны. Между-тѣмъ самъ Зябликовъ, въ ожиданіи своего друга, прохаживался по улицѣ и повстрѣчался со стравающимъ музыкантаномъ, которыми такъ богаты Петербургъ. Зябликову пришла мысль остановить ихъ и заставить что-нибудь сыграть, противъ квартиры Лелинскихъ, чтобы вызвать къ окну Надежду Яковлевну. Но онъ рѣшился прежде дожидаться возвращенія своего пріятеля и узнать отъ него: позволить ли здоровье Марѣы Абрамовны привести въ исполненіе его замыселъ. Веньяминновъ скорѣе вышелъ на улицу, очень удивился, увидѣвъ своего друга, окруженнаго музыкантами, и сообщилъ ему радостную вѣсть, что больной гораздо лучше, и что она намѣрена скоро встать съ постели. Помѣстивъ музыкантовъ противъ самого центра дома, въ которомъ жила Надежда Яковлевна, Зябликовъ, за условленную цѣну, приказалъ музыкантамъ какъ можно громче заиграть вальсъ Штрауса, а самъ взялъ подъ руку своего пріятеля и началъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ по улицѣ.

— Помилуй! Чтò ты дѣлаешь!

— Слушаю вальсъ Штрауса.

— Да какъ же можно!

— А чтò?

— Ну если....

— Чтò если?

— Я уйду.

— А я тебя не пушу.

Уличныя зѣваки разнаго возраста и пола вмгъ окружили музыкантовъ. Веньяминовъ былъ на иголкахъ и рвался уйти, но Зябликовъ его не пускалъ.

У раствореннаго окна явилась Надежда Яковлевна.

— Это она чтò-ли?

— Она! отвѣчалъ Веньяминовъ, задыхаясь.

— Хорошейкая, печего сказать!

— Да пусти меня! Чтò она обо мнѣ подумаетъ!

— Не пушу. Поклонись ей! Не разсердится, увѣрю тебя!

Веньяминовъ былъ въ отчаяніи, но вдругъ увидѣлъ, что Надежда Яковлевна, замѣтивъ его въ толпѣ, очень граціозно и привѣтливо ему поклонилась.

Бѣдный молодой человѣкъ жестоко сконфузился и сильно обрадовался. На поклонъ своего предмета любви онъ отвѣчалъ, въ восторгѣ, чуть не земнымъ поклономъ.

Когда Марѳа Абрамовна поправилась, Веньяминовъ началъ опять посѣщать Лелюкинскихъ, и они принимали его съ прежнимъ вниманіемъ. Но у молодаго человѣка не доставало духу признаться въ любви къ Надеждѣ Яковлевнѣ и просить руки ея: имъ снова овладѣли робость и нерѣшительность. Зябликовъ, видя, что этому конца не будетъ, взялъ на себя объяснитьсь съ Марѳой Абрамовной.

Онъ, какъ извѣстно, медлить не любилъ. Въ тотъ самый день, въ который онъ добился уполномочія Веньяминова, рѣшился ѣхать къ Лелюкинскимъ.

— Какъ твое счастье близко, Валеріанъ! сказалъ ему Зябликовъ, замѣтивъ на лицѣ своего друга уныніе. Черезъ часъ я къ тебѣ возвращусь и поздравлю тебя женихомъ твоей милень-

кой Наденьки. Предчувствіе гворитъ мнѣ, что тебѣ не откажутъ. Я ужь улажу это дѣло—не безвокоиса!

— Не скрою отъ тебя, Костя, что этотъ часъ будетъ для меня самый мучительный. Я полюбилъ Наденьку безкорыстно, пламенно, и она меня любитъ: въ этомъ я не сомнѣваюсь. О! какъ были бы мы съ нею счастливы! Но что будетъ со мною, если отвергнуть мою любовь, которая слыхась теперь съ мнѣ существованіемъ, если Наденька—этогъ ангель—съ другимъ модъ вънець поидеть. Я не перенесу этого удара! Я умру!

— Пустяки! Не уирешь! Я не позволю.

— Не торопись ѣхать, поговори со мною и утѣшь меня. Не забудь, что я сирота, что, кромѣ тебя, не съ кѣмъ мнѣ раздѣлать мои настоящія чувства, а они переполнили мою душу. Если бъ живы были мои родители, я бросился бы въ ихъ объятія и на груди ихъ нашель бы отраду для своего сердца. Они благословили бы меня, при начинаиіи такого важнаго дѣла. Но теперь благословить меня некому. Послушай, Костя, сказалъ съ особеннымъ чувствомъ Веньяминовъ: исполни мое желаніе: сдѣлай то, что сдѣлали бы мои родители, если бъ они были со мною. Возьми въ моей компаніи со стѣны образъ, который принадлежалъ моей покойной матери, и благослови меня имъ.

У Зябликова, при этихъ словахъ, исчезла дружеская усмѣшка, съ которою онъ обыкновенно слушалъ рѣчи своего нерѣшительнаго друга. Онъ отеръ на своей щекѣ выкатившуюся слезу, принесъ образъ и благословилъ своего друга, по его желанію.

Веньяминовъ заплакалъ и бросился въ объятія Зябликова.

— Да, успокойся, пожалуйста, Валеріанъ! Ты развѣ не видишь, что ты и меня растрогалъ, что и я плачу. Не ловко же мнѣ съ красными глазами явиться къ Делинскимъ.

— Теперь поѣзжай! я не буду тебя болѣе удерживать: я успокоился; какъ-то стало легче на сердцѣ.

Зябликовъ отправился къ Делинскимъ. Когда онъ пріѣхалъ къ нимъ и позвонилъ, ему отперъ дверь уже извѣстный читателю слуга Григорій.

— Кого вамъ угодно? спросилъ онъ, когда Вильямовъ вошелъ въ переднюю.

— Мнѣ нужно повидаться съ Марою Абрамовной. Дома она?

— Дома-съ, пожалуйста! А какъ объ васъ прикажете доложить? Позвольте узнать вашу чинъ и фамилію.

— А зачѣмъ тебѣ знать: какого я чина!

— Да какъ же я барынь-то доложу; вѣдь она, конечно, спросить: кто вы такіе. Если не имѣете чина, такъ вы художникъ, купецъ, аль ищаннинъ какой?

— Да что съ тобой толковать. Ты, какъ я вижу, очень любопытенъ. Веди меня въ залу. Я самъ скажу твоей барынь: кто я.

И съ этими словами Зябликовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по передней.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, я васъ не впущу, сказалъ ему слуга, загородивъ ему входъ въ залу. Скажите хоть вашу фамилію. Барыня всегда сердится, когда я докладываю ей о пріѣздѣ гостя и не называю его по фамиліи. У насъ въ домѣ заведенъ такой ужъ порядокъ, и измѣнить его я не смѣю: мнѣ крѣпко достанется.

— Какой несносный! Скажи, что пріѣхалъ Зябликовъ.

— Какъ вы сказали?

— Зябликовъ.

— Зябликовъ, проговорилъ слуга и усѣхнулъ. Ги! Зябликовъ! Этого, сударь, быть не можетъ. Это не правда.

— Что ты за чепуху мелешь? О своемъ ли ты умѣ?

— Да вы явно изволите подшучивать надо мною. Экъ, съ чѣмъ подѣхали! Не надуете! Я сейчасъ смекнулъ, что вы скрываете вашу настоящую фамилію. Я не такъ глупъ, какъ вы думаете. Пожилъ довольно я на свѣтѣ. Зябликовъ! Я самъ ихъ лавливалъ и смѣю, и западню, и сплани. Нѣтъ-съ! Извольте сказать мнѣ настоящую фамилію вашу, а безъ того, воля ваша, не впущу въ залу и барынь объ васъ не доложу.

Зябликовъ вышелъ изъ себя и собрался уже затѣять исторію, схвативъ оратора за плечо, но Марою Абрамовна, пока-

завшись въ дверяхъ залы, совершенно его обезоружила. Она услышала звонокъ, ждала доклада слуги, наконецъ, потерявъ терпѣніе, заглянула въ переднюю.

— Что вамъ угодно! спросила она, обращаясь къ Зябликову.

— Марееу Абрамовну, отвѣчалъ послѣдній.

— То-есть, меня?

— Я имѣю къ вамъ порученіе по очень важному дѣлу.

— По важному дѣлу? Откого это?

— О важныхъ дѣлахъ неудобно объясняться въ этой комнатѣ.

— Правда! Пожалуйте въ гостиную.

Слуга Григорій, оставшись одинъ въ передней, проговорилъ вполголоса: «Боюсь, чтобы этотъ гость не напроказилъ чего! Экой заноза! И говорить-то съ нашимъ братомъ не хочетъ. Ужъ не мазурикъ ли онъ? А впрочемъ, что мнѣ за дѣло! Вѣдь сама барыня его приняла.

Пробормотавъ еще что-то, онъ выразительно махнулъ рукою.

Марееа Абрамовна вошла съ своимъ гостемъ въ залу, потомъ въ гостиную и пригласила его сѣсть въ кресла, а сама помѣстилась на диванѣ.

— Позвольте спросить, начала она: съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Константинъ Ивановичъ Зябликовъ, пріятель Валеріана Александровича Веньяминова. Онъ поручилъ мнѣ переговорить съ вами вотъ по какому дѣлу. Мой другъ любитъ вашу дочь и проситъ у васъ ея руки.

— Довольно странно мнѣ это слышать: я вижу васъ впервые, хотя и слышала уже объ васъ отъ Валеріана Александровича. Ему бы слѣдовало, кажется, самому со мною объясниться.

— У него не достало смѣлости самому признаться въ любви къ Надеждѣ Яковлевнѣ, и онъ довѣрилъ мнѣ открыть вамъ его сердечную тайну. Онъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта.

— Я должна подумать: дѣло слишкомъ важно. Нельзя его

рѣшить въ пять минутъ. Надобно поговорить съ мужемъ, спросить дочь—вы это понимаете, надѣюсь. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней, Валеріанъ Александровичъ получитъ отвѣтъ. Не скрою отъ васъ, что онъ намъ нравится: онъ хорошій, скромный молодой человекъ, но кто знаетъ: можетъ-быть онъ увлекается придавшимъ моей дочери.

Зябликовъ сталъ съ жаромъ опровергать послѣднюю мысль Марѳы Абрамовны; потомъ успѣлъ тронуть ее, пересказавъ все, что, предъ отъѣздомъ его изъ дому, другъ его говорилъ и дѣлалъ.

— Такъ онъ, бѣдный, плакалъ! сказала она. Я постараюсь его утѣшить и потороплюсь отвѣтомъ. Теперь я не сомнѣваюсь болѣе въ безкорыстной любви его къ моей Наденькѣ. Я должна посоветоваться только съ мужемъ моимъ. Вѣдь онъ глава всего семейства.

Съ этими словами, она взяла со стола колокольчикъ и позвонила.

Вошелъ слуга Григорій.

— Попроси ко мнѣ барина.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ слуга.

Яковъ Петровичъ не заставилъ себя долго ждать и сейчасъ же явился въ гостиную.

— Рекомендую тебѣ, сказала Марѳа Абрамовна своему мужу: Константина Ивановича Зябликова, пріятеля Валеріана Александровича.

Яковъ Петровичъ подалъ руку молодому человекъ.

Марѳа Абрамовна, болѣе, чтобы мужъ ея не перевралъ, по своей привычкѣ, имени поваго знакомаго, и замѣтивъ, что Яковъ Петровичъ хочетъ что-то говорить, предупредила его:

— Константинъ Ивановичъ привезъ намъ пріятную новость: его другъ дѣлаетъ предложеніе Наденькѣ. Какъ ты думаешь объ этомъ?

Яковъ Петровичъ совершенно растерялся. Ему и въ голову не приходило услышать такую неожиданную вѣсть.

— Я желаю знать твое мнѣніе, отвѣчалъ покорный мужъ.

— Мнѣ онъ нравится, и я согласна выдать за него Наденьку. Она мнѣ на дняхъ призналась, что давно уже полюбила его.

Яковъ Петровичъ не понялъ хорошенько словъ своей супруги, отъ сильнаго волненія, и началъ обвинять Зябликова, воображая, что онъ сватается. Къ счастью, Марья Абрамовна поняла причину этой глупости и, не давъ ему вымолвить слова, сказала:

— Какъ же ты думаешь, муженекъ. Мнѣ кажется, что Валеріанъ Александровичъ стбитъ нашей дочери.

— Я совершенно съ тобою согласенъ, отвѣчалъ Яковъ Петровичъ, оправившись и выпустивъ изъ своихъ объятій Зябликова. Я полюбилъ его, какъ сына.

— Такъ передайте, пожалуйста, вашему другу, продолжала Марья Абрамовна, обращаясь къ Зябликову: что мы принимаемъ его предложеніе.

Зябликовъ простился съ Лелюкинми. Его просили познакомиться съ ними покороче.

— Выйдя на улицу, онъ остановилъ перваго, попадавшагося ему, извозчика.

— Куда, баринъ?

— На Васильевскій.

— Четвертачокъ.

— Полтинникъ дамъ, только валяй живѣе!

Съ необычайною быстротою Зябликовъ потесся по улицамъ. Прохожіе останавливались съ удивленіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ думали, что Зябликовъ гонится за какимъ-нибудь мошенникомъ; другіе же полагали, что онъ самъ мошенникъ, за которымъ гонятся. Мнѣнія людей всегда склонны къ разнообразію и противоположности.

— Поздравляю Валеріанъ! воскликнулъ Зябликовъ, вбѣгая въ комнату. Твое предложеніе принято.

Оба бросились другъ другу въ объятія и долго обнимались молча.

Когда восторгъ ихъ поутихъ, Валеріанъ Александровичъ началъ проворно одѣваться.

— Куда ты сбираешься? спросилъ Зябликовъ своего друга.

— Къ Лелюкинми! отвѣчалъ Веняиновъ и побѣжалъ къ двери, которая вела на лѣстницу.

— Возьми же шляпу и надѣнь галетухъ, разсѣянный! да и

нени приехать, по врану свата. Миѣ пріятно будетъ видѣть те-
бя подлѣ твоей Надежки.

— Поѣдемъ, поѣдемъ виѣсть! Только поскорѣе!

Трезъ нѣсколько дней, Венъяминовъ провозглашенъ былъ
женихомъ Надежды Яковлевны.

IV.

Не станемъ описывать чувствъ жениха и невесты: они уже
описаны во многихъ романахъ и повѣстяхъ, да такъ подробно,
живописно и *натурально*, что, просто, мое почтеніе!

Лелюшкіе переѣхали на дачу за Лѣсной корпущъ; Валеріанъ
Александровичъ оставался по-прежнему на Васильевскомъ ост-
рову, съ своимъ другомъ Зябликовымъ. Не смотря на боль-
шое разстояніе, которое отдѣляло Венъяминова отъ Надежды
Яковлевны, счастливый женихъ почти каждый день ѣздилъ
къ своей невестѣ, то въ дилижансѣ, то на лихачѣ-извозчикѣ, а
иногда, изъ эконѳіи, ѣздилъ и пѣшкомъ, не чувствуя ни ма-
лѣйшей усталости, хотя походка его походила, во быстротѣ,
на полетъ птицы. Волшебникъ Амуръ подарилъ ему крылья.

Въ одинъ изъ іюньскихъ дней, Валеріанъ Александровичъ
собирался ѣхать къ своей невестѣ. Онъ тщательно выбри-
лся, умылся, напomaдился, надушился, посмотрѣлся въ зерка-
ло и нашелъ, что онъ въ тотъ день былъ необыкновенно милъ
и интересенъ. Онъ началъ укладывать въ свою должностную
портфель ноты, которыя хвалили наканунѣ Надежда Яковлева
и которыя онъ, какъ догадливый женихъ, тотчасъ же купилъ,
чтобы сдѣлать своей невестѣ сюрпризъ и подарокъ. Оставалось
надѣть шляпу и вѣсти на лѣстницу. Зябликовъ тоже намѣревал-
ся отправиться, послѣ службы, къ своимъ знакомымъ, на дачу,
чтобы воспользоваться прекрасною погодою, которая такъ рѣд-
ко навѣщаетъ нашу великолѣпную, сѣверную столицу. Въ это
самое время раздался стукъ на улицѣ, и къ дому, въ которомъ
жили наши друзья, извозничья пролетка привезла молодого

человѣка. Заблнковъ, изъ любовиства, подошелъ къ окну и, выглянувъ на улицу, узналъ въ прїѣзжемъ Вѣльскаго.

— Вотъ очень кстати пожаловалъ къ намъ незваный гость! воскликнулъ Константинъ Ивановичъ, обращаясь къ Веньяминову. Нелегкая принесла этого спорщика и хвастуна, этого кутилу. Я, впрочемъ, церемониться съ нимъ не стану и сейчасъ же выберусь изъ дому, да и тебѣ, Валеріанъ, совѣтую тоже сдѣлать.

— Да кому это расточаешь ты такія похвалы? спросилъ Веньяминовъ.

— Вѣльскому, который сейчасъ къ намъ явится.

— Неужели? Да какъ ты объ этомъ узналъ?

— У тебя, я вижу, нѣтъ ни глазъ, ни ушей, ни ума, ни сердца! Все это теперь находится за Лѣснымъ корпусомъ.

Въ заключеніе Зяблнковъ запѣлъ какимъ-то, страннымъ басомъ стихи изъ извѣстной старинной пѣсни:

• О жалкое творенье

• Влюбленный человѣкъ!

Веньяминовъ, не разслушавъ, по разсѣянности, ни словъ, ни пѣсни своего друга, сказалъ:

— Ты очень прїятно поешь! У тебя славный голосъ! А вотъ бы ты послушалъ какъ поетъ моя Наденька, такъ ужъ я тебѣ скажу! И ты бы растаялъ, даромъ, что не охотникъ до музыки.

Зяблнковъ захохоталъ. Въ тактъ его хохоту, раздался сильный звонокъ въ передней. Вздремнувшій слуга въ сильномъ испугѣ вскочилъ съ ларя и проворно отперъ двери. Вошелъ шп, лучше сказать, вбѣжалъ знакомый уже читателямъ Евгенийъ Федоровичъ Вѣльскій. Сбросивъ съ себя поспѣшно пальто, онъ вошелъ въ залу и, не найдя въ ней никого, отправился прямо въ кабинетъ Веньяминова.

— Здравствуй, Валеріанъ! сказалъ Вѣльскій. Я прїѣхалъ тебя поздравить; давно уже узналъ я прїятную новость, да все некогда было къ тебѣ заѣхать. Поздравляю! Отъ души поздравляю!

Вѣльскій началъ цѣловать Веньямцова.

— Очень благодаренъ тебѣ за посѣщеніе и поздравленіе! отвѣчалъ послѣдній, когда прекратились посылавшіеся на него поцѣлуи.

— Не иѣшаетъ тебѣ также поблагодарить меня и за то, что ты сдѣлался женихомъ хорошенькой дѣвушки. Вѣдь это все устроилось съ моей легкой руки: я познакомилъ тебя съ Мелинскими. Впрочемъ, не одного тебя я пристроилъ, найдутся и другіе. А что, Зябликовъ дома?

— Да, онъ дома, отвѣчалъ Веньямцовъ.

— Такъ что жъ онъ отъ меня прячется! воскликнулъ Вѣльскій. Зябликовъ! Гдѣ ты? Куда ты скрылся? Приди въ мои дружескія объятія и дай на себя взглянуть.

Константинъ Ивановичъ, съ нахмуреннымъ лбомъ, вышелъ изъ другой комнаты въ кабинетъ своего друга.

— Да какимъ ты франтомъ сдѣлался! сказалъ Зябликову Вѣльскій, закинувъ руки подъ фалды своего фрака и отступивъ отъ своего пріятеля на нѣсколько шаговъ. Я тебя не узнаю, рѣшительно, не узнаю. Ужъ не собираешься ли и ты жениться? Если хочешь, я тебя сосватаю. Какъ пить дамъ!

— Не трудись и не бери на себя лишнихъ хлопотъ: позаботься лучше о себѣ, отвѣчалъ, надувшись, Зябликовъ. Тебѣ нужнѣе жениться: твой образъ жизни, авось, тогда измѣнится.

— А что находишь ты, почтеннѣйшій пріятель, дурнаго въ моемъ образѣ жизни?

— Я не нахожу ничего дурнаго. Поведеніе — твоя полная собственность. Распоряжайся ею, какъ хочешь.

— А! да ты, кажется, моралистъ?

Душа Веньямина была въ это время за Лѣснымъ корпусомъ. Вертя въ своихъ рукахъ портфель съ приготовленнымъ сюрпризомъ, онъ возразилъ въ разсѣянности:

— Кто тебѣ сказалъ, что Зябликовъ журналистъ? Онъ попрежнему помощникъ столоначальника.

— О какомъ журналиствѣ ты толкуешь? воскликнулъ Вѣльскій. Ты, какъ я вижу, не въ своей тарелкѣ сегодня и даже, можно сказать, въ хандрѣ. Утѣшься, нѣжный голубокъ! Ты

сейчасъ увидишь свою горлицу, страстно завернуешь и забудешь все на свѣтъ, даже меня, твоего искреннаго друга и свата. Ему товарищи: моралистъ, а онъ толкуетъ: журналистъ и помощникъ столоначальника. Что съ тобой, Валеріанъ?

— Я право не знаю что ты во мнѣ замѣтилъ сегодня особеннаго. Я все тотъ же, какъ и всегда.

— Это вѣрно, какъ дважды два четыре! сказалъ Вѣльскій. Замолчи, мой шеръ, и дай мнѣ кончить мой разговоръ съ почтеннымъ и любезнымъ Зябликовымъ. Ну, что же скажете вы, господинъ моралистъ? Доскажите вашу мысль и вымойте мнѣ голову, если я въ самомъ дѣлѣ не правъ.

— Пусть вамъ голову вымоетъ банщикъ. Это не мое дѣло. За смѣхъ—мое почтеніе! Мнѣ пора въ департаментъ.

Сказавъ это, Зябликовъ, взявъ свою портфель подъ мышку, ушелъ.

— И мнѣ пора въ департаментъ, но я сегодня не пойду. Я боленъ! Сверхъ того я и тебя не пушу, любезный Валеріанъ! Ты давно, какъ я замѣтилъ, вертишь въ рукахъ портфель. Что въ ней? Бунаги?

— Нѣтъ, ноты.

— Дипломатическія?

— Нѣтъ, музыкальныя.

— Вотъ что! Да куда же ты ихъ тащишь?

— Къ невѣстѣ.

— Это вздоръ!

— Какъ вздоръ?

— Ты снесешь къ ней эти ноты завтра.

— Нельзя! Я общалъ ей!...

— Пустяки! Мало ли что мужчины общаютъ и не исполняютъ. Покажи характеръ, мой шеръ, не ѣзди къ твоей невѣстѣ сегодня и проводи весь день, вплоть до ночи, со мною. Во-первыхъ, этого требуетъ долгъ благодарности къ твоему другу и свату, во-вторыхъ ты покажешь твердый характеръ, ко-

торый всегда уважается женщинами и дѣвушками, въ-третьихъ тебѣ необходимо нужно проститься съ холостою жизнью, передъ вступленіемъ въ бракъ, и покутить на прощаньи съ нею, въ-четвертыхъ я тебя ни за что на свѣтѣ изъ своихъ рукъ не выпущу. Покутимъ, передъ твоей свадьбой, въ послѣдній разъ, любезный Валеріанъ, мой драгоценный Валеріанчикъ! Согласенъ?

— Ну, право, оно неловко...

— Вадоръ! Незволительно быть подѣ башмакомъ жены; но никогда подѣ башмакомъ невѣсты! Я тебѣ этого не позволю. Я этого не снесу, не стерплю, не допущу. Кажется, такъ сказалъ въ древнія времена Цицеронъ не помню кому. А впрочемъ дѣло теперь не о Цицеронѣ, а о томъ, что мы сейчасъ же ѣдемъ съ тобою ѣсть устрицы и пить превосходный, англійскій портеръ, потомъ обѣдать въ лучшую изъ петербургскихъ гостинницъ, потомъ гулять по островамъ, танцовать, ужинать, ну, словомъ сказать, веселиться до разсвѣта. Наживешься съ женой-то. И захочешь погулять со мною, да не пустить! Увѣрю тебя, не пустить!

— Ну, право, нельзя. Она разсердится...

— Ничего! Пусть разсердится! Ты думаешь, что она не будетъ на тебя сердиться впоследствии. Будетъ и съ полнымъ правомъ! Ну, а теперь, покуда у нея права еще нѣтъ на тебя сердиться, обяжи твоего друга и свата: кутнемъ да и закаеися.

— Ну, право, я не знаю....

— Ты ничего не знаешь, нѣжный, сизой голубчикъ, какъ сказалъ, помнится, въ своей пѣснѣ поэтъ Дмитриевъ, а я такъ все знаю!

•Людей и свѣтъ извѣдалъ я,
•Узналъ невѣрной жизни цѣну.

Кажется это сказалъ Пушкинъ, а очень можетъ быть, что я перевралъ его имя и его стихи. Словомъ сказать, ѣдемъ! Я отъ тебя не отстану. Кутнемъ—и баста! А послѣ женись!

— Послушай! Я подамъ тебѣ теперь же бутылку шампанскаго. Разопьемъ ее, а послѣ отпусти меня къ невѣстѣ.

— Шампанскаго? Это дѣло хорошее! Подавай, а послѣ посмотришь. Послѣ шампанскаго у всѣхъ бываетъ двойное зрѣніе. Вдвое становишься дальновидѣе и проницательнѣе. Подавай!

Валеріанъ Александровичъ всталъ съ вольтеровскихъ кресель, вынулъ изъ комода бумажникъ и вышелъ съ нимъ изъ комнаты.

Черезъ пять минутъ слуга принесъ бутылку шампанскаго и два стакана. Оно было выпито въ четверть часа. На долю Валеріана Александровича досталась половина шипучаго нектара: настойчивость гостя одержала побѣду надъ сопротивленіемъ Вевьяшинова.

— Послушай, Валеріанъ, сказалъ Вѣльскій: я съ тобою сегодня ни за какія блага въ мірѣ не разстанусь и не пушу тебя къ невѣстѣ. Мы завтракаемъ, обѣдаемъ, гуляемъ и ужинаемъ вмѣстѣ. А завтра ступай къ невѣстѣ, хоть въ шесть часовъ утра. Я буду спать и тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю.

— Дѣлать съ тобою нечего, я соглашаюсь, только съ тѣмъ, чтобы ты меня отпустилъ къ Наденькѣ хоть часовъ въ семь вечера, сегодня.

— Изволь! Отпущу! Мы впрочемъ объ этомъ успѣемъ поговорить послѣ, а теперь надѣвай пальто, перчатки, шляпу—и маршъ! Не худо завернуть намъ, вечеромъ, и на Крестовскій островъ: сегодня тамъ музыка, большое восхожденіе по канату и блестятельный фейерверкъ. Такъ объявлено въ газетахъ. Жаль, что хозяинъ какого-нибудь трактира не попробуетъ объявить когда-нибудь, что при его заведеніи будетъ сожженъ никогда не выданный, мрачный фейерверкъ. Я увѣренъ, что онъ бы заманилъ къ себѣ бездну публики.

— Нѣтъ, ужъ, на Крестовскій, воля твоя, я не поѣду: я опоздаю къ моей невѣстѣ.

— Ну, хорошо, хорошо, какъ хочешь! Поѣдемъ только поскорѣе: золотое время терять не должно.

Веньяминовъ одѣлся, взялъ подъ мышку драгоценную для него пошу—портфель съ нотами, и отправился въ дорогу съ Вѣльскимъ.

Лихачъ-извозчикъ доставилъ скоро молодыхъ людей въ лавку, гдѣ они наѣлись устрицъ и выпили бутылку портера. Потомъ отобѣдали они въ гостинницѣ. По настоянію Вѣльскаго подана была къ обѣду еще бутылка шампанскаго, и половина ея досталась опять бѣдному Веньяминову, противъ его воли. Съ непривычки, голова Валеріана Александровича, закружившаяся еще немного дома, теперь уже сильно зашала.

Отобѣдавъ, наши пріатели отправились кататься. Они обѣхали уже Аптекарскій и Каменный острова, но Вѣльскій этимъ не довольствовался и приказалъ извозчику ѣхать на Крестовскій.

— Сдѣлай милость, отпусти меня! сказалъ Евгенію Федоровичу Веньяминовъ, услышавъ новыи приказъ своего пріателя.

— Ни за что на свѣтѣ! отвѣчалъ послѣдній. Ты можешь не долго оставаться на Крестовскомъ, даже отказаться отъ бластательнаго фейерверка. Взгляни только вмѣстѣ со мною на большое восхожденіе и публику, послушай музыку, и потомъ отправляйся на всѣ четыре стороны.

Вѣльскій и Веньяминовъ, не доѣхавъ на Крестовскомъ до русскаго трактира, сошли съ дрожекъ и начали къ нему пробираться, черезъ толпу народа, чтобы отдать трактирщику для сбереженія, на время ихъ прогулки, портфель Веньяминова, которая вызывала улыбки и удивленіе на лица гуляющихъ. По мѣрѣ приближенія къ тому мѣсту, гдѣ должно было показываться большое восхожденіе, толпа зрителей увеличивалась. Вѣльскій, ведшій подъ-руку Валеріана Александровича, энер-

гически пробирался сквозь толпу и толкалъ очень неучтиво плечомъ загоразивавшихъ ему дорогу. На нашихъ пріятелей сыпались со всѣхъ сторонъ восклицанія и ругательства на разныхъ языкахъ. Наконецъ Вѣльскій далъ сильный толчокъ Нѣмцу, который, разинувъ ротъ, смотрѣлъ съ удивленіемъ на начавшееся уже, при звукахъ музыки, восхожденіе и сбѣгался прокричать: bravo!

— Какой невѣждъ! сказалъ громко Нѣмецъ, обращаясь къ Вѣльскому.

— Молчи, а не то будетъ тебѣ худо! отвѣчалъ Евгеній Федоровичъ, остановившись.

— Мой не будетъ молчать! Если твой меня еще трогаетъ, то твой будетъ получать отъ меня таковой толчокъ, что будешь летать на воздухъ, перепрыгивать канатъ и очутываться въ Цева.

— Пошелъ, хвастунъ! отвѣчалъ Вѣльскій, толкнувъ его и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Самолюбивый Нѣмецъ бросился за Вѣльскимъ, схватилъ его за пальто и остановилъ.

— Нѣтъ стой, голубчикъ; мой тебя не будетъ пускать и хочеть объяснить съ тобою въ сторонка.

— Очень радъ, очень радъ, отвѣчалъ Вѣльскій. Ступай за мной, только не отставай: я дамъ тебѣ себя знать.

Венъяминовъ былъ, какъ на иголкахъ, умолялъ, чтобы Вѣльскій отпустилъ его, но тотъ былъ неумолимъ. Держа подъ руку Венъяминова и сопровождаемый Нѣмцемъ, онъ началъ выбираться изъ толпы. Наконецъ три дѣйствующихъ лица начавшейся сцены остановились на такомъ мѣстѣ, гдѣ народу было немного.

— Чтò жъ ты хотѣлъ мнѣ объяснить? спросилъ Вѣльскій Нѣмца. Говори!

— Ты мнѣ обижалъ, и я буду получать сатисфакція.

— Изволь, я не прочь! Давай стрѣляться хоть здѣсь же въ лѣсу, если достанешь пистолеты, а не хочешь, такъ пойдемъ куда-нибудь подале. Да вотъ и секунданта мой, прибавилъ Вѣльскій, указывая на Веньяминова.

— Пожалуйста, отпусти меня, я тебя прошу: мнѣ давно пора ѣхать, сказалъ Валеріанъ Александровичъ.

— Еще четверть часа пробудь со мною, отвѣчалъ ему Вѣльскій: и тогда уже я опущу тебя непременно. Потомъ, обращаясь къ Нѣмцу, прибавилъ: Ну что же стоишь, храбрецъ; пойдемъ въ лѣсъ.

— Зашѣмъ? спросилъ Нѣмецъ.

— Стрѣляться! Вѣдь самъ ты просишь удовольствія.

— Стрѣлять? воскликнулъ Нѣмецъ. Нѣтъ, мой туда, въ лѣсъ, никогда не пошелъ; мой не умѣетъ стрѣлять.

— Такъ ты хочешь, можетъ-быть, денегъ. Если такъ, то получай по три цѣлковыхъ, за каждыя туза, да не ошибись въ счетъ, считай вѣрнѣе.

И съ этими словами Вѣльскій показалъ Нѣмцу кулакъ.

— Нѣтъ, деньга мнѣ не надо, мой умѣетъ ее довольно.

— Такъ убирайся же скорѣе съ глазъ моихъ, сказалъ Вѣльскій.

— Нѣтъ, мой не уйдетъ. Я хотѣлъ объяснить, что вашъ характеръ прескверный.

Вѣльскій, обидѣвшись, толкнулъ Нѣмца въ плечо. Послѣдній покачнулся, запнулся за кочку и упалъ. Въ это время шляпа и парикъ его полетѣли, съ головы его, въ разныя стороны. Собравшаяся около упавшаго небольшая толпа начала смѣяться. Нѣмецъ, увидѣвъ свой парикъ на землѣ, не могъ перенести такого оскорбленія и закричалъ: караулъ!

На крикъ его явился сейчасъ же полицейскій чиновникъ. Онъ разобралъ дѣло и приказалъ двумъ будочникамъ взять Вѣльскаго и Веньяминова, вѣстѣ съ Нѣмцемъ, и отвести въ сѣзжій домъ.

Когда начался блистательный фейерверкъ, Вѣльскій, Нѣмецъ и Веньяминовъ сидѣли уже въ сѣзжемъ домѣ и печально смотрѣли на сальную свѣчу, тускло горѣвшую передъ ними въ подсвѣчникѣ. Портфель съ нотами, которыя Веньяминовъ хотѣлъ подарить своей невѣстѣ, осталась на сбереженіи у трактирщика.

А. М...скій.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

Иностранная Словесность.

В В М Л В М Ф Р Ъ.

РОМАНЪ КУПЕРА.

(Окончаніе *)

XXIII.

Одни, посреди мрачнаго лѣса, они вели жизнь пастушескую, говорили лѣзкомъ сердца; взоры ихъ выражали то, чего не въ состояніи были высказать уста.

Томсонъ.

Положеніе мое было если не совершенно отчаянное, по-крайней-мѣрѣ болѣе чѣмъ критическое. Безпокойство, съ какимъ я прислушивался къ малѣйшему шуму, по которому могъ бы предполагать, что шапала на мой слѣдъ, было мучительно. На минуту мнѣ показалось даже, что я слышу крики, слышу, какъ приближаются къ мельницѣ, съ намѣреніемъ схватить меня; шумъ этотъ раздавался въ моихъ ушахъ, но въ сущности это было одно лишь представленіе раздраженнаго, больнаго моего воображенія: только шумъ струившейся воды нарушалъ спокойствіе природы. Мнѣ удалось вздохнуть свободнѣе и осмотрѣться вокругъ.

* См. V, VII и VIII кн. С. О. 1848 года.

Мельница была, какъ и прежде я сказалъ, постройки грубо и небрежной. Нѣсколько досокъ, набросанныхъ на перекладины, образовали въ верхней части строенія, роль пола: первымъ дѣломъ моимъ было сдвинуть эти доски, потомъ наложить нѣкоторыя изъ нихъ одну на другую, и такимъ образомъ скрыть себя отъ взоровъ тѣхъ, кто приблизился бы къ мельницѣ.

Чтобы видѣть, что происходитъ въ мельницы, я просверлилъ ножомъ небольшое отверстіе въ доскѣ; въ него я могъ осматривать мѣстность на довольно обширное пространство.

Поиски продолжались дѣятельно. Сквоттеры очень хорошо знали, что я не успѣлъ еще скрыться въ лѣсъ, и потому были увѣрены, что я нахожусь гдѣ-нибудь вблизи отъ нихъ. Всѣ хижинны были осмотрѣны; но никому не приходила мысль заглянуть въ мельницу, потому-что каждый изъ сквоттеровъ былъ вполне увѣренъ, что я скрылся въ совершенно противоположную сторону. Когда обшарены были всѣ углы и всѣ щели, враги мои остановились, не зная куда идти.

Наконецъ, разставивъ мальчишекъ на всѣхъ обсервационныхъ пунктахъ, отецъ собралъ семерыхъ взрослыхъ сыновей своихъ, и медленно пошелъ съ ними къ мельницѣ. Войдя въ нее, они стали въ кружокъ; это позволило мнѣ, не бывъ замѣченнымъ, слышать весь ихъ разговоръ.

— Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, безопасно... нѣтъ лишнихъ ушей и языковъ.... сказалъ Мильакръ, садясь на приготовленное для разпилки дерево. Странное дѣло, Тоби!... я никогда бы и не подумалъ, что хоть одна изъ этихъ городскихъ щеголей, стумбеть такъ ловко воспользоваться своими ногами. Куда онъ могъ скрыться?

— Если онъ уйдетъ отъ насъ, проговорилъ Тоби, будетъ худо.... тогда все пропало. Возвратясь въ Ревясность, онъ непременно начнетъ хлопотать о томъ, чтобъ остановить насъ... На Ньюкома плохая надежда.... въ бѣдѣ не поможетъ.

— Полно!... напрасно нападаешь на судью, замѣтилъ Мильакръ. Я увѣренъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, извѣститъ насъ, чтобъ дать намъ время убраться отсюда.

— Да.... я тогда поклонись доскамъ, которыя спущены на воду!... поклонись всему заточенному лѣсу! Подумай о томъ, что здѣсь нѣтъ куска дерева, который бы не былъ облитъ моимъ потомъ!... Нѣтъ!... легко ихъ не возмуть у меня.... стумбю обороняться!...

— И меня не заставить бросить мой лѣсъ и домъ! вкрячаль съ жаромъ Миллякръ. Мы дрались за свободу съ королемъ Георгомъ, — отъ чего же не драться теперь, не воевать за свое собственное добро? Да и къ чему послужала бы свобода, если бы мы позволили разорять себя?

Всѣ сыновья, единогласно и громко, подтвердили мысль отца, и воинственная отвага выразилась на ихъ лицахъ.

— А что мы сдѣлаемъ съ этимъ молодымъ, если поймаетъ его? спросилъ Зефанъ.

Я уклонилъ вниманіе. Въ этомъ вопросѣ заключался вынужденный для меня интересъ.

— Оставлять его долго здѣсь—нельзя.... его начать отъискивать.... Хотя мы и имѣемъ полное право на свое добро.... а все же здѣсь, въ этой землѣ, не слишкомъ расположены къ сквоттерамъ.

— Какое мнѣ дѣло до здѣшнихъ! сказалъ съ гордостью Миллякръ. Если имъ нуженъ этотъ Литтльпеджъ, пусть идутъ за нимъ,.... приму я угощу! я объявляю: если этотъ сьумабродъ попадется мнѣ въ руки, такъ не вырвется, пока не отдастъ мнѣ законнымъ образомъ двѣсти акровъ земли и мальницу, не требуя ничего за прошедшее время. Вотъ мои условія, и — никакой уступки.

За этимъ формальнымъ объявленіемъ послѣдовало довольно продолжительное молчаніе и тишина; я боялся, чтобъ они не усиливала тяжелого дыханія моего. Къ счастью, Зефанъ началъ говорить.

— Я слышалъ, сказалъ онъ, что всѣ условія, которыя дѣлаются въ такихъ случаяхъ, не значатъ ничего передъ закономъ. Въ послѣдній разъ, какъ я ѣздилъ въ Ревисность, объ этомъ толковалъ Ньюкомъ.

— Вотъ—но! Такъ чортъ же ихъ поймать! проворчалъ старикъ сквоттеръ. Пашутъ законы, и хотятъ чтобъ всѣ исполняли ихъ; а если представляшь въ судъ законное условіе, такъ опять не то!... и законъ не законъ! Я только и думаю о томъ, какъ бы взять у этого молодого Литтльпеджа законную бумагу на землю,— а ты говоришь, что это ни къ чему не поведетъ! Эхъ, Зефанъ, Зефанъ!... часто ты ѣздишь къ этимъ законникамъ!... не одурѣй самъ, какъ они!...

— Не одурѣю, хоть и съ удовольствіемъ ѣзжу туда. Я ужъ съ той порѣ, что время подумать о женитьбѣ; а здѣсь кромѣ

— сестеръ моихъ, нѣтъ другихъ дѣвушекъ, такъ, по неволѣ, станешь ѣздить къ сосѣдамъ. Вотъ для чего я бываю въ Ревенестѣ... и скрывать не хочу.

— А что же, напелъ ли чего искалъ? Говори откровенно... ты знаешь: притворства и обмана я не люблю... Кто же она? Согласна ли идти къ намъ въ семейство?

— Ахъ, батюшка!... Три раза я спрашивалъ, объ этомъ Урсуду, и каждый разъ она отвѣчаетъ мнѣ, что никогда не согласится.... чтобъ я и не думалъ о ней.

— Кто же эта дѣвочка, что вздумала заирать носъ передъ сыновьями Мильякра? спросилъ съ гордымъ видомъ старикъ; хотѣлъ бы видѣть ее!... хотѣлъ бы поговорить съ нею!... Какъ ты назвалъ ее?

— Урсуда Мальбонъ... племянница. землемѣра.

— Племянница землемѣра! И ты три раза просилъ ее за себя?

— Да, батюшка,... три раза; и каждый разъ она отвѣчала, что не согласна.

— Хорошо же!... въ четвертый заговорить другое. Нельзя ли увести ее сюда? Она, вѣрно, живетъ въ лѣсу вмѣстѣ со старикомъ Андреемъ?

— Да.

— А любить ли она своего дядю?

— Она любить старика Андрея, какъ роднаго отца.

— Такъ отчего же не пойти тебѣ къ ней, Зефанъ, и не сказать, что дядя ея въ опасности, что ты не знаешь самъ, что съ нимъ будетъ, и что ей не мѣшало бы съ нимъ повидаться? А тамъ, когда бы она пришла сюда, такъ ты надѣлъ бы новое свое платье, а мы послали бы за Ньюкомомъ, и, какъ знать, можетъ быть ты женился бы раньше чѣмъ думаешь.

Это предложеніе было принято единодушно, особливо Зефаномъ, до котораго оно преимущественно касалось.

— Батюшка, сказалъ онъ, позовите Лавинію и поговорите съ ней объ Урсудѣ Мальбонъ. Сестра стойтъ, вонъ тамъ, съ женою Тоби и съ матушкой, которая шарить въ капустѣ, какъ будто бы въ ней могъ спрятаться человѣкъ.

Мильякръ позвалъ свою дочь, и вскорѣ я услышалъ не ровную, робкую походку бѣдной дѣвушки. Она, конечно, думала, что ее звали потому, что считали сообщницею въ моемъ побѣгѣ; эта мысль особенно встревожила ее.

— Поди сюда, Лавинія, сказалъ Мильакръ тѣмъ важнымъ голосомъ, который онъ обыкновенно употреблялъ въ разговорѣ съ своими дѣтьми. Знаешь ли ты Урсулу Мальбонъ, племянницу землемѣра?

— О! слава Богу, батюшка!... какъ вы меня испугали.... мнѣ показалось, что вы нашли молодого человѣка и подумали, что я помогла ему скрыться.

Какъ ни странны могли показаться эти слова, случайно сказанныя, они не возбудили однако никакого подозрѣнія; сначала я думалъ, что этимъ признаніемъ Лавинія подвергнетъ себя строгому допросу и тайна моя откроется; но ни отецъ, ни одинъ изъ братьевъ не обратили вниманія на эти слова.

— Кто тебѣ говоритъ о молодомъ Литтльнеджѣ? сказалъ съ досадою Мильакръ. Я тебя спрашиваю о томъ, знаешь ли ты племянницу землемѣра?

— Что я могу знать объ ней? сказала Лавинія, рѣшась открыть одну тайну, тяготившую ее сердце, чтобы тѣмъ самымъ скрыть другую, болѣе важную; я, пожалуй, скажу вамъ... сегодня я видѣла Урсулу въ первый разъ. Зефанъ часто говорилъ мнѣ про дѣвушку, которая цѣлый мѣсяцъ носила цѣпи старика Андрея, и на которой онъ хотѣлъ бы жениться....

— Ты видѣла ее въ первый разъ! Чтожъ это значитъ? гдѣ же ты ее видѣла сегодня? Кажется, весь родъ человѣческій сговорился сегодня быть у меня на свиданіи!... Отвѣчай же!... гдѣ ты видѣла ее?

— Она была здѣсь, съ своимъ дядей.... не подалеку отсюда... и я.... я....

— Ну чтожъ ты? говори, не запинаясь!

Я безошибочно могъ бы сказать Мильакру, почему дочь его отвѣчала такъ робко; но она и сама ловко выпуталась изъ своего труднаго положенія.

— Вотъ видите ли что: я пошла сегодня, послѣ полудня, за ежевикой; выйдя на поле, которое у самой опушки лѣса, я увидѣла молодую дѣвушку.... это была Урсула; мы разговорились, и она высказала мнѣ про себя все. Она ждетъ своего дядю, чтобъ возвратиться домой....

— Что? возвратиться домой? вотъ новость, ребята! а гдѣ она теперь? Знаешь ли ты, Лавинія?

— Навѣрное сказать не могу; она сказала мнѣ, что скроется въ лѣсъ, боясь чтобъ ее не увидѣли;... но до заката соли-

ца она будетъ у большаго каштановаго дерева, которое, вы знаете, растетъ на томъ поле, гдѣ я собираю ежевику.... я обѣщала прѣдти туда, чтобы проводить ее къ вамъ или принести ей ужинъ и что-нибудь вмѣсто постели.

Эти слова внушили полную довѣренность; старикъ скоттеръ рѣшился, кажется, воспользоваться обстоятельствами. Онъ всталъ и сказалъ своимъ сыновьямъ:

— Теперь ступайте за мною. Мы снова осмотримъ всѣ хижинны, всѣ склады бревенъ, чтобы узнать не успѣлъ ли скрыться этотъ Литтльсиджъ въ то время, пока мы говорили здѣсь. Ты, Лавинія, не ходи съ нами. Вы, дѣвушки, если вамъ поручить какой-нибудь обыскъ, бѣгаете, какъ угорѣлыя, и только портите дѣло.

Выждавъ минуту, когда затихли и отдаленные даже шаги, я рѣшился выглянуть въ отверстіе, которое просверлили въ доскѣ. Лавинія сидѣла на томъ же деревѣ, на которомъ помѣщался ее отецъ; безпокойный взглядъ ея, казалось, искалъ меня. Наконецъ она тихо произнесла.

— Здѣсь ли вы? батюшка и братья не услышатъ насъ теперь... только говорите тише.

— Я здѣсь, моя добрая Лавинія... я знаю все, что было. Ты видѣла Урсую Мальбонъ?... Отдала ли ты ей мое письмо?

— Отдала, отдала; она столько разъ прочла это письмо, что, я думаю, вытвердила его наизусть.

— Да что жъ она тебѣ сказала?... Не просила ли послать къ дяди?... не говорила ли что-нибудь о моемъ письмѣ?

— О, она много говорила, очень много... Вѣдь, вы знаете, молодыя дѣвушки любятъ говорить; мы съ Урсуйей говорили болѣе получаса. Теперь мнѣ нельзя вамъ пересказать все... могутъ спохватиться, за чѣмъ я такъ долго остаюсь на мельницѣ.

— Скажи мнѣ только, дала ли она какой-нибудь отвѣтъ на мое письмо?

— О вашемъ письмѣ она не сказала ни слова... О, эта дѣвушка осторожна, когда получаетъ письма отъ молодыхъ людей. Скажите мнѣ, вы находите ее такою же красавицей, какъ и Зефанъ?

Этотъ вопросъ не предвѣщалъ ничего добраго; однако надо было отвѣчать, и притомъ такъ, чтобы не разсердить Лавинію, потому-что всю надежду мою я возлагалъ на нее.

— Она не дурна; впрочемъ я видѣлъ многихъ, которыя лучше ее. Но хороша ли она, или дурна, все же она дѣвушка и потому грѣхъ не думать объ ней въ такое опасное время.

— Да, да. Пусть батюшка выгонитъ меня, но я не оставлю ее, сказала съ особеннымъ выраженіемъ Лавинія. Меня утѣшила эта живая свѣтотеревъ... я не понимаю, почему не жить бы всегда на одномъ мѣстѣ. Но скажите мнѣ, что было бы лучше для Урсулы? Не будетъ ли она сердиться, если Зефанъ женится на ней.

— Почему ты спрашиваешь меня объ этомъ? развѣ ты что-нибудь видѣла или слышала подобное, разговаривая съ нимъ? Скажи мнѣ, что она съ тобой говорила?

— Боже мой! мало ли что; но больше о старикѣ землеѣрѣ. А вашего имени она не произнесла ни разу.

— Я думаю, что ее болѣе всего беспокоитъ дядя... Что же она думаетъ дѣлать?... она будетъ ждать тебя у каштановаго дерева?

— Она ждетъ меня у скалы, неподалеку отъ этого дерева... ее не трудно отыскать.

— Что дѣлается у васъ теперь? Нельзя ли мнѣ выйти изъ мельницы... добѣжать до рѣки, и окольной дорогой дойти до Урсулы, чтобъ извѣстить ее объ опасности, которая ей угрожаетъ?

Лавинія молчала; я думалъ, что можетъ-быть разсердилъ ее; вѣскольکو минутъ она объ чемъ-то думала, потомъ подняла голову и на лицѣ ея я не замѣтилъ и тѣни гнѣва.

— Конечно, было бы жестоко принуждать Урсулу выйти замужъ за Зефана, если она не любитъ его, сказала съ чувствомъ Лавинія. Въ самомъ дѣлѣ, лучше извѣстить ее обо всемъ, что здѣсь происходитъ, пусть она выбираетъ сама, что для нея лучше.

— Да, она говорила мнѣ, отвѣчалъ я хладнокровно, что рука ея отдана уже другому; а потому, конечно, не хорошо принуждать ее идти замужъ не за того, кого она любитъ.

— Да, этого не будетъ, сказала Лавинія такимъ голосомъ, который почти испугалъ меня.

Не ожидая моихъ возраженій, она тотчасъ же сказала мнѣ, что я долженъ былъ предпринять, чтобъ достигнуть своей цѣли.

— Видите ли вы эту тропинку, которая вѣетъ отъ угла мельницы? сказала теропливо Лавинія. По ней вы дойдете до той скалы, съ которой падаетъ вода. Вы безопасно, никѣмъ не за-

мѣченныя, достигнете этого мѣста... Васъ будутъ прикрывать строевiя. На этой скалѣ, вы увидите лѣсокъ; онъ доведетъ васъ до рѣчки, черезъ которую перекинутъ деревянный мостъ. Перейдя его, ступайте на-лѣво, опушкой лѣса, тутъ вы и встрѣтите каштановое дерево.

Я съ жадностію слушалъ эти наставленiя. Лишь только Лавинiя замолчала, я былъ уже на тропинкѣ, но не смѣлъ идти впередъ, и ждалъ минуты, когда она скажетъ мнѣ, что я могу слѣдовать по назначенному пути.

— Не торопитесь, сказала она, поникнувъ головою и дѣлая видъ будто ищетъ чего-то у ногъ своихъ; батюшка и Тоби идутъ съ этой стороны; они прямо противъ мельницы. Тише!... остерегитесь... они, кажется, повернуть въ другую сторону... точно... они уходятъ. Погодите минутой.. Ну, теперь, скорѣй!... Но смотрите, мы должны увидѣться.

Послѣднiя слова Лавинiи я услышалъ, добѣгая уже до конца тропинки. Передъ тѣмъ, чтобы спуститься, я осмѣлился взглянуть на окружавшіе меня предметы. Въ ста шагахъ отъ меня, стояли Мильакръ и Тоби, отдѣлившись отъ толпы; они, казалось, совѣщались о чемъ-то. Я быстро спустился съ утеса и достигъ рѣчки, черезъ которую переброшено было дерево. До самаго перехода черезъ этотъ мостъ, я былъ въ виду моихъ преслѣдователей, еслибы они только обратили вниманіе въ эту сторону. Перебѣжавъ мостъ и скрывшись въ зелени лѣса, я остановился, перевелъ дыханіе и сталъ наблюдать за тѣмъ, что происходило у сквоттеровъ.

Часть семейства Мильакра стояла на томъ же мѣстѣ; онъ же, съ своимъ сыномъ Тоби, ходилъ взадъ и впередъ. Пруденция стояла у дверей отдаленной хижины, окруженная, какъ и всегда, роемъ ребятишекъ, и съ жаромъ разговаривала съ своими дочерьми. Лавинiя, выйдя изъ мельницы, ходила, въ отдаленiи отъ своихъ родныхъ, по пригорку, съ котораго ясно могла видѣть мой путь. Замѣтивъ, что она была совершенно одна, я осмѣлился кашлянуть такъ громко, чтобы обратить на себя ея вниманіе. Сдѣлавъ знакъ, чтобы я шелъ дальше, она побѣжала къ своей матери.

Я думалъ объ одной только Урсулѣ. Что мнѣ было до того, что она любитъ другаго! Она не могла, не должна была принадлежать какому нибудь Зефану. Я думалъ только о томъ, какъ бы сократить время, и этимъ самымъ спасти ее. Мысль эта

дала мѣ крылья. Минуты черезъ три я былъ уже у каштановаго дерева. Во время пути, мѣ вздумалось еще разъ обратить вниманіе на своихъ враговъ; прежде чѣмъ повернуть въ сторону, я взглянулъ на ихъ жилие. Видно было, что Мильакръ и Тоби предприняли какія-то мѣры, потому-что кромѣ мальчика, стоявшаго на часахъ у магазина, и нѣсколькихъ дѣтей, не видно было ни одного сквоттера. Даже Сускузаусъ, который съ самой минуты освобожденія не переставалъ бродить около жилища сквоттеровъ — вдругъ скрылся. Прудевція, съ своими дочерьми, торопливо перебѣгала изъ одной хижины въ другую. Рассмотрѣвъ все это, я побѣжалъ дальше. Минувая поле и войдя въ лѣсъ, я вдругъ услышалъ чьи-то шаги. Осмотрѣвшись вокругъ, я увидѣлъ Джапа, который шелъ ко мѣ на встрѣчу, неся на плечахъ два карабина.

— Ахъ, это ты, мой вѣрный Джанъ! вскричалъ я, протягивая руку къ карабину. Ты подошелъ кстати;... проводи меня къ Урсулѣ Мальбонъ.

— Съ удовольствіемъ, сударь. Миссъ Урсула близехонько; мы какъ разъ будемъ тамъ. Она поставила меня здѣсь на караулъ... у меня два карабина... одинъ землеѣровъ, а другой — мой... Миссъ боится огнестрѣльнаго оружія. Откуда вы, сударь, бѣжите такъ скоро?

— Все узнаешь въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Теперь надо спасать миссъ Урсулу. Она, я думаю, очень беспокоится о своемъ дядѣ?

— Беспокоится! она все плачетъ; а бываетъ, однако, время, что въ ней вдругъ является львиная смѣлость; тогда она такъ храбра, какъ мой старой господинъ, когда онъ, бывало, ходилъ съ своимъ полкомъ въ штыки; большого труда стоило уговорить ее, чтобы она не приближалась къ хижинамъ Мильакра. А про васъ-то, сударь, разъ сто въ день она заговариваетъ.

— Про меня! вскричалъ я; но потомъ, опомнившись, я старался скрыть мое волненіе. Я замолчалъ. Мнѣ не хотѣлось дѣлать Джапа повѣреннымъ моей тайны. Я посиѣшалъ къ Урсулѣ, и, руководимый своимъ слугою, скоро отыскалъ ее. Негръ, исполнивъ свою обязанность, снова отправился на прежнее мѣсто, взявъ съ собой оба карабина.

Никогда не забуду взора, какимъ встрѣтила меня Урсула. Этотъ взоръ былъ вѣрною порукой расположенія ея ко мѣ. Нѣсколько, дурно скрытыхъ, слезъ дрожали еще на ея рѣсницѣхъ.

цахъ. Съ какимъ восторгомъ, съ какими уносіемъ я держала и прижимала къ своему сердцу маленькую ея ручку, которую она подала мнѣ, съ трогательнымъ участіемъ.

— Убѣжимъ, милая Урсула! вскричалъ я, убѣжимъ отъ этихъ грабителей!

— Убѣжать, и оставить въ ихъ рукахъ лядюшку! сказала съ упрекомъ Урсула. Вы ли мнѣ это совѣтуете?

— Простите меня: но это необходимо;... этого требуетъ ваша безопасность,... нельзя терять ни минуты. У этихъ злодѣевъ ужасный замыселъ: они хотятъ похитить васъ, чтобъ этимъ самымъ спасти себя.... оправдать себя во всѣхъ своихъ преступленіяхъ.... повторяю еще разъ: вы въ опасности... нельзя терять ни минуты.

Невыразимая улыбка мелькнула на лицѣ Урсулы. Въ этой улыбкѣ было столько прелести, и вмѣстѣ столько грусти!

— Мордоунтъ! проговорила она, помните ли, что я сказала, разставаясь съ вами?

— Мнѣ ли забыть ваши слова, Урсула! Не они ли довели меня до отчаянія? Не они ли были причиной всѣхъ этихъ несправедливостей?

— Не говорила ли я вамъ, что рука моя принадлежитъ другому? Вспомните, не повторяла ли я вамъ, что не могу принять благороднаго, лестнаго предложенія вашего? Связанная обещаніемъ, я должна была думать только объ одномъ!

— Конечно; но для чего вы хотите снова растравить рану моего сердца?

— Если я говорю объ этомъ, такъ потому только, что человекъ, которому принадлежитъ вся жизнь моя, живетъ здѣсь, вблизи... я не смѣю покинуть его.

— Боже мой!... Урсула!... Неужели вы любите Зефана Мильакра... любите сквоттера?

Взоръ Урсулы, обращенный ко мнѣ, выразилъ удивленіе. Я упрекнулъ себя въ неумѣстной откровенности. Мнѣ самому стало стыдно; я хотѣлъ бы провалиться сквозь землю въ ту минуту, когда замѣтилъ на лицѣ Урсулы это уныніе, эту мертвенную блѣдность... Я лучше бы хотѣлъ принести самъ себя въ жертву, чѣмъ вызвать горькія, жгучія слезы на ея глаза. Съ минутою мы стояли молча. Наконецъ она сказала мнѣ твердымъ голосомъ:

— Ваши слова унижаютъ меня!... но я васъ, прощаю, Мор-

доуять, потому-что вы сострадали мнѣ, бѣдной дѣвушкѣ, и въ настоящихъ обстоятельствахъ вы имѣли право думать, что ваши предположенія вѣрны. Но какъ бы то ни было, всякое сомнѣніе должно исчезнуть между нами: человекъ, которому я предана, которому принадлежитъ вся жизнь моя... знаете ли кто?... это мой дядя. Если бы въ первый день нашего откровеннаго разговора вы не убѣждали отъ меня такъ скоро, я бы пересказала вамъ все это.... я была бы откровенна съ вами....

— Урсула!... миссъ Мальбонъ!... что вы говорите!... Такъ у меня нѣтъ соперника?

— Никто, во всю жизнь мою, не говорилъ мнѣ о любви, кромѣ этого грубаго сквоттера и васъ, Мордоунтъ.

— Какъ! такъ ваше сердце свободно?... такъ никто изъ постороннихъ не заставлялъ его биться сплнѣе?...

Урсула взглянула на меня, и, помолчавъ не много, сказала:

— Можетъ быть, я должна была бы отвѣчать вамъ «нѣтъ», чтобы защитить права моего пола, особливо, когда со мной говорятъ такъ нецеремонно; но ...

— Но что же? Базѣнная Урсула? говорите откровенно, не мучьте меня сомнѣніемъ.

— Правду я предпочитаю кокетству; да къ тому же было бы не помятно, если бы я, послѣ всѣхъ вашихъ доказательствъ привязанности ко мнѣ, осталась бы не чувствительною. Повѣрьте мнѣ, Мордоунтъ, если бы вы находились даже и въ большомъ кругу людей, я и тогда предпочла бы васъ всѣмъ. Какого же соперника вы видите себѣ здѣсь, среди этихъ дѣсовъ, среди этой пустыни, въ которой я живу?

Передавать читателю всѣ подробности послѣдующаго разговора, я считаю лишнимъ; довью одно лишь необходимое. Все время разговора пролетѣло какъ одна упонительная минута. Урсула призналась въ любви своей ко мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ откровенностію настоящей Американки, она созналась въ своей бѣдности. Въ этомъ, по-крайней-мѣрѣ, отношеніи, мы имѣемъ преимущество передъ всѣми другими націями. Если гдѣ-нибудь разность состоянія можетъ разрушать счастье влюбленныхъ, то по-крайней-мѣрѣ у насъ, въ Америкѣ, бѣдность, никогда не представляетъ препятствій; особливо когда хотя одинъ изъ супруговъ имѣетъ возможность обеспечивать семейство.

Обнявъ Урсулу и приклонивъ ея голову къ своему плечу, я

вкушалъ, преждевременно, сладость будущей жизни; но вдругъ мы были вызваны изъ этого сладкаго забвенія крикомъ:

— Вотъ онъ!... Вотъ она!...

Подавшись впередъ, я очутился лицомъ къ лицу съ Тоби и Зефаномъ; подалъ отъ нихъ шла Лавинія. Лицо перваго выражало злость; лицо втораго—ревность и досаду; лицо Лавиніи было покрыто мертвою блѣдностью. Минуту спустя, насъ окружилъ Мильакръ съ остальными своими сыновьями.

XXIV.

Та, которую я люблю—молода; но много есть дѣвъ молодыхъ; моя прекрасна, но есть прекраснѣе ея. Но не въ каждомъ лицѣ найдете вы такое небесно-прекрасное выраженіе; а потому, если вы встрѣтите дѣвушку съ такимъ выраженіемъ лица, то въ ней вы узнаете ту, которую я люблю.

Честонъ.

Никогда, кажется, счастье человѣка, не нарушалось такъ мгновенно, такъ ужасно и неожиданно, — какъ рушилось мое. Я слишкомъ хорошо зналъ все предшествовавшее, чтобъ оцѣнить вполне опасность настоящаго; Урсула же только смѣшалась, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ каждая дѣвушка, пойманная въ минуту завѣтной ея тайны. Она устыдилась той привязанности, которою бы, мѣсяць спустя, послѣ торжественныхъ объщаній, она могла бы гордиться передъ цѣлымъ свѣтомъ; но въ эту минуту она растерялась. Впрочемъ, причиною этому была и грубая встрѣча сквоттеровъ; Урсула не знала еще настоящаго ихъ характера; все желаніе ея состояло въ томъ, чтобъ увидѣться съ своими дядей. Но Мильакръ не преминулъ показать намъ обонимъ, какъ далека онъ былъ отъ шутокъ.

— Такъ-то, господинъ маіоръ, вы попадаетесь снова въ то гнѣздышко, откуда вылетѣли! Выбирайте любое! или убирайтесь отсюда, куда вамъ угодно, или вы будете связаны и брошены въ лѣсъ, какъ дикій звѣрь. Если вамъ вздумалось скрыться отъ насъ, такъ это доказываетъ, что вы худо знаете Миль-

акра и его семейство.... не забудьте, что около насъ растеть дѣсь слишкомъ на двадцать миль.... Трудно убѣжать!

Я покорился необходимости. Окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, сквоттеры приказали намъ идти, не запрещая, впрочемъ, мнѣ говорить съ Урсолой. Урсула, какъ женщина, твердо переносила всѣ непріятности. Можетъ-быть, многіе не повѣрять мнѣ, но я смѣло могу увѣрить, что не смотря на это новое для насъ несчастіе, мы вполнѣ были довольны судьбой, мнѣ возможность говорить другъ съ другомъ.

— Будьте смѣлые, милая Урсула! сказалъ я тихо, приближаясь къ амбару: во всякомъ случаѣ, эти негодяи не позволятъ себѣ никакой дерзости; хоть худо, но все же они знаютъ, что на нчхъ есть судъ и расправа.

— Я спокойна.... я близъ васъ.... близъ дялюшки теперь, сказала, улыбаясь, Урсула... вѣроятно, мы скоро увидимъ Франка, потому-что я забыла сказать вамъ, что онъ отправился въ Ревинснестъ требовать управы на этихъ сквоттеровъ. Онъ отправился почти въ одно съ нами время. Я думаю, теперь онъ возвращается уже къ намъ.

Я съ чувствомъ пожалъ руку Урсулы; но не рѣшался пересказать ей всю опасность, которой я ожидалъ; впрочемъ это было бы лишнимъ: ее напрасно бы стали принуждать идти замужъ за Зефана; я зналъ твердый характеръ Урсулы, и потому былъ увѣренъ, что если она дала мнѣ обѣщаніе, то уже ни какія силы не могли бы заставить ее согласиться на предложеніе другаго. d

Я расстался съ нею у дверей первой хижины. Урсула была поручена надзору жены Тоби, достойной половины своего супруга. Ей не было сдѣлано ни малѣйшей непріятности; напротивъ, предоставили полную свободу, однакожь съ тѣмъ, чтобы одна изъ женщинъ постоянно слѣдила за нею.

Такъ какъ мы возвратились новымъ путемъ, то землеѣръ уже черезъ меня узналъ объ арестѣ своей племянницы. Онъ и не подозревалъ, что я второй разъ попадаюсь въ плѣнъ. Сускуззусъ же, по обыкновенію, не обнаружилъ ни малѣйшаго удивленія.

— Что, мой любезный Мордоунтъ! Я зналъ, что вы успѣли скрыться отсюда и, признаюсь, боялся, что вы снова попадете въ руки этихъ сквоттеровъ, вскричалъ Андрей, идя ко мнѣ на встрѣчу и дружески протягивая руку. Вотъ мы опять всѣ трое

вѣстѣ; благодарю Бога, что мы добрые пріятели; иначе жизнь наша была бы и тѣсна и не удобна. Индѣецъ онова, по доброй волѣ, сдѣлался плѣнникомъ, когда узналъ, что я сижу здѣсь одинъ; впрочемъ ему была предоставлена свобода. Теперь ты можешь снова обнажить оружіе противъ сквоттеровъ; не правда ли, Сускуззусъ?

— Конечно. Миръ конченъ. Сускуззусъ такой же плѣнникъ, какъ и другіе; онъ возвратилъ свое слово Мильякру; онъ свободенъ теперь.

Я повалъ, желаніе Оноядаго. Онъ хотѣлъ сказать, что отдавшись снова въ руки сквоттеровъ, этимъ самымъ онъ уничтожалъ данное слово, а вмѣстѣ съ тѣмъ, удалаясь отъ убійственнаго нейтралитета. Къ счастью, Джапъ успѣлъ скрыться; я могъ надѣяться, что онъ скоро соединится съ Франкомъ, который, вѣроятно, вмѣстѣ съ вооруженной силою, былъ не далеко отъ насъ. Нало было, однако, подумать о томъ, что сквоттеры не поддадутся легко, и что поэтому можно было ожидать, на вѣрное, дѣла довольно серьезнаго. Въ такомъ семействѣ, каково было семейство сквоттера, женщины вполне замѣняли мужчинъ: въ нихъ столько же было отваги и отчаянія.

— Одинъ Богъ знаетъ, Мордоунтъ, что изъ этого выйдетъ. сказалъ землемѣръ, спокойно закуривая трубку; успѣхи каждой войны сомнительны; это вамъ подтвердитъ Сускуззусъ, какъ человѣкъ опытный; да вы и сами это знаете, потому-что, не смотря на молодые годы, вы не разъ бывали уже въ огнѣ. Мой Франкъ тоже не изъ хладнокровныхъ людей; онъ не позволитъ шутить сквоттерамъ; мы всѣми силами должны стараться поддержать его.

— Но развѣ вы увѣронны, что Ньюкомъ, этотъ короткой пріятель старика сквоттера, исполнять требованіе Франка?

— Этотъ же самый вопросъ, любовнѣйшій Мордоунтъ, я задавалъ себѣ не разъ. Миѣ кажется, что Ньюкомъ успѣетъ извѣстить во время Мильякра. Часто правосудіе идетъ не такъ быстро, какъ неправда; но-крайней-мѣрѣ, правый человѣкъ всегда имѣетъ болѣе перевѣсу. Это я чувствовалъ съ самаго малолѣтства: а вполне убѣдился въ этомъ, съ тѣхъ поръ, какъ возвратился сюда, и живу съ Урсолой. Этотъ ребенокъ научилъ меня всему, о чемъ я прежде не имѣлъ понятія. Вы отъ души порадовались бы, если бы послушали, какъ она говоритъ каждое воскресенье съ однимъ старикомъ, который безвыходно живетъ въ

дѣсу; какъ просто и ясно толкуеть она ему законы религіи, какъ сильно убѣждаетъ любить и бояться Бога.

— Какъ! Урсула исполняетъ это? Я уважалъ ее за одну привязанность и расположеніе къ вамъ, но новость, которую вы сообщили теперь, показываетъ еще большую доброту въ миссъ Урсулѣ.

— Да, этого ребенка съ разу не узнаешь. Вы не повѣрите, сколько скрыто прекраснаго въ ея душѣ и сердцѣ. Надо долго жить съ нею, чтобы опѣнать всю привязанность, всю доброту, всю чистоту ея души. Впрочемъ, я увѣренъ, любезный Мордоунтъ, что для васъ настанетъ когда-нибудь время, подумѣть и повѣрить мои слова.

— Когданибудь? Помилуйте! Я теперь уже люблю ее такъ, какъ никого въ жизни не любилъ! Я вижу только ее, объ ней только думаю! она постоянно въ моихъ мечтахъ; не скрою отъ васъ, отъ нея я получилъ уже согласіе....

Старикъ Андрей удивился, слушая, съ какими жаромъ я говорилъ; даже Индѣецъ обратился ко мнѣ съ лицомъ, на которомъ выражалась радость. Увлекаемый непреодолимой силой, я наговорилъ еще болѣе.

— Да, сказалъ я, схвативъ руку землемѣра, я исполню ваши желанія, о которыхъ вы мнѣ такъ часто говорили. Вспомните, какъ часто вы повторяли, что всѣ ваши желанія заключались въ томъ, чтобы я женился на вашей племянницѣ. Сегодня, болѣе чѣмъ когда-нибудь, я хочу воспользоваться вашими словами, назвать васъ дядей.

Къ величайшему моему удивленію, землемѣръ не обнаружилъ никакой радости. Впрочемъ, я давно замѣтилъ, что, съ самаго дня пріѣзда въ Ревиснестъ, онъ не говорилъ мнѣ никогда ни слова о своемъ любимомъ предметѣ; а теперь, когда я вполне согласенъ быть исполнить его желаніе, онъ былъ совершенно хладнокровенъ. Я не могъ дать себѣ отчета въ этомъ, и съ беспокойствомъ ожидалъ его объясненія.

— Мордоунтъ, Мордоунтъ! сказалъ Андрей, глубоко вздохнулъ; а не хотѣлъ бы слышать этого отъ васъ. Я васъ люблю, столько же, какъ и Урсулу; но мнѣ непріятно слышать о желаніи вашемъ жениться на ней.

— Вы огорчаете, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляете меня, мой добрый другъ. Вы всегда желали одного: чтобъ я узналъ вашу племянницу, чтобъ полюбилъ ее и женился на ней; а теперь,

когда я узналъ и полюбилъ ее, вы отказываете мнѣ въ ея рукѣ, какъ будто я недостойнъ ее.

— О, нѣтъ, мой другъ! нѣтъ. Вы знаете, что я о васъ не могу такъ думать; тутъ совсѣмъ другая причина. Я помню все, что говорилъ прежде. Что же дѣлать! Я былъ старый шутъ, болтунъ, который не влдѣлъ далѣе своего носа; служилъ я тогда въ арміи; мы были капитанами; тогда мнѣ казалось, что мы съ вами равны, и потому я смѣлъ думать, что для васъ будетъ большая честь жениться на моей племянницѣ; но съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я возвратился въ лѣса, и снова взялся за цѣпи, чтобы выработать этимъ средствомъ насущный хлѣбъ, — ахъ, съ тѣхъ поръ, многое измѣнилось. Повѣрьте мнѣ, что Урсула Мальбонъ не пара сыну генерала Даттльпеджа!

— Все, что вы мнѣ сказали, Андрей, совершенно противорѣчить вашимъ постояннымъ правиламъ и вашему характеру; эти мысли не принадлежать собственно вамъ; вы ихъ отъ кого-то заимствовали.

— Я и не спорю, и не защищаюсь; все это наговорила мнѣ Урсула.

— Урсула! А почему она могла думать, что я посватаюсь за нее, когда-нибудь?

— Садитесь, любезнѣйшій Мордоунтъ, я расскажу вамъ всю исторію. Сускуэзусъ, за чѣмъ ты удаляешься отъ насъ? Оставайся, ты можешь слушать насъ. Садись-ка на прежнее свое мѣсто, вотъ здѣсь, подлѣ меня. Я отъ тебя ничего не скрываю. Вотъ въ чемъ все дѣло, Мордоунтъ. По возвращеніи изъ лагеря, когда голова моя кружилась еще отъ дыма славы, отъ воспоминанія объ эполетахъ, я принялся говорить объ васъ Урсулѣ, то же самое, что говорилъ вамъ про нее. Я говорилъ ей о вашей красотѣ, храбрости, безкорыстіи, честности, о вашемъ умѣ и веселомъ характерѣ; вспоминалъ при ней о томъ, какъ часто вы веселили всѣхъ насъ въ то даже время, когда мы шли на приступъ, однимъ словомъ, говорилъ ей все, что можете и должны говорить преданный вамъ другъ; и эти разговоры повторялись не разъ и не два, а двадцать или тридцать разъ, увѣрю васъ, Мордоунтъ!

— Мнѣ хотѣлось бы узнать, что отвѣчала на это Урсула?

— Ея-то отвѣты и просвѣтили меня. Сначала она смѣялась, шутила, слушая меня; но однажды, когда я снова сталъ говорить ей про васъ, она вдругъ задумалась и потомъ сказала, что,

бѣдной спротивъ не слѣдуетъ и думать о подобномъ замужествѣ; что ваши родные никогда на это не согласятся; королю, что наслѣдникъ генерала Литтльпеджа никогда не женится на бѣдной племянницѣ землемъра.

— И вы, мой добрый Андрей, повѣрили всему этому?

— А, какъ же? Посмотрѣлъ бы я, что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ! Если бы вы послушали, какъ она говорила, — вотъ такъ и западаетъ въ сердце каждое слово ея! И тогда, Мордоунтъ, вы, какъ и я, ничего не отвѣтили бы ей.

— Скажите же мнѣ, Андрей, неужели вы серьезно не хотите отдать за меня Урсулу?

— Это зависитъ не отъ меня, а отъ Урсулы. Ваше положеніе не измѣнилось: она по прежнему племянница землемъра, а вы — сынъ генерала. Поговорите съ ней: увидите, что она вамъ скажетъ.

— Я говорилъ ужъ съ ней, и она ничего подобнаго мнѣ не сказала.

— Удивительно!... Такъ васъ не заставили ретироваться?

— Ни мало. Мнѣ остается теперь получить одно лишь согласіе родителей.

— Странно!... Я всегда былъ холостымъ, Мордоунтъ, и, признаюсь, дурно читаю въ женскихъ сердцахъ; но мнѣ кажется, надо читать въ нихъ такъ, что если разъ прочтешь *блѣное*, въ другой разъ слѣдуетъ говорить — *черное*. А все же Урсула племянница бѣднака землемъра.

— Андрей!... Клянусь вамъ, когда бы мнѣ предложили жениться на дочери самого Вашингтона, если бы, конечно, у него была хоть одна дочь, то и тогда, я предпочелъ бы сдѣлаться вашимъ племянникомъ. Но замолчимъ. Сюда идутъ сквоттеры. Не забудьте, что я сказалъ про Урсулу,

Андрей дружески пожалъ мнѣ руку. Онъ не зналъ, что мнѣ былъ извѣстенъ весь разговоръ въ мельницѣ, и потому не вполне постигалъ мои опасенія. Я не боялся того, чтобъ Урсула уступила просьбамъ, и стала женою Зюана; но ее могли заставить рѣшиться на это жестокою обращеніемъ съ ея дадею и со мной; а этого легко можно было ожидать. Критическая минута наступала; я съ наружнымъ спокойствіемъ ждалъ развязки.

Солнце садилось и кругомъ насъ становилось все темнѣе и темнѣе; въ это время, къ дверямъ нашей темницы подошелъ Тоби съ своими братьями, и сказалъ мнѣ я землемъру, чтобъ

мы или за ничто; Сусуэзская ешь не безвредна. Мы поспешно вышла изъ амбара, жалаа помышлять конь чистымъ воздухомъ. Насъ окружили вооруженные люди; не обращая на насъ вниманія, мы думали только о той минутѣ, когда увидимъ Урсалу.

На половинѣ дороги, Андрей вдругъ остановился, и попросилъ позволенія поговорить со мной наединѣ.

Сначала Тебя не звалъ на что рѣшиться, — заложить, представляю братьевъ своихъ большими кругами около насъ, она согласился исполнить просьбу землевѣра.

— Мнѣ хочется сообщить вамъ одну мысль, которая пришла мнѣ въ голову, сказалъ тихимъ голосомъ Андрей. Мальбонъ не замедляетъ лѣниться съ подкрѣпленіемъ; а потому, не сказать ли намъ этимъ мошенникамъ, что сегодня мы не въ состояніи говорить съ ними, а хотѣли бы отложить это до утра.

— Гораздо же лучше, Андрей, продолжить разговоръ съ ними, потому что въ случаѣ, если подослѣютъ Фрэнкъ, адѣсь мы будемъ свободны, чѣмъ въ амбарѣ. Почему знать, можетъ быть намъ удастся убѣжать отсюда съ нашими друзьями.

Андрей, въ знакъ согласія, кивнулъ головою, мы пошли дальше. Темнота такъ была велика, что Мильакръ рѣшился на этотъ разъ засѣдать въ дому, представивъ изъ дверей значительную стражу.

Расположеніе американскихъ домовъ очень однообразно. Двѣ трети занимаетъ главная комната, въ которой помещается и печь; эта комната служитъ въ одно время и аудіенціею и пріемной; остальная треть дома подраздѣляется на три части: спальню, чуланъ для масла и помѣстку, въ которой находится лѣстница, ведущая на чердакъ и въ подвалъ. Трудолюбивый работникъ не на дѣло остается въ такомъ тѣсномъ и скромномъ домѣ, и вскорѣ замѣляетъ свое жилище двухъ-этажнымъ домомъ, съ пятью окнами на лицо; нѣкоторыя же деревенскіе дома имѣютъ до осьми оконъ; но это рѣдко исключеніе.

Въ лѣсу Нью-Йоркского штата, особенно въ мѣстахъ, нѣсколькимъ обработанныхъ, вечера бывають очень холодныя, даже посреди лѣта. Тотъ вечеръ, когда насъ вели изъ топицы, холодъ былъ особенно великъ, даже морозило; а потому Пруденція развела въ печи большой огонь. При свѣтѣ яркаго пламени, который постоянно поддерживался сухимъ хворостомъ, происходила сцена, которую мнѣ остается разсказать.

Войдя въ домъ, мы нашли все семейство въ большой комнатѣ, въ которой я уже говорилъ. На доставало только жены Тоби и одной или двухъ ея сестеръ; вѣроятно, они были при Урсулѣ. Лавинія съ грустнымъ выраженіемъ лица стояла у печки. Пусть не обманюютъ меня въ тщеславіи, если я скажу, что встрѣча съ молодымъ человѣкомъ, хорошо сложеннымъ, съ благородными манерами, который во всемъ превосходилъ тѣхъ съ которыми Лавинія должна была жить, произвела впечатлѣніе, не снужу на сердце, покрайней-мѣрѣ на воображеніе молодой дѣвушки. Это предположеніе ясно подтверждалось обращеніемъ и вниманіемъ, какое оказывала мнѣ Лавинія.

Мильакръ попросилъ насъ сѣсть. Разсматривая лица этого ареопага, я замѣтилъ что выраженіе ихъ было теперь гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ то время, когда насъ заключали въ амбаръ. Мнѣ казалось, что намъ сдѣлаютъ какія нибудь мирныя предложенія, и не ошибся: первыя произнесенныя слова были въ этомъ родѣ:

— Пора, землемѣръ, кончить намъ это дѣло, сказалъ Мильакръ. Оно мѣшаетъ мнѣ ребатамъ заниматься работою и ставить все вверхъ дномъ у меня въ домѣ. Я разсудителенъ и не люблю витать дѣла. Сколькихъ враговъ я примирилъ въ моей жизни!... и теперь готовъ сдѣлать тоже. Но однихъ я мирилъ добрымъ словомъ, а другихъ иначе. Однихъ или два раза только я былъ побѣжденъ числомъ и истерзанъ вашимъ проклятымъ правосудіемъ; но тогда я былъ молодъ, неопытенъ, а опытъ лучшій учитель. Я прожилъ семьдесятъ лѣтъ и потому знаю, что всегда надо выжидать терпѣливо случая, а когда онъ явится, то слѣдуетъ держаться за него крѣпко, и всѣ дѣла обдѣлывать кругомъ. О тебѣ, землемѣръ, я всегда думаю также, какъ думаю и о себѣ: ты человѣкъ разсудительный, опытный и сговорчивый. Мнѣ кажется, что небольшого труда стоило бы намъ окончить наше дѣло теперь же, чтобъ этимъ прекратить споръ и брань. Вотъ мое желаніе, такъ ли вы думаете?

— Если ты говоришь со мною такъ учтиво, такъ миролюбиво, Мильакръ, я готовъ слушать тебя и отвѣчать тѣмъ же, сказалъ Андрей; каждый человѣкъ, а особливо старикъ, непремѣнно долженъ быть умѣренъ. Что же касается до сходства между нами, о которомъ ты говоришь, то я не нахожу слишкомъ большого, развѣ по однимъ лѣтамъ. Мы съ тобой довольно прожили, чтобъ вполне цѣнить великія истины, которыя на-

ходятся въ Библии... Видишь ли что, Ааронъ: эту книгу рѣдко читаютъ здѣсь, въ лѣсу, а потому мало и знаютъ ее. Я, впрочемъ, хвалиться не хочу; если я и знаю что, такъ за это благодарю мою племянницу Урсулу. Она толкуетъ лучше всякаго учителя. Я желалъ бы, чтобъ ты, Пруденція, послушала ее. Вы учились бы отъ нея многому доброму и полезному. Она, кажется, не далеко отсюда, и...

— Близехонько; я очень радъ, что ты произнесъ имя своей племянницы; я самъ только-что хотѣлъ начать говорить о ней. Я вижу, что у насъ съ тобой однѣ даже мысли о молодой дѣвушкѣ,—можетъ быть, благодаря ей, мы снова примиримся и станемъ добрыми друзьями. Я послалъ за нею; она сейчасъ придетъ съ женою Тоби, которая тоже очень полюбила ее.

XXV.

Да, Гастингъ, если кто заслуживаетъ любовь отечества, такъ это тѣ благородныя и великодушныя сердца, которыя понимаютъ требованія чести и свободы.

Akenside

Послѣ этого предисловія, никто не нарушалъ тишины и молчанія. Все собраніе ожидало Урсулу Мальбонъ и полудинкую ея спутницу, которая до того полюбила Урсулу, что ни на одну минуту не теряла ее изъ виду. Наконецъ, сидѣвшіе у входа зашевелились, дверь отворилась; Урсула вошла въ комнату и остановилась по срединѣ. Лицо ея было одушевлено; на минуту она прикрыла глаза рукою, чтобы защитить ихъ отъ сильнаго свѣта выходившаго изъ печи. Потомъ, она взглянула на меня, и однимъ этимъ взоромъ, я уже былъ награжденъ за всѣ страданія.

Послѣ этого Урсула оборотилась въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ землемѣръ, быстро подошла къ нему и, съ слезами на глазахъ, увала въ его объятія.

Это движеніе было невольное; оно доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ сценъ, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ жизни: юность, въ полномъ блескѣ красоты, искала

подпоры на груди старика, черты котораго уже поблекли отъ долгихъ и тяжкихъ годовъ, проведенныхъ въ трудѣ и заботахъ.

Самый разительный контрастъ существовалъ между свѣжимъ и розовымъ личикомъ Урсулы и загорѣлымъ лицомъ землемъра, между длинными русыми локонами молодой дѣвушки и рѣдкими клочками волосъ на головѣ старика; но этотъ контрастъ имѣлъ въ себѣ что-то трогательное, поразительное. Такъ иногда на свѣтѣ, по необъяснимымъ законамъ природы, два, по видимому совершенно различныхъ существа, привязываются другъ къ другу и какъ бы составляютъ одно существо, одно недѣлимое!...

Впрочемъ, Урсула только на одну минуту подчинилась вліянію сердца. Не смотря на странническую жизнь, проведенную въ лѣсахъ, она въ первый разъ попала въ подобное собраніе, гдѣ главную роль играли сквоттеры, эти дикіе приверженцы свободы, живущіе среди обширныхъ, непроходимыхъ дубровъ сѣверо-американскихъ штатовъ. И между тѣмъ, я никогда не видѣлъ ее болѣе прелестною, какъ въ эту минуту. Катя и сама Присцилла Бэйярдъ должны бы были отдать ей пальму первенства, не смотря на то, что сама судьба предоставила имъ такъ много преимуществъ. Онѣ не подвергались вліяніямъ непогоды, какъ Урсула, не испытывали, подобно ей, что значить быть подъ дождемъ, не вида вокругъ себя защиты и убѣжища отъ грозы, не знали скитальческой жизни въ дѣвственныхъ лѣсахъ, и, наконецъ, могли украшать себя всѣми прихотами роскошнаго туалета...

Послѣднее не было доступно для Урсулы....

Мильакръ наблюдалъ ревнивымъ взоромъ за всѣми движеніями Урсулы, но ничего не говорилъ, чтобы остановить порывъ ея чувствительности. Вырвавшись изъ объятій своего дяди, молодая дѣвушка сѣла на скамью, которую я подвинулъ къ ней, такъ что она могла занять мѣсто подлѣ землемъра. За это мнѣ было заплачено нѣжной улыбкой, возбуждившей, какъ я замѣтилъ, негодованіе въ старомъ сквоттерѣ, который мрачно нахмурилъ брови. Я понималъ, что нужно быть осторожнымъ, чтобы еще болѣе не преувеличить опасности.

Прибытіе Урсулы замедлило наши объясненія. Наконецъ, Ааронъ началъ первый:

—Мы собрались здѣсь, чтобы кончить всѣ наши споры, сказалъ онъ съ важностью, которая бы очень шла судѣ, открывавшему

засидитъ. И если во всѣхъ насъ есть желаніе прократить эту ассамблею, то мы скоро сойдемся въ большей части спорныхъ пунктовъ. Для меня, первое дѣло справедливость.

— Это хорошо, Мильакръ, это дѣлаетъ тебѣ честь, отвѣчалъ холодно Андрей.

— Я презираю, продолжалъ сквоттеръ, тѣхъ людей, которые упорствуютъ въ своихъ мнѣніяхъ и не хотятъ отступить ни на шагъ отъ того, что было уже положено разъ. Согласны ли вы со мной, капитанъ?

— Не совсѣмъ: есть мнѣнія, которыми не слѣдуетъ дорожить, но также есть и такія, которыя стоятъ дороже жизни. Да! Можно скорѣе потерять жизнь, чѣмъ отказаться отъ нихъ!

Мильакръ выпучилъ свои большіе глаза, услышавъ эти слова; онъ не понималъ, что можно умереть за мнѣніе.

— Кто говорить о потерѣ жизни? возразилъ онъ; наше дѣло не будетъ имѣть кровавыхъ послѣдствій. Пускай правосудіе дѣлаетъ, что ему угодно, сквоттеръ уже привыкъ ко всевозможнымъ бѣдствіямъ и ничего не испугается. Мое правило дѣлать то, что хорошо, не думая о законахъ, и вотъ на этомъ-то правилѣ я хочу основать нашу мировую сдѣлку.

— Ну! говори, какія твои условія! вскричалъ землемѣръ, едва удерживая свое терпѣніе. Мы слушаемъ.

— Въ добрый часъ, такъ я всегда люблю начинать свои дѣла. Вотъ видите ли: есть два рода правъ на землѣ: одно изъ нихъ я называю королевскимъ правомъ, откуда происходятъ контракты и тому подобныя изобрѣтенія; другое же — есть право каждаго человѣка владѣть землею, потому-что она дана всѣмъ людямъ, а не нѣкоторымъ изъ нихъ на выборъ. Это есть право, которое опредѣляетъ собственность. Очевидно, что фактъ долженъ стоять выше всѣхъ писемъ. Впрочемъ, я не объявляю себя открытымъ приверженцемъ того или другаго, а только хочу поставить ихъ на одну лѣнню, согласить оба эти условія, потому-что я человѣкъ миролюбивый. Неправдали, друзья, вы одобряете сказанное мною, вы также желаете мира и согласія?

Шепотъ одобренія раздался между присутствующими. Впрочемъ, нѣкоторые изъ собранія, казалось, не одобряли такого миролюбиваго расположенія духа стараго сквоттера.

— Да, вотъ мои правила! продолжалъ Мильакръ, хлебнувъ порядочный глотокъ сидра, а потомъ вѣжливо поднося кружку землемѣру. Генералъ Литльпеджъ и его сынъ представляюще

чужеземцы, а ты сады. Отсюда выкаждут англійскихъ, которыхъ можно уничтожить. Теперь, дѣло касается тебя, землемѣръ, которой стороны держимся ты? какое предпочитаешь право?

— Я не долженъ на это отвѣчать, потому-что я только бѣдный землемѣръ, который не можетъ подавать своего голоса. Моя обязанность размежевывать земли. Но вотъ единственный сынъ генерала Литтльпеджа; онъ имѣетъ уполномочіе....

— Разорить насъ! прервалъ Мильакръ съ досадою, не согласовавшеюся съ миролюбивымъ расположеніемъ его духа до этой минуты. Нѣтъ! Мильакръ скорѣ сослался видѣть свою прогалину покрытую тремучими змѣями, чѣмъ страдать отъ одного уполномоченнаго!...

— Успокойся; онъ не таковъ, какимъ ты его считаешь. Это храбрый молодой человѣкъ, который сражался, какъ и я—за отечество.

— Прекрасно! Если онъ любитъ столько отечество, то за чѣмъ онъ хочетъ обидѣть земляковъ. Если отецъ его и онъ истинные друзья справедливости, пусть они не претендуютъ на земли, которыхъ имъ не нужны.

— Ты что-то умѣренъ, Мильакръ; почему не сказать, что человѣкъ имѣетъ право на все, чего ему не достаетъ? Если для тебя свобода значить отнимать земли у другихъ, то почему же ты не простираешь правъ независимаго человѣка на кошелекъ его ближняго, что присвоить еще легче... Не слѣдуетъ дѣлать дѣла въ половицу.

— Ты зашелъ уже далеко; деньги приобрѣтаются самимъ человѣкомъ, и онъ можетъ сохранять ихъ, ни у кого не спрашиваясь; но земля для всѣхъ необходима: всякій имѣетъ на нее право.

— Но съ помощью денегъ покупаютъ земли, и присвоить деньги не значить ли приобрѣсть средство достать и самую землю? Нѣтъ, Мильакръ, ты несправедливо рассуждаешь. По моему, отнять золото простительнѣе, чѣмъ присвоить чужія земли. Первое изъ одного кошелька переходитъ безирестанно въ другой, между тѣмъ какъ землю нельзя перенести съ одного мѣста на другое. Она остается тамъ, гдѣ она есть. А кто не любитъ, — скажи откровенно, Мильакръ, своихъ родныхъ лѣсовъ, полей и огазъ, кто отдастъ ихъ похитителямъ, особенно если эти преступники уже давно принадлежатъ фамиліи владѣтеля?

— Кто хочетъ быть немѣй другомъ, тотъ не долженъ говорить худого про сквоттеровъ! сказалъ Милькра, лобъ котораго еще болѣе покрылся морщинами. Видно было, что сквоттеръ началъ терять терпѣніе. Все, что говорили мы до сихъ поръ, продолжалъ онъ, было одно пустословіе: пера приступить къ дѣлу. Вотъ чего хочу я: чтобы меня оставили на этомъ мѣстѣ, чтобы я могъ располагать всѣми срубленными деревьями, не отдавая ни кому отчета. За постройки же, какія я сдѣлаю, я плачу, что сдѣлаешь.

— Мордоунтъ, это предложеніе относится къ вамъ. Моя же обязанность вымѣрять вырубленное мѣсто, и я это сдѣлаю, во что бы то ни стало.

— Вымѣрять! вскричалъ Тоби, съ угрожающимъ видомъ. Нѣтъ, землемѣръ! не найдется ни одного человѣка, который бы рѣшился явиться сюда съ цѣпью.

— Ошибаешься, любезный; этотъ человѣкъ найдется; его зовутъ Андрей Козмансъ или, если угодно, землемѣръ. И повѣрь, ничто не попрепятствуетъ ему исполнять свою обязанность.

Лицо Милькра помрачилось еще болѣе. Однакожъ онъ удерживался.

— Оставь насъ, Тоби, сказалъ онъ, порѣшить это дѣло между собою. Дѣта охладили нашу кровь и мы можемъ говорить спокойно. Я понимаю, землемѣръ, что ты хочешь сдѣлать съ прогалиной, вымѣривъ ее. Впрочемъ, мѣряйте ее сколько вамъ угодно, только оставьте меня владѣть ею. Это мнѣ принесетъ еще пользу для будущихъ моихъ построекъ. Но что отвѣтите вы мнѣ на мое предложеніе?

— Вотъ что отвѣчу, сказалъ я вмѣшиваясь въ разговоръ, (до тѣхъ поръ я не принималъ въ немъ участія, чтобы дать время подоспѣть Франку Мальбону къ намъ на выручку), не смотря на все желаніе принести вамъ пользу, я долженъ сказать одно, что не принимаю твоихъ условій. И еслибъ я вынужденъ былъ насильно согласиться на нихъ, то, получивши свободу, снова призналъ бы ихъ ничтожными.

— Каково! вскричалъ сквоттеръ, такъ знайте же, что я не хочу слышать о вашихъ законахъ и не намѣренъ поступать по нимъ. Послушай, землемѣръ, прибавилъ онъ съ нетерпѣніемъ, я не могу говорить о нашихъ дѣлахъ съ этимъ молодымъ горожаниномъ. Онъ жилъ постоянно въ городахъ, у него свои пра-

вила, свой языкъ, котораго я не понимаю. Ты же житель лѣсовъ; подадимъ другъ-другу руки и заключимъ союзъ; вѣдь наши владѣнія всегда перемѣшаны вмѣстѣ. Согласенъ ли ты помогать мнѣ?

— Во всемъ, что только справедливо.

— И такъ по рукамъ. Вотъ что я хочу предложить тебѣ. Мой сынъ Зефанъ ищетъ для себя жены, а мои дѣти, какъ вамъ извѣстно, далеко превышаютъ всѣ надежды отца... Скажи, гдѣ найти въ нашей сторонѣ лучше ихъ? У тебя есть племянница, Урсула Мамбонъ, которая теперь передъ нами. Говорятъ, что Зефанъ и Урсула сотворены другъ для друга. Уже не въ первый разъ они видятся; а это значить, что они довольно знакомы, чтобы вступить немедленно въ бракъ. Я пошлю за судьей и лишь только онъ придетъ, мы, не теряя времени, женимъ молодыхъ людей. Послѣ того, намъ уже не трудно будетъ согласиться съ генераломъ, тѣмъ болѣе, что вы съ нимъ хорошіе друзья. Тогда, пожалуй, я сдѣлаю нѣкоторыя уступки. Неправда ли, ты согласенъ принять мое предложеніе, которое для всѣхъ насъ сдѣлается залогомъ мира?

Я видѣлъ ясно, что сперва землемръ, и даже сама Урсула, которая предугадывала планы стараго сквоттера, не понимали, что хочетъ сказать Мильакръ. Но когда сквоттеръ заговорилъ о немедленномъ вступленіи въ бракъ, когда онъ предложилъ послать за судьей, тогда истина открылась вполне передъ нами. Отступить, или отдѣлаться пустыми обѣщаніями не было ни какой возможности. Нужно было идти на прямикъ. Вскорѣ мѣсто удивленія, которое сперва выразилось на лицѣ землемра, заступила узавленная гордость. Мысль, видѣть Урсулу замужемъ за такимъ существомъ, какъ Зефанъ; отдать ее въ семейство сквоттеровъ—возмутила его душу. Между тѣмъ, Мильакръ считалъ свое предложеніе, какъ нельзя болѣе естественнымъ. Люди, подобные ему, только по кошельку различаютъ людей. Для нихъ, образованіе, умъ, душевныя качества—одни пустыя слова, которыхъ не стоить брать въ расчетъ.

— Я начинаю васъ понимать, Мильакръ, сказалъ Андрей, поднимаясь со стула и заслоня собою молодую дѣвушку; вы имѣете дерзость говорить мнѣ, чтобы я выдалъ Урсулу за вашего сына и этимъ самымъ выхлопоталъ бы для васъ у генерала Литтльпеджа и полковника Фоллока дозволеніе продолжать ваши хищничества.....

— Берегись, старикъ! не говори такъ.

— Если ты хочешь, я скажу иначе: благодарю за честь, сдѣланную мнѣ и Урсулѣ; но повторяю еще разъ, что никогда мой племянница не будетъ за твоимъ сыномъ.

— Отчего ты не позволяешь молодой дѣвушкѣ отвѣчать самой? вскричалъ Мильакръ, прерывающимся отъ бѣшенства голосомъ. Зезанъ не изъ числа тѣхъ, которыхъ можно презирать. Я горжусь имъ, я его отецъ....

— Зезанъ примѣрный сынъ, прибавила Пруденція, въ порывѣ материнской гордости; не знаю, какая бы дѣвушка не согласилась отдать ему свою руку.

— Хвалите вашъ товаръ, какъ вамъ угодно, если это доставляетъ вамъ удовольствіе, отвѣчалъ спокойно землемѣръ, — вы въ правѣ это дѣлать, но я никогда не измѣню своей обязанности. Никогда это бѣдное дитя не выйдетъ за сына Мильакра, сквоттера; будущій мужъ ея долженъ имѣть характеръ сходный съ ея характеромъ, не говоря уже объ образованности и душевныхъ качествахъ.

Между присутствовавшими раздался ропотъ. Но эти голоса покрылись звонкимъ голосомъ Мильакра.

— Берегись землемѣръ, вскричалъ онъ, повторяю еще разъ; всякое терпѣніе можетъ лопнуть.

— Я не имѣю нужды въ тебѣ, Мильакръ, и ни въ комъ изъ твоихъ сыновей, отвѣчалъ тихо Андрей, обнявъ Урсулу, которая смѣло смотрѣла на толпу и какъ бы этимъ поощряла своего лядю... Посторонитесь, я вамъ приказываю, не смѣйте останавливать брата, который спасаетъ дочь своей сестры... Назадъ! говорю я вамъ, потому-что я не хочу болѣе оставаться здѣсь. Черезъ часъ или два, несчастный, ты поймешь всю цѣну своего низкаго поведенія и будешь жалѣть, что не поступалъ, какъ слѣдуетъ честному человѣку.

Въ эту минуту, шумъ усилился до того, что не возможно было понять ни одного слова. Мильакръ ревѣлъ, какъ разъяренный волъ, испуская проклятія и ругательства. Молодые сквоттеры подражали ему. Они стояли около двери, къ которой медленно подползалъ землемѣръ.

Вдругъ, посреди этого смятенія, раздался выстрѣлъ, и Андрей Коэмансъ, раненный, упалъ на полъ.

XXVI.

Ночныя тѣни! разлейте на всю природу
свой непроницаемый мракъ! Приближается
смерть.... почтите ее.... вышлите печальныя
думы, боязливый страхъ — этихъ двухъ стра-
жей ногвамъ.

Маллетъ.

По закону природы, излишекъ страсти всегда успокоиваетъ сердце. Человѣкъ предается бѣшенству только до тѣхъ поръ, пока слѣдствіе его — преступленіе, не откроетъ глазъ виновнику и не возвратитъ его на истинный путь, и это-то совершешное преступленіе останавливаетъ руку, охлаждаетъ чувства и возбуждаетъ совѣсть. Тоже самое было съ сквоттерами. Глубокое молчаніе заступило мѣсто прежняго шума, такъ что можно было слышать прерывистое дыханіе Урсулы, которая въ оне-мѣніи, какъ бы пораженная громомъ, стояла подлѣ тѣла своего дяди. Никто не говорилъ, никто не покушался выйти, всѣ были неподвижны, какъ статуя. Трудно было отгадать, кто выстрѣлилъ въ землѣра. Сперва, мои подозрѣнія обратились на Тебя, отъ котораго можно было ожидать подобнаго поступка. Но потомъ они пали на Мильakra, что казалось болѣе вѣрнымъ. Впрочемъ, это были одни догадки. Открыть истину могли одни сквоттеры, но они не измѣнили бы себѣ. Они рѣшались или вмѣстѣ спастись, или вмѣстѣ погибнуть.

Едва я пришелъ въ себя, моимъ первымъ движеніемъ было, схватить Урсулу на руки и бѣжать съ нею. Это я успѣлъ бы сдѣлать, потому-что всѣ были поражены такимъ неожиданнымъ случаемъ и не обратили бы на насъ вниманія. Но Урсула не хотѣла и думать о бѣгствѣ въ подобную минуту. Вырвавшись изъ моихъ объятій, она упала на колѣни подлѣ своего дяди.

— Онъ еще дышетъ! сказала она прерывистымъ голосомъ; благодарю тебя, Боже! онъ еще дышетъ! Рана, можетъ-быть, не очень опасна, если только не медля подать помощь.

Тутъ Урсула показала всю энергію своего характера. Поднявшись быстро, она подошла къ сквоттерамъ, которые молчаливо посматривали на трупъ землемѣра. Впереді ихъ стоялъ Мильакръ — мрачный и какъ-бы волнуемый тревожными чувствами.

— Неужели изъ васъ никто не поможетъ мнѣ спасти того, кто былъ для меня вторымъ отцомъ?... Неужели всѣ вы одинаково жестоки и нечувствительны? сказала Урсула съ жаромъ, который какъ бы передался въ сердца окружавшихъ молодую дѣвушку, потому-что всѣ они начали со вниманіемъ и даже съ участіемъ слушать ее.

— Помогите мнѣ, продолжала она, поднять его и перенести на кровать, гдѣ маіоръ Литльпеджъ осматривать его рану. Вы не откажете мнѣ, Мильакръ, въ этой просьбѣ; вспомните, что и съ вами случилось тоже самое или, по-крайней-мѣрѣ, можетъ случиться....

Зефанъ подошелъ первый, и, при помощи его, Урсулы и Лавиніи, а положилъ землемѣра на кровать Пруденціи, стоявшую въ главной комнатѣ.

Сквоттеры, посоветовавшись между собою, вскорѣ скрылись одинъ за другимъ и въ домѣ остались только Мильакръ, его жена и Лавинія. Последняя помогала Урсулѣ привести въ чувство несчастнаго землемѣра; что жъ касается до стараго сквоттера, то онъ усялся въ углу, подлѣ огня, между тѣмъ какъ Пруденція заняла мѣсто въ другомъ—противоположномъ.

Мильакръ, казалось, взвѣшивалъ свое преступленіе и то наказаніе, какому онъ могъ подвергнуться. Не смотря, однакожъ на то, онъ совершенно владѣлъ собою и искусно скрывалъ чувства, обуревавшія его душу.

Но Пруденція не сумѣла превозмочь себя; она безпрестанно вздрагивала и несвязныя слова, вырываясь изъ ея груди, обнаруживали, такимъ образомъ, беспокойное состояніе ея духа. Я уже насмотрѣлся на раны во время моей военной жизни и могъ по первому взгляду судить смертельны ли онѣ, или нѣтъ. Тутъ нечего было сомнѣваться: рана землемѣра влекла за собою неминуемую смерть. Пуля прошла насквозь и на пути повредила весь организмъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, мой старыи другъ приведенъ былъ въ чувство.

— Благодарю, Мордоунтъ, благодарю за всё ваши попеченія, сказалъ онъ. Сквоттеры ранили меня, но я прощаю имъ. Они грубы, они эгоисты, а я задѣлъ ихъ за живое. Но какъ перенести хладнокровно оскорбленіе, нанесенное Урсулѣ?

Такъ какъ Зефанъ былъ тутъ же въ комнатѣ, не очень далеко отъ кровати, то я поспѣшилъ переимѣнить разговоръ и спросилъ землеѣра, какъ онъ чувствуетъ себя.

— Худо, Мордоунтъ, смерть не далеко, отвѣчалъ онъ твердымъ голосомъ. Пуля прошла насквозь.... моя жизнь придитъ къ концу.... Но что же?... вѣдь я пожилъ довольно, развѣ шутка семьдесятъ лѣтъ?... я готовъ пуститься въ дорогу, лишь только повелѣно мнѣ будетъ свѣше. Но вотъ о чемъ сожалѣю, мой другъ, почему я не окончилъ своего межеванія.... не заплатилъ вполнѣ генералу за все, что онъ сдѣлалъ для меня....

— Не говорите объ этомъ, Андрей; вы знаете, что отецъ мой готовъ былъ бы пожертвовать лучшимъ изъ своихъ имѣній, чтобъ только видѣть васъ снова здоровымъ.

— Вѣрю вамъ, мой другъ, вѣрю тѣмъ болѣе, что генералъ всегда былъ привязанъ ко мнѣ. Мордоунтъ, я хочу вамъ сообщить тайну, которую я до сихъ поръ не открывалъ никому, потому-что вашъ отецъ хотѣлъ, чтобъ я затаилъ ее навсегда.

— Вы устали, добрый Андрей, лучше усните, а тайну эту оставьте до другаго времени.

— Нѣтъ, нѣтъ маіоръ, я чувствую, что моя рана смертельна и что мнѣ не долго остается жить. Покуда есть время, я буду говорить. И такъ, слушайте.... Вы знаете, что я никогда не зналъ математики, а почему именно? этого я самъ не понимаю, тѣмъ болѣе, что мой дѣдушка былъ отличный математикъ.... Но какъ бы то ни было, я не былъ посвященъ въ таинства этой науки и не могъ-бы занимать мѣста капитана, еслибъ мнѣ не помогалъ вашъ батюшка. Онъ дѣлалъ за меня всё счеты, писалъ за меня, и, въ продолженіе цѣлой кампаніи, не открывалъ никому, что несетъ мои обязанности на себѣ.... Между тѣмъ, всё удивлялись мнѣ, всё осыпали похвалами, которыхъ я не заслуживалъ и которыми единственно былъ обязанъ генералу Латтальпеду.... Да! скажите ему, что я до послѣдней минуты вспоминалъ объ его благодареніяхъ.

— Я сдѣлаю все, что вамъ угодно, но только, ради Бога, отдохните немного.

— Если вы хотите этого—я согласен; на полчаса минут я углублюсь въ себя, потому—что знаю, что мнѣ осталось жить нѣсколько часовъ.

Тяжело было слышать человѣка, который съ такою увѣренностью говорилъ о близкой смерти. Голова моя кружилась, сердце замирало въ груди. Я чувствовалъ необходимость подышать свѣжимъ воздухомъ.

Выйдя изъ дома, я осмотрѣлся кругомъ. Недалеко отъ двери стояли три молодыхъ сквоттера и церешепывались между собою. Очевидно, что они наблюдали за всѣмъ происшедшимъ во внутренности дома. Однако, никто изъ нихъ не заговорилъ со мной,—и я уже подумалъ, что совершенное преступленіе разсѣяло всѣ ихъ враждебныя мысли, и что я могу поступать, какъ мнѣ угодно. Вдругъ, я почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за руку. Я отступилъ и увидѣлъ Лаванію, которая притаилась около двери.

— Не уходите далеко отъ дома, прошептала она мнѣ на ухо. Злой духъ овладѣлъ сегодня Тоби и онъ поклялся умертвить васъ, и Урсuzu. «Могилы не говорить,» сказалъ онъ. Я никогда еще не видала его взбѣшеннымъ до такой степени, какъ сегодня, хотя онъ и часто выходитъ изъ себя.

Сказавъ эти слова, молодая дѣвушка убѣжала въ домъ и я снова увидѣлъ ее подлѣ Урсузы.

Ночь была темна; въ двадцати шагахъ, уже нельзя было различить никакого предмета. Еслибъ я хотѣлъ бѣжать, то мнѣ не трудно бы было проскользнуть вдоль стѣны и, пользуясь мракомъ ночи, обмануть бдительность молодыхъ сквоттеровъ. Но эта мысль не приходила мнѣ въ голову.... Я никогда бы не рѣшился оставить Урсuzu, а тѣмъ болѣе землемѣра въ послѣднія минуты его жизни.

Между тѣмъ, сквоттеры, казалось, подозревали меня, потому что запрещали мнѣ, когда я немного удалился въ сторону, чтобы я не смѣлъ отходить отъ дома далѣе двадцати шаговъ. Съ своей стороны, я увѣрялъ ихъ, что не думаю о бѣгствѣ и что вся цѣль моей прогулки—подышать чистымъ воздухомъ.

Мои объясненія вполне удовлетворили ихъ.

Каждый разъ, проходя около дома, я заглядывалъ въ полуотворенную дверь и наблюдалъ за Урсудою. Она сидѣла у ноготы дяди, молчаливая и недвижная, какъ будто ангельская смерть, прішедшій принять душу праведника.

Я уже сдѣлалъ около осьми круговъ и въ девятый разъ подошелъ къ концу завѣтныхъ двадцати шаговъ, какъ вдругъ услышалъ не далеко отъ себя легкое шипѣніе. Передо мной возвышалось дерево; и мнѣ казалось, что это шипѣніе несло съверху. Я подумалъ, что тутъ скрывается змѣя и отступилъ на нѣсколько шаговъ; но мое бездокойство продолжалось не долго.

— Отчего вы не хотите остановиться подъ деревомъ? сказалъ тихо Сускуэзусъ. Я хочу вамъ кое-что сказать.

— Положи немного, я сейчасъ возвращусь, только сдѣлаю одинъ или два круга, отвѣчалъ я осторожно, и продолжалъ свой путь. На другомъ концѣ, я остановился на минуту и оперся на дерево, какъ будто желая отдохнуть. Это повторялъ я три раза. Наконецъ, остановился на томъ концѣ, гдѣ скрывался Сускуэзусъ.

— Какимъ образомъ ты взялъ, Сускуэзусъ?... Откуда ты взялъ оружіе?

— У землебра.... славный карабинъ....

— Ты знаешь, что здѣсь случилось? Андрей раненъ смертельно....

— Это худо!... нужно отомстить!... бѣдный другъ!... отличный другъ!... должно умертвить убійцу.

— Брось эти мысли!... расскажи лучше, какъ попалъ ты сюда?

— Дьявъ разломалъ дверь.... Негръ силенъ; онъ сдѣлаетъ то, что захочетъ.... онъ принесъ мнѣ карабинъ....

— Мы увидимъ, что будетъ дальше!

Не благоразумно было бы продолжать разговоръ.

Я снова началъ прогуливаться, разсуждая о всемъ, что произошло въ эти два дня.

Черезъ нѣсколько минутъ, я подошелъ къ Овендаго и спросилъ его остаться на этомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ нужно. Выразительное: хорошо! было мнѣ отвѣтомъ.

Успокоившись съ этой стороны, я отправился въ домъ. Тамъ всё было по прежнему.

— Послушай, Милькаръ, сказалъ я, обращаясь къ старому эскоттеру. Дѣло-то плохо, нужно направить его.... Какъ ты думаешь, не послать ли за докторомъ въ Ревинестъ?

— Доктора не помогутъ, молодой человекъ, ударъ былъ вѣрнъ. Притомъ, я не хочу, чтобъ они лезли въ мой домъ, потому что они донесутъ на меня.

— Посланный отъ тебя скажетъ, что я раненъ печально. Я дамъ ему денегъ, чтобъ только онъ привелъ сюда лекаря. Быть можетъ, онъ облегчитъ страданія несчастнаго землемѣра.

— Тѣ, которые живутъ въ лѣсахъ, возразилъ грубо Мильякръ, не должны пользоваться городскими удобствами. Безопасность моего семейства для меня выше всего! Ни одинъ лекарь не войдетъ сюда!

Что было дѣлать съ этимъ звѣрскимъ существомъ? Всякое чувство добра было заглушено въ его сердцѣ.

Въ негодованіи, я отошелъ отъ него. Въ эту минуту послышались крики около жилища и, вслѣдъ за ними, раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Я бросился къ двери. Недалеко отъ меня пробѣжало нѣсколько человѣкъ. Темнота воспрятствовала мнѣ видѣть ихъ лица. Однакожъ, я могъ замѣтить, что вблизи дома происходила схватка и что одна воюющая сторона, вѣроятно побѣжденная, обратилась въ бѣгство.

Я оставался въ этомъ тягостномъ недоумѣніи пять или шесть минутъ, стараясь разъяснить себѣ, что такое могло происходить здѣсь. Шумъ шаговъ постоянно отдавался, крики слабѣли и снова тишина заступила мѣсто этой внезапной тревоги. Я уже хотѣлъ-было воротиться въ комнату, какъ вдругъ ко мнѣ подбѣжалъ человѣкъ и схватилъ меня за руку. Это былъ Франкъ Мальбонъ.... Освободители явились, и я уже болѣе не плѣнникъ!

— Слава Богу! вы живы и здоровы! вскричалъ Мальбонъ. Но гдѣ моя бѣдная сестра?

— Она у кровати своего умирающаго дяди.... Не раненъ ли кто изъ васъ?

— Право, не могу сказать. Негръ былъ нашимъ проводникомъ. Онъ такъ искусно привелъ насъ сюда, что мы успѣли бы окружить сквоттеровъ и захватить ихъ всѣхъ. Но въ ту минуту, когда планъ нашъ подвигался къ концу, съ этого дерева раздался выстрѣлъ.... Сквоттеры пустили въ насъ нѣсколько пуль; мы отвѣчали имъ тѣмъ же... и они убѣжали.

— Тѣмъ лучше, по-крайней-мѣрѣ не пролито крови. Но какъ великъ вашъ отрядъ?

— Тридцать человѣкъ.... Мы можемъ быть совершенно спокойны.... Еслибъ мы знали молучше дорогу, то явились бы сюда нѣсколькими часами раньше....

Увы! этихъ нѣсколькихъ часовъ было бы достаточно, чтобы спасти жизнь бѣднаго землемѣра!...

Но зло неисправимо никакими человѣческими средствами; все кончилось въ этомъ мѣрѣ для Андрея Козманса.

Съ душевнымъ умилениемъ смотрѣлъ я на сцену радостнаго свиданія брата съ сестрою. Урсула, со слезами, бросилась въ объятія Франка. Въ это время я стоялъ на порогѣ. Замѣтивъ меня, она подала мнѣ руку съ нѣжной, хотя и печальной, улыбкой. Франкъ, казалось, удивился этой короткости. Но разсуждать было некогда. Нужно было поспѣшить къ землемѣру, который не терпѣливо желалъ узнать причину перестрѣлки.

— Чтò тутъ было, Мордоунтъ? спросилъ онъ меня; не раненъ-ли кто?

— Никто, любезный Козмансъ; по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ передалъ Франкъ Мальбонъ, который здѣсь, передъ вами; онъ привелъ съ собою отрядъ для выручки насъ, и они-то стрѣляли по сквоттерамъ.

— Благодарю тебя, Боже! я могу еще передъ смертью проститься съ Франкомъ и поручить ему сестру его! Вообрази себѣ, Франкъ, сквоттеры предложили мнѣ выдать Урсулу за одного изъ нихъ, какъ будто она можетъ быть женою грубаго и необразованнаго человѣка!...

— Теперь опасаться нечего, отвѣчалъ Франкъ. Притомъ, я знаю Урсулу: она не боится угрозъ и отъ нея едва ли возможно получить согласіе на подобный бракъ.

— Кстати, Франкъ, я хочу сказать тебѣ нѣсколько словъ о твоей сестрѣ, пользуясь тѣмъ, что она ушла въ сосѣднюю комнату, вѣроятно, поплакать на свободѣ.... Вотъ Мордоунтъ Литтлпеджъ, объявилъ мнѣ, что любитъ Урсулу болѣе всего на свѣтѣ.

Франкъ вздрогнулъ и слегка нахмурилъ брови.

— И понятно, что если онъ до такой степени влюбленъ, то не можетъ жить безъ твоей сестры и потому просить ея руки.

Лице Франка снова прояснилось. Увидѣвъ, что я протянулъ къ нему руку, онъ пожалъ ее дружески.

— Безъ сомнѣнія, Мордоунтъ отличная партія для Урсулы, продолжалъ землемѣръ, потому-что онъ молодой, богатъ и уменъ; но согласится ли его родственники принять въ своей домъ бѣдную дѣвушку, которая можетъ принести въ прилавокъ коммодъ, цѣна, буссооль, да нѣсколько ничтожныхъ бездѣлокъ?... Но при-вскрываютъ ли они ему болѣе блестящую партію? Нѣтъ! Для чести Комаансовъ и Мальбоновъ этотъ бракъ не долженъ состоять-ся... Мы не должны отдавать дѣвушку въ домъ, гдѣ не будутъ заботиться о ней!...

Съ трудомъ я выслушалъ эти слова, которыя для меня бы-ли ужаснѣе удара грома. Но по счастью, они не произвели большого вліянія на Франка, который смотрѣлъ на меня по-прежнему. Онъ, казалось, не раздѣлялъ мнѣнія своего дяди.

Я задумался на минуту. Нужно было постараться уговорить землемѣра, чтобъ онъ не вооружался противъ моего брака съ Урсулой, или по-крайней-мѣрѣ, чтобъ онъ держалъ нейтралитетъ въ этомъ дѣлѣ. Иначе его слова могли бы произвести вліяніе на Урсулу.... А если бы Урсула приняла какое намѣ-реніе, то ее уже ни чѣмъ нельзя бы было поколебать. Мои разсужденія были прерваны глухимъ крикомъ, вырвавшимся изъ груди стараго сквоттера.

Я и Франкъ незольно вдрогнули и обернулись въ ту сторо-ну, гдѣ стояла нечъ. Мѣсто Пруденція было не занято. Она скрылась изъ комнаты при первомъ шумѣ. Но Мильакръ си-дѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. Только я замѣтилъ, что онъ дер-жался не такъ прямо, какъ два часа тому назадъ. Онъ согнул-ся, такъ что голова его почти склонилась на грудь.

Подойдя къ нему ближе, я увидѣлъ что, на полу возлѣ него была кровь. Я взглянулъ пристальнѣе на сквоттера: Миль-акръ былъ безъ чувствъ. Пуля прошла насквозь его тѣла, толь-ко тремя линіями выше бедра.

XXVII.

Его печаль вылилась въ жалобныя и медленныя звуки... Это было страданіе жизни, действующее на душу тяжкую скорбью... Иногда эти звуки дѣлались порывистѣе и заключали въ себя что-то дикое.

Колыбель.

Миллякръ былъ пораженъ первымъ выстрѣломъ. Онъ одинъ только былъ раненъ въ этой перестрѣлкѣ, не говоря о Тоби, который, какъ я узналъ послѣ, тоже не вернулся отъ пули. У него была раздроблена нога, такъ что онъ долженъ былъ на всю остальную жизнь остаться калѣкой. Участь, постигшая отца и сына, была причиною, что-мы не были обезпечены сквоттерами. Они всѣ, даже маленькія дѣти, оставили свои жилища и скрылись гдѣ-то въ лѣсу. Только одна Лэвниа изъ всего семейства осталась въ домѣ, чтобы исполнять печальныя обязанности при своемъ отцѣ.

Я догадывался кѣмъ и когда былъ раненъ старый сквоттеръ. Выстрѣлъ въ него былъ направленъ, при началѣ суматохи, сквозь полу-отворенную дверь.

Эте Сускузузусъ, подумалъ я, отомстилъ за смерть своего друга, по индѣйскому обычаю. Однакожъ, я никогда не могъ добиться, чтобъ Онедаго открылъ мнѣ эту тайну, хотя нѣсколько словъ, вырвавшихся у него въ первую минуту, вполне подтверждали мои догадки.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы съ Мальбономъ узнали о печальной участи Миллякра, отрядъ, приведенный Ньюкомомъ, началъ собираться вокругъ дома, который можно было принять теперь за госпиталь. Этотъ отрядъ, довольно многочисленный, былъ разведенъ по другимъ домикамъ.

Не было никакой надежды спасти земледѣльца и стараго сквоттера. Однакожъ, на всякій случай, мы послали за чедовѣкомъ, который называлъ себя докторомъ и жилъ въ Ревенснестѣ.

Справедливо говорить, что одна ушца практика стоить цѣлаго фунта теоріи.

По-крайней-мѣрѣ ревнестскій эскулапъ вполне оправдывалъ эту поговорку. Сперва, онъ морилъ людей, но чѣмъ шель далѣе, тѣмъ болѣе вылечивалъ больныхъ.

Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія въ нашемъ госпиталѣ, я сказалъ Урсулѣ, что оставляю ее съ Лавиніею подлѣ постели больныхъ, а самъ не надолго отправлюсь осмотрѣть завоеванныя нами жилища. Франкъ Мальбонъ занялъ мѣсто часового, недалеко отъ двери.

— Лавинія будетъ смотрѣть за своимъ отцомъ, между тѣмъ вы, Урсула, не забудете вашего дялюшку. Вотъ вода....давайте ему понемножку пить, это самое лучшее средство, чтобъ сколько-нибудь облегчить его страданія.

— Пустите меня! раздался въ это время глухой голосъ.

И женщина, не смотря на усилія державшихъ ее людей, стремительно вбѣжала въ комнату.

— Я жена Аарона, и мнѣ сказали, что онъ раненъ. Само Провидѣніе повелѣло, чтобъ жена никогда не оставляла своего мужа. Будь онъ убійца, или несчастная жертва,—онъ все-таки отецъ моихъ дѣтей!

Въ словахъ этой женщины было что-то трогательное.

Сначала, она посмотрѣла на кровать, гдѣ лежалъ землемѣръ; но не тутъ заключалось драгоцѣнное ея сердцу.

Вскорѣ глаза ея перенеслись на другой смертный одръ, на которомъ томился старій сквоттеръ.

Долго глядѣла она на него, какъ будто не узнавала своего мужа.

Вдругъ, глаза ея заблестали, станъ выпрямился и она гордо обернувшись къ намъ, вскричала ужаснымъ голосомъ:

— Кто сдѣлалъ это? кто убилъ моего мужа? Кто осмѣлился сдѣлать меня вдовою, а дѣтей моихъ сиротами, противъ закона и правосудія? Я оставила его здѣсь живаго, а нахожу мертваго! Богъ за насъ, и мы увидимъ кого осудитъ законъ!

Пруденція сдѣлала шагъ впередъ, какъ бы ища челоуѣка, на котораго могло бы пасть ея ищеніе. Невольный трепетъ пробѣжалъ по моему тѣлу. Но въ это время Мильакръ глубоко вздохнулъ. Пруденція, при этомъ вдохѣ, поняла, что мужъ ея не умеръ. Куда дѣвалось ея бѣшенство, пропала даже и жажда ищенія: она пришла въ себя и стремительно кинулась къ постели мужа. Все было употреблено ею, чтобъ только лучъ-

шить состояніе раменаго. Она удобнѣ положила его на постели, обмочила его губы и лобъ холодною водою, поправила подушку, однимъ словомъ, сдѣлала то, что могла, что было въ ея силахъ.

Я былъ убѣжденъ, что теперь нечего бояться за Урсулу и успѣшилъ выйти изъ комнаты.

Франкъ остановилъ меня на дорогѣ.

— Будьте спокойны, сказалъ онъ, я всегда приму вашу сторону.

Люди, приведенные Ньюкомомъ, расположились въ домикахъ, принадлежавшихъ семейству Мильakra. Ночь была холодная и потому вездѣ были разведены огни, которые придавали этой пустынѣ видъ несравненно веселѣе прежняго.

Для меня, Франка Мальбона и Ньюкома была оставлена хижина, гдѣ мы могли провести ночь. Мои избавители въ это время ужинали; а нѣкоторые уже ложились спать.

Въ отведенномъ намъ домикѣ, я нашелъ одного Ньюкома. Я не считаю здѣсь ни Оновдаго, который молчаливо сидѣлъ въ углу подлѣ печки, ни моего вѣрнаго Джапа, дожидавшагося меня у двери.

Я учтиво раскланялся съ Ньюкомомъ, который, казалось, подозрѣвалъ, что я знаю его сношенія съ сквоттерами. Вѣроятно, потому онъ не смѣлъ мнѣ прямо посмотреть въ глаза.

— Могу ли я ожидать, что найду маіора Литтльпеджа въ рукахъ Филлестимлянъ и въ подобномъ мѣстѣ? вскричалъ онъ, бросаясь ко мнѣ на встрѣчу. Я слышалъ, что сквоттеры шатаются здѣсь, но это такая обыкновенная вещь, что я и не хотѣлъ говорить маіору про нихъ.

Прежде, въ Англіи, люди низшаго сословія, обращаясь къ старшимъ, любили разговаривать въ третьемъ лицѣ. Нынѣ уничтожилось тамъ это обыкновеніе, но оно еще существуетъ въ Америкѣ, между людьми подобными Ньюкому. Эти люди готовы падать ницъ, когда вы стоите предъ ними; но лишь только обернитесь,—они не медля вамъ покажутъ языкъ.

Я не хотѣлъ шутить съ Ньюкомомъ, но уколоть его, задѣть его совѣсть—было первымъ моимъ желаніемъ. Теперь благоприятный случай представился, благодаря самому судѣ.

— Мнѣ кажется, мистеръ Ньюкомъ, началъ я, что въ числѣ условій, заключенныхъ вами съ владѣльцами Ревиснеста, было также и то, чтобъ смотрѣть за землями Музериджа?

— Правда, полковникъ или, лучше сказать, генераль, поручилъ мнѣ наблюдать за обоими владѣльцами, но развѣ маіору не извѣстно, что Музериджъ не назначенъ въ продажу?

— Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ земли были предоставлены хищничеству. Можно было надѣяться, что нашъ агентъ, для выгоды владѣльцевъ, не позволитъ сквоттерамъ поселиться здѣсь, — а между тѣмъ, что сдѣлали вы?

— Маіоръ не понялъ меня. Я не говорю: что я зналъ, что сквоттеры перебрались сюда, а сказалъ только, что сквоттеры шатаются по окрестностямъ, и что слухи объ этомъ дошли до меня. Притомъ, эти люди, въ нашей сторонѣ, такъ обыкновенны, что никто изъ нихъ не обращаетъ вниманія.

— Все таки, мистеръ Ньюкомъ, вы не должны бы были пропускать мимо ушей подобныхъ слуховъ. Кромѣ того рассказываютъ, что Мильяръ уже давно извѣстенъ въ этой сторонѣ и что съ молодыхъ лѣтъ онъ пользуется чужими лѣсами. Неужели вы не встрѣчали его никогда, живя двадцать-пять лѣтъ въблизи его?

— Я никогда не встрѣчалъ его! Что вы говорите, маіоръ? Кто не знаетъ здѣсь этого старика. Его вы встрѣтите повсюду, даже въ судѣ, хотя законъ для него не необходимая вещь.

— Такъ почему же вы не предупредили меня? Я же не могъ изучить этого человѣка, не выходя изъ амбара, куда онъ заперъ меня, полагая, вѣроятно, что я буду одно и тоже для него, что хлѣбъ и соль и тому подобныя припасы, которые онъ владеть въ этотъ амбаръ.

— Маіоръ не говоритъ ли о старомъ амбарѣ? спросилъ Ньюкомъ съ безпокойнымъ видомъ. (Читатель долженъ вспомнить, что противъ этого амбара происходилъ дружескій разговоръ между сквоттеромъ и нашимъ агентомъ, изъ котораго я не проронилъ ни слова.)

— Давно ли вы здѣсь, маіоръ?

— Не очень давно, хотя мнѣ это время показалось вѣкомъ.

— Безъ сомнѣнія, со вчерашняго утра?

— Да, мистеръ Ньюкомъ, да. Но вотъ чего только я не понимаю, какимъ образомъ хотѣли сквоттеры провести лѣсъ въ Альбани? Неужели они думали, что на такомъ огромномъ пространствѣ не будутъ пойманы агентами, которые славятся въ этой сторонѣ честностью и вѣрностью къ владѣльцамъ?.. Если воровство производится здѣсь въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, то

понятно, что оно должно имѣть надлежащую поруку и быть организовано систематически.

— О, я полагаю, что маіору извѣстно, какъ дѣлаются подобныя вещи въ мірѣ; ему, вѣроятно, также извѣстно, что нельзя вѣшпаваться въ чужія дѣла.

— Почему такъ? я думаю напротивъ...

— Вмѣшаться можно въ небольшія дѣла; но едва ли позволительно принимать участіе тамъ, гдѣ послѣдствія такъ важны, какъ это мы видимъ здѣсь.

— Странное дѣло!... Ласкать человѣка и между тѣмъ не сказать ему, что его обкрадываютъ!... Странная вещь! видѣть какъ человѣкъ воруетъ у своего ближняго и не обратить вниманія на это воровство!

Ньюкомъ понималъ мой характеръ и потому переѣнилъ разговоръ.

— Этотъ Мильакръ былъ, дѣйствительно, опасный человѣкъ, маіоръ, судя по рассказамъ о немъ, и я радуюсь, что наша страна избавилась отъ него. Говорятъ, что старый сквоттеръ убитъ и что все семейство его скрылось.

— Такъ изержимъ; но это не совсѣмъ вѣрно. Мильакръ только раненъ смертельно. Правда, сыновья его разбѣжались, но жена его здѣсь съ одною изъ своихъ дочерей.

— Пруденція здѣсь! вскричалъ Ньюкомъ, забывъ свою обычную осторожность.

— Да вы, кажется, хорошо знаете семейство Мильакра. Даже имена всѣхъ ихъ вамъ извѣстны.

— Я узналъ это по необходимости, потому что судьѣ должны быть коротко знакомы всѣ сосѣди; посудите сколько просьбъ и жалобъ ноступаютъ къ нему со всѣхъ сторонъ... Такъ вы вчера утромъ попались въ руки этихъ негодяевъ?

— Вчера утромъ, до восхода солнца. Послѣ того, до самой этой минуты, я никуда не выходилъ отсюда.

Длинная пауза послѣдовала за этими словами. Ньюкомъ догадался, что я знаю все и, вѣроятно, придумывалъ какую-нибудь отговорку, чтобы ловче вывернуться изъ этой запутанной и очень невыгодной для него исторіи.

Я предоставилъ ему свободу пріискать эту увертку и пошелъ къ Сускуэзусу. Опъ въ это время закуривалъ трубку. Трудно было подумать, взглянувши на него, что онъ принималъ участіе въ кровавыхъ сценахъ этого дня. На лицѣ его

была начертана философическая важность и виѣсть съ тѣмъ глубокое спокойствіе.

— Добрый вечеръ, Безслѣдный, сказалъ я, протягивая къ нему руку, я очень радъ, что вижу тебя на свободѣ....

— Амбаръ плохая была тюрьма. Джапъ сломалъ замокъ, какъ пукъ соломы. Непонятно, какимъ образомъ Мильакръ не могъ ожидать этого.

— О, ему въ этотъ вечеръ нужно было подумать о другомъ, поважнѣе твоей тюрьмы. Теперь, я думаю, онъ ужъ болѣе не встанетъ.

Онндаго прежде чѣмъ отвѣчать, отнялъ трубку ото рта.

— Да, ему пришелъ конецъ.

— Жалко, что нашъ добрый землемѣръ погибъ въ этомъ низкомъ дѣлѣ.

— Низкомъ, ваша правда.. я тоже говорилъ самъ себѣ... Если сквоттеръ убилъ землемѣра, то развѣ другъ землемѣра не могъ убить въ свою очередь сквоттера?

— Ты разсуждаешь, какъ Индѣецъ, Безслѣдный; но у Блѣдныхъ лицъ въ мирное время не позволено мстить кровью за кровь; такое мщеніе идетъ у нихъ наравнѣ съ преступленіемъ.

Сускуззусъ продолжалъ курить, не отвѣчая ни слова.

Потомъ, онъ поставилъ трубку въ сторону и погрузился въ размышленія. Видно было по его лицу, что онъ былъ доволенъ своимъ рѣшеніемъ.

Джапъ, съ своей стороны, ожидалъ моего привѣтствія. Онъ никогда не осмѣливался начинать разговора первый, не смотря на короткость, существовавшую между нами. Но лишь только я обращался къ нему съ однимъ словомъ, онъ отвѣчалъ не принужденно, не стѣняя себя.

— Благодарю тебя, Джапъ; ты исполнилъ свое дѣло прекрасно. Никто искуснѣе тебя и скорѣе не провелъ бы сюда отрядъ и не освободилъ бы Индѣйца...

— О мы сдѣлали бы еще больше, еслибъ судья позволилъ намъ стрѣлять съ перваго шагу.... Я думаю, половина изъ нихъ не ушла бы отъ насъ.

— Ньюкомъ поступилъ прекрасно. Къ чему проливать кровь въ мирное время?

— А зачѣмъ пролили кровь землемѣра?

— Все это разбереть правосудіе... Оно разсудитъ, кто правъ, кто виноватъ...

— Но, по-крайней-мѣрѣ, я радуюсь тому, что одна изъ этихъ сквоттеровъ будетъ помнить меня цѣлую жизнь.. Да, онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе о Джапѣ Сатанстоэ... Неправда ли это хорошо?

— Хорошо! сказалъ Онондаго съ энергіею.

На возвратномъ пути, я нашелъ Франка на прежнемъ мѣстѣ. Онъ объяснилъ мнѣ всѣ подробности моего освобожденія. Лишь только землемъръ, Урсула и Джапъ узнали о моемъ плѣнѣ отъ Индѣйца, то тотчасъ же отправились къ Мильакру, между тѣмъ какъ Франкъ пустился въ Ревиснестъ, чтобъ собрать тамъ какъ можно больше людей и идти съ ними ко мнѣ на выручку. Молодой мой другъ, въ первую минуту душевнаго волненія, написалъ о моемъ плѣнѣ къ генералу, который былъ тогда въ Фискилѣ, у старшей сестры моей. Голецъ былъ отправленъ, наканунѣ, ночью. Такъ какъ разстояніе между Фискилемъ и Ревиснестомъ было не болѣе ста сорока миль и по большей части водою, — и къ тому же вѣтеръ благопріятствовалъ путешествію; то можно было полагать, что въ ту минуту, какъ я слушалъ этотъ разсказъ, вся наша фамилія была недалеко отъ Ревиснеста — или по-крайней мѣрѣ она могла пріѣхать туда въ одно время со мною. Франкъ занялъ мѣсто Урсулы подлѣ раненаго, а я, съ полчаса, прогуливался съ нею передъ домомъ. Я снова началъ говорить ей о моихъ надеждахъ, и между прочимъ сказалъ, что большая часть моего семейства или на пути, или уже пріѣхала въ Ревиснестъ. При этой новости рука ея, лежавшая на моемъ плечѣ, задрожала.

— Я этого совершенно не ожидала, сказала она спустя нѣсколько минутъ. Признаться вамъ, я боюсь предстать на судъ вашего семейства.... У меня нѣтъ никакихъ достоинствъ, я племянница бѣднаго землемъра, не знаю общества, мнѣ знакомы одни лѣса, гдѣ я таскала цѣпь, между тѣмъ какъ они....

— Ахъ, не говорите, не мучьте меня этими словами. Да, Урсула, что можетъ быть прочнѣе той цѣпи, въ которую вы заковали мое сердце!... И пусть свѣтъ говоритъ, что ему угодно, я буду носить эту цѣпь до послѣдней минуты моей жизни. О, не бойтесь ничего, Урсула.... Мой отецъ—человѣкъ справедливый; что же касается до матери, то я опасуюсь одно-

го только, чтобъ она, увидѣвъ вась, не полюбила больше чѣмъ своего сына.

— Я боюсь вѣрить вамъ, Мордоунтъ, отвѣчала молодая дѣвушка, лицо которой сдѣлалось немного веселѣе.... Но войдите въ комнату. Я стану читать молитвы, — эта странная женщина просила меня не забыть также ея мужа.... нужно исполнить обѣщаніе.

Урсула поставила свѣчку на ящикъ недалеко отъ кровати Мильакра, и, ставъ на колѣни, развернула книгу.

Черезъ минуту, удивительныя слова молитвы, раздались по комнатѣ. Пруденція и Лавинія, стоя подлѣ стѣны, внимали голосу Урсулы, который одинъ только нарушалъ общую тишину. Суевѣрный обычай запрещалъ имъ преклонять колѣна. Франкъ и я остались у двера и также молились.... Никогда молитвы не были такъ искренни и горячи, какъ въ эту ночь.

XXVIII.

Вотъ мы подошли къ мрачному царству Плутона. Повсюду безплодная пустыня и дикія равнины; повсюду крики, вояли и влохи....

Салемъ.

Такъ прошла ночь, которой я никогда не забуду. Оба раненыхъ снали. По временамъ, мы смачивали водою ихъ запершія губы. Передъ утромъ, я убѣдилъ Урсулу отдохнуть немного. Бѣдная дѣвушка изнемогала, какъ нравственно, такъ и физически. Сонъ могъ подкрѣпить ея слабѣющія силы. Чтожъ касается до Пруденціи, она провела всю ночь подлѣ постели своего мужа въ томъ же мрачномъ безмолвіи.

Наконецъ наступило утро. Меня извѣстили, что Ньюкомъ уѣхалъ ночью, вѣроятно, обезпокоенный тѣмъ, что я догадался о его продѣлкахъ.

Чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что человѣкъ, объявляющій себя другомъ народа, постоянно обманываетъ его изъ своей личной пользы.

По мѣрѣ того, какъ разсвѣтало, землемѣръ и сквоттеръ вы-

ходили изъ того забвенія, въ которое они были погружены ночью. Хотя жизнь погасала въ нихъ мало по малу, но мысли ихъ все-таки были обращены къ землѣ, на тотъ театръ, гдѣ они были актерами нѣсколько десятковъ лѣтъ.

— Дядюшка пришелъ въ себя, сказала Урсула, подходитъ къ двери, онъ зоветъ насъ обоихъ, особенно насъ Мордоунтъ. Онъ хочетъ поговорить съ вами въ послѣдній разъ.

Мы хотѣли войти въ комнату, но остановились на порогѣ, услышавъ голосъ Андрея, который въ это время заговаривалъ со старымъ сквоттеромъ.

— Милыякръ! сказалъ землемѣръ, повысивъ голосъ, можешь ли ты отвѣчать мнѣ. Мы оба собираемся въ дальнюю дорогу, а не хорошо пускаться въ этотъ путь съ сердцами, отягощенными дурными помыслами и чувствами. Еслибъ у тебя была такая племянница, какъ моя Урсула, то ты, вѣроятно, легче бы разстался съ землею и съ радостію бы перенесся въ тотъ міръ, куда идемъ мы теперь.

— Онъ знаетъ, что такое смерть и вѣчность, прошептала Пруденція, я увѣрена, что это ему извѣстно... У него были благочестивые предки.

— Видишь ли, Пруденція, какъ хорошо имѣть благочестивыхъ предковъ, но еще лучше раскаяться въ своихъ грѣхахъ, потому-что тамъ будутъ судить насъ по нашимъ дѣламъ, а не по поступкамъ предковъ.

— Отвѣчай ему, Ааронъ, прибавила Пруденція, чтобъ мы знали въ какомъ состояніи духа ты перешелъ въ вѣчность. Послушайся землемѣра, онъ человекъ добрый...

До сихъ поръ сквоттеръ не говорилъ ни слова. Я уже думалъ, что у него отнялся языкъ. Но къ величайшему моему удивленію, онъ заговаривалъ твердымъ и попрежнему звонкимъ голосомъ.

— Еслибъ не было землемѣра, сказалъ старыи сквоттеръ, не было бъ границъ и межей. Я бы не лежалъ здѣсь, при послѣнемъ издыханіи.

— Забудь все это, какъ должно доброму христіанину, возразила Пруденція, самъ Богъ повелѣлъ прощать врагамъ... Да, прости землемѣру, потому-что въ тотъ міръ нельзя переступить со злобою въ сердцахъ.

— Милыякръ сдѣлаетъ еще лучше, сказалъ Андрей, если онъ будетъ просить прощенія у Бога за свои собственные грѣхи...

Впрочемъ, не подумайте, что я пренебрегаю его прощеніемъ... Я могъ обидѣть его, потому-что мы всѣ грубые люди, не выдавшіе общества... И съ своей стороны, я прощаю его также охотно, какъ принимаю его забвеніе моихъ обидъ.

Глухой вопль вырвался изъ широкой груди скоттера. Это было какъ бы невольнымъ признаніемъ въ совершенномъ преступленіи.

— Да, прибавилъ землемѣръ, благодаря Урсулѣ...

— Я здѣсь, дялюшка! вскричала Урсула, желая замать слова Андрея Козманса.

— Да, благодаря моей племянницѣ, продолжалъ землемѣръ, я измѣнился въ послѣднее время.

— Это не я, а само Провидѣніе, по вѣчной милости своей, просвѣтило вашъ умъ и сердце.

— Милое дитя, я понимаю, что судьба послала ангела на землю, чтобъ быть наставникомъ бѣдлага Голландца, невѣжды, который ничего не зналъ, даже правилъ своей религіи... Да, Мильакръ, я съ радостью принимаю твое прощеніе, потому-что легко будетъ умирать, не оставляя послѣ себя ни одного врага.

— Я надѣюсь, прощенталъ Мильакръ, что въ мірѣ, куда идемъ мы, нѣтъ ни закона, ни уполномоченныхъ.

— Ошибаешься, Ааронъ. Тамъ весь законъ, и все правосудіе.

— Хорошо вамъ разсуждать такъ спокойно, никакого зла не случилось съ вами, не говоря уже о томъ, что мы шли въ жизни совершенно различными путями. Мои всѣ расчеты пропали. Срубленный лѣсъ, который я намѣревался отослать въ Альбани, сгнилъ на мѣстѣ. Дѣти мои разбѣжались, и, къ довершенію всего, я умираю, и ничѣмъ не могу помочь имъ!

— Оставь свой лѣсъ въ покоѣ, сказала тихо Пруденція, забудь землю и обрати свои глаза на то, что предстоитъ тебѣ впереди. Всѣ минуты твои сосчитаны.

— Неужели ты хочешь, чтобъ я забылъ тебя, Пруденція, прервалъ Мильакръ, тебя мою жену, которая провела со мною сорокъ лѣтъ, которую я взялъ молодою и прекрасною, которая принесла мнѣ столько дѣтей и была такъ вѣрна, трудолюбива и послушна? неужели ты хочешь, чтобъ я забылъ тебя, Пруденція?

Эти слова, вырвавшіяся во время агоніи, заключали въ себѣ что-то торжественное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное. Они

дрѣво выказались посередѣ этихъ движихъ и грустныхъ сдѣлъ, разсыпавшейся предъ нами драмы.

Урсула была тронута. Съ участіемъ она подошла къ старымъ супругамъ, которые никогда не разлучались въ жизни. И несмотря на то, что Мильакръ былъ убійцею ея дѣда, она была готова, еслибъ только было въ ея силахъ, облегчить его страданія. Самъ землемѣръ поднялъ голову и съ душевнымъ умилениемъ смотрѣлъ на эту группу.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты забылъ меня, отвѣчала Пруденція, прерывающимся голосомъ, потому-что нѣтъ закона, который бы этого требовалъ. Я и ты одна душа и одна плоть, и вѣроятно Провидѣніе не захочетъ разлучить насъ!... Я не долго останусь здѣсь на землѣ, Ааронъ, и скоро послѣдую за тобою.... Тамъ, я надѣюсь мы не найдемъ ни лѣсовъ, ни земель, которыя такъ возмущаютъ твою душу.

— Я жестоко поступилъ съ этимъ лѣсомъ, прошепталъ своттеръ, который снова возвратился къ своему любимому предмету, да, жестоко, Пруденція. Пускай Литгльпеджъ объявляетъ свои претензіи, на все что найдетъ онъ здѣсь. Только деревья въ футъ вышиною, вотъ и всё... потому-что лучшія деревья я и мои сыновья обратили въ прекрасныя, ровныя доски, какихъ едва ли гдѣ можно найти въ другомъ мѣстѣ.

— О, не объ томъ ты долженъ думать теперь, Ааронъ. Припомни, что время и вѣчность для тебя славуются въ одно и тоже.

— Я умру спокойно, Пруденція, если землемѣръ скажетъ, что человѣкъ, срубившій дерево, распилившій его на доски, имѣетъ законное право владѣть имъ.

— Къ твоему огорченію, Мильакръ, я не могу этого сказать, иначе, я лишусь уваженія всѣхъ честныхъ людей... послушайся лучше твоей жены, потому-что для насъ каждая минута драгоценна. Я старый солдатъ, товарищъ, и много на своемъ вѣку видѣлъ равеныхъ. Сколько людей умирало вокругъ меня! Я могу сказать положительно, мы не проживемъ ночи. Поскорѣе нужно стараться свести всѣ земныя счета и спокойно пуститься въ дорогу. Тамъ отъ каждаго спросятъ, что сдѣлалъ онъ добраго на землѣ. Если твоя жена не совѣмъ свѣдуща въ религіи, то обратись къ моему племянницѣ. Она научитъ тебя не хуже всякаго пастора, что нужно дѣлать.

Мильакръ пристально посмотрѣлъ на Урсулу. Въ его душѣ

проходила ужасная борьба. Не желая принадлежать въ служебную молодую дѣвушку, мы переступили черезъ порогъ, и заперли за собою дверь.

Еще прошло два часа, два томительныхъ часа. Къ концу ихъ, къ намъ подошла Урсула.

— Идите, дядюшка хочетъ говорить съ вами.

Невольная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Но она сдѣлала надъ собою усиліе, печально улыбнулась и прибавила:

— Слушайте его терпѣливо, Мордоунтъ, потому-что онъ заступаетъ мнѣ мѣсто отца.... я должна повиноваться ему.

Видно было, что Урсула произвела свое дѣйствіе, потому-что Пруденція, казалось, не много угѣшилась и въ самомъ Милькарѣ я замѣтилъ значительную перемену. Взоръ его не оставлялъ молодой дѣвушки, онъ какъ будто видѣлъ въ ней ангела, посланнаго самимъ небомъ вразумить его. Но не долго я могъ слѣдить за нимъ. Мое вниманіе было привлечено къ другой постели.

— Подойдите сюда, Мордоунтъ, и ты также, Урсула, мое дорогое дитя. Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, хочу проститься съ вами... Не прерывайте меня, я чувствую, что конецъ мой приближается.... Мордоунтъ сказалъ мнѣ прямо, что онъ любитъ Урсулу и намѣренъ на ней жениться. Съ своей стороны, Урсула такъ уважаетъ и любитъ Мордоунта, что готова сдѣлаться его женою. Все это прекрасно и было время, когда бы я почелъ за счастье слышать эти взаимныя слова любви. Вы знаете, мои дѣти, что я равно люблю васъ обоихъ и что, по моему мнѣнію, въ цѣлой Америкѣ нѣтъ прекраснѣе пары. Но высказавъ одно, я не долженъ забывать и другаго. Генералъ Литтльведжъ былъ моимъ начальникомъ. Честный и добрый человекъ къ своимъ подчиненнымъ, онъ долженъ и отъ насъ ожидать подобнаго же возмездія. Что же скажетъ онъ въ этомъ случаѣ? Я знаю госпожу Литтльведжъ. Она дочь Германа Мордоунта, одного изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ въ нашей странѣ.... Ей, воспитанной въ большомъ свѣтѣ, можетъ ли понравиться невѣста, наемщица бѣднаго земледѣя, носившая, какъ это вамъ извѣстно, Мордоунтъ, цѣны во поляхъ и помогавшая своему мужу во всѣхъ его трудахъ. Это еще болѣе увеличиваетъ цѣну Урсулы въ моихъ глазахъ, но не то заговорить свѣта....

— Моя мать добрая женщина, съ благороднымъ сердцемъ и

чувствительному душевнѣ... Она полюбила Урсулу! вскричать я, ускоренный шепотомъ.

Эти слова, а еще болѣе выраженіе голоса, который былъ произнесены они, произвели глубокое впечатлѣніе на слушателей. Молнія радости на минуту озарила лицо Урсулы. Землемѣръ пристально посмотрѣлъ на меня, какъ бы желая читать въ моей душѣ. Что жъ касается до Франка, то онъ оборотилъ голову въ сторону, чтобы скрыть слезы, вырывающіяся изъ его глазъ.

— Еслибъ я могъ этому вѣрить, я началъ бы надѣяться, продолжалъ землемѣръ; утѣшеніе произошло бы въ мое сердце въ минуту разлуки съ вами. Я не сомнѣваюсь въ генералѣ Литльпеджѣ, потому-что онъ всегда былъ добрый человекъ.... Я только боялся вашей матушки... Сказанное вами немного измѣняетъ мои мысли и планы. Однакожъ, мои любезныя дѣти, я хочу потребовать у васъ обѣщанія....

— Остановитесь, Андрей, вскричалъ я, прерывая его, остановитесь прежде, чѣмъ вырвать у Урсулы неосновательное, осмѣлюсь сказать, жестокое обѣщаніе, которое можетъ сдѣлать васъ обоихъ несчастными. Не вы ли первый одобрили мою любовь.... а теперь, когда я послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, вы хотите потушить пламя и заставить меня принести жертву выше моихъ силъ.

— Я рѣшаюсь на это, мой другъ, потому-что надѣюсь, что Богъ, за благое намѣреніе, проститъ мою ошибку, если она будетъ сдѣлана. Мы съ вами говорили, Мордоунтъ, но знаете ли, что сама Урсула оуждала мое поведеніе въ отношеніи къ вамъ, доказывая мнѣ такъ ясно, какъ солнце, что я долженъ былъ вмѣсто того, чтобы одобрять васъ на подобную любовь, избѣгать всякихъ разговоровъ объ ней. Какимъ образомъ это сдѣлалось, дѣтя мое, что ты забыла все это, и что ты теперь восклицашься тѣмъ, что прежде оуждала?

Урсула поблѣднѣла, потомъ, щеки ея покрылись румянцемъ. Она ушла на колѣни и, скрывъ свою голову подъ грубымъ одеяломъ, прошептала:

— О, я тогда еще не видала, мой добрый дялюшка, Мордоунтъ!

Я сталъ на колѣни подлѣ Урсулы и прижалъ ее къ своему сердцу. Но она тихо вырвалась изъ моихъ объятій и ближе подошла къ землемѣру, который снова заговорилъ.

— Я вижу, что природа сильнѣе разума, и что сердце выше разсудка... Но слушайте, мои дѣти: исполните просьбу умирающаго; дайте мнѣ слово, что вы не вступите въ бракъ безъ позволенія генерала, его жены и бабушки?

— Я это обещаю вамъ, сказала Урсула съ увлеченіемъ; я обещаюсь, я клянусь въ томъ нашею любовью... Я была бы несчастлива, еслибъ вступила въ семейство, гдѣ бъ меня не любили.

— Урсула, драгоценная Урсула, подумайте, что вы сказали? Не ужели я ничего не значу предъ вашими глазами?

— Я буду страдать, если потеряю васъ, Мордоунтъ, но по-крайней-мѣрѣ я могу имѣть утѣшеніе, что исполнила свой долгъ; между тѣмъ какъ съ другой стороны—я не въ силахъ буду перенести несчастій, справедливаго наказанія за мою неосторожность.

Я былъ увѣренъ въ своемъ отцѣ и матери; только одна моя бабушка внушала мнѣ серьезныя опасенія. Ея планъ женить меня на Приссигѣ Бэйрдѣ, могъ погубить мое счастье.

— Не принуждайте ее, Мордоунтъ, отказаться отъ клятвы. Она исполнила послѣднее желаніе умирающаго. Теперь, мои дѣти, я довольно поговорилъ о житейскихъ дѣлахъ, нужно подумать и о будущемъ. Оставьте меня. Будете ли вы женаты или нѣтъ, я призываю на васъ благословленіе Всевышняго и когда-нибудь, снова увижусь съ вами на томъ свѣтѣ, въ нашемъ общемъ жилищѣ.

За этимъ благословленіемъ послѣдовало долгое молчаніе, которое вдругъ было нарушено страшнымъ крикомъ, вырвавшимся изъ груди Мильakra. Всѣ мы обернулись къ другой кровати, которая представляла разительную противоположность съ тихою и умилительною сценою прощанія нашего стараго друга. Однѣ я подвинулся впередъ, чтобъ помочь Пруденціи; но ужасъ овладѣлъ мною, и я, какъ пораженный параличемъ, не въ силахъ былъ сойти съ мѣста.

Мильакръ, обложенный подушками, почти сидѣлъ на своей кровати. Его глаза были открыты и блистали какимъ-то дикимъ, безумнымъ огнемъ. Губы его, сжимаясь отъ предсмертныхъ конвульсій, придавали его лицу сардоническую улыбку, внушавшую страхъ. Въ эту минуту, онъ былъ неподвиженъ и черты его сохраняли ужасающее спокойствіе. Я зналъ, что ему остается только испустить послѣдній вздохъ и ждалъ его,

смотря на сквоттера, какъ смотритъ бѣдная птица, очарованная и убитая взглядомъ змѣи. Этотъ послѣдній вздохъ, вырвался мало-по-малу, расширяя его ротъ, такъ что зубы выказались наружу. Я не могъ переносить долѣе и закрылъ лицо руками. Когда я открылъ его, то увидѣлъ уже мертвую оболочку, въ которой столько лѣтъ обитала душа стараго сквоттера.

Пруденція была подлѣ трупа и закрывала ему глаза, которые, не смотря на то, что были тусклы, все еще имѣли въ себѣ что-то свирѣпое.... Никогда я не видѣлъ болѣе отвратительнаго трупа!

XXIX.

Тихо и спокойно, какъ дитя, которое, наклонившись къ плечу матери, засыпаетъ съ улыбкой, отдалъ онъ душу свою небу, а тѣло завѣщалъ землѣ.

Гартъ.

Я видѣлъ, что землеѣръ и Урсула старались не смотрѣть на постель Мильakra, съ тѣхъ поръ какъ этотъ упорный грѣшникъ пересталъ существовать, и потому приказалъ перенести его трупъ въ другой шалашъ. Пруденція послѣдовала за нимъ, не оставляя его ни на одну минуту. Лавинія была подлѣ нея. Между людьми, приведенными Ньюкомомъ, было нѣсколько столаровъ. Одни сдѣлали гробъ, куда положили тѣло Мильakra, другіе же выкопали яму, посреди обширной равнины, на которой старшій сквоттеръ уже засѣялъ нѣсколько участковъ рожью. Дожидался только прибытія судьи, чтобъ начать погребеніе.

Между тѣмъ, въ хижинѣ гдѣ лежалъ землеѣръ, царствовало умилительное спокойствіе. Мой старшій другъ ослабѣвалъ все болѣе и болѣе и почти не говорилъ ни слова. Впрочемъ, онъ сохранилъ память до послѣдней минуты своей жизни. Урсула почти весь день провела въ молитвѣ, подлѣ его постели. Къ вечеру, мы убѣдили ее отдохнуть не много. Когда она ушла, старшій Андрей заговорилъ со мною.

— Я чувствую, Мордоунтъ, что смерть приближается; но

пусть она придетъ, я приму ее съ улыбкой, потому-что она послана самимъ Создателемъ. Смерть для меня не страшна.

— Да, вы должны привыкнутьъ къ ней, капитанъ Комаансъ, выдержавъ столько сраженій.

— Прежде, моимъ первымъ желаніемъ было умереть съ оружіемъ въ рукахъ, какъ Монгомери, какъ Варренъ, погибшіе на полѣ битвы. Теперь эти желанія миновались. Я похожъ на путешественника, который, перейдя обширную равнину, встрѣчается на концѣ ея пропасть, и чрезъ нее-то онъ долженъ перешагнуть, чтобъ продолжать свою дорогу. И что наша жизнь, съ ея трудами и заботами, предъ вѣчностью? Но я не пугаюсь вѣчности, потому-что Богъ просвѣтилъ мой умъ, и въ сердцѣ моемъ одна только любовь къ Создателю... Ахъ, Мордоунтъ, не покажется ли вамъ скучнымъ, что я говорю объ этомъ?

— Нисколько, нисколько. Говорите, я буду васъ слушать. Ваши слова для меня были всегда драгоценны, а тѣмъ болѣе въ эту торжественную минуту.

— Благодарю, Мордоунтъ, благодарю отъ всего сердца. Вы знаете, мой другъ, какъ прошло мое дѣтство. Я уже это вамъ часто рассказывалъ, помните, когда мы еще вели бивуачную жизнь. Оставшись очень молодъ отъ отца и матери, не имѣя ни защитника, ни покровителя, я не зналъ своего Бога и обязанностей своихъ къ Нему.... И что же, дитя меня научило этимъ обязанностямъ, научило понимать религію. Все измѣнилось во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я началъ слѣдовать совѣтамъ Урсулы. Она меня преобразовала совершенно. Прежде я часто пилъ ромъ, водку и другіе крѣпкіе напитки; теперь же замѣтилъ ли вы когда-нибудь меня со стаканомъ вина въ рукѣ. Это слѣдствіе тѣхъ разговоровъ, какіе я вѣлъ съ нею. Вамъ нравится Урсула, но послушайте, какъ она рассказываетъ о Богѣ, объ возмущеніи міра.... Вы тогда найдете ее еще прелестнѣе, вы увидите ее тогда за ангела, посланнаго съ неба для счастья и утѣшенія людей.

Землемѣръ предвидѣлъ минуту своей смерти. Никогда я не видѣлъ людей, которые бы умирали такъ спокойно, какъ онъ. Впрочемъ, до предсмертныхъ минутъ, онъ еще чувствовалъ страданія, но старался загнать ихъ. Мнѣ онъ, впрочемъ, сказалъ, что испытываетъ жестокія мученія.

— Только не говорите Урсулѣ, прошепталъ онъ, пусть она ничего не знаетъ.... къ чему усилывать ее скорбь?

Къ вечеру страданія утихли, и землемѣръ могъ уснуть нѣсколько времени.

Передъ разсвѣтомъ, онъ пробудился, чтобъ скорѣе заснуть вѣчными сномъ. Но временнѣе, на него находило забытьё. Онъ потерялъ оди и тѣже вопросы, на которые мы уже не разъ отвѣчали, спрашивая, гдѣ Урсула? между тѣмъ какъ малодѣя дѣвушка стояла подлѣ самой его постели.

— Я здѣсь, дядюшка, отвѣчала Урсула дрожащимъ голосомъ, я стою передъ вами.

— Франкъ, позови ее... я хочу, чтобъ она была подлѣ меня въ послѣднія минуты моей жизни.

— Мой добрый дядюшка, это я сжимаю вамъ руки, отвѣчала Урсула громче, чтобъ землемѣръ могъ услышать ея слова. Неужели вы думаете, что я оставляю васъ?

— А! это ты, сказалъ землемѣръ, поднимая руку и детрогиваясь до Урсулы... Ты не забудешь, малое дитя мое, своего общанія на счетъ Мордоунта.... Если онъ получитъ позволеніе отъ своего семейства, выйди за него, моя дочь... прими мое благословеніе... Обними меня Урсула.... О, какъ твои губы холодны!... Они не то, что сердце.... обними меня также, Мордоунтъ.... Ахъ...теперь хорошо... Прощай Франкъ, прощай мой другъ, я твой должникъ, но сестра твоя заплатитъ за меня... Скажите генералу Литкампедему и женѣ его, что я умираю, вспоминалъ о нихъ... Прощай, Франкъ... прощай, Урсула .. О мой Спаситель, прими душу мою!...

Это были послѣднія слова, произнесенныя землемѣромъ; съ ними пресѣклась его жизнь.

Нужно было подумать о приготовленіи къ похоронамъ. Урсула, въ сопровожденіи Лавиннѣ, была отведена въ другой шалашъ, куда мы клали тѣло Андреа въ гробъ, приготовленный тѣми же руками, которые сдѣлали гробъ для сквоттера. Къ полудню, пріѣхалъ судья. Всѣ формальности были совершены. Въ свидѣльствѣ о смерти двухъ покойниковъ было написано, что землемѣръ былъ умерщвленъ неизвѣстно кѣмъ, а Мильакръ былъ убитъ всчаемъ. Хотя это свидѣтельство было совершенно ложно, потому-что большая часть изъ насъ знала, кто умертвилъ землемѣра, а я, съ своей стороны, справедливо догадывался отъ чьей руки получилъ ударъ старый сквоттеръ, однакожъ оно было подписано всѣми нами единодушно.

Въ тотъ же вечеръ, мы погребли Мильакра. Изъ всего его

многочисленного семейства, только Пруденція и Лавинія присутствовали при этой печальной церемоніи. Погребеніе совершенно было скоро. Могила засыпалась и потомъ покрывалась сверху дернцемъ: все кончилось для стараго скоттера! Когда мы тихо удалялись отъ послѣдняго жилища его, гробовое молчаніе царствовало между нами: мы не осмѣливались говорить; такъ наши сердца были полны самыхъ разнообразныхъ чувствъ.

Вдругъ, это молчаніе прервалось звучнымъ голосомъ Пруденціи: мы остановились.

— Братъ, вскричала эта женщина, представлявшая страшную смѣсь пороковъ и добродѣтелей, братъ, благодарю за ваше вниманіе къ тому, кто уже не существуетъ болѣе для меня въ этомъ мірѣ... Благодарю, что вы помогли мнѣ похоронить покойника.... Простите меня, что я называю васъ такъ; но сосѣдямъ я не могу васъ назвать, а неврѣтелями—не хочу!

Эти слова, произнесенныя неожиданно, заставили насъ невольно содрогнуться.

Когда печальный обрядъ кончился, и всѣ разошлись въ разныя стороны, я подошелъ къ могилѣ, подлѣ которой стояла Пруденція.

— Ночь холодна, сказалъ я ей, ты лучше сдѣлала бы, еслибъ вошла въ домъ.

— Вошла въ домъ!... А гдѣ онъ?... Съ кѣмъ пойду я къ нему? Аарона нѣтъ болѣе, а дѣти мои скрылись.... осталась одна Лавинія, но я не считаю ее дочерью, потому—что она болѣе любитъ всѣхъ вашихъ, чѣмъ свое семейство.... Могила,— вотъ что для меня теперь драгоценнѣе всего на свѣтѣ!... Послушайте, маіоръ, прибавила Пруденція, послѣ минуты молчанія, я хочу попросить васъ, чтобъ вы позволили мнѣ взять отсюда кое-какія вещи, которыя еще могутъ быть полезны моимъ дѣтямъ.... Законъ, какъ кажется, не имѣетъ на это права и не можетъ отнять у насъ.... Я еще попрошу у васъ, чтобъ вы отвели мнѣ небольшое мѣстечко подлѣ этой могилы, куда бы я могла возвратиться, когда придетъ мой конецъ!... Я не долго проживу послѣ потери Аарона.

— Не думай, Пруденція, отвѣчалъ я, чтобы я былъ намѣренъ притѣвлять васъ. Вы можете свободно взять свои вещи и даже прикажу перенести ихъ туда, куда вамъ угодно. Мнѣ кажется, тамъ лодка, на рѣкѣ, вблизи мельницы?

— Вы не ошибаетесь.... Тому назадъ два года, мои дѣти построили ее.

— И прекрасно! Все, что принадлежит вамъ, будетъ перенесено на лодку. Мои люди это сдѣлаютъ за васъ, завтра утромъ. Петръ и Индѣецъ проведутъ ее за нѣсколько тысячъ шаговъ внизъ. Тамъ вы можете нагрузить ее, чѣмъ вамъ угодно.

Пруденція казалась удивленною и даже тронутою этимъ предложениемъ. Однакожь, недоувѣрчивость не оставила ее.

— Могу ли я положиться на маіора Литтлпеджа? спросила она съ сомнѣніемъ. Тебя и его братья никогда не простятъ мнѣ, если я завлеку ихъ, понадевшись на васъ, въ нарочно поставленную западню?

— Тебя и его братья не должны опасаться измѣны съ моей стороны. Неужели вы не доувѣряетесь слову честнаго человѣка?

— Для меня достаточно этого слова, я вѣрю вамъ.... Да награждать васъ Богъ за это доброе дѣло и да исполнитъ Онъ всѣ ваши желанія. Прощайте, мы не увидимся болѣе.

— Неужели ты не хочешь провести ночь въ одномъ изъ этихъ домовъ?

— Нѣтъ! Эти жилища не заключаютъ болѣе въ себѣ того, что я любила.... Я буду счастливѣе въ лѣсахъ....

— Ночь холодна и ты можешь простудиться.

— Въ этой могилѣ еще холоднѣе, отвѣчала Пруденція, показывая печально на насыпь, покрывавшую остатки стараго сквоттера. Я привыкла жить въ лѣсахъ, и притомъ я должна найти своихъ дѣтей. Меня не останавливать въ этихъ поискахъ— ни холодъ, ни вѣтеръ. И такъ прощайте, маіоръ. Благодарю еще разъ.

— Но ты забыла о своей дочери.... Чтò сдѣлалось съ нею?

— Лавнія любитъ Урсулу Мальбонъ и не можетъ разстаться съ нею; я оставляю ее на волю судьбы. Когда же она захочетъ покинуть новыхъ друзей: мать снова приметъ ее въ свои объятія и вездѣ найдетъ ее....

Этимъ кончился нашъ разговоръ. Пруденція сдѣлала прощальный знакъ рукою и медленными шагами пошла по направленію къ лѣсу. Вскорѣ она скрылась за кустами. Болѣе я никогда не вдалъ ее. На другой день, я узналъ, что сквоттеры, пользуясь моимъ позволеніемъ, забрали большую часть срубленнаго лѣса и удалились изъ нашей страны. Ляшь только показалось солнце, мы занялись приготовленіями, чтобъ перенести тѣло землеѣра въ Ревисность.

Урсула отправилась впередъ съ Лавніею и братомъ, чтобы

приготовить все къ нашей встрѣчѣ. Они прибыли туда въ часъ по полудни. Но мы, шли очень медленно, потому-что дѣнь былъ чрезвычайно жаркій и солнце некто ужасно, и явились въ Ревинсность не ранѣе вечера. Подхода къ нему, я замѣтилъ нѣсколько телегъ и лошадей въ сторонѣ отъ дороги. Я сперва полагалъ, что это прибыли фермеры, чтобъ отдать землемѣру послѣдній долгъ уваженія; но ошибся: истина скоро открылась.... Прибывшіе были мои родные. Впередѣ всѣхъ шли къ намъ на встрѣчу генералъ и матушка, за ними слѣдовали полковникъ Фоллокъ, Катя, Присомла Бэйярдъ, ея братъ и старшая моя сестра.... Повали всѣхъ, сколько позволили силы, тащилась моя бабушка.

Тутъ было собрано все наше семейство и всѣ искренніе, короткіе друзья. Франкъ былъ вмѣстѣ съ ними. Онъ, вѣроятно, предупредомилъ ихъ о смерти землемѣра, потому-что они не показали удивленія, увидя нашъ похоронный кортежъ.

Катя мнѣ говорила послѣ, что эта процессія представляла величественный видъ. Впередѣ всѣхъ шли Сускуэзусъ и Джапъ, оба вооруженные. Послѣдній несъ топоръ. Потомъ шли носильщики, а далѣе отрядъ, табушіи въ правильномъ порядкѣ. У всѣхъ блестяли карабины на плечахъ, а сзади походныя сумки. Трое невольниковъ Коэманса шли за гробомъ своего господина. Они несли компасъ, цѣпъ и другіе знаки званія землемѣра.

Шествіе на минуту замедлилось на дворѣ, гдѣ мы поставили гробъ и отдохнули немного. Потомъ, оно продолжалось въ прежнемъ порядкѣ, но съ прибавленіемъ новыхъ лицъ. Генералъ Литтльпеджъ, по просьбѣ Тома Бэйярда, взялъ на себя обязанность читать молитвы, требуемыя обычаемъ. Такъ какъ уже было темно, то Сускуэзусъ и Джапъ, открывавшіе шествіе и на этотъ разъ зажгли факелы. Мы всѣ подражали имъ. Эти факелы были ничто иное, какъ простыя, смолистыя лучины.

Джапъ, кромѣ того, несъ въ рукахъ лопату, — потому-что онъ долженъ былъ зарывать въ землю трупъ землемѣра.

Несмотря на эту остановку, я не сказалъ ни слова ни съ кѣмъ изъ родныхъ, желая сперва исполнить свои обязанности въ отношеніи къ старому другу, а потомъ уже предаться радости свиданія.

Генералъ Литтльпеджъ шелъ за гробомъ съ книгою въ рукахъ. За нимъ слѣдовала Урсула, одѣтая въ траурное платье и

опираясь на руку своего брата, дайте—Приссела и Тома Вей-
ярда и наконецъ я, поддерживая Катю.

Она нѣжно пожимала мою руку, какъ бы желая выразить
этими ту радость, какую она чувствовала, видя меня невреди-
мымъ въ нѣй всякой опасности.

Могла была выкопана не далеко отъ скалъ. На этомъ мѣ-
стѣ произошло одно изъ самыхъ памятныхъ происшествій въ
жизни генерала, происшествіе, въ которомъ Джанъ и Суску-
зусъ играли оба чрезвычайно важную роль.

Не одни похороны, какія только случаются мнѣ видѣть въ
жизни, небыли такъ величественны какъ эти. Голосъ моего от-
ца дышалъ особенною важною, молитвы были произносимы
внятно и трогательно, онѣ прямо доходили до души. Впрочемъ,
могло ли быть иначе, когда генераль былъ не только другъ по-
койника, но и истинный христіанинъ?

Сердце мое сжалось, когда первая горсть земли упала на
гробъ землетря; но размысленіе успокоило меня. Съ этой ми-
нуты Урсула стала для меня вдвое драгоценнѣе прежняго. Я
чувствовалъ, что долженъ былъ замѣнить ей дядю. Ни од-
но рыданіе не вырвалось у Урсулы во все время похорон-
ной процессіи. Безъ сомнѣнія, она проливала слезы, но эти
слезы текли въ молчаніи, потому-что молодая дѣвушка не хо-
тѣла выказать предъ всѣми свою печаль, но рѣшилась скрытъ
ее въ глубинѣ души. Когда все было кончено, мы возвратились
къ Ревинсметъ.

Франкъ и Урсула хотѣли остаться одни и прошли въ отдѣль-
ный домъ. Вскорѣ къ нимъ присоединилась Приссела, которая
хотѣла поговорить и утѣшить свою подругу. Черезъ полуотво-
ренное окно, мы увидѣли ихъ въ объятіяхъ другъ-друга.

Теперь я былъ свободенъ и могъ дѣлать то, что повелѣвало
мнѣ сердце. Съ восторгомъ я прижалъ къ груди своей матуш-
ку, которая нѣжно обнимала меня, не замѣчая того, что слезы
текли ручьемъ изъ ея глазъ.

Потомъ, я перешелъ въ объятія сестеръ и наконецъ очередь
дошла до бабушки, которая начала сердиться, что я такъ дол-
го не являюсь къ ней принять ея родственныя ласки. За это она
помучила меня больше всѣхъ.... Но эти мученія были такъ
приятны! желалъ бы всегда испытывать ихъ!...

Насъ позвали ужинать. Всѣ соединились за столомъ, вско-

чад Франка, Урсумы и Присилы Байерль. Мы не видѣли, какъ шло время. Послѣ ужина я рассказывалъ всѣ свои приключенія.

— Вотъ каковы эти янки! вскричалъ полковникъ, когда я окончилъ. Они всѣ на одинъ покрой!... Держу пари, что едва ли кто нагрѣшилъ въ жизни такъ много, какъ этотъ Милларкъ.... И чертъ возьми! я увѣренъ, что онъ воровалъ изъ страсти къ воровству, а не по нуждѣ....

— Безчестные люди, возразилъ мой отецъ, существуютъ вездѣ, какъ въ Нью-Йоркѣ, такъ и въ Новой Англии... Сквоттеры чистю зависятъ отъ страны. Когда владѣнія не оберегаются тщательно, то понятно, что кто будетъ уважать ихъ неприкосновенность, особенно же если сердце человѣка не напичкано правилами чести?... Не отъ народа происходитъ это зло, и повѣрь, вездѣ бы происходила подобныя хищничества, если бъ земли были оставлены на произволъ судьбы, какъ это дѣлается здѣсь...

— Ну! попадись мнѣ хотя одинъ сквоттеръ, прервалъ полковникъ, съ угрожающимъ видомъ (какъ истый Голландецъ, онъ имѣлъ постоянное предубѣжденіе противъ янковъ) я бы содралъ съ него кожу, не спрашиваясь судей!

— Это значить — впасть въ крайность, не менѣе пагубную, отгвѣчалъ мой отецъ.

— Кстати, вскричалъ я, желая прервать этотъ разговоръ, я узнавалъ любопытную вещь, — и какъ бы выдумали о комъ?... о вашемъ старомъ знакомомъ — Ньюкомъ....

И тутъ я рассказалъ все, что зналъ про достойнаго судью. Генералъ слушалъ меня спокойно; но полковникъ шурилъ глазами, ворчалъ про себя и кончилъ тѣмъ, что началъ смѣяться.

— Вотъ вамъ другой янка!

— Опять за старое, Диркъ!... Вы, кажется, хотите свалить всевозможные пороки на нашихъ бѣдныхъ сосѣдей. Если я доврѣялъ этому человѣку, то потому, что считалъ его честнымъ. Но что же дѣлать?... я обманулся.... Все-таки, это не заставить меня сказать, что причиною его низкаго поведенія было мѣсто рожденія его, и что онъ оттого подлець, что родился янкой....

— Какъ хотите, такъ я думайте, но за чѣмъ внушать сыну нашему эти ложныя мысли?... Впрочемъ, я увѣренъ, что рано или поздно предъ нимъ откроется истина.

— Я буду глубоко огорченъ, если мой сынъ будетъ вѣрить вредразсудкамъ. Последняя война дала мнѣ случай познако-

ниться со множествомъ офицеровъ изъ Новой Англiи, и я нашелъ, что всѣ они были отличные люди.

— Уважайте яковъ, я не прекословлю вамъ, но только скажу разъ и навсегда, что эти проклятые завладѣютъ всѣми нашими землями.

Эта маленькая война продолжалась еще нѣсколько времени. Потомъ, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, всѣ отправились спать.

XXX.

— Побѣда за вами, сэръ?

— За нами. Она была славна и вполнѣ увѣчала насъ. Пожалѣемъ о мертвыхъ; чтожь касается до живыхъ, то всѣ наши помыслы будутъ направлены къ ихъ счастью.

Бомонъ и Флмисръ.

Усталость удержала меня въ постели долѣе обыкновеннаго. Передъ завтракомъ, я вышелъ прогуляться и увидѣлъ издалика тетушку Мерв, которая стояла подлѣ оврага и, казалось, была погружена въ тяжелыя воспоминавiя. Въ этомъ мѣстѣ, тому назадъ двадцать-пять лѣтъ, былъ убитъ ея женихъ, — и она въ первый разъ послѣ того увидѣла окрестности, гдѣ случилось это печальное происшествiе.

Уважая ея душевное волненiе, я обошелъ ее стороною и вскорѣ встрѣтилъ на дорогѣ генерала и матушку, которые прогуливались, взявши другъ друга за руку, и, вѣроятно, также вспоминали прошедшее.

— Мы говорили о тебѣ, Мордоунтъ, сказалъ мнѣ генералъ, когда замѣтилъ меня; вотъ прекрасное имѣнiе, оно годъ отъ году становится все лучше и лучше. Чудная была бы вещь, еслибъ ты женился и поселился здѣсь. Ты бы выстроилъ вблизи этихъ мѣстъ каменный домъ и перешелъ бы въ него жить съ своею женою. Какiя бы благодѣтельныя послѣдствiя произошли отъ этого! Ничто не можетъ быть такъ выгодно для цивилизацiи страны, какъ присутствiе семейства владѣльца,

жизнь и обычаи котораго могут служить для всѣхъ образцомъ.

— Я всегда былъ расположенъ, батюшка, слѣдовать вашимъ совѣтамъ; но не такъ легко выстроить домъ... Откуда взять столько денегъ, чтобъ рѣшиться на подобное дѣло?

— Мы тебѣ поможемъ, мой другъ. Притомъ, издержки далеко не такъ велики, какъ ты думаешь. Матеріалы здѣсь дешевы, а въ рукахъ недостатка также не будетъ. У насъ отъ экономіи осталась небольшая сумма, которую мы отдадимъ тебѣ. Ты выбери мѣсто, заложь фундаментъ этой же осенью, такъ чтобъ къ Рождеству 1785 года зданіе было совершенно готово. Мы встрѣтимъ праздникъ у тебя, а тамъ недалеко и до свадьбы.

— Развѣ случилось что-нибудь важное, что вы понуждаете меня скорѣе жениться?.. Мнѣ кажется, что домъ и свадьба для васъ двѣ вещи, которые постоянно сливаются вмѣстѣ.

Генералъ улынулся и значительно посмотрѣлъ на мою мать. Въ это время, къ намъ съзади подошла бабушка и облокотилась на руку генерала.

— Признаюсь, сынъ, отвѣчалъ мнѣ отецъ, я не понимаю, какимъ образомъ ты, принадлежа къ фамиліи Литльпеджей, хладнокровенъ до такой степени, что не хочешь умереть отъ любви къ прекрасной дѣвушкѣ, которую ты видѣлъ почти каждый день?

Бабушка и мать моя приедены были въ смущеніе. Онѣ испугались этого быстрого нападешія, которое, могло испортить все дѣло. Что касается до меня, то я рѣшился дѣйствовать смѣло.

И въ самомъ дѣлѣ, когда бы мнѣ представился случай болѣе благоприятный открыть мою тайну?

— Я не хочу таяться предъ вами, батюшка; я достойный сынъ Литльпеджа. Неужели вы думаете, что я такъ нечувствителенъ, что на меня не дѣйствуютъ прелести молодой дѣвушки, которую я вижу каждый день? Мое желаніе жениться такъ велико, что я не надѣюсь даже дожидаться окончанія постройки новаго ревнестскаго дома.

Восхищенія послѣдовавшія за этимъ объясненіемъ, чуть не свели меня съума, потому-что я вполне понималъ ошибку моихъ драгоценныхъ родителей.

Я рѣшился намерея вывести ихъ изъ заблужденія.

— Я боюсь одного, сказалъ я въ смущеніи, что вы меня не поняли.

— Напротивъ, мой сынъ, напротивъ. Ты любишь Присилу Бейярдъ, но еще не осмѣлился объясниться съ ней. Къ чему такая робость, Мордоунтъ? Безъ сомнѣнiя, осторожность всегда похвальна, но не слѣдуетъ доводить ее такъ далеко.... И повѣрь мнѣ, если достойный молодой человекъ сдѣлалъ выборъ, онъ можетъ тотчасъ же раскрыть свою душу, потому-что всякій отецъ почтетъ за счастье принять его въ свое семейство и всякая дѣвушка согласится отдать ему свою руку.

— На этотъ счетъ я не могу упрекать себя, потому-что я подвинулся впередъ, еще не спросивши согласiя моихъ родителей. Я долженъ вамъ признаться, что чувствую къ миссъ Бейярдъ одну только искреннюю дружбу, и увѣренъ, что она на мое предложенiе отвѣтитъ отказомъ.

— Почему ты думаешь такъ, Мордоунтъ? сказала бабушка, вмѣшавшись въ нашъ разговоръ. Нельзя судить о молодыхъ дѣвушкахъ, какъ вы судите о своихъ товарищахъ. Подобныя партiи рѣдкость въ наше время. Я поговорю съ нею отъ твоего имени, Мордоунтъ, и увѣрена, что она не сдѣлаетъ такой глупости, чтобъ не принять твоего предложенiя. О! я знаю, она дѣвушка умная и съ добрымъ сердцемъ. Правда, мнѣ не извѣстны ея чувства къ тебѣ; но если ея сердце свободно, я убѣждена, что она охотно согласится сдѣлаться твоей женой... Скажите, кто можетъ быть лучше маiора Литтльпеджа?

— Но вы забываете, бабушка, если уже допустить, что все сдѣлается такъ, какъ вы говорите, что есть еще одно важное препятствiе: я люблю другую!...

Продолжительное молчанiе наступило за этими словами. Каждый придумывалъ, что начать говорить.

Читатель, можетъ-быть, не забылъ, что въ наружныхъ стѣнахъ дома были сдѣланы небольшiя бойницы, которыя въ настоящее мирное время служили простыми окнами. Теперь мы были подъ однимъ изъ этихъ оконъ, и такъ какъ разговаривали тихо, то никто не могъ подслушать насъ сверху. Вдругъ оттуда раздался прiятный, нѣжный голосъ, нацѣвавшiй вѣдѣйскую пѣсню. Посмотрѣвъ въ сторону, гдѣ была могила землемѣра, я увидѣлъ тамъ Сускуэзуса. Я попялъ подъ какимъ впечатлѣнiемъ вѣла Урсула эту пѣсню, слова которой мнѣ были объяснены. Въ ней описывалась смерть воина.

Моя мать положила палецъ на губы, чтобы заставить насъ молчать. Ея прелестный взглядъ, однимъ словомъ все лицо ея

выражало удовольствіе. Но когда пѣвица, кончивъ индѣйскій романсъ в почти не перевода духа, зашѣла гимнъ на англійскомъ языкѣ, исполненный благочестія и надежды, глаза моей матери и бабушки наполнились слезами и самъ генералъ, не смотря на свою твердость, не могъ скрыть душевнаго волненія. Звуки скоро прекратились и очарованіе исчезло.

— Кто это пѣлъ, Мордоунтъ, такъ восхвѣтительно? спросилъ отецъ.

— Это та, которую я люблю и которая должна быть моею женою... Иначе я не женюсь.

— А, понимаю, ты говоришь объ Урсулѣ Мальбонъ, о которой мнѣ рассказывала Приссила такъ много хорошаго, сказала матушка, догадавшись, наконецъ, въ чемъ дѣло; я не удивляюсь теперь этимъ похваламъ.

Едва ли кто имѣлъ мать лучше моей. Къ качествамъ свѣтской дамы, она присоединяла великодушіе и христіанское благочестіе. Однакожъ, какъ бы не были хороши родители, въ дѣлѣ женитьбы своихъ дѣтей, они большею частію увлекаются расчетами. Мой отецъ и мать, въ этомъ отношеніи, не составляли исключенія. Они думали, что племянница землемѣра, посвящая дѣль по полямъ, не можетъ быть приличною партіею для единственнаго сына генерала Литтльпеджа. Они не высказали мнѣ положительно своихъ мыслей, но я догадывался по первымъ словамъ, какія были произнесены моимъ отцомъ послѣ этого рѣшительнаго объясненія.

— Какъ мнѣ должно понять твое поведеніе, Морлоунтъ? сказалъ онъ важнымъ голосомъ... ты уже сдѣлалъ предложеніе этой молодой дѣвушкѣ?

— Урсула Мальбонъ, по своему рожденію, по своему воспитанію, вполнѣ достойна вступить въ домъ любой знатной фамиліи... И позвольте мнѣ увѣрить васъ, что этотъ союзъ не только не стыдитъ насъ, но даже дѣлаетъ намъ честь...

— Какого рода было твое предложеніе, сдѣланное Урсулѣ?

— Я ей сказалъ, что люблю ее, что прошу ея руки и умру, если она оттолкнетъ меня отъ себя и не согласится принять фамиліи Литтльпеджей. Простите мнѣ, батюшка, что я это сдѣлалъ, не посоветовавшись ни съ вами, ни съ матушкой... Но трудно противиться страсти!... Безъ сомнѣнія, батюшка, въ свое время, вы имѣли болѣе твердости и силы характера, (легкая улыбка, показавшаяся въ это время на губахъ матушки,

ясно показала, что генералъ Литтльпеджъ не болѣе меня имѣлъ право на эту похвалу)... Не смотря на то, я надѣюсь, вы извините слабость сына, который не могъ удержать порывовъ своего сердца.

— Говори скорѣе, Мордоунтъ... куда довела тебя страсть, ты уже не женатъ ли?

— Боже меня сохрани отъ подобнаго поступка!... Могу ли я рѣшиться сдѣлать что-нибудь противъ воли моихъ родителей... она сама приняла мое предложеніе, только съ условіемъ...

— Съ какимъ условіемъ?

— Что все наше семейство будетъ согласно на бракъ. Я знаю, что Урсула меня любитъ, и что она отдастъ мнѣ съ радостью, свою руку, если увѣрится, что понравилась вамъ. Въ противномъ случаѣ, ничто не измѣнитъ ея рѣшенія.

— О, это показываетъ, что молодая дѣвушка имѣетъ твердый характеръ и благородную душу. Вотъ, кто-то идетъ сюда.

Это были Франкъ Мальбонъ и Приссисла Бэйардъ. Молодая дѣвушка оперлась на руку племянника землеѣра, и казалась веселою. Они такъ были заняты своимъ разговоромъ, что совершенно не замѣтили насъ. Можно было принять ихъ за птичекъ, выравшихся изъ кѣтки, которые радуются, видя себя на свободѣ.

— Посмотрите на нихъ, сказалъ я, вотъ вамъ доказательство, что Приссисла не слишкомъ заботится обо мнѣ.

— Это странно, въ самомъ дѣлѣ! вскричала бабушка въ смущеніи. Кто этотъ молодой человекъ, не племянникъ ли землеѣра?

— Да, отвѣчалъ генералъ. Это, премилый молодой человекъ. Онъ разговаривалъ со мною, и я нашелъ, что онъ разсуждаетъ чрезвычайно умно... Какъ мнѣ кажется, мы всѣ обмануты или, вѣрнѣе сказать, сами постарались обмануться.

— Вотъ Катя, прибавилъ я, увидавъ сестру, которая приближалась къ намъ. По ея лицу, я вижу, что она хочетъ сказать намъ что-то важное.

Въ самомъ дѣлѣ, Катя была занята какою-то мыслию, которая, повидимому, поглощала весь ея умъ. Приблизясь къ намъ, она взяла, не говоря ни слова, меня за руку и повела къ скамейкѣ, которая стояла подлѣ дерева. Всѣ остальные послѣдо-

вали за нами. Когда же мы сѣли на скамейку, бабушка, первая, прервала молчаніе.

— Посмотри, Катя, туда, внизъ; видишь ли ты тамъ Приссилу, которая прогуливается съ Франкомъ?

— Вижу, бабушка, отвѣчала Катя, нѣсколько лукаво.

— Не можешь ли ты объяснить намъ, что это значитъ?

— Съ удовольствіемъ, бабушка, если братъ позволитъ.

— Говори, Катя, говори смѣло... Я готовъ все выслушать.

Безъ сомнѣнія, мой спокойный и веселый видъ подѣйствовалъ на сестру.

— Вотъ, что узнала я, начала она съ живостью: этотъ молодой человѣкъ называется Франкъ Мальбонъ; онъ женихъ Приссилы, да! не смотрите на меня такими глазами: тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. Мнѣ все, до малѣйшей подробности, рассказала сама Приссила Бейардъ.

— Можешь ли ты повторить намъ то, что она тебѣ сообщила? спросилъ генералъ.

— Могу, потому-что Приссила не хочетъ держать этого въ тайнѣ. Нѣсколько уже лѣтъ, какъ она познакомилась съ Мальбономъ и какъ они полюбили другъ друга. Одно препятствіе мѣшало вступить имъ въ бракъ: это недостатокъ въ деньгахъ. Господинъ Бейардъ ни за что не соглашался отдать свою дочь за бѣдняка. Но, можетъ-быть, вы помните, что недавно провѣселись слухи о смерти старой мистриссъ? Эти слухи справедливы, она скончалась въ Батъ, въ Англіи, и теперь Бейардъ несетъ по ней трауръ.

— Да, она была теткою Бейардъ; я зналъ ее задолго до эмиграціи. Мужъ ея служилъ полковникомъ, и былъ отчаяннымъ торя. Жену звали Приссмой, она была крестною матерью миссъ Бейардъ.

— Да, это правда. Послѣ смерти, она оставила своей крестной дочери десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Теперь участь Приссилы обезпечена; она хочетъ непременно выйти за-мужъ за Франка, а родители ея не противятся болѣе. Они знаютъ, что она можетъ располагать собою... безъ ихъ посредства. И кромѣ того, Франкъ Мальбонъ единственный наследникъ одного богатаго родственника.

— Вотъ, видите ли, я правъ, вскричалъ я, миссъ Бейардъ утѣшится легко, если узнаетъ, что я люблю Урсулу. Вы, вѣроятно, моя миленькая сестрица, догадывались объ этой любви?

— Точно такъ, милый братецъ. Скажу вамъ болѣе, я видѣла Урсулу и послѣ этого не могу удовлетаться вашему выбору. Аннеке и я провели съ нею сегодня цѣлыхъ два часа... Аннеке отъ нея въ восхищеніи!

— Драгоценная, милая Аннеке! тебѣ было довольно одного взгляда, чтобъ оцѣнить мою Урсулу.

— Вотъ какія вещи происходятъ здѣсь, вскричалъ генераль, кто бы могъ ожидать этого?

— Намъ ничего говорить (о выборѣ миссъ Бэйяртъ, сказала матушка потому что она вольна располагать собою, и притомъ родители одобряютъ ее выборъ. Что же касается до Мордоунта, то мы должны подумать не много, и сперваознакомиться съ Урсулой, а потомъ уже сказать свое рѣшеніе.

— Болѣе я ничего не желаю, добрая маленька. Я уже угадываю это рѣшеніе.

Не знаю, восторгались ли весь этотъ разговоръ, который такъ занималъ меня?... Я убѣдился, что мои родители были также добры и свископательны, какъ благородны.

Неметра на то, я нисволью вздрогнуть, когда ласкѣ извѣстить, что завтракъ гоговъ, и что миссъ Урсула ожидаетъ насъ въ столовой. Я боялся, чтобы встрѣча ея съ женою родителями не пронесла на нихъ того впечатлѣнія, какого я ожидалъ?

Она шла на почти цѣлую недѣлю. Наканунѣ, я видѣлъ ее, когда коронная землемѣра; она была блѣдна и убита горемъ.

Съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ я въ столовую. Тамъ, кромѣ Урсулы, насъ дожидались Аннеке, Приссала, тетущина Мери и Франкъ. Но при первомъ взглядѣ на нее, я совершенно успокоился: никогда не видалъ я ее прелестнѣе. Ея русые волосы, розовыя щечки, блестящія глаза, составляли живую противоположность съ ея траурнымъ платьемъ. Черты ея иршиали снова прежнюю свѣжесть и очаровательность.

Удивленіе выразилось на лицахъ жонкъ родителей, когда они увидѣли миссъ Мальбонъ. Она съ увѣренностью поднялась со стула и граціозно поклонилась мамъ. Урсула чувствовала, что должна была обращаться теперь, не какъ племянница землемѣра, но какъ дѣвица хорошей фамиліи, знолнѣ понимающая свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, участь Мальбоновъ совершенно измѣнилась. Дядя извѣщалъ Франка о смерти единственнаго сына своего и призывалъ его къ себѣ съ Урсулою. Онъ писалъ въ своемъ письмѣ, что усыновляетъ ихъ и дѣлаетъ наследниками своихъ богатствъ.

Мать моя была восхищена этимъ поклоненъмъ. Правда, она положила уже себѣ заранѣе обходиться съ Урсолою, какъ съ дочерью. Даже самъ генералъ, который думалъ иначе, долженъ былъ сдать на капитуляцію свое сердце.

Спустя два часа послѣ завтрака, бабушка отвела меня въ сторону.

— Послушай, Мордоунтъ, теперь когда я узнала Урсалу Мальбонъ, я могу сказать тебѣ: женись на ней... Это будетъ отличная партія, если притомъ старый Мальбонъ не переѣмнитъ своего рѣшенія.

Добрая бабушка! Она до послѣдней минуты своей жизни думала, что она была виновницею моего браня съ Урсолою.

Генералъ Литтлпеджъ и полковникъ надолго задержали насъ въ Ревинсестѣ, потому-что они непреѣнно хотѣли лично осмотрѣть все свои имѣнія. Маменька и тетуська Мери не жаловались на это и жили весело, тѣмъ болѣе, что эта мѣстность напоминала имъ прошедшее. Франкъ уѣхалъ къ дядѣ. Въ его отсутствіе все было приготовлено къ моей свадьбѣ съ его сестрою. Наконецъ, прошло два мѣсяца послѣ смерти землемѣра, траурное время кончилось и мое счастье наступило. Пасторъ пріѣхалъ изъ Альбани благословить насъ.

Мать моя не выпускала изъ своихъ объятій Урсалу, и я, къ величайшей своей радости, замѣтилъ, что будущая жена моя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обворожала наше семейство.

— Никогда не была я такъ счастлива, какъ нынѣ! сказала мнѣ однажды Урсала, прогуливаясь со мной по лугамъ; до сихъ поръ я не знала, что значитъ имѣть мать; правда, мой дядя-землемѣръ любилъ меня до чрезвычайности и дѣлалъ все, что мнѣ было угодно, но его ласки не воистинѣ удовлетворяли меня: я искала чего-то другаго и теперь нашла это на груди твоей матери!.. Благодарю тебя, Мордоунтъ, за эту участь, приготовленную мнѣ, за то, что ты далъ мнѣ отца, далъ мнѣ мать и сестеръ... Кто не позавидуетъ мнѣ? Я обожаю всѣхъ ихъ, потому-что онѣ замѣнили мнѣ цѣлый міръ; для меня это лучшія и драгоценнѣйшія существа въ этой жизни.

— Очень радъ, Урсала, что ты находишь себя счастливою... Но только я одного боюсь, чтобъ ты не забыла меня среди милыхъ для твоего сердца...

Урсала улыбнулась, и этой улыбкой заставила меня откинуть въ сторону все мои опасенія...

Наконецъ мы были обѣданы... церемонія происходила рано утромъ. Обѣдъ былъ молчаливъ, потому-что вслѣдствіе было занятъ своими мыслями. Маленька осыпала Урсуду поцѣлуями и материнскими благословеніями. Генеральъ присоединился къ ней на помощь.

Моя молодая жена была растрогана до глубины души, и слезы неволью текли изъ ея глазъ.

— Мордоунтъ прекрасной малой! вскричалъ батюшка, онъ любить, какъ нельзя болѣе... Но если онъ осмѣлится на вашемъ лицѣ отразитъ хотя малѣйшую тѣнь печали, тогда скажите мнѣ: я распоряжусь съ нимъ.

— Вамъ нечего бояться за Мордоунта, сказала бабушка, онъ настоящій Литтльведжъ, — а всѣ Литтльведжи превосходные мужья. Мордоунтъ вылитый дѣдушка, когда тотъ былъ еще молодъ... Богъ азъ благословитъ васъ, моя дочь; когда вы прїѣдете осенью въ Сатанстоу, я покажу вамъ портретъ моего генерала.

Къ концу медоваго мѣсяца, я замѣтилъ, что люблю Урсуду болѣе, чѣмъ прежде.... Я никогда не думалъ еще, что это можетъ случиться.... Впрочемъ, такія ли вещи творятся въ мірѣ!... Изъ Ревнестета, мы отправились въ Дилаксбушъ, гдѣ я виѣлъ удовольствіе вѣстивъ мою жену въ свѣтъ....

Она тотчасъ же заняла въ немъ мѣсто, приличное ея достоинству.

Между тѣмъ, новый домъ подвигался къ концу. Въ слѣдующую зиму, мы отпраздновали въ немъ Рождество.

Наше семейство увеличилось тогда еще однимъ членомъ: Урсуда родила мнѣ сына.

Нужно ли прибавлять, что Франкъ и Приссилла, Томъ и Катя женились вскорѣ послѣ насъ, — и что они были также счастливы какъ я съ Урсудой?

Старшій Мальбонъ умеръ зною и оставилъ все свое богатство двоюродному брату. Франкъ хотѣлъ раздѣлять его съ сестрою, но я воспротивился этому. Я взялъ Урсуду только для нея самой, и сердце ея было для меня выше всѣхъ сокровищъ. Какъ я думалъ въ 1785 году, такъ я думаю и теперь.

Мнѣ кажется, что я не сдѣлалъ злоупотребленія изъ даровъ, испосланныхъ мнѣ Провидѣніемъ; но изъ всѣхъ этихъ даровъ я болѣе дорожилъ однимъ—это Урсудой.

Я долженъ также сказать нѣсколько словъ о Джапѣ и Сускуэзусѣ.

Оба она еще живутъ до-сихъ-поръ—въ Реалистѣ. Я выстроилъ для Индѣйца, въ небольшомъ разстояніи отъ дома, маленькую хижину, на краю знаменитаго рва. Вотъ двадцать-лѣтъ, какъ онъ живетъ здѣсь и надѣется тутъ же умереть. Онъ уже сдѣлался старъ, но все еще силенъ и бодръ, такъ что я надѣюсь, что онъ достигнетъ весьма легко ста лѣтъ. Старый Джапъ не уступаетъ Индѣйцу и до-сихъ-поръ держится прямо. Онъ иногда не разлучается съ Сускуззусомъ. Даже зимою они отправляются вмѣстѣ на охоту и никогда не приходятъ безъ добычи.

Джапъ живетъ въ нашемъ домѣ, но проводитъ половину дня въ вигвамѣ Индѣйца: такъ мы называли его жилище. Оба друга иногда ссорятся между собою, но эти ссоры всегда оканчиваются мирною.

Большую частію эти ссоры происходятъ за различіе мнѣній въ некоторыхъ пунктахъ нравственной философіи и въ некоторыхъ взглядахъ на прошедшее и будущее.

Лавинія осталась при насъ и потомъ вышла за одного изъ моихъ фермеровъ. Въ первые мѣсяцы, послѣ моей свадьбы, она казалась мнѣ печальною и задумчивою.

Вѣроятно, она тосковала тогда по своему семействѣ... Но теперь эта тоска прошла и она сдѣлалась веселою и счастливою. Она наша сосѣдка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрная подруга моей жены, которая очень любитъ ее. Особенно, она оказала намъ услугу, когда захворалъ нашъ сынъ.

Упомянуть ли о Ньюкомѣ? Онъ дожилъ до глубокой старости и умеръ недавно. До послѣдняго конца жизни, его считали самымъ честнѣйшимъ человѣкомъ.

По судьба не оставила его безъ наказанія. Увлеченный корыстію, онъ пустился въ разныя спекуляціи и совершенно разорился. Дѣти его, которые живутъ недалеко отъ насъ, во всемъ похожи на него.

Больше, кажется, ничего не остается сказать... Да, позабылъ! тетушка Мерв скончалась отъ оспы. Свое имѣніе она оставила моимъ сестрамъ и госпожѣ Тинъ-Эйкъ, которая была двоюродною сестрою ея незабвеннаго жениха. Мамеяка долго плакала о смерти своего друга, и мы вполнѣ раздѣляли ея печаль. Мы имѣли утѣшеніе, что она будетъ счастливѣе тамъ.

Я оставилъ на могилѣ землемѣра красивѣйшіи памятники. Дѣти мои каждый день приходятъ къ нему и читаютъ простую надпись, вырѣзанную на немъ. Они всегда съ уваженіемъ производятъ имя своего дяди-землемѣра.

СЭРЪ АРТУРЪ.

РАЗСКАЗЪ МОРИЦА ГАЛЛЕРА.

(Переводъ съ Нѣмецкаго.)

Въ 1837 году, я прїѣхалъ въ Берлинъ, съ намѣреніемъ продолжать мои теоретическія занятія, которыя я, съ такимъ усердіемъ, началъ въ другихъ университетахъ южной Германіи, и, не имѣя въ этомъ большомъ городѣ ни одного знакомаго мнѣ человѣка, я очень обрадовался случаю, который меня сблизилъ съ профессоромъ М..... Его домъ привлекалъ къ себѣ многихъ ученыхъ и молодыхъ путешественниковъ; познаніе языковъ, обширныя свѣдѣнія и любовь къ наукамъ и искусствамъ поставили его въ постоянное сношеніе съ писателями и учеными, и въ назначенный для пріема гостей день, зала его наполнялась всегда множествомъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ можно было всегда найдти людей, составлявшихъ, въ тогдашнее время, славу и гордость Германіи.

Въ числѣ иностранцевъ, посѣщавшихъ профессора М.... болѣе всѣхъ обратилъ на себя мое вниманіе молодой Англичанинъ, котораго я уже встрѣчалъ пѣсколько разъ, но не имѣлъ до того времени случая съ нимъ познакомиться. Онъ былъ настоящимъ представителемъ англійскаго джентльмена; будучи высокаго роста, съ свѣтлорусыми волосами и блѣднымъ цвѣтомъ лица, сэръ Артуръ отличался прекраснымъ обращеніемъ, но былъ молчаливъ, холоденъ ко всему, и не имѣлъ, какъ казалось, никакой цѣли и надежды въ этой жизни. Онъ оказывалъ расположеніе только къ музыкѣ и къ естественнымъ наукамъ, которыми занимался съ большимъ прилежаніемъ. Профессоръ М... какъ врачъ, былъ однажды къ нему приглашенъ, для освидѣтельствованія его болѣзни, и убѣдился, что его страданія происходили не отъ разстройства тѣла, но имѣли основаніемъ моральныя причины. Въ намѣреніи вылечить его, онъ далъ ему случай заняться съ большимъ прилежаніемъ физіологіей, ботаникой и минералогіей, полагая, что разсѣяніе и занятія скорѣе прекратятъ его страданія, чѣмъ всякія другія средства. Съ своей стороны, сэръ Артуръ съ необыкновеннымъ прилежаніемъ сталъ изучать эти науки и, чувствуя особое расположеніе и довѣріе къ профессору, постоянно являлся къ нему по вторникамъ, въ день, назначенный для приѣма гостей, но въ здоровьѣ своемъ поправлялся медленно, и даже съ каждымъ днемъ дѣлался еще мрачнѣе и суровѣе.

Однажды вечеромъ, мы сидѣли втроемъ, именно: сэръ Артуръ, профессоръ М... и я. Молодой Англичанинъ говорилъ мало, и голосъ его казался болѣе меланхолическимъ, чѣмъ прежде; изъ устъ его вырывались иногда несвязныя фразы, послѣ которыхъ онъ опять погружался въ мрачную задумчивость. Мы съ сожалѣніемъ и участіемъ смотрѣли на молодого человѣка, который отличался добротою сердца, былъ скромнень, великодушенъ и оказывалъ большія дарованія, но, по причинѣ, неизвѣстнаго намъ, душевнаго его страданія, видимо приближался къ могилѣ.

Зная, что онъ любитъ музыку, я предложилъ ему прослушать пѣсню, которую я исполнялъ довольно хорошо, и которая, какъ я зналъ, была сочинена Англичавкою. Приблизившись къ фортепіано, я началъ пѣть и, окончивъ пѣсню, хотѣлъ обратиться къ нему съ вопросомъ, какъ вдругъ замѣ-

тилъ, что онъ находится въ безумствѣ и что профессоръ М..... и его жена употребляли всѣ средства для приобщенія его къ чувству. Придя въ себя, онъ долго не понималъ своего положенія, озирался вокругъ себя мутными глазами и наконецъ, въ смущеніи, сталъ извиняться передъ профессоромъ въ слабости, которую онъ считалъ недостойною себя, но которой подвергся противъ воли и какъ бы непреодолимою силой.

— Я вамъ долженъ объяснить причину моего обморока, который, во всѣхъ вѣроятностяхъ, показался вамъ не только страннымъ, но даже смѣшнымъ; въ особенности же вамъ, прибавилъ онъ, обратившись ко мнѣ, потому-что вашими пѣніемъ вы безъ всякаго намѣренія разстроили мои сердечныя раны. Ваше пѣніе напомнило мнѣ одну англійскую пѣсню, которая была въ большомъ употребленіи у моихъ соотечественниковъ во время моихъ дѣтскихъ лѣтъ; эту пѣсню я люблю и до-сихъ-поръ, хотя она возбуждаетъ во мнѣ самыя грустныя воспоминанія... Если вы мнѣ позволите рассказать вамъ исторію моей жизни и моихъ страданій, то вы увидите причину моей слабости, и, надюсь, извините меня великодушно.

Мы, конечно, не опустили случая узнать его душевныя тайны и изъявили готовность слушать его, и онъ сталъ намъ рассказывать слѣдующее:

I.

«Я принадлежу къ благородной, но бѣдной фамиліи. Мой отецъ, флотскій офицеръ, умеръ на сороковомъ году жизни, въ то время, какъ мнѣ было всего восемь лѣтъ; моя мать послѣдовала за нимъ въ скоромъ времени, и я остался на свѣтѣ круглымъ и беззащитнымъ сиротой. Въ это время, одинъ изъ братьевъ моего отца подалъ мнѣ руку помощи и, заботясь о моей участи, помѣстилъ меня въ воспитательный институтъ, недалеко отъ Лондона, согласившись ежегодно платить за мое воспитаніе небольшую сумму. Дядя мой Вилліамъ былъ также не богатъ; служба во флотѣ, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, онъ, въ

молодымъ еще годикъ, женился по любви; не имѣя достаточныхъ средствъ для содержания семейства, онъ сверхъ того, долженъ былъ оставить службу изъ-за одной дули и жить только процентами съ небольшого капитала, который онъ помѣстилъ у одного лондонскаго банкира. Рана, полученная имъ на дуэли, изувѣчила его до того, что онъ не могъ уже надѣяться снова поступить на службу и долженъ былъ поэтому удалиться въ небольшое имѣнiе, гдѣ онъ велъ тихую и уединенную жизнь. Сельскій домикъ, въ которомъ онъ жилъ, имѣлъ невзрачную и блѣдную наружность, но заключалъ въ себѣ сокровища добродѣтели, любви и незабвеннаго счастья.

Воспитательный институтъ, въ который я былъ помѣщенъ, находился на разстоянiи десяти миль отъ мѣста жительства моего дяди. Когда учителя бывали довольны моимъ прилежанiемъ, то мнѣ разрешалось по воскресеньямъ посѣщать моего дядю, и это обстоятельство заставляло меня, всего болѣе, учиться хороше. Я не зналъ большаго удовольствiя, какъ посѣщать маленькiй домъ своего дяди, который я считалъ отеческимъ кровомъ, и гдѣ былъ увѣренъ всегда найти самый ласковый и радушный приемъ. На порогѣ встрѣчала меня обыкновенно моя двоюродная сестра Мери, которая изъ своего окна замѣчала меня уже издали. Сэръ Виллиамъ встрѣчалъ меня всегда пожатiемъ руки, а тетенька моя заготовляла для меня разныя сласти. Съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался богатъ, т. е. уже около шести мѣсяцевъ, я предавался разнымъ удовольствiямъ, чтобы хоть нѣсколько себя разсѣять, но сердце мое оставалось холодно, и я охотно отказался бы отъ наслажденiй, представляемыхъ роскошью, чтобы одинъ только разъ, одинъ день, провести еще въ маленькомъ домикѣ съ моей двоюродной сестрою.

Мери во всемъ походила на свою мать; съ каждыиъ днемъ появлялись въ ней новыя достоинства. Четырнадцать лѣтъ она была такого же роста, какъ и я, но стройна, граціозна и до крайности учтива и предупредительна. Я былъ тремя годами старше ея, и мы обходились другъ съ другомъ, какъ родные братъ и сестра.

Достигнувъ девятнадцатилѣтняго возраста; я кончилъ курсъ воспитательнаго института и, получивъ прекрасный аттестатъ, поѣхалъ немедленно къ моему дядѣ для извѣщенiя.

сто с тѣмъ радостнѣе для меня собратіи. Приѣхавъ къ нему въ домъ, я узналъ, что дядя вѣстѣ съ теткой отправился куда-то, а двоюродная сестра моя оставалась дома. Съ самаго начала, я былъ пораженъ задумчивымъ ея видомъ, и узналъ въ скоромъ времени, что ея мать больна и что врачъ опасается развитія у нея чахотки, отъ которой, по его мнѣнію, можно было излечиться или по-крайней-мѣрѣ получить значительное облегченіе въ болѣе умѣренномъ климатѣ южной Франціи; сырой же климатъ Англіи для ея болѣзни, по увѣренію врача, составлялъ медленный, но вѣрный ядъ. Когда докторъ удалось, сэръ Вилліамъ сталъ разсчитывать издержки, необходимыя для переезда во Францію, и убѣдился, что его доходы далеко недостаточны для осуществленія такого предположенія; это такъ огорчило стараго моряка, что онъ нѣсколько времени проливалъ самыя горькія слезы и, по убѣжденію самой больной, для разсѣянія себя, рѣшился сдѣлать небольшую прогулку.

Этихъ извѣстій Мери поразила неслыханно при самомъ моемъ приѣздѣ; съ своей стороны, и я сообщилъ ей затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ находился по случаю выхода изъ заведенія, и необходимость избрать для себя занятія, которыя бы могли обезпечить мою жизнь. Опасеніе о моей будущности и страхъ неизвѣстности отразилось на лицѣ Мери, и еще болѣе увеличши ея грусть и задумчивость. Я сталъ подлѣ нея, и мы нѣсколько времени говорили на-единѣ. Служить волею или въ арміи, Мери мнѣ не совѣтовала, потому-что знала очень хорошо какаго рода эта служба и какъ мало она обезпечиваетъ человѣка; званіе купца не представлялось мнѣ привлекательнымъ, и я не чувствовалъ никакого къ нему расположенія. Посвятить себя изученію медицины, казалось для меня всего лучше, но для этого не доставало мнѣ тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя необходимы въ моемъ отечествѣ для слушанія полнаго медицинскаго курса. По долгонѣ разсужденій, мы наконецъ рѣшили, чтобъ я испыталъ свое счастье на литературномъ поприщѣ; я надѣялся въ скоромъ времени приобрести извѣстность, востановивъ своимъ трудомъ зарабатывать деньги и, составивъ себѣ небольшой капиталъ, возвратиться сюда и доставить средства Мери и ея родителямъ ѣхать въ Италію, гдѣ теплый и благотворенный воз-

дух могъ бы имѣть самое благотѣльное вліаніе на здоровье моей тетушки.

— Ты увидишь, любезная Мери, сказалъ я ей: ты увидишь, какъ я буду трудиться! Въ скоромъ времени я составлю себѣ маленькій капиталъ, и тогда я съ тобою уже болѣе не разстанусь.

При этомъ увѣреніи, я пожалъ ей обѣ руки и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза; я замѣтилъ, что щеки ея покраснѣли яркимъ румянцемъ и чувствовалъ, что я самъ находился въ какомъ-то цѣловкомъ положеніи, въ которомъ я не могъ дать себѣ отчета.

Въ это же время вошелъ въ комнату мой дядя, посмотрѣлъ на насъ и нахмурилъ брови. Узнавъ предметъ нашего разговора, онъ похвалилъ мое рѣшеніе испытать свои способности на литературномъ поприщѣ, потому-что гордость его не позволяла ему согласиться, чтобы я принялъ званіе, не соответствующее дворянскому достоинству, а недостаточныя его средства не позволяли ему помочь мнѣ. Притомъ поприще, которое я для себя избралъ, подавало мнѣ большія надежды на скорый успѣхъ. На другое утро, я отправился въ Лондонъ, послѣ трогательнаго прощанія.

— Мы увидимся въ скоромъ времени и не разстанемся болѣе никогда, говорили мы другъ другу; настанетъ время, когда мы будемъ болѣе счастливы, чѣмъ теперь.

Въ Лондонѣ, я остался опять совершенно одинокимъ, какъ и прежде въ институтѣ; я не имѣлъ ни одного человека, который бы позаботился обо мнѣ и помогалъ мнѣ въ дѣлахъ моихъ, и поэтому послѣдствія были совсѣмъ не таковы, какихъ я ожидалъ. Литераторы, которымъ я былъ рекомендованъ, приняли меня чрезвычайно вѣжливо и ласково, но не читали моихъ драмъ; редакція газеты, въ которой печатались мои статьи, не платила мнѣ денегъ, и мои мечты проходили и исчезали одна за другою.

Два года уже прошло, а мои дѣла все еще не устранивались, и я не получалъ ни одного письма отъ моего дяди. Наконецъ онъ меня извѣстилъ, что Мери груститъ, а ея мать все болѣе и болѣе приближается къ смерти и теперь находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Получивъ это письмо, я не въ состояніи былъ болѣе заниматься и наконецъ рѣшился идти къ своимъ родственникамъ, у которыхъ я провелъ столько

счастливыхъ и радостныхъ дней, и куда меня теперь влекла какая-то непреодолимая сила. Пышкой отправился я въ дорогу и думалъ только о радостяхъ свиданія съ Мери, но чѣмъ ближе подходилъ къ цѣли своего путешествія, тѣмъ болѣе расположеніе моего духа становилось мрачнымъ и меланхолическимъ и какой-то непонятный страхъ и тяжелое предчувствіе овладѣло мною. Съ высоты холма, я увидѣлъ наконецъ этотъ домикъ, но онъ мнѣ показался мрачнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго, и сердце мое сильно забилось.

Мери отворила мнѣ дверь; она такъ переищилась, что я едва узналъ ее. Увидѣвъ меня, она вскрикнула отъ изумленія, но, въ скоромъ времени, со слезами на глазахъ, сообщила мнѣ, что ея мать находится въ опасномъ положеніи. Послѣ того, она пошла извѣстить своихъ родителей о моемъ пріѣздѣ, и я вошелъ въ комнату. Мой дядя сидѣлъ у изголовья больной и, не сходя съ своего мѣста при моемъ входѣ, сдѣлалъ мнѣ только знакъ, чтобъ я сѣлъ; больная же напротивъ радовалась моему прибытію, протянула ко мнѣ обѣ руки и привѣтствовала меня радостными слезами. Я схватилъ ея изсохшія руки, покрылъ ихъ поцѣлуями и заплакалъ, какъ при близкой потерѣ родной матери.

Нѣсколько дней я оставался у моихъ родныхъ. Все время почти мы проводили въ комнатѣ больной и хранили глубокое молчаніе. Наконецъ врачъ объявилъ, что тетушка находится внѣ опасности, и это извѣстіе такъ обрадовало всѣхъ, что серъ Вилліамъ бросился въ его объятія, Мери заплакала отъ радости, а я смотрѣлъ на него, какъ на спасителя и избавителя. Въ это время, тетушка попросила Мери принести ея молитвенникъ и, потомъ обратившись къ врачу, сказала ему слабымъ голосомъ:

— Моя молитва и молитва моей дочери будутъ вамъ сопутствовать вездѣ; въ знакъ благодарности, прошу васъ принять отъ меня эту книгу. Она составляетъ для меня самое драгоценное воспоминаніе дружбы, и я желала бы, чтобы и вамъ она напоминала о томъ поступкѣ, который вы оказали благодарному семейству!

Врачъ не хотѣлъ обидѣть тетушку отказомъ и взялъ отъ нея книгу, которую она подала дрожащими руками; но, по выраженію ея голоса, онъ тотчасъ же догадался, что она этимъ

подаркомъ привосить ему большую жертву. Поэтому онъ принялъ прежде всего мѣры для успокоенія больной, потомъ раскрылъ ей книгу, вынулъ изъ нея небольшую бумажку, на которой было написано нѣсколько стиховъ изъ Библии, служащихъ молитвою большымъ и малымъ, и, обратившись къ Меръ, сказалъ:

— Этотъ листокъ я сохранию въ знакъ воспоминанія, но книгу проину васъ оставить у себя; вы въ ней найдете священные слова, которыми ежедневно можете благодарить Того, Который спасъ теперь вашу мать; я оказывалъ ей только попеченія, а воззвалъ ее къ жизни одинъ Оуб!

Этотъ разговоръ и обстоятельства, о которыхъ я узнала послѣ того, какъ первыя впечатлѣнія радости немного разошлись, открыли мнѣ вдругъ ужасное, безпомощное состоянiе моего дяди. Для доставленія нужныхъ средствъ своей жизни, онъ долженъ былъ тронуть свой капиталъ, издержавъ кромѣ того доходъ за два года. Такимъ образомъ небольшое его состоянiе разстроилось еще болѣе, такъ что, въ послѣднее время, врачъ долженъ былъ отпускать лекарства безъ платы. Оказывать болѣе помощи онъ не могъ, потому-что самъ былъ недостаточнаго состоянiя, а кромѣ него, ни одинъ человекъ въ цѣломъ свѣтѣ не принималъ въ несчастномъ семействѣ никакого участія. Вы не знаете, господа, какое отчаянiе овладѣваетъ человѣкомъ при видѣ страданій и безпомощнаго состоянiя тѣхъ, которыхъ онъ болѣе всего любитъ и уважаетъ—страданій, происходящихъ единственно отъ недостатка денегъ.

Я въ скоромъ времени убѣдилась, что составлю тягость для моихъ родныхъ, потому-то неволь долженъ былъ отказать отъ счастья пробыть у нихъ въ домѣ еще нѣсколько времени. Я собрался, они меня не удерживали, хоть и оказывали ту же великодушную преданность, которую они ко мнѣ всегда питали. Меръ проводила меня довольно далеко, в тогдa только, на-единѣ, рѣшилась спросить меня, какъ идутъ мои дѣла и нѣтъ ли я надежду составить въ скоромъ времени какое-нибудь состоянiе. Я не имѣлъ духа открыть ей всю горькую истину.

— Милый братъ Артуръ, сказала она въ заключенiе: я горевала при послѣднемъ нашемъ разставанii, но шѣла все-

тебя надежду увидѣть тебя въ другомъ времени; а теперь и эта надежда меня оставила.

Я старался ее утѣшить, но слова утѣшенія немалое замарали на мои устахъ.

По возвращеніи моемъ въ Лондонъ, я былъ обрадованъ болѣе благоприятнымъ извѣстіемъ. Мое послѣднее твореніе шло значительный успѣхъ, и издатель, въ первый разъ, выплатилъ мнѣ за то порочную сумму, которая составляла все мое богатство. Эти деньги я тотчасъ же отправилъ къ мамѣ роднымъ для доставленія имъ средствъ къ удовлетворенію необходимыхъ потребностей жизни, и признаюсь, что никогда не чувствовалъ такого удовольствія и радости, какъ при полученіи письма моего дяди, въ которомъ онъ благодарилъ меня за оказанную ему помощь. Съ этого времени я принялся за работу съ новымъ усердіемъ и скоро имѣлъ случай еще отправить нѣсколько денегъ, изъ полученныхъ мною за другое сочиненіе. Мой дядя благодарилъ меня опять, но изъ письма его я займалъ въ немъ какую-то безнадежность и отчаяніе, которыя до крайности огорчили меня.

«Любезный другъ, писалъ онъ мнѣ между прочимъ, не женись до тѣхъ поръ, пока достаточно не обезпечишь своего состоянія. У меня сердце обливается кровью, при видѣ страданій, меня окружающихъ. Если бъ я былъ одинъ, то терпѣливо могъ бы перенести нищету, но страданія моей жены и моей единственной дочери приводятъ меня въ отчаяніе; безъ тебя они должны были бы умереть голодною смертію. Богъ воздастъ тебѣ за твои дѣла! Съ своей стороны, прощай тебя объ одномъ: никогда не женись по одной склонности и любви, не помни примѣръ роднаго дяди, который отъ нищеты дошелъ до самаго ужаснаго состоянія!»

Здоровье тетушки поправлялось довольно медленно. Я съ извѣщеніемъ нѣсколько времени не посѣщалъ ее, чтобы не потерять драгоценнаго времени, которое я могъ употребить съ болѣею пользою. Наконецъ я получалъ письмо отъ Мери, въ которомъ она меня извѣщала, что врачъ снова совѣтуетъ тетушкѣ отправиться въ южную Францію, теплый и здоровый климатъ которой могъ быть полезенъ какъ для нея, такъ и для дяди. Деньги, посланные мною въ послѣдній разъ, доставляли имъ средство отправиться въ дорогу, а сэръ Виліамъ

надѣялся, но прибытіи во Францію, употребитъ въ дѣло свои таланты и познанія, для обезпеченія своего семейства.

Это письмо меня очень испугало; машинально я прочелъ его нѣсколько разъ, и тысяча мрачныхъ мыслей родилась въ моей головѣ. При всемъ томъ, я все еще не вѣрилъ, чтобы это предположеніе было приведено въ исполненіе, потому-что мысль о разлукѣ съ Мери для меня казалась дѣломъ несбыточнымъ. Я отправился къ дядѣ и нашелъ всѣхъ ихъ въ страшныхъ хлопотахъ и приготовленіяхъ къ предназначенной поѣздкѣ. Мери была покрыта смертною блѣдностію и не произносила ни слова, но, казалось, предалась вполне своей судьбѣ; я, напротивъ, не могъ оставаться равнодушнымъ и представлялъ дядѣ всѣ затрудненія путешествія. Въмѣсто отвѣта, онъ только указалъ мнѣ на голыя стѣны, смоченныя дождемъ, который медленно стекалъ на полъ. Послѣ того я хотѣлъ обратиться къ тетускѣ, чтобы уговорить ее остаться, но, при взглядѣ на нее, слова замерли на моихъ устахъ, и я вполне почувалъ всю необходимость этого путешествія. Тогда я предложилъ себя въ ихъ спутники, надѣясь быть имъ полезнымъ во время дороги, но они представили мнѣ всю неосновательность и необдуманность такого предложенія. Наконецъ я собралъ все свое мужество и признался сэру Вилліаму въ любви своей къ Мери, безъ которой я не могъ болѣе существовать. Дядюшка, сказавъ я ему если Богу угодно, чтобы мы съ вами разстались, то прошу васъ объ одномъ, еще до вашего отъѣзда, отдать мнѣ руку вашей дочери, потому-что безъ нея жизнь для меня есть мученіе!

— Безумный, отвѣчалъ дядя, ты самъ не знаешь, чего просишь. Я скорѣе желалъ бы видѣть Мери мертвою и тебя также, чѣмъ согласиться на твое неосновательное предложеніе.

При этихъ словахъ, несчастная дѣвушка невольно опустила на колѣни передъ матерью, которая заключила ее въ свои объятія, а я остался на мѣстѣ какъ окаменѣлый.

— Ты насильно хочешь идти по моимъ слѣдамъ! Развѣ ты не знаешь, что уже слишкомъ три года я нахожусь въ самомъ безпомощномъ состояніи? Развѣ ты желаешь жениться на Мери для того только, чтобы видѣть какъ она день ото дня будетъ увядать и приближаться къ ранней могилѣ... Ты, вѣроятно,

желаешь жить дѣтей для того, чтобы они проклинали тебя за свое существованіе и умерли бы голодною смертію? Если ты желаешь меня еще когда-нибудь увидѣть, если ты боишься моего проклятiя, то никогда не долженъ говорить объ этомъ бракѣ.

Оглушенный какъ громомъ, я вышелъ изъ дому въ сопровожденiи Мери.

— Ты видишь какое дѣйствіе произвели надъ мной отъцъмъ нужда и страданiя; мы сами не уважаемъ его теперь, какъ онъ прежде былъ добръ и заботливъ. Приди опять завтра, но не поминай ничего о моемъ предложенiи. Мы снова будемъ, цѣлую недѣлю, съ тобою счастливы, а послѣ того положимъ всю свою надежду на Бога, Который услышитъ наши молитвы и, по милосердию Своему, исполнитъ наши желанiя!

Я послѣдовалъ совѣту Мери и возвратился на другой день въ домъ сэра Вилліама, который меня принялъ съ тѣмъ же расположенiемъ какъ и прежде, позабывъ какъ будто о сдѣланномъ мною предложенiи. Тетушка также оказывала мнѣ прежнее вниманіе, а присутствіе Мери доставляло мнѣ такое блаженство, о какомъ я никогда не могъ и мечтать.

Цѣлая недѣля прошла, какъ сладкій сонъ, въ безмятежной тишинѣ и безъ мысли о будущемъ. Въ эти счастливые дни я написалъ въ молитвенникѣ Мери старую пѣсню, которую вы недавно пропѣли въ переводѣ и которая мною переложена въ слѣдующіе стихи:

There is a flower, which oft unheeded grows
 Beneath the radiance of a summer's day,
 And though this little flower no magic discloses,
 Yet will it tell thee all I wish to say.
 And when we are parted by the raging sea,
 And when I know not what may be the lot,
 I'll send this flower a messenger to thee,
 And it shall whisper thus: "Forget me not."

* Есть цвѣтокъ, который незамѣтно цвѣтетъ при сіяніи солнечныхъ лучей жаркаго лѣтняго дня; этотъ цвѣтокъ хоть и не обладаетъ никакимъ волшебнымъ качествомъ, но можетъ тебѣ высказать все то, что я желаю тебѣ передать. Если насъ и раздѣлитъ бурное море, если я и не буду знать о твоей участи, то этотъ цвѣтокъ будетъ для тебя вѣстникомъ моей судьбы и скажетъ тебѣ: «не забудь меня.»

Вы видите теперь, продолжалъ саръ Артуръ, обратившись ко мнѣ, сколько воспоминаній заключаютъ въ себѣ эти степи, которые вы мнѣ прогнали, и потому надѣюсь, будете снисходительнѣе къ моей слабости.

— Я и не думалъ упрекать васъ въ слабости, сказалъ я ему: но желалъ бы знать, что случилось съ вами послѣ.

— Я этого и не скрываю, отвѣчалъ онъ; я провелъ еще нѣсколько дней съ моей кузницею и старался повторитью овою участію. Въ полдень, мы отправлялись съ всею гуртою, пользуясь первыми весенними лучами солнца. Мы вѣсело удалялись безоблачному небу, пѣшестыиъ струиъ водопада, разношъ цвѣткамъ, распускавшимся подъ прикрытіемъ высокихъ скалъ, и овиной зелени, которою деревья уже стали покрываться. Поперемѣнно, то я читалъ ей мои стихи, то она восхваляла меня своими пѣснями, и мы слушали другъ друга и были счастливы. Ея чистый и звучный голосъ раздавался на далекое пространство. Величіе и безмятежность природы оставали для насъ новую прелесть при сознаніи той высокой любви, которую мы питали другъ къ другу. Но временамъ мрачная мысль о скорой нашей разлукѣ приходила намъ на память и заставляла насъ задумываться, но она скоро исчезала передъ мыслию о настоящемъ кратковременномъ счастьи, которое мы вполнѣ цѣнили. Эти незабвенныя прогулки продолжались съ того времени въ мою жизнь, и я до сихъ поръ припоминаю себѣ ландшафты, въ виду которыхъ мы передевали другъ другу наши мысли и чувствованія и клялись въ вѣчной и неизмѣнной любви. Если мнѣ случается теперь услышать пѣсни, которыя пѣла Мери, то невольная дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу; и въ моихъ глазахъ навертываются слезы при видѣ тѣхъ цвѣтковь, изъ которыхъ она влила мнѣ вѣнки.

Наши прогулки дѣлались съ каждымъ днемъ продолжительнѣе и намъ каждый разъ стоило большихъ трудовъ разставаться. Каждое утро я назначалъ для себя временемъ отъѣзда, но, при восходѣ солнца, мы снова отправлялись тулять, желая воспользоваться послѣдними минутами счастья, которыя мы могли проводить вмѣстѣ....

Извините меня, что я такъ распространился при воспоминаніи о прежнихъ минутахъ счастья; онѣ составляютъ для меня

вотку силія, а пообѣдующая моя жизнь только тѣмъ менше, веселѣншавшій. Часы разлуки наконецъ настали. Мы сидѣли за завтракомъ и, ни я, ни Мери не могли приняться за чашку чая. Давно ожидавшая минута приближалась все болѣе и болѣе и мы не рѣшались даже бросить взгляда другъ на друга, чтобы не предаться отчаянію. Вдругъ часы пробили 9 и каждый ударъ колодечка отозвался въ моемъ сердцѣ болѣзненнымъ образомъ. Молчаливо встали мы изъ-за стола и въ скоромъ времени Мери напичально вошла въ карету, которая увлекла отъ меня все счастье и развѣла всѣ мои надежды.

Сэръ Виліамъ увѣдомилъ меня о прибытіи своемъ въ Марсель, и завѣщалъ по временамъ, въ продолженіе цѣлаго года. Послѣ того, письма сдѣлались рѣже и рѣже и наконецъ прекратились вовсе; это обстоятельство меня обзапокоило тѣмъ болѣе, что, для отправки писемъ, дядя долженъ былъ отправлять ихъ до Кае, и что неполученіе ихъ я приписывалъ единственно недостатку денегъ. Для полученія какихъ-либо о немъ извѣстій, я отправился къ его банкиру и тогда только узналъ всю ужасную истину: этотъ человѣкъ былъ объявленъ банкротомъ и съ небольшимъ состояніемъ отправился въ Америку, разоривъ такимъ образомъ и тѣхъ, которые вручили ему свои капиталы. Но несчастному стеченію обстоятельствъ, и я-долженъ былъ въ это же время испытать ударъ судьбы, потому что газета, которою я занимался, прекратилась. Несколько мѣсяцевъ я былъ въ ужасномъ безвѣстствѣ о судьбѣ моихъ родныхъ; наконецъ я принялъ рѣшительное намѣреніе отправиться также въ южную Францію, чтобы получить извѣстіе о тѣхъ, которые для меня были всею дорожкой на свѣтъ.

Я уже совершенно приготовился къ отправленію въ Кае, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что младшій братъ моего отца, служившій въ остъ-индской компаніи, въ Бенгалѣ, умеръ бездѣтенъ и оставилъ моему дядѣ и мнѣ, какъ ближайшимъ наследникамъ, значительное состояніе. Послѣ полученія этого извѣстія, я тотчасъ же купилъ себѣ дорожную карету и отправился въ южную Францію, съ твердымъ намѣреніемъ непрекращать до тѣхъ поръ моихъ розысковъ, пока я не найду моихъ родныхъ, безъ которыхъ жизнь для меня составляла страданія. До того времени, я никуда рѣшительно не ѣздилъ и по-

этому воображалъ себя въ совершенно другомъ мѣрѣ. Лица тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ на пути, мнѣ казалось, сіяли радостію, потому-что мысль о скоромъ свиданіи съ Мери и ея родителями, равно и радость ихъ при полученіи извѣстія о доставшемся имъ наслѣдствѣ, не оставляла меня ни на минуту. Когда я на пути встрѣчалъ прекрасныя мѣстоположенія и очаровательныя виды, то воображалъ себя вмѣстѣ съ Мери наслаждающимися всѣми прелестями богатства и думалъ, что наша жизнь отнынѣ впредь будетъ самая счастливая. По временамъ, при наступленіи ночи, мрачныя мысли овладѣвали мной, но, при первомъ сіяніи лучей восходящаго солнца, онѣ разсѣвались и улыбающаяся природа давала мнѣ другое, радостное направленіе.

Наконецъ я пріѣхалъ въ городъ Гіеръ, гдѣ жилъ дядя. Съ ужасомъ получилъ я извѣстіе, что онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ покинулъ его и выѣхалъ неизвѣстно куда. Такимъ образомъ надежды, которыми я себя обольщалъ, дали мѣсто отчаянію, а счастье, которое я себѣ представлялъ такъ близко, показалось для меня на-всегда недостижимымъ. Все, что я могъ узнать, состояло только въ нѣкоторыхъ показаніяхъ о бѣдности и недостаточномъ состояніи моего дяди, по достовѣрныхъ свѣдѣніи о томъ, куда онъ отправился, я не могъ получить ни отъ кого. Одинъ говорилъ, что онъ отправился въ Парижъ, другіе—въ Германію и именно въ Берлинъ, гдѣ постоянно жилъ одинъ изъ нашихъ родственниковъ. Я рѣшился отыскивать его прежде всего въ Германіи, куда отправленіе его казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Я поѣхалъ сюда, но всѣ мои старанія отыскать ихъ остались до-сихъ-поръ безуспѣшными. По прибытіи въ Берлинъ, я узналъ, что родственникъ нашъ цѣлый годъ тому назадъ ужь умеръ и семейство его возвратилось въ Англію. Для полученія извѣстій о моемъ дяди, я обратился къ этому семейству, но не получилъ никакого положительнаго отвѣта. Я конечно не остался бы въ Берлинѣ такъ долго, если бы душевныя страданія, разстроившія совершенно мое здоровье, не заставляли меня остановиться здѣсь до моего выздоровленія. Теперь я уже получилъ значительное облегченіе, и поэтому, чрезъ нѣсколько дней, отправлюсь въ Парижъ, для отысканія сэра Вилліама и его несчастнаго семейства.»

Этими словами молодой человекъ окончилъ свой рассказъ, произведшій на насъ глубокое впечатлѣнiе. Черезъ нѣсколько времени, онъ дѣйствительно отправился въ Парижъ и я за нимъ въ скоромъ времени туда же послѣдовалъ. Встрѣтивъ его тамъ, я узналъ отъ него, что всѣ старанiя его отыскать семейство сэра Вилліама остались безъ всякаго успѣха и что онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, объявить о томъ въ газетахъ, съ обѣщанiемъ выплатить значительную сумму тому, кто укажетъ ему на слѣдъ сэра Вилліама и извѣститъ объ его участи.

II.

Однажды, это было въ началѣ зимы, я возвращался изъ больницы и, переходя новую мостъ, замѣтилъ на набережной книжнаго торговца, который нѣсколько разъ поставлялъ мнѣ книги. Увидѣвъ меня, онъ предложилъ мнѣ купить пѣсни Беранже, которыя я давно уже велѣлъ ему принести. Купивъ этотъ томикъ, я обратилъ вниманiе на небольшую книжечку въ новомъ кожаномъ переплетѣ и узналъ, что это былъ молитвенникъ англiканской церкви.

— Не правда ли хорошенькая книжечка? сказалъ мнѣ торговецъ.

Съ этими словами, онъ раскрылъ книгу, и я замѣтилъ исписанную страницу, на которой начертаны были извѣстные уже намъ англiйскіе стихи, а внизу прежнее мѣсто жительства сэра Вилліама. Я увидѣлъ, что здѣсь была написана вся пѣсня, которую намъ читалъ сэръ Артуръ, и удостовѣрился вполне, что книжка эта есть та самая, про которую онъ намъ рассказывалъ. Я поспѣшилъ ее купить и просилъ торговца сообщить мнѣ, какимъ образомъ она ему досталась, потому-что я хотѣлъ-вполнѣ увѣрится въ истинѣ прежде, чѣмъ извѣдомить моего друга о такомъ счастливомъ стеченiи обстоятельствъ.

— Я зашелъ вчера въ одну домъ, гдѣ мнѣ предложили купить старыя пенужныя книги, сказалъ торговецъ; въ то время, какъ я условливался въ цѣнѣ, ко мнѣ подошла молодая дѣвушка

и со слезами на глазахъ предложила мнѣ купить эту книгу. Я согласился на покупку только потому, что переицать ея мнѣ до крайности понравился и что этицъ я, какъ казалось, могъ сдѣлать ей большое одолженіе, видя ее въ большой нуждѣ.

— Гдѣ же этотъ домъ? спросилъ я его нетерпѣливо.

— Въ улицѣ Гревель, № 103, отвѣчалъ мнѣ торговецъ.

Это извѣстіе поразило меня до крайности. Нѣсколько дней тому назадъ, я заходилъ съ докторомъ Ройеромъ въ этотъ же домъ, для посѣщенія несчастной больной, занимавшей небольшую комнату на чердакѣ. За нею ухаживала молодая дѣвушка, вѣроятно, ея дочь, которая, какъ и ея мать, говорила мало и весьма худо по-французски и очень обрадовалась, когда я началъ разговоръ на ея природномъ языкѣ и сообщилъ ей утѣшительныя извѣстія о состояніи здоровья ея матери. Теперь только я понялъ всю важность этой встрѣчи и упрекалъ себя въ томъ, что не полюбобытствовалъ узнать ея фамилію. Я уже не сомнѣвался, что попалъ на слѣдъ именно той, которую сэръ Артуръ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отыскивалъ съ такою неутомимостію и постоянствомъ, и представлялъ себѣ его радость при свиданіи съ Мери и ея матерью.

Черезъ четверть часа, я остановился въ кабріолетѣ у указаннаго торговцемъ дома, постучалъ въ дверь и стремглавъ бросился на лѣстницу.

— Куда вы спѣшите и кого вамъ угодно? вскрикнула мнѣ старая привратница, высовывая голову изъ своей канурки.

— Къ двумъ Англичанкамъ, сказалъ я, въ четвертій этажъ.

— Англичанкамъ? У насъ Англичанокъ никакихъ нѣтъ, отвѣчала она недоувѣрчиво.

— Однимъ словомъ, къ бѣдной женщинѣ, которая живетъ съ единственною своею дочерью, блондинкою, отличающеюся нѣжными и прекраснымъ личикомъ.

— Теперь я понимаю, кого вы спрашиваете; но вы уже

пришли слишкомъ поздно. Старушка и ея дочь еще вчера вечеромъ выѣхали отсюда и отправились Богъ знаетъ куда. Онѣ чрезвычайно бѣдны, въ комнатѣ своей не имѣли ни стула, ни кровати и часто по цѣлымъ днямъ оставались даже безъ всякой пищи. Я нѣсколько разъ давала имъ свой супъ, изъ опасенія, чтобы онѣ не умерли съ голоду. Такого пароду у насъ въ домѣ довольно.

— Но не знаете ли вы, куда онѣ отсюда отправились?

— А Богъ ихъ знаетъ, отвѣчала привратница хладнокровно: намъ некогда объ этомъ справляться.... А впрочемъ, говорить вамъ объ этомъ еще нечего: вы найдете въ Парижѣ и не одну блондинчку, которая будетъ въ тысячу разъ лучше этой.

Съ досадою оставилъ я домъ, въ которомъ не могъ добиться удовлетворительнаго отвѣта; тѣмъ болѣе мнѣ это было не-пріятно, что я уже напередъ себѣ представлялъ радость сэра Артура при свиданіи его съ двоюродною сестрою. Всѣ мои предположенія рушились мгновенно, какъ сладкій сонъ. Придя домой, я остановился на мысли, что молодая дѣвушка не двоюродная сестра сэра Артура, потому-что объ отцѣ ея не было и рѣчи.

Между тѣмъ, желая въ этомъ увѣряться, я на другое утро отправился къ сэру Артуру. Онѣ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и тѣмъ болѣе радъ былъ свиданію со мною, что здоровье его было чрезвычайно слабо. Поговоривъ съ нимъ о разныхъ вещахъ, я наконецъ павелъ разговоръ на предметъ его страсти и спросилъ между прочимъ: не русые ли волосы у Мерп и не голубые ли у нея глаза?

— Почему вы это такъ хорошо знаете, спросилъ онѣ, нѣсколько развеселившись: я вамъ этого до-сихъ-поръ не говорилъ.

— Конечно говорили, сказалъ я ему, иначе какъ бы мнѣ объ этомъ знать?... Я васъ спрашиваю объ этомъ, рѣшительно безъ всякой цѣли и намѣренія.

Сэръ Артуръ оставилъ мою руку, которую онѣ до того вре-

менш судорожно сжималъ и погрузился опять въ свои мрачныя мысли. Но, съ своей стороны, я вполне удостовѣрился, что молодая дѣвушка и ея мать были его родственницы и поэтому принялъ рѣшительное намѣреніе отыскать ихъ, во что бы то ни стало. Мои старшія оставались тщетны. Даже докторъ Роёръ не могъ мнѣ дать свѣдѣнія о несчастной больной, которую онъ нѣсколько времени посѣщалъ и пользовалъ.

Нѣсколько дней сряду, я старался открыть слѣды родственницъ Артура, но безъ всякаго успѣха. Однажды утромъ, я зашелъ къ доктору, чтобы слушать у него лекціи, и въ передней замѣтилъ нѣсколькихъ пациентовъ, которые ожидали доктора, надѣясь воспользоваться его совѣтами для облегченія своихъ болѣзней. Въ это время, совершенно для меня неожиданно, и къ величайшему моему удивленію, вошла въ переднюю молодая Англичанка. Увидѣвъ ее, я вскопчилъ съ мѣста и этимъ движеніемъ привелъ ее въ трепетъ; но я скоро успокоилъ ее, заговоривъ съ нею на природномъ ея языкѣ.

— Какъ я радъ что васъ вижу, сказалъ я; вы не могли придти сюда болѣе кстати. Скажите, пожалуйста, какъ здоровье вашей матушки и гдѣ вы теперь живете?

— Мамея очень больна, отвѣчала она со слезами на глазахъ и этимъ отвѣтомъ привела меня въ большое смущеніе; если бы ей не угрожала опасность, то я ни за что бы не рѣшилась придти сюда....

— Утѣштесь, сударыня, и благодарите Бога за то, что онъ привелъ васъ сюда! Теперь можно надѣяться, что ея страданія прекратятся совершенно!.....

— Что вы говорите? неужели для спасенія моей матери нѣтъ уже никакихъ средствъ? спросила она въ ужасномъ страхѣ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, отвѣчалъ я ласково, вы должны надѣяться на лучшее, и я долженъ вамъ сообщить радостныя вѣсти. Но скажите прежде всего, гдѣ вашъ отецъ?

— Мой отецъ?... Такъ вы знали его?.....

— Неужели онъ умеръ? спросилъ я.

Мери, въ знакъ согласія, кивнула головою, и залилась горькими слезами.

— Скажите же, что съ вашей матушкой? продолжалъ я.

— Ея здоровье стало-было уже нѣсколько поправляться, но насъ выгнали изъ квартиры, которую мы занимали въ четвертомъ этажѣ, и теперь пужда и горести снова увеличили ея страданія. Она такъ слаба, что я рѣшилась придти сюда и на колѣняхъ просить доктора освидѣтельствовать ея болѣзнь и подать ей руку помощи. Я думаю, что она можетъ еще выздоровѣть, если намъ дадутъ только средства возвратиться на родину.

— Вы имѣете тамъ родственниковъ? спросилъ я ласково?

— Только одного, который сдѣлалъ бы для насъ все что въ его силахъ... но можетъ быть, его уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ, потому что мы уже нѣсколько мѣсяцевъ не получаемъ отвѣта на наши письма!

— Быть можетъ, онъ куда-нибудь уѣхалъ; можетъ быть, онъ отправился въ дорогу, чтобы отыскивать васъ, можетъ быть онъ теперь и здѣсь!

При этихъ словахъ Мери устремила на меня свои глаза и съ неимовѣрнымъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ, ожидала продолженія начатаго разговора.

— Между вашими соотечественниками, живущими въ Парижѣ, я имѣю многихъ знакомыхъ, и въ состояніи вамъ отъ себя предложить, на-время, средства, чтобы обезпечить вашу матушку. Чувствуете ли вы въ себѣ силу поручить мнѣ себя, и повѣрить мнѣ всѣ ваши тайны?

— Силу? сказала она съ удивленіемъ; несчастіе приучило меня ко всему, и я смѣло и рѣшительно всегда дѣйствую, когда дѣло идетъ о пользѣ моей матери. Но неужели насъ ожидаютъ еще новыя испытанія?

— Нѣтъ, успокойтесь; я требую отъ васъ силы только для перенесенія радостныхъ извѣстій, которыя я вамъ долженъ сообщить..... Знакома ли вамъ эта книжка?

При этомъ я вынулъ изъ кармана молитвенникъ и раскрылъ его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рукою сэра Артура написаны были стихи. Увидѣвъ ее, она едва устояла на мѣстѣ и чуть не упала въ обморокъ.

— Боже мой! воскликнула она, какими образомъ эта книжка попала въ ваши руки?

— Успокойтесь, пожалуйста! Я ожидалъ отъ васъ болѣе присутствія духа. Какъ мнѣ сообщить вамъ еще болѣе радостныя извѣстія, если вы не чувствуете себя въ сплахъ перенести ихъ!

— Какія радостныя вѣсти вы мнѣ можете еще сообщить!... Единственное мое желаніе состоитъ только въ томъ, чтобы доставить нужныя средства моей больной матерп и имѣть способы возвратиться на родину. Большаго я требовать и ожидать не могу!

— Чтò касается до этого, то я могу васъ вполне успокоить: вашей матушкѣ будетъ оказана помощь и попеченіе, и вы будете имѣть значительную сумму для возвращенія на родину и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все для васъ полезное и необходимое. Если вы изъявляете радость, узнавъ отъ меня, что я вамъ сообщилъ, то вы должны по крайней мѣрѣ оказать мнѣ столько довѣрія, чтобы прослушать меня до конца! но прежде всего я прошу васъ рассказать мнѣ все, что было съ вами со времени вашего отъѣзда изъ Англій. Я знаю уже часть исторіи вашей жизни, но я долженъ узнать все до конца. Будьте откровенны и помните, что я откажусь отъ всякаго содѣйствія, для улучшенія вашихъ обстоятельствъ, если вы отъ меня скроете хоть самыя незначительныя вещи!

Молодая дѣвушка уже болѣе не плакала, но смотрѣла на меня стыдливо и съ безпокойствомъ, чтò меня до крайности огорчило; двусмысленныя слова привратницы невольно пришли мнѣ на умъ, и я задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Вы меня понимаете, надѣюсь, сказалъ я строго; вы должны быть откровенны и повѣрить мнѣ всѣ ваши тайны, а иначе я оставлю васъ въ томъ же положеніи, въ которомъ вы теперь находитесь.

— Я не знаю здѣшнихъ законовъ, и, можетъ быть, не должна бы была вамъ повѣрять того, что вы отъ меня требуете; но если вы уже непремѣнно желаете узнать исторію нашей жизни, то, пожалуй я вамъ расскажу ее только съ условіемъ, чтобы вы никому не говорили о томъ.

— Я вамъ даю въ этомъ честное слово, отвѣчалъ я; говорите все безъ всякаго опасенія.

— Вамъ, конечно, уже извѣстно, что мы выѣхали изъ Англій для того, чтобы поселиться въ южной Франціи, гдѣ благотворенный и теплый климатъ могъ оказать благотворное вліяніе на здоровье моей матери. Сначала мы поселились въ городѣ Гіерѣ, но жили чрезвычайно ограниченно и въ большой нуждѣ, потому-что мой отецъ, отставной морской офицеръ, пользовался только незначительнымъ доходомъ, а болѣзнь моей матери стоила большихъ суммъ. Не смотря на ограниченныя наши средства, здоровье моей матери, благодаря теплomu южному климату, стало мало-по-малу поправляться. По прошествіи нѣкотораго времени, отецъ мой обратился къ своему банкиру съ просьбою прислать ему деньги, но, къ ужасу, узналъ, что этотъ банкиръ объявленъ банкротомъ и, скрылся въ Америку. Это извѣстіе было для насъ смертнымъ приговоромъ, потому-что уже нѣсколько мѣсяцевъ мы жили въ кредитъ, истощивъ послѣднія наши средства.

Послѣ этого отецъ мой не рѣшился оставаться долѣе въ этомъ городѣ и переѣхалъ вѣстѣ съ нами въ Марсель, гдѣ онъ надѣялся получить работу въ гавани; но въ первый же день, по прибытіи туда, волученный имъ отказъ, довелъ его до отчаянія и онъ возвратился домой, съ лицомъ, покрытымъ смертною блѣдностію и съ такимъ выраженіемъ, которое у меня никогда не изгладится изъ памяти. Матушка старалась утѣшить его, но онъ заставилъ ее молчать; я хотѣла его нѣсколько успокоить выраженіемъ любви и привязанности, но онъ меня оттолкнулъ. Несчастіе, которое падъ на насъ тяготѣло, дошло до высшей степени, и измѣнило совершенно кроткій характеръ моего отца. Я сѣла подлѣ матушки и проплакала цѣлый день; но матушка не могла даже плакать.

При наступленіи ночи, матушка ласково сказала моему отцу:

— Вилліамъ, не можешь ли ты продать пистолеты, которые ты получилъ въ подарокъ отъ адмирала? Мери цѣлый день ничего не ѣла.

Отецъ молча всталъ съ мѣста, снялъ пистолеты со стѣны и долго смотрѣлъ на нихъ, между тѣмъ крупныя слезы катились по его щекамъ. До того времени я видѣла его въ слезахъ только одинъ разъ, когда онъ былъ до крайности несчастливъ; увидѣвъ его слезы, я невольно вскричала:

— Нѣтъ, не продавайте этихъ пистолетовъ, я теперь уже не чувствую голода и могу заснуть спокойно!

Не сказавъ ни слова, онъ вышелъ изъ комнаты; мы думали, что онъ пошелъ продавать пистолеты.

Пробило полночь, а онъ не возвращался. Я находилась въ ужасномъ безпокойствѣ, но матушка старалась меня утѣшать.

— Успокойся, Мери, и постарайся заснуть! говорила она, твой отецъ не нашелъ, вѣроятно, открытыхъ лавокъ и не хочетъ возвратиться безъ хлѣба, чтобы не быть свидѣтелемъ нашихъ страданій; засни, мое дитя, завтра уже онъ доставитъ тебѣ случай позавтракать!

Я очень хорошо понимала, что моя матушка нуждалась въ томъ утѣшеніи, которымъ она меня желала успокоить; я замѣтила, что, при малѣйшемъ шорохѣ и шумѣ, она судорожно содрогалась, дыханіе ея становилось отрывистѣе и это безпокойство ея пугало меня еще болѣе.

Такимъ образомъ прошла цѣлая ночь—ночь самыхъ страшныхъ ожиданій и невыразимыхъ мученій. Утромъ отецъ возвратился домой, бросилъ на столъ кусокъ хлѣба, и сказалъ:

— Вотъ вамъ, по-крайней-мѣрѣ, чернаго хлѣба.

Послѣ того онъ сѣлъ въ уголъ комнаты и заснулъ, какъ казалось, вслѣдствіе утомленія тѣлесныхъ силъ. Во время безпокойнаго его сна, мы замѣтили пистолеты, которые выкашивались изъ-подъ его платья, и это обстоятельство растре-

вожило насъ еще болѣе и заставило опасаться за самоубійство.

Цѣлая педѣля прошла такимъ образомъ; каждый вечеръ мой отецъ отиравался изъ дому и приносилъ намъ на слѣдующее утро пишу, и во все это время хранилъ глубокое молчаніе и не терпѣлъ нашихъ ласкъ и нашего участія. Въ девятый день наконецъ, онъ возвратился домой въ полночь въ ужасномъ волненіи

— Пойдите, сказалъ онъ мрачнымъ голосомъ, мы должны отсюда бѣжать!

— Бѣжать, спросила я, по куда же?

— Не спрашивайте меня, сказалъ онъ отрывисто; мы не имѣемъ времени!

При этомъ онъ взялъ меня подъ руку, матушку подъ другую, и увлекъ насъ за собою. Нашъ выѣздъ совершился въ нѣсколько минутъ, потому-что намъ нечего было съ собой брать; все наше состояніе составлялъ старый клочъ, который носила матушка...

Была холодная, туманная ночь. Мы странствовали безъ плана вдоль длинныхъ улицъ, не произнося ни слова. Вдругъ, мы услышали конскій топотъ, крики людей и звукъ оружія; отецъ приказалъ намъ повернуть въ небольшой переулокъ; но едва мы сдѣлали нѣсколько сотъ шаговъ, какъ наткнулись на отрядъ жандармовъ. Въ одно мгновеніе, отецъ высвободилъ свои руки, раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ онъ за-мертво упалъ на землю, прострѣливъ себѣ голову. Мы бросились къ нему, и онъ испустилъ послѣднее дыханіе въ нашихъ объятіяхъ. Тогда только мы узнали о преступленіи, на которое онъ долженъ былъ рѣшиться, чтобы сохранить наши дни и избавить насъ отъ голодной смерти.

Жандармы подняли его тѣло и приказали намъ слѣдовать за ними. По счастливому стеченію обстоятельствъ, мы предстали предъ судью, который отличался человѣколюбіемъ; онъ доставилъ намъ средства похоронить несчастнаго самоубійцу. Послѣ того, мы рѣшились переѣхать въ Парижъ, откуда думали писать къ нашимъ родственникамъ, чтобы возвратиться на родину; но и эта надежда скоро покинула насъ. Съ этого времени удары судьбы, одинъ за другимъ, разражались надъ нами, и мы дошли до крайности и самаго безпомощнаго со-

стоянія. Тогда я рѣшилась просить участія знатныхъ и богатыхъ лицъ; нѣсколько разъ перо выпадало изъ моихъ рукъ, но мысль, что я дѣлаю это единственно для матери, для доставленія ей пищи, и нужныхъ лекарствъ, поддерживала меня въ принятомъ рѣшеніи и дала мнѣ силу обращаться ко многимъ лицамъ. Но немногія мои просьбы нѣтъ успѣхъ: иногда меня отталкивала прислуга, а иногда и сами богачи оставляли меня безъ всякаго пособія. Скудные средства, которыя я приобрѣтала женскими работами и милостыня поддерживали нашу жизнь до сихъ поръ.

— Такимъ образомъ въ этомъ заключается вся ваша исторія? спросилъ я ее. Скажите мнѣ откровенно, не имѣли ли вы другихъ побочныхъ средствъ къ своему содержанию и не дѣлали ли вамъ какихъ-нибудь предложеній?

— Нѣтъ, отвѣчала она, нисколько не смутившись и не отведя своихъ глазъ отъ моего испытующаго взора. Я все вамъ рассказала.

— Если такъ, то я вамъ обещаю не только временную помощь, но и такое счастье, котораго вы вовсе не ожидаете, — счастья самаго для васъ драгоценнаго!... вамъ другъ въ Парижѣ!

— Какъ? кто? Артуръ?... такъ вы знаете его? вскрикнула она съ выраженіемъ радости, и щеки ея покрылись прекраснымъ румянцемъ. Прошу васъ, говорите скорѣе: Артуръ здѣсь? Вы его знаете? Вамъ извѣстенъ его адресъ?

— Да, я знаю его адресъ и поведу васъ сейчасъ къ нему; и онъ также много страдалъ и былъ очень несчастливъ!

Это извѣстіе погрузило Мари, въ прежнюю задумчивость; она съѣла на стулѣ и залилась слезами; я не хотѣлъ мѣшать ей. Потомъ вдругъ она встала и сказала мнѣ:

— Это извѣстіе такъ растрогало меня, что я даже позабыла про мою бѣдную мать, которой прежде всего слѣдовало бы сообщить эти новости.

— Въ такомъ случаѣ пойдитемте виѣстѣ со мною.

Сказавъ это, я подалъ ей руку, и мы пошли какъ давнишніе знакомые. На улицѣ я нанялъ карету, забася виномъ и нѣсколькими холодными блюдами, и поѣхалъ въ улицу Сент-Доминикъ. Здѣсь мы остановились у стараго, обветшалаго дома и взобрались по лѣстницѣ до самаго верхняго этажа.

Извѣстiе о состоянiи, которое ей досталось, и о близости сэра Артура, чрезвычайно поразило больную, но самымъ благопрiятнымъ образомъ; когда первый впечатлѣнiя разсѣялись, она сложила руки, подняла свой взоръ къ небу и произнесла:

— Возблагодаримъ прежде всего Господа Бога! теперь настала копѣцъ нашимъ страданiямъ, и я могу умереть спокойно.

Въ короткихъ словахъ я разсказалъ имъ все, что зналъ о молодомъ челоуѣкѣ и вызвался привести его къ нимъ.

Я, конечно, принялъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы не поразить Артура извѣстiемъ о неожиданной радости; тѣмъ не менѣе однако, разсказъ мой привелъ его въ такое восторженное состоянiе, что я серьезно боялся, чтобы онъ не сошелъ съ ума. Прiѣхавъ въ домъ, въ которомъ жили Мери и ея мать, онъ не имѣлъ силы взойти на лѣстницу и я долженъ былъ ему помочь. Жалкое состоянiе комнаты, въ которой онъ нашелъ своихъ родственницъ, глубоко его огорчило.

Мы тихо отворили дверь въ то время, какъ обѣ женщины стояли еще на колѣняхъ и молились. Мери первая оглянулась и, увидѣвъ Артура, бросилась къ нему на шею; за этимъ послѣдовала сцена, которую словами описать невозможно. До сихъ поръ сердце у меня бьется при одномъ воспоминанiи объ этомъ радостномъ событiи.

Въ то же время вошелъ въ комнату докторъ Роiеръ, котораго я многократно пригласилъ къ больной; онъ освидѣтельствовалъ еще разъ ея болѣзнь и изъявилъ надежду спасти ее при переимѣнившихся обстоятельствахъ, если она проведетъ нѣкоторое время въ Италiи.

Нѣсколько педѣль спустя, сэръ Артуръ отправился изъ Парижя со своею молодою супругою и тещею къ сардинскимъ горамъ на приготовленную для него виллу, которую онъ заблаговременно велѣлъ нанять чрезъ своего повѣреннаго. Онъ и жена его вели со мною постоянную переписку и оба настоятельно просили меня, посѣтить ихъ, когда они возвратятся въ Англiю. Но этого я до сихъ поръ не въ состоянiи былъ исполнить. Въ прошлое лѣто, при вторичной поѣздкѣ въ Италiю, они сами заѣхали ко мнѣ, съ четырьмя своими дѣтьми. Наша радость при свиданiи была невообразима. После первыхъ порывовъ восторга, Мери сказала мнѣ:

— Каждый вечеръ, мы заставляемъ нашу старшую дочь чи-

тать молитвенникъ, который вы мнѣ возвратили нѣкогда и который, съ того времени, сдѣлался какъ бы святынею нашего селейства! Какъ часто говоримъ мы о васъ, и всегда жальемъ, что не можемъ раздѣлять съ вами нашего счастья и вмѣстѣ вспоминать о прошествіяхъ прежняго времени, которыя теперь намъ кажутся какшии-то тяжелыми снами. Мы пользуемся настоящимъ нашимъ счастьемъ скромно и благодарно, и знаемъ ему цѣну, потому-что достигли его послѣ ужасныхъ лишеній и страданій.

=

Науки и Художества.

ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ ХИМИИ *.

Статья III.

Наступаетъ третья эпоха въ химіи, блистательно открываемая Лавуазье. О заслугахъ его для наукъ и наконецъ о самой жизни намъ говорить совершенно не нужно, потому-что все это уже было высказано г. Дюма. Мы повторимъ только, что со времени этого великаго ученаго, химія получаетъ надлежащую форму опредѣленной науки и идетъ по пути истины и неизмѣннаго опыта. Съ этихъ поръ, она не уклоняется въ сторону, не смѣшивается съ другими предметами человѣческихъ знаній, но становится вполне самостоятельною наукою. Лавуазье, давши химіи опредѣленные формы, вдвинулъ ее въ систему тѣхъ наукъ, изученіе или, по крайней мѣрѣ, поверхностное знаніе которыхъ необходимо для всякаго образованнаго человѣка. Съ Лавуазье, химія дѣлается доступною для массы, по простотѣ коренныхъ правилъ, которыя, между-тѣмъ, удивляютъ огромнымъ

* См. III книгу *Сына Отечества* 1848 года.

своимъ приложеніемъ ко всемъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Словомъ химія съ этихъ поръ была поставлена на ту высокую степень, какую занимаетъ она нынѣ. Во Франціи, Англіи и Германіи поняли весьма хорошо всю важность химіи, и посмотрите до какой степени развита она тамъ: всякій образованный человѣкъ считаетъ необходимою знать, по крайней мѣрѣ, существенныя ея законы; ученый изучаетъ ее, хотя бы она и не принадлежала къ числу тѣхъ наукъ, которыя составляютъ главный предметъ его занятій, потому-что посредствомъ химіи онъ можетъ повѣрить себя и яснѣе объяснить законы природы; фабрикантъ за первую обязанность считаетъ познакомиться съ химіей, потому-что она даетъ ему средства усовершенствовать техническіе процессы, которые безъ нее дѣлаются на удачу. Когда Дюма читаетъ въ Парижѣ свои лекціи, залы наполнены слушателями.

Впрочемъ, со времени Лавуазье — многое что измѣнилось. Теорія горѣнія его отвергнута; слову кислота давно болѣе обширное значеніе, и въ число кислотъ помѣщены такія, которыя, кислыми свойствами своими, одолжены не кислороду. Это доказываетъ, что химія, ставши на твердый фундаментъ, уже много испортившихся камней въ зданіи замѣнила совершенно новыми и такимъ образомъ получила болѣе крѣпости и основы.

Между сотрудниками Лавуазье, въ огромномъ дѣлѣ преобразованія химіи, должно считать главными Фуркруа и Бертолета.

Антоній-Франсуа Фуркруа родился, въ Парижѣ, 1755 г. Получивши званіе профессора химіи въ Королевскомъ Садѣ, онъ удивлялъ своихъ слушателей яснымъ изложеніемъ предмета и настоящимъ ораторскимъ краснорѣчіемъ. Это-то краснорѣчіе, оцѣненное вполнѣ, и было причиною, что во времена республики, Фуркруа былъ призванъ на другое поприще. Онъ былъ избранъ (1792 г.) въ депутаты въ національный конвентъ; потомъ, ему поручили главное управленіе комитетомъ народнаго образованія. Онъ написалъ всѣ постановленія и правила, касающіяся этой части, устроилъ медицинскія школы въ Парижѣ, Мовелье и Страсбургѣ, завелъ болѣе 30 лицеевъ и около 300 коллегій.

Впавъ въ пенсію у главы республики, Наполеона Бонапарте, Фуркруа былъ потрясенъ до глубины души и вскорѣ умеръ отъ апоплексическаго удара (1809).

Главное сочиненіе это есть *Système des connaissances chi-*

miques, переведенное на русский язык Коменскимъ, подъ заглавіемъ *Химическая Философія* (1799), гдѣ онъ излагаетъ законы химіи съ новой точки зрѣнія. Это сочиненіе, не смотря на всѣ свои ошибки, которыхъ и вѣрзья было избѣгнуть въ то время, драгоцѣнно по многимъ отношеніямъ. Въ немъ, положено начало выѣшней химіи и весьма искусно опровергнуты мнѣнія защитниковъ флогистической теоріи. Кроме того, Фуркруа написалъ около 150 мемуаровъ, касающихся разныхъ предметовъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны тѣ, гдѣ онъ говоритъ о разложеніи сѣристыхъ водъ, объ отдѣленіи мѣди отъ олова и т. д. Пальсо де-Бовуа, въ 1810 году, издалъ особенную книжку, гдѣ подробно описываетъ его жизнь и, между прочимъ, разсматриваетъ сущность трудовъ его по части химіи.

Клавдіи-Людвикъ Бертолетъ родился 9 декабря 1748 года, въ Таллуарѣ, близъ Аннеси въ Савойѣ. Онъ происходилъ изъ благородной, французской фамиліи, оставившей свое отечество во время религиозныхъ войнъ. Кончивъ курсъ въ туринскомъ университетѣ, онъ получилъ, въ 1768 году, званіе доктора. Спустя четыре года, онъ явился въ Парижъ, гдѣ нашелъ друзей, которые доставили ему мѣсто лейбъ-медика при герцогѣ Орлеанскомъ. Здѣсь онъ продолжалъ свои занятія по медицинѣ и химіи, которая особенно тогда начала привлекать его. Вскорѣ Бертолетъ познакомился съ Лавуазье, и это самое было причиною, что, чрезъ нѣсколько времени, онъ оставилъ флогистическую теорію и съ жаромъ принялся за разработываніе новыхъ идей. Въ 1780 году, Бертолетъ заступилъ мѣсто Буке въ академіи наукъ. Въ 1784 году, онъ занялъ должность Мавера, умершаго тогда, должность директора красильныхъ заведеній, что было поводомъ изданія *основаній красильнаго искусства*.

Во время революціи, Бертолетъ оставался вѣрнымъ своему благородному характеру, не виѣшиваясь въ политическія дѣла и не являясь на поприщѣ, упитанномъ кровію и запечатленномъ жестокостію и звѣрскими поступками. При основаніи *нормальнаго училища*, когда наконецъ буря утихла и возстановилось нѣкоторое спокойствіе, Бертолетъ является однимъ изъ первыхъ его профессоровъ.

Подобное мѣсто ему было предоставлено въ политехническомъ институтѣ, который былъ учрежденъ подъ названіемъ *центрального училища публичныхъ занятій*. Въ 1796 году, Монжу и Бертолету поручили привезти изъ Італіи произведенія

изящныхъ искусствъ, доставшіяся Французамъ по праву побѣды и насилія. Это порученіе было исполнено ими какъ нельзя удачѣе. Съ этого времени, Бертолетъ вступаетъ въ тѣсную дружбу съ Наполеономъ, который беретъ у него уроки и даже навѣщаетъ его иногда, въ его скромномъ жилищѣ.

Во время египетской экспедиціи, знаменитый химикъ повсюду сопровождаетъ будущаго императора. Въ морскомъ сраженіи при Хебрентѣ, Бертолетъ оказалъ невозмущаемое хладнокровіе. Въ продолженіе этой морской битвы, онъ началъ наполнять свой карманъ камнями, и когда его спросили, для чего онъ дѣлаетъ это? онъ отвѣчалъ спокойно: «Для того, чтобъ не выплыть на поверхность, когда меня убьютъ.» Каирскій институтъ, осажденный возмущившимися жителями, былъ спасенъ только мужествомъ Монжа и Бертолета, которые защищали его до тѣхъ поръ, пока подоспѣла помощь. Такимъ образомъ, инструменты, книги и всѣ сокровища этого института остались въ совершенной сохранности. Когда французскія войска вступили въ Сирію, Монжъ и Бертолетъ сопровождали ихъ. Первый вскорѣ сдѣлался боленъ, но усильными попеченіями своего друга былъ возвращенъ къ жизни. Однимъ словомъ, эти два ученые были неразлучны между собою, такъ что въ арміи многіе думали, что они составляютъ одно и то же лицо. Наполеонъ, возвращаясь во Францію, взялъ Монжа и Бертолета съ собою. Онъ не могъ разстаться съ ними, до такой степени привыкъ онъ видѣть ихъ всегда подлѣ себя. Осыпанный милостями императора, Бертолетъ могъ спокойно проводить свои дни, посвященные преимущественно химіи. Его аркельскій домъ былъ сборищемъ ученыхъ, которые считали за честь посѣтить знаменитаго химика. Деви, Воластонъ, Гумбольдтъ, Томсонъ, Уаттъ, Берцелиусъ, Тенантъ—и сколько еще другихъ знаменитостей, не упомянутыхъ нами, почитали первою необходимостью побывать въ аркельскомъ домѣ, этомъ мирномъ убѣжищѣ Бертолета. Полный воспоминаніями объ египетскомъ походѣ, Бертолетъ украсилъ свой кабинетъ въ египетскомъ вкусѣ: оивскіе зодіаки были изображены на потолокъ; маленькіе сѣянксы и остатки древняго величія страны Фараоновъ рисовались по угламъ этой комнаты. Этажерки были полны разныхъ бездѣлокъ, вывезенныхъ отъ подножія пирамидъ, изъ которыхъ каждая напоминала что-нибудь въ жизни ученаго.

По возстановленіи Бурбоновъ, Бертолетъ былъ возведенъ въ

званіе вера и вскорѣ послѣ того избранъ въ члены медицинско-ской академіи. Привыкнувъ переносить лишенія, заколенный въ походахъ, Бертолетъ до самой старости наслаждался цвѣтущимъ здоровьемъ. И казалось, можно было думать, что онъ проживетъ еще долго, но, къ внезапной горести друзей и всѣхъ знавшихъ Бертолета, горячка неожиданно постигла его. Доктора были позваны въ то время, когда было уже поздно. Черезъ нѣсколько времени, онъ скончался (1822 г.). Множество народа сопровождало его до могилы. Всѣ оплакивали его съ непритворною горестью, потому-что онъ былъ постоянно благороденъ въ своихъ дѣлахъ, добръ и великодушенъ къ всѣмъ своимъ подчиненнымъ и ко всѣмъ несчастнымъ.

Скромный памятникъ, воздвигнутый ему, украшенъ былъ не менѣе скромною надписью. На памятникѣ вырѣзана только фамилія Бертолета, день его рожденія и смерти. Въ институтѣ, бюстъ его былъ поставленъ подлѣ бюста Лагранжа, съ которымъ онъ имѣлъ много сходства, не упомывая о томъ, что родился, подобно ему, внѣ Франціи.

Теперь разсмотримъ, въ чемъ заключались заслуги Бертолета по химіи.

Защитая сперва флогистизмъ, впоследствии Бертолетъ сдѣлался отчаяннымъ его противникомъ. Мемуаръ его, изданный въ 1785 году (занимающійся изслѣдованіемъ свойствъ хлора), окончательно поразилъ эту переходную теорію. Бертолетъ писалъ по всѣмъ частямъ химіи. Но польза, оказанная имъ, главно заключается въ томъ, что онъ умѣлъ нѣкоторые химическіе процессы примѣнить къ техническимъ производствамъ. За одно это потомство останется ему всегда благодарнымъ. Лучшее сочиненіе Бертолета собственно по теоріи химіи, выражающее весь духъ его, безъ сомнѣнія есть *химическая статика* (*Essai de Statique chimique*, Опытъ химической статикки), сочиненіе, которое и досихъ-поръ еще драгоцѣнно для химика. Правда и тутъ, многое что опровергнуто нынѣ, но главное остается безъ перемѣны, потому-что основано на истинѣ.

Въ своей статикѣ Бертолетъ излагаетъ остроумныя замѣчанія на счетъ силы химическаго сродства. Но прежде, чѣмъ рассмотримъ эти замѣчанія и отдадимъ имъ полную справедливость или по крайней мѣрѣ вѣрную оцѣнку, мы скажемъ нѣсколько словъ, какимъ образомъ понимали до Бертолета химическое сродство и какія дѣйствія придавали ему. Слово: *сродство* (*affinité*) введе-

но было въ науку въ первый разъ Бархузеномъ, который употре-
блялъ въ своемъ сочиненіи *Pugosoria*, выданномъ въ свѣтъ въ
1698 г.

Какъ и все химіи той эпохи, Бархузенъ призналъ четыре
элемента: соль, масло, воду и землю. Но, допустивши эти начала,
онъ прибавляетъ, что не нужно ихъ смѣшивать съ тѣми веще-
ствами, какия намъ извѣстны въ обществѣ подъ подобными
именами. «Невозможно,» далѣе говоритъ онъ, «отдѣлать начала и
получить ихъ въ чистомъ состояніи, потому что они всегда
тѣсно связаны съ земляными или другими какими-нибудь ве-
ществами, по силѣ взаимнаго средства». Вотъ какою фразою
слово средство усвоилось химіи.

Весьма понятно, что Бархузенъ подъ средствомъ разумѣлъ
совсѣмъ не то, что разумѣемъ мы нынѣ. Онъ хотѣлъ этимъ
словомъ выразить, что изъ обыкновенной воды потому трудно
выдѣлать чистую воду, составляющую элементъ, что оба онѣ
представляютъ между собою такое сходство, что реагенты дѣй-
ствуютъ на нихъ совершенно одинаковымъ образомъ.

Чтобы наконецъ приблизиться къ болѣе вѣрному понятію о
химическомъ средствѣ, перейдемъ къ сочиненію Бозргавъ *Elementa
chimiae* (1733), гдѣ, въ урокъ о растворяющихъ веществахъ, дано
довольно опредѣлительное значеніе этой силѣ. Бозргавъ, нужно
замѣтить, не увлекался воображеніемъ, но болѣею частью осно-
вывался на опытахъ, и вотъ что въ этомъ урокъ говоритъ онъ:

«Нальемъ въ стаканъ немного *селитренаго духа* (т. е. азот-
ной кислоты); онъ остается въ покоѣ. Но лишь только бро-
симъ въ стаканъ небольшой кусочекъ желѣза, происходятъ за-
мѣчательные феномены: жидкость начинаетъ кипѣть и поды-
маться, отдѣляется особенный воздухъ, и все это сопровож-
дается шумомъ, острымъ дымомъ и возвышеніемъ температу-
ры. Но до которыхъ поръ продолжаютъ эти феномены? Дѣ-
тѣхъ только, когда наконецъ желѣзо исчезаетъ и селитряный
духъ соединяется со всѣми частями металла. Потомъ, все сво-
ва успокоивается. Вотъ что тутъ нужно замѣтить. Растворяю-
щее вещество дѣйствуетъ, разъединяя частицы твердаго тѣла;
но лишь только оно приведетъ его въ это состояніе, то удер-
живается частицы въ растворѣ. Чему же, какъ не *средству*, дол-
жно приписать это дѣйствіе, это соединеніе растворяющаго и
растворяемаго тѣла въ одну однородную массу?»

Желая объяснить болѣе понятнымъ образомъ стремленіе же-

двѣ соединити съ азотною кислотою, Боэргавъ прибавляетъ, что между этими двумя тѣлами существуетъ любовь, которую они хотятъ осуществить на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, слѣдъ сравниваетъ ихъ соединеніе съ супружествомъ, которое празднуется съ шумомъ и самыми переменчивыми образомъ. Такимъ образомъ, Боэргавъ, опредѣляя существо химическаго средства, обращаетъ также вниманіе и на тѣ явленія, которые происходятъ при соединеніи тѣлъ между собою т. е. на соединеніе жара, шипѣніе и т. д.

При жизни Боэргавъ, появилось другое сочиненіе, занимавшее этияже самыя предметы. Это сочиненіе есть *Таблицы химическаго средства* Жоэруа. Не смотря на нѣкоторые любопытные факты и наконецъ даже на вѣрность въ нихъ мнѣніяхъ, эти таблицы принесли чрезвычайно много вреда для науки. Авторъ ихъ, не обративъ вниманія на частныя случаи разложеній, даже не отдѣливъ разложеніе сухимъ путемъ отъ мокраго, хотѣлъ между-тѣмъ быть точнымъ руководителемъ при анализѣхъ. Этими самыми, онъ ввелъ въ огромныя ошибки тѣхъ, кто руководствовался его таблицами. По предположенію его, углекислый амміакъ долженъ былъ разлагаться постоянно сѣрнокислою известью. Это дѣйствительно и происходитъ такъ, когда дѣйствуютъ растворами; но лишь только прибѣгнуть къ разложенію сухимъ путемъ, — подобная реакція не имѣетъ мѣста, потому что углекислый амміакъ, какъ летучее вещество, тотчасъ отдѣлится. Точно также многія вещества, не смотря на малое средство съ какими-нибудь тѣлами, соединяются съ ними и квантитивно сильнѣйшее, если только они обладаютъ большою растворимостью, большою огнепостоянностью или вообще дружными благоприятными при этой реакціи свойствами. Такъ напримеръ, борная кислота, ослабѣвшая сѣрной, вытѣсняетъ ее изъ соединеній, при значительномъ накалываніи, потому что она несравненно огнепостояннѣе.

Между-тѣмъ, таблицы Жоэруа произвели всеобщій восторгъ. Но мнѣнію тогдашнихъ химиковъ, это былъ ключъ къ рѣшенію всѣхъ задачъ въ наукѣ, всѣхъ сомнительныхъ вопросовъ.

Вскорѣ, появилось множество другихъ таблицъ, впрочемъ мало чѣмъ отличающихся отъ первыхъ. Изъ нихъ, Гросса вышло въ свѣтъ 1730 г., Геллера въ 1750 г., Рюдигера въ 1756 г., Либурга въ 1758 г. и т. д.

Вопросъ о средствахъ занималъ всѣхъ. Химики подраздѣлили

его на агрегационное средство, то что наше сѣвѣленіе, и *составное*, это есть собственно поднимаемое нами средство.

Внѣслѣдствіи, химики, замѣтивъ невѣрность таблицъ Жофруа и измѣненія степеней средства частными обстоятельствами, придали этимъ измѣненіямъ дѣйствія особенныхъ силъ и соотвѣтствующія названія. Такимъ образомъ, исключенія изъ общаго правила, зависящія отъ различной растворимости, летучести, огнестойкости и другихъ свойствъ тѣлъ, образовали собою нѣчто цѣлое. Химическое средство раздѣлилось на множество силъ, получившихъ самыя странныя имена; появились *растворяющееся средство, средства разложенія и осажденія, сложное средство, взаимное, предрасполагающее* и т. д. Химики приведены были въ замѣшательство. Допуская многіе роды средства, они путались въ подробностяхъ; приводя же ихъ къ дѣйствию одной силы, они оставались въ недоумѣніи, потому-что имъ не доставало фактовъ, которые могли бы объяснить сущность химическаго средства.

Ньютона допускалъ дѣйствія притяженія и въ химіи. О кислотахъ онъ сказалъ: это тѣла, которыя сильно притягиваютъ къ себѣ и сами притягиваются. Также въ его сочиненіяхъ въ одномъ мѣстѣ сказано: «Во всякомъ растворѣ, частицы растворимаго тѣла имѣютъ болѣе притяженія къ частицамъ растворяющаго, чѣмъ другъ къ другу.» Изъ этихъ словъ Ньютона видно, что онъ всѣ химическіе феномены объяснялъ дѣйствіями силъ. Но тутъ онъ остановился, слѣдующіе же за нимъ ученые пошли дальше и положительно объявили, что химическое средство происходитъ или, лучше сказать, есть часть всеобщаго притяженія. Бюффонъ, утверждая то же самое, принималъ, что если притяженіе между небесными тѣлами не зависитъ отъ формы ихъ, по причинѣ огромнаго разстоянія, то въ химическихъ явленіяхъ, на оборотъ, такъ какъ это разстояніе совершенно ничтожно, форма имѣетъ особенное вліяніе на силу химическаго средства.

Вотъ какимъ образомъ выражается знаменитый натуралистъ въ своей *Второй взглядъ на природу*:

«Фигура небесныхъ тѣлъ не оказываетъ никакого дѣйствія на законы притяженія, потому-что разстояніе весьма велико; но форма дѣлаетъ все или почти все, если разстояніе чрезвычайно мало, или равно нулю. Уму человеческому предстоитъ совершить еще путь огромной. Мы не знаемъ фигуры частей, со-

ставляющихъ тѣла; но наши потомки, при помощи вычислений, откроютъ обширное поле неразработанныхъ свѣдѣній. Когда они найдутъ законъ частичныхъ притяженій, при посредствѣ многочисленныхъ опытовъ, то имъ будетъ уже легко опредѣлять форму составныхъ частей.»

Бергманъ, принимавшій за начало химическихъ дѣйствій силу всеобщаго притяженія, приписываетъ не только формѣ частицъ, но и ихъ положенію, существенную роль во всѣхъ реакціяхъ.

Къ этому, Макеръ прибавляетъ объемъ и плотность,—дополненію, какъ кажется, совершенно излишнее. Но какъ бы то ни было, подвинуто ли было понятіе о силѣ химическаго средства этими изысканіями?... Почти нисколько, кромѣ того, что была отыскана новая сила, производящая замѣчательныя явленія, да дано ей названіе.

Бергманъ, подражавшій, какъ мы уже сказали, Ньютону, впалъ въ огромную ошибку, принесшую чрезвычайно много вреда, но которая впрочемъ была поправлена Бертолетомъ: вотъ одна изъ важныхъ заслугъ этого ученаго! Бергманъ считалъ средства постоянными, рѣдко допуская исключенія изъ этого правила. И его таблицы химическаго средства были основаны на томъ же законѣ. Посмотрите, что же вышло. Для сѣрной кислоты поставлено сильнѣйшимъ основаніемъ баритъ и однимъ изъ слабѣйшихъ окисъ серебра. Это и справедливо. Но по закону постоянности средствъ и для соляной кислоты баритъ и окисъ серебра расположены въ томъ же порядкѣ....

Мысль, что поваренная соль (хлористый натрій) разлагается баритомъ, вышедшая изъ того же источника, имѣла слѣдующій результатъ:

Во время первой французской революціи, такъ какъ привозъ соды изъ чужихъ странъ былъ затруднителенъ, рѣшили найти ее внутри самой Франціи. Напали на идею, повѣренную таблицами химическаго средства, разложить поваренную соль баритомъ. Эта идея, найденная весьма основательною, а главное легко проводимою къ исполненію, тотчасъ же пущена была въ дѣло. Устроились особенные заводы, для приготовленія барита и уже было изготовлено нѣсколько quintalовъ этой щелочи.... Казалось, прозектъ долженъ быть удачно доведенъ до конца.... Но въ чемъ же встрѣчалось затрудненіе?... Бездѣлица! Не смотря на таблицы, баритъ никакимъ образомъ не разлагалъ поваренной соли.....

Бертолету было предоставлено исправить ошибки Бергманна. И действительно, французскій химикъ на первомъ же шагу далъ противное направленіе извѣстію о химическомъ средствѣ. Плотныя сродства, по его мнѣнію, подтвержденному множествомъ опытовъ, весьма рѣдки и не могутъ иногда быть предвидимы; измѣняющіяся же сродства представляются каждую минуту. Тѣла дѣйствуютъ въ такомъ только случаѣ другъ на друга (продолжаемъ извлеченіе существенныхъ правилъ Бертолета о химическомъ средствѣ) когда они приведены въ соприкосновеніе.

Если къ раствору азотнокислаго кали прибавить сѣрной кислоты, то по-видимому въ жидкости не произойдетъ ничего особеннаго, а все останется по-прежнему. Совсѣмъ глѣть! отчасти Бертолетъ, лишь только тѣла приведено въ соприкосновеніе, они начали дѣйствовать другъ на друга и въ жидкости находится не два тѣла, а цѣлыхъ четыре, именно: азотная кислота, сѣрная, азотнокислое кали и сѣрнокислое кали.

Двѣ кислоты раздѣлились между собою основаніе, въ отношеніи свѣжъ количества; избытокъ же ихъ остался въ растворѣ. Но лишь только на жидкость начнетъ дѣйствовать новая сила, которая нарушитъ равновѣсіе, реакція возобновится съ прежнимъ упорствомъ. Положимъ, посредствомъ нагреванія, часть азотной кислоты отдѣлилась. Свободная сѣрная кислота, значить, въ растворѣ остается въ большемъ количествѣ противъ свободной азотной. Тогда же она начнетъ дѣйствовать на азотнокислое кали и превращать его въ сѣрнокислое. Дѣйствіе это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока равновѣсіе снова восстановится, т. е. когда количество отдѣлившейся азотной кислоты отъ азотнокислаго кали будетъ равно количеству сѣрной, находящейся въ свободномъ состояніи въ жидкости. Если теперь опять чрезъ нагреваніе отдѣлитъ извѣстную часть азотной кислоты, тотъ же самый процессъ повторится. И такимъ образомъ, мало-по-малу, все азотнокислое кали превратится въ сѣрнокислое, и въ жидкости останутся два тѣла: соль и сѣрная кислота. Если двѣ соли могутъ разлагаться взаимно, не тотчасъ произойдетъ это разложеніе, но сперва въ растворѣ образуются четыре переходныя соли, которыя тогда только превратятся въ двѣ, когда равновѣсіе нарушится какимъ-нибудь постороннимъ обстоятельствомъ.

Впрочемъ, эти мнѣнія въ нѣмаломъ случаѣкъ не могутъ быть допущены вполнѣ.

Даже скорѣе можно сказать, что раздѣленіе одного основанія нѣсколькими кислотами, или, на оборотъ, одной кислоты нѣсколькими основаніями, происходитъ при такомъ только обстоятельствѣ, когда кислоты или основанія почти одинаковой силы. Но если дѣйствуютъ двѣ кислоты, неравномѣрныя своею силою, то всегда сильная прямо беретъ для себя все количество основанія, выгоняя слабѣйшую. И при взаимномъ разложеніи солей происходитъ то же самое: сильная кислота выбираетъ для себя сильное основаніе, а слабыя кислоты соотвѣтственнымъ имъ основаніемъ. Что наконецъ раздѣлъ, придуманный Бертолетомъ, во всегда осуществляется, доказывается слѣдующимъ опытомъ. Если къ раствору сѣрническаго натра прибавить борной кислоты, то, слѣдуя Бертолету, должно произойти разложеніе и въ растворѣ образоваться четыре тѣла: свободная борная и свободная сѣрная кислоты, борнокислый и сѣрникоислый натръ. Избытокъ сѣрной кислоты дѣйствуя на лакмусовую бумажку, погруженную въ жидкость такимъ образомъ, долженъ былъ бы измѣнить ея виннокрасный цвѣтъ, полученный отъ борной кислоты, въ луковокрасный. Между-тѣмъ, этого тутъ не происходитъ.

Ночее равно, покуда опытъ намъ не скажетъ ничего положительнаго, принимаемъ ли мы извѣстія Бертолета на счетъ этого раздѣла или нѣтъ, мы должны признаться, что изысканія его о измѣняемости сродства летучестью, различною растворимостію и т. д., какъ нельзя болѣе огласуются съ истиной.

Пройдемъ молчаніемъ о другихъ сочиненіяхъ Бертолета по части теоретической химіи, потому-что они не такъ важны, но повторимъ еще, что слава его существенно заключается въ искусномъ примѣненіи химическихъ процессовъ къ нѣкоторымъ техническимъ производствомъ. Въ этомъ духѣ, написаны его сочиненія *о теоріи желѣза* (1786), *о теоріи стали* (1795), *о способѣ бѣленія хлопкомъ*. Остановимся на послѣднемъ. Прежде, употребляли весьма несовершенные способы бѣленія, которое состояло въ простомъ промываніи тканей въ водѣ. Потомъ, ткани кипятили въ водѣ, въ которой были разварены нѣкоторыя растенія, обладающія мыльными свойствами, и, наконецъ, дошли до того, что открыли настоящее мыло, открыли способъ готовить щелокъ, и такимъ образомъ процессы бѣленія начали производиться уже гораздо совершеннѣе, хотя все-таки требовали много времени. Растиланіе на лугу, окисленныя жидкости и нѣкоторыя другія усовершенствованія соединили бѣленіе далеко впередъ.... Прими-

неніе хлора къ бѣленію окончательно возвелъ это искусство на высокую степень совершенства. Изъ младенческаго состоянія оно перешло теперь въ полную степень развитія. Вотъ какую выгоду представляетъ бѣленіе хлоромъ предъ простымъ луговымъ бѣленіемъ:

1. Бѣлится большее число кусковъ и въ скорѣйшее время.
2. Бѣленіе хлоромъ не задерживается ни какою погодою и производится во всякое время года.
3. Требуется меньшее помѣщеніе, потому что ткани не раскладываются на лугахъ; если это и производится иногда, по мѣрѣ надобности, то на весьма короткое время.
4. Хлоръ дѣйствуетъ не такъ разрушительно на ткани, какъ повторенное дѣйствіе щелочей, воздуха и влажности.

Бертолетъ заслуживаетъ благодарность потомства за это удачное примѣненіе хлора къ бѣленію. Наконецъ сочиненіе его: *Объ основаніяхъ красильнаго искусства* увеличиваетъ цѣлое зданіе. Въ немъ онъ устанавливаетъ опредѣленные правила крашенія и показываетъ необходимость химіи въ большей части красильныхъ процессовъ.

Красильное искусство имѣетъ цѣлю, помощію извѣстныхъ средствъ, окрашивать различныя вещества въ требуемые цвѣта и краски. Эти вещества суть: шерсть, шелкъ, бумага, пенька, ленъ, дерево, камни, бумага и т. д.

Если красильные пигменты наносятся только на поверхность ткани, то это просто дѣло малярнаго искусства, или дѣло *кабиванія, печатанія*. Въ малярномъ искусствѣ, краски поверхности ткани распредѣляются кистью; въ дѣлѣ же набиванія формами.

Но собственно красильное искусство основано на химическомъ соединеніи выкрашиваемаго вещества съ пигментомъ, при чемъ пигментъ совершенно проникаетъ выкрашиваемое вещество.

Чтобы произвестн это химическое соединеніе, или иначе чтобы окрасить ткань, должно, чтобъ красильное вещество находилось въ жидкомъ состояніи. Его приводить въ это состояніе, растворяя въ водѣ или въ другой соответственной жидкости. Подобные растворы называются *красильными банями* или *сарами*.

Въ нихъ-то погружаются ткани, или вообще вещества, предназначенныя къ окрашиванію. Но чтобъ краски утвердились на

ткани, необходимо, чтобы эти ткани были совершенно чисты и лишены посторонних веществъ, которыя, располагаясь на ихъ поверхности, окрашиваютъ, или, лучше сказать, загрязняютъ ихъ. Поэтому, предъ крашеніемъ производится предварительная операція, называемая *бѣленіемъ*.

Бѣленіе, какъ уже самое слово показываетъ, есть искусство придавать бѣлый цвѣтъ тканямъ, или вообще тѣмъ веществамъ, тѣмъ матеріаламъ, изъ которыхъ онѣ дѣлаются.

Способы бѣленія бываютъ различны, судя по роду взятаго вещества. Такъ напримѣръ, льняныя и бумажныя ткани бѣлятся иначе, чѣмъ шерстяныя и шелковыя.

Бѣленіе льняныхъ тканей бываетъ двухъ родовъ: простое, луговое (воздухомъ) и искусственное, химическое (хлоромъ). Последнее представляетъ гораздо больше выгоды, потому-что требуетъ несравненно менѣе времени, не зависитъ отъ погоды и наконецъ ограничивается меньшимъ помещеніемъ. Поэтому, бѣленіе хлоромъ почти повсюду вытѣснило луговое, по крайней мѣрѣ тамъ гдѣ проникло образованіе, или гдѣ для бѣленія устроены заведенія въ огромныхъ размѣрахъ. У насъ, въ Россіи, полотна бѣлятся самими производителями, т. е. крестьянами, и потому бѣленіе хлоромъ не введено во всеобщее употребленіе. И самое луговое бѣленіе производится весьма не совершенными средствами.....

Предварительно ткань *мочится*. Это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы удалить шпикту и другія случайныя нечистоты. Моченіе заключается въ томъ, что ткань кладется на нѣсколько дней въ нагрѣтую воду до 20° Р. и потомъ хорошенько выполаскивается. За *моченіемъ* слѣдуетъ такъ называемое *бученіе*.

Ткань кладутъ въ чанъ, сверху покрытый толстымъ холстомъ. На холстъ насыпается зола. Потомъ, поливаютъ золу теплою водою, которая проникаетъ сквозь холстъ и растворенной въ себѣ щелочью начинаетъ дѣйствовать на ткань.

Полотно оставляется въ такомъ положеніи на 12 часовъ для того, чтобы дать время щелоку растворить въ себѣ красящія вещества и отдѣлать отъ ткани всѣ нечистоты.... Щелокъ потомъ выпускаютъ, а ткань сушатъ нѣкоторое время на воздухѣ. Эту операцію повторяютъ нѣсколько разъ, и наконецъ приступаютъ къ настоящему бученію, отличающемуся отъ *предварительнаго* тѣмъ только, что щелокъ дѣлается гораздо крѣпче. И именно, на 3 части щелочной соли берется 1,000 ча-

стей воды, между тѣмъ какъ прежде на такое же количество воды употреблялось въ двое менше щелочной соли т. е. поташа. И наконецъ щелокъ нагревается сперва до 30° и потомъ до 70°, между тѣмъ какъ въ предварительномъ бученіи послѣдняя температура его никогда не восходитъ болѣе 50°.

Вторичное бученіе повторяется отъ 8 до 10 разъ. Окончательно полотно выколачивается, выжимается или выколачивается и сушится на солнцѣ. Для тонкихъ полотень, бѣленіе этимъ же оканчивается. Въмѣсто послѣдняго высушиванія, мокрую еще ткань кладутъ въ слабый растворъ сѣрной кислоты и, послѣ промывки чистою водою, разстилаютъ на дугу, гдѣ она подвергается влиянію росы и дождя, которые содѣйствуютъ бѣленію. Роса и дождь содержатъ въ себѣ воздухъ, богатый кислородомъ, который окисляетъ жирныя и красильныя вещества тканей, такимъ образомъ, превративъ ихъ въ кислоты, дѣлаетъ способными растворяться въ щелокъ. Обыкновенный атмосферный воздухъ вѣроятно дѣйствуетъ такимъ же образомъ...

Окончательно, ткань смачивается въ слабымъ щелокѣ (1 фунтъ поташа на 400 мѣръ воды) и, послѣ повторенныхъ нѣсколько разъ подобныхъ операций, выколачивается и сушится въ особенной сушильнѣ. Вообще весь процессъ такого бѣленія требуетъ не менше 10 или 12 недѣль.

Мы сказали, что крестьяне бѣлятъ полотно весьма несовершеннымъ способомъ. Дѣйствительно, вмѣсто просторныхъ чановъ для бученія, они берутъ небольшіе горшки или корчаги, въ которые входитъ только до 25 или 30 аршинъ. Слѣдовательно, полотно, сотканное обыкновенно въ 60 или 70 аршинъ, приходится разрѣзывать на двѣ и даже три части. При томъ, эти горшки ставятся въ обыкновенную печь, гдѣ нельзя соразмѣрить температуру надлежащимъ образомъ. Понятно, чтобъ достигъ достаточной бѣлизны тканью, при такихъ способахъ, необходимо долгое время. Но крестьяне дѣлаютъ все терпѣливо, и потому полотно ихъ не отличаются никогда корошею добротою. Разумѣется, здѣсь мы не беремъ исключеній и также не причисляемъ сюда иногда довольно хорошаго заведенія у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, для выдѣлки льняныхъ тканей, гдѣ онѣ болшую частію бѣлятся прекрасно, не смотря на то, что употребляется простое луговое бѣленіе.

Бѣленіе хлоромъ производится слѣдующимъ образомъ:

Ткань сперва также моется, потомъ подвергается дѣйствию

щелока или бучится и растягивается на лугу на известное время. Далѣе ее кладутъ на 12 или 24 часа въ индичную хлорную известь, которая получается, если пропускать чрезъ гашеную известь хлоръ.

Какъ можно лучше вымочоскавъ ткань, ее погружаютъ въ слабый растворъ сѣрной кислоты. Потомъ послѣ вторичного вымочиванія, ткань снова бучится и растягивается два дня на воздухѣ, при чемъ ее поливаютъ изъ лейки водою. Эта операція повторяется до тѣхъ поръ, пока полотно будетъ совершенно бѣло.

Обработанныя такимъ образомъ, льняныя ткани, а особенно грубый холстъ тераютъ до 20 и даже болѣе процентовъ по вѣсу.

Бумажныя ткани, которыя до бѣленія подвергаются такъ называемому *опаливанію* для того, чтобъ уничтожить пушистыя волокна, бѣлятся почти такимъ же образомъ, какъ и льняныя. Существенное различіе заключается въ томъ только, что для льняныхъ тканей требуется большее число повтореній однихъ и тѣхъ же операцій. Для примѣра приводимъ, какъ производится способъ бѣленія миткаля и обыкновеннаго бумажнаго кипера.

Но прежде замѣтимъ, что послѣ каждой операціи должно промывать ткани и высушивать на воздухѣ. Промываніе производится или человѣческими руками, или посредствомъ нарочно устроенныхъ промывальныхъ машинъ.

Бѣленіе миткаля и бумажнаго кипера.

1-я операція: Моченіе въ горячей водѣ, въ продолженіе въ-сѣмь-мѣсячъ часовъ.

2-я операція: Выколачиваніе и промываніе посредствомъ машинъ.

3-я операція: Кипяченіе въ известковомъ молокѣ въ продолженіе 12 часовъ.

4-я операція: Бученіе, около 14 или 18 часовъ ($1^{\circ}\frac{1}{2}$).

5-я — Вторичное бученіе.

6-я — Погруженіе въ слабый растворъ сѣрной кислоты на 20 минутъ ($1^{\circ}\frac{1}{2}$).

7-я операція: Погруженіе въ хлорную известь на 3 часа (2°).

8-я — Вторичное выколачиваніе въ окисленной банѣ, въ продолженіе 3 часовъ (4°).

- 9-я операція: Третье выщелачиваніе.
 10-я — Хлорная баня.
 11-я — Омысленная баня.
 12-я — Накрахмаливаніе.
 13-я — Просушваніе и каландрованіе *.

Накрахмаливаніе производится двумя способами, или погружая ткань въ крахмальный растворъ и потомъ выжимая излишнее количество крахмала между двумя гладкими брусками, или посредствомъ особенныхъ машинъ, при чемъ производство идетъ скорѣе и успѣшнѣе.

Для просушки, матерія пропускается черезъ цѣлый рядъ пустыхъ стальныхъ цилиндровъ, нагрѣваемыхъ раскаленными плитками или водяными парами.

Каландрованіе употребляется съ тою цѣлю, чтобы придать ткани лоскъ. Оно заключается въ томъ, что матерію пропускаютъ между деревяннымъ и металлическимъ валомъ, изъ которыхъ послѣдній пустъ и нагрѣвается вкладываемою въ него плиткою.

Для легинихъ тканей, какъ напримѣръ муселиновъ, не нужно кипяченія въ известковомъ молокѣ. Щелокъ готовится изъ углекислаго натра (сода) и наконецъ часто, вмѣсто бученія, употребляютъ только промывку въ мыльной водѣ.

Впрочемъ, каждая фабрика ситцевъ имѣетъ свой собственный способъ бѣленія.

Въ Англіи, тому 9 лѣтъ назадъ, начали бѣлить по американскому способу Фримена и Райта.

Американскій способъ введенъ также и на многихъ французскихъ фабрикахъ. Годри, въ Руанѣ, особенно усовершенствовалъ его. Если гдѣ горючій матеріалъ дешевъ, то этотъ способъ весьма выгоденъ; иначе онъ не приноситъ особенной пользы. Вѣроятно, это обстоятельство и было причиною, что онъ не усвоенъ повсемѣстно.

При бѣленія шерсти и вообще шерстяныхъ издѣлій, агентами бѣленія принимаются не хлоръ и щелочи, потому что эти вещества вреднымъ образомъ измѣняютъ шерсть и растворяютъ ее, но сѣрнистая кислота. Кстати упомянемъ о по-

* Если бумажныя ткани назначаются для окрашиванія, то онѣ не крахмалуются и не мылятся.

выхъ способовъ узнавать поддѣль бумаги въ шерстяныхъ тканяхъ, которая часто употребляется для личныхъ выгодъ продавцевъ, ко вреду публики. Прежде узнавали этотъ обманъ довольно несовершеннымъ образомъ, а именно подносили концы ткани къ пламени свѣчи. Шерстяныя нити при этомъ начинаютъ медленно и съ трудностью горѣть, тотчасъ потухая, лишь только онѣ отнимаются отъ свѣчки, и производя притомъ непріятный сирадный запахъ сожигаемаго рога. Между-тѣмъ, бумажныя нити горятъ быстро, испуская запахъ воспламененной бумаги. Нынь придумали болѣе вѣрные способы, основанные на свойствахъ шерсти растворяться въ щелочахъ, на свойствахъ, которыми не обладаютъ какъ бумага, такъ ленъ и пенька. Вотъ какимъ образомъ поступаютъ при испытаніи. Кусокъ испытываемой матеріи кипятятъ въ продолженіе двухъ часовъ въ растворѣ какой-нибудь щелочи. Если шерстяная ткань была чиста, она совершенно растворится и образуетъ мыло, которое соберется на поверхности. Это мыло проходитъ сквозь тонкое сито, при процеживаніи кипящаго раствора. Но если матерія содержала въ себѣ бумагу, то она не растворится совершенно. При процеживаніи, на ситѣ осадеть бумага въ видѣ волокнистой массы. Высушивъ этотъ осадокъ и сѣсьмъ его, можно опредѣлить содержаніе бумаги въ шерстяной ткани. Для этого, нужно только узнать предварительно вѣсъ взятаго куска испытываемой матеріи. Другой способъ, предложенный въ 1843 году г. Лассенемъ, заключается въ слѣдующемъ. Кусокъ испытываемой матеріи мочатъ въ обыкновенной азотной кислотѣ и выставляютъ на 7 или 8 минутъ на солнце, если это дѣлается лѣтомъ, или по крайней мѣрѣ ткань нѣсколько нагрѣваютъ въ печи, если испытаніе производится въ зимнюю пору. Вскорѣ, матерія (въ томъ случаѣ, если она содержала бумагу) принимаетъ два цвѣта: желтый и бѣлый. Шерстяныя нити окрашиваются въ желтый цвѣтъ, между-тѣмъ какъ бумажныя сохраняютъ свой бѣлый. Такимъ образомъ простымъ глазомъ, или съ помощью микроскопа, можно сосчитать приблизительно, сколько нитей въ пробномъ кускѣ матеріи шерстяныхъ или бумажныхъ.

Если ткань окрашена, усиливаютъ дѣйствіе азотной кислоты, которая разлагаетъ красильное вещество.

Послѣ этого краткаго отступленія, возвратимся къ нашему предмету.

Шерстяныя ткани иногда бѣлятся въ разведенной водѣ сѣрной желтой, но чаще окуриваются сѣрою. Во вторыхъ случаяхъ, бѣленіе производится слѣдующими образомъ:

Устраиваютъ особенную камеру, которая можетъ сообщаться съ наружнымъ воздухомъ только посредствомъ двери и дѣлать отверстій, расположенныхъ на противоположныхъ концахъ. Внутри этой камеры протянуты жерди, вышнюю на 3: метра отъ пола. На нихъ, развѣшиваются ткани, смоченныя водою. Потомъ, въ камеру ставятъ глиняный сосудъ съ сѣрою, которая зажигается. Отверстія тщательно замазываются. Сѣра, на счетъ кислорода воздуха, заключающагося въ камерѣ, превращается въ сѣрную кислоту. Эта послѣдняя, соединяясь съ водою, которою были смочены ткани, дѣйствуетъ на красильное вещество и разрушаетъ его. Черезъ 24 часа, отворяютъ окна и дверь; наружный воздухъ вторгается въ камеру, изгоняетъ избытокъ сѣрной кислоты и высушиваетъ ткань. Если же операція была производима зимою, то вскорѣ запираютъ окна, а сушеніе совершается посредствомъ особенныхъ жаровень. Обыкновенно послѣ этого окуриванія, ткань вымываютъ въ мыльной водѣ, чтобы предать ей болѣе мягкости. Такъ какъ шелкъ окрашивается болѣею частію въ видѣ сырца и рѣдко въ видѣ ткани, то и самое бѣленіе основано на подобныхъ же условіяхъ.

Предварительно, шелкъ обезкамедивается т. е. лишается бѣловины, жирныхъ и студенистыхъ веществъ. Эта операція заключается въ томъ, что шелкъ, положенный въ холщевые мѣшки, варится въ мѣдныхъ котлахъ съ распушеннымъ въ водѣ марсельскимъ мыломъ. Вареніе продолжается до тѣхъ поръ, пока шелкъ лишится постороннихъ веществъ и приобрететъ бѣлый цвѣтъ. Если шелкъ не требуетъ совершенной бѣлизны, то берутъ количество мыла не болѣе 20 процентовъ... Но если шелкъ назначается къ окраскѣ въ синий, пунцовый и другіе темные цвѣта, гдѣ требуется совершенной бѣлизны, потому что иначе окрашеніе не вполне достигнетъ свой цѣль (чѣмъ шелкъ бѣже, тѣмъ цвѣта выйдутъ лучше), то въ такомъ случаѣ увеличиваютъ количество мыла до 30 частей на 100 шелка. Наконецъ шелкъ для настоящаго бѣленія, какъ это дѣлается въ Мюнхѣ, окуриваютъ сѣрою. Операція производится такимъ же образомъ, какъ мы уже сказали выше, при бѣленіи шерсти. Шелкъ, назначенный для обивочныхъ матерій, не окуривается сѣрою, потому что въ этомъ случаѣ каландрованіе идетъ неуспѣшно.

Ту же самую предосторожность должно имѣть и для шелка, предназначеннаго на вязаніе, иначе онъ будетъ разбѣдъ желѣзные и стальные инструменты, употребляемые для этой цѣли.

Осѣрвленный шелкъ худо красится, но это неудобство легко исправляется, если только смочить его нѣсколько разъ въ теплой водѣ.

Шелкъ, идущій на дѣланіе блондъ, газа и нѣкоторыхъ другихъ легкихъ матерій, не подвергается совершенному обезкамениванію, чтобы не потерять бѣлковины, которая придаетъ ему крѣпость и эластичность.

Въ подобномъ случаѣ, берутъ шелкъ, сколько возможно бѣлый, погружаютъ въ горячую воду и потомъ подвергаютъ окисляющую струю. Эта операція повторяется нѣсколько разъ. Что жъ касается до желтаго шелка, то Боше советовалъ погружать его на 48 часовъ въ алкаголь, крѣпостью въ 36°, съ прибавленіемъ небольшого количества хлористоводородной кислоты. Шелкъ дѣлается бѣлымъ и получаетъ прекрасный лоскъ. Впрочемъ этотъ способъ не вездѣ введенъ въ употребленіе, потому что слишкомъ дорогъ. Гораздо дешевле тотъ способъ, гдѣ вмѣсто алкаголя употребляютъ азотную кислоту, которая въ соединеніи съ хлористоводородною, что составляетъ такъ называемую царскую водку (4 части хлористовод. на 1 часть азотной). Шелкъ погружаютъ въ царскую водку на известное время, послѣ чего онъ приобретаетъ требуемыя качества.

Въ Китаѣ, для бѣленія шелка, употребляютъ совершенно другіе способы. Слѣдуя г. Груббансу, жившему долгое время въ Кантонѣ, тамъ бѣлятъ шелкъ, погружая его въ баню, составленную изъ 25 частей ключевой воды, 6 частей пшеничной муки, 5 поваренной соли и 5 частей особеннаго рода бобовъ.

Разсказавъ вкратцѣ всѣ эти способы бѣленія, рассмотримъ съ химической точки зрѣнія, въ чемъ заключается дѣйствіе щелочныхъ солей, стриветой кислоты, воздуха и хлора. Щелочныя соли, употребляемыя для бѣленія, суть поташъ и сода. Первая изъ нихъ есть соединеніе кали съ углекислотою, вторая же натра съ тою же самою кислотою. Поташъ добывается изъ золы обыкновенныхъ растений, сода же изъ пепла морскихъ. Щелочныя соли растворяютъ жирныя и красильныя вещества ткани и такимъ образомъ измѣняютъ ихъ видъ. Этому свойству они обязаны единственно щелочамъ: кали и натру. Чтобы сдѣлать щелокъ болѣе ѣдкимъ, прибавляютъ немного извести, ко-

торая отнимаетъ углекислоту отъ поташа и соды и этимъ самымъ предоставляетъ щелочамъ полную силу, удерживаемую до того въ ограниченныхъ предѣлахъ нейтрализующимъ дѣйствіемъ кислоты. Бѣлильщики были долгое время въ заблужденіи и даже нѣкоторые еще до-сихъ-поръ остаются въ немъ, приписывая известн способность разрушать, сожигать ткань. Если щелокъ и дѣйствовалъ подобнымъ образомъ, то именно отъ того, что онъ былъ слишкомъ сгущенъ, что въ немъ щелочи (кали и натръ) были уже не агентами бѣленія, но разъѣдали ткань.

Чтобы остановить это энергическое дѣйствіе щелока, должно только разбавить его водою. И такъ щелочныя соли обязаны своими бѣлильными свойствами кали и натру, которые разрушаютъ жирныя вещества ткани, растворяя ихъ и образуя особеннаго рода соли (мыла), легко отмываемыя водою.

Неизвѣстно еще въ точности, какимъ образомъ дѣйствуетъ стрнистая кислота. Нѣкоторые полагаютъ, что она раскисляетъ красильныя вещества, другіе же (въ числѣ ихъ и Гротусъ), что она соединяется съ ними и образуетъ новые безпѣтныя составы. Словомъ, этотъ вопросъ еще не рѣшенъ окончательно.

Должно предполагать, что воздухъ дѣйствуетъ такимъ образомъ на красильныя вещества, что отнимаетъ у нихъ своимъ кислородомъ водородъ и превращаетъ ихъ въ составы кислые, легко растворимые въ щелочахъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что сѣтгъ, содержащій въ растворѣ много воздуха, весьма богатаго кислородомъ, совершаетъ подобное дѣйствіе.

Жирныя вещества, находящіяся на тканяхъ, равнымъ образомъ поглощаютъ кислородъ воздуха и превращаются въ жирныя кислоты, которыя весьма легко растворяются и образуютъ съ щелочами мыла.

Хлоръ, имѣющій большое сродство съ водородомъ, вѣроятно отнимаетъ его у красильныхъ веществъ ткани и черезъ то превращаетъ ихъ въ новые составы, которые или совершенно безцвѣтны, или по крайней мѣрѣ имѣютъ слабый желтоватый оттѣнокъ.

Мы нѣсколько разъ повторяли, что для бѣленія употребляется хлорная известь. Понятно, что тутъ представится вопросъ: отчего же не выгоднѣе употреблять прямо хлоръ, не переводя его въ состояніе хлорной извести?

Но вотъ почему хлорная известь предпочитается хлору: во-первыхъ, она издаетъ менѣе живой, менѣе душлимый запахъ:

во-вторыхъ, дѣйствіе ея медленнѣе, продолжительнѣе, послѣдовательнѣе, а главное оно можетъ быть увеличено до извѣстныхъ предѣловъ по мѣрѣ надобности, въ-третьихъ, примѣненія ея къ дѣлу несравненно проще, и наконецъ въ-четвертыхъ, хлорная известь лучше сохраняется и перевозится гораздо удобнѣе.

Хлорная известь не разлагается сама собою. Она издаетъ тогда только хлоръ, когда приводится въ соприкосновеніе съ воздухомъ, потому-что въ этомъ случаѣ углекислота, заключающаяся въ атмосферѣ, разлагается, соединяясь съ основаніемъ (известью). То же самое производятъ и кислоты, не содержащіяся въ атмосферѣ и взятія отдѣльно, именно для того только, чтобы разложить хлорную известь. Вотъ почему въ бѣленіи, послѣ бани хлорной извести, всегда слѣдуетъ баня серной кислоты, которая изгоняетъ хлоръ.

=

ШАТОБРИАНЪ, ЕГО ЗАМОГИЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ И ОТ- РЫВОКЪ ИЗЪ ЕГО ЗАВѢЩАНІЯ.

Въ предъидущей книгѣ *Сына Отечества* мы сообщили нашимъ читателямъ извѣстіе о смерти знаменитаго, французскаго писателя Шатобриана и краткій обзоръ его жизни. Сообщаемъ теперь болѣе подробныя о немъ свѣдѣнія, заимствованныя нами изъ сочиненія *Людвика Ломени*, на дняхъ здѣсь полученнаго изъ-за границы. Вотъ что говоритъ этотъ писатель о Шатобрианѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до февральской революціи, небольшое общество короткихъ пріятелей, всегда однихъ и тѣхъ же, являлось каждое утро у г. Шатобриана. Когда всѣ члены этого общества соберутся, дверь запиралась, и мы, въ глубокомъ молчаніи, слушали чтеніе записокъ, появленіе которыхъ въ свѣтъ будетъ печальнымъ вѣстникомъ для Франціи. Этотъ загробный памятникъ покажетъ, что Франція лишилась благороднаго и независимаго генія, который около половины столѣтія составлялъ ея славу, и что человѣчество потеряло въ немъ послѣдняго быть можетъ самаго великаго изъ четырехъ исполнителей, которые дали свое имя и отпечатокъ литературѣ новѣйшихъ временъ; мы разумѣемъ Бейрона, Гёте, Вальтеръ-Скота, Шатобриана.

Изображеніе смерти, являющееся на заглавномъ листкѣ книги, первую страницу которой занимаетъ завѣщательное предисловіе съ слѣдующимъ эпиграфомъ, взятымъ изъ *Іова*: *Sicut nubes.... quasi naves.... velut umbra*; гармоническій и важный

гелость, который казался выходящимъ изъ гроба; чудныя прѣсныя юности и любви, иногда прерываемыя грустными заушанц, какъ напримѣръ: «читатель, котораго я никогда не узнаю, помни, что пылкая молодость моя прошла совершенно; что отъ меня теперь осталось только то, что могло перейти къ живому Богу, который будетъ судить меня»; пространная исторія великаго человѣка и эпохи, богатой событіями, которая раскрывается передъ нами и проходитъ быстро, мгновенно, какъ слово читателя; и наконецъ впечатлѣніе, произведенное этою мыслию: ютъ человѣкъ, увѣнчанный славой, который въ рождѣній разъ вызываетъ событія всей своей жизни: все это придавало нашимъ собраніямъ характеръ грустной, трогательной торжественности.

Послѣ восьмидесятилѣтней дѣятельной жизни, могучая организація автора «Рене» еще сильно боролась съ усиліями времени, этого великаго разрушителя. Подавленная снаружи жизнь его, казалось, сосредоточилась, такъ сказать, въ головѣ и въ сердцѣ. Чтобы возбудить чувство въ этомъ благородномъ сердцѣ и заставить его биться какъ двадцатилѣтнее, достаточно было нѣсколькихъ словъ, одушевленныхъ благородною или трогательною мыслию, нѣсколькихъ прекрасныхъ стиховъ Корнеля или Расина, связанныхъ съ чувствомъ, или еще того болѣе, воспоминанія о прошедшемъ—чтенія Записокъ. Ничего нѣтъ поразительнѣе, какъ видъ этой впечатлительности, этого увлеченія юности въ старикѣ.

Уединенное жилище знаменитаго писателя находилось въ улицѣ Бана, въ нижнемъ этажѣ. Пройдя довольно обширную гостиную, вы входите въ простую и скромную комнату, какъ нельзя,—это его спальня. Въ глубинѣ комнаты, надъво отъ входа, стоитъ желѣзная кровать съ бѣлыми занавѣсками; между занавѣсь виситъ на стѣнѣ расчатіе; прямо противъ кровати два окна, выходящія въ небольшую, тихій и уединенный садъ; противъ камина одна изъ лучшихъ картинъ Рафаэля, Святое Семейство Франциска I, копія Мильярама: это главное или, лучше сказать, единственное украшеніе комнаты; на каминѣ двѣ статуетки, представляющія одна Флиц-Амеиса, другая Велоду, вѣсколько книгъ и наконецъ, между сивной кровати и стѣной, деревянный венрашенный сундукъ съ испорченными замкомъ, который не заперся.

Въ этомъ сундукѣ заключалось единственное сокровище человѣка, который былъ министромъ и посланникомъ, который сво-

нимъ перомъ поставлялъ и уничтожалъ министровъ, возстановлялъ и потрясалъ троны; человекъ, который открылъ новое литературное поприще и оставилъ благородный примѣръ генія, способнаго ко всѣмъ родамъ занятій, исключая тѣхъ, которые и мѣютъ предметомъ богатство. «Жизнь моя,» говоритъ авторъ Замогильныхъ Записокъ, «въ ряду людей, которыхъ называютъ счастливыми, была бы лишена того, что составляетъ ея главный характеръ и достоинство: борьбы, бѣдности, независимости.» Въ этомъ сундукѣ съ испорченными замкомъ хранилось не золото, но бумаги, которыя, можно сказать, стоили золота; эти бумаги, въ зеленыхъ картонахъ, были Записки, то есть сочиненіе въ десять или двѣнадцать томовъ, въ которомъ авторъ «Рене», казалось, хотѣлъ соединить всю прелесть, все разнообразіе, все могущество своего генія.

Когда мы присутствовали на чтеніяхъ въ улицѣ Бака, іюльская монархія, казалось, стояла на твердомъ основаніи. Самые рѣшительные ея враги, считая побѣду невозможною, откладывали борьбу. Одинъ только Шатобріанъ въ своемъ уединеніи предсказывалъ паденіе Людовика Филиппа и осуждалъ его на это паденіе.

Когда мы пришли возвѣстить Шатобріану, что Франція сдѣлалась республикой, онъ принялъ насъ съ улыбкой, которая означала: Я говорилъ вамъ; я прежде смерти долженъ былъ увидѣть это.

И такъ Шатобріану суждено было коснуться двухъ противоположныхъ пунктовъ нашей современной исторіи. Онъ родился въ концѣ стараго вѣка, умеръ при вступленіи въ новый; всѣ перевороты этого бурнаго, безпокойнаго общества имѣли отголосокъ въ его жизни и отразились въ его сочиненіяхъ.

Памятныя Записки г. Шатобріана писаны въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ положеніяхъ его жизни, что даетъ автору случай; всякой разъ, какъ онъ принимается за работу, помѣщать прекрасные прологи, дѣлать неожиданные обороты и разнообразить до невѣроятія свой предметъ. Онъ началъ ихъ въ 1811 году, продолжалъ, просматривалъ и переправлялъ безпрестанно до послѣдняго времени. Все сочиненіе можно раздѣлить на пять отдѣловъ. Первая часть начинается отъ рожденія автора до пріѣзда его изъ Англіи, то есть отъ 1768 до 1800 года; вторая часть заключаетъ въ себѣ время консульства и имперіи; третья есть не что иное, какъ жизнь Наполеона, обрисованная мастерскою рукою художни-

ка. Поэтъ беретъ своего героя еще въ колыбели и доводитъ его до 1814 года. Тутъ есть прекрасная картина русской кампаніи. Начиная съ 1814 года, авторъ описываетъ свою собственную жизнь въ связи съ исторіей своего времени. Этотъ рассказъ отъ 1814 до 1830 составляетъ четвертую часть; здѣсь, между прочими прекрасными мѣстами, есть настоящая поэма объ островѣ Св. Елены и окончательное сужденіе о Наполеонѣ. Наконецъ пятая часть есть исторія послѣднихъ годовъ жизни Шатобриана отъ 1830; потомъ общее заключеніе о Замогильныхъ Запискахъ и прекрасное сочиненіе о будущей судьбѣ міра.

Если бы спросили теперъ, къ какой категоріи, къ какому роду литературныхъ произведеній принадлежатъ Замогильныя Записки Шатобриана, мы были бы въ большомъ затрудненіи, какъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Сколько мы ни искали въ прошедшемъ, мы ничего не нашли, что могло бы дать хоть приблизительное понятіе объ этомъ исключительномъ въ своемъ родѣ сочиненіи. Въ немъ смѣшиваются, гармонически сливаются всѣ роды возможныхъ сочиненій. Тутъ и исторія во всемъ своемъ величїи, не исключая того, что называютъ нынче философскою исторією; тутъ біографія, полемика, поэзія въ прозѣ со всѣми своимъ разнообразіемъ, начиная отъ диамбамъ до элегіи или идилліи; тутъ вы пайдете вгривую фантазію, томную мечтательность, цѣлую галерею картинъ историческихъ, семейныхъ, портретныхъ, морскихъ, цѣлую коллекцію пейзажей, тутъ и ѣдкая сатира, наконецъ есть и карикатуры и даже самыя лучшія. Вообразите себѣ панораму, которая бы представляла вамъ попеременно и безъ разногласія видъ греческаго храма, христіанской базилики, венеціанскаго дворца, виллы на берегахъ Арно, ферму на берегахъ Мѣзы, мечеть, индѣйскую пагоду, китайскій кіоскъ; вообразите что каждая картина обставлена своими собственными ей сценами и предметами; сдѣлайте рамкой всему этому море, незамѣримое море, которое такъ страстно любилъ Шатобрианъ, называя его гдѣ-то своею «старою любимицею», и вы будете имѣть еще неясное понятіе объ эффектѣ сочиненія, прелесть котораго состоитъ въ величїи и яркости, соединенныхъ въ безконечномъ разнообразїи.

Всѣмъ навѣтно, что Шатобрианъ былъ революціонеръ въ литературѣ, что колоритъ его сочиненій отразился болѣе или менѣе на всѣхъ современныхъ сочиненїяхъ. Съ нимъ случилось то же, что бываетъ и со всѣми великими нововводителями: сна-

чала подражали ему, потомъ все преувеличили, обезобразили, такъ что онъ остался позади своихъ подражателей. Многие могли обвинить его въ этомъ всеобщемъ наводненіи напыщенности. Но онъ хладнокровно разсуждаетъ объ этомъ. «Исчуганный,» говоритъ онъ, «я напрасно кричу моимъ дѣтиямъ: не забывайте французскаго языка! они мнѣ отвѣчаютъ, какъ Лиможанинъ Пантагрюсю, что они идуть изъ знаменитой академіи, которая прозывается Лютеція.» Что отвѣчалъ бы, дѣйствительно, теперь Пантагрюсю, лиможскій школьникъ, который хотѣлъ бы поэтизировать? Онъ отвѣчалъ бы: я иду изъ великаго города, который въ своихъ обширныхъ пѣдрахъ располагаетъ будущностью, изъ города, гдѣ всходитъ на гору мыслей, черезъ которую проходитъ духъ разума.» Не въ этомъ ли родѣ мы теперь поэтизируемъ? Напыщенность, гипербола, эти болѣзни народовъ младенческихъ и старыхъ, были ли когда-нибудь сильнѣе развиты во Франціи? Не угрожаетъ ли водяная нашему языку? Гдѣ теперь тонкость мысли, изящество вкуса?

Теперь намъ некогда думать о вкусѣ; мы торопимся писать, чтобъ заработать какъ можно болѣе денегъ, и насъ читаютъ наскоро завятые люди. Въ этой толкотнѣ, кто успѣетъ вызвать вниманіе разсѣяннаго читателя и поразить его, тотъ и правъ. Есть книги, заключающія въ себѣ много хорошаго, но обязанныя успѣхомъ именно тому, что въ нихъ есть отвратительнаго. Кто не слышалъ двадцать разъ сужденій даже людей, считающихъ себя степенными: это нелѣпо, это неестественно, это безвкусіе, это странно, это несообразно, но это занимательно! И это послѣднее качество давало успѣхъ книгѣ. Но это грустно! это унижительно! унижительно, что искусство писать, имѣвшее прежде цѣлю представлять все прекрасное высокое, направлять умы, теперь сдѣлалось потѣхой въ родѣ пляски и не имѣетъ другой цѣли, какъ разсѣять, въ продолженіе одного или двухъ часовъ, зашисловатыми скачками дѣловыхъ людей, мысли которыхъ заняты другими предметами.

Въ слогѣ г. Шатобріана, какъ замѣчаетъ г. Сенъ-Бѣвъ, есть почти всегда «здравый смыслъ даже въ самой напыщенности, скромность въ отягѣ, тактъ и соразмѣрность въ величій.» Кромѣ того въ немъ есть неисчерпаемое богатство тоновъ и красокъ. Ужъ всѣмъ извѣстно, какъ одно и то же лицо могло писать такимъ различнымъ слогомъ въ трехъ сочиненіяхъ: Мученики, Путевыя

Записки и Хартвигена неперлн; не только сдѣлаются навѣстными, но выйдутъ въ свѣтъ Замогильныхъ Записокъ, до какой степени патриархъ нашей литературы превосходить всѣхъ своихъ дѣтей и звуковъ изяществомъ, разнообразіемъ, гнбкостью формъ, и какъ онъ придерживается, не смотря что былъ нововодитель, основныя правила французскаго языка.

Вольтеръ оказалъ: «совершенство состояло бы въ умѣни приноравливать всегда слогъ къ предмету, о которомъ говорить, но кто можетъ идти на перекоръ привычекъ и располагать своимъ гениемъ по своему произволу? «Вотъ это самое и должна быть задача, къ которой стремился знаменитый авторъ Замогильныхъ Записокъ: располагать по произволу сложнымъ гениемъ, который сочувствуетъ каждой мысли, каждому ощущенію, прибрать безъ усмія каждому тову вѣрную ноту, каждому отгвнку свою краску, каждой мысли сообразный ей слогъ. Если г. Шатобріанъ не рѣшилъ недоступную задачу совершенства, легко можетъ статья, что въ этой обширной симфоніи найдутся слабыя части, преувеличенія, незрѣлыя мысли или разногласіе, но можно смѣло утверждать, что онъ такъ приблизился къ своей цѣли, что его любимое сочиненіе останется рѣдкимъ памятникомъ французскаго языка и неисчерпаемымъ предметомъ удивленія и изученія для людей, одаренныхъ воображеніемъ и вкусомъ.

Мы уже имѣемъ нѣкоторое понятіе о первой части Замогильныхъ Записокъ; мы нѣсколько разъ слышали отзывы о прекрасныхъ страницахъ, въ которыхъ г. Шатобріанъ описываетъ свое дѣтство на песчаномъ берегу Сенъ-Мало, свою безпокойную, пылкую и мечтательную молодость. Кто не представлялъ себѣ старый замокъ, опаясанный лѣсомъ, строгаго и суроваго хозяина, милую и боязливую мать, задумчивую сестру и этого ребенка, самого Шатобріана, и всѣ эти семейныя сцены, послѣдній остатокъ феодальной жизни, передъ революціей!

На ряду съ этими картинами, писанными темными красками Ванъ-Дика, насъ поразила особенно одна—это дѣтство Шатобріана, проведенное имъ въ деревнѣ Плавкуз, у г-жи Беде, его бабушки, съ матерней стороны.

«Бабушка моя,» говоритъ онъ, «занимала въ окрестностяхъ аббатства домъ съ садомъ, спускавшимся террасою по холму, нѣтъ котораго былъ ручей, окруженный извнмъ. Г-жа Беде не могла ходить, но, исключая этого, она не имѣла другихъ недостатковъ

своиственныхъ старости. Это была милая старушка, полная, бѣлая, чистая, величественная, съ благороднымъ и пріятнымъ обращеніемъ; она носила старинное, сборчатое платье и черныя кружевной чепчикъ. Умъ ея былъ образованный, разговоръ пріятный, характеръ серьезный. За ней ходила сестра ея дѣвица Буатильель, которая имѣла общаго съ ней только доброе сердце. Г-жа Буатильель была маленькаго роста, сухошава, весела, болтлива, насмѣшлива. Она любила въ молодости своей какого-то графа Тремигона, который долженъ былъ на ней жениться и не сдержалъ своего обѣщанія. Моя двоюродная бабушка часто пѣвала, надѣвъ очки на глаза и вышивая манжетки сестрѣ, слѣдующій апологъ:

Un epervier aimait une fauvette,
Et, ce dit—on, il en était aimé.

Эта пѣсня кончалась слѣдующимъ припѣвомъ:

Ab! Tremigond, la fable est-elle obscure?
Ture, lure, lure, etc...

«Сколько на свѣтѣ вещей оканчиваются, какъ любовь моею бѣдной двоюродной бабушки: Ture, lure lure!

«Г-жа Буатильель распорядилась хозяйствомъ; бабушка обѣдала въ одиннадцать часовъ утра, потомъ отдыхала; въ часъ ее будили и переносили на террасу въ садъ подъ нѣвы ручья; тамъ она вязала, окруженная сестрою, дѣтми своими и внучатами. Въ то время старость считалась достоинствомъ; пынче она бремя. Въ четыре часа бабушку переносили въ залу; Пьеръ, лакей, ставилъ игорный столъ; г-жа Буатильель ударила щипчиками по доскѣ камня, и нѣсколько минутъ спустя приходили три другія пожилыя дѣвицы изъ сосѣдняго дома. Фамилія ихъ была Вильде-Не. Дочери бѣднаго дворянина, онѣ не хотѣли раздроблять небольшое свое имѣніе и пользовались имъ вмѣстѣ, никогда не разставаясь и не выѣзжая изъ родительскаго дома. Связанныя дружбаю съ бабушкой съ самаго дѣтства, онѣ жили рядомъ съ нею и по подавному знаку приходили составить партію; игра начиналась; дамы находили случай поссориться: только въ это время и нарушалась обыкновенная ровность ихъ характера. Въ восемь часовъ, за ужиномъ, все снова было мирно. Часто дядя мой Бюде съ сыномъ и тремя дочерьми ужиналъ у бабушки. Эта пе-

слѣдняя припоминала тысячу разказовъ о старомъ времени; дядя въ свой чередъ разказывалъ о Фонтенойской битвѣ, въ которой онъ участвовалъ лично, и въ заключеніе приводилъ нѣсколько вольныхъ анекдотовъ, отъ которыхъ добрыя дѣвцы помирали со смѣху. Въ девять часовъ кончался ужинъ; лакеи убрали столъ; потомъ всѣ становились на колѣни, и г-жа Буатильель читала вслухъ молитву. Въ десять часовъ всѣ въ домѣ спали, исключая бабушки, которая заставляла свою горничную читать ей вслухъ до часу. Это общество, которое я увидѣлъ впервые, первое и исчезло въ глазахъ моихъ. Смерть не пощадила этого мирнаго и благословеннаго жилища; я видѣлъ, какъ оно мало-по-малу пустѣло, какъ запиралась одна комната за другою, чтобъ никогда не раствориться. Я видѣлъ, какъ бабушка принуждена была отказаться отъ партій за недостаткомъ привычныхъ партнеровъ; я видѣлъ, какъ уменьшалось число постоянныхъ друзей ея; бабушка умерла слѣдняя. Она дала слово сестрѣ не пержить ее и сдержала его. Г-жа Буатильель опередила ее только нѣсколькими мѣсяцами. Я быть-можетъ единственный человѣкъ, который зналъ о существованіи этихъ людей. Сколько разъ послѣ этого я дѣлалъ то же самое замѣчаніе; сколько разъ общества составлялись и распадалась около меня. Эта невозможность прочности и продолжительности въ человѣческихъ привязанностяхъ; это глубокое забвеніе, которое слѣдуетъ за нами, это неизмѣнное молчаніе, окружающее нашу могилу и переходящее на жилище наше, все это дѣлаетъ для меня уединеніе необходимостію.»

Въ этой послѣдовательности, въ этомъ неисчерпаемомъ разнообразіи и состоятъ вся прелесть Замогильныхъ Записокъ. Многие читатели, быть-можетъ, воображаютъ найти въ этой книгѣ безконечную элегію; какъ они будутъ удивлены, удостовѣрясь, что изъ всѣхъ современныхъ писателей, Шатобрианъ владѣлъ лучше всѣхъ даромъ пріятной шутки. Приведемъ картину примиренія поэта съ аббатомъ Морелле, во время представленія его членамъ академіи. «Я дѣлалъ,» говоритъ онъ, «обычные визиты членамъ академіи. Г-жа Вентиниль свезла меня къ аббату Морелле. Мы застали его въ креслахъ передъ огнемъ; онъ уснулъ и Путевыя Записки, которыя онъ читалъ, выпали изъ рукъ его. Пробужденный внезапно, когда лакей доложилъ ему о моемъ пріѣздѣ, онъ приподнял голову и вскричалъ: Очень растянуто! Я ему сказалъ смѣясь, что я въ этомъ удостовѣрился лично и

вопреки сокращу новое издание. Онъ былъ любезенъ и общалъ подать голосъ въ мою пользу.»

Картина французской революціи 1792, удаленію автора въ Англію и жизнь его во время эмиграціи представляютъ самую занимательную смѣсь веселости, восторга и грусти. Поэтъ воинъ при осадѣ Тіонвилля мостъ при громѣ пушекъ свою единственную рубашку и, во время военныхъ дѣйствій, любитъ тихимъ теченіемъ воды, или слушаетъ пѣснь жаворонка, раздающуюся послѣ пушечныхъ залповъ. Тутъ пастухъ — вѣщій съ сумой, молится у подножія статуи Богородицы, спрятанной въ дубавѣ. Вотъ ночь на бивуакахъ, ночь веселая, когда всѣ собираются въ кружокъ около бочки, на которой стоитъ зажженная свѣча, и слушаютъ шутовскіе рассказы неутомимаго болтуна, серьезнаго шута, Диназара; онъ никогда не смѣется, но на него смотрѣть нельзя безъ смѣху, когда онъ рассказываетъ фантастическую, страшную и смѣшную исторію о Зеленомъ Рыцарѣ и женщинѣ большаго собранія, которая есть самая смерть. Эта исторія и бивуачныя сцены написаны превосходно. Дальше борьба старой Франціи съ новою. «Одинъ разъ я былъ съ дозоромъ въ виноградникъ; въ двадцати шагахъ отъ меня стоялъ охотникъ, старый дворянинъ и билъ концомъ своего ружья по винограднымъ лозамъ, какъ будто желая выгнать зайца, потому съ живостію по-сматривалъ вокругъ, не бѣжитъ ли патріотъ».

Во время снати тіонвильской осады, прусское войско отступаетъ, французское, распущенное, разбѣвается, кто куда попалъ. Нашъ герой, большой освою, раненый въ ногу, съ пустымъ карманомъ, съ палкой въ рукѣ, странствуетъ по арденскому лѣсу. Тутъ можно ожидать плача и рыданій, а выходитъ напротивъ, это одна изъ самыхъ веселыхъ частой Замогильныхъ Записокъ. Шатобріанъ говоритъ въ своемъ предисловіи: «Мнѣ случалось часто, въ счастливое время моей жизни, говорить о моихъ несчастіяхъ, а во время неудачъ вспоминать о счастливыхъ дняхъ.» Это самое и придаетъ его сочиненію видъ того измѣнчиваго разнообразія, которое свойственно только ему одному. Въ томъ видѣ, какъ мы уже сказали, молодой эмигрантъ заблудился въ лѣсу. Онъ проводитъ ночь подъ деревомъ и когда замаялась заря, онъ всталъ, чтобъ привѣтствовать ее. «Она была прекрасна, говоритъ онъ, а я былъ отвратителемъ». Онъ встрѣчаетъ Цыганъ, которые позволяютъ ему погрѣться у развѣс-

што нмъ огня; описываетъ Цыганъ и продолжастъ свою доро-
гу; вотъ заснѣлась снигирь, и онъ присвистываетъ ему и идетъ,
написавъ старинный романсъ Казота:

Tout au beau milieu des Ardennes,
Est un château sur le haut d'un rocher.

Вотъ проѣзжаютъ мимо какіе-то купцы; вотъ дровосѣкъ съ
своимъ топоромъ. Тутъ поэтъ предается грусти: «Онъ долженъ
бы, говоритъ раненый, принять меня за мертвый сукъ и сру-
бить»; но эта грусть скоро исчезаетъ: жаворонки и зяблики, пор-
хая между кустовъ, развлекаютъ его. Вотъ подвижной шалашъ
настуха, «Я нашелъ въ немъ» говоритъ нашъ Улиссъ, «только ко-
шечку, которая бросилась ласкать меня. Настухъ стоялъ въ от-
даленіи посреди поля». Вотъ охотники, пересѣкающіе тропинку,
вотъ ручей, журчащій среди зелени: это тотъ ручей, у котораго
Роландъ увидѣлъ хрустальный дворецъ, полный дамъ и рыца-
рей. «Если бы паладинъ, вскричалъ раненый, оставилъ своего
коня на берегу ручья, онъ былъ бы мнѣ очень полезенъ.»
Его силы, дѣйствительно, все болѣе и болѣе ослабѣвали;
осна скрылась и начала душить его. Онъ ложится въ ровъ; осла-
бѣвшіе глаза закрылись съ послѣдними лучами заходящаго
солнца. Тутъ проѣзжали сурговы принца де-Ланя; его изброси-
ли на телегу. Въ Намурѣ женщины принесли ему хлѣба, вина и
подарили ему шерстяное одѣяло; прѣхавъ въ Брюссель, онъ при-
нужденъ былъ ходить изъ дома въ домъ просить убѣжища. «Въ
Брюсселѣ, говоритъ онъ, ни одинъ трактирщикъ не принималъ
меня. Постучу, мнѣ отворятъ; увидѣвъ меня, вслѣдъ говоритъ:
Съ Богомъ! съ Богомъ! и запираетъ двери. Меня выгнали изъ
железнаго дома. Волосы мои повисли на лицо и смѣшались съ
бородой и усами. Нога моя была обернута навивкой изъ сѣна;
сверхъ ободраннаго мундира я носилъ намурское шерстяное
одѣяло, завязывая его у шеи; оно служило мнѣ вмѣсто плаща».
И есть молодые люди, которые жалуются на бремя жизни! Вотъ
что было съ Шатобрианомъ въ двадцать пять лѣтъ. Въ Лондѣ-
нѣ было ему еще хуже. Тутъ бѣдность преслѣдуетъ его съ
арестіемъ, доводитъ его до голода, почти до голодной смерти, одна-
ко жъ въ разсказѣ объ этомъ ужасномъ времени замѣтно боль-
ше веселости, чѣмъ грусти: никто такъ безмечто не смѣялся
надъ превратностями счастья. Однажды, желая осмотрѣть Вестмин-

стеръ, изгнанникъ даетъ сторожу мертвыхъ послѣдній шпильгъ, который долженъ былъ служить на пропитаніе живаго; но потомство выиграло прекрасное описаніе этого мѣста. Забытый сторожемъ, онъ проводитъ ночь одинъ въ старомъ пантеонѣ древней Англій. Онъ разсматриваетъ своихъ собесѣдниковъ при лунномъ свѣтѣ и наконецъ засыпаетъ на саркофагѣ лорда Чатама. Переверните листъ и вы найдете его въ своей свѣтелкѣ на чердакѣ въ улицѣ Мари-Ле-Бонъ. «Постель моя,» говоритъ онъ, «состояла изъ матраца и одѣяла. Простыши не было. Когда было холодно, платье мое и стулъ, положенные на одѣяло, согрѣвали меня. Двоюродный мой братъ Ла-Бутарде, выгнанный изъ избушки Ирландца, за несостоятельность платежа, не смотря что оставилъ въ залогъ скрипку, пришелъ ко мнѣ просить, чтобъ я укрылъ его отъ преслѣдователей. Ла-Бутарде былъ совѣтникомъ въ бретонскомъ парламентѣ и бѣжалъ, не взявъ съ собою даже самаго необходимаго бѣлья; однако онъ бѣжалъ съ оружіемъ и багажемъ, то есть онъ взялъ съ собою свою четырехугольную шапку и красное платье. Онъ былъ весельчакъ, зналъ хорошо музыку и имѣлъ прекрасный голосъ; вечеромъ, когда намъ не спалось, онъ садился на свою кровать безъ всякаго платья, надѣвалъ свою шапку и пѣлъ романсы, аккомпанируя себя на гитарѣ, у которой недоставало струны».

Это то же самое перо въ Замогильныхъ Запискахъ написало прекрасную главу, подъ названіемъ Сильфиды, это первая любовь юности, прекрасная поэма возвышенной чистоты чувства. Приведемъ въ примѣръ начало этой главы, гдѣ авторъ описываетъ первое бѣніе своего шестнадцатилѣтняго сердца:

«Я составилъ себѣ идеалъ женщины изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я видѣлъ; ея станъ, волосы, улыбка напоминала мнѣ незнакомку, которая обласкала меня; я ей далъ глаза одной деревенской дѣвушки, свѣжесть лица другой. Я заимствовалъ черты лица у портретовъ знатныхъ дамъ временъ Франциска I, Генриха IV и Людовика XV, даже похищалъ прекрасное съ изображеній святыхъ. Эта очаровательница слѣдовала везлѣ за мною невидимо; я съ ней разговаривалъ какъ съ живымъ существомъ; она перемѣнялась смотря по моему желанію; Афердита безъ покрывала, Діана въ свѣтлой ризѣ зѣбра, Талия съ улыбкой на устахъ, Геба съ кубкомъ молодости, часто она становилась волшебницей, которой покорялась вселенная. Я безпрестанно перемѣнялъ что-нибудь въ моей картинѣ; замѣнялъ

однѣ черты лица другими, измѣнял также и одежду, замѣсто-
валъ ее у всѣхъ народовъ, у всѣхъ вѣковъ; потому когда кар-
тина была вполнѣ изящная, я снова переиѣнял рисунокъ и кра-
ски; мой идеалъ женщины превращался во множество женщинъ,
въ которыхъ я восхищался красотою».

Тотъ же самый художникъ выразилъ послѣ съ такую же пре-
лестью и всѣ оттѣнки чувства и страсти.

Вотъ семейная картина въ родѣ Гольдсмита. «Въ графствѣ
юрисномъ, въ одномъ изъ англійскихъ селеній жилъ пасторъ, же-
на его и красавица-дочь, пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Шарлота,
своими пѣніемъ улаживаетъ сонъ старика отца, а молодой, неиз-
вѣстный и бѣдный нагнаникъ, по имени Шатобрианъ, облокот-
ясь на уголь фортепiano, слушаетъ ее въ молчаніи и предаваясь
все болѣе и болѣе тихому наслажденію душевной привя-
занности.» Мы не будемъ говорить, какія препятствія встрѣ-
тила эта любовь въ самомъ началѣ ея развитія, ни о го-
рестяхъ разлуки, ни о возвращеніи изгнанника въ Лондонъ, ко-
торый ѣдетъ, какъ говорила одна остроумная и живая Ирланд-
ка, раненый въ сердце: все это можно прочесть въ Замогиль-
ныхъ Запискахъ.

Въ другой главѣ находимъ его въ Римѣ, въ ноябрѣ 1803 года.
Авторъ улаживаетъ послѣднія минуты жизни несчастной женщи-
ны, которая не хочетъ жить и бонсе умереть. Это тоже трогатель-
ная исторія, но совершенно въ другомъ родѣ. Послѣдняя сцена,
горестная, раздражающая сердце, сцена смерти, писанная въ 1838,
снустя тридцать пять лѣтъ, совершенно снята съ природы и такъ
живо представлена, что невольно вызываетъ слезы.

Но сердце измѣняется, какъ жизнь. Вотъ воображаемая въ
пятнадцать лѣтъ Сильфида является уже въ зрѣломъ возрастѣ,
вотъ и пылка молодость, которая, кажется, возраждается со всѣ-
ми своими призраками. Въ этой великой базиликѣ Замогильныхъ
Записокъ, въ этой художнической базиликѣ, составленной изъ
чувства поэзіи и исторіи, есть небольшая часовня, украшенная
прекрасными картинами. Вы увидите тамъ знаменитаго министра,
который, отрываясь отъ дѣлъ, ѣдетъ наслаждаться спокойствіемъ
и счастьемъ въ свое любимое убѣжище. «Когда запыхавшись,» го-
воритъ авторъ, «поднявшись въ четвертый этажъ, я входилъ ве-
черомъ въ свою келью, я былъ въ восхищеніи,» и тогда поэтъ
предавался вполнѣ вдохновенію музъ.

Посреди столь разнообразныхъ вдохновеній этой музы, то на-

смишливой, то страстной, то могучей, звучать время от времени и любимая нота, предпочитаемый мотивъ, мотивъ меланхолической и грусти. Но, какъ мы уже замѣтили прежде, могущество этихъ аккордовъ не предать несколько звучности нѣлагу. И къ тому же, не въ укоръ будь сказано партизанамъ старой воюющей Французской, не всѣ же могутъ смотреть на жизнь глазами Рожера Бонтана или Жюнонда. Надо сознаваться, что во все время, начиная отъ Юва до Шатобриана, были люди, мучимые жаждою недостижимаго и безконечнаго, которые не могутъ свыкнуться съ жизнью, гдѣ все проходитъ, все влечетъ, измѣняется, молодость, любовь, дружба, честолюбіе, богатство, даже слава; пустота и невѣдѣнность славы внушали поэту самыя трогательныя модуляціи. Этотъ гений эпохи, зараженной невѣріемъ, имѣеть предъ своими учениками то преимущество искренности, что онъ не доверяетъ даже самому себѣ. Тягость этого чувства замѣтна въ Замогильныхъ Запискахъ, и этикъ объясняются нѣкоторыя черты его характера, которыя дали поводъ обвинять поэта въ эгоизма и гордости. Что касается до грусти, заушенной невозможностью земнаго счастья и извѣстности нашихъ привязанностей, что можетъ быть прекраснѣе этихъ строкъ: «Бѣдность нашей природы такъ велика, что мы принуждены, для выраженія новыхъ страстей нашихъ, употреблять слова, уже истертые въ прежнихъ привязанностяхъ. Есть однако слова, которыя надо было бы употреблять одинъ разъ въ жизни; ихъ окверняютъ, повторяя такъ часто.»

Эта борьба поэта-христіанина съ самимъ собою продолжается до того дня, когда, восторжествовавъ надъ грѣхомъ, онъ возвращается волю Божіей, восклицая: «Боже великій и милосердый! ты же бросилъ насъ на эту землю для ничтожныхъ огорченій и жалкаго счастья. Наше неизбежное разочарованіе доказываетъ намъ величіе назначенія нашего. Какъ бы ни были велики наши заблужденія, если мы сохранили душу правдивую и прибѣгли къ Тебѣ во время нашихъ искушеній, мы перенесемъ, по благодати Твоей, когда кончится время нашего испытанія, въ предѣлы вѣчной любви.»

Мы разсмотрѣли поэтическую и психологическую сторону Замогильныхъ Записокъ. Теперь разсмотримъ ихъ въ отношеніи историческомъ, особливо въ отношеніи Французской революціи.

Записки г. Шатобриана не заключаютъ въ себѣ полной и подробной исторіи революціи, въ нихъ вы только найдете собра-

віе картинъ и портретовъ, писанныхъ очевидцемъ и переиъман-
ныхъ съ общими выводами.

Сначала посмотримъ картины и портреты. Знаменитый писа-
тель видѣлъ старшій свѣтъ въ послѣдніе его дни. Ему было 18
лѣтъ, когда онъ прїѣхалъ въ Версаль, и въ февралѣ 1787
подалъ случай напечатать въ Gazette de France слѣдующую ноту:
«Гроузъ Карлъ д'Отесейль, баронъ Сепъ-Марсо и кавалеръ де-
Шатобріанъ, которые на дняхъ были представлены ко двору,
имѣли честь 19 числа сего мѣсяца слѣдовать за королемъ въ эки-
пажахъ его королевскаго величества и провожать его на охоту.»
Изъ этихъ трехъ дворянъ остается теперь одинъ г. д'Отесейль,
который присутствовалъ на похоронахъ своего знаменитаго вер-
сальскаго товарища. Разлученный съ нимъ въ продолженіе дол-
гаго времени, онъ съ своей стороны сдѣлалъ описаніе предста-
вленія своего ко двору Людовика XVI и упомянутой охоты; это
же самое составляетъ одну изъ занимательнѣйшихъ главъ заgrab-
ныхъ записокъ. Что касается до основанія, оба разсказа во всемъ
согласуются; это надо замѣтить для того, что многіе, читая бле-
стящія картины Шатобріана, могутъ думать, что онъ увлекался
воображеніемъ и не придерживался истины. Тѣ, которые пу-
тешествовали съ его Путевыми Записками, увѣряютъ, что знаме-
нитый авторъ изъ числа очень немногихъ артистовъ-писателей,
пейзажи которыхъ можно узнать на мѣстѣ; и такъ можно на-
дѣяться, что онъ соблюдалъ эту точность и въ описаніи людей
и происшествій, и это качество придастъ сочиненію еще болѣе
цѣны, когда мы примемъ въ соображеніе ту странную безпечность,
съ которою нынче пишутъ исторію.

Мы видимъ въ Замогильныхъ Запискахъ картинну того изыскав-
наго, пустаго, дряхлаго общества, которое играло на краю мо-
гилы; мы видимъ ее, начертанную мастерскою рукою, съ главны-
ми ея лицами, начная отъ нерѣшительнаго робкаго короля и
королевы «которая, казалось, вполне счастлива жизнію и съ та-
кою граціею держала скипетръ столькихъ королей, потомъ при-
нуждена была въ темницѣ чинить лохмотья жены сторожа» и до
послѣднихъ и жалкихъ представителей философической и литера-
турной школы.

Описавъ людей, Шатобріанъ описываетъ вещи, съ тѣмъ пре-
восходствомъ историка, который представитъ вамъ очеркъ про-
исшествія въ нѣсколькихъ строчкахъ. «Въ это время (1787) все
было въ разстройствѣ, умы и нравы—признакъ близкой рево-

люди. Судьи пренебрегали своею должностью и смѣлились надъ важностію своихъ предковъ; жены президентовъ не хотѣли быть почтенными матерями семейства, оставляли свои скромныя жилища, чтобъ сдѣлаться блестящими искательницами приключеній; министры осуждали одинъ другаго, власть у всѣхъ выпадала изъ рукъ. Хорошимъ тономъ считалось быть въ городѣ Американцемъ, при дворѣ Англичаниномъ, въ полку Пруссакомъ, однимъ словомъ, быть всѣмъ, исключая Француза. Все, что дѣлали, что говорили, представляло рядъ несообразностей. Хотѣли оставить аббатавъ, но не хотѣли имѣть религій; никто не могъ быть офицеромъ, не будучи дворяниномъ, между-тѣмъ вооружались противъ дворянства; вводили равенство въ салоны и удары палокъ въ полку.» Но вотъ декорація перемѣняется, распадающееся зданіе трещитъ со всѣхъ сторонъ, земля начинаетъ дрожать. Авторъ замогильныхъ Записокъ переноситъ насъ въ Бретань, въ то бурное собраніе, въ которомъ демократія, предводимая Моро, молодымъ студентомъ, прославившимся потомъ въ исторіи, осаждаетъ аристократію.

Вотъ начинается 1789 годъ «достопамятный годъ», говоритъ Шатобріанъ, «въ нашей исторіи и въ исторіи всего чело-вѣчества.» Молодой бретонскій офицеръ отправляется въ Парижъ; на пути онъ видитъ во всѣхъ городахъ, селеніяхъ, деревняхъ, ропотъ, безпокойство въ народѣ, готовность къ возстанію.

Посреди всеобщаго потрясенія, которое слѣдуетъ за паденіемъ Бастиліи, уже показывается это ужасное племя варваровъ, выходящихъ изъ нижняго слоя общества, это племя палачей и разбойниковъ, которые обезславили революцію:

Знаменитый авторъ Замогильныхъ Записокъ всегда порицалъ рѣзню революціи; если бы его здравый умъ и не могъ вполне разгадать всю нелѣпость, несправедливость и опасность нѣкоторыхъ переворотовъ, то характеръ его не позволилъ бы ему увидѣться до такого рода популярности, и Шатобріанъ въ своихъ сочиненіяхъ, даже въ самыхъ разнородныхъ, сохраняетъ что-то особое, что составляетъ его характеръ. Умъ Шатобріана подвергался также измѣчивости того времени: будучи нѣсколько разъ застигаемъ бурей, онъ удержался на якорѣ. Изучая его вблизи, легко замѣтить неподвижныя точки, мѣткія или, лучше сказать, предѣлы мѣткіи, которыя не измѣняются. Эти непереходимые предѣлы зависятъ отъ характера, а не отъ соображеній ума. То же самое тонкое, но твердое чувство

чести, справедливости, которое руководило имъ и начало аристократическія идеи автора «*O. monarchie et de la nation*», руководить также и болѣе демократическими идеями автора *De la monarchie de Zelmis*. То же самое чувство преобладаетъ и при ужасныхъ сценахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

Мрачныя картины революціи, къ счастью, перемѣшаны съ картинами въ другомъ родѣ. Отъ 1789. до 1791, насліе и убійство появлялись еще, какъ вещь случайная. Авторъ списываетъ съ природы живую и движущуюся фюзіомию этого взволнованнаго общества, довѣрчиваго къ будущему, и въ которомъ сталкиваются съ безпечноію старинные и новые обычаи. Вездѣ литературныя собранія, политическія общества и спектакли; по улицамъ безпрестанно проходятъ взадъ и впередъ народныя депутаціи, пикеты и патрули; возлѣ человѣка, во французскомъ платьѣ, съ напудренной головой, со шпагой на боку и шляпой подъ мышкой, вы видите другаго, съ обстриженными волосами и безъ пудры, въ англійскомъ фракѣ и американскомъ галстухѣ. Въ театрѣ актеры объявляютъ новости; въ партерѣ раздаются патриотическіе куплеты. Отъ висѣлицы бѣгутъ въ оперу слушать пѣніе Вигано-ни. Бульваръ Итальянцевъ и аллея тюильрійскія наполнены разряженными женщинами, среди которыхъ блестятъ три молоденькія племянницы Гретри, бѣлыя, розовыя, какъ наряды ихъ. Среди роскошной, еще существовавшей тогда аристократіи, Шатобрианъ указываетъ на сапожника въ офицерскомъ мундирѣ національной гвардіи, который на колѣняхъ снимаетъ мѣрку съ вашей ноги; на доминиканца, который въ пятницу былъ въ своемъ черномъ или бѣломъ платьѣ, и надѣлъ въ воскресенье круглую шляпу и свѣтскій кафтанъ; въ толпѣ веселыхъ женщинъ важно сидитъ абесса, изгнанная изъ своего монастыря, и любопытные посѣщаютъ эти монастыри, открытые для свѣта, какъ путешественники посѣщаютъ въ Гренадѣ оставленныя залы Альямбры.

Потомъ авторъ ведетъ въ засѣданіе полномочнаго учредительнаго собранія и даетъ намъ эскизъ этой извѣстной общественной фабрики, гдѣ разрушался старый и возобновлялся новый свѣтъ. Шатобрианъ останавливается особенно на одномъ лицѣ, которое господствуетъ надъ всѣми прочими—это Мирабо; онъ по-

сознать великому оратору портретъ во левъ расѣ, въ которомъ видѣтъ тотъ арміи колоритъ, который еще вносилъ впервые во французскую литературу. Три дня послѣ смерти Марбо, въ апрѣлѣ 1791 Шатобрианъ отправляется въ Америку. Знаменитый и мужественный старикъ Малербъ умоляетъ его на это путешествие и говоритъ молодому мечтателю, сдѣлавшемуся его родственникомъ и другомъ: «если бъ я былъ моложе, я поѣхалъ бы съ вами, я избавился бы отъ мученія видѣть столько преступленій, подлостей и сумасбродствъ, но въ мои лѣта надо умереть тамъ, гдѣ мы находимся.»

Годъ спустя, въ 1792 г. Шатобрианъ снова въ Парижѣ, въ эпоху революціи. Авторъ, послѣ краткаго обзора историческихъ происшествій, случившихся въ его отсутствіе, застаиваетъ насъ снова присутствовать при всѣхъ сценахъ новаго акта драмы, въ которомъ все уже переиждилось, потому что годы въ такое время равняются столѣтіямъ. «Парижъ, говоритъ Шатобрианъ,» въ 1792 уже былъ не тотъ, что въ 1789 и 1790; это уже была не начинающаяся революція, но народъ, стремящійся, въ какомъ-то опьяненіи къ своей несчастной судьбѣ, черезъ пропасти и по непроходимымъ дорогамъ. На улицахъ встрѣчались только испуганныя или жестокія лица людей, которые или прокрадывались вдоль домовъ, чтобъ не быть замѣченными, или бродили, ища добычи; робкіе и опущенные глаза, бояшіеся встрѣтиться съ вашими или смотрѣвшіе на васъ съ суровою произительностію, чтобъ разгадать и проникнуть васъ... Къ парижскому народонаселенію присоединилось еще другое — южные разбойники. Авангарды изъ Марсельцевъ, которыхъ Дантонъ привлекъ къ 10 августу и сентябрьскимъ убійствамъ, можно было отличить по лохмотьямъ и сумрачному цвѣту ихъ лицъ, по подлому и преступному виду.»

Въ этой рамкѣ являются новыя лица, которыхъ революціонная буря подняла на поверхность общества, Маратъ, Дантонъ, Камиль Демуленъ, Фабръ д'Эглантенъ, Фуше Шометъ, всѣ участники клуба Кордельеровъ, самаго страшнаго изъ двухъ народныхъ собраній, которыхъ уже наводили ужасъ на Францію. Шатобрианъ не видѣлъ въ 1792 г. клуба Якобинцевъ, гдѣ начиналъ господствовать Робеспьеръ. Эту послѣднюю знаменитость онъ видѣлъ въ собраніи два года прежде, въ 1790

году, и потому обрисованность его очень кратко. «Въ концѣ описаннаго «смер», поварить онъ, «взвѣшь на лаводру (депутатъ очень обидчивый видъ; его строгое и бездушное лицо, порядочная прическа, опрятное платье придавали ему видъ украсившаго хорошимъ домомъ или деревенскаго нотариуса. Онъ сказалъ длинную и скучную рѣчь; его не слушали; я спросилъ его имя, — это былъ Робеспіеръ.»

Въ галереѣ портретовъ 1792, мы не находимъ Робеспьера или, лучше сказать, онъ показывается на второмъ планѣ; но мы извлечемъ изъ портрета Дантона слѣдующій отрывокъ: «Дантонъ былъ выше Робеспьера. Надобно оцѣнивать характеръ по поступкамъ людей: преступники съ пылкимъ воображеніемъ, какъ Дантонъ, кажутся, по ихъ преувеличеннымъ рѣчамъ и отчаянному увлеченію, распутнѣе и преступнѣе хладнокровныхъ, а на дѣлѣ они гораздо невиннѣе.»

Потомъ мы присутствуемъ на засѣданіяхъ клуба Кордельеровъ. Шатобрианъ представляетъ членовъ этого клуба такъ, какъ онъ ихъ видѣлъ, и надо сознаться, что они не красны. Маратъ безобразенъ; Шометъ также; Дантонъ дурень, Фуше дурень; даже Камилъ Демуленъ не хорошъ; этотъ послѣдній былъ болѣе сумазбродный, чѣмъ злой человекъ, какъ ни пагубно было его сумазбродство; мы желали бы слышать не столь строгій приговоръ объ немъ. Впрочемъ авторъ говоритъ съ краснорѣчивымъ правосудіемъ о прекрасной смерти Камилъ Демулена, которою онъ загладилъ проступки своей жизни. «Несправедливо было бы забыть,» говоритъ онъ, «что Камилъ Демуленъ осмѣлился идти противъ Робеспьера и мужествомъ своимъ выкупилъ свои заблужденія. Онъ подалъ сигналъ противодѣйствія терроризму. Молодая и прекрасная женщина, которую онъ полюбилъ, силою своего характера сдѣлала его способнымъ къ добродѣтели и самопожертвованію. Негодованіе внушило краснорѣчіе неустрашному и безмячному оратору; онъ съ достоинствомъ возсталъ противъ эшафотовъ, которые самъ помогъ воздвигнуть.»

Что касается до партера клуба Кордельеровъ, онъ отвратительнѣе даже самыхъ актеровъ. Чтѣсь описать съ натурою эту

лабораторію преступленій и ужасовъ, гдѣ совершились сентябрьскія убійства, Шатобріанъ не брезгаетъ обмануть свою кисть въ мѣстную краску и дать слогу своему всю вольность, требуемую обстоятельствами.

Описавъ революцію, какъ артистъ, авторъ обсуживаетъ ее, какъ мыслитель. Мы не можемъ утверждать, что потомство подтвердитъ всѣ сужденія, которыя могутъ встрѣтиться въ этомъ сочиненіи.

Знаменитый писатель желалъ заслужить любовь народную. Какой геній не желаетъ этого? Но есть жертвы, на которыя бы онъ никогда не рѣшился, и если онъ въ частныхъ подробностяхъ не всегда былъ одинаковъ, то онъ имѣлъ полное право сказать: «Главные линіи моего существованія не изогнулись потому-что онъ умѣлъ удерживать себя въ непреложныхъ предѣлахъ, налагать на себя обязанности, выполнять ихъ съ точностію, жертвовать для этихъ обязанностей не только личными выгодами, что для подобныхъ людей ничтожно, но всеобщимъ одобреніемъ. Его обширному уму была доступна каждая новая мысль; мы найдемъ въ его Замогильныхъ Запискахъ самыя смѣлыя мысли объ организаціи будущихъ обществъ, мысли, которыя уже проявлялись пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ у молодаго автора въ одномъ изъ его сочиненій; но всякое ученіе, основанное на уничтоженіи правъ, на насліи, навсѣмъ томъ, что онъ называлъ поклоненіемъ пороку, подвергается имъ строгому осужденію: эти правила всегда были ненавистны Шатобріану. «Всякое преступленіе», говоритъ онъ, «содержитъ въ самомъ себѣ признакъ неспособности и зародышъ несчастія; и такъ будемъ дѣлать добро, чтобы быть счастливыми, и будемъ справедливыми, чтобъ быть искусными.»—«Никогда,» восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о теоріяхъ 93 года, «никогда убійство не будетъ въ глазахъ моихъ предметомъ удивленія и доказательствомъ свободы; ничто не можетъ быть ниже, презрѣннѣе, подлѣе, недальновиднѣе террориста. Я видѣлъ, возвратясь во Францію, весь этотъ рядъ Брутовъ на службѣ у Цезаря и его полиціи; уравниатели, возобновители, разорители были превращены въ прислужниковъ, шпионовъ и лазутчиковъ, а потомъ пожалованы въ разныя почетныя званія. Какое варварство!»

Въ послѣднее время своей жизни, когда онъ все болѣе и болѣе становился равнодушнымъ ко всему земному, ложныя си-

стоны и особенно ложная демократія, демократія притѣсненія и насильства, только и могла его разшевелить, оживить, привести въ негодование; онъ выходилъ изъ себя и, будучи болѣею частію молчаливымъ, говорилъ много и сильно.

Шатобрианъ скончался въ то самое время, когда заблужденія и софизмы, противъ которыхъ онъ возставалъ всю свою жизнь, были поводомъ пролитія цѣлыхъ рѣкъ крови на улицахъ Парижа. Іюньская битва, это ужасное потрясеніе, которое угрожало уничтоженіемъ всего народонаселенія Парижа, была мученіемъ послѣднихъ дней его жизни. Сидя у открытаго окна, чувствуя предсмертную слабость, блѣдный, печальный, съ повикшею головою, онъ внималъ дальнему звуку междоусобной войны: при каждомъ пушечномъ выстрѣлѣ, онъ вздрагивалъ, и на глазахъ его наворачивались слезы.

ЗАВѢЩАТЕЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЗАМОГИЛЬНЫМЪ ЗА- ПИСКАМЪ ШАТОБРИАНА.

Парижъ, 1 декабря 1833.

Такъ какъ я не могу предвидѣть, когда настанетъ послѣдній день моей жизни, и какъ въ мои лѣта, дни, дарованные человѣку, надо принимать какъ особенную милость или лучше испытанію, то, боясь быть застигнутымъ смертію неожиданно, я хочу объяснить на счетъ труда, расхлѣвавшего скуку послѣднихъ дней моихъ, которымъ никто не позавидуетъ и съ которыми не знаешь что дѣлать.

Записки, въ главѣ которыхъ будетъ написано это предисловіе, обнимаютъ, или будутъ обнимать время всей моей жизни; онѣ начаты были въ 1811 году и продолжались до нынѣшняго дня. Я рассказываю, въ томъ, что уже кончено, и буду рассказывать, въ томъ что только еще набросано, мое дѣтство, воспитаніе, молодость, вступленіе въ службу, пріѣздъ въ Парижъ, представленіе ко двору Людовика XVI, первыя сцены революцій, мое путешествіе въ Америку, возвращеніе въ Европу, эмиграцію въ Германію и въ Англію, возвращеніе во Францію во время консульства, занятія мои и работы во время имперіи, поѣздку въ Іерусалимъ, занятія и работы во время реставраціи, наконецъ полную исторію этой реставраціи и ея паденія.

Я встрѣчалъ почти всѣхъ людей, которые, въ мое время, играли большую или малую роль въ чужихъ краяхъ и въ моемъ отечествѣ, начиная отъ Вашингтона до Наполеона, отъ Людовика XVIII до Императора Александра, отъ Піа VII до Григорія XVI, отъ Фокса, Бурке, Питта, Шеридава, Лондондерри, Капо-д'Истрія, до Малерба, Мирабо, отъ Нельсона, Боливара, Мегемета, египетскаго паши, до Суфрена, Бугенвилля, Лаперуза, Моро. Я составлялъ триумвиратъ, который не имѣлъ подобнаго: три поэта, противоположные по интересамъ и по различію націй, были почти въ одно время министрами иностранныхъ дѣлъ, я во Франціи, г. Каннингъ въ Англіи, Мартинесъ де-ла-Роза въ Испаніи.

Я прошелъ послѣдовательно пустыя годы моеѣ молодости, перешошныя годы республиканской эры, время Бонапарте и легитимистскаго времени.

Я пробѣждалъ по всѣмъ морямъ и океанамъ, и былъ во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта. Я жилъ въ шалашѣ Ирокеза и въ палаткѣ Араба; въ вигвамѣ Гурона, въ разрушенныхъ Афинахъ, въ Иерусалимѣ, въ Мемфисѣ, въ Карфагенѣ, въ Гренадѣ, у Грека, у Турка и Мавра, среди льсовъ и развалинъ; носилъ изъ медвѣжьей шкуры плащъ дикаря и шелковый кафтанъ Мамелюка; испыталъ бѣдность, голодъ, жажду и изгнаніе, и былъ возведенъ въ министры, потомъ сдѣланъ посланникомъ, ходилъ въ золотѣ, испещренный орденами и лентами, садился за столъ королей, бывалъ на праздникахъ у принцевъ и принцессъ, и снова впалъ въ бѣдность и испыталъ тюремное заключеніе.

Я былъ въ сношеніяхъ со многими знаменитыми людьми, военными, духовными, полковниками, судьями, учеными и художниками. У меня множество матеріаловъ, болѣе четырехъ тысячъ частныхъ писемъ, дипломатическія корреспонденціи моихъ разныхъ посольствъ, переписка при моемъ переходѣ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Я носилъ ружье солдата, палку путешественника, посохъ странника; какъ у пловца, мои судьбы управлялись непостоянствомъ моего паруса; какъ альціона, я свилъ гнѣздо свое на волнахъ.

Я управлялъ дѣлами и въ мирное, и въ военное время, подписывалъ договоры, протоколы, и печаталъ мимоходомъ много сочиненій. Я былъ посвященъ въ тайны партій, двора и государства; я видѣлъ вблизи самыя рѣдкія несчастія, самое высочайшее счастье, самыя великія почести. Я присутствовалъ при осадахъ, на конгрессахъ, на конклавахъ, при возстановленіи и разрушеніи престоловъ. Я писалъ исторію и могъ писать ее; и моя уединенная, мечтательная, поэтическая жизнь проходила по этому міру дѣйствительностей, переворотовъ, бури и шума, съ сынами моихъ думъ Шахасомъ, Рене, Эвдоромъ, Абель-Ганьтомъ; со дщерями моихъ мечтаній, Аталой, Амеліей, Фланией, Валледой, Симодосею. Я не хотя и не стараясь, былъ могомъ, имѣлъ на мой вѣкъ тройственное вліаніе, религіозное, политическое и литературное.

Теперь осталось около меня не болѣе пяти современниковъ, пользующихся продолжительною извѣстностью. Альфieri, Канова и Мотти исчезли. Италия отъ своего блестящаго времени сохранила только Пиндемонте и Манцони; Пеллико провелъ свои прекрасные годы въ шпильбергскихъ темницахъ; дарованія отечества Данте осуждены на молчаніе, или принуждены томиться въ иностранныхъ земляхъ; лордъ Байронъ и Каннингъ умерли молодыми; Вальтеръ-Скоттъ оставилъ насъ; Гёте умеръ, исполненный славы и лѣтъ. Франція почти ничего не сохранила отъ своего богатаго прошедшаго; она начинаетъ новую эру; я остаюсь одинъ, чтобъ похоронить мой вѣкъ, какъ старій священникъ, который во время безьерскаго грабежа долженъ былъ звонить въ колоколъ, ожидая своей смерти, пока не падетъ послѣдній гражданинъ.

Когда смерть станетъ между мною и свѣтомъ, то увидать, что моя драма раздѣляется на три акта.

Отъ первой моей молодости до 1800 г. я былъ воинъ и путешественникъ; отъ 1800 до 1814, во время консульства и имперіи, моя жизнь была литературная; отъ реставраціи до нашего времени политическая.

На всѣхъ трехъ поприщахъ я имѣлъ въ виду какую-нибудь особенную цѣль: какъ путешественникъ, я стремился къ открытію полярнаго міра; какъ литераторъ, я старался возстановить религію на ея развалинахъ; какъ государственный человекъ, я желалъ показать истинную, монархическую, представительную систему съ ея различными преимуществами. Если я иногда не успѣвалъ въ моихъ предпріятіяхъ, судьбы мои не были ко мнѣ благосклонны. Иностранцы, которые бралъ за тѣ же самыя предпріятія, имѣли на своей сторонѣ счастье; у нихъ были могущественные друзья и спокойная родина; я былъ лишень этого счастья.

Изъ новѣйшихъ французскихъ авторовъ моего времени я чуть ли не одинъ, жизнь котораго отражается въ его сочиненіяхъ. Путешественникъ, воинъ, поэтъ, публицистъ, я въ дѣсахъ воспѣвалъ дѣсь, на кораблѣ описывалъ море, въ лагерѣ говорилъ о войнѣ, въ изгнаніи узналъ изгнаніе, при дворахъ, въ дѣлахъ, въ собраніяхъ изучалъ принцевъ, политику, законы и исторію. Грецескіе и римскіе ораторы принимали участіе въ дѣлахъ государства и раздѣляли его участь. Въ Италиі, въ Испаніи, въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху возрожденія, первые гениі писатели и артисты участвовали въ общественномъ дѣлѣ

женін. Какая бурная, но прекрасная участь Данте, Тасса, Камонеса, Эрсильи, Сервантеса.

Во Франціи наши древніе поэты и историки пѣли и писали во врѣтя странствованія и посреди сраженій; Тибо, графъ Шампаньи, Вильгарденъ, Жуанвиль заимствовали красоту своего слога изъ жизни полной приключеній; Фруассаръ знакомится съ исторіею на большихъ дорогахъ и узнаетъ ее изъ разсказовъ рыцарей и аббатовъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ и съ которыми продолжаетъ путь. Но начиная съ царствованія Франциска I, наши писатели стали людьми изолированными, дарованія которыхъ могли быть выраженіемъ ихъ ума, а не происшествій той эпохи.

Если мнѣ назначено жить, я представляю въ моемъ лицѣ, избраженномъ въ моихъ Запискахъ, правила, идеи, происшествія, перевороты, эпопею моего времени; тѣмъ болѣе, что я видѣлъ конецъ и начало свѣта, и что противоположные характеры этого конца и начала смѣшиваются въ моихъ сужденіяхъ. Я очутился между двухъ столѣтій, какъ при слияніи двухъ рѣкъ. Я погружался въ ихъ мутныя воды, удаляясь съ сожалѣніемъ отъ стараго берега, гдѣ я родился, и плыва съ надеждою къ неизвѣстному, куда стремился пристать новыя поколѣнія.

Замогильныя Записки, раздѣленные на книги и на части, писаны въ различное время и въ разныхъ мѣстахъ; это самое ведетъ къ отступленіямъ, напоминающимъ происшествія, случившіяся въ послѣднее время при описаніи мѣста, гдѣ я долженъ продолжать нить моего разсказа.

Разнообразныя происшествія и измѣнчивыя виды моей жизни также сливаются; мнѣ случалось въ дни моего благоденствія говорить о моихъ несчастіяхъ; а въ тяжкое время описывать дни счастья.

Различныя чувства разныхъ возрастовъ моей жизни, молодость, проникающая въ старость, тяжесть опытныхъ лѣтъ, опечаливающая мои безпечные годы, лучи моего солнца, начиная отъ своего восхода до заката пересѣкающіеся и сливающіеся, какъ разбѣянные отблески моего существованія, придаютъ моему труду роль неопредѣленнаго единства; моя колыбель сливается съ моей могилою, моя могила съ колыбелью; страданія становятся удовольствіями, удовольствія огорченіемъ; такъ что не отгадываешь, въ какомъ возрастѣ писаны эти Записки, молодымъ ли человѣкомъ или сѣдымъ старикомъ.

Я говорю это не въ похвалу себя, потому-что не знаю, хорошо ли это. Я говорю то что есть, что было.

Съ особенною отеческою почитательностію принялся я за сочиненіе этихъ Записокъ; я желалъ бы воскреснуть, въ часть предвидѣній, чтобъ держать ихъ корректуру: мертвые проверны!

Многіе изъ друзей моихъ просили меня напечатать теперь часть моихъ Записокъ; я не могъ исполнить ихъ просьбу. Во-первыхъ я буду, противъ своего желанія, не такъ откровененъ и не такъ правдивъ; и къ тому же я писалъ, воображая себя сидящимъ въ могилѣ. Сочиненіе поэтому приняло какой-то религиозный характеръ, который я не могу переменить, не повредивъ цѣлому; мнѣ трудно было бы заглушить этотъ дальній голосъ, который выходитъ изъ могилы и слышится въ продолженіе всего разсказа. Пусть извиняютъ мнѣ мою слабость, мою излишнюю озабоченность о судьбѣ бѣднаго сироты, который долженъ остаться послѣ меня на землѣ. Если я довольно страдалъ въ этомъ мірѣ, чтобъ быть въ другомъ счастливою тѣнью, то пусть нѣсколько слабыхъ лучей, освѣтитъ мою послѣднюю картину, смягчатъ недостатки живописца; жизнь мнѣ не къ лицу, смерть пойдетъ быть-можетъ лучше.

ПОХОРОНЫ ШАТОБРИАНА.

Іюля 22, въ Сентъ-Малò происходило погребеніе бренныхъ остатковъ Шатобріана. Множество народу изъ города и изъ всей страны присутствовали при этой величественной церемоніи. По порученію Французской академіи, г. Амперъ былъ главнымъ ея представителемъ при печальномъ торжествѣ. Надгробная рѣчь, имъ произнесенная, соответствовала чувствамъ дружбы и всеобщей печали, и произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Возвышенность, величіе, составлявшее въ особенности характеръ гевія Шатобріана, увѣнчали и его похороны. Мы передаемъ здѣсь рѣчь, произнесенную г. Амперомъ:

«Господа,

«Французская академія не могла не участвовать въ этой торжественной горести, въ этомъ необыкновенномъ почтеніи, которое вы такъ справедливо воздаете тому, кто оставилъ

уцѣлю ея славу. Голоса болѣе краснорѣчивые и числа болѣе извѣстныя долженствовали бы быть здѣсь ея представителемъ; но я охотнѣе мою настоящую ролью—постоянной благосклонности, которую удостаивалъ меня великій человекъ, теперь нами оплакиваемый; воспоминаніе теперь горестное о правѣ, которое я имѣлъ называться искреннимъ его другомъ, будетъ гордостью моею жизни.

«Въ продолженіе двадцати лѣтъ, почти каждый день я проводилъ по нѣскольку часовъ съ г. Шатобріаномъ.

«Подъ покровительствомъ дружбы, о которой имѣю право здѣсь напомнить, потому-что она была неизмѣнна до послѣдняго часа, я имѣлъ счастье удивляться вблизи тому, слава котораго наполняла свѣтъ, и любить его, удивляясь ему. Исполняя смиренный долгъ мой, я буду говорить о великомъ геніи, какъ о человекѣ. Впрочемъ они нераздѣльны, и мнѣ довольно будетъ только упомянуть о рѣдкихъ душевныхъ качествахъ и характерѣ г. Шатобріана, чтобъ дать вамъ понятіе о главнѣйшихъ чертахъ его генія, какимъ онъ проявился въ безсмертныхъ твореніяхъ; эти творенія были лучезарнымъ отблескомъ его самого. У великихъ писателей, какъ и у всѣхъ людей, нравственная сила есть источникъ и причина ихъ твореній.

«Религія занимаетъ первое мѣсто въ литературной славѣ г. Шатобріана. Нужно ли говорить, что авторъ Генія Христіанства, Мучениковъ и Путевыхъ Записокъ, былъ христіаниномъ и католикомъ, искреннимъ католикомъ. Болѣе убѣжденный по сердцу, чѣмъ по разсудку, онъ вѣровалъ потому, что плакалъ. Я вѣрую съ закрытыми глазами, говорилъ онъ. Вѣра этого прекраснаго генія была вѣра простосердечнаго его дѣтства и его матери. Великій защитникъ христіанства говорилъ еще, (я слышалъ это изъ его собственныхъ устъ), что онъ сдѣлался бы съ радостію мученикомъ.

«И въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому-что никто не показывалъ столько готовности жертвовать собою, чтобъ остаться неизмѣннымъ своимъ правиламъ, какъ онъ; никто съ такою persistence не подтверждалъ своихъ словъ дѣломъ, не останавливаясь опасностію.

«Я ссылаюсь здѣсь на многочисленныя помертвованія, которыя онъ сдѣлалъ во вторую половину своей жизни; честь была необходимою его нравственнаго бытія. «Если надобно что-

нибудь предпринять, говорилъ г. Шатобрианъ, то я дѣйствую по побужденію чести.»

«Это было то великодушное чувство, которое его вызвало изъ пѣдръ американскихъ лѣсовъ на мѣсто битвы, которое заставило его смѣло выйти въ отставку послѣ убійства герцога Ангійскаго, и позже, по случаю опредѣленія гибельнаго министерства. Послѣ смутныхъ дней 1830 года, въ которые побѣдителя носили его съ триумфомъ, опять честь предписала ему отказаться отъ всего, отъ почестей, богатства, политическаго вліянія. Связанный уваженіемъ къ присягѣ болѣе, чѣмъ обольщенный мечтами надежды, преданный своей независимости и вѣрности, онъ сохранилъ всеобщее уваженіе, не смотря на противуположныя начала разныхъ партій.

«Онъ всегда могъ уважать самого себя, а это рѣдкое достоинство для человѣка, безпристрастнаго къ самому себѣ; и когда годы отягчили его голову, одни годы заставили его преклонить это смѣлое и ничѣмъ не запятнанное чело, которое не унижалось ни предъ какой несправедливостью.

«Въ Діеппѣ я находился съ нимъ въ то время, какъ онъ узналъ о публикаціи извѣстныхъ іюльскихъ декретовъ. Я еще теперь слышу голосъ негодованія его; какъ будто теперь вижу его, величественнаго въ своемъ гнѣвѣ, передъ этимъ моремъ, которое намъ внимаетъ, между-тѣмъ какъ великолѣпное, закатывающееся солнце, на которое и въ ту минуту, онъ, какъ поэтъ, не могъ не любоваться, освѣщало его благородное лицо.

«Франція, которая въ своихъ лѣтописяхъ, мало насчитываетъ сыновъ, которыми бы она могла гордиться, не имѣла никогда болѣе преданнаго сына. Когда шла рѣчь о Франціи, голосъ г. Шатобриана имѣлъ всегда особенное выраженіе; онъ былъ исполненъ волненія и гордости. Старое знамя было его знаменемъ. Все, что придавало блескъ нашему отечеству, находило въ немъ оочувствіе.

«Въ его Замогильныхъ Запискахъ, которыя кажутся какъ будто писанными изъ-за гроба, и которыя смерть сдѣлаетъ извѣстными, увидятъ, что Наполеонъ, могущественный и самовластный, имѣлъ въ г. Шатобрианѣ смѣлаго и горячаго врага, когда еще борьба длилась; но за то ревностный противникъ имперіи, усмиранный временемъ и особенно обезоруженный несчастіемъ, нашелъ превосходныя, удивительныя слова о великомъ

вѣтерлооскоюя любвѣжденюмъ и великомъ узникъ острова Святой Елены.

«Не трудно было бы указать въ литературныхъ сочиненіяхъ г. Шатобріана отпечатокъ чувствъ религіозныхъ, чувствъ чести, независимости и патриотизма, которыя жизнь его намъ показала. Но здѣсь не время и не мѣсто для подобныхъ сближеній.

«Обыкновенная жизнь г. Шатобріана не заключала въ себѣ никакой торжественности, которая проявляется въ его слогѣ, и не имѣла мрачнаго характера, который часто встрѣчается въ его сочиненіяхъ. Мечтательный геній пѣвца разваливъ уступалъ мѣсто разуму чистому и свѣтлomu и даже довольно положительному, однимъ словомъ исполненному самыхъ лучшихъ качествъ. Его языкъ, такъ же какъ и его обращеніе, былъ чрезвычайно изященъ и также совершенно простъ. Грусть Рене оставалась въ высшей сѣерѣ его фантазій; можетъ-быть не скрывалась ли она въ тайныхъ глубинахъ его души, но она никогда не смущала пріятности его бесѣды. Тѣ, которые приходили къ г. Шатобріану, прочитавъ прежде его творенія и постигнувъ его ослѣпительную славу, были изумляемы нечаянностію, встрѣчая въ немъ тихую веселость, очаровательную снисходительность и постоянное спокойствіе, которое не было нарушаемо ни временною скорбью, ни приближеніемъ смерти. Но увы! она пришла, эта смерть, которою онъ часто пренебрегалъ и о которой мысль, сроднившаяся съ нимъ, была его любимой мечтой. Достойная подруга его жизни, опередившая его, какъ будто предсказала его близкую кончину. Его могущественная старость постепенно разрушалась. По мѣрѣ, какъ онъ приближался къ этому роковому предѣлу, казалось, онъ собиралъ мысли и заключался въ самого себя въ печальномъ величіи молчанія, которое представлялось наступающимъ молчаніемъ могилы. Однако онъ не былъ чуждъ того, что происходило вокругъ него. Все, что касалось религіи, преданности, храбрости, его трогало. Въ послѣдніе дни своей жизни, онъ проливалъ слезы, послѣднія слезы, услышавъ о геройской смерти парижскаго архіепископа, и слушая рассказы о подвигахъ молодыхъ воиновъ. Эти волненія потрясали его безмольвную душу, какъ клики, долетающіе съ поля сраженія, потрясають безмольвную арфу Оссіана, висящую въ покиннутыхъ залахъ Теморы.

«Если г. Шатобріанъ соединялъ въру христіанина, честь рыцаря, патриотизмъ гражданина, если онъ всегда имѣлъ сердце

Французъ, онъ также былъ совершеннѣе типомъ Бретани, праводушнымъ, искреннимъ, независимымъ и нѣсколько дикимъ. Бретань была ему всею душою дорога. Съ самою славою восточнѣйшаго его дѣтства, мечты юности, творили его жизнь.

«Въ лобуржскихъ лѣсахъ онъ жилъ жизнью Рене; на сумрачныхъ скалахъ Арморикки ему явился ошеломительный приракъ Валледы. Наконецъ онъ еще разъ доказалъ свою привязанность къ Бретани и въ особенности къ вѣчному городу, къ этой могучей странѣ, исполненной поэзіи; на этихъ скалахъ, посреди волнъ, вы узнаете холмъ г. Шатобріана, и тутъ же онъ сѣдѣлъ себѣ могилу.

«Да вѣстѣ онъ, этотъ великій смертный, въ припадкѣ, навсѣмъ избранномъ, подлѣ сѣвнѣ креста, нѣ воздвигнутаго при шумѣ родныхъ волнъ любимого имъ моря. Гранитная могила сохраняетъ свой драгоцѣнный залогъ; но въ чемъ я болѣе увѣренъ, имя Шатобріана, неразрушимѣ вашихъ гранитныхъ береговъ, будетъ возвышаться надъ великимъ приливомъ вѣковъ, который безпрестанно поднимается за нами, и который подъ своимъ уровнемъ, всегда возрастающимъ, поглощаетъ каждый день новую вершину прошедшаго и уноситъ въ потокъ забвенія. Мы можемъ смѣло сказать, что намъ остается одно земное утѣшеніе, которое можетъ усладить вашу скорбь: жизнь славы великихъ людей, которой достигъ г. Шатобріанъ, пройдя самое блистательное и безукоризненное поприще; эта жизнь славы, начинающаяся для него вмѣстѣ съ безсмертіемъ небеснымъ, которому мы поклоняемся съ благоговѣніемъ, молитвами и слезами, не прекратится до тѣхъ поръ, пока наша планета не разрушится или послѣдніе слѣды человѣческіе не будутъ стерты съ лица земли.»

Критика и Библиографія.

Альціона. Учено-литературный Сборникъ, изданный Константиномъ Зеленецкимъ. Выпускъ первый. Въ 8 д. 54 страницы. Одесса. Въ типографіи Т. Неймана и комп. 1848.

Отъ 1831 до 1833 года издавалъ я, здѣсь въ С. Петербургѣ, Альманахъ, для котораго придумалъ я небывалое дотолѣ въ заглавіи альманаховъ, журналовъ и сборниковъ имя *Альціоны*, сообразно съ тѣмъ, что выходъ нашихъ тогдашнихъ альманаховъ — въ декабрѣ мѣсяцѣ, къ наступающему новому году — совпадалъ со временемъ насъживанія птицы этого имени (*alcedo isipida*, по-русски *зимородокъ*): за семь дней до кратчайшаго дня и семь дней послѣ того, по сказанію Аристотеля. Извѣстно, что альціона любитъ уединеніе морское и даже высъживаетъ своихъ птенцовъ на-морѣ, въ *нпздѣ*, *зыблемомъ водами*, какъ говоритъ Овидій, на концѣ своей сказки:

*Perque dies placidos hyberno tempore septem
Incubat Halcyone pendentibus æquore nidis.*

Это семидневное, или двухнедельное, *безътрепѣ*—*dies placidi*—называлось у древнихъ *alcedonia* (*sc. tempora*) или *dies alcyonei*, т. е. красные, праздничные дни, когда море спокойно. Въ то время, когда я издавалъ свою *Альціону*, въ нашей словесности были эти *альціонные дни*; въ моемъ альманахѣ участвовали своими трудами

Жуковский, Пушкинъ, Марлинскій, Гибдичъ, Баратынскій, Ф. Н. Глинка, Языковъ, Подолинскій—имена, завѣтныя для русскихъ музъ! Съ году на годъ все труднѣе дѣлалось составленіе порядочнаго альманаха... я прекратилъ изданіе, отнюдь не на-всегда, но только *до прихода* новыхъ альціонныхъ дней въ нашей литературѣ. Видя съ сожалѣніемъ, что эти красныя денечки долго не приходятъ, я, для *охраненія своихъ привъ* на счастливое мое *изобрѣтеніе* имени Альціоны—(сказалъ же Пушкинъ, разумѣется шутя, какъ и мы шутимъ здѣсь: «Г-нъ Булгаринъ геній, ибо *изобрѣлъ* имя *Выжжина*»)—и повторяю, по сказанной причинѣ, развилъ свои поэтическія крылья и пропѣлъ чисто-анакреонтическую пѣсню: *Кѣрилось*, увѣренный, что ею охранилъ на-всегда, по крайней мѣрѣ до конца моихъ дней, исключительное право свое на имя «Альціоны». Посудите сами: была ли то увѣренность неосновательная? Вотъ моя охранительная пѣсня:

Кѣрилось.

Старикъ подагрой ногу своихъ лишень,
 Но разговорчивъ, ласковъ, милъ и веселъ;
 Повтъ въ душѣ—старикъ Анакреонъ—
 Бесѣдою насъ всѣхъ плѣняетъ онъ
 И радуеть съ своихъ страдалныхъ креселъ.
 Не чудно ли? Живительнымъ умомъ
 Преодоляъ онъ плоти бытъ печальнымъ,
 И грація ума такъ живо въ немъ
 Напоминаеть возрастъ идеальнымъ!
 Его обстали дѣвнцы вѣнцемъ,
 Чьихъ матерей бываель онъ идолъ бальнымъ.
 Онъ съ ними шутить и ласкаеть ихъ,
 И свѣтлый рой красавиць молодыхъ
 Вокругъ него, заигрывая, вьется,
 Шумить, шалить, и съ искрами въ очахъ,
 При звонкомъ, бѣгломъ говорѣ въ устахъ,
 Катить его на креслахъ и смѣются,
 И такъ и носятъ старца на рукахъ!
 И радостенъ и молодъ старецъ хилый,
 И дѣвнцамъ съ улыбкой говорятъ:
 «Такъ Кѣрилось, самецъ альціонидъ,
 На старостѣ, когда уже нѣтъ силы,
 Когда ему, въ разлетахъ временныхъ,

Уже не служить собственная крыль,
Несемъ на крыльяхъ самокъ молодыхъ!»

Скажите: чье ледяное сердце не растопится—или не растопилось—отъ эллинскаго дуновения этого умилцательнаго анакреонтизма? Могъ ли я, послѣ этой пѣсни, не надѣяться, что и *меня*, на старости—безвогаго и безкрылаго Керилоса — понесетъ на своихъ крылышкахъ моя юная *Альціона*, мое единственное сокровище литературное, доставившее мнѣ нѣкоторую извѣстность и вспоминаемое съ похвалою даже недругами моиими. Что было мнѣ пользы отъ всѣхъ моихъ писаній? А между тѣмъ я стремился къ высшему въ искусствѣ, въ моемъ романѣ «Сидонскій», въ двухъ моихъ послѣднихъ трагедіяхъ: «Дочь Іоанна III» и «Гелимеръ, послѣдній царь Вандаловъ». Еще мнѣ неизвѣстно, какъ принять *публикою* мой «Сидонскій», помѣщенный въ V и VI № № нашего журнала за текущій годъ; только знакомые, встрѣчные и поперечные, горько упрекаютъ меня окончаніемъ моего романа: «Зачѣмъ вы некончили *свадьбою*: тогда романъ вашъ былъ бы хорошъ! ужели не будетъ *второй* части?» Преклоняю повинную голову, извиняюсь и отвѣтствую безмолвіемъ на послѣдній вопросъ. А за «Альціону» никто не бранилъ издателя; для всѣхъ она была милая гостыя—а это—то сокровище мое, эту единственную овечку бѣдняка отнялъ теперь у меня человекъ богатый, г въ Зеленецкій, у котораго *цѣлое стадо* овечекъ, а именно:

«Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ. Четыре книжки. Москва, 1835—36, in 8°.»

«Изслѣдованіе значенія, построенія и развитія слова человеческого и приложеніе сего изслѣдованія къ языку русскому. Москва, 1837, in 8°.»

«Система и содержаніе философскаго языкоученія: С. Пб. 1841, in 8°.»

«О языкѣ церковно-славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ. Одесса, 1846, in—4°.»

«Исследование о первоначальном составѣ и въ отношеніяхъ ея къ логикѣ и къ изукѣ о словѣ. Одесса, 1846. in—8°,»

«Объ особенностяхъ языка русскаго и объ отношеніи его къ языкамъ западно-европейскимъ. Одесса, 1848, in 4°.»

Огромное стадо, простирающееся отъ Финскаго залива до Чернаго моря—отъ С. Петербурга черезъ Москву до Одессы! Крѣпкіи шутокъ: ужасн авторъ толпѣнхъ глубокоученыхъ изслѣдованій, трактатовъ и диссертаций не могъ выдумать новаго собственнаго, другимъ еще не употребленнаго имени для своего Сборника? Вообще замѣчаютъ, что у глубоко-ученыхъ людей мало бываетъ воображенія, потому-что огромный перевѣсъ на сторонѣ ума; но много ли требуется воображенія, или памяти, чтобы выдумать, или выбрать—хоть изъ славянской миеологии—новое имя для учено-литературнаго труда? Вѣроятно, г-ну Зеленецкому полюблилась милая птичка, витающая въ пустынѣ морской и свивающая свое гнѣздо на-морѣ. Она темно-синяго цвѣта, отливающагося пурпуромъ и зеленью; пѣніе ея мелодически-жалобное; величиною она съ жаворонка. Но, если полюблилась птица, то въ такомъ случаѣ издатель могъ бы взять себѣ русскія ея наименованія: *зимородокъ*, *ледешникъ* или *камокъ*; или названіе французское: *Мартынъ-рыболовъ* (*Martin-pêcheur*); или—наконецъ, если греческое имя милѣе, то хотя *Гальціона*, какъ находимъ у Жуковскаго, въ его переводѣ Овидіевой сказки. Я предпочелъ произношеніе іоническое: *Альціона*—и г. Зеленецкій перехватилъ у меня *Альціону*, можетъ-быть, не зная моего охранительнаго *Керилоса*. Какъ бы то ни было, публика на-вѣрное не одобритъ этого неудачнаго заимствованія. Гораздо улачнѣе, эффектнѣе, заманчивѣе было бы, напримѣръ заглавіе: «*Мартынъ-Рыболовъ*, учено-литературный Сборникъ.» Ни съ какой стороны не было бы претензій, и такое оригинальное названіе учено-литературнаго Сборника, изданнаго столь почтеннымъ ученымъ, сильно подстрекнуло бы любопытство публики. Жаль! Что касается до меня, то я, вы-

«давать свое неудовольствіе въ предисловіи, рассмотрю уиѣ безъ дерзца эту одесскую «Альціону.»

Странно, что нѣтъ предисловія, никакой вѣсти о томъ, сколько будетъ выпусковъ? Вѣдѣте предисловія, находимъ изъ Валлона анигравъ, который переведенъ по-русски: «Какъ въ художествахъ, такъ и въ жизни, есть вѣчная истина и непреходящія формы... Истина—то, что доходитъ до глубины сердца човѣческаго; все прочее только покрывъ, измѣняющійся по теченію года и по прихотямъ употребленія.» Анигравъ отъ хорошъ, но ничего не объясняетъ, на счетъ «Сборника учено-литературнаго,» и не имѣетъ никакого отношенія къ черноморскому «Мартину-Рыболову,» какъ находимъ мы, по прочтеніи нѣскѣхъ его статей. Ихъ пять: I. Сикстинская Мадонна. II. Изъ диссина Оттилія. III. Классицизмъ и Романтизмъ въ своемъ историческомъ значеніи. IV. Нѣсколько словъ о западѣ. V. Афоризмы и стихи.

«Сикстинская Мадонна. Опытъ критико-эстетической оцѣнки картины Рафаэля Санціо d'Урбино: *Madonna di san Sisto*, хранящаяся въ дрезденской картинной галлерей.»

Какое педанство! Какая напыщенность и чуждость! Не лучше ли было сказать по-просту: «Нѣсколько словъ о сикстинской Мадоннѣ?» Всамъ знасть, что она—картина Рафаэля и гдѣ она находится; всего болѣе подобаетъ намъ простота, въ виду возвышеннаго, священнаго предмета! «Опытъ критико-эстетической оцѣнки картины Рафаэля!» Уже ли авторъ нашъ воображалъ себя въ состояніи оцѣнить столь дивное созданіе гонія! Мы можемъ говорить только о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на насъ гоніальнымъ созданіемъ; но кто его оцѣнилъ! Разсмотримъ же этотъ опытъ критико-эстетической оцѣнки: «Многіе думаютъ, что это подлинное произведеніе киста Рафаэля; другіе, напротивъ, считаютъ эту картину *противенемъ*, содѣланнымъ ученикомъ его Джуліо Романо. «*Противень!*» Какой изумительный пурризмъ; но этотъ опытъ критико-эстетическаго куріана насмѣшилъ съ перваго шагу: авторъ ирѣдко завнулся

за архангелъ и потѣшилъ насъ «сдѣланными ученикомъ!». Если бы, вмѣсто противна, стояло обыкновенно слово *конія*, то не было бы *сдѣланною ученика*, т. е. оборота, смѣшнаго отъ соединенія этихъ двухъ словъ и—въ добавокъ—несвойственнаго русскому языку. Такія обмолвки простибельны въ журналахъ, въ срочной работѣ; иная статья дописывается наканунѣ 1-го числа, когда долженъ выйти новый номеръ журнала: не успѣешь пересмотрѣть написанное! Но опытъ критико-эстетической оцѣнки картины Рафаэля Санціо д'Урбино пишется не къ сроку и, въ продолженіе цѣлаго года (какъ видимъ изъ означеннаго подъ статью числа) можно бы выправить всѣ недосмотры. Чтò же выйдетъ новаго въ этомъ критико-эстетическомъ опытѣ? Ничего! Авторъ говорить то же самое, что говорили и другіе, т. е. чтò въ этой картинѣ нѣтъ ничего земнаго, чисто-человѣческаго; нѣтъ никакой страсти, никакой конечной суетной мысли; нѣтъ ни красоты, ни граціи, ни улыбки любви (*материнской*—надо бы было прибавить), ни материнскаго умиленія, ни печали, ни соболизмованія, ни женской стыдливости и проч. Однимъ словомъ: это *небесная* о Мадоннѣ *мечта* выпрепнаго гения, олицетворенная *небеснымъ* образомъ, т. е. безо всякой примѣси земнаго. То, что земной художникъ могъ, въ этой картинѣ, сложить съ себя все земное, сдѣлать ее, въ этомъ родѣ, небывалымъ еще чудомъ искусства; это чудо тѣмъ замѣчательнѣе, что переходить за предѣлы изящнаго! потому мы менѣе прѣнимаемъ эту картину, нежели влечемъ ея къ молитвѣ, возносимся къ небесамъ. Одни *ангелы* могутъ глядѣть на свистинскую Мадонну съ тѣмъ чувствомъ, какое ощущаемъ мы передъ другими Мадоннами Рафаэля и прочихъ великихъ мастеровъ. Если же отважиться на «опытъ критико-эстетической оцѣнки» этого дивнаго произведенія, если свести оное подъ горизонтъ земнаго искусства и судить по чувствамъ и понятіямъ чисто-человѣческимъ, то какъ же не сознаться, что именно это совершенное отсутствіе всякаго земнаго выраженія, и любви, и умиленія, *материнскихъ*, какъ-то не согласуется съ присутствіемъ

емъ божественнаго младенца на рукахъ Мадонны и ни сколько не походить на божественный первообразъ Богородицы, изображенный въ Св. Евангеліи. *Одна, безъ младенца на рукахъ, сикстинская Мадонна долѣ плѣнула бы насъ, бѣдныхъ, ограниченныхъ жильцовъ этого міра—тѣмъ совершеннымъ отсутствіемъ всѣхъ чисто-человѣческихъ чувствъ, даже материнскихъ любви и умиленія, которыхъ мы отнюдь не признаемъ чѣмъ-то суетнымъ и конечнымъ. Вотъ это былъ бы, по крайней мѣрѣ, новый взглядъ, оправдываемый съ точки зрѣнія критико-эстетической.*—На концѣ своей статьи, авторъ, насмотрѣвшись на сикстинскую Мадонну, «обратился на право и увидѣлъ двѣ другія картины, на которыхъ также изображена была Богоматерь.»—«Признаюсь,» продолжаетъ онъ, «и это не выдумка—я устыдился самого себя (III), устыдился того впечатлѣнія, которое произвели на меня эти картины, той мысли, которую онѣ родили во мнѣ, не смотря на всю ея невинность» (какъ можно стыдиться совершенно невинной мысли?)—«непорочность сказать нельзя, ибо возлѣ меня былъ образъ непорочности вѣчно-дѣвственной. Я увидѣлъ лица женщинъ, которымъ произвольно дали значеніе Пречистой Дѣвы. Чувство мое и мысль моя соверщали земное. Я прочелъ имя художника—и это былъ Антонио Аллегри, прозванный *Корреджіо!*»

Какъ? Авторъ *устыдился самого себя* передъ Мадонною Корреджіо, яко бы недостойною близости сикстинской Мадонны! Вотъ одна изъ несноснѣйшихъ аффектацій трансцендентальности, оскорбляющихъ здравый, чистый умъ и такъ и напрашивающихся на ѣдку сатиру. Повторяемъ: сикстинская Мадонна есть *небесная мечта* художника, углубившагося въ священную мечтательность, дивнымъ образомъ олицетворенная на холстѣ—предметъ удивленія для ангеловъ, но *намъ, земнороднымъ*, насколько не напоминающая святой Первообразъ Богородицы въ Евангеліи. Сикстинская Мадонна выражаетъ идею позднѣйшую, которая была вовсе неизвѣстна первымъ Христіанамъ—идею совершеннаго отчужденія всякихъ чувствъ земныхъ. Напротивъ,

во Св. Писаніи, Богородица всегда является вѣнчанною Матерью. Въ послѣдній разъ мы видимъ ее при Крестѣ распятаго Бого-человѣка. Только Св. Богоматерь могла видѣть столько небеснаго величія души, чтобы присутствовать при великой, мучительной казни своего Божественнаго Сына! Вотъ преобрѣженіе *материнства*, какъ Благовѣщеніе было преобрѣженіемъ пречистой дѣвственности! Не удивляйтесь же чистѣйшимъ чувствамъ земнымъ на священномъ ликѣ *дщери* изъ царственнаго дома Давида, ослѣщеніемъ Духа Святаго воставленной въ Богоматери и въ Царицы Небесныя; и *подавно не устыжайтесь самого себя* передъ ликомъ тѣхъ Мадоннъ, на которомъ художникъ съумѣлъ выразить восхитительное согласіе природы человѣческой съ небесною. При сужденіи о Мадоннахъ славныхъ живописцевъ, держитесь всегда глубокой *истины* и преобрѣженной *природы*, которыми дышитъ Святое Писаніе. Очень жаль, что авторъ этою аффектаціею, этимъ перетоненіемъ чувства *несады* на *мель*, у самого входа въ *гавань*, свой критически-эстетическій корабль, шедшій на полныхъ парусахъ. Безъ этого неудачнаго окончанія, статья была бы очень порядочна: она читается легко и пріятно.

Въ началѣ второй статьи, авторъ, рассказавъ содержаніе Гётева романа: «Избирательныя Сродства» (*Die Wahlverwandtschaften*), продолжаетъ такъ: «Чтобы познакомить читателя съ характеромъ Оттиліи (героиня романа), мы извлекли изъ ея дневника нѣсколько мыслей и, слѣдуя аналитическому направленію вѣка, пытались *разложить* ихъ и привести къ прозаическому сознанію. — Авторъ, по нашему мнѣнію, слѣдовалъ бы лучше, если бы, безо всякихъ комментариевъ, перевелъ бы изъ дневника Оттиліи столько, сколько могъ бы помѣстить въ своемъ Сборникѣ. Гдѣе одинъ изъ тѣхъ *внудитивныхъ умовъ*, которые синтетически схватываютъ свой предметъ съ удивительною вѣрностію, и которыхъ мысли о частномъ — поэтому — такъ прозрачны и опредѣленны, что сами собою разлагаются передъ читателемъ и сознаются имъ; отнюдь не нуждался въ

воображеніи разломана и въ талантѣ чуждаго мастера. Вотъ тому доказательство:

(Текстъ Гёте) «Мы никогда не довольны портретами тѣхъ лицъ, которыхъ знаемъ и особенно тѣхъ, которые близки къ намъ. Поэтому, я всегда сожалею о портретныхъ живописцахъ. Отъ людей вообще рѣдко требуемъ мы невозможнаго; а отъ художниковъ этого рода хотимъ именно того, что невозможно. Портретистъ долженъ передать намъ лицо, близкое къ намъ, не такъ, какъ оно является ему, а въ тѣхъ чертахъ, какъими оно говоритъ собственно нашему воображенію, нашему сердцу, нашей душѣ». (Эта фраза передана невѣрно: Sie sollen einem jeden sein Verhältnias zu den Personen, seine Neigung und Abneigung mit in ihr Bild aufnehmen; sie sollen nicht blos darstellen, wie sie einen Menschen fassen, sondern wie jeder ihn fassen würde.) «Я не удивляюсь, что живописцы этого рода мало-помалу становятся простыми ремесленниками» (этого нѣтъ у Гёте), дѣлаются своеобразными и равнодушными къ своему занятію. Ихъ напрасныя усилія, передать намъ лицо близкое, ничего не значили бы однако жъ, если бы отъ этого не исчезали для насъ на портретѣ выраженія и черты, которыя такъ дороги намъ—если при этомъ не терялась душевная бесѣда наша съ любимымъ лицомъ». (Признаемся, что эта беспорядочная фраза заставляла насъ приняться за подлинникъ, для повѣрки перевода, и мы находимъ, что эта фраза переведена еще невѣрнѣе, чѣмъ вышеозначенная! Вотъ точный переводъ: «Пусть бы изъ этого вышло, что угодно, если бы только мы именно черезъ то не лишились портретовъ многихъ дорогихъ намъ особъ»).

Посмотримъ теперь, какъ авторъ нашъ *«разлагаетъ»* эту мысль и приводитъ къ прозаическому сознанію:

— Лучи душевнаго бытія человѣческаго зараждаются въ умѣ болѣе или менѣе сознательною мыслию и жизненно трепещутъ въ сердцѣ. Они пробиваются сквозь тѣло человѣческое, но *идти въ семь послѣднихъ* не останавливаются и не выражаются съ такимъ разнообразіемъ и опредѣлительностью, какъ въ лицѣ

его.» — (Въ чемъ лицѣ? тѣла человѣческаго? тутъ нѣтъ ничего подлежащаго!)

Неужели, безъ того, не знали мы, что лицо есть *зеркало души*? Неужели текстъ Гётевъ, самъ собою, не представляетъ намъ гораздо лучшаго и полнѣйшаго толкованія? *Новость* для насъ только то, что *лучи душевнаго бытія* пробиваются сквозь тѣло, стало-быть и въ спину, поясницу, бока и такъ далѣе? да, *пробиваются*, но только мимоходомъ, и не съ такимъ разнообразіемъ и съ такою опредѣлительностью, какъ въ *лицѣ тѣла человѣческаго*. Вотъ какъ разлагають мысли Гётевы и приводятъ къ *прозаическому* сознанію! Прекрасная проза! Можно ли *такъ* поступать съ великимъ *Гёте*, такъ переводить его? Гёте вообще несчастливъ на Русь: по излишней простотѣ его рѣчи не догадываются о гениальномъ величіи его, и съ нимъ обходятся за панибрата. Если бы вразумились въ пластичеккую оконченность его прозы, то не иначе какъ съ благоговѣйнымъ страхомъ дерзали бы на переводъ ея. Стихотворенія же его просто не переводимы; самъ Жуковский не вмѣлъ въ томъ полного успѣха! А между-тѣмъ нѣкто, съ удивительною, истинно-юношескою смѣлостью принялся за переводъ *Римскихъ элегій* Гётевыхъ и сообщалъ мнѣ образчикъ своего перевода. Будучи мало знакомъ съ нимъ, я находился въ большомъ затрудненіи; но, замѣтивъ, что переводчикъ не выразумѣлъ *пентаметра* и считаетъ его тѣмъ же *гекзаметромъ*, только укороченнымъ на концѣ, вся моя критика сосредоточивалась на пентаметрѣ; я толковалъ переводчику этотъ стихотворный размѣръ, тутъ же сочинялъ пентаметры, чтобы запугать переводчика трудностью этого размѣра. Напрасный трудъ! Черезъ нѣсколько времени вышелъ въ печать переводъ «*Римскихъ элегій*» Гётевыхъ, и въ немъ, вмѣсто пентаметра, нашелъ я ту же путаницу, что и въ рукописи. Переводъ между тѣмъ удостоился похвалы чуть ли не во всѣхъ нашихъ современныхъ изданіяхъ. — Возвратимся къ одесской «*Альціонѣ*».

«Классицизмъ и Романтизмъ въ своемъ историческомъ значеніи». Боже мой, опять *ученая* статья! Когда же будетъ *литературная*? Черноморскій *Мартынь-Рыболовъ* вѣдь называется *учено-литературнымъ* Сборникомъ! Названіе очень несчастное! Когда ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не удавались эти *учено-литературные* Сборники, то, конечно, еще менѣе удадутся въ *Одессѣ*. *Именъ* нѣтъ въ этомъ Сборникѣ: изъ чего должно за-

ключить, что всё пять статей принадлежать гадателю. Ужели въ наше время нашелся еще человекъ, толкующій серьезно о такомъ поддержанномъ, избытомъ предметѣ, каковъ бывшій французскій классицизмъ и новѣйшій французскій жеромантизмъ, да еще объ ихъ историческомъ значеніи? Англія всегда чуждалась этого классицизма? Германія весьма не долго была подъ вліяніемъ его. У насъ, первые драматическіе писатели болѣе ему рабствовали, и мы благословили бы вліяніе его, если бь оно произвело у насъ хоть одно драматическое твореніе, которое выдержало бы сравненіе съ пьесами Корнеля, Расина, Вольтера. Назовите, какъ угодно, ихъ классицизмъ, но все-таки произведенія ихъ—чисто классическія, образцовыя. Лучшимъ изъ нашихъ прежнихъ трагиковъ считаютъ Озерова. Неужели повредила ему школа французская? Нисколько! Напротивъ, эта классическая форма еще кое-какъ спасаетъ его пьесы. Если бы Озеровъ былъ подражателемъ Шекспира, то повѣрьте, недостатокъ или малый ростъ таланта его выказывался бы гораздо рѣзче. Гдѣ же историческое значеніе этого классицизма? А новѣйшій жеромантизмъ рѣшительно остается въ предѣлахъ одной Франціи, не отзываясь ни въ одной изъ другихъ европейскихъ литературъ: стало-быть, это мыльный пузырь, который тамъ и лопнетъ, и еще менѣе, чѣмъ классицизмъ имѣетъ историческое значеніе.—Авторъ, на 46 страницѣ, называетъ *Федру* Расинову—*бездушною!* Кто не вразумился въ это мастерское произведеніе, можетъ ли тотъ судить о французскомъ классицизмѣ?

Четвертая статья Сборника, все еще не литературная, а политическая. Въ ней, между прочимъ, сказано: «За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ (передъ симъ?) въ Москвѣ явилось мнѣніе, что западъ устарѣлъ и клонится къ упадку. Въ порывѣ убѣжденія, мнѣніе это было высказано довольно рѣзко словами: «Западъ гниетъ!» Надъ этимъ начали смѣяться. Мало того, Москвичей назвали, «Славянофилами» и иногда подсмѣивались надъ ними, правду сказать, довольно оскорбительно. Вышло однако жъ, что въ Москвѣ не совсѣмъ ошиблись. Событія трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ показываютъ, что на западѣ, въ основахъ его гражданственности, обнаружился въ самомъ дѣлѣ какой-то провалъ, показывающій,» (сейчасъ передъ этимъ было показывають) пусть говорятъ, что хотятъ—своего рода гніеніе тѣхъ нравственныхъ началъ, которые поддерживаютъ и скрѣпляютъ общество.»

Не вдаваясь въ разборъ этой статьи, перейдемъ къ следующей:

Статья V. *Афоризмы и стихи*. И послѣдняя статья этого Сборника не литературная! Зачѣмъ же возложилъ онъ на себя наименованіе *учено-литературнаго*? Неужели думаетъ онъ, что нѣтъ въ Руси людей, которые выведутъ его на свѣжую воду и упрекнутъ титулярнаго его названіемъ? Взглянемъ на афоризмы.

«Люди твердятъ о безкорыстіи; но есть ли хотя одинъ человѣкъ, который бы вполне былъ безкорыстенъ? онъ требуетъ за свою услугу по крайней мѣрѣ благодарности. Развѣ благодарность не то же возмездіе, не та же плата, а самотребованіе не та ли же корысть?»

Неправда! благодарность, нѣчто невещественное, не есть *корысть*! А кромѣ того, есть и люди, вовсе не требующіе благодарности! Я, первый, не требую ея отъ критикуемыхъ мною авторовъ и издателей плохихъ сборниковъ, хотя, по своимъ понятіямъ, и оказываю имъ не малую услугу тѣмъ, что безмездно указываю на ихъ недостатки! это меня отнюдь не тѣшитъ, но огорчаетъ.

«Больно однако жъ найдти въ человѣкѣ, которому сдѣлали мы добро, неблагодарность,—больно не за себя; не за лишеніе той или другой выгоды со своей стороны, но за *него самого*. Больно видѣть, какъ въ этой неблагодарности унижается то сердце, которое, въ минуту благодаренія, считали мы достойнымъ соболъзнованія, считали человѣческимъ, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова.»

Припомните же, г-нъ Зеленецкій, *эти слова*, по прочтеніи нашей критики на вашу Альціону!

Стиховъ мы не приводимъ, по причинѣ отсутствія въ нихъ поэтическаго достоинства.

ВАРОНЪ РОЗЕНЪ.

Пѣшеходная опись части русскихъ владѣній въ Америкѣ, произведенная лейтенантомъ Л. Загоскинымъ, въ 1842, 1843 и 1844 годахъ. Съ меркаторскою картою, исправленнымъ на мѣди. 2 части. С. Петербургъ. 1848.

Лейтенантъ Загоскинъ предпринялъ трудное и не безопасное путешествіе въ дикихъ и почти безвѣстныхъ странахъ Америки,

по порученію высшаго правленія русскихъ колоній въ Америкѣ. Цель его странствованій состояла въ обзорѣ бассейновъ рѣкъ Коюзюка и Куспюкина.

Четвертаго мая 1842 года, г. Загоскинъ, выхѣлъ съ изобрѣшенными имъ шуптивками, оставилъ Новоархангельскъ, по тропинѣ нашихъ колоній. Послѣ благополучнаго плаванія по водамъ Восточнаго океана, бригъ Охотскъ, на которомъ находился г. Загоскинъ, 27 іюня вечеромъ, прешелъ между островами Святаго Лаврентія и Чулетскимъ Несою и на утро, обогнувъ сѣверную оконечность острова, спустился къ острову Азіаку. 29 іюня, когда бригъ заштыль въ густомъ льду, г. Загоскинъ увидѣлъ одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя, въ холодныхъ странахъ сѣвера, такъ отрадны для взора, утомленнаго однообразіемъ видовъ, и такъ заманчивы для смѣлыхъ промышленниковъ. «Множество моржей, съ своими малютками, говоритъ нашъ путешественникъ: оглушая насъ ревомъ, то шаркались на судно, то кувыркались, то выгѣзая на ближнія льдины, какъ бы съ удивленіемъ смотрѣли на чуждаго собесѣда. Мы не имѣли времени заниматься ими, иначе могли бы настрѣлать и наколеть штукъ до сотни.» Въ тотъ же день, къ вечеру, бригъ, съ помощію весель и легкаго южнаго вѣтра, выбрался на вольную воду, и потомъ десять сутокъ, болѣею частию при пасмурной погодѣ, плылъ между островами Святаго Лаврентія и материкомъ Америки, подходи почти каждодневно къ сплошному ледяному полю, которое тянулось отъ мыса Азагачьякъ, черезъ весь заливъ Нортона, къ мысу Родней. Наконецъ 9 іюля, бригъ вошелъ въ заливъ Нортоновъ и на слѣдующій день спустился къ редуту Св. Михаила. Этимъ и оканчивается морское плаваніе г. Загоскина. До 1 августа, онъ пробылъ въ редутѣ, команду котораго составляютъ двадцать девять человекъ, включая въ то число управляющаго и двухъ старостъ или лоцмановъ. Отсюда, на байдарѣ онъ отправился въ селеніе или, какъ называютъ компанейцы, жило туземцевъ, Кикхтэгукъ, не далеко отъ редута.

«Отъ редута до Кикхтэгука, берегъ состоитъ изъ поздраватаго базальта, и такой же обгорѣлой лавы; на мысахъ такіе камни, отъ одного до десяти квадратныхъ футовъ величиною, нагроможденные одинъ на другой безъ всякаго порядка, представляютъ довольно странныя фигуры. Самый берегъ утесистъ, футовъ до двадцати высотъ. Прибрежные отлогіе холмы, отъ

150 до 200 футовъ высоты, весьма разнообразнѣ мѣстоположеніе и служатъ пастбищемъ оленей. За ними малахъ (малахъ считаются итальянскія, по 60 въ градусѣ) въ тридцати отъ берега, возвышается настоящій хребтъ горъ. Отдѣльными соеки отъ 500 до 1,000 футовъ высоты имѣютъ всѣ на своихъ вершинахъ котловины. По словамъ туземцевъ, на нѣкоторыхъ соекахъ находятся озера. Жило Кикхтагукъ расположено на небольшомъ выдавшемся къ сѣверу мысѣ. На жилѣ четыре жилища (зимвіа жилища) и двадцать восемь душъ обоего пола. Мѣсто это въ торговомъ отношеніи важно, какъ пунктъ ближайшаго сообщенія прибрежья съ квихнакскимъ бассейномъ, посредствомъ рѣчекъ Нынгвильнукъ и Анвигъ.»

Рѣчка Нынгвильнукъ впадаетъ не далеко отъ Кикхтагуна, въ Нортонувъ заливъ. При ея устьѣ, въ песчано-глинистыхъ берегахъ бухты находятъ кости ископаемыхъ слоновъ и мастодонтовъ. Посѣтивъ эти мѣстности, г. Загоскинъ вскорѣ возвратился въ редутъ и около трехъ мѣсяцевъ употребилъ на приготовленіе къ путешествію къ рѣкѣ Квихнакъ, посвящая при этомъ досужее время на обозрѣніе страны и на собраніе свѣдѣній объ образѣ жизни туземцевъ и особенно объ ихъ торговыхъ сношеніяхъ между собою. Мы напередъ познакомились съ мѣстностію американской квартиры г. Загоскина.

Редутъ Св. Михаила основанъ въ 1833 году, на островѣ, называемомъ теперь островомъ Св. Михаила. Въ немъ находятся слѣдующія строенія: домъ для управляющаго редутомъ, казарма для служителей, два магазина, товарный и провіантскій, амбаръ для складки туземныхъ товаровъ, баня и кухня въ одной связи. Всѣ эти строенія на пространствѣ двадцати пяти квадратныхъ саженъ обнесены деревяннымъ заборомъ въ пять аршинъ вышиною. Двѣ будки, на противоположныхъ сторонахъ ограды, вооружены шестью трехъ-фунтовыми пушками. Въ оградѣ находятся кузница, кажимъ для пріѣзжающихъ туземцевъ и часовня. Всѣ эти зданія расположены на склонѣ небольшого мыса, имѣющаго болѣе 30 футовъ высоты надъ поверхностію моря. Кругомъ стелется тундра, поросшая мхами и другими свойственными тундрамъ растеніями. Эта почва доставляетъ обитателямъ редута шакшу, морошку, голубику, бруснику, княженику, петрушку, щавель и крапиву. По прибрежью попадаетъ стелющійся березнякъ и тальникъ толщиною въ гусиное перо; вотъ все богатство растительнаго царства. Весь ост-

ровъ устья озерами, которыя оживляются въ августѣ стадами перелетныхъ птицъ; въ эту пору, равно какъ въ апрѣль и май, когда гуса, лебеди и журавли, безчисленными вереницами, таются къ берегамъ Ледовитаго моря, хорошей стрѣлокъ набиваетъ штукъ по пятидесяти въ день. Во многихъ озерлахъ водятся выдры и выхухоль.

Жители сѣверо-западныхъ береговъ Америки, описываемые нашимъ путешественникомъ, принадлежатъ къ семейству монгольскихъ племенъ. Окладомъ лица они сходны съ Чукчами и Камчадалами. Мужчины на оконечностяхъ рта, подъ нижнею губою, прокалываютъ отверстія, въ которыя вставляютъ коралки и другія костяныя и каменныя украшенія. Изъ женщинъ нѣкоторыя украшаютъ носъ и нижнюю губу стеклярусомъ или бисеромъ. Мужчины или стригутся подъ гребенку или брѣютъ голову. Женщины расчесываютъ рядъ по срединѣ головы, заплетаютъ двѣ косы и обвиваютъ ихъ вокругъ уха, прикрѣпляя костяной или изъ китоваго уса иглой, къ верхушкѣ которой привязываютъ небольшіе обрѣзки волчьей шкуры. Одежда ихъ состоитъ изъ звѣриныхъ шкуръ, въ особенности изъ оленьихъ; какъ мужчины, такъ и женщины носятъ нарки, верхнее платье до колѣнъ, и штаны. «Женщина въ чукотскихъ шитыхъ торбасахъ (сапогахъ), бѣлыхъ изъ домашняго оленя штанахъ, малейгитской паркѣ, узоръ которой весьма сходенъ съ латами древнихъ рыцарей, и въ свѣжемъ туземномъ головномъ уборѣ, — говоритъ г. Загорскій, — не покажется отвратительною и глазу ко всему приглядѣвшемуся Европейца.» Впрочемъ этотъ нарядъ не надолго скрашиваетъ не изящныя отъ природы черты этихъ женщинъ. «Рѣдкая туземка, замѣчаетъ авторъ *Омиса*, въ двадцать пять лѣтъ не старуха.» Это происходитъ, выражаясь словами автора, «отъ усиленаго поклоненія богинѣ любви, въ первыхъ годахъ юности.»

Главное богатство туземцевъ Нортонова залива составляютъ море и тундра. Это арена ихъ удалства и источникъ ихъ пропитанія. «Вотъ что придумалъ питомецъ сѣвера, для удовлетворенія своихъ нуждъ, прихотей и вкуса: зимою, когда волкъ становится выходнымъ и глубокіе не слегшіеся снѣга не дозволяютъ ему гоняться съ успѣхомъ за оленями, онъ приближается къ жилищамъ и для своего пропитанія высматриваетъ собакъ. Туземецъ, считая собаку членомъ своего семейства и высоко уважая волчій мѣхъ, беретъ нѣсколько тонкихъ, плоскихъ китова-

го уса прутинговъ, около двухъ футовъ длиной, заостривъ оба конца, связываетъ оборота въ три, и обмотавъ наконечникъ нитромъ, бросаетъ въ разныхъ мѣстахъ, близъ своего жилища. Волкъ падокъ на жиръ; съ голоду глотаетъ два, три комка крѣдкомъ; жиръ варится скоро; усъ выпрямляется и колотъ шаду докъ волка, и приводитъ къ вѣрной смерти. На утро охотникъ по слѣдамъ доходитъ до пропавшаго звѣря. Туземцамъ также доставляютъ богатую добычу олени, которые стадами бродятъ въ тундрахъ: ихъ ловятъ петлями или стрѣляютъ изъ лука. Последній способъ требуетъ особенной ловкости и искусства, и потому стрѣлковъ между туземцами не много. Петлями же ловятъ слѣдующимъ образомъ: заиѣтивъ тропу, по которой олени ходятъ на водопой, къ какому-нибудь ручью, или нарочно прорубивъ узкую прѣсѣку въ густомъ кустарникѣ, на ближайшія вѣтви настораживаютъ ременныя петли, концы которыхъ привязываютъ къ деревьямъ, такъ что когда олень заденетъ эту петлю, она непременно затягивается. Случается, что этимъ способомъ промышленникъ добываетъ въ одну ночь два или три десятка оленей.

Что касается до морскихъ промысловъ, то они доставляютъ туземцамъ рыбу, тюленей, сіучей и маляковъ. Тюленей и маляковъ добываютъ тремя способами: ихъ стрѣляютъ изъ лука, ловятъ ременными сѣтями и наконецъ колотъ стрѣлами. Въ последнемъ случаѣ туземцы прибѣгаютъ къ хитрости: чтобы скрыть себя отъ звѣря, они наваливаются на берегу кучи меду, а сами одѣваются въ бѣлые олении парни или положившия рубахи. Любопытно описаніе бѣлужьяго промысла, въ которомъ обнаруживается смѣтливость и изобрѣтательность туземцевъ. Въ половинѣ іюля, собираются, въ назначенномъ мѣстѣ, все приморцы южной части Нортонова залива. Выбравъ тихій день, на приливѣ, выѣзжаютъ въ море; при этомъ бываетъ байдарокъ до ста и болѣе. Бѣлуги, съ іюля мѣсяца, съ своими маленькими, плывутъ за рыбой, появляются во множествѣ передъ устьями Квиакпака. Во все время своего слѣдованія впередъ, туземцы сохраняютъ совершенную тишину и молчаніе; но, отѣхавъ на определенное разстояніе, по знаку одного изъ набранныхъ стариковъ поднимаютъ всевозможный шумъ; бьютъ въ бубны, колотятъ веслами по байдаркамъ, не кричатъ, а режутъ, и тихо, осмотрительно, при началѣ отлива, подаются къ берегу. Стада бѣлугъ, оставленные въ покоѣ при проѣздѣ въ море, какъ бы

отшумевшія шумомъ, слѣзати къ барачу, отшумому на значительное разстояніе; вода сбываетъ; сначала животное перестаетъ дырять, потомъ выказываетъ хребетъ, вслѣдъ за тѣмъ делается способности двигаться; наконецъ вовсе обсыхаетъ. Въ хорошій годъ болѣе ста штукъ бѣлугъ приходитъ къ рукамъ охотниковъ за одинъ выѣздъ.»

Познакомимся теперь съ архитектурою жилищъ прабранныхъ обитателей Нортонова заава. Эти жилища раздѣляются на зимнія и лѣтнія.

«Постройка и устройство какъ тѣхъ, такъ и другихъ, слѣдующая: на избранномъ для зимника мѣстѣ вынимается земля на аршинъ и болѣе; по угламъ ставятся приличной толщины столбы отъ одной съ половиной до двухъ сажень высоты; стѣны набираются изъ колотыхъ плахъ, которыя также ставятся стоймя и вровень съ угловыми столбами; сверху, въ разстояніи сажени и болѣе отъ угловъ, смотря по величинѣ зимника, накатываются на стѣны толстыя бревна, которыя составляютъ первый вѣнецъ горизонтальныхъ стропилъ; сверху ихъ врубается второй вѣнецъ параллельно стѣнамъ жилища, но нѣсколько отступя отъ нихъ внутрь; далѣе опять вѣнецъ параллельный первому, но также нѣсколько отступя внутрь. Такимъ образомъ пирамидально возводится вся крыша. Въ отверстіе, оставшееся на серединахъ, вставляется особый небольшой люкъ или рама, которая обтачивается кишками морскихъ животныхъ и замѣняется окномъ. Стропила снаружи обставляются досками или карбасникомъ, потомъ все строеніе засыпается землею такъ, что издали зимники туземцевъ представляются путнику въ видѣ небольшихъ холмовъ. Для входа въ зимники выкапывается въ землѣ узкій и низкій корридоръ, сажени въ полторы или двѣ длиною. Корридоры, вли, вѣрнѣе, сѣни, обставляются тыномъ и также обваливаются землею. Проходъ въ зимникъ черезъ такіа сѣни не иначе возможенъ, какъ ползкомъ по нечистотѣ, невообразимой для просвѣщеннаго человѣка и невыразимой словами: тутъ собачій кака, замерзшая человѣческая урина, пепель, кости, шерсть и прочее, и прочее, и прочее.

«Внутреннее расположеніе зимниковъ очень просто и одинаково у всѣхъ туземцевъ. Вышла изъ сѣней черезъ продолговатую дыру, завѣшанную кускомъ медвѣжьей или какой другой шкуры, если поторопишься, попадешь на огнище, — квадратную дыру, находящуюся прямо противъ свѣтлаго люка. Остальное

пространство застилается досками, составляющими полъ. По обѣимъ сторонамъ отъ входа въ полутора футахъ отъ полу, во всю длину зимника настланы нары, не шире четырехъ футовъ. Это столы, диваны, кровати туземцевъ. Травяныя рогожи или цереды, развѣшенныя поперегъ нары, указываютъ на отдѣленія семействъ одного отъ другаго. Въ передней сторонѣ, на полкахъ и подъ ними, сохраняются пузыри съ жиромъ, котлы, кондаки, калуги и всякій домашній скарбъ. Нѣсколько дыръ въ половыхъ доскахъ передъ нарами означаютъ мѣста сошекъ, на которыя ставятся жирники.

«Лѣтники строятся прямо на почвѣ. Наружная ихъ форма сходна съ нашей деревянной избой, то-есть передняя и задняя стѣны сведены къ вершинѣ угломъ; бока крыши застилаются сплошнымъ карбаснякомъ и засыпаются землею. Въ лѣтникахъ огня не разводятъ и потому онѣ сверху не имѣютъ оконъ, свѣтъ самопроизвольно входитъ черезъ щели и дверь, — эллиптическое отверстіе, дѣлаемое на передней сторонѣ жилища. Чтобы знать, что дѣлается въ окружности или не быть захвачену врасплохъ, съ передней и боковыхъ сторонъ прорѣзываются небольшія окна, затыкаемыя или доскутомъ шкуры или задвигаемыя ставепьками. Половъ въ лѣтникахъ не настилаютъ. Остальное внутреннее расположеніе одинаково съ зимними жилищами. Пространствѣ трехъ сажень въ квадратѣ ни зимнихъ, ни лѣтнихъ жилищъ у туземцевъ прибрежья мнѣ не удавалось видѣть.

«Кладовыя или кормовыя бараборы всѣхъ племенъ народа Канюлить утверждаютъ на четырехъ столбахъ, футахъ въ десяти отъ поверхности земли, въ предохраненіе отъ лисицъ, волковъ, мышей и собакъ. Передняя стѣна кладовой разбирается по надобности, и потому доски этой стороны ставятся стоймя. Обшивка остальныхъ стѣнъ набирается лежащими плахами. Плоскій потолокъ, засыпанный землею, замѣняетъ крышу. Длина и ширина кладовыхъ не бываетъ болѣе восьми футовъ, вышина пяти футовъ. Отверстіе, замѣняющее дверь, заставляется особой доской или закладывается полѣньями. Отправляясь съ жила, туземцы складываютъ въ кладовыя всѣ свои пожитки и нѣтъ примѣровъ, чтобы кто другой чѣмъ-нибудь воспользовался.

«На каждомъ туземномъ жилѣ есть общественное зданіе, извѣстное намъ по кадьякскому произношенію подъ названіемъ

кажина. Кажимы строятся сходно съ зимниками, но въ большихъ размѣрахъ: нынѣ по десяти сажень въ квадратѣ и четыре или пять высоты; вмѣсто наръ и полокъ, по всѣмъ ихъ сторонамъ протягиваются лавки и въ нѣкоторыхъ кажимахъ на Квикуакѣ и Кускокумѣ въ два и три аруса; сверхъ обыкновеннаго хода изъ сѣней такихъ же узкихъ и низкихъ какъ у зимниковъ, въ кажимахъ устраивается особый, изъ подполья черезъ яму огнища, которая бываетъ до четырехъ футовъ глубиною. Кажимы свидѣтельствуютъ давнее заселеніе туземцевъ этого края: плахи лавокъ, часто слишкомъ два съ половиною фута шириною едва замѣтно, что были колоты и обтесаны каменными топорами, такъ онѣ сглажены и выложены нѣсколькими поколѣніями жителей.

«Въ кажимахъ мужчины производятъ всѣ свои домашнія работы: выдѣлываютъ шкуры, плетутъ морды, связываютъ нарты; въ кажимахъ производятся и рѣшаются всѣ совѣщательныя дѣла жителей; кажимъ замѣляетъ гостиную при пріемѣ гостей, столовую при угощеніи ихъ, залу при общественныхъ играхъ, спальни вообще всего мужескаго народонаселенія, исключая младенцевъ, наконецъ бани, которыя составляютъ одно изъ первѣйшихъ наслажденій всего племени народа Канюлитъ.»

Что касается до игръ и увеселеній, отправляемыхъ въ этихъ кажимахъ, г. Загоскинъ сообщаетъ много любопытныхъ объ нихъ подробностей.

«Независимо отъ большихъ празднествъ, принадлежащихъ къ религиознымъ обрядамъ, на которые собираются всѣ жители окружающихъ селеній, туземцы поморя коротаютъ вечера глубокой осени и начала зимы на такъ называемыхъ игрушкахъ или вечеринкахъ. Какъ во всей поднебесной, такъ и у нихъ, пѣсни, пляска и угощенія составляютъ предметъ такихъ увеселеній, но все это въ своемъ родѣ: здѣсь не семья семью приглашаетъ къ себѣ на вечеринку, но или все народонаселеніе жила участвуетъ въ игрушкѣ, или женщины приглашаютъ мужчинъ и потчуютъ ихъ изъ своихъ запасовъ, или тѣ угощаютъ женщинъ своими. Для разнообразія бываютъ переряжанья или своего рода маскарады. Въ такомъ случаѣ женщины, дѣлая вечеринку, являются въ мужскихъ паркахъ, усахъ, съ подвязанными подъ нижнюю губу корольками и пляшутъ по мужскому; мужчины на оборотъ представляютъ женщинъ.

«По разности повода пгрушекъ, и плески бываютъ различны, но напѣвъ пѣсенъ, равно какъ и тактъ или единственнаго инструмента, бубна, всегда одинаковы, именно: одинъ удара или возгласъ, пауза, потомъ два удара второй смычка или выраженья первого, пауза; опять два удара, пауза и такъ далѣе, что весьма утомительно для уха.

«Пѣсни въ общихъ пгрушкахъ поются женщинами и бубенистами, впрочемъ и нѣкоторыя изъ плясуновъ имъ поддѣлываютъ, особенно уставщикъ пляски, который къ избранной пѣснѣ нерѣдко примѣшиваетъ речитативомъ свои импровизаціи. Уставщиками бываютъ или шаманъ или уважаемый всѣми старикъ или промышленникъ.

«Всѣ общественныя или частныя увеселенія устраиваются въ кажимахъ. Въ общихъ пгрушкахъ плясуны, мужчины и женщины, становятся вокругъ ямы огнища, и подъ звуки бубенъ и пѣсенъ мужчины дѣлаютъ различныя тѣлодвиженія съ припрыгиваніемъ съ ноги на ногу, но не перемѣняя мѣста: искусство плясуна выражается гибкостью и подвижностью мускуловъ. Женщины съ потупленными и нерѣдко вовсе зажмуренными глазами, тихими, плавными движеніями рукъ, представляютъ куколъ или какъ бы раму движущейся картины, и чѣмъ менѣе плясунья показываетъ въ себѣ жизни, тѣмъ она считается совершеннѣе въ искусствѣ. Въ пляскахъ туземцевъ номеръа ничего нѣтъ сладострастнаго.

«Чтобъ познакомить читателя съ порядкомъ обыкновенныхъ туземныхъ вечеринокъ, я здѣсь прилагаю описаніе двухъ, мужской и женской, въ томъ видѣ, какъ онѣ были записаны мною въ дневникѣ.

«Вечеринка женская. 11 октября 1842 года на жилѣ Агах-лякъ, близъ редута Святаго Михаила.

«Когда мы пришли въ кажимъ, обыкновеннымъ путемъ изъ сѣней, гости, то-есть мужчины и женщины съ другихъ жилъ, находились въ сборѣ. Хозяекъ не видали ни одной. По тремъ лавкамъ, передней и боковымъ, горѣло по жарнику. Яма огнища была застлана досками, но въ среднѣ оставалось незакрытымъ небольшое круглое отверстіе, чрезъ которое надлежало выходить хозяйкамъ. Предъ нимъ на полу горѣло еще два жарника. Гости, составляющіе хоръ, подъ звукъ двухъ бубенъ, пѣли различныя припѣвы. Двое туземцевъ содержали порядокъ, давая размѣръ или тактъ небольшими палочками, къ которымъ

привязаны были волчий хвостъ и крылья чайки. Такъ прошло добрыхъ полчаса. Изъ припѣвовъ толмачи перевели мнѣ, что одинъ изъ уставщиковъ подсмѣивается надъ женщинами, сказывая, что видно у нихъ ничего нѣтъ, когда онѣ такъ долго не показываются; другой, напротивъ, выхвалялъ досужество своей жены, ожидалъ съ нетерпѣнiемъ ея появленiя съ толкушей изъ еленьяго сала и морошки, которой ему весьма хотѣлось отвѣдать. Наконецъ, когда жена его появилась изъ-подъ полу въ оставленное отверстiе, онъ съ энтузіазмомъ припѣвалъ, что исполняются его ожиданiя; что скорѣ всѣ убѣдятся въ мастерствѣ его жены. Жена его точно показалась первая, но силась выказаться болѣе, по причинѣ своей дородности, завизла, — всѣ захохотали, и та со стыдомъ скрылась и болѣе не показывалась. Вслѣдъ за нею явилась другая. Бубны забили сильнѣе, голоса затянули свое однообразное ай.... а..... ай, но слова пѣсни были иные: выставясь по поясъ, въ пантомимкахъ и мимикѣ, легко, понятно, выразительно, она показывала, какъ сбивала жиръ, какъ клала въ него различныя приправы, потомъ, поднявъ надъ головой кодакъ съ желаннымъ кушаньемъ, приглашала жестами всѣхъ присутствующихъ приблизиться; продолжая пласку, внятно изображала пышность, сладость толкуши; наконецъ, деревянной ложкой начала одѣлать ею всѣхъ мужчинъ, окружившихъ подполье, клала прямо на полъ, на которомъросло близъ $\frac{1}{4}$ дюйма грязи; по окончанiи задачи, наклонясь вторично, достала чавычью юколу, похвалила ея вкусъ, запахъ, свѣжесть, потомъ вышла изъ подполья, подала юколу мнѣ и отошла къ прочимъ женщинамъ.

«Появилась другая, и у этой была толкуша, но съ иными приправами; третья имѣла кандакъ съ брусничкой; наконецъ послѣдняя одѣлала табакомъ; слова въ ея пѣснѣ содержали похвальное слово Русскимъ, что они даютъ приморскимъ жителямъ много табаку. Плясунья съ большимъ искусствомъ представляла всѣ степени упоенiя или, вѣрнѣе, олушенiя куращихъ и нюхающихъ. По окончанiи дѣлежа, одни привалились за ужинъ, другiя продолжали пѣть, но собственно вечеринка была окончена. Всѣ женщины хозяйки были въ мужскихъ паркахъ.

«Вечеринка мужская, 12 октября 1842 года, на томъ же жилѣ.

«Порядокъ убранства и освѣщенiе кажда было одинаково со вчерашнимъ. Одна изъ женщинъ, шаманша, управляла хоромъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ припѣвахъ поминали русскихъ сво-

ихъ знакомыхъ, вызывая ихъ дѣлать табакъ, кольца и прочее, со всѣмъ тѣмъ, между ними, какъ и вездѣ между женщинами, примѣтна была разладица: то не такъ сидятъ, то бубенъ бьетъ не въ надлежащую мѣру. Предъ началомъ игрышки мужнины въ подполья пѣли хоромъ: «Что ловы, промысла и торговля худыя, что дѣлать имъ нечѣмъ, и что развѣ пласкою онѣ могутъ потѣшить своихъ женъ». На это женщины возражали имъ, что онѣ заранѣе знали, что мужья ихъ лѣвтяи, только парятся, да трубки курятъ, но ни какъ не ожидали, чтобъ они были такіе сидни, что и на первую вечеринку не припасли ничего для угощенія, что поэтому не лучше ли разойтись всѣмъ спать. — Мужчины отвѣчали, что отправляются на промыслы, и вслѣдъ за отвѣтомъ появился одинъ изъ подполья. Миника туземцами приморья доведена до пес plus ultra. Пласунъ, одѣтый въ женскую парку, съ продѣтымъ сквозь носовой хрящъ бисеромъ, въ пукляхъ изъ россомашьяго мѣху, въ браслетахъ, съ неподражасымъ искусствомъ и комизмомъ передразнивалъ женщинъ, какъ тѣ сбиваютъ толкушу, какъ производятъ разлчныя женскія работы и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ развлекаются посторонними предметами. Гости шушукались отъ удовольствія. Наконецъ тотъ, сбросивъ съ себя парку и прочія маскеравныя украшенія, весьма ловко началъ представлять, какъ промышляютъ макляковъ и какъ перевернувшись справляются съ опрокинутой байдаркой. Угощеніе его заключалось въ цѣломъ вареномъ маклякѣ. Я на свою долю получилъ горло. Другіе представляли охоту за оленями, птицею и прочимъ, и дѣляли бѣлужій жиръ, выдѣланныя маклячьи кишки для камлеекъ, оленья жвлы, подошвы. Одному молодому сиротѣ совершенно не чѣмъ было угощать, онъ вынесъ кондакъ воды, напился и покусился—было остатками окатить женщинъ, но былъ тѣмъ остановленъ. Впрочемъ случается, что ловкіе любезники во время дѣлешки изъ спрятаннаго пузыря обливаетъ женщинъ или жиромъ или жидкостью, которую туземцы употребляютъ вмѣсто мыла. На такіе фарсы никто не сердится.»

Г. Загоскинъ былъ также свидѣтелемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ празднествъ, отправляемыхъ туземцами въ честь духовъ и въ память предковъ. Туземцы вѣрятъ, что каждою стихіею завѣдываетъ особый духъ, и что также у cadaго народа есть свой главный духъ. Посредниками между собою и міромъ невидимымъ они признаютъ тунгаковъ или духовидцевъ, кото-

рые входятъ въ сношенія не только съ своимъ духомъ, инчингакъ, но и съ духами иноземными. Такъ, многіе изъ нихъ, при поселеніи Русскихъ въ Михайловскомъ редутѣ, хвастались передъ своими земляками, что вошли въ сношеніе съ духомъ Русскихъ, который съ тѣхъ поръ почитается сильнѣйшимъ. Г. Загоскинъ описываетъ торжество, совершаемое туземцами ежегодно въ честь духовъ земли и моря:

«По утру 22 октября 1842 года, меня уведомили, что у туземцевъ будетъ вечеромъ игрушка, представленіе дьяволовъ, какъ выразился толмачъ. Съ закатомъ солнца мы отправились въ кажимъ. Мужчины только-что выпарились и принимались разрисовывать другъ у друга на спинѣ различныя фигуры. Двумъ мальчикамъ, по именамъ ихъ, намалевали ворона и ястреба. Въмѣсто краски они употребляли толченый уголь, разведенный на квашеной уринѣ. Когда совершенно смерклось, то вымазавъ себѣ окончательно лица, послали насъ къ женщинамъ въ зимники. Минутъ десять спустя послышались глухой вой, гуканье, мычанье, и вскорѣ съ тяжкимъ храпѣніемъ ввалились оборотни, поднимая головы, нюхая и фыркая какъ тюлени. Поистинѣ невозможно было отличить полой человѣческой фигуры: иной тащился ногами впередъ, другой ползъ вверхъ брюхомъ, голова третьяго выказывалась промежъ ногъ слѣдующаго: всѣ неровнялись какъ гряда змѣй въ зимнее время. Лица выражали звѣрство. Оборотни хватились за все, но болѣе старались тормошить женщинъ, которымъ предстояло только одно средство, — откупаться подарками: сидя передъ жирняками, онѣ имѣли при себѣ кондаки, толкуши, бѣлужій жиръ и другіе съѣстные припасы. Каждому подползающему клали въ калуги, которыя они таскали за собою. Собравъ дань, ватага духовъ поумаялась, развеселилась. Дѣти и прежде того забыли свои роли и, чтобъ скорѣе воспользоваться лакомою толкушей, подходили прямо къ матерямъ и сестрамъ. Такія продѣлки производились въ каждомъ зимникѣ минутъ по пятнадцать, потомъ мужчины возвратились въ кажимъ, вымылись и принялись доѣдать остатки. Между нами, во время игрушки, находилась дѣвочка лѣтъ тринадцати, дѣвственница, которая ради этой причины и была допущена къ представленію духа.

«Я обращался къ туземцамъ, прибавляетъ г. Загоскинъ: прося изъясненія видѣннаго мною представленія, и получалъ въ отвѣтъ: «Почему мы это дѣлаемъ, сами не знаемъ: такъ приня-

ли отъ стариковъ. Женщины представляютъ все наше тысячя, потому-что онѣ родятъ и мужчинъ и женщинъ. Подарки или приношенія, которыя онѣ дѣлаютъ, это не намъ, духамъ.»

Самое важное изъ религіозныхъ торжествъ, вѣроятно, есть празднество въ честь морскаго духа, потому-что оно оправдывается жителями поморья въ продолженіе дѣлаго мѣсяца:

«Каждый промышленникъ въ продолженіе года изъ всякаго животнаго, добытаго исключительно стрѣлою, старается сохранить пузырь: мать съ заботливостью прячетъ всѣ пузыри куличковъ, мышей и другихъ звѣрьковъ, которые застрѣлены ея малолѣтними дѣтьми. Въ началѣ декабря всѣ пузыри надуваются, раскрашиваются различными красками и узорами и вѣшаются въ нажамѣ. Между ними туземцы размѣщаютъ разныя фантастическія фигуры птицъ, звѣрей и рыбъ. Фигуры эти, какъ нѣкоторыя автоматы-куклы, поводятъ глазами, киваютъ головой, хлопаятъ крыльями и прочая, что доказываетъ способность туземцевъ къ механическимъ искусствамъ. Предъ ямой огня ставится колъ, обвязанный сухою травою, *Suregoides*. Во весь день фигуры не оставляются безъ движенія, а въ вечеру послѣ обычной пляски, одинъ изъ туземцевъ беретъ нѣсколько обвязей около кола травы и дымомъ ея окуриваетъ пузыри и фигуры, которыя послѣ того до слѣдующаго утра оставляются въ бездѣйствіи и самый колъ отставляется къ сторонѣ. Вечеромъ, къ день настоящаго празднества, послѣ обыкновенной пляски передъ пузырями, они поднимаются и несутся мужчинами въ нарочно для того приготовленныя проруби. Женщины съ зажженными лучинами и оглушительнымъ воемъ имъ сопутствуютъ. Передъ прорубью вривязываются къ пузырямъ камни и по опущеніи ихъ въ воду, туземцы прислушиваются и смотрятъ, какъ и съ какою скоростью тѣ пойдутъ ко дну. По пузырькамъ и кругамъ на водѣ замѣчаютъ объ успѣхахъ улова морскихъ звѣрей на слѣдующее лѣто».

Къ празднествамъ подобнаго рода надо отнести еще поминки умершихъ. Туземцы уважаютъ память покойниковъ, которыхъ они или жгутъ или, просто завернувъ въ рогажу, относятъ на кладбище и заваливаютъ дровами. Передъ могильною кучею ставятъ оленью голову, втыкаютъ стрѣлы или кладутъ сложенную байдарку покойника. Поминки по умершемъ совершаются три раза въ годъ: весной, осенью и зимою. Сверхъ того, мужчины во время ежедневнаго паренья съ воемъ и тягачемъ вспо-

поминать о своихъ родителяхъ и ихъ славныхъ дѣлахъ. Г. Заго-
скинъ только случай присутствовать на родичныхъ поминкахъ
увершиль:

«За день до праздника, въ ближайшихъ жилахъ собралось
гости, числомъ до семидесяти человекъ, включая дѣтей. Въ
день игрушки сироты поминаль ходили на свое кладбище,
подновляли памятники и отвезли туда оленью голову съ рога-
ми, нѣсколько крашенныхъ калугъ и другихъ вещей въ память
покойниковъ. Въ вечеру, когда мы пришли, кажимъ былъ полонъ
народу, но глубокое молчаніе не нарушалось. По числу помни-
ающихъ семей, вокругъ ямы огня, на сошкахъ, горѣло семь
жирниковъ. Дѣйствіе началось тѣмъ, что совершавшіе помин-
ки, мужчины и женщины, одѣтые въ лучшую свою одежду,
принесли вещи, назначенныя для раздачи въ память своихъ род-
ственниковъ. Предметы эти состояли въ стрѣлахъ различныхъ
видовъ; кашечныхъ камлейкахъ, байдарочныхъ лавтакахъ, вес-
лакъ и обтяжкахъ, ножахъ, топорикахъ, кольцахъ, табакѣ, це-
релахъ и другихъ туземныхъ рукодѣляхъ. Каждый помниа-
ющій по очереди выкликалъ громогласно того, кому предназна-
чена была вещь и подавалъ ее при общемъ молчаніи. По окон-
чаніи раздачи, празднователи поминковъ раздѣлились на четыре
группы по угламъ камина: одинъ взя пріѣзжихъ стариковъ съ
женщинами-гостями затянулъ на особый голосъ рожованную
пѣсню, нарочно для этого случая составленную шаманшей, со-
вершающей поминки. Голосъ пѣсни былъ заунывный, въ буб-
ны не били. Поминатели, не сходя съ мѣста и не приподни-
мая ногъ, въ тихой, плавной, разбѣренной пантомимной пля-
скѣ представляли души своихъ родственниковъ. Я забылъ на ту
пору грубые обычаи дикарей, видѣлъ въ нихъ людей, и что-то
грустное невольно западало въ душу. Послѣ пляски, продолжав-
шейся съ четверть часа, поминатели вторично удалились. Еще
черезъ четверть часа, весь полъ камина заставленъ былъ раз-
личными яствами: тутъ были горы толкуши, пѣлые вареныя
макляки, ворохи различной юколы, но что особенно обратило
мое вниманіе, это были небольшія калужки съ чистой водой и
различными кушаньями. Предъ нѣкоторыми изъ поминующихъ
такихъ калужекъ было до пятнадцати. Вскорѣ все объяснилось.
Осмотрѣвъ и найдя въ числѣ присутствующихъ имя одинокое съ
умершимъ своимъ родственникомъ, совершающій поминки по-
давалъ ему калужку воды, тотъ взявъ и обмакнувъ пальцы, три

реза стряхивать камни восторону въ щель пола, приговаривая тихо: «Шейте, наши умершіе»; потомъ, когда подавали ему другую калужку съ пищей, то взявъ по частицѣ отъ каждаго кушанья, также бросаю въ подполье, съ приговоромъ: «Примите, умершіе изъ запасовъ нашихъ и помогайте намъ тайно въ слѣдующее лѣто»; послѣ чего началъ ѣсть самъ и подчивать другихъ. Оспа обезлюдила край и малыя калуги наиболѣе подаваемы были дѣтямъ. Умильно было смотрѣть, съ какимъ попеченіемъ одна женщина ухаживала за едва начинающимъ ходить ребенкомъ. По окончаніи этой церемоніи, началось общее угощеніе изъ большихъ калугъ, потомъ обыкновенная пляска.

Нѣкоторые при такихъ поминкахъ раздають все свое имѣніе. Случается, что на подобное празднество приглашаютъ гостя, съ самыхъ дальнихъ жилищъ, лишь бы онъ носилъ имя поминаемаго; одѣвають его съ ногъ до головы дарятъ бобрами, выдрами и всѣмъ, что ни есть драгоценнѣйшаго для туземцевъ.

Въ Михайловскомъ редутѣ, г. Загоскинъ прожилъ до 4 декабря 1842 года. Въ этотъ день онъ, съ своею командою, отправился въ путь по направленію къ рѣкѣ Квихпакъ, путь трудный и утомительный, потому-что надо было идти болѣею частію пѣшкомъ; хотя экспедиція и имѣла нарты, запряженные собаками, но нарты были заняты съѣстными припасами. То поднимется мятель, то выпадетъ глубокій снѣгъ; то нарты провалятся въ полынью на рѣкѣ или завязнутъ въ узкихъ просѣкахъ; все это представляло затрудненія нашимъ путникамъ. Притомъ морозы были такъ жестоки, что ртуть въ термометрѣ замерзала. На этомъ пути, г. Загоскинъ посѣщалъ встрѣчавшіяся ему жилища туземцевъ, состояція изъ зимниковъ и лѣтниковъ, и вездѣ находилъ радушный пріемъ. Въ его дневникѣ 3 января 1843 года, находимъ характеристическую картину изъ туземнаго быта:

«Въ вечеру соединился съ нами Улукагъ-миютъ (т. е. изъ племени этого имени) Мускуа, слѣдующій со своимъ семействомъ для покупки пушныхъ промысловъ по квихпахскимъ жилищамъ: онъ идетъ на двухъ нарточкахъ, изъ которыхъ одну тянетъ старуха, собака и мальчикъ лѣтъ тринадцати; другую его жена съ мальчикомъ лѣтъ шестнадцати, самъ Мускуа съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ за плечами и пальмой, насаженной на древо, въ рукѣ, помогаетъ гдѣ нужно. Годовая дѣвочка сидитъ у матери въ нартѣ; два мальчика шести и восьми лѣтъ идутъ по

сѣду на лапкахъ (родъ лыжъ), Мускуа везетъ пузырь бѣлужьяго жира, шесть оленинъ и фунта три бѣлаго и краснаго бисеру».

Странствованія г. Загоскина продолжались до 13 августа 1843 года. Въ это время, онъ обозрѣлъ страну, орошаемую рѣкою Квихпакомъ и изучилъ бытъ и промышленность туземцевъ, проживающихъ въ бассейнѣ этой рѣки. Вотъ результаты его наблюденій:

«Квихпакъ на всемъ протяженіи, слишкомъ двѣсти двадцать миль, судоходенъ для большаго ранга рѣчныхъ судовъ. Правый берегъ вообще приглубый, и большею частію способный для бичевника, даетъ способы къ подъему противу теченія, простирающагося съ среднею скоростію три съ четвертью миль въ часъ. Не измѣряя постоянно глубину фарватера, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка течетъ въ одномъ руслѣ и вблизи утесовъ, мы не доставали дна двѣнадцатисаженнымъ линемъ. Въ другихъ, на обходѣ косъ, въ разстояніи отъ нихъ около двадцати-пяти сажень, мы проходили по глубинѣ осьмнадцати и двѣнадцати футъ. Рѣка до Анилухтакпака вездѣ болѣе миль въ берегахъ, но большею частію разбита островами на многіе протоки. Къ низу отъ этого селенія, по принятіи водъ Иннокѣ, островки находятся только при концѣ плесъ и рѣка суживается въ руслѣ отъ сорока до двухъ сотъ сажень. Причвну необыкновенной ширины рѣки съ утвѣрдителнстію можно относить къ быстротѣ и огромности водной массы, стремящейся въ весенніи водополи отъ верховыхъ ея притоковъ: при чемъ воды эти, не вмѣщаясь въ руслѣ, размываютъ и промываютъ берега, отдѣляя отъ нихъ то множество острововъ, которое мы усматриваемъ на пространствѣ отъ Нулато до Важичагата. Но отъ послѣдняго мѣста Квихпакъ представляетъ намъ другую замѣчательную особенность: эта рѣка, при отдѣленіи отъ себя протока Цоэяка и другихъ, большею половиною своихъ водъ вливается въ Иннокѣ, образуя нѣскольکو значительныхъ низменныхъ острововъ, усѣянныхъ внутри рыбными озерами. Всѣ эти острова состоятъ изъ наноснаго ила и покрыты тальниковыми и қльховыми кустарниками.

«Хребетъ, отдѣляющій Квихпакъ отъ Нортонова залива, тянется отъ Нулато до Ттутаго вдоль берега непрерывными утесами и ярами, отъ пяти до осьми-сотъ футъ высоты, покрытыми вообще до вершинъ еловымъ лѣсомъ; береза, тополь и

осина, видны по склонамъ или въ падьхъ. Отдѣльныя и внутреннія бока этого хребта обнажены отъ всякой растительности. Къ низу отъ Тутаго нагорный хребетъ, не теряя возвышенности въ материкъ, подъ берегомъ склоняется лави фута въ триста высоты. Отъ Анилухтапкака эти горы еще понижаются, переходя къ рѣкѣ только мѣстами, но подъ Иког-мютомъ представляютъ замѣчательную островершинную группу Илвантъ съ сопкою Чиникликъ. Разщелившіеся пикообразныя вершины этой группы заставляютъ относить горнокаменное ея сложеніе къ плутоическимъ породамъ. Туземцы сказываютъ, что встарь изъ горъ Илвантъ добывали мѣдь, изъ которой выковывали браслеты и другія украшенія, но я не могъ достать ничего изъ таинкхъ издѣлій.

Лѣвая сторона Квихпака луговая, или вѣрнѣе, тундровая. Горы, отдѣляющія систему этой рѣки отъ протоковъ Иннока, видѣются по протяженію берега, шлехъ въ пятнадцать и двадцати, отдѣльными холмами, поросшими мелкимъ чапыжникомъ. Высота этой цѣпи отъ такаксавскихъ горъ, постепенно понижаясь при устьѣ Цдсака, не превышаетъ триста фута; остальной берегъ Квихпака, отъ устья Иннока до Иког-мюта, не выше трехъ саженъ. Хребетъ, отдѣляющій воды Кусковина, видѣется отдѣльными группами въ двадцати-пяти и тридцати шлахъ.

«Стровой лѣсъ, окаймляющій лѣвую сторону рѣки, не простирается внутрь материка далѣе осьми или десяти миль отъ берега. За нимъ тундра и озера, и только кой-гдѣ во бутрамъ произрастаетъ тонкая лиственъ, а по берегамъ вытекающихъ потоковъ, явскій тальникъ и ольховникъ.

«Достойно замѣчанія, что ни въ Нулато, ни по всему протяженію Квихпака, отъ этого селенія къ Иког-мюту, посѣщая нѣсколько разъ горы, углубляясь въ лѣса, мы не видали такихъ крупныхъ деревьевъ, какіа растутъ въ осмотренномъ нами краѣ отъ Нулато къ верховью. Тамъ мы находили ели въ три обхвата, березы и топольники въ два съ половиною фута въ діаметръ; здѣсь не встрѣчали ели толще двадцати дюймовъ въ отрубѣ, а березу рѣдко прямую и прямослойную съ берестой, которой хрупкость не позволяетъ употреблять въ дѣло при построеніи туземныхъ лодочекъ, иначе, какъ небольшими полосами.

«Извѣстно, чѣмъ ближе къ устью рѣки, тѣмъ мѣста изобильнѣе рыбою; но на Квихпакѣ ходъ рыбы имѣетъ свою осо-

близости. Не упоминая о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ преимущественно ловятъ лососи, ловятъ такъ или другой родъ рыбы, замѣтимъ, что въ низовыхъ частяхъ Камчатки вѣсее не ловятъ хайки, вмѣсто котораго исключительно идетъ красная рыба (сирокъ), камучъ и чавыча. На Алашѣ ловятъ и хайку и прочіе значительныя мною виды рыбы. Отъ Ванчагаты до устья Юшка-ки красная рыба и чавыча считаются рѣдкостью, и попадаются въ одиночьи, а камуча никогда не видно. Далѣе отъ рѣки Манкотатлио, старично ловятъ всѣ виды рыбы этой лососинной породы. Должно полагать, что хайки по низовой рѣки проходятъ серединой и начинаютъ подходить къ берегамъ только тамъ, гдѣ они приглубѣе и каменистѣе; прочіе виды, выметавъ икру близъ камыстыхъ береговъ, отдѣляются къ срединѣ, и уже вверху, по мелкости рѣки, попадаютъ холостыя или яловыя.

«Со времени основанія Михайловскаго редута и заселеній, учрежденныхъ по Квихпаку, физическій бытъ туземцевъ осматриваясь нами мѣстъ видимо улучшился. Не упоминая о предметахъ роскоши, къ которымъ можно причислить и табакъ, употребленію котораго они научились, съ сѣвера-отъ Чукотъ, а съ юга отъ нашихъ поселеній при берегахъ Великаго Океана, мы приведемъ, что не прошло еще десяти лѣтъ, какъ туземцы оставили каменные топоры, каменныя ножицы или палочки, палочки для доставанія огня, костяныя иглы и многіе другіе предметы, замѣнявъ ихъ европейскими. Нѣкоторые, убѣжденные опытомъ въ удобности нашихъ матерій и одежды, гдѣ видать умѣренность цѣвъ, охотно берутъ рубахи, брюки, шапки, одѣяла и прочее. При такихъ благоприятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, усилилась ли промышленность дорогихъ звѣрей? Нѣтъ. Только источникъ сбыта пушныхъ шкурокъ и цѣны измѣнились. Что прежде исключительно переходило къ Чукчамъ, то въ настоящее время большею частію поступаетъ къ намъ; что прежде стоило три листа табаку, за те нынче мы платимъ фунтъ. Впрочемъ, какъ у насъ на Руси оригинальные вяземскіе пряники готовятся только въ Вязми или калужское тѣсто только въ Калугѣ, такъ и на Квихпакѣ, тѣ туземцы, которые до основанія редута занимались переторжкой, и нынѣ занимаются тѣмъ же промысломъ, тѣ селенія, въ которыхъ гнули калуги «шашки» и приготовляли другую какую деревянную посуду, и до нынѣ не оставляютъ своихъ занятій. Это что-то въ родѣ древнихъ египетскихъ цеховъ.

«Шома Тынайцевъ, известное намъ подъ собственнымъ именемъ Иккиликовъ и расселившееся отъ Нулато до Тгутаго, проживая на путяхъ сообщенія Квихнака съ приморьемъ, занимается почти исключительно перекуномъ промысловъ у туземцевъ, проживающихъ по рѣкамъ Юнна-ка и Иттеге. Выхухоль, водящаяся въ многочисленныхъ озерахъ лѣвой стороны рѣки и еврашки, добываемыя въ близъ-лежащихъ горахъ, снабжаютъ жителей лѣтней одеждою. Зимнюю, то-есть изъ оленьихъ шкуръ, они получаютъ отъ Малейг-мюгъ чрезъ Уналакликъ и Тшахтоль. Олений промыселъ въ горахъ Такаакса и въ вершинѣ рѣчки Хутылькакать маловаженъ и составляетъ единственно забаву молодежи.

«Занятія жителей Иког-мюта состоятъ, сверхъ запасеній рыбы на собственное продовольствіе и продажу на Кускоквимъ, въ приготовленіи изъ дерева различной домашней посуды, а главнѣйшее въ перекупкѣ пушныхъ промысловъ отъ Агульмюгъ, на лавтаки и жиры, которые нарочно для того привозятся изъ Паштола. Бобровою промышленностію занимаются всего двое. Мѣха, скупаемые туземцами Иког-мюта, вполне могутъ переходить къ намъ только тогда, когда, независимо отъ европейскихъ товаровъ, управляющій артелью получить средства во всякое время имѣть достаточныя запасы туземныхъ произведеній, и заселеніе въ Икогмюгъ изъ временнаго преобразуется въ постоянное.

«Соболи и норки къ низу отъ Нулато не многочисленны, со всѣмъ тѣмъ, туземецъ, посвятившій зму рачительному осмотру соболиныхъ ловушекъ, нерѣдко приобрѣтаетъ болѣе двухъ десятковъ соболей. Выхухоль въ иные годы ловится въ столь великомъ множествѣ въ озерахъ, находящихся между Квихнакомъ, Иттеге и Кускоквимъ, что за внутреннимъ потребленіемъ, въ Иког-мюгъ было скупаемо до трехъ-тысячъ шкурокъ. Нынѣ четвертый годъ, какъ промыселъ ихъ весьма оскудѣлъ.

«На добычу лисицъ и рысей туземцы, проживающіе между Иког-мюгомъ и Нулато, обращаютъ еще менѣе вниманія, нежели на промыселъ бобровъ. Нельзя относить этого къ ихъ беззаботности: они весьма хорошо понимаютъ свои пользы, но по роду жизни, который привыкли вести, правильныи лисій промыселъ, то-есть частый осмотръ ловушекъ, ихъ постановка, очистка отъ снѣгу и прочая, для нихъ тягостенъ.

«Къ низу отъ Анвика, непривычному страшно выйти на бе-

режь. Повсюду встрѣчаешь слѣды и пробитыя тропы, слѣданыя медвѣдами, которые, переплывая на острова, гоняются за птицей, а въ узкихъ протокахъ искусно ловятъ рыбу. Туземцу удается добыть медвѣжью шкуру тогда только, когда тотъ при глубокихъ снѣгахъ не легъ еще, или вышелъ рано изъ берлоги. Введеніе настоящей промышленности этого звѣря принесло бы огромныя пользы компаніи, но извѣстности высокаго достоинства шкуръ американскихъ черныхъ медвѣдей.»

Основавъ въ поселеніи Икогъ-Мюгъ, на рѣкѣ Квихпакъ, главную квартиру, г. Загоскинъ предпринялъ обзорніе бассейна рѣки Кускоквима. Онъ отправился въ путь 23 ноября, и чрезъ горы, лѣса, и рѣчки, достигъ 30 числа до береговъ Кускоквима. Русло этой рѣки мѣстами имѣетъ до 250 саженъ въ ширину, а мѣстами не шире 100 с. Правый берегъ ея гористый; лѣвый покрытъ лѣсомъ, но въ двадцати миляхъ отъ него тянется параллельно рѣкѣ горный хребетъ, до двухъ тысячъ футовъ вышиною. На лѣвомъ берегу Кускоквима устроены редутъ Колмакова, въ которомъ живутъ пятнадцать человѣкъ служащихъ. Въ свою бытность въ этомъ редутѣ, г. Загоскинъ собиралъ свѣдѣнія о бытѣ туземцевъ, занимающихъ низовья бассейновъ рѣкъ Квихпака и Кускоквима. Общественный и домашній бытъ Квихпахцевъ и Кускоквимцевъ, въ общихъ чертахъ, одинаковъ съ бытомъ прибрежныхъ жителей Нортонова залива, но разнится отъ послѣдняго въ нѣкоторыхъ частностихъ. Женщины здѣсь въ отверстіе подъ нижней губой вдѣваютъ запонку, на которой горизонтально держится костяная палочка дюйма въ два длиною, обвѣшенная голубымъ бисеромъ, раковинами или другими подобными украшеніями. Зимнія жилища здѣсь обширнѣе поморскихъ; кажими нѣкоторыхъ селеній могутъ вмѣщать въ себѣ до 500 человѣкъ. Такъ какъ Кускоквимъ не такъ богатъ рыбою, то прибрежные жители усерднѣе занимаются ловлею оленей, бобровъ, выдръ и другихъ пушныхъ звѣрей, доставляющихъ имъ пищу, одежду и мѣнновой товаръ. Остановился на ловлѣ бобровъ, какъ на одной изъ важнѣйшихъ отраслей нашей сѣверо-американской промышленности:

«Бобровъ промышленяютъ трояко: 1) Лукомъ и стрѣлами; въ этомъ случаѣ бьютъ бобра гуляющаго, то-есть такого, который по вскрытіи рѣчекъ, въ первыхъ числахъ апрѣля оставляетъ свою барабору и, спустившись въ большія рѣки, до осени

не выжить постоянного на одномъ мѣстѣ пребыванія. 2) Бобръ не въ состояніи наготовить себѣ запаса на всю зиму и потому всегда оставляетъ не тронутымъ вблизи растущій тальникъ. Въ оттепели онъ выходитъ и тогда скраденный или подкарауленный убивается просто палкой. 3) Промышленники осенью замѣчаютъ жилища бобровыхъ бараборъ и съ наступленіемъ хорошихъ зимнихъ дней, отправляются доставать ихъ, какъ называютъ въ колоніяхъ, изъ-подъ льда: бобръ зимою вышество и ось на немъ гуще. Операция промысла весьма простая: передъ бобровыми выходами выше и ниже его жилища прорубаютъ ледъ и опускаютъ ремешныя сѣти, въ которыя нутаются бобры, желая пробраться къ своему обыкновенному выходу. Если такихъ выходовъ не замѣтно во льду, то отыскиваютъ отнорки или продушины изъ боковыхъ корридоровъ и передъ ними ставятъ ловушку. Бобръ, набавившійся какимъ-либо случаемъ отъ ловушки, становится остороженъ: замѣта западню, толкается въ нее полѣно и когда ту захлопнетъ, то перелѣзаетъ черезъ нее безирепатственно.

«Сверхъ этихъ туземныхъ способовъ бобровой промышленности проникъ на Кускоквимъ и, къ несчастію, перенимается Квихпаками способъ, конечно вначалѣ введенный русскими промышленниками частныхъ компаній, и который по своей истребительности можно назвать вѣрнѣйшимъ для конечнаго перевода этого животнаго. Въ доказательство тому служатъ берега Аляскы въ окрестностяхъ Катмай и округа релутовъ Алемандровскаго въ Нушэгакѣ и Николаевскаго въ Кенайскомъ заливѣ. Способъ этотъ состоитъ въ разореніи бобровыхъ жилищъ; производство слѣдующее: въ зимнее время, ранней весною или въ глубокую осень, отыскавъ бобровую барабору, спускаютъ плотину или затымаютъ всѣ отнорки и выходы изъ подземныхъ корридоровъ, въ которыя прячутся бобры почувя опасность, ломаютъ верхъ бараборы и въ отверстіе опускаютъ толстый желѣзный крюкъ насаженный на палку; ощупавъ бобра зацѣпляютъ за него крюкомъ и такимъ образомъ вытаскиваютъ одного за другимъ и до послѣдняго. Бобры шенятся въ исходѣ апрѣля и началѣ мая; ходятся въ августѣ и сентябрѣ; самцы рубятъ и таскаютъ лѣсъ и запасы; самки носятъ землю, прудятъ и убиваютъ плотину и на дальнее разстояніе, за исключеніемъ молодыхъ, отъ своей бараборы не отлучаются, и потому почти одна она при разломкѣ бараборовъ становятся жертвами; съ ними

бать пользы теряется отъ двухъ до пяти цѣнковъ, годовыхъ произойти на свѣтъ.»

Взглянемъ теперь на домашнюю жизнь Квикикцевъ и Куковичцевъ, которую г. Загосинъ изображаетъ въ очеркѣ оцѣнъ сутокъ.

«Въ зимнее время, утро у туземцевъ начинается близъ восьми часовъ. Кто ранѣе всталъ, или кому нужно, тотъ зажигаетъ жирникъ, если что осталось въ немъ отъ вчерашняго вечера, въ противномъ случаѣ приносить жиру изъ своего зминика. Кажимъ какъ общественное званіе принадлежитъ всѣмъ; не смотря на то, что нѣкоторые старики или строители считаются въ немъ хозяевами, въ кажимъ отъ общества жертвуются топоры для колотья дровъ, каменные жирники, слишкомъ въ пудъ вѣсомъ, плодъ многолѣтнихъ трудовъ, занавѣсы на дверь, на свѣтлый люкъ и прочее, но ни хозяинъ, никто другой не обязывается освѣщать его или наблюдать за чистотою и исправностью.

«Съ разсвѣтомъ, послѣ обыкновеннаго завтрака, мужчины отправляются къ осмотру заперовъ на какую-либо добычу, или за чѣмъ-либо на своему хозяйству, не вмѣстѣ, но кто куда и какъ надумалъ; жены поносятъ мужьямъ загражать собакъ и въ свое очередь идутъ собирать сухія дрова, или принимаются за домашнія работы, — шьютъ парки, камлех, плетутъ рогожи, чулки, и прочая. Мальчики и дѣвочки расходятся къ осмотру разставляемыхъ оцѣновъ на кроликовъ или пшенокъ и курешатки. Къ часу за полдень ушеленный бѣловатый дымокъ въ зминиковъ означаетъ возвращеніе и объѣдъ дѣтей; затѣмъ собираются старшіе. Жена снимаетъ съ мужа налимью камлею, отираетъ собакъ, ставитъ на вѣшала нарту, съ заботливостью оглядываетъ въ особый уголъ кормовой бараборы привезенную добычу, онаеаясь, что не будетъ счастья въ уловѣ или промыслѣ, если она забывшись продастъ что или издержитъ изъ свѣжаго въ теченіе трехъ сутокъ со дня ея привоза. Кажимъ наполняется: мужчины вносятъ въ него свои пѣшши, состоящія изъ оленьяго рога, насаженнаго на палку. Они доселѣ вѣрують, что въ прорубь, вырубленную топоромъ или пробитую желѣзной пѣшшей, не пойдетъ рыбы сколько бы слѣдовало; развѣшиваютъ для обсушки рыбы чершаки, и вотъ наступаетъ пора выспаго наслажденія туземцевъ — баня. Одни бойкіе промышленники, избѣгая этого изнѣживающаго удовольствія, отпра-

влиются на рѣку бѣгать на ланкахъ въ запуски, или вести какую-нибудь новую игру.

«Пока одинъ изъ претендетовъ на баню оленьимъ клиномъ колеть на мелко дрова, а другой складываетъ ихъ клѣткой, футъ четырехъ въ квадратъ, остальные убираютъ развѣшанные парки, приносятъ или достаютъ съ верхнихъ лавокъ всѣ нужныя принадлежности паренья: чашку извѣстной жидкости, травяную мочалку, изъ мелкихъ стружекъ неплотно связанныя затычки (не знаю другаго равносильнаго слова); наконецъ изготовились; принесена, раздута и подложена головня, огонь быстро обхватываетъ костеръ, дымъ какъ густой туманъ застилаетъ кажимъ огъ полу до потолка, не находя достаточнаго выхода въ верхнемъ люкѣ, искры еловыхъ дровъ съ трескомъ разбрасываются во всѣ стороны, парильщики обѣли огнище и, чтобъ не задохнуться, вооружили свои рты поименованными затычками; операція началась и вмѣстѣ съ тѣмъ оглушительный вой и плачь повеселся изъ кажима: это мы знаемъ, туземцы оплакиваютъ умершихъ, вспоминаютъ славныя дѣянія предковъ и невозвратные дни своей молодости; мы знаемъ, что нѣкоторые прожаренные у огня безъ памяти вытаскиваются на снѣгъ собратіями; знаемъ, что съ окончаніемъ бани, вся остающаяся жидкость выливается на угли и распространяется удушающій запахъ, по крайности на полчаса, и потому это время проведемъ съ молодежью.

«Одинъ извѣстный ходокъ трижды опередилъ своихъ товарищей; принялись за другаго рода забаву: наломавъ до десяти штукъ таловыхъ вѣтвей, разложили ихъ одну отъ другой въ разстояніи шести футовъ; каждому участнику слѣдовало перескочить чрезъ пространство между вѣтвями безостановочно, такъ, чтобъ во время бѣга становиться ногами по этимъ мѣткамъ и не сдвигать ихъ съ мѣста: чрезъ шести-футовый разстояніи перескочили всѣ участвующіе; раздвинули вѣтви на семи-футовый: нѣкоторые спутались; прибавили разстояніи еще на футъ и малая только часть совершили скачку съ успѣхомъ; наконецъ, чрезъ девять девятифутовыхъ разстояній могъ скакать, не переводя духу, только нашъ малорослый стрѣлецъ Никитинъ. Собравшіяся на угорѣ женщины не оставались праздными зрителями; вооруженныя нарочно для того приготовляемыми ножами, изъ мамонтовой и моржевой кости, онѣ весьма искусно выводили по снѣгу различные узоры; одна изъ нихъ случайно

увала, вскочивъ, тотчасъ начинають бросать на себѣ снѣгъ, оледиваться, снѣгаться: кто презебрежеть этими предосторожностями, тотъ рискуеть занемочь и даже умереть.

«Баня кончалась, свѣтлый люкъ накрыли; но молодежь расшеложилась веселиться. Положили на славу: кто скорѣе другого продолбить ледъ, толщиной четырехъ футъ; отправились въ кажимъ за пѣшнями; тамъ парильщики оканчивали объѣздъ и большая часть изъ нихъ приняла участие въ этой забавѣ. Двое стариковъ выбраны старшинами: одинъ для подачія сигналовъ послѣдовалъ на рѣку выѣстъ съ состязателями, другой, свидѣтельствующій о побѣдителѣ, остался въ кажимъ: остальное народонаселеніе, отъ стараго до малаго, высыпало на берегъ. Состязателя выстроились въ линію, футахъ въ пяти другъ отъ друга; старшина кинулъ вверхъ шапку и въ тотъ моментъ, какъ она достигнувъ высшаго предѣла своего полета, обратилась къ низу, всѣ пѣшни разомъ вонзились въ ледъ. Мы удивлялись ловкости нѣкоторыхъ туземцевъ; казалось, они менѣе другихъ прилагали усилія и вовсе не торопились, но дѣло у нихъ шло скорѣе. По мѣрѣ накопленія осколковъ, ихъ выгребали ногами и руками; черезъ семь съ половиною минутъ у одного выступила вода; онъ погрузилъ пѣшню въ сдѣланное отверстіе по самую рукоятку, въ знакъ убѣжденія зрителей, и потомъ стремглавъ бросился въ кажимъ для представленія ея оставленному тамъ судѣ. Общее шумное одобреніе сопутствовало побѣдителю.

«Смеркалось; народъ расходился; снизу рѣки показались дѣтскія нарты; нѣсколько дѣтей остались на берегу изъ любопытства взглянуть на подходящихъ; вскорѣ они поднялись къ селенію и остановились у одного зимника: то была семья, состоящая изъ мужа, жены, взрослой дочери и мальчика-подростка. Никто ихъ не встрѣтилъ; со всѣмъ тѣмъ, пріѣзжіе располагались какъ дома; привязали собакъ къ столбамъ кормовой барабары, сложили въ нее привезенный скарбъ и товаръ, подняли нарты на вѣшала; потомъ женщины и мальчикъ спустились въ зимникъ, мужчина пошелъ въ кажимъ. Здравствуй, прощай, спасибо;—этихъ словъ не существуетъ въ туземномъ словарѣ. Вошедшій отряхнулся, сколотилъ снѣгъ съ торбасовъ, снялъ и повѣсилъ для

присутствіи камазо, или верхнюю парку и, вытаскивая руки из рукавовъ той парки, въ которой остался, что вообще дѣлается ради большаго тепла и выраженіе бездѣлья,—показалъ тому у кого онъ остановился: «Я къ тебѣ.» Тотъ отвѣтилъ обычнымъ «Гаші-кавай», которое въ этомъ случаѣ всего ближе выражается нарѣчиемъ «ладно», «хорошо.» Тамъ пріѣзжестіи замечнаго.

«Отгорѣвшись, петухаѣ или покуривъ табакъ, пріѣзжіи заводятъ рѣчь, не обращая ее собственно ни къ кому, о томъ, что новое произошло въ его сторонѣ, рассказываетъ видѣнное и слышанное во всѣхъ селеніяхъ, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, но изъясняется всегда слогомъ повѣствовательнымъ, въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ иныхъ случаяхъ множително, такъ наиримѣръ: на такомъ-то селеніи, говорятъ, камази (т. е. носики, или Русскіе) ходятъ и дарятъ табаконъ; это значить, что онъ видѣлъ Русскихъ, получалъ подарокъ, но не утверждаетъ положительно, чтобъ Русскіе одаривали и въ другихъ селеніяхъ; или такой-то, одѣтый въ новую парку, лежитъ въ каминахъ головою къ стѣнѣ, это означаетъ умершаго; надъ такимъ-то внимають, — знакъ болѣзни; тамъ-то много жиру или чего другаго, — свидѣтельство изобилія промысла или улова, и тому подобное. Кто умеръ, кто и чѣмъ боленъ, кто и что добылъ, объясняется по особеннымъ вопросамъ впоследствии; во время же повѣствованія всѣ слушаютъ, только изрѣдка восклицаніи: «Ді-ника», то есть «такъ, такъ».

«Если пріѣхалъ не къ кому—либо исключительно, не желаетъ своему товару найти покупателя за необходимыя для него предметы, удовольствовивъ себя и другихъ рассказомъ, онъ вноситъ въ магазинъ все привезенное для промѣны и объявляетъ, что за то и то, желательнѣе имѣть это и это. Каждый рассматриваетъ, и если кто находитъ промѣнъ для себя выгоднымъ или полезнымъ, то съ своей стороны, не говоря ни слова, приноситъ требуемое; чтобъ всѣ видѣли леброту и качество вступавшихъ на обмѣнъ вещей; если цѣны привезенныхъ предметовъ дорога, то одинъ молча отходитъ прочь, другіе торгуются. Но вотъ пріѣзжій падаетъ одному изъ туземцевъ вещь, которую вышнелъ отъ него назадъ тому около года: «Это, говоритъ онъ ему, не годится для меня!» и тотъ, оглядѣвъ вещь и признавъ ее дѣй-

опытно за спом, взирається то что получить, безъ всякаго сожалѣнія. Новъ прибывшихъ женщинъ, у молодыхъ мужъ остается на своемъ селѣ: пойдете въ зимникъ, вы увидите у васъ другаго; это второй, въ полемично, какъ то бывала въ старину у Алеутовъ и Камькчанъ, во кула, которую она в раздѣваетъ и кормитъ и спитъ съ нею. Мужья, любящіе или любящія женъ малолѣтнихъ, такимъ же порядкомъ обращаются съ своими нарѣченными.

«Насталъ вечеръ. Въ кажинъ долго и темно и пусто; большая часть мужчинъ ужинаетъ въ зимникахъ; наконецъ мало-по-малу собираются, щедрые или достаточные приносятъ жаръ; иные принимаются за различныя работы; другіе, сидя на лавкахъ и покачиваясь взадъ и впередъ, слушаютъ рассказы прѣзжаго или домашняго краснобая; по временамъ, нюхаютъ или курятъ до одурѣнія: вдругъ изъ одного зимника раздаются звуки бубеня и завыванія шамана: это леченіе больного. Какъ не посмотреть! пойдете: намъ сопутствуютъ не многіе.

«Въ одномъ изъ угловъ зимника сидитъ больной: онъ страдаетъ простудой и въ-особенности ломотой поясницы; передъ нимъ горятъ два жирника; задъ паркы поднятъ ему на голову; два шамана, по той и другой его сторонѣ, по временамъ поютъ и бьютъ въ бубны; за нимъ виднѣется растрепанная голова старухи: она каркаетъ по-вороньи, клюетъ носомъ въ спину больного, съ кѣмъ-то переговаривается и встрѣчая или препятствія или видя неуспѣхъ, чертѣняетъ голосъ, щекочетъ по-сорочьи, лаеетъ по-собачьи; вотъ, наконецъ завыва волкомъ, начала кидаться на больного, какъ-будто грызетъ ему спину, срываетъ съ него что-то, показываетъ видъ, что бросаетъ на воздухъ; въ бубны забили сильнѣе; старуха, вскочивъ слернула парку съ пациента, принялась ее вытряхивать; потомъ, схватя вѣвникъ, начала махать имъ во всѣ стороны, выметать изъ-подъ наръ, какъ-бы кого выгоняя; открыли верхній люкъ; четыре другихъ тунгаконъ на крышѣ зимника ударили въ бубны, закричали: «Побѣжалъ, побѣжалъ! у! у!» старуха притворилась или точно обезпамятѣла. Это былъ третій духъ, выгнанный ею изъ больного; сколько еще ихъ въ немъ осталось, никто не зналъ. Если то былъ послѣдній, больной въ скоромъ времени долженство-

валъ поправиться, въ противномъ случаѣ шаманство продолжится, разумѣется, по волѣ больного, потому-что онъ за это платитъ и иногда довольно дорого. Тунганы утверждаютъ, что вся сила ихъ искусства состоитъ въ отысканіи, который духъ вселился въ больного; выгнать его они не считаютъ важнымъ.

«Время склоняется къ полуночи; туземцы располагаются спать и когда все стихнетъ, мужья дезертируютъ къ своимъ дражайшимъ половникамъ.

«Пляски туземцевъ Квхипака и Кускоквима вовсе различествуютъ отъ поморскихъ въ духѣ и дѣйствіяхъ. Пляски первыхъ—собственно передача въ мнимическихъ представленіяхъ, явленій духовъ тунгакамъ при какихъ-нибудь случаяхъ частной ихъ жизни; и какъ духъ является въ образѣ звѣря, птицы, человѣка или въ другомъ-какомъ фантастическомъ видѣ, то вмѣстѣ съ пляской тунгакъ представляетъ и его личину или маску. Слова пѣсни—описание въ извѣстномъ размѣрѣ явленія или бесѣды тунгака съ духомъ. Каждую пляску въ первый разъ исполняютъ въ кажимѣ сочинитель, а потомъ она переходитъ вмѣстѣ съ личиною въ общее достояніе. Пѣсни поются тѣми, которые даютъ вечернику; наивѣ однакожь съ приморскимъ.

«Представленія выполняются мужчинами нагишомъ, потому-что все искусство ихъ пляски состоитъ въ выказаніи проворства, легкости и быстроты; по одной или по парѣ женщинъ съ каждой стороны плясуна окаймляютъ картину; движенія послѣднихъ всегда плавны, исключая обыкновенныхъ частныхъ вечеринокъ, въ которыхъ старушки позволяютъ себѣ различныя вольности. Пляшущія женщины одѣты и обвѣшаны бисерами, колокольчиками, мѣдными обрѣзками и тому подобными украшеніями; на парадныхъ представленіяхъ, то-есть тѣхъ, на которыя съѣзжаются гости съ окрестныхъ селеній, женщины одѣваются въ прозрачныя камен, въ руки берутъ различныхъ видовъ рѣзныя изъ дерева фигуры, украшенныя перьями или длинною оленьей шерстью: эти фигуры служатъ имъ для приданія большаго эффекта и соразмѣренія своихъ движеній.

«Сколько бы ни было дѣйствующихъ лицъ, всѣ они бываютъ

въ маскахъ; впрочемъ воображеніе тунгаковъ не создаетъ представленій болѣе какъ изъ трехъ персонъ. Если даютъ вечерянку женщины, то одѣваются въ мужское платье и тогда пляшутъ въ маскахъ. У Квихпацевъ и Кусоквимцевъ есть своего рода паяцы или шуты. Въ интермедіяхъ между представленіями, они отпускаютъ разныя шуточки, подсмѣиваются надъ плясунами, зрителями и часто довольно неблагопристойно, но у каждаго народа свои понятія о любезности.

«Для яснѣйшаго ознакомленія читателей съ туземной пляской, расскажемъ содержаніе нѣкоторыхъ ихъ представленій.

«Въ кажимѣ, десять сажень въ квадратѣ, по всѣмъ тремъ лавкамъ и по полу, исключая передней стороны, оставленной для дѣйствующихъ лицъ, сидятъ народъ. Мужчины одни совершенно нагѣ, другіе безъ парокъ занимаютъ лавки, женщины скучились на полу; со многими изъ нихъ грудныя дѣти. Жарко и душно. Два жирника на авансценѣ, то-есть по угламъ передней стороны ямы огня, и четыре въ разныхъ мѣстахъ кажима, тускло разливаютъ свѣтъ на пеструю толпу зрителей; съ нижней лавки передней стороны спущены травяныя рогожки, отдѣляющія гардеробную актеровъ. Четверо тунгаковъ сидятъ на этой лавкѣ, держа въ рукахъ бубны въ два съ половиною фута въ діаметрѣ; два старика въ оборванныхъ паркахъ съ замаранными лицами, повременамъ появляются на сценѣ, дразнятъ другъ друга и подсмѣиваются надъ зрителями, что тѣ понапрасну собрались смотрѣть новую пляску, которую они старпки украли у сочинителя. Это вмѣсто увертюры. Но вотъ открылся свѣтлый люкъ и по ремню спустился быстро, можно сказать мгновенно, плясунъ, легкимъ скачкомъ онъ очутился на сценѣ; двѣ пары женщинъ обстали его по сторонамъ; на немъ личина, изображающая фантастическую голову ворона; вотъ онъ заскакалъ по сценѣ, закричалъ по-вороньи, бубны забили свой мѣрный тактъ; пѣвцы затаили пѣсню. Плясунъ представляетъ то ворона, присѣдая и скача по-птичьему, то извѣстныя дѣйствія челоуѣка, которому во всемъ неудача. Содержаніе пляски выражается словами пѣсни, которыхъ, сущность

закмочается въ слѣдующемъ: «Жизль тунгакъ съ своей землѣ и голодовалъ, и примѣталъ онъ, что куда бы онъ ни пошелъ, вездѣ сопутствуетъ ему и становится помѣхой воронъ; войдетъ ли на добычу за оленями, воронъ откуда ни возьмется закаркаетъ, встревожитъ оленей и не допуститъ скрасть ихъ въ мѣру полета стрѣлки; поставитъ ли негли на ушкановъ или куропатокъ, воронъ спугаетъ, сорветъ ихъ; опуститъ ли въ озеро морду на рыбу вмагнать, и тутъ воронъ находитъ способы повредить ему. Кто ты, наконецъ восклицаетъ тунгакъ. Духъ въ образѣ ворона усмѣхаясь отвѣчаетъ: «Горькая твоя доля.» Такимъ образомъ въ этой пляскѣ представляется въ мимикѣ, охота за оленями, ловля ушкановъ, куропатокъ, рыбы и бесѣда тунгака съ ворономъ. За пляской слѣдуетъ антрактъ: семья пяссуна въ память своихъ родныхъ одариваетъ гостей различными запасеніями или какими-либо вещами; въ послѣднемъ случаѣ наблюдается, чтобъ число раздаваемыхъ вещей было или двадцать или дважды двадцать, мы считаемъ по туземному, и такъ далѣе; притомъ раздаватель до самаго момента дѣлежа, старается сколько возможно скрыть отъ всѣхъ присутствующихъ то, чѣмъ онъ намѣренъ дарить. Положимъ, что мужчина расположился одарить своихъ гостей подошвами; передъ глаза зрителей онъ представляетъ байдарку, вырѣзываетъ изъ нея двадцать, сорокъ или шестьдесятъ паръ подошвъ, и въ то же время рассказываетъ какимъ образомъ байдарка была пріобрѣтена, долго ли на ней ѣздили, благополучно ли производилъ ловлю, выхваляетъ доброту лавтака и прочая. Если одариваетъ женщина, напримѣръ мѣшками изъ рыбныхъ шкуръ, тоже число двадцать или сорокъ она сшиваетъ между собою, растагиваетъ ихъ во всю ширину кажима, объясняетъ труды и время употребленные ею, на выморозку шкуръ, на шитье, на пріобрѣтеніе различныхъ украшеній, наконецъ на тайну производства своей работы. Если раздаются провизіи, то всего чаще передаютъ ихъ изъ рукъ въ руки. Въ обыкновенныхъ игрушкахъ раздача подарковъ зависитъ отъ воли раздавателя, и предпочтеніемъ никто не обижается. Обратимся снова къ представленіямъ. Вотъ три человѣка выскочили изъ-подъ лавки; одинъ изъ

никъ съ собственымъ рыломъ, на четверенькахъ, съ загнутою дугою вмѣсто хвоста, какъ будто тиветъ варту; второй въ весѣмъ правильной маскѣ человѣка показываетъ, что толкаетъ нарту сзади; третій въ личнѣ слишкомъ трехъ футъ величѣны, изображающей уродливое человѣческое лицо на лягушечьемъ рылѣ, окруженное ореоломъ изъ орлиныхъ перьевъ, представляетъ духа. Содержаніе пляски и пѣсни слѣдующія. Идетъ тунгакъ съ своей одиночки на зимники; собака его титлая, корявленная, вдругъ чего-то пугается, поджимаетъ подъ себя хвостъ, визжитъ; тунгакъ осматриваетъ ее, не зановля ли она ногу, не третъ ли ей гдѣ алыкъ: напрасно; собака не трогается съ мѣста, нечаянно поднимаетъ онъ голову и видитъ духа. Что тебѣ, вопрошаетъ тунгакъ? Не ходи, отвѣчаетъ духъ, на твоемъ жилѣ повальная болѣзнь, люди умираютъ скоропостижно. Чтожъ, возражаетъ тунгакъ, если мнѣ умереть этой болѣзнію, то я умру, гдѣ бы я ни былъ, а на жилѣ у меня жена, дѣти и прахъ моихъ родственниковъ....»

И если бы этотъ тунгакъ умеръ, то его похоронили бы слѣдующимъ образомъ:

«Квихпакцы и Кускоквимцы покойниковъ своихъ кладутъ пригнувши ноги къ животу въ сколоченные изъ досокъ ящики, обертываютъ берестой и накрѣпо забиваютъ крышкою. Гробы эти ставятъ на четыре столба футъ пяти высоты и къ лицевой сторонѣ прибиваютъ стоймя особый щитъ отъ четырехъ до шести футъ въ квадратъ, на которомъ малюютъ профессію покойнаго, какъ-то байдару, если онъ былъ торговецъ; оленя или бобра, если былъ промышленникъ и прочая. Передъ могилами втыкаютъ копыя, весла, вѣшаютъ луки, стрѣлы, котлы, кладутъ цѣлыя байдары и прочее.»

Дѣйствія экспедиціи кончилисъ 21 іюня 1844 года; въ этотъ день экспедиція возвратилась въ редутъ Св. Михаила; она находилась въ отсутствіи годъ, шесть мѣсяцевъ и шестнадцать дней; въ продолженіе этого времени г. Загоскинъ и его провожатые прошли пѣшкомъ и на кожаныхъ лыжахъ около пяти

тысячъ верстъ! 5 августа, она оставила редутъ и, на бригѣ Охотскъ, прибыла 26 сентября въ Новоархангельскъ.

Г. Загоскинъ, какъ мы показали при обзорѣ его странствованій, не только исполнилъ порученіе колоніальнаго начальства, но обогатилъ также науку своими изслѣдованіями этого отдаленнаго и малодоступнаго края. Потому его *Пъшеходная Опись* книга, столько же занимательная для обыкновенныхъ читателей, сколько полезная для ученыхъ.

=

Смѣсь.

КАРДАНЪ ДВОЕЖЕНЕЦЪ. *Повѣсть Мері.* Передъ тулонскимъ рейдомъ, на западномъ скатѣ того хребта горъ, который соединяетъ пикъ Кудонъ съ Оліульскими ущеліями, встрѣчаются на каждомъ уступѣ красныя деревенскіе домики, какіе можно найти только въ Провансѣ; передъ каждымъ изъ нихъ одинъ и тотъ же видъ: море, рейдъ, корабли,—картина самая смѣющаяся и разнообразная. По вечерамъ, въ хорошее время года, на террасахъ этихъ маленькихъ дачъ собираются семейства и отдыхаютъ отъ утомительнаго жара, вдыхая свѣжесть, которая распространяется отъ моря, при приближеніи ночи.

Наканунъ праздника Св. Іоанна въ 183... году, едва первыя звѣзды заглялись надъ сѣрымъ и обнаженнымъ хребтомъ Кудона, вдругъ, среди сельской тишины, раздался пущечный выстрѣлъ и эхо, замирая, прокатилось отъ холма Ламальгъ въ глубину оліульской долины. Электрическое движеніе ужаса пробѣжало вмѣстѣ съ эхомъ и встревожило тишину прекрасной лѣтней ночи.

Повсюду на террасахъ, гдѣ молодыя женщины разговаривали съ молодыми людьми, послышался крикъ: «это галерный невольникъ убѣжал!» и казалось, что посреди каждаго отдѣльнаго семейства явился вдругъ тигръ съ человѣческимъ лицомъ, убѣжавшій изъ звѣринца тулонскаго арсенала.

Если бы какой-нибудь наблюдатель могъ изслѣдовать на лету этотъ ужасъ, какъ онъ пробѣжалъ по всѣмъ лицамъ въ ночь наканунъ Иванова дня, то замѣтилъ бы съ удивленіемъ,

спокойствіе одного только семейства, сидѣвшаго въ бесѣдѣ между рейдомъ и горою Си-фуръ. Это спокойствіе нѣсколькихъ лицъ, посреди всеобщаго ужаса, легко было, однако, объяснить. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, г-жа Мелланъ и дочь ея Анна прибыли изъ Нью-Йорка въ Тулонъ, для окончанія важнаго семейнаго дѣла, и наняли деревенскій домикъ, недалеко отъ моря и большой дороги. Старый слуга и двѣ горничныя креолки сидѣли, вмѣстѣ съ обѣими дамами, на террасѣ, когда раздался пушечный выстрѣлъ. Какъ никто не могъ объяснить тогда двумъ иностранкамъ значенія этого сигнала тревоги, то онѣ смотрѣли на него, какъ на вещь очень обыкновенную въ военномъ городѣ и не прервали даже своего разговора.

Слѣпой случай направилъ шага убѣжавшаго галерника къ дому г-жи Мелланъ. Это былъ человѣкъ, оставившій по себѣ имя, славное въ пандемоніумѣ преступленій; это былъ извѣстный Карданъ, заклеименный и осужденный на галеры за двоеженство и другія преступленія. Онъ употреблялъ почти два мѣсяца, чтобы перепилить желѣзное кольцо, соединявшее его съ товарищемъ, и, однажды, когда тотъ спалъ на мурильонской верфи, Карданъ переломилъ послѣднюю пластинку кольца и убѣжалъ. Товарищъ его, послѣ короткаго сна, утаеннаго отъ бдительности сторожа, видя себя одного, спрятался въ пещеру за бревна и доски, чтобъ, въ свою очередь, убѣжать, при первомъ удобномъ случаѣ; но его нашли на другой же день. Только при наступленіи ночи замѣтили бѣгство Кардана.

Этотъ извѣстный каторжникъ былъ тогда тридцати лѣтъ отъ роду, изъ которыхъ четыре года онъ провелъ на галерахъ. Онъ былъ высокаго роста и хорошо сложенъ; его изящныя манеры, блѣдное и гордое лицо показывали, что онъ принадлежалъ къ хорошему обществу, прежде чѣмъ красная куртка, которая уравниваетъ всѣ состоянія, скрыла порядочнаго человѣка подъ оболочкой галерника. Въ эту ночь на немъ не было куртки: онъ забросалъ ее въ крапиву. Карданъ былъ ловокъ и силенъ; бѣгъ его походилъ скорѣе на полетъ птицы или скачки пантеры, нежели на скорую походку человѣка. Пробравшись между большими деревьями къ дому г-жи Мелланъ, онъ осмотрѣлся съ тѣмъ тонкимъ инстинктомъ, который природа вложила въ хищныхъ звѣрей, и, цѣпляясь, какъ обезьяна до бревну, приставленному къ задней стѣнѣ дома, вошелъ въ комнату перваго этажа, и не болѣе какъ въ пять минутъ все ощутилъ и осмотрѣлъ въ потьмахъ, какъ будто ему свѣтили его рыжіе волосы или пламень его глазъ.

Если бы такого рода люди употребляли на добро свои способности, которые они истощают на зло, родъ человеческій скоро бы возродился.

Карданъ вышелъ въ одной конторкѣ нѣсколько свертковъ эю, завернулъ ихъ въ перьяе, невавшіеся ему подъ руку, листы бумаги. Онъ удовольствовался этой небольшою суммой, достаточной для перьяихъ необходимыхъ нуждъ, и однимъ скачкомъ выпрыгнулъ чрезъ окно въ садъ.

При первыхъ лучахъ утренней зари, онъ достигъ вулканической вершины горы Эвенось, погасшая лава которой сѣмится съ облаками. Тамъ онъ купилъ у настуха одежду и нѣсколькихъ овецъ, и тропинками, по которымъ пробираются козы, спустился, съ палкой въ рукѣ, въ долину Боссетъ.

Зная, что большая дорога ведетъ всегда къ большому городу, Карданъ слѣдовалъ по направленію дороги, которая идетъ, извинаясь, отъ часовни Св. Анны въ долину Кюфъ. По дорогѣ, онъ кланялся жандармамъ, которые вели преступниковъ, отставнымъ морякамъ, солдатамъ, возвращавшимся изъ Африки, канатнымъ плясунамъ и шарманщикамъ, всѣмъ этимъ любопытнымъ пѣшеходамъ, населяющимъ дорогу изъ Тулона въ Марсель.

Бросивъ своихъ овецъ, онъ вошелъ ночью въ Марсель и занялъ скромную комнатку въ улицѣ Бенуаръ, въ гостинницѣ, гдѣ останавливаются пѣшеходы и проѣзжіе, но особенно пѣшеходы.

Развернувъ при свѣчѣ свои эю, онъ увидѣлъ что они были завернуты въ два письма; отъ нечего дѣлать, онъ сталъ читать ихъ. Сначала Карданъ читалъ равнодушно, но скоро музыкалы лица его сжались и придали ему страшное выраженіе. Онъ всталъ съ потупленной головой, неподвижными глазами и сжатыми кулаками, какъ бандитъ, привыкшій ко всѣмъ преступленіямъ, который подлѣ нагнетѣмъ какого-то неожиданнаго злоключенія, видятъ возможность совершить новое преступленіе. У злодѣевъ бывають иногда свои минуты вдохновенія и въ ихъ, всегда дѣятельномъ, мозгу, мгновенно является какой-нибудь адскій планъ со всѣми своими черными подробностями.

Оба письма были очень длинны; одно съ острова Бурбона, другое съ мыса Доброй Надежды. Они заняли бы здѣсь слишкомъ много мѣста; а потому мы разберемъ ихъ въ нѣсколькихъ словахъ и представимъ сущность ихъ содержанія. Изложеніе это будетъ коротко.

Г-жа Мелланъ, за полтора года предъ тѣмъ овдовѣвъ, оставила Нью-Йоркъ, гдѣ умеръ ея мужъ, и возвратилась въ Европу послѣ двадцатилѣтняго отсутствія. Желаніе увидѣть отечество не было главной побудительной къ тому причиной. Г. Мелланъ, бретанскій уроженецъ былъ одолженъ огромнымъ своимъ состояніемъ другу своему, г. де-Кербріану, дворянину, разоренному революціей, отъ которой не получилъ, обратно ничего изъ потеряннаго. Г. де-Кербріанъ имѣлъ единственнаго сына по имени Альберта. Этотъ молодой человекъ, не надѣясь получить ничего въ наслѣдство, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ пошелъ служить во флотъ; но, къ несчастію, не имѣлъ того крѣпкаго здоровья, какого требуетъ морская служба. Г. Мелланъ на смертномъ одрѣ сдѣлалъ торжественное распоряженіе, по которому дочь его должна была вступить въ бракъ съ сыномъ его благодѣтеля, на условіяхъ самыхъ великодушныхъ, которыя нѣкоторымъ образомъ уплачивали долгъ благодарности. Вдова его, г-жа Мелланъ, слѣпо покорилась послѣдней волѣ своего мужа; она завела переписку съ Альбертомъ де-Кербріаномъ и нашла въ немъ, очень естественную, готовность исполнить завѣщаніе отца Анны. Положено было обѣимъ семействамъ съѣхаться въ Туловъ къ іюлю мѣсяцу, когда Альбертъ де-Кербріанъ прибудетъ на военномъ кораблѣ изъ Пондишери, и тогда немедленно отпраздновать бракосочетаніе молодаго человека съ дочерью г-жи Мелланъ. Онѣ первыя прибыли на мѣсто свиданія, назначенное за океаномъ.

Маленькій билетикъ, приложенный къ одному изъ этихъ писемъ, извѣщалъ о смерти г. де-Кербріана. Билетикъ этотъ былъ писанъ не рукою сына его Альберта, а на немъ было клеймо города Нанта.

Послѣ долгаго размышленія, Кардану пришла въ голову одна изъ тѣхъ безумныхъ идей, исполненію которыхъ можетъ помогать только духъ зла съ помощію адскихъ соображеній. Во-первыхъ, онъ не оставилъ вдругъ своей простой одежды, опасаясь, слишкомъ быстрой переимѣной, повредить себѣ въ глазахъ содержателя гостинницы; онъ переодѣвался мало-помалу, покупая и надѣвая новый костюмъ по частямъ; потомъ онъ помѣстился въ другой, лучшей гостинницѣ, принявъ предосторожность измѣнить не только цвѣтъ волосъ и лица, но даже ростъ, походку и голосъ. Вполнѣ увѣренный, что обманетъ бдительность полицейскихъ сыщиковъ, онъ пустился отыскивать себѣ достойнаго друга въ одной изъ тѣхъ тавернъ, которые въ большихъ городахъ скрываются въ тѣни самыхъ отвратительныхъ кварталовъ.

Лаоатеръ и Галль просто дѣти передъ каторжникомъ, убѣжавшимъ изъ Тулона. Для узнавiя себѣ подобныхъ, каторжникъ одаренъ шестымъ чувствомъ, которое можно назвать обоняніемъ преступленiя. Въ одной изъ тавернъ стараго Марселя, Карданъ заштилъ молодаго челоуѣка дѣтъ двадцати-пяти или тридцати, блѣднаго и первическаго, съ глазами зеленаго матоваго цвѣта. Въ небрежности его приемовъ была всѣ признаки отвращенiя къ труду, а въ глазахъ отблескъ дурныхъ страстей. Костюмъ этого челоуѣка, не смотря на то, что былъ изношенъ, показывалъ прежнее его достоинство. Каждая часть его одежды, во времена давно забытыя журналомъ модъ, красовалась, вѣроятно, на вѣшалкѣ какаго-нибудь извѣстнаго портнаго.

Нѣсколько рюмокъ водки скоро сблизили Кардана съ этимъ челоуѣкомъ; онъ нашелъ, что новый другъ его одинъ изъ тѣхъ людей, которые могутъ сдѣлаться полезными только отъ влiянiя на нихъ посторонней сильной воли. Не смотря на это, опытный галерникъ, въ продолженiе многихъ дней, испытывалъ избраннаго имъ челоуѣка, прежде чѣмъ возвысилъ его въ достоинство своего сообщника, и когда, по его расчетамъ, настало уже время открыться, то подаривъ ему предварительно нѣсколько пяти-франковыхъ эку, онъ развернулъ предъ нимъ свои планы. Съ этой минуты одинъ изъ этихъ презрѣнныхъ сдѣлался покорнымъ рабомъ, а другой полновластнымъ господиномъ.

Чтобы успѣть въ своемъ предпрiятiи, Кардану не доставало суммы денегъ болѣе значительной, нежели та, которую онъ укралъ изъ конторки г-жи Мелланъ, и которую уже почти всю истратилъ. Препятствiе это вскорѣ было побѣждено. Марсельскiе мѣнялы не такъ осторожны, какъ ихъ парижскiя собратья; они раскладываютъ, слишкомъ небрежно и всегда на протяженiи руки искуснаго мошенника, свои двойные наполеондоры и испанскiе пiастры. Карданъ, который, въ случаѣ нужды, дѣлалъ свои пальцы невидимками, размѣнивалъ два лундора, у одного изъ этихъ продавцовъ золота, стянулъ два свертка монетъ такъ искусно, какъ настоящiй фокусникъ или индiйскiй жонглеръ. Съ этимъ металлическимъ подкрѣпленiемъ, онъ чувствовалъ себя въ силахъ завоевать Перу.

Сообщникъ, избранный Карданомъ, назывался Валентиномъ Прогеромъ. Онъ принялъ это имя, сдѣлавшись камердинеромъ Кардана, который самъ превратился въ г. Альберта де-Кербриана. Данное ему порученiе было чрезвычайно трудно исполнить, не смотря на ясныя наставленiя, полученныя имъ отъ своего повелителя. Ему сдѣдовало отправиться впередъ на

дачу г-жи Мелланъ и искусно развѣдать всѣ обстоятельства, чтобы безопасно начать предпріятіе.

Прогеръ, въ одеждѣ довереннаго слуги хорошаго дома, отправился въ Тулонъ; прибывъ въ этотъ городъ, онъ поспѣхалъ на маленькой лодкѣ къ дачѣ г-жи Мелланъ и вышелъ на берегъ не задолго до захода солнца. Невосходно играя свою роль, онъ объявилъ обителѣмъ дачи, что г. Альбертъ де-Кербрианъ прибылъ въ Ниццъ на пуреческомъ кораблѣ, съ ширса Добрая Надежда; что труды, потерянные имъ на морѣ, заставили его выйти въ отставку ранѣе, нежели онъ хотѣлъ и что онъ возвратился изъ Индіи простымъ гражданиномъ, не зависящимъ отъ военной службы, и рѣшился поселиться въ томъ мѣстѣ, какое угодно будетъ выбрать г-жѣ Мелланъ.

Во время разговора, Прогеръ стоялъ на террасѣ, гетельный въ три скачка очутиться въ полѣ, при махнѣвшей тѣни недоумчивости, которая бы показалась на лицахъ дамъ. Предосторожность эта была бесполезна. Г-жа Мелланъ, женщина добрая, проводившая всю жизнь ширне, вполне повѣрила всему, что рассказывалъ ей посланникъ ея будущаго зятя, и, въ упоеніи радости, нѣжно поцѣловала дочь свою, чрезвычайно тронутую при мысли о близкомъ замужествѣ.

На другой день, въ три часа пополудни, громкій стукъ колесъ и хлещанье бича почталіона возвѣстили прибытіе почтового экипажа въ большую аллею дачи.

— Это г. де-Мербрианъ, мой господинъ, сказалъ Прогеръ; я узналъ его экипажъ.

Молодой человекъ, одѣтый въ черное платье, съ изящными манерами, легко выскочилъ изъ коляски, выбѣжалъ на террасу, и, какъ будто задумавшись радостными словами, бросился цѣловать руки г-жи Мелланъ. Карданъ былъ такъ хорошо переодѣтъ, что Прогеръ, на минуту, сѣхнулся, не узнавъ его.

Убѣжавшій каторжникъ поклонился Аннѣ Мелланъ и сказалъ ей фразу, приготовленную имъ въ продолженіе четырнадцати миль пути.

— Благословляю память отца вашего, этого великодушнаго человека, избравшаго меня своимъ зятемъ; я очень счастливъ и долженъ вамъ сказать, сударыня, что, объѣхавъ вокругъ всего свѣта, я избралъ бы только васъ подругою жизни.

За этими словами послѣдовало глубокое молчаніе, наступившее всегда послѣ сильныхъ и глубокихъ ощущеній; нѣсколько времени посвящено было печальнымъ воспоминаніямъ и нѣмой горести; а потомъ, разговоръ не замѣтно, принялъ характеръ живой и веселый, особенно во время обѣда. Карданъ пока-

зять при даламъ чрезвычайную деликатность, говоря, обо всемъ, кромѣ своего брака. Онъ разсказалъ подробно свое путешествіе, которое изучалъ накануне по географической картѣ, выписывая въ разсказъ всѣ техническіе морские термины, означенные на ней въ алфавитъ. Наконецъ, принявъ приличное положеніе, онъ сказалъ расстрашаннымъ голосомъ:

— Я проѣхала пять тысячъ миль, постигла пять частей свѣта, видѣла всѣ народы и узналъ по опыту, что счастье, если оно существуетъ, можно найти только въ кругу семейныхъ обязанностей и въ скромномъ семействѣ, между родными и друзьями.

Е-жа Мелланъ пожала Карлану руку, и движеніе ея выразило все счастье, которое она чувствовала, слыша отъ зятя выраженіе такія восторженныхъ чувствъ.

Очень искуснымъ переходомъ, Карланъ заставилъ свою будущую тещу принять намѣреніе, чрезвычайно для него важное. Онъ разсказалъ о мнимой ссорѣ своей въ Навтъ съ молодыми офицерами, прежними его товарищами, которые за его отставку, называвшую ими бѣгствомъ, уверяли его въ выраженіяхъ довольно колкихъ для того, чтобы быть причиною дуэли.

— Я не боюсь подобныхъ встрѣчъ, прибавилъ онъ, это вѣдомо; но все же непріятно скрестить шпагу съ старыми друзьями, которые такъ несправедливо судятъ о моей отставкѣ. Я хочу лучше дать имъ время размышлять о своихъ словахъ. Когда начальникъ мой, который хорошо меня знаетъ, возвратится въ одинъ изъ портовъ Франціи, онъ оправдаетъ меня лучше, нежели я самъ. Поэтому я рѣшилась не показываться въ Труанъ и избѣгать несправедливостей, которыя могутъ имѣть важныя и плохія послѣдствія. Если мы согласны, то мы совершимъ маленькое путешествіе во внутренность азіатской страны, или въ Италію, или въ Испанію, куда вамъ будетъ угодно; и когда мы возвратимся во Францію, поведеніе мое будетъ уже оправдано товарищами моими, и несправедливые друзья должны будутъ извиниться передо мной.

Все это было сказано тономъ простымъ и естественнымъ, который могъ обмануть людей самыхъ провидительныхъ. Добрая и простая е-жа Мелланъ такъ встревожилась, особенно за дочь свою, при мысли объ этихъ ссорахъ, что первая предложила оставить городъ, въ которомъ зять ея имѣлъ слишкомъ много сношеній, для того чтобъ не встрѣтиться съ врагами и не имѣть дуэли. Даже самая дача, на которой жила она, казалась для ея материнскаго безпокойства мѣстомъ не довольно безопаснымъ, потому что на всѣхъ сосѣднихъ дачахъ жили семей-

ства моряковъ, посѣщавшія другъ друга въ прекрасные лѣтніе вечера.

Карданъ не показавъ ни малѣйшаго желанія оставить немедленно тулонскую дачу; но это искусно разыгранное спешество удвоило только страхъ г-жи Мелланъ, которая почла обязанностью принудить будущаго своего зятя рѣшиться предпринять путешествіе. Отведя галерника въ сторону, она сказала ему, показывая на Анну:

— Она, бѣдняжка, очень застѣнчива: она не смѣетъ взглянуть на васъ прямо; намъ надобно непремѣнно путешествовать нѣсколько времени вмѣстѣ, чтобъ ободрить ее. Ничто не укрѣпляетъ такъ связей, какъ путешествіе; въ дорогѣ, но простѣеи мѣсяца, дѣлаются уже старыми друзьями. Мы не отъ кого независимы, я и вы, не такъ ли? Вы можете жениться на моей дочери въ Испаніи, въ Италіи, также точно, какъ во Франціи. И такъ будемъ спокойны и отправимся.

Карданъ поклонился съ видомъ человѣка, который на все согласенъ, и сказалъ:

— Не хочу отказать вамъ въ первой услугѣ, которую вы отъ меня требуете: поѣдемте.

Въ числѣ распоряженій къ отъѣзду, которыя сдѣланы были Карданомъ и доброю вдовою, было положено, что Прогеръ, минимый камердинеръ, останется на дачѣ, чтобы смотрѣть за вещами и оставленнымъ хозяйствомъ, и что ему дана будетъ известная сумма денегъ, для прелвидимыхъ и непредвидимыхъ издержекъ.

На другой день до зари, г-жа Мелланъ съ дочерью и галерникомъ отправилась въ Марсель. Карданъ досталъ себѣ въ этомъ городѣ паспортъ на проѣздъ въ Испанію и чрезъ нѣсколько дней вышелъ на берегъ въ Барселонѣ съ обѣими дамами, своими жертвами, и остановился въ Астурійской гостинницѣ.

Лѣтописи преступленій представляютъ мало примѣровъ подобныхъ происшествій, гдѣ бы невѣроятное играло такую значительную роль. Впрочемъ, если бы происшествіе это не было необыкновенно, мы не рассказали бы объ немъ.

Недѣля двѣ спустя послѣ отъѣзда г-жи Мелланъ, молодой Альбертъ де-Кербріанъ вышелъ на берегъ въ Тулонѣ, передъ ратушей и, не перемѣнивъ даже платья, въ которомъ онъ пріѣхалъ изъ Индіи, отправился отыскивать г-жу Мелланъ. Въ почтовой конторѣ ему указали ея дачу и морякъ намъ, вскочивъ на первую наемную лошадь, помчался туда галопомъ.

Пріѣхать изъ Индіи, имѣя въ виду пріятную перспективу бо-

гатой женитьбы, выйти на землю, увидѣть домъ, въ которомъ живетъ молодая дѣвушка незнакомая, но обожаемая, все это случается только разъ на этомъ свѣтѣ, и потому, я думаю, нѣтъ ничего пріятнѣе этого. Молодой Альбертъ вздрогнулъ при видѣ итальянской бесѣдки, сквозь вѣтви которой видны были бѣлыя кисейныя платья; тамъ было его будущее семейство; его счастье, богатство и будущность. Онъ соскочилъ съ лошади въ концѣ аллеи и, взойдя на террасу въ необыкновенномъ волненіи, произнесъ имя г-жи Мелланъ и свое. Толпа дамъ и молодыхъ людей молча встала при этомъ возгласѣ, и удивленные взгляды всѣхъ вопросительно обратились къ новопрішедшему, котораго никто не зналъ.

На минуту приведенный въ замѣшательство такимъ страннымъ пріемомъ, Альбертъ де-Кербріанъ подумалъ, что онъ ошибся и вошелъ не въ тотъ домъ.

— Извините, сказалъ онъ, здѣсь, за городомъ, гдѣ нѣтъ ни улицъ, ни номеровъ, такъ много дачъ, что я принялъ, можетъ-быть, эту за другую; однако жъ мнѣ дали самыя точныя указанія.

Одна пожилая дама отвѣчала моряку:

— Можетъ-быть вы и не ошиблись, сударь; мы живемъ на этой дачѣ только съ прошедшей недѣли: передъ нами здѣсь точно жила г-жа Мелланъ; мы это узнали отъ фермеровъ; они вамъ скажутъ тоже, что и я.

— Поэтому г-жа Мелланъ возвратилась въ городъ? спросилъ молодой человекъ, тревожимый мрачнымъ предчувствіемъ.

— Нѣтъ, она отпавилась въ почтовомъ экипажѣ съ дочерью и зятемъ.

— Съ зятемъ! вскрывалъ страшнымъ голосомъ морякъ.

— Не знаю, съ зятемъ ли, по крайней мѣрѣ, съ молодымъ человекомъ, который долженъ жениться на ея дочери Аннѣ.

Альбертъ де-Кербріанъ призвалъ на помощь всю свою моральную силу и стыдился, что выказалъ волненіе при постороннихъ, вдругъ принявъ спокойное лицо, голосъ и осанку, и сказалъ:

— Извините, сударыня, если я вхожу въ подробности, которыя могутъ показаться вамъ нескромными; но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ: не слышали ли вы, какъ зовутъ ея зятя, то-есть, того молодаго человека, который долженъ жениться на дѣвицѣ Аннѣ Мелланъ?

— О, его очень хорошо знаютъ здѣсь, въ этомъ домѣ; горничныя часто говорили объ немъ сосѣднимъ фермерамъ и ихъ женамъ: дѣвица Анна Мелланъ выходитъ за мужъ за г. Альберта де-Кербріана.

— Такъ, я это зналъ!... вскричалъ настоящій Альбертъ.

— И такъ вы видите, сударь, что намъ все это хорошо извѣстно. Теперь она, вѣроятно, уже вышла замужъ.

— За Кербриана! сказалъ молодой человекъ такимъ ужаснымъ голосомъ, который заставилъ вздрогнуть всѣхъ присутствовавшихъ.

Всѣ головы наклонились въ знакъ подтвержденія.

— За Кербриана! повторилъ несчастный Альбертъ тѣмъ же отчаяннымъ голосомъ: это невозможно!.. Я самъ Альбертъ де-Кербрианъ... я женюсь на дѣвицѣ Аннѣ Мелланъ. Тутъ какая-то адская тайна. Какой-нибудь разбойникъ перехватилъ, вѣроятно, мои письма и принялъ мое имя. Какое ужасное открытіе!

И онъ тяжело опустился на скамейку, отирая холодный потъ съ своего лица.

Новый припадокъ гнѣва заставилъ его гордо подняться на ноги; онъ понялъ, что весь его разсудокъ, все спокойствіе моряка, все хладнокровіе человѣка, были ему необходимы, чтобы обнаружить и наказать безчестный поступокъ, безпримѣрный въ обществѣ. Онъ простился съ дамами, извиняясь, что обезвоновалъ ихъ, и поспѣшилъ собрать нужныя свѣдѣнія отъ окрестныхъ фермеровъ. Когда онъ узналъ навѣрно часъ и день отъѣзда, направленіе пути, то, не теряя мгновенія, бросился по слѣдамъ похитителя.

Въ Марсели онъ обошелъ всѣ лучшія гостиницы, и изъ первыхъ вопросовъ, которые онъ сдѣлалъ въ одной изъ нихъ, догадливый и расторопный хозяинъ понялъ какіе это были двѣ путешественницы и путешественникъ; онъ сказалъ Альберту де-Кербриану, что три особы, такъ его интересовавшія, провели въ этомъ домѣ два дня, а потомъ отправились водой въ Барселону. Хозяинъ гостиницы назвалъ даже ему банкира, къ которому самъ проводилъ ложнаго Альберта де-Кербриана и прибавилъ, что тотъ взялъ переводный вексель въ пятнадцать тысячъ франковъ на имя своей тещи, отъ которой онъ имѣлъ довѣренность. Молодой морякъ бросился къ указанному ему нотаріусу и банкиру. Не только все сказанное хозяиномъ гостиницы было справедливо, но Альбертъ узналъ даже у банкира свою собственную подпись, поддѣланную съ необыкновеннымъ искусствомъ. Альбертъ понялъ тогда все. Онъ взялъ почтовыхъ лошадей и мѣнѣе чѣмъ черезъ пять часовъ былъ уже въ Тулонѣ, у галернаго комиссара, который разсказалъ ему о бѣгствѣ Кардана и далъ описаніе примѣтъ его. Альбертъ, снабженный разными наста-

вѣнціями и письмомъ къ французскому консулу, въ тотъ же вечеръ отправился въ Барселону.

Надо было дѣйствовать быстро; одна потерянная минута могла сдѣлать неисправимое зло. Немедленно, по прибытіи въ Барселону, Альбертъ де-Кербріанъ побѣждалъ къ консулу. Наступала ночь; пробило десять часовъ.

Консулъ былъ въ итальянскомъ театрѣ. Альбертъ отправился туда. Ему показали ложу представителя Франціи; онъ вошелъ, извинился, что беспокоитъ своимъ посѣщеніемъ, и представилъ рекомендательное письмо, въ которомъ все было объяснено.

Консулъ отвелъ молодого де-Кербріана въ сторону, чтобъ поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей. Вотъ ужасное открытіе, которое онъ сдѣлалъ Альберту.

— Какою-то иностранецъ неопредѣленныхъ лѣтъ, сказалъ консулъ, явился ко мнѣ, недѣли три тому назадъ, подъ именемъ Альберта де-Кербріана. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ въ Испанію съ будущей своей тещей и невѣстой, и что въ скоромъ времени, по окончаніи траура, онъ долженъ жениться. Пріемы этого человѣка оказались мнѣ очень странными: въ нихъ было что-то натянуто благородное и въѣсть съ тѣмъ пошлое. Онъ хотѣлъ казаться спокойнымъ, но ему измѣняли безпрестанныя первическія потрясенія. Онъ говорилъ, что пришелъ ко мнѣ засвидѣтельствовать почтеніе и узнать какія формальности соблюдаются здѣсь, при заключеніи браковъ. Я объяснилъ ему все, что онъ желалъ знать, и послѣ того видѣлся съ нимъ еще раза два; вы можете теперь же видѣть его, если хотите; онъ сидитъ съ дамами въ ложѣ, почти прямо противъ насъ. Описанныя вами примѣты—поразительно сходны, съ тою только разницею, что волосы у него не бѣлокурые и короткіе, а черные и длинные; но, конечно, они фальшивые, въ чемъ очень легко убѣдиться.

Альбертъ де-Кербріанъ просилъ консула дать ему мѣсто въ своей ложѣ и черезъ минуту дѣлалъ уже наблюденія.

Съ перваго взгляда онъ понялъ этого человѣка, который, не зная что за нимъ наблюдаютъ, сохранялъ мрачную неподвижность и, казалось, не принадлежалъ душою къ этому обществу энтузіастовъ, рукоплескавшихъ какому-то итальянскому дуэту. Карданъ, олтѣтый весь въ черномъ, съ лицомъ, покрытымъ мертвенною блѣдностью, съ неподвижнымъ взоромъ, наморщеннымъ лбомъ, казался сверхъ-естественнымъ существомъ, обдумывающимъ какой-нибудь адскій планъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла съ безпечной радостью молодой дѣвушки Анна де-Мелланъ; она казалась невинной голубкой, сидящей на одной вѣтви съ кордуномъ. Во вре-

на перваго антракта Альбертъ всталъ и отправился къ ложѣ, въ которой сидѣлъ галерникъ.

Онъ постучалъ слегка въ дверь, и когда она отворилась, онъ спросилъ г. Альберта де-Кербіана.

— Это я, милостивый государь, отвѣчалъ Карданъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами на-единѣ; сказалъ Альбертъ.

Карданъ всталъ съ нѣкоторымъ волненіемъ и вышелъ въ корридоръ.

— Такъ я имѣю честь говорить съ г. Альбертомъ де-Кербіаномъ? сказалъ Альбертъ.

— Точно такъ, милостивый государь, отвѣчалъ галерникъ но твердымъ голосомъ.

— Вы точно г. де-Кербіанъ?

— Вотъ странный вопросъ! сказалъ Карданъ, мрачно усмѣхнувшись.

Альбертъ вдругъ сорвалъ накладные волосы Кардана и бритая голова галерника обнажилась.

— Ты бандитъ съ тулонскихъ галеръ!

Карданъ глухо застоналъ и, выхвативъ кинжалъ, рѣшился освободить себя отъ ужаснаго незнакомца; но Альбертъ, предвидя этотъ ударъ, ловко схватилъ галерника за руку и за галстукъ, и, призывая на помощь, притиснулъ его къ стѣнѣ. На этотъ крикъ, сбѣжались всѣ бывшіе въ сосѣднихъ ложахъ. Карданъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, былъ схваченъ полиціею; въ то же время, Альбертъ, ухвативъ незнакомца за воротникъ, съ одного раза разорвалъ на немъ платье и обнажилъ плечо Кардана, на которомъ было клеймо съ двумя буквами. Со всѣхъ сторонъ раздался ропотъ негодованія; Альберту некогда было рассказывать исторію преступника, потому-что онъ долженъ былъ исполнить болѣе важную обязанность.

Госпожа Мелланъ и дочь ея, съ безпокойствомъ, прислушивались къ шуму, происходившему въ корридорѣ, но не смѣли выйти изъ ложи. Вдругъ, французскій консулъ, въ сопровожденіи незнакомца, на которомъ былъ мундиръ моряка, вошелъ въ ихъ ложу и сказалъ имъ:

— Не угодно ли вамъ пожаловать ко мнѣ, то-есть къ вамъ, потому-что мой домъ принадлежитъ всѣмъ Французамъ.

Госпожа Мелланъ и дочь ея, не понимая, что все это значитъ, послѣдовали за консуломъ. Вдова шла рядомъ съ Альбертомъ, а дочь ея съ консуломъ.

При ясномъ свѣтѣ лампъ у театральнаго подъѣзда, онъ уви-

дѣлч человека, блѣднаго, безъ волосъ, съ обнаженными влечами, увлекаемаго полиціей и осмѣиваемаго толпой.

— Боже мой! вскричала госпожа де-Мелланъ, это Альбертъ!

— Нѣтъ, сударыня, сказалъ консулъ, это не Альбертъ, это комодникъ, который сыгралъ съ вами и дочерью вашею ужасную драму. Это преступникъ, убѣжавшій съ тулонскихъ галеръ: у него на плечѣ клеймо. Вы сами можете убѣдиться въ этомъ, если только мы будемъ имѣть возможность пробраться сквозь толпу.

Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ госпожи Мелланъ и отнялъ у нея, на нѣсколько минутъ, способность говорить.

Только въ домѣ консула объяснилось все подробнѣе. Всѣ права, похищенные этимъ преступникомъ, были возвращены настоящему Альберту де-Кербриану.

Волненіе, въ которомъ находились обѣ женщины, не позволило имъ принять Альберта въ тотъ вечеръ; но на другой день, госпожа Мелланъ и дочь ея не находили словъ, чтобы выразить благодарность свою молодому и прекрасному избавителю. Въ тотъ же день, за столомъ у консула, было рѣшено, что бракъ Анны и Альберта, будетъ совершенъ въ церкви Св. Лудовика, въ Тулонѣ.

ГОРОДЪ ПАРА И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ. (*Отрывокъ изъ путешествія по Бразиліи*). Городъ Пара находится на рѣкѣ того же имени. Рассказываютъ, что въ 1615 году португальскій мореходецъ Кальдейра, войдя печально въ главный рукавъ Амазонской рѣки, доплылъ до того мѣста, куда впадаютъ рѣки: Гуаца, Акара и Мою, и основалъ здѣсь городъ, посвятивъ его Вселенской Божіей Матери, отчего первоначально этотъ городъ и назывался Вселенномъ; впоследствии же, а именно въ XVIII столѣтіи, принялъ названіе рѣки, на которой находится.

Такъ какъ исторія этого города представляетъ мало замѣчательнаго, то мы объ ней умолчимъ, а обратимъ лучше вниманіе наше на богатые произведенія этой страны и на прекрасное положеніе самого города и его окрестностей. Мѣста, по которымъ протекаетъ Амазонская рѣка, чрезвычайно низменны, такъ что городъ Пара, во время полноводія, стоитъ надъ уровнемъ воды не болѣе, какъ на нѣсколько футовъ. Не смотря, однако же, на такое невыгодное положеніе страны, царство прозябаемое является здѣсь во всей своей роскоши и изобиліи. Но эта необыкновенная производительная сила земли, служащая, для большей части тропическихъ странъ, источникомъ болѣзней и нерѣдко даже смерти, здѣсь нисколько не вредитъ

человѣку, а напротивъ доставляетъ ему всѣ блага, которыми онъ только можетъ воспользоваться въ скоротечной жизни своей. Хотя въ осеннее время, въ теченіе цѣлыхъ недѣль, идутъ здѣсь ежедневно дожди, но, не смотря на это, поверхность земли никогда не покрывается водою, потому-что почва до того песчана, что сырость мгновенно исчезаетъ при первомъ появленіи солнечныхъ лучей изъ-за облаковъ. Въ продолженіе такъ называемаго сухаго времени, отъ іюня до декабря, перепадаютъ здѣсь болѣе или менѣе дожди, отчего листья растений не лишаются никогда своей зелени; кромѣ того пасмурные вѣтры, дующіе безпрестанно съ востока, умѣряютъ палищій солнечный жаръ, нанося свѣжій морской воздухъ, и чрезъ это не производятъ въ человѣкѣ утомленія и упадка силъ, столь свойственныхъ странамъ, находящимся подъ экваторомъ. Климатъ города Пары считается обыкновенно нездоровымъ; между-тѣмъ новѣйшія, достовѣрные наблюденія опровергаютъ это мнѣніе и доказываютъ напротивъ, что страна эта, для ведущихъ умѣренную и правильную жизнь, и въ особенности для жителей сѣвера, принадлежитъ къ самымъ благоприятнымъ для здоровья.

Хотя въ этомъ городѣ не болѣе 15,000 жителей; но, состоя изъ множества кварталовъ, довольно оригинально расположенныхъ, онъ кажется несравненно многочисленнѣе и обширнѣе. Въ торговой части его, по близости рѣки, дома расположены правильно и образуютъ прямыя улицы; въ другихъ же частяхъ города находится въ каждомъ кварталѣ не болѣе одного дома, такъ что владѣтель его можетъ по справедливости сказать, что пользуется всѣми удобствами городской и сельской жизни. Дома эти состоятъ болѣею частью изъ одного этажа и содержатъ множество высокихъ и просторныхъ комнатъ. Въ разводимыхъ вокругъ домовъ садахъ, растутъ, посреди прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, всѣ возможные роды деревьевъ, такъ что, войдя въ эти сады, невольно подумаешь, что находишься въ настоящемъ земномъ раѣ.

Въ торговой части города дома имѣютъ иногда до четырехъ этажей, наружность же ихъ почти вездѣ одинакова; окрашенные желтою или бѣлою краскою, она имѣютъ надъ окнами и надъ дверями красивую рѣзбу. Для постройки этихъ домовъ употребляется камень, скрѣпляемый особеннаго рода смазкою; прочность такихъ построекъ доказывается уже тѣмъ, что въ оконченныя стѣны домовъ, подвергавшіяся иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вліянію стихій, не обнаруживаютъ в малѣйшаго слѣда поврежденія, или разрушенія. Очевидно естественно,

что прохладный воздухъ составляетъ здѣсь одну изъ главнѣйшихъ потребностей жизни, а потому и оставляется нарочно посреди дома открытое мѣсто, безпрестанно подвергающееся сквозному вѣтру. Нижній этажъ домовъ служитъ обыкновенно складочнымъ мѣстомъ товаровъ, въ верхнихъ же этажахъ помѣщается самъ хозяинъ и его семейство. Передъ окнами, выходящими на улицу, придѣлываются желѣзные балконы, на которыхъ, въ прохладные часы дня, любятъ въ особенности проводить время женщины, критикуя всѣхъ проходящихъ по улицѣ или кокетничая съ сосѣдями. Довольно странно, что никому не приходитъ мысль устроить крытые балконы, которые хоть сколько-нибудь защищали бы отъ солнечныхъ лучей; ихъ нигдѣ нѣтъ, а потому полуденный жаръ дѣлается нестерпимымъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда не проникаетъ освѣжительный морской воздухъ. Ни въ одной изъ улицъ нѣтъ тротуаровъ; а всѣ онѣ худо вымощены камнями, неправильной формы, которые не мало затрудняютъ ходьбу и дѣлаютъ даже верховую ѣзду опасною. Въ городѣ находится нѣсколько площадей; значительнѣйшія изъ нихъ: дворцовая, пороховая и казарменная. Первая изъ нихъ очень пространна и могла бы служить украшеніемъ не только дворцу, передъ которымъ находится, но и самому городу; въ настоящее же время она не что иное, какъ грязный лугъ, не отдѣляемый ни однимъ деревомъ и покрывающійся, въ ненастное время, большими лужами, такъ что по дорогѣ, ведущей черезъ площадь ко дворцу, нужно даже днемъ проходить съ крайнею осторожностью; передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ приступлено было однако къ устройству болѣе приличнаго вѣзда къ этому мѣсту жительства вѣшняго губернатора. Пороховая площадь получала свое названіе отъ пороховыхъ магазиновъ, подлѣ нее находившихся и впоследствии перенесенныхъ за городъ. По повелѣнію одного изъ губернаторовъ, площадь эта была нѣкогда обсажена деревьями, изъ которыхъ большая часть уже не существуетъ. Не въ дальнѣйшій отсюда разстояніи находятся фонтаны, снабжающіе городъ водою, у которыхъ увидите во всякое время толпы негрвтыпокъ, занимающихся мытьемъ бѣлья.

Общественныя зданія въ Парѣ, числомъ и величиною, далеко превосходятъ настоящія потребности города. Въ 1685 году, когда народонаселеніе не превышало 500 человекъ, находились уже здѣсь: соборная церковь, іезуитскій коллегіумъ, два францисканскихъ и одинъ кармелитскій монастыри, двѣ церкви, одна часовня и одинъ госпиталь (*misericordie*). Впоследствии, коллегіумъ іезуитовъ обращенъ въ духовную семинарію, а кар-

молитскій и францисканскіе монастыри употребляются нынѣ для разныхъ свѣтскихъ цѣлей; въ первомъ изъ нихъ собирается законодательное собраніе, а во вторыхъ помѣщается таможенное управленіе и арсеналъ.

Дворецъ, построенный въ половинѣ прошедшаго столѣтія, въ то время, когда Португалія еще мечтала о будущемъ своемъ владычествѣ на берегахъ Амазонской рѣки, вполне изображаетъ прежнее могущество этой державы, хотя архитектурный стиль его принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ и не можетъ быть названъ ни изящнымъ, ни величественнымъ. За дворцомъ находится не достроенный театръ, поросшіи кустарникомъ и виноградными лозами и составляющій въ такомъ видѣ истинное украшеніе города, которымъ едва ли бы онъ былъ, если бъ его окончили. Въ недалекомъ отсюда разстояніи возвышается соборная церковь, одно изъ обширнѣйшихъ зданій этого рода въ цѣлой Бразиліи; съ двухъ ея башенъ раздается никогда почти не умолкающій звонъ колоколовъ.

Самый городъ и окрестности его не представляютъ недостатка въ мѣстахъ для прогулки. Къ лучшимъ изъ нихъ безспорно принадлежатъ двѣ длинныя аллеи, одна другую пересѣкающія и обсаженныя рядами деревьевъ, называемыхъ Mangabeira, отъ чего и самое мѣсто прогулки получило названіе Rua Mangabeiras. Эти деревья замѣчательны необыкновеннымъ объемомъ, и весьма не многія, изъ встрѣчаемыхъ въ лѣсахъ Бразиліи деревьевъ, украшаются столь величественною вершиною. Кора ихъ, ровная и гладкая какъ зеркало, представляетъ рѣдкую игру красокъ, переходящихъ изъ зеленыхъ въ сѣрыя. Плоды ихъ величиною съ кокосовый орѣхъ, и состоятъ изъ огромныхъ краснаго цвѣта стручьевъ, содержащихъ желтое, шелковистое вещество, похожее на хлопчатую бумагу. Въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, при отцвѣтаніи этихъ деревьевъ, листья спадаютъ и на голыхъ сучьяхъ остаются только плоды и цвѣты, изъ которыхъ въ скоромъ времени произрастаетъ столь роскошная и густая зелень, что даже при палящихъ лучахъ солнца можно всегда найти подъ ними тѣнь и прохладу. На этихъ деревьяхъ любятъ пріютиться болтаивыя попугаи, находящіе себѣ вкусную пищу въ сѣменахъ плодовъ, и множество другихъ птицъ, очаровывающихъ пѣніемъ своимъ мимо проходящихъ, и нерѣдко только-что прибывшій сюда Европеецъ, пораженный такимъ пѣніемъ, начинаетъ думать, что слышитъ звонкія трели варакушки, веселое пѣнье реполова и вѣжливый тихій свистъ нволги; хотя это и заблужденіе, но все-таки знакомые родные звуки столь же сладко и пріятно раздаются въ

ушахъ его, какъ если бы онъ находился въ лѣсахъ и рощахъ отдаленной его отчизны. Изъ всего этого можно заключить, что Rua Mangabeiras, по всей справедливости составляетъ любимое мѣсто прогулки здѣшняго общества; а потому, съ раннего уже утра до самаго захожденія солнца, всегда можно встрѣтить здѣсь толпы гуляющихъ. Другую же прогулку, въ особенностъ для верховой ѣзды, представляетъ дорога въ Nazaré, отстоящая почти на одну англійскую милю отъ города. Это мѣсто близъ часовни, посвященной пресвятой дѣвѣ Назаретской, почтаемой защитницею всѣхъ трудящихся, обремененныхъ скорбію и больныхъ. При входѣ въ четырехъ-угольную площадь, на которой возвышается часовня, находится рядъ скамеекъ, призывающей усталыхъ къ отдохновенію.

Но болѣе всего любили мы проводить время въ самомъ городѣ, у одного изъ нашихъ знакомыхъ, владѣльца лучшаго и прекраснѣйшаго изъ всей окрестности дома. Такъ какъ этотъ знакомый жилъ недалеко отъ насъ, то мы весьма часто его посѣщали и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ наслаждались тѣнію чудесныхъ деревьевъ его сада, посреди котораго находился кофейный плантаціи. Кофейный кустарникъ имѣетъ бѣлыя, весьма пріятныя для глазъ цвѣтки; листья его длиною почти въ шесть дюймовъ, широки и темновато-зеленаго цвѣта. Плоды, сначала зеленые, по совершенномъ созрѣніи, принимаютъ темно-красный цвѣтъ; каждый изъ нихъ содержитъ два сѣмячка, окруженныхъ тонкою, сладковатаго вкуса оболочкою. Сначала сушатъ плоды на солнцѣ, а потомъ отдѣляютъ отъ нихъ сѣмена или, лучше сказать, зерна, которыя въ такомъ видѣ идутъ въ торговлю. Кофейный кустарникъ приноситъ плоды на второй, или на третій годъ. Въ прежнее время разводилось въ окрестностяхъ Пары множество плантацій, такъ что кофе оставался тогда не маловажную статью вывоза; темеръ же эта отрасль промышленности пала до того, что кофе привозится сюда даже изъ другихъ странъ; большая же часть прежнихъ кофейныхъ плантаторовъ занялась разведеніемъ болѣе выгодныхъ продуктовъ, или обратила все свое стараніе на собираніе каучука.

Еще заслуживали въ этомъ саду особеннаго нашего вниманія: пространныя ананасовыя плантаціи, плоды которыхъ были необыкновенной величины. Такъ напримѣръ: въ скоромъ времени послѣ нашего пріѣзда, подали за обѣдомъ у британскаго консула сорванный въ этомъ саду ананасъ, вѣсившій 19 фунтовъ.

Апельсинныя деревья производили на меня всегда пріятное

впечатлѣніе, потому-что во всякое время года и во всякой степени своего развитія они покрываются цвѣтами и плодами въ одно и то же время. Освѣжительное свойство этихъ плодовъ составляетъ ихъ почти необходимою пищею для здѣшнихъ жителей, и можно даже съ достовѣрностью сказать, что въ этой жаркой сторонѣ они составляютъ превосходное лекарство противъ многихъ болѣзней. Здѣсь ихъ кушаютъ сколько душъ угодно, безъ всякаго вреда для здоровья, такъ что многіе уничтожаютъ ихъ за завтракомъ по нѣскольку десятковъ. Встрѣчалось намъ также видѣть, въ окрестностяхъ города Пары, лимонныя деревья, походящія почти во всемъ на апельсинныя. Сокъ плодовъ ихъ замѣняетъ здѣсь уксусъ, которому приписываютъ вредное дѣйствіе, при употребленіи его въ пищу. Мѣстные жители изготовляютъ также изъ лимоновъ разныя напитки и варятъ превосходное варенье.

Но лучшее и прекраснѣйшее изъ всѣхъ деревьевъ этой страны есть *Mangifera Indica*. Его узкія и длинныя листья, блестящаго темно-зеленаго цвѣта, въ продолженіе своего развитія, мѣняютъ безпрестанно цвѣта свои, такъ что изъ бѣлаго переходятъ въ желтый, оранжевый и даже яркій пунсовый, и тѣмъ самымъ пріятно разнообразятъ темную зелень лѣсовъ. Плодъ этого дерева зеленаго цвѣта и величиною съ лимонъ. Во время нашего пребыванія въ Парѣ, простой народъ не употреблялъ его однако въ пищу, потому-что приписывалъ ему появленіе разныхъ кожныхъ болѣзней, похожихъ на проказу.

Не менѣ замѣчательное, но только не по красотѣ своей, есть дерево *Jugâ*. Оно имѣетъ множество бѣленькихъ цвѣтковъ, чрезвычайно душистыхъ, и тѣмъ самымъ привлекающихъ колибри. Какъ только что цвѣты эти начнутъ распускаться, то налетаетъ на нихъ такое множество этихъ птичекъ, что дерево кажется какъ будто обсыпаннымъ цвѣтами всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ. Плодъ *Jugâ* есть стручекъ, имѣющій одинъ футъ длины и дюймъ въ поперечникѣ и заключающій въ себѣ продолговатыя сѣмена, до которыхъ весьма лакомы маленькіе попугаи.

Намъ понравилось еще дерево *Mangaba*, доставляющее здѣшнимъ жителямъ овощъ, извѣстную у насъ въ Европѣ подъ названіемъ алягаторской груши. Эта груша имѣетъ въ срединѣ большое ядро, окруженное мяккимъ и сочнымъ бѣловатымъ веществомъ, котораго обыкновенно кушаютъ съ виномъ и сахаромъ. Должно еще замѣтить, что это есть единственный плодъ, котораго ѣдятъ кошки, и до котораго они даже весьма лакомы.

Но ни одно дерево не имѣеть, можетъ-быть, такихъ вкусныхъ плодовъ, какъ растеніе *Miraba*. Плоды его не болѣе какъ съ кокосовый орѣхъ и имѣють тонкую, сѣро-зеленаго цвѣта оболочку, усѣянную чешуйчатыми наростами. Оболочку сдирають и потомъ ѣдятъ ложками его бѣлую, вѣжную сердцевину, которая бываетъ кислотатаго вкуса и походить на сметану, перемѣшанную съ виномъ.

Никогда не изгладится во мнѣ впечатлѣніе, произведенное богатствомъ и разнообразіемъ растительнаго царства этой страны. Мы находили здѣсь множество деревьевъ и кустарниковъ, нигдѣ нами не видѣнныхъ, или только намъ извѣстныхъ по жалкимъ образцамъ, находянымъ въ нашихъ оранжереяхъ. Большею же частію мы встрѣчали здѣсь деревья, названіе которыхъ мы вовсе не знали, такъ что намъ оставалось только ими удивляться.

Народонаселеніе города Пары состоитъ изъ природныхъ Бразилійцевъ и изъ Португальцевъ. Вообще жители оарены хорошими уметвенными способностями; многіе изъ нихъ образованы и всѣ вообще учтивы и общежительны. Между нѣщими классами народонаселенія находится множество жидовъ, занимающихся судоходствомъ по рѣкѣ, или перевозкою товаровъ, въ чемъ они оказываютъ рѣдкую смѣлность и изворотство. Ремесленный же классъ состоитъ болѣею частію изъ Португальцевъ, отличающихся характеристическимъ прилежаніемъ своей націи, — въ чемъ мы по неволѣ удостоверились, такъ какъ противъ насъ жилъ башмачникъ, не переставшій даже по ночамъ стучать своимъ молоткомъ, и тѣмъ насъ крайне безпокоилъ. По утру совершаются въ городѣ Парѣ всѣ дневныя работы, во время же полуденнаго жара всякой идетъ заснуть въ своей койкѣ, и тогда, какъ говорятъ Бразилійцы, въ встрѣтите на улицѣ развѣ только Англичанъ, да собакъ. Съ наступленіемъ вечера, выходятъ всѣ изъ домовъ своихъ и веселятся до самой ночи; тогда по всему городу раздаются вездѣ веселые звуки пѣсней и гитаръ.

Но болѣе всего удивляетъ здѣсь всякаго иностранца способъ переноски тяжестей; лошади и телеги для того никогда не употребляются, а всѣ тяжести переносятъ негры на головахъ. Тяжелыя и легкія вещи доставляются имъ съ одинаковою исправностію съ одного мѣста на другое; для выгрузки же кораблей; составлены здѣсь изъ черныхъ невольниковъ двѣ компаніи:

По утру вездѣ вамъ попадаются на улицахъ молодыя негрятки, несущія огромные лотки съ вареньями, издѣлія своихъ госпожъ. Утверждаютъ, что самыя знатныя дамы въ Парѣ не

стыдятся заниматься такою торговлею, и многіе примѣры доказываютъ, что этимъ способомъ можно себѣ нажить значительное состояніе. На подобныхъ же лоткахъ носить женщины овощи и фрукты.

Привычатый здѣсь обычай, носить всѣ возможныя тяжести на головѣ, есть, безъ сомнѣнія, одна изъ главнѣйшихъ причинъ стройнаго роста, замѣчаемаго въ тѣлосложеніи негровъ в Индѣйцевъ. Горбатыхъ, или другимъ образомъ изувѣченныхъ, встрѣтите между ними очень рѣдко, что конечно происходитъ также и отъ образа воспитанія дѣтей, которыхъ туземцы предоставляютъ совершенно собственному произволу. Повсюду увидите вы на улицахъ толпы мальчишекъ и дѣвочекъ, безъ всякой одежды, играющихъ съ козами и собаками и валяющихся съ ними въ грязи. Эта не стѣсненная жизнь придаетъ имъ мускуламъ крепость и не мало способствуетъ къ правильному развитію тѣла. Только въ самомъ городѣ высшіе классы заботятся нѣсколько болѣе объ одеждѣ дѣтей, но въ деревнѣ вообще господствуетъ обыкновеніе вовсе ихъ не одѣвать: такъ напр., когда представляемъ вамъ былъ, на границѣ Рио-Негро, сынъ начальника этой страны, то весь костюмъ его состоялъ изъ пары башмаковъ.

Пища нисшихъ классовъ народонаселенія состоитъ болѣею частью изъ рыбы и кушаньевъ, приготовленныхъ изъ муки. Рыбу ловятъ въ Амазонской рѣкѣ и потомъ ее солятъ и сушатъ. Мука добывается изъ корня растенія, называемаго Мавіокъ. Листья этого растенія походятъ на руки человѣческія, а длинный тонкій стебель его раздѣляется на короткія вѣтви, изъ которыхъ каждая пускаетъ корень въ землю и потомъ уже снова вырастаетъ какъ отдѣльное растеніе. Съ растущихъ на немъ шишекъ снимаютъ сперва толстую кору и потомъ рѣзаютъ ихъ на камнѣ; получаемое отъ этого вещество кладется въ сдѣланный изъ пальмовой коры мѣшокъ, къ которому, съ одного конца, прикрѣпляютъ большой камень, а за другой привѣшиваютъ къ гвоздю, — и такимъ образомъ выжимаютъ изъ этого вещества сокъ, имѣющій, какъ многіе утверждаютъ, ядовитое свойство и испаряющійся весьма скоро на открытомъ воздухѣ. Оставшуюся въ мѣшкѣ массу выкладываютъ на большую сковороду и потомъ сушатъ. Получаемая отъ этого мука имѣетъ бѣлый или коричневый цвѣтъ, смотря по большому или меньшему старанію, приложенному при ея изготовленіи. Совершенно готовая, она сохраняется въ открытыхъ корзинахъ, выложенныхъ пальмовыми листьями. Эта мука замѣняется въ Бразиліи хлѣбъ и картофель, для Индѣйцевъ же и негровъ составляетъ почти исключительную пищу. Изъ расте-

шія Маніокъ добывается также крахмалъ, составляющій въ Бразиліи довольно важную отрасль промышленности.

Хотя здѣшнія рѣки и изобилуютъ рыбою, но высшій классъ общества въ Парѣ не находитъ ее довольно вкусною и потому мало ее употребляетъ. Въ извѣстное время года привозится съ морскаго берега въ городъ Пару множество устрицъ, и въ особенности раковъ, отличающихся величиною и вкусомъ своимъ, между-тѣмъ какъ устрицы ни въ какомъ отношеніи не могутъ сравняться съ ловимыми у насъ въ Европѣ.

Мясо составляетъ на рынкахъ этого города главный предметъ торговли. Въ Мараіо и въ близъ лежащихъ островахъ находятся огромныя стада быковъ, откуда ихъ перевозятъ въ большихъ лодкахъ. Эти быки не отличаются ни мясомъ своимъ, ни ростомъ, и такъ какъ перевозка ихъ съ острововъ въ городъ продолжается иногда цѣлую недѣлю, и въ это время они мало пьютъ и вовсе ничего не ѣдятъ, то весьма понятно, что, будучи убиты въ такомъ состояніи, они не могутъ доставить вкуснаго, хорошаго мяса, которое ктому же здѣсь совсѣмъ не умѣютъ готовить: его всегда разрѣзываютъ какъ случится, а потомъ большею частію только развариваютъ; о рост-бифѣ же и биштексѣ не имѣютъ въ Парѣ и малѣйшаго понятія.

Городъ Пара славится, въ особенности, плодами своими, изъ которыхъ многіе свойственны только климату Бразиліи. Изъ плодовъ всего болѣе замѣчательны бананы; дерево, на которомъ они растутъ, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ изъ рода пальмъ; листья его, обвиваясь въ видѣ короны вокругъ ствола, имѣютъ шесть футовъ длины и два въ ширину, а плоды, образуя большія кисти, на подобіе виноградныхъ, держатся на стеблѣ, ниспадающемъ съ вершины дерева. Эти плоды срѣзываются съ стебля, пока еще зелены, и потомъ уже оставляются для созрѣванія въ тѣни. Бананы разрѣзываются обыкновенно продолговатыми кусочками и потомъ жарятся въ маслѣ; испеченныя въ золѣ, имѣютъ очень пріятный вкусъ, напоминающій вкусъ печенаго яблока. Употребляемые въ пищу сырые, они столь же вкусны, какъ и питательны. Деревья, на которыхъ они растутъ, разсаживаются безъ особеннаго старанія, а потому во множествѣ украшаютъ сады плантаторовъ и болѣе скромныя жилища Индѣйцевъ.

Кокосовыя деревья растутъ также въ большомъ изобиліи въ окрестностяхъ Пары и узнаются издали по широкимъ листьямъ своимъ и пучкамъ орѣховъ, украшающихъ ихъ вершину. Эти

орѣхи употребляются въ пищу пока еще молоды и пока ядро не сдѣлалось вязкимъ.

Между растущими здѣсь пальмовыми деревьями, плоды которыхъ идутъ на изготовленіе множества кушаньевъ, замѣчательна въ особенности пальма, извѣстная здѣсь подъ названіемъ *Assai*. У этой пальмы листья походятъ на узкія, длинныя ленты, а стволъ имѣетъ два, а иногда три стебля, окруженныхъ одною общемою корою. Какъ только что эта послѣдняя спадетъ, то появляется вокругъ стеблей множество зеленыхъ ягодъ, которыя при созрѣваніи дѣлаются ярко-краснаго цвѣта, и тогда стаи попугаевъ и другихъ птицъ съ жадностью бросаются на нихъ и встребляютъ ихъ въ большомъ количествѣ. Такъ какъ эти ягоды покрыты бываютъ толстою кожицею, то при употребленіи ихъ въ пищу, сперва обливаютъ горячею водою и потомъ растираютъ въ большомъ сосудѣ, чтобъ отдѣлнить эту кожицу; послѣ этого выжимаютъ изъ нихъ сокъ и прибавляютъ, для сгущенія оставшагося пурпуроваго цвѣта вещества, сахаръ и муку. Приготовленное такимъ образомъ кушанье кажется иностранцу, съ перваго разу, не совсѣмъ вкуснымъ и пріятнымъ, но въ послѣдствіи онъ къ нему до того привыкаетъ, что можетъ его употреблять наравнѣ съ необходимѣйшими жизненными потребностями.

Цѣлью первой нашей прогулки, по окрестностямъ Шары, было осмотрѣніе рисовыхъ мельницъ, находившихся въ Магбара, въ 12 англійскихъ миляхъ отъ города. Такъ какъ сухопутная ѣзда была въ то время неудобна во многихъ отношеніяхъ, то мы рѣшились ѣхать туда водою, а потому и наняли одну изъ большихъ лодокъ, находившихся всегда въ готовности для подобныхъ путешествій. Это было хорошенькое судно, съ просторною, крытою кютою, управляемое двумя бѣлыми и однимъ негромъ. Мы выѣхали вечеромъ изъ города и при наступленіи ночи достигли уже того ручья, по которому должны были плыть до самыхъ рисовыхъ мельницъ, но здѣсь случилось съ нами непредвидѣнное обстоятельство: наши гребцы, не успѣвъ, по лѣности своей, воспользоваться приливомъ воды, для того, чтобы подняться вверхъ по ручью, бросили якорь и объявили намъ, чтобы приготовлялись провести ночь на лодкѣ. Такъ какъ мы не могли объясниться на томъ языкѣ, на которомъ они говорили, то всѣ наши упреки и увѣщанія остались тщетными. Не обращая на насъ никакого вниманія, они легли очень равнодушно на лавки и затянули дикую пѣсню.

Ночь была прекрасная; эхо повторяло дикіе звуки пѣсней; издали слышался плескъ волнъ морскихъ, и въглубь тихо

шалестялъ въ листьяхъ деревьевъ, растущихъ на берегу ручья, такъ что въ скоромъ времени мы позабыли случившееся съ нами неприятое обстоятельство и были даже въ некоторомъ образѣ признательны гребцамъ, за ихъ лѣнность, побудившую насъ остановиться ночью на ручьѣ. Небо было совершенно ясно, ни одно облачко не застигало блестящихъ звѣздъ, замѣняющихъ въ земномъ климатѣ лучшій свѣтъ, и которыя въ ту ночь во всей своей мирной, тихой красотѣ, сіяли надъ нашими головами. Такъ какъ рукавъ рѣки, въ которомъ мы бросили якорь, былъ очень узокъ, то высокія деревья склонялись въ вышнихъ мѣстахъ надъ водою. Огромныя летучія мыши разсѣкали по временамъ воздухъ; изъ чаши лѣсовъ слышались крики хищныхъ птицъ, и было видно, при свѣтѣ звѣздъ, какъ рыбы иногда высканивали изъ воды; кваканье лягушекъ раздавалось изъ соседнихъ болотъ, и громкій плескъ воды обнаруживалъ присутствіе всѣхъ возможныхъ ночныхъ чудовищъ. Въ первый разъ случилось намъ проводить такимъ образомъ ночь; гребцы наши уже перестали пѣть и погрузились въ глубокій сонъ, но мы все еще находились подъ влияніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на насъ этой сценой. Наконецъ усталость взяла верхъ, и мы также заснули. На слѣдующее утро, въ восемь часовъ, при поворотѣ рѣки, представилась намъ издали рисовая мельница; за часъ до приближенія къ ней, мы уже слышали шумъ, производимый ея колесами. Это есть высокое каменное строеніе, представляющееся въ пустынѣ настоящимъ феодальнымъ замкомъ.

Владѣтель ея былъ заранѣе уведомленъ о нашемъ прибытіи, и мы съ радостію узнали въ немъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ. Положеніе самой мельницы прелестно. Передъ лицевою стороною этого зданія течетъ ручей, дѣлющійся при полноводіи широкою рѣкою; при солнечномъ же жарѣ, онъ обращается въ маленькій ручеекъ, и, протекая по низкому дугу, терется въ густой рошѣ. По другую сторону этого дуга, на которомъ паслось тучное стадо быковъ, видѣлся мрачный лѣсъ. За мельницею шла большая дорога къ городу, и двѣ тропинки вели къ маленькимъ озерамъ, снабжающимъ мельницу водою. Всѣ окрестныя мѣста вокругъ мельницы, прежде обрабатывались, но въ настоящее время заросли травой. Около нихъ позади мельницы, дорога ведетъ черезъ мостикъ, брошенный надъ маленькой рѣчкочкой, вытекающей изъ лѣсу. Вода этой послѣдней, какъ и въ некоторыхъ другихъ бѣгахъ текущихъ рѣчекъ, хотя и имѣетъ красноватый цвѣтъ, происходящій вѣроятно отъ разложенія растительныхъ веществъ, но очень

прозрачна, изобилуетъ рыбою и угриями. Перебѣжавъ мостикъ, вступаете въ настоящій первобытный лѣсъ, съ деревьями невѣроятнаго объема и высоты, такъ что вы бы тщетно старались застрѣлить вашимъ ружьемъ птицу, сидящую на вершинѣ какого-нибудь дерева. Стволы этихъ послѣднихъ имѣютъ всѣ возможныя формы: то они округлены, то угловаты, иногда же имѣютъ по всѣмъ направленіямъ скважины, пропускающія свѣтъ. Лѣсъ, повсюду, какъ бы перевязанъ вьющимся вокругъ стволовъ и сучьевъ, растеніями, отличающимися прелестнѣйшими цвѣтами. Нѣкоторыя изъ діанъ пускаютъ длинныя побочныя вѣтви, качающіяся на воздухѣ, пока не упрутся въ землю, куда пускаютъ корень, и потомъ снова поднимаются къ верху, обвиваясь вокругъ главной ветви, которая въ такомъ состояніи дѣлается сама подпорою другимъ вьющимся около нея ліанамъ. Такимъ образомъ весь лѣсъ какъ бы переплетенъ растеніями, и одно срубленное дерево увлечается въ паденіи своимъ нѣскольکو другихъ. Самое обыкновенное изъ вьющихся растеній, называемое здѣсь *Sipan*, имѣетъ гибкость и упругость каната, и даже часто замѣняетъ его. Ліаны придаютъ особенно величественный видъ лѣсамъ; при ихъ помощи составляются настоящія крыши изъ сучьевъ и вершинъ деревьевъ, съ которыхъ они ниспадаютъ фестонами. Всѣ они, безъ исключенія, имѣютъ чудеснѣйшіе цвѣты, всѣхъ возможныхъ формъ и видовъ. Иногда случается видѣть отъ десяти до двѣнадцати подобныхъ растеній, вьющихся около одного дерева и между собою такъ переплетенныхъ, что только съ трудомъ можно отличить, къ которой изъ нихъ принадлежать цвѣты. Ничего не можетъ быть поразительнѣе и прекраснѣе дерева, украшеннаго и, такъ сказать, населеннаго всѣми возможными породами птицъ, маленькихъ четвероногихъ и различныхъ гадюкъ, находящихся во множествѣ въ этихъ первобытныхъ лѣсахъ. Въ такомъ лѣсу, съ громкими криками, обезьяны всѣхъ породъ гоняются одни за другими по вершинамъ деревьевъ; проворно перескакиваютъ бѣлки съ сучка на сучекъ; веселье, воодушевляющее всѣхъ, заражаетъ также и тихохода, который скорѣе сползаетъ съ сучковъ—повскать себѣ мѣстечка, чтобы спокойно отдохнуть. Иногда проглядываетъ изъ-за листьевъ маленький олень, ростомъ съ лягушка, боязливо озирается и потомъ весело ускользаетъ, зная, что ему нечего опасаться встрѣчи съ врагомъ. Птицы въ самой пестрой одеждѣ порхаютъ между деревьями. Кукушки напоминаютъ о своемъ присутствіи, а съ вершинъ деревьевъ слышится стукъ, производимый дровосѣчкомъ; красивыя птички, въ одеждѣ самыхъ яркихъ цвѣтовъ,

перрыдають иногда свой скорый полеть, садятся на сучья доравельк и съ любопытствомъ осматриваютъ незнакомаго пришельца; громко раздаются пѣніе стрыхъ дроздовъ и слышится болтовня попугаевъ; испуганные же чѣмъ-нибудь голуби поднимаются къ небесамъ. Но прекраснѣе ихъ всѣхъ маленькія колибри, эти живые драгоценныя камни, уступающіе блескомъ и красотою красокъ однимъ только алмазамъ; они повсюду видны, то суесящимися вокругъ душистаго цвѣтка, то гоняющимися цѣлыми стаями за какимъ-нибудь шмелемъ. Бабочки, величюю съ человѣческую руку и небесно-голубаго цвѣта, порхаютъ подь деревьями, гдѣ мириады насѣкомыхъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и видовъ всегда жужжатъ, кружась между цвѣтами. Изъ песчаной своей норы выползаетъ безмятежная ящерица, въ своемъ чешуйчатомъ панцирѣ, боязливо озирается и поспѣшно убѣгаетъ при малѣйшемъ шумѣ. Маленькіе холмы и пригорки служатъ убѣжищемъ цѣлымъ ролямъ трудолюбивыхъ муравьевъ.

Но въ ночную пору лѣсъ представляется въ другомъ видѣ. Цвѣты, развернушіеся при дневномъ свѣтѣ, сомкнули теперь свои чашечки. Другіе, напротивъ, только что раскрываются и наполняютъ воздухъ упонительнѣйшимъ ароматомъ и тѣмъ самымъ привлекаютъ къ себѣ разныхъ насѣкомыхъ. Но вотъ издали приближается, подобно метеору, полоса свѣта; она сверкаетъ, шевелится, и тамъ, гдѣ останавливается, въ одно мгновение освѣщается все пространство, и капли росы на листьяхъ отражаютъ ея лучи; это значитъ, что приближается насѣкомое, называемое свѣтоноскою, которое, съ помощію собственнаго своего свѣта, отправляется искать себѣ пищи. Воздухъ, разсѣкаемый ночными птицами, летающими надъ вашими головами, и пронзительные крики, раздающіеся въ тишинѣ ночной, заставляютъ васъ невольно вздрагивать. Таковъ видъ лѣса въ хорошую, тихую ночь, но въ бурю — онъ несравненно поразительнѣе и величественнѣе. Густыя тучи вдругъ набѣгаютъ съ востока; имъ предшествуетъ какъ бы тихій, боязливый говоръ, производимый каплями дожда, падающими на листованный покровъ. Глухой свистъ вѣтра пробѣгаетъ по лѣсу, сначала тихо, потомъ все громче и громче, и превращается наконецъ въ ужасный ревъ. Ураганы случаются довольно часто въ этихъ лѣсахъ, и одинъ изъ нихъ, бывшій во время пребыванія нашего на мельницѣ, никогда не изгладится изъ памяти моей. Съ разрушительною яростью пробѣжалъ онъ по лѣсу, низвергая все, что ему ни встрѣчалось на пути. Но всего болѣе насъ удивило при

этимъ утѣшилъ то, что мы не забыли ни гроша, ни шолма; ушеры были, однако же, дожди, послѣдовавшіе за нимъ и продолжавшіеся почти въ теченіе цѣлаго дня, до самаго захода-
наго солнца.

=

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Осенніе, модные костюмы еще не появились у насъ въ столицѣ. Всадъ на гуляньяхъ видны изящныя соломенные шляпки, украшенныя цвѣтами или пучками страусовыхъ перьевъ. Бархатныя *pardessus*, вышитыя сутажемъ, составляютъ превосходный нарядъ, но уже не новый: мы любовались имъ въ наше холодное лѣто.—О платьяхъ можемъ сообщить нѣсколько новостей. Легкія, прозрачныя, также и баржевыя платья отдѣлываются складками или зубчатыми воланами. Иногда дѣлаютъ складокъ очень много; начиная съ широкой, доходятъ постепенно до самой узкой. Или же дѣлаютъ двѣ очень широкія складки, которыя почти занимаютъ всю юбку. Мы видѣли такое бѣлое платье, съ двумя широкими складками; сверхъ каждой складки была вышита гирланда пунсоваго цвѣта двухъ тѣней. Воланы на платьяхъ также дѣлаютъ или два очень широкихъ, или нѣсколько узкихъ т. е. суживая сверху. На вечерахъ талии носятъ открытыя съ округленнымъ шнипомъ и короткими рукавами. Высокія талии дѣлаются сборчатыми. Теперь еще носятъ талии полувысокія съ отворотами, которые начинаются отъ самаго шнипа и, расширившись, доходятъ до плечъ. Съ этимъ фасономъ платья, носятъ вышитыя шемизетки, которыя идутъ подъ самое горло и оканчиваются рюшемъ или гофрированнымъ кружевомъ. Эти талии дѣлаются гладкими и съ округленнымъ шнипомъ. Рукава дѣлаютъ различнымъ образомъ: для баржевыхъ платьевъ—довольно широкіе, не совсѣмъ длинные, изъ-подъ которыхъ выходятъ бѣлыя, вышитыя или съ буфами рукавчики. Для платьевъ изъ плотной матеріи предпочитаютъ рукава гладкіе съ отворотами *à la mousquetaire*, или же довольно широкіе съ обшивками внизу. Бѣлое платье мы ви-

дѣла съ полуоткрытою таліей, распашною юбкой и греческими рукавами. Мы уже сообщали нашимъ читательницамъ, что теперь платья дѣлаются короче, особенно спереди, но ширина ихъ остается неизмѣнною. Домашнія платья изъ одноцвѣтнаго муслинъ-де-ленъ на подкладкѣ флорансъ, подъ цвѣтъ платья или другаго подходящаго къ нему цвѣта, считаются теперь въ большой модѣ. Такія платья дѣлаются распашными, и ихъ обшиваютъ широкой шелковой тесьмой или узенькимъ бархатомъ въ нѣсколько рядовъ. Особенное вниманіе обращено на бѣлыя юбки, которыя украшаются складками, воланами или вышивками. Кстати о вышивкахъ. Батистовыя платки, употребляемые дома, украшаются только вышитымъ вензелемъ; для утреннихъ визитовъ и для прогулокъ, — широкимъ рубцомъ и узкою кругомъ вышивкою; для вечеровъ — богатою вышивкой и широкими валансъенскими кружевами. Широкія, черныя кружева составляютъ украшеніе шелковбихъ и бархатныхъ мантиль. Легкія, кисейныя мантилія фасона *à la Antoinette*, то есть съ завязанными назадъ концами, составляютъ превосходное украшеніе на платьяхъ съ открытыми таліями и короткими рукавами. Эти мантилія вышиваются въ тамбуръ и украшаются кружевами. Мантилія этого фасона дѣлаются также изъ плотныхъ матерій и въ особенности для дѣтей. Еще сообщимъ новость: нынче носить черныя филейныя перчатки.

У НИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЯ ПОЛЯНОВА,

въ гостинномъ дворѣ по Суконной линіи подѣ № 17-мѣ,

продаются слѣдующія книги:

(Цѣна на серебро).

ХРИСТИАНСКІЯ БЕСѢДЫ ИСТОРИЧЕСКІЯ И НРАВСТВЕННЫЯ.

Соч. А. С. Стурдзы. Съ франц. перевела М. М. П. Олесса. 1848. Ц. 1 р. 25 коп. вѣс. за 2 ф.

О ВЛІЯНІИ ХРИСТИАНСТВА НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Соч. Бусегаева. М. 1848. Ц. 1 р. 50 к. вѣсов. за 2 ф.

ПОУЧЕНІЯ ПРИ СВЯТЫХЪ МОЩАХЪ

Святителя и Чудотворца Митрофана Воронежскаго. Издано въ пользу монастыря Св. Митрофана, съ изображеніемъ Св. Митрофана. Спб. 1848. Ц. 1 р. 20 коп. вѣс. за 2 ф.

ПРАКТОМЪ ОБОЗРѢНІЕ БОГОСЛУЖЕНІЯ

Православной Церкви. Дебольскаго. Спб. 1848. Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ

Древнихъ Славянъ. И. Срезневскаго. Спб. 1842. Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВІЕ.

Соч. Архимандрита Макарія, инспектора и профессора Бого-
словскихъ наукъ въ с.-петербургской духовной академіи. Спб.
1847. Ц. 3 р. съ перес. 4 р.

О МОЛИТВѢ ГОСПОДНЕЙ.

Составлено Бакалавромъ с.-петербургской духовной академіи Е.
Бенескриптовымъ. Спб. 1847. Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ИКОНЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОВОРОДИЦЫ

въ православной церкви прославляемыхъ, съ присовокупленіемъ
умилительныхъ моленій къ Божіей Матери. М. 1848. Ц. 1 р.
50 к. съ перес. 2 р.

ЖИЗНЬ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО,

Келаря Палицына и Гражданина Минина. Соч. П. Чичагова.
Спб. 1848. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

РУССКІЕ БОГАТЫРИ.

Завѣтная книжка ратныхъ людей и народа русскаго, изъ поход-
ныхъ записокъ старослуживаго солдата. Спб. 1848. Ц. 1 р. съ
перес. 1 р. 25 к.

ИСТОРІЯ КРАТКАЯ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ

и съдѣнія объ устройствѣ воздушныхъ шаровъ, съ 5 картинка-
ми. Спб. 1848. Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

Его подданные и министры, съ 23 портретами, съ присовокуп-
леніемъ о жизни ихъ описаній. М. 1848. Ц. 2 р. съ перес.
2. 50 к.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

для офицеровъ въ полкъ. Съ рисунками. Спб. 1848. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

НЕВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ НА 1847 и 1848 ГОДЫ.

Выпускъ первый, въ пользу воспитанниковъ Никольской школы. Съ особымъ музыкальнымъ прибавленіемъ. Спб. 1847. Ц. 2 р. 50 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ ЛОМОНОСОВА. 3 т. Спб. 1847. Ц. 3 р. вѣс. за 4 ф. (Михаила Викитича). 2 т. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. за 2 ф.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА. 2 т. Съ объясненіями на нѣкоторыя его сочиненія. Спб. 1847. Ц. 2 р. вѣс. за 3 ф.

СОЧИНЕНІЯ ФОНЪ-ВИЗИНА. Изд. 2. Ц. 1 р. вѣс. за 2 ф.

СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА. Спб. 1847. Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.

СОЧИНЕНІЯ КАНТЕМИРА и ХЕМНИЦЕРА, въ 1 томѣ 1847. Ц. 1 р. за пер. за 1 ф.

СОЧИНЕНІЯ МУРАВЬЕВА.

СОЧИНЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. 2 т. Ц. 3 р. вѣс. за 2 ф.

СОЧИНЕНІЯ БОГДАНОВИЧА. 2 т. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. за 2 ф.

СОЧИНЕНІЯ КНЯЖНИНА. (Якова Борисовича). 2 т. Ц. 2 р. вѣс. за 2 ф.

СОЧИНЕНІЯ ДАВЫДОВА. (Дениса Васильевича). Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА. 3 тома (кромѣ исторіи). Ц. 3 р. вѣс. за 4 ф.

ПОВѢСТИ, СКАЗКИ И РАЗСКАЗЫ

Казака Луганскаго. 4 т. Ц. 5 р. съ перес. 6 р.

ИСТОРИЯ СМУТНЫХЪ ВРЕМЕНЪ ВЪ РОССИИ

Бутурлина, 3 т. Ц. 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. Особливо томъ 3-й 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О ВИШОКУРЕНІИ

по привилегированной методѣ новѣйшаго изобрѣтенія, соч. Д. Ермалаева. Съ рисунками. Спб. 1847. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

къ сочиненію общественныхъ писемъ и къ составленію дѣловыхъ бумагъ, съ приведеніемъ узаконеній, относящихся къ каждому роду означенныхъ бумагъ, и образцовъ или примѣровъ различныхъ писемъ, въ 4 час. 1848. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. за 4 ф.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ СЕКРЕТНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ,

(какъ средство предотвращать несчастныя послѣдствія) пер. съ нѣмец. В. Зейберлингъ. 1848. Ц. 60 к. съ пер. 85 к.

НѢТЬ БОЛѢ ГЕМОРОЯ.

Исслѣдованіе настоящей, доселѣ неизвѣстной сущности и причины геморoidalной болѣзни, съ показаніемъ единственнаго средства самымъ вѣрнымъ, совершенно безвреднымъ и скорымъ способомъ излечиться и предохранять себя отъ появленія гемороя. Доктора Макензи, перев. съ послѣдняго изданія. Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

Гг. икогородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публикуемыми и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василья Петровича Полякова.

Требованія исполняются съ первоотходщицею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера воен-
но-учебныхъ заведеній и библиотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ИСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

Grellet-Dumanzeau. Traité de la difformation, de l'injure et de l'outrage. 2 vol in 8. Paris. 1847. 3 r. 80 c.

Gougeon. Cours du droit public. 2. vol. 8. Paris 1847. 4 r. 60 c.

Helie (Faustin) Traité de l'instruction criminelle, tome 3-е, Paris. 1848. 2 r. 60 c.

Wheaton. Elements du droit international. 2. vol. 8. 4 r. 35 c.

Plutarque. Traité de morale; trad. de Ricard, revue et corrigée par M. Pierron. 2 vol. 12. Paris 1847. 1 r. 80 c.

Grinm. Contes de la famille, trad. de l'allemand par Martin et Chevalier. 2 vol. Paris. 1847. 1 r. 20 c.

Foa. Les soirées du vieux chateau. Un vol. 8. illustré de gravures sur bois et de 14 lithographies. Paris. 1848. 2 r. 30 c.

Querard. Conseils pratiques aux agriculteurs, etc. in 8. Paris. 1848. 40 c.

Denis Rouard. Traité complet de l'horticulture pour les grands et les petits jardins, précédé de la botanique simplifiée. Un vol in 8. orné de gravures. Paris. 1848. 2 r. 30 c.

Rubens. Traité des maladies des arbres fruitiers et des moyens de les prévenir et de les guerir. trad par Male. 40 c.

- Vidal.** Des Hernies ombilicales et épigastriques. 1 vol. in 8. Paris. 1848. 75 c.
- Des opérations en plusieurs tems. 1 vol. 8. Paris. 1848. 25 c.
- Bos.** Traité spécial de la malignité dans les maladies. 1 vol. in 8. Paris. 1848. 1 r. 45 c.
- Jaunes.** Traité de pharmacologie speciale, ou histoire médicale des espèces médicamenteuses.
- Baldou.** Instruction pratique de l'hydrothérapie. 2e édition. Paris. 1847. 1 vol. in 8. 2 r. 5 c.
- Cambay de Cambrai.** Traité des maladies des pays chauds. 1e partie. La Dyssenterie et des maladies du foie. Paris. 1847. 1 vol. 8. 2 r. 30 c.
- Rodet.** Essai sur les accidents qui peuvent resulter de l'emploi de liodure de potassium. 1 vol. 8. Paris. 45 c.
- Régnauld.** Cours élémentaire de chimie à l'usage des facultés, des établissements d'enseignement secondaire, des écoles normales et des écoles industrielles. 2 vol. in 12. 4. 45 c.
- Lhéritier.** Eléments populaires de chimie agricole ou résumé élémentaire des connaissances chimiques dans leur application à l'agriculture. Paris. 1847. 1 vol. in 12. 1 r. 5 c.
- Sacé.** (F. D-r.) Précis élémentaire de chimie agricole. Paris. 1848. 1 vol. in 12. 1 r. 5 c.
- Lagrange.** Théorie des fonctions analytiques. nouv. edit. revue par Serret. Un vol. in 4. Paris. 1846. 5 r. 20 c.
- Sornet.** Algebre élémentaire avec de nombreuses applications à la géometrie et aux questions les plus simples de physique, de mécanique etc. Un vol. in 8. Paris. 1848. 1 r. 75 c.
- Czynsky.** Kopernik et ses travaux. Un vol. in 8. Paris. 1846. 1 vol. 1 r. 75 c.
- Pontécoulant.** Théorie analytique du système du monde. 4e vol. in 8. et supplement. 20 r. 75 c.
- Plisson.** Les mondes, ou essai philosophique sur les conditions d'existence des êtres organisés dans notre système planétaire. Un vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 5 c.
- Jurien de La Gravière.** Guerre maritime sous la république et l'empire. 2 vol. in 12. 1 r. 80 c.
- Krantz.** Etudes sur l'application de l'armée aux travaux d'utilité publique. Un vol. in 8. Paris. 1847. 60 c.
- Instructions pour l'enseignement de la gymnastique dans les**

- corps des troupes et les établissements militaires. Un vol. in 8. avec atlas. Paris. 1847. 1 r. 25 c.
- Moduit.* Les derniers jours de la grande armée, ou souvenirs, documents et correspondance inédite de Napoléon en 1814 et 1815 t. 1. in 8. Paris 1847. 2 r. 20 c.
- Chatelain.* Traité des reconnaissances militaires. T. 1-e partie théorique. 1 vol. 8. Paris 1847. 2 r. 60 c.
- Damont.* Des travaux publics dans leurs rapports avec l'agriculture. 1 vol. in 8. Paris. 1847. 1 r. 75 c.
- Teisserence.* Etudes sur les voies de communication perfectionnées et sur les lois économiques de la production du transport etc, 2 vol in 8. Paris. 1847. 4 r. 10 c.
- Valerio et Brouville.* Documents officiels sur le matériel des chemins de fer. Paris. 1847 1-e liv in 4. avec atlas g-d. in fol. 3 r. 50 c.
- Sageret.* Almanach et annuaire des batiments des travaux publics et de l'industrie pour 1848. 1 vol. in 12. Paris 1848. 1 r. 30 c.
- Guinot.* Les bords du Rhin. Un magnifique vol in 8. orné de 11 vignettes et carte. Paris. 1848. 2 r. 90 c.
- Le même ouvrage riche reliure t. d. 4*
- Lefranc.* Manuel des aspirants au baccalauréat et lettres. Un gros volume in 18. Paris. 1848. 60 c.
- Leclere.* (Jos. Vict.) Nouvelle rhétorique extraite des meilleurs écrivains anciens et modernes, suivie d'observations sur les matières de composition dans les classes de Rhétorique, 10-e edit. Paris. 1848. 1 r. 5 c.
- Polybe.* Histoire générale, trad. nouvelle par *Felix Bouchot.* 3 vol in 12. 2 r. 70 c.
- Histoire générale de la marine,* comprenant les naufrages célèbres, les voyages autour du monde, guerres et batailles navales publiée sous la direction de M. *Van Tessac.* 4 vol. in 8. 11 r.
- Lacroix.* Introduction à la géographie mathématique et critique et à la géographie physique, *nouv. edit.* 1 vol. in 8 avec pl. et cartes. 2 r. 90 c.
- Richard et Guetin.* Manuel complet du voyageur en Allemagne, comprenant l'indication officielle des chemins de fer, bateaux à vapeur, messageries, hotels etc. Un vol. in 18 avec carte routière. Paris. 1847. 2 r. 55 c.

ОПЫТЪ ОПРАВДАНІЯ ЦЕСЫ:

ПАМЯТЬ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ.

Вновь вышедшая книга. Цѣна 15 коп. сер.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ требованіями своими по вышеозначенному адресу, надписывая на конвертахъ имя книгопродавца.

Печатать позволено, 28 іюля 1848 г. Старшій цензоръ *Рочфордъ*.

=

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ
СЫНА ОТЕЧЕСТВА

НА 1849 ГОДЪ.

Журналъ *Сынъ Отечества* будетъ издаваемъ и въ будущемъ 1849 году, безъ всякой перемѣны въ нынѣшнемъ его планѣ, съ нѣкоторыми улучшеніями, о которыхъ будетъ нами объявлено въ особой, подробной программѣ.

Цѣна остается прежняя: *пятнадцать рублей* серебромъ за годовое изданіе. Съ пересылкою къ господамъ иногороднымъ, или съ доставкою въ С. Петербургъ на домъ: *шестнадцать рублей 50 копекъ* серебромъ.

Подписка принимается исключительно: 1) Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; 2) въ конторѣ *Сына Отечества*, въ книжномъ магазинѣ Василья Петровича Полякова, на Невскомъ проспектѣ, по линіи Гостиного двора, подъ № 17, въ С. Петербургѣ.

Предъ всѣми господами подписавшимися въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, редакторъ и издатель принимаютъ на себя отвѣтственность въ исправной и своевременной доставкѣ журнала, къ чему будутъ ими приняты всѣ возможныя мѣры.

1 сентября 1848.

Редакторъ *Константинъ Масальскій*.
Издатель *Константинъ Жернаковъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ

«ЧТЕНІЯ для СОЛДАТЪ»

съ 15-го СЕНТЯБРЯ 1848 года.

Журналъ «Чтеніе для солдатъ,» издаваемый съ Высочайшаго соизволенія, вступаетъ, съ 15-го Сентября 1848 года, во второй годъ своего существованія и будетъ, по прежнему, выходить, каждые два мѣсяца 15-го числа, книжками отъ 6 до 10 печатныхъ листовъ въ 8-ю долю.

Въ составъ изданія будутъ входить, какъ статьи оригинальныя, написанныя въ духъ русскаго солдата, такъ и статьи, заимствованныя изъ всѣхъ русскихъ книгъ и журналовъ, съ примѣненіемъ ихъ къ понятіямъ солдата, и имѣющія цѣлю *нравственное* образованіе солдата въ отношеніи къ Богу, Государю и Отечеству.

Каждая книжка будетъ состоять изъ слѣдующихъ пяти отдѣленій:

ОТДѢЛЕНИЕ I. Бесѣды и поученія о христіанскихъ обязанностяхъ; слова и рѣчи, говоренныя при торжественныхъ случаяхъ, напримеръ: при освященіи знаменъ, при выступленіи войскъ въ походъ, и такъ далѣе; толкованія Евангелій и важнѣйшихъ праздниковъ, заимствованныя изъ книгъ, напечатанныхъ съ одобренія духовной цензуры; нравственныя наставленія и замѣчанія, внушающія повиновеніе начальству, любовь къ порядку, трезвости, трудолюбію и прочая.

ОТДѢЛЕНИЕ II. Повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ изъ русской исторіи; рассказы о славныхъ подвигахъ русскихъ войскъ на полѣ брани и о замѣчательныхъ дѣйствіяхъ русскихъ полководцевъ: жизнеописанія лицъ, совершившихъ блистательные подвиги или заслугами дошедшихъ отъ простаго воинскаго званія до высшихъ степеней.

ОТДѢЛЕНИЕ III. Извлеченія изъ нѣкоторыхъ, необходимыхъ и для солдата важнѣйшихъ военныхъ постановленій, въ особенности тѣхъ, нѣкоторыми обезпечивается и вознаграждается служба нижнихъ воинскихъ чиновъ, и, просто, не-

нятно изложенныя практическія свѣдѣнія по части хозяйства, ремесль и другихъ полезныхъ знаній въ быту солдатскомъ.

ОТДѢЛЕНИЕ IV. Сказки и солдатскіе рассказы, военныя пѣсни и стихотворенія.

ОТДѢЛЕНИЕ V. Смѣсь: анекдоты, показывающіе преданность Государю, любовь къ отечеству, неустрашимость въ опасностяхъ и твердость духа въ разныхъ обстоятельствахъ; половицы, загадки, задачи и прочая.

Кромѣ того, по временамъ, къ книжкамъ будутъ прилагаться портреты Высочайшихъ особъ Императорской фамиліи и замѣчательныхъ военныхъ генераловъ, отличившихся на полѣ брани и на службѣ Государю и Отечеству, также картинки и чертежи, относящіеся къ тексту.

Редакція приложитъ все свое стараніе, чтобъ доставить нижнимъ воинскимъ чинамъ полезное и занимательное чтеніе, ознакомитъ русскаго солдата съ подвигами и геройскимъ мужествомъ его предковъ и распространитъ свѣдѣнія, необходимыя въ солдатскомъ быту.

Условія подписки остаются прежнія: за годовое изданіе *Чтенія для Солдатъ*, состоящее изъ шести книжекъ, съ портретами, картинами и чертежами ТРИ РУБЛЯ серебромъ. За поч-

товую пересылку, или за доставленіе въ С. Петербургъ на домъ, прилагается 25 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

- 1) Въ С. Петербургъ, въ магазинъ русскихъ и французскихъ книгъ издателя, книгопродавца Василя Исакова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, въ домъ Яковлева; и
- 2) въ Газетной Экспедиціи Санктпетбургскаго Почтамта.

Конторою «Чтенія для Солдатъ» будутъ приняты всѣ возможные мѣры для исправнаго и своевременнаго доставленія журнала Гг. подписчикамъ. Каждая книжка будетъ разсылаема въ конвертѣ, заклеенномъ на-глухо, и за печатью издателя. Въ случаѣ потери какой-либо книжки, Гг. подписчики благоволятъ увѣдомлять о томъ редактора или издателя журнала, которыми дѣлаемо будетъ немедленное распоряженіе къ удовлетворенію каждой поступившей жалобы.

Военно-Ценсурный Комитетъ сіе объявленіе печатать разрѣшаетъ.
С. Петербургъ, 6-го Іюля 1848 г.

Предѣдатель Комитета *Михайловскій-Даниловскій*.

Въ типографіи К. Крайя.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга десятая.

=====
ОКТЯБРЬ.
=====

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. 3-го октября 1848 года.

Ценсоръ *Н. Еланинъ.*

Ценсоръ *В. Лангеръ.*

Редакторъ *К. Масильскій.*

Издатель *К. Жеряковъ.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Министры, находившіеся при иностранныхъ дворахъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II.	1—19
Неизвестный донынѣ, благотворительный поступокъ генералиссимуса князя Суворова	20—26

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. — Высочайшій манифестъ. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. — Обзоръ современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 августа по 15 севтаб-ря сего года. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ, замѣчательныхъ событій за границую. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Данія. — Швеція. — Германія. — Австрія. — Венгрія. — Церковная область. — Сицилія. — Португалія. — Египеть. — Китай — Отанти.)	1—58
--	------

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Моя красавица. Соч. В. Тронина.	1—2
Минутное заблужденіе. Соч. В. Калашникова.	2—3
Сороковая невѣста. (Идиллія). Соч. Барона Розена. . .	3—6
Рѣшительный и нерѣшительный. Соч. А. М....скаго. (Продолженіе).	7—22

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Записки необыкновенно-воспитанной дѣвочки. Соч. Елеоноры Штурмеръ. Переводъ Сабины Гайворонской. .	1—58
--	------

Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ. Опредѣленъ въ помощь князю Голицыну (1790 іюня 8). 1793 дѣйствительный камергеръ и чрезвычайный и полномочный посолъ, и находился при семь постѣ по кончинѣ Императрицы.

Кав. орд. Александра Невскаго 1793 сентября 22.

Св. Владимира 2 степени 1786 сентября 22.

— — — — 1 степени 1795 декабря 25.

Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и княземъ.

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Алексѣй Михайловичъ Обресковъ, тайный совѣтникъ, резидентъ (поступилъ до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II. Въ 1768 году, при объявленіи войны съ Турціею, онъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, гдѣ содержался до 1772 года. По возвращеніи его въ Россію, пожалованъ сенаторомъ и въ 1784 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1771 августа 30.

Св. Анны 1762 августа 17.

Скончался въ 1787 году.

Князь Николай Васильевичъ Рѣпинъ, генералъ-аншефъ. Поступилъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ 1775 году; имѣлъ при себѣ огромную свиту, состоящую изъ двухъ секретарей посольства, одного маршала посольства, дворянъ и офицеровъ двадцати человекъ, 6 пажей и 13 канцелярскихъ чиновниковъ. Сверхъ того въ это же время былъ при посольствѣ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ *Александръ Стахѣвичъ Стахѣевъ*, статскій совѣтникъ.

Князь Рѣпинъ имѣлъ тогда ордена:

Св. Александра Невскаго 1768 января 17.

Св. Анны 1762 сентября 22.

Скончался въ царствованіи Императора Александра I, 1801
года 12.

Стахievъ имѣлъ орденъ Станислава и находился посланни-
комъ до 1781 года.

Годъ кончины его неизвѣстенъ.

Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, статскій совѣтникъ, чрезвы-
чайный посланникъ и полномочный министръ, поступилъ
въ 1781 году. 1783 дѣйствительный статскій совѣтникъ.
1787 въ августъ онъ также заключенъ былъ въ Семибашен-
ный замокъ, въ которомъ, содержась, перевелъ огромное со-
чиненіе аббата де-ла-Порта: «Всемирный путешественникъ»,
въ 27 томахъ. Послѣ двадцати-семимѣсячнаго заключенія онъ
освобожденъ и отправленъ въ Россію; 1790 опредѣленъ, въ
чинѣ тайнаго совѣтника, посланникомъ въ Варшаву.

Кав. орд. Св. Владиміра 2 степени 1784 февраля 4.
и Св. Станислава

Императоръ Павелъ I пожаловалъ его дѣйствительнымъ
тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Св. Александра
Невскаго. Онъ скончался 1809 іюля 7.

Съ 1788 по 1792 годъ, по случаю войны съ Турціею, по-
сланника не было.

Въ 1792 году опредѣленъ посланникомъ и полномочнымъ
министромъ камеръ-юнкеръ *графъ Викторъ Павловичъ Кочу-
бей*; въ 1794 пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ.

Кав. орд. Владиміра 2 степени 1795 сентября 22:

Скончался при Императорѣ Николай Павловичъ председа-
телемъ совѣта 1834 іюня 3.

ВЪ П А Р И Ж Ъ.

Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, камеръ-юнкеръ,
полномочный министръ. Былъ въ семъ званіи до возшествія
Императрицы Екатерины II и находился до 1768 года. (Смо-
три Гагу).

Николай Константинович Хотимскій, совѣтникъ посольства и повѣренный въ дѣлахъ, находился при семь постъ съ 1768 по 1773 годъ.

Князь Иванъ Сергѣевичъ Борятинскій, генералъ-маіоръ, полномочный министръ съ 1773 года; генералъ-поручикъ 1777, выбыль 1784.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1784 февраля 2.

Св. Анны 1773 мая 28.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I, 1811 года.

Иванъ Матѣевичъ Симолинъ, тайный совѣтникъ и чрезвычайный посланникъ съ 1784 по 1792 годъ.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1784 февраля 2.

Св. Владиміра 2 степени 1786 сент. 22.

Датскаго Даненброга.

Скончался, въ преклонныхъ лѣтахъ, въ царствованіе Императора Павла I.

Съ 1792 до конца царствованія Екатерины II, посланника въ Парижъ не было, по случаю возникшей тамъ революціи.

ВЪ ЛОНДОНЪ.

Гейнрихъ Гроссъ, тайный совѣтникъ, полномочный министръ; определенъ прежде еще вступленія на престолъ Екатерины II и находился по день кончины своей, въ 1765 году послѣдовавшей.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1780 августа 30.

Фридрихъ Гроссъ, совѣтникъ посольства съ 1765 по 1767 годъ; потомъ переведенъ въ Гамбургъ резидентомъ.

Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, статскій совѣтникъ и полномочный министръ съ 1767 по 1768 годъ, потомъ переведенъ въ Гагу.

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, генералъ-поручикъ, дѣйствительный камергеръ, потомъ адмиралтейской коллегіи членъ и главной эскадры шефъ. Чрезвычайный и полномочный посолъ съ 1768 по 1769 годъ.

Кав. орд. Св. Анны
и Бѣлаго орла.

Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ. (Вторично) съ 1769 по 1779 годъ, въ 1776 пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ.

Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ (съ 1779) чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ. 1783 тайный совѣтникъ, въ 1784 переведенъ въ Парижъ.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, генералъ-поручикъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ. Съ 1784 года и во все остальное время царствованія Императрицы.

Кав. орд. Александра Невскаго 1786 сентября 22.
Владимира 2 степени 1784 сентября 22.
— 1 степени 1791 сентября 22.
Георгія 3 класса 1770 августа 27.

Въ царствованіе Императора Александра I пожалованъ генераломъ отъ инфантеріи и орденомъ Апостола Андрея. Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ Лондонѣ, 1832 въ июнѣ.

ВЪ БЕРЛИНѢ.

Князь Владиміръ Сергѣевичъ Долгоруковъ, инженеръ полковникъ, чрезвычайный посланникъ, 1768 инжемеръ-генераль-маіоръ, 1774 генераль-поручикъ, находился посланникомъ съ 1762 по 1785 годъ,

Кав. орд. Св. Анны 1778.

Скончался въ глубокой старости, въ царствованіе Императора Павла I, въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Графъ Сергій Петровичъ Румянцовъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ съ 1785 по 1788 годъ, потомъ переведенъ въ Столгольмъ.

Графъ Вилламаринъ Нессельродтъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, 1790 тайный совѣтникъ; посланникомъ съ 1788 по 1793, потомъ вторично въ 1794 году.

Стѣпанъ Алексѣевичъ Кольцовъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, въ 1793 и съ 1795 до кончины Екатерины II.

Кав. орд. Владимира 2 степени 1789 сентября 22.

ВЪ М А Д Р И Т Ѣ.

Графъ Петръ Александровичъ Бутурлинъ, дѣйствительный камергеръ, определенъ до вступленія Императрицы Екатерины II на престолъ и находился до 1765 года.

Кав. орд. Св. Анны 1763.

Баронъ Отто Манусъ Стакельбергъ, полномочный министръ, съ 1765 по 1773 годъ.

Степанъ Степановичъ Зановьевъ, дѣйствительный камергеръ, полномочный министръ съ 1773 по 1794 годъ, въ 1784 пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ.

Кав. орд. Св. Владиміра 2 степени 1789 августа 11.
Св. Анны 1785 сентября 22.

Скончался посланникомъ 1794.

Николай Николаевичъ Бицовъ, повѣренный въ дѣлахъ, надворный совѣтникъ.

Кав. орд. Владиміра 4 степени.

Съ 1794 до кончины Императрицы Екатерины II.

ВЪ ЛИССАБОНЪ.

До 1778 года посланника не было, а въ этомъ году:

Графъ Вильгельмъ Нессельродтъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, 1788 переведенъ въ Берлинъ.

Графъ Рехтеренъ де-Борбейнианъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1789 до кончины Императрицы.

ВЪ НЕАПОЛЬ.

До 1777 года посланника не было, а въ этомъ году:

Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, генералъ-маіоръ, полномочный министръ съ 1777 по 1784, потомъ переведенъ въ Копенгагенъ.

Графъ Павелъ Мартьяновичъ Скаеронскій, дѣйствительный камергеръ, полномочный министръ, 1792 тайный совѣтникъ, былъ посланникомъ съ 1784 по 1793 годъ.

Кав. орд. Владиміра 2 степени 1786 сентября 22.

Скончался посланникомъ 1793 года.

Графъ Ѳедоръ Газриловичъ Головкинъ, камеръ-юнкеръ, полномочный министръ съ 1793 по 1795 годъ.

Андрей Яковлевичъ Италинскій, кол. совѣтникъ, повѣренный въ дѣлахъ, съ 1795 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Владимира 4 степени.

Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича въ 1827 году.

ВЪ ТУРИНѢ.

До 1782 года посланника не было, а въ этомъ году:

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, по 1788 годъ.

Кав. орд. Бѣлаго орла.

Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича, действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, андреевскимъ и александровскимъ кавалеромъ, сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта, 1831 мая 22.

Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій, действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1789 по 1793 годъ. Въ 1792 тайный совѣтникъ.

Графъ Густавъ Стакельбергъ, камеръ-юнкеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1793 до кончины Императрицы.

ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, генералъ-маіоръ, чрезвычайный посланникъ, былъ въ этомъ званіи до возшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, по 1774 годъ; 1770 тайный совѣтникъ.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1772 марта 9.

Св. Анны 1764 декабря 5.

Скончался въ царствованіе Александра I-го, действительный тайный совѣтникъ, канцлеромъ, и кав. орд. Св. Андрея Первозваннаго и Св. Владиміра 1 степени, 1811 апрѣля 18.

Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, действительный статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ, съ 1774 по 1779 годъ, въ которомъ переведенъ въ Лондонъ.

Алексій Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, въ 1780 году пожалованъ графомъ; находился посланникомъ съ 1779 по 1783 годъ, потомъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ.

Аркадій Ивановичъ Жорковъ, статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1783 по 1786 годъ, потомъ былъ при иностранной коллегіи.

Кав. орд. Св. Владиміра 3 степени.

Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1786 по 1788 годъ, въ 1790 определенъ въ Вѣну въ помощь князю Голицыну.

(1789 и 1790 посланника не было, по случаю войны съ Швеціею; а съ 1791 была вакансія).

Графъ Отто Магнусъ Стакельбергъ, тайный совѣтникъ, действительный камергеръ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1792 по 1793 годъ.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1775 июня 23.

Св. Владиміра 1 степени 1783 сент. 22.

Благо ора и

Св. Станислава.

Скончался действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, при Императорѣ Павлѣ I-мъ.

Графинъ Сергей Петровичъ Румянцовъ, тайный совѣтникъ, действительный камергеръ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1793 по 1795 годъ.

Кав. орд. Блага орла.

Св. Станислава.

Скончался въ царствованіе Императора Николая Павловича, действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, 1838 янв. 16.

Баронъ Будбергъ, совѣтникъ посольства и повѣренный въ дѣлахъ, съ 1795 до кончины Императрицы.

ВЪ КОПЕНГАГЕНЬ.

Баронъ Іоаннъ Албрехтъ фонъ-Корфъ, действительный тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ. Определенъ до возшествія Императрицы Екатерины II и находился по 1766 годъ.

Кав. орд. Св. Апостола Андрея 1763.

Св. Александра Невскаго 1744 іюля 15.

Св. Анны 1743.

Скончался 1766 апрѣль 7.

Михаилъ Михайловичъ Философовъ, генералъ-майоръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1766 по 1771.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I-го, генераломъ отъ инфантеріи 1811 сентября 27.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Местмахеръ, секретарь посольства, съ 1771 по 1772; потомъ переведенъ въ Эйтлингъ.

Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, действительный статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1773 по 1774, потомъ переведенъ въ Стокгольмъ.

Карлъ фонъ-дёръ-Остенъ-Сакенъ, статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, 1779 действительный статскій совѣтникъ, съ 1774 по 1784.

Кав. орд. Св. Анны 1779 сентября 29.

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, генералъ-маіоръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1764 по 1780. Оттуда переведенъ въ Стокгольмъ.

Баронъ Алексѣй Ивановичъ Криденеръ, статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1786 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владымира 2 степени 1789 сент. 22.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I-го, тайнымъ совѣтникомъ въ 1802 году.

ВЪ ВАРШАВѢ.

Графъ Германъ, Карлъ Кейзерлингъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и чрезвычайный посолъ. Опредѣленъ Императоромъ Петромъ III въ 1762 году и былъ посломъ при Императрицѣ Екатеринѣ II до 1764 года.

Кав. ор. Апостола Андрея 1753 декабря 18.

Св. Александра Невскаго.

Св. Анны 1758.

Скончался 1764 сентября 30.

Князь Николай Висильевичъ Рѣпинъ, генералъ-маіоръ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1764 по 1769 годъ.

Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, генералъ-аншефъ, сенаторъ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1769 по 1770 годъ.

Кав. орд. Апостола Андрея 1767 января 1.

Св. Александра Невскаго 1762.

Блага ора 1756.

Скончался въ отставку 1788 декабря 8.

Фонъ-Саллернъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1774 по 1773 годъ.

Кав. орд. Св. Анны 1761 апреля 6.

Баронъ Отто Маикусъ Станкельбертъ, действительный камергеръ и полномочный министръ, съ 1775 графъ, 1779 тайный совѣтникъ, находился посланникомъ съ 1773 по 1790 годъ. Потомъ посломъ въ Стокгольмъ.

Яковъ Исановичъ Булаковъ, тайный совѣтникъ, чрезвычайный и полномочный министръ, съ 1790 по 1792 годъ.

Кав. орд. Блага ора.

Яковъ Ефимовичъ Сиверъ, действительный тайный совѣтникъ, чрезвычайный и полномочный посолъ, съ 1792 по 1794 годъ.

Кав. орд. Апостола Андрея 1793.

Св. Александра Невскаго 1775 июля 10.

Св. Владиміра 1 степени 1793 декаб. 19.

Св. Анны 1767 января 26.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I-го, графомъ 1808 въ августъ.

Баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ, генералъ-аншефъ, полномочный министръ, вмѣстѣ съ Сиверсомъ съ 1793 по 1794 годъ.

Кав. орд. Апостола Андрея.

Св. Александра Невскаго.

Св. Владиміра 1 степени.

Св. Георгія 3 класса.

Прускаго чернаго ора

и краснаго —

Шведскаго Серафима.

Скончался въ отставку при Императорѣ Александрѣ I-мъ 1823 февраля 18. Съ 1794 года, по случаю раздѣленія Польши, посольство прекратилось.

ВЪ ДРЕЗДЕНЪ.

Князь Андрей Михайловичъ Блосельскій, камеръ-юнкеръ, чрезвычайный посланникъ, 1770 действительный камергеръ посланникомъ съ 1767 по 1778 годъ.

Скончался 1778 года.

Князь Александръ Михайловичъ Блосельскій, камеръ-юнкеръ и полномочный министръ, 1782 дѣйствительный камергеръ. Поступилъ послѣ смерти брата 1778 года и находился по 1789 годъ.

Скончался въ царствованіе Императора Александра I-го, оберъ-шенкомъ и кавалеромъ орд. Св. Александра Невскаго 1809 декабря 26.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Местмахеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ, съ 1789 до кончины Императрицы.

Скончался въ 1806, тайнымъ совѣтникомъ.

ВЪ МЮНХЕНЪ.

Баронъ Алексѣй Ивановичъ Криденеръ, канцеляріи совѣтникъ, полномочный министръ, съ 1785 по 1786 годъ; потомъ переведенъ въ Копенгагенъ.

Христофоръ Ивановичъ Петерсонъ, тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, съ 1787 по 1789 ноября 8, то-есть по день кончины своей.

Кав. орд. Св. Георгія 3 класса, 1770 марта 12.

Баронъ Карлъ Яковлевичъ Бюлеръ, статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, 1792 дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, съ 1789 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владимира 2 степени 1793 сентяб. 2.

Скончался тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ въ 1811.

ВЪ МИТѢВЪ.

Карлъ Матѣевичъ Симолинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, министръ съ 1758 по 1777 годъ, въ которомъ и скончался.

Кав. орд. Св. Анны 1766.

Иванъ Келлерманъ, совѣтникъ посольства съ 1777 по 1779 г.

Баронъ Алексѣй Ивановичъ Криденеръ, совѣтникъ посольства съ 1779 по 1784. Переведенъ въ Венецію.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Местмахеръ, статскій совѣтникъ, министръ; 1786 дѣйствительный статскій совѣтникъ; съ 1784 по 1789 годъ, а въ этомъ году переведенъ въ Дрезденъ.

Иванъ Севастьяновичъ Рикманъ, канцеляріи совѣтника, министръ; 1793 статскій совѣтникъ. Съ 1789 по 1795.

Кав. орд. Владиміра 4 степени.

(Въ 1795 Курляндія присоединена къ Россіи.)

ВЪ ЭЙТИНЬ, ПРИ ЕПИСКОПЪ ЛЮБСКОМЪ.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Местмахеръ, канцеляріи совѣтника, министръ съ 1774 по 1784. Потомъ переведенъ въ Митаву.

Максимъ Максимовичъ Алопеусъ, канцеляріи совѣтника, министръ. 1785 статскій совѣтникъ; 1792 дѣйствительный статскій совѣтникъ. Съ 1784 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 4 степени

— — 3 степени

— — 2 степени 1793 сентяб. 2.

Скончался тайнымъ совѣтникомъ въ цѣркованіи Александра I, между 1817 и 1824 г.

ВЪ ГАГЪ.

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, дѣйствительный камергеръ, полномочный министръ, съ 1762 по 1768 годъ.

Скончался при Императорѣ Александрѣ I-мъ, государственнымъ канцлеромъ, действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса и кавал. орд. Апостола Андрея и Александра Нерскаго, 1805 декабря 2.

Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, статскій совѣтникъ, полномочный министр; съ 1768 по 1769; отсюда переведенъ въ Лондонъ.

Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, камеръ-юнкеръ, чрезвычайный посланникъ, 1772 действительный камергеръ, 1779 тайный совѣтникъ. Посланникомъ въ Гагъ съ 1769 по 1782 годъ.

Скончался при Императорѣ Александрѣ I, действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1803 марта 6.

Аркадій Ивановичъ Морковъ, канцелярскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министр, съ 1782 по 1783; отсюда переведенъ въ Стокгольмъ.

Степанъ Алексѣевичъ Колычовъ, камеръ-юнкеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министр, 1788 действительный камергеръ. Посланникомъ съ 1783 по 1793 годъ. Потомъ переведенъ въ Берлинъ.

Графъ Никита Петровичъ Пашинъ, действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министр съ 1793 по 1794.

(Послѣ графа Пашина, вторично *Степанъ Алексѣевичъ Колычовъ* по 1795 годъ, а съ сего года до кончины Императрицы посланника въ Гагъ не было.

ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Маркизь Маруцци, повѣренный въ дѣлахъ. 1769 действительный статскій совѣтникъ. Съ 1768 по 1782 годъ.

Кав. ор. Св. Анны.

Скончался при Императорѣ Павлѣ I, действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Графъ Семель Рожаловичъ Воронцовъ, генераль-маюръ, полномочный министр, 1783 генераль-поручикъ. Съ 1782 по 1784, потомъ переведенъ въ Лондонъ.

Баронъ Алексѣй Ивановичъ Криденеръ, канцелярш советникъ, полномочный министр. Съ 1784 по 1785; потомъ переведенъ въ Мюнхенъ.

Александръ Семеновичъ Мордвиновъ, флота капитанъ генераль-маюрскаго ранга; полномочный министр, 1790 тайный советникъ. Съ 1785 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Владимира 2 степени 1794 сентября 23.

Скончался при Императоръ Николаѣ Павловичѣ въ 1831 году.

ВО ФЛОРЕНЦИИ.

Графъ Дмитрій Моцениго, подполковникъ въ качествѣ морскаго генераль-коммисара; 1782 статскій советникъ, повѣренный въ дѣлахъ, 1785 полномочный министр, 1786 действительный статскій советникъ; посланникомъ съ 1777 по 1793.

Кав. орд. Владимира 4 степени.

Скончался 1793.

Графъ Георгій Дмитриевичъ Моцениго, советникъ посольства, повѣренный въ дѣлахъ; съ 1793 до кончины Императрицы.

Скончался тайнымъ советникомъ.

ВЪ ГЕНУѢ.

Александръ Семеновичъ Мордвиновъ, флота капитанъ 1-го ранга, повѣренный въ дѣлахъ, 1782 флота капитанъ бригадирскаго ранга; 1783 флота капитанъ генераль-маюрскаго ранга. Полномочный министр съ 1781 по 1785, потомъ переведенъ въ Венецію.

Анатолий Григорьевич Лизанский, канцелярскій совѣтникъ, повѣренный въ дѣлахъ, 1786 статскій совѣтникъ. Находился при этомъ постѣ съ 1785 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 3 степени.

Скончался тайнымъ совѣтникомъ.

ВЪ МАЛЬТѢ.

Антонъ Константиновичъ Псаро, флота капитанъ 2 ранга, повѣренный въ дѣлахъ; 1783 флота капитанъ 1-го ранга, 1787 флота капитанъ бригадирскаго ранга, 1789 флота капитанъ генералъ-маіорскаго ранга; находился при семъ постѣ съ 1782 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 2 степени 1794 апрѣля 7.

Св. Георгія 4 класса 1771 іюля 9.

Скончался тайнымъ совѣтникомъ, при Императорѣ Александрѣ I.

ВЪ РЕГЕНСБУРГѢ.

Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, канцелярскій совѣтникъ, министръ; 1769 статскій совѣтникъ; министромъ съ 1758 по 1773, потомъ переведенъ въ Копенгагенъ.

Баронъ Ассбургъ, действительный тайный совѣтникъ и полномочный министръ, съ 1773 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1773.

Датскаго Данненброга 1779.

Скончался 1797 года.

ВО ФРАНКФУРТѢ НА МАЙНѢ.

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ; 1790 тайный совѣтникъ. Съ 1781 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Александра Невскаго 1792 ноябра 24.

Св. Владиміра 2 степени 1785 сент. 22.

Скончался при началѣ царствованія Императора Николая Павловича, государственнымъ канцлеромъ, министр. коммерціи, кав. орд. Андрея и Владиміра 1 степени.

ВЪ ГАМБУРГЪ.

Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, канцеляріи совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ; 1765 статскій совѣтникъ, посланникомъ до 1767 года, потомъ переведенъ въ Лондонъ.

Федоръ Ивановичъ Гроссъ, канцеляріи совѣтникъ, резидентъ; 1779 статскій совѣтникъ и чрезвычайный посланникъ; 1784 дѣйствительный статскій совѣтникъ; 1793 тайный совѣтникъ. Съ 1767 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 2 степени 1786 сент. 22.
Скончался въ царствованіе Императора Павла.

ВЪ ГДАНСКЪ.

Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ, полковникъ, резидентъ; 1773 статскій совѣтникъ; при семъ постѣ находился до 1775 года.

Христофоръ Ивановичъ Петерсонъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, резидентъ съ 1775 по 1787 годъ; потомъ переведенъ въ Мюнхенъ.

Иванъ Севастьяновичъ Рикманъ, канцеляріи совѣтникъ, резидентъ съ 1787 по 1789, потомъ переведенъ въ Митаву.

Съ 1790 по 1792 вакансія.

Павелъ Артемьевъ, коллежскій ассесоръ; въ 1793 и 1794 годахъ.

Въ 1795 и 1796 посольства въ Гамбургъ не было.

ВЪ ПЕРСИИ.

Сергій Лазаревичъ Лошкаревъ, канцеляріи совѣтникъ, поверенный въ дѣлахъ, 1788 статскій совѣтникъ, 1797 дѣй-

ствительный статскій совѣтникъ; находился при посольствѣ съ 1786 до кончины Императрицы.

Кав. орд. Св. Владиміра 4 степени.

— — 3 степени.

ВЪ КРЫМЪ.

Петръ Петровичъ Веселицкій, дѣйствительный статскій совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ съ 1771 по 1775, потомъ вторично съ 1780 до 1782.

Сергій Лазаревичъ Лошкаревъ, надворный совѣтникъ, резидентъ; съ 1782 до присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783 году.

ВЪ ГРУЗИИ.

Иванъ Лаурентьевичъ Львовъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитанъ-поручикъ, повѣренный въ дѣлахъ, съ 1772 до 1774 года,

Между многими агентами, генеральными консулами и консулами, которыхъ выставять не считаю нужнымъ, нельзя умолчать объ одномъ извѣстномъ въ русской литературѣ баенписцѣ. Генеральнымъ консуломъ въ Смирѣ, съ 1781 по 1784 годъ, былъ коллежскій совѣтникъ *Иванъ Ивановичъ Хемницеръ*.

О. ФОНЪ-ЭТТИНГЕРЪ.

=

НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОНЬИНЪ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПО- СТУПОКЪ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА *

Въ проздѣ изъ Турціи въ С. Петербургъ черезъ Мало-россію, графъ Александръ Васильевичъ (тогда еще онъ не былъ княземъ) остановился, не доѣзжая города *Позара*, въ одномъ селеніи, для перемѣны лошадей. Это случилось въ день Архистратига Михаила. Въ селеніи былъ праздникъ, и томъ доудивительно, что къ вечеру всѣ крестьяне были пьяны. Графъ, призвавшій подъ именемъ своего адъютанта, требуетъ лошадей, но пьяные мужики не слушаютъ его, а только орутъ и вьютъ, да пьютъ. Графъ послалъ своего адъютанта, подполковника Куриса, сыскать старосту, а самъ остался у сборной избы, при повозкѣ. Тутъ подходитъ къ нему жившій въ томъ селеніи небогатый, малороссійскій дворянинъ, отставной старыхъ гусарскихъ

* Статья эта сообщена намъ почтеннымъ, семидесятитрехлѣтнимъ старцемъ, Ф. А. фонъ-Эттингеромъ, который, въ своей молодости, служилъ на военномъ поприщѣ и слышалъ сообщаемый здѣсь рассказъ отъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, находившихся при генералиссимусѣ Суворовѣ. При этой книгѣ нашего журнала прилагаемъ гравированный въ Лондонѣ портретъ знаменитаго полководца, снятый съ единственнаго портрета его, писаннаго съ натуры саксонскимъ живописцемъ Шиндтомъ. Редакторъ С. Ом.

полковъ корнетъ. — «Богъ помоя, старинушка!» — говорить оиъ графу. Суворовъ отвѣчаетъ: «Спаси Богъ, добрый молодчикъ!» — Корнетъ спрашиваетъ: «Кто это адеть?» — «Передовой, графа Суворова адъютантъ.» — «А гдѣ же оиъ?» — «Пошелъ искать старосту, добывать лошадей.» — Корнетъ продолжаетъ: «Здѣсь, старинушка, всѣ мужики цѣлницы; у нихъ не скоро толку добьешься, да къ тому-жъ у нихъ сегодня праздникъ, такъ и лучше ищоть... Ты, видно, старинушка, находишься при адъютантѣ изъ служивыхъ?» — «Изъ служивыхъ, добрый человекъ.» — «А котораго полку и чинъ служишь?» спросилъ корнетъ. — «Фанагерійскаго гренадерскаго полка сержантомъ.» отвѣчаетъ графъ. — «Какой же ты старенькій,» говоритъ корнетъ, — «и въ какую дальнюю дорогу идешь!» — Графъ возразилъ, что командиръ его добрый человекъ и часто сажаетъ его съ собой въ кибитку. — Корнетъ, любя графа, говоритъ ему: «Старичекъ любезный, служивый! лошадей вамъ не споро еще привезутъ, и мнѣ право жаль смотреть на тебя, старинушка, что ты стоишь на открытомъ воздухѣ при такой дурной погодѣ; видишь какая згла и повесть: пожди лучше, но мнѣ обогрѣйся; я живу близко стояла.» — Графъ отвѣчаетъ, что оиъ благодаритъ за его предложение, но безъ командира не оиетъ отлучиться отъ повозки. — «Правда твоа, старинушка» говоритъ корнетъ: «я самъ служилъ болѣе сорока лѣтъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ корнета. Верно и ты, старинушка, служишь довольно?» — Графъ оиъзначалъ, что на четвертой десяткѣ перевалило. — «Смотри пожалуй!» — говоритъ корнетъ, — «А изъ какихъ ты отданъ, любезный служивый?» — «Изъ одиодворцевъ Курской губернии, Оболенскаго уезда, откуда и командиръ мой,» отвѣчаетъ графъ. — «Знаю, знаю!» сказалъ корнетъ: «тамъ стоялъ съ полкомъ, назадъ тому лѣтъ съ тридцать.»

Этотъ разговоръ прерванъ былъ приходомъ адъютанта, г. Куриса. Указавъ на него, графъ сказалъ корнету: «Вотъ и командиръ мой!» — Г. Курисъ подходитъ къ повозкѣ, а графъ, снявъ фуражку, спрашиваетъ его: «Что, ваше высокоблагородіе, позволили-ль отыскать старосту?» — «Нѣтъ!» от-

вѣчаетъ г. Курись:—«Во всемъ селѣ нѣтъ ни одной души трезвой, такъ что и толку не найдешь!»—Тутъ старьй корнетъ, снявъ шапку, говоритъ г-ну Курису: «Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, ко мнѣ въ домъ; я живу отсюда недалеко. Вы у меня обогрѣетесь, и старичокъ бѣдный, (корнетъ указалъ на графа) сами изволите видѣть, весь перезябъ.— Въ это же время, какъ побудете у меня, изготовить вамъ и лошадей.»—«По мнѣ, какъ онъ хочетъ!» говоритъ г. Курись, указывая на графа: «съ моей стороны, пожалуй, зайдемъ.»—«Почему-жъ не такъ?» примолвилъ графъ: «когда добрый человекъ приглашаетъ. Лучше у него погрѣться, чѣмъ понапрасну дрогнуть, стоя на дождѣ: плеть обуха не перешибеть!»

— Г. Курись сказалъ, что онъ нашелъ пьянаго десятника, котораго, постращавъ, послалъ собирать лошадей, а потому, можетъ быть, лошади и скоро будутъ.—Корнетъ, сильно желая имѣть у себя такихъ гостей, а особливо, подобнаго ему, заслуженнаго старика (то есть графа), котораго полюбилъ душевно, говоритъ г-ну Курису: «Ваше высокоблагородіе! мы накажемъ въ сборной избѣ сторожу, чтобъ онъ приказалъ, когда лошади будутъ готовы, привести ихъ къ моему дому; а извознику, который васъ сюда привезъ, велимъ караулить; лошадей же его до привода другихъ не отпускать, и такъ онъ будетъ самъ для себя стараться собрать скорѣе лошадей. Графъ и Курись согласились на это предложеніе и пошли въ домъ корнета, который, приведя ихъ къ себѣ, просить г-на Куриса садиться, а графа раздѣваетъ и сажаетъ на печь, говоря: «Сядь, сядь, служивый! обогрѣйся: его высокоблагородіе не прогнѣвается на тебя, старинushка.» — Курись отвѣчаетъ: «Для меня, пожалуй, какъ ему угодно!»—«Видишь, какой у тебя добрый командиръ,» продолжаетъ корнетъ, относясь къ графу. И посадя его на печь, самъ садится подлѣ него и говоритъ женѣ своей: «Старуха! дай-ко намъ, старичкамъ, чего набудь выпить.» Хозяйка подала имъ на печь бутылку наливки, да домашней закуски. Корнетъ, наливъ рюмку, подбиваетъ графа: «выпей-ка, любезный старичокъ, и за-

куси, да лѣтъ погрѣйся.»—Г. Курисъ, сидя въ переднемъ углу за столомъ, отказался отъ питья, сказавъ, будто наливкою не употребляетъ. — Корнетъ же, сидя на печи, и цѣпившись ему гость, выпили по три рюмки. После того онъ кричитъ женѣ своей: «Хозяйка! изготавька ты, чѣмъ Богъ послалъ, для дорогихъ гостей поужинать.»—Добродушная старуха также рада была гостямъ; тотчасъ побѣжала въ курятникъ и сняла съ насѣста двухъ куръ, сварила одну въ борщѣ со свинымъ саломъ, а другую изжарила; сверхъ того сварила яицъ въ сматку, съдала яичницу, да кашу молочную, и все это поставила на столъ. Корнетъ проситъ г-на Куриса покушать. «Да позволите ли, ваше высокоблагородіе» продолжаетъ онъ: съестъ тутъ же и сержанту?» — Курисъ отвѣчаетъ: «Пожалуй, когда тебѣ угодно!»—Хозяинъ сводитъ съ печи, подъ руку, графа и посади за столъ подлѣ себя, подчиваетъ его со всѣмъ усердіемъ. Однимъ словомъ, два старика угостились препорядочно. Имъ прислуживали у стола два сына корнетовы, изъ которыхъ старшему было 14, а меньшому 12 лѣтъ. Графъ спрашиваетъ: что это за мальчики?—«Дѣтки мои, дорогой служивый,» — отвѣчаетъ корнетъ. — «Да для чего же ты не записываешь ихъ въ службу?»—продолжаетъ графъ. «И батюшка, служивый!» отвѣчаетъ опять корнетъ:—«чтобъ записать ихъ въ полевые полки, такъ они еще молоды, да и знакомаго-то у меня нѣтъ, кто бы мнѣ постарался о нихъ. Сверхъ того, хотъ бы ихъ и приняли, то они должны будутъ прослужить до офицерскаго чина лѣтъ двадцать. А записать ихъ въ гвардію, хотя я могъ бы, потому что я природный дворянинъ: но состояніе мое не позволяетъ не только содержать ихъ тамъ, но и довести до Петербурга нечѣмъ. Такъ пускай же они подрастутъ: тогда, какъ Богъ опредѣлитъ; Его святая воля надъ ними! У насъ со старухой все и богатство въ нихъ.» — Графъ, выслушавъ эти слова, обратился къ г-ну Курису и сказалъ: «Ваше высокоблагородіе! потрудитесь записать добраго этого челоуѣка и его дѣтей: авось я, при удобномъ случавъ, доложу объ нихъ графу Суворову, не сдѣла-

ствъ ли онъ мнѣ для меня какой милости.—Г. Курисъ записываетъ въ памятную книгу городъ, уездъ, селеніе, имя и фамилію корнета съ дѣтьми.—Корнетъ, по простотѣ своей, не догадывался, какъ можетъ сержантъ признавать своему командиру записывать, продолжаетъ принимать графа за сержанта и говорить: «И батюшка служивый! гдѣ тому стать, чтобъ такой великій человекъ, какъ графъ Суворовъ, сдѣлалъ что-нибудь для насъ, бѣдныхъ людей! — «Не правда»—отвѣчаетъ графъ: «его сіятельство человекъ добрый и меня любить; я часто разговариваю съ нимъ и шучу; онъ ко мнѣ милостивъ, потому что я служу при немъ дѣтъ съ тридцать и нахожусь при его конюшнѣ. Онъ давно уже хотѣлъ прозвѣсть меня въ офицеры, но я самъ того не хочу, для того, что отъ орунтовой службы отсталъ. Но я увѣренъ, что графъ, при отставкѣ моей, непременно сдѣлаетъ меня офицеромъ, и я буду за то благодаренъ ему по смерть свою. При всемъ томъ долженъ признаться, что не безъ тягости мнѣ будетъ офицерское званіе: грамотъ я не умѣю, родственники все померли, и у меня нѣтъ никакого пристанища, вѣтъкъ рѣшился, покуда Богъ дастъ здоровье графу, оставаться при немъ. Если же я умру прежде его, то онъ, по милости своей, не оставитъ похоронить меня.»—Корнетъ, выслушавъ это съ вниманіемъ, сказалъ: «правда, и мы слышали о графѣ, что онъ добрый человекъ.»—Въ это время, когда корнетъ продолжалъ угощать графа, сколько могъ, привели лошадей, запрягли въ повозку, и графъ, поблагодаривъ вместе съ г-мъ Курисомъ корнета и жену его за угощеніе, поѣхалъ съ своимъ адъютантомъ въ дальнѣйшій путь.

Корнетъ остался въ тѣхъ мысляхъ, что у него былъ прѣзвимающій офицеръ съ сержантомъ, а чтобъ этотъ сержантъ былъ графъ Суворовъ, ему и въ голову не приходило. Такимъ образомъ прошло не мало времени, какъ къ удивленію его случилось слѣдующее:

По приѣздѣ въ Петербургъ, графъ нашелъ случай доложить объ этомъ происшествіи Императрицѣ и записать обоихъ сыновей корнета лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ сержан-

таин. Онъ послалъ въ Хотарскій нижній земскій судъ два паспорта на имена тѣхъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобъ чрезъ мѣсяць явились они въ Молдавію, въ мѣстечко Галацы, въ главную квартиру графа Суворова. На дорогу приславо имъ, вмѣстѣ съ паспортами, денегъ двѣ тысячи рублей. Когда въ Хотарь получены были эти паспорта и деньги, то весь городъ удивился; всѣ знали, что корнетъ человекъ бѣдный и безъ всякой протекціи, а потому никто не могъ понять откуда и кто исходатайствовалъ ему такое счастье; съ тѣхъ поръ всѣ стали думать, что корнетъ—человекъ случайный. Тотчасъ капитанъ-исправникъ прискакалъ самъ къ нему въ селеніе, съ паспортами и деньгами. Нѣтъ нужды говорить, въ какое изумленіе приведены были бѣдный старикъ и жена его: имъ казалось чудомъ, что сыновья ихъ гвардіи сержанты, и что сверхъ того прислана еще такая значительная сумма, какой они отроду не только не имѣли, но и не видали. Исправникъ спрашиваетъ корнета: не имѣеть ли онъ кого-нибудь знакомаго изъ большихъ бояръ и не просилъ ли его? Корнетъ увѣряеть, что никого не знаетъ. Наконецъ старухѣ пришло на память, что былъ у нихъ въ прошломъ мѣсяцѣ, проѣздомъ, старичекъ, сержантъ, который находится у графа Суворова при конисшмѣ, и что бывший съ нимъ командиръ его записалъ ихъ и дѣтей ихъ имена въ памятную книжку. Исправникъ, разспросивъ, какъвъ былъ этотъ старичекъ, догадался, что это былъ самъ графъ, въ чемъ еще болѣе увѣрился, когда вспомнилъ, что графъ дѣйствительно въ ноябрь мѣсяцъ проѣзжалъ чрезъ ввѣренный ему уѣздъ, какъ у него я въ книгѣ было записано. Сказавъ о томъ, исправникъ привелъ въ несказанную радость добрыхъ этихъ людей. Они со слезами благодарили милосердаго Бога, что онъ столь чудесно призвалъ ихъ своею благодатіею, пославъ имъ, вовсе неожиданно, такого знаменитаго благодѣтеля. Вскорѣ потомъ, родители, снарядивъ обоихъ своихъ сыновей, отправили ихъ на службу въ Молдавію, въ главную квартиру графа.

Когда корнетъ рассказывалъ объ этомъ случаѣ, то не могъ удерживаться отъ радостныхъ слезъ и возсымалъ теп-

лыя молитвы о здравіи своего благотворителя. Сыновья его были хорошіе слуги Государыни и оба находились въ штатъ графа Суворова. Старшій изъ нихъ при взятіи Праги и Варшавы былъ уже секундъ-маіоромъ.

=

Современная Литература и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и ПРОЧАЯ, и ПРОЧАЯ, и ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ 6-й день февраля сего года возвѣстили Мы вѣрно-подданнымъ Нашимъ о благополучномъ обрученіи Любезнѣйшаго Сына Нашего, Великаго Князя Константина Николаевича, съ Великою Княжною Александрою Іосифов-

К. Х. — Отд. II.

ною; нынѣ, 30-го сего мѣсяца, съ обычнымъ торжествомъ послѣдовало и самое бракосочетаніе Ихъ Высочествъ, въ Соборной церкви Зимняго Дворца, въ присутствіи Нашемъ.

День сей, въ который православная церковь чествуетъ память Святаго благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, избрали Мы для совершенія Священнаго сего обряда въ томъ благоговѣнномъ упованіи, что молитвами угодника Божія, Нашего Внѣденоснаго предка, нѣкогда прославившаго имя Русское на берегахъ Невскихъ, несомнѣнно призовется на любезныхъ сердцу Нашему повобрачныхъ благословеніе Божіе, безъ котораго суетны и тщетны всѣ дѣла человѣческія.

Воздавъ отъ глубины души благодареніе Верховному судьбѣ Строителю, Мы впомнѣ увѣрены, что всѣ Наши подданные раздѣлятъ съ Нами и семейную Нашу радость и Наши надежды на прочное благоденствіе юной четы.

Данъ въ С. Петербургъ въ тридцатый день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ сорокъ восьмое, Царствованія же Нашего въ двадцать третіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С.—Петербургъ, августа 30-го дня 1848 г.

ОБЗОРЪ

ВОЕННЫКЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

9-го Іюля войска на Лабинской линіи ознаменовали себя блистательнымъ дѣломъ. Завѣдывающій 2-мъ участкомъ этой линіи командиръ Кавказскаго линейнаго № 2 баталіона майоръ *Геннингъ*, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія, что Абадзехи въ значительныхъ силахъ намѣреваются напасть на жителей Тенгинской станицы, во время полевыхъ

работу, скрытно сосредоточила до 800 казаковъ и одну роту пѣхоты, при двухъ орудіяхъ.

8-го числа 200 хищниковъ переправились на правый берегъ Лабы, для наблюденія; маіоръ Геншингъ, оставивъ ихъ въ покоѣ. На разсвѣтъ, 9-го числа, вся партія, въ числѣ 1,300 человекъ, перешла чрезъ Лабу въ 4-хъ верстахъ выше станицы Тенгинской.

Маіоръ Геншингъ, желая вызвать непріятеля на бой, приказалъ выгнать скотъ въ ту сторону, гдѣ скрывались Абадзехи, подъ прикрытіемъ только 6-ти казаковъ. Едва показался въ полѣ скотъ, до 300 конныхъ бросились на него; но въ тоже время понеслись противу нихъ казаки, смели и опрокинули непріятеля въ кучу и вогнали его въ лѣсъ. Здѣсь остальные толпы Абадзеховъ присоединились къ преслѣдуемому, и завязался упорный бой; претерпѣвъ совершенное пораженіе, горцы были вытѣснены изъ лѣса и опрокинуты въ Лабу, съ чувствительною потерей.

Послѣ этого удачнаго дѣла маіоръ Геншингъ возвратилъ казаковъ въ станицу, дабы показать непріятелю, что онъ не намѣренъ его преслѣдовать. Успокоенные этимъ Абадзехи, дойдя до р. Уль, расположились тамъ, безъ всякой предосторожности, для отдыха и перевязки своихъ раненыхъ. Между тѣмъ маіоръ Геншингъ, внезапнымъ движеніемъ чрезъ Лабу вверхъ по р. Уль, быстро обошелъ непріятеля и устремился на него всею массою кавалеріи. Абадзехи, пораженные ужасомъ, обратились въ бѣгство, бросивъ оружіе и даже лошадей, чтобы только спастись въ чистъ лѣса. Казаки продолжали преслѣдованіе до сумерекъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ до 200 тѣлъ; вожаки и почти всѣ старшины убиты или ранены. Казакамъ досталась огромная добыча оружіемъ, лошадыи и сбруею конской. Съ нашей стороны ни одинъ человекъ не раненъ; непріятель, въ паническомъ страхѣ, не думалъ о защитѣ, а только о спасеніи своемъ.

Дагестанскій отрядъ, послѣ овладѣнія укрѣпленнымъ ауломъ Гергебилемъ, оставался на блокадной позиціи до 15-го

Юля. Къ тому времени аулъ съ его твердынями окончательно разрушенъ.

Часть отряда назначена для возведенія въ окрестностях Гергебили, у сел. Аймяковъ, новаго укрѣпленія, которое совершенно прикроетъ среднюю часть Дагестана и не дозволитъ непріятелю собираться на правомъ берегу р. Кара-Койсу.

Остальная часть отряда, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя *Арутинскаго*, выступила 15-го Юля, для занятія наблюдательной позиціи на горь Турчидахъ. При этомъ движеніи непріятель пытался въ значительныхъ силахъ атаковать нашъ аррьергардъ. Но взрывъ приготовленныхъ нами фугъ, при чемъ взлетѣли на воздухъ до 60-ти горцевъ, устрасилъ до того Лезгинъ, что они прекратили дальнѣйшія нападенія, и войска наши безъ выстрѣла прибыли чрезъ Ходжалъ-Махи на Турчидахъ.

1-го Августа, главнокомандующій, съ чеченскимъ отрядомъ, въ составѣ: 7-ми баталіоновъ пѣхоты, дивизиона драгунъ и 5-ти сотенъ казаковъ, при 16-ти орудіяхъ, выступилъ изъ крѣпости Воздвиженской и заложилъ 3-го числа новое укрѣпленіе на р. Урусъ-Мартанъ, на передовой Чеченской линіи.

Движеніе совершено по просьбѣ, сдѣланной нами въ зиму съ 1847 на 1848 годы, почти безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей и присланныхъ *Шамилемъ* партій Лезгинъ.

Во время пребыванія отряда на Урусъ-Мартанъ, непріятель велъ слабыя перестрѣлки съ нашими фуражирами; 4-го числа онъ напалъ въ болѣе значительныхъ силахъ на лѣвую цѣпь колонны подполковника *Преображенскаго*, близъ р. Гойты; но 3-й баталіонъ навагинскаго пѣхотнаго полка, подъ командою флигель-адъютанта, штабсъ-капитана князя *Воронцова*, выбилъ ихъ изъ лѣса штыками, а прибывшіе во время дивизионъ драгунъ и сотня дунайскихъ казаковъ, подъ начальствомъ маіоровъ *Золотухина* и *Левицкаго*,—атаковали эти толпы въ шашки, и изруби-

ли до 40 человекъ, послѣ чего непріятель совершенно разсѣлся.

Главкомандующій, сдѣлавъ нужныя распоряженія къ усовершенствованной постройкѣ укрѣпленія, 5-го числа выступилъ изъ урсуь-мартана, чрезъ Ачхой на Сунженскую линію, по такъ называемой русской дорогѣ. Она ведетъ чрезъ рѣчки Рошни, Гехи и Валерикъ, гдѣ прежде въковыя лѣса давали непріятелю возможность къ сильному сопротивленію каждому движенію нашихъ войскъ, а теперь, по вырубкѣ нами лѣсовъ, по обширнымъ полянамъ спокойно проходятъ даже небольшія колоны.

Съ 7-го по 18-е августа главкомандующій осматривалъ поселенія наши на верхней сунжѣ и части центра и праваго фланга кавказской линіи. На всѣхъ пунктахъ войска были въ совершенно удовлетворительномъ состояніи. — Особенное вниманіе обратили на себя 1-й сунженскій и 1-й и 2-й лабинскіе полки, которые, не смотря на недавнее свое формированіе, ни въ чемъ не уступаютъ старымъ полкамъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска и служатъ на сунженской и лабинской линіяхъ твердымъ оплотомъ нашихъ предѣловъ противъ враждебныхъ племенъ. Новыя станицы: Ассинская (на рѣкѣ Ассѣ), Магомедъ-Юртовская (въ Малой Кабардѣ), водворенныя только въ прошломъ году, отличаются удобнымъ помѣщеніемъ и замѣтнымъ успѣхомъ въ хозяйствѣ.

Сосѣднія покорныя общества, обитающія между кубанью и лабою: Нагайцы, Кабардинцы, Темиргоевцы, Махошевцы и Беслънеевцы, выслали старшинъ и почетнѣйшихъ жителей для встрѣчи главкомандующаго. Вездѣ господствовало совершенное спокойствіе. Непокорные Абадзехи, устранившіе блестятельнымъ дѣломъ майора *Геннига*, не осмѣливаются ни на какія болѣе предпріятія.

На вершинахъ кубани, въ окрестностяхъ укр. Хумаринскаго, главкомандующій осматривалъ новыя копи каменнаго угля, коихъ разработка начата въ 1846 и 1847 годахъ. Съ 1-го января по 1-е августа сего года вывезено уже до 75 т., а съ начала разработки до 200 т. пудовъ.

этого драгоценнаго для бездальной Ставропольской губернии горячаго материала. Уголь найденъ превосходнаго свойства; разработка идетъ съ отличнымъ успѣхомъ и совершенно отвратить существующій нынѣ недостатокъ въ топливѣ.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 АВГУСТА ПО 15 СЕНТЯБРЯ 1848 ГОДА.

ЗАКОНЫ О СОСТОЯНІЯХЪ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 15 день минувшаго іюля, изображено: для совершенной сообразности съ принятыми въ сводѣ законовъ о состояніяхъ наименованіями разныхъ родовъ сельскихъ обывателей, Мы признали за благо повелѣть, чтобы отнынѣ впредь крестьяне, какъ поступившіе уже десель, такъ и впредь могущіе поступить, на основаніи указа 20-го февраля 1803 года въ состояніе, названное тогда свободными хлѣбопашцами, (съ зак. о сост. ст. 760—795), а равно и безоброчные крестьяне, выкупающіеся по указу 8-го ноября 1847 года при продажѣ съ публичнаго торга пашенныя, къ каимъ они принадлежатъ, именовались во всякъ актѣ «Государственными крестьянами, подворенными на собственныхъ земляхъ,» сохраняя притомъ, въ полной мѣрѣ, все выгоды и преимущества, предоставленныя имъ упомянутыми выше указами 20-го февраля 1803 и 8-го ноября 1847 годовъ.

УСТАВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА.

Всего Императорскаго Величества, по извѣстію Государственнаго совета, состоявшемуся 16-го декабря 1848 года, о представлении министра государственныхъ имуществъ, а именно о участкахъ, от-

данныхъ малолетнимъ дворянамъ для поселенія, въ 20-й день мѣсяца іюля, Высочайше повелѣть соизволилъ въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: Малолетнимъ дворянамъ губерній: Смоленской, Рязанской и Симбирской, предоставляется, сообразно особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, право подворяться на казенныхъ земляхъ на слѣдующемъ основаніи: а.) дворяне, желающіе воспользоваться такимъ поселеніемъ, сохраняя права своего состоянія, могутъ получать въ потомственное владѣніе изъ свободныхъ земель Симбирской губерніи, предвѣщенныхъ къ тому въ числѣ 22 800 десятинъ, и Курганскаго округа губерніи Тобольской, на каждое семейство по 60 десятинъ, въ видѣ Монаршей милости безъ всякаго платежа поземельной подати, но участвуя однако въ земскихъ повинностяхъ; б.) переселеніе и самое водвореніе на новыхъ мѣстахъ производится дворянами на собственный ихъ счетъ; в.) продажа означенныхъ участковъ и вообще переходъ оныхъ отъ одного владѣльца къ другому иными способами, кромѣ наследствѣна, воспрещается; при раздѣлахъ же по наследству, владѣніе участковъ передается безъ всякаго онаго раздробленія, въ полномъ его составѣ, старшему въ родѣ наследнику, имѣющему по закону право пользоваться такимъ участкомъ.

ЗАКОНЫ УГОЛОВНЫЕ.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о поясненіи и дополненіи закона касательно подсудности несовершеннолѣтнихъ, *имѣи́емъ*, Высочайше утвержденнымъ 12 іюля 1848 года, *положилъ*: 1.) *Имъ* 1405 ст. XV т. св. зак. присовокупить, въ видѣ примѣчанія, что изъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, подлежащихъ по силѣ ст. 146 Улож. о наказ. обращенію въ военную службу съ выслугою, имѣющіе отъ 14 до 17 лѣтъ включительно отдаются въ баталіоны военныхъ кавалеристовъ, откуда, по достиженіи узаконеннаго возраста, распределяются на службу установленнымъ порядкомъ. Имѣ-

ющіе же болѣе 17 лѣтъ опредѣляются: способные въ фронтальной службѣ въ войска; а неспособные къ нестроевымъ званіямъ, по усмотрѣнію военнаго начальства. 2.) Въ дополненіе статьи 1597 того же XV тома св. зак. (во прод. VI-му, постановить, что несовершеннолѣтнія женщины, вмѣющія болѣе 14 лѣтъ, но менѣе 21 года, приговариваются къ опредѣленнымъ въ законѣ наказаніямъ одною или, по усмотрѣнію суда, и двумя степенями ниже. Несовершеннолѣтнимъ женщинамъ, отправленнымъ на житье въ Сибирь, если онѣ по достиженіи узаконеннаго возраста вступать въ бракъ во время ссылки съ людьми свободнаго состоянія и необязанными оставаться въ Сибири, разрѣшается выѣздъ въ другія мѣста, впрочемъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ мужьями и въ слѣдующіе сроки: сосланнымъ въ губерніи Иркутскую или Енисейскую по 2-й степени ст. 55-й улож. о наказан., послѣ 12 лѣтъ пребыванія въ сихъ губерніяхъ; сосланнымъ по 3-й степени въ губерніи Тобольскую и Томскую, послѣ 10 лѣтъ; сосланнымъ въ тѣ же губерніи по 4-й степени, послѣ 8 лѣтъ; а сосланнымъ туда по 5-й степени, послѣ 4 лѣтъ. Сроки для несовершеннолѣтнихъ женщинъ, отправленныхъ на житье въ отдаленныя кромѣ Сибирскихъ губерніи, если онѣ выйдутъ тамъ въ замужство, также за людей свободныхъ, необязанныхъ оставаться въ сихъ мѣстахъ, назначаются, при соблюденіи изложеннаго выше условія, т. е. выѣзда, не иначе, какъ вмѣстѣ съ мужьями для сосланныхъ по 1-й степени ст. 36-й улож. о наказ., чрезъ 6 лѣтъ; для сосланныхъ по 2-й степени, чрезъ 5 лѣтъ; для сосланныхъ по 3-й степени чрезъ 4, а для сосланныхъ по 4-й степени, чрезъ 2 года, послѣ пребыванія въ упомянутыхъ губерніяхъ.

Правительственныя распоряженія.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Нашему любезному дворянству Херсонской губерніи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до Нашего свѣдѣнія, что дворянство Херсонской губерніи, одушевляемое

верноподданинскими чувствами, по случаю манифеста Нашего отъ 14-го марта сего года, единогласнымъ рѣшеніемъ постановило пожертвовать для арміи Нашей семь сотъ лошадей, годныхъ для легкой кавалеріи и артиллеріи.

Видя въ этомъ пожертвованіи новое доказательство тѣхъ доблестныхъ чувствъ, которыми всегда и во всѣхъ случаяхъ отличалось Наше любезновѣрное дворянство Херсонской губерніи, Намъ пріятно изъявить ему Нашу признательность и удостовѣрить его въ неизмѣнномъ Нашемъ благоволеніи.

На подлинной Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Петербургъ,
20 августа 1848 г.

Августа 26. Государь Императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшую докладную записку г. министра внутреннихъ дѣлъ, о пожертвованіи дворянствомъ Бессарабской области въ пользу войскъ шести сотъ штукъ рогатаго скота, Высочайше соизволилъ собственноручно написать: *«Благодарить и принять.»*

Государь Императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшую докладную записку, г. министра внутреннихъ дѣлъ, о пожертвованіи Воронежскимъ дворянствомъ въ пользу запасныхъ баталіоновъ 5 пѣхотнаго корпуса 50-ти воловъ съ фурами, собственноручно изволилъ написать на сказанной запискѣ: *«Благодарить.»*

Сентября 2. Государь Императоръ, прочитавъ съ удовольствіемъ всеподданнѣйшій адресъ Костромскаго дворянства съ изъявленіемъ преданности и любви къ престолу и съ постановленіемъ содержать на свой счетъ семейства всѣхъ вызванныхъ на службу изъ помѣщичьихъ имѣній безсрочно-отпускныхъ впредь до ихъ возвращенія, Высочайше повелѣть изволилъ: изъявить чрезъ губернскаго предводителя Монаршую Его Императорскаго Величества

благодарность за похвальные върноподданичскіе чувства Костромскаго дворянства.

Августа 26. Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ «поручить: заведываніе придворнымъ духовенствомъ, — духовнику Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны, Протоіерею *Бажанову*; управленіе же двумя оберъ-священника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, оберъ-священнику арій и флотовъ, Протоіерею *Кутневичу*, — обоимъ впредь до особаго повелѣнія.»

— По всеподданнѣйшему докладу военнымъ министромъ отношенія намѣстника кавказскаго и генераль-губернатора Новороссійскаго и Бессарабскаго, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть изволилъ, чтобы Горцевъ изъ князей, узденей и вообще изъ класса, который можно сравнить съ дворянскимъ, несовершившихъ злодѣній и опредѣляемыхъ въ арестантскія роты только потому, что они взяты на контрабандныхъ судахъ, впредь не отправлять въ арестантскія роты, а посылать на жительство въ отдаленныя губерніи имперіи.

По порученію комитета гг. министровъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ представлялъ соображенія свои о способахъ къ распространенію въ городахъ уличнаго освѣщенія спиртомъ. Въ-слѣдствіе сего, по положенію комитета, Государь Императоръ, 3 августа, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Для опытовъ освѣщенія улицъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, разрѣшнить употребленіе спирта, до 10 т. ведеръ ежегодно, безъ платежа акциза; при чемъ предоставить усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ: сколько спирта заготовлять, по удобности, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ вольная продажа вина, или получать изъ казенныхъ магазиновъ, по распоряженію министра финансовъ.

2) По министерству внутреннихъ дѣлъ сдѣлать распоряженіе о производствѣ опытовъ спиртоваго освѣщенія въ обихъ столицахъ, на счетъ городскихъ доходовъ, изъ

спиртъ для освѣщенія въ каждой изъ нѣскольکو улицъ, по согласенію съ мѣстными военными генераль-губернаторами.

2) Для наблюденія за хозяйственною частію сей операціи, учредить въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особыя комитеты, подъ предводительствомъ мѣстныхъ гражданскихъ губернаторовъ, изъ городскихъ головъ, чиновниковъ отъ военныхъ-генераль-губернаторовъ и лицъ, имѣющихъ спеціальныя познанія въ семъ дѣлѣ, съ назначеніемъ сверхъ сего въ С.-Петербургскій комитетъ чиновника отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

4) На обязанность и ответственность сихъ комитетовъ возложить строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы отпускаемый для освѣщенія спиртъ не былъ отнюдь обращаемъ ни на какое другое употребленіе.

5) Выхвѣ съ тѣмъ поручить комитетамъ, которые будутъ учреждены для производства въ обихъ столицахъ помянутыхъ опытовъ, привести въ точную извѣстность сколько спирта потребно для одного уличнаго фонаря въ теченіи опредѣленнаго времени, дабы, на основаніи сихъ данныхъ, можно было сдѣлать положительный выводъ о количествѣ спирта, какое нужно заготовить въ случаѣ дальнѣйшаго распространенія спиртоваго освѣщенія.

и 6) Разрѣшить генераль-губернаторовъ привилегированныхъ губерцій приступить тамъ немедленно ко введенію уличнаго спиртоваго освѣщенія, для чего и сообщить имъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ необходимыя по этому предмету свѣдѣнія.

Опредѣленіе и назначеніе къ должностямъ:

Назначены: Іюля 10. Директоромъ сохранный казны не вкладанъ Императорскаго С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта, старшій чиновникъ IV отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи стат. сов. *Павелъ*. Іюля 11. Управляющій С.-Петербургскаго сохранный казною и сберегательною кассою Императорскаго С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта, почетный опекумъ тайшій совѣтникъ *Александръ*.

Июля 18. Вице-директоромъ втораго департамента по части люстраціи нач. 2-го отд. льсонаго департ. *Грешацевъ*. Июля 24. Членомъ общаго присутствія контрольнаго департамента военныхъ отчетовъ, засѣдающій въ томъ департаментѣ дѣйст. стат. совѣтн. камергеръ князь *Мещерскій*. Июля 29. Почетнымъ опекуномъ и присутствующимъ въ Императорскомъ Московскомъ опекуномъ совѣтѣ, членъ попочительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ камергеръ, дѣйст. стат. совѣтн. *Олсуфьевъ*, съ оставленіемъ при настоящихъ должностяхъ. Августа 1. Вице-президентомъ общества попочительнаго о тюрьмахъ и комитета для разбора и призрѣнія нищихъ, сенаторъ тайный совѣтникъ *Ланской*, съ оставленіемъ при настоящихъ должностяхъ. Всемилостивѣйше повелѣно: Августа 4. Предсѣдателю бывшаго временнаго присутствія герольдіи дѣйст. стат. совѣтн. князю *Урусову*, — быть членомъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной. Сост. за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ правительствующемъ сенатѣ стат. совѣтн. *Славинскому* — быть въ должн. оберъ-прокурора 7-го департ. сената. Августа 5. Члену консультаціи министерства юстиціи тайному совѣтнику *Дурасову*, — присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. Августа 18. Вице-директоромъ духовно-учебнаго управленія при свѣтѣйшемъ правительствующемъ синодѣ, назначенъ нач. отд. канцеляріи оберъ-прокурора того синода стат. совѣтн. *Домонтовичъ*. Августа 25. Директору Императорскаго стекляннаго завода, дѣйст. стат. совѣтн. *Языкову*, повелѣно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, управляющимъ Императорскими заводами стекляннимъ и фарфоровымъ, Выборгскимъ зеркальнымъ и Кіево-Межигорскою фаянсовою фабрикою и присутствовать по дѣламъ оныхъ въ кабинетѣ Е. И. В., съ правомъ голоса и съ отнесеніемъ должности сей къ IV классу. Августа 30. Испр. должн. товарища министра юстиціи, дѣйст. стат. совѣтн. *Иллещескій*, Всемилостивѣйше утвержденъ товарищемъ министра юстиціи. Астраханскому военному губернатору, управляющему и гражд. частію въ Астраханской губерніи, вице-адмиралу *Чистя-*

кошу, повелѣно быть членомъ морскаго генераль-аудиторіата. Начальнику 2-й флотской дивизіи, вице-адмиралу *Дурасову*, повелѣно быть членомъ адмиралтействъ совѣта.

Перемѣщенія по службѣ.

Іюля 11. Сост. за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ правительствующемъ сенатѣ стат. сов. *Торнау*, переведенъ правителемъ канцеляріи Рижскаго военнаго, Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго генераль-губернатора. Іюля 18. Ярославскій вице-губернаторъ стат. совѣтн. камергеръ *Донауровъ*, перевенъ въ государственный контроль членомъ общаго присутствія со стороны контроля при артиллерійскомъ департаментѣ военнаго министерства.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему двору.

Августа 30. Дѣвицы: Елисавета *Мезенцова* и Софія *Лодомирская*, пожалованы во фрейлины къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Дѣвица *Марія Восейкова*, пожалована во фрейлины къ Е. И. В., Великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ.

НАГР А ДЫ:

Произведемы:

Въ статскіе совѣтники.

За выслугу лѣтъ: изъ коллежскихъ совѣтниковъ: Іюля 28. Перваго департ. мин. госуд. и муш. нач. отд. *Титовъ*. Іюля 29. Тифлисской складочной таможни управляющій *фонъ-Мезенкампфъ*. Августа 3. Доктора медицины: инспекторъ Курляндской врачебной управы *Рейнфельдтъ*, старшіе врачи, Петропавловской больницы *Тильманъ*, и Виленскаго госпиталя Савичъ *Рышкевичъ*, врачи, Александровскаго сиротскаго янститута *Панкъ*, Московскаго гла-

внго аркива Драницкаго, вѣдомства Уральскаго горнаго управленія заводовъ графиня Строгановой *Александровна*, и Нижнеаломовскаго уѣзда *Максимовъ*, Императорскаго С.-Пет. воспит. дома младшій врачъ *Зембуицъ* и медико-хирургъ старшій врачъ *Похвильскій*. Августа 10. Императорскихъ университетовъ: Московскаго — адъюнктъ *Басовъ*, С.-Петербургскаго — экстраординарный профессоръ *Срезневскій* и Дерптскаго — орд. проф. *Розбергъ*, и Владимірской губерніи директоръ училищъ *Соханскій*. Августа 12. Десятаго департамента правит. сената помощникъ оберъ-прокурора *Карницкій*. Августа 22. Царско-Славянскаго конторы, управляющій конторою *Гинцъ*. По почтовому вѣдомству: чиновникъ особыхъ порученій при главноначальствующемъ, камеръ-юнкеръ *Загряжскій*; С.-Петербургскаго почтамта чиновникъ для иностранныхъ языковъ *Ромбергъ* и почтъ-визиторъ VIII округа *Зябтновъ*. Августа 24. Департамента сельскаго хозяйства мин. госуд. имущ. нач. отд. *Калндеръ* и горыгорецкой земледѣльческой школы директоръ *Пейкеръ*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Св. Анны 1-й степени.

Августа 10. Командиръ кавказской резервной гренадерской бригады, генераль-маіоръ баронъ фонъ-*Врангель* 2-й. — Августа 14. Почетный опекунъ московскаго совета, въ званіи камергера, дѣйст. стат. совѣтн. князь *Трубецкой*.

Св. Станислава 1-й степени.

Августа 10. Командиръ 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *Бриммеръ* 1-й.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени.

Юля 23. Драгунскаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила

Павловскаго полка полковникъ *Кукольскій 4-й*. *Августа 10*.
 Полковники: Адъютантъ главнокомандующаго отъѣзжающаго
 Кавказскаго корпусомъ генераль-адъютанта князи *Воронцова*,
 лейбъ-гвардіи гусарскаго полка *Минкица*; командиръ
 Самурскаго пѣхотнаго полка *Кессельеръ* и Генеральнаго штаба
Кангеръ.

Св. Владимира 4-й степени, съ бантомъ.

Июля 20. Майоръ *Кагерманъ-Алхасовъ*. Состоящій по кавалеріи ротмистръ *Тедлинскій*. Капитаны: Тангинскаго пѣхотнаго полка *Меркуловъ*, Егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка *Козинцевъ*, Моздокскаго линейнаго казачьяго полка есауль *Чередниковъ* и Егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка поручикъ *Соболевскій*.
Августа 10. Капитаны: Генеральнаго штаба: Флигель-адъютантъ Е. И. В. баронъ *Николаи* и *Севчинъ*; штабсъ-капитаны: 21-й артиллерійской бригады *Кривоцовъ*, Кавказскаго сапернаго баталіона *Лесковскій*, поручики: Егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка *Святополкъ-Мирскій*, Кавказской гренадерской артиллерійской бригады *Ермоловъ* и Генеральнаго штаба *Астафьевъ*.
Августа 12. Есауль 2-го Волгскаго казачьяго полка *Тяжовъ*.
Августа 17. Флигель-адъютантъ Е. И. В. лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ князь *Воронцовъ*.

Св. Владимира 4-й степени, безъ банта.

Июля 20. Полковой штабъ-лекаръ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка, надв. сов. *Фрейтагъ* и баталіонный лекаръ Егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка *Верминскій*.
Июля 23. Испр. должн. Орловскаго уѣзднаго казначей кол. асс. *Еремьевъ*.
Августа 3. Поручикъ лейбъ-гвардіи Финскаго Стрѣлковаго баталіона *Эрнротъ 2-й*.

Пожалованы медалями:

Июля 31. Золотою медалью, съ надписью: «за усердіе» для

ношенія на шеѣ на *Александровской* лентѣ: С. петербургскій 3-й гильдіи купецъ Павелъ Гусевъ. *Августа 26*. Золотою медалью съ надписью: «за усердіе,» для ношенія на шеѣ на *Аннинской* лентѣ: распорядитель донскими питьевыми сборами мензелинскій 1-й гильдіи купецъ Василій Рукавишниковъ. Золотою медалью, съ надписью: «за полезное», для ношенія на шеѣ на *Аннинской* лентѣ: Кишеневскій 1-й гильдіи купецъ Василій Абашевъ.

=

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Последнія парламентскія засѣданія представляютъ мало интереса. Утвержденъ билль о сахарѣ; принятъ билль о дипломатическихъ сношеніяхъ съ Римомъ. Актъ парламента, которымъ дано право министерству войти въ дипломатическія сношенія съ папою и продолжать ихъ, утвержденъ королевою 4 числа. Въ немъ постановлено, между прочимъ, что никто изъ духовныхъ особъ не можетъ быть папскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, и что этимъ актомъ ни мало не ослабляются существующіе нынѣ законы о верховной власти англійской короны. Еще принятъ билль объ уступкѣ Ванкуверова острова обществу Гудзонова залива.

Ванкуверовъ островъ лежитъ въ Сѣверномъ океанѣ, между русскими владѣніями и владѣніями Сѣверо-Американцевъ на западномъ берегу Америки. Этотъ островъ весьма важенъ для Великобританіи. Климатъ тамъ очень здоровъ, почва весьма плодородна. По берегамъ есть превосходные рейды; островъ изобилуетъ каменнымъ углемъ и вообще представляетъ всевозможныя пособія для переселенцевъ. Когда Панамскій перешеекъ будетъ прорытъ, Ванкуверовъ островъ сдѣлается владѣніемъ драгоцѣннымъ, потому-что корабли, идущіе изъ Европы въ Китай, могутъ тамъ останавливаться, чтобы запастись

съѣстными припасами. Секта Мормонитовъ, недавно выгнанная изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, наи́рывается тамъ поселиться. Чтобы предупредить это, англійское правительство рѣшилось колонизировать Ванкуверовъ островъ, но не желая принять этого непосредственно на себя, заключило контрактъ съ знаменитой компаніей общества Гудзонова залива, которая, за извѣстное вознагражденіе, обязалась переселить туда эмигрантовъ и поддержать ихъ изъѣздахъ.

— Въ продолженіе настоящихъ парламентскихъ засѣданій утверждены 83 билля о желѣзныхъ дорогахъ и этимъ дано полномочіе на выдачу 14.887,270 ф. ст. отчасти на новыя постройки, простирающіяся до 413 англійскихъ миль и составляющія побочныя дороги, отчасти на окончаніе нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ, а отчасти на постройку париходовъ для споспѣшествованія желѣзнымъ дорогамъ. Общества желѣзныхъ дорогъ потребовали отъ акціонеровъ уплаты за сентябрь 2.287,236 ф. ст.; эта сумма неѣе прошлагодней сентябрьской 1.600,000 ф. ст.

— 5 сентября, королева закрыла собраніе парламента слѣдующею рѣчью:

«Милорды и господа! Почитаю себя счастливою, что могу уволить васъ отъ занятій, столь многотрудныхъ и продолжающихся долѣе обыкновеннаго. Законъ, изданный для охраненія Ирландіи отъ насильствъ и преступленій, и утвержденный мною при началѣ нынѣшняго собранія, имѣлъ самое благотѣльное дѣйствіе. Всѣ открытыя вооруженія, производившіяся съ преступной цѣлью, прекращены; ходъ правосудія не былъ болѣе останавливаемъ, и многіе гнусныя убійцы, распространившіе ужасъ по всей странѣ, были схвачены, преданы суду и приговорены къ заслуженному наказанію. Нѣщета Ирландіи, происшедшая отъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, облегчена приведеніемъ въ дѣйствіе закона о пособіи бѣднымъ, и пожертвованіями, сдѣланными въ другихъ частяхъ королевства. Съ другой стороны, образовавшіяся тамъ общества воспользовались этими стѣсненными обстоятельствами, чтобъ побудить моихъ страждущихъ подданныхъ къ возстанію. Они возбуждали надежды на грабежъ

в королевствѣ, для увлеченія несчастныхъ, а честолюбивыя
предоставляя дальновидныя и несбыточныя планы. Въ этихъ
обстоятельствахъ я обратилась къ вашей благонамѣренности и
мудрости для получения обширѣйшихъ полномочій, и, подкрѣ-
пленное вашимъ быстрымъ содѣйствіемъ, правительство мое
имѣло возможность уничтожить въ нѣсколько дней заговоры,
готовившіеся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Рѣшительность
и энергія, обнаруженныя при этомъ случаѣ ирландскимъ лор-
домъ-намѣстникомъ, заслуживаютъ мое искреннее одобреніе.
Посреди такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ вы про-
должали свои занятія для усовершенствованія законовъ. Надѣ-
юсь, что мѣры для облегченія продажи въ Ирландіи ирѣшнѣй,
обремененныхъ долгами, отаратятъ мало-по-малу значительное
зло, угрожающее общественному благосостоянію Ирландіи. Су-
ществующая въ Шотландіи система передачи земель на вѣч-
ныя времена, произвела значительное зло, какъ для наслѣдни-
ковъ этой передачи, такъ и для общества, и мнѣ весьма пріят-
но было видѣть, что эта система теперь улучшена учрежде-
ніями, которыхъ благотворныя дѣйствія въ той части Соеди-
деннаго королевства оказались уже издавна. Съ искреннимъ
удовольствіемъ изъявила я свое согласіе на мѣры, принятыя
къ улучшенію народнаго здравія, и вполне надѣюсь, что мы
такимъ образомъ открыли путь безпрерывнымъ успѣхамъ въ
этомъ благотворномъ дѣлѣ.—Господа члены нижняго парла-
мента! Благодарю васъ за готовность, съ какою вы утвердили
пособія, необходимыя для удовлетворенія государственныхъ
нуждъ. Я воспользуюсь всѣми случаями, какъ только обстоя-
тельства позволятъ, чтобъ соблюсти бережливость въ надерж-
кахъ.—*Милорды и господа!* Я возобновила офиціальнымъ об-
разомъ дипломатическія сношенія съ Франціею. Согласіе меж-
ду двумя державами продолжалось безпрерывно. Событія
чрезвычайно важныя потрясли внутреннее спокойствіе мно-
гихъ европейскихъ державъ, какъ на сѣверѣ, такъ и югѣ.
Эти событія были причиною войны между нѣкоторыми на-
родами. Съ согласія другихъ дружественныхъ державъ, я
предложила посредничество, для прекращенія раздоровъ
и для возстановленія мира. Надѣюсь, что успія мои бу-

дуть не безуспѣшны. Миѣ пріятно надѣяться, что всеобщее сознание въ пользу мира возбудитъ въ народахъ Европы желаніе пользоваться его благодѣяніями. Радуюсь, что могла посреди такихъ потрясеній сохранить миръ и внутреннее общественное спокойствіе въ собственномъ своемъ государствѣ. Сила нашихъ узаконеній испытана, и прочность ихъ доказана на дѣлѣ. Я старалась сохранить для народа, вѣреннаго моему попеченію, наслажденіе умѣренною свободою, столь для него драгоценною. Съ своей стороны, народъ мой слишкомъ хорошо чувствуетъ всѣ выгоды порядка и безопасности, чтобы зачинщики мятежей и волненій могли имѣть хотя малѣйшую надежду на успѣхъ въ ихъ гнусныхъ замыслахъ. Съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности вижу я многочисленныя опыты преданности и усердія, изъявляемые имѣ всѣми сословіями моего народа. Твердо надѣюсь, что при благословеніи Всевышняго, при уваженіи къ законамъ и при исполненіи правилъ вѣры, права народа останутся неприкосновенными.»

Times о тропной рѣчи говоритъ слѣдующее: «Рѣчь королевы, которую она произнесла въ прошлый вторникъ, проникнута мирнымъ духомъ, пачалами порядка. Она умалчиваетъ о тѣхъ предвѣщаніяхъ нвоземцевъ, которые не хотятъ видѣть въ Англіи ничего болѣе, какъ только Минерву, готовую вооружиться, чтобы поколебать миръ Европы. Въ рѣчи своей королева обращается ко всегдашней, постоянной вѣрности Англичанъ и любви ихъ къ государственнымъ учрежденіямъ. Съ какой стороны ни взглянешь на рѣчь, вездѣ видишь въ ней мирныя чувства и непоколебимое довѣріе. Съ благодарностію признаетъ ея величество неоднократныя доказательства вѣрности и преданности всѣхъ классовъ ея подданныхъ. Эта преданность не есть только простая и сантиментальная привязанность къ молодой королевѣ, которую англійскій народъ боготворитъ. Нѣкто, видѣвшій ее въ прошлый вторникъ, презрительно замѣтилъ: «Англійская конституція есть королева.» Этимъ замѣчаніемъ сдѣлалъ онъ намъ большую честь. Королева Викторія есть наша конституція и тѣмъ болѣе, что народъ слишкомъ хорошо понимаетъ выгоды безопасности и порядка, чтобы отдаться революціямъ и анархіи. Въ галереи сидѣлъ французъ.

скаій реформаторъ работы, Луи Бланъ. Безъ сомнѣнія, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на великолѣпіе лордовъ, сядѣвшихъ у ногъ его. Въ его глазахъ это было аристократическою партіею, унижительною для его клиентовъ—пролетаріевъ. Но понимаетъ ли г. Луи-Бланъ истинную важность той палаты, которую онъ такъ строго судить? Палату эту отличаютъ не только старыя формы, привилегіи, восходящія до отдаленнѣйшихъ временъ, славныя преданія, высокое происхожденіе членовъ ея, но одно это ставитъ англійскую палату выше черрыхъ палатъ другихъ націй. Нѣтъ, она имѣетъ еще существенное отличіе: она дѣйствительно національна въ своемъ происхожденіи. Перство восходитъ до Гентархин, но большая часть перовъ новѣйшаго времени. Юль въ своей исторіи представляетъ только одного потока Бароновъ-завоевателей. Теперь двѣ трети перовъ суть созданіе послѣдняго столѣтія. Они саксонскаго происхожденія и даже многихъ изъ нихъ выдвинула впередъ саксонская промышленность. Нѣкоторые изъ нихъ бѣдны и приобрѣли свое нынѣшнее положеніе тяжкими трудами. Теперь, какъ лорды, они засѣдаютъ въ горностаяхъ, а прежде, какъ священники и адвокаты, иногда бывали въ опасности умереть голодною смертію. Вотъ тайна нашего общественнаго устройства, и напрасны усилія поколебать его. Если Луи-Бланъ взираетъ на блестящія побужденія, то онъ не обращаетъ вниманія на то, что нѣкоторые изъ этихъ мужей происходятъ отъ его «возлюбленнаго народа,» что отцы нѣкоторыхъ изъ нихъ были пролетаріями. Наша аристократія проникнута народностію, нашъ народъ проникнутъ аристократизмомъ. Ихъ связываетъ другъ съ другомъ любовь къ умѣренной свободѣ и уваженіе къ общественному порядку, безъ чего никакая нація не можетъ сдѣлаться великою, каковы бы ни были начала ея учрежденій.

Ирландія.

Изъ Ирландіи, отъ 16 сентября, сообщаютъ слѣдующія новостія. Поселеніе грабятъ фермы, и всѣ запасы и провѣзію увозятъ въ горы. Между ирландскими и полицейскими командами уже

было несколько стычек. Многим шайкам собираются атаковать маркиза Ватерфорда въ его замокъ. Маркизь, человекъ извѣстный по своему рѣшительному характеру, сдѣлалъ большія приготовления къ оборонѣ.

Двое изъ предводителей, которыхъ воландъ тщетно преслѣдовала, *О'Магони* и *Догени* сдѣлались начальниками движеній. Типперарскіе инсургенты собираются на гнѣкъ Сливенамона; это почти неприступная, отвѣсная гора, на которой въ 1796 году былъ лагерь инсургентовъ; его никакъ не могли взять силою и онъ сдался на капитуляцію тогда уже, когда вся остальная Ирландія была успокоена.

Тамъ командуетъ *О'Магони*, и поселеніе становится въ нему со всѣхъ сторонъ; но онъ принимаетъ только тѣхъ, которые вносятъ оружіе и приносятъ съ собою съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько дней. Онъ образовалъ подвижной корпусъ, человекъ въ тысячу, который дѣйствуетъ съ величайшей быстротою, ходитъ по графствамъ Типперари и Килкенни и собираетъ подати со всѣхъ фермеровъ. *О'Магони* уже атаковалъ и взялъ многіе полицейскіе посты, люди его готовятъ шайки и разрушаютъ всѣ мосты, черезъ которые надобно переходить, чтобы достигъ до Сливенамона.

Догени командуетъ въ графствѣ Ватерфордъ и слѣдуетъ той же самой тактикѣ, и только приближеніе сильныхъ отрядовъ войскъ правительства помѣшало ему разрушить великолѣпный Ватерфордскій мостъ. *Догени* расположилъ свою главную квартиру въ Портлоу; онъ атаковалъ и взялъ деревню Куррагморъ, принадлежащую маркизу *Ватерфорду* и укрѣпленную по его приказанію. Онъ устроилъ лагерь на горѣ Ньюсонъ, насупротивъ лагеря англійскихъ войскъ. Окрестности Клонмела и Каррикъ-онъ Суира совершенно опустѣли: всѣ поселеніе удалились въ горы; между обывателями этихъ городовъ замѣтно сильное волненіе, и только присутствіе англійскихъ войскъ удерживаетъ ихъ отъ возстанія.

Ирландскіе инсургенты днемъ прячутъ свои ружья и занимаются обыкновенными работами, вечеромъ собираются шайки числомъ отъ 50 до 100 человекъ и дѣйствуютъ согласно, какъ бы управляемые одною волею и изъ одной власти.

Шайки эти не вступают въ борьбу съ войсками; напротивъ, разбѣгаются при первомъ появленіи красныхъ мушкетеровъ. Главныя мѣста волненій и безпокойствъ суть графства Тиниссарри, Ватерфордъ и Килькенни. Цѣль горь, простиравшихся по прямой линіи отъ Мюнстера къ Ватерфордской бухтѣ, представляетъ инсургентамъ множество неприступныхъ утѣсокъ, откуда трудно будетъ выгнать ихъ. Англійское правительство отправляетъ значительныя силы въ Ирландію, безъ сомнѣній, чтобы разомъ покончить съ инсургентами.

Франція.

25 августа, національное собраніе приступило къ разсужденіямъ о докладѣ слѣдственной комиссіи. Три большіе тома донесеній этой комиссіи возбудили любопытство публики, и трибуны были наполнены зрителями. Рѣшено было предвѣрительно, что собраніе не разоидется, не кончивъ слѣдственного дѣла. Изъ обвиненныхъ представителей первый говорилъ *Адриан-Ролленъ*. Онъ жестоко напалъ на *Одильно-Барро*, президента слѣдственной комиссіи. *Барро* не отвѣчалъ ему ни слова. Потомъ взошелъ на кафедру *Луи-Бланъ* и началъ твердо и ясно свое длинное оправданіе. Собраніе потребовало отсрочки преній, и засѣданіе было прервано въ шесть часовъ; но въ 8 часовъ вечера возобновилось. Тогда *Луи-Бланъ* окончилъ свою длинную, защитительную рѣчь. Затѣмъ явился на сцену *Коссидьеръ* съ толстою тетрадью, содержаніе которой приносили адвокату *Лене*. Онъ началъ чтеніе въ 10 часовъ, а кончилъ въ половинѣ четверга. Во вредъ сценіи, невольно слушали и возражали; большія часть ждали и спали. Но все собраніе ошмянулось, когда президентъ прочелъ отношеніе генераль-прокурора аппеляціоннаго суда, г. *Жора*, который, въ слѣдствіе новыхъ поведеній къ обвиненію, возникшихъ изъ судебного дѣлапроизводства и парламентскаго слѣдствія, требовалъ разрѣшенія пресѣдовать судомъ представителей *Луи-Блана* и *Коссидьера*, какъ сообидниковъ въ возмущеніяхъ 15 мая и 23 июня. Когда прочтали это отношеніе, адвокатъ *Теодоръ Банъ* сказалъ, что это четвергачья

штука. Эти слова вызвали на кафедре генерала *Кавеньяма*, который произнесъ слѣдующее: «Одинъ изъ почтенныхъ нашихъ соучениковъ сказалъ, что мы давно уже приготовили театральныи эскизъ. Я долженъ объясниться объ этомъ. Между-тѣмъ, какъ политическое слѣдствіе производится, правительство исполняло свои обязанности и производство судебнаго изслѣдованія также продолжалось. Требованіе, которое вы вамъ представили, есть результатъ, отнюдь не политическаго слѣдствія, а судебного дѣлопроизводства. (*Сильное впечатлѣніе*). Правительство желало, чтобы пренія объ этомъ начались и кончились какъ можно скорѣе. Мы не хотѣли, чтобы это требованіе возбудило новыя пренія. Если бъ мы допустили, по окончаніи настоящихъ преній, начать черезъ нѣсколько дней еще другія о томъ же предметѣ, мы бы поступили вопреки своему долгу; мы хотѣли доставить собранію возможность рѣшить дѣло разомъ. Мы исполняемъ только свой долгъ и дѣлаемъ это совсѣмъ не для своего удовольствія.» — *Слова*. Такъ не поступайте же по влеченію страстей своихъ! — *Г. Луи Бланъ*. Я требую, чтобы и политическое и судебное дѣло были соединены въ одномъ рѣшеніи. И прежде уже требовали разрѣшенія преслѣдовать меня судомъ; собраніе отказало. Оно не можетъ же перевернуть своего рѣшенія. — *Одинъ изъ членовъ*. А если возникли новые поводы къ обвиненію? — *Г. Луи Бланъ*. Конечно, не найдется ни одного человѣка, который считалъ бы меня виновнымъ. (О! о!). Поразить во мнѣ хотятъ не преступника, а непріятеля, политическаго противника! — Въ два часа утра генераль-прокуроръ г. *Жорнэ* вошелъ на кафедру, чтобы поддержать свое требованіе. Наконецъ президентъ спросилъ, угодно ли собранію оставить политическое слѣдствіе безъ рѣшенія и тѣмъ объявить, что докладъ слѣдственной комиссіи не имѣетъ никакого вліянія на рѣшеніе по требованію генераль-прокурора. Это предложеніе было принято огромнымъ большинствомъ. Министръ юстиціи предложилъ объявить, что рѣшеніе по требованію генераль-прокурора не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Это было утверждено 493 голосами противъ 292, (то-есть большинствомъ 201 голоса; что произвело сильнѣйшее впечат-

жива). Гг. Лум-Бланъ и Коссидьеръ взяли изъ залы. Рѣшеніе преслѣдовать ихъ судомъ было принято большинствомъ 504 противъ 252 голосовъ. Засѣданіе окончилось въ 6 часовъ утра. Лум-Бланъ и Коссидьеръ скрылись, приславъ объявленія въ журналы, что они хотятъ только избѣжать предварительнаго тюремнаго заключенія, но къ суду непременно явятся. Они оба теперь въ Лондонѣ.

.. Въ засѣданіи 29 августа былъ прочтенъ проектъ конституціи. Въ этомъ новомъ проектѣ довольно много измѣненій противъ прежняго. Важнѣйшее состоитъ въ томъ, что статья, которою провозглашалось знаменитое право работы, отиѣнена. Статья, которою опредѣляется, что законодательная власть должна принадлежать одной палатѣ въ 750 членовъ, осталась въ прежнемъ видѣ. Къ проекту прибавлено нѣсколько временныхъ статей, которыми между прочимъ постановлено, что президентъ республики ниѣтъ быть избранъ народомъ тотчасъ по обнародованіи конституціи и что національное собраніе не должно расходиться, пока не утвердитъ всѣхъ органическихъ законовъ. Чтобы скорѣе кончить это важное дѣло, собраніе положило посвящать ему четыре дня въ недѣлю, начиная съ 4 сентября; а для отправленія текущихъ дѣлъ, назначены два остальныхъ дня.

Въ засѣданіи 30 августа, приступлено было къ разсмотрѣнію проекта декрета, которымъ отиѣняется постановленіе 2 марта 1848 о сокращеніи рабочихъ часовъ. На кафедре взошелъ г. Пьерръ Леру, разложилъ передъ собою кучу бумагъ и читалъ ихъ въ продолженіе полутора часа. Онъ говорилъ, что скептицизмъ свирѣпствуетъ во Франціи, что прежнія правительственныя начала снова выступаютъ на поле битвы, и прочее, и прочее, говорилъ долго, говорилъ скучно, а о дѣлѣ сказалъ только, что это настоящее преступленіе налагать руку на единственныйъ человѣческій, истинно республиканскій законъ, данный со времени революціи. «Этотъ законъ есть прѣкраснѣйшій плодъ тогдашняго великаго движенія, вскричалъ онъ; и этотъ плодъ хотятъ уничтожить! Честь этого постановленія вполнѣ принадлежитъ юному представителю, который теперь блистаетъ своимъ отсутствіемъ. (Это невозможно

длинными! Къ порядку! къ порядку!) Потомъ г. *Шарръ Леру* вступился въ длинныя ионичико-экономическія разсужденія о шестидесяти составѣ общества, которыя были прерваны по-частными случаями: бумаги г. *Пьерра Леру* попадали на полъ и онъ сѣмелъ съ каведры. При помощи секретаря ему удалось подобрать ихъ всѣ; но тутъ онъ принялся, на каведрѣ, приводить ихъ въ порядокъ, а какъ онъ, очень близорукъ, то это было не легко для него. Наконецъ онъ снова принужденъ читать. Собраніе обнаруживало живѣйшее нетерпѣніе. Несчастныя листы разлетѣлись слова; г. *Леру* сѣмелъ съ каведры и совѣсть мчеза въодъ немю. Собраніе разохоталось. Наконецъ г. *Леру*, отчаявшись привести свои листы въ порядокъ, отказался отъ продолженія своей рѣчи. После него говорилъ г. *Бюффе* въ пользу отиѣны декрета временнаго правительства, и пренія были отлажены до слѣдующаго засяданія.

Вопросу объ этомъ предметѣ было посвящено засяданіе 4 сентября; но вопросъ все-таки остался нерѣшеннымъ. Комитетъ работы сначала предлагалъ просто отиѣнить декретъ 2 марта; потомъ, по просьбѣ, которая ииушека чувствомъ похвалыиымъ, но не можетъ быть оправдана ни наукою, ни простой логикю, онъ принялъ намѣненіе, ограничивающее рабочій день 12 часами. Г. *Асонъ Фоме* опровергалъ этотъ новый проектъ тѣми же самыми доводами, которые приводилъ и противъ декрета 2 марта. Министръ внутреннихъ дѣлъ, напротивъ, съ большою живостію поддерживалъ этотъ проектъ. Что касается до причинъ, внушившихъ г. *Семару* это убѣжденіе, до ученія, на которомъ онъ основывается, до началъ, на которыя онъ опирается и доводы, которыми подкрѣпляетъ свое мнѣніе, всѣ они ограничиваются словами: «Этого требуетъ человеколюбіе.»

«Конечно, говорить по этому случаю *Jougnal des Débats*, очень прилично видѣть, что политика заботится о человеколюбіи; но это не всегда достаточно. Слѣдуя однимъ инстинктамъ сердца, легко заблудиться и сильныя взаимодушныя чувствованія могутъ быть очень опасными содѣятелями, если ими не управляетъ рассудокъ.»

«Декретъ объ оти́нъ пошлины при ввозѣ въ Францію лѣса внутреннѣ былъ чело́вѣколюбіемъ, одинакомъ національное со-бране оти́нло его. Декретъ, объ оти́нъ пошлины на соль, также внутреннѣ былъ чело́вѣколюбіемъ; а министръ финансовъ объявлялъ, что эта пошлина будетъ взимаема и въ 1849 году; а мы думаемъ, что и долѣе. Если бы въ политикѣ вопросъ шелъ только о чело́вѣколюбіи, то мы всѣ были бы согласны между собою; самыя непримиримыя изъ партій, возмущавши наше несчастное отечество, взломали бы свое оружіе. Кто бы тогда не рѣшилъ, что всѣ люди, особенно когда они работаютъ, имѣютъ право на пищу болѣе питательную, чѣмъ плата за работу у насъ недостаточна и что ее слѣдуетъ возвысить всемогуществомъ декрета? Чѣмъ жъ г. Сенаръ и комитетъ работы не предлагаютъ декрета о возвышеніи платы за работу? Видно, они чувствуютъ, что это не замѣнить отъ воли правительства, что нельзя произвольно возвысить цѣну работы, и что этия средствамъ улучшить судьбу работниковъ невозможно.

«Это же самое мы говоримъ и о сокращеніи рабочаго времени: Правительство не можетъ опредѣлить ни рабочаго времени; ни задѣльной платы; сократить одно—значитъ уменьшить другую. Мы бы очень желали, чтобъ можно было сократить рабочій день, не произведя этиахъ разстройствъ ни въ платѣ за работу, ни въ самой производительности. Къ несчастію, такое заблужденіе позволительно только людямъ, которые въ первой рѣзъ въ жизни размышляютъ объ этиахъ важныхъ задачахъ, и съмыслена, съ забавнымъ пресоріемъ смотрятъ на науку, которой они не знаютъ и которой прославились нескіе великіе умы, мегуче гении. Улучшите судьбу рабочаго класса; этого всѣ желаютъ также и именно, какъ мы; но предлагая зась, что, произвольно сокращая рабочій день, мы прибѣгаемъ къ простому средству.

«Можетъ ли подобный декретъ увеличить сумму, взимаемую для уплаты за работу, изъ капитала, порождаемаго въ теченіе года производительностію? Конечно, нѣтъ. Декретъ не увеличитъ производительности и не изменитъ закона, по которому этиахъ производится богатство, опредѣленное производи-

ностию. Сумма, раздаваемая въ уплату за работу, не увеличится; а какъ рабочихъ дней нужно будетъ больше, потому что они сдѣлались короче, то очевидно, что ежедневная плата за работу должна понизиться. Это говорить не мы; говорить арифметика.»

Разсуждая о томъ же предметѣ, г. *Леонъ Фюше* между прочимъ сказалъ: «Знаете ли что вамъ предлагаютъ? Просто, возвратиться къ тому что было при *Кольберъ*: предоставить правительству устраивать промышленность. Декретъ, который вамъ предлагаютъ, не что иное какъ премія промышленностямъ второстепеннымъ, на счетъ промышленностей главныхъ. Вы выгоните работника изъ отрасли промышленности, наиболее прибыльной для него и заставите его обратиться къ другой, менѣе выгодной, заставите его перейти отъ работы легкой къ занятію тягостному.

«Нельзя безнаказанно мѣшаться въ дѣла промышленности. Въ первое время, когда Англія сократила рабочій день для дѣтей на фабрикахъ, знаете ли, что сдѣлали фабриканты, которые не хотѣли, не считали возможнымъ покориться этому закону? Они усовершенствовали свои машины и уменьшили работу ручную. Какой же результатъ вышелъ изъ этого? Тотъ, что дѣти лишились работы, а родители ихъ довольства, которое эта работа имъ доставляла. Такого же результата достигнете и вы, сокращая рабочій день взрослыхъ. Капиталъ обратится на машины; на это употреблена будетъ часть суммы, которая прежде издерживалась на плату за работу. Множество работниковъ останется безъ занятія, а это будетъ истинное бѣдствіе для общества.

«И какое время избираете вы для этого? Время, когда въ промышленности заказовъ нѣтъ, барыши сдѣлались вещью неизвестною и всякій, по неволѣ, уменьшаетъ число своихъ работниковъ?»

Далѣе г. *Леонъ Фюше* доказывалъ, что требуя сокращенія рабочаго времени, работники заботятся не о томъ, чтобы меньше трудиться, а чтобы побольше зарабатывать или, въ крайней мѣрѣ, востановить получать плату за свою работу; что странно предоставлялъ работникамъ право избирательства, да-

вать имъ участіе въ правленіи государства и не позволять имъ располагать своею работою, по собственному усмотрѣнію! «Признаюсь, сказалъ онъ далѣе, въ предложеніи комитета работы, я вижу слѣдствіе социальныхъ идей, которыя, къ несчастію, слишкомъ распространились у насъ. Знаю, это не тотъ социализмъ, который идетъ прямо къ своей цѣли, не допускаетъ ни собственности, ни семейства.... (Многіе голоса: «Да полноте! Не о томъ рѣчь идетъ!»).... Но я боюсь социализма непрямого, нелогичнаго, вырождающагося, который ведетъ васъ прямо къ безднѣ. Я повторю вамъ то, что говорилъ уже какъ-то одному изъ членовъ временнаго правительства. Онъ однажды сказалъ мнѣ, что социализмъ—чума. Правда, отвѣчалъ я, социализмъ чума, но вы всё зачумлены. (Громкій хохотъ). — А каково ваше здоровье, г. Леонъ Фоше? спросилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Сенаръ. — «Этой болѣзни у меня никогда не было», пресерьозно отвѣчалъ Леонъ Фоше, и хохотъ, разумѣется, утихъ. Препія объ этомъ проэктѣ кончились 9 сентября. Собраніе приняло предложеніе, которымъ продолженіе рабочаго времени для взрослыхъ опредѣляется, и именно въ 12 часовъ.

Засѣданіе 5 сентября началось общими разсужденіями о проэктѣ конституціи. Гг. Жерди, Камилль Беранже и Альканъ произнесли рѣчи, которыхъ никто не слушалъ; наконецъ на каеелру вошелъ г. Пьерръ Леру и обратилъ на себя общее вниманіе: «Конституція, сказалъ онъ, есть дѣло важное для законодателей и въ то же время трудное. Едва только 50 лѣтъ прошло со времени изобрѣтенія паровыхъ машинъ, а онѣ достигли уже возможнаго совершенства; но объ общественномъ устройствѣ этого нельзя сказать, а почему? потому что здѣсь нѣтъ опредѣленныхъ началъ; они не извѣстны. — (Голосъ: А извѣстны ли они вамъ? Смѣхъ.) — Пьерръ Леру: «Въ продолженіе 50 лѣтъ во Франціи было семь конституцій, не считая безчисленнаго множества отдѣльныхъ постановленій; всѣ эти конституціи одна другой противорѣчили, одна другую уничтожали, а почему? потому-что ни одна изъ нихъ не имѣла опредѣлительнаго начала». Ораторъ доказывалъ далѣе, что законодатели, публицисты, журналисты и т.

ды въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, писали, не обратясь ни на какое начало, что сочиненія Платона, Аристотеля, Монтескье, Руссо и конституцій, составленныя по ихъ ученіямъ, суть те бѣды, какъ листы испеченной бумаги, плохія машины, галстунатъ. (Смѣхъ и шумъ.) Сіѣесть, долго трудившійся надъ составленіемъ конституцій, кончилъ ее; а чтобы приложить ее къ дѣлу, онъ вмѣстѣ съ Наполеономъ устроилъ 18 брюмера. На другой день Сіѣесть представилъ Бонапарту свою конституцію; Бонапартъ взялъ изъ нея то, что показалось ему полезнымъ для него и составилъ свою конституцію.—*Многіе голоса:* къ дѣлу! — *Пьерръ Леру:* Наполеонъ подавилъ свободу, какъ Неронъ.....—*Голоса:* Перейдите къ 1848 году.—*Одинъ голосъ:* На трибунѣ собраній лекціи не читаютъ.—*Голоса шлюба:* Слушайте, слушайте! Далѣе ораторъ говорилъ о хартіяхъ 1814 и 1830 годовъ въ томъ же смыслѣ. «Граждане, сказалъ наконецъ ораторъ, проектъ конституцій, теперь представленный вамъ (*а! а! слушайте*) имѣетъ то же самое достоинство и подвергнется той же участи. (Волненіе.)—*Г. Ларошжакленъ* съ своего мѣста: Г. Пьерръ Леру, а что же, ваше знаніе? наша мащита? ваше начало? гдѣ онъ? (Смѣхъ и рапортъ съ лѣвой стороны.)—*Голоса:* на трибуну, на трибуну!—*Г. Ларошжакленъ*, на биседрѣ: «Г. Пьерръ Леру объявилъ намъ, что всѣ великіе философы и мы сами—невѣжды (*смѣхъ*), что политическія начала доселѣ были невѣстны. Конечно, при такомъ положеніи мы не можемъ сдѣлать что-нибудь хорошее и долговѣчное. Пусть же г. Пьерръ Леру, который есть олицетворенное отрицаніе, сообщитъ намъ частичку своихъ познаній, если онъ имѣетъ ихъ, и тогда мы, быть-можетъ, сдѣлаемъ что-нибудь хорошее и прочное.» (*Очень хорошо! Очень хорошо!*) Общія разсужденія были заключены. Г. Гатьеръ Риольдъ: «Я предлагаю отсрочить пренія о вступленіи въ конституцію до конца разсужденій объ отдѣльныхъ статьяхъ.» Ораторъ убѣждалъ собраніе принять его предложеніе, основываясь на томъ, что многіе писатели составляютъ введеніе уже по означенію сочиненія, что еще не извѣстно, чѣмъ кончатся разсужденія объ отдѣльныхъ статьяхъ и что слѣдовательно бесполезно разсуждать объ общемъ.

Б. Дюфоръ говорилъ противъ предложенія отсрочить пренія о вступленіи, а г. Дюланъ въ пользу его; но при собираніи вѣдоемаго это предложеніе было отсрочено. Аббатъ Файе говорилъ противъ 1 § введенія, въ которомъ сказано, что Франція преобразилась въ республику, чтобы сохранить міру начала прогресса и цивилизаціи. Ораторъ сказалъ, что Франція всегда сохраняла эти начала; что будучи монархіею или республикою, она всегда была во главѣ націи. (*Шумъ и одобреніе*). Ораторъ говорилъ далѣе противъ втораго и заключенія четвертаго параграфа, въ которомъ сказано: «Догматы ея свобода, равенство и братство». — Свобода, сказалъ онъ, есть ни естественный, ни гражданскій, ни политическій законъ; свобода есть повиновеніе закону. Догматы суть только религія, любовь къ отечеству, правосудіе и соединеніе всѣхъ добродѣтелей. Кокрель возражалъ аббату Файе. Г. Фрэнго говорилъ противъ всѣхъ возможныхъ философскихъ догматовъ, которые провозглашаются великими истинными и которые не подвинули впередъ цивилизацію. «Если вы займетесь только правами отдѣльныхъ лицъ, то создадите энциклопедическій кодексъ; если вы остановитесь на правахъ власти, то откроете путь къ деспотизму; если же вы оба эти вопроса поставите другъ противъ друга, то предложите себѣ неразрѣшимую задачу, которую каждый будетъ объяснять по-своему. (*Очень хорошо!*) Я предлагаю по этой причинѣ совершенно уничтожить вступленіе.»

Засѣданіе 6 сентября началось довольно забавнымъ случаемъ. Г. Гранденъ спросилъ позволяется ли читать на кафедрѣ собранія рѣчи, которыя уже давно напечатаны? Само собой разуміется, что этотъ вопросъ возбудилъ всеобщее удивленіе. «Я вамъ сейчасъ объясню, почему я это спрашиваю, продолжалъ г. Гранденъ. Во время преній о работѣ, г. Пьеръ Лору прочиталъ намъ здѣсь книгу, которую онъ нѣкогда напечаталъ въ Буссакѣ, но которая еще прежде того напечатана была, въ видѣ статьи, въ *Revue Indépendante*, да еще сверхъ того распродава отдѣльной брошюрой, по 15 сантимовъ, въ пастерскихъ. Во вчерашнемъ засѣданіи онъ началъ читать вамъ брошюру тоже давно напечатанную, брошюру многотомъ

ную. Замѣтивъ это, я побѣждалъ декой, чтобы приносить ее и слѣдовать за рѣчью по печатному, но собраніе изъясняло такое нетерпѣніе, что когда я воротился, г. *Пьеръ Леру* читалъ уже третій томъ и общалъ продолженіе. Берегитесь однакожь: въ этой брошюрѣ шестнадцать томовъ!» (*Всеобщій шохоть*.) Затѣмъ г. *Гранденъ* привалъ нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій г. *Пьера Леру*, стараясь выказать, до какой степени подобныя идеи вредны. Г. *Пьеръ Леру* отдался остроумной шуткой. Онъ сказалъ, что очень благодаренъ г. *Гранденю*, за то что онъ распространяетъ его идеи, какъ вѣтеръ и птицы небесныя разносятъ сѣмена растений. Затѣмъ начались снова пренія о вступленіи въ конституцію. Г. *Ламартинъ* произнесъ блистательную рѣчь, послѣ которой большинствомъ 491 голоса противъ 225 отвергнуто предложеніе г. *Френо* о томъ, чтобы вмѣсто вступленія, конституція начиналась словами: «Въ присутствіи Бога и отъ имени французскаго народа, національное собраніе постановляетъ и пр.» Затѣмъ приступили къ разсмотрѣнію самаго вступленія; пренія о немъ продолжались и въ слѣдующее засѣданіе, во время котораго первыя 7 статей вступленія приняты съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями.

11 сентября снова начались пренія о проэктѣ конституціи и именно о той статьѣ, которою призывается такъ называемое право работы. Эти пренія продолжались и въ засѣданіе 12 числа. Гг. *де Токквиль*, *Дювержъ*, *де Горанъ* и *Бартъ*, основываясь на сочиненіяхъ социалистовъ, доказывали, что знаменитое право работы есть начало, правило, принципъ; устройство работы, то-есть вмѣшательство въ это дѣло правительства, — необходимое его послѣдствіе, а необходимое послѣдствіе устройства работы — низпроверженіе существующаго нынче общества. Второй изъ нихъ старался выяснить эту идею и потомъ выказать всѣ ея неудобства: «Или слова *право на работу*, сказалъ онъ — пустыя слова, не имѣющія ровно никакого смысла, или они значатъ, что всякій, у кого вѣтъ работы, можетъ прійти къ правительству и сказать: «Дайте мнѣ работы, дайте мнѣ плату, достаточную для содержанія меня и моего семейства.» Вотъ смыслъ словъ пра-

со на работу; а если они не видят этого смысла, то не видят никакого. (Это очевидно!) Говорят, что это право, так сказать, не ежедневное, потому что иначе правительство должно было бы сдѣлаться земледѣльцемъ, промышленникомъ, торговцемъ; что въ благополучныя времена право на работу какъ бы не существуетъ и вступаетъ въ свою силу только во времена кризисовъ. Таковъ смыслъ, который придаютъ ему мои противники и между прочимъ г. Ламартинъ. Хорошо. Я беру вопросъ въ этомъ смыслѣ. Конечно, въ жизни народовъ, у которыхъ промышленность сильно развита, бываютъ страшныя минуты, когда работа вдругъ прекращается и многія тысячи людей лишаются того, чѣмъ они живы. Чтò жь въ такихъ случаяхъ бываетъ? Государство, департаменты, общины, частныя люди спѣшатъ на помощь къ страдающимъ, — это мы видѣли полтора года назадъ, во время голода. Право на работу тогда не существовало, а между-тѣмъ государство, департаменты, общины, частныя люди ревностно исполняли долгъ свой. (Правда!) Этого мало: рабочіе, зная, что за временами доволства, могутъ послѣдовать времена оскудѣнія, нищеты, стараются сберечь что-нибудь изъ того, чтò они получаютъ, и во времена кризисовъ нуждающіеся почерпаютъ изъ трехъ источниковъ: благотворительности правительства, благотворительности частныхъ людей и собственной бережливости. Но провозгласите право на работу и посмотрите, чтò изъ этого выйдетъ. Во-первыхъ, многіе частныя люди, полагаясь на правительство, сочтутъ себя не обязанными болѣе помогать нуждающимся; во-вторыхъ, рабочій классъ, тоже полагаясь на правительство, перестанетъ думать о бережливости. Такимъ образомъ, провозгласивъ право на работу, вы иссушите два изъ трехъ источниковъ, изъ которыхъ почерпали нуждающіеся въ минуту кризиса: частную благотворительность и бережливость. Вотъ, чтò выиграетъ народъ, если вы примите эту статью конституціи. (Живѣйшее одобрение.) Говорятъ: какая падобность, если третій источникъ обилень! Неужели средства такого государства, какъ Франція, могутъ когда-нибудь оказаться недостаточными? можно проводить дороги, прорывать каналы, разрабатывать невоз-

дѣланныя земли, разводитъ лѣса, строить наплатники. Господа, жаль, что я долженъ это сказать; но мнѣ кажется, что это воспоминаніе о той финансовой политикѣ, которая никакъ не могла убѣдиться, что расходъ не приходъ. (*Очень хорошо!*) Конечно, работы всегда найдутся, работъ всегда вдоволь; но гдѣ взять денегъ, чтобы платить за эти работы? (*Новыл изъявленіа живѣйшаго одобренія*). Само собою разумѣется, что необходимость въ подобныхъ чрезвычайныхъ работахъ можетъ встрѣтиться, не въ благополучныя времена, а во времена кризиса. А вы знаете по опыту, что судьи государственнаго казначейства далеко не нестощимы. (*Знаемъ? Знаемъ!*) Правительство можетъ добывать деньги только двумя средствами: налогами и кредитомъ. Я спрашиваю васъ: которое же изъ этихъ средствъ возможно во времена кризиса? (*Правда!*) Вамъ говорятъ, что надобно только успокоить гражданъ обѣщаніемъ, что они всегда могутъ надѣяться на правительство, что они имѣютъ право требовать отъ него работы и платы за нея. Но правительство не въ состояніи помочь имъ, и граждане будутъ имѣть право сказать вамъ: вы обманули насъ; положившись на ваше обѣщаніе, мы не заботились о береженіяхъ, теперь мы въ нуждѣ и вы намъ не помогаете. *Г. Пеннъ*, самъ работникъ, справедливо сказалъ вамъ, что это значить обманывать трудящихся гражданъ, разставлять имъ ловушки. Что жъ такое ваше право на работу? Опасность для правительства; ловушка для гражданъ!» (*Живѣйшее одобреніе со большой части собранія; шумъ съѣва*).

Въ эту минуту г. *Бонъ*, одинъ изъ членовъ партіи, называемой *Горю*, закричалъ что-то съ высокой скамьи своей. Президентъ г. *Маррасть* пресерьозно сказалъ:—Г. *Бонъ*, если вы хотите говорить, я запишу васъ въ очередной списокъ: вы будете *сороковыми*.—Собраніе расхохоталось.

Далѣе г. *Дювержье де Герань* старался доказать, что такъ называемое право на работу ведетъ прямо къ социализму; что, провозгласивъ право на работу, правительство должно будетъ организовать работу, то-есть вмѣшаться въ отношенія между работающими и хозяевами, занимающими, а какъ такое принужденіе уничтожитъ частную промышленность,

то правительство должно будет забрать всю промышленность из своих рук, должно будет сделаться земледельцем, фабрикантом, ремесленником, купцом—чего социалисты и хотят, для того, чтобы потом все граждане, равные перед законом, были равны между собою и по достатку, чтобы между ними не было людей, которые чьм-нибудь владеют, и людей, которые не владеют ничьмъ. «Нынче вошло въ моду, сказалъ г. *Дювержье де Горань*, дѣлать бѣднаго г. *Прудона* козломъ-искупителемъ, и многие думаютъ, что, сказавъ съ кафедръ нѣсколько грубостей г. *Прудону*, они доказали привязанность свою къ нынѣшнему общественному порядку. А чьмъ виноватъ г. *Прудонъ*? Только тьмъ, что онъ высказалъ душевную мысль социалистовъ прямо, безъ запинки. Не онъ выдумалъ право на работу, а нашъ почтенный членъ г. *Викторъ Консидеранъ*, который былъ и членомъ конституціонной комиссіи. Господа, я боюсь не тѣхъ социалистовъ, которые прямо высказываютъ мысль свою, а тѣхъ, которые косвенными путями стремятся къ своей неизмѣнной цѣли—низпроверженію существующаго нынче общественнаго порядка.»

Потомъ г. *Дювержье де Горань* старался доказать нѣстамъ изъ сочиненій лучшихъ писателей-социалистовъ, что право на работу дѣйствительно ведетъ къ этой цѣли. «Не обманывайтесь, господа, васъ влекутъ на путь, который ведетъ прямо къ низпроверженію существующаго порядка, къ преобразованію права собственности. Знаю; что право собственности шибетъ на всѣхъ скамьяхъ этого собранія не только приверженцевъ, но обожателей. (*Смѣхъ*). Но, господа, не забудьте, что не всегда уважаютъ то, что обожаютъ. (*Громкій хохотъ*. Многие голоса: *Это очень остроумно!*) А любовь, которая хотѣла бы обнять вдругъ и право собственности и право на работу, была бы или очень слѣпа или очень коварна.»

«Я согласенъ, сказалъ г. *Дювержье де Горань* въ заключеніе, я твердо убѣжденъ, что мы должны дѣлать все, что только возможно для того, чтобы облегчить участь нуждающихся; но я не хоту, чтобы граждане обманывали надеждани несбыточными, обѣщаніями, которыхъ исполнить невозможно.»

Эта рѣчь возбудила почти во всѣхъ частяхъ собранія громкое одобреніе, и когда г. *Дювержье де Горань* сошелъ съ кафедры, многіе представители окружили его и поздравляли. Пренія о правѣ на работу продолжались до 15 сентября. Всѣ представители, сдѣлавшіе особыя предложенія по этому предмету, отказались отъ нихъ, и параграфъ принять. Въ этомъ параграфѣ сказано только, что государство помогаетъ несчастнымъ, доставляя имъ работу, когда они въ ней нуждаются, или пособіе, когда они работать не въ состояніи. Затѣмъ, принять въ послѣдній параграфъ вступленія, не смотря на то, что г. *Пьеръ Леру* пропизнесъ въ подкрѣпленіе одного предложенія рѣчь, еще не изданную, не печатанную и не писанную, но тѣмъ не менѣе длинную и туманную. Потомъ приняты четыре первые параграфа конституціи. Въ пятомъ сказано: «Смертная казнь за политическія преступленія отиѣняется». Г. *Кокрель* предложилъ исключить слова «за политическія преступленія», то-есть совѣсть отиѣнить смертную казнь. Гг. *де Траси* и *Викторъ Гюю* сильно поддерживали это предложеніе; но пренія были отложены до 18 числа.

Предложеніе г. *Кокреля*, въ засѣданіи 18 числа, отвергнуто и пятая статья принята въ первоначальномъ своемъ видѣ. Статья шестая, въ которой постановляется, что невольничество не можетъ существовать ни на какой французской землѣ, принята безъ преній. Седьмая статья о свободѣ вѣроисповѣданія и о томъ, что содержаніе отъ казны получаетъ духовенство только вѣроисповѣданій, признанныхъ правительствомъ, по-видимому, должна была возбудить сильныя пренія. Уже г. *Пьеръ Леру* съ рукописью въ рукѣ, съ другою въ карманѣ, вступилъ на кафедру и потребовалъ, чтобы содержанія не было производимо духовенству какого бы то ни было исповѣданія; но вопросъ, къ счастью, запутался. Представлено было шесть измѣненій; палата всѣ шесть отринула и приняла статью проекта въ первоначальномъ ея видѣ. Въ статьѣ 8-й говорится о тисненіи и обществахъ: «Граждане имѣютъ право составлять между собою союзы, собираться мирно и безъ оружія, представлять просьбы и обнаруживать свои мнѣнія черезъ тисненіе или другимъ какимъ-либо образомъ. Пользованіе

этихъ правъ не имѣеть никакого ограниченія, если только не касается правъ другихъ и общественной безопасности. Тиснение ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подвергаемо ценсурѣ». Г. *Монталамберъ* предложилъ включить въ число этихъ правъ и право свободнаго обученія. Онъ разложилъ передъ собою множество тетрадей и говорилъ два часа о свободѣ обученія. «Народъ голоденъ, скажете вы, вскричалъ онъ, обращаясь къ Горѣ, такъ дайте ему пищи, а не яду. Зловредные журналы и книги тотъ же ядъ. (Шумъ.) Народъ читаетъ *Прудона* и изъ книгъ его почерпаетъ ядъ». (Шумъ.) Дальнѣйшія пренія отложены до слѣдующаго дня.

Въ засѣданіи 19 сентября пропзведенъ былъ новый выборъ президента: избранъ спова г. *Арманъ-Маррастъ*, большинствомъ 527 голосовъ изъ 670. Потомъ приступили къ разсмотрѣнію проекта, предложеннаго военнымъ министромъ, генераломъ *Ламорисьеромъ*, о колонизаціи Алжиріи. Вотъ главныя его основанія. Военному министру открывается кредитъ въ 50 милліоновъ франковъ для основанія въ Алжиріи земледѣльческихъ колоній и на публичныя работы, необходимыя для благоденствія этихъ колоній. Изъ числа означенныхъ 50 милліоновъ, пять должны быть отпущены въ 1848 году, десять въ 1849 и наконецъ 35.000,000 въ 1850 и 1851. Число гражданъ, переселяющихся, въ слѣдствіе этого декрета, въ Алжирію, не можетъ превышать въ 1848 году 12,000 душъ. Каждое семейство получить отъ 2 до 10 гектаровъ земли, смотря по числу членовъ семейства, ихъ званію, качеству земли и количеству необходимыхъ для нихъ пособій. Пособія колонистамъ могутъ быть производимы только въ теченіе трехъ лѣтъ; потомъ земли, отведенныя колонистамъ и зданія, построенныя ими на этихъ земляхъ, сдѣлаются ихъ неотъемлемою собственностію. Если же они, въ теченіе этого времени, безъ всякихъ законныхъ причинъ, не обработаютъ своихъ участковъ, то дѣлаются дѣхъ. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ колонисты не могутъ продавать своего недвижимаго имущества, но могутъ продавать правительству за все, выданное имъ въ пособіе. Колонисты, со своимъ семействомъ и имуществомъ, перевозятся въ Алжирію на пар-

дерный стезь и притомъ одобряются тѣмъ-какъ можно скорѣе. Этотъ проектъ былъ утверждёнъ въ тотъ же день.

Въ засѣданіи 20 ч. принять безъ всякихъ преній разсмотрѣнный финансовый комитетомъ проектъ декрета о назначеніи морскому министру 14 милліоновъ по бюджету 1849 года на вспомошествованіе владѣльцамъ въ колоніяхъ, по случаю освобожденія Негровъ. Потомъ отвергнуто предложеніе графа *Монталамбера* да счетъ свободы обученія. Въ 8-й статьѣ проекта конституціи опредѣляется, что всякой можетъ свободно выражать свои мнѣнія печатаніемъ. Первые два параграфа этой статьи приняты безъ преній; третій, въ которомъ сказано, что «тисненіе никогда не можетъ быть подвергнуто ценсурѣ», возбудилъ жаркія пренія. Предложены были многія измѣненія, которыя всѣ отвергнуты, и статья принята въ первоначальномъ ея видѣ.

21 сентября продолжалось разсмотрѣніе проекта конституціи. Оно началось съ 9-й статьи, въ которой сказано, что народное обученіе свободно, но всѣ безъ исключенія учебныя заведенія состоятъ подъ надзоромъ правительства. *Г. Лабурн*, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ легитимистскихъ депутатовъ, предлагалъ востановить, чтобы духовныя училища состояли подъ надзоромъ епископовъ. Его поддерживали два другіе бывшіе легитимиста, гг. *де Монталамберъ* и *де Фаллу*; но это предложеніе отвергнуто. Епископы *Паризи* и *Файе* дѣлали предложенія, въ другихъ выраженіяхъ, но въ томъ же смыслѣ; они также не были приняты. Всѣ представители этой партіи, равно какъ *г. де Трави* и нѣкоторые другіе изъ бывшихъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ лѣвой сторонѣ, сильно возставали противъ университета, который во Франціи надзираетъ за всѣми учебными заведеніями безъ исключенія. *Г. де Трави* предложилъ слѣдующее измѣненіе: «Народное обученіе свободно, оно подлежитъ надзору правительства только въ отношеніи къ нравственности и соблюденію законовъ.» Это предложеніе имело изъ собранія голосовъ и было отвергнуто большинствомъ 558 голосовъ противъ 181. Статья принята. Статьи десятыя, о допусканіи всѣхъ гражданъ къ занятію публичными должностями; о единствѣ вѣры, о неприкосновенности собственности; о

надаетъ о томъ, что монархидіи никогда возобновлена быть не можетъ; тринадцатая о свободѣ работы и торговли и о безнадномъ обученіи техническимъ наукамъ, но подали поводъ къ важнымъ преніямъ. Статья четырнадцатая о томъ, что государственнй долгъ обезпечивается республикою, принята съ добавленіемъ, что сохранныя казны состоятъ подъ покровительствомъ республики. Наконецъ пятнадцатая статья о томъ, что всякій гражданинъ платитъ подати по мѣрѣ возможности и своего имущества, подали поводъ къ жаркимъ преніямъ, которыя были отложены до слѣдующаго дня.

— Въ Монитерѣ напечатанъ декретъ, по которому на государственной печати Франціи будетъ впредь изображена съ одной стороны фигура свободы съ надписью кругомъ: *во имя французскаго народа*; съ другой стороны вѣнокъ изъ дубовыхъ и оливковыхъ вѣтвей, связанный снопомъ хлѣба; въ серединѣ надпись: *Французская республика, демократическая, единая и нераздѣльная*; кругомъ: *Свобода, Равенство, Братство*.

Д а н і я .

26 августа, въ Мальмѣ заключено перемиріе между Данією и Пруссією. Конвенція о перемиріи состоитъ изъ десяти статей слѣдующаго содержанія: 1. Нецривизненныя дѣйствія прекращаются на самъ мѣсяцъ; въ случаѣ возобновленія ихъ, о томъ должно быть объявлено за мѣсяцъ. 2. Въ случаѣ объявленія о прекращеніи перемирія, войска займутъ позиціи, въ которыхъ находились до заключенія его. 3. Блокада должна быть снята. 4. Военно-мѣшныя освобождаются. 5. Все ввезенное сюда и изъ груза, будутъ возвращены. 6. Войска выйдутъ изъ гарнизона до истеченія двѣнадцати дней. Островъ Альсидъ будетъ отданъ въ распоряженіе правительства гарнизона. 7. Обѣ договаривавшіяся стороны, Пруссія и Данія, назначаютъ временнаго посредника, состоящее изъ пяти членовъ: двое изъ нихъ будутъ избраны Пруссією, и двое Данією. Ни одинъ изъ членовъ временнаго посредника не долженъ за

сѣдать въ этомъ правленіи. Всѣ постановленія бывшаго временнаго правленія отменяются. 8. Пруссія и Данія имѣютъ право назначить комиссаровъ, которые будутъ засѣдать въ правленіи и наблюдать за исполненіемъ настоящихъ условій. 9. Герцогство Лауэнбургское будетъ управляемо тремя лицами, которыя имѣютъ быть назначены обѣими договаривающимися сторонами. 10. Великобританія ручается за исполненіе этихъ условій. Ни Данія, ни германскій союзъ не отказываются отъ своихъ обоюдныхъ требованій. Ратификаціи настоящей конвенціи имѣютъ быть размѣнены въ Любекѣ въ теченіе десяти дней.—Размѣнъ ратификацій уже послѣдовалъ 1 сентября.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій прусскаго учредительнаго собранія, г-нъ фонъ Ауэрсвальдъ, президентъ совѣта министровъ, изложилъ въ длинной рѣчи обстоятельства, до и во время заключенія перемирія съ Даніею. Вотъ замѣчательнѣйшія мѣста его рѣчи:

«Теперь, когда перемиріе уже ратификовано, я долженъ обратить ваше вниманіе на обстоятельства, вызвавшія непріязненные дѣйствія. Союзъ, существующій между Гольштейномъ и Шлезвигомъ долженъ былъ расторгнуться, какъ объявилъ это датскій король, въ качествѣ герцога шлезвигъ-гольштейнскаго и лауэнбургскаго, въ отвѣтъ своемъ депутатамъ этихъ герцогствъ, и датскія войска должны были вступить туда. Германскій союзъ поспѣшилъ на помощь союзникамъ; въ особенности Пруссія приняла на себя посредничество. Хотя мы и торжествовали на сушѣ, но не могли противиться непріятелю на морѣ. Когда шведскій король послалъ войска въ Фіонію, чтобы воспрепятствовать занятію собственно датскихъ земель и защитить ихъ противъ попытокъ къ завоеванію, которыя на-врасно приписывали намъ, въ то время воспользовались присутствіемъ шведскаго короля въ Мальмё и, благодаря посредничеству Швеціи, котораго не оцѣнили еще достаточно, не только начали переговоры о мирѣ, но и заключено окончательное перемиріе. Но счастію, въ этомъ перемирії избѣжали собственно вопроса войны, прекратили дѣйствіе законовъ, изданныхъ временными правительствомъ, и доставили новому правитель-

ству возможность опить привести ихъ въ дѣйствіе. Это пред-
 ниріе заключаетъ въ себѣ все то, чего мы желаемъ, хотя всѣ
 европейскія державы и не разделяютъ нашего мнѣнія. Страна,
 которая терпѣливо перенесла бѣдствія войны, теперь освобод-
 дилась отъ нихъ возстановленіемъ свободной навигаціи, но эта
 же самая страна переносила бы еще долге бѣдствія войны,
 если бы честь Германіи потребовала этого. Я не могу не упо-
 мять при этомъ о храбрости войскъ и ихъ предводителей.
 Они исполняли свой долгъ съ совершеннымъ самоотверже-
 ніемъ.»

Въ газ. Morning-Chronicle напечатана длинная статья о
 шлезвигскомъ вопросѣ, подъ заглавіемъ: *Германія и Данія*.
 Приводимъ только заключеніе этой статьи.

«Искренно желая мирнаго разрѣшенія этого вопроса, мы
 должны отвергнуть, какъ примѣръ весьма опасный, всякое
 соглашеніе между законнымъ государемъ Шлезвига и его гер-
 манскими противниками, которое могло бы нарушить законныя
 владѣтельныя права. Мы не видимъ, почему бы король дат-
 скій лишился чего-нибудь, Франкфуртъ или Берлинъ приобрѣ-
 ли что-либо въ борьбѣ, въ которой зачинщиками были послѣд-
 ніе. Что касается до собственно такъ называемаго посред-
 нчества между королемъ-герцогомъ шлезвигскимъ и Герма-
 ніею, то оно въ настоящемъ случаѣ было бы совершенно неу-
 мѣство. Всякое настоящее или будущее посредничество между
 государемъ Шлезвига и германскою частію его шлезвиг-
 скихъ подданныхъ, частію, замѣтимъ мимоходомъ, самое мень-
 шее, можетъ существовать только въ видѣ дружескихъ вну-
 шеній и, собственно говоря, совсѣмъ не входитъ въ сферу ди-
 пломатіи. Послѣднимъ прибавить, что мы не понимаемъ, что
 германскимъ войскамъ дѣлать на сѣверномъ берегу Эйдера и
 по какому праву германскія державы могутъ съ оружіемъ въ
 рукахъ амфицироваться въ рѣченіе распрей, возникшихъ между
 датскимъ королемъ и его шлезвигскими подданными. Такъ
 какъ герцогство Шлезвигское не принадлежитъ къ союзу гер-
 манскихъ государствъ и слѣдственно состоитъ внѣ предѣловъ
 вліянія германскаго союза. (здесь приводимъ слова, употребленныя

въ 1623 году прусскими уполномоченными при германскомъ сеймѣ во время ризеудений о севастъ Шлезвига съ Гольштейнотъ), то нѣтъ никакихъ претензій Берлина и Франкфурта не основаны ни на законъ правъ и должны быть рѣшительно отвергнуты Европою. Отъ всего сердца радуемся, что двѣ великія державы западной Европы огласили въ этомъ дѣлѣ между собою на счетъ необходимости сохраненія прежнихъ правъ и върности старинныхъ обязательствъ.»

Эти обязательства изложены слѣдующимъ образомъ въ договорѣ 1720 года:

«Его британское величество общаетъ и обязывается за себя, своихъ преемниковъ и наследниковъ, обезпечить и утвердить за Данією всегдашнее и мирное владѣніе тою частію герцогства Шлезвигскаго, которою его датское величество владѣетъ нынѣ (то-есть герцогскою или южною частію) и защищать его самыми дѣйствительными средствами противъ всякихъ покушеній, которые прямо или посредственно могли бы нарушить это право владѣнія».

Сказавъ, что при нынѣшнемъ положеніи Германіи, трудно угадать, какой оборотъ приметъ это дѣло, Morning-Chronicle продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Мы по прежнему твердо убѣждены въ дѣйствительности основныхъ и вѣчныхъ началъ человеческой природы, по которымъ добросовѣстность и здравомысліе всегда берутъ верхъ надъ слѣпыми страстями, и надѣемся, что тевтовская бѣшеная ревность присоединять къ Германіи новыя владѣнія, усмирится, увидѣвъ, что Франція и Англія твердо рѣшились охранять, отъ всякихъ невызванныхъ нарушеній, права независимыхъ державъ, установленныя границы и миръ Европы».

— Шлезвигъ-гольштейнская газета официально объявляетъ о принятіи уредительнаго собранія основанаго закона. При составленіи его, герцогства шлезвигское и гольштейнское должны составлять неразрывное владѣніе и часть германскаго сейма. Германское усвоеніе, какое бы оно ни было, означеннаго безразлично примѣняется къ герцогствамъ.

ШВЕЦІЯ.

Король, по единодушній просьбі муниципальнаго совѣта и параллельно мнѣнствъ гражданъ Стокгольма, повелѣлъ урядити въ этой столицѣ національную гвардію, состоящую изъ вѣхотъ, кавалеріи и артиллеріи.

ГЕРМАНІЯ.

Въ послѣдней половинѣ сентября, Франкфуртъ на Майнѣ испыталъ одно изъ тѣхъ потрясеній, которыя неминуемо сопровождаютъ разрушеніе вѣковыхъ началъ общественнаго порядка. Волненіе, происшедшее въ этомъ городѣ, напоминаетъ печальныя событія, недавно разразившіяся въ столицѣ Франціи. Поводомъ къ этому волненію были пренія Франкфуртскаго національнаго собранія касательно перемирія, заключеннаго 26 августа между Данією и Пруссією. Прусское правительство, получивъ на заключеніе этого перемирія полномочіе центральной германской власти, спросило у короля ратификацію оного. Слѣдовало германскому сейму утвердить трактатъ, уже ратифицированный королемъ прусскимъ. Дѣвая сторона, не получившая участія въ образованіи имперскаго министерства, издучала воспользоваться перемиріемъ, чтобы прибрать въ руки правленіе. Хитрыми происями заставили она лѣвый центръ и вѣсколько сунабродовъ праваго центра, наприхѣръ *Дальманна*, присоединиться къ ней. 5 сентября, въ собраніи надлежало рѣшить дѣло. *Дальманна*, имевшій большинство въ комитетѣ, составленномъ для разсмотрѣнія перемирія, предложилъ отозвать выводу германскихъ войскъ, предписанный 6-ю статьею перемирія, и большинство положило, что до принятія рѣшенія сеймъ долженъ разсмотрѣть дипломатическіе документы, относящіеся къ заключенію перемирія. Тѣмъ же пріемникомъ послѣдственаго мнѣнія старались доказать, что Пруссія не можетъ нахѣнить перемирія, потому что оно ратифицировано королемъ, и что отлавома утвержденіемъ этого перемирія заста-

вать Пруссию действовать отдельно въ вопросѣ о шлезвигскомъ дѣлѣ и произвести опасный разрывъ между державами Германіи; тщетно объясняли они своимъ товарищамъ, что неутвержденіемъ перемирія оскорбятъ Англію и Францію, водъ алиансѣмъ которыхъ происходили о немъ переговоры, не говоря уже о томъ, что и другія державы вступятся за Давію; тщетно доказывали они, что сѣверныя германскія провинціи, потерпѣвшія большія потери отъ блокады ихъ гаваней датскими кораблями, увидятъ совершенную гибель своей промышленности при продолженіи войны; тщетно выставляли, что жители Шлезвига не хотятъ присоединенія своего къ Германіи. Всѣ эти доводы были напрасны. Громкими, но пустыми фразами о достоинствѣ, о чести, о могуществѣ Германіи, лѣвая сторона, поддерживаемая партією радикаловъ, одержала побѣду большинствомъ четырнадцати голосовъ. 214 голосами противъ 230 положено было остановить выходъ войскъ. Это рѣшеніе равносильно отверженію всего перемирія.

Президентъ совѣта министровъ, всѣ министры и помощники статсъ-секретарей подали прошенія объ отставкѣ. Намѣстникъ принялъ эти прошенія, и поручилъ члену національнаго собранія, г-ну *Дальману*, составить новое министерство.

Преція о перемиріи начались снова, когда было составлено новое министерство, и продолжались до 16 сентября. Наконецъ вопросъ о перемиріи былъ рѣшенъ. Въ засѣданіи 16 сентября, во-первыхъ прочтано было мнѣніе большинства соединенныхъ комиссій, по которому предлагали собранію «не одобрять перемирія, и пригласить министерство къ принятію надлежащихъ мѣръ для продолженія войны въ томъ случаѣ, если бы датское правительство не рѣшилось немедленно приступить къ переговорамъ о заключеніи мира съ центральной властью Германіи.» Это предложеніе было отринуто 258 голосами противъ 237. Потомъ собраніе одобрило 257 голосами противъ 236 предложеніе «не отлагать дѣлье утвержденія перемирія, заключеннаго въ Мальмѣ 26 августа; пригласить временную центральную власть къ принятію надлежащихъ мѣръ, для скорѣйшаго заключенія, которая эта власть желала сдѣ-

затѣ въ перемиріи 26 августа, если такіа измѣненія почтены будутъ нужными; пригласить временную центральную власть къ началію, въ скорѣйшемъ времени, переговоровъ о заключеніи мира. » Это рѣшеніе, которымъ исполнены нетерпѣливыя ожиданія сѣверной Германіи, понесшей большія потери отъ безполезной и несправедливой войны съ Данією, было принято во Франкфуртѣ съ негодованіемъ и злобою. Толпа, окружавшая церковь св. Павла, въ которой происходятъ засѣданія сейма, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, пришла въ бѣшенство; кинулась къ домамъ членовъ правой стороны, оглушила ихъ кошачьими серепадами, перебила стекла въ Hotel d'Angleterre, въ которомъ живутъ нѣкоторые изъ нихъ, и совершила еще многія другія безчинства. Шумъ и беспорядокъ возрастали непрерывно. Въ 11 часовъ ударили сборъ. Стоящій во Франкфуртѣ гессенскій баталіонъ и городоваѣ стража стали подъ ружье, и разогнали толпу. Въ часъ по полудни спокойствіе было восстановлено.

Главными виновниками мятежа и всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ бѣдствій были члены лѣвой стороны національнаго собранія, раздраженные тѣмъ, что противъ ихъ мнѣнія о непризнаніи перемирія съ Данією, оказалось большинство. Ихъ пособники и повѣренные созвали такъ называемое народное собраніе за городомъ, на лугу (Фингствейде); къ этой чернѣ присоединились всѣ негодяи изъ окрестныхъ городовъ и селъ. Цинцъ, Шлѣфель и другіе радикалы изъ членовъ національнаго собранія воспламенили бессмысленную и грубую чернь неистовыми словами рѣчами, увѣряя ихъ, что вся Германія погибнетъ, если уступятъ въ этомъ дѣлѣ. Они хотѣли окружить церковь св. Павла этою толпою, и принудить членовъ правой стороны выйти изъ собранія: что бы тогда послѣдовало, угадать не трудно. Между тѣмъ городскія начальства обратились къ имперскому министерству съ просьбою о защитѣ. Министерство немедленно исполнило это требованіе; призвало изъ Майнца достаточное число войскъ всякаго рода, и поставило ихъ передъ церковью св. Павла для охраненія національнаго собранія. Попытка воротаться въ церковь была остановлена имперскими войсками.

Утром востроено было множество баррикадъ. Въ четыре часа поудни, войска, оставивши свободными позакрытые засѣдальнѣ національнаго собранія, и другія, только что прабывшія, приступили къ атакѣ баррикадъ. Эти войска состояли подъ командою генерала *Нобили*.

Атака баррикадъ и борьба на улицахъ продолжалась до четырехъ часовъ. Въ это время имперскіе министры, по просьбѣ многихъ депутацій, объявили перемиріе на полчаса, чтобы дать инсургентамъ время разобрать баррикады; но какъ оиъ этого не сдѣлали, то атака началась снова; большія баррикады были разрушены пушечными выстрѣлами и взяты солдатами; нѣкоторые дома, изъ которыхъ стрѣляли по войскамъ, были взяты приступомъ, и къ ночи всѣ главныя улицы находились во власти войскъ. Последнія баррикады взяты ночью, 19 числа; утромъ весь городъ и Саксенгаузенское предмѣстіе заняты были войсками. Городъ объявленъ въ осажденъ положеніи.

Между жертвами, погибшими наканунѣ отъ рукъ мятежниковъ, находятся генералъ *фонъ-Ауэрсвальдъ* и князь *Лихновскій*. О несчастной смерти ихъ сообщаютъ слѣдующія подробности. Они выѣхали верхомъ за городъ по гангауской дорогѣ, чтобы посмотреть, действительно ли мятежники идутъ въ городъ; вдругъ ихъ окружила густая толпа вооруженныхъ, и стала въ нихъ стрѣлять; они ускакали, сошли съ лошадей и скрылись въ одномъ загородномъ домѣ. Злодѣи нашли ихъ тамъ и зѣвски умертвили. Генералъ *фонъ-Ауэрсвальдъ* палъ при первыхъ выстрѣлахъ. Князь *Лихновскій* долго защищался. Подробности этого злодѣяства такъ ужасны, что въ одной газетѣ говорятъ: «Во все продолженіе кровавой французской революціи не случалось ничего подобнаго.» Князь *Лихновскій*, передъ смертью, описалъ примѣты своихъ убійцъ и подписалъ свое духовное завѣщаніе. Князь *Феликсъ Лихновскій* происходилъ отъ одной изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ фамилій въ Германіи; онъ родомъ изъ Силезіи, и родился 5 апрѣля 1814 года. Сначала князь былъ въ прусской службѣ; потомъ поступилъ въ армію Донъ-Карлоса въ Испаніи и отличился тамъ храбростію и знаніемъ военнаго дѣла.

Онъ описалъ пребываніе свое въ Польшѣ; въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Erinnerungen aus dem Jahre 1837, 1838 und 1839*. Въ національномъ собраніи онъ пользовался общимъ уваженіемъ переданныхъ людей, по благородству своего образа мыслей, по своей правдивости и волеизъявленію откровенности и на то же время сдѣлался предметомъ ненависти демократамъ. Пришедшіе изъ Галау мятежники не узнали бы его, если бы ниъ его не узнали. Князь *Лихновскій* не былъ женою; а генералъ *фонъ-Ауэрсвальдъ*, человекъ почтенный, благородный, кроукий, оставилъ послѣ себя вдову и семерыхъ дѣтей.

Въ числа происходило торжественное погребеніе князя *Лихновскаго*, генерала *фонъ-Ауэрсвальда* и людей, убитыхъ въ сраженіяхъ съ мятежниками.

Journal des Débats, разсуждая вообще о франкфуртскомъ сеймѣ, говоритъ: «Съ сожалѣніемъ говоримъ, что требованія центральнаго франкфуртскаго сейма, какъ намъ кажется, ни чѣмъ не могутъ быть оправданы. Въ Германіи составила партія, которая помышляла на мысли о національномъ единствѣ и лишлась оттого значительной части здраваго смысла. Всякій докторъ и профессоръ германскаго права отыскиваетъ на картахъ и въ документахъ всѣ возможные обрывки нѣмецкой національности и протягиваетъ на нихъ руку. Когда идетъ дѣло о другихъ земляхъ, наприимѣръ объ Италіи, они отступаютъ отъ своего ученія объ единствѣ племени и языка, но лишь только кто подастъ видѣ, что хочетъ дотропнуться до Триеста, величайшіе демократы вступаютъ за императора австрійскаго. Теперь они готовы объявить войну Голландіи, чтобъ отнять у нее Лимбургъ, и этотъ вопросъ непременно возникнетъ за шлезвигскимъ. У поступленныихъ ревнителей германскаго единства, какъ говорится въ простомъ языкѣ, глаза больше брюха. Имъ бы слѣдовало подумать, что, въ нѣнѣншихъ обстоятельствахъ, не должно разрубать Гордіева узла мечемъ Александра, особенно когда у нихъ Александра не пмѣется. Надѣмся, что безтолковыя требованія франкфуртскаго сейма не нарушатъ мира въ Европѣ; но трудно, чтобъ они не разстроили его въ самой Германіи. Во второй разѣ дѣйствія прусскаго правительства, которое почти одно несло»

всѣ тяжести войны, подвергается осужденію власти, еще не устроенной правильно и не истинно признанной. Пруссія не захочетъ долже служить орудіемъ этой власти и подвергаться столкновенію съ союзниками Даниі. Швеція и Россія конечно не откажутъ королю датскому въ своей помощи, а что касается до вышшняго вопроса и до неприкосновенности датскихъ земель, то и Франція и Англія обязаны формальными трактатами, особенно 1720 г. Всѣ эти обстоятельства должны бы были имѣть какое-нибудь вліяніе на рѣшеніе франкфуртскаго сейма. Профессоры единства облекли чувство, само по себѣ достойное уваженія, во всю строгость вѣнецкой философской системы, но къ несчастію, эта система не исполнима. Натягивая до послѣдней крайности узы централизаціи, они наконецъ разорвутъ ихъ и тѣмъ совершенно разстроитъ свое дѣло.»

И въ самой Германіи возникаютъ голоса противъ этихъ нелѣпыхъ притязаній, въ карlsruэской газетѣ пишутъ.... «Одно изъ двухъ: или должно признать національность въ Италіи, или не говорить о ней въ Шлезвигѣ. Въ Италіи мы не хотимъ слышать о правѣ національности, потому-что въ этомъ заключается наша выгода. Въ Италіи мы говоримъ: тамъ сражается Австрія съ Карломъ-Альбертомъ; какая намъ до того нужда? Въ Шлезвигѣ мы вступаемся за герцогства противъ Даниі, потому-что видимъ въ этомъ свою пользу. Въ Познанн мы не признаемъ вѣнскихъ трактатовъ и національности; въ Липбургѣ ссылаемся на эти трактаты и на національность. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствуемъ мы не по справедливости, а по внушенію своекорыстія. Удивительно ли, послѣ этого, что другіе народы смѣются надъ нашею справедливостью и умѣренностью!»

Газета Presse также разсуждаетъ о германскомъ единствѣ. «Франкфуртская центральная власть, говоритъ эта газета, не признаетъ за германскими правительствами права созывать законодательныя собранія, разсуждать о законахъ, не издаваемыхъ центральною властію, располагать войскамъ безъ согласія правителя. Она требуетъ сверхъ того, чтобы частная дипломатія федеративныхъ государствъ совершенно подчинялась дипломатіи франкфуртской центральной власти.

«Однимъ почеркомъ пера Франкфуртское собраніе и его правительство хотятъ сдѣлать изъ короля прусскаго, императора австрійскаго и другихъ германскихъ государей, простыхъ наследственныхъ префектовъ, въ случаѣ ихъ повиновенія, и избирательныхъ, въ случаѣ неповиновенія.

«Извѣстно, что партія единства Германіи имѣетъ много приверженцевъ во всѣхъ германскихъ государствахъ и во всѣхъ классахъ общества. Большая часть дворянства предана ей душою и тѣломъ. Рыцари Рейна, Изера, Эльбы и Дуная мечтали уже о празднествахъ императора Фридриха II. Въ особенности рейнская провинція открыто объявляютъ за герцога противъ короля прусскаго. Между-тѣмъ все это только грезы.

«По мѣрѣ того какъ партія единства подвигается впередъ, она вступаетъ на такой безвыходный путь, съ котораго ей нельзя сойти иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ.

«Германскіе государи не противятся единству Германіи, но они требуютъ федеративнаго единства и внутренняго самодержавія. Ихъ не только поддерживаетъ большая часть ихъ, подданныхъ, но на ихъ сторонѣ обычай и преданія многихъ вѣковъ.

«Между-тѣмъ какъ Франкфуртское собраніе предписываетъ законы Пруссіи и Австріи, Саксонія отвергаетъ конституцію того же собранія; вюртембергскій король созываетъ свои палаты, вовсе не заботясь о мнѣніи Франкфуртскаго собранія объ этомъ созваніи.

«Берлинское національное собраніе предлагаетъ и принимаетъ законъ о клубахъ и обществахъ, а баварская палата отвергаетъ всякіе клубы, не смотря на допущеніе ихъ со стороны Франкфуртскаго собранія. Австрія и знать не хочетъ объ основныхъ Франкфуртскихъ законахъ. Это хаосъ, начинающійся съ Кіа и оканчивающійся въ Пестѣ, и все это во имя единства.

«Справедливо, что военный министръ правительства опредѣлилъ усилить германскую армію до 900,000 чел.

«Справедливо, что въ совѣтѣ правительства серьезно думаютъ о

томъ, какъ бы разнѣ неопытнѣ со всѣми дружинами, саксонскими, баварскими и ганноверскими реакционерами, даже думаютъ употребить и силу: но спрашивается, на какою же вооруженную силу франкфуртская центральная власть можетъ возложить свои упования? Конечно, германскія арміи присягали правительству, но присягали только въ отношеніи къ иностраннымъ врагамъ. Дѣло другое—врагъ внутренній.

«Войско не желаетъ абсолютнаго единства. У него есть своя исторія, свои преданія, свои обычаи, свой патриотизмъ. Оно приметъ тридцатиты знамена во вѣннской войнѣ, но не вооружится противъ своихъ правительствъ. Такимъ образомъ абсолютное германское единство есть и будетъ совершенною химерою, если только не породитъ гражданскую войну.»

Съ безпокойствами, происшедшими въ Франкфуртѣ, нѣтъ тѣсной связи покушеніе буйныхъ бродягъ противъ великаго герцогства Баденскаго. Нѣкто *Струве*, узнавъ о признаніи франкфуртскимъ сеймомъ перемирія, пригласилъ въ Оберландѣ, Шварцвальдѣ и другихъ южныхъ баденскихъ округахъ, всѣхъ жителей способныхъ носить оружіе, т. е. имѣющихъ отъ 17-ти до 50-ти лѣтъ, двинуться на Франкфуртъ. Кто противился, того на мѣстѣ разстрѣливали. До селѣ подвиги *Струве* ограничивались грабежемъ казенныхъ денегъ. Его такъ называемая республиканская армія состоитъ изъ нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ и швейцарскихъ бродягъ.

— Въ слѣдствіе извѣстія, о вторженіи въ Баденскую область этого корпуса волонтеровъ и о быстромъ его движеніи до Шпингена, временное центральное управленіе приняло тотчасъ же мѣры въ оборонѣ угрожаемаго пункта Германіи, и деутать графъ *Густавъ фонъ-Келлеръ* назначенъ имперскимъ комиссаромъ для всей юго-западной линіи союзныхъ областей съ неограниченнымъ полномочіемъ. Уже въ полдень 23 сентября отправлены были, по желѣзной Майнъ-Некарской дорогѣ одинъ прусскій и два гессенъ-дармштадскіе пѣхотные баталіона въ Баденъ.

Но новѣйшими извѣстіями близъ Штаусена произошло

упорное сраженіе между италежниками и посланными противъ нихъ войсками. Италежники были совершенно разбиты и окружены: они принуждены были сдаться.

А В С Т Р И Я.

Въ Вѣнѣ вопросы религіозные присоединились къ другимъ, и еще усилили безпорядокъ и броженіе умовъ. Знаменитый *Роние*, этотъ новый Лютеръ, еще болѣе волнуетъ умы, чѣмъ самые отчаянные демагоги. Это замѣчательный феноменъ въ такой религіозной странѣ, какова Австрія.

Въ слѣдствіе послѣднихъ безпорядковъ, министерство издало прокламацію, которою всякія сходбища на улицахъ и площадяхъ запрещаются подъ опасеніемъ строгихъ наказаній; отцамъ семействъ и хозяевамъ поставляется въ обязанность наблюдать, чтобы ихъ домашніе и работники не выходили поздно вечеромъ и по ночамъ изъ дому.

— Въ засѣданіи учредительнаго собранія, 13 сентября, баронъ *фонъ-Вессенбергъ*, отвѣчая на вопросъ одного изъ членовъ объ италіянскихъ дѣлахъ, объявилъ, что министерство употребитъ всѣ усилія для того, чтобы при рѣшеніи этого вопроса не нарушить чести и достоинства имперіи и сохранить ея выгоды; что о переговорахъ нельзя дѣлать никакихъ сообщеній, пока эти переговоры продолжаются, но что посредничество Англии и Франціи принято; что министерство рѣшилось употребить всѣ возможныя усилія для того, чтобы не прибѣгать къ оружію, сохраняя между-тѣмъ честь и національность; что князь *Шварценбергъ* уполномоченъ для производства переговоровъ по италіянскимъ дѣламъ; что кровныя } связи, соединяющія Парму и Модену съ царствующею въ Австріи династіею, требуютъ, чтобы послѣдняя оказала имъ свое содѣйствіе.

— По вѣстиямъ изъ Милана, отъ 19 числа, тамъ официально сообщено, что перемиріе, окончившееся 21 сентября продолжено еще на двадцать дней съ согласія посредничающаго державы.

— Въ Constitutionnel напечатано: «Правительства Франціи, Англіи и Австріи согласились оставить Венецію въ теперешнемъ ея положеніи, то-есть чтобы въ ней не было австрійскаго гарнизона. Такимъ образомъ, перемиріе распространено будетъ на всю Италію.

ВЕНГРІЯ.

Война, завязавшаяся между Венгерцами и Кроатами, приняла оборотъ, очень невыгодный для Венгріи. Кроатскій банъ *Теллахичъ* съ своими войсками разбилъ Венгерцевъ 28 и 29 августа, близъ римскихъ укрѣпленій. 11 сентября кроатско-славянская армія перешла черезъ Драву, и безъ сопротивленія заняла нѣсколько городовъ. Пестъ и Офенъ приводятся въ оборонительное положеніе. Всѣ готовятся дать сильный отпоръ бану *Теллахичу*, который впрочемъ безпрепятственно продолжаетъ подвигаться къ внутреннимъ областямъ Венгріи. Генералъ графъ *Адамъ Телеки* покорился со своими войсками бану *Теллахичу*. Императоръ, рескриптомъ на ния эрцъ-герцога палатина, приглашаетъ въ Вѣну нѣкоторыхъ членовъ венгерскаго министерства, для новыхъ переговоровъ съ баномъ *Теллахичемъ* о прекращеніи междоусобной войны Кроатовъ съ Венгерцами.

Въ Presse пишутъ: «Венгрія, страна аристократіи, фанатронитъ предъ Австріею и притѣсняетъ народы, ей подчиненные. Безпрестанно угрожала она Австріи отпаденіемъ отъ нея и провозглашеніемъ республики, присоединеніемъ своимъ къ франкфуртскому сейму и даже къ Франціи. Еще недавно выдала она на 60 милліоновъ бумажныхъ денегъ, безъ согласія Австріи, и переѣхала законъ о рекрутскомъ наборѣ въ свою пользу и во вредъ несчастнымъ Кроатамъ, тѣснимымъ ею. Вдругъ эти Кроаты возстали и двинулись впередъ. Венгерцы, завидѣвъ ихъ на полѣ сраженія, обратились въ бѣгство до Вѣны и стали просить оскорбленнаго ими императора о помо-

щи противу его друзей. Австрійское правительство не станет поддерживать венгерской аристократіи противъ Кроатовъ. Послѣдніе хотятъ повиноваться Австріи, а Венгерцы хотятъ владычествовать надъ ними, чтобъ саміи освободиться отъ Австріи. Угроза Венгерцевъ, что они отложатся отъ Австріи, становится теперь смѣшною. Побѣда надъ Вейграми усилитъ Австрію.»

— *Иеллахицъ* обнарудовалъ двѣ прокламаціи: одну къ венгерскому народу, другую къ арміи. Въ обѣихъ онъ опровергаетъ всякое обвиненіе въ измѣнѣ императору и монархіи, и объявляетъ, напротивъ, что вступаетъ съ оружіемъ въ рукахъ на венгерскую землю для собственныхъ выгодъ Венгрии, особенно же всей имперіи, въ слѣдствіе непрерывныхъ вызововъ, оскорбленій и нападокъ партіи, которая, подъ личиною вѣрности, имѣетъ цѣлю униженіе величества короны и расторженіе узъ, соединяющихъ въ теченіе вѣковъ различные народы съ имперією австрійскою. «Товарищи! восклицаетъ банъ: не смотрите на насъ, какъ на враговъ! Въ нашихъ рядахъ развѣваются знамена Австріи, и двуглавый орелъ никогда не будетъ знакомъ натежа и измѣны. Мы распустили свои знамена не для одной собственной нашей пользы, но и для поддержанія нарушенныхъ правъ нашего возлюбленнаго монарха. Солдаты австрійской арміи, къ которой и мы принадлежимъ и гордимся тѣмъ! вы не обратите оружія вашего на братьевъ, готовыхъ пролить кровь свою за нашего императора, и за права его, которыми ограждаются наши собственные.» Въ одномъ манифестѣ своемъ банъ излагаетъ происшествія, причинившія разрывъ Кроатовъ и Венгровъ, слѣдующимъ образомъ: «Послѣ происшествій, случившихся въ мартѣ, говоритъ онъ, горделивая и своекорыстная партія, воспользовавшись смятеніемъ, восторгла у всемогущѣйшаго нашего монарха подтвержденіе правъ ея одной, племени Маджаровъ, между-тѣмъ, какъ другіе народы, принадлежащіе также къ венгерской коронѣ, были осуждены на порабощеніе и угнетеніе. Эта партія нашла средства, составленіемъ особаго министерства, расторгнуть союзъ съ австрійскою монархією, утвер-

жденный прагматическимъ постановленіемъ, за народомъ, составляющимъ Венгерское королевство. — Далагая жалобы слѣдственно на венгерское правительство, багъ почелъ отъ напрасныя усилія, употребленныя имъ въ Вѣнѣ для мирнаго рѣшенія этого вопроса. Онъ объявляетъ, что послѣ отказа президента венгерскаго министерства на всѣ его предложенія, онъ хотѣлъ дождаться рѣшенія пестскаго сейма для утвержденія мира, но что до настоящаго времени этотъ вопросъ, важный не для одной Венгріи, но и для всей австрійской монархіи, не былъ даже предложенъ на обсужденіе, и что, напротивъ, венгерское министерство навадаетъ на кроатскій народъ всѣми средствами, прямыми и косвенными. Багъ замечаетъ слѣдующими словами: «Мы хотимъ, чтобъ Австрія была единодушна, сильна и свободна, и чтобъ въ ней были общія министерства военное, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ; хотимъ сохраненія всѣхъ народностей, зависящихъ отъ королевы венгерской, какъ обѣщавъ всѣмъ народамъ нашъ всемилостивѣйшій государь. Мы не хотимъ отдѣляться отъ соплеменниковъ и одноязычныхъ съ нами братій, Сербовъ венгерскихъ, а такъ какъ венгерское министерство отвергаетъ всѣ эти справедливыя требованія и настаиваетъ на отдѣльности, которая можетъ причинить паденіе вашей прекрасной монархіи, то честь и долгъ призываютъ насъ къ оружію и повелеваютъ намъ жертвовать имуществомъ и кровью для поддержанія нашихъ правъ и нашего святаго дѣла. Да сохранитъ Богъ нашего законнаго императора и короля Фердинанда!»

ЦЕРКОВНАЯ ОБЛАСТЬ.

Палата депутатовъ приняла проэктъ закона, которымъ, начиная съ 5 іюня, Евреи, живущіе въ Церковной Области, пользуются всѣми гражданскими правами папскихъ подданныхъ.

ЕЩЕ ОНІА.

Неаполитанскій король рѣшился возвратитъ свои права въ

Сидлиѣи, вооруженною рукою. 30 августа были отправлены туда войска изъ Неаполитанскаго королевства, и, 1 сентября, венецянская эскадра, состоящая изъ 20 паровыхъ судовъ, двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ канонерскихъ шлюпокъ, бросила якорь на южной сторонѣ Мессины, подъ защитою крепостныхъ батарей. Дѣйствительная атака началась не прежде 3 числа. Около 500 Швейцарцевъ, высаженных на берегъ, овладѣли небольшою редутою, при входѣ въ городъ, но должны были отступить, потерявъ около 60 чел. убитыми. Отступление происходило впрочемъ въ совершенномъ порядкѣ. Въ это время энтузіазмъ Мессинцевъ сдѣлался безграничнымъ: побѣдные крики долетали до рейда. Многіе начальники прибыли на французскій корабль *Hercule* и восторженность ихъ заставляла предполагать, что завяжется страшная борьба. 6 числа канонада была самая сильная; изъ цитадели не переставали бросать въ городъ бомбы, дѣлавшія жестокія опустошенія. Восторженность Мессинцевъ утихла и они начали уже приходить въ уныніе; вечеромъ на англійскихъ и французскихъ военныхъ судахъ было уже много убѣжавшихъ изъ города. 7 числа предложена была капитуляція. Капитанъ *Hone*, командиръ корабля «*Hercule*» и г. *Рубъ*, командиръ англійскаго пароваго фрегата «*Bulldog*» предложили свое посредничество; но усилія ихъ не имѣли успѣха: на минуту прекращенная пальба началась съ новой силою; армія была высажена на берегъ, а суда отправились въ портъ на помощь ей. Нѣсколько минутъ спустя, Неаполитанцы были уже въ Мессинѣ и безъ выстрѣла овладѣли всѣми фортами. 8 числа все успокоилось; вездѣ видно было уныніе и опустошеніе; многіе городскіе кварталы горѣли. Болѣе десяти тысячъ человекъ всякаго возраста и пола искали убѣжища на кораблѣ «*Hercule*» и на фрегатахъ «*Panama*» и «*Bulldog*». Многія семейства отправились во внутренность острова.

«Перо отказывается, писать вице-адмиралъ *Боденъ*, объ описаніи всѣхъ жестокостей, совершенныхъ обѣими сторонами; между прочимъ Сидлиѣицы австрійски умертвили 60 швейцарскихъ и неаполитанскихъ пѣшихъ.»

— Изъ Палермо пишутъ, что 31 июля, въ день св. Игнатія, парламентъ запретилъ орденъ іезуитовъ и всѣ монашескіе ордена, состоящіе въ связяхъ съ нѣмъ. Монахамъ этихъ орденовъ приказано выѣхать изъ Сициліи, если они не Сицилійцы; послѣдніе будутъ волучать небольшую пенсію, если откажутся отъ своего званія и останутся жить въ Сициліи.

— По письмамъ изъ Туринна, герцогъ генуезскій, второй сынъ короля Карла-Альберта, отказался отъ короны, предложенной ему Сицилійцами.

ПОРТУГАЛІЯ.

Извѣстія изъ Португаліи простираются до 19-го августа. Королева закрыла 15-го числа засѣданія кортесовъ тронною рѣчью, въ которой выразила имъ свое удовольствіе за то, что не смотря на чрезвычайныя политическія событія въ Европѣ, общественное спокойствіе не было ни мало нарушено въ Португаліи, и правительство не было принуждено ни къ какимъ строгимъ мѣрамъ. На время распушенія кортесовъ, она приглашаетъ ихъ стараться о внушеніи народу привязанности къ существующимъ законамъ, чтобы предохранить его отъ губельнаго вліянія нынѣшнихъ идей. Дѣйствительно, во всемъ государствѣ господствуетъ теперь совершенное спокойствіе.

ЕГИПЕТЪ.

По приглашенію порты, *Ибраимъ-паша*, сынъ египетскаго намістника Мегемета-Али, ѣздилъ недавно въ Константинополь. Онъ сошелъ на берегъ 1²/₁, ч. августа и занялъ приготовленный для него дворецъ, близъ чераганскаго. Въ тотъ же день онъ принять былъ, въ аудіенціи, султаномъ въ чераганскомъ дворцѣ. Прибытіе его въ Константинополь имѣло цѣлью устройство управленія въ Египтѣ. За нѣсколько времени, египетскій намістникъ *Мегеметъ-Али* вынужденъ былъ, по состоянію сво-

его здоровья, сдать управление *Ибраиму-паша*, которому принадлежит оно, по наследственному праву, на основании договора 1840 г.; нынѣ это замѣщеніе правителя Египта утверждено портою. 1 сентября (20 авг. ст. ст.) *Ибраимъ-паша* былъ представленъ въ чериговскій дворецъ и тамъ торжественно обмолоченъ былъ въ званіе *египетскаго намістника*, съ сдѣланъ визиря, при чемъ его величество вручилъ ему свой портретъ, осыпавшии брилліантами, и знаки новаго его достоинства, и весьма долго бесѣдовалъ съ нимъ.

К н т а ъ.

Извѣстія изъ Китая, полученныя съ послѣдней почтою, доходятъ до 23 іюля. Англійская политика много измѣнилась и вѣсто того, чтобы настаивать на своихъ требованіяхъ, которыя могли повести къ новой войнѣ, она дѣлаетъ важныя уступки, лишь бы только сохранить миръ съ Средннею имперією. Это есть слѣдствіе финансовыхъ затрудненій Англии и опасностей, грозящихъ ей какъ изнутри, такъ и извнѣ, со стороны европейской войны. Всѣ неудовольствія, тяготѣвшія надъ китайскимъ правительствомъ, забыты въ эту минуту. Министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило дѣло шести убійствъ, совершенныхъ въ декабрѣ прошлаго года, въ томъ смыслѣ, что Англичане сами виноваты въ этомъ, потому что неблагоразумны и неумѣстно горды. Подобная депеша, полученная въ то самое время, какъ ожидали вооруженнаго отмщенія, привела въ уныніе Англичанъ, усиливъ въ то же время дерзость Китайцевъ. Консулъ, находящійся въ Кантонѣ, первый почувствовалъ на себѣ слѣдствія переменъ политики, потому что когда онъ хотѣлъ подняться по рѣкѣ въ лодкахъ, въ разстояніи одной мили отъ факторій, деревенскіе жители объявили ему, что если онъ будетъ продолжать путь, то ему не снести головы. Само собою разумѣется, что г. *Эльсми* не сталъ ожидать исполненія угрозъ и поспѣшилъ назадъ.

О Т А Н Т Ы.

Съ острововъ Товарищества получено извѣстіе, что 1 марта королева Помаре открыла ошантское законодательное собраніе рѣчью, въ которой объявила, что волиѣ и съ благодарностію принимаетъ французское протекторство.

=

Русская Словесность.

МОЯ КРАСАВИЦА.

Кудри вьются, словно змѣйки,
Кудри тонкіе, какъ ленъ,
И къ атласу бѣлой шейки
Прилегли со всѣхъ сторонъ.
Бриллиантовые глазки
Мглою рѣсницъ осѣнены;
Губки — сладость, диво, сказки!
Губки — первый цвѣтъ весны!
Ихъ улыбка—радость утра!
Улыбнись же и открой
Рядъ зубковъ изъ перламутра...
Ты не хочешь!... Богъ съ тобой!
Такъ на что жъ твои ланиты
Пышной розою горять?
Такъ на что жъ полузакрыты
Перси нѣгою дышать?
Такъ на что жъ ты завиваешь.

Стая твоѣй легонькѣй въ корсетъ?
 И китайской ножки слѣдъ
 Въ туфлю-крошку обуваешь?
 Рѣчь дѣтскою твоей
 Ты зачѣмъ тоску наводишь?
 Ты зачѣмъ, какъ лебедь, ходишь?
 И зачѣмъ ты всѣхъ милѣй?...
 Видѣ кудравенькой головкѣ
 Не подл-стать степенной быть!
 И процессору-ль въ шауровкѣ
 Новѣ аскетичѣй учить?

Подари жъ мена улыбкой,
 Подари!... ну, хоть шута!
 Ну, раскѣйся хоть ошибкой!
 Ты смѣешься?... о дитя!

Вз. Мронинъ.

МИНУТНОЕ ЗАБЛУЖДЕНІЕ.

Когда твоѣй милый взоръ, любовью и тоской
 Исполненный, случайно я встрѣчаю, —
 Стихаетъ буре музъ души моеѣ большой,
 И на мгновеніе а сердцемъ воскресаю!
 О! вѣрится тогда, и сладко сердцу вѣрится,
 Что радости свои не всѣ а схоронилъ,
 Что вновь могу любить, могу еще намѣрять.
 Въ борьбѣ съ судьбой, остатокъ юныхъ силъ.
 Коварный сонъ! обманчивыя грезы!
 Души больноѣй безумный бредъ!
 Вы отдали на мигъ мнѣ жизнь и слезы,

И гирю гордыхъ, живыхъ лѣтъ;
 Но нѣтъ души — а сердце съоблаженно,
 И вочь души ташей, ташей,
 И боль сердечная развѣ живей,
 И даше вѣра въ нежданное!

В. Жалнинковъ.

СОРОКОВАЯ НЕВѢСТА.

(Идиллія.)

Слобода надъ Волгою рѣкой —
 Хатъ красивыхъ ровныхъ, длинныхъ строй.
 Изо всѣхъ нарядна и богата —
 Вотъ, съ рѣзбой узорчатою, хата,
 Въ три окна, съ козелками конекъ,
 И надъ ними флюгеръ-вѣтушка.
 Заверни въ тесовыя ворота:
 Всѣ строения вогнической работы!
 Дворъ широкъ; съ перилами крыльцо.
 Для гостей приѣтное слово
 У хозяина — такъ помахай въ хату —
 И ты входишь въ свѣтлую палату!
 Образъ есть, въ окладѣ дорогомъ;
 Есть картинки пестрыя кругомъ,
 Щегольство, урядство городское!
 Съ вилочникомъ зеркало большое;
 Въ хатѣ утварь вельчская есть,
 И всего добра не перечесть!
 Кто хозяинъ? Молодецъ пригожий

Изю всей удагой молодежи!
 Вразомъ претокъ, прость, жечь и богатъ!
 Въ околоткѣ перый онъ смачъ;
 Ребятишекъ по головкѣ гладить;
 Кулакомъ, въ глѣу, съ медвѣдомъ сланитъ!
 Гдѣ жъ его хозяйка? Не видать!
 Есть сестра — вдова, старуха — мать,
 Да еще такія же двѣ тегид;
 Видно нѣтъ хозяйши-молодки!

Позади хоромъ развелъ онъ садъ;
 Разсадилъ зеленый виноградъ.
 Яблоня, подъ бѣлой пеленою,
 Тамъ, спрячь невѣстой подъ чагомъ;
 Хмѣль вокругъ тычвини обвился,
 Слово мужъ съ женою обился.
 По дорожкѣ тамъ, за голубицей
 Голубь, будто парень за дѣвицей.
 На деревьяхъ птичій хороводъ
 Веселится, пляшетъ и поетъ,
 Разыгрался — свалебку играетъ!
 Бѣлый кроликъ втайнѣ отдыхаетъ
 Съ кролицей, подъ сѣною куста,
 Будто новобрачная чета!
 Видно, все, что дышитъ, то и любить:
 Всякъ свою голубушку голубить
 И, во брачномъ гнѣздышкѣ, отъ ней
 Видитъ ласки, радость и дѣтей...
 Времячко съ безвременьемъ проходитъ;
 Но весна-злодѣйка, та наводитъ
 Такъ и драмо на сердце печаль.
 Времени пропущеннаго жаль!

Холостъ добрый молодецъ покуда...
 Это чудо! Вотъ разгадка чуда:
 Молодецъ скитался тамъ и сямъ,
 Наживалъ казны по городамъ,
 Чтобъ себѣ упрочить вѣкъ безпечный.
 Нажилъ денегъ, прожилъ пылъ сердечный,
 Что волнуетъ въ молодости кровь —
 Прожилъ вчужь первую любовь!
 Возвратился. За мужемъ дѣвицы

Стихотвореніа.

Прежнихъ дѣтъ... неволей доживаю
Тѣ, что прежде игривали съ ниною.
Подросли другія; но къ дружины
Не привыкнуть; аѣтъ того, что было...
Отгуляло сердце, отлюбило!
Красотой дѣвичьей красенъ свѣтъ,
Но къ вѣнцу прилуки аѣтъ, какъ нѣтъ!
Знать, закрылось въ сердце недовѣрье!
Правда, часто носить лицемѣрье
Образъ чести дѣвичьей—но есть
Въ деревняхъ и искренность и честь!

Недовольна матушка родная:

«Эхъ, сыночекъ! Къ добру-ли жизнь такая?
Ты женись-ка, дватятно, женись
И, какъ всѣ, семьей обзаведись!»
— Я не прочь, родная! Въ самомъ дѣлѣ,
Тридцать девять любушекъ доселѣ
Приходили молодцу въ любовь,
Такъ, что въ сердцѣ сказывалась кровь!
Суженую Богомъ, роковую
Надо бы найдти—*сороковую!*
Чтобъ была и красная краса,
Чтобъ была и русая коса;
Нравъ ея, чтобъ кроткій, голубиный,
Голосъ чтобъ былъ звонкій, соловьиный,
Чтобъ лицемъ и грудію полна,
И, какъ лебедь бѣлая, стройна —
Чтобъ была чувствительна, любовна,
Чтобъ была послушна и пословна,
Чтобъ вѣрна, какъ горлица, была,
Чтобы сущимъ ангеломъ слыла! —

Мать въ отвѣтъ: «Разборчивъ ты, какъ кулички!

Видно самъ не женишься, голубчикъ!
Въ лишней волѣ сердцу не любить —
Такъ прійдется молодца осужить!»
— Да, мою судьбу, мое сомнѣнье
Подъ началъ воемъ, въ познновенье!

Синимаринія.

Правда: воля лишній арена,
И лебедя — лучшая жена!
Будь и мнѣ она — сурожка...
Такъ освѣтятся, мои родня!

Баронъ Розень.

РѢШИТЕЛЬНЫЙ И НЕРѢШИТЕЛЬНЫЙ.

ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ, ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

(Продолженіе).

—

V.

Мы оставили, въ началѣ сентября, Вельскаго, Нѣнца и Венямина въ съезжемъ домѣ. Не подумайте, что они прослѣди въ немъ цѣлый мѣсяцъ, до выхода нынѣшней октябрьской книги Сына Отечества. Мы получили давно уже объ нихъ самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія, что всѣ три дѣйствующія лица трагикомедіи, разыгранной на Крестовскомъ островѣ, были выпущены на другой же день, послѣ своего заключенія. О Вельскомъ и Веняминѣ посланы были къ ихъ начальствамъ подробныя увѣдомленія.

Въ тотъ самый день, когда Валеріанъ Александровичъ, собираясь къ своей невѣстѣ, очутился, противъ воли, на Крестовскомъ островѣ, любовался большимъ восхожденіемъ по канату и замѣшался въ непріятную исторію, Надежда Яковлевна была необыкновенно задумчива и печальна. Сердце ея

страдало и какъ будто предчувствовало грозу, которая должна была разразиться. Она ждала своего жениха съ нетерпѣнiемъ, но онъ не прiѣхалъ, и бѣдная дѣвушка перестала уже сомнѣваться въ своемъ предчувствiи: оно обратилось въ увѣренность.

Утромъ слѣдующаго дня, съ Надеждой Яковлевной произошла большая переменна. Ея лицо, на которомъ игралъ всегда румянецъ, было блѣдно и разстроено. Марѳа Абрамовна, увидѣвъ дочь свою, сейчасъ замѣтила въ ней эту переменну и спросила съ безпокойствомъ:

— Чтѣ съ тобою, мой другъ? ты, вѣрно, нездорова?

— Ничего-съ, маменька! Я здорова!

— А отчего же лицо, у тебя, такое нехорошее, блѣдное, и глаза невеселые. Покажи языкъ. И языкъ нехорошъ, совсемъ бѣлый! прибавила Марѳа Абрамовна, когда приказанiе ея было исполнено. Нѣтъ, надо послать за докторомъ.

— Успокойтесь, пожалуйста, маменька! Докторъ мнѣ не нуженъ. Увѣрю васъ, что я здорова. Я только худо спала ночь.

— А оттого и худо, что тебѣ не здорвится.

— Нѣтъ-съ, мнѣ не спалось потому, что я думала о Валерiанѣ. Онъ обещалъ вчера у насъ быть, но не прiѣхалъ, и мнѣ все казалось: не случилось ли съ нимъ....

— Ахъ, какая ты мнительная! Не стыдно ли тебѣ! Женихъ не прiѣхалъ, такъ сейчасъ и закручинилась, и сна нѣтъ, и вообразила, что уже не увидишь его. Не бойся, вчера не былъ, такъ прикатитъ сегодня. Пройдемся-ка по саду: воздухъ тебя освѣжитъ.

Послѣ этихъ словъ, Марѳа Абрамовна, вмѣстѣ съ дочерью, вышла на балконъ, спустилась въ садъ и пошла по дорожкѣ.

— Дойдемъ-ка до рѣшетки и взглянемъ на улицу, сказала Марѳа Абрамовна: авось увидимъ твоего жениха.

Мать и дочь подошли къ рѣшеткѣ сада, но, вмѣсто Веньямина, увидѣли двухъ Чухонекъ, изъ которыхъ одна была старуха, а другая по наружности имѣла не болѣе двадцати

дагъ. Чухонки подошли къ рѣшеткѣ, и старуха проговорила:

— Помогай невѣсть!

Два эти слова, произнесенныя твердымъ голосомъ, выражали скорѣе приказъ, нежели просьбу.

— Ступайте, ступайте: ужъ разъ двадцать вамъ помогали, отвѣчала Марѳа Абрамовна, махнувъ платкомъ.

Между-тѣмъ Надежда Яковлевна, опустивъ проворно руку въ карманъ атласнаго своего передника, вынула серебряную монету, какая нашлась, и отдала ее Чухонкѣ.

— Что такъ много подала, воскликнула Марѳа Абрамовна: гривенъ было бы довольно.

— Ахъ, маменька! отвѣчала Надежда Яковлевна: вѣдь она невѣста, ей нужны деньги. Потомъ вдохнувъ, продолжала: Вѣроятно женихъ ея видится съ нею часто, а я ужъ третій день не вижу Валеріана. Если онъ и сегодня не придетъ, такъ надо....

— Заладила: не придетъ, да не придетъ. Ты, престо, шалишь, маменька. Валеріанъ Александровичъ конечно извѣстилъ бы давно, если бы съ нимъ случилось что-нибудь.

— А можно ли вѣрить снамъ? спросила Надежда Яковлевна?

— Что такое ты говоришь?

— Я васъ спрашиваю, маменька, можно ли вѣрить снамъ?

— А за чѣмъ тебѣ это знать? Ну, хорошимъ сномъ должно вѣрить, а дурнымъ никогда не вѣрь, отвѣчала Марѳа Абрамовна.

— Сегодня снился мнѣ сонъ, который я никакъ не могу забыть.

— А что такое тебѣ снилось? Расскажи. Дойдемъ только до скамейки и сядемъ: я что-то устала.

— Я видѣла во снѣ, начала Надежда Яковлевна, садясь на скамейку, подлѣ Марѳы Абрамовны: что я прогуливалась по высокой горѣ съ Валеріаномъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ такою любовью и говорилъ съ жаромъ о будущемъ нашемъ счастьи; каждое слово его доходило до моего сердца. Онъ цѣловалъ мою руку, и какъ только произнесъ слова: «Мы

будущаго счастья, Надежка», отступая и полетая съ горы въ пропасть. Я хотѣла броситься за нимъ, но вы вдругъ явились и меня удержали. Я начала плакать. Вдругъ вижу, что Заблякова тащить Валеріана изъ пропасти, схватить его за воротникъ. Потомъ...

— Твой сонъ вотъ что предвѣщаетъ, прервала рассказницу Марѳа Абрамовна: Валеріанъ Александровичъ придетъ къ намъ сегодня съ Забляковыми, который насъ совсѣмъ заблѣлъ. Мы отправимся вчетверемъ гулять, въ большой садъ, а чтобы твой женихъ не уналъ съ горы, мы будемъ ходить по ровному мѣсту. Посмеюри-ка, Надежка, вправо: кто это идетъ по дорожкѣ, спросила Марѳа Абрамовна. Глаза-то мои стали слабы. Ужъ не Валеріанъ ли Александровичъ?

— Нѣтъ-съ это не онъ, а Алексѣй Ивановичъ.

— Ахъ, Алексѣй Ивановичъ! Какъ я ему рада, воскликнула Марѳа Абрамовна, вставъ со скамейки.

Позвольте сказать нѣсколько словъ объ Алексѣѣ Ивановичѣ Добрыньскомъ. Фортуна не выбрала его въ свои баловни, но смотри на то, что онъ былъ добрый и способный человекъ, и строгій исполнителъ своихъ обязанностей. Долговременною, ревностною службою своею на обширнѣйшемъ гражданскомъ добился онъ только до мѣста экзекутора, въ томъ департаментѣ, гдѣ служилъ Веньяминовъ. Но Алексѣй Ивановичъ никогда не жаловался на судьбу свою; напротивъ, онъ считалъ себя человекомъ счастливымъ: вероятно потому, что умѣлъ ограничивать свои желанія.

— Здравствуйте, любезнѣйшій Алексѣй Ивановичъ, сказала ему Марѳа Абрамовна въ то время, какъ онъ подходилъ къ рукъ ея и готовился получить жаркій поцѣлуй въ щеку. Накопецъ-то веномили насъ, грѣшныхъ. А мы думали, что вы совсѣмъ насъ разлюбили. Не угодно ли садиться на скамейку.

— Прощайте, Марѳа Абрамовна, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ, за что такая напраслива. Я васъ всегда любилъ и уважалъ, и конечно давно бы побывалъ у васъ, если бы не помышала мнѣ болѣзнь жены моей, да еще другое, большое несчастье, которое....

— Вы нугаете насъ, Алексѣй Ивановичъ, требовала его Марѳа Абрамовна. Что отъ вами случилось?

— Я и мои сослуживцы, мы потеряли нашего умнаго, благороднаго и милостиваго начальника!

— Какъ! еще ушоръ! воскликнула въ одно время Марѳа Абрамовна и ея дочь.

— На прошлой недѣль.

— Не потеряетъ ли мѣста Валеріанъ Александровичъ отъ перемены начальника? спросила Алексѣя Ивановича Марѳа Абрамовна. Потомъ, обратясь къ дочери, сказала ей на ухо: прихвати-ка, Надежда, подать закусу.

Надежда Яковлевна встала со скамейки и пошла исполнить приказаніе матери, но самымъ тихимъ шагомъ, желая услышать отвѣтъ Алексѣя Ивановича.

— Отчего же потерять, не потеряетъ, отвѣчалъ послѣдній: надо только ему служить усердно и вести себя, какъ прилично дворянину.

— А развѣ онъ дурно ведетъ себя и полыхивается? спросила Марѳа Абрамовна.

Надежда Яковлевна остановилась.

— Кто же вамъ это говорить, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ. Я хотѣлъ только сказать, что увардіе по слухамъ и хорошее поведеніе цѣнятся начальствомъ и ведутъ не къ потерѣ мѣста, а къ повышею.

Надежда Яковлевна пошла по дорожкѣ, которая вела къ дачѣ.

— А какъ здоровье вашей супруги? спросила Марѳа Абрамовна.

— Поправляется, благодаря Бога, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ. Долго, бѣдняжка, хворала, была на волосъ отъ смерти. Ужъ я думалъ, что лишусь моего вѣрнаго друга, съ которымъ прожилъ столько лѣтъ, дѣлилъ не одни радости, но и горе.

— А на вашу долю доставалось-таки его довольно, Алексѣй Ивановичъ?

— Да вѣдь горе всекъ постигаетъ: оно неизбежно! И въ моей жизни было его довольно: лишился троихъ дѣтей, оста-

здась одна только дочь, случались и другія несчастія и неудачи. Да что вспоминать объ нихъ. Я держусь пословицы: «Живи, какъ Богъ велитъ, а не такъ какъ хочется.»

— Справедливая пословица, весьма справедливая, сказала Марья Абрамовна. Хотя и много было горя въ жизни вашей, но вы переносили его съ христіанскимъ терпѣемъ и твердостью, и вотъ прожили съ вашей суженою, почти тридцать лѣтъ. Вамъ хвала и честь!

— Да за что воздаете вы мнѣ такіа похвалы: я ихъ не стою!

— Вы ихъ не стоите?—помилуйте, Алексѣй Ивановичъ! Прожить съ суженою, душа въ душу, почти тридцать лѣтъ, да это, я вамъ скажу, трудно, охъ какъ трудно! А давно ли, кажется, была ваша свадьба! Помню ее, какъ нельзя лучше: вѣдь я на ней присутствовала. Подумаешь, какъ время-то летитъ!

— Летитъ, охъ! какъ летитъ, и остановить-то его, канальство, нельзя.

— Я бы желала, чтобы Валеріанъ Александровичъ былъ такимъ же мужемъ, какъ вы.

— Ну, Марья Абрамовна....

— А развѣ вы полагаете, что онъ не составитъ счастья моеѣ дочери?

— И что вы, что вы, Марья Абрамовна! Съ чего вы взяли?

— Да вы, можетъ-быть, скрываете отъ насъ?

— Ничего, право ничего, успокойтесь пожалуйста. А гдѣ Яковъ Ивановичъ? Что я его не вижу?

— Онъ гуляетъ по лѣсу.

— А давно онъ ушелъ?

— Да ужъ часа три будетъ.

— Три часа? Да онъ не заблудился ли? Долго ли до бѣды!

— Не безпокойтесь, Алексѣй Ивановичъ, придетъ, и теперь, вѣрно, скоро: время завтракать. Онъ бродитъ цѣлый день по лѣсу и говоритъ, что запахъ отъ ели и сосны весьма для него адровъ. Приходитъ домой только за тѣмъ,

чтобы подорвать себя эдой, да спать, а тамъ и опять идти гулять. А аппетитъ-то какой! за четверыхъ востоятъ.

— А скоро ли свадьба вашей Надежки? спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Да думаемъ ее сватать послѣ носта, недалеко чрезъ полторы.

— Такъ скоро! Можеть ли быть?

— Да чему жъ вы удивляетесь, Алексѣй Ивановичъ? Вѣдь прошло уже пять мѣсяцевъ со дня обрученія.

— А узнали вы: хорошо Валеріана Александровича?

— Какъ нельзя лучше. Славный молодой человекъ!

— А я хотя и знаю кое-что... но вамъ не скажу.

— Что вы знаете? Говорите, говорите, и васъ прошу, Алексѣй Ивановичъ, и ничего не скрывайте: дѣло идетъ о счастьи моей дочери, которое дороже для меня всего на свѣтѣ.

— Да что вы такъ безпокоитесь: дѣло—дрянь. Молодость, вѣтреность.....

— Нежадуиста, безъ обидяковъ.

— Вы, я вижу, непременно хотите знать все подробно. И не радъ право, что проболтался.

— Алексѣй Ивановичъ, я васъ прошу.....

— Дѣлать нечего: я вамъ повинуюсь. Валеріанъ Александровичъ, съ радости ли, что сдѣлался женихомъ такой миленькой дѣвушки, или по вѣтрености,—Богъ его знаетъ,—вчера, на Крестовскомъ, гулялъ и былъ..... подшофе, то есть въ нетрезвомъ видѣ.

— Въ нетрезвомъ видѣ! повторила съ ужасомъ Марѳа Абрамовна.

— Такъ точно! И попалъ въ исторію, которую затѣялъ пріятель его, Вѣльскій.

— Что же такое они сдѣлали?

— Евгений Федоровичъ обидѣлъ какого-то Нѣмца и вызывалъ его же на дуэль, а Валеріана Александровича предлагалъ въ секунданты.

— Въ секунданты? Да какъ онъ смѣлъ, мошенникъ?

— Успокойтесь, пожалуйста, Марья Абрамовна: дуэль на состоялась.

— Но чѣмъ же кончилось?

— Конецъ-то не совсѣмъ ловокъ, въ мнѣрномъ тонѣ.

— Я хочу знать конецъ. Говорите.

— Всѣ трое были отведены.... въ сѣзжіей домъ, гдѣ....

— Въ сѣзжіей домъ? прервала Марья Абрамовна. Нѣтъ, это ужъ слышана! А какъ вы узнали?

— У насъ получено официальное доносеніе.

— Теперь васъ благодарю, Александръ Ивановичъ, что въ-прямъ насъ повѣстили. Хорошо, что свадьбы еще не было. Славный женихъ! Непосега сказать! Не видать ему болѣе Надомыли, какъ стонки ушел!

— Чѣмъ вы хотите дѣлать? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Ожидаета, чѣмъ же болѣе, и сейчасъ же.

— Да за что, Марья Абрамовна, помилуйте! Чѣмъ за бѣда такая: онъ молодецъ, ну погулялъ съ пріятельми, и все тутъ.

— Да прилична ли ему теперь гуляба-то: вѣдь онъ женихъ. Другая бы повидался вчера съ своей невѣстой, тогда не попалъ бы и въ сѣзжіей домъ. И стыда-то жить у молодого человека!

— Да вѣдь онъ провелъ на сѣзжіей только одну ночь и сегодня утромъ уже освобожденъ.

— Жаль, право жаль, что не продержали его недѣли двѣ, три: умнѣ бы сталъ и въ другой разъ не наръзался бы.

— А вы, вѣрно, забыли пословицу: «Женится, переменяется.»

— Помню ее, да мнѣ бы хотѣлось выдать дочь мою за такого, которому не было бы нужно переменяться послѣ женитьбы.

— А если Валеріанъ Александровичъ, можетъ-быть, въ эту самую минуту, раскаивается чистосердечно въ своемъ поступкѣ. Простите его! Я не хочу, чтобы изъ-за меня онъ потерялъ такую славную невѣсту.

— Какъ изъ-за васъ? Вѣдь онъ самъ выдумалъ разгу-

затем, такъ, пускай, и продолжайте пользоваться на свободу, безъ жены, которая будетъ ему только въ тягость. Нетъ, Алексѣй Ивановичъ, и не говорите больше: на за то-о-о да прощай, а откажу ему сегодня же. Какъ я сказала, такъ тому и быть!

Добрый Алексѣй Ивановичъ даже ни отговаривалъ своего сослуживца и какъ ни вымаливалъ ему прощанія, всѣ старанія его оказались тщетными: Марья Абрамовна была непоколебима.

Добрыйокій, не дождавшись возвращенія Якова Петровича съ прогулки, пресѣлся съ хозяйкой дома и ушелъ.

VI.

Послѣ отъезда Алексѣя Ивановича, Марья Абрамовна возвратилась изъ сада въ залу, тамъ же вѣдокнула и подошла къ столу, на которомъ стоила на треногахъ закуска. Извѣстія, привезенныя Алексѣемъ Ивановичемъ, такъ поразили бѣдную старушку, что она забыла его угостить. Подкрѣпивъ себя полрюмкою медака, Марья Абрамовна кликнула Григорія, который сейчасъ же приближалъ въ залу.

— Гдѣ барышня? спросила его госпожа.

— Они-съ въверху, въ своей комнатѣ.

Сказавъ это, Григорій отступилъ на два шага.

— Постой. Слушай: бѣги сейчасъ же въ лѣсъ, отыщи Якова Петровича. Скажи ему, что я прошу его, какъ можно скорѣе, домой,

— Слушаю-съ.

— А чтобъ скорѣе найти, возьми съ собой Андрушку, да, пожалуй, Фешку и Акульку. Да, только, проворнѣе отирайтесь, и въ лѣсу не дурить! Слышишь-ли? Накажи и другимъ.

— Слушаю-съ.

Отправивъ посольство за мужемъ, Марья Абрамовна вошла по лѣстницѣ вверхъ и отворила двери комнаты сво-

ей дочери. Надежда Яковлевна сидѣла въ задумчивости у окна и смотрѣла въ садъ. Увидѣвъ мать свою, она встала.

— Сиди, сиди пожалуйста, Наденька! Я пришла съ тобой побесѣдовать: скука долѣтъ. Не съ кѣмъ слова молвить.

Марѳа Абрамовна послѣ этихъ словъ поцѣловала дочь свою, опустилась въ мягкія кресла и продолжала :

— Да и ты, мой ангелъ, такая сегодня задумчивая! Будь повеселѣе, такъ и я перестану скучать.

— Вы не узнаете меня, маменька, когда прїѣдетъ къ намъ Валеріанъ. Только бы поскорѣе прїѣхалъ.

— А кого ты больше любишь, меня или жениха своего?

Этотъ вопросъ смутилъ Надежду Яковлевну: она никакъ не ожидала его услышать.

— Конечно васъ, маменька, отвѣчала, оправившись, дѣвушка.

— А если бъ я потребовала, чтобы ты, въ доказательство этой любви, чѣмъ-нибудь пожертвовала?

— Выбирайте, какую хотите жертву: я принесу ее безпрекословно, безъ ропота.

— И не будешь послѣ раскаиваться?

— Никогда!

— Ну хорошо же, вотъ что ты сдѣлай: откажи жениху своему.

— Вы шутите, маменька?

— Нисколько.

Тутъ Марѳа Абрамовна пересказала дочери все, что сообщилъ Алексѣй Ивановичъ о Веньяминовѣ, и объявила наконецъ, что намѣрена сейчасъ же послать ему отказъ.

— Дѣлайте, маменька, что вамъ угодно, сказала, утирая слезы, Надежда Яковлевна: я не смѣю васъ останавливать, но я буду любить Валеріана. Любовь эта пойдетъ со мною въ могилу.

— Да, перестань, Наденька, плакать; пожалѣй свою мать, которая заботится о твоёмъ же счастьи. Забудь Веньяминова, полюби другаго...

— Никогда, никогда! прервала Надежда Яковлевна. Я бы стала себя презирать, если бъ его забыла.

Пока она говорила эти слова, слезы лились ручьями изъ глазъ ея.

Твердость Марьи Абрамовны начала колебаться, но, въ это самое время, она услышала внизу хорошо ей знакомый голосъ Якова Петровича. Марья Абрамовна встала съ кресла, подошла къ дочери и, поцѣловавъ ее съ материнскою нѣжностью, сказала:

— Помѣняйся, Наденька, Богу: Онъ поможетъ тебѣ перенести потерю.

Послѣ этихъ словъ, Марья Абрамовна вышла изъ комнаты своей дочери и начала спускаться по лѣстницѣ. Пока она спускается, позвольте сказать нѣсколько словъ о посольствѣ, отправленномъ въ лѣсъ.

Это посольство, составившееся изъ четырехъ лицъ, приняло съ восторгомъ возложенное на него порученіе и приступило немедленно къ его исполненію. Впереди шелъ Григорій, а за нимъ рядомъ: Андрюшка, мальчикъ лѣтъ семнадцати, съ горничной Феней, ровестницей ему; позади же ихъ плелась пожилая женщина Акулина, которая занимала у Лелинскихъ, весьма уважаемую дворною, должность кухарки. Какъ только посольство вошло въ лѣсъ, и дачи не стало видно, Андрюшка первый прервалъ молчаніе:

— А что, Феня, ты любишь меня? сказалъ онъ горничной, обнявъ ее рукою.

— Не замай, не тронь! отвѣчала Феня, толкнувъ и ударивъ его по рукъ.

— Да за что жъ ты серчаешь и дерешься, воскликнулъ Андрюшка, приблизивъ лицо свое къ лицу Фени и скрививъ гримасу.

— Да ты бы его по лбу създила разика два, три, такъ дурь-то вышла бы изъ головы, сказала Акулина.

— Слышишь ли, что говоритъ Акулина-то. Ну, какъ слушаюся ея, да огорошу, такъ не взвидишь свѣта и свалишься на-земь.

— А если не свалюсь, что тогда? прервалъ Феню Андриюшка. Поцѣлуешь ли?

— Не стѣишь, много балагуришь.

— Ужь и много! А не хочешь ли поискать грибовъ?

Глава посольства, Григорій, не говорилъ ни слова: онъ думалъ о томъ, какъ бы скорѣе исполнить приказаніе барыни, чтобъ не попасть подъ гнѣвъ ея. Но предложеніе Андриюшки искать грибовъ встревожило его, и онъ сказалъ ему:

— Тебѣ захотѣлось потасовки! Право барынь на тебя пожалуюсь; надасть славныхъ подзатыльниковъ.

— Да за что, помилуй!

— Не стѣишь, сказала Акулина: и барыню-то безпокоить, Григорьюшко. Поднеси-ка дуралею-то самъ гостинецъ, или схвати за чупрунь.

— Да за что вы на меня такъ взѣлись? Я, право, въ толкъ не возьму.

— А оттого и не возьмешь, что въ головѣ-то вѣтеръ, отвѣчалъ Григорій. Развѣ насъ за грибами послали? Яковъ Петровичъ не грибъ.

— Знаю. Да отчего жъ не поискать и грибовъ? Если найдемъ ихъ, да въ придачу Якова Петровича, такъ получимъ спасибо, да еще, пожалуй, на орѣхи.

— Подставляй карманъ, да посмотри цѣль ли. Получишь, непременно получишь... Марѳа Абрамовна-то, чай, теперь на иголкахъ: ей не до грибовъ.

— А я ихъ до-смерти люблю; подавай цѣлую сковороду, очисти вмигъ, да еще припрошу...

— Не лучше ли, прервалъ его Григорій: пойдти намъ въ разныя стороны, да начать кричать каждому: «Яковъ Петровичъ!» Авось эдакъ скорѣе его отыщемъ.

— Ты дѣло говоришь, Григорьюшко, отвѣчала Акулина.

— А чтобъ намъ опять сойдтись, такъ условимся вотъ какъ: кто найдетъ, тотъ пускай засвищетъ. На свистъ же всѣмъ сбѣгаться.

— Да свистать-то я не мастерица, возразила Феня.

— Я научу тебя, сказалъ Андрюшка. Вотъ смотри, сожми...

— Долго будетъ, прервалъ его Григорій. Кто не умѣетъ свистать, пускай закричитъ: «ау!»

Андрюшка вздумалъ блеснуть своимъ искусствомъ и, закричавъ: «ау, ау,» началъ насвистывать.

— Постой, постой, сказалъ ему Григорій: собьешь всѣхъ съ толку. Ну, отправимтесь же: пора. Кому-то изъ насъ по-счастливится.

Послѣ этихъ словъ, посольство разбрелось по лѣсу, и раздался условный крикъ. Между-тѣмъ Яковъ Петровичъ пробирался уже домой и былъ въ недалекомъ разстояніи отъ своихъ людей. До ушей его долетѣли его имя и отчество, произнесенныя басомъ, который принадлежалъ Григорію. Лелинскій остановился и услышалъ тотъ же мотивъ, пропѣтый Фенею голосомъ сопрано. Это изумило любителя прогулокъ еще болѣе, и онъ трухнулъ порядкомъ. Когда же фальсетъ Андрюшки и контральто Акулины заплѣли дуэтъ, и наконецъ составился квартетъ, у бѣднаго Якова Петровича затряслись ноги, и онъ присѣлъ на траву. Холодный потъ выступилъ на лбу супруга Марѣы Абрамовны и потомъ стало его бросать въ жаръ. По счастью, Григорій увидѣлъ своего барина и подбѣжалъ къ нему.

— Чтѣ съ вами, батюшка Яковъ Петровичъ? спросилъ его Григорій.

— Ахъ!... это... ты! отвѣчалъ прерывающимся и слабымъ голосомъ Яковъ Петровичъ. А ктѣ это меня зоветъ? Ты слышишь?

— Ваши люди: Марѣа Абрамовна изволила послать насъ за вами.

Лелинскій проворно всталъ на ноги, а Григорій громко засвисталъ.

— Зачѣмъ ты свистишь? спросилъ, съ удивленіемъ, баринъ своего слугу.

— Сываю дворию: это условный нашъ знакъ.

— Да чтѣ такое случилось, спросилъ, въ испугъ, Яковъ Петровичъ: наводненіе, пожаръ, или захворалъ ктѣ?

— Не могу знать-съ. Варьина приказала только просить васъ, какъ можно скорѣе, домой.

— Странно! Этого никогда она не дѣлала! Не потонулъ ли женихъ Наденьки? Онъ охотнѣе кататься въ лодкѣ.

Сказавъ это, Яковъ Петровичъ, не смотря на усталость и испугъ, началъ скорымъ шагомъ выбираться изъ лѣса, въ сопровожденіи носильства, которое соединилось по свисту Григорія.

Марѳа Абрамовна, какъ мы уже говорили, сидѣла въ верху, въ комнатѣ своей дочери. Когда раздакъ въ залѣ голосъ мужа ея, она спустилась по лѣстницѣ и, увидѣвъ его, сказала:

— Гдѣ ты пропадалъ? Цѣлый часъ тебя ожидаю.

— Я гулялъ, Марѳа Абрамовна. Да что такое случилось?

— Ничего, узнаешь послѣ.

— Да нельзя ли сейчасъ?

— Некогда, некогда: надо тебѣ поскорѣе написать письмо.

— Къ кому?

— Къ Валеріану Александровичу.

— Объ чемъ?

— О томъ, что онъ болѣе не женихъ Наденьки.

— Да за что, помилуй, Марѳа Абрамовна!

— Онъ — пьяница! Прашу скорѣе приступить къ дѣлу.

— Да кто тебѣ сказалъ?

— Послѣ, послѣ расскажу. Это право изъ рукъ вонъ. Я тебя не узнаю. Никакого уваженія къ моему просьбѣ! Вотъ что значить гулять-то много: отвыкнулъ отъ дома.

— Да, Марѳа Абрамовна.....

— Пожалуйста, не серди меня: я и безъ того разстроена. Сядишь и пиши; я тебя облегчу и буду диктовать. Принеси почтовой бумаги, а перо и чернильница здѣсь, на окнѣ.

Яковъ Петровичъ пошелъ въ свой кабинетъ, съ трудомъ передвигая уставшия свои ноги, и возвратился черезъ минуту въ залу, держа въ рукѣ нѣсколько листовъ бумаги. Взявъ съ окна чернильницу и придвинувъ къ столу кресла, онъ усѣлся на нихъ. Почвъ греломъ, катаясь съ лица его.

— А нельзя-ли, маменька, начать оны; закусить.....

— После, после! перебила его Марья Абрамовна. Прежде напиши письмо. Ну, начинай же: «Милостивый государь».... имя и отчество.

Яковъ Петровичъ принялся за работу. Супруга его, подойдя къ столу, взглянула на бумагу и воскликнула съ гнѣвомъ:

— Да отвыкнешь ли ты, наконецъ, отъ своей прекрасной привычки перевертывать имена. Написалъ: «Александръ Валеріановичъ.» Чудень! Возьми другой листъ и пиши: «Валеріанъ Александровичъ.» Да смотри, не испорти и этого листа.

— Написано! Что жъ дальше?

— Продолжай: «Не трудитесь являться въ нашъ домъ. Мы вамъ отказываемъ на отрывъ, беручи....»

— Нельзя такъ сказать, прервалъ диктовку Яковъ Петровичъ: «беручи»: это неправильно.

— Кто тебѣ сказалъ? Совершенно правильно: я тебѣ это говорю.

— Да, грамматика-то....

— Поди ты съ своей грамматикой, знать ее не хочу! Прахъ ее возьми! Не разсуждай и пиши: «беручи назадъ наше согласіе. Не видать вамъ боль....»

— Не лучше ли «болѣе?» сказалъ Яковъ Петровичъ.

— Нисколько не лучше! я хочу боль, непременно боль, отвѣчала громко Марья Абрамовна. Пиши: боль Наденьки. Это вѣрно, какъ то, что у васъ на каждой рукѣ и ногѣ по пяти пальцевъ.

— Нельзя ли исключить слово нога: оно какъ-то неприлично, замѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Прилично, какъ нельзя больше прилично. Одни безногіе могутъ моимъ выраженіемъ обидѣться, а вѣдь онъ не безногій.

— Да кто подпишетъ письмо?

— Конечно, ты.

— Ну, право, неприлично! Ужъ и безъ того вкрались ошибки. Что обо мнѣ подумаютъ?

— Такъ я подмахну, пускай думаютъ что угодно: не испу-

гаюсь. Прошу же меня не останавливать. Не забудь ногу включить. Она для ясности необходима. Написалъ ли такъ, какъ я говорила?

— Безъ всякаго измѣненія.

Марѳа Абрамовна немного подумала, потомъ сказала:

— Ну вотъ и конецъ. Пиши. «Мы узнали, что вы любите погуливать и придерживаться чарочки. Это гнусная привычка; она не можетъ никому нравиться, кольми паче намъ. Будьте счастливы.» Больше ничего. Давай сюда письмо, для подписи.

— А развѣ не нужно прибавить: «Готовая къ услугамъ, или, вамъ преданная,» спросилъ Яковъ Петровичъ. Вся такъ пишутъ.

— Да я не хочу, потому-что это будетъ обманъ. Принеси скорѣе печать и сургуть, и запечатай.

Представляемъ въ цѣломъ письмо, сочиненное Марѳой Абрамовной:

«Милостивый Государь,

«Валеріанъ Александровичъ,

«Не трудитесь являться къ намъ въ домъ. Мы вамъ отъ казываемъ на отръзъ, беручи назадъ наше согласіе. Не видать вамъ болъ Наденьки. Это вѣрно, какъ то, что у васъ на каждой рукъ и ногъ по пяти пальцевъ. Мы узнали, что вы любите погуливать и придерживаться чарочки. Это гнусная привычка; она не можетъ никому нравиться, кольми паче намъ. Будьте счастливы.

«Марѳа Лелинская.»

Григорію данъ былъ приказъ отнести немедленно это посланіе къ несчастному Веньяминову. Когда слуга вышелъ на улицу, Надежда Яковлевна была въ саду, стояла у рѣшетки и плакала. Подозвавъ къ себѣ Григорія, бѣдная дѣвушка отдала ему другое письмо, приказавъ вручить его въ собственныя руки бывшаго жениха ея.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

А. М. . . . скій.

Иностранная Словесность.

ЗАПИСКИ

НЕОБЫКНОВЕННО-ВОСПИТАННОЙ ДѢВЬИЦЫ.

Соч. Элеоноры Штурмеръ.

ЖИЗНЬ БЕЗЪ ЛЮБВИ.

Plus l'homme veut vivre, selon l'esprit, plus la vie présente lui devient amère, parcequ'il sent mieux et qu'il voit plus clairement les défauts de la corruption humaine.

FRÈRE JEAN GERSEN.

Wer erfreute sich des Lebens
Der in seine Tiefen blickt!

SCHILLER.

Сегодня кончился 24 годъ моей жизни.

Многія изъ дѣвиць, одного со мной возраста, давно уже пережили счастливую эпоху первой любви, вышли замужъ, забыли то, что ихъ занимало въ пансіонѣ; имѣютъ свой домъ, дѣтей и мечтаютъ о ихъ будущности!... а мнѣ суждено иначе! едва только сегодня кончилось мое воспитаніе!

К. X. — Отд. IV.

Многія дѣвицы въ моемъ возрастѣ пьютъ сладость или горечь изъ чаши свѣта, кружатся въ его хаосѣ,—между желаніемъ и боязнью, роскошью и нищетою, смѣхомъ и скукою,—словомъ, вполне наслаждаются жизнью, а я до-сихъ-поръ мечтала только и училась теорія жизни! Всю молодость свою провела я въ глубокомъ деревенскомъ уединеніи, прислушиваясь къ разсказамъ моего отца о людяхъ и свѣтѣ; я похожа была на человѣка, сидящаго у воротъ незнакомаго дома и спрашивающаго о шатающагося его. Изъ разсказовъ отца моего я изучила свѣтъ, какъ географію; теперь предстоитъ мнѣ только перейти за дорогъ, отдѣляющій меня отъ практической жизни. При одной мысли, что этотъ шагъ я должна скоро сдѣлать, чувствую тревожное состояніе души, точно такъ, какъ бы мнѣ приходилось идти на кладбище.

Есть дѣвицы, которыя идутъ на встрѣчу обществу медленно, шагъ за шагомъ, постепенно привыкаютъ ко всему; понятія ихъ тѣмъ же самымъ путемъ выходятъ изъ дѣтской простоты, а передъ меня глазами вдругъ упадетъ завѣсть; многія вещи могутъ прельстить мое зрѣніе, но умъ мой ничему не станетъ удивляться, мнѣ предварительно уже извѣстно все, что я увижу! Боже мой! Если бы другая въ моемъ возрастѣ взяла перо, какой длинный рядъ воспоминаній могла бы она начертить въ своихъ запискахъ! Но что же я напишу? Жизнь моя до-сихъ-поръ была такъ спокойна, такъ однообразна, такъ систематически развита, по плану тщательно обдуманному и въ исполненіи неизмѣнному, что достаточно взглянуть на первый и послѣдній день этого періода, чтобы знать все его внутреннее состояніе!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Этотъ день ознаменованъ самымъ ужаснѣйшимъ для меня несчастьемъ—потерю моей матери. Я видѣла наймную воспитательницу, женщину превосходнаго и чувствительнаго сердца; она замѣнила мнѣ мать въ такой степени, въ какой можетъ замѣнить ее посторонняя особа! И возможно ли, чтобы женщина, по найму, за деньги, могла для дитяти, чуждому ей сердцу, исполнить то, къ чему влечетъ чувство, дарованное природою? Правда, воспитательница

госпожица моя любила меня безраздѣль, заботилась обо мнѣ, какъ о дитя, заботилась, какъ о ребенкѣ, заботилась, какъ о ребенкѣ, заботилась, какъ о ребенкѣ; и совершенно желала мнѣ счастья; но за всѣмъ тѣмъ, какъ только раздался мой утѣ, я поняла, что у меня нѣтъ матери! Даже сама воспитательница моя часто толковала мнѣ о важности моей матери, называла меня сыночком и при этомъ слезы, глаза ея наполнялись слезами. Съ той я часто ходила на могилу матери, поливала тамъ цвѣты, молилась за упокой души ея. Припоминая теперь разговоръ съ моею воспитательницею на уединенномъ сельскомъ кладбищѣ, я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ этой достойной уваженія особы, что если бы покровительный лучъ материнской любви освѣщалъ и согрѣвалъ мое сердце, то у меня былъ бы совершенно другой характеръ. Я чувствую, что во мнѣ есть что-то неестественное, я похожа на цвѣтокъ, развившійся подъ вліяніемъ искусства въ оранжерей, согрѣваемый по теплотѣ, орошаемый опредѣленнымъ количествомъ воды и прирѣзанный всегда къ подпоркѣ, — такой цвѣтокъ никогда не можетъ имѣть той красоты и свѣжести, какъ свѣтлый свободный воздухъ, солнце, роса и вообще благотворное состояніе неба, дарятъ цвѣтамъ, ими взлелеяннымъ! Прости меня, добрый, уважаемый мною отецъ мой: я принимаю смѣлость сказать о тебѣ!

Отецъ мой, Ксаверій С... послѣдній потомокъ благородной фамилии, по окончаніи науки, путешествовалъ нѣсколько лѣтъ по границамъ, для пріобрѣтенія тѣхъ познаній, которыхъ не находилъ въ книгахъ. При отлучномъ образованіи своемъ, по терпѣливый въ сужденіяхъ, онъ наблюдалъ людей, какъ искусство и обладалъ рѣшительнымъ даромъ проницательности. Возвратившись въ Варшаву, молодой, богатый, одаренный талантами, Ксаверій страстно полюбилъ молодую дворянку, и предлагалъ ей свою руку. Пріятель великаго оцѣлки, дворянка ему отказала и вслѣдъ за тѣмъ вышла замужъ за молодого человека не только не имѣвшаго никакого состоянія, но даже не обладавшаго тѣми качествами ума и сердца, которыми могъ бы избирать ее быть оправданъ! Это была слишкомъ сильная любовь и если бы въ душѣ отца моего, нашлось столько самолюбія, сколько обыкновенно бываетъ во всякомъ отягченномъ женихѣ, то онъ отомстилъ бы своей милой клеветой и злословіемъ, какъ это часто случается въ обществѣ. Но отецъ возмужавъ совершенно иначе: успокоилъ блаженныя чувства сердца, онъ остался другомъ той, которая, видя отвергла, и всегда оправда-

валъ ся поступокъ. Долгое время онъ не могъ жениться, старанія его о томъ были напрасны. Тамъ, гдѣ искалъ онъ откровенности и привязанности, встрѣчалъ притворство, саркастическую злобу и корыстолюбіе. Обладая всѣми качествами для доступа къ женскому сердцу, и чтобы быть любимымъ; способный раздѣлять всѣ благородныя, возвышенныя чувства, отецъ мой не имѣлъ удачи найти въ женщинѣ взаимность, какой желалъ, и, охладѣвъ къ людямъ, остался одинокомъ.

Ужасны были для отца моего тѣ минуты, когда благородное сердце его, простившись съ идеалами своими и оставивъ навсегда мечты, предалось власти холоднаго ума! Но рѣшившись однажды, онъ постоянно уже избѣгалъ всякихъ связей, которыя, по мнѣнію его, никогда не могли быть прочны.

Съ тѣхъ поръ онъ послѣдовалъ убѣжденію, что лучше наблюдать за любовью и дружбою, нежели испытывать ихъ, лучше дѣлать добро изъ любви къ ближнему, нежели по другимъ скоропреходящимъ причинамъ, лучше любить всѣхъ, нежели не имѣющихъ; словомъ, общество заимѣли ему книги, которыя онъ любилъ читать, разбирать, которыя заставляли его иногда смѣяться, иногда плакать и столько занимали его, что онъ все пересталъ думать о себѣ. Отецъ мой не располагалъ жениться и конечно провелъ бы въ уединеніи всю жизнь свою, если бы одинъ родственникъ не назначилъ его опекуномъ своей дочери, оставшейся круглою сиротою. Эта сирота сдѣлалась моею матерью. Ксаверій С... желалъ добросовѣстно исполнить волю покойника, но не зналъ что дѣлать съ 18-лѣтней дѣвщицей, не имѣя семейнаго дома и не желая отдавать ее постороннимъ людямъ; послѣ долгой нерѣшимости онъ объявилъ ей свое безпокойство и спросилъ: не нравится ли ей кто-либо изъ молодыхъ людей? ни одинъ, отвѣчала мать моя! Ксаверій, подумавъ немного, спросилъ опять: не вышла ли бы она за человѣка пожилаго, который предложилъ бы ей свою руку безъ любви, но съ намѣреніемъ быть ея другомъ и покровителемъ? Мать моя, понявъ смыслъ его словъ, оцѣнивъ эту благородную откровенность, претянула ему руку свою, и тѣмъ кончился весь ихъ романъ. Отецъ мой съ того времени не перестаетъ увѣрять, что умный и честный человѣкъ можетъ безъ любви доставить женщинѣ болѣе счастья, нежели тотъ, который страстно былъ влюбленъ предъ заключеніемъ брака. Я разрѣшить этого не умѣю знаю толь-

ка, что мать моя наслаждалась истиннымъ супружескимъ счастьемъ.

Потерявъ ее, отецъ мой удалился въ деревню, гдѣ похоронилъ драгоценный прахъ моей матери, и посвятилъ остатокъ жизни своей моему воспитанію. При свѣтѣ погребальныхъ факеловъ вокругъ гроба покойницы, отецъ мой придумалъ планъ моего образованія и неизмѣнно ему слѣдовалъ.

Долго и внимательно наблюдая свѣтъ, отецъ мой убѣдился, что большая часть женщѣвъ не находятъ счастья въ супружествѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что онѣ входятъ къ обществу слишкомъ рано, во-вторыхъ, по недостатку развитія умственныхъ способностей. Въ первомъ случаѣ, онъ полагалъ, что до 25-ти лѣтняго возраста, страсти такъ сильно господствуютъ въ юномъ женскомъ сердцѣ, что удачный выборъ супруга скорѣе бываетъ случаемъ или милостію Бога, нежели слѣдствіемъ убѣжденія избирающей. Въ этомъ возрастѣ всякая блѣстка кажется дѣвицѣ золотомъ, — даже физическія силы ея слишкомъ слабы для материнскаго званія, и потому оно готовитъ ей преждевременную могилу! Обыкновенно молодая дѣвица избираетъ молодаго же человѣка; оба еще дѣти. Имъ кажется, что они другъ для друга созданы, не думая о томъ, что характеры ихъ еще не остепеннились; что созрѣвши, они могутъ разлюбить другъ друга. Молодые, обыкновенно, весело бѣгутъ отъ алтара на обширную площадь жизни, держась крѣпко за руки. Въ началѣ для нихъ лежитъ одна только дорога, и та усыпана цвѣтами; но потомъ встрѣчаются тропинки: то влѣво, то вправо, на каждой есть что-то занимательное; ему хочется идти по одной, ей по другой; онъ влечетъ ее въ свою сторону, она въ свою; друга другъ не слушаютъ, пускаютъ руки и расходятся въ противоположныя стороны на-всегда, и сами не могутъ понять: какъ ничтожныя причины могли разорвать связь сердець, созданныхъ для взаимнаго благополучія? Мужчѣна менѣе черезъ это терлетъ! Ему остаются почестъ, служба, слава, науки; женщѣна всего лишается! Что же касается до развитія умственныхъ понятій женщѣны, то отецъ мой находилъ, что для дѣвицы слишкомъ недостаточно, хорошо владѣть французскимъ языкомъ, имѣть поверхностное понятіе о наукахъ, словомъ, знать всего понемногу, сколько нужно знать для того, чтобъ говорить о дурной и хорошей погодѣ, о нарядахъ, балахъ и читать повѣсти. При такомъ воспитаніи, мысли ея и сужденія бы-

взять совершенно дѣтское и только что прозреть перомъ любви и медовой мѣсяцъ супружества, мужчина, съ посредственнѣйшимъ даже образованіемъ, увидѣть въ женѣ своей существо простое, душою, ничего не понимающее, женщину, съ которой не можетъ раздѣлять ни мыслей, ни заботъ; женщину, съ которой нужно только разговаривать о чепцахъ и шляпкахъ! Онъ вполнѣ пойметъ тогда, что ему не достанетъ силъ катить впередъ себѣ, въ продолженіе цѣлой жизни, такую глиняную глыбу, что отъ такой матери дѣти не могутъ получить хорошаго воспитанія, а при подобномъ убѣжденіи можетъ ли мужъ сохранить къ женѣ уваженіе?—онъ невольно терзаетъ его. Не смотря на многочисленные примѣры несчастныхъ супружествъ отъ недостаточнаго образованія и воспитанія женъ, вопреки здравѣйшимъ понятіямъ о свойствахъ души, въ обществахъ удерживается предразсудокъ, что науки не доступны и не нужны женщинамъ! Богъ знаетъ, отъ чего это происходитъ! Вѣроятно, это остатокъ еще тѣхъ временъ, когда женщинъ считали рабами и отказывали имъ во всѣхъ правахъ человѣчества; но пора бы уже убѣдиться, что умъ не одѣвается ни во фракъ, ни въ женскую робу. Мысль, существенное свойство безсмертной души, есть принадлежность всѣхъ людей, безъ различія пола, и вслѣдъ за тѣмъ долженъ стараться развить ее столько, сколько это полезно ему и обществу. Хорошо образованная женщина, такъ говорилъ мнѣ отецъ мой, вмѣсто болтовни пустыхъ фразъ, должна объясняться ясно, болѣе живымъ и дѣтущимъ слогомъ, нежели мужчина. Она должна разсуждать обо всемъ вразумно; имѣть основательныя понятія о своихъ обязанностяхъ, о своемъ назначеніи и отношеніяхъ своихъ въ обществѣ; должна наковедь владѣть основательно тою частию человѣческихъ знаній, которая, не будучи исключительною потребностію какого-либо званія, составляетъ такъ сказать необходимое образованіе всякаго человѣка.

Такого рода воспитаніе получала я отъ моего отца.

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

Сегодня, послѣ исповѣди, отецъ мой, благословивъ меня, сказалъ со слезами: «Твое воспитаніе кончено! Теперь предъ-

оставлю тебя Богу и твоему разуму! До-сихъ-порѣ ты была для меня дочерью; съ нынѣшняго же дни буди мною другомъ.»

Отъ сего-же письма перешли въ утѣ моемъ эти слова! Я конечно спрашиваю себя: потеряли ли я что-либо отъ моего до-временнаго дѣтства, и отвѣчно: рѣшительно ничего или очень не много! Хотя возрастъ мой уже не первой молодости женщи-ны, но деревенская жизнь, умное расположеніе времени для нрав-ственныхъ и эстетическихъ силъ, крѣпкое сложеніе, прѣтущее здоровье, — все это скрываетъ часть лѣтъ моихъ и показываетъ меня моложе. Зеркало говоритъ мнѣ, что если я не красавица, то по-крайней-мѣрѣ заслуживаю названія притомъ двѣдцы, ко-торая можетъ нравиться. Отецъ мой безъ всякой лести гово-рить, что ду моя здравый разумокъ, живое и блестящее во-ображеніе, электризирующее обыкновенный разговоръ; основа-тельное образованіе безъ педантизма и надмѣнности, и что рели-гія и нравственность глубоко запечатлѣны въ моемъ сердцѣ. Онъ находитъ, что съ такими качествами я могу приобрести дружбу и призывъ каждаго умнаго человѣка, потому-что ничто такъ не соединитъ людей, какъ одинаковое образованіе, даю-щее мнѣ возможность къ взаимному сообщенію мыслей и чувствъ.

Вотъ все, что я могу удѣлить обществу; остальное исклю-чительно моя собственность; о характерѣ моемъ люди будутъ только дѣлать выводы, и подъ покровомъ свѣтскости, никто быть-можетъ не узнаетъ и не опѣнитъ его! Моя воспитательница ча-сто говорила мнѣ, что характеръ мой отчасти мужской, и я признаю, что онъ не совершенно женскій; но иначе и быть не можетъ: проведя лучшіе годы свои въ уединеніи съ отцомъ своимъ, который былъ мнѣ вмѣстѣ и другомъ и наставникомъ, я напиталась его правилами, мелочныя свойства женской при-роды, такъ сказать, улетѣли изъ меня, и я сдѣлалась необыкно-венною между двѣдцами. Онъ въ моемъ возрастѣ болѣею час-тію легкомысленны, я же соображаю все, что меня окружаетъ и обсуживаю всѣ дѣйствія свои. Ровесницы мои робки, бояз-ливы, я же чувствую въ себѣ столько силы, что готова под-вергнуться всякимъ опасностямъ, и вытерплю не только физи-ческую, но даже нравственную боль; онѣ престоудшно смотрятъ на жизнь и участь общества, — я хочу наблюдать его внима-тельно; всякое благородное чувство, всякій великій подвигъ,

желе, пожертвованіе для челоѣчества находить отголосокъ въ моемъ сердцѣ и наполняютъ его невыразимымъ удовольствіемъ! Мадѣйшая тѣнь притворства, корыстолюбія, подлости надомо управляетъ мое спокойствіе! Ровесницы мои обыкновенно веселы и всегда знаютъ что имъ нужно; я чаще всего безотчетно печальна! Странно! въ деревенской глуши, далеко отъ свѣта, сердце мое находится въ безпрестанной борьбѣ съ умомъ; умъ во всемъ отыскиваетъ дурную сторону и отравляетъ всякое недлнное наслажденіе. Возму ли въ руки прекрасную розу, вдругъ какой-то злобѣщій галосъ шепчетъ мнѣ, что это только трупъ розы, что она безжизненна, и я бросаю дѣвѣтокъ, не желя смотреть, какъ увядшіе его листочки посыплются на землю! Подаяю ли милостыню нищему, въ то же время рождается мысль, что онъ во зло употребитъ ее и, быть-можетъ, станетъ еще насмѣхаться надъ моимъ подаяніемъ, и я поспѣшаю отдать ему ее, чтобъ не потерять доброй воли. Оказываетъ ли мнѣ кто изъ домашнихъ свое расположеніе, мнѣ кажется, что онъ ищетъ моего покровительства. Среди веселости, смѣха и дѣвической рѣзвости, я внезапно останавливаюсь и чувствую непреодолимую потребность уединенія, а иногда даже потребность слезъ. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе въ моей жизни, какъ печальный переходъ отъ смѣха къ слезамъ и отъ слезъ къ смѣху! У меня всегда вертится на умѣ что-то наводящее на меня грусть и безпокойство, я такимъ образомъ дѣлая юность моя протекла въ страданіи....

Если бы кто взглянулъ въ душу отца моего и въ мою! О! какое различіе нашелъ бы онъ въ мысляхъ нашихъ! Почтенный старикъ въ восторгѣ. Онъ послѣ 24-ти лѣтъ, посвященныхъ воспитанію и образованію единственной дочери своей, гордится удачнымъ успѣхомъ своихъ усилій, торопится ввести меня въ свѣтъ, нисколько не сомнѣваясь, что меня ожидаютъ удивленіе, блаженство, любовь, однимъ словомъ, счастье!

Черезъ нѣсколько дней онъ даетъ балъ, на который приглашено лучшее общество изъ окрестностей. Это должно быть первое мое торжество, и вскорѣ потомъ мы уѣзжаемъ въ Варшаву. Добрый отецъ мой считаетъ себя счастливѣе автора, который, послѣ долготѣнныхъ трудовъ надъ важнымъ сочиненіемъ, видитъ его напечатаннымъ и являющимся публикѣ! Мое же расположеніе души совсѣмъ другое; мнѣ кажется, что я должна

взидѣть на неизмѣримо бурный океанъ; что мнѣ даютъ прѣбикій корабль, множество парусовъ, компасъ, лацкарту и желаютъ благополучнаго пути.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ.

Слава Богу, балы прекратились; говорю: балы, потому-что ихъ было три: одинъ въ комнатахъ для господъ, другой во фангалѣ для прислуги и третій для лошадей въ конюшнѣ. Гдѣ лучше и полезнѣе провели время? я право не знаю. Въ залѣ собралось множество гостей, всякому болѣе или менѣе любопытно было познакомиться съ дѣвицей, которая такъ долго была внѣ общества, получила необыкновенное воспитаніе, о красотѣ и учености которой носились самыя странныя слухи. Все, что носить на себѣ отпечатокъ тайны, занимаетъ людей; это мнѣ извѣстно было еще съ дѣтства и потому я нисколько не удивлялась, что все вниманіе гостей обращено было на меня. Другая на моемъ мѣстѣ легко могла бы вообразить, что она царица бала; а я смѣялась въ душѣ, думая, что всякій заморскій зѣбрекъ обратилъ бы на себя еще болѣе вниманія публики. Впрочемъ, при счастливомъ простодушіи провинціаловъ, легко догадаться, а иногда даже и слышать, каково ихъ мнѣніе въ такомъ случаѣ. Въ здѣшнемъ обществѣ нѣтъ той осторожности въ словахъ и поступкахъ, которая дѣлаетъ этикетъ приличнымъ. Дѣвица, составляющая предметъ любопытства и вниманія общества, не избѣжитъ того, чтобы не слышать о себѣ журчащихъ вокругъ сужденій, такъ и я, изъ нѣсколькихъ фразъ, то польскихъ, то французскихъ, долетавшихъ до моего слуха, постигала весь сюжетъ разговора обо мнѣ. Я слышала, какъ шептали вокругъ меня: *Charmante! — pas mal! — ah! oh! quel uenx! — wiczna!*—Бальные зефиры на крыльяхъ своихъ приносили мнѣ отрывки разговоровъ въ другомъ родѣ: одинъ изъ молодыхъ людей сказалъ своему товарищу:

— Эта чудная Мелуза, о которой мы такъ много слышали, имѣетъ ужасно педантскій видъ!

— Ученость ей вовсе не къ лицу, отвѣчалъ другой.

— Помилуй! какая у нея ученость! возразилъ первый: хо-

тѣмъ бы я зналъ, что можете влѣзть въ женскую голову, прѣнѣ французскаго языка и романога!

— Не шути, отвѣчалъ ему товарищъ, говорить, что она училась даже астрономіи!

— Ба! примолвилъ первый, моя сестра тоже училась астрономіи, а столько же понимаетъ эту науку, какъ я съ тобою китайскій языкъ!

— Я желалъ бы танцовать съ этой дѣвицей, сказалъ кто-то.

— Не беспокойся, — напрасный трудъ! отвѣчали ему; она пишетъ только съ египетскими пирамидами.

Съ сомалинцемъ слушала я такіа пошлыя фразы свѣтскихъ людей, блуждающихъ съ кичливой умомъ по тропикамъ не-примечія. Между-тѣмъ одна старуха, овладѣвъ ниню, начала по-пугатьвать меня въ познаніи самой лучшей, но ея понятіи, науки домашняго хозяйства. Удивленіе ея было невыразимо, когда она узнала, что нѣтъ извѣстныхъ не только всѣ тайны женскаго хозяйства, но даже и то, какими образомъ воздѣлывается земля для хлѣбныхъ сѣянъ и садовыхъ растеній; какъ совершается прививка деревъ; какъ содержатся домашнія птицы, овцы, какъ производится винокуреніе, и проч. и проч.

— Но скажите мнѣ, ради Бога, спросила старуха, едва не заплакавъ отъ радости: гдѣ вы всему этому научились? Мои дочери ни малѣйшаго не имѣютъ объ этомъ понятія!

— Съ практики, отвѣчала я. Съ нѣкотораго времени, отецъ мой поручилъ мнѣ заниматься, подъ его наблюденіемъ и руководствомъ, всѣми подробностями хозяйства, сверхъ того, я воспитываю нѣскольکو бѣдныхъ дѣтей различнаго возраста, помогаю крестьянамъ въ болѣзняхъ, если призванъ медикъ бываетъ не нуженъ; даю поселянамъ мои совѣты и помощь въ ихъ нуждахъ, словомъ управляю имѣніемъ, какъ волостная владѣтельница.

— Великій Боже! воскликнула старуха, глядя на меня съ удивленіемъ. Когда жъ вы занимаетесь науками? Я хорошо знаю, что вы пристрастны къ книгамъ, какъ профессоръ!

— Найдется время для всего, отвѣчала я, улыбаясь. Дѣвицы всегда имѣютъ излишекъ досуга, и потому-то чаще всего не имѣютъ времени.

Долго еще разговаривала я съ почтенной старушкой о хозяйствѣ; разговоръ этотъ, конечно, не могъ быть для меня занимательнъ, но, сравнивъ его тенеръ съ мелкомысленной, дѣт-

своей болтовней дивилась, съ холодной и живительной свободой поведенья дала, съ высокоумствомъ и строгостью тонкихъ матерей, которые, вѣроятно, видѣли во мнѣ опасную соперницу своимъ дочерямъ, скажу откровенно, что добрая моя старушка вранится мнѣ болѣе дружить женщинамъ. Между-тѣмъ, ослышавъ какой-то арлепагъ началъ не далеко отъ меня свое засѣданіе.

— Хорошенькой личикою сказала какой-то мужчина въ шильми гонимомъ.

— Не дурна, отвѣчалъ другой тихимъ басомъ.

— Лучше всего вранится мнѣ печальное выраженіе ея лица, отвѣдала опять въ шильми гонимомъ.

— А мнѣ нога, замѣтилъ басъ.

Невольно вспомнила я слова Лабрюера: *Il faut juger des femmes à peu près comme on mesure le poisson... etc. etc.*

Вскорѣ загремѣла музыка. Я не могла отвязаться отъ молодежи, всякій наперерывъ хотѣлъ танцовать со мною, и даже тотъ, который приписывалъ мнѣ особенное расположеніе къ египетскимъ пирамидамъ! Минуты танцовъ показались мнѣ пріятнѣе цѣлаго вечера. Я ни о чемъ не думала, ничего не слышала кромѣ музыки, меня ничто не занимало кромѣ танцовъ; даже болтовня моихъ кавалеровъ ускользала отъ моего вниманія, потому-что, выслушавъ перваго, я увидѣла, что всѣ другіе какъ будто бы сговорились повторять тоже самое. Разговоры ихъ подходили на ограниченное число піесъ шарманки! Самое большее униженіе нашего пола, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, что мы не только принуждены терпѣливо слушать подобное болтанье, но даже привѣтливо отвѣчать на него.

Нашлись однако такіе, которые имѣли обо мнѣ лучшее мнѣніе и поэтому старались занять меня ученымъ разговоромъ. Когда человѣкъ кончатъ курсъ наукъ, то пріобрѣтенными имъ познаніями такъ волнуютъ его умъ, что онъ даже на балѣ не можетъ успокоиться, пока не найдетъ кому бы могъ сообщить часть своей премудрости; поэтому я принуждена была вытерпѣть ужасное страданіе, выслушивая велерѣчивыя сужденія этихъ умниковъ! Каждый изъ нихъ съ важностію подходилъ ко мнѣ, чтобы выказать свои познанія и заглянуть потомъ тайкомъ въ мою голову: есть ли въ ней достаточно мозга для понятія его мудрости? Непріятно было мнѣ слушать ихъ толки, но виѣсть съ тѣмъ, я искренно сожалѣла, какъ путались они въ лабиринтъ собственныхъ умствованій, какъ тонули въ капль

своего краснорѣчія, какъ схватывая безъ размысленія слова, составляли изъ нихъ сразы, похожіе на одежду ярмарки, сдѣланную изъ кусковъ матеріи различнаго цвѣта и сорта! Молодые головы! Надѣвныя головы! Поверхностныя энциклопедисты! Они походятъ на мелочныя еврейскія лавочки, въ которыхъ всякаго товара понемножку и то самаго низкаго качества, гдѣ все перемѣшано: чай возлѣ мыла, сало возлѣ табаку и проч. Во время ужина старые и молодые пили за мое здоровье, увы! съ ущербомъ своего собственнаго.

Удивительный свѣтъ! Въ продолженіе одного вечера, я испытала много удовольствія и много скуки! Если бы на балахъ не танцовали, я бы отъ нихъ на-всегда отказалась.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

По разсказамъ моего отца, по описаніямъ путешественниковъ, я составила такое высокое понятіе о столичныхъ городахъ, что, въѣзжая въ Варшаву, я была въ тревожномъ состояніи, думая, что мы, какъ провинціалы, можемъ казаться жителямъ столицы смѣшными! Однако жъ этого не случилось; мы пріѣхали ночью. Привѣтъ тебѣ, Варшава, моя родина! Я возвращаюсь въ тотъ домъ, гдѣ 24 года тому назадъ стояла моя колыбель, тѣсное жилище младенца, незнакомаго еще ни съ горемъ ни съ радостію, и мой младенческій плачь присовокуплялся къ шуму твоему, а теперь, изъ окна этого же дома, я люблюсь красотами твоими, Варшава! Я не плачу уже, но мысль о пагубныхъ сѣтяхъ, въ которыя увлекаютъ твои прелести, волнуешь мое сердце и душу. О! Если бы химикъ могъ бросить тебя въ реторту и анализировать, онъ нашелъ бы мраморы и грязь, шумный восторгъ и гробовую тишину, роскошь и нищету, балы и похороны, огненные страсти и холодныя сердца!.. Ежедневно глазъ встрѣчаетъ здѣсь новыя картины; толпа новыхъ мыслей пробуждается въ умѣ; сердце едва успѣваетъ принимать впечатлѣнія. Истинное наводненіе свѣтской жизни для такой, какъ я, провинціалки! Приличіе борется во мнѣ съ деревенскою простотою; свѣтскость съ философіею, легкомысленность съ размысленіемъ, и дѣтское любопытство сдѣлалось главною побудительной причиною на-

стойшей жизни! Новое, переиживаясь съ старымъ, волнуется и проведетъ какой-то страшный трепетъ во всахъ мѣсяхъ существа. Въ этомъ хаосѣ образовъ, мыслей и чувствъ, я долго не могу прийти въ себя! Какъ будто послѣ сильнаго оглушенія внезапно разбудила меня среди улицы, или, послѣ довременнаго уединенія въ пустынной дѣлѣ, мгновенно перенесли меня въ театр!

Такое состояніе не составляетъ ни счастья, ни печали; я не чувствую потребности ни смѣяться, ни плакать; но это мнѣ нравится.

Не ужели немолкаемая болтовня окружающихъ меня лицъ не наскучила мнѣ, такъ какъ мнѣ, или и въ правду она мнѣ нравится и занимаетъ ихъ? Молодые и старые, военные и статскіе, женщины и мужчины, всё разсуждаютъ и спорятъ о египетскомъ пантѣ, о желѣзныхъ дорогахъ и о свекловичномъ сахарѣ! Что мнѣ за охота терять время на то, чтобы повторять только газетныя сужденія о силѣ парламента политическомъ достоинствѣ народовъ, о промышленности всей Европы, не принимая въ томъ лично никакого участія!..

Какъ ни утверждаютъ, что мы живемъ въ вѣкѣ образованности, но я полагаю, что мы немного отъ этого выиграли. По моему мнѣнію, средоточіе жизни находится не въ головѣ, а въ сердцѣ, не тотъ больше живетъ, кто больше разсуждаетъ; но тотъ, чье сердце движется чаще сильнымъ, высокимъ, благороднымъ чувствомъ.

Вообще, умъ человѣческій идетъ исполненными шагами, успѣхи образованности удивительны!

Масса просвѣщенія, увеличиваясь ежеминутно, достигла уже такого огромнаго развитія, что протекшія столѣтія справедливо могутъ называться темнотою, но высокія чувства, кажется, не идутъ впередъ, а обращаются назадъ! Прежде, въ первыя времена христіанства, терновый вѣнецъ, озаренный лучомъ небеснаго свѣта, былъ идеаломъ счастья на землѣ. Въ религіозномъ созерцаніи люди выѣли всегда передъ глазами эту эмблему страданій Спасителя нашего, и простирали къ ней дрожащія руки; жизнь ихъ была безпрерывнымъ событіемъ пожертвованій, дофронтелей и умерщвленія желаній! Христіанское общество составляло тогда одно семейство. Теперь подвиги этой великой эпохи становятся для насъ все менѣе и менѣе понятны; а сжа-

тые агонизмы сердца современников пока не могут открыться воспоминаніемъ прошедшаго. Настоящее время переломъ способно входить въ храмъ Спасителя, вѣсть способна по религиозной дорогѣ, на которой, въ продолженіи столѣтій, шли, и шли проповѣдью божьей, и насильствуютъ надъ нихъ освободителями. Другія времена, другія нравы!

Прежде, какъ говоритъ дѣяатель крестовыхъ походовъ, «служивство въ храмахъ Господнихъ и на площадяхъ, рассказывая крестовымъ войнамъ, съ дивными ангулономъ посланцевомъ сердца слушателей, собиравшихся толпами. Одни выжидали кресты на плечахъ, другіе выжидали ихъ раскаленнымъ металломъ на рукахъ и на лбу, пролагая все свое нѣміе за бездѣлность и вооружались на кровавый бой, вѣруя, что на званіи Господни воли! Не спрашивали, гдѣ лежатъ Палестины? Не спрашивали о силѣ невѣрныхъ, но толпились сотнями тысячъ и шли въ среженіе въ увѣренности, что совершится надъ ними чудеса и сильны посланы имъ будутъ силы, способности и средства къ освобожденію Иерусалима отъ невѣрныхъ. Такъ погибло полмилліона людей въ разныхъ странахъ, не достигнувъ даже священнаго мѣста! Кости ихъ истлѣли на чужой землѣ, вѣтора развеяли ихъ прахъ, но это несколько не лишило бодрости другіхъ. Многочисленные толпы вооруженныхъ странниковъ, одна за другою, шли, думая только о небѣ, бросивъ все, что ихъ принадлежало къ землѣ!

Гдѣ эти времена? Гдѣ эти люди? Объ нихъ осталось только воспоминаніе въ книгахъ, которыя нынѣ читаются, какъ арабскія сказки, между-тѣмъ какъ на меглахъ этихъ людей тащутся, разсуждая о египетскомъ паши, о желѣзныхъ дорогахъ и о свѣловичномъ сахарѣ!

Думать о паралахъ, вѣтъ конюшня, добиваться помылокъ коммунисковъ, вѣтреничать, завидовать, особенно же заниматься сметками, вотъ въ чемъ состоитъ жизнь большаго числа зѣвшихъ женщинъ! Достаточно познакомиться съ одной изъ нихъ, чтобъ знать, что дѣлаютъ, думаютъ и чувствуютъ всѣ прочія!

Нѣтъ ничего пагубнѣе для молодой дѣвчонки какъ то, когда къ свѣту провозгласить ее ученою! Великій, приближалась къ ней, напрягаетъ всѣ способности ума, всѣ познанія свои, а сердце прелесть, снится ея въ огонь. случай понос не нужнымъ! Такая жизнь ученой дѣвчонки есть совершенное умственное и во-

становится, такъ сказать, однитъ долги и тяжелый споръ, въ продолженіе котораго дѣвица не трогается съ мѣста, между-тѣмъ какъ соперницы ея веселятся. Невозможно выразить, какъ неприятно подобное положеніе въ обществѣ! О! люди! люди! забудьте, ради Бога, мое образованіе, считайте меня лучше глупой, но позвольте мнѣ согрѣться у того очага любви, который прерога воздвигла для дѣлаго человечества! Къ чему мнѣ ваши умы? Я хочу сродниться собственно съ вашимъ сердцемъ.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ.

Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ я не принимаюсь за свои записки! Какъ это случилось? Спала ли я такъ долго? Была ли я такъ счастлива, что ни на минуту не могла предаться размышленію!

Ни то, ни другое, я заплатила первую дань столицѣ. Женская прерога продолжала воспоминаніе, и я слѣдилась обыкновенной дѣвочкой. Какъ только настало время зимнихъ увеселеній, я позабыла свою философію, перестала наблюдать за людьми, бросила всѣ разсужденія въ сторону и вполне предавалась удовольствіямъ. Жизнь моя, доселѣ тихая, безматеевая, слѣдилась безпрерывною цѣною увеселеній, какимъ-то фантастическимъ словидѣніемъ, исполненнымъ очаровательныхъ призраковъ, хаосомъ, къ которому, бросаясь однажды, я потомъ кружилась уже невольно, какъ бы ведомая невидимой силой, отыскивая безпрестанно новыя развлеченія и удовольствія. Странно, съ жадностію пила я нѣтъ чаянн сѣта, не для утоленія жажды, но потому—что цектаръ былъ сладокъ и употеленъ! Если бы кто спросилъ: чего ищу я? Моему отвѣтомъ былъ бы самый продолжительный смѣхъ: такъ страненъ для меня былъ бы подобный вопросъ! Я была къ самокъ сильномъ энтузіазмѣ, въ какомъ-то безуміи и ослѣвленіи, была весела какъ дитя, безъ сознанія своей радости, но при всемъ этомъ какой-то тайное безволеиство тяготало душу, тревожило сердце, а какъ будто преслѣдовала какой-то призракъ, который казался мнѣ то близкимъ, то далекимъ отъ меня. Отецъ мой облянмъ мнѣ, что значитъ это бурное безволеиство дѣвическаго сердца. Я начала внимательнѣе наблюдать за собою, и, странное дѣло! очарованіе мое изчезло вдругъ,

мгновенно, какъ только размышленіе пробудилось въ моихъ мысляхъ.

Грустно, что это была только игра въ жмурки!

Скучно мнѣ послѣ этого бала: я желала бы высказать кому-либо мои жалобы; но, считая это весьма неумѣстной *выходкой*, не рѣшаюсь даже упоминать объ нихъ въ запискахъ. Чувствую неодолимое отвращеніе къ мизантропическому разсказу, какому въ нашъ вѣкъ бываетъ обыкновенно занято общество.

Есть люди, съ которыми знакомство дѣлается очень скоро, такъ сказать, съ перваго слова. Бесѣда ихъ нравится и, кажется, вытекаетъ изъ такого обильнаго источника дружбы, что мы торопимся приобрести ихъ расположеніе. Но, при второмъ уже свиданіи, начинаемъ примѣчать, что этотъ источникъ уполовинился, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе мы дѣлаемся равнодушны; потомъ слѣдуетъ періодъ недоумѣнія, а потомъ знакомство, начатое столь живо, съ пріятными надеждами на будущее, расторгается, исчезаетъ и забывается безъ сожалѣнія.

Иначе и быть не можетъ, потому-что люди, раскрывъ вдругъ все, что у нихъ есть въ головѣ и сердцѣ, могутъ только дѣлать повторенія, которыя всякому наскучать!

Вообще увѣряютъ, что между мужчиной и женщиной, особенно же между женщинами, не можетъ существовать чувство истинной дружбы. Какъ жалъ! а это чувство могло бы усладить многія заботы и страданія въ жизни! Но съ другой стороны, мужья, которымъ исключительно принадлежатъ сердца прекраснаго пола, потеряли бы много, а иногда и все, и супружескій союзъ былъ бы однимъ кольцомъ слабѣе. Природа видно имѣла спасительную цѣль, лишая сердце женщины одного нерва.

Однако жъ, быть-можетъ, это мнѣніе несправедливо. Мнѣ кажется, что я нашла здѣсь нѣсколько подругъ. Онѣ всегда ко мнѣ такъ благосклонны, такъ обо мнѣ заботятся! Если иногда лицо мое блѣднѣе обыкновеннаго, онѣ беспокоятся о моей ужасной блѣдности и всѣмъ жалуются, что я не берегу своего здоровья; если я задумчива, мнѣ вдругъ приходитъ въ голову, что меня оставилъ мой возлюбленный; не вѣрять, когда я имъ говорю, что не было кому оставлять меня, потому-что я ни въ кого не влюблена, и дружески предлагаютъ мнѣ свое посредничество. Тысячи пустанковъ доказываютъ ихъ благосклонность, но

торой никто, кромѣ женщины, оцѣнить не сумѣетъ, которыя философу даже не понятны. Напримеръ, если мнѣ случится надѣть нарядъ, отвергнутый модою, или сыграть на фортепіано не новую пѣсню, онѣ вдругъ предостерегаютъ меня съ пріятной улыбкой, что это старо, какъ міръ; и все это дѣлаютъ отъ чистаго сердца; а сами, будучи старше меня, далеки отъ всякаго соперничества; я знаю, что онѣ опытиѣ меня и ни мало не удивляюсь, если модный нарядъ, принесенный изъ магазина, который приводитъ меня въ восхищеніе, кажется имъ неприличнымъ, безвкуснымъ, и проч. Развѣ все это не доказываетъ дружбы, между женщинами?

Ипполиту не болѣе 28 лѣтъ, но онъ такъ много толкуетъ о развратѣ свѣта, о равнодушіи, притворствѣ, неблагодарности и корыстолюбіи людей, какъ будто уже прожилъ вѣкъ Маеусанла въ непрерывной борьбѣ съ обществомъ. Онъ одѣвается по послѣдней модѣ, превосходно танцуетъ, знаетъ изъ газетъ что дѣлается въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ земнаго шара, знаетъ сплетни и секретную исторію особъ лучшаго общества; читаетъ французскія повѣсти и декламируетъ изъ нихъ цѣлыя тирады; онъ вѣжливъ къ тѣмъ, которые его хвалятъ, но злословитъ тѣхъ, которые не льстятъ ему, — словомъ онъ добрый малый. Я ни сколько не сомнѣваюсь, что онъ обладаетъ всѣми достоинствами, какихъ тольکو можетъ желать женщина для своего счастья; онъ обратилъ свое пріятливое вниманіе на меня! Увы! Почему же на меня?

ШЕСТОЙ ДЕНЬ.

Pour la fête du cœur qui jamais ne commence,
Un laboureur parfois se ruine en semence,
Le temps fuit emportant l'espérance parjure,
Et l'on n'a conservé du bal que la parure.

DELPHINE GAY.

Что за суета въ свѣтскихъ увеселеніяхъ! Пустословить весь вечеръ, смѣяться, острить, кружиться, обольщать себя и другихъ, и столь утомительнымъ трудомъ достигать ничтожнаго
К. X. — Отд. IV.

терпества самолюбія! а потомъ, когда въ тишинѣ кабинета об-
нѣнешь малую протѣшнѣй вечеръ, онъ покажется смѣшнымъ,
душа разочаровывается, впечатлѣнія исчезаютъ, и, съ пустотою
къ сердцѣ, со слезами на глазахъ, бросаешься въ постель!

Я имѣю причудливый характеръ. Самыя горестныя событія
бываютъ пріятны мнѣ въ воспоминаніи, и напротивъ того не-
стоящая жизнь, хотя бы въ ней не было ни малѣйшаго не-
достатка, представляется мнѣ всегда какъ бы отрывкомъ не-
какого-то идеальнаго дѣла, часто не выразиимо скучнаго!

Нѣтъ ничего причудливѣе сердца; оно, подобно дятлу, кото-
рое для того добивается разныхъ игрушекъ, чтобъ потомъ раз-
бить ихъ! Тремя игрушками преимущественно любитъ забав-
ляться сердце: воспоминаніемъ, надеждами и мечтами. Я готовъ
вѣрить, что только въ такихъ видахъ можно наслаждаться сча-
стіемъ на землѣ! Желаю однако жъ, чтобъ это былъ вымыселъ
мечтательной женской головы,—фантазія, и только!

Упадетъ ли кто на улицѣ, надъ нимъ смѣются; потеряетъ ли кто
нѣвніе, смѣются; люди надо всѣмъ смѣются, всегда и вездѣ, а кто
хочетъ плакать, пусть ищетъ удивленія не замѣтнаго для людей,
а то пожалуй и надъ этимъ станутъ смѣяться! Одинъ, покачивавшій
отъ смѣха, рассказывалъ мнѣ, какъ вынулъ изъ дому докучли-
ваго заимодавца, какъ прибилъ его; другой, какъ обманывалъ сте-
руху тетку, чтобъ выманить у ней деньги; иной чванится, что
притворными признаками привязанности возбуждалъ страстную
любовь въ сердцѣ неопытной дѣвушки—и каждому кажется, что
свѣтъ долженъ удивляться его талантамъ!

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.

O ja, dem Herrn ist alles Kinderspiel!

сѣтне.

Отецъ мой справедливо замѣчаетъ, что обыкновенный порокъ
нашего вѣка—тщеславіе! Всякій хочетъ слыть ученымъ, между-
тѣмъ никто собою не занимается, но, для соглашенія этихъ
двухъ противоположностей, есть одно только средство: кричать
громко, слушайте то, что я говорю, и вѣрьте мнѣ, а все знаю!

Если же въ этомъ не успѣваютъ, то спорятъ до безконечности! Это господа гладиаторы споровъ; они подобны кастунамъ, которые съ пустыми карманами принимаютъ важный видъ, толкаютъ другъ на друга и поминаютъ головы вверху. Для нихъ не существуетъ никакого убѣжденія—называйте имъ книги, ссылайтесь на здравый разумъ или опытъ, все это нисколько не воздѣйствуетъ, они, какъ экзорцы, повторяютъ свой періодъ тысячу разъ и, такимъ удрамствомъ своимъ и силою голоса, заставляютъ каждого замолчать. Если бы явился самъ Ньютонъ, то онъ осмѣялъ бы и его, и отравили бы его на школьную славную школу учиться арифметикѣ!

Несчастныя крикуны! Если кто изъ нихъ встрѣтитъ существо ишнее, какъ дѣвцу, которая, по природѣ своей, привычкамъ и слабости, не можетъ проговорить мужчинѣ, но съ кротостію указываетъ ему заблужденія его, то онъ, не обращая вниманія на ея встаны, изблнчающія его ложь, смѣясь и надѣваясь, употребляетъ всѣ извороты, чтобы запереть ее въ столѣтнемъ кругу отаѣтовъ, что бѣдная дѣвца невольна подумаетъ: не возвратились ли ея дѣтскія лѣта! Терпѣливо и съ улыбкой, слушаетъ она самыя недѣльныя басни, чтобы не оскорбить ученаго мудреца. Привуждена даже вѣрить ему, что въ Пекинѣ сренрасно танцуютъ на балахъ мазурку, что какой-то астрономъ видѣлъ черезъ телескопъ стадо барановъ на лунѣ, что въ Лондонѣ дѣлаютъ превосходныя сосиски посредствомъ галаванна и прочее. Не есть ли это уместный ударъ, не есть ли это самое большее униженіе, которое когда-либо можетъ встрѣтить мыслящее существо?

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ.

Mein lieber Freund, ich rath euch drum
Zuerst Collegium Logicum,
Da wird der Geist euch wohl dressirt
In spanische Stiefeln eingeschnürt
Dass er nicht so.....
Irrlichte!ire hin und her.
GÖTTE.

Боже мой! Сколько здѣсь поэтовъ! Почти во всякой гостинной встрѣчаемъ поэта! Книжные магазины завалены стихотворенія-

ни; мальчишки по улицамъ продаютъ поэмы дешевле обыкновенныхъ чулокъ; въ переднихъ зѣваютъ надъ балладами или сонетами!

Смѣшонъ предразсудокъ, что для занятія мѣста на Парнассѣ, надо только умѣть писать вирши по вдохновенію! Сущая нелѣпость! Господа стихотворцы! Читайте біографіи поэтовъ древнихъ и настоящихъ временъ, вы увидите, что каждый изъ нихъ независимо отъ поэтического вдохновенія, о которомъ вы такъ много толкуете, получилъ необыкновенное образованіе; почти всѣ они усиленными трудами, такъ сказать, выработывали свои безсмертныя произведенія, хотя слѣды этихъ трудовъ ни сколько не видны, подобно тому, какъ не видны слѣды подмостковъ, служившихъ для спуска корабля. Древніе и новѣйшіе поэты уважали свѣтъ и людей, не только изъ книгъ, выражающихъ опытъ предшественниковъ, но и по собственнымъ наблюденіямъ.

Такіе только люди могутъ увлекаться вдохновеніемъ и быть пророками; что цѣнимъ мы въ поэзіи? Не звукъ подобранныхъ и въ извѣстномъ порядкѣ уложенныхъ въ рѣшмы словъ, но мысль, точно такъ какъ въ живописи цѣнятся не краски, но идея артиста, одушевляющая картину. Только зрѣлая, глубокая, высокая мысль, согрѣтая священнымъ пламенемъ поэтическаго жара, можетъ явиться въ свѣтъ съ печатью безсмертія, какъ *Минерва изъ головы Юпитера*. Юное, не знающее людей сердце и пламенная, но пустая голова не только никогда не образуютъ поэта, напротивъ причиняютъ много вреда поэзіи, языку и даже отечеству. Молодые люди едва покинутъ школьную скамью (а часто еще и сидя на ней), при первомъ волненіи крови, воображаютъ, что это вдохновеніе, поэтическій жаръ, что это признакъ необыкновеннаго чувства; бросаютъ науки, оставляютъ въ бездѣйствіи умъ, и пренебрегая тѣми отраслями просвѣщенія, которыя доставляли бы имъ содержаніе, отечеству же хорошихъ чиновниковъ, упрямо взбираются на Парнасъ! Муза ихъ, не зная порядочно языка, уродуетъ его во всякой строкѣ; бѣдный Пегасъ, не вскормленный здравымъ разсудкомъ, съ трудомъ тащитъ на себѣ рѣмача, грузъ тяжелый! онъ ежеминутно спотыкается и падаетъ съ священной горы, въ грязь неприличія, въ лужу скуки, или въ темную яму высокопарной глупости! Тогда рѣмачей вредятъ только поэзіи и поэтамъ. Спросите у кого-либо: что такое поэтъ? Въ отвѣтъ: скажутъ вамъ поэтъ

того, кто пишет стихи! Такая идея кружится въ многочисленномъ обществѣ. Никто не подумаетъ, что писать стихи, безъ идей и безъ чувства, то же, что мазать стѣны желтою или зеленою краской.

Человѣкъ есть малый міръ, но между такими малыми мірами, безъ сомнѣнія, менѣе другихъ понятенъ поэтъ: существо загадочное, въ одиночествѣ брошенное между небомъ и землею; странное въ идеальной жизни, причудливое въ практической. Голова его какъ будто для симметріи только укрѣплена на плечахъ, но душа его соединена въ сердцѣ, которое чувствуетъ, мечтаетъ, глядитъ, слышитъ, которое есть, такъ славать, человѣкъ, заключенный въ человѣкъ. Эти два лица, человѣкъ чувственный и человѣкъ духовный, никогда между собою несогласны, какъ разумъ и сердце, какъ вода и масло, одно можетъ побѣдить другое, но соединиться никогда. Человѣкъ чувственный ѣсть, пьетъ, и если онъ богатъ, то кружится въ свѣтѣ, покуда необходимость не принудитъ его къ систематическимъ занятіямъ; онъ живетъ безпечно, не заботясь о будущемъ, и часто бываетъ такъ простъ, что даже дѣти надъ нимъ смѣются. Человѣкъ духовный не заботится ни о пищѣ, ни о спокойствіи тѣла, безпрестанно трудится, видитъ въ природѣ чудеса, замѣчаемыя другими тогда только, когда имъ пальцемъ укажутъ; въ человѣкѣ онъ видитъ еще больше чудесъ, чѣмъ въ природѣ, избираетъ все, что ему нравится, и создаетъ себѣ очаровательный міръ, въ которомъ наслаждается роскошью. Поэтъ въ мірѣ идеаловъ такъ сильно привязывается къ созданіямъ своей фантазіи, что наконецъ онѣ кажутся ему дѣйствительностію. Бѣдный простякъ! Онъ ищетъ идеаловъ на землѣ, ищетъ ихъ съ энтузіазмомъ, въ полной увѣренности, что они не далеко отъ него, тоскуетъ по нимъ, простираетъ къ нимъ свои объятія.... Тогда-то чувствуя потребность облегчить состояніе души, онъ поетъ дивныя пѣсни, извлекаетъ изъ струны чудесные звуки или, посредствомъ кисти, выливаетъ на полотно свои думы, или рѣзцомъ олушевляетъ мраморъ. Иногда оставившись на пути, онъ восклицаетъ, подобно Архимеду: нашель! но, узнавъ свою ошибку, продолжаетъ путь свой далѣе, пока не отвлечется отъ него человѣкъ чувственный. Поэтъ оставляетъ иногда по себѣ въ наслѣдство пѣсни, или деревяныя воспоминанія, а иногда не оставляетъ ничего, кромѣ наивнѣшаго прозванія чудака! Но возвращусь опять къ салонному пре-

року. Одинъ изъ нихъ; прочитавъ мнѣ свои стихи, спросилъ объ ихъ моемъ мнѣніи. Я отвѣчала откровенно, что ничего въ нихъ не понимаю. Рюмачу, привывшему къ похваламъ въ гостиницѣ, было досадно. Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ, и сказала: поэзію надобно понимать сердцемъ, а не головою. На это я отвѣчала, что Шиллера понимаю очень хорошо и чувствую съ нимъ одинаково. Быть не можетъ! воскликнулъ рюмачъ. Быть не можетъ! повторили другіе, вы оскорбляете Шиллера! Разсуждать о поэзіи умомъ, доказываетъ хладнокровіе, равнодушіе, неискренность и проч. и проч. Вотъ, подумала я, теперь, ради рюмача, провозгласить меня дѣвницей безъ сердца, холодной какъ рыба, самолюбивой.... педаанткой.... и Богъ знаетъ, что еще не выдумаютъ!

Съ умноженіемъ лѣтъ, слабѣютъ чувства и часто засыпаютъ своимъ непробудимымъ; тогда мѣсто ихъ заступаютъ жесткія страсти. Въ юномъ сердцѣ живутъ и любовь, и слава, и поэзія, и много другихъ благородныхъ чувствъ, а потомъ въ этомъ же самомъ животѣ гнетется честолюбіе, скупость, интрига! Удивлять, возмущать новыхъ гостей, начинать сѣяться надъ тѣмъ, которые снылись!...

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

Où! n'insultez jamais une femme!...

Викторъ Гюго.

Сегодня у красави Г... я имѣла мѣстельно гостей, и, какъ говорится, вѣрительскую бесѣду. Майоръ Столбовъ безопасно поносилъ и чернилъ имя одной отсутствовавшей дамы, укладывавъ рѣчь свою въ самыя красивые, гладкія и остроумныя фразы, не показывая однакожъ ничего истиннаго, но оставивъ слушателя обширное поле для догадокъ. Что за удивительный французскій языкъ! Владѣи мнѣ все-какъ, можно злословить всю уголку, особенно женщинъ, и притомъ самыя пріятныя и легкія россказать; можно сказать, какъ изъ рота изобилій, калашуръ, диктримъ и сарказмъ, можно, не обременявая индиференсъ, представлять другому въ самомъ дурномъ видѣ. Это

истинно свѣтлой възмѣтъ, скрывающей недостатокъ ума и представляющей человѣка гораздо образованнѣе, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ модный нарядъ скрываетъ старообразность женщины и придаетъ имъ милосивость. Случай не позволялъ маіору кончить разсказа: доложили о прѣздѣ той дамы, о которой онъ говорилъ. Бѣдная женщина, весело, рѣзко войдя въ гостиную, ввѣстительно привѣтствовала всѣхъ, никакъ не подозрѣвая, что здѣсь, за нѣсколько минутъ до ея посѣщенія, терзали ея доброе имя. Женщины приняли ее, какъ по-другу, мужчины осыпали ее тысячами свѣтскихъ вѣжливостей, а маіоръ наговорилъ ихъ больше всѣхъ! Взглянувъ на нее и на него, я не могла подавить въ себѣ какого-то страннаго ощущенія. Онъ высокой ростомъ, полный, она тонкая, въ легкомъ, изящномъ платьѣ,—и этотъ исполнитъ, этотъ тигръ могъ свирѣпствовать надъ райской птичкой!

Чтобы опредѣлить достоинство лошади, спрашиваютъ: какихъ она лѣтъ, крѣпка ли, быстра ли на бѣгу? А между тѣмъ, какъ часто встрѣчаемъ людей, которые не дѣлая разспросовъ о своихъ собратахъ, осуждаютъ ихъ съ перваго взгляда, и иногда вовсе не зная ихъ, увлечаются только сличеніемъ, выдуманнѣйшимъ на ихъ счетъ! Преступника, пойманнаго на дѣлѣ, предають суку, давая ему всѣ способы къ оправданію; между тѣмъ въ обществѣ обманываютъ и судятъ человѣка безъ процесса, безъ жалоски, безъ размышленія. Какъ часто слышимъ, что люди не умѣютъ иначе выражаться, какъ только рѣшительнымъ притворомъ: тотъ плутъ! тотъ подлець! одна кокетка, другая гаупа! Въ припадкѣ гнѣва, кричащій трибуналъ нисколько не подумаетъ, какъ трудно основательно узнать человѣка, постигнуть всѣ побужденія, которыя управляютъ его поведеніемъ!

Послѣдствія такихъ торопливыхъ сужденій бываютъ не только чувствительны для оскорбленныхъ, но часто ничѣмъ не могутъ быть вознаграждены, потому-что люди остаются иногда дѣтьми, даже и въ то время, когда по-видимому вышли изъ дѣтскаго возраста; они хватаются за мнѣнія неосновательныхъ умовъ, паркетныхъ умницъ, тщеславныхъ крикуновъ и, присвоивъ ихъ софизмы, считаютъ это уже своею собственностью!

Слава Богу, что кончилось безъ самоубійства, а то, пожалуй,

чего бы люди не рассказали на меня, если бы Ипполитъ въ пароксизмѣ отчаяннаго любовника лишилъ себя жизни. Тысячу разъ собиралась я сказать ему откровенно, что онъ можетъ найти себѣ много дѣвицъ достойнѣе меня, но слова замирали на устахъ я и все откладывала свое намѣреніе. Наконецъ въ одно прекрасное утро, Ипполитъ является къ моему отцу и, безъ предварительныхъ церемоній, проситъ моей руки! Отецъ съ улыбкой отправилъ его ко мнѣ, а я рѣшительно отказала! Бѣдный обожатель былъ неожиданно пораженъ моимъ отказомъ, отчаяніе овладѣло имъ. Желаніе лишиться себя жизни было прощальнымъ словомъ его! Въ испугѣ побѣжала я къ отцу, умолая его, чтобы онъ, какимъ бы то ни было образомъ, удержалъ отчаяннаго любовника отъ безразсуднаго намѣренія.—Успокойся, сказалъ мнѣ отецъ, нѣтъ ничего обыкновеннѣе въ мірѣ, какъ то, что молодой человѣкъ общается дѣвущкѣ умереть, жалуется на людей и на страданія души. Это самый простой способъ сдѣлать доступнымъ сердце дѣвущки; у васъ состраданіе и любовь—родныя сестры, и очень часто дѣвущка принимаетъ одно за другое.

Это самое низкое средство! воскликнула я въ негодованіи. Это родъ подавленія, унижающій достоинство человѣка, подлогъ, втораго ничто оправдать не можетъ!

Не внимая словамъ почтеннаго родителя моего, я была въ ужасномъ безпокойствѣ, пока не увидѣла Ипполита здоровымъ и румянымъ по обыкновенію. Камень свалился у меня съ сердца! Мнѣ рассказывали потомъ, что въ самомъ дѣлѣ Ипполитъ намѣренъ былъ застрѣлиться, но когда зарядилъ пистолетъ, то раздумалъ и энтузіазмъ отчаянія залилъ виномъ съ своими друзьями.

Здѣшніе люди кажутся мнѣ странаго нрава. Встрѣтите ли вы ихъ въ свадебномъ или траурномъ нарядѣ, видите ли вы знакомства и дружбы ихъ, или уклоняетесь отъ всякихъ сношеній съ ними, они всегда привѣтствуютъ васъ улыбкой и начинаютъ злословить, какъ только вы удалитесь отъ нихъ.

Здѣсь всѣ люди исполняютъ правило дипломата, сказавшаго, «что слово не для того дано человѣку, чтобы онъ объяснялъ свои мысли, но для того, чтобы лучше ихъ скрывалъ». Это истинное правило взаимнаго обмана, и все это дѣлается такъ непринужденно, съ такимъ обдуманымъ намѣреніемъ, съ такимъ разчетомъ, какъ бы человѣкъ для того единственно и

жить въ мѣрѣ, чтобъ обманывать другихъ и въ душѣ смѣяться надъ ними.

Въ ихъ дружеской бесѣдѣ нѣтъ ни малѣйшей искренности; ихъ вѣжливость холоднѣе мороженаго, которое разносятъ лажкен, а совѣты надобно понимать въ противоположномъ значеніи, чтобы избѣжать обмана. Такіе люди напрягаютъ умъ надъ вымыслами: какъ бы ловчѣе выкопать яму подъ ногами ближняго; гоняются за остроумными словами; бѣгаютъ за деньгами и почестями, ищутъ обѣдовъ, увеселеній и стараются отыскивать средства, чтобы прельщать дѣвчмы; словомъ пускаются на все! Одинъ господинъ, садясь возлѣ меня, вынимаетъ изъ кармана свои стихи, терзаетъ ими слухъ мой. Едва я успѣла отдѣлаться отъ него, какъ съ другаго конца залы бѣжитъ ко мнѣ на встрѣчу дама и ввѣряетъ мнѣ секретныя свои замѣчанія. О! добрые люди! Сжальтесь надо мною, удержите свою щедрость: я право не въ состояніи уже буду вынести бремя вашихъ даровъ. Оставьте меня въ покоѣ! Ни я вамъ, ни вы мнѣ ни къ чему не надобны. Не въ моей волѣ стѣснять себя вашей политикой и играть роль на вашемъ театрѣ. Я бываю весела или грустна не по расчету, а потому, весело или грустно моему сердцу. Бываютъ минуты, когда неожиданно овладѣваетъ мною безотчетная печаль и потребность слезъ, и если бы вы не смотрѣли на меня, я бы плакала и теперь, какъ дитя. Въ другое время мнѣ такъ весело, что, какъ говорить Гофманъ, я готова надѣть на голову двѣ шляпки и выбѣжать на улицу. Удивительно ли, что съ такимъ характеромъ, мнѣ душно, тѣсно и скучно на вашихъ блестящихъ вечерахъ и раутахъ?

Весьма часто человекъ поступаетъ съ своимъ сердцемъ такъ же, какъ всадникъ съ лошадыю: то упражняетъ ее въ небольшой ѣздѣ, то рыскаетъ на ней по полю, гоняется за зайцами и для ничтожной добычи такъ изнуряетъ своего добраго коня, что тотъ едва имѣетъ силы возвратиться въ свое стойло. Такъ сребролюбецъ отыскиваетъ богатую невѣсту и, съ истощеннымъ сердцемъ отъ неудачъ, останавливается у воротъ супружества, для отдохновенія отъ усталости, а вовсе не для дѣятельности совместной жизни, и совершаетъ брачный союзъ, какъ случится.

Въ умѣ моемъ рождаются планы различныхъ занятій; предположенія и замыслы, сверкая какъ молніи, ослѣпляютъ меня своимъ блескомъ и производятъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что въ эти минуты я чувствую постоянное вдохновеніе.

Но лишь начну размышлять, разбирать дѣло, изобрѣтать средства, теряю энергію, охлаждаю, и мои планы разрушаются, какъ карточные домики. Замыслы ничего мнѣ не стоятъ, хватаюсь за дѣло съ жаромъ, но вспомнивъ, что для выполненія его нужны время, терпѣніе, математическая точность.... прощай все, всему конецъ! Многимъ сочиненіямъ я начертала въ моемъ воображеніи планы и ничего до сихъ-поръ не написала! Сколько намѣреній для исправленія своего характера, своихъ поступковъ, а между-тѣмъ слабости и недостатки остаются тѣ же. Такъ проходитъ жизнь моя!

Иногда самый ничтожный вздоръ, какал-нибудь странность занимаетъ меня по цѣлымъ часамъ, какъ будто предметы важные. Размышляю объ этихъ пустякахъ, рассматриваю ихъ съ разныхъ сторонъ, дѣлаю тысячу предположеній, выводовъ, теряюсь въ хаосѣ догадокъ; и вдругъ замѣтивъ глушость, смѣюсь сама надъ собою. Такимъ образомъ сегодня потеряла я почти цѣлое утро, размышляя о томъ, что было бы, если бы, какъ-какимъ-либо чудомъ, животныя надѣли фраки и платья и выѣшались между людей? Я воображала себѣ залу, наполненную подобнымъ обществомъ; тутъ видѣла я какъ верблюды танцовали наzurку съ кротомъ, а между-тѣмъ козелъ, мулъ и оселъ, стоя въ углу на заднихъ лапахъ, играли на разныхъ инструментахъ; проворная кошка привѣтливо встрѣчала гостей; крокъ училъ зайца философіи, желая сдѣлать его расторопнымъ; воробей толковалъ о геогвозіи, волкъ о нравственности и политической экономіи; летучая мышь декламировала свою романтическую поэму, отъ которой приходили въ восторгъ внимательныя утки... чего не видала и не слыхала я въ этихъ мечтахъ!

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ.

Суеты.

У господъ есть теплое жилище, одежда, обувь, прислуга, кареты, зонтики и калоши, повара и доктора, но за всѣмъ этимъ они истощаются въ выдумкахъ, какъ провести время, какъ сохранить здоровье? Ослабѣтъ ли зрѣніе, они ищутъ для этого стекла; не достаетъ ли зубовъ, могутъ замѣнить ихъ под-

дѣльница; поблѣднѣетъ ли лицо, есть румяны; нужна ли лучшая фигура тѣла, есть для этого вата и нарядные костюмы. Всего этого не видѣютъ поселяне, но пользуются здоровьемъ и доживаютъ глубокой старости!

Какъ часто встрѣчаемъ, что люди съ пустою головою разыгрываютъ роль ученыхъ; съ пустымъ карманомъ — богачей, съ мѣрнымъ сердцемъ — влюбленныхъ или друзей! Это, право, большое искусство! Но къ чему оно, когда это почти всеѣмъ принадлежитъ, всякій принимаетъ и платитъ тою же самой монетою? Иной хлопочетъ, торопится, ему кажется, что онъ уже близокъ къ цѣли но, оглянувшись назадъ, видѣть, что, не трогаясь съ мѣста, онъ только кружится, какъ факиръ!

ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Was willst du böser Geist von mir?

FAUST.

Vous avez les diables bleus — maladie qui s'appelle en anglais blue devile.

STELLO.

Есть что-то во мнѣ, или близъ меня такое, что не позволяетъ мнѣ быть счастливою. Иногда сердце мое наполняется приятнымъ чувствомъ; тогда я всеѣхъ люблю, всеѣмъ улыбаюсь, все мнѣ нравится, и я бы хотѣла оставаться на-всегда въ этомъ расположеніи духа; но вдругъ, сама не знаю откуда черныя мысли налетаютъ ко мнѣ, кружатся въ моей головѣ, какъ стаи вороновъ, и сбѣдаютъ въ мозгу моемъ прекраснѣйшія мечты!

Мнѣ кажется, что собственный мой умъ управляется какимъ-то демономъ, который стоитъ при мнѣ неотступно и на ухо шепчетъ мѣнѣ свои, оледеняющія мое сердце. Случалось это со мною и прежде въ деревнѣ, но тогда я была дитятемъ, не знала людей, и все кончалось невольными слезами, которыхъ причина для мнѣ, ни другимъ не была понятна. Теперь совсѣмъ другое дѣло. Я живу въ свѣтѣ, меня окружаютъ очарованія, простираю руки, чтобъ схватить то, что жребій ко мнѣ приближаетъ,

и отступаю въ отчаяніи; голосъ моего таинственнаго демона шепчетъ мнѣ, что все это фальшиво, что привлекающіе меня цѣлты сдѣланы изъ шелку. Восхищаюсь ли я? таинственный демонъ издѣвается; уважаю ли я? онъ унижаетъ; довѣрлю ли я? онъ разувѣряетъ; растрогаюсь ли до слезъ? онъ находитъ въ нихъ слабость и глупость и всегда увлечетъ меня въ сторону противоположную той, гдѣ я искала счастья или надежды. Холодный, насмѣшливый, недовѣрчивый, неумолимый, онъ терзаетъ мое сердце, какъ беззащитную жертву, отравляя въ немъ всякое увлеченіе въ самомъ его зародышѣ. Я вижу, что съ этимъ демономъ нужно мнѣ будетъ бороться въ продолженіе цѣлой жизни. Онъ стоитъ возлѣ меня какъ часовой, я стараюсь прогнать его, а онъ отвѣчаетъ, что ужъ слишкомъ поздно!

О! сколько мечтаній и надеждъ принуждена я была бросить по его волѣ, на пути жизни! Сколько бессонныхъ ночей провела я, со слезами и отчаяніемъ слушая его разсужденія! А что хуже всего, заплакавшись и насмѣявшись вдоволь, замѣчаю весьма часто, что напрасно съ нимъ спорила, онъ почти всегда правъ!...

Есть много такихъ словъ, значеніе которыхъ совершенно относительно; къ числу ихъ принадлежитъ и слово *счастье*. Каждый изъ насъ иначе понимаетъ счастье, потому-что у всякаго другая цѣль жизни, иные желанія, вкусы и потребности, какъ физическія, такъ и нравственныя. Что одному кажется крайнимъ предѣломъ богатства, то, въ мнѣніи другаго, можетъ быть нищетою. Отсюда происходитъ то, что мы часто имѣемъ ложное понятіе объ участи другихъ; несправедливо завидуя однимъ, безъ причины сожалѣемъ о другихъ; отъ этого происходитъ, что мы весьма часто осуждаемъ людей, равнодушно и несправедливо, за то, что они недовольны своей судьбой. Ежедневно слышала я въ обществѣ разсказы, что одна дѣвица сама не знаетъ чего хочетъ, случаются ей отличныя партіи, а она отвергаетъ ихъ; или, у такой-то дамы добрый мужъ, а не смотря на то, она всегда грустна. О! холодные пустословы! Вамъ кажется, что сердце женщины должно биться въ ея груди, соразмѣрно съ расчетомъ вашего самолюбія. Ни одинъ изъ васъ не подумаетъ, что можно уважать человека, не любя его или даже питая къ нему отвращеніе. Мужчина можетъ быть красивъ собою, пріятный собесѣдникъ, образованный и добрый другъ, порядочный хозяинъ, благородный гражданинъ и не смотря на всѣ эти достоинства, онъ можетъ не нравиться женщинамъ, или да-

же поправившись, не сдѣлать ее счастливою. Самые блистательныя качества не возбуждаютъ любви въ сердцахъ нашихъ, если природа однимъ дуновеніемъ не воспламенитъ въ нихъ чувства.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Encore si vous m'eussiez laisse.... l'ignorance
J'aurais vécu paisible.
Mais vous avez nourri les feux de mon génie.

GILBERT.

Меня называютъ кокеткой, женщиной безъ сердца, управляемою только умомъ и воображеніемъ, и все это потому, что я еще до-сихъ-поръ не влюблена. Добрые люди! я ли виновата, что каждый изъ васъ приноситъ мнѣ свой грошъ, желая отдать его мнѣ за червонецъ, что куклы, странныя, заморскіе звѣри, танцуютъ возлѣ меня сарабану, болтаютъ, дѣлая странныя гримасы, снимаютъ шляпы и съ униженіемъ кланяются! Возьмите меня! говоритъ одинъ, я ужъ мѣсяць прыгаю передъ вами, я вѣженъ, какъ голубь, вы будете мною довольны. Любите меня! говоритъ другой, - я ужъ цѣлый годъ пляшу, ноги у меня болятъ, мнѣ бы ужъ пора отдохнуть. Отдайте мнѣ свою руку! говоритъ третій, я всю жизнь буду плясать передъ вами.

Добрый мой отецъ! Зачѣмъ, еще въ дѣтствѣ, свелъ ты меня съ обычной дороги женской жизни. Зачѣмъ столь усердное имѣлъ ты попеченіе о моей головѣ, и научилъ меня разсуждать и наблюдать за людьми? Зачѣмъ, разложивъ любовь на начала, далъ ты мнѣ о ней такое высокое понятіе, что теперь искавши ее по твоему рецепту, я съ отчаяніемъ замѣчаю, что ея нѣтъ между людьми. Возьми отъ меня это образованіе, возьми пагубный для меня рецептъ свой. На что это мнѣ, если я, какъ сирота, должна скитаться въ мірѣ? Мои ровесницы бѣгутъ весело по дорогѣ жизни; для нихъ сияетъ солнце, цвѣты ихъ утѣшаютъ, соловей имъ поетъ, и, едва сдѣлавъ нѣскольکو шаговъ, онѣ находятъ спутника.... и я бы пробѣжала по той же самой колесѣ; и, быть-можетъ, встрѣтила бы тернія, но посреди ихъ нашла бы и розы! Зачѣмъ ты, мой добрый

отецъ, поселилъ въ душѣ моей слышимое высочайшее покаяніе? Не могу ли жаловаться на тебя, какъ Жильбертъ на своихъ родителей?

ТРИНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Es schleichen wilde Schrecken
So ängstlich leise her,
Und tiefe Nächte decken
Die Seele zentnerschwer.

NOVALLIS.

Напрасно хотѣла бы я выразить чувство, которое иногда овладѣетъ мною. Сама не знаю, чего недостаетъ мнѣ: у меня есть книги, фортепіано, рисовальный приборъ, множество знакомыхъ, и я могу пользоваться всѣми увеселеніями столицы, не смотря на то, меня часто одолѣваетъ такая скука, что ничто не въ состояніи развлечь. Я не больна, а все у меня болитъ, мнѣ не хорошо дома, а въ гостяхъ еще хуже. Думаю иногда: не успокоитъ ли меня музыка? Но едва слышу нѣсколько аккордовъ, слухъ мой страдаетъ, и я опять желаю тишины. Бѣдѣ недѣли собираюсь прочесть книгу, которую въ другое время я прочла бы въ нѣсколько часовъ. Какая-то неопредѣленная тоска овладѣла всею душою моею, сердце шлетъ въ бездѣльную летаргію.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Отецъ мой былъ сильно боленъ и едва оправился. На болѣзненномъ одрѣ, почтенный старецъ болѣе думалъ обо мнѣ, нежели о себѣ, и когда горячка воспламеняла его воображеніе, безпокойныя мысли страдающаго останавливались чаще всего на томъ, что, въ случаѣ кончины его, я останусь сиротой, безъ защиты, среди пустыни міра. Иногда воспоминалъ онъ, какъ бы въ отчаяніи: а если я ошибся? Если идеи мои о воспитаніи ложны? Боже! тогда лишишь я ее всей молодости, прекраснѣй-

шей жемчужины въ вѣнцѣ жизни! Сорвавъ покровъ призрака съ глазъ ея, я бросилъ ее, внезапно въ міръ, въ которомъ теперь ничто не занимаетъ ее, не удивляетъ, не прельщаетъ! Но вдругъ онъ опять утѣшалъ себя, говоря: нѣтъ, я не могъ ошибиться, предохраняя ее до зрѣлаго возраста отъ бурей сердечныхъ и развивая тщательно способности, которыми одарила ее природа. Пусть смѣются свѣтскіе люди, пусть издѣваются философы, я повиновался голосу ума и опыта. — Успокойся, почтенный родитель, я возьму фонарь Діогена и стану искать человека, по твоему желанію!

Твои дряхлыя лѣта, мой возрастъ, судьба женщины и потребность мужскаго покровительства въ обществѣ, наконецъ нелегко, которую свѣтъ называетъ на жизнь старой дѣвы, все это такия побужденія, которыми умъ мой нисколько не сопротивляется. Неужели мнѣ не досадно, что я уже во второй эпозѣ женскаго вѣка, что лицо мое начинаетъ принимать постепенно выраженіе зрѣлости, и что вскорѣ молодежь отстанетъ отъ меня? Съ другой стороны, воображеніе представляетъ глазами моимъ плѣнительныя картины счастливой, семейной жизни, сердце чувствуетъ ужасную пустоту въ мірѣ и выразительно добивается перемѣны въ судьбѣ. Бывали минуты, что я сдѣлалась бы благосклонною къ тому или другому, если бы неотступный мой демонъ оставилъ меня хотя на нѣсколько времени. Не довольно уже и этой исповѣди! Я обѣщала себѣ подумать объ этомъ предметѣ.

ПЯТНАДАТЫЙ ДЕНЬ.

ВЕСЬДА СЪ ДЕМОНОМЪ.

— Любовь есть поэзія сердца, подумала я, и поэтому, она такъ рѣдка на землѣ, какъ вдохновенныя грѣсни поэтовъ.

— Любовь есть сновидѣніе, шепнулъ мнѣ демонъ. Любовь столь же обыкновенное дѣло, какъ сонъ; любить можно различными образомъ, какъ видѣть различные сновидѣнія; можно спать по принужденію и любить по расчету.

— Да! воскликнула я, любовь есть сновидѣніе, но сновидѣніе очаровательное, божественное.... я тебѣ разскажу подобнее сновидѣніе. Демонъ нахмурился, какъ рецензентъ при видѣ книги, которой заглавіе ему не нравится.

СОНЪ ДѢВИЦЫ.

I zwiedzili drogi mléczne,
Wszystkie słońca i księżycę,
Wszystkie sfery podświetlone.

JULIAN KOVBAK.

Спящей дѣвицѣ казалось, что былъ осенній вечеръ; вѣтеръ, шумя въ саду, срывалъ и уносилъ послѣдніе цвѣты, колебалъ деревья и сметалъ пожелтѣлыя листья въ аллеяхъ!

Она взглянула на небо! Блѣдная луна то выглядывала изъ-за облаковъ, то въ нихъ утопала; звѣзды сіяли слабымъ свѣтомъ, какъ будто мерцающіе въ отдаленіи, похоронные факелы, и угасали одна за другой; наступалъ мракъ!

— Мракъ и печаль! воскликнула дѣвица, со вздохомъ. Кромѣ этого, ничего нѣтъ въ мірѣ. Но едва произнесла она эти слова, какъ вдругъ все переишло. Казалось ей, что деревья покрылись свѣжей майской зеленью, тихій вѣтерокъ игралъ листьями, тысячи чудныхъ цвѣтовъ издавали пріятное благоуханіе, соловей распѣвалъ плѣнительныя пѣсни, луна, изливая восхитительный свѣтъ, плыла по небесной лазури и ни одно облачко не помрачало очаровательнаго свѣтила. Дѣвицѣ казалось, что, на серебряныхъ лучахъ луны, плясали какія-то маленькія существа, прекрасной наружности, у нихъ глазки сверкали брильянтами, уста отдѣлялись восхитительною улыбкою, шептали ей небесный привѣтъ, и привлекали къ себѣ. Казалось, что какая-то новая жизнь влилась въ душу ея. Дѣвица поняла счастье, затрепетала, сложила на груди руки свои, какъ бы боясь, чтобы грудь не раскрылась и счастье не улетѣло. Она чувствовала себя легкою, какъ мысль; непостижимая сила уносила ее орлянымъ полетомъ въ высоту. Дѣвица, забывъ землю и людей, летѣла выше и выше, скорѣй и скорѣй, между солнцами, между мірами, кружащимися по неисповѣдимымъ путамъ Божиимъ. Слухъ ея плѣвила гармонія небесныхъ сферъ и пѣніе восхитительныхъ голосовъ! Она воскликнула: какъ много счастья для одного сердца, но, среди этого избытка, почему нѣтъ здѣсь никого, кто бы раздѣлялъ со мною это счастье? Развѣ ты меня не видишь, возражалъ кто-то, такимъ плѣнительнымъ голосомъ, какого она не-

когда еще не слыхала: вѣдь я, неотступный товарищ твой. Дѣвица увидѣла возлѣ себя юношу, который съ презестной улыбкой подалъ ей руку. Присутствіе его пробудило въ ней чувство восторга, которое огненной лавой полилось въ сердце ея; но этотъ избытокъ чувствъ былъ только почкой развивающагося цвѣтка. Ей казалось, что юноша обнялъ ее, прильнулъ къ ея устамъ, взоръ его впился въ ея очи; чувства, мысли, сердце, душа, разумъ, вся жизнь ея слились въ одно, и въ такомъ пріятномъ упоеніи казалось ей, что они летѣли все выше и выше, смѣлѣе и смѣлѣе, выше солнца, выше міровъ къ предѣлу, за которымъ начинается жизнь души,—таковъ былъ сонъ дѣвicy.

— Какой же конецъ его? спросилъ равнодушно демонъ. Конца здѣсь нѣтъ, воскликнула я съ негодованіемъ: выше и выше, скорѣй и скорѣй, выше солнца, выше міровъ, въ предѣлъ безконечности.

— Нѣтъ, возразилъ холодный мой товарищъ: здѣсь есть конецъ; слушай, я тебѣ расскажу его; но послѣ твоего небеснаго нектара, рассказъ мой будетъ для тебя горекъ, какъ: *infusum cardui bene dicti*.

Продолженіе сновидѣнія.

РАЗСКАЗЪ ДЕМОНА.

Und liefert das Leben von unsern idealen Hoffnungen und Vorsätzen etwas anders als eine prosaische, unmetrische, ungereimte Uebersetzung?

JEAN PAUL RICHTER.

Когда въ пріятномъ сновидѣніи дѣвица продолжала съ юношей свой полетъ надъ солнцами и мірами, все выше и выше, смѣлѣе и смѣлѣе, имъ показалось, что будто кто-то ихъ дернулъ; они, взглянувъ внизъ, замѣтили, что къ ногамъ ихъ привязана была нить, на которую они до-сихъ-поръ не обращали вниманія. Другой конецъ этой нити доходилъ въ далекомъ странствѣ къ какому-то шарiku, казаншемуся имъ чернымъ и маленькимъ, какъ песчинка. Нить эта насъ не задержитъ, мы до-

должно сильны, складили они другъ другу, чтобы этотъ шарикъ привасть къ себѣ или перервать нить. На обращая болѣе вниманія, они продолжали полеть свой, и нить нѣсколько не мѣшалась; но потомъ нить эта натянулась и не рвалась, и шаръ не поднимался вверхъ. Они не могли уже летѣть выше, потому что всякое усиліе причиняло имъ боль; тогда овладѣла ими досада и скука; но, раздумавъ нѣсколько, они стали спускаться и съ удаленіемъ увидѣли, что этотъ шарикъ, казавшійся въ отдаленіи такъ ничтожнымъ, былъ ничто другое, какъ шаръ земной. Тутъ они начали спорить: кто короче былъ привязанъ и кто мѣшалъ летѣть дальше.

Въ этомъ спорѣ стали подозревать другъ друга въ шельмъ, нѣсколько не думая о томъ: гдѣ бы лучше спуститься, и ушли осторожно, передъ главами публичн, которая осмѣяла воздушное путешествіе ихъ.

— Превратись ради Бога! сказала я... ты всему стараешься дать превратный видъ. Юность, поэзія и любовь увидаютъ отъ твоего холоднаго дыханія...

Эти родныя сестры владѣютъ людьми такъ сильно, что никто не въ состояніи воспротивиться имъ, и потому всѣ ихъ любятъ.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Il y a toujours les trois quarts d'absurde dans tout ce que nous disons.

JOSEPH DELORME.

— Терпѣть не могу твоей философіи, сказала я моему демону. Говори мнѣ о любви свѣтскимъ языкомъ. Къ чему имъ твои умствованія, ниосказанія, твои странныя сужденія, вымыслы; и хочу знать мнѣніе людей, съ которыми живу.

— О! эти мнѣнія немного принесутъ тебѣ пользы, отвѣчалъ демонъ: люди обо всемъ толкуютъ, а въ особенности о томъ, чего не знаютъ или не понимаютъ. Въ естественныхъ наукахъ дѣлаютъ они опредѣленія, ничего не опредѣляющія, а когда надо объяснить свойства души или сердца, они стараются придумать

какой-нибудь вымыселъ и выдаютъ его за истину. На счетъ женщинъ и любви, множество такихъ вымысловъ кружится въ гостевыхъ, и свѣтскіе люди восхищаются ими, какъ дѣти заколдованными князьями, о которыхъ въ сказкахъ рассказываютъ имъ вѣнки. Многие думаютъ, что нужно только открыть главнѣйшее свойство характера мужчины и ловко подражать ему, чтобы понравиться. Такъ, съ ученымъ вести себя важно; съ вертопрахомъ вътрюничать; гастронома кормить; козыгтомошцу сыпать золото и проч. и проч. Но чтобы нравиться женщинамъ, надо принимать на себя тысячу видовъ; нужно быть веселымъ и печальнымъ; легкомысленнымъ и философомъ; откровеннымъ и лжецомъ; любезнымъ и равнодушнымъ; рабомъ и деспотомъ. Какъ тебѣ кажется это мнѣніе? спросилъ меня демонъ.

— Не много въ немъ остроумія! Быть можетъ, что это такъ иъ самомъ дѣлѣ; но мнѣ кажется, что этого еще нѣтъ. Вся эта тирада отзывается въкомъ Лудовика XV. Если бы она была справедлива, то всякій актеръ могъ бы составить египетскую пирамиду изъ женскихъ сердець. Чтò же такое любовь въ мнѣніи свѣтскихъ людей? спросила я.

— Самые умные, объясняя любовь, говорятъ, что она есть весенній цвѣтъ на деревѣ дружбы, отвѣчалъ демонъ.

— Прекрасное выраженіе, но для сердца этого мало, возразила я, со вздохомъ.

— Для ума, созерцающаго свѣтъ сквозь очки опыта, слишкомъ много, прибавилъ равнодушно демонъ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Und da sucht das Aug, so oft vergebens

Rings umher und findet alles zu.

GÖTTE.

Moi, je n'ai point encore entre eux trouvé d'amis,
Parce qu'un coeur trop plein n'aime rien à demi.

LAMARTINE.

Выѣзжая изъ дому на балъ, я подумала: это финалъ увеселеній нынѣшней зимы, послѣдній балъ, не свѣдѣе signor de-

полю, идти со мной въ залу; отстань отъ меня, чтобы я могла провести время такъ же весело, какъ и всѣ другія дѣвицы. Миѣ казалось, что демонъ исчезъ отъ меня, — и я вошла въ залу одна. Миѣ все тамъ понравилось, и я въ самомъ дѣлѣ пріятно провела время. Миѣ рассказывали занимательныя городскія новости.

Молодежь старательно оказывала миѣ свѣтскія вѣжливости, и я ихъ принимала съ удовольствіемъ; меня приглашали на танцы, и я охотно танцевала; меня увѣрили въ любви и въ дружбѣ, и я вѣрила этимъ увѣреніямъ... но все это потому, что со мной не было демона! Спустя нѣсколько времени, я сѣла, утомленная танцами, возлѣ окна и, опершись на мягкую спинку кресель, слушала свѣтское пустословіе одного мужчины, какъ вдругъ что-то мелькнуло у меня предъ глазами. Увы! это былъ мой демонъ; онъ усердно умолялъ меня позволить ему опять быть моимъ собесѣдникомъ. Я подумала: согласиться ли миѣ или нѣтъ? А между-тѣмъ кавалеръ мой, замѣтивъ, что красно-рѣчивыя фразы его разлетаются въ воздухъ, оставилъ меня незамѣтно. Демонъ вновь отозвался ко миѣ: «Позволь миѣ возвратиться къ тебѣ. Балъ ужъ не будетъ тебя болѣе занимать, танцевать не хочешь, что же будешь дѣлать безъ меня, развѣ спать!» Правда! подумала я, эта пустота ужъ миѣ наскучила; спать здѣсь нельзя, заняться работой тоже... Поди, мой демонъ, поди! и, если можешь, скажи миѣ: кто здѣсь изъ мужчинъ думаетъ обо миѣ?

— Я могу не только указать ихъ, но даже описать ихъ характеры.

— Это довольно мудро, возразила я, съ недовѣрчивостію.

— Мудрено, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ демонъ, но между-тѣмъ возможно, вѣдь я ужъ много лѣтъ наблюдаю за людьми, которые къ тебѣ приближаются. Сначала я часто судилъ о нихъ несправедливо, но опытъ, совѣты и миѣнія наблюдающихъ за тобой, книги, которыхъ я такъ много для твоей пользы прочелъ, все это усовершенствовало меня въ познаніи; и если сужденія мои не совсѣмъ справедливы, то по крайней мѣрѣ довольно вѣрны.

— Отъ чего же во всякомъ человѣкѣ видишь ты одни только недостатки?

— Во всякомъ? О нѣтъ! Многихъ изъ твоихъ знакомыхъ я

попущено уважаю и читаю; не разъ говорилъ я тебѣ, что въ настоящемъ обществѣ, не смотря на нравственное его паденіе, есть еще очень много благородныхъ людей, и нельзя осуждать его рѣшительно. Рѣзкое мнѣніе о нѣкоторыхъ не относится къ цѣлому обществу, даже о стадѣ овецъ нельзя составить общаго мнѣнія, а какъ же могъ бы я злословить всѣхъ людей безъ исключенія.

— Опять разсужденія! сказала я.

— Это не мнѣшаетъ; но обратимся къ дѣлу. Видишь ли этого улана, съ загорѣлымъ отъ солнца лицомъ, съ огромными усами и бакенбардами, который, въ положеніи Марса, стоитъ передъ Юліей и отрывисто отвѣчаетъ на ея живой разсказъ? Это ротмистръ Ступакъ, человѣкъ мало образованный, незнакомый съ обществомъ, но истинно честный, благородный, добрый гражданинъ, а главное превосходный воинъ. Сердце его доброе и чувствительное во всякомъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ не о службѣ; но слово служба имѣетъ въ его понятіи весьма обширное значеніе. Онъ представляетъ себѣ цѣлое общество, въ видѣ уланскаго полка, раздѣляя его на старшихъ, равныхъ себѣ и младшихъ. Познакомившись съ кѣмъ-либо, онъ помѣщаетъ его въ одномъ изъ тѣхъ разрядовъ и сообразно тому съ нимъ обращается. Всякая женщина въ гостиной значитъ для него то же, что полковникъ во Фрунтѣ; любимица его имѣетъ степень по крайней мѣрѣ генерала, а жена, если до нея дослужится, должна довольствоваться чиномъ вахмистра. Быть его супругой, значитъ въ его мнѣніи то же, что имѣть честь служить въ его эскадронѣ. Онъ будетъ къ женѣ своей добръ, внимателенъ; но надо быть прилежной къ службѣ и, сохрани Боже! не выступать изъ предѣловъ субординаціи. Г. Ступакъ рѣшился-было отдать геройскую свою десницу Юліи, но сообразивъ, что эта дѣвица никакой не сознаетъ разницы въ отношеніяхъ между мужемъ и женою, почтенный ротмистръ, испугавшись такой ереси, съ нѣкотораго времени удаляется съ достолюбною осторожностію, и взоры свои обратилъ на тебя въ надеждѣ, что встрѣтитъ въ тебѣ болѣе зрѣлое сужденіе о супружествѣ.

— Я уважаю заслуги ротмистра, но не хочу служить въ его эскадронѣ.

— Такъ пойдемъ дальше, возразилъ демонъ: вотъ тамъ, въ

полицейскій, молодой человекъ разговариваетъ со старейшимъ офицеромъ С... Это Станиславъ, ему 30 лѣтъ. Чтобы скрыть недостатокъ образования, онъ насмѣляется надъ учеными и учеными; утромъ читаетъ газеты, вечеромъ обширно разсуждаетъ о политикѣ и новыхъ изобрѣтеніяхъ. А чтобы показаться философомъ, онъ безпрестанно ораторствуетъ о нравственности и о будущей жизни. Чтобы скрыть пустоту сердца, онъ учитъ назусть трогательныя рѣчи изъ повѣстей г-жи Жюльетты, и повторять свои уроки передъ молодыми женщинами. Ему бы очень хотѣлось наполнить карманъ придаными будущей жены, и съ этою цѣлю онъ сблизился съ графиней, которая любитъ сватать и обещала прислать ему приличную партію. Станиславъ, считаешь тебя чувствительной дѣвушкой, надѣется въ одну руку взять тебя, а въ другую твоё приданое.

— Это низко! возразила я, стремиться купить жизнь и счастье женщины, за такую фальшивую монету!

— Старая исторія, возразилъ равнодушно демонъ—странно только, что есть женщины, которыя до тѣхъ поръ не успокоятся, пока какой-нибудь холодный негодяй не купитъ ихъ за нѣскольکو буквъ своей фамиліи и своего титула.

— Юность, неопытность! возразила я съ сожалѣніемъ.

— Странно! отвѣчалъ насмѣшливо демонъ, она-то я есть скала, о которую разбиваются умы всѣхъ женщинъ, юныхъ и старыхъ, образованныхъ и простыхъ. Но зачѣмъ разбирать этотъ предметъ? Видишь ли этого мужчину, съ оглаженнымъ лицомъ, волею окна. Ему лѣтъ 27, блѣдое лицо, рѣзкія черты, орлиный носъ, нахмуренныя брови, волосы въ безпорядкѣ, это Александръ Р. Онъ любитъ сильныя впечатлѣнія; пьетъ мадеру и ромъ, ѣздитъ верхомъ во всю прыть, какъ вампиры въ балладахъ, ставитъ на карту послѣднія деньги; охотится, но только на медвѣдя; танцуетъ, но только галопадъ, ищетъ дѣвицы, но такой, которая бы любила его страстно, слѣпо, безпредѣльно, которая бы по его прихоти позволила отрѣзать себѣ носъ. Недавно Александръ, увидѣвъ тебя въ первый разъ, удивился только, что взглядъ твой слѣзалъ на него сильнѣе впечатлѣніе; сегодня же онъ пораженъ опять твоими насмѣшливыми взорами. Не въ состояніи терпѣть долѣе, онъ приблизился къ тебѣ и съ престранными гримасами началъ разсуждать объ идеалахъ, объ огненнѣхъ чувствахъ Ѣвангеліи стра-

сад, о разведенных женщинах и проч. и проч., и все это для того, чтобы, въ этой манѣ образъ, расплавить сердце твое.

— Это должно быть безумецъ! спросила я.

— Все это, возражалъ демонъ. Это молодой человѣкъ, который, безъ надлежащаго развитія разсудка, бросился въ рядъ романтической литературы. Онъ жадно глотаетъ цѣлыя поэмы и повѣсти. Удивительно ли, что подобная пища преводитъ сильное броженіе въ головѣ, невсриготовленной къ прилітію ея, верялочный образъеизмъ? Это то же самое, что кормить младенка биченкезомъ. Странное дѣло, что многія женщины особенное питають пристрастіе къ подобнаго рода лодиль.

— Оставимъ Александра Р., а то, пожалуй, онъ задохнетъ, чтобы я себя отрудала носъ! Говори мнѣ о другомъ.

— Манришуръ о г. *Борико-коко*, подхватывалъ демонъ. Вотъ онъ, своя вошь другаго окошка, барабанить снежна пальцами по импрессиону столу; ему около 32 лѣтъ, лицо правильное, но безъ выраженія, глаза мутныя, брови тонкія, голова плоская сзади, какъ доска. У г. *Борико-коко* нѣтъ собственного характера, а отъ того онъ всегда у другихъ занимаетъ мысли и чувства. Если кто похваляетъ откровенность, онъ это приписываетъ себѣ и тотчасъ начнеть исповѣдывалася предъ знакомыми своими, хотя бы онъ умрала отъ скуки. Если другой скажетъ, что подобно сарывать мысли, г. *Борико-коко* откирится отъ того, что поворылъ знакомымъ и живетъ безжалостно. Въ его головѣ, сердцѣ и карманѣ одинаковый беспорядокъ. Онъ никогда достоверно не знаетъ, что думать, что чувствовать и сказать у него дельго. Чтобы въ согласіи жить съ такими оупругомъ, жена должна согмашаться съ мнѣнїемъ всѣхъ знакомыхъ, а это, безъ сомнѣнїя, свело бы съ ума поряченную женщину! Г. *Борико-коко* влюбленъ во всѣхъ женщинъ, которыя нравятся другимъ. Поговоривъ подаше съ одинокимъ твоимъ обомателомъ, онъ питаетъ теперь страстную къ тебѣ любовь.

— Это просто выдуманый характеръ, возрадила я: подобныя люди нѣтъ въ мірѣ.

— Есть нѣтъ множество, отбѣчалъ демонъ; мудренѣе нѣтъ собственнй характеръ, чѣмъ собственное несущество.

— Бѣднѣйшій чюновѣкъ!

— Ну, воцъ! Если бы у него было хоть немножко больше проницательности, онъ бы могъ не сватъ, но поладитъ, а пророкъ

собрать. Многие выдвигают такимъ образомъ лучше трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. Но вотъ тамъ сидятъ въ креслахъ знакомый тебѣ юноша, скрестивъ руки: на груди и устремивъ взоръ на потолокъ, какъ будто читаетъ на немъ свою судьбу....

— Ахъ! это мой кузенъ Гиларій! Расскажи объ немъ поскорѣй.

Демонъ медлилъ, обращая рѣчь къ другому предмету, словомъ пристуывая къ дѣлу неохотно, какъ бы пытаясь къ нему особенное отвращеніе. Потомъ началъ рассказъ свой тоненькимъ голосомъ:

— Гиларію 26 лѣтъ, у него бѣленькое личико, которое моется всякій день вѣнскимъ мыломъ; нѣжныя отъ праздности и косметическихъ притираний рука, длинныя и тщательно сохраняемые ногти, мастерски причесанныя бакенбарды и включенные волосы на головѣ. Онъ прищуриваетъ обыкновенно одинъ глазъ, морщитъ лобъ и высовываетъ нижнюю губу впередъ; обладаетъ 40 парами жилетовъ, 60 галстуками, 50 тростями, ниѣтъ сто трубокъ, складную шляпу и прочія бездѣлицы; иногда читаетъ онъ новыя повѣсти, иногда пробѣгаетъ газеты, ѣздитъ всякій день верхомъ, играетъ въ карты по большой, не ниѣтъ при себѣ другихъ денегъ, кромѣ банковыхъ билетовъ, вѣрится въ театръ передъ окончаніемъ пьесы; большое питаетъ пристрастіе къ шуткамъ, всякій день влюбляется въ новую женщину; охотѣе въ замужнюю, нежели во вдову, охотѣе во вдову, нежели въ дѣвицу. Разсуждаетъ о политической экономіи, о чужихъ краяхъ; не вѣрится въ постоянную любовь и смѣется надъ супружествомъ. Недавно онъ держалъ пари съ однимъ изъ товарищей своихъ, что въ продолженіе мѣсяца успеетъ вскружить тебѣ голову и теперь обдумываетъ планъ: какимъ образомъ достигнуть своей цѣли.

— Несносный хвастунъ!

— Оставляю его, сказалъ демонъ, чтобъ обратить вниманіе твое на этого чиновника, который такъ важно играетъ въ карты. Онъ еще не старъ, довольно образованъ, довольно богатъ, довольно честолюбивъ, довольно чувствителенъ, очень солиденъ, расчетливъ и чрезвычайно остороженъ; онъ хорошо знаетъ, какую ниѣютъ силу и важность средства, ему принадлежащія, и по этому заключаетъ о своемъ могуществѣ; съ силами соображаетъ желанія, съ желаніями намѣренія, съ намѣреніями

же свое поведеніе. Держась неотступно этого правила, онъ (весьма рѣдкое дѣло) всегда понимаетъ, какъ нельзя лучше, свое положеніе въ обществѣ. Онъ не любитъ сильныхъ впечатлѣній, избѣгаетъ крайностей, идетъ по разсчитанной дорогѣ, съ особенною предусмотрительностію, для того, чтобы въ случаѣ нелюбности, возвратиться на свое мѣсто и избрать другой путь. Онъ никому не долженъ и никому не даетъ въ займы денегъ, ко всѣмъ благосклоненъ, но никому не называетъ другомъ. Три года ужъ ищетъ онъ жены; но ни одной женщиной не намекалъ еще о любви....

— Стой! воскликнула я. Это фантазія, вымыселъ, это выдуманный характеръ.

— Рѣдкій въ свѣтъ, но не менѣе того существующій въ природѣ, отвѣчалъ демонъ.

— По крайней мѣрѣ, это не польскій характеръ, можетъ быть голландскій или нѣмецкій? сказала я.

— Дальше!...

— Немного ужъ остается. Этотъ господинъ, считавъ, что ему слѣдуетъ искать твоей руки, началъ-было осторожно приступать къ дѣлу, но, замѣтивъ, что начальникъ его идетъ въ слѣдъ за нимъ, однимъ путемъ, уступилъ ему первенство, разумѣя, что добрую жену можно сыскать всегда, а благосклоннаго начальника очень рѣдко.

— Господи Боже! воскликнула я. Оба они искали моей руки, какъ купцы товаровъ на публичномъ торгу; одинъ другого, отводя въ сторону, просить, чтобъ не мѣшалъ ему торговаться!

— Да, немаче, отвѣчалъ демонъ, потому-что ни тотъ, ни другой не думалъ любить, а только приобрести тебя. Чиновникъ потому, что возрастъ, образованіе, характеръ и состояніе твое соотвѣтствуютъ его разсчетамъ. Начальникъ для того, что, имѣя четверыхъ дѣтей отъ первой жены, жаждетъ такой супруги, которая бы могла заняться воспитаніемъ ихъ.

— Отъ чего же не возьметъ онъ гувернантку? спросила я.

— Отъ того, что жена можетъ быть вмѣстѣ наставницею дѣтей, и хозяйкой дома, и хорошею мебелью въ гостиной, и наперсницей его самолюбія и свисходительной жертвой его прихотей. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобъ платить гувернанткѣ, лучше ли, женясь, удвоить свое имѣніе.

— И по такимъ ничтожнымъ причинамъ этотъ господинъ хочетъ жениться на мнѣ? воскликнула я съ удивленіемъ.

— Что же тут особенного? возразила разсердившося дама. Люди кончатся иногда не причинами еще болѣе страшными. Импринцъ, одинъ господина въсмыльке лѣтъ собрался ѣхать по дѣламъ своимъ въ Петербургъ, но, будучи саркастичъ и недо-вѣрчивымъ, онъ никакъ не могъ найти человека, которому бы могъ поручить присмотрѣть надъ всею своею руладомъ. Наконецъ ему пришла въ голову самая счастливая идея, что вѣтъ дру-гого вѣрнѣшаго надзорителя, какъ собственная жена. Не раз-мышляя болѣе, онъ женился на старой двушкѣ, известной береж-ливостію и хорошимъ хозяйствомъ. Давъ ей наставленіе и одинъ экземпляръ инвентаря, съ другими экземпляромъ, чрезъ нѣсколь-ко часовъ послѣ вѣнчанія, отправился въ Петербургъ. У другаго было имѣніе, среди котораго лежало помѣстье сироты. Не же-лая имѣть внутри имѣнія своего такого независимаго владѣнія, онъ старался вынуть это помѣстье, сулилъ больше, нежели оно стоило, но опекуны не согласились на продажу. Не усидѣвъ въ предпріятіи, онъ завелъ процессъ; дѣлалъ тяжбу лѣтъ десять и, проигравъ дѣло, перемѣнилъ планъ; притворился идиотомъ, причесалъ чубъ, сталъ возмущаться за сиротомъ, едва кончаяше воспитаніе, и успѣлъ жениться на ней; такимъ образомъ онъ достигъ цѣли своей, уничтоживъ независимое владѣніе помѣще-скихъ внутри своего имѣнія. Нной женится на 50 году своей жиз-ни для того, чтобъ было кому имѣть попеченіе объ его поддѣлѣ.

— Полно, мой демонъ, разсуждать отъ этомъ, скажи что-ни-будь поинтереснѣе.

— Нечего говорить болѣе, тобою никто не интересуется.

— Никто! горько воскликнула я. Стало-быть между людьми нѣтъ ни одного мужичны, который бы

— Надменная женщина! прервалъ демона. Кто это тебѣ сле-залъ? Есть много такыхъ, у которыхъ чувствительное сердце, благородная душа; есть много умныхъ и образованныхъ людей, съ оживленнымъ и вѣткимъ характеромъ, самолюбивымъ и слабостнымъ твоимъ неле, и умѣющимъ цѣнить свое добродѣ-тели... нѣтъ можетъ быть много, только они о тебѣ не ду-мають.

ВОСЬМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

On ne se souvient pas, perdu dans le naufrage
De quel âstre inélement s'est échappé l'orage.
Qu'importe? Le malheur n'est étendu partout
Le passé n'est qu'une ombre, et l'attente un dégoût.

DESBORDES-VALMOREL.

Послѣдніе слова демона лишили меня бодрости. Я чувствовала приливъ крови къ головѣ. Въ глазахъ сдѣлалось темно, въ ушахъ начало шумѣть и звенѣть, сначала слегка, какъ два серебряные колокольчика, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, какъ будто гудъ колоколовъ. Я сама не узнала въ обморокъ отъ этого шума. Устремивъ глаза на танцующихъ, я желала убѣдиться, что я сижу въ гостиной, а не на колокольчѣ. Сначала я ничего не приличала, послѣ представлялись мнѣ нѣкія то паникующія существа, въ курткахъ и разноцвѣтныхъ платьяхъ; разсѣянно держалась они за руки и выдѣлывали уморительныя гримасы и все это, назвалось, прѣисходило безъ музыки. Черезъ нѣсколько минутъ, оправившись отъ такого непріятнаго пределья, я очень беззаконлась, не замѣтилъ ли кто этого, но къ счастью всѣ сличкомъ были заняты собою. Веселость, подобно морю, разливалась въ общество. Группы танцующихъ, хоръ музыки, свѣтъ лампъ, блескъ нарядовъ, живость разговоровъ, смѣхъ и валохи, все соединялось для составленія очаровательной бальной жизни, которой такъ жаждутъ женскія сердца! Пагубныя утѣхи! Я знала одно юное сердце, которое вошло на балъ ребенкомъ, тамъ выросло, развилось, нѣсколько разъ вздохнуло блаженствомъ и вдругъ внезапно охладѣло, на-всегда закрылось для свѣта, прежде нежели гости разъѣхались. Скучно стало мнѣ среди этой пустоты, и я опять обратилась къ неотступному моему товарищу, демону, прося его сказать мнѣ что-нибудь утѣшительное. Но демонъ возразилъ мнѣ иронически:

— Всѣ твои страданія происходятъ отъ того, что тебѣ вздумалось бороться со мною, чтобы освободиться отъ моей власти, какъ дитя, которое плачетъ отъ жестокости нянни. Послушай, я тебѣ расскажу басню. Одинъ человекъ отправилъ

ся на встрѣчу своему другу, и какъ ночь была темная, то онъ взялъ съ собою фонарь; но лишь только вышелъ на большую дорогу, какъ родилась у него мысль, что несносно путешествовать съ фонаремъ! Надобно идти осторожно, медленнымъ шагомъ и часто посматривать, чтобъ огонь не потухъ отъ вѣтра. Такимъ образомъ, не скоро, думалъ онъ, встрѣчу я своего друга, и лишь только хотѣлъ бросить фонарь и бѣжать въ темнотѣ, какъ мысль, что безъ огня можетъ пройти мимо своего друга, не узнавъ его, или вмѣсто друга взять за руку врага, остановила его, и онъ продолжалъ свой путь съ фонаремъ, но вмѣстѣ и съ ропотомъ на медленность. Между-тѣмъ другой человекъ вышелъ тоже съ фонаремъ, но, признавая это неудобнымъ, бросилъ фонарь, угѣшая себя тѣмъ, что многіе ходятъ и безъ свѣта по той же дорогѣ; что можно спрашивать объ имени каждаго и такимъ образомъ найти своего друга безъ фонаря; а чтобъ не обмануться, думалъ онъ, то всякаго буду брать за руки, и вѣрно не ошибусь, потому-что ни у кого нѣтъ такой нѣжной руки, какъ у моего друга. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: вошло иначе, онъ попалъ на человека, который назывался тѣмъ же именемъ, какъ его другъ, имѣлъ такіа же нѣжныя руки, но въ самомъ дѣлѣ былъ не тотъ, котораго онъ искалъ, а въ дополненіе несчастія его, руки ихъ срослись вмѣстѣ и не могли разняться.

— Понимаю тебя, возразила я со вздохомъ. Потому-то я и держу фонарь, хотя у меня дрожатъ руки отъ стужи.

— Твоя слова, сказалъ демонъ, убѣждаютъ меня, что женщины дѣлятся на классы. Однѣ принадлежатъ къ разряду совершенно довольныхъ своею участью, другія ропщутъ на свою судьбу; всѣ же прочія, или жалуются потихоньку, что не вступили въ супружество, или сожалеютъ, что нельзя уже освободиться отъ него.

— О! хладнокровный философъ, отвѣчала я, стало-быть и ты вѣришь, что есть женщины, обиженныя судьбою.

— Правда, есть такіа, но ихъ не много! Эго женщины, которыя могли бы создать для мужчины рай на землѣ, если бы онъ только хотѣлъ понять ихъ; это тѣ женщины, которыя въ супружескомъ союзѣ не пользуются взаимною любовію, а сами любятъ страстно, тогда какъ ихъ мужья разлюбили послѣ короткаго періода любви! Но чтобы ты лучше поняла меня, я расскажу тебѣ

исторію о тѣхъ, которые владѣютъ судьбою женщинъ. Видѣвши ли, вправо отъ насъ, стоитъ высокій и статный мужчина, брюнетъ; это г. Антоній Деревянный, онъ взросъ въ деревнѣ, получилъ малое образованіе, поступилъ на службу въ палату и достигъ чиновъ, а богатство наслѣдовалъ отъ родителей. Антоній, всегда былъ заносчивъ въ обращеніи, упрямъ, любитъ пить вино, играть въ карты и разсуждать, вспыльчивъ и скряга; съ такими качествами не удивительно, если женщины отвергали его искательство и предложенія! Обманутый въ своихъ предпріятіяхъ получить богатое приданое, протекцію и связи, которыхъ желалъ болѣе, нежели жены, Антоній рѣшился наконецъ переменить скучную жизнь и жениться уже, если не по разсчету, за то и безъ хлопотъ, т. е. взять первую, какая встрѣтится получше дѣвица; только была бы молода и хороша. Довольно бѣдныхъ дѣвицъ, и каждый мужчина во всякое время, когда только захочетъ, можетъ не только безъ дальнѣйшихъ хлопотъ жениться, но притомъ еще и хвастать своимъ преимуществомъ. Антоній имѣлъ антипатію къ бѣднымъ дѣвицамъ и всегда отзывался о нихъ, что онѣ до тѣхъ поръ только хороши, пока остаются въ нищетѣ. За всѣмъ тѣмъ, онъ женился на Элизѣ, круглой сиротѣ, которая едва только кончила свое воспитаніе и возвратилась изъ-за границы. Родные Элизы внушили ей, что Антоній достойнѣйшій человекъ, лучшій изъ всѣхъ мужчинъ, ей извѣстныхъ, и предложеніемъ своимъ дѣлаетъ ей большую честь; что если она отъ этой партіи откажется, то никогда не встрѣтитъ уже подобной; а если выйдетъ за бѣднаго, то окончитъ жизнь въ нищетѣ. Она не должна страшиться того, что онъ ей не нравится, потому что любовь рождается въ сердцахъ женщинъ гораздо лучше послѣ вѣнца, нежели предъ вѣнцомъ. Такія-то наставленія внушали ей. Элиза покорилась имъ. Антоній, въ первые мѣсяцы своей супружеской жизни, много переиначился въ своемъ обращеніи. Тихій и кроткій характеръ Элизы смягчилъ суровость сердца мужа ея. Не разъ дарилъ онъ жену привѣтливою улыбкою, оказывалъ ей нѣжности, даже былъ для нея услужливъ и особенно внимателенъ. Въ обществѣ, между пріятелями, онъ говорилъ имъ о женѣ своей: «Кто бы могъ предполагать, чтобы я такъ сильно полюбилъ женщину?» Пріятели слушали и повторяли извощенную пословицу: Любовь чудеса творить. Но это

не была любовь; привязанность Антонія скоро мановала, не показавъ никакого чуда. Антоній постепенно возвратился къ обыкновенному своему характеру; ежедневно напоминалъ Элизѣ, что онъ ее содержитъ, кормить, а потому она обязана чтить его и уважать. Началъ обходиться съ нею, какъ бы съ горничною, а чтобы скрыть такое невѣжественное съ нею обхожденіе, издѣвался надъ ея воспитаніемъ. При всякой потребности въ расходѣ денегъ, выказывалъ свое скряжничество до невѣроятія. А несчастная Элиза, въ отсутствіе мужа или когда онъ покоялся сладкимъ сномъ, принуждена была сидѣть за работою для продажи, чтобы выработать сколько-нибудь денегъ, для удовлетворенія своимъ потребностямъ. Антоній однако не только не смущался такимъ состояніемъ Элизы, но еще радъ былъ пользоваться отъ трудовъ ея выгодами и считалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, тогда какъ Элиза, выручаясь за ея работы деньгами, удовлетворяла домашній расходъ. Антоній могъ бы быть образцомъ для Мольерова Гарпагона! Однажды онъ задумалъ поѣхать съ женою въ деревню, къ ея дядѣ, гдѣ, пробывъ нѣсколько дней, Элиза заболѣла. Дядя, видя, что Антоній нисколько не заботится о приглашеніи доктора, сдѣлавъ это самъ и не только занявшись ею за живить, но свои деньги далъ на лекарство въ аптеку, потому-что когда Антоній узналъ о необходимости послать въиная за докторомъ, то приказалъ своему камердинеру сказать дядѣ, что лошадины только что открыли коню и что ихъ нельзя употребить въ коню, а самъ улегся спать, чтобы никто не беспокоилъ его кармана. Шло-ваидствіи, когда докторъ прописалъ болной принять слабую маляръ, и этого вина не случилось ни тотъ разъ въ потребности, ко Антоній, узнавъ, что дядя отправляется нарочно въ городъ, для покупки вина, пришелъ къ дядѣ, и взялъ его за руку, съ какою-то необыкновеннымъ выраженіемъ лица спросилъ:

— Вы хотите послать нарочнаго въ городъ, за малярю?

— Да, отвѣчалъ дядя.

— Но городъ довольно въ дѣлѣмъ разстояніи, сказалъ съ безпокойствомъ Антоній, а моя жена очень нездорова; а боясь, чтобы эта болѣзнь не шѣла худыхъ послѣдствій, если замедлится пріемъ лекарства; притомъ покупать вино надо знатно, а слугу могутъ обмануть, онъ купитъ худое вино, а, чего добраго, такое вино можетъ усилить болѣзнь Элизы. Подумайте же,

дьячка, можно ли рѣшиться поручать слугѣ покупать мадеру?

— Что же дѣлать? отвѣчала дядя. Развѣ ты хочешь, чтобы я самъ поѣхалъ покупать?

— О! нѣтъ, зачѣмъ вамъ беспокоиться, но не можете ли вы, гдѣ нибудь ближе, достать бутылку мадеры? сказалъ Антоній.

— Да, если бы это было можно, но то бѣда, что ни у кого нѣ моему сосѣдствѣ нѣтъ мадеры. Если бы надо было венгерскаго, то это дѣло другое.

— Почему же нѣтъ сказалъ вполголоса Антоній. Мадера есть, но только надо заплатить дороже, чѣмъ въ городѣ.

— Это не бѣда, что дороже, радостно отозвался дядя, пожалуйста, говори только скорѣе, гдѣ? Я право, не жеманю тебя...

— Я видѣю въ картѣ бутылку старой хорошей мадеры, отмѣчалъ Антоній, почти шепотомъ. Если хотите, я вамъ уступлю за ту самую цѣну, по которой продается въ магазинѣ, и ручкою беру, что вино отличное, только что начала бутылка.

— Дядя, вынувъ глаза, раскрылъ ротъ, приложилъ пальцы ко лбу и не зная, что отвѣчать племяннику, такъ забормоталъ о женѣ своей. Молча заплатилъ ему деньги за мадеру и съѣхалъ уйдти отъ него. Вотъ, присоскуналъ демонъ, событіе невѣроятное, свѣтъ пожалуй не повѣрять, а оно справедливо.

Выслушавъ этотъ разговоръ, я была растрогана участіемъ несчастной Эльзы. — Что же дальше случилось? спросила я.

— О! Эльза страдала, плакала, молилась; отвѣчалъ демонъ, похарила мужу дочь и выскочъ съ нею умерла. Дядя и тетка забѣгались о похоронной церемоніи, всѣ родные и знакомые оплакивали смерть Эльзы; одинъ Антоній на все это смотрѣлъ равнодушно и радъ былъ, что отъ него не требовали никакаго вознагражденія! Но, послушай, я расскажу вамъ еще другую исторію, связанную демономъ:

— Альфонсъ, красавецъ собою, получалъ отличное воспитаніе, онъ жаждалъ гдѣ жить въ лучшемъ обществѣ, обладать всеми качествами свѣтскаго человека. Характеръ его представлялъ собой милое начало. Самолюбіе и недосынокъ тавердски производилъ сильѣйшее вліяніе на его жизнь. Альфонсъ кричалъ! Но вся жизнь его направлена такимъ образомъ, чтобы никто не могъ замѣтить въ немъ этихъ недостатковъ. Въ наше время, особенно въ высшемъ обществѣ, не мудро этого достигнуть. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, не исключая даже жены, счита-

ють Альфонса человѣкомъ, готовымъ стрѣлится за малѣйшее оскорбленіе; какъ мотылекъ, перелетающій съ одного цвѣтка на другой, Альфонсъ, до тридцати-лѣтняго возраста, перелеталъ отъ одной женщины къ другой, въ своихъ любовныхъ затѣяхъ. Въ это время Альфонсъ замѣтилъ, что величайшее несчастіе для свѣтскаго человѣка подвергнуться насмѣшкѣ общества, а особенно за легкомысленность своей жены! Боюся имѣть рога, нерѣдко составляющія принадлежность мужей, и потому обдумывалъ средства, какъ бы избѣжать подобной участи. Иной сказалъ бы, что для этого достаточно жениться на женщинѣ, которая любила бы его. Но Альфонсъ, не вѣрившій въ постоянную любовь, не видѣлъ въ томъ достаточной поруки. Онъ не хотѣлъ также слѣдить за женою или ревновать ее, потому-что этимъ можно не только подвергнуть себя насмѣшкамъ свѣта, но и втутаться въ такіа дѣла, въ которыхъ мужъ принужденъ защищать честь своей жены, къ чему Альфонсъ не чувствовалъ въ себѣ довольно твердости. Послѣ долгихъ разсужденій, онъ остановился на той мысли, что страхъ есть лучшій залогъ домашняго спокойствія, и, соображая эту мысль съ своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, рѣшился искать жены такой, которая бы боялась мужа; образованной, чтобы понимала его эпиграммы; чувствительной, чтобы эпиграммы эти ее оскорбляли; умной и снисходительной, чтобы никому не жаловалась. Онъ предполагалъ, что вѣжное здоровье и слабость нервъ болѣе могутъ усиливать въ женщинѣ желаемыя имъ качества, а если присоединится къ нимъ хотя слабое чувство привязанности, то, окруживъ себя подобными предосторожностями, онъ можетъ быть совершенно спокоенъ на счетъ вѣрности жены своей. По благосклонности судьбы, нашелъ онъ особу, вполне соответствовавшую его разсчетамъ: Это была молодая дѣвица, которая, увлекшись его наружностію и блестящимъ образованіемъ, полюбила его. Бракъ ихъ надѣлалъ много шуму во всей Варшавѣ. Молодые женщины завидовали Софїи, называли ее счастливою. Дѣвушки желали себѣ подобныхъ мужей, и предубѣжденіе о блаженствѣ этого супружества дондѣсь еще остается въ обществѣ. Такъ-то удачно Альфонсъ разыгрываетъ роль прамѣрнаго супруга, и такъ искусно скрыты отъ глазъ свѣта мученія Софїи, претерпѣваемыя отъ своего мужа. Бѣдная женщина! Въ гостиной весела, смѣется, расхваливаетъ мужа, привѣтлива съ пожилыми и безобразными мужчинами, и напротивъ суха и равнодушна съ

необходимо, словенъ развратности предшествовавшую ей роль, въ постыль, дьявольскъ покорнѣйшій слуга своей женѣ дома, его обращеніе лицезрѣе, принужденно, холодно; всѣ разговоры обдушены, никогда неприличное слово не сорвется съ его языка; не сдѣлавъ Себѣ въ предписанной роли малѣйшую ошибку, онъ счастливо направляетъ французскими колесоты, въ которыхъ заметно выражается равнодушіе, гнѣвъ и презрѣніе, прикрытыя строгостроуміемъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе критическаго обращенія, выслушавшій въ обществѣ эпитеты, которые съ улыбкою на устахъ, присыпавъ слогами и изъяснивъ голосомъ жестоко угнѣвъ оскорблять жену! Такое счастіе самое ужасное, оно похоже на то сраданіе тѣла, если непрерывно колоть человека булавою въ одно и то же мѣсто.

— Бѣдная Софія! снисдай я, со взокошь.

— Не послушай дядю, ставь чамъ дѣмь. У одного человека голубо свѣсочила съ шен и, поименованъ, сказала: прощайте, милостивый государь, а отправляюсь путешествовать. У другаго дезертировалъ нога, у третьяго ушелъ животъ и проч. Случайно эти странныя соединились, образовалъ видѣть и образовалъ почтеннаго Рохъ-пылку. Вѣдь это случай? Рохъ-пылка посмотрѣлся въ зеркало и рассердился на природу, не тутъ же придумалъ, какъ уродливой своей наружности придать пріятное выраженіе. Въ то время, какой-то Французъ преподавалъ въ Варшавѣ лекціи свѣтскаго образованія, Рохъ-пылка поступилъ въ его школу и очень скоро усовершенствовался въ этомъ искусствѣ. Всѣ удивлялись его ловкости, изъясненности, любезности и пріятности въ обращеніи. Всѣ любили его и называли добрымъ человѣкомъ; въ особености онъ пользовался вниманіемъ прекраснаго пола, однако же все это стоило ему большихъ усилій. Фигаро былъ не такъ проторенъ, какъ нашъ Рохъ-пылка. Онъ бѣгалъ, кружился, подавалъ, принималъ; бралъ на себя обязанности дѣла, лучера, фрейтора, исполнялъ разныя порученія, даже удачно предугадывалъ мысли дамъ и всѣ услуги свои соединялъ съ комплиментами, которыхъ у него была неистощимая запасъ. Покровительствуемый женщинами, Рохъ-пылка пользовался значеніемъ въ обществахъ. Онъ волочился за Теофилом А., и, какъ локій въ любовницѣ натригакъ, получалъ ее руку; онъ счастливо самую вѣжливую привязанность къ молодой женѣ своей; не омуچارиса отъ нея ни на шагъ и по вѣселемъ часовъ проводить въ молчаніи, потому-что Теофиль давнѣе уже надѣла его любезности. Въ обществахъ онъ съ жаромъ

говорить о ея добродѣтеляхъ, талантахъ и красотѣ, скорбять о ея слабомъ здоровьи и рассказываетъ малѣйшія подробности ежедневныхъ припадковъ ея болѣзни; показываетъ всѣмъ ея письма, какія она когда-то писала къ нему; въ присутствіи другихъ женщинъ спрашиваетъ, сколько ей лѣтъ? Радуетя, что она кажется моложе своего возраста; рассказываетъ, какія жена имѣетъ драгоценныя уборы, какой у нея гардеробъ, какое бѣлье! Танцуетъ съ нею въ продолженіе всего бала; кричитъ съ другаго конца зала, чтобы жена не брала мороженого; бѣжитъ къ ней, прогоняетъ лакея съ мороженымъ и дѣлаетъ ей чувствительныя упреки, напоминая наставленія доктора, старался при этомъ выказать видъ ревниваго супруга, а бѣдная Теофила, со стыда отъ такой ревности, готова лишиться себя жизни.

— Однако жъ, возразила я: она увѣрена, что мужъ ея любитъ ее, хотя любовь его въ самомъ дѣлѣ оригинальна, ему лишь только одному принадлежащая, онъ любитъ ее по-своему.

— Она не можетъ и сомнѣваться въ этомъ, злобно отвѣчалъ демонъ, потому-что избытокъ этой любви наградила ее чахоткою.

— Но вотъ человѣкъ, продолжалъ демонъ: одаренный всѣмъ, чего только можетъ желать женское сердце; онъ не имѣетъ въ душѣ своей и тѣни притворства, не интересанъ, питаетъ отвращеніе къ этому чувству, а любовь считаетъ временнымъ небомъ, имѣетъ вполне понимать роскошь сердечныхъ наслажденій съ женщиною, которая сроднится съ нимъ, но не смотря на то, повѣришь ли? Этотъ обладатель миллионной ревности едва изрѣдка броситъ женѣ своей одну драхму въ видѣ подавннн. Вотъ это тотъ мужчина, что недалеко отъ насъ стоитъ съ печальнымъ выраженіемъ въ глазахъ и съ блѣднымъ лицомъ, покрытымъ преждевременными морщинами?

— Какі! супругъ Полины, нашъ поэтъ! Адольфъ..... воскликнула я съ негодованіемъ! Ты клеветашь на него, твои слова суцая ложь, низкій пасквиль! Быть не можетъ, чтобы жена поэта была несчастна! Это невозможно!

— Да! возразилъ равнодушно демонъ. Въ самомъ дѣлѣ это невозможно во мнѣніи молодыхъ женщинъ. Покуда міръ существовать будетъ, на одна женщина не повѣритъ, чтобы это была правда, потому-что женщина тоже поэтъ; когда въ сердцѣ ея пробуждается первый голосъ любви, она ищетъ поэта, какъ

давно знакомаго друга, чтобъ помѣяться съ нимъ думами о старѣи, ушнвается его словами, какъ муха сладкой отравой, бросается въ огненную атмосферу, его окружающую, и гибнетъ въ ней, какъ ночныя бабочки отъ пламени свѣчи. Размышленіе ей недоступно, примѣры другихъ кажутся ей исключительными случаями; она одного его только видитъ, для него существуетъ; счастливая невѣста и не думаетъ о томъ, что, сдѣлавшись женой, будетъ достойна сожалѣнія и, когда наконецъ постигнетъ ее на пути жизни такая участь, будетъ плакать о потерянномъ рѣѣ.

— Неужели Полна несчастна?

— Какъ же нѣтъ? продолжалъ дѣмонъ. Не могло и быть иначе! Адольфъ видѣлъ въ ней однажды не женщину, но одно изъ очаровательныхъ существъ поэтическаго своего міра; думая, что нашелъ наконецъ божество, котораго долго искалъ, тоскуя, котораго съ довѣріемъ ожидалъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени, ни что не могло вывести его изъ ослѣвленія; милая сопровождала его во всѣхъ полетахъ его воображенія, покуда наконецъ изуревренная, пресыщенная роскошью, не стала подъ вѣнецъ, надѣясь отдохнуть въ домашней, супружеской жизни; но она ошиблась: поэтъ обыкновеннымъ образомъ хотѣлъ летать между небомъ и землею, а для нея ужъ это было слишкомъ трудно. Бѣда сдѣлала она еще нѣсколько слабыхъ усилій, и, разочарованная, съ высоты своихъ мечтаній, упала! Ей осталась только въ удѣлъ добрая воля; но какъ этого для невесты недостаточно, то и счастье ея кончилось. Адольфъ, съ болѣзненнымъ удивленіемъ, замѣтилъ, что подруга его такая же женщина, какъ и другія, и, какъ человѣкъ чувствительный, со вздохомъ возвратился въ міръ мечтаній! И, сохраняя пріятность и любезность, онъ рыцарь по Варшавѣ, отыскивая свой идеалъ; какъ человѣкъ матеріальный, живетъ съ подругой своей, старѣется, скучаетъ, ничѣмъ не занимается, расточаетъ ишніе; а на вопросы о достоинствѣ вещей отвѣчаетъ: да, она женщина хороша! Сколько онъ миль и правитавъ въ обращеніи съ другими женщинами, столько сухъ и всмыслчивъ съ женою. Недавно сдѣлалъ онъ въ кабинетѣ и чертилъ карандашемъ какого-то урода на письменномъ конвартѣ. Полна, тихонько отворивъ дверь, вошла на пиночекъ и спросила осторожно: не занятъ ли онъ?

— Чтѣ такъ случилось, суларина, закричалъ Адольфъ съ изумленіемъ.

— Преступно пріѣхали съ дѣвчонъ; прикажишь сприваждать, по какой цѣнѣ продавать!

— Чтобъ онъ провалился! вярчалъ Адамъ, то хлѣбъ, то карбасъ, то каша, то шарала! Всегда найдется важное дѣло, которое насильно втапливаютъ мнѣ въ голову! Дѣлайте себѣ чѣй дожите и какъ дожите, покупайте и продавайте, только меня оставьте въ покоѣ... Бѣлая Полина ушла со злобнымъ и со слезами на глазахъ. Беспорядокъ беспорядочно увеличивался въ домѣ, долги умножались, и, при всемъ богатствѣ ихъ, они часто не вмѣются ни пошлѣнъ въ карманъ; она, какъ нѣтъ, болѣе еще плачетъ о дѣлахъ, немала о собѣ самой; слезовъ, Полина живетъ въ супружествѣ, въ которомъ нѣтъ никакого сѣмьонъ вранней жизни, какъ мовѣ!

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ.

Das kommt mir albern und abgeschmackt vor, was damals so reich, so gross die Brust mir schwellte.

PETER SCHLEHNER.

— Здравствуй демонъ, ты, ни какъ не хочешь отстать отъ меня; но хорошо что ты врешь, я только что думала о томъ какъ рассказать и многого не понимаю; но ты, какъ ирешнательный во всемъ, скажи мнѣ, пожалуйста, какъ бы заглянуть въ сердце, отъ кабарымъ хочется сражаться, осмотрѣть его хорошенько, узнать сколько въ немъ тешится чувствъ и высчитать на сколько времени достанетъ ихъ для женой!

— Не скажу, чтобъ это было невозможно, откидай ирешнчески демонъ. Конечно, слѣпому мудрому шрать, глухому мудрому подолушить, прѣпому мудрому считать, однако жъ всемогуща ирешнчески не вѣрнательны; но спрашиваю: какаа шть тебе нельра? Ты знала бы только настоящее состояние сердца, изъ котораго не болѣе судить можно о будущемъ, или въ настоящаго здоровья, о чьей лѣтъ, остающаихся чьейто ирешнчески. Въ томъ и другомъ случаѣ расчетъ не можетъ существовать ирешнчески, но можетъ и обмануть; то и другое старайся загубить для человека: уметь насъ смерти было бы томо, что отравить остатокъ ошей жизни. Известности, сколько текъ чувства, въ бѣ дни женой безпрѣдѣлнчески его, штьшра бы счастье изъ нашей души. Не безъ штьшра туманъ штьшра штьшра штьшра и штьшра. Благодаря этому туману, чьейто, страдающій чахоткою, накануне смерти составляетъ оштьшра штьшра штьшра для будущего; и обманутое сердце, въ штьшра штьшра о томъ, благословляетъ ирешнчески.

— *Maladetto!* Оставь меня съ такою философіею! Я чувствую непреодоленное стремленіе не вѣдать твоихъ разсужденій, ни ты бы ты не подслаждала мнѣ приторными соображеніями; какъ только ты начинаешь размышлять, мнѣ дѣлается холодно, какъ будто надвигаетъ на меня ледяную рубашку.

— Если такъ, то послушай. Сказъ помню исторій, выражаясь респективно лезешь и начала рассказъ свой.

«Талимонна, которую ты хорошо знаешь, вышла, по желанію матери, изъ челядника, къ которому былъ не только, ни малѣйшаго расположенія. Домашнее житье къ ней была весьма неприятно. Мужъ былъ чудакъ и умасный эгоистъ, жена холода и сентиментальна. Естественно, что подобной четѣ мудрено амальгамировать. Все это однако жъ скоро прекратилось: мужъ утонулъ, — ему везли на великолѣпный поминки, и что всего удивительнѣе, жена болѣе начала любить его послѣ его смерти, нежели любила при жизни. Окончивъ трауръ, Талимонна опять вступила въ свѣтъ, но такъ держала себя, что молодымъ никакъ не могла къ ней притвориться. Въ числѣ ея обожавшихъ, былъ молодой Леонъ Ф... Онъ пылалъ къ ней страстною любовью, но будучи въ состояніи переносить свои страданія, рѣшился наконецъ разрѣшить загадку своей судьбы. Отправившись къ Талимоннѣ, онъ притворился что-то въ родѣ формальнаго объясненія, но видно, что для него было несчастіемъ для него: Талимонна, со всею опытностію сѣтской женщины осмысляя его, обнимаеъ съ нимъ горно, сухо и равнодушно, какъ съ влюбленнымъ юношею, следовательно хотѣла уничтожить страсть его. Никой махуль Феррейра, удавшись, закрылъ бы глаза, но Леону не достало мужества, онъ, обдумавъ, откланиваясь съ отчаяніемъ, оставивъ свою дворей и спросилъ Талимонну, чѣмъ можетъ искупить поустыженье своей, такъ сильно ее раздражившій? Тыль, отечале онъ, сталъ, съ продолженіемъ по крайней мѣрѣ полугода, будешь свободнаго вѣнкой встрѣчи со мною.

— А послѣ спросилъ онъ.

— Тогда я весь охотно уйду, отвѣчала Талимонна и послѣднее отворнулась съ другую сторону. Леонъ вѣшалъ въ виски, прѣис, въ какой-то удивленіи, въ ожиданіи будущаго.

«Талимонна не безъ причины отворачивалась, она пошла въ другую сторону, потому что отчаяніе Леона, соръ драматическаго возбудила въ ея душѣ сочувствіе. Слова любви уже въ сердцахъ къ владѣть и терзеть: поаскудиль: поаскудиль бы: съ рѣшительнѣ Те-

лимена любила Леона, любила его открыто, вѣрно и безпрѣдѣльно; она видѣла въ этой любви надежду единственнаго счастья въ жизни и поэтому хотѣла испытать ее. Есть характеры, которые, найдя счастье, цѣлуютъ его съ одной стороны, а съ другой, сами проклинаютъ ядру, въ которую потомъ лезутъ червь, съѣдающій это счастье. Если такимъ людямъ ничего, кромѣ здоровья, не остается, то, взявъ патологію, читаютъ ее не на во открытие въ себѣ съ владычицы бодвизней. Къ числу такихъ особъ принадлежала Телимена. Слуста шесть мѣсяцевъ, Леонъ лежалъ въ срокъ къ Телименѣ, худой, съ блѣдыми лицомъ, на которомъ минутная радость выражалась болѣзненнымъ румянцемъ. Хотя Телимена предугадывала это вѣщаніе, однако жъ это свѣжее доказательство постоянной привязанности къ ней Леона вдохнуло въ ея душу столько пріятныхъ ощущений, что, для скрытія своего волненія, бѣдная женщина внезапно бросилась къ неумѣренной насмѣшкѣ; будучи не въ силахъ владѣть собою, она забросала Леона сарказмами о его сантиментальной любви, утѣряя его насмѣшливо, что онъ надъ ней надѣяется, что въ теверешнемъ эгоистическомъ вѣкѣ нѣтъ ничего смѣшнѣе платонической любви; наконецъ, что его поступки — только комедія, въ которой она не хочетъ играть роли и предлагаетъ ему единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ опять по крайней мѣрѣ на три мѣсяца оставилъ ее въ покоѣ. Леонъ переноситъ терпѣливо ея насмѣшки и ушелъ обрадованный, что срокъ былъ короче прежняго. Телимена въ изнеможеніи ушла на диванъ, плакала отъ радости и сожалѣнія надъ страданіями безпрѣдѣльно любимаго ею человека. Наконецъ кончилась время нагианія, Леонъ явился аккуратно и на этотъ разъ въ назначенный срокъ. Его не только благосклонно приняла Телимена, но даже не назначала болѣе никакихъ условій. Онъ встрѣчалъ Телимену всегда въ обществахъ, иногда въ ея собственномъ домѣ; во присутствіи ея держала себя съ нимъ въ отдаленіи, а наединѣ столько оказывала легкомысленности, напизовъ и украшества, что нужно ему было имѣть вселюбскую любовь къ сердцу, чтобы вытерпѣть такое обращеніе. Леонъ переноситъ эти египетскія наказыванія, и наконецъ Телимене, опасаясь дурныхъ послѣдствій слишкомъ продолжительнаго испытанія, переимѣнила свой притворный характеръ и, отдавъ руку своему любимцу, съѣла его счастливѣйшимъ изъ людей.

— Харема, что по крайней мѣрѣ хотѣла одне событіе изъ

твоякъ разсказовъ имѣеть пріятный конецъ. Мнѣ жаль было, что Телимена напрасно отравляла самыя пріятнѣйшія минуты въ своей жизни; но за то какъ она должна быть счастлива теперь.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія! злобно отвѣчалъ демонъ. Никогда не случилось еще женоному уму такъ хорошо заглянуть въ туманъ будущаго. Телимена имѣеть мужа, который во всемъ ей угодяетъ, исполняетъ и предупреждаетъ ея желанія; никогда съ ней не спорить, занимается хозяйствомъ, заготовляетъ лучшіе грибочки, самъ отдастъ приказанія повару и за обѣдомъ всегда бываетъ веселъ, а если, послѣ хорошаго обѣда, кофе и ароматическій дымокъ сигары приведуть его въ очаровательное расположение духа, то нѣтъ въ мірѣ человѣка счастливѣе его. Овъ тогда, по обыкновенію, воспоминаетъ о прошедшихъ своихъ любовныхъ событіяхъ съ женою и такъ удачно умѣеть высказывать ихъ, что слушатели умираютъ со смѣху. Каламбуры, комическія картины, театральныя движенія тѣла, различныя гримасы, все это найдется у него. Гости не могутъ удержаться отъ смѣха, одна лишь только Телимена не смѣется. Если Леонъ замѣтитъ это, то вдругъ бѣжитъ къ ней, обвиняетъ ее съ нѣжностію и говоритъ: другъ мой, вѣдь всѣ эти глупости давно ужъ кончались, отчего жъ не постыдиться намъ надъ тѣмъ, что нѣкогда дурачество было нашимъ занятиемъ.

— Бѣдная Телимена! воскликнула я. Чѣмъ болѣе овъ веселъ, тѣмъ болѣе ея сердце болитъ.

— Надменная женщина! крикнулъ гнѣвно демонъ. Вздумала обманомъ поднять завѣсу будущаго! Счастливая женщина! Испытала, что любовникъ терѣлима, она изъ этого заключила, что овъ будетъ чувствительнѣйшій и шѣвильнѣйшій мужемъ. Это совершенно женское сужденіе, изъ котораго можно бы заключать, что верблюдъ чувствительнѣйшее въ мірѣ существо.

— По всему видно, что Леонъ не любилъ Телимену, во все время, какъ она испытывала его! сказала я.

— На это не умѣю отвѣчать, сказалъ демонъ. Не стѣбитъ того, чтобы сострадать о Телименѣ. Тысячи женщинъ на ея мѣстѣ были бы своею участію совершенно довольны, не понимая даже, чего можно болѣе желать отъ такого мужа, какъ Леонъ.

— Почему-что не понимаютъ любви, возразила я.

— Кто же изъ васъ сумѣетъ сказать, что такое любовь?

требовать философъ отъ человѣка, общество отъ гражданина, и женщина отъ возлюбленнаго. Бѣдняжка, еще въ младенческомъ возрастѣ; унаслѣдъ съ лѣстницы, и у него выросли два горба, одинъ на груди, другой на спинѣ; такая неправильная наружность имѣла большое вліяніе на всю жизнь его. Въ училищѣ издѣвались надъ нимъ мальчишки; въ обществѣ былъ онъ предметомъ сухаго сожалѣнія, равнаго презрѣнія, на улицахъ указывали на него пальцемъ; въ службѣ начальники дѣлали странныя изъ горбовъ его выводы и отказывали ему въ заслуженномъ способностями и трудами награжденіи. Всѣ называли его скрягой, сплетникомъ, злобнымъ, потому-что какаютая простая пословица приписываетъ эти пороки изувѣченнымъ людямъ. Вся жизнь этого человѣка была непрерывною нитью униженій, огорченій и страданій; женщины избѣгали его, какъ прокаженнаго. Когда онъ обращался къ нимъ съ любезностями, они стыдились слушать его, отвѣчали ему законически, гнѣвно и равнодушіемъ своимъ показывали ему, что вѣжливости его могутъ подвергнуть ихъ насмѣшкамъ общества. Несчастный, въ отчаяніи, обратился къ старой и еще болѣе его горбатой дѣвѣ, но и та колкими отвѣтами заставила его убраться прочь. Онъ принужденъ былъ оставить общество и жить въ уединеніи. Родные его, имѣвшіе право на наслѣдство, говорили откровенно, что такой жалкій калека долженъ молить Бога, чтобъ онъ скорѣе принялъ его къ себѣ. Изъ этого можно заключить, что наружность людей подобна чекану монетъ. Пріятная наружность, въ особенности женщинъ, даетъ имъ цѣну въ обществѣ. Старый полуистертый штемпель прошедшаго вѣка перемѣняетъ монету въ антикъ, и она уже не имѣетъ курса, одинъ только собиратель древностей оцѣниваетъ ее.

— Навѣрно, воскликнула я съ негодованіемъ: исторія твоя о горбатоиъ есть пасквили на общество. Впрочемъ, если съ лѣтами я принуждена буду отказаться отъ любви, то при воспитаніи моемъ, при способностяхъ, которыми одарила меня природа, останутся мнѣ въ удѣлъ литература и слава; онѣ, какъ благодать неба, согрѣютъ осиротѣлую грудь мою!...

— Литература и слава! насмѣшливо отвѣчалъ демонъ. Литература и слава не успокоили страждущихъ сердецъ Тасса и Байрона, а ты, бѣдное дитя заблужденія, пресмыкающееся по ихъ дорогѣ, мечтаешь догнать призракъ, за которымъ они гнались напрасно!.. На вершинѣ только Парнаса видны розы и лав-
К. X. — Ота IV.

ры, Не для твоего пола это званіе, хотя многія женщины избираютъ его. Справедливо сказалъ кто-то: «Что самое прекрасное произведеніе женщины есть сынъ, вскормленный ея грудью на услуги отечеству.» Въ наши времена, сочиненія женщинъ производятъ такое же впечатлѣніе, какъ финляры своими штукани. Сначала всѣ удивляются, всѣ одобряютъ, послѣ видятъ въ нихъ подлога и шарлатанства. Первое твое сочиненіе похвалить, быть-можетъ болѣе нежели оно стоитъ; слѣдующія же возбуждаютъ общее негодованіе противъ женщины-литератора. Одни закричатъ, что это компляція, что характеры слишкомъ увеличены, мысли слабы, слогъ неправильный, словоохотъ, что это женское болтанье; иные, болѣе справедливыя къ сочиненію, нежели къ автору его, скажутъ, что слишкомъ много философіи и здравыхъ мыслей для слабой женской головы, и заключатъ, что подъ именемъ женщины написалъ мужъ, братъ, другъ или вообще какой-нибудь псевдонимъ съ бородой. Найдутся наконецъ и такіе, которые, не зная тебя вовсе, встрѣтивъ въ сочиненіяхъ твоихъ описанія пороковъ и человѣческихъ заблужденій, объявятъ вдругъ, что у тебя злобный, сатирический характеръ. Мужчина можетъ сочинять не только сатиры, какъ Красицкій, но даже эпиграмы; они часто забрасываютъ вздорными сочиненіями своими книгопродавцевъ. Женщина исключена изъ этой милости; всякое ея сочиненіе дѣлается доводомъ къ сужденіямъ о ея умѣ и сердцѣ.

Люблю я бывать на Бѣлянахъ и провожу тамъ иногда большую часть дня. Гляжу на Вислу, гуляю по лѣсу, собираю дикія цвѣты или приобщиваюсь къ шуму колеблющихся листьевъ и предаюсь задумчивости. Сердце мое бьется свободно, соображаясь съ гармоническимъ тономъ природы. О! тогда раждается во мнѣ желаніе оставаться на-всегда въ подобномъ состояніи тихаго, удивленнаго счастья души.

Когда же Варшава мнѣ слишкомъ наскучитъ, или родится во мнѣ негодованіе къ людямъ, или безотчетная скорбь начнетъ тяготить меня, я выѣзжаю за заставу, въ обителѣ мертвыхъ, блуждаю по кладбищу. Сердце мое успокоивается постепенно; грустныя, сладкія думы о лучшей жизни развиваются въ душѣ моей, какъ ночные цвѣты на кладбищѣ; невольныя слезы текутъ изъ очей, я становлюсь на колѣни, у черной, каменная встрѣтится, могилы дѣвцы, и молюсь за душу моей незнакомки, — молюсь объ ней, потому-что быть-можетъ безъ меня никто другой не помолится за нее, потому-что воспоминаніе о дѣвцѣ скорѣе исчезаетъ между людьми, нежели слѣдъ лодки на водѣ.

СЪ ПОЛЬСКАГО ПЕРЕВЕЛА САВИНА ГАЙВОРОНСКАЯ.

Науки и Художества.

ТОРГОВЛЯ ИТАЛЬЯНЦЕВЪ ВЪ XIII И XIV СТОЛѢТІЯХЪ.

I.

Торговля сношенія Итальянцевъ съ Константинополемъ.

Константинополь, въ средніе вѣка, долго былъ первымъ торговымъ городомъ, въ который съѣзжались купцы изъ вѣсѣхъ странъ извѣстнаго тогда свѣта и привозили товары съ сѣвера и запада Европы и роскошныя произведенія востока. Господствуя на водахъ Средиземнаго и Чернаго морей, столица восточной имперіи, съ своею превосходною природною гаванью, могла бы играть главную роль въ исторіи торговли, въ продолженіе всего средневѣковаго періода, если бы счастливому развитію греческой торговли не воспрепятствовали обременительныя для купечества мѣры византійскаго правительства.

Еще въ царствованіе Юстиніана, монополія отяготѣла надъ торговлею греческой имперіи и начала мало-по-малу подрывать цвѣтущее состояніе купческаго сословія. Сначала было отня-

то у народа право заниматься выдѣлкою шелковыхъ тканей. Потомъ казна овладѣла самою торговлею шелкомъ. Эта пагубная мѣра остановила развитіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей греческой промышленности. Большая часть работниковъ, въ Тирѣ и Беритѣ, были доведены до крайней бѣдности, и чтобы не умереть съ голода, принуждены были искать себѣ убѣжища и пропитанія въ персидскихъ провинціяхъ. Въ то же время была установлена новая финансовая система, которая, имѣя цѣлію обогащеніе государственной казны, произвела, по словамъ историка Прокопія, въ греческой имперіи то же, что производить опустошительный градъ на плодоносныхъ поляхъ. Частные люди были лишены даже права торговать самыми необходимыми предметами продовольствія; хлѣбъ, вино, масло и другіе съестные припасы продавались отъ казны. Эта разорительная монополія существовала еще и въ XII столѣтіи.

Подданнымъ греческой имперіи запрещено было покупать хлѣбъ у землепашцевъ; они должны были пріобрѣтать его отъ императорскихъ чиновниковъ, завышавшихъ продажную съестныхъ припасовъ. Чиновники, не смотря на значительное жалованье, не опускали случая обогащаться на счетъ народа. Иногда, жизненные припасы, еще прежде доставки въ Константинополь, портились во время морскаго пути; но потребители должны были покупать испортившійся товаръ, по той же цѣнѣ, какъ и свѣжій. Иногда правительство, не довольствуясь огромными выгодами, извлекаемыми изъ этой монополіи, прибѣгало къ другимъ болѣе обременительнымъ для народа средствамъ, для увеличенія государственныхъ доходовъ; оно уменьшало установленныя хлѣбныя мѣры. Такъ поступилъ, въ 1071 году, Михаилъ Дука, и по этому случаю, раздраженный народъ назвалъ его *Параликсисъ*, то-есть, уменьшитель четверти (хлѣбной мѣры.)

Съ кораблей и съ привозныхъ на нихъ товаровъ взымалась большая пошлина. У всѣхъ воротъ Константинополя и въ гавани находились чиновники, для сбора пошлинъ. Эти чиновники, по замѣчанію Прокопія, ни въ виду угождать правительству, требовали, съ кораблей и съ ввозимыхъ въ городъ товаровъ, пошлины болѣе противъ законеннаго. Иногда купцы рѣшались сжечь свои суда со всѣмъ ихъ грузомъ, чтобы не исполнять этихъ незаконныхъ требованій.

Еще одно обстоятельство содѣйствовало упадку предпринимчи-

ваго духа греческихъ купцовъ. Имъ рѣдко удавалось находить стовать у правительства вооруженное прикрытіе для безона- сного плаванія своихъ судовъ. Правительство заботилось толь- ко о военныхъ корабляхъ и не обращало никакого вниманія на морскую торговлю, о которой вспоминало развѣ только тогда, когда представлялся случай конфисковать купеческія суда въ пользу казны. Каждому купцу дозволялось строить корабли и про- изводить морскую торговлю, но правительство присвоило себѣ право, въ случаѣ необходимости, пользоваться кораблями част- ныхъ лицъ, а такіе случаи бывали часто, потому что войны имперіи востаново требовали восполненія войска и флота.

Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ торговля не мо- гла процвѣтать. Мало находилось охотниковъ, которые бы пу- скались въ предпріятія, не обѣщавшія вѣрнаго успѣха; Греки, вмѣсто того, чтобы заниматься торговыми спекуляціями, съ большимъ удовольствіемъ предавались схоластическимъ пропіямъ, витриганъ, или искали развлеченія въ зрѣлищахъ. Но между тѣмъ, какъ византійскіе купцы сокращали свою дѣятельность и наконецъ ограничились незначительною каботажною торго- влей, простиравшеюся не далѣе Босфора Фракійскаго, — въ са- момъ Константинополѣ появились предпріимчивые иностран- цы, которые оживили торговлю и мало-по-малу сдѣлались вла- стителями Средиземнаго и Чернаго морей. Это были Италъ- янцы.

Прежде всѣхъ другихъ Итальянцевъ, завели торговля связи съ Византіею граждане амальійской республики. Въ то еще вре- мя, какъ города Генуи и Пизы были едва извѣстны свѣту, го- родъ Амальи, этотъ *Тиръ южной Италіи*, высылалъ своихъ торго- вцевъ флотами на Средиземное море и велъ обширную торго- влю съ приморскими странами. Но въ 1135 году, Пизанцы осу- стовили этотъ городъ, а черезъ два года совершенно подобрали его торговлю.

Слѣдъ за Амальійцами, въ Византію прибыли Венеціане. Въ 994 году, они получили уже отъ греческаго правительства зна- чительныя привилегіи. Въ 1084 году, императоръ Алексій Ком- ненъ далъ венеціанскимъ купцамъ право торговать во всей им- періи и позволилъ имъ завести дома и магазины въ самой сто- лицѣ и имѣть своихъ судей. Огромныя выгоды, какія привлека- ла Венеція изъ торговли съ Константинополемъ, привлекли въ этотъ богатый городъ Пизанцевъ, которые въ началѣ XII сто-

лѣтія получили отъ императора Алексѣя тѣ же преимущества, какими пользовались Венеціане. Въ половинѣ того же столѣтія, въ Константинополѣ была основана контора Генуэзцевъ, и въ 1180 году, между Генуею и Византіею былъ заключенъ торговый договоръ, по которому Генуэзцы, получивъ право торговать во всей имперіи, приобрѣли въ Константинополѣ площадь и построили церковь, магазины и дома. По обычаямъ того времени, при учрежденіи факторіи, прежде всего воздвигали церковь, потомъ очищали площадь, строили дома, лавки и магазины для складки товаровъ. Такія факторіи не рѣдко занимали въ городѣ цѣлый кварталъ, гдѣ жили иностранные купцы по-своему и разбирались своимъ судомъ.

Пользуясь такими правами и льготами, Итальянцы естественно должны были овладѣть всею торговлею греческой имперіи. Но ихъ торговое значеніе еще усилилось и распространилось, въ началѣ XIII вѣка, когда Латиняне завоевали и раздробили греческое государство. При этомъ случаѣ, выгодами побѣды преимущественно воспользовались Венеціане: они овладѣли всѣми мѣстами по берегамъ и островамъ, которые только имѣли особенную важность для ихъ торговли. Они заняли также три лучшіе квартала въ самомъ Константинополѣ. Во всѣхъ новыхъ венеціанскихъ владѣніяхъ были основаны колоніи. Самую важною была колонія константинопольская, составленная изъ дворянъ и простыхъ гражданъ. Правительство устроило ее совершенно по образцу метрополіи, какъ аристократическую республику, съ сенатомъ изъ шести членовъ, съѣтомъ и верховнымъ судьей, или консуломъ. Всѣ гражданскіе и военные чиновники подлежали его суду. Съ вѣншей стороны, безопасность колоніи обезпечена была отъ нападений Пизанцевъ или Генуэзцевъ достаточнымъ числомъ хорошо вооруженныхъ кораблей. Никто, какого бы онъ ни былъ состоянія, не освобождался отъ власти верховнаго судьи, и каждый Венеціанинъ, владѣвшій недвижимыми имуществами въ Константинополѣ и въ другихъ городахъ имперіи, могъ продавать или передавать ихъ только своимъ соотечественникамъ. Независимость колоніи утверждена была формальнымъ договоромъ съ новымъ латинско-греческимъ императоромъ.

Константинопольскій консулъ, глава довольно многолюднаго общества, казался настоящимъ самодержцемъ. Въ антазахъ онъ титуловался деспотомъ и господиномъ четвертой съ половиною

части римской имперіи (*Dominus quartae partis et dimidiaе imperii romani*), также какъ венеціанскій дожъ, и имѣлъ родъ двора, составленный изъ судей, совѣтниковъ, двухъ камерлингговъ, констабля и множества другихъ второстепенныхъ офицеровъ. При церемоніяхъ, онъ носилъ пурпуровую одежду, знакъ императорскаго достоинства; въ дни праздниковъ, на колокольнѣ бывшаго монастыря Вседержителя, въ которомъ онъ помѣщался, водружалъ хоругвь святаго Марка; передъ народомъ являлся всегда окруженный тѣлохранителями и въ венеціанскомъ кварталѣ пользовался правами государя. Евреи и Армяне-католики, жившіе въ Константинополѣ, признавали его судъ и повиновались только ему. Онъ обязанъ былъ покровительствовать имъ; но Евреи за это покровительство должны были платить чрезвычайно большія суммы. Сверхъ того, они дѣлали консулу подарки: въ праздники Рождества Христова, Благовѣщенія, въ праздникъ святаго Мартина и въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Владѣя узкимъ проливомъ, соединяющимъ Понть Эвксинскій съ Средиземнымъ моремъ, Венеціане могли смотрѣть на Черное море, открытое только ихъ негодіантамъ, какъ на свою собственность. Съ давнихъ поръ они знали его и понимали всю важность обладанія имъ. Корабли ихъ плавали даже по Азовскому морю; въ глубинѣ залива, на мѣстѣ древняго Танаиса, они основали колонію. Тана или Азовъ, какъ называли новый венеціанскій городъ, сдѣлался важнымъ рынкомъ татарскихъ народовъ и однимъ изъ богатѣйшихъ складочныхъ мѣстъ азіатской торговли. Въ Судакѣ или Сольдаѣ, на Таврическомъ полуостровѣ, Венеціане учредили второе поселеніе. Этотъ городъ служилъ сборнымъ мѣстомъ турецкихъ и армянскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Крымѣ; равнымъ образомъ, пріѣзжали сюда многіе русскіе купцы изъ Новгорода и Москвы. Одни привозили сюда шелковыя матеріи, бумажныя ткани и пряные корни; другіе лѣнъ, коноплю и дорогіе мѣха.

Венеціане вели также значительную торговлю съ городами, лежавшими на югѣ Чернаго моря. Факторіи, основанныя ими при устьѣ Фазиса, въ Трeбизондѣ и Синопѣ, дали имъ возможность имѣть удобныя сообщенія съ народами Верхней-Арменіи и Кавказа. Въ первой изъ этихъ странъ, они поселились во множествѣ, всходатайствовали себѣ большія привилегіи, такъ что Армяне, народъ по преимуществу торговый и вполне преданный купече-

скими спекуляціямъ, допустили ихъ овладѣть туземною торговлею.

Въ то время, какъ Латиняне завоевали Константинополь, а республика венеціанская забрала въ свои руки торговлю на Черномъ морѣ, Пизанцы вели упорную войну съ Генуэзцами. Вражда между этими республиками была счастливымъ событіемъ для Венеціанъ, которые, безъ этого обстоятельства, не могли бы такъ легко сдѣлаться хозяевами въ греческой имперіи.

Пизанцы лишь только освободились отъ этой войны, тотчасъ же обратили свое вниманіе на Константинополь. Они были очень недовольны произведенными въ Греціи перемѣнами и громко жаловались на честолюбіе Венеціанъ; но ослабленные продолжительными ссорами съ Генуэзцами, и не чувствуя въ себѣ довольно силы вступить въ споръ съ новыми властителями Константинополя, они рѣшились возобновить съ Греціею только торговые связи. Къ императору латинскому отправленъ былъ посланникъ, съ увѣреніемъ, что Пизанцы также преданы ему, какъ и Венеціане, и съ просьбою допустить купцовъ республики ко владѣнію домами и лавками, которые они занимали въ Константинополѣ прежде завоеванія его Франками. Венеціане гораздо менѣе боялись Пизанцевъ, нежели Генуэзцевъ, которыхъ смѣлый и предприимчивый характеръ возбуждалъ въ нихъ безпокойство. Для нихъ даже выгодно было сблизиться съ своими прежними соперниками, чтобы, въ случаѣ войны съ генуэзскою республикою, можно было вступить съ ними въ союзъ; а потому они и не препятствовали снова допускать пизанскіе корабли въ порты имперіи. Они даже позволили имъ плавать по ту сторону Босфора. Пизанскіе купцы, слѣдуя по слѣдамъ Венеціанъ, вступили въ Азовское море и основали тамъ, близъ нынѣшняго Таганрога, торговое поселеніе, подъ именемъ *Пизанскаго порта* (Portus pisanus), которое, въ короткое время, приобрѣло важное значеніе.

Генуэзцы обратились къ константинопольскому двору съ такою же просьбою, какъ и Пизанцы; но, по искательству Венеціанъ, просьба ихъ не была уважена. Глубокая ненависть раздѣляла эти два народа, съ давнихъ поръ оспаривавшіе одинъ у другаго монополию торговли на сирійскихъ рынкахъ. У нихъ не доходило еще до открытаго разрыва, но взаимная ненависть усиливалась съ каждымъ днемъ, и война была неизбежна между двумя соперничествовавшими республиками. Последнее требова-

ніе Генуэзцевъ еще болѣе усилило ненависть Венеціанъ. Греческая имперія, раздробленная Латинянами, казалось, готова была сдаться по первому требованію: Генуэзцы пытались основать поселеніе на островѣ Кандіи и овладѣли нѣсколькими городами въ Морѣѣ; но Венеціане отвяли у нихъ эти завоеванія, и, въ отмщеніе за ихъ притязанія, запретили имъ входъ въ Понтъ Эвксинскій.

Генуэзцевъ болѣе всего раздражила неограниченная власть, какою пользовались въ Константинополѣ Венеціане. За изгнаніемъ изъ Чернаго моря, имъ грозила опасность лишиться правъ торговли и мореплаванія и въ Архипелагѣ. Они не переставали тревожить венеціанское правительство, безрестанно нападали на него, и наконецъ, довели до того, что, въ 1215 году, имъ возвращены были всѣ прежнія ихъ привилегіи. Но политика Венеціанъ составила какъ бы цѣпь изъ городовъ, острововъ и селеній вдоль морскаго берега, отъ Корфу до Босфора; положеніе ихъ въ Константинополѣ и основанныя ими на Черномъ морѣ колоніи совершенно обезпечивали монополію ихъ торговли. Генуэзцы, которые не благопріятствовали въ Константинополѣ Латиняне, вполнѣ руководившіеся, во внѣшнихъ сношеніяхъ, распоряженіями венеціанскаго консула, не могли съ выгодною бороться съ своими соперниками. На генуэзскую республику смотрѣли какъ на государство второстепенное. Въ это-то время Генуэзцы рѣшились произвестъ важный переворотъ въ дѣлахъ Греціи, и если бы попытка ихъ удалась, вся константинопольская торговля перешла бы въ ихъ руки.

Греки, потерявъ свою столицу, удалились въ Никію, въ Малую Азію, и основали тамъ новую имперію. Несчастіе пробудило ихъ смѣлу. Латиняне, нѣсколько разъ разбитые никейскими императорами, принуждены были уступить имъ всѣ азіійскія провинціи, а вскорѣ и большую часть провинцій европейскихъ. Греческіе всадники фуражировали у самыхъ воротъ Константинополя и безнаказанно издѣвались надъ Франками, слѣдвшими за городскими стѣнами. Республика генуэзская рѣшилась свергнуть съ константинопольскаго престола латинскихъ императоровъ и снова возвести на него греческую династію.

Ссора, происшедшая въ Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ, изъ-за церкви, на владѣніе которою не имѣли опредѣленныхъ правъ ни Венеціане, ни Генуэзцы, сдѣлалась поводомъ къ кровавой войнѣ между двумя народами; Венеціане, съ помощію Пизанцевъ, разгра-

были и совершенно опустошили всё торговля учрежденія, принадлежавшія ихъ соперникамъ въ Сиріи. Генуэзцы болѣе не колебались: они отправили къ греческому императору, Михаилу Палеологу, пословъ съ предложеніемъ помощи для изгнанія изъ Константинополя Франковъ и Венеціанъ, общихъ ихъ враговъ. Союзъ былъ заключенъ и утвержденъ въ Никее, 13 марта 1261 года.

Нельзя вообразить предпріятія болѣе дерзкаго. Генуэзская республика, вступала въ союзъ съ греческимъ императоромъ, осужденнымъ западною церковью, противъ принца, которому покровительствовалъ самъ папа. Если бы предпріятіе ея не удалось, она навсегда бы потеряла надежду войти въ торговля сношенія съ Греціею; напротивъ, если бы дѣло ея утѣчалось успѣхомъ, она навлекла бы на себя негодованіе всей латинской церкви и испытала бы грозное мщеніе римскаго двора; но ничто не останавливало ея рѣшимости, которая поддерживалась надеждою унижить Венецію.

Крайнее безсиліе латинской имперіи побуждало скорѣе приступить къ выполненію этого смѣлаго плана. Балдуиъ II, бывшій тогда императоромъ, чтобы достать нѣсколько денегъ, принужденъ былъ продавать *вещи, не подлежащія торговлѣ*, какъ выражается одинъ историкъ того времени, разумѣя подъ этимъ предметы христіанскаго чествованія, и отдать венеціанскимъ купцамъ въ заложники своего сына. Положеніе его до того было бѣдственно, что онъ приказалъ ломать константинопольскіе церкви и дворцы и брать изъ нихъ все дерево на дрова, для отопленія своихъ покоевъ. Венеціане были единственными защитниками имперіи; отъ ихъ же неблагоразумія она и погибла. Новый консулъ, посланный республикою въ Константинополь, желая ознаменовать свое прибытіе какимъ-нибудь блистательнымъ дѣйствіемъ, убѣдилъ императора предпринять осаду Дафузіи, города, лежавшаго на берегу Чернаго моря, въ сорока миляхъ отъ Константинополя. Балдуиъ согласился, и консулъ отправился въ эту экспедицію съ тридцатью галерами и съ отборными франкскими рыцарями. Небольшое число Латинцевъ, оставшихся въ Константинополѣ, были слабы и не предпринимали никакихъ предосторожностей; Греки, увѣдомленные объ отбытіи Венеціанъ, воспользовались этимъ временемъ, вошли тайнымъ проходомъ въ городъ и заняли его. Латиняне не

думали даже сопротивляться; они, вмѣстѣ съ своимъ императоромъ, бросились къ гавани и сѣли на стоявшіа тамъ суда.

Овладевъ Константинополемъ, Михаилъ Палеологъ честнымъ образомъ заплатилъ свой долгъ Генуэзцамъ и утвердилъ всѣ условія договора, сдѣланнаго прежде. Онъ обѣщалъ самымъ торжественнымъ образомъ всегда считать Венеціанъ своими врагами, а Генуэзцевъ друзьями, предоставилъ подданнымъ генуэзской республики право безошливно торговать на всемъ пространствѣ имперіи и дозволилъ имъ вывозить изъ нея всѣ произведенія и товары. Онъ постановилъ, чтобы ни одинъ изъ мореходныхъ народовъ не былъ освобожденъ отъ таможенныхъ пошлинъ, и чтобы вооруженныя флотиліи однихъ только Генуэзцевъ были допускаемы въ греческія гавани. Императоръ уступилъ своимъ союзникамъ константинопольское предмѣстіе, Галату, куда переѣхало изъ Италіи множество колонистовъ*. Онъ дозволилъ имъ построить тамъ церкви, дома, лавки, и разрѣшилъ имъ управляться *подестою*, котораго власть простиралась на всѣхъ Генуэзцевъ, жившихъ въ Константинополѣ. Последнее, самое важное, условіе состояло въ томъ, чтобы не впускать Венеціанъ въ Черное море и предоставить право свободной на немъ торговли только Генуэзцамъ и Пизанцамъ. Генуэзцы, съ своей стороны, обязывались защищать императора противъ всѣхъ враговъ, давать въ его распоряженіе, въ случаѣ надобности, флотъ изъ пятидесяти галеръ, вооруженныхъ и снаряженныхъ на счетъ республики, и не заключать мира съ Венеціею безъ его согласія.

* Галата не была укрѣплена. Михаилъ, прежде поселенія въ ней своихъ союзниковъ, приказалъ срыть стѣны и, для большей предосторожности, взялъ съ Генуэзцевъ клятву не возобновлять ихъ; но когда, въ 1295 году, въ царствованіе Андроника, Венеціане осалили и ограбили галатское поселеніе, которое не могло дать никакого отпора, то генуэзскіе колонисты, ввезовозвавшись этимъ случаемъ, построили укрѣпленія. Они скупили всѣ виноградники, находившіеся въ окрестности колоніи, выкопали ровъ, провели въ низъ морскую воду, окружили Галату толстыми стѣнами съ крѣпкими башнями и вооружили ихъ военными машинами. Андроникъ, занятый въ то время пріисканіемъ средствъ къ оборонѣ противъ Турокъ, не осмѣлился протянуться Генуэзцамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ согласился даже уступить нѣкую часть холмовъ Перы, которые италіянскіе колонисты также покрыли зѣмлемъ и ретраншаментами. Подъ защитою двойныхъ стѣнъ, генуэзскому городу нечего было бояться Венеціанъ, и съ тѣхъ поръ онъ считался какъ бы независимымъ даже отъ константинопольскихъ императоровъ.

Сдѣлавшись, въ свою очередь, обладателями Чернаго моря, Генуэзцы рѣшились запретить его для Венеціанъ; они не забыли, что ихъ соперники то же самое хотѣли сдѣлать и для нихъ; но Михаилъ Палеологъ, хотя торжественно общалъ не вступать ни въ какіе договоры съ Венеціею, однако не хотѣлъ согласиться на такое мщеніе. Собственные выгоды внушали ему не слишкомъ довѣряться Генуэзцамъ. Новое происшествіе научило его, какъ трудно обуздывать отважный духъ этихъ буйныхъ и гордыхъ республиканцевъ. Заключивъ союзъ съ императоромъ, Генуэзцы считали для себя все позволительнымъ: они напали на монастырь Вседержителя, гдѣ жилъ венеціанскій консулъ, разрушили его до основанія и, нагрузивъ обломками корабль, послали его въ Генуу, въ возмездіе за то, что сдѣлали Венеціане послѣ разрушенія генуэзскаго замка въ Сень-Жанъ-д'Акрѣ. Михаилъ, чтобы избѣжать повторенія подобныхъ сценъ, рѣшился принять политику прежнихъ императоровъ, которые терпѣли всѣхъ иностранцевъ, стараясь однихъ обезсилить другими. Въ 1265 году, онъ заключилъ миръ съ Венеціанцами и обязался возвратитъ имъ въ Константинополь землю съ двадцатью пятью домами и одну пядь двѣ церкви.

Заключенный по этому случаю договоромъ, Венеціанамъ предоставлялась полная свобода развѣзжать по имперіи, не платя на заставахъ установленной подати, и дозволялось имъ продавать или покупать всякіе товары и съѣстные припасы, даже хлѣбъ, со взносомъ извѣстныхъ пошлинъ. Положено было также, чтобъ имѣніе, оставшееся послѣ смерти Венеціанина, передавалось консулу, чтобъ, въ случаѣ крушенія венеціанскихъ кораблей, имъ подаваема была помощь, и чтобъ всѣ вещи, спасенныя отъ потопленія, возвращались въ сохранности. Венеціане, съ своей стороны, не должны были беспокоить Генуэзцевъ въ предмѣстіи Галатѣ; консулъ обязанъ былъ дѣлать немедленное и законное удовлетвореніе каждому жителю Греціи, обиженному Венеціаниномъ, а въ случаѣ совершенія подданнымъ республики убійства Грека или даже Венеціанина, виновный предоставлялся суду императорскихъ чиновниковъ. Если бы венеціанскіе морсары разграбили какое-нибудь владѣніе имперіи, то консулъ долженъ былъ парядить слѣдствіе и немедленно возвратитъ похищенное.

Михаилъ Палеологъ заключилъ союзный и торговый договоръ

дана съ каирскимъ суданомъ. До 1204 года, Сарацины были въ Константинополѣ мечеть. Но, по занятіи этого города Латинянами, мечеть была ограблена и сожжена. Михаилъ приказалъ снова построить ее, а суданъ Бибартъ прислалъ изъ Египта завѣсы и богатая обои для украшенія новой мечети.

Въ 1290 году, и Каталонцы получили дозволеніе торговать въ Архипелагѣ, и по ту сторону Босфора, съ платою, при впадѣнн въ выходѣ, трехъ процентовъ со всѣхъ ввозимыхъ въ имперію и вывозимыхъ изъ нея товаровъ.

Венеціане, помирившись съ императоромъ Михаиломъ, снова стали посѣщать черноморскіе порты; но повсюду, гдѣ они учреждали факторіи, въ Танѣ, Трбизондѣ, Самсунѣ, Синопѣ, имъ приходилось раздѣлять выгоды торговли съ Генуэзцами, заводившими тамъ, по ихъ примѣру, свои конторы.

II.

Колонія Генуэзцевъ въ Крымѣ.

Галатскіе купцы главнымъ образомъ обращали свое вниманіе на страны, лежащія на сѣверѣ Чернаго моря. Въ надеждѣ отнять у Венеціанъ одинъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ ихъ богатства, то-есть сѣверо-восточную торговлю, они задумали учредить въ тѣхъ странахъ складочное мѣсто для азіатскихъ товаровъ, перевозимыхъ чрезъ Каспійское море и Кипчакъ. Кромѣ того, Генуэзцы и не довѣряли греческому императору съ тѣхъ поръ, какъ онъ, вопреки договору, дозволилъ Венеціанамъ торговать на Черномъ морѣ, и хотѣли принять мѣры предосторожности противъ всякой измѣны съ его стороны. Это послужило галатскимъ купцамъ поводомъ къ основанію каспійской колоніи на восточномъ берегу Крыма.

У генуэзскихъ писателей нѣтъ опредѣленнаго указанія на время основанія Кафы и исторіи перваго ея заселенія. Занятые важными происшествіями Італіи, современные лѣтописцы забывали освѣдомляться о томъ, что происходило тогда въ отдаленныхъ владѣніяхъ республики; но чего нѣтъ у историковъ генуэзскихъ, то находимъ у греческихъ писателей.

1269 годъ, кажется, можетъ считаться самою достоверною эпохою первыхъ генуэзскихъ поселеній въ Крымѣ; такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ аббатъ Одерико, приводящій въ подтвержденіе своихъ словъ очень правдоподобныя доказательства. Первоначальное основаніе Кафы, какъ и всѣхъ подобнаго рода учреждений, неизвѣстно. Если вѣрить Августину Джустиниани, первымъ Генуэзцами, поселившимися въ Крымѣ, были два купца Бальдо Доріа и Антоніо делл'Орто. Во время частыхъ своихъ путешествій по сѣверу Эвксинскаго Понта, они замѣтили выгодное положеніе Таврическаго полуострова. Отдѣленный отъ материка узкимъ перешейкомъ и вдавшійся въ средину моря, онъ раздѣлялъ черноморскія воды на два большихъ залива и господствовалъ надъ всею Малою Азіею. Страна была богатая и плодосная, а берега предоставляли множество якорныхъ мѣстъ, гдѣ мореплаватели могли находить безопасное убѣжище. Обширный рейдъ и счастливое мѣстоположеніе Θεодосіа особенно привлекли вниманіе двухъ купцовъ. Лишь нѣсколько развалинъ оставалось на томъ мѣстѣ, гдѣ процвѣтала нѣкогда эта древняя греческая колонія. Забыто было даже имя ея; Татары называли ее *Кафю*. * Два Генуэзца обратились къ кипчакскому хану съ просьбою о дозволеніи имъ основать въ Θεодосіа контору и, получивъ на то согласіе, купили, на берегу моря, небольшой участокъ земли для постройки домовъ и магазиновъ.

Татары, не имѣя почти никакого сообщенія съ Константинополемъ, могли доставать только по самой дорогой цѣнѣ итальянскія и германскія сукна и полотна, которые были у нихъ въ большомъ употребленіи; потому учрежденіе въ нихъ странъ складочнаго мѣста для товаровъ запада, было принято ими очень благосклонно. Бальдо Доріа и Антоніо делл'Орто, къ которымъ присоединилось еще нѣсколько другихъ галатскихъ купцовъ, не пренебрегали ничѣмъ, чтобъ приобрести довѣріе и дружбу Татаръ. Генуэзцы заключили съ ханомъ торговый трактатъ. Ханъ утвердилъ права ихъ на купленную ими землю и повторилъ дозволеніе строить на ней дома, лавки, магазины,

* Греки называли Кафю крѣпость, выстроенную ими при входѣ въ городъ для защиты жителей отъ разбойническихъ нападений Тавро-Скивовъ. Въ X-мъ вѣкѣ, древняя греческая колонія носила уже имя Каемъ. (Const. Porphyg. de Adm. imp.)

словомъ, все, что необходимо для жительства купцовъ и для хранения товаровъ. Тѣмъ же трактатомъ всѣмъ другимъ народамъ запрещалась торговля въ Крымѣ. Ханъ однимъ Гениузцамъ далъ право привозить туда фабричныя произведенія запада и мѣнять ихъ на туземные товары, со взносомъ установленныхъ привозныхъ и вывозныхъ пошлинъ.

Нѣсколько времени кафескіе колонисты были вѣрны трактату, и, съ той и съ другой стороны, все шло добрымъ порядкомъ; но итальянскіе купцы, которыхъ число возрастало съ каждымъ днемъ, не могли быть спокойны. Маленькая, не защищенная ни чѣмъ, колонія находилась въ полной власти Татаръ, народа преимущественно хищнаго. Правда, Гениузцы до тѣхъ поръ не могли жаловаться на своихъ союзниковъ; но согласіе легко могло нарушиться изъ-за какого-нибудь пустаго происшествія. Для предупрежденія такихъ случаевъ, купцы рѣшились укрѣпиться. Пространство земли, занятой ими, было очень не велико, домы были выстроены на скорую руку. Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ магазины уже не могли помѣщаться всѣ товары, они выстроили новые и мало-по-малу завладѣли уступленнымъ имъ участкомъ земли. Окончивъ съ успѣхомъ это предпріятіе, они обвели свои жилища широкимъ ровомъ и землянымъ валомъ. Эти первыя работы не имѣли большой важности, но онѣ защищали колонію отъ нечаяннаго нападенія.

Хану не нравились эти дѣйствія колонистовъ; но купцамъ не трудно было успокоить его. Они увѣрили хана, что ровъ и валъ не были укрѣпленіями, а просто выведены ими для защиты, и то не отъ Татаръ, на которыхъ они вполнѣ полагались, но отъ Венеціанъ, ихъ соперниковъ. Ханъ удовольствовался этими объясненіями и болѣе не вмѣшивался въ это дѣло. Подъ прикрытіемъ насыпи, которою окружено было поселеніе, Гениузцы, не позволявшіе болѣе Татарамъ входить въ Кафу, вырыли другой ровъ глубже перваго и изъ камней, привезенныхъ изъ Галаты, соорудили правильныя укрѣпленія, съ толстыми стѣнами и башнями. Такимъ образомъ кафеская колонія, бывшая сначала простымъ рынкомъ, скромною слободкою, сдѣлалась крѣпостью и безнаказанно могла презирать гнѣвъ татарскаго князя. Въ короткое время, колонія сдѣлала такіе быстрые успѣхи, что ровно черезъ двадцать лѣтъ, въ 1289 году, была въ состояніи выслать эскадру на помощь Триполи, въ Сирію.

Упадокъ древней херсонской колоніи благоприятствовалъ

успѣхамъ новаго воеводства. Со времени императора Валента, Херсонцы приобрѣли на сѣверѣ большой вѣсъ. Они получали изъ Константинополя, по праву всемогательныхъ войскъ римской арміи, годовую провизію, состоящую въ хлѣбѣ, на тысячу человѣкъ, въ маслѣ, оружій и военныхъ снарядахъ. Херсонъ, въ то время, былъ важнымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ сѣвера; всѣ народы этихъ странъ часто посѣщали его. Дозволеніе, данное итальянскимъ купцамъ производить торговлю на Черномъ морѣ, было началомъ паденія Херсона, а завоеваніе Византіи Латинянами нанесло ему смертельный ударъ. По возвращеніи Грековъ въ Константинополь, онъ пытался подняться изъ своего униженнаго состоянія; но въ это самое время, Генуэзцы поселились въ Крымѣ, и первымъ ихъ дѣломъ было избавиться отъ соперничества, которое могло сдѣлаться для нихъ опаснымъ. Будучи полновластными распорядителями въ Константинополѣ, они принудили императора Андроника не посылать болѣе кораблей въ Херсонъ и захватили всѣ тамошнія суда, отправленные на солончаки и на рыбныя ловли Азовскаго моря.

Покинутый Греками, Херсонъ лишился всего своего значенія, и выгодная торговля, которую онъ велъ съ днѣпровскими Татарами и жителями сѣверныхъ придунайскихъ областей, всею волюю перешла въ руки купцовъ Кафы.

Венеціане не могли безъ зависти смотрѣть на учрежденіе новой генуэзской колоніи. Они не переставали еще оплакивать горестныхъ послѣдствій послѣдняго константинопольскаго переворота, лишившаго ихъ господства на Черномъ морѣ въ пользу ихъ соперниковъ. Имъ грозила опасность потерять самую лучшую свою колонію на этомъ морѣ: Кафа, по своему положенію, господствовала надъ мореходствомъ по Азовскому морю и могла уничтожить значеніе Таны. Впрочемъ, новый генуэзскій городъ, лежавшій ближе къ Константинополю и имѣвшій самое удобное сообщеніе съ Кубанью, необходимо долженъ былъ сдѣлаться главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ востока и сѣвера.

Въ 1296 году, двадцать-пять венеціанскихъ галеръ, подъ командою Джіованни Соранцо, нечаянно явились передъ Кафою. Коловнсты, не ожидавшіе нападенія, не имѣли силъ отразить его. Завлакъ городъ, Венеціане разграбили его, сожгли шесть генуэзскихъ судовъ, стоявшихъ въ гавани, и лучшія зданія въ

городъ, и принудили жителей бѣжать къ Татарамъ. Выгодное положеніе Кафы побудило ихъ оставить за собою это богатое владѣніе. Наступила чрезвычайно жестокая зима. Татары, убѣжденные генуэзскими колонистами, отказались отъ сообщенія съ новыми пришельцами. Жизненные запасы истощились, а корабли, замерзшіе въ гавани, не могли выйти за провизіею. Голодъ и стужа сгубили экипажъ девяти галеръ. Съ наступленіемъ весны, Венеціане, недовольные своимъ завоеваніемъ, оставили Кафу.

Генуэзцы успѣли возвратиться въ свою колонію, и скоро поправили все зло, причиненное кратковременнымъ пребываніемъ Венеціанъ. Чтобы совершенно обезопасить себя на будущее время отъ своихъ противниковъ, они прибавили къ существовавшимъ уже укрѣпленіямъ новыя и прикрыли ихъ бастіонами съ крѣпкими башнями. Кафа была построена на горѣ, спускающейся къ рейду полукруглою покатостію и распадающею отъ сѣвера къ югу. На обоихъ концахъ этого полукруга Генуэзцы построили по крѣпости и вооружили ихъ всѣми способами, бывшими въ то время въ употребленіи. Особенно важна была крѣпость, построенная на южномъ концѣ: помѣщенная на возвышеніи, она господствовала надъ всѣмъ рейдомъ. Всѣ прежніе колонисты возвратились въ Кафу. Сверхъ того, очень многіе галатскіе и армянскіе купцы, привлеченные выгодами торговли, перѣехали туда съ своими семействами. Въ 1316 году, число Армянъ, поселившихся въ Кафѣ, было уже значительно. Они занимали цѣлый обширный кварталъ, имѣли церкви, монастыри и даже епископа, который построилъ на свой счетъ одинъ изъ главныхъ водопроводовъ города.

Едва прошло четверть столѣтія съ основанія Кафы, она представляла уже видъ большого города. Тысячи домовъ поднялись какъ будто волшебствомъ; обширные магазины, величественныя базары, наполненные товарами, тянулись вдоль порта, оживленнаго непрерывнымъ движеніемъ. Въ это время окончательно было опредѣлено правленіе новой колоніи, и оно не мѣнялось во все время, пока Генуэзцы жили въ Крымѣ.

Советъ управленія состоялъ изъ консула, двухъ ассессоровъ, канцлера или нотаріуса, четырехъ *деревенскихъ* судей, двухъ ключарей, капитана милиціи или кастеляна. Сенатъ изъ двадцати четырехъ лицъ, ежегодно избираемыхъ выбывавшими членами, былъ представителемъ колоніи. Четыре сенатора выби-

ралось изъ гражданъ Кафы; прочія двадцать мѣстъ раздѣлились между знатными и плебеями, чиновниками или купцами. Кроме того, былъ еще другой малый совѣтъ изъ шести лицъ. Ихъ избиралъ сенатъ, только не изъ своихъ членовъ. Мѣста въ этомъ совѣтѣ были предоставлены кафескимъ гражданамъ.

Консулъ, первый чиновникъ колоніи, избирался каждый годъ. Если онъ умиралъ во время консульства, или, если сообщеніе Кафы съ метрополіею печально прерывалось, по случаю войны или другаго какого-нибудь неожиданнаго происшествія, то сенатъ имѣлъ право избрать временнаго консула, который управлялъ колоніею до назначенія республикою новаго. Временные консулы смѣнялись черезъ каждые три мѣсяца, и имъ строго было запрещено оставлять свой постъ прежде прибытія новаго консула изъ Генуи. До выѣзда изъ Италіи, новоопредѣленный кафескій консулъ непременно долженъ былъ представить обезпеченіе въ тысячу ливровъ. По прибытіи въ колонію, онъ созывалъ сенатъ и представлялъ ему свои полномочія. Затѣмъ принималъ присягу и приступалъ къ новому составу совѣтовъ. Онъ самъ присутствовалъ при выборахъ, но не имѣлъ права подавать голосъ.

Безъ согласія сената, консулъ не могъ устанавливать налоги, производить экстраординарные расходы и употреблять общественныя деньги на незаконныя пиршества и праздники. Ему запрещено было отиѣнять приговоры своихъ предшественниковъ, дѣлать какія-нибудь притѣсненія торговлѣ или своихъ выгодъ или для пользы своихъ родственниковъ, чеканить, на свой счетъ, монету, какъ въ Кафѣ, такъ и въ другихъ городахъ Хазаріи, и отдавать общественныя имущества въ оброчное содержаніе частнымъ лицамъ, по секретнымъ условіямъ; все должно было приводиться въ исполненіе послѣ публичнаго обсужденія. Такъ какъ жалованье консулу назначала и выдавала республика, то онъ не долженъ былъ ничего принимать отъ кого бы то ни было. Особенно строго ему было запрещено дѣлаться *вассаломъ владѣтеля Кафы*, кипчакскаго хана, то-есть пользоваться отъ него какою-нибудь милостію, пенсіономъ или другими денежными подарками, не только во

* Хотя, въ это время, Генуэзцы были уже полными господами въ своей колоніи, но все еще не переставали величать татарскаго князя владѣтелемъ Кафы; они признавали его верховную власть и платили ему дань.

время своего консульства, но и въ теченіе цѣлаго года послѣ снятія съ него этого званія. За нарушеніе этого закона, консулъ подвергался пенн въ 200 генуэзскихъ ливровъ, и за униженіе достоинства республики объявлялся неспособнымъ исполнять какую-нибудь публичную должность въ теченіе десяти лѣтъ. Консулъ обязанъ былъ дѣлать немедленное рѣшеніе по всѣмъ дѣламъ, переданнымъ на его разсмотрѣніе; а по окончаніи года своего консульства, онъ долженъ былъ отдать отчетъ въ исполненіи возложенной на него обязанности, и не болѣе какъ черезъ мѣсяць по возвращеніи въ Генуу.

Впослѣдствіи, Генуэзцы, основавъ три новыя конторы, на островѣ Таманѣ, въ Балаклавѣ и Судахѣ, въ каждомъ изъ этихъ городовъ учредили особенныя консульства; но эти три консула были подчинены каѣскому, который, въ слѣдствіе этого, величалъ себя пышнымъ титуломъ верховнаго консула Каѣы, всего Великаго моря и хазарской имперіи, т. е. Крыма. Право избранія таманскаго, балаклавскаго и судакскаго консуловъ принадлежало торговавшимъ тамъ купцамъ.

Два ассессора или чиновника консульства опредѣлялись правительствомъ метрополіи. Служба ихъ продолжалась только три мѣсяца. Для наблюденія за ними, при консулѣ состояли еще два другихъ чиновника, которые выбирался совѣтомъ шести.

Канцлеръ взбирался изъ генуэзскихъ нотаріусовъ и назначался республикою. Также какъ и консулъ, онъ обязанъ былъ, прежде вступленія въ должность, представить обезпеченіе. За совершеніе актовъ ему платилось по тарифу; всѣ актывыя бумаги писались лично при немъ, и онъ самъ прилагалъ къ нимъ печать консульства; но, по совершеніи этого, онъ долженъ былъ возвращать печать консулу, которому виѣнялось въ непремѣнную обязанность имѣть ее всегда у себя, а не довѣрять храненія ея канцлеру или кому-нибудь другому; въ противномъ случаѣ, онъ подвергался штрафу въ 25 ливровъ.

Четверо деревенскихъ судей обязаны были разбирать ссоры Татаръ, которые, при непрерывныхъ раздорахъ и взаимной недовѣрчивости, обращались къ Генуэзцамъ и просили ихъ посредничества.

На обязанности ключарей лежало храненіе казны и документовъ колоніи. Они были сенаторы и избирался въ эту должность сенаторомъ же. По сложеніи съ себя общественной обязанно-

сти, они должны были давать своимъ присутникамъ полный отчетъ въ своихъ дѣлахъ, съ изслѣдѣтельствомъ канцлера.

Кастелянъ Кафы командовалъ городскою стражею, которая была довольно значительна. Сверхъ того, начальство колоніи имѣло въ своемъ распоряженіи отрядъ стрѣльцовъ, состоящій изъ пятидесяти челоѣкъ, тридцати Генуэзцевъ и двадцати гражданъ Кафы. Всѣ чиновники колоніи, большіе и малые, до послѣдняго янса, должны были быть генуэзскими уроженцами. Это было непрѣмнымъ условіемъ, безъ котораго нельзя было исполнять въ Кафѣ никакой общественной должности.

Высшее управленіе гражданскими и уголовными дѣлами было поручено, такъ называвшемуся, хазарскому трибуналу, который учрежденъ былъ въ Генуѣ въ 1313 году и состоялъ изъ восьми членовъ. Избраніе въ члены этого судилища происходило слѣдующимъ образомъ: въ декабрѣ мѣсяцѣ, дождь, въ присутствіи совѣта старѣйшинъ, назначалъ тридцать двухъ челоѣкъ, избранныхъ изъ самыхъ честныхъ и самыхъ способныхъ гражданъ. Имена ихъ, написанныя на особыхъ билетахъ, клали въ урну, которую запечатывалъ самъ дождь. Затѣмъ, приступали къ избранію и вынимали изъ урны восемь изъ положенныхъ туда билетовъ. Чьи имена выходили, тѣ и утверждались членами хазарскаго трибунала на первое полугодіе. Предъ окончаніемъ этого времени, снова происходило избраніе, на второе полугодіе. Оставшіеся послѣ того въ урнѣ шестнадцать билетовъ сжигались въ концѣ года, когда дождь назначалъ новыхъ тридцать двухъ гражданъ, для избранія изъ нихъ членовъ трибунала на слѣдующій годъ. Члены хазарскаго трибунала собирались два раза въ недѣлю во дворцѣ св. Георгія; они облечены были властію постановлять рѣшенія, которыя, по утвержденіи дожемъ и совѣтомъ старѣйшинъ, имѣли силу общихъ законовъ. Они смотрѣли за поступками чиновниковъ колоніи, наказывали ихъ, если тѣ были уличены въ лихоимствѣ или пристрастіи, и окончательно рѣшали самыя важныя дѣла. Но они не должны были употреблять болѣе мѣсяца на рѣшеніе какого бы то ни было дѣла; иначе подвергались штрафу во сто ливровъ.

Хазарскій трибуналъ посѣщалъ всѣ суда, отправлявшіеся изъ Генуи въ Крымъ, и назначалъ двухъ особыхъ купцовъ, изъ числа хавшиныхъ съ своими товарами, для доставленія ему обо всѣхъ противузаконныхъ поступкахъ, опущеніяхъ и небрежностяхъ, допущенныхъ во время путешествія. Эти повѣренные, по прибы-

тѣмъ въ Константинополь, должны были представляться начальникамъ галатской колоніи. Каждый Генуэзецъ, желавшій послать въ Черное море вооруженный корабль, долженъ былъ напередъ попросить на то дозволеніе хазарскаго трибунала и съ тѣмъ вмѣстѣ представить залогъ для обезпеченія обидъ, которыя онъ могъ причинить дружественнымъ или нейтральнымъ народамъ. Суда, отправлявшіяся въ Черное море, плавали обыкновенно вмѣстѣ. Трибуналъ назначалъ для командованія ими старшаго капитана, который утверждался дожемъ и совѣтомъ старѣйшинъ. Командиръ такой эскадры получалъ отъ городского общества 300 ливровъ; онъ долженъ былъ поклясться, въ присутствіи трибунала, положивъ руку на евангеліе, что, во всякомъ случаѣ, онъ будетъ поступать со всею справедливостію и строго наблюдать уставы трибунала. Для прислуживанія ему или для почести, при немъ состояли два пажа, два трубача и литаврищикъ. Для исполненія незначительныхъ канцелярскихъ дѣлъ при эскадрѣ, назначался писецъ или комиссаръ, избиравшійся хазарскимъ трибуналомъ изъ генуэзскихъ нотаріусовъ. Каждый корабль, который, во время путешествія, произвольно отклонялся съ дороги, долженъ былъ платить тысячу ливровъ штрафу.

Если на эскадрѣ отправлялся новый кафскій консулъ, то командованіе ею поручалось ему, а на возвратномъ пути, эту обязанность исполнялъ сѣднвшійся консулъ. Если суда назначались въ Азовское море, то, для проведенія эскадры отъ Кафы до Тавны, командира избиралъ консулъ. Купеческій судъ (*officium mercatoriae*), родъ коммерческаго суда, назначалъ въ этомъ случаѣ четырехъ совѣтниковъ для сопровожденія его во время путешествія. Эти повѣренные должны были сопутствовать эскадрѣ и при возвращеніи ея въ Генуу. Мореходцы и купцы, проѣзжавшіе въ Тавну, непременно должны были останавливаться въ Кафѣ. Имъ запрещено было продавать или покупать товары въ Судакѣ и проживать тамъ болѣе трехъ дней. Этою мѣрою хотѣли принудить Татаръ пріѣзжать за продовольствіемъ въ Кафу.

Юлицейское управленіе Кафы, наблюденіе за исправностію укрѣпленій, набережныхъ и порта, были предоставлены особенному лицу. Оба совѣта колоніи, въ общемъ собраніи, и въ присутствіи двадцати главныхъ гражданъ, подъ предѣлательствомъ консула, черезъ каждые три мѣсяца выбирали добросовѣстнаго, умнаго и надежнаго человѣка, которому поручали смотрѣть, чтобы валы и рвы всегда были въ хорошемъ состояніи, и ма-

газным снабжены были положеннымъ количествомъ жизненныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Пространство на сто шаговъ отъ городскихъ стѣнъ должно было оставаться свободнымъ; на немъ не позволялось строить лавокъ или магазиновъ. Каждый Генузецъ, купившій землю въ чертѣ города, обязанъ былъ выстроить на ней домъ. Если же черезъ полтора года еще не было приступлено къ постройкѣ, то консулъ, именемъ общества, могъ отобрать землю за половинную цѣну.

Генузцы не замедлили распространить свои владѣнія въ Крымѣ. Въ 1318 году, папа Іоаннъ XXII назначилъ въ Кафу епископа. Въ томъ же году, Генузцы овладѣли Черко или Керчью (древняя Пантикапея), на берегу пролива, ведущаго въ Азовское море. Селеніе Ени-Кале, очень важный пунктъ, по своему положенію, также былъ занятъ ими. Они построили тамъ крѣпость, толстую четверугольную башню, съ маленькими башенками. Генузцы поселились и на противоположномъ берегу, на островѣ Таманѣ или Матрегѣ. Народы кубанскіе и кавказскіе пріѣзжали въ этотъ городъ для обмѣна произведеній своей промышленности на товары запада.

Таманъ, въ рукахъ итальянскихъ купцовъ, быстро разцвѣлъ и сдѣлался центромъ самой выгодной и самой дѣятельной торговли. Городъ былъ окруженъ стѣнами, а другая крѣпость, возвышавшаяся на берегу, почти насупротивъ Ени-Кале, не позволяла проходить изъ Чернаго моря въ Азовское безъ воли каескихъ купцовъ. Занявъ оба берега Босфора, Генузцамъ нечего было бояться соперничества Венеціанъ, поселившихся въ Тартъ; они, когда хотѣли, могли запретить входъ своимъ соперникамъ въ Азовское море.

Спустя нѣсколько лѣтъ, они основали на южномъ берегу четвертое поселеніе. Греки имѣли тамъ портъ Символизъ; Генузцы овладѣли этимъ мѣстомъ и основали на немъ колонію, которую называли, по испорченному произношенію, *Чембало* (нынѣ Балаклава). Новое поселеніе скоро пріобрѣло большую важность. Балаклавскій портъ обширный и глубокій, защищенный отъ вѣтровъ высокими горами, былъ самымъ прекраснымъ мѣстомъ по всему этому берегу и самымъ удобнымъ изъ вѣсѣхъ черноморскихъ портовъ. Входъ въ него такъ сжатъ скалистыми берегами, что двумъ кораблямъ не возможно проходить вмѣстѣ, не подвергаясь опасности столкнуться.

Въ это же время, Генузцы обуздали своевольство Турокъ, ко-

которые, владѣя Синопомъ, разбойничали на Черномъ морѣ. Республика была тогда на верху своего могущества; она имѣла шестьсотъ двадцать семь кораблей, не включая сюда кораблей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, и мелкихъ купеческихъ судовъ; моряки ея были самые опытные и самые способные изъ всѣхъ мореходцевъ того времени. Постановленіемъ хазарскаго трибунала запрещено было плавать по Черному морю послѣ декабрскихъ календъ и до половины марта, но галатскіе купцы исходатайствовали дозволеніе построить особенныя суда, которыя смѣло бороздили зимою это бурное море, къ величайшему удивленію жителей Константинополя: Греки никогда не смѣли, въ зимнюю пору, выходить изъ гаваней. Жители Трeбизонда, для плаванія около своихъ береговъ, до-сихъ-поръ употребляютъ родъ длинной, двадцативесельной лодки, съ двумя парусами; по ихъ словамъ, первоначальное устройство такихъ судовъ относится ко временамъ Генуэзцевъ.

III.

Колонія Тана.

Генуэзцы, продолжая распространять свои владѣнія въ Крымѣ, не теряли изъ вида колоніи Таны. Венеціане, Пизанцы, Флорентинцы, Каталонцы, всѣ торговые народы запада, имѣли въ этомъ городѣ конторы, но двѣ главныя факторіи принадлежали Венеціанамъ и Генуэзцамъ. Тана считалась владѣніемъ татарскихъ хановъ; но, въ сущности, она зависѣла отъ этихъ двухъ народовъ; потому-то одинъ русскій путешественникъ, посѣтившій Тану въ 1389 году, называетъ ее *городомъ Фряжскимъ и Немецкимъ*. Трактатъ, заключенный Венеціанами въ 1333 году, съ Узбекомъ, ханомъ кипчакскимъ, показываетъ намъ, на какихъ условіяхъ Итальянцы поселились здѣсь, и какую они вели торговлю съ этими отдаленными странами.

По этому трактату, татарскій князь уступилъ Венеціанамъ обширный участокъ земли на берегу Танаиса (Дона) для постройки на немъ домовъ, магазиновъ и небольшого укрѣпленнаго порта, куда они имѣли право вводить свои корабли; но Венеціане дол-

жны были платить за то по три процента со вѣсъ товаровъ, ввозимыхъ во владѣнія кипчакскаго хана и вывозимыхъ оттуда, какъ-то, кожъ, шерсти, воску, смолы, строеваго лѣсу, пеньки и другихъ корабельныхъ припасовъ. Сверхъ того, суда, при входѣ и выходѣ, платили якорныя пошлины. Товары, не проданные на мѣстѣ, а равно, жемчугъ, дорогіе камни, золото и серебро, были освобождены отъ ввоза пошлинъ. При продажѣ или покупкѣ товаровъ, продававшихся на вѣсъ, Венеціане имѣли право нарядить особеннаго, съ своей стороны, комиссара, который наблюдалъ за правильностію вѣсовъ. Татарскій чиновникъ, представленный смотрѣть за *торюоглею хана*, то-есть, за сборомъ налоговъ, вмѣстѣ съ этимъ агентомъ, устанавливалъ количество пошлины. Контрактъ, заключенный тою и другою стороною, и не которому даны и получены уже задатки, не могъ быть нарушенъ ни подъ какимъ предлогомъ. Татары не легко согласились на двѣ послѣднія уступки. Венеціанскимъ винопродавцамъ дозволялась еще безошлинная продажа вина; но всѣ товары Китая или Индіи, безъ исключенія, провозимыя черезъ кипчакскія владѣнія, подлежали особенной пошлинѣ, называвшейся *тамтаю* или *томага* (отъ арабскаго *тама*, печать). Если происходилъ споръ между венеціанскими купцами и туземными жителями, то консулъ и ханъ изслѣдывали дѣло вмѣстѣ и рѣшали съ общаго согласія.

Венеціанскій консулъ въ Тапѣ пользовался нѣкоторымъ отличіемъ. При немъ состояли кастелянъ, толмачъ, два оруженосца, четверо служителей, и для выѣздовъ ему полагалось четыре лошади. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Венеція еще не господствовала, она старалась окружать своихъ агентовъ необходимымъ блескомъ, чтобы заслужить благосклонность и уваженіе иностранцевъ. Двое изъ самыхъ знатныхъ купцовъ, жившихъ въ Тапѣ, исполняли при консулѣ должности ассессоровъ; и они не могли отказываться отъ этой обязанности; въ противномъ случаѣ, должны были платить 300 аспръ штрафу. Когда надо было произвестъ какіе-нибудь необыкновенные расходы или рѣшить дѣло, касающееся всего общества купцовъ, то консулу вмѣнялось въ обязанность созывать совѣтъ колоніи и дѣйствовать по большинству голосовъ. Даже и въ такомъ случаѣ, если ему надо было ѣхать въ орду, по приглашенію хана, онъ долженъ былъ напередъ получить согласіе совѣта общества, который назначалъ ему, на все время путешествія, по тридцати аспръ въ день.

Генуэзцы также ископатайствовали себя у кичаекскаго хана участкомъ земли на берегу Тананса, для постройкн домовъ и лавокъ. Они пользовались тѣми же преимуществами и платили такіа же подати, какъ и Венеціане, но должны были допустить пребываніе въ Кафѣ татарскаго чиновника для сбора по три процента со всѣхъ проданныхъ товаровъ, которые вывезены изъ малой Татаріи или провезены черезъ эту страну.

Почти цѣлое столѣтіе прожили латинскіе купцы въ Танѣ, между Татарами, и ничто не нарушало добраго согласія между двумя народами; тѣ и другіе, равно, дорожили взаимною дружбою; но въ 1343 году, частная ссора поколебала общій миръ. Одинъ генуэзскій колонистъ поссорилъ съ татарскимъ купцомъ; споръ дошелъ до того, что Татаринъ ударилъ Итальянца въ лицо. Взбѣшенный Генуэзецъ выхватилъ свою шпагу и насквозь прокололъ варвара. Въ это время, кичаекскимъ ханомъ былъ Чанибекъ. Онъ и безъ того, съ нѣкотораго времени, былъ дурно расположенъ къ Генуэзцамъ и Венеціанамъ, которые, по мѣрѣ обогащенія, дѣлались болѣе требовательны. Для нихъ недостаточно было земли, уступленной имъ на берегу Тананса; они просили новаго участка и хотѣли, чтобы ханъ дозволилъ имъ укрѣпиться. Чанибекъ рѣшительно отназалъ въ нихъ просьбѣ. Узнавъ объ убійствѣ татарскаго купца, ханъ вышелъ изъ себя и поклялся отмстить за него всѣмъ латинскимъ купцамъ; но тѣ были предупредомыены, успѣли выѣхать изъ Таны и удалились въ Крымъ.

Ханъ послалъ въ Кафу требовать убійцу, для выдачи его, по татарскому обыкновенію, родственникамъ убитаго. Генуэзцы отказались выдать своего земляка. Чанибекъ собралъ тогда свое войско и раскинулъ шатры подъ стѣнами Кафы; но городъ былъ укрѣпленъ: онъ не страшился нападенія необразованной арміи, составленной, болѣею частию, изъ легкой конницы и вооруженной только луками и стрѣлами. Притомъ, Генуэзцы, удержавъ за собою господство на морѣ, имѣли безпрятотвенное сообщеніе съ Галатой, которая снабжала осажденныхъ всѣмъ необходимымъ.

Осада продолжалась два года, а успѣхъ хана былъ также великъ, какъ и въ первый день. Но это не поколебало намѣренія хана; встрѣченное имъ сопротивленіе, казалось, увеличило его упорство. Онъ велѣлъ устроить какія-то машины, состояшія болѣе изъ трудовъ, и амолѣи надѣялся разбить посредствомъ ихъ

неприступныя стѣны Кафы; но Генуэзцы не дали ему времени испытать силу этихъ машинъ. Полагаясь на свою многочисленность, Татары мало заботились о сторожевыхъ постахъ. Жители Кафы воспользовались ихъ безпечностію, сдѣлали нечаянную вылазку, проникли въ лагерь, убили нѣсколько тысячъ хавскаго войска и сожгли машины. Эта потеря принудила Чанибека снять осаду. Но неустѣхъ нападенія на Кафу онъ вымѣстилъ на балаклавской колоніи. Генуэзцы не имѣли еще времени укрѣпить Балаклаву правильнымъ образомъ; она защищена была только землянымъ валомъ и рвомъ. Жители Балаклавы не видѣли никакой возможности защищаться противъ многочисленнаго войска, и потому, при первомъ слухѣ о приближеніи Чанибека, выѣхали изъ города. Татары, заявъ беззащитный городъ, разграбили его и сожгли. Но пожаръ Балаклавы дорого имъ стоилъ.

Изъ Италіи было прислано вспоможеніе. Папа Климентъ VI, убѣжденный Генуэзцами, вступился въ это дѣло. Онъ назначилъ противъ Турокъ крестовый походъ и псалъ къ Гумберту II, котораго избралъ предводителемъ христіанской арміи, чтобы тотъ прислалъ войско на помощь генуэзской колоніи. Полное отпущеніе грѣховъ, важная пружина того времени для возбужденія народовъ, было также объявлено всѣмъ, кто предпринималъ священное путешествіе въ Хазарію. Кафскіе купцы вошли въ Азовское море, опустошили всѣ берега, разграбили и сожгли Таву, въ возмездіе за разрушеніе Балаклавы, и навели на всю страну такой ужасъ, что ханъ принужденъ былъ возвратиться на берега Таванса.

Генуэзцы не ограничились этимъ. Они заперли своимъ флотомъ входъ въ Азовское море и не позволяли ни одному иностранному кораблю торговать съ Татарами. Они осознательно думали, что совершенное прекращеніе торговли скоро заставитъ хана заключить миръ на такихъ условіяхъ, какія они сами предложать ему.

Итальянскіе и каталонскіе купцы, выгнанные изъ Тавы, удались въ Кафу. Самы Венеціане укрылись тамъ же. До сихъ поръ, Генуэзцы одни поддерживали войну противъ Татаръ; но они надѣялись, что и другіе негоціанты примутъ участіе въ общемъ для нихъ дѣлѣ. Всѣ они потерпѣли одинаковый ущербъ, для всѣхъ необходимо было дозволеніе хана укрѣпить тавскую колонію, чтобы не подвергаться, на будущее время, нечаяннымъ нападеніямъ Татаръ. Всѣ купцы обѣщали помогать имъ

и не заключать безъ нихъ мира съ Чингисовомъ. Венеціане даже обязались договоромъ прекратить все сношенія съ Татарами; но не долго они держались своего слова: выгоды богатой сѣверной торговли соблазнили ихъ. Въ 1347 году, безъ согласія другихъ купцовъ, они вошли въ Азовское море и заключили съ ханомъ союзъ.

Генуэзцы умоляли ихъ не измѣнять общему дѣлу. Они соглашались дать имъ такія же права и льготы, какими пользовались генуэзскіе уроженцы, только бы они остались въ Кафѣ, пока общій миръ, котораго можно было скоро ожидать, не позволитъ всемъ вмѣстѣ возвратиться въ Тану. Венеціане не давали рѣшительнаго отказа; но отвѣчали, что продолжительная война нанесла имъ чрезвычайные убытки. Они рассчитывали, что черезъ Азовъ имъ удобнѣе будетъ имѣть сообщеніе съ Астраханью, гдѣ они вели въ то время значительную торговлю: живя въ Кафѣ, они должны были съ большими издержками перевозить товары изъ Каспійскаго моря черезъ кавказскій перевескъ. Генуэзцы, всеми мѣрами старавшіеся избѣжать разрыва, обѣщали доставить имъ и въ Крымѣ такія же выгоды, какія они надѣялись получить отъ пребыванія своего на берегахъ Танаиса; но Венеціане упорствовали въ своей измѣнѣ и продолжали посѣщать порты Азовскаго моря, тѣмъ съ бѣльшею для себя прибылью, что не встрѣчали уже тамъ своихъ соперниковъ.

Тогда Генуэзцы рѣшились воспользоваться правами блокады, захватили въ проливѣ три венеціанскіе корабля, возвращавшіеся въ Тану съ товарами, и объявили ихъ законною добычею.

Такой поступокъ Генуэзцевъ не могъ остаться безъ послѣдствій: между двумя республиками вспыхнула война и съ ожесточеніемъ продолжалась цѣлыя пять лѣтъ. Греческій императоръ Кантакузень, не рѣшавшійся сначала вступить въ союзъ съ Венеціанцами, уступилъ наконецъ ихъ настояваніямъ, но скоро раскаялся. Генуэзцы, разбивъ у Константинополя греческій и венеціанскій флоты, принудили императора подписать мирный трактатъ на предложенныхъ имъ условіяхъ.

Главныя статьи этого трактата были слѣдующія: Кантакузень уступалъ республикѣ нѣсколько смѣжныхъ съ галатскою колонією участковъ земли со всеми угодьями, давалъ генуэзскимъ шипарямъ право торговать въ Константинополѣ виномъ и дозволялъ своимъ подданнымъ покупать у галатскихъ куп-

цона всѣхъ сортовъ товаровъ безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ. Кроме того, онъ обѣщалъ не посылать въ Азовское море кораблей, если не будетъ на то согласія генуэзскаго правительства. Относительно Венеціанъ, трактатомъ постановлено было, чтобы всѣ порты имперіи были открыты для нихъ, и чтобы греческимъ подданнымъ запрещено было имѣть омоніе въ нихъ.

Между тѣмъ, война между республиками продолжалась. При первой встрѣчѣ, на берегахъ Сардиніи, Венеціане, въ соединеніи съ Каталонцами, разбили Генуэзцевъ; но въ слѣдующемъ, 1354, году, въ сраженіи при Салиенцѣ, Генуэзцы блистательнымъ образомъ отомстили за свое пораженіе. Венеціанскій флотъ былъ почти уничтоженъ. Послѣ такой рѣшительной неудачи, Венеція не видѣла никакой возможности продолжать войну и согласилась заключить миръ. Предварительно, подписано было, 5-го января 1355 года, перемиріе на четыре мѣсяца, въ слѣдствіе котораго прекращены были неурядивенныя дѣйствія; а по окончаніи этого срока, въ май того же года, оно обращено было въ торжественный миръ. Венеція заплатила Генуэзцамъ 200,000 флориновъ за военные издержки, и обѣщала, въ теченіе трехъ лѣтъ, учредить въ Кафѣ контору. Въ продолженіе этого времени, венеціанскимъ купцамъ запрещено была всякая торговля съ кипчакскимъ ханомъ.

Право, данное Венеціанамъ, по окончаніи перемирія, возвратиться въ Тану, могло бы возобновить войну; но въ это время кафскіе колонисты получили отъ Чанибека мирныя предложенія. Татарскій князь потерялъ охоту драться. Неудачныя его попытки противъ Кафы и блокада Азовскаго моря латинскими флотиліями показали хану, что ему трудно бороться съ богатыми генуэзскими купцами. Татары, не имѣя болѣе возможности получать итальянскія сукна, въ которыхъ они нуждались, громко жаловались, а богатые туземные владѣльцы, не зная куда дѣваться съ товарами, наваленными въ кладовыхъ Таны, даже отъ дня все болѣе и болѣе лишались своихъ доходовъ отъ невозможности сбывать свои произведенія.

Ходатайство татарскихъ купцовъ и ропотъ народа понуждали Чанибека къ заключенію мира съ Генуэзцами. Гордость хана, возмущаемая такою унижительною мыслію, восставала противъ этого до послѣдней минуты; но другихъ средствъ уже не было. Одно немедленное прекращеніе враждебныхъ дѣйствій:

могло избавить Тауу отъ конечнаго разрушенія. Въ Кафу отправленъ былъ посолье съ официальнымъ предложеніемъ о мирѣ. Чанибекъ приглашалъ латинскихъ купцовъ поселиться на берегахъ Тауанса и соглашался вознаградить ихъ за всѣ убытки, понесенныя ими во время войны. Сверхъ того, онъ обязывался дать Генуэзцамъ и Венеціанамъ дозволеніе укрѣпиться въ вновь отвѣденномъ для нихъ кварталѣ. На этихъ условіяхъ заключенъ былъ миръ, и итальянскіе и каталонскіе купцы возвратились въ Тауу, гдѣ народъ принялъ ихъ, какъ избавителей.

Торговля Латинянъ съ Татарами при устьѣ Тауанса болѣе не прерывалась: тѣ и другіе выдѣли большія для себя выгоды сохранять взаимное согласіе. Но въ Крымѣ, возникли новыя непріятности между Генуэзцами и кипчакскими ханами. Изъ надписи, сохранившейся въ кафекомъ музее, видно, что, около этого времени, генуэзскіе колонисты обвели городъ новыми укрѣпленіями. Кафа, съ той поры, значительно увеличилась. Многія армянскія семейства, изгнанныя изъ родины землетрясеніемъ, разрушившимъ городъ Ани, искали убѣжища въ Крымѣ, подъ покровительствомъ могущественной генуэзской республики.

Новая стѣна, начатая въ 1357 году, при консульствѣ Джіофредо Зоальо, была окончена въ 1386 году, консуломъ Бенедетто Гримальди. Главная башня, расположенная на самомъ возвышенномъ углу стѣны, обращенномъ къ горамъ, получила названіе *башни папы Климента*, въ память крестоваго похода, предпринятаго, по убѣжденію этого первосвященника, въ послѣднюю войну съ Татарами. Для напоминанія объ этомъ происшествіи была высѣчена на ней надпись. Кипчакскій ханъ съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на сооруженіе новыхъ укрѣпленій, которыя дѣлали Кафу неприступною крѣпостію. Такъ какъ около этого же времени, именно, 18-го іюля 1365 года, Генуэзцы овладѣли Судакомъ, то ханъ воспользовался этимъ предлогомъ и прервалъ миръ.

Вторая война тянулась также долго, какъ и первая; но генуэзскіе историки упоминаютъ объ ней безъ всякихъ подробностей. Дерзскій и вѣдетъ отъ камиль востуноу въ некоторыхъ жителей Кафы съ единственное происшествіе, переданное намъ современными лѣтописцами. Оно заслуживаетъ воспоминавія не въ своей важ-

* Венеціане неоднократно у Чанибекъ дозволеніе укрѣпиться въ особомъ отъ Генуэзцевъ кварталѣ.

ности, но потому, что даетъ понятіе о необыкновенной силѣ гевуэзскихъ колонистовъ. Въ 1374 году, одинъ разорившійся дворянинъ, по имени Луккино Тариго, и нѣсколько другихъ искателей приключеній, столько же бѣдныхъ, какъ и онъ, приняли намѣреніе поискать счастья на счетъ Татаръ. Снарядивъ большое судно, они отправились въ Тану, поднялись по Дону до того мѣста, гдѣ оная дѣлаетъ изгибъ по направленію къ Волгѣ и протекаетъ въ шестидесяти верстахъ отъ нея; здѣсь они перетаскали свое судно, по примѣру Татаръ, въ Волгу и спустились по ней въ Каспійское море. Въ продолженіе мѣсяца, они прошли это море, ограбивъ всѣ попавшіеся имъ корабли. Такимъ образомъ, въ непродолжительное время, они успѣли собрать значительную добычу; но при возвращеніи въ Кафу сухимъ путемъ, сами были ограблены. Впрочемъ, имъ удалось спасти довольно большое количество драгоценныхъ камней, составлявшихъ лучшую часть ихъ добычи, и добраться до Крыма въ добромъ здоровьи. Кипчакскіе ханы болѣе всего должны были опасаться подобныхъ людей.

Трактатъ, заключенный въ 1383 году, положилъ конецъ этой войнѣ. Ханъ отдалъ во владѣніе Гевуэзцевъ Судакъ съ восемнадцатю принадлежавшими къ нему деревнями, уступилъ имъ Балаклаву и призналъ ихъ собственностію небольшой готескій округъ, (Готейю), простиравшійся отъ Балаклавы до Судака. Определено было, чтобы жители этого округа, равно какъ земля и воды, навсегда были свободны отъ ханскаго подданства. Судакскіе колонисты получили право пасти свои стада на лугахъ, принадлежавшихъ Татарамъ, и свободно разѣзжать по кипчакскимъ владѣніямъ. Купцы должны были пользоваться совершенною безопасностію и могли торговать безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ. Гевуэзцы, съ своей стороны, обѣщались быть вѣрными хану, друзьями его друзей и врагами его враговъ; обѣщались не принимать въ свои города и замки его неприятелей и увеличивать славу его всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Сверхъ того, они допускали, какъ и прежде, пребываніе въ Кафѣ татарскаго чиновника, для наблюденія за *торговлею хана*, то-есть, для собиранія пошлинъ съ привозимыхъ въ Крымъ товаровъ.

Въ 1387 году, этотъ трактатъ былъ возобновленъ, въ слѣдствіе непріязненныхъ дѣйствій, происшедшихъ въ этотъ промежутокъ времени. По новому договору, обѣ стороны отказыва-

лись отъ всѣхъ вознагражденій за убытки, причиненные войною; только невольники и товары подлежали возвращенію къ ихъ законнымъ владѣльцамъ; но если невольники, убивавшіе къ Татарамъ, приняли магометанство, въ такомъ случаѣ они могли откупаться деньгами. Тѣмъ же договоромъ, ханъ обзывается чеканить монету установленной пробы.

Новая генуэзская колонія, Судакъ или Сольдаія, какъ называли ее итальянскіе купцы, находилась между Балаклавой и Кафой. Положеніе ея между этими двумя городами придавало ей большую цѣну. Генуэзцы могли называться тогда обладателями всего берега отъ Еникале до Ахтіара. До 1204 года, Судакъ принадлежалъ константинопольскимъ императорамъ; онъ былъ такъ знаменитъ въ это время, что Греки называли его именемъ всю страну, которою они владѣли въ Тавридѣ. При занятіи его Генуэзцами, Судакъ былъ незначительною деревенькою; но когда каѣскіе и балаклавскіе колонисты переселились въ него, то онъ, въ короткое время, приобрѣлъ прежнюю свою знаменитость. Генуэзцы укрѣпили его и построили на крутой скалѣ обширный, неприступный замокъ, который господствовалъ надъ всѣмъ рейдомъ. Со стороны моря, эта скала была обѣчена отвѣсно; но со стороны равнины, она шла отлого до половины горы; по склону ея высились стѣны съ десятью огромными башнями, въ видѣ неправильной дуги. Входъ въ замокъ или крѣпость былъ устроенъ подъ высокою четверугольною башнею и защищенъ наружными укрѣпленіями. Замокъ состоялъ изъ трехъ этажей, въ нижнемъ помѣщались три большихъ церкви, дома, кладовыя съ гербами и съ гербовными щитами всѣхъ родовъ, обширныя водохранилища, въ которыя стекала дождевая вода съ вершины утеса черезъ глиняныя трубы.

Двадцать лѣтъ строился судакскій замокъ, самый замѣчательный памятникъ генуэзскаго владычества въ Крымѣ и единственный, который пощадило варварство Турокъ. Онъ оконченъ былъ въ 1385 году, достопочтеннымъ консуломъ и кастеляномъ города, Джакопомъ Горсеу.

Около этого времени, ханъ Монголовъ, Тамерланъ, напалъ на кипчакское государство. Это происшествіе имѣло печальныя послѣдствія для итальянскихъ колоній Тавы. Тамерланъ, желавшій, по словамъ Шерефеддина, чтобъ слава о немъ гремѣла на западъ, вторгся въ Россію съ необузданными своими ордами, и, поѣзжая на своемъ пути смерть, какъ гонимый-истребитель, пронесся

до самыхъ стѣнъ Москвы. На возвратномъ пути изъ Росси, онъ направился къ Танѣ. Слухъ объ этомъ богатомъ городѣ достигъ до него, а рассказы о несметныхъ его сокровищахъ возбуждая его жадность. Приближеніе монгольскихъ полчищъ распространило ужасъ по всей странѣ. Купцы венеціанскіе, генуэзскіе, пизанскіе, флорентинскіе и каталонскіе, всѣ соединились для принсканія средствъ отвратить бурю, которая готова была разразиться надъ ними. Рѣшено было, избрать по одному купцу отъ каждой націи и отправить ихъ къ Тамерлану съ просьбою о помилованіи.

Сиверное посольство, напутствуемое добрыми желаніями всѣхъ жителей, Татаръ и Итальянцевъ, отправилось въ дорогу и, черезъ нѣсколько дней пути отъ Азова, на берегахъ Дона, встрѣтило монгольскую рать, *безчисленную, какъ листья на деревьяхъ въ обширномъ лѣсу.* По данному приказанію, купцы должны были снять свои садалаи и капишоны, и тогда введены были въ палатку хана; представъ предъ грозными очми повелителя Монголовъ, они пали ницъ и три раза поцѣловали землю. Затѣмъ, они поднесли ему дорогіе подарки и просили его позволить имъ спокойно оставаться въ Танѣ. Тамерланъ отвѣчалъ, что онъ не возоетъ съ купцами и обѣщалъ пощадить ихъ торговлю учрежденія.

Полагаясь на вѣрность слова варвара, который никогда, на другой день, не помнилъ обѣщаній, сдѣланныхъ на-канунѣ, послы съ радостію посѣщали возвратиться въ Тану, чтобы успокоить своихъ земляковъ. Одному монгольскому офицеру приказано было слѣдовать за купцами, подъ видомъ покровительства имъ во время пути, но, въ самомъ дѣлѣ, для изслѣдованія страны. Этотъ офицеръ, хотѣлъ все видѣть, портъ, корабли, веревы, богатые лавки и магазины, наполненные товарами. Осмотрѣвъ все внимательно, онъ отправился обратно въ монгольскій станъ. На прощаньи, онъ старался увѣрить жителей, что Тамерланъ пощадитъ Тану. Онъ даже купилъ у итальянскихъ негодіантовъ довольно большое количество товаровъ и продалъ имъ нѣсколько драгоцѣнныхъ камней, дѣлая видъ, что ему уже не придется быть въ этомъ городѣ. Всѣ были увѣрены въ своемъ спасеніи; но Тамерланъ скоро вывелъ ихъ изъ заблужденія. Монгольское войско, которое всѣ считали вдалекѣ, вдругъ явилось подъ стѣнами Таны. Сопротивленіе было невозможно, и городъ открылъ свои ворота по первому требованію.

Тамерланъ, забывъ свое слово, велѣлъ задержать всѣхъ жителей. Мусульмане получили право откупиться; но Христіане, всѣ безъ изъятія, были осуждены на смерть, или отведены въ неволю. Затѣмъ, ханъ отдалъ городъ на разграбленіе своимъ солдатамъ, и, когда Монголамъ наконецъ наскучило уже убивать и грабить, приказалъ поджечь его. Лишь нѣсколько Итальянцевъ, которые не довѣряли обѣщаніямъ Тамерлана и скрылись на своихъ корабляхъ, успѣли избѣжать этого страшнаго опустошенія. Серра рассказываетъ, что Тамерланъ, съ радости отъ богатой добычи, захваченной имъ въ Танѣ, хотѣлъ, послѣ разоренія этого города, идти на Кафу; но одинъ изъ его эмбровъ, генуэзскій ренегатъ, по имени Аксала (Аццолино), вспоминая еще о прежнемъ своемъ отечествѣ, успѣлъ отклонить монгольскаго хана отъ этого намѣренія и такимъ образомъ спасъ христіанскую колонію.

Разрушеніе Таны, единственной конторы Венеціанъ на Азовскомъ морѣ, нанесло роковой ударъ выгодной торговлѣ, которую они вели столько лѣтъ съ народами Кипчака. Многіе купцы были совершенно разорены: одинъ изъ нихъ, Петръ Міани, при взятіи Таны, потерялъ трехъ своихъ сыновей и 12,000 флориновъ. Съ этого времени, Венеціане почти совсѣмъ оставили сѣверо-восточные рынки и не пытались болѣе бороться съ Генуэзцами, которые, благодаря своимъ крымскимъ колоніямъ, продолжали по-прежнему торговать съ Татарами. Не встрѣчая болѣе препятствій въ неутомимой дѣятельности своихъ соперниковъ, Генуэзцы овладѣли всею торговлею этихъ богатыхъ странъ. Латинскіе негоціанты, почти всѣ, поселились въ Кафѣ, и этотъ городъ, еще болѣе обогатившійся послѣ разрушенія Таны, такъ возвысился и приобрѣлъ такую важность, что многочисленные купцы, русскіе, валахскіе, турецкіе и армянскіе, часто бывавшіе въ немъ по торговымъ своимъ дѣламъ, называли его *крымскими Константинополемъ*.

Почти цѣлое еще столѣтіе, Генуэзцы поддерживали свои владѣнія въ Тавридѣ. Только оружіе Могаммеда II, грознаго повелителя Оттомановъ, могло поколебать эту маленькую, но сильную державу, основанную на краю Европы нѣсколькими итальянскими купцами.

IV.

Торговля Крыма съ сѣверо-востокомъ Европы.

Не много можно найти странъ, такъ выгодно расположенныхъ для торговыхъ сношеній, какъ Таврической полуостровъ. Окруженный морями Чернымъ и Азовскимъ, онъ можетъ, по Дону, получать въ свои порты разнообразныя произведенія сѣверной Европы и Сибири; а большія рѣки, перерѣзывающія эти пространныя земли, доставляютъ ему свободное сообщеніе съ центральною Азією. Въ средніе вѣка, всѣ товары этихъ плодосныхъ странъ, даже товары персидскіе и индійскіе, привозились въ Крымъ. Тана, Кафа и островъ Таманъ, были тремя главными рынками этой обширной торговли. Венеціане и Генуэзцы производили большой и чрезвычайно выгодный мѣнновой торгъ съ татарскими племенами, жившими въ Тавридѣ, также по Дибру и по Волгѣ. Они привозили къ Татарамъ вообще налиценныя издѣлія итальянскихъ и германскихъ фабрикъ, какъ-то: дешевыя ткани, сукна всѣхъ сортовъ, но всегда яркаго цвѣта, красную кожу, ожерелья, поясы, запястья и другіе предметы женскаго туалета. Въ замѣнъ брали отъ нихъ хлѣбъ, шерсть, мѣха, кожи, войлоки, медъ, конскій волосъ и воскъ. Всѣ эти товары они получали почти за ничто и продавали въ Европѣ по самой выгодной цѣнѣ.

Впрочемъ, сношенія латинскихъ негодіантовъ съ Татарами не ограничивались одною мѣнною торговлею. Часто случалось, что они соглашались продавать товары запада только на вѣсъ золота. Этотъ драгоценный металлъ находился въ большомъ изобиліи въ тамошнихъ странахъ; татарскія полчища прошли всю Азію и собрали въ своихъ приволжскихъ становищахъ всѣ драгоценности, награбленныя ими въ Персіи, Индіи и Китаѣ. Кипчакскія племена были такъ богаты, что получили названіе *золотой орды*. Купцы сберегали для нихъ самыя лучшія свои сукна, самыя тонкія ткани, леопардовыя кожи, померанцы и дру-

гіе плоды юга *, до которыхъ Татары были страстные охотники. Всѣ эти народы часто прѣзжали въ Тану и Кафу за продовольствіемъ.

Островъ Таманъ служилъ мѣстомъ сообщенія съ кубанскими и кавказскими народами. Генуэзцы вывозили изъ этихъ провинцій мѣха, кожи, марену, шерсть, бумажныя ткани и шафранъ, который считался самымъ лучшимъ; но главнымъ туземнымъ произведеніемъ былъ воскъ, составлявшій чрезвычайно значительную статью тогдашней торговли, потому-что въ церквахъ и монастыряхъ потреблялось его немовѣрное количество. Воскъ черкесскій не былъ такъ чистъ, какъ воскъ еракійскій, за то собиралось его гораздо болѣе.

Генуэзцы разработывали въ кавказскихъ горахъ серебряную руду; слѣды ихъ трудовъ замѣтны еще и нынѣ. Вверхъ по Кубани они поднялись слишкомъ на двѣсти восемьдесятъ миль, и, посреди этой богатой и плодородной страны, основали колонію, которая, въ 1427 году, управлялась консуломъ. Главные пункты мингрельскаго берега также были заняты ими: въ Севастополі (древній Диоскуриасъ), они имѣли контору, и въ Анаклии, между Севастополі и устьемъ Фазиса, основали другое, весьма важное поселеніе, которое было защищено каменными укрѣпленіями, возбуждающими еще и въ наше время удивленіе путешественниковъ. Они проникли даже во внутренность страны, и Кутаисъ, столица Имеретин, гдѣ построили они крѣпость, сдѣлался ихъ колоніею. Нѣкоторыя христіанскія племена, на сѣверѣ Кубани, считаютъ себя потомками Генуэзцевъ. Во всей этой странѣ и въ Крымѣ, еще до-сихъ-поръ не забыто имя могущественной генуэзской республики.

Итальянскіе купцы посѣщали также рынки Булгаріи и съ выгодой продавали тамъ иностранные товары. Они вывозили оттуда медъ, кожи, шерсть и зерновой хлѣбъ. Часть болгарскаго государства, прилегавшая къ Дунаю, была неисчерпаемымъ источ-

* Плоды юга всегда возбуждали желанія жителей сѣвера. Въ Исландіи и нынче говорятъ: *желать финя*, вмѣсто желать чего страстно. Тосканецъ Арунсъ тѣмъ и привлекъ Галловъ въ свое отечество, что показалъ имъ золотистые плоды и драгоценныя вина Италіи. «Лишь только они отвѣдали ихъ, говорятъ Плутархъ, тотчасъ же схватили свое оружіе и устремились къ Альпахъ искать этой блаженной страны, въ сравненіи съ которой всякая другая страна казалась имъ безплодною и дикою.»

никомъ всякаго рода хлѣба. Турки и нынѣ называютъ Дунай норминацемъ Константинополь. Генуэзцы владѣли многими мѣстами по этому берегу, между прочимъ: Кострицомъ, востокъ Варны, короною крѣпостью, и Калією, при устьѣ Дуная. Въ 1387 году, при посредствѣ галатскаго паше, они заключили весьма выгодный торговый договоръ съ Янукомъ, баномъ добрученинъ.

По этому договору, банъ жаловалъ генуэзскимъ купцамъ участки земли для устройства рынка и для сооруженія церквей; обѣщалъ оказывать имъ правосудіе и даровать безопасность во всемъ своемъ государствѣ, какъ на сухоиъ пути, такъ и на морѣ; соглашался покровительствовать имъ въ случаѣ кораблекрушенія и допускалъ, въ Варнѣ или въ другомъ какомъ городѣ его владѣній, пребываніе консула съ правомъ рѣшать все дѣла, гражданскія и уголовныя, какія могли возникнуть между Генуэзцами или даже между Генуэзцами и Булгарами. Консулъ долженъ былъ пользоваться своею властію во всей силѣ, и банъ обязывался, когда настояла бы надобность, оказывать ему содѣйствіе. Если консулъ имѣлъ нужду въ особой аудіенціи, банъ не могъ отказывать ему въ этомъ, и все его требованія долженъ былъ принимать съ благосклонностію. Въ случаѣ разрыва между двумя націями, Генуэзцы, жившіе въ Булгаріи, имѣли право требовать кораблей для перевоза въ Кафу или Константинополь; въ трактатѣ прямо говорилось, чтобы купцамъ давалась мѣсячная отсрочка для перевозки легкиъ товаровъ, и волугедовая—для вывода кораблей. Долга, сдѣланнаго однимъ Генуэзцемъ, нельзя было взыскивать съ другаго; только должникъ, самъ лично, подлежалъ преслѣдованію.

Генуэзцы могли получать изъ Булгаріи всякаго рода произведенія, исключая жизненныхъ припасовъ въ неурожайные годы; но и въ послѣднемъ случаѣ, если бы какому-нибудь изъ иностранныхъ народовъ дано было особенное дозволеніе вывозить хлѣбные запасы, то Генуэзцы также имѣли право пользоваться этою привилегіею. Купцы за перевозку своихъ товаровъ черезъ болгарскія владѣнія, должны были платить только два процента, одинъ при въѣздѣ, другой при выѣздѣ; золото, серебро, настоящій жемчугъ и драгоценные камни были свободны отъ пошлинъ. Съ своей стороны, галатскій паше, отъ имени генуэзской республики, обѣщалъ дружески принимать подданныхъ болгарскаго государя, кто бы они ни были, во всѣхъ земляхъ, подвластныхъ республикѣ, и оказывать имъ, при всякомъ

случаѣ, немедленное правосудіе. За нарушение условій договора виновная сторона обязана была уплатить сто тысячъ гиперперовъ; имущества и товары служили взаимнымъ залогомъ.

Венеціане, также какъ и Генуэзцы, заключали торговые трактаты съ болгарскими государями. Консулы ихъ жили въ Варнѣ, гдѣ купцы владѣли землею и имѣли церковь. Венеціанскіе корабли могли посѣщать все болгарскіе порты, съ платою небольшой пошлины. Аккерманъ, при устьѣ Днѣстра, былъ складочнымъ мѣстомъ богатой торговли Польши съ дунайскими провинціями. Здѣсь также были очень значительные рыбные промыслы. Нѣсколько казенныхъ негодіантовъ основали въ Аккерманѣ маленькую колонію. Въ аккерманскій портъ, по его мелководію, могли входить только небольшія суда; но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города находился другой портъ, болѣе удобный, въ которомъ могли находить безопасное убѣжище корабли всехъ родовъ. Генуэзскія поселенія были также и въ Молдавіи, въ Сукавѣ, гдѣ еще и понынѣ видны развалины церкви и замка, которые были построены ими.

Торговля Италианцевъ съ Россією была не менѣе важна. Россія, въ то время, служила для Европы магазиномъ строеваго лѣса. Южныя провинціи съ изобиліемъ снабжали пенькою и льномъ, а Сибирь доставляла желѣзо, мѣдь, доски, смолу, варъ и сало. Въ наше время, эти предметы вывозятся черезъ балтійскіе порты и изъ сѣверной Америки; но въ средніе вѣка, вся эта торговля производилась по Черному морю.

Все эти товары шли изъ Перми и приуральскихъ областей по Камѣ и Волгѣ до Дубовки. Отсюда они перевозились гужомъ къ Дону, гдѣ опять складывали ихъ на суда и спускали по этой рѣкѣ до самой Таши. Послѣ разрушенія Тимерланомъ, Тава снова была отстроена италянскими купцами. Венеціане также возвратились въ нее; но торговля ихъ дѣла была уже незначительна. Въ Таиѣ, какъ и въ другихъ черноморскихъ городахъ, вся торговля находилась въ рукахъ Генуэзцевъ; красный крестъ Генуи господствовалъ на устьяхъ Дуная, Танаиса и Фазиса.

Другую чрезвычайно важную отрасль сѣверной торговли составляли мѣха. Въ Крымѣ и по Кубани ловились куницы и лисицы, но шкурки ихъ были довольно низкой доброты и притомъ, болѣею частію, расходились внутри страны. Самые лучшіе мѣха шли изъ сѣверной Россіи. Каждый годъ, новгородскіе и біармійскіе (архангельскіе) купцы привозили ихъ въ Кафу боль-

шими партіями. Самыми дорогими мѣхами считались собольи, горностаевые и чернобурыхъ лисицъ. Генуэзцы и Венеціане получали огромныя выгоды отъ мѣховою торговли. Мусульманскіе народы много способствовали этому, и въ Китаѣ, въ то время, мѣха цѣнились необыкновенно дорого. За одинъ соболій мѣхъ лучшей доброты платили до 2,000 піастровъ.

Русскіе, въ обмѣнъ своихъ товаровъ, получали сунна, деревяное масло, пряные корни и итальянскія и крымскія вина; преимущественно привозились въ Россію вина апулійскія и акконскія. Еще древніе Греки развели въ Тавридѣ виноградники, но, прежде поселенія на полуостровѣ Генуэзцевъ, тамъ мало обращали вниманія на воздѣлываніе винограда. Кафскіе колонисты распространили эту отрасль промышленности, и скоро виноградъ доставилъ имъ новую значительную статью торговли. Вся судакская долина была покрыта виноградниками, производившими превосходное вино.

Богатыя рыбныя ловли Азовскаго моря также не были забыты итальянскими купцами. При устьѣ Танаиса, Венеціане и Генуэзцы имѣли многочисленныя тони, на которыхъ ловилось множество осетровъ. Попадались осетры отъ восьми до девяти сотъ фунтовъ. Осетровую икру солили и складывали въ бочки; она въ большомъ количествѣ расходилась въ Россіи, Греціи и Италиі. Икра цѣнилась выше самой рыбы и чрезвычайно дорого продавалась на рынкахъ Константинополя, Венеціи и Генуи. Изъ осетра въ пять сотъ фунтовъ вѣсомъ обыкновенно получалось икры два или три квинтала.

Ввозъ въ греческую имперію рыбы изъ Азовскаго моря былъ такъ великъ, что собиравшаяся съ нея пошлина составляла одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода. Въ 1343 году, Генуэзцы, пользуясь войною, которую они вели съ кипчакскимъ ханомъ, заперли византійскимъ мореплавателямъ входъ въ Азовское море и такимъ образомъ усвоили себѣ монополию рыбной торговли.

Кафскіе колонисты принуждены были раздѣлять съ Венеціанцами выгоды донскаго рыболовства; за то торговля солью, которую они доставали въ Крымѣ, была совершенно въ ихъ рукахъ. Они получали отъ нея значительной доходъ. Въ Керчи и близъ Кафы, они владѣли обширными солончаками, содержаніе которыхъ имъ ничего не стоило. Въ началѣ лѣта, выпускали въ эти обширныя озера морскую воду; она скоро сгуща-

лась и образовывала бѣлую соль лучшаго качества. Когда погода стояла благопріятная, то-есть, не слишкомъ дождливая, то соли получалось такъ много, что ее выбирали не больше третьей части. Каѣскіе купцы снабжали солью южныя области Россіи, земли прикубанскія, Константинополь и большую часть Анатоліи. Хлѣбная торговля на Черномъ морѣ также почти вся была въ ихъ рукахъ и доставляла имъ огромныя выгоды.

Генуэзцы и Венеціане занимались и торгомъ невольниковъ. Они покупали ихъ на Кавказѣ и перепродавали египетскому судану. Дербентъ, въ Дагестанѣ, былъ самымъ важнымъ рынкомъ невольниковъ и сборнымъ мѣстомъ купцовъ гиланскихъ, ширванскихъ, хазарскихъ и многихъ другихъ странъ. Туда привозились невольники даже изъ Россіи. При заключеніи договоровъ съ армянскими царями, итальянскіе купцы должны были давать клятву, что, покупая этихъ несчастныхъ, они не будутъ продавать ихъ мусульманамъ. Но эта клятва требовалась только для вида и никогда не исполнялась. Самыя Армяне, не совѣстились продавать христіанскихъ невольниковъ малоазійскимъ Туркамъ. Рейно, въ извлеченіяхъ своихъ изъ арабскихъ писателей, упоминаетъ объ одномъ трактатѣ армянскихъ царей съ суданомъ Келлауномъ, которымъ предоставлялось послѣднему право покупать въ Арменіи лошадей, лошаковъ и обоюго пола невольниковъ.

Тапа, гдѣ египетскій халифъ имѣлъ своего консула, также какъ и Дербентъ, была однимъ изъ первыхъ рынковъ этой гнусной и безчеловѣчной торговли. Въ 1432 году, генуэзскій дворянинъ, по имени Имперіали, былъ, въ Каѣ, поставщикомъ невольниковъ для судана. По ходатайству Генуэзцевъ, камрскіе владѣтели получили отъ константинопольскаго императора дозволеніе плавать по Черному морю и каждый годъ посылали туда два корабля. Грузъ невольниковъ, привозимыхъ на этихъ корабляхъ въ Египетъ, болѣею частію составляли черкесскіе и грузинскіе мальчики, которые назначались въ службу мамелюковъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ продавались сами; другихъ продавали родители; а болѣею частію ими торговали итальянскіе купцы. Народы Кипчака и Кавказа, говоритъ одинъ древній арабскій писатель, всегда готовы были продать своихъ дочерей; но сыновей продавали только въ такомъ случаѣ, когда голодъ или война отнимали у нихъ все другія средства къ пропитанію.

Вообще, главную торговлю Черкесовъ составляли невольники. Черкешенки болѣею частью были прекрасны, стройны и обворожительны; мужчины почти всѣ отличались высокимъ ростомъ и были хорошо сложены. Цѣна невольниковъ была не одинакова: красота, возрастъ, здоровье и различіе должностей, изъ которыхъ они предназначались, опредѣляли ихъ цѣну. Отцы имѣли право продавать своихъ дѣтей. Богатые рѣдко пользовались этимъ правомъ, если не имѣли особенныхъ причинъ; но бѣднѣе, угнѣтаемые нищетою, часто прибѣгали къ данной имъ закономъ власти. Они уступали своихъ дѣтей за нѣсколько пудовъ соли. Жена, нарушившая брачный союзъ, продавалась своимъ мужемъ; равнымъ образомъ, братъ могъ продать свою сестру, если у нихъ не было родителей; но никогда Черкесъ не продавалъ другаго Черкеса: онъ боялся закона крови, который преслѣдовалъ его со всею строгостію. Даже владѣлецъ не имѣлъ права осуждать своего слугу на невольничество, если тотъ не былъ замѣченъ въ какомъ-нибудь вѣроломномъ поступкѣ, и въ такомъ случаѣ требовалось, чтобы виновность раба была признана цѣлымъ народнымъ собраніемъ. Черкесъ могъ продать только своего плѣнника или невольника; часто, изъ гнусныхъ расчетовъ, онъ хорошо обращался съ ними и женилъ ихъ, чтобы отъ продажи ихъ дѣтей получить прибыль. Это составляло его богатство, и онъ имѣлъ право располагать имъ по своему усмотрѣнію. Если дѣти плѣнниковъ или невольниковъ были красивы и хорошо сложены, то всѣхъ ихъ продавали; онѣ-то и составляли главный источникъ торга невольниками.

Купцы, производившіе эту торговлю, находили средства покупать столько невольниковъ, сколько имъ было нужно, разнаго возраста и обоего пола, и по самой дешевой цѣнѣ. Племена Абзигцевъ вели постоянныя между собою войны, и всѣ, попадавшіеся въ плѣнъ съ той и другой стороны, безжалостно продавались. Когда начальникъ одного племени дѣлалъ набѣгъ на соотѣчія земан, то все, что онъ и его воины могли захватить, считалось законною добычею и безъ всякихъ возраженій; но если надежде не удавалось, и онъ самъ попадалъ въ руки своихъ непріятелей, то всѣ, бывшіе съ нимъ, безъ различія, даже собственный его омыль, дѣлались невольниками. Одинъ только начальникъ племени не могъ быть задержанъ въ плѣну. Племя, на которое онъ дѣлалъ набѣгъ, обрѣзавъ уши и хвостъ его лошади, въ знакъ посмѣянія, возвращало его на родину. Это было един-

ственное мщеніе, какое позволяли себѣ дѣлать князьки другъ другу, и отъ того-то войны между ними никогда не прекращались. Абазинскіе невольники считались ниже черкесскихъ, и на рынкахъ Кафы и Кавра цѣнились вполовину противъ послѣднихъ.

Въ Мингрельскомъ портѣ, или нынѣшнемъ Сухумъ-Кале, также производилась довольно значительная торговля невольниками: сильный продавалъ слабого. Шарденъ увѣряетъ, что Мингрелія каждый годъ доставляла до двѣнадцати тысячъ невольковъ, но, если вѣрить другимъ путешественникамъ, это число слишкомъ преувеличено. Молодыя мингрельскія дѣвушки высоко цѣнились за свою красоту.

Въ крѣпости, на устьѣ Фазиса, былъ также невольничій рынокъ; сюда много привозили ихъ изъ Грузіи, гдѣ купцы покупали ихъ почти за ничто, и потомъ перепродавали въ Египтъ съ большою выгодною. Грузинскіе невольники цѣнились дорого.

По словамъ Формалеони, который, правда, не всегда безпристрастенъ, Венеціане не производили торгова невольниками; они давали только свои корабли для перевозки ихъ въ Египтъ; но гораздо вѣроятнѣе, что и они слѣдовали примѣру другихъ купцовъ. Этотъ *товаръ*, сбытъ котораго былъ вѣренъ, продавался на вѣсъ золота, а Венеціане, что ни говори Формалеони, были также наядки на барыши, какъ и Генуэзцы. Халковидла съ увѣряетъ, что Франки, жившіе на берегахъ Танаиса, торговали невольниками. Прикубанскіе Татары, ведя непрерывныя войны съ черкесскими племенами, забирали на Кавказѣ женщинъ и дѣтей и толпами приводили ихъ въ Тану, гдѣ и продавали христіанскимъ купцамъ за самую ничтожную цѣну. Историкъ Маринъ, который также старается иногда прикрывать истину, какъ и соотечественникъ его Формалеони, въ этомъ случаѣ, чистосердечнѣе Формалеони. Онъ сознается, что венеціанскіе купцы покупали невольниковъ на Кавказѣ и отвозили въ Египтъ для продажи суданамъ. Еще въ 1453 году, они занимались этою безчестною торговлею.

V.

Торговля съ Индію черезъ Черное море.

По двумъ большимъ торговымъ путямъ шли въ Крымъ ароматы, правыя коренья и другія драгоценныя произведенія Индіи. Съ обширнаго рынка знаменитаго города Камбая, который *походилъ*, по своей мануфактурной промышленности на одинъ изъ большихъ городовъ Фландріи, они перевозились въ Ормузь, при входѣ въ Персидскій заливъ, и здѣсь ихъ выгружали. Островокъ Ормузь, не смотря на то, что не имѣлъ ни воды, ни растительности, былъ очень населенъ въ то время; онъ служилъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ торговли Индіи съ Персією. Рассказы о пышности, богатствѣ и сладострастной жизни жителей Ормуса, могли бы показаться баснословными, если бы не были засвидѣтельствованы путешественниками, заслуживающими довѣріе.

На этомъ утесѣ, который производилъ лишь соль, возвышался прекрасный городъ, *самый великолѣпный, самый пріятный на всемъ востоцкѣ*, куда съ изобиліемъ привозились роскошныя плоды Персіи, благовоцныя вина Шираза и всякаго рода жизненные припасы. По улицамъ, устланнымъ циновками и коврами прогуливались богатые персидскіе и арабскіе купцы, въ длинныхъ шелковыхъ или парчевыхъ одеждахъ, съ заткнутыми за поясъ кинжалами, украшенными золотомъ, и въ рукахъ съ раззолоченными луками и замысловато вырѣзанными булавами. Молодые пажы и прекрасныя дѣвушки, съ малолѣтства наставленныя всѣмъ хитростямъ разнообразить и усиливать сладострастіе, подавали имъ прохладительныя напитки въ чашахъ, оправленныхъ въ серебро. Жители Ормуса обладали огромными богатствами и такъ были развратны, что Европейцы сравнивали этотъ городъ съ проклятымъ Содомомъ.

Сюда безпрерывно пріѣзжали купцы изъ всѣхъ странъ, изъ Бенгала, Гузерата, Аравіи, Египта, Момбасы, Тавриса, для обѣихъ здѣсь произведеній своей промышленности. Всѣмъ иностраннымъ купцамъ, какой бы они ни были религіи, дозволялось съ полною свободою исполнять всѣ обряды своего вѣро-

исповѣданія. Правосудіе было равно для всѣхъ, а безопасность такъ велика, что островъ Ормузь былъ прозванъ жилищемъ безопасности (Даръ-аль-аманъ). Со всѣхъ товаровъ, безъ исключенія, собиралось таможенной пошлины по десяти процентовъ. Только серебро и золото были изъяты изъ этого правила. Магазины ормусскіе были наполнены товарами всякаго рода. Камбай и Калькутта доставляли туда пряные корни, драгоценныя камни, коленкоры, ситцы, бархатъ, пиджго, опиумъ, ладапъ, лекарственные травы, сандаловое и фернамбуковое дерево. Съ Малакки и съ восточнаго полуострова Индіи привозились пряные корни, назначавшіеся для торговли съ западомъ; изъ Шираза, шелковыя матеріи, дорогія вина и такія прекрасныя женщины, что, по сказанію Арабовъ, Магометъ никогда не соглашался посѣтить этотъ городъ, опасаясь не устоять противъ обольщенія этихъ сиренъ, и такимъ образомъ потерять рай. Изъ Кермана и другихъ городовъ Персіи доставлялись оружіе, лучшіе ковры, квасцы, бирюза; равнымъ образомъ множество другихъ произведеній, естественныхъ и искусственныхъ, привозились въ Ормузь съ Краснаго моря, изъ Аравіи и Египта.

Не вдалекѣ отъ Ормуса находился островъ Аваль или Багрейнъ, знаменитый своими жемчужными ловлями, доставлявшими большое количество жемчуга, который былъ не такъ чистъ, какъ цейланскій, за то гораздо крунѣе его и также высоко цѣнился въ торговлѣ. Купцы изъ всѣхъ частей свѣта прїѣзжали на этотъ островъ и жили на немъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, въ ожиданіи времени лова, начннавшейся около августа мѣсяца. По утвержденной напередъ цѣнѣ, купцы нанимали водолазовъ и вмѣстѣ съ ними отправлялись на тѣ мѣста, гдѣ намѣрены были производить ловлю.

Въ концѣ августа, возвращались въ Багрейнъ. Каждый купецъ привозилъ добытый имъ жемчугъ въ мѣшокъ за своей печатью и передавалъ этотъ мѣшокъ губернатору. Въ день продажи, всѣ купцы собирались въ назначенное мѣсто; приносили мѣшки и вызывали по имени каждаго владѣльца. Затѣмъ печати взламывались и жемчугъ высыпался въ довольно рѣдкое рѣшето, подъ которымъ находилось другое почаше, и наконецъ третье, еще болѣе частое, чтобы пропустить сквозь нихъ зерна средней и малой величины. Раздѣливъ такимъ образомъ по сортамъ, жемчугъ оцѣнивали и установленную цѣну объявляли во всеуслы-

шаніе. Каждому купцу предоставлялось на волю, оставить за собою свой товар или продать, по назначенной цѣнѣ.

Ормускіе купцы, возвращіе въ Султаніе Багрейнскаго жемчугъ и шелкъ южно-персидскихъ провинцій, брали съ собою и индійскіе товары. Караваны шли черезъ Керманъ и, пройдя пустыню, приходили въ Іездъ, одинъ изъ лучшихъ торговыхъ городовъ Персіи, который былъ извѣстенъ какъ складочное мѣсто, и славился промышленностію своихъ жителей. Здѣсь выдѣлывали дорогіе шелковыя матеріи, *сунду*. Изъ Іезды, караваны направлялись на Каспій, и потомъ на Султаніе. Гонзалезъ Клавихо, оставившій намъ описаніе этого пути, говоритъ, что купцы отправлялись изъ Ормуса въ концѣ апрѣля и черезъ шестьдесятъ дней достигали Султаніе. Онъ довольно подробно говоритъ объ этомъ городѣ, который производилъ въ то время очень дѣятельную торговлю, и отъ котораго теперь остались одни развалины, удивляющія путешественниковъ своею обширностію. Генуэзцы имѣли тамъ контору для торговли жемчугомъ. Изъ Султаніе, индійскіе товары шли на Таврисъ и потомъ, перевезенные сухимъ путемъ до Чернаго моря, нагружались на суда для отправленія въ Кафу.

Весьма часто дѣлали и такъ, что, не выгружая товаровъ при входѣ въ Персидскій заливъ, провозили ихъ до Бассоры, лежащей въ глубинѣ этого залива. Изъ Бассоры онѣ направлялись на Таврисъ сухимъ путемъ или поднимались по Тигру. Множество дорогъ примыкали къ этому пути, и европейскіе купцы на Черномъ морѣ получали по нимъ великолѣпныя ткани Моссула (мусслины) и золотыя парчи, камку и багдадскія шелковыя матеріи, протканныя золотомъ.

Другой большой торговый путь изъ Индіи, представлялъ огромный кругъ. Товары, отправлявшіеся этимъ путемъ, поднимались по Инду до того мѣста, гдѣ оканчивается его судходность; оттуда они шли сухимъ путемъ до Газны, славнаго рышка на границахъ Индіи; затѣмъ, пройдя черезъ всея Кандагаръ, они вступали въ Бухару. Въ этомъ городѣ, производящемъ большую торговлю хлопчатую бумагой, шерстью, рисомъ, сухими плодами и шафраномъ, они встрѣчались съ бактрианскими караванами, съ которыми вмѣстѣ продолжали дорогу до Джейкуна (Окоуса). Отсюда они или перевозились на верблюдахъ въ Астрахань, или направлялись на Балкъ, древніе Бактры, большой, многолюдный и торговый городъ, по-

томъ въ Астрабадъ, въ Мазандеранъ, для перевозки ихъ черезъ Каспійское море. Купцы, прибывшіе въ Астрахань, поднимались по Волгѣ на судахъ, потомъ, перетаскивъ свои грузы въ Дель, достигали по этой рѣкѣ Таны; а тѣ, которые плыли по Каспійскому морю, поднимались по Куръ, мимоходомъ посѣщали Тифлисъ, столицу Грузіи и спускались по Риону (Фазису) въ Черное море.

Завоеваніе Іерусалима Франками пресѣкло мореходнымъ народамъ Италіи важный торговый путь по Красному морю, и, пока продолжалась вражда, возбуждаемая крестовыми походами, Арабы не позволяли имъ посѣщать египетскихъ портовъ. Но въ 1262 году, венеціанская республика, помирившись съ кайрскими суданами, выхлопотала себѣ возобновленіе прежнихъ договоровъ. Стѣсненные монополією Генуэзцевъ, захватившихъ въ свои руки всю константинопольскую торговлю, со времени перемѣны греческихъ императоровъ, Венеціане могли удержаться въ равновѣсіи съ своими соперниками только постоянными сношеніями съ Египтомъ. Трактатомъ, заключеннымъ въ 1302 году съ суданомъ Халилемъ, дозволялось республикѣ имѣть въ Александріи своего консула, и ей исключительно была предоставлена торговля индійскими товарами, привозившимися въ Египетъ по Красному морю. Папскія буллы и постановленія соборовъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, запрещали всѣ сношенія съ Сарацинами; но Венеція исходатайствовала у римскаго двора полномочіе торговать съ невѣрными. Запрещено было только провозить въ Египетъ невольниковъ, оружіе и военные снаряды. Но и это запрещеніе не всегда строго исполнялось.

Перевозка товаровъ по Красному морю совершалась гораздо скорѣе и меньше стоила, и потому сношенія Генуэзцевъ съ центромъ Азіи значительно потеряли оттого. Впрочемъ, не смотря на сильное соперничество, которое противопоставляли имъ Венеціане, поселившіеся въ Александрію, какскіе купцы продолжали торговлю съ Индією по прежнимъ дорогамъ, черезъ Бухарію и Султаніе. «Нельзя не сознаться, говоритъ г. Пардесю, въ своемъ превосходномъ трудѣ, о морскихъ законахъ среднихъ вѣковъ: что перевозка товаровъ черезъ центральную Азію къ черноморскимъ портамъ стоила очень дорого, какъ по продолжительности или трудности сухопутныхъ сообщеній, такъ и по опасностямъ, которымъ могли подвергаться караваны. А между тѣмъ, даже въ то время, когда торговля съ Египтомъ была бо-

лѣе свободно, эти пути не были оставлены, потому-что владѣтели Египта требовали въ своихъ портахъ огромныхъ пошлинъ, уплата которыхъ почти равнялась издержкамъ, какія нужны были для перевозки товаровъ черезъ Азію. Мѣры, принятыя для обезпеченія сбора пошлинъ, были крайне обременительны. Лишь только корабль входилъ въ гавань, таможенные приставы снимали съ него паруса и руль, чтобы онъ не могъ выйти безъ дозволенія судана. Если вѣрять Клавихо, то лучшіе пряные коренья шли черезъ Азію, а вѣкоторые, какъ то: гвоздика, мускатные орѣхи и цѣтны только и встрѣчались на рынкахъ Султаніе и Тавриса.

VI.

Торговые пути съ береговъ Дона до Китая.

Крымскія колоніи распространили свою торговлю до Китая. Съ береговъ Дона, караваны отправлялись въ Пекинъ. Фраческо Балдуччи Пеголотти, путешественникъ и товарищъ знаменитаго торговаго дома Барди, во Флоренціи, посѣтившій эти отдаленныя страны въ 1335 году, описалъ маршрутъ, которымъ обыкновенно слѣдовали европейскіе купцы.

Изъ Таны, они отправлялись сначала въ Астрахань; на этотъ переездъ, въ повозкахъ, запряженныхъ волами, требовалось двадцать-пять дней; но этотъ же путь можно было бы совершить въ десять или двѣнадцать дней, если бы вмѣсто быковъ употреблялись лошади. По дорогѣ встрѣчалось множество вооруженныхъ Монголовъ. Отъ Астрахани до Сарая поднимались Волгою, въ одинъ день. Сарай, столица кипчакскихъ хановъ, былъ въ то же время и знаменитѣйшимъ рынкомъ невольниковъ. Онъ былъ построенъ на берегу Ахтубы, въ 60 верстахъ отъ устья Волги. Отсюда товары отправлялись въ Сарачикъ или Сараканко, татарскій городъ на берегу Яика (Урала), гдѣ вышъ крѣпость Сарайчиковская. До этого города, въ то время цвѣтущаго и многолюднаго, достигали водою (Волгою и Каспійскимъ моремъ) въ восемь дней; но можно было добѣхать туда и сухимъ путемъ; только въ этомъ случаѣ путеше-

жики были гораздо значительнѣе. Изъ Сарачика, слѣдуя по берегамъ моря Каспійскаго, шли въ Ургенць; здѣсь уже товары перевозились на верблюдахъ, и для этого переѣзда употреблялось двадцать дней.

Ургенць, построенный не далеко отъ рѣки Джейхуна или Аму-Дарьи, былъ столицею королевства Харезмскаго и средоточіемъ торговли всей этой обширной страны, устѣянной городами и деревнями, въ которыхъ жители, по словамъ арабскаго писателя Эль-Бакуи, были друзья порядка, отважны, добросовѣстны и очень радушны къ иностранцамъ. Здѣсь главную статью торговли составляли шелковыя матеріи; персидскія провинціи, примыкающія къ Каспійскому морю, посылали сюда многочисленныя караваны. Пеголотти совѣтовалъ купцамъ останавливаться тамъ, обѣщая скорый и выгодный сбытъ товаровъ.

Нѣкоторое число христіанъ и іудеевъ получили позволеніе поселиться въ Ургенць. Они могли построить до ста домовъ, но никакъ не болѣе.

Въ 1397 году, Тамерланъ разрушилъ этотъ городъ до основанія. Шерефеддинъ пишетъ, что Тамерланъ, желая наказать Харезміевъ за то, что они дерзнули объявить ему войну, прибылъ въ Ургенць и приказалъ всѣмъ жителямъ переселиться со всѣмъ ихъ имуществомъ въ Самаркандъ, и потомъ велѣлъ уничтожить этотъ большой городъ и на его мѣстѣ посѣять ячмень.

Изъ Ургенца купцы, снова навьючивъ свои товары на верблюдовъ, направлялись къ сѣверу, въ Отраръ или Фарабъ, въ Туркестанъ, гдѣ собирались торговцы изъ всей Татаріи и средней Азіи. Это путешествіе продолжалось отъ тридцати-пяти до сорока дней. Путешественники, не имѣвшіе надобности или не хотѣвшіе проходить чрезъ Ургенць, могли отправляться прямо изъ Сарачика въ Отраръ, и на это требовалось только пятьдесятъ дней. Оставивъ Отраръ, пересѣкали весь Туркестанъ и чрезъ сорокъ-пять дней достигали до Альмалеха, города въ странѣ Игуръ, на югъ отъ озера Балкаша. На этомъ переѣздѣ ежедневно встрѣчали отряды Монголовъ. Нужно было семьдесятъ дней, чтобы пройти пространство, отдѣлявшее Альмалехъ отъ Камксу или Хамилы, на границѣ Тангута, не далеко отъ большой китайской стѣны. Еще требовалось сорокъ дней, чтобы изъ этого города перейти на берега Кара-Муренъ, какъ называютъ Татары рѣку Хоанго. Отсюда путешественники отправлялись въ Кассай (Кидсай), гдѣ могли выгодно сбыть часть сво-

ихъ товаровъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ и самыхъ богатыхъ городовъ въ Китаѣ. Изъ Кассая, что нынѣ Хань-чу, въ тридцать дней, достигали наконецъ до Пекина (Хань-Балишъ), столицы обширной имперіи Китай и для этого продолжительнаго путешествія.

Кромѣ этой дороги, которую купцы избирали преимущественно, была еще другая. Купцы, прибывшіе въ Ургенць, отправлялись отсюда черезъ пустыню Кесна въ Бухару, и потомъ въ Кашгаръ. Здѣсь чрезвычайно дешево продавался ремень, такъ что за шесть грошей (grossi) можно было купить его столько, сколько въ силахъ везти лошадь. Потомъ отправлялись въ Хотанъ или Хустану, гдѣ была значительная торговля жемчугомъ, кораллами, ладаномъ, гвоздикомъ, мускусомъ и лекарственными травами. Здѣсь же выдѣлывались превосходныя и дорогія ткани. Оставивъ Хотанъ, путешественники вступали въ песчаную степь, «жилище злыхъ духовъ.» Въ этой обширной пустынѣ, они не встрѣчали ни воды, ни травы; вѣтеръ взвивалъ песокъ и образовалъ изъ него холмы; иногда поднимался теплый, удушливый вѣтеръ, такъ что и люди и животныя едва могли дышать. Печки всегда слышали тамъ провзвительный свистъ, и никто не могъ дознаться, откуда онъ происходилъ.

Далѣе, караваны шли черезъ Куа-чу и достигали до Ло (Ло-пу), лежащаго при озерѣ того же имени, на границѣ другой песчаной степи Гоби или Шамо. Купцы останавливались на нѣсколько дней въ этомъ городѣ, чтобы запастись съѣстными припасами, потому-что въ теченіе мѣсяца, послѣ отъѣзда, они не могли нигдѣ достать себѣ провизіи; дорога шла черезъ песчанныя степи и обнаженныя горы. Совершивъ это трудное тридцатидневное путешествіе по степи Гоби, они достигали до Со-чу, въ Тангутъ, и оттуда отправлялись въ Пекинъ.

Всякій купецъ, предпринимавшій путешествіе въ Китай, долженъ былъ имѣть при себѣ одного толмача изъ Туркменцевъ и по-крайней-мѣрѣ двухъ слугъ, знающихъ татарскія нарѣчія. Пеголотти совѣтовалъ также брать съ собою одну женщину изъ туземокъ, потому-что тогда купецъ пріобрѣталъ болѣе уваженія. Отправляясь изъ Азова въ Астрахань, надо было запастись съѣстными припасами на двадцать-пять дней; обыкновенно брали соленую рыбу и муку. Отъ Астрахани до Ургенца не было необходимости везти съ собою припасы; можно было достать ихъ вездѣ, гдѣ бы ни вздумали остановиться, и притомъ за са-

ную умѣренную цѣну. Но въ 1405 году, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ нашествія Тамерлана, не осталось ни одной живой души изъ многочисленныхъ обитателей, населявшихъ эти страны, и тамъ встрѣчали только дикихъ козъ.

Всѣ издержки на путешествіе изъ Таны въ Пекинъ, включая въ то число жалованье толмачу и двумъ слугамъ, простирался до 300 или 350 золотыхъ флориновъ. Правда, нѣкоторые купцы тратили несравненно болѣе, но они, говоритъ Неголотти, не умѣли экономить. Эти подробности доказываютъ, что въ XIV столѣтіи, путешествія въ Китай были гораздо удобнѣе, чѣмъ въ наше время, и считались чѣмъ-то обыкновеннымъ.

Прибывъ въ Китай, купцы мѣняли золотыя деньги на китайскую монету, называемую *бабиши*. Это были маленькіе кружки изъ коры тутоваго дерева, съ изображеніемъ императора; они составляли нѣкотораго рода ассигнаціи, съ которыми европейскіе купцы могли являться на рынки и покупать всѣ товары, какіе угодно. Купецъ, не согласившійся продать своихъ товаровъ или взявшій за нихъ слишкомъ дорого, подѣлъ предлогомъ, что ему платили не настоящими деньгами, подвергался строгому наказанію. Обращеніе этой монеты доставляло императору большія выгоды. Четыре *бабиши* стоили пять флориновъ.

Только дорога изъ Таны въ Сарай представляла нѣкоторыя опасности; но купцы старались путешествовать обществомъ, человекъ по пятидесяти и по шестидесяти, а съ такими предосторожностями, они и въ кипчакскихъ степяхъ были какъ въ своемъ домѣ. Изъ Сарая въ Китай, дорога была совершенно безопасна, и днемъ и ночью можно было ѣхать по ней спокойно. Случалось, что Монголы нападали на караваны, когда умирали у нихъ начальники племени, — потому что при перемѣнѣ власти, у нихъ почти всегда бывали безпорядки, — но такіе случаи были очень рѣдки. Если купецъ умирали на дорогѣ, то все, что онъ везъ съ собою, поступало въ собственность владѣльца той страны, гдѣ его хоронили. Если даже онъ умирали въ Пекинѣ, то богдоханъ былъ его наследникомъ. Но братъ покойника, или другъ, могъ требовать обратно товары, которые почти всегда возвращались.

Европейскіе негодіанты долго ѣздили въ Китай по этимъ двумъ дорогамъ; но въ началѣ XV-го столѣтія, они должны были оставить ихъ. Монгольскія орды проходили, въ это время, черезъ Кипчакъ, Харезмъ, Туркестанъ, вся повсюду опусто-

шеніе, и не только Ургенць, но и Астрахань, Сарай, Алмалехъ, были обращены въ пепель. Всѣ эти города, разрушенные по приказанію Тамерлана, служили главными станціями большой китайской дороги, и это-то самое, безъ сомнѣнія, было причиною ихъ опустошенія. Монгольскій завоеватель хотѣлъ сдѣлать Самаркандъ, избранный имъ столицей своей имперіи, первымъ городомъ въ мірѣ и сосредоточить въ немъ всю торговлю Азіи; поэтому, онъ прежде всего долженъ былъ уничтожить другіе города, бывшіе средоточіемъ торговли и населенности.

Клавихо, видѣвшій Самаркандъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Тамерлана, оставилъ намъ его описаніе. Самый городъ былъ не слишкомъ великъ, но предмѣстія и сады занимали огромное пространство. Тамерланъ во всѣхъ завоеванныхъ городахъ забиралъ извѣстное число жителей и отсылалъ ихъ въ Самаркандъ; преимущественно избираемы были ученые, художники и ремесленники, какъ то: правовѣды, медики, живописцы, архитекторы, ткачи шелковыхъ матерій, портные, красильщики. Равнымъ образомъ приказано было эмирамъ останавливать всѣхъ проезжихъ иностранцевъ и приводить ихъ въ столицу государства. Болѣе ста пятидесяти тысячъ человѣкъ были переселены такимъ образомъ. Не доставало домовъ для огромнаго населенія, и бѣднѣйшіе жители тѣснились въ шалашахъ, построенныхъ по предмѣстіямъ. Бѣдняки постоянно старались убѣгать изъ новой столицы; но Тамерланъ велѣлъ строго охранять дороги къ Джейхуну, и никто безъ его позволенія не могъ переходить моста, построеннаго на судахъ черезъ эту рѣку.

Торговля Самарканда была довольно значительна. Татары и жители Сибири привозили туда кожи, мѣха и полотна. Изъ Китая шли шелковыя матеріи, мускусъ, жемчугъ, драгоценные камни и золотой песокъ. Онъ имѣлъ также сношенія съ Индіею, откуда получались лучшіе пряные коренья, какъ то: корица и мускатный цвѣтъ. Клавихо и здѣсь замѣчаетъ, что такихъ сортовъ пряныхъ кореньевъ не встрѣчалось на рынкахъ Александріи.

Кафскіе купцы, не имѣя возможности ѣздить въ Китай черезъ Астрахань и Ургенць, посѣщали Самаркандъ и довольствовались получать китайскіе товары изъ вторыхъ рукъ. Съ береговъ Джейхуна, каждые три мѣсяца, отправлялись караваны, шли на Балкъ, гдѣ, какъ мы видѣли, проходила караванная дорога къ Каспійскому морю, потомъ направлялись черезъ пу-

стыню, Нисгануръ, Касванъ, Султаніе и приходили въ Таврисъ. Танерланъ устроилъ на этой дорогѣ правильныя станціи съ извѣстнымъ числомъ лошадей для проѣзжающихъ.

Таврисъ, *городъ также славный, какъ Парижъ во Франціи, чрезвычайно большой, знаменитый и цѣлующій, какъ отзывался объ немъ Рамузіо, былъ первымъ складочнымъ мѣстомъ Персіи.* Въ немъ находились самые великолѣпные базары, какіе можно только видѣть, и считалось до трехъ сотъ каравансераевъ; царскій рынокъ возбуждалъ всеобщее удивленіе. Изъ всѣхъ странъ Азіи приходили въ Таврисъ караваны, и на свѣтѣ не было такихъ товаровъ, какихъ нельзя бы было достать въ немъ.

Генуэзцы имѣли въ Таврисѣ большую контору, которая заведывала торговлею между Индіею и Крымомъ. Консулъ, при содѣйствіи совѣта изъ двадцати-четырехъ купцовъ, управлялъ колоніею; онъ избирался на полгода; власть его простиралась на всѣхъ подданныхъ республики, жившихъ въ провинціяхъ Тавриса, Султаніе и Астрабада. Генуэзскіе купцы выхлопотали себѣ у татарскихъ хановъ чрезвычайно обширныя торговыя преимущества. Сверхъ того, что пользовались всѣми правами, какія обыкновенно могли имѣть хрістіане въ мусульманскихъ земляхъ, они, во многихъ случаяхъ, были освобождены и отъ налоговъ. Генуэзская колонія была подъ особеннымъ покровительствомъ хановъ. Сношенія Персіи съ западными народами, въ то время, были чаще, чѣмъ нынѣ, и именно черезъ Генуэзцевъ татарскіе ханы имѣли сообщеніе съ Европою. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ они совѣтовались съ итальянскими купцами и часто употребляли ихъ для дипломатическихъ миссій. Генуэзскій дворянинъ, Бискарелло Джизульо, два раза былъ отправленъ посланникомъ въ Европу: первый разъ къ папѣ Николаю IV ханомъ Аргуномъ, а во второй, въ 1303 году, къ итальянскимъ республикамъ.

Генуэзцы пытались воспользоваться своимъ довѣріемъ у хановъ, чтобы получить дозволеніе укрѣпиться имъ въ Таврисѣ. И одинъ изъ хановъ, не обдумавъ хорошенько, что дѣлалъ, позволилъ имъ купить землю и выстроить на ней крѣпость; но онъ скоро спохватился, и купцы, которые уже приступили было къ постройкѣ укрѣпленій, вдругъ получили приказаніе прекратить работы. Генуэзцы не считали нужнымъ слушаться этого запрещенія и продолжали возвышать свои стѣ-

ны. Ханъ, думая оми, не могъ отнять даннаго уже имъ права; притомъ же, эта земля принадлежить имъ: они заплатили за нее очень дорого, и свободны строить на ней, что имъ угодно. Ханъ велѣлъ имъ сказать, что онъ не запрещаетъ имъ строить крѣпость на купленной ими землѣ, не отказывается отъ своего слова и еще подтверждаетъ сдѣланное имъ дозволеніе; но, прежде всего, эта земля должна быть вывезена за границы его владѣній; потому-что въ своемъ государствѣ онъ не желаетъ видѣть другихъ крѣпостей, кромѣ своихъ собственныхъ. И прибавилъ къ этому, что если они тотчасъ же не остановятъ начатыхъ работъ, то, къ крайнему своему сожалѣнію, онъ принужденъ будетъ дать приказаніе всѣмъ имъ отрубить головы. Это прибавленіе подѣйствовало на Гемузцевъ, которые, съ тѣхъ поръ, уже не пытались противиться данному приказанію.

Касскіе купцы привозили въ Таврию всѣхъ сортовъ сукна, бархатъ, шѣла и полетна, которые оттуда расходились уже по всей Персіи. Въ замѣнъ, они получали шелкъ, хлопчатую бумагу, ремень, индиго, ультрамаринъ, лакъ и жемчугъ. Всякій товаръ, ввозимый и покупаемый христіанами, оплачивался десяти-процентною пошлиною; мусульмане платили только подавину. По словамъ Шильдбергера, таможенный сборъ Тавриса превышалъ доходы самаго богатаго европейскаго государя. Въ 1460 году, онъ отданъ былъ на откупъ, и откупщикъ получилъ отъ него барыша болѣе 60,000 дукатовъ. Въ Таврисѣ очень много встрѣчалось Армянъ и Туркомановъ; были также и Евреи, но они не жили тамъ, а только прѣзжали во торговый дѣланъ.

VII.

Латинскія колонія въ Трѣбизондѣ, Синопѣ и Амассерѣ.

Большая дорога отъ Тавриса до Трѣбизонда пролегла черезъ Арменію, по южному берегу Чернаго моря; товары изъ Персіи и часть товаровъ привозимыхъ по Каспійскому морю, шли въ этотъ городъ. Отъ Тавриса до Арзерума считалось около тридцати дней пути и шесть дней отъ Арзерума до

Черного моря, через горы. Трeбизондъ, столица маленькой греческой имперіи, не зависѣвшей отъ Константинополя, былъ очень важенъ въ торговомъ отношеніи. Этотъ знаменитый городъ, жители котораго, по словамъ одного греческаго писателя, не уступали въ крѣпости Спартамцамъ, наполненный учеными и всякаго рода художниками, служилъ складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ восточныхъ народовъ, населявшихъ Грузію, вѣрнюю Арменію и древнюю Каппадокію. Каждый годъ, въ концѣ собиравалась ярмарка, на которую съѣзжалось множество мусульманъ, Грековъ, Латинянъ и купцовъ изъ всѣхъ странъ. На рынкахъ Трeбизонда встрѣчались даже матеріи русской работы. Въ Трeбизондѣ, также какъ и въ Кересундѣ, второмъ городѣ имперіи, находились кварталы Генуэзцевъ и Венеціанъ. Эти два города, построеныя амфитеатромъ и хорошо укрѣпленныя, были окружены великолѣпными плодовыми садами. Весь берегъ между ними, старательно воздѣланный и покрытый виноградниками, лугами и пышными деревьями, представлялъ очаровательный видъ.

Торговля итальянскихъ купцовъ съ Трeбизондомъ была очень значительна. Въ концѣ XIII-го столѣтія, генуэзская республика заключила съ самодержцемъ этого небольшого, но богатаго государева, торжественный договоръ, по которому предоставлялось ей право торговать во всей имперіи и имѣть монополию въ Трeбизондѣ. Въ императорской грамотѣ опредѣленно обозначались тѣ важныя льготы, какія даны были генуэзскимъ купцамъ императоромъ Алексѣемъ Комненымъ. Текстъ не былъ обнаруженъ; но Мартиъ выписывая условія трактата, заключеннаго тѣмъ же императоромъ, въ 1303 году, съ Венеціанами, прибавляетъ, что такія же привилегіи даны были и Генуэзцамъ.

По этому договору, Генуэзцамъ предоставлялась свобода основывать главное поселеніе въ Трeбизондѣ и конторы во другихъ городахъ имперіи, гдѣ они должны были пользоваться покровительствомъ, безопасностію и дружественнымъ обращеніемъ. Императоръ далъ имъ право свободно производить всякую торговлю какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ, съ платою по двадцати аспръ съ каждаго груза товаровъ. Жемчугъ и драгоценныя камни облагались такою же пошлиною и могли быть ввозимы въ имперію и вывозимы изъ нея, также какъ золото и серебро, безъ малѣйшаго препятствія. Товары, оставшіеся не проданными, избавлялись отъ великихъ налоговъ. Тѣмъ же

трактатомъ опредѣлялось, что должны были платить купцы, прїѣзжавшіе въ Требизондъ сухимъ путемъ (изъ Арзерума и Тавриса): положено было взыскивать по двѣнадцати аспрь съ каждаго воза и по одному проценту со всѣхъ проданныхъ товаровъ. Итальянскимъ купцамъ дозволялось имѣть особенные шѣры и вѣсы.

Императоръ уступилъ новой колоніи обширный участокъ земли для постройки домовъ и церкви, въ которой, по желанію общества могли совершать службу священники или монахи. Равнымъ образомъ купцы имѣли право избирать изъ среды себя консула для суда и расправы. Этому высшему чиновнику колоніи предоставлялась такая же власть, какъ константинопольскому подестѣ, и онъ могъ содержать при себѣ дворянъ, слугъ и трубачей или литавщиковъ для предшествованія ему при торжественныхъ выходахъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, этотъ трактатъ былъ возобновленъ съ нѣкоторыми измѣненіями: уменьшены были пошлины. Но счастье, говоритъ историкъ Саули, дѣлаетъ людей надмѣнными, и латинскіе купцы, гордясь своимъ флотомъ и огромными богатствами, часто забывали, что умѣренность должна быть первою добродѣтелию того, кто посвятилъ себя торговымъ дѣламъ. Франки, по своей невыносимой напыщенности, ни за что считали указы и повелѣнія греческихъ государей; они обращались съ трезбизондскими жителями со всею презрительностію разбогатѣвшихъ людей и, при всякомъ случаѣ, давали имъ чувствовать торговое иго, которое наложили на нихъ. Съ своей стороны, трезбизондскіе Греки, будучи надменнѣе константинопольскихъ своихъ родичей, не скрывали негодованія, возбуждаемаго въ нихъ высокоумнымъ обращеніемъ латинскихъ купцовъ; на ихъ угрозы они отвѣчали угрозами, за презрѣніе платили презрѣніемъ. Отсюда рождались непрерывныя ссоры. Строгость, принятая императоромъ при сборѣ таможенныхъ пошлинъ и другихъ налоговъ, еще болѣе услила взаимныя непріятности. Корабли, при входѣ и выходѣ, должны были осматриваться императорскими досмотрщиками, которые, при малѣйшемъ нарушеніи закона, подвергали купцовъ денежному штрафу. Не привыкшіе къ подобному обращенію, итальянскіе дегоціанты жаловались на притѣсненія греческихъ чиновниковъ; но ихъ не слушали.

Генуэзцы были нетерпѣливѣе Венеціанъ, и, въ 1306 году, хо-

тѣмъ освободиться отъ этихъ произвольныхъ налоговъ въ пользу императорской казны. Если константинопольскій императоръ даровалъ имъ всевозможныя льготы, то не унижительно ли было для нихъ честолюбія, что какой-нибудь маленькій владѣтель, какъ государь трезизондскій, могъ предписывать имъ законы? Въ Галатѣ, они не отдавали никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; ихъ товары были свободны отъ всѣхъ пошлинъ, и корабли никогда не подвергались никакому осмотру. Они занимали обширный кварталъ, обнесенный крѣпкою стѣною, гдѣ, ни у кого не спрашивался и ничего не платя, могли строить дома, лавки, кладовыя. Они вѣдали тамъ своимъ судомъ, и одинъ подеста имѣлъ право налагать на нихъ пени за варушеніе договорныхъ статей. Въ Трезизондѣ, напротивъ, нигдѣ они не находили защиты противъ притѣсеній императорскихъ чиновниковъ. Съ каждымъ днемъ, являлись новыя требованія, налагались новыя подати, и когда они жаловались, то ихъ не хотѣли и слушать. Такое положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться: они хотѣли льготъ, какими пользовались въ Константинополѣ, въ противномъ случаѣ, грозилъ выѣхать изъ Трезизонда.

Совѣтъ изъ двадцати-четырехъ купцовъ отправился къ императору и доложилъ ему, отъ лица всего общества, о принятомъ ими рѣшеніи. Они требовали уменьшенія пошлинъ, права разбираться, во всѣхъ между собою спорахъ, своимъ судомъ, и обширнаго въ гавани мѣста для постройки домовъ, кладовыхъ и замка. Если справедливыя ихъ требованія будутъ отвергнуты, говорили они, то они рѣшились удалиться въ Константинополь и прекратить все сношенія съ имперією.

Императоръ нѣсколько не былъ расположенъ даровать купцамъ требуемыя ими льготы. Онъ считалъ очень достаточными и тѣ права, какія уже даны имъ были. Сверхъ того, онъ зналъ, чего стоила константинопольскимъ государямъ излишняя довѣренность къ этимъ отважнымъ негоціантамъ. Генуэзцы требовали, чтобъ у Грековъ отняты были всѣ права судоходства; они не позволяли имъ ловить рыбу при входѣ въ портъ и даже привозили себѣ таможенныя и другія пошлины на всемъ Босфорѣ, которыхъ собирали до 300,000 флориновъ. Трезизондскій императоръ, желая сохранить свою независимость, отвѣчалъ купцамъ, что онъ ничего не измѣнитъ изъ прежнихъ договоровъ; предоставлялъ имъ полную свободу удалиться, если имъ угодно,

въ Константинополь; но, ввиду отказа, онъ совѣтовалъ имъ запахать пошлыми за все товары, которые были имъ привезены въ послѣдній разъ; иначе, онъ принужденъ будетъ задержать ихъ.

Генуэзцы не привыкли слышать подобныя отказы отъ Грековъ. Раздраженные отказомъ императора и еще болѣе угрозою, которую онъ сдѣлалъ имъ, поклялись ничего не платить, тотчасъ же расположились выѣхать изъ Трѣбизонда и велѣли выносить въ портъ все свои товары. Но императоръ рѣшился показать свою власть; лѣтъ только Генуэзцы начали нагружать свои корабли, явился чиновникъ, съ сильнымъ отрядомъ жерійской гвардіи, и потребовала возста на уплаченныхъ еще пошлыми. Купцы же согласались исполнить его требованіе, и онъ счелъ обязанностію задержать товары. Тѣ хотѣли воспротивиться такому насилию, и началась драка. Генуэзцевъ было меньше, нежели солдатъ, и они, стараясь отвлечь ихъ, подожгли нѣсколько домовъ въ предмѣстіи. Пожаръ былъ ужасный и причинилъ жителямъ большіе убытки; сгорѣлъ арсеналъ. Но небо какъ будто хотѣло наказать Генуэзцевъ за ихъ коварство; вдругъ поднялся сильный вѣтеръ по направленію къ порту, и такимъ образомъ пламя, раздуваемое вѣтромъ, вмѣстѣ того, чтобы истребить городъ, обратило въ пепелъ все товары.

Купцы понесли несмѣтную потерю и принуждены были оставить свою гордость; они просили извиненія, подъ присягой обѣщались съ точностію платить, на будущее время, все установленныя пошлины и обѣщали никогда болѣе не противиться императорскимъ повелѣніямъ. Императоръ согласился забыть все.

Но не легко было итальянскимъ торговцамъ удержаться въ границахъ; гордые по природѣ и еще болѣе наивысшимъ своимъ богатствомъ, они очень часто переступали ихъ. Доброе согласіе продолжалось не долго. Въ 1346 году, новыя извѣстия генуэзскихъ купцовъ возбужда противъ нихъ все народное мнѣніе, и императоръ заставилъ ихъ выѣхать изъ Трѣбизонды. Все учрежденія ихъ по берегамъ имперіи были уничтожены. Генуэзцы, въ отмщеніе за свои потери, разграбили и сожгли Керсунь. Въ слѣдующемъ году, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, споровъ и предложеній, наконецъ заключены былъ миръ и возстановлены торговля и сношенія, но все въ томъ же

решили прежнихъ трактатовъ. Императоръ не хотѣлъ и слышать о тѣхъ притязаніяхъ, такъ какъ они не пользовались въ Галатѣ. Позволено только было итальянскимъ купцамъ слова поселиться въ Требизондѣ и торговать по-прежнему. Генуэзцы не могли получать отъ него никакого ручательства за будущее.

Спустя нѣсколько лѣтъ, пощечина, данная одному изъ нихъ, наконецъ доставила имъ давно желанныя привилегіи. Меголло Меркари, богатый кафскій купецъ, игралъ однажды въ императорскомъ дворцѣ въ шахматы съ молодымъ придворнымъ; между ними произошелъ споръ, и Грекъ ударилъ Меголло по щекѣ. Купецъ требовалъ правосудія у императора; но молодой придворный былъ изъ числа любимцевъ государя, и тотъ не хотѣлъ сдѣлать обиженному никакого удовлетворенія. Меголло не настаивалъ. Онъ тотчасъ же оставилъ Требизондъ и отправился въ Генуу. Родственники его и друзья получили вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ его возвращеніи и приглашеніе пріѣхать къ нему. Меголло, одѣтый въ черное платье, принялъ ихъ съ мрачнымъ безмолвіемъ и пригласилъ ихъ звѣкомъ сѣсть за столъ, покрытый чернымъ сукномъ. Гости не поняли ничего изъ этого страннаго пріѣтствія; они съ радостію собрались къ нему, чтобы поздравить его съ пріѣздомъ, и вдругъ такой необыкновенный пріемъ совершенно разстроилъ ихъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ спросилъ хозяина, что значить этотъ трауръ: изъ семейства его никто не померъ.

«Этотъ трауръ, отвѣчалъ Меголло, я надѣлъ по своей чести. Въ Требизондѣ, одинъ подлецъ осмѣлился ударить меня въ лицо. Напрасно я требовалъ удовлетворенія: надѣшный отказъ былъ отвѣтомъ императора. Тогда я положилъ рѣшить это дѣло своимъ судомъ. Съ этимъ-то намѣреніемъ я пріѣхалъ въ Генуу и собралъ васъ, чтобы и вы были участниками моего мщенія.»

Все одобрили его рѣшеніе и обѣщали помогать ему всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Меголло; при ихъ пособіи, набралъ значительное число молодыхъ людей, вооружилъ двѣ галеры и на всѣхъ парусахъ полетѣлъ къ Требизонду. Два года онъ тревожилъ имперію съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ; захватывалъ все попадавшіеся ему греческіе корабли, старался вредить торговлѣ, опустошалъ, грабилъ и сожигалъ многочисленныя деревни, лежавшія по берегу Чернаго моря. Въ особенности приказывалъ забирать плѣнныхъ и, обрѣзавъ имъ носъ и уши, отсылалъ въ Требизондъ. Жестокость востательнаго Генуэзца до того устрасила императора, что онъ согласился наконецъ

выдать своего любимица. Молодой человекъ, главный виновникъ всѣхъ этихъ бѣдствій, былъ приведенъ къ Меголло въ цѣлихъ, какъ преступникъ.

«Вотъ я, сказалъ онъ Итальянцу, бросаюсь къ его ногамъ; я готовъ загладить свою вину, и ты можешь сдѣлать со мною, что угодно.»

Онъ ожидалъ жестокой смерти; но Меголло, ирачно посмотрѣвъ на него вѣскольکو минутъ, приказалъ ему подняться.

«Я никогда не мстилъ женщинамъ, отвѣчалъ онъ; ты свободенъ. Ступай къ своему господину и скажи ему, что я забуду прошедшее, если онъ согласится дать моимъ соотечественникамъ тѣ торговыя привилегіи, въ которыхъ онъ такъ долго имъ отказывалъ.»

Необходимѣйшій императоръ Требизонда, могущественный повелитель *всей Анатолии, Иберійцевъ и приевфратской страны*, какъ онъ титуловался, принужденъ былъ подписать условія, предложенныя простымъ купцомъ. Договора, заключеннаго Меголло съ императоромъ, не найдено въ архивахъ Генуи, и неизвѣстно, на какихъ условіяхъ отважный купецъ даровалъ миръ жителямъ Требизонда. Безъ сомнѣнія, одною изъ главныхъ статей договора было дозволеніе Генуэзцамъ построить въ столицѣ имперіи, на берегу моря, крѣпость для складки въ ней своихъ товаровъ. Когда испанскій посланникъ Клавихо, прѣздомъ въ Самаркандъ, въ 1404 году, посѣтилъ Требизондъ, то онъ замѣтилъ при входѣ въ портъ два замка, на стѣнахъ которыхъ развѣвались флаги Генуи и Венеціи.

Латинскіе негоціанты привозили въ Требизондъ европейскія сукна, шелковыя и бумажныя ткани, деревянное масло, мѣдныя и желѣзныя мелкія вещи. Вывозили оттуда строевой лѣсъ, шелкъ-сырецъ, такъ называвшіяся, трезбизондскія полотна, которыя были въ большой славѣ въ Константинополѣ, червецъ и квасцы, считавшіяся лучшими. Пеголотти утверждаетъ, что квасцовъ въ годъ, продавалось до четырнадцати тысячъ квинталовъ. Венеціане торговали также виномъ; на мѣстѣ, бочка вина стояла не больше одного флорина.

Итальянскіе купцы извлекали большую пользу изъ своего положенія въ Требизондѣ. Этотъ городъ открывалъ имъ удобное сообщеніе съ верхнею Арменіею, гдѣ они производили очень выгодную торговлю. Венеціане и Генуэзцы заключали съ армянски-

ни царяи трактаты, по которымъ они освобождались отъ всякихъ пошлинъ и пользовались правомъ покупать или продавать всякаго рода товары. Они платили только за маклерство и нѣкоторые другіе небольшіе налоги. Въ Арзерумъ, Карсѣ, Баландѣ и другіихъ городахъ государства, они владѣли домами, лавками, и даже содержали гостиницы, имѣли право чеканить монету и пользовались совершенною свободою проѣзжать черезъ страну съ товарами, которые они получали изъ Персіи или привозили по Черному морю.

Купцы, при своемъ прибытіи, не были обязаны открывать свои тюки, клеймать ихъ и переписывать свои вещи. Если Генуэзецъ или Венеціанинъ умиралъ безъ завѣщанія, то армянскіе чиновники не имѣли права брать его товары; они должны были передать ихъ консулу, который распоряжался ими по своему усмотрѣнію. Если даже купецъ, генуэзскій или венеціанскій, владѣя имуществомъ въ государствѣ, по дару царя или по супружескимъ связямъ, умиралъ безъ наследниковъ, то и въ такомъ случаѣ его имѣніе отдавалось тому обществу, къ которому онъ принадлежалъ. Одни наследственнымъ владѣніи поступали въ царскую казну. Въ Арменіи, также какъ и въ Трбизондѣ, Венеціане имѣли право выдѣлывать вино и безпошлинно производить имъ оптовую и мелочную продажу. Имъ также позволено было торговать металлами. Въ случаѣ ссоры между двумя итальянскими купцами, царь назначалъ изъ нихъ же человека опытнаго и разумнаго, для примиренія ссорившихся; но когда происходили неудовольствія между франкскимъ купцомъ и Армянномъ, то дѣло рѣшалось армянскими судьями.

Шелкъ, шафранъ, туземная хлопчатая бумага и шерсть ангорскихъ козъ составляли главный предметъ мѣнковой торговли. Послѣдняя статья особенно требовалась въ камлоты. Выдѣлка этихъ матерій предоставлена была Венеціанамъ, и работники, занимавшіеся ею, освобождались отъ всѣхъ налоговъ. Долго венеціанскіе купцы одни владѣли привилегіею вывозить этотъ дорогій товаръ; но въ 1261 году, Генуэзцы, въ свою очередь, сдѣлавшись обладателями Чернаго моря, заставили ихъ раздѣлить съ собою выгоды этой торговли.

Синопъ, расположенный на косѣ, которую одинъ арабскій писатель сравниваетъ съ стройнымъ станомъ молодой дѣвушки, былъ складочнымъ мѣстомъ шелковистой ангорской шерсти. Этотъ городъ, столица маленькаго княжества, отдѣленнаго отъ

требизондской имперіи и укрѣплялось ампронъ, слушаясь на-
править пунктомъ сообщенія съ мало-азіійскими Турками. Въ пре-
дѣлахъ его владѣній заключалось множество вѣдной руды, добы-
ваніемъ которой занимались итальянскіе купцы. Эти рудники со-
ставляли двѣ трети нижесказаннаго дохода. Синонь производилъ
также значительную торговлю корабельными припасами, каната-
ми, веревками, рыбьимъ жиромъ и соевыми тушцами, которыхъ
очень много ловилось въ этихъ мѣстахъ. На южномъ берегу Чер-
наго моря, Генуэзцы владѣли еще двумя пристанями: въ Амас-
серѣ, между Константинополемъ и Синопомъ, и на юго-востокъ
отъ Синопа, въ Самсунѣ, гдѣ они имѣли замокъ и держали
консула.

Поселеніе въ Амассерѣ было особенно важно. Торговля его
сама по себѣ не могла назваться значительною: сухіе плоды и
корабельные припасы, вотъ и все, что вывозилось отсюда; но
положеніе его между Константинополемъ и Требизондомъ дава-
ло ему большее значеніе. Онъ былъ центромъ торговли между эти-
ми двумя греческими столицами. Городъ принадлежалъ собствен-
но Генуэзцамъ. Построенный на небольшомъ полуостровѣ, онъ
имѣлъ двѣ гавани, съ востока и съ запада; въ западный портъ
могли входить только мелкія суда, но восточный рейдъ былъ
очень удобенъ для кораблей всѣхъ размѣровъ. Часть города,
расположенную на возвышеніи, которое соединялось съ материкомъ
чрезвычайно узкимъ перешейкомъ, весьма удобнымъ для за-
щиты, Генуэзцы обвели вѣнкою стѣною.

VIII.

Турки въ Константинополѣ.—Осада и взятіе Клеы.

29-го мая 1453 года, послѣ пятидесяти-дневной осады, Кон-
стантинополъ взятъ былъ Турками приступомъ. Это важное за-
воеваніе сдѣлало ихъ обладателями Чернаго моря. Завявъ Гел-
леспонтъ и Босфоръ Оракійскій, они могли, по своему произво-
лу, позволять или запрещать плаваніе по Эвфратскому Проулу.

Какъ скоро паденіе стѣны открыло Оттоманамъ входъ въ
императорскій городъ, Генуэзцы, пользуясь временемъ, когда

турские солдаты были заняты тревожить, вылази из Галаты и шли на корабли, забравъ съ собою все, что было лучшего. Мохаммедъ отправляя къ нимъ пашу съ увѣреніемъ, что они могутъ съ совершенною безопасностію возвратиться въ Константинополь. Султанъ обещалъ не только не касаться ихъ собственности, но готовъ былъ дать всевозможныя льготы, уступить имъ обширный кварталъ, который они занимали до тѣхъ поръ, и предоставить право безпомыслиной торговли во всѣхъ портахъ имперіи. Большая часть купцовъ вернулись въ Галату. Они говорили, что имъ нечего было бояться, что занятіе Константинополя Турками нисколько не повредитъ ихъ торговымъ предпріятіямъ, какъ они думали прежде. Имперія перемѣнила имя и государя, вотъ и все; а пестунокъ Мохаммеда служилъ имъ вѣрнымъ ручательствомъ его добрыхъ намѣреній въ отношеніи къ нимъ. Они думали, что султанъ утвердитъ за ними всѣ ихъ прежнія привилегіи и даже независимость, которую они присвоили себѣ. Главные купцы колоніи отправились къ новому императору, со всею церемонією, и торжественно поднеся ему ключи генуэзскаго города, униженно просили его оставить за ними всѣ права ихъ. Они думали, что Мохаммедъ возвратитъ имъ ключи Галаты; но тотъ пріявлъ или захотѣлъ принять игравную Генуэзцамъ комедію за чистую существенность. Онъ удержалъ ключи у себя и, съ той поры, считалъ Галату, также какъ и Константинополь, своимъ завоеваніемъ.

На другой день, когда тѣ же депутаты пришли требовать обширныхъ нашей привилегій, Мохаммедъ принялъ ихъ очень дурно.

«Я сейчасъ узналъ, сказалъ онъ, что, во время осады, вы помогали Грекамъ (какъ будто онъ не зналъ этого прежде); ваша помощь была единственною причиною продолжительнаго ихъ упорства. И теперь вы пришли просить льготы... Я долженъ бы повѣсить васъ всѣхъ.»

Султанъ также игралъ комедію; но онъ исполнялъ свою роль лучше Генуэзцевъ. Купцы такъ перепугались, что рады были отказаться отъ всѣхъ своихъ прежнихъ правъ и заключить трактатъ, на новыхъ условіяхъ, какія предложилъ имъ Мохаммедъ. Султанъ далъ имъ свободу торговать во всѣхъ городахъ его владѣній и оставилъ за ними ихъ дома, дачи, мельницы и корабли. Онъ позволилъ даже имѣть имъ церкви; запретилъ только звонить въ колокола. Генуэзцы могли избирать подесту для

управленія ихъ торговыми дѣлами и освобождались отъ всякъ таможенныхъ пошлинъ и отъ всякой службы. Дѣтей ихъ запрещено было брать въ янычарскія орты или обращать въ магометанскую вѣру. Въ замѣнъ всего этого, они должны были платить султану ежегодную дань, сломать свои стѣны и выдать все оружіе.

Черезъ пять дней послѣ взятія Константинополя, султанъ самъ пріѣхалъ въ Галату и приказалъ при себѣ срыть всѣ стѣны. Замѣнъ была объявлена конфискація движимыхъ и недвижимыхъ имущества всѣхъ Генуэзцевъ, убѣжавшихъ изъ Галаты. Могаммедъ позволилъ только предупредить тѣхъ, которые удалились на островъ Хіосъ и обещалъ отдать имъ ихъ имущества, если они возвратятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Считая Галату предмѣстіемъ Константинополя, султанъ подвергъ ее той же участи. Не смотря на обещаніе покровительствовать и защищать жителей, какъ свое собственное лицо, онъ предоставлялъ имъ только тѣмъ свободы. Генуэзская колонія не только была принуждена заплатить военныя контрибуціи, но еще предана на разграбленіе солдатамъ, и должна была вносить постыдную дань за дѣтей, назначенныхъ въ гаремъ или въ военную службу.

Съ Венеціанами поступили не лучше Генуэзцевъ. Всѣ венеціанскіе купцы, находившіеся въ Константинополѣ при занятіи его Турками, были арестованы, по повелѣнію султана, и брошены въ тюрьму. На другой день, Могаммедъ, приказавъ вывести на площадь консула, его сына и сѣмерыхъ знатнѣйшихъ Венеціанъ, велѣлъ имъ отрубить головы, равно какъ и каталонскому консулу. Республика не думала мстить за смерть своего представителя; напротивъ, всѣми средствами старалась помириться съ султаномъ. Дурное положеніе дѣлъ ея въ Египтѣ заставило ее унизиться. Суданъ, въ слѣдствіе ссоры, происшедшей между двумя государствами, выгналъ всѣхъ венеціанскихъ негоціантовъ, конфисковалъ ихъ имѣнія и запретилъ своимъ подданнымъ торговать съ ними.

Бартеlemi Марчелло, посланный республикою заключить миръ съ Могаммедомъ, дѣлалъ годъ велѣ переговоры. Сначала, онъ получилъ дозволеніе выкупить тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые еще не умерли въ оковахъ, и потомъ уже, послѣ продолжительной нерѣшительности, султанъ согласился подписать торговый и союзный трактатъ.

Венеціанскимъ купцамъ дозволялось свободно покупать, выво-

зять и продавать въ имперіи всякаго рода товары, и корабли ихъ допускались во всё порты оттоманскихъ владѣній. Каждаго бѣглаго христіанскаго плѣнника должно было возвратить, если онъ не принялъ магометанства, а въ послѣднемъ случаѣ обѣщано было Венеціанамъ выдавать по тысячѣ аспръ за голову. Черноморскіе товары могли быть вывозимы безъ всякаго препятствія и продаваемы въ имперіи, съ платою двухъ процентовъ по ихъ стоимости. Купцы также имѣли право покупать въ странахъ, прилегающихъ къ Черному морю, столько *головъ*, сколько они хотѣли (разумеется, невольничьихъ), только бы эти головы не были мусульманскія. Султанъ позволялъ республикѣ прислать въ Константинополь новаго консула, съ обыкновенною его свитою; положено было, чтобъ онъ сохранилъ всё свои прежнія права, могъ производить судъ и имѣлъ гражданскую власть надъ всѣми Венеціанами, какова бы они ни были состоянія. Султанъ обязывался оказывать ему покровительство и содѣйствіе, въ случаѣ его требованія. Онъ обѣщалъ вознаградить всѣхъ Венеціанъ за обиды и убытки, повесенные ими отъ турецкихъ солдатъ. Республика, съ своей стороны, обязалась платить по два процента со всѣхъ купленныхъ или проданныхъ товаровъ. Венеціанскіе корабли, проходившіе черезъ проливъ, въ Черное море или обратно, должны были приставать въ константинопольскомъ портѣ. Что касалось до поселеній, которыя имѣла республика въ предѣлахъ имперіи, то она обѣщала платить за нихъ султану, каждый годъ, по 236 дукатовъ поземельной подати. Сверхъ того, въ условіяхъ трактата было сказано, чтобы республика не доставляла врагамъ оттоманской державы никакой помощи, ни людьми, ни деньгами, ни припасами.

Могаммедъ клялся пророкомъ, душею отца, собственною душею и мечемъ своимъ, въ точности исполнять всё статьи договора; но на всё его обѣщанія Венеціане мало полагались. Султанъ клялся также истребить христіанъ, и до тѣхъ поръ, онъ, по-видимому, не забывалъ только этой клятвы.

Въ это же время, египетскій суданъ, утраченный успѣхами Турокъ, уменьшилъ свою строгость къ Венеціанамъ, и республика старалась снова войти съ нимъ въ сношеніе. Она такъ ловко умѣла воспользоваться его добрымъ расположеніемъ и безпокойствомъ, которое внушало ему честолюбіе Могаммеда, что заключенъ былъ новый между ними торговый договоръ, чрезвычайно выгодный для венеціанскихъ негоціантовъ. Суданъ возвратилъ

имъ всѣ дѣлоты, какими пользовались они въ портахъ его государства, до ихъ изгнанія, отдалъ имъ обратно ихъ дома и лавки въ Александрію, и обѣщалъ поступать съ ними гораздо благосклоннѣе, чѣмъ съ другими купцами. Войдя въ свои прежнія права въ Египтѣ, Венеціане мало обращали съ тѣхъ поръ вниманія на черноморскую торговлю.

Но Генуэзцы не были допущены въ Александрію и могли получать персидскіе и индійскіе товары только черезъ Кафу и Трѣбизондъ. Они лишались бы огромныхъ выгодъ, если бъ получили право свободнаго плаванія по Черному морю. Жители Галаты ужасались передъ Могаммедомъ и терпѣливо сносили многочисленныя притѣсненія турецкихъ чиновниковъ; но напрасно жестокости побѣдителей они противопоставляли постоянство и мужество, достойныя лучшаго жребія; Турки болѣе и болѣе отягощали угнетенныхъ.

Когда извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ достигло Генуи, республика приведена была въ ужасъ. Не надѣясь спасти галатскую колонію и другія черноморскія поселенія, она предложила ихъ банку святаго Георгія, который, будучи всегда непоколебимъ посреди переворотовъ, всегда мудръ посреди безумствъ и отъличія мнѣежей, быстро увеличивалъ свою богатства. Надѣясь, что онъ скорѣе могъ, чѣмъ республика, истощенная продолжительными войнами, защитить противъ Турокъ черноморскія колоніи. Дождь и члены хазарскаго трибунала торжественно вручили право владѣнія ими протекторамъ банка, которыхъ съ тѣмъ вѣстѣмъ передалъ и всю свою власть надъ ними.

Генуэзцы впрочемъ постоянно питаютъ надежду, что случится позволить имъ возобновить стѣны Галаты: объ этомъ-то они болѣе всего и хлопотали; но они плохо знали Могаммеда. Новая просьба, съ которою они обратились къ нему объ этомъ предметѣ, была принята несколько не благосклоннѣе первой. Онъ отвѣчалъ имъ, что не велѣлъ Галату, ни оному, ни шашкой; сами они поднесли ему ключи, и значить добровольно признали себя вассалами имперіи. Онъ обѣщалъ однако поступать съ ними со всею справедливостію, и прибавилъ, что всегда думалъ сдѣлать для нихъ больше добра, чѣмъ зла.

Послѣ этого новаго отказа, Генуэзцы потеряли терпѣніе. Двухъ личность Могаммеда особенно раздражала ихъ. Онъ обѣщалъ поступать съ ними со всею справедливостію, и между тѣмъ въ то же время подготавливалъ средства уничтожить ихъ торговлю и

собиравъ войска на азиатскомъ берегу. Генуэзцы не знали, что тайною цѣлью этого вооруженія была Амассера. Рѣшившись не скрывать болѣе своихъ намереній передъ султаномъ, они вступили въ союзъ съ паномъ Калаястомъ III, собиравшимъ тогда въ крестовый походъ противъ Турокъ всѣхъ христіанскихъ государей, и вступили въ свои архипелагскія колоніи флотъ союзниковъ. Республика потребовала въ то же время у константинопольскаго дивана отчетъ въ поведеніи турецкихъ чиновниковъ, которые позволяли себѣ дѣлать разныя обиды жителямъ Галаты. Она требовала немедленнаго удовлетворенія и домогалась вознагражденія сообразно причиненнымъ убыткамъ. На отрицательный отвѣтъ султана, она объявила ему войну.

Турецкаго флота тогда почти еще не существовало, и Генуэзцы рассчитывали на превосходство своихъ морскихъ силъ. Съ своими большими, высокобортными кораблями, вооруженными артиллеріею, они надѣялись безъ труда овладѣть Геллеспонтомъ и Босфоромъ Оракійскимъ. Первый изъ этихъ проливовъ не былъ еще укрѣпленъ; второй защищала нѣсколькими полуразрушенными замками, которые не въ состояніи были противиться огню цѣлаго флота. Но дѣятельность Могаммеда разрушила всѣ планы Генуэзцевъ. Флотъ изъ ста пятидесяти судовъ, снаряженный въ нѣсколько дней, блокировалъ оба порта Амассеры, между тѣмъ какъ самъ султанъ, съ арміею, съ давнихъ поръ собранною въ Брюссѣ, окружилъ его съ сухаго пути. Предоставленный только своимъ силамъ, городъ не могъ сопротивляться и сдался по первому требованію. Занявъ Амассеру, Могаммедъ выселилъ изъ нея двѣ трети жителей и отправилъ ихъ на житье въ Константинополь, выбравъ напередъ самыхъ красивыхъ молодыхъ людей для собственной службы. Синопъ и Требизондъ, осажденные одинъ за другимъ послѣ взятія генуэзскаго города, также сдались безъ всякой обороны.

Генуэзцы все еще приготавливались къ войнѣ; но вооруженіе флота подвигалось медленно. Республика страдала въ то время отъ гражданскихъ беспорядковъ: двѣ фамиліи, Адорни и Фрегози, оспаривали другъ у друга власть, и изъ-за этой частной вражды забывали о колоніяхъ Эвксинскаго Понта.

Потера Амассеры и факторій въ Синопѣ, Самсунѣ и Требизондѣ, нанесла страшный ударъ торговлѣ Генуэзцевъ въ Черномъ морѣ. Могаммедъ однимъ разомъ пресѣкъ имъ всѣ пути

въ Армению и Малую-Азію; но онъ оставилъ имъ Кафу. Крымъ, благодаря своему положенію, казалось, далекъ былъ отъ опасности подвергнуться нападенію Турокъ, а республика въ то время не могла и думать, чтобы этотъ варварскій народъ, который не имѣлъ никакихъ свѣдѣній въ мореплаваніи, когда-нибудь образовался въ морскую державу; она считала колонию въ совершенной безопасности.

Въ Генуѣ увѣрены также были, что Кафа неприступна. Она, дѣйствительно, была неприступна для Татаръ, которые производили атаки конницею; но Турки доказали подѣ Константинополемъ, что продолжительная осада не страшна имъ, и что они умѣли брать и самыя высокія стѣны. Крымскіе колонисты скоро на опытъ убѣдились въ этомъ. Георгіевскій банкъ, хотя также имѣлъ хорошее мнѣніе объ укрѣпленіяхъ Кафы, однако не былъ совершенно спокоенъ. Завоеванія Могаммеда въ Булгаріи беспокоили его, и онъ хотѣлъ принять мѣры на всякій случай. Но не легко было послать солдатъ въ Крымъ: Черное море уже не находилось въ распоряженіи Генуэзцевъ. Дарданельскій и Босфорскій проливы были вновь укрѣплены, но повелѣнію Могаммеда, съ величайшимъ стараніемъ, и ни одинъ корабль не могъ проходить безъ его позволенія. Дорога сухимъ путемъ была продолжительна и опасна. Между тѣмъ, по необходимости надо было избрать послѣднюю.

Въ 1463 году, Галеаццо, одинъ изъ главныхъ чиновниковъ колоніи, отправился въ Польшу съ порученіемъ набрать тамъ солдатъ. Онъ безъ труда выхлопоталъ позволеніе у короля Казимира IV и собралъ до пяти сотъ всадниковъ. Онъ повелъ ихъ къ Кафѣ черезъ Литву; солдаты, не приученные къ порядку военной службы, затѣяли ссору съ жителями небольшого городка Брацлава, убили одного изъ нихъ и зажгли нѣсколько домовъ. Владѣлецъ земли, Михаилъ Чарторійскій, желая отмстить за эту обиду, собралъ своихъ вассаловъ и пустился въ погоню за Поляками. Онъ догналъ ихъ на переправѣ черезъ Бугъ и перебилъ всѣхъ, исключая Галеаццо и пятерыхъ генуэзскихъ купцовъ, бывшихъ съ нимъ.

Неудача этого предпріятія разстроила Генуэзцевъ, которые рассчитывали получить подкрѣпленіе изъ Польши съ небольшими издержками. Еще нѣсколько попытокъ, произведенныхъ ими для усиленія кафскаго гарнизона, удались не лучше первой. Только одно изъ подкрѣпленій, отправленныхъ къ Крыму, ста-

ствиво достигло цѣли. Предводитель небольшого числа искателей приключеній предложилъ банку святаго Георгія провести свой отрядъ сухимъ путемъ въ Кафу, если дадутъ ему награду соразмѣрную съ опасностями такого труднаго предпріятія. Ему объщали все, что онъ просилъ, и предводитель отряда смѣло отправился въ дорогу. Онъ прошелъ Фріуль, всю Венгрію, часть Польши, малую Татарію, и прибылъ наконецъ въ Кафу, не потерявъ ни одного человѣка.

Но эта помощь была слишкомъ слаба. Генуэзцамъ оставалось, можетъ-быть, одно средство спасти колонію: вступить въ тѣснѣйшій союзъ съ Татарами. Казалось, они и хотѣли слѣдовать этой политикѣ, послѣ взятія Константинополя; нѣсколько лѣтъ существовали самыя дружескія отношенія между жителями Тавриды и итальянскими колонистами; но согласіе наконецъ было нарушено. Граждане Кафы, къ которымъ крымскіе ханы прибѣгали во всѣхъ своихъ ссорахъ, привыкли считать себя посредниками между этими князьями. Судя о своей силѣ по тому уваженію, какое имъ оказывали, Генуэзцы забыли благоразуміе, столь необходимое для нихъ. Жадность нѣкоторыхъ довершила то, что породила гордость всѣхъ, и колонія погибла.

Въ 1473 году, умеръ правитель татарскаго округа, къ котору причисленъ былъ и городъ Кафа, Мамай; ханъ назначилъ на его мѣсто Эминекъ-Бека, одного изъ первыхъ сановниковъ государства. Колоніальныя власти одобрили этотъ выборъ и признали новаго правителя. Но послѣ Мамай остался сынъ, Шайтанъ, и вдова его изыскивала всѣ средства, чтобы отдалить Эминекъ-Бека отъ должности правителя и доставить это мѣсто своему сыну. Она старалась склонить въ пользу Шайтана Генуэзцевъ.

Баттиста Джустиніани, бывшій въ то время консуломъ, и премьерникъ его Джіофредо Леркарі, не хотѣли никакимъ образомъ виѣшиваться въ это дѣло. Они понимали ненадежное состояніе колоніи, которую можно было спасти только дружественными сношеніями съ крымскимъ ханомъ. Кромѣ того они знали, что Шайтанъ своими жестокостями навлекъ на себя ненависть народа. Назначеніе его правителемъ не могло обойтись безъ возмущеній, а, въ настоящихъ обстоятельствахъ, миръ былъ крайне необходимъ. Вдова Мамай напрасно старалась склонить ихъ на свою сторону; она предлагала имъ три тысячи секиновъ; но они оба съ негодованіемъ отвергли ея предложенія.

На слѣдующій годъ, послѣ Джіофредо Меркари, назначенъ былъ консуломъ Антоніо делла-Габелла. Мать Шэйтана обратилась и къ нему съ тою же просьбою. Но напередъ она постаралась привлечь на свою сторону двухъ совѣтниковъ новаго консула, Франческо Фіески и Уберто Скуарчіафико. Консулъ, совершенно управляемый во всѣхъ дѣлахъ этими двумя лицами, обѣщаль доставить мѣсто Шэйтану. Онъ написалъ къ крымскому хану, Менгли-Гирею, и просилъ его смѣнить Эминекъ-Бека. Ханъ не соглашался; онъ отвѣчалъ, что начальство Кафы торжественно подтвердило избраніе новаго правителя, и удивлялся, почему хотѣли его удаленія, тѣмъ болѣе, что на него не было никакихъ жалобъ. Но Менгли считалъ себя во власти Гевуэзцевъ; только съ ихъ помощію, онъ восторжествовалъ надъ своими братьями, которые долгое время оспаривали у него господство надъ Крымомъ. Эти молодые князья были въ то время плѣнниками кафскихъ гражданъ и содержались въ судакской крѣпости.

Опасаясь раздражить консула, Менгли согласился отставить Эминекъ-Бека. Но онъ не могъ рѣшиться утвердить Шэйтана и предложилъ на мѣсто его другаго, Кара-Муссу. Консулъ, по видимому, не противился и пригласилъ хана въ Кафу для назначенія этого новаго правителя: онъ торжественно обѣщаль не принимать болѣе никакого участія въ сыпѣ Мамая, но едва слишкомъ довѣрчивый ханъ вѣхалъ въ Кафу, какъ получилъ приказаніе немедленно избрать Шэйтана. Менгли упорствовалъ и жаловался на недобросовѣстность Гевуэзцевъ. Скуарчіафико, главный виновникъ этого дѣла, заставлялъ его согласиться на все.

«Незабудь, Менгли, сказалъ онъ ему, что ты въ нашихъ рукахъ. Мы хотимъ, чтобы Шэйтанъ былъ назначенъ правителемъ. Сейчасъ же объяви объ его избраніи, иначе консулъ пошлетъ приказаніе къ начальнику судакскаго замка освободить твоихъ братьевъ.»

Ханъ принужденъ былъ покориться. Пока это происходило въ Кафѣ, Эминекъ-Бекъ, зная, что противъ него злоумышляютъ, принималъ свои мѣры. Кара-Мусса, въ надеждѣ получить мѣсто правителя, сначала объявилъ себя противъ Эминекъ-Бека; но, видя себя обманутымъ, онъ поспѣшилъ соединиться съ другимъ начальникомъ, Гайдеромъ, который также былъ

недовольствъ Генуэзцами. Всѣ трое виѣсть, они возмущили Татаръ, и, не признавая болѣе надъ собою власти хана, который оставилъ ихъ, отправили къ Могаммеду II пословъ: они рѣшились вступить въ его подданство, если онъ поможетъ имъ выгнать Франковъ изъ Тавриды.

Можно ли было отказаться отъ такого выгоднаго предложенія? Султанъ поклялся уничтожить торговлю Генуэзцевъ, и, если онъ не могъ преслѣдовать ихъ въ Крымѣ, тотчасъ же послѣ взятія Амассеры, такъ потому только, что не имѣлъ въ то время достаточнаго числа кораблей. Нѣсколько уже лѣтъ, онъ не щадилъ огромныхъ суммъ для созданія флота и совершенно успѣлъ въ этомъ. Могаммедъ понималъ, какія выгоды можетъ извлечь турецкая торговля изъ владѣнія Кафой. Завоеваніе Крыма сдѣлало бы его полнымъ властелиномъ всего Чернаго моря; а такая причина, и безъ ненависти его, могла возбудить его честолюбіе.

Въ то время, какъ татарскіе послы прибыли въ Константинополь, султанъ занятъ былъ большими приготовленіями къ походу. Турки вели войну съ венеціанскою республикою, и Могаммедъ рѣшился въ этомъ году атаковать кандійскую колонію. Четыреста восемьдесятъ кораблей всѣхъ родовъ и всѣхъ размѣровъ были готовы отплыть къ Кандіи. Посольство Эминокъ-Бека перемѣнило планъ. Великій-визирь Кедукъ-Ахмедъ получилъ повелѣніе посадить на корабли двадцать тысячъ войска и отправиться къ Тавридѣ.

Когда оттоманскій флотъ показался въ виду Кафы, 1-го іюня 1475 года, Эминокъ-Бекъ, съ Татарами, уже около шести недѣль держалъ городъ въ осадномъ положеніи. Кедукъ-Ахмедъ тотчасъ же приказалъ навести свои пуши на городскія стѣны. Въ укрѣпленіяхъ Кафы, которыми Генуэзцы такъ гордились, обстрѣливаемыхъ день и ночь турецкою артиллеріею, скоро оказались большіе проломы. Въ теченіе трехъ дней, жители защищались мужественно; на четвертый, не видя возможности отразить приступъ за полуразрушенными стѣнами, они сдались на капитуляцію, съ правомъ откупиться отъ смерти или отъ невольничества. Собственность должна была остаться неприкосновенною, и городъ не могъ быть преданъ на разграбленіе; но условія капитуляціи не были исполнены.

Завявъ Кафу, Кедукъ-Ахмедъ приказалъ всѣмъ жителямъ, безъ исключенія, представить ему точную перепись своихъ имуществъ. Это

для того, говорилъ онъ, чтобы справедливѣе распредѣлить налогъ; онъ хотѣлъ, чтобы каждый заплатилъ то, что слѣдовало, и отнюдь не больше. Но скоро визирь перемѣнилъ тонъ: сначала, онъ требовалъ, чтобы невольники не были включены въ условія капитуляціи, и приказалъ своимъ янычарамъ всѣхъ ихъ забрать; потомъ, черезъ нѣсколько дней, какъ бы одумался и приказалъ ихъ господамъ всѣхъ ихъ выкупить по самой высокой цѣнѣ. На другой день, онъ потребовалъ съ иностранныхъ купцовъ двадцать-пять тысячъ дукатовъ, а съ Генуэзцевъ опредѣлилъ взыскать, золотомъ, сумму равную половинѣ всего, чѣмъ они владѣли. Наконецъ, снѣвъ совершенно личину, онъ приказалъ всѣмъ Латинянамъ, жившимъ въ Кафѣ, Генуэзцамъ, Пизанцамъ, Флорентинцамъ и Каталонцамъ, быть въ готовности, черезъ три дня, отправиться въ Константинополь.

Въ то же время, полторы тысячи молодыхъ людей, выбранныхъ изъ самыхъ здоровыхъ, были опредѣлены въ янычарскія орты, а триста богатѣйшихъ гражданъ преданы казни. Сто шестьдесятъ два валахскихъ купца, проживавшихъ въ Кафѣ по торговымъ дѣламъ, подверглись той же участи, въ возмездіе за убійство турецкихъ плѣнниковъ, въ предшествовавшемъ году, послѣ стычки при Краковницѣ.

Нѣкоторые писатели думаютъ, что Кафа была взята измѣною. Восемь главныхъ армянскихъ купцовъ обѣщали Кедукъ-Ахмеду возмутить въ его пользу народъ и принудить начальниковъ Кафы подписать капитуляцію. Въ награду за эту услугу, они должны были получить часть изъ добычи. Въ генуэзскихъ лѣтописяхъ ничего не упоминается объ этомъ обстоятельстве, и нельзя не удивляться такому пропуску. Подобный случай могъ бы оправдать скорую сдачу Кафы. Какъ бы то ни было, если дѣйствительно ворота города были отперты Туркамъ измѣною, то виновники этого низкаго поступка награждены были достойнымъ образомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Кафы, Кедукъ-Ахмедъ пригласилъ къ большому столу армянскихъ купцовъ, которые сдали ему городъ. Послѣ обѣ-

* Въ предшествовавшемъ году, турецкая армія, занявъ провинціи на сѣверѣ Дуная, вторглась во внутренность страны, не принявъ никакихъ предосторожностей; Стефанъ, воевода и палатникъ молдавскій, разбилъ ее наголову и приказалъ часть плѣнныхъ посадить на колъ, а съ другихъ содрать кожу, съ живыхъ.

да, онъ отпустилъ ихъ съ увѣреніемъ, что никогда не забудеть важной услуги, оказанной ими оттоманской имперіи. Дверь изъ залы выходила на узкую лѣстницу, по которой можно было спускаться только по-одиначкѣ; на послѣдней ступени стоялъ палачъ и отсѣкалъ головы всѣмъ, кто являлся тутъ.

За нѣсколько дней до прибытія къ стѣнамъ Кафы турецкаго флота, Симонъ, епископъ кафекій, отправился въ Кіевъ, гдѣ находился тогда съ войскомъ польскій графъ Гастольдъ: онъ хотѣлъ упросить графа прійти на помощь колоніи. Гастольдъ, связанный съ епископомъ Симономъ давнишнею дружбою, дѣйствительно, обѣщаль помочь Кафѣ; но скорая сдача города не позволила ему исполнить обѣщанія. Епископъ, услышавъ, что Турки уже овладѣли Кафюю, такъ былъ пораженъ, что упалъ мертвый къ ногамъ гонца, привезшаго это горестное извѣстіе.

Не прошло мѣсяца, какъ и другія владѣнія Генуэзцевъ въ Тавриадѣ были взяты Турками. На стѣнахъ Судака долѣе всѣхъ развѣвался флагъ республики; но и эта крѣпость должна была наконецъ уступить голоду. Нѣсколько сотъ жителей, предпочитая смерть неволѣ, не хотѣли сдаться и удалились въ одну изъ церквей крѣпости. Они долго защищались и были убиты всѣ до послѣдняго.

Великій визирь возвратился къ Могаммеду, ведя съ собою тысячи плѣнныхъ, которые населили пустое предмѣстіе Константинополя, вмѣстѣ съ другими христіанскими невольниками. Только сто пятьдесятъ Генуэзцевъ успѣли спастись отъ рабства Турокъ. Обдуманно составивъ заговоръ, они овладѣли кораблемъ, который везъ ихъ въ Константинополь, и пристали къ Квиліи, при устьѣ Дуная. Изъ этого города, они пробрались въ Генуу и принесли туда извѣстіе, что крымскія колонія болѣе не существуютъ.

Въ 1481 году, когда умеръ Могаммедъ, георгіевскій банкъ придумывалъ средства возвратить кафекую колонію. По этому случаю происходило совѣщаніе членовъ и протекторовъ общества; но неоставало денегъ, и дѣло разстроилось.

Число крымскихъ купцовъ, поселившихся по берегу Чернаго моря, отъ острова Тамана до Анакліи, было довольно значи-

При взятіи Кафы, считалось въ ней шестьдесятъ тысячъ христіанскихъ жителей.

тельно. Въ 1475 году, когда Турки овладѣли Кафой, генуэзскіе колонисты, потерявъ возможность возвратиться въ Крымъ, основались на берегахъ Кубани. Туземныя преданія и рассказы историковъ не позволяютъ сомнѣваться въ этомъ. Г. Дюбуа де-Монпэре, въ ученомъ своемъ сочиненіи о кавказскихъ народахъ, рассказываетъ одно изъ этихъ преданій. «Въ 1509 году, въ царствованіе князя Ицала, Франки занимали всѣ долины къ северу отъ Кавказа и жили въ мирѣ и добромъ согласіи съ туземными народами. Жилищъ Франковъ особенно было много въ долинѣ кисловодской; они простирались даже до Кубани. Между тѣмъ, вождь Франковъ влюбился въ жену вождя Кабардинцевъ и просилъ уступить ему ее. Кабардинецъ не хотѣлъ и слышать; но жена, которая, можетъ-быть, любила Франка, или скорѣе, хотѣла сдѣлать услугу своей родинѣ, уговорила мужа отдать ее Франку, съ условіемъ, что тотъ исполнитъ обязательства, какія ему предложены будутъ черезъ три дня послѣ свадьбы. Франки съ Кабардинцами собрались въ церковь, что была за Кубанью, насупротивъ Камары, и оба вождя дали взаимныя клятвы; то же самое было повторено и передъ идолами Кабардинцевъ. Прошло три дня, вождь Кабардинцевъ объявилъ условія, которые состояли въ томъ, чтобы Франки отошли отъ Кубани, что тѣ и должны были исполнить. Часть ихъ удалилась къ подошвѣ Эльбруса, гдѣ они забыли и свою религію и свое происхожденіе.» У Кабардинцевъ сохранилась пословица, которая намекаетъ на это происшествіе: *«Мы отдали своихъ женъ за эту богатую страну,»* говорятъ они еще и нынѣ.

ИСТОРИЯ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *.

Давидъ Риво де-Флюрансъ издалъ, въ 1605 году, *Начальныя основанія артиллеріи*, которыя были перепечатаны въ Парижѣ, въ 1608 году, съ прибавленіемъ «изобрѣтенія, описанія и опытовъ новой артиллеріи, которая употребляетъ только воздухъ и чистую воду и, не смотря на то, имѣетъ невѣроятную силу; а также, о новомъ способѣ выдѣлки пороха, и проч.» Въ этомъ сочиненіи, въ одномъ мѣстѣ говорится, что если не выпустить пара изъ эолипиля, то онъ съ трескомъ разорвется. По этому случаю авторъ прибавляетъ: «Дѣйствіе разрѣженія воды производитъ страшныя явленія во время землетрясенія. Вода, протекающая въ подземныхъ пещерахъ, весной, а особенно осенью, нагрѣвается или отъ огня, который она тамъ часто встрѣчаетъ, или отъ теплыхъ испареній, выходящихъ изъ земныхъ отдушинъ: а когда она разрѣдится и обратится въ паръ, то для постоянно увеличивающихся ея разбѣровъ недостаточно будетъ того мѣста, какое она занимала прежде; земля, повуждаемая расширяться и безпрерывно тѣснимая этимъ могущественнымъ дѣятелемъ, раскрывается, чтобы дать ему свободный проходъ. Можно найти миллионы другихъ случаевъ раз-

* См. С. О. кн. 1. 1848.

рѣженія жидкостей, которые могутъ руководить насъ при изслѣдованіи какого-нибудь взрыва; мы должны замѣтить только, что взрывъ происходитъ не вдругъ, но постепенно, и что жидкая матерія не испаряется сразу, а мало-по-малу. Мы же добиваемся быстроты и мгновеннаго дѣйствія, главно для того, чтобы произвести выстрѣлъ....»

Справедливо разсуждая такимъ образомъ о неудобствѣ медленнаго дѣйствія водяныхъ паровъ, Флюрансъ Риво посвящаетъ всю четвертую книгу, во второмъ изданіи своихъ *Начальныхъ основаній*, теоретическому изслѣдованію новой артиллеріи, которая, какъ видно изъ самаго заглавія, должна употреблять только духовыя и паровыя пушки. «Одною водою можно произвести выстрѣлъ.» Такъ гласитъ XV теорема этой четвертой книги; послѣ доказательства, основаннаго на понятіяхъ, принятыхъ физикою того времени за непреложныя истины, слѣдано слѣдующее замѣчаніе: «Опытъ произведенъ былъ нѣсколько разъ, такъ что можно полагать, что вода будетъ употребляться въ артиллеріи.... Если захотятъ воспользоваться этимъ, то навѣкъ доставитъ и легкость и удобство.»

Мы опускаемъ доказательство и фигуру, приложенныя въ *Начальныхъ основаніяхъ артиллеріи*, потому что онѣ не могутъ уже интересовать послѣ тѣхъ мѣстъ, которыя заимствованы нами, въ первой статьѣ, изъ Леонардо да-Винчи. Довольно замѣтить, что Риво ничего не упоминаетъ о началѣ паровыхъ орудій; онъ говоритъ только, что опыты повторены были нѣсколько разъ, между-тѣмъ входитъ въ мелочныя подробности объ изобрѣтеніи воздушныхъ аркебузовъ, которое онъ приписываетъ Марену Буржуа, жившему въ Лизье, въ Нормандіи.

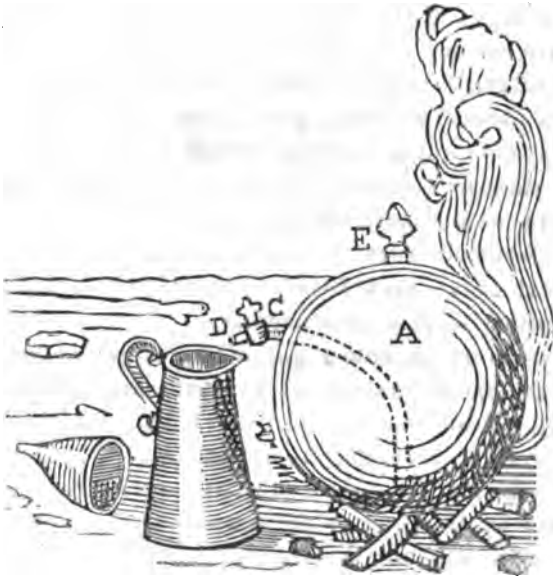
Въ 1605 году, вышла книга, подъ заглавіемъ: «Причины движительныхъ силъ, съ различными машинами, какъ къ пользѣ, такъ и къ увеселенію служащими, съ присовокупленіемъ рисунковъ гротовъ и фонтановъ. Сочиненіе Соломона Кауса, инженера и архитектора его высочества курфюрста палатина. Во Франкфуртѣ, въ лавкѣ Яна Нортонна.» Эта книга получила большую извѣстность съ тѣхъ поръ, какъ Араго сталъ приписывать честь изобрѣтенія настоящей паровой машины Соломону Каусу.

Въ коротенькомъ предисловіи, авторъ говоритъ, что онъ намеренъ опредѣлить каждую изъ четырехъ стихій, потому что

всѣ дѣйствія машинъ производятся посредствомъ нихъ, и первое свое опредѣленіе заключаетъ слѣдующими словами: «Что касается до стихійнаго огня, то есть нѣсколько машинъ въ этой книгѣ, которыя приводятся въ дѣйствіе посредствомъ него, на-примѣръ машина для поднятія стоячей воды, и другія.»

Непосредственно за опредѣленіемъ четырехъ стихій, слѣдуетъ рядъ теоремъ. Первая теорема выражена такъ: «Части стихій перемѣшиваются только на время, потомъ каждая возвращается въ свое мѣсто.» Доказывается это слѣдующимъ опытомъ:

«Возьмите круглый мѣдный сосудъ А (фиг. 1.), крѣпко за-

Фиг. 1. Пробный орудъ Соломова Кауса.

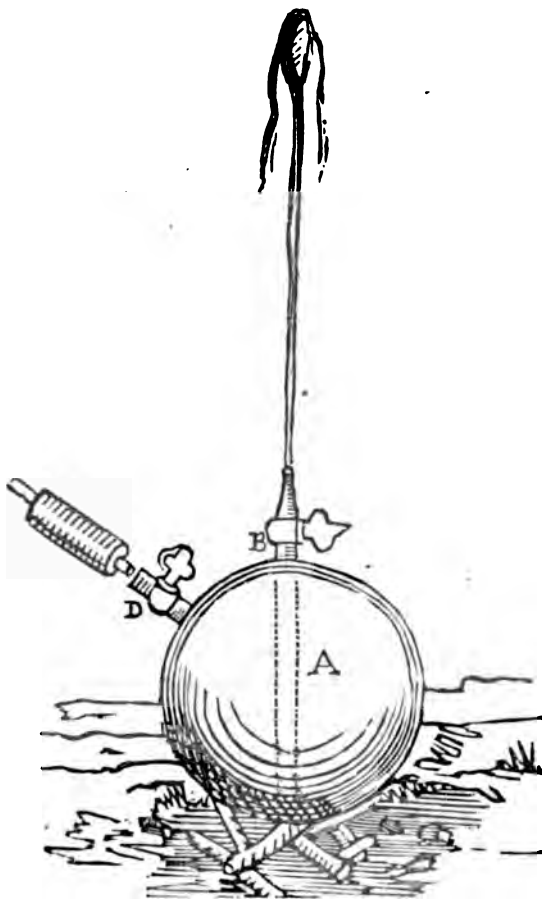
крытый и запаенный кругомъ, съ трубкою ВС, которая концомъ В должна доходить до дна сосуда, но такъ, чтобы между этимъ концомъ и дномъ оставалось небольшое пространство для прохода воды; а другой ея конецъ С долженъ выходить наружу и имѣть кранъ D, чтобы, смотря по надобности, можно было открывать и закрывать трубку; на веру сосуда долженъ быть устроенъ душникъ Е. Налейте въ этотъ сосудъ, черезъ душникъ, известное количество воды; если въ сосудъ

вмѣщается шесть кружекъ, то довольно влить въ него двѣ. Потомъ, поставьте его минуты на три или на четыре на огонь, не закрывая душника. Снявъ съ огня и подождавъ немного, вылейте воду изъ сосуда черезъ душникъ, и вы найдете, что часть воды отъ жара испарилась. Послѣ того снова возьмите такую же мѣру воды, какъ и прежде и, вливъ ее въ сосудъ, закройте въ этотъ разъ кранъ и душникъ, и поставьте сосудъ на огонь на столько же времени, какъ и въ первый разъ. Снявъ сосудъ съ огня и давъ ему остынуть, не открывая душника, вылейте воду, и вы найдете совершенно то же самое количество, какое было влито; изъ этого видно, что вода, испарившаяся въ первомъ случаѣ, теперь превратилась въ воду, когда паръ запертъ былъ въ сосудѣ, и потомъ охладился самъ собою. Это можно доказать еще другимъ образомъ: вливъ въ сосудъ извѣстную мѣру воды и закрывъ душникъ, поставьте сосудъ на огонь и отверните кранъ D, подъ который поставьте кружку; тогда вода въ сосудѣ поднимется отъ теплоты и будетъ выходить черезъ кранъ. Но въ вытекшей въ кружку водѣ будетъ недоставать шестой или седьмой части, потому-что паръ, заставившій воду подняться, произошелъ изъ этой воды; и послѣ того, какъ вода вытечетъ черезъ кранъ, паръ будетъ съ силою вырываться наружу.»

Изъ другаго мѣста книги Кауса видно, что сочинитель зналъ, какъ и его предшественники, удивительное дѣйствіе разширенія пара.... «Если вода испарится отъ огня въ воздухъ, и этотъ воздухъ будетъ запертъ, говоритъ авторъ, то произойдетъ сильный взрывъ. Такъ, напримѣръ, возьмите мѣдный шаръ, фута въ два въ діаметръ, и въ дюймъ толщиною; наполните его водою черезъ маленькую дырочку, которую потомъ накрѣпко заколотите, такъ чтобы не могли проходить сквозь нее ни вода, ни воздухъ. Теперь положите шаръ на большой огонь. Когда онъ очень нагрѣется, то въ немъ произойдетъ такое сильное давленіе, что его разорветъ на куски, съ трескомъ подобнымъ ракетѣ.»

Такимъ образомъ, Соломонъ Каусъ зналъ, что сжатые водяные пары даютъ то же самое количество воды, какое и произвело ихъ; сверхъ того, онъ зналъ, что давленіе образовавшагося пара такъ сильно, что заставитъ вытекать не испарившуюся еще воду черезъ отверстіе CD. Какъ ни драгоценны эти опыты, но, послѣ прибора Порты, описаннаго Хуаномъ Эскри-

вано, они не могут удивить насъ. Гораздо замѣчательнѣе У теорема, потому-что она представляетъ, хотя только въ теоріи, приложеніе расширительной силы паровъ. Эта теорема выражена такимъ образомъ: «Вода, посредствомъ огня, можетъ подниматься выше своего уровня.» «Способъ поднимать воду помощію огня, говоритъ Каусъ, могъ бы быть приложенъ къ разнымъ машинамъ. Я представлю одно доказательство: возьмите мѣдный шаръ А (фиг. 2.), крѣпко запаиванный со всѣхъ сторонъ,

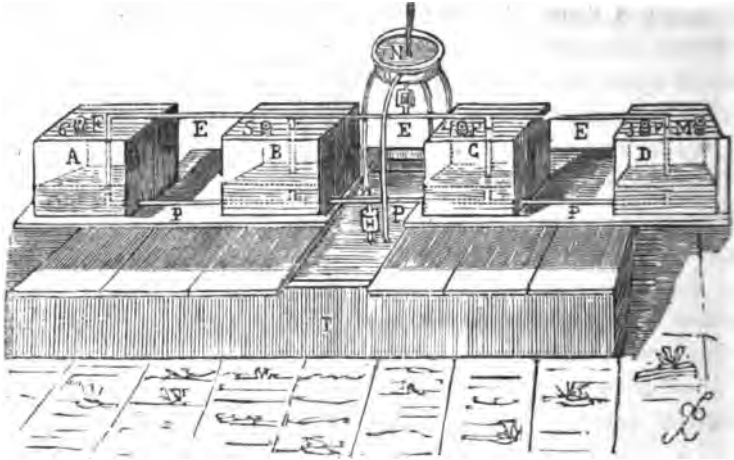

Фиг. 2. Приборъ Соломона Кауса, для поднятія воды выше ея уровня.

съ придѣланнымъ къ нему душкикомъ D и съ трубкою BC, одинъ конецъ которой выходилъ бы наружу, а другой C опускался бы ко дну сосуда, не касаясь впрочемъ его. Наливъ

воды въ сосудъ черезъ душникъ, закройте его и поставьте на огонь; тогда теплота, нагревъ сосудъ, подниметъ всю воду по трубкѣ ВС »

Проблема XIII первой книги имѣетъ заглавіе: *Хитрая машина, которую можно поднимать стоячую воду.* Вотъ рисунокъ этой машины. А, В, С, D, четыре мѣдныхъ крѣпко за-

Фиг. 3. Машина Соломона Кауса, для поднятія стоячей воды посредствомъ солнечной теплоты.

паянныхъ сосуда; сквозь верхнюю часть каждаго изъ нихъ проходятъ вертикальныя трубки F, опущенныя другими концами къ дну сосудовъ, но такъ, что не касаются его; эти четыре трубки входятъ въ горизонтальную трубку EEE, по срединѣ которой устроенъ клапанъ G, открывающійся снизу вверхъ. Другая горизонтальная трубка PPP соединяетъ нижнія части сосудовъ A, B, C, D, черезъ боковыя отверстія, и имѣетъ по срединѣ клапанъ H, открывающійся также снизу вверхъ. Когда въ сосуды нальется вода, то отверстія или отдушники 3, 4, 5, 6, черезъ которыхъ выходитъ воздухъ, нужно герметически закрыть кранами. Когда все такимъ образомъ будетъ приготовлено и приборъ поставится на солнце, то воздухъ, оставшійся въ сосудахъ, расширяясь, будетъ давить воду. вгонитъ ее по вертикальнымъ трубкамъ F въ горизонтальную EEE, заставитъ поднимать клапанъ G, и вода будетъ бить фонтаномъ и падать въ бассейнъ N, и потомъ черезъ отверстіе O въ водоёмъ J. Во время ночи,

напротивъ, когда воздухъ разрѣдится и давленіе внутри сосудовъ сдѣлается слабѣе, жидкость изъ водоема J, приподнявъ клапанъ H, устрѣмится, черезъ горизонтальную трубку PPP, въ сосуды. Такимъ образомъ, это движеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ водоемѣ останется вода и пока сосуды будутъ стоять на солидѣ....»

Эта машина представляетъ любопытное приложеніе дѣйствій расширенія воздуха, подобно тѣмъ, которыя изображены на 1-й и 3-й фигурахъ первой статьи: *Исторіи паровыхъ машинъ*. Но безспорно, эта машина многимъ превосходитъ игрушки Герова Александрійскаго. Поперемянное движеніе клапановъ придадо бы ей характеръ настоящей паровой машины, если бы Соломону Каусу пришла въ голову самая простая, самая естественная мысль, вмѣсто солнечной теплоты, употребить искусственную теплоту огня, которая, дѣйствуя снизу сосудовъ и опредѣляя образованіе извѣстнаго количества пара, оказывала бы давленіе на поверхность не испарившейся воды. Правла, тогда бы движительною силою служилъ водяной паръ, а не расширившійся воздухъ; но и эта мысль ни сколько не была чужда Соломону Каусу, какъ доказываютъ 2-я фигура и приложенное къ ней объясненіе. Онъ самъ даже чувствовалъ недостаточность движительной силы, происходящей отъ солнечной теплоты, и старался усилить ее, при помощи увеличительныхъ стеколъ, сосредоточеніемъ лучей на тѣхъ сосудахъ, которые нужно было нагрѣвать. 4-я фигура изображаетъ устройство этого прибора. Въ раму АВ вставлено шестнадцать увеличительныхъ стеколъ, фокусы которыхъ наведены на верхнюю часть нагрѣваемыхъ сосудовъ. Вода, поднимаясь отъ давленія воздуха въ вертикальную трубку С, и упавая потомъ по трубкѣ D, входитъ въ фонтанъ, отдѣленный отъ прибора перегородкою, для того чтобы скрыть причину восхожденія жидкости.

Такимъ образомъ, Соломонъ Каусъ звалъ движительную силу водянаго пара и умѣлъ устраивать очень замысловатыя машины; но почти сто лѣтъ спустя послѣ него, появился паровой приборъ, при устройствѣ котораго обращено было вниманіе на то, чтобы онъ приносилъ хотя небольшую пользу. Этотъ приборъ устроенъ на томъ же основаніи, какъ и замысловатая машина Соломона Кауса, представленная на 3 фигурѣ; но Каусъ предоставилъ другому честь сдѣлать практическое приложеніе тѣхъ

началъ. важности и пользы которыхъ, кажется, онъ и не предвидѣлъ.

Фиг. 4. Машина для сосредоточенія солнечныхъ лучей.

Нужно ли, послѣ этого, говорить о томъ письмѣ Маріовъ

* Находимъ еще одно мѣсто у Герфнима Кардана, въ которомъ говорится объ эолипилахъ съ двумя отверстіями, однимъ для выпуска пара, другимъ для наливаванія воды. «Эолипила Витрувіа, говоритъ Кардана, какъ видно здѣсь на рисунѣ (фиг. 5),

Фиг. 5. Эолипилъ Кардана, съ двойною трубкою.

имѣютъ форму сходную съ человѣческою головою; они снабжены одною трубкою, черезъ которую вылетаетъ вѣтеръ, когда наполнять ихъ водою и положить на огонь... Если придѣлать къ сосуду другую трубку на противоположной сторонѣ и погрузить одною стороною въ воду, то вода съ этой стороны будетъ вливаться въ сосудъ по причинѣ теплоты; потому-что теплота притягиваетъ, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, и проч.» (*De rerum varietate* lib. XIII, с. LXIII; Basilae, 1557, p. 840.)

Делормъ, которое многихъ привело въ заблужденіе на счетъ участи Кауса. Въ этомъ письмѣ паходимъ, что Маріонъ Делормъ видѣла между бисетрскими сумасшедшими челоѣка, потерявшаго разумокъ изъ-за какого-то изобрѣтенія. Изобрѣтеніе это было просто паровая машина, какую мы теперь знаемъ, или почти то же, потому-что изобрѣтатель хотѣлъ приложить ее, между прочимъ, къ вращанію мавежей и къ ходу колясокъ! Несчастнѣйшій безумецъ былъ Соломонъ Каусъ! Этотъ рассказъ не имѣетъ ни малѣйшаго правдоподобія. Каусъ никогда не думалъ о практическомъ приложеніи пара, какъ движительной силы. Притомъ, письмо Маріонъ Делормъ должно бѣ носить на себѣ печать своего времени, но этого признака нѣтъ въ немъ. Соломонъ Каусъ, родившійся въ Нормандіи въ концѣ шестнадцатаго вѣка, умеръ спокойно въ 1630 году; онъ занималъ должности архитектора и инженера во Франціи, въ Англіи и въ Палатинатѣ, и вездѣ пользовался уваженіемъ государей; потому-что и безъ изобрѣтенія паровой машины можно быть умнымъ инженеромъ, а Соломонъ Каусъ, по всей справедливости, слылъ мастеромъ своего дѣла.

Въ 1624 году, подъ названіемъ: *Математическіе досуги*, (*Récréation mathématique*) и подъ ложнымъ именемъ Ванъ-Эттена, лотарингскій іезуитъ, отецъ Лёршонъ, издалъ небольшую книжку, которая вошла тогда въ большую славу.

Книга Лёршона, во многихъ отношеніяхъ, достойна ѣдкой критики Мидоржа, умаго геометра того времени. Но она заключаетъ въ себѣ и такія мѣста, которыми не должна пренебрегать исторія науки. Въ ней встрѣчается первая идея электрическаго телеграфа, очень неопредѣленная и не полная относительно средствъ исполненія, но очень ясная по предположенной цѣли. Мѣсто, гдѣ говорится о водяныхъ парахъ, довольно интересно и заслуживаетъ подробнаго разбора. Вотъ подлинныя слова Лёршона:

«Проблема 75. *Эолпипи или шарики, раздуваюціе огонь.*

«1. Эти сосуды изъ мѣди или другаго огнеупорнаго вещества: они имѣютъ маленькую, очень узенькую дырочку, черезъ которую наливаютъ въ нихъ воду. Потомъ кладутъ ихъ передъ огнемъ; пока они нагрѣваются, не происходитъ никакого дѣйствія; но какъ скоро жаръ проникнетъ ихъ, вода, разрѣжаясь, будетъ выходить съ стремительнымъ и увидивительно сильнымъ сви-

стомъ. Приятно смотрѣть, какъ этотъ вѣтеръ съ большимъ шумомъ воспламеняетъ уголья и дрова.

«II. Витрувій, въ 8-й главѣ первой книги своей Архитектуры, доказываетъ этими инструментами, что вѣтеръ есть не что иное, какъ излишество паровъ и испареній, волнующихся въ воздухѣ, отъ разрѣженія и сгущенія. А мы выведемъ отсюда еще другое заключеніе, что немного воды можетъ произвестъ очень большое количество паровъ и воздуха: стаканъ воды, влитый въ эти золипили, будетъ дуть почти цѣлый часъ и испуститъ паровъ въ тысячу разъ больше своего объема.

«III. Что касается до формы этихъ сосудовъ, то они дѣлаются неодинаково; нѣкоторые дѣлаютъ ихъ въ формѣ шаровъ, другіе въ видѣ головы, какъ обыкновенно изображаютъ вѣтры; иные въ роѣ грушъ, стебелекъ груши обдѣливается трубочкой съ маленькимъ на концѣ отверстіемъ, не больше булавочной головки.

«IV. Нѣкоторые вставляютъ въ эти раздувальники колѣнчатые трубочки, чтобы вѣтеръ, съ стремительною вырывающійся наружу, подражалъ ударамъ грома.

«V. Иные берутъ простую, отвѣсно поставленную, трубку, нѣсколько расширяющуюся кверху; въ эту трубку кладутъ маленькій шарикъ, который подпрыгиваетъ, когда пары начнутъ вылетать вонъ.

«VI. Наконецъ нѣкоторые приставляютъ къ дырочкѣ маленькія мельницы или подобныя тому вещи, которыя отъ движенія паровъ начинаютъ вертѣться; а иногда, посредствомъ двухъ или трехъ трубокъ, согнутыхъ на наружной сторонѣ шара, заставляютъ кружиться самый шаръ.

«VII. Но наполнять эти золипили водою надо съ нѣкоторымъ искусствомъ; нужно быть мудрецомъ, чтобы умѣть это дѣлать. Золипили нагрѣваютъ совсѣмъ пустые, и воздухъ, находящійся внутри ихъ, дѣлается оттого чрезвычайно рѣдкимъ; потомъ, когда она нагрѣются такимъ образомъ, бросаютъ ихъ въ воду. Теперь воздухъ опять сгустится, и потому займетъ гораздо меньшее мѣсто, и вода быстро вольется въ дырочку, чтобы воспрепятствовать пустотѣ.

Два первые параграфа, въ которыхъ приводятся мысль Витрувія, представляютъ намъ нѣчто новое: по словамъ автора, паръ занимаетъ пространство въ тысячу разъ большее противъ объема воды, которая произвела его. Конечно, это опредѣленіе очень

не точно, потому что надъ простыми дымовыми атмосферами вода, обратившаяся въ паръ, занимаетъ пространство въ тысячу семьсотъ разъ большее противу первоначальнаго своего объема. Но это первый встрѣченный нами опытъ выразить отношеніе воды къ парамъ. Пятый параграфъ ясно указываетъ на форму золотила, представленнаго на первой фигурѣ первой статьи.

Шестой параграфъ упоминаетъ о двухъ замѣчательныхъ приборахъ: тотъ, въ которомъ двѣ или три снаружи согнутыя трубки заставляютъ вѣртѣться шарикъ, есть пятидесятый приборъ Герона Александрійскаго, представленный на 4 фигурѣ первой статьи. Что касается до *маленькихъ машинъ или подобныхъ вещей, вѣртливыхъ посредствомъ паровъ*, то это первое явное указаніе на употребленіе пара въ непрерывно-вращающемся механизмѣ. Мы увидимъ сейчасъ, что въ машинѣ, приведенной Итальянцами, для утверженія своихъ правъ на открытіе силы паровъ, движеніе произведено посредствомъ колеса, которое обращается отъ дуновенія золотила. Со всѣмъ тѣмъ, Дѣршонъ не будетъ, въ нашихъ глазахъ, изобрѣтателемъ. Да и никто не можетъ слыть за изобрѣтателя потому только, что описать приборъ, о которомъ не упоминалось прежде него. И притомъ слова автора, приписывающаго себѣ какое-нибудь изобрѣтеніе, надо принимать съ строгимъ изслѣдованіемъ; но если онъ, описывая какое-нибудь изобрѣтеніе, не говоритъ о немъ, какъ о своемъ собственномъ произведеніи, то можно на-вѣрное полагать, что не ему принадлежатъ честь изобрѣтенія. Особенно не лзя сомнѣваться объ отцѣ Дѣршонѣ, который не только умалчиваетъ объ изобрѣтателѣ, но и объ изобрѣтеніи говоритъ, какъ о вещи известной и бывшей въ общемъ употребленіи въ его время.

Вотъ золотила, описанные Дѣршономъ.

Фиг. 6, 7 и 8. Различныя формы золотилей, описанныхъ Дѣршономъ.

Последняя форма золотила должна обратить наше вниманіе, потому-что имѣетъ поразительное сходство съ золотилемъ К. X. — Отд. V.

Кауса, изобретённого имъ воду. Котъ сочинилъ Жершонъ только въ несколько летъ тогда же книга Кауса, но, кажется, Жершонъ заимствовалъ свою в оную не изъ этой книги. Эта форма весьма такъ проста, что можно думать, она существовала прежде Кауса, который невольно не приписываетъ себя ей изобретенію. Представляя къ ней край не составляетъ существенной ея принадлежности, которая сильно состоитъ въ трубкѣ, проходящей внутри шара почти до самаго дна, потому-что по этой трубкѣ вода поднимается и брызгаетъ вверхъ, когда обдуваемаею паръ приобретаетъ достаточную напористость. Предположить это, не естественно ли думать, что одинъ случай привелъ къ изобретенію прибора Кауса? Въ отверстіе пустого металлическаго шарика вставлена трубка, для направленія выхода пара; случилось однажды, что трубку опустили внутрь сосуда такъ, что одинъ конецъ ея погрузился въ воду почти до самаго дна; и тогда, безъ сомнѣній, къ величайшему удивленію производившаго опытъ, вода брызнула изъ сосуда, прежде чѣмъ паръ сталъ вылетать вонъ. Неоспоримо, что Соллоу Каусу принадлежитъ заслуга подмѣтить этотъ фактъ и внести его въ свое сочиненіе, съ точнымъ указаніемъ причины, приведшей его; онъ же, въроятно, и усовершенствовалъ приборъ, представляя къ нему краны, которыхъ золотникъ до него не имѣлъ. Но намъ кажется очень правдоподобнымъ, что ему, также какъ и Жершону, никогда не приходило на мысль приложить дѣйствіе паровъ къ промышленности, въ строгости мысли.

Восемьдесятъ-шестая проблема *Математическихъ досуговъ* содержитъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: «Какимъ образомъ зарядить пушку безъ пороха.» Рѣшеніе, предложенное авторомъ, состоитъ въ томъ, что надо наполнить пушку водою и воздухомъ и, вмѣсто пыжа, крѣпко забить въ нее деревянную втулку, а потомъ положить туда ядро. Затравку также должно хорошенько закрыть. Когда все это будетъ готово, нужно разложить огонь; а чтобы зарядъ не вылетѣлъ изъ пушки прежде времени, то надо придерживать его шестомъ, до тѣхъ поръ, когда захотятъ выстрѣлить. «Тогда вода и воздухъ, стремясь расшириться и занять большее пространство, съ быстротою выталкиваются изъ пушки втулку и ядро, почти также, если бы пушка заряжена была пороховъ.» Очевидно, это неудачное развитіе предложенія Флоранса Риво. Клодъ Мидоржъ

совершенно справедливо отзываясь о способѣ Лермонъ, что при значительной неакраженности пара, этотъ способъ не исполнить, а въ противномъ случаѣ безуспѣшенъ.

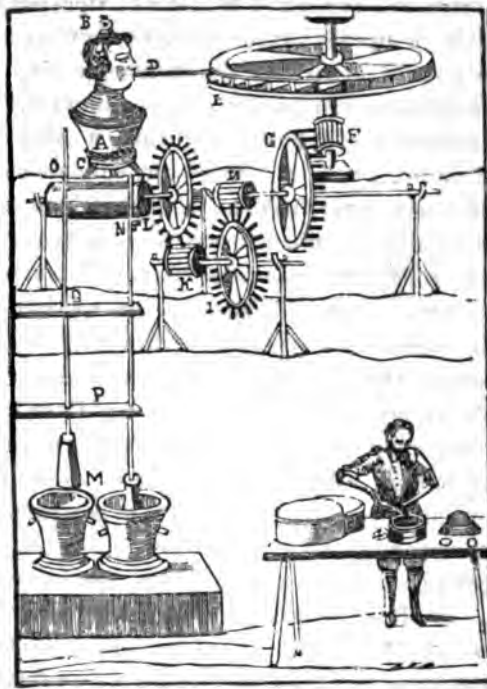
«Намъ предлагаютъ, говоритъ Милдоржъ, прекрасное средство сберечь порохъ и превосходное пособіе при недостаткѣ его. Говорятъ, что вода и воздухъ, заключенные въ пушкѣ и нагрѣтые, производятъ почти то же самое дѣйствіе, какъ и порохъ. Кому вздумается сравнить силу того и другаго и узнать между ними различіе, пусть возьметъ два одинаковыя эолипила, наполнить одинъ изъ нихъ водою, а другой порокомъ, и нагрѣваетъ до тѣхъ вѣръ, пока каждый изъ нихъ не окажетъ своего дѣйствія; тогда онъ узнаетъ силу ихъ на опытѣ.»

Такимъ образомъ, отецъ Лермонъ не имѣетъ рѣшительно никакого права стоять въ ряду изобрѣтателей въ исторіи паровыхъ приборовъ. Описанная имъ пушка, еще за шестнадцать лѣтъ прежде, была предложена Флюрансомъ Раво, а показанный имъ способъ производить выстрѣлы гораздо ниже механизма Леонардо да-Винчи. Мы одолжены только ему драгоценнымъ историческимъ указаніемъ на начало машины, о которой сейчасъ будемъ говорить.

Джіовани Бранка, римскій инженеръ и архитекторъ, издавъ, въ 1629 году, въ Римѣ, маленькую книжку подѣ заглавіемъ: *Машина синьора Дж. Бранки*. Это сочиненіе раздѣлено на три части: въ первой помѣщено 40 рисунковъ различныхъ машинъ; во второй, 14 машинъ, назначенныхъ для поднятія воды; въ третьей, 23 машины, въ которыхъ дѣйствуетъ воздухъ, черезъ давленіе или разрѣженіе. 25-й рисунокъ первой части представленъ на 9-й фигурѣ. Вотъ буквальный переводъ объяснительнаго текста, приложеннаго къ этому рисунку:

«Изъ этой фигуры можно вывести очень важныя слѣдствія, которыя, въ случаѣ надобности, могутъ имѣть приложеніе. Она изображаетъ приборъ, для толченія, превращенія въ порошокъ разныхъ веществъ, при помощи чуднаго движителя, который есть не что иное, какъ металлическая голова А, наполняемая водою черезъ отверстіе В. Если поставить ее на уголья, пылающіе въ жаровнѣ С, то изъ ея рта D, будетъ вылетать такое сильное дыханіе, которое въ состояніи вращать колесо E и шестерню его F; послѣдняя будетъ вертѣть зубчатое колесо G и шестерню его H; отсюда движеніе перейдетъ къ колесу I; потомъ, черезъ посредство шестерни K,

къ колесу L и цилиндрическому валу съ зубцами, которые попеременно поднимают два песта. Проходя через ручки P, Q,

Фиг. 9. Машина Бранки.

надъ ступками M, эти песты будутъ толочь что вамъ угодно.»

Можно безошибочно сказать: этотъ чудный движитель въ первый разъ получилъ настоящее, практическое приложение. Не исключая, можетъ-быть, и самой паровой пушки, паровые приборы до тѣхъ поръ были только простыми игрушками, и отнюдь не больше, какъ приборами увеселительной физики. Бранка указываетъ приборъ для толченія. Этотъ шагъ впередъ долженъ быть отмѣченъ въ исторіи науки. Впрочемъ первая мысль приводить въ движеніе крылатое колесо помощью пара, принадлежитъ не Бранкѣ; за пять лѣтъ до появленія въ свѣтъ сочиненія Бранки, она была помѣщена въ сочиненіи Лёрсона. Причины, заставившія насъ отказать отцу Лёрсону въ названіи изобрѣтателя, приводятъ насъ къ тому же заключенію и относительно Бранки.

Въ сочиненіи Кирхера: *Magnes, sive de magneticæ arte*, изданномъ въ Римѣ 1641 г., находится, относительно употребленія пара, слѣдующее мѣсто, служащее объясненіемъ рисунка:

Фиг. 10. Водоподъемная машина Кирхера.

«Возьмемъ мѣднѣй или изъ другаго какого огнеупорнаго вещества сосудъ А; вставимъ въ него трубку АВ, такъ, чтобы между нею и стѣнками сосуда не проходилъ воздухъ. EDM будетъ другой сосудъ, герметически закрытый, сквозь дно котораго проходитъ конецъ D трубки АВ. Другая трубка, открытая въ точкѣ Е, проходитъ черезъ верхнюю часть сосуда. Наполнивъ этотъ сосудъ жидкостію черезъ отверстіе М, надо старательно закрыть это отверстіе. Когда приборъ будетъ такимъ образомъ приготовленъ, то, если вамъ угодно, чтобы жидкость выбрасывалась силою огня на значительную высоту,

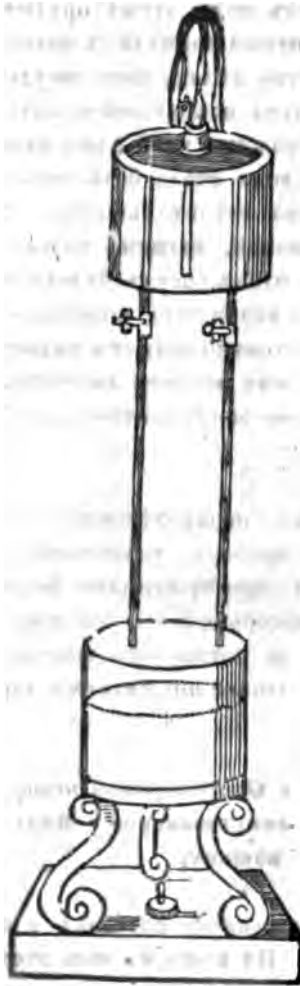
поставьте сосудъ А на огонь, наполнивъ его напередъ водою. Воздухъ въ сосудѣ А будетъ расширяться и, не находя другаго выхода, вромѣ трубки АВ, съ силою устремится туда и будетъ стараться пройти въ сосудъ EDM. Но какъ въ сосудѣ EDM находится вода, то воздухъ вступаетъ въ страшную борьбу съ этою жидкостью, такъ что или сосудъ долженъ лопнуть или вода должна уступить. А какъ послѣднее легче, то вода, уступая наконецъ сильному напору разрѣженного воздуха, будетъ взлетать кверху черезъ трубку Е и доставитъ пріятное зрѣлище.»

Изъ этихъ словъ Кирхера выходитъ, что, въ явленіи, гдѣ исключительно дѣйствуетъ паръ, онъ видѣлъ только вліяніе разрѣженного воздуха. Значитъ, онъ гораздо менѣе понималъ истинную причину возвышенія воды. чѣмъ Порты и Соломонъ Каусъ. Впрочемъ, его приборы нельзя опускать въ исторіи паровыхъ машинъ, потому-что въ немъ паръ употребленъ какъ движительная сила и вмѣстѣ произведенъ въ сосудѣ отдѣльно отъ того, гдѣ заключена жидкость, назначенная для возвышенія. Правда, и у Порты два же сосуда, но тотъ не принималъ паръ за движительную силу. Впрочемъ, Кирхеръ не выдаетъ себя за изобрѣтателя описаннаго имъ прибора. Кажется, что онъ заимствовалъ эту мысль у Кауса.

Въ 1657 году, богемскій іезуитъ, Добрженскій, издалъ въ Феррарѣ книгу, малозвѣстную, но съ заглавіемъ: *Redivivi Newtonis nova et aeternior de sensibus philosophia*. Между прочимъ, у него помѣщенъ рисунокъ, представленный на 11-й фигурѣ, который отличается отъ Кирхеровой машины только формою и кранами; но основаніе рѣшительно то же. Большую часть дѣйствія въ этомъ орудіи онъ приписываетъ разрѣженію воздуха и совѣтуетъ даже наполнять нижній сосудъ не больше половины; впрочемъ, онъ допускаетъ также и дѣйствіе пара. Все это слишкомъ далеко отъ истинной мысли, высказанной Соломономъ Каусомъ въ его V теоремѣ; особенно нечестно передъ его соотечественниками (фиг. 3, 4.), которые такъ бы легко сумели превратить въ паровыя машины, способныя поднимать воду, если бы сосуды А, В, С, D онъ нагревалъ прямо углемъ, а не сферою солнечными лучами.

Въ концѣ царствованія Карла II, въ 1663 году, вышло въ Лондонѣ сочлененіе подъ заглавіемъ: *A century of inventions* издана Верчестеръ. Это маленькая книжка, чрезвычайно толсто

написанная. «Это, говоритъ авторъ, описательный каталогъ
всѣхъ сдѣланныхъ или усовершенствованныхъ изобрѣтеній, ка-

Фиг. 11. Паровой вантажъ Добрженскаго.

нѣя я могу теперь вспомнить. послѣ того какъ затерялъ пер-
вую свою записку.»

Вотъ переводъ снова шестидесяти-восьмого изобрѣтенія, на
основаніи которыхъ англійскіе писатели хотѣли присвоить Вор-
честеру право первою изобрѣтенія паровой машины.

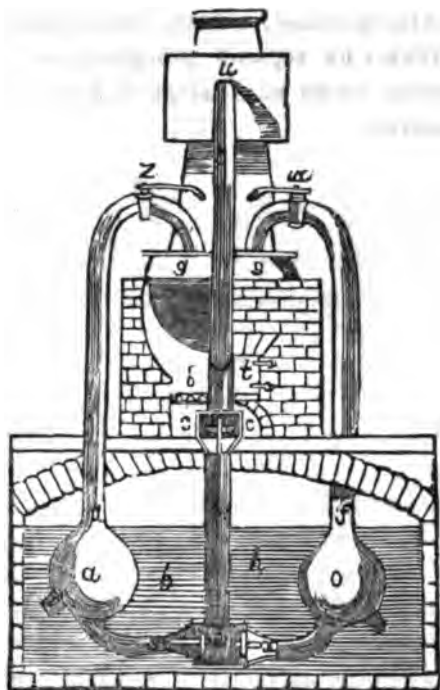
«Удивительное и чрезвычайно могущественное средство представлять огонь для поднятія воды. Я взялъ пушку, наполнилъ ее водою до трехъ четвертей; плотно закрывъ ее конецъ и затравку, и потомъ развелъ подъ этимъ орудіемъ огонь; черезъ двадцать-четыре часа, пушка лопнула съ большимъ трескомъ. Но когда я открылъ средство дѣлать свои сосуды прочными, такъ что они могли противиться находящейся внутри ихъ силѣ, и устроилъ ихъ такимъ образомъ, чтобы они наполнялись водою одинъ послѣ другаго, то вода стала бить изъ нихъ непрерывнымъ фонтаномъ до сорока футовъ вышины. Человѣкъ, присматривающій за этой машиной, долженъ только отвертывать два крана; такъ что когда одинъ сосудъ будетъ пустъ, то другой начнетъ дѣйствовать и наливаться холодною водою, и такъ попеременно. Огонь постоянно долженъ поддерживаться въ одинаковой степени. За этимъ можетъ смотрѣть тотъ же работникъ, въ то время, когда не занятъ отвертываніемъ сказанныхъ крановъ.»

Это описаніе такъ неопредѣленно и такъ темно, что когда вздумали устроить приборъ, указанный въ *Century of inventions*, то, между жаркими приверженцами Ворчестера, не вышло и двухъ человѣкъ, которые были бы согласны между собою; и это очень естественно, потому что описаніе шестьдесятъ-восьмаго изобрѣтенія, сдѣланное англійскимъ лордомъ, рѣшительно не понятно.

Стуартъ, въ своей *Описательной исторіи*, предлагаетъ рѣшеніе этого вопроса, заимствованное у Миллингтона, который придумалъ слѣдующую машину:

Изъ двухъ сферическихъ сосудовъ *a* и *o* наутъ двѣ трубки *d* и *f*, къ котлу *gg*. На каждомъ изъ этихъ каналовъ устроено по крану *x* и *ю*, чрезъ которые устанавливается и прерывается сообщеніе между котломъ и сосудами. Въ противоположной части обонхъ сосудовъ находятся другая трубка, съ двойнымъ клапаномъ *z* и *x*, открывающимся то направо то налѣво, и движущимся въ каморкѣ *e*. Сферическіе сосуды *a* и *o* снабжены еще коротенькими трубочками съ клапанами *p* и *я*, открывающимися внутрь. Каморка *e* имѣетъ сообщеніе съ вертикальною трубкою, поднимающеюся до резервуара *и*. *b* рѣшетка очага,

устроеннаго подь котломъ *gg*; *t* устье очага; *l* кирпичная кладка; *c* зольникъ; *АА* водоемъ, въ который погружены сосуды *о, а*,

Фиг. 13. Машина Ворчестера, по Миллингтону.

и гдѣ находится вода, назначенная для поднятiя въ резервуаръ *и*.

Предположимъ теперь, что вода въ котлѣ *gg*, согрѣтая для этого случая, произвела достаточное количество пара, и что кранъ *z* открытъ, для установленiя свободнаго сообщенiя между котломъ и однимъ изъ сосудовъ, помѣщенныхъ въ водоемѣ *АА*: тогда паръ, по трубкѣ *d*, опустится въ сосудъ *а*, и вытѣснитъ черезъ клапанъ *z* всю воду или воздухъ, изъ этого сосуда, въ трубку *e*, а изъ нея въ верхнiй резервуаръ *и*. Теперь закроемъ кранъ *z* и откроемъ въ то же время другой кранъ *w*. Тогда паръ, прекративъ дѣйствiе изъ *g* въ *da*, будетъ оказывать давленiе изъ *g* въ *о*; двойной клапанъ *z* *x* оттолкнется справа налево, такъ что закроетъ отверстiе съ лѣвой стороны и откроетъ съ правой. Въ то же время клапанъ *p* откроется внутрь и сосудъ *а* налет-

ся водою и такимъ образомъ образовавшаяся въ немъ пустота скоро наполнится. Паръ, освобожденный открытіемъ крана ω , произведетъ такое же дѣйствіе съ правой стороны, какое онъ сейчасъ произвелъ съ лѣвой, и вода, находящаяся въ сосудѣ o вгонится по трубкѣ e въ верхній резервуаръ m . Когда сосудъ o будетъ пустъ, тогда снова надо закрыть кранъ ω и отвернуть кранъ z и такъ далѣе.

=

ДВОРЕЦЪ ФОНТЕНБЛО, ЕГО ОПИСАНІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О СОВБІТІЯХЪ, ВЪ НЕМЪ СЛУЧИВШИХСЯ.

Однажды, въ тринадцатомъ столѣтіи, Людовикъ Святой охотился въ Біерскомъ лѣсу, въ Гатинѣ. Онъ потерялъ любимую свою борзую собаку, которую называли Бло (Bleau). Король былъ въ большомъ огорченіи. Придворные разсѣялись по всему лѣсу, чтобъ искать собаку, и нашли ее у источника, гдѣ она утоляла жажду. Источникъ сдѣлался большимъ ручьемъ и получилъ названіе Фонтенбло (Fontaine Bleau), а мѣсто это сдѣлалось сходбищемъ для охоты.

Многіе впрочемъ не согласны съ этимъ выводомъ происхожденія Фонтенбло и увѣряютъ, что прекрасныя воды, которыми изобилуетъ страна, заставили французскихъ королей выбрать это мѣсто для своего жилища, и что названіе: Фонтенбло, происходитъ отъ Fontaine-Belle-Eau, или belle fontaine.

Теперь перейдемъ отъ преданія къ исторіи.

«Гатинѣ, говоритъ Гильомъ Моренъ, мѣсто изобильное лѣсомъ и рѣками, долинами и горами, имѣетъ очень здоровый и пріятный климатъ; это и есть причина его большого населенія; всѣ, живущіе здѣсь, пользуются здоровьемъ и долголѣтіемъ, больше чѣмъ въ какой-либо странѣ Франціи; это самое и было поводомъ, что наши короли рѣшились построить здѣсь дворецъ... Они выбрали это мѣсто не только для сохраненія своего собственнаго здоровья, но и желали, чтобъ неворожденные ихъ дѣти были тамъ выращены и воспитаны.»

Еще въ началѣ одиннадцатаго столѣтія король Робертъ построилъ монастырь въ Біерскомъ лѣсу, нынѣшнемъ Фонтенблоскомъ. Тамъ же назначилъ мѣсто и для своей охоты, и лѣтописцы считаютъ его настоящимъ основателемъ вотчины.

Немного позже, во время Людовика Младшаго, Фонтенбло былъ уже настоящимъ замкомъ съ рвами и башнями.

Его наследники щедро одарили Фонтенбло и окрестные монастыри.

Крестовые походы и войны прекратили эти приношенія.

Въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, Франшарскій эрмитажъ, привлекающій нынѣ вниманіе туристовъ, былъ, говорятъ отецъ Этьенъ, дикою пустыней, наводившею ужасъ на людей и на звѣрей. Трава едва росла на возмѣланной землѣ, и вода, истекающая изъ дикой скалы, имѣла непріятный вкусъ и не представляла ничего особеннаго.

Прекрасная и знаменитая Агнеса Меранійская была обвѣнчана въ Фонтенбло. Тогда здѣсь были блестящіе турниры, которые часто повторялись до шестнадцатаго столѣтія.

Достойная мать Людовика Святаго, Бланка Кастильская, болѣе всего любила Біерскій лѣсъ, гдѣ теперь еще находятся старій дубъ, напоминающій о ней.

Самъ Людовикъ IX, умирая въ святой землѣ, вспоминалъ съ сожалѣніемъ о своихъ милыхъ пустыняхъ Фонтенблоскихъ. Его комнату показываютъ и теперь во дворцѣ, и сторожа рассказываютъ одно изъ охотничьихъ его приключеній.

Онъ потерялъ свою свиту и, напрасно искавъ ее, попалъ на шайку разбойниковъ.

— Вы король? спросилъ начальникъ шайки, схвативъ его.

— Отпустите меня, и я выдамъ вамъ самого Людовика.

Въ то же самое время онъ затрубилъ въ рогъ, и люди его сбѣжались по поданному знаку.

— И такъ, говоритъ начальникъ шайки, гдѣ же король?

— Я самъ король, а ты глупый разбойникъ!

Потомъ остальные охотники, пріѣхавъ, забрали всю шайку.

— Съ котораго времени, вы занимаетесь этимъ ремесломъ? спросилъ ихъ Людовикъ IX.

* Особливо во вторникъ послѣ духовъ дня, въ мѣстный праздникъ, собираются здѣсь около сторожеваго дома, стоящаго на развалинахъ монастыря, старухи, оставшая молодежь веселится, чтобъ украдкой достать земли съ Плачущей скалы (Roche qui pleure).

— Т черашняго дня. Потому-то мы и новички.
 — Ч ю часть рѣшиться на преступленіе?
 — Г ю недѣлю мы питались одними кореньями.
 — Н ю дѣло! возразилъ добрый король. Я прошую
 васъ и уѣ на службу. Вы пойдете со мной въ престолъ,
 вый вы загладите ваши грѣхи, сражался противъ
 нещръ этихъ цоръ вы будете получать казенный
 хлѣбъ. достанеть на всѣхъ его дѣтей.
 Разбъ и къ ногамъ Людовика Святаго и съ того вре-
 мени сдъ абрѣйшими его сподвижниками.
 Людо стронилъ въ Фонтенбло церковь во имя Свя-
 тыхъ Трѣ црѣхъ въ 1529 го тора была перестроена Францискомъ I въ
 1529 го окровитель библиотекъ, основалъ одну также
 Карлъ тотъ монархъ вообще покровительствовалъ
 и въ Ф ученымъ драмъ.
 ученымъ «Пока
 ворулъ удетъ уважаема въ этомъ государствѣ, го-
 дуть гн деть процвѣтать; но оно падеть, когда бу-
 Почта дый Карломъ VII, Людовикомъ XI, Карломъ
 VIII и Дъ XII, Фонтенбло сталъ процвѣтать при Фран-
 цискѣ I—II

Этотъ король сперва пригласилъ въ Фонтенбло Леонарда да Винчи. Семидесятилѣтній художникъ, которому гениальныя прозвѣщанія Микель-Анджело не давали покоя ни днемъ ни ночью, согласился быть лучше первымъ во Франціи, чѣмъ вторымъ въ Италіи. Онъ прѣвѣалъ въ 1515 году и только успѣлъ написать четыре картины; король, желая воспользоваться каждою минутою лучами этого заходящаго солнца, поднималъ къ артисту, когда она вывадала изъ ослабѣвшихъ рукъ его.

Леонардъ скончался въ Амбуазѣ, въ нѣвнѣю однихъ; по нѣвнѣю другихъ, въ Фонтенбло. Видя приближеніе своей смерти, онъ помолился Богу и привсталъ, чтобъ причаститься. Въ это время приходитъ Францискъ I. Онъ заставилъ умирающаго, послѣ причастія, лечь въ постель, и говорилъ съ нимъ объ его искусствѣ и его твореніяхъ. Леонардъ просилъ прощенія у Бога и у земли, что не довольно сдѣлалъ для живописи. Съ нимъ сдѣлался привадокъ. Король поддерживалъ голову умирающаго, чтобъ облегчить его страданія; но великій артистъ, какъ бы чувствуя,

что онъ не могъ ожидать большаго почести на землѣ, шелъ шагъ духъ на рукахъ Франциска I.

Послѣ Леонардо да Винчи, вѣрнѣе Андре-ванъ-Сарди. Сынъ бланнаго швейцарца; онъ имѣлъ большія дарованія, но слабый характеръ. Капризы жены его, которыми онъ не могъ пренебрегать, губили его.

Однако Францискъ I имѣлъ полную въ немъ довѣренность. Онъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ его картинъ, Меллерди, что прибавилъ ему жалованья, взялъ съ него клятву, что онъ останется во Франціи, и поручилъ ему раскрасить Фонтенбло.

Андре воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ возвратиться въ Италію, обѣщая королю привезти коллекцію оригинальныхъ произведеній. Довѣрчивый монархъ вручалъ ему, вслѣдствіе этого, огромныя суммы денегъ.

Но возвратясь во Флоренцію, и уступая просьбамъ своей жены, онъ растратилъ данныя королемъ деньги на пиршества, на игры и на разныя другія издержки.

Францискъ I подновилъ старый Фонтенбло и создалъ новый. Серліо, болонскій архитекторъ, распорядился этими громадными работами, которыя выполнялись цѣлыми батальонами работниковъ и артистовъ.

Знаменитый Россо украсилъ Фонтенбло фресками и флорентинскими украшеніями. Послѣ короля онъ считался первымъ лицомъ во дворцѣ. Онъ могъ пользоваться деньгами, сколько ему было угодно. Все комнаты были убранны съ необыкновенною роскошью: восточныя ковры, драгоцѣнныя мебели, латекъ серебра, все было въ изобиліи. Каждый день онъ принималъ въ обѣду великодушъ и преданныхъ дамъ. Король не находилъ достойной похвалы его таланту.

Но счастье его померкло, когда прибылъ въ Фонтенбло Праттисъ, ученикъ Юліа Романа. Король поручилъ этому артисту расписать Уллисову галлерей, и счастье Россо прекратилось бы совершенно, если бы ему не покровительствовала герцогиня д'Эвандья.

Вражда этихъ двухъ артистовъ продолжалась нѣсколько лѣтъ, но Францискъ I соединилъ ихъ таланты для приготовленій къ принятію Карла V. Съ приходомъ его въ Фонтенбло началось празднество, какія не видывали до тѣхъ поръ. Никогда эдѣшніе враги не обходившись такъ дружески.

При въѣздѣ въ дѣвъ, императоръ былъ окруженъ великими богами и богинями Олимпя, которые, танцуя, сопровождали его до дворца. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ съ торжественнѣе, при ослухительномъ шумѣ трубъ, барабановъ и другихъ инструментовъ, такъ, что стѣны дрожали.

Потомъ начались шеры, охоты, парады, пѣше и конные турниры и проч. и проч.

Однимъ словомъ, козликъ разорвался исполненными, задригавая, а гость расточалъ самыя выгодныя общіяя; козьякъ немедленно нарушалъ.

Примиреніе Приматиса и Россо было также кратковременно. Второй козликъ болѣе достоинства, а первый болѣе тщеславія. Россо, отверженный, сдѣлался такъ злодѣйственнѣе, что когда у него украли нѣсколько сотенъ червонцевъ, онъ обвинилъ своего друга Пеллетрино, котораго онъ подозрѣвалъ соумышленникомъ Приматиса. Пеллетрино былъ преданъ суду и пытанъ, не оправдался. Тогда этотъ послѣдній написалъ на обвинителя своего ужасный пасквиль. Россо не нашелъ ничего отвѣтить, потерялъ рассудокъ, послалъ въ Парижъ за ядомъ и отравился.

Приматисъ, сдѣлавшись козьякомъ въ Фонтенбло, считалъ необходимою еще отомстить своему сопернику. Онъ приказалъ сжечь или уничтожить, подлѣ разными предлогами, самыя лучшія картины своего противника.

Но вскорѣ онъ встрѣтилъ новаго соперника въ Бенвенуто Челлини.

Этотъ странный человекъ былъ въ одно и то же время граверомъ, скульпторомъ, рѣшникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ, ювелиромъ и, сверхъ того, хвастуномъ. Всегда недовольный другими и довольный собою, онъ изъ всякаго вещества могъ выдѣлать изящное произведеніе; могъ назвать искусство свое на какомъ бы то ни было оружіи и не пренебрегалъ никакимъ средствомъ, чтобъ удовлетворить своему ищению.

Францискъ I любилъ такихъ людей, потому онъ и рѣшился пригласить его въ Фонтенбло. Онъ приказалъ ему сдѣлать двѣнадцать серебряныхъ статуй натуральной величины, въ видѣ канделябровъ, для освѣщенія комнатъ во время бала; также орнаментную группу, которую надо было поставить надъ воротами дворца. Кажется достаточно; но Бенвенуто не удовольствовался этимъ. Показавъ королю свои орнаментныя реліефы, онъ

ему предложилъ проектъ собственнаго своего сочиненія, колоссальнаго фонтана, обнесеннаго круглою лѣстницею. Средняя фигура назначалась въ пятьдесятъ четыре фута вышиной, а другіе соразмѣрно ей. Король былъ внѣ себя отъ удивленія и въ восторгѣ вскричалъ:

— Наконецъ, я нашелъ человѣка по сердцу!

Вы легко можете себѣ представить радость скульптора; но вообразите, ежели можно, его удивленіе, когда онъ узналъ, нѣсколько дней спустя, что исполненіе фонтана передано было Приматису!

Одинъ придворный растолковалъ ему въ чемъ дѣло:

— Вы очень ловко польстили королю, но прежде всего надо было снискать расположеніе герцогини д'Этампъ. Старайтесь загладить вашу ошибку.

Человѣкъ поѣхалъ въ Сенъ-Жерменъ. Онъ думалъ смягчить гнѣвъ раздраженной герцогини, принесъ ей въ даръ серебряную иззолоченную суповую чашку, которую онъ считалъ въ числѣ лучшихъ своихъ работъ.

Одна изъ окружавшихъ герцогиню просила его подождать, говоря что г-жа д'Этампъ, одѣвается. Бенвенуто ждалъ часъ.

Ему снова пришла доложить, все очень учтиво, что туалетъ продолжается.

Онъ прождалъ еще два часа, не смотря на то, что умиралъ отъ жара и жажды.

Ему объявили, еще съ большею любезностію, что уже отъ платья перешли къ прическѣ.

Онъ ждалъ четыре часа. Наконецъ, голодъ началъ мучить его вмѣстѣ съ жаждою.

Его увѣрили, съ неподражаемою любезностію, что прическа подвигалась къ концу.

Онъ просидѣлъ восемь часовъ, рѣшась, терпѣть до конца.

Теперь уже занимались обувью, и ему сообщили это съ трогательною добротою.

Онъ ждалъ одиннадцать часовъ. Языкъ его пересохъ, желудокъ судорожно сжимался отъ голода, голова кружилась.

Наконецъ съ самою утонченною любезностію ему сказали, что г-жѣ д'Этампъ сдѣлалось дурно, и что ей подаютъ закуску, а послѣ того она ляжетъ въ постель.

— И такъ, закуска будетъ моя! вскричалъ Бенвенуто, поблѣднѣвъ отъ ярости, и умирая отъ голода и жажды.

И опорожнивъ съ одного раза бутылку мальвазіи, приготовленной для г. д'Этампъ, онъ выложилъ закуску въ свою суповую чашу; потомъ ушелъ, исправно убирая запасъ свой, сходя по лѣстницѣ.

Эта развязка, конечно, не могла укротить немилость къ нему этой женщины.

Но Челлини прибѣгнувъ къ своему обыкновенному средству, взялъ кинжалъ и пошелъ къ своему противнику. Онъ требовалъ уступки заказанной ему работы. Приматисъ отказывался. Челлини предлагалъ конкурсъ: каждый представить свой оригиналь, и король выберетъ. Приматисъ еще разъ отказался.

— Если такъ! вскричалъ Челлини, вотъ мое послѣднее средство. Завтра я займусь работой фонтана, и если вы осмѣлитесь сказать хоть слово во вредъ мнѣ, я васъ убью, какъ собаку. Прощайте, будьте здоровы.

И онъ ушелъ, оставивъ Болонца, напуганнаго до смерти.

Это средство удалось ему какъ нельзя лучше. На другой же день Приматисъ извиняется передъ Челлини въ присутствіи Матіа-дель-Назаро; онъ оставлялъ его одного на свободѣ, отправляясь въ Италію для примсканія мрамора и образцовъ.

— Онъ испугался моего искусства, сказалъ Бенвенуто.

А вѣрнѣе, кажется, испугался кинжала. Возвращеніе Приматиса было поводомъ новыхъ ссоръ. Долгое время, то одинъ бралъ верхъ, то другой, наконецъ, Приматисъ восторжествовалъ; а Челлини, очерненный въ мнѣніи короля, остался безъ заказовъ, безъ денегъ, безъ средствъ, и, не смотря ни на какія угрозы, долженъ былъ уѣхать въ Италію; между-тѣмъ его противникъ сдѣлался полнымъ распорядителемъ работъ въ Фонтенбло.

Съ тѣхъ поръ Приматисъ принялся дѣятельно за работу; онъ ввелъ систему сотрудничества, которая въ такомъ употребленіи въ нынѣшнее время. Къ его несчастію, имена сообщниковъ его сохранились въ исторіи и слава лучшихъ произведеній, носящихъ его имя, принадлежитъ Батисту Боньакавалло, Руджіеру да Болонья, Просперу Фонтана, Дамьяну дель Барбіера и, особливо, Николо дель Аббате да Модена, настоящему творцу бѣльшей части картинъ, украшающихъ теперь Фонтенбло.

Цѣлаго тома не достаточно было бы для описанія всѣхъ праздниковъ, данныхъ Францискомъ въ его дворцѣ.

Во время крестинъ Франциска II, его внука, было освѣще-

ніе на подобіе солнечнаго свѣта, посредствомъ сотней факеловъ; балетъ и танцы были во всѣхъ этажахъ, во всѣхъ залахъ дворца; наряды присутствовавшихъ блестяли серебромъ, золотомъ и драгоценными каменьями; галеры, испещренныя флагами, стояли на прудахъ и водоемахъ; бастіоны, осаждаемые и защищаемые, устроены были на сушѣ и на водѣ съ цѣлыми баталіонами рыцарей.

Рожденіе Елисаветы было праздновано еще великолѣпнѣе. Дворъ около главной башни былъ сдѣланъ залой, обтянуть обоями, блестящими разными украшеніями. Посрединѣ возвышался театръ съ многими портиками и шестами, испещренными золотомъ, на которыхъ поддерживалось небо изъ голубой, шелковой матеріи съ брилліантовыми звѣздами. Возлѣ самаго большаго изъ этихъ шестовъ стоялъ пирамидальный буфетъ въ девять этажей, на которомъ выставлено было все, что было драгоценнаго во дворцѣ, серебряная и золотая посуда, разные рѣдкости искусства, сохраненныя еще со временъ Карломана; это было обставлено самыми рѣдкими фруктами, и всѣмъ, что только могла придумать утонченность тогдашняго времени, и накрыто огромнымъ балдахиномъ изъ золотой парчи; множество чиновниковъ королевскаго дома въ парадныхъ мундирахъ окружала буфетъ.

Гости на этомъ великолѣпномъ праздникѣ были монархи и принцы въ діадемахъ; кардиналы въ красныхъ мантияхъ, епископы въ первосвященнической одеждѣ, кавалеры и дамы въ богатѣйшихъ нарядахъ.

Францискъ I такъ любилъ Фонтенбло, что имѣлъ обыкновеніе говорить, отправляясь туда: «Я ѣду домой».

Какъ только Геврихъ II вступилъ на престолъ, новая повелительница въ блестящемъ экипажѣ пріѣхала въ Фонтенбло: это была Діана де Поатье.

Ей было тогда сорокъ восемь лѣтъ, а она была вполнѣ красавицей, говоритъ Брантомъ, который семнадцать лѣтъ спустя еще не могъ равнодушно смотрѣть на нее.

Этотъ фениксъ граціи и тщеславія царствовалъ безъ раздѣла въ Фонтенбло. Геврихъ II довольствовался названіемъ лжяго наѣзника и непобѣдимаго бойца. Этотъ дворецъ сдѣлался храмомъ новой Діаны и продолжалъ украшаться, по желанію ея, подъ присмотромъ Приматиса. Это она представляла подъ видомъ всѣхъ богинь, населяющихъ бальную залу, нынѣшнюю галерею Гевриха II. Впрочемъ, всѣ великіе люди

того времени были соучастниками этого обожанія, что впрочемъ принесло пользу литературѣ и искусствамъ.

По смерти Генриха II, она оставила Фонтенбло и удалилась въ свой замокъ Анё.

Литература, искусства, пиры и турниры, все исчезло съ нею изъ королевскаго убѣжища, и долгое время не возвращалось, развѣ украдкой, въ короткіе сроки прекращенія междоусобной войны и религиозныхъ споровъ.

Съ самаго мая мѣсяца 1560, черныя платья, латы и пичали выгнали изъ Фонтенбло бальные наряды, также поэтовъ и артистовъ. Въмѣсто нихъ явились грозный Франсуа де Гизъ, строгій адмиралъ де Колиньи, Монморанси, съ прикрытіемъ восьми сотъ вооруженныхъ дворянъ, множество епископовъ, капитановъ, судей. Изъ женщинъ, блестящихъ посреди этого мрачнаго конгресса у престола невиннаго Франциска II, была молодая и прекрасная королева Марія Стюартъ, могущество и радость которой были такъ кратковременны, и величественная Катерина Медичисъ, которая вооружалась улыбкой, чтобъ удачнѣе поразить мечемъ.

Фонтенбло сдѣлался ея главною квартирою. Она тамъ собрала штатъ фрелинъ, красавицъ, которыя должны были обворожать непріятеля, съ которымъ она не въ силахъ была сладить.

Герцогъ де Гизъ съ двумя тысячами человекъ пріѣхалъ въ Фонтенбло, чтобъ разсѣять этотъ батальонъ красавицъ и увезти въ Парижъ Карла IX. Катерина Медичисъ противилась, но должна была уступить. Мать и сынъ, въ сопровожденіи войска, пріѣхали въ Парижъ, послѣ трехдневной ѣзды.

Союзниками Катерины были тогда кальвинисты. Она отомстила имъ за то, что они выдали ее Гизамъ ужасною, Варроломейской ночью.

Но прежде того она въѣхала (1564) съ триумфомъ въ Фонтенбло, вмѣстѣ съ Карломъ IX. Тутъ начались новые праздники и новые турниры; она сформировала новый штатъ фрелинъ и съ ихъ помощію одутала такъ кальвинистовъ, что они безъ всякаго усмія подпали подъ мечъ убійцы.

Наконецъ Генрихъ IV возвратилъ спокойствіе Франціи, и Габріель д'Эстре получила приглашеніе явиться въ храмъ Діаны.

Она не медля пріѣхала и мечтала быть королевою Франціи, но Росни де Сюлли былъ также и здѣсь, какъ въ Севъ-Жерме-

нѣ, чтобъ воспрепятствовать этому; она блѣднѣла отъ досады, рвала свои роскошные волосы, трогала короля до слезъ, но все было напрасно; строгій министръ былъ неумолимъ и просилъ уволить его или отказаться отъ этого брака.

Габріель воспользовалась этимъ случаемъ и пристала къ Генриху IV, чтобъ онъ рѣшилъ, выбравъ одно или другое.

— О, это уже черезъ-чуръ много! возразилъ монархъ. Васъ настроили на эту уловку, чтобъ заставить меня выгнать помощника, безъ котораго я не могу обойтись. И такъ, чтобы васъ успокоить, я вамъ объявляю, что если я долженъ буду лишиться одного изъ двухъ, то конечно я во сто разъ скорѣй обойдусь безъ васъ, чѣмъ безъ такого министра, какъ онъ.

Эти переговоры происходили у большого дуба, въ павильонѣ, который и теперь носитъ названіе Сюлли.

Марія Медицисъ избрана была королевою Франціи, а Габріель, испросивъ себѣ прощеніе, отправилась въ Парижъ, къ банкиру Цамету.

Самыя большія радости и печали Генриха IV случились въ Фонтенбло.

Тамъ, 27 сентября 1601, у него родился сынъ. Король былъ такъ счастливъ, что заплакалъ отъ избытка чувствъ и, цѣлуя и благославляя дитя, онъ подавалъ ему время отъ времени свою шапку; потомъ, послѣ всѣхъ этихъ ласкъ, показавши сына всѣмъ присутствующимъ:

— Мой другъ, говорилъ онъ Маріи Медицисъ: радуйся! Богъ исполнилъ наше желаніе.

Тотчасъ же велѣлъ отслужить молебень въ церкви Св. Троицы и, торопясь идти туда, потерялъ въ толпѣ свою шапку.

Исключая Сюлли, Генрихъ IV любилъ болѣе всѣхъ герцога де Барона. Король сдѣлалъ его на сороковомъ году его жизни маршаломъ Франціи и правителемъ Бургундіи.

— Это рѣдкій человекъ, говорилъ онъ: котораго я могу представить и друзьямъ и недругамъ.

И вотъ однажды пріѣхалъ посланный въ Фонтенбло вручить королю свидѣтельства, что Баронъ хотѣлъ предать Францію въ руки Испаніи и права наследника престола сыну маркизы де Вернейль. Эти свидѣтельства были собственноручныи письма маркиза и трактатъ его съ герцогомъ Савойскимъ. Доказательства вѣрныи!

Добрый король жестоко огорчился и велѣлъ призвать Барона

въ Фонтенбло. Герцогъ явился съ самоувѣренностію, думая, что никто не знаетъ его тайны. Напрасно сестра его писала ему: «Если ты пойдешь далѣе, ты погубишь себя.» Онъ отвѣчалъ: «Не осмѣлятся.»

Съ гордостью входитъ онъ къ королю.

Генрихъ цѣлуетъ его, беретъ за руку, воказываетъ ему свои новыя постройки и говоритъ на-единѣ, что онъ получилъ очень непріятныя извѣстія, касающіяся до него, но что онъ прощаетъ ему, если онъ только во всемъ признается.

— Такъ какъ я не знаю за собой вины, потому и не желаю прощенія, вскричалъ маршалъ.

Человѣкъ, предавшій Бирона, хотѣлъ вполне погубить его и сказалъ ему на ухо:

— Не сдавайтесь, они ничего не знаютъ!

Генрихъ принимается снова за допросъ. Онъ уговариваетъ Бирона, какъ друга, какъ отецъ сына. Онъ напоминаетъ ему, что они спали рядомъ на полѣ сраженія; открываетъ ему свои чувства и проситъ его быть откровеннымъ.

— Я все знаю, говоритъ онъ ему наконецъ, обнимая его. Говорите... и я все забуду... какъ брату, признайтесь, умоляю васъ. Никто, кромѣ меня, не будетъ знать о томъ.

Герцогъ думаетъ, что его хотятъ поймать въ сѣти и остается непреклоннымъ. Чѣмъ болѣе король его упрощиваетъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ смѣлость Бирона. Наконецъ онъ огорчается недоувѣріемъ къ нему короля и проситъ назвать обвинителей.

— Дадимъ ему день на размышленіе, говоритъ король: авось онъ одумается.

На другой день Генрихъ всталъ съ разсвѣтомъ и велѣлъ позвать маршала въ маленькій садъ, который у птичника... Издали ихъ видятъ долго разговаривающихъ... Виновный бьетъ себя въ грудь, но это, чтобъ доказать свою невинность.

Наконецъ король потерялъ терпѣніе. Утомленный, онъ входитъ во дворецъ и совѣтуется съ королевой и съ Сюлли. Министръ предлагаетъ удержать Бирона въ его кабинетѣ и арестовать его тамъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Генрихъ. Велите готовиться вашимъ людямъ къ девяти часамъ, и сами также будьте готовы.

Потомъ онъ требуетъ Витри и Пралена и приказываетъ также быть на-готовѣ.

Всѣ придворные были встревожены; всѣ говорили шопотомъ. Маршалъ одинъ казался совершенно равнодушнымъ.

Ужиная у Монтиана, онъ хвалилъ испанскаго короля на счетъ французскаго.

— Вы забываете, возражаютъ ему, что Филиппъ II никогда не прощаетъ обиды, даже своему собственному сыну.

Баронъ встаетъ, какъ будто ничего не слышалъ, и идетъ къ королю врать въпрямую.

У дверей отдають ему слѣдующую записку: «Если вы не уйдете, вы будете черезъ два часа арестованы.»

Онъ показываетъ ее, смѣясь, своему другу Варонну.

— Ахъ! говорить этотъ похлѣбный съ умасомъ. Я согласился бы вонзить себѣ кинжалъ въ сердце, чтобъ только знать, что вы изъ Бургундіи.

— Если бы и десять кинжаловъ меня ожидали, возражалъ герцогъ, я не отступлю ни на шагъ.

Въ то время, какъ онъ игралъ съ королевой, д'Авернь, его соучастникъ, тронувъ его по плечу, сказалъ вполголоса:

— Мы здѣсь не въ безопасности!

Баронъ даже не оглянулся.

Пробило полночь. Всѣ стали раскладываться... Король желалъ повѣдать послѣднее условіе. Онъ отводитъ герцога изъ омовку и говоритъ ему:

— Чтò бы вы адѣлали, Баронъ, человеку, который считался бы лучшимъ вашимъ другомъ, вашимъ ратнымъ товарищемъ, вдругъ вы узнали бы, что онъ злѣйшій вашъ врагъ, что онъ составляетъ заговоръ, въ которомъ онъ посягаетъ на ваше государство, на жизнь дѣтей вашихъ и на вашу собственную?

— Я бы не повѣрилъ этому, Ваше Величество, и убилъ бы виновника такой клеветы.

— Но если бъ это была чистая правда, не признаваемая только самимъ виновнымъ; если бы вы имѣли въ рукахъ всѣ доказательства его вѣроломства, въ которомъ онъ не сознавался бы только изъ гордости и упрямства?

Герцогъ вздрогнулъ и смотрѣлъ прямо въ глаза королю; но ему снова это показалось уловкой, чтобъ выпытать правду, и онъ укрѣпился еще болѣе въ своемъ упорствѣ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ: я убилъ бы своего вѣроломнаго друга!

— Даже тогда, если бъ онъ признался и раскаялся въ своемъ преступленіи; даже тогда, если бъ онъ напоминалъ вамъ время,

когда вы имѣли одну общую постель, одинъ и тѣ же мысли, даже если бы онъ плакалъ отъ угрызенія совѣсти?

— Я бы не пощадилъ его! воскричалъ маршалъ.

— Ахъ, Биронъ! Безразсудный человѣкъ! возразилъ король, ты произнесла вашъ собственный, смертный приговоръ. Но състоитъ я не хочу привести его въ исполненіе, потому-что мнѣ жалъ васъ; я хочу спасти васъ отъ васъ самихъ и противъ васъ самихъ.... Я все знаю! говорю вамъ. И только прошу прощенья. Дайте мнѣ вашу руку, какъ бывало прежде передъ сраженіемъ; поцѣлуйте меня, какъ бывало мы цѣловались послѣ побѣды. Чтобъ я видѣлъ въ глазахъ вашихъ искреннія слезы, чтобъ я услышалъ изъ устъ вашихъ слова преданности! И все забыто! И это будетъ не что иное, какъ тяжкій сонъ! И мы опять будемъ жить душа въ душу!

— Я не понимаю васъ, Ваше Величество, возразилъ герцогъ, идя къ двери....

— Герцогъ де Биронъ, я заставлю васъ понять меня, прибавляетъ Генрихъ и тотчасъ же уходитъ.

И по подаемому знаку Витри, съ своимъ отрядомъ, останавливаетъ Бирона въ передней.

— Король приказалъ взять вашу шпагу, маршалъ.

Слѣпой наконецъ прозрѣлъ и вскричалъ.

— Я долженъ объясниться съ Его Величествомъ!

— Теперь уже поздно! Вашу шпагу, милостивый государь!

— Мою шпагу! мою шпагу, которая столько принесла услугъ отечеству!

— Я долженъ исполнить приказаніе! Волей или неволей мы должны сдаться.

Возможности не было противиться. Биронъ отдалъ свою шпагу, подвинулъ голову и последовалъ за стражей.

Въ то же время Праленъ арестовалъ графа д'Овернъ, который сдался гораздо равнодушнѣе.

— Вотъ моя шпага, сказала она: она убивала однихъ только кабановъ.

Перевезенный на другой день изъ Фонтенбло въ Парижъ, Биронъ былъ призванъ въ судъ и приговоренъ къ смерти 21 іюля 1602.

Князь д'Овернъ и сестра его маркиза де Версилья надѣялись снова войти въ милость короля и рѣшились, чтобъ дос-

тигнуть этого, погубить Сюлли. Они набрали столько обвиненій противъ него, что успѣли поколебать довѣренность короля.

Это случилось также въ Фонтенбло. Сюлли прочиталъ въ глазахъ Генриха перемѣну къ нему. Онъ пришелъ однажды къ королю, когда онъ одѣвался на охоту, и придворные, совершенно готовые, дожидались его. Король принялъ его очень холодно, противъ своего обыкновенія. Сюлли напротивъ поклонился ему ниже обыкновеннаго, но съ такимъ спокойнымъ и благороднымъ видомъ, что король, пораженный этимъ, готовъ былъ броситься ему на шею. Онъ тотчасъ же снялъ сапоги, отложилъ охоту, отослалъ всѣхъ придворныхъ и пошелъ гулять въ садъ.

На вопросъ министра, не прикажетъ ли онъ чего? король отвѣчалъ:

— Вы знаете моя дѣла; займитесь ими и любите меня попрежнему.

Но Сюлли не успѣлъ еще сдѣлать ста шаговъ, какъ Генрихъ вернулся къ нему, позвалъ его, взялъ за руку и повелъ его подъ бѣлыя шелковицы, на конецъ сосноваго сада.

— Не имѣете ли вы мнѣ сказать что-нибудь, Росни?

— Ничего, на этотъ разъ, Ваше Величество.

— О, за то у меня есть много о чемъ поговорить съ вами, возразилъ Генрихъ IV.

И, крѣпко поцѣловавъ своего друга, онъ поклялся быть всегда съ нимъ откровеннымъ и рассказалъ ему все то, въ чемъ его обвиняли, называя ему имена обвинителей: это былъ рядъ измѣнъ, одна чернѣе в вѣлѣнѣ другой.

Сюлли остается равнодушнымъ, и король спрашиваетъ:

— Ну, какъ вамъ это кажется?

— Мнѣ кажется, что вы столько же вѣрите этой глупой клеветѣ, какъ и я, отвѣчалъ министр; вы знаете, что мое счастье, мои труды и моя жизнь принадлежать вамъ.

И онъ хотѣлъ броситься къ ногамъ короля, растроганнаго до слезъ, но этотъ послѣдній удержалъ его, говоря эти великодушныя слова:

— Берегитесь, Росни, ваши враги наблюдаютъ за вами; они подумаютъ, что вы виноваты, и что я прощаю васъ!

Въ то же время, онъ обнимаетъ его и въ самомъ веселомъ расположеніи духа приводитъ къ его клеветникамъ.

— Который часть, господа?

— Чась по полудня, Ваше Величество. Вашъ разговоръ продолжался долго.

— Въ самой дѣлѣ, здѣсь есть многіе, которымъ, вѣроятно, онъ наскучилъ болѣе, чѣмъ мнѣ. Чтобы ихъ утѣшить, я скажу мнѣ, что я люблю Росни болѣе, чѣмъ когда-либо. Наша дружба неразрывна до гроба.

Генрихъ IV крестилъ въ Фонтенбло тронхъ дѣтей своихъ, и по этому случаю давались праздники, гдѣ каждый веселился за тронхъ. У герцога д'Епернона была надѣта шпага, украшенная тысячею восемьюстами брилліантами, а на Бассомпьерѣ было платье фіолетовой парчи, фасонъ котораго ему стоилъ шесть сотъ экю, а на вышивку было употреблено пятьдесятъ фунтовъ жемчугу.

Генрихъ IV прибавилъ къ дворцу: зданіе овальнаго двора, галерею королевы, павильонъ Большаго пруда, садъ того же имени, пять фонтановъ королевскаго сада, прекрасный каминъ въ залѣ Людовика XV и проч., украсилъ церковь Св. Троицы, галерею Улисса, павильонъ поэтовъ, и комнату, гдѣ родился Людовикъ XIII.

Генрихъ былъ страстно любимъ артистами и работниками, за его простосердечіе и щедрость. Не только каждый имѣлъ свободный къ нему доступъ, но онъ самъ готовъ былъ предупредить ихъ желанія. Одно изъ самыхъ любимыхъ его удовольствій было, какъ говорилъ онъ, перебѣгать изъ одной мастерской въ другую.

Красное платье кардинала де-Ришелье оставило только кровавые отблески на Фонтенбло. Онъ пріѣзжалъ туда время отъ времени, чтобъ подписывать смертные приговоры, или отдыхать послѣ великихъ трудовъ своихъ.

Людовикъ XIII дополнилъ украшеніе Фонтенбло, прекрасною лѣстницею Феръ-а-Шеваль (подковы) на дворѣ Бѣлаго Коня.

Поэты, умножавшіеся съ каждымъ днемъ, воспѣвали, кто кого лучше, великолѣпіе королевской резиденціи. Стихи ихъ далеко не достигали величія предмета и не стоили наградъ, которыя они получали отъ Людовика XIII и Ришелье.

Людовикъ XIV давалъ въ Фонтенбло знаменитый балетъ, *Времена года*, въ которомъ участвовали всѣ придворныя знаменитости того времени. Генриета англійская представляла Діану, Марія Манчини была одѣта Музой, Ла-Вальеръ Нимфой, а самъ

король изображалъ весну. Ла-Вальеръ пожелалъ ему лучшую приданную его партнера.

Но вотъ Версаль уже выстроенъ, Марли также воздвигается. Людовикъ XIV оставляетъ Фонтенбло. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1700, самая великая дипломатическая сцена того времени разыгрывалась въ Фонтенбло.

Карлъ II, испанскій король, умеръ, не оставивъ наследника. Всѣ европейскія державы имѣли претендентовъ на его престолъ и съ потерянными омидами открытѣе его завѣщанія. Посланники и ватриги переходили изъ Париза къ Вѣну, изъ Мадрида въ Лондонъ.

Девятаго ноября, Людовикъ XIV собирался охотиться къ лесу, какъ вдругъ прискакала курьеръ изъ Испаніи. Охота сложена. Король, принцы, министры собираются у г-жи Маттеонъ. Советъ продолжается до полуночи, и начинается слѣдующій день утромъ.

Дѣла были важныя. Карлъ II завѣщалъ престолъ внуку Людовика XIV. Отказаться отъ наследія значило передать его другому; принять его значило вооружить противъ себя всю Европу.

Шесть дней послѣ этого, дворъ поѣхалъ изъ Фонтенбло къ Версаль. Посланникъ и гравды испанскіе ожидали отвѣта Людовика XIV. Онъ представилъ имъ молодаго герцога Анжуйскаго и оказалъ:

— Принѣтуйте вашего короля!

Перчатка была брошена Европѣ, которая подняла себя на войну за наследство чуть не сгубила и Людовика XIV, и Францію.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

Критика и Библиография.

Романы, Повѣсти и Разказы Евгения Гребенка. В 46 д.: Книжки: IV, V, VI, VII и VIII-ая. С: Петербург. Во Гл. Востно-Учебныхъ Заведеній.

Въ мартовской книгѣ нашего журнала за текущей годъ мы отозвались о первыхъ трехъ томикахъ этого изданія, признали талантъ автора, видѣли у него вспышки истиннаго чувства, смѣлые приемы, вѣчто въ родѣ опыта художественной отдѣлки, но вообще *мало созданія!* Съ удовольствіемъ сознаемся, что, относительно этого послѣдняго упрека, рассматриваемые нынѣ пять томиковъ имѣютъ право на значительную модификацію, т. е. что въ нихъ имѣется уже гораздо *больше* созданія; но эту модификацію мы должны сопровождать немаловажнымъ замѣчаніемъ критическимъ. Автору нашему не рѣдко попадаются сюжеты не только способные къ развитію въ грандіозномъ стилѣ, но и требующіе, въ художественномъ отношеніи, этого грандіознаго стили—по своему характеру, по своей основной идеѣ. Въ подобномъ случаѣ, г-нъ Гребенка, будто не довѣряя своей кисти, явно уклоняется отъ грандіозности, сводитъ свой сюжетъ въ низменную сферу. Возьмемъ, для примѣра, хоть *первую* повѣсть этихъ пяти томиковъ: «Нѣжинскій полковникъ Золотаренко.» Тутъ, все драматическое перелagается на разказъ—и на разказъ *простаго казака!* Разказъ довольно хорошъ, и мы могли бы похвалить его безъ зазрѣнія совѣсти, если бы, такъ же какъ и авторъ, не довѣряли его кисти. Но мы имѣемъ *лучшея*

К. X. — Отд. VI.

миръ и о талантѣ автора и серьезно приглашаемъ его испытывать свои силы въ высшей сферѣ, стать на высотѣ своего сюжета. Попытка, можетъ-быть, удастся съ перваго разу, а, на-вѣрное, — со втораго или третьяго — и этимъ авторъ рѣшительно выступитъ изъ ряда обыкновенныхъ нашихъ повѣствователей и устремится впередъ, по пути къ высшему въ искусствѣ. Жалко смотрѣть на тѣхъ изъ литераторовъ нашихъ, которые, съ перваго своего сочиненія, во всѣхъ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ, не подвинулись впередъ ни на шагъ и, подобно дервишамъ, на одномъ мѣстѣ кружась докругъ себя самихъ, доколѣ естественный міръ не представится имъ глазами чѣмъ-то мутно-безпорядочно-фантастическимъ, — и этою мутно-безпорядочно-фантастическою стихіею затоплены всѣ ихъ эфемерныя писанія.

За «Нѣжинскимъ полковникомъ Золотаренко» слѣдуетъ почитать: «Куликъ.» Странное названіе повѣсти ни чѣмъ, въ продолженіи ея, не оправдывается, ибо, во-первыхъ, встрѣчающійся на бою, описывается цѣлкомъ трагическаго плана героическаго повѣсти, а черная душа сосѣдства подбавляетъ герою предметъ обнаруживающаго — бышаго подъячаго Юліана Чурбинскаго. Уже въ мартовской книгѣ нашего журнала указали мы на извѣстную, неудачную склонность нашего автора къ юмористикѣ, являющуюся не рѣдко и въ этихъ пяти томикахъ. Но всего неувѣстнѣе этотъ юморъ въ повѣсти, выходящей сюжетомъ высоко-трагическаго происшествія. Простымъ чувствомъ уже поймешь, что къ разсказу такого рода не приступаютъ съ шутками и, подавно, не дадутъ ему шутливаго названія, съ эпиграфами: «Всякъ куликъ свое болото хвалитъ» — и «куликъ не великъ, а все-таки птица!» Подобный юморъ свидѣтельствуетъ, что самъ авторъ не вразумился въ трагическій характеръ разсказываемой имъ повѣсти. Если же, вопреки этому фамильному приему, читатель увлекается трагическимъ положеніемъ, то авторъ самъ становится худшимъ своимъ врагомъ, ибо остается ниже своего читателя, вмѣсто того, чтобы возвышать его къ себѣ. Это самое невыгодное положеніе, въ какое можетъ стать авторъ, относительно своего читателя. Кажется, г-нъ Гребення и здѣсь, какъ выше сказано, по недовѣрчивости къ самому себѣ, побоялся возвыситься надъ уровнемъ своего сюжета. Недовѣрчивость къ себѣ, въ подобномъ случаѣ, есть, въ эстетическомъ отношеніи, такой же грѣхъ, какъ и излишнее

дамонадѣяность. Не страшно ли, что намъ приходится уверять одного изъ нашихъ писателей въ недовѣрчивости въ свои силы, между тѣмъ, какъ наши писателики охотно соглашались въ землѣ, набравъ себя доизволомъ: «Сильный Богъ и мѣдаль!»—Въ «Кулибѣ» нашего автора мы должны еще замѣтить великую ошибку плана. Не оставивъ поручить Медеву съ своею супругою, а слугачъ его Петрушка и возлюбленная его, служанка Маша—герои пьесы,—долженствовали бы быть на первомъ планѣ. Надо бы было гораздо болѣе раскрывать ихъ характеры, чтобы содѣлать вѣроятнымъ для читателя трагическій ихъ конецъ. Теперь же ума не приложишь, какими образомъ русскіе простые люди, учившіеся — правда — вѣнчанью дѣтъ: одинъ въ уѣздномъ училищѣ, а другая въ Одессѣ, у «Магдальмы убирать головы разными цацками,» могли пуститься въ страшно-романтическій путь нѣмецкаго поэта Геврха Клейста и возлюбленной его, г-жи Фогель? (Взаимная, несчастная страсть побудила ихъ соединяться въ смерти: въ ноябрѣ 1811 году, въ ночь, близъ Потсдама, у Священнаго озера, Клейстъ застрѣлилъ свою возлюбленную и, вслѣдъ за тѣмъ, самъ застрѣлился.) Нѣмецъ, по крайней мѣрѣ, кончилъ свое отчаянное дѣло; а Русскій успѣлъ убить только бѣдную Машу — его самого дивомъ удерживали отъ самоубійства! Хотя онъ и умерилъ себя голодомъ, но этимъ не искупается его неудача. Тѣ дѣйствія секунды, которыми Клейстъ переживаетъ свою убитую имъ любовную — слишкомъ тоскелы; они не могутъ растянуться на нѣсколько дней, на цѣлую недѣлю, или болѣе! Голодъ — паланъ неповоротливый: ему нужно дней девять или десять, чтобы уложить свою жертву. За чѣмъ же доброму русскому молодцу угадывать судьбу выше силъ человѣческихъ? Читатель за него асупится и всплечетъ на автора: *перонствовать* съ читателемъ не дозволяется — а авторъ здѣсь жестокосердѣ Неронд! Да слыханная ли вещь, чтобы въ дѣлѣ отчаянія (чего, впрочемъ, Боже сохрани) тамъ, гдѣ успѣваетъ Нѣмецъ-мочитель, не успѣлъ добрый русскій молодецъ, который, на правдѣхъ, закинетъ Нѣмца за поясъ? Авторъ здѣсь совершилъ грѣхъ антинаціональный и, кромѣ того, не свойственный смѣланному русскому уму, который очень хорошо знаетъ, что у ружья слышитъ громокъ; что въ секунду нельзя же зарядить опять ружье; что могутъ поймать, какъ в случалось. Представьте себѣ, какая была бы поразительная сцена: Маша поразена въ сердце;

Петрушка, сидя, поддерживает трубку съ на лѣвой рукѣ, а съ кинжаломъ въ правой рукѣ, поджидаетъ награнувшаго Юліана Чурбинскаго, съ прикащикомъ и челядью; вноситъ себѣ рѣу смертельную и, тѣмъ же кинжаломъ швырнувъ въ Юліана Чурбинскаго, поражаетъ его также на-смерть. Вотъ конецъ, достойный этого злодѣя! И, признаться, не любитель такихъ страшныхъ сценъ и охотно избѣгаю ихъ въ своихъ писаніяхъ; но, — если дѣло затѣвать, такъ затѣвать, и если авторъ выводитъ злодѣя, то и долженъ быть его карательною судьбою: иначе не вынесешь злодѣя въ повѣсти, или романъ! И эта страшная повѣсть получила наименованіе: *Куликъ*! Еще одно замѣчаніе: въ этой же повѣсти (томъ I, стр: 82) авторъ уподобляетъ испанской *армады*—*брику* отставнаго поручика Медвѣдьева! Не одинъ корабль, но *весь флотъ* Филиппа II, снаряженный противъ Англіи, назывался Армадою! Горекъ подобный промахъ подъ перомъ талантливаго писателя!

«Первый концертъ Рубини» (третій разсказъ) содѣлался невнятною причиною смерти одного молодого, русскаго художника. Онъ захлопотался, тереть то перчатки свои, то билетъ свой на концертъ, не попадаетъ въ концертную залу; между-тѣмъ украли его бекешъ и онъ, принужденный ѣхать въ одномъ фракѣ, въ дворянскаго собранія на Васильевскій островъ, въ сильную стужу, простудился, получилъ нервическую горячку — и умеръ. Въ простотѣ этого событія, этого разсказа, ничто не поражаетъ, кромѣ *идеи*: художникъ, какъ и тупо-умно-любопытный туристъ англійскій, погибаетъ тамъ, гдѣ никто, кромѣ нихъ, не погибаетъ! Паралель, конечно, не лестная для художника, но тѣмъ, не менѣе идея очень серьезна. Когда художника не губитъ внѣшній врагъ, т. е. обстоятельства житейскія, тогда погубитъ внутренній врагъ, котораго онъ носитъ въ себѣ — геній его — это неумѣніе приворачиваться къ жизни! Но идея эта довольно слабо проглядывается въ этомъ разсказѣ. Г-нъ Гребенка или торопится слишкомъ и, потому, не входитъ въ важность сюжета, или съ умысломъ, объясненнымъ выше, избѣгаетъ грандіознаго исполненія. Образъ дѣйствія, для насъ рѣшительно непонятный! Главное дѣло не въ сюжетѣ, но въ *исполненіи*; самый ничтожный, сюжетъ требуетъ тщательнаго, художничьяго исполненія, просить формы и души, чтобы плѣнять, поражать зрителя или читателя. Каждый, взятый вами, сюжетъ есть кусокъ мрамора, надъ которымъ вы должны *трудиться рѣзцомъ*, а не перебѣгать перомъ!

Но для чего, скажете вы, избирать ничтожные предметы? Имен-но изъ-то и надобно избирать молодому художнику, чтобъ по-пытывать свои силы! Если онъ, изъ такого сюжета, сотворилъ нѣчто художническое, то онъ, постепенно, преодолеетъ и тру-днѣйшіе сюжеты — онъ будетъ уже мастеромъ своего дѣла! Буде же попался вамъ (какъ г-ну Гребенкѣ) предметъ важный, высокій по своей идеѣ, то и должно поступать съ нимъ посе-рьвознѣе, погибающаго, въ — «первомъ концертѣ Рубина» — молодаго художника слѣдовало бы изображать гораздо интерес-нѣе, выказывать въ немъ *явные признаки* гениальности, чтобы не оставаться ниже своей идеи, чтобы поражать истинно-тра-гическимъ эффектомъ.

Мы на концѣ *перваго* изъ этихъ пяти томиковъ (части IV изданія романовъ, повѣстей и рассказовъ г-на Гребенки.) Съ такою же критическою строгостью мы хотѣли-было пройти еще два томика этого изданія — повѣсти и рассказы: «Записки студента»; «Факторъ»; «Маскарадный случай»; «Двойникъ»; «Братья» и «Бывальщина» — но раздумали, надѣясь, что поч-тенный авторъ насъ уже достаточно выразумѣлъ, если захо-четъ принять нашу критику къ соображенію, а для *одного* ав-тора, изъ уваженія къ таланту его, мы вдались въ эту стро-гую критику повѣстей его и рассказовъ.

Въ VII и VIII частяхъ содержится романъ «Чайковский». Наконецъ *романъ*, послѣ длинной вереницы повѣстей и расска-зовъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ принялись мы за этотъ романъ. Дѣйствіе его происходитъ въ городѣ Полтавской губер-ніи и въ Сѣчѣ Запорожцевъ. Какой-то юноша, Алексѣй Попо-вичъ, влюбился въ Марину, дочь малороссійскаго полковника, время гетманщины — *Ивана*. Полковникъ засталъ любовни-ковъ врасплохъ, въ нѣжной сценѣ. Алексѣй, разумѣется, далъ тягу, въ степь и, наконецъ, къ Запорожцамъ, у которыхъ онъ сдѣлался войсковымъ писаремъ, по милости *кошачаги*, его быв-шаго соученика, и успѣлъ отличиться въ набѣгѣ на Крым-цевъ и спасеніемъ запорожскаго флота, на-морѣ, посред-ствомъ молитвы своей, во время бури. Ничто не удержитъ лю-блщаго сердца женщины. Марина, переодѣтая мужчиною, явля-ется въ Сѣчь подъ именемъ Алексѣя. Открывается обманъ. По законамъ Запорожцевъ, возбранившимъ присутствіе женщины въ Сѣчѣ, оба любовника осуждены на смерть и вмѣстѣ содер-жатся въ тюрьмѣ. Но никакаго казакъ не согласится быть на-

лечить лошадины. Приселокъ псалачъ Таваринъ. Завтра кѣмъ. Въ такомъ положении находится романъ, въ началѣ стран: 139, I часть.

«У Запорожцевъ были обычаи доставлять преступникамъ передъ казню всѣ возможные удовольствія. Вкусныя кушанья и дорогіе напитки были принесены къ обѣду Алексѣю и Маріи; но они не тронули какъ и грустно сидѣли; по временамъ изглядывали другъ на друга и, съ какою-то блуждающею (?) радостно улыбаясь, сжимали другъ друга въ объятіяхъ. Но вотъ уже солнце склонилось къ западу; въ воздухѣ стало прохладнѣе; толпы казаковъ, шумно разговаривая, бродили между куренки; вдалекѣ наигрывала бандура плясовую пѣсню, слышался тоготъ разгульного трепака, несаясь невнятные слова пѣсни... и усиленный трепакъ заглушалъ окончательныя слова. Съ другой стороны слышались торжественныя, протяжныя аккорды, и чистый мужественный голосъ пѣлъ: «На Черномъ морѣ, на блону камни» и проч:... (пѣсня эта сложена была въ честь Алексѣя Поповича). «Народъ кругомъ слушалъ пѣсню о храбромъ юсковомъ писарѣ, — а самъ писарь, приговоренный къ смерти, задумчиво отсталъ у рѣшетки и, слушая хвалебную пѣсню, грустно глядѣлъ на солнце, идущее къ западу. — О, не гляди такъ грустно, мой милый! говорила Маріина, ломая свои бѣлые руки — твоя тоска разрываетъ мое сердце! Я, неразумная, довела тебя до смерти... Знаю, что ты думаешь!

— Полно, Маріина! перестань кручиниться: не знаешь ты ихъ тяжкихъ думъ.

— Знаю, знаю! Прощай, ты думаешь, ясное солнце: завтра не я уже стану глядѣть на тебя... Не ставеть молодого удальца! будетъ меньше на свѣтѣ однимъ добрымъ казакомъ, и напрасно вороной конь ставеть жлать къ себѣ козямна — не придетъ больше хозяинъ! Другой господинъ сядетъ на коня! Зекроются, ты думаешь, мои свѣтлыя очи! Сорветъ хитрый воронъ чубъ съ моей буйной головы и советъ изъ него глѣво для своихъ дѣтей!.. Рыданія прервали слова Маріины.

— Богъ съ тобою, моя ласгочка! Что за черныя мысли пришли къ тебѣ? Видитъ Богъ, я не думалъ этого...

— Знаю, ты думалъ, къ чему довела любовь наша?... Что изъ нея вышло, кромѣ печали и несчастія!.. Алексѣй, мой ненаглядный соколъ! Развѣ я хотѣла этого? Я пала къ тебѣ вою частую любовь, мое запорожское сердце, а пришлось — смерть!..

дхъ своей похвалѣ; показавъ властность моею дѣлать себѣ между носы — и нуше помобить казака; а съумѣю навѣять, наметать ей чары любви — я сама любила на свѣгѣ... любила тебя, моею чернобровый казакъ, тебя, моя радость!»

Приходъ одного казака, всячески старающагося снасти осужденныхъ, прерываетъ эти очаровательные звуки любви, подь которые должно быть весело умирать и на которые и отвѣчать не успѣлъ Алексѣй; но странно, что у него, и въ разговорѣ съ товарищемъ, не проскользаетъ ни одно пѣнное слово о Маринѣ. Мы, наконецъ, начинаемъ сомнѣваться въ его любви, но онъ бластательнымъ образомъ оправдываетъ ее — у эшафота! Былъ законъ на Свѣгѣ: «Если найдется женщина, которая захотѣла бы вѣтъ-подъ топора или петли прямо вести преступника въ церковь и перевѣсичаться съ нимъ, то его прощаютъ». Но нашъ-отецъ (священникъ) толковалъ этотъ законъ вотъ какъ: «Кто (какая женщина) хочетъ опозорить себя! да и гдѣ возьмется на Свѣгѣ женщина? Люди встарину нарочно сдѣлали такой законъ: знали, что женщинѣ неоткуда взяться». — А между-тѣмъ нашлась женщина, да еще страстная къ Алексѣю: ее привелъ тотъ казакъ, закутанную въ плащъ съ кашпономъ. Осужденные подошли къ эшафоту, на которомъ стоялъ страшный Татарникъ, съ топоромъ въ рукѣ. Снадасть плащъ съ кашпономъ (кобенякъ)... передъ съ ужасомъ отступаютъ: на площадкѣ стоитъ женщина!

«Блѣдная, дрожащая стояла эта женщина, распустивъ по плечамъ длинныя, каштановыя косы, тихо повела глазами надъ площадью и остановилась на Алексѣѣ. Вмигъ щеки ея вспыхнули, глаза заблестали, руки выгнулись и твердымъ голосомъ сказала она: «У смерти я возьму Алексѣя Поповича; пускай на меня падутъ грѣхи его, я отвѣчу за нихъ Богу. Алексѣй! обними меня, жену твою!»

— Ай-да Татьяна! сказалъ въ толпѣ молодой казакъ. И все утихло.

«Въ какой-то торжественной красотѣ стояла передъ Алексѣемъ Татьяна, сознавъ въ душѣ всю цѣну своей заслуги передъ любимымъ человекомъ; ея глаза блестя, щеки горѣли, грудь высоко подымалась. Алексѣй молчалъ; толпа пританла дыханіе. — Хочешь-ли, вѣсто плахи, обручиться со мною? спросила Татьяна; но уже голосъ ея дрожалъ; премия блѣдность быстро сгонила съ лица румянецъ. — Алексѣй поглядѣлъ на Татьяну, подаль Маринѣ руку — и твердо возшелъ на подмостки. — Мое-

деню! отжались, раздавалось въ толпѣ. И съ насѣдниками и толчками толпа передавала съ рукъ на руки Татьяну. На площади поднялся шумъ и говоръ. Уже не видно стало Татьяны, и толпа замолкла, когда кошевой взмахнулъ булавою.

Бѣдная Татьяна! публичный позоръ и толчки ты едва-ли чувствуешь при убійственной мысли, что другъ твоей души предпочелъ смерть съ твоею соперницею — жизни съ тобою!

Предоставляя вамъ узнать изъ самаго романа, чѣмъ кончилась страшная сцена, мы скажемъ только, что вся эта драма ведена превосходно; съ каждою минутою возрастаетъ интересъ, и развязка тѣмъ восхитительнѣе, что она не произвольная, не *deus machina*, но приготовленная издавна, и свободно, естественно протекшая изъ сущности дѣла, согласно узаконенію Сѣчя. Это торжество нашего автора! Во всей этой продолжительной драмѣ, авторъ постоянно держится на высотѣ своего сюжета; поэтому мы считали себя въ правѣ критиковать такъ строго, въ началѣ этой статьи, три повѣсти г. Гребенки. На концѣ *первой* части, послѣ развязки, рѣшительный конецъ и романа: нуженъ только короткій эпилогъ о Татьянѣ, о полковникѣ Иванѣ — отцѣ Марины, о злодѣѣ Герцикѣ, изблеченномъ передъ полковникомъ — и только. Но увя! есть еще цѣлая *вторая* часть! Какимъ образомъ могъ вѣдаться въ такую изумительную вину передъ закономъ эстетики тотъ художникъ, который такъ удовлетворительно, такъ мастерски развязалъ страшную катастрофу? И для чего? Чтобы наполнять нашу душу вовсе уже излишними въ этомъ романѣ ужасами, чтобы вывести, въ жидѣ Герцикѣ, идеалъ злодѣя! Ужели авторъ не видѣлъ, что вторая часть романа уничтожаетъ первую, и весь великолѣпный эффектъ отъ чудной развязки? Здѣсь, главнымъ героемъ сдѣлался этотъ Герцикъ, а Чайковскіе уже въ сторонѣ. Жаль, очень жаль! Мы желали бы кончить свой разборъ полною похвалою автору романа!

Опытъ оправданія пьесы: Память Бородинской битвы. Соч: И. Великопольскаго (Ивьельва). С. Петербургъ. Въ типографіи К. Жернакова, 1848.

Авторъ нашъ былъ въ числѣ свидѣтелей великолѣпныхъ маневровъ, воспроизводившихъ, въ 1839 году, на Бородинскихъ поляхъ, знаменитую битву 1812 года, въ самую годовщину ея — 26-го августа. При селѣ Бородинѣ былъ тогда временный лагерь.

«Помыслилось—говорить авторъ, что счастливѣе нѣтъ этого званія, устроеннаго для потѣшныхъ зрѣлищъ на полѣ славныхъ историческихъ, среди воинственныхъ клянковъ и дамскій, нѣтъ высокой, указующей смыслъ, и вызывала русскихъ драматурговъ на сочиненіе пьесы, соответствующей оруженному торжеству. Существованіе такого представленія было какинъ-то упрямомъ нечестивной, патриотической литературѣ. Прибывшая въ Бородину, удачно составленная частная группа обѣщала хорошее мнѣніе. Перо Жуковскаго подарилъ намъ прекрасный экземпляръ на Бородинскую годовщину; но, на знаменитомъ полѣ, Бун театръ держала еще другое (перо), котораго никто, по-видимому, не осмѣливался принять въ ея руки. Авторъ пьесы: «Память Бородинской битвы,» побужденный минутою, взялъ это перо—съ тою дерзостью, которая заставляетъ иногда слишкомъ надѣяться на свои силы, но съ тѣмъ увлеченіемъ, которое немалю поражается восторгомъ.»

Пьеса была представлена, въ апрѣлѣ нынѣшняго года, въ С. Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ. Появилось двѣ рецензій о ней: въ Сѣверной Пчелѣ и въ Пантеонѣ. Защита противъ этихъ рецензій есть сюжетъ разсматриваемой брошюры. Не входя въ разборательство ни этихъ критикъ, ни антикритикъ Г-на Велкопольскаго, скромно названной «Опытномъ оправданіи,» мы останавливаемъ свое вниманіе на главнѣйшемъ—на понятіяхъ автора о драмѣ вообще—на теоріи его, оказавшей такое сильное вліяніе на судьбу его драмъ, ознаменованныхъ неотъемлемымъ достоинствомъ литературнымъ и, между-тѣмъ, не имѣвшихъ соотвѣтствѣннаго этому достоинству успѣха.

«Основное, яркое отличіе французской классической трагедіи отъ новой драмы, первообразъ которой созданъ Шекспиромъ, можетъ быть выражено двумя словами: *форма* и *жизнь*. И то и другое неминуемо должно входить въ каждое драматическое произведеніе, къ какой бы школѣ оно ни принадлежало; но въ классической трагедіи преобладаетъ *форма*; въ новой же драмѣ преобладаетъ *жизнь*. Въ театрѣ Вольтера и Расина форма самостоятельна, жизнь условна;» (не чѣмъ умысломъ ли забыть идею Карьера, который разстрѣлялъ бы оправданіе идеѣ въ трагедіяхъ Карьера и жизнь самостоятельна: мы видимъ въ немъ всѣ черты, которые онъ выводитъ на сцену!) въ трагедіяхъ Шиллера и Шиллера самостоятельна жизнь, условна форма; а въ Фаустѣ Гетѣ самостоятельна идея, условны же форма и жизнь.

«Страсти составляют неотъемлемую сущность и драмы Шекспировой, но подъ другими законами искусства. Въ ней главное: жизнь; жизнь же, въ свою очередь, не можетъ быть безъ страстей и движенія. Гамлета и его двора вы не найдете въ исторіи, но находите ихъ въ жизни; напротивъ того—Оросмана, Андромаху, Нонитенію и даже Сида можете указать въ исторіи, въ преданіи, въ мнѣнческихъ вѣрованіяхъ, но не укажете ихъ въ жизни.

«Данное пієсъ: «*Память Бородинской битвы*» названіе *сельской картини* уже показываетъ не то, чтобы авторъ не считалъ ея за пієсу» (драму), «но то, что онъ не видѣтъ въ ней притязаній на драму, исполненную страстей.»

Разсужденіе это очень умно, но—въ приѣненіи его къ драмамъ нашего автора, тутъ не достаетъ главнѣйшаго: рѣчи о движеніи драматическомъ, и объ единствѣ этого движенія! Всѣ пієсы г-на Великопольскаго замѣчательны столько же по своему литературному достоинству и нѣкоторымъ художничьимъ странностямъ оригинальнаго таланта, сколько и по отсутствію въ нихъ движенія драматическаго и единства его. Одна изъ нихъ—къ сожалѣнію, только мелькнувшая и исчезнувшая, но, конечно, не на-всегда—поразила насъ гениальностью созданія, смѣлостью художественныхъ приѣмовъ, обширностью своего круга дѣйствій. Но, согласно съ драматургією своею, авторъ допустилъ въ этой пієсѣ *пространныя біографіи трехъ дѣйствующихъ* въ ней лицъ! Есть ли хоть малѣйшая возможность, при такомъ условіи, при такихъ растаянутыхъ разсказахъ, соблести движеніе драматическое, спасти единство его? Изъ этой теоріи явствуетъ, что разумѣетъ авторъ подъ наименованіями *формы и жизни*! Форма у него только *опытная*! внутренняя же, художественная, всегда полная жизни, и жизни не прекладающей—отъ чего и говорится о *безкомочности* формы—эта высшая форма экстраордина! Жизнь же, у нашего автора, называется *сильная* и держится изъ общественнаго быта людскаго, не противопоставляемая одна другой, но имѣющая между собою связи внутренней, въ отношеніи къ идеѣ цѣлае: откуда же взятъ органическому развитію драмы и единству ея движенія? Авторъ нашъ принадлежало идеѣ *натуральной школы*, по которымъ, въ области искусства, жизнь существующая, т. е. построѣнное сплоченіе матеріала не быта человѣческаго, должна обладать цѣдъ живаго художественнаго, для—нравственнаго—отстранять се, всаго, облек

даться безъ *формы*. Но можетъ ли что-нибудь держаться безъ формы, безъ единства своего существа? Можетъ ли быть, въ области искусства, другая жизнь, кромѣ художественной, идеальной? Изъ родовъ поэзіи, драма, по своей формѣ, ближайшая къ существенности; но театръ все-таки не иное что, какъ институтъ искусственный и всяческая жизнь, проявляющаяся на немъ, будь она воспроизведеніемъ, даже сцены въ корчмѣ—также должна быть только искусственная, т. е. схваченная съ своей поэтической стороны, спасаемая формою и своимъ стройнымъ къ цѣлому отношеніемъ, стало быть, всегда высшая, чѣмъ существенность, которая представляется намъ только въ безсвязныхъ явленіяхъ.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ новѣйшей пьесѣ нашего автора. Здѣсь, мы должны говорить преимущественно объ единствѣ драматическомъ.

Бородинская битва есть самый богатый сюжетъ для великолѣпной *эпопеи*, для ряда Пиндарическихъ одъ, но не для драмы. Одна только ничтожная перепалка можетъ быть воспроизводима на сценѣ, а не сраженіе и, полавно не битва! Шекспиръ попытался ввести въ одну изъ своихъ трагедій битву (Фалииційскую) и она, на сценѣ, выходитъ жалкимъ игрищемъ. Авторъ это зналъ и потому придумалъ оригинальный способъ примѣнять битву къ сценическому представленію—въ *планъ* ея. Не разсуждая объ удачливости или неудачливости этого изобрѣтенія, рассмотримъ оное только въ отношенія къ упомянутой пьесѣ.

Почтенный авторъ конечно согласится, что *одно* изъ двухъ,—либо Бородинская битва, либо драма въ семействѣ инвалида—должно быть *главное*, ради единства драматическаго дѣйствія и интереса! Если Бородинская битва—какъ слѣдуетъ по ея исполнскому величію—то драма погибла, и дѣйствующія въ ней лица становятся только статистами. Если же *драма* должна быть *главное*, по закону искусства, то Бородинская битва дѣлается только *грунтовою* картинкой, терлетъ свое историческое величіе—и вы употребивъ все память славнѣйшей для Россіи битвы: дочь инвалида и сельскій паренъ затмѣваютъ ее. Впрочемъ, какъ бы ни было велико искусство мастера, Бородинская битва будетъ, для сельской картины, слишкомъ великолѣпнымъ *грунтомъ*, котораго не приведешь въ согласіе съ разыгрывающемся на немъ драмою, и дѣйствители въ ней могутъ показаться намъ только чѣмъ-то въ родѣ мухъ, ходящихъ по Раевскому и

битвѣ Константина съ Шахсентіемъ. Авторъ нашъ сдѣлалъ смѣ-
 лую, художническую попытку привести къ единству два столь
 разнородные предмета; но это, какъ намъ кажется, былъ един-
 ственный способъ *раздвоить* интересъ пьесы — и публика, какъ
 видно, менѣе сочувствуетъ драмѣ, нежели битвѣ; болѣе увлека-
 ется одушевленнымъ рассказчикомъ битвы, чѣмъ любовни-
 комъ Аннушки, въ лицѣ Левона. Здѣсь мы должны оградить
 себя оговоркою, что еще не видали пьесы, еще не читали ея
 (если она напечатана), но судимъ о ней единственно по «Опыту
 оправданія ея,» по собственнымъ словамъ автора. Если же
 онъ, въ своей антикритикѣ, не имѣлъ случая упомянуть о
 томъ, что—можетъ-быть—имѣется въ его пьесѣ и чего, по со-
 ображенію не читавшаго ея, не достаетъ для насъ; если мы, про-
 читавъ пьесу и, вопреки чаянію, нашли въ ней требуемое нами
 единство дѣйствія и интереса—то поставимъ себѣ въ непре-
 мѣнную обязанность объявить несправедливымъ высказанное
 здѣсь мнѣніе и громко сознаться передъ публикою, что г-нъ Ве-
 ликопольскій, въ своей пьесѣ: «Память Бородинской битвы,» со-
 вершилъ то, что мы считали абсолютно-невозможнымъ. Съ ка-
 кимъ удовольствіемъ изрекли бы мы такое сознаніе, уважая
 автора за его оригинальный талантъ, за его смѣлую, размаши-
 стую кисть, любя его за чистую душу и благородные порывы
 его ко всему прекрасному и великому. Мы порадовались бы и
 за нашу драматическую литературу, считая доселѣ драматургію
 г-на Великопольскаго единственнымъ, но непреодолимымъ пре-
 пятствіемъ для блистательнаго развитія таланта его.

Если пьеса нашего автора удержится на сценѣ, то честь и
 слава ему, взявшему это *дружеское* перо изъ рукъ Музы театра, на
 славномъ полѣ Бородинскомъ; если же нѣтъ, то мы посовето-
 вали бы автору передѣлать пьесу въ *идиллію*. У насъ еще такъ
 бѣдна область *русской* идилліи! Гнѣдичъ и Баренъ Дельвицъ во-
 дарили намъ по одной; *третьею* мы обязаны В. И. Панаеву (во-
 чтенный авторъ читалъ намъ ее въ рукописи; не знаемъ, на-
 печатана ли она.) Пишущій эти строки сочинилъ *двѣ*: «Род-
 някъ» и «Сороковая невѣста». И такъ всего *пять русскихъ*
идиллій, сколько намъ извѣстно. Мы помнимъ одну драму
 г-на Великопольскаго: «Часы съ Флейтою,» начало которой
 есть такая восхитительная идиллія, что не поймешь, какимъ
 образомъ могла она попасть въ *драму*, отъ которой такъ и хо-
 чется отрѣшиться ее. Тутъ видна преобладающая склонность на-

него автора: драматизировать все, даже то, что действительно требует иной формы. Да и въ другихъ его драмахъ много встречается наивлическихъ партій, изъ чего выводимъ мы заключение, что онъ имѣетъ необыкновенную способность къ наиву. Эта самая «Память Бородинской битвы» — сколько мы знаемъ ее изъ двухъ критикъ и одной антикритики, была бы превосходный сюжетъ для русской наиву, навпаче тѣмъ, что славная битва такъ жива въ памяти народной; разумѣется, кромѣ отстраненія формы драматической, потребовалось бы кое-какихъ, но не важныхъ измѣненій противу содержанія драмы. Пришлось бы только отказаться отъ *подробностей* битвы, уравнивать рассказъ о ней съ участіемъ въ любви молодыхъ людей, а полковецъ, Левонъ долженствовалъ бы завоевать согласіе на соединеніе съ милою—горькимъ сожалѣніемъ о томъ, зачѣмъ и ему Господь не судилъ участвовать въ этой битвѣ, положить тамъ свою буйную голову, или—по крайней мѣрѣ лишиться тамъ, подобно инвалиду-старику, руки, въ ежедневную, вѣчную память славной битвы—что не допустило бы *религиозное* иссохнуть съ тоски по *милой*.

Такъ же кратко, какъ за свою драматургію, авторъ, въ спорѣ съ критикомъ Сѣверной Пчелы, Р. Ш. Зотовымъ, стоитъ за изложенное на его лицѣ мнѣніе, что оставленіе Москвы, послѣ Бородинской битвы, было не дѣломъ необходимости; но слѣдуетъ глубокое соображеніе русскаго полководца. Намъ кажется, оба диспутанта правы: одинъ, какъ вдохновенный поэтъ, другой какъ хладнокровный, унылый историкъ. Поэтъ правъ, разгадывая тайныя мысли Кутузова, которыхъ и неслзи было обнаружить, чтобы не привести въ уныніе войско; при мысли, что не будетъ новой битвы за Матюшку—Москву, что уступить ее безъ боя. Историкъ опять правъ, основываясь на однихъ фактахъ, отстраняя всякія догадки. Приведемъ слова Р. Ш. Зотова (Сѣв. Пч. № 197) «Мы даже смѣемъ думать, что приписываемъ Кутузову весь этотъ исполнскій, дальновидный планъ освобожденія Россіи, онъ (Г-ръ Велькопольскій) набрасываетъ на него слишкомъ большую ответственность передъ судомъ будущаго вѣкова. Полководцы соображаютъ свои планы съ дѣйствіемъ неприятелей, слѣдственно вчерашній планъ можетъ уже измѣниться сегодня; смотря по вѣсѣ встрѣтившимся обстоятельствамъ. Предполагать, что Кутузовъ заравѣе обдумалъ весь свой планъ кампаніи несомнѣнно. Бородину, что онъ опредѣлялъ въ уки своемъ

результате Москвы была бы и блестящая марш на Тарутино, чтобы вернуть Россию до наступления зимы, не говоря уже о самоубийстве презорливости русского полководца. Если бы Наполеонъ, видя пожаръ сгорающей Москвы, тотчасъ же предпринялъ свою ретираду, когда русская армія строила укрѣпленія своего тарутинскаго лагеря, то могъ бы выйти изъ Россіи безъ важныхъ потерь, и нѣмнѣйшій планъ Кутузова остался бы не исполненнымъ. Если бы, даже при поданнѣмъ выступленіи своемъ изъ Москвы, Наполеонъ не встрѣтилъ въ своихъ маршалахъ столь сильнаго сопротивленія къ исполненію превосходнаго плана ретирады черезъ Воскресенскъ, Волоколамскъ, Зубцовъ и Бѣлой на Великія Луки, онъ бы не могъ быть преслѣдуемъ русскою арміею, стоявшею отъ него въ 150-ти верстахъ. Прежде, нежели она быгузнама о выступленіи его по этой дорогѣ, непріятель успѣлъ бы выиграть еще нѣсколько маршей. Что бы тогда случилось съ тѣми планами, которые г-нъ Великопольскій приписываетъ русскому вождю?»

Здѣсь г-нъ Зотовъ совершенно правъ, серьезно отвѣчая на серьезную критику; но онъ былъ не правъ въ своей первой статьѣ о «Памяти Бородинской битвы,» *интерпеллируя*, какъ историческій судья, патріотическое вдохновеніе поэта. Самое замѣчательное въ этомъ спорѣ не то: предвидѣлъ ли, или не предвидѣлъ Кутузовъ, что Наполеонъ проведетъ въ Москвѣ столько времени въ совершенномъ бездѣйствіи (такое предвидѣніе не важно, при его безсмертномъ лаврѣ Бородинскомъ и славѣ его фланговаго марша на Тарутино)—но всего замѣчательнѣе, въ этомъ спорѣ то, что г-нъ Великопольскій ратуетъ противъ Редактора Михайловича Зотова въ газетѣ, издаваемой подъ редакціею Владиміра Равандовича Зотова (сына историка)! Равановичъ и историкъ оставался сотрудникомъ Сѣв. Пчелы, не зная на мѣткіе отвѣты Булгарина редактору Литературной газеты. Слѣдуетъ поставить на видъ, похвалить отъ души такое благородное отсутствіе лицепріятія, въ дѣлѣ литературы! Впрочемъ, надо отдать справедливость и обоимъ диспутантамъ: словопрѣпіе ихъ ведено съ образцовымъ приличіемъ.

ВАРОНЪ РОЗЕНЪ.

Чтенія для солдатъ, журналъ, издаваемый съ Высочайшею дозволеніемъ, подъ редакціею гвардіи капитана Н. Чекмарева. Книжка первая. Годъ второй. С. Петербургъ, въ типографіи К. Крайя, 1848 года, въ 8 д. л. 142 стр.

Г. Чекмареву пришла прекрасная мысль издавать журналъ по дешевой цѣнѣ, для доставленія солдатамъ пріятнаго и полезнаго чтенія во время ихъ досуговъ. Мысль эта удостоилась Высочайшаго одобренія Государа Императора, и предположенный журналъ началъ выходить съ 15 сентября прошлаго года книжками черезъ каждыя два мѣсяца,—то-есть по шести книжекъ въ годъ. Г. Чекмаревъ пригласилъ къ участию въ журналѣ многихъ извѣстныхъ писателей, духовныхъ, свѣтскихъ и военныхъ, и дѣло пошло, какъ не льзя лучше. Не только наши храбрые воины находили и находятъ въ этомъ періодическомъ изданіи занимательное и полезное чтеніе, но журналъ обратилъ на себя вниманіе вообще всѣхъ любителей чтенія. Съ 15 текущаго сентября открыта подписка на второй годъ *Чтенія для солдатъ*. Желаемъ этому журналу большаго и большаго успѣха. Онъ вполне его заслуживаетъ. Подписка принимается у издателя, извѣстнаго с. петербургскаго книгопродавца Василья Исакова, въ его магазинѣ русскихъ и французскихъ книгъ, на Невскомъ проспектѣ, противъ католической церкви, въ домѣ Яковлева. Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ шести книжекъ, съ портретами, картинами и чертежами, *три рубля* серебромъ. На почтовую пересылку прилагается 25 коп. серебромъ.

НЕВЕСНОЕ ЗНАМЕНИЕ ИЛИ ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ СЪВЕРНОЕ СІЯНИЕ. Соч. *Федота Кузмичева.* Москва, 1848 года.

Удивительная, необыкновенная, величественная книга—это сѣверное сіяніе, сочиненное г. Федотомъ Кузмичевымъ. Извѣстная, старинная ода Ломоносова на ту же тему не можетъ съ этою блестящею книгою идти ни въ какое сравненіе. Очевидно, что г. Кузмичевъ принадлежитъ къ новѣйшей, *натуральной* школѣ. Кромѣ поэзіи, новое произведеніе г. Кузмичева заключаетъ въ себѣ чрезвычайно важное открытіе по части сельскаго хозяйства и позитивнаго прогресса. Если вы заботливый помещикъ, и если вы хотите, чтобы овны въ вашихъ деревняхъ нѣкогда не горѣли, (что, къ несчастію, часто случается!) то важъ

необходимо купить Сѣверное Сіяніе г. Кузмичева, которое стоить одинъ только цѣлковый. За одинъ рубль серебромъ вы навсегда застрахуете всѣ возможные овины отъ огня, хотя бы крестьяне, занимающіеся ихъ тошкою, были самаго нетрезваго поведенія. Да вѣдь это сущее благодѣяніе! Можетъ быть, вы насъ не понимаете, и намъ не вѣрите? Напрасно! Извольте прочесть объявленіе самого автора объ его новомъ сочиненіи, напечатанное въ вѣдомостяхъ. Перепечатываемъ это объявленіе съ дипломатическою точностію.

«Продается на сихъ дняхъ отпечатанная книга: *Небесное знаменіе или величественное сѣверное сіяніе соч. Федота Кузмичева*, цѣна 1 р. сер. Всѣ помѣщики и хозяева, имѣющіе въ Россіи недвижимыя имѣнія, которые прочтутъ эту книгу, могутъ въ ней найти вѣрное средство отъ пожаровъ въ овинахъ, «чтобъ никогда не горѣли.»

Вы видите, что мы сказали совершенную правду. Послѣ этого надобно будетъ удивляться, если всѣ любители великолѣпныхъ явленій природы, всѣ помѣщики и хозяева, имѣющіе въ Россіи недвижимыя имѣнія, и даже всѣ помѣщики, имѣющіе только одну движимую собственность, не выпишутъ Сѣвернаго Сіянія, сочиненнаго г. Кузмичевымъ. Книга его, кромѣ всѣхъ вышеизчисленныхъ достоинствъ, имѣетъ еще одно, котораго самъ авторъ не замѣтилъ. Она заключаетъ въ себѣ неоспоримое достоинство медицинское. Знаменитый, прусскій врачъ Гуфландъ совѣтовалъ за обѣдомъ и послѣ обѣда читать что-нибудь, возбуждающее смѣхъ, потому-что смѣхъ дѣйствуетъ самымъ благотворнымъ образомъ на пищевареніе. Пищевареніе—важное обстоятельство, особенно въ нынѣшнее время. Утомленные чтеніемъ корректуръ и другими журвальными хлопотами, мы почувствовали сегодня утромъ какую-то неловкость въ желудкѣ. Сѣверное сіяніе вымечило насъ радикально и возвратило намъ потерянный аппетитъ. За такую услугу многіе заплатили бы не одинъ рубль серебромъ, а сто, двѣсти, триста, и даже болѣе.

Не шутя совѣтуемъ выписать Сѣверное Сіяніе г. Кузмичева и употребить его за обѣдомъ и послѣ обѣда, какъ сказано. Препозная, преблагодѣтельная книжка. Лучше всякихъ, предохранительныхъ пилюль, которыя въ Парижѣ публикуются и продаются. Во-первыхъ, эта книжка восхититъ васъ поэтическимъ описаніемъ великолѣпнаго явленія природы, во-вторыхъ обезопаситъ на-всегда, надежнымъ образомъ, всѣ ваши и крестьянъ

вашихъ овны отъ пожаровъ, въ-третьихъ, поправить какой-либо разстроенный желудокъ и возбудить самый удовлетворительный аппетитъ. Многія ли книги заключаютъ въ себѣ столько разнообразныхъ достоинствъ? Напротивъ того, очень, очень многія, новѣйшія сочиненія пертять только желчь, разстраиваютъ гибельнымъ образомъ пищевареніе и даже производятъ иногда лихорадку.

Не пожалѣйте цѣлюваго! Выпишите величественное Сіаніе Сіаніе! Увѣримъ васъ, что вы останетесь довольны, и авторъ будетъ совершенно счастливъ и доволенъ, и мы будемъ довольны, однимъ словомъ, всѣ будутъ довольны и веселы.

И. ПАСАЛЬСКИЙ.

Емъсь.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ИЗЪ ПЕРСИИ.

Не буду распространяться о моемъ перѣздѣ изъ Константинополя въ Тегеранъ, потому-что вы можете найти подобныя описанія во всѣхъ путешествіяхъ; опишу только нѣкоторыя обстоятельства, которыя особенно возбуждали мое любопытство.

Послѣ отдыха въ Арзерумѣ, мы пріѣхали въ Хоразанъ, главный городъ провинціи того же имени. Мы воспользовались пребываніемъ нашимъ въ этомъ городѣ, чтобъ осмотрѣть знаменитыя бирюзовыя копи, которыя, какъ вы знаете, единственныя въ свѣтѣ. Эти копи, находящіяся въ деревнѣ Меденъ, принадлежать персидскому правительству, которое много теряетъ, отдавая ихъ на откупъ за пятьсотъ томановъ. Бирюза бываетъ двухъ родовъ. Та, которая выламывается заступами отъ огромныхъ скалъ, масса которыхъ иногда простирается до двухъ километровъ, называется сенги, или каменная, а другая, какъ или земляная, достается при промыскѣ песковъ. Первая темнѣ цвѣтомъ и болѣе цѣнится въ торговлѣ, вторая блѣднѣе, но обыкновенно болѣе величины. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашли кусокъ бирюзы такой величины, что изъ него сдѣлали кубокъ и поднесли его шаху.

Изъ Хоразана мы поѣхали въ Дагаръ, черезъ рѣку Араксъ. Перѣздъ черезъ эту рѣку особенно замѣчательнъ. Прежде, ее
К X. — Отд. VII.

перешивали посредствомъ надутыхъ кожаныхъ мѣховъ, на которые прикрѣпляли доски. Но теперь это вывелось, и рѣку переѣзжаютъ на лошадяхъ слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ теченіе его очень быстро, то начальникъ конвоя, который вѣсь провожаетъ, посылаетъ черезъ рѣку вплавь кого-нибудь изъ своихъ людей верхомъ на лошади; если теченіе его унесетъ, то остальные дожидаются, чтобъ вода сбыла, и повторяютъ тотъ же опытъ до тѣхъ поръ, пока можно будетъ перейти въ бродъ. Когда мы подѣхали къ рѣкѣ, первый опытъ былъ нашъ благопріятенъ, но мы узнали, что за пять дней до этого, когда долженъ былъ переѣзжать первый толмачъ русскаго посольства съ огромною свитою, три человѣка потонули, пробуя рѣку, бурное стремленіе которой представляло ужасный видъ.

Переѣхавъ черезъ Араксъ, мы подвергались на другой сторонѣ деревни Дагаръ гораздо бѣльшей опасности: это было при переходѣ Алла-Дага, цѣпи горъ огромной величины и покрытой льдомъ десять мѣсяцовъ въ году. Мы шли цѣлые три часа съ факелами по подземелью, продѣланному въ льдинахъ, опасаясь каждую минуту, чтобъ лавина не задавила насъ. Выйдя изъ этой ужасной бездны, мы очутились въ прекрасной долинѣ Коэрать-Кале, гдѣ отецъ нынѣшняго персидскаго государя, Аббасъ-Мирза одержалъ значительную побѣду надъ Турками въ 1825. Нашъ проводникъ заставилъ насъ здѣсь остановиться. Пока наши лошади отдыхали, мы пошли осмотрѣть пещеру Мертвыхъ, находящуюся на разстояніи километра. Она выдѣлана въ огромной скалѣ и въ ней положены кости солдатъ, убитыхъ во время сраженія. Эти кости положены пирамидой на двухъ противоположныхъ концахъ пещеры, кости Персовъ на восточной сторонѣ, а Турокъ на западной. Даже и послѣ смерти эти человѣческіе остатки какъ бы угрожаютъ еще другъ другу.

Послѣ того мы отправились на ночлегъ въ армянскій монастырь. Онъ построенъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, и основаніе его приписываютъ святому Григорію.

Зданіе это имѣетъ величественный видъ и монахи, обитающіе въ немъ, оказываютъ путешественникамъ самое великодушное гостепримство. Кладбище, назначенное для иностранцевъ, виситъ отъ монастыря, и въ немъ знаменитые усшіе какъ бы стеклись на свиданіе изъ всѣхъ частей свѣта. Возлѣ могилы супруги русскаго посланника находится могила бывшаго капитана императорской гвардіи Наполеона и ученаго, молодаго Сальважа, племянника Добентона, который прѣхалъ, чтобъ изучитъ флору этой части Азіи. Но между всѣми этими гробницами насъ поразила, особенно, гробница дочери Магола-

ва-Хана, бывшего губернатора Тавриса. Эта молодая девушка была съ европейскимъ сандеромъ, бывшимъ на службѣ у ея отца и умерла отъ усталости и изнеможенія въ деревнѣ Караклисес; мохителемъ, передъ ея смертію, пригласилъ изъ монастыря монаха и просилъ его совершить надъ нею обрядъ прощенія. На памятникѣ ея вырѣзана слѣдующая надпись: «Душа Азизимъ улетѣла сегодня на небо, въ первый день весны, 1847 года.» Здѣсь есть благочестивое обыкновеніе, достойное замѣчанія: когда какою-нибудь путешественникъ прїѣдетъ въ этотъ монастырь, одинъ изъ братьевъ идетъ въ часовню и остается тамъ до самаго отъѣзда гостя, молась о благополучіи его путешествія.

Мы отдыхали двое сутокъ у этихъ добрыхъ монаховъ. На третій день рано утромъ, передъ нашимъ отъѣздомъ, намъ подали сытный завтракъ; потомъ настоятель монастыря пригласилъ въ сопровожденіи другихъ монаховъ, и проводилъ насъ до крыльца; мы расстались съ ними со слезами на глазахъ. Черезъ нѣсколько часовъ, мы перѣѣзжали черезъ Евратъ и прорѣзали долину Баллиаъ, отъ которой на востокъ идетъ гора Араратъ. Эта гора, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, возвышается сланиномъ на 4,000 метровъ. Темнѣло, когда мы прїѣхали въ небольшой городокъ, населенный іезидами или поклонниками дьявола. Эта окта имѣетъ много послѣдователей въ Курдистанѣ. Въ центрѣ города стоитъ родъ храма, воздвигнутый злему духу міра; зданіе расписано внутри и снаружи разными знаками и кабалистическими эмблемами, представляющими самый страшный видъ.

Черезъ четыре дня, послѣ отъѣзда нашего изъ этого мѣста, мы прибыли въ Таврисъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, я, не теряя времени, надѣлъ свой офиціальныи мундиръ и пошелъ представляться принцу Банавъ-Мирѣ, брату шаха и губернатору провинціи Азербайджанъ. Я подалъ ему рекомендательныя письма, и между прочими те, которое нашъ посланникъ выхлопоталъ мнѣ отъ Месметъ-Хана, повѣреннаго въ дѣлахъ Персіи въ Константинополь. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше и пригласилъ на другой день къ обѣду. Потомъ я представлялся принцу Маленъ-Кассонъ-Мирѣ, сыну прежняго шаха и дядѣ вышшняго. Это прекрасный человекъ, ученый, любезный и владѣющій въ совершенствѣ французскимъ языкомъ. Онъ нашелъ, что я не дураю говорю по-персидски и могу добросовѣстно выполнять должность толмача.

Мы только оставались три дня въ Таврисѣ, желая съ нетерпѣніемъ достигнуть скорѣе конца нашего путешествія, и остав-

ную часть пути, около 500 километровъ, мы старались проѣхать какъ можно скорѣй, и 15 мая прибыли въ Тегеранъ, не испытавъ на дорогѣ ничего особеннаго.

Городъ Тегеранъ, нынѣшняя столица Персiи, лежитъ у подножья Альбурскихъ горъ, имѣетъ низкую почву земли и отстоитъ на сто километровъ отъ Каспiйскаго моря. Мегеметь-Ханъ первый вздумалъ въ 1794 оставить Испаганъ и назначить резиденцію въ этомъ городѣ. Онъ дѣйствовалъ съ цѣлю, чтобъ приблизиться къ центру своего государства, не выѣзжая изъ Мазандерана, провинціи особенно преданной династiи Коджаровъ, нынѣ царствующей въ Персiи. Въ то время, новая столица считала только двадцать тысячъ душъ, нынче въ ней слишкомъ сто тридцать тысячъ человекъ. Укрѣпленiя Тегерана не значительны, и единственное замѣчательное зданіе, находящееся въ городѣ, есть дворецъ шаха, который составляетъ обширный четверугольникъ, не совети красной наружности; мечети, базары, караванъ-сераи не заслуживаютъ особеннаго вниманiя. При выходѣ изъ города есть христіанское кладбище; мы нашли тамъ гробницы нѣсколькихъ Французовъ; памятники ихъ недавно были поправлены повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи. Между ними находится могила генераль-адъютанта Ромѣ, человека съ большими достоинствами, которому императоръ въ 1806 году далъ чрезвычайное порученіе къ Фетъ-Али-Шаху. Во время недолгаго пребыванiя его въ этой землѣ, онъ успѣлъ снискать всеобщее уваженіе и любовь Персовъ, такъ что они воздвигли ему на свое иждивеніе памятникъ, возвышающійся куполомъ, который и теперь виденъ при входѣ на кладбище и очень хорошо сохранился.

Первымъ дѣломъ моимъ было, пріѣхавъ въ Тегеранъ, посѣтить повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи, графа Сартжа, любезнаго и добраго человека, который умѣлъ заслужить всеобщее довѣріе, а послѣ того я посѣтилъ другаго соотечественника Эриста Клоке, доктора при шахѣ, который прибылъ не за долго до насъ. Я также нашелъ нѣсколько нашихъ офицеровъ въ персидской службѣ, которые приняли меня очень благосклонно.

Едва только успѣлъ я устроиться въ домѣ, для меня приготовленномъ, и началъ привыкать къ новому образу жизни, какъ вдругъ ужасная повальная болѣзнь распространилась по городу и въ нѣсколько дней перемѣнила видъ его. Холера появилась въ Тегеранѣ и въ самомъ началѣ произвела ужасныя опустошенiя. Вскорѣ городъ былъ предоставленъ самому себѣ; власти перестали управлять, и каждый, принцы и министры только думали о собственномъ спасенiи. Тогда-то нашъ представитель,

г. Сартижъ заслужилъ своимъ поведеніемъ довѣренность и удивленіе всѣхъ. Съ помощію нѣсколькихъ Европейцевъ, онъ раздавалъ пособія, возстановилъ порядокъ и заботился объ удовольствіи, по возможности, нуждающихся. Однако шахъ, видя, что болѣзнь не уменьшается, рѣшился выѣхать изъ столицы съ министрами, придворными и членами дипломатическаго корпуса. Надобно вамъ сказать, что климатъ въ Тегеранѣ лѣтомъ очень вреденъ для здоровья, и государь оставляетъ городъ въ половинѣ іюня и поселяется съ министрами и дворомъ въ большой равнинѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ дней отъ столицы. За ними слѣдуютъ всѣ важные сановники государства и всѣ тѣ, которые имѣютъ какой-нибудь недостатокъ, такъ что въ Тегеранѣ остается только самая бѣдная часть населенія.

День отъѣзда былъ назначенъ 28 мая. Всѣ приготовленія были сдѣланы на-скоро. Наканунѣ утромъ было объявлено всѣмъ придворнымъ быть готовыми на слѣдующій день. Пятьдесятъ женъ шаха, выбранныя изъ самыхъ красивыхъ, въ сопровожденіи свуховъ и невольницъ для ихъ прислуги, открывали шествіе. Купцы, работники, ремесленники и всѣ тѣ, которые имѣли какую-нибудь должность во время пребыванія въ лагерь, отправились караваномъ и везли свои палатки, товары и нужную посуду для хозяйства, лошади шаха, его мулы, еланы слѣдовали за ними, потомъ множество рабочаго скота везли шесты, веревки, холотъ палатокъ и всѣ вещи необходимыя для содержанія шахскаго дома.

Шахъ отправился въ дорогу на другой день съ своими дѣтьми, съ министрами, съ посланниками иностранныхъ дворовъ и своимъ докторомъ г. Клоке, который неотлучно былъ при немъ. Довольно значительный отрядъ войска сопровождалъ ихъ, и во время дороги были взяты всевозможныя предосторожности для избѣжанія холеры; государь и всѣ сопровождавшіе его носили комфорные нѣшечки и другія предостерегательныя средства этого рода, между-тѣмъ невольники жгли въ комфоркахъ душистое дерево и разныя химическія вещества, для того, чтобъ очищать воздухъ. Не смотря на всѣ эти предосторожности, частые случаи холеры открывались во время дороги. Несчастные, заболѣвшіе холерою, были оставлены на дорогѣ безъ всякаго пособія. Жары были такъ сильны, что мы принуждены были отдыхать во время дня, чтобъ продолжать путь ночью; но за то ѣхали какъ можно скорѣе и на восьмой день достигли желаемой цѣли.

Долина Султана имѣетъ въ окружности около 40 километровъ; живописныя горы окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ; она

покрыта пахучими долинами, средними обильными ручьями. Лагерь былъ расположенъ кругомъ; палатки шаха воздвигались въ самомъ центрѣ и были обращены передней стороной къ Меккѣ; за ними слѣдовали палатки министровъ, посланниковъ и первыхъ сановниковъ государства. Палатки остальныхъ людей, около ста тысячъ, принадлежавшихъ къ лагерю, были разсыяны по долинамъ. Какъ только успѣли устроить лагерь, холера распространилась здѣсь съ удивительною силою; въ нѣсколько дней шахъ потерялъ нѣсколько важныхъ чиновъ своего двора, первого своего министра, одного изъ сыновей своихъ, своего великаго визира. Самъ шахъ одолженъ былъ спасеніемъ прекраснымъ предписаніемъ своего доктора, который совѣтовалъ соблюдать во всемъ умеренность, удерживалъ его отъ всякаго излишества и объявлялъ движеніе и разлеченіе лучшими средствами противъ эпидеміи. Между средствами, которыми шахъ употреблялъ для своего разлеченія, одно особенно достойно замѣчанія. Онъ имѣлъ въ своей снѣдѣ Франдуза, родъ палица, котораго звали Маршалъ, и который занималъ его разными конусами. Этотъ человекъ пришелъ изъ Тарриса съ труппою комедіантовъ; его товарищи были одинаки преслѣдуемы чернью, какъ чернокожники. Маршалъ успѣлъ спастись и шелъ за армянскими караваномъ, отправлявшимся въ Тегеранъ. Тамъ, по покровительству повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи, онъ получилъ отъ начальнаго полиціи позволеніе заниматься своимъ ремесломъ. Вскорѣ онъ обратилъ вниманіе жителей Тегерана; шахъ, услышавъ объ немъ, хотѣлъ призвать его во дворецъ и былъ имъ такъ доволенъ, что оставилъ его при своемъ дворѣ. Во все время, какъ была холера, палица употреблялъ всю изобрѣтательность и силу своего искусства, и разлеченія, которыми онъ доставлялъ шаху, были очень полезны его здравью. Эпидемія уже кончилась, когда умеръ Маршалъ отъ удара за два дня до возвращенія изъ лагерь. Шахъ былъ огорченъ его смертію болѣе, чѣмъ смертію своего великаго визира.

Время, которое мы провели въ Султани, было печально по случаю холеры. Всякой день множество людей были съгнаны. На двухъ орошеностяхъ долами устроены были огромныя могилы, куда каждый день возили мертвыхъ въ большихъ телегахъ, въ сопровожденіи страды кавалеріи. Но нечего говорить о томъ, что представляеть слѣшкомъ ужасныя и однообразныя картины. Снятіе лагеря было назначено 10 сентября, и черезъ два недѣли мы прибыли въ Тегеранъ. Городъ былъ оутошествованъ бендикомъ, но имперъ все равно

въ свой обыкновенный порядокъ. Я еще такъ недавно въ этой землѣ, и потому не могу судить основательно объ управленіи государства, а подробности, которыя я приложу къ моему уже и безъ того длинному письму, я заимствовалъ отъ Европейцевъ, съ которыми ежедневно бываю въ сношеніяхъ.

На смотря на прекрасное мѣстоположеніе, Персія находится, по причинѣ совершеннаго упадка торговли и хлѣбопашества, въ состояніи нищеты, на которую нельзя равнодушно смотреть. Доходы государства никогда не превышаютъ сумму шестидесяти милліоновъ франковъ, на которые надо содержать болѣе чѣмъ двухъ-сотъ-тысячную армию и дворъ единственной въ свѣтѣ, состоящей изъ безчисленнаго множества принцевъ, хановъ, вельможъ великаго рода, безъ должностей и безъ всякаго состоянія. Потому нужда въ деньгахъ чувствуется безпрестанно, и правительство употребляетъ въ дѣло всѣ средства, чтобы добыть ихъ какими бы то ни было образомъ.

Государственными сановникамъ, губернаторамъ провинцій платятъ жалованье дурно а иногда и ничего не платятъ; они живутъ на иждивеніи народа и позволяютъ себѣ грабительства всякаго рода. Даже палачъ живетъ на счетъ народа. Люди, приговоренные къ смерти, если они богаты, могутъ выкупиться, внося сумму денегъ, которую палачъ дѣлитъ по поламъ съ великимъ визиремъ. Преступникъ, приговоренный къ отрѣзанію ушей, можетъ выкупить каждое ухо за три томана. Случается, что, не имѣя возможности заплатить за два уха, онъ выкупаетъ одно. Подобныя примѣры случаются каждый день.

Любопытство поставитъ въ параллель этой нищетѣ, требующей радикальной реформы во всѣхъ частяхъ государства, роскошь шахова дворца, въ который впрочемъ попасть не трудно. Вы входите въ зданіе черезъ огромныя ворота въ мавританскомъ стилѣ, называемыя Дери-Фааде или ворота счастья. Они ведутъ въ огромный дворъ, по которому гуляютъ день и ночь персидскія лошади, въ великолѣпной сбруѣ; стѣны выкрашены яркими красками и окошки украшены небольшими рѣшетками, которыя, въ память происхожденія своего, называются у насъ въ Европѣ персидскими (persiennes). Посреди двора возвышается, въ поученіе народу, огромный черный шестъ, къ которому привѣшена голова матажника. Последній, который былъ приговоренъ на смерть и котораго безобразный черепъ видѣнъ былъ на шестѣ, былъ старый ханъ, губернаторъ одного изъ пограничныхъ городовъ; онъ хотѣлъ сдѣлаться независимымъ, но былъ схваченъ и преданъ ужаснѣйшимъ мученіямъ. Изъ этого двора вы подымаетесь по огромнымъ мраморнымъ террасамъ

въ тронную залу, величественной сводъ которой поддерживается изящными мраморными колоннами. Стѣны яркаго бѣлаго цвѣта испещрены арабесками, посреди которыхъ видѣются стихи изъ корана, начертанные золотыми буквами. На полу разостланъ большой кашемирскій коверъ отличнаго рисунка. Въ глубинѣ залы возвышается великолѣпный балдахинъ, поддерживаемый колоннами, украшенными золотыми мушками. Этотъ балдахинъ, имѣющій видъ солнца, блеститъ брилліантами и драгоценными камнями. Во время торжественныхъ аудіенцій шахъ садится на этотъ тронъ. Онъ надѣваетъ великолѣпное платье, гдѣ во множествѣ блестятъ брилліанты и дорогіе камни. Между ними примѣчательны Куги-Гуръ, или гора свѣта и знаменитый деріай-гуръ, столько прославленный на востокѣ, и на который больно пристально смотрѣтъ какъ на солнце; потому и дали ему названіе свѣтящаго океана. Во время этикъ выходовъ шахъ бываетъ окруженъ самою блестящею свитою своего двора. Это представляетъ волшебный видъ, напоминающій Тысячу одну ночь. Я два раза наслаждался этимъ зрѣлищемъ.

Я желалъ бы, чтобъ эти наскоро набросанныя замѣтки заняли васъ и могли подать мысль о землѣ, которая такъ мало извѣстна въ Европѣ.

ДЕНЬ, ПРОВЕДЕННЫЙ НА ОСТРОВЪ МИНОРКЪ. Въ началѣ декабря 1846 года, отправился я изъ Тулона въ Алжиръ на парходѣ Монтезума, который занимался перевозкою муловъ и колонистовъ. Триста мужчинъ, четыреста женщинъ и триста дѣтей находились въ этотъ разъ на парходѣ и перевозились въ Алжиръ на счетъ правительства. При нашемъ отъѣздѣ солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ, и свѣжій вѣтеръ надувалъ паруса, такъ что въ короткое время, мы потеряли изъ виду берега Прованса.

Множество пассажировъ оживляло палубу и, при видѣ яснаго неба и тишины морской, всякой изъ нихъ предсказывалъ счастливую поѣздку. Но вѣтъ ничего обманчивѣе Средиземнаго моря. Легкій вѣтерокъ, съ помощію котораго мы быстро неслись впередъ, вдругъ превратился въ сильный ураганъ: море заволновалось, сильные валы стали ударять въ нашъ корабль и все стало предаваться безнокойную, бурную ночь. Какъ бы по маговенію волшебнаго жезла, палуба опустѣла, морская болѣзнь обнаружилась, и со всѣхъ сторонъ послышались жалобы и стenanія несчастныхъ пассажировъ. Не всѣхъ болѣе страдали женщины и дѣти, помѣщенные, по непростительной безпечности

французскихъ мѣстныхъ начальствъ, на пространствѣ въ 40 ф. длины и 20 ширины. Страданія ихъ, въ продолженіе ночи, были ужасны, особенно около полуночи, когда буря превратилась въ настоящій ураганъ. Французы, не исключая и моряковъ, по природѣ мягкосердечны, а потому и въ этомъ случаѣ, какъ офицеры, такъ и матросы на-перерывъ старались по возможности облегчить участь этихъ несчастныхъ. Наконецъ наступилъ мрачный, пасмурный день. Небо подернуто было густыми облаками; вѣтеръ, казалось, грозилъ выбросить насъ на берега Сардиніи.

«Земля!» закричалъ сторожевой. «Это долженъ быть островъ Минорка, прибавилъ капитанъ, теперь мы можемъ остановиться въ Магонѣ и между-тѣмъ какъ мы станемъ чистить корабль и выкачивать налившуюся воду, наши пассажиры немного отдохнуть и соберутся съ новыми силами.» Всеобщій радостный крикъ былъ отвѣтомъ на это предложеніе.

Вскорѣ представились глазамъ нашимъ скалы острова. Если бы онъ были и во сто разъ угрюмѣе и обнаженнѣе, то и тогда показались бы намъ земнымъ раемъ, потому-что ничто не производитъ столь радостнаго впечатлѣнія, какъ видъ твердой земли послѣ сильной бури. Пушечный выстрѣлъ съ нашего дека требовалъ лоцмана, и, черезъ мгновеніе, мы усмотрѣли свозъ густой туманъ, покрывавшій крутые, утесистые берега острова, приближающійся къ намъ маленькій челночекъ, который издали представлялся раковинною скорлупою. Это маленькое судно колыбалось на волнахъ, какъ водяной пузырь; то поднималось оно на вершину вала, то опускалось вмѣстѣ съ нимъ, какъ бы желая исчезнуть на вѣки. Челнокъ уже былъ близко; съ корабля бросили веревку, и одинъ изъ двухъ гребцовъ, бывшихъ въ челнокѣ, взобрался по ней на корабль. Это былъ лоцманъ; онъ всталъ на руль, и мы быстро подвинулись впередъ, такъ что, черезъ нѣсколько минутъ, могли уже отличить бѣлую полосу у самого подножія утеса. Это и былъ городъ Магонъ или предмѣстіе его—портъ Св. Филиппа. Мы бросили якорь у одной огромной скалы, о которую съ ужаснымъ ревомъ разбивались волны; глазамъ представилась бухта, гавань, а за нею и портъ Магонъ.

Четверть часа послѣ того, какъ бросили якорь, мы уже взбирались на крутой утесъ, который изъ гавани ведетъ въ городъ. Заранѣе мы представляли себѣ удовольствіе провести ночь на настоящей кровати.

Магонъ построенъ на скалѣ, и портъ его, одинъ изъ прѣстравнѣйшихъ и безопаснѣйшихъ на Средиземномъ морѣ, окруженъ съ

двухъ сторонъ рядомъ крутыя, обрамленыя угосавъ. Посредине бухты и въ недалекомъ разстояніи отъ входа въ портъ, находится маленький островъ, на которомъ виднѣется вѣроятно полуразвалившіеся строения. Это лазареты, куда прежде вращались, для излеченія чистымъ воздухомъ Минорин, больные и раненыя солдаты изъ Алжира. Но испанское правительство давно уже огнало островокъ del Rey у Французовъ, которые приписываютъ поступокъ этотъ вліянію Англии. Молодой Французъ, передавшій мнѣ это предположеніе, прибавилъ съ торжествующимъ видомъ, что слѣдствіемъ этого было то, что все народонаселеніе Магона перешло во Францію. И это, кажется, дѣйствительно справедливо. Изъ 30,000 осталось въ Магонѣ едва 6,000 жителей. Они переселились частью въ Алжиръ, частью же въ Оранъ и Марсель. Мужчины, искусные садовники и сельские кушмы переселяются, въ означенныя мѣста, поискать счастья, что имъ болѣею частью и удается.

Мы встрѣтили въ Магонѣ двухъ представителей Франціи, а именно французскаго консула и содержателя гостиницы, Hôtel de France. Первый изъ нихъ ловкій мужчина, родомъ Голландецъ. Домъ его настоящій музей по части литературы, искусствъ и естественной исторіи Балеарскихъ острововъ. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ драгоценностей доставило намъ не мало удовольствія, тѣмъ болѣе, что это произведено было подъ руководствомъ самаго владѣльца, человѣка образованнаго и редунаго. Содержатель гостиницы напротивъ природный Французъ, взятый въ плѣнъ въ 1809 году и перевезенный тогда же въ Магонъ, гдѣ онъ въслѣдствіе женился и приобрѣлъ значительное состояніе. Его гостиница, какъ и вообще всѣ дома въ Магонѣ, содержатся очень опрятно, и онъ чрезвычайно внимателенъ къ пріѣзжимъ. При его содѣйствіи представилась намъ возможность осмотрѣть, въ продолженіе 24 часовъ, всѣ достопримечательности города. Жители Магона, особенно женщины, очень учтивы и предупредительны къ чужестранцу и входъ въ дома ихъ всегда для него открытъ, если только онъ принадлежн къ числу образованныхъ людей.

Въ Магонѣ находится мануфактура искусственныхъ цѣтловъ изъ флишета, такъ уважаемыхъ въ Парижѣ, гдѣ они употребляются въ дамскихъ нарядахъ. Ничто не можетъ сравниться съ прелекательностью и изловидностью мастерскихъ цѣтловъ. Езъ ознакъ на предѣлаю желѣзныхъ рѣшетокъ, которыя представляютъ испанскимъ домамъ сходство съ тюрьмами. Обыкновенно эти мастерскія находятся въ нижнихъ этажахъ, и вы легко увидите въ нихъ отъ 12 до 15 прекрасныхъ молодыхъ дѣвушекъ, съ

любопытством поглаздяющих на улицу и на проходящих. Если вы останетесь перед окномъ, то хозяйка мастерской изъ учтивости тотчасъ же пригласитъ васъ войти и помобовать се замасомъ его цвѣтовъ. Конечно, вы купите нѣкоторыя изъ нихъ въ воспоминаніе пребыванія вашего въ Магонъ и, поговорившись съ прекрасными цвѣточницами, выйдете изъ мастерской много очарованными остроуміемъ и простодушіемъ хорошенькихъ Магонянокъ. Въ Магонъ вы не встрѣтите ни одного безобразнаго лица, но цвѣточницамъ, какъ кажется, лучшія и красивѣйшія изъ всѣхъ женщинъ. Поразительный контрастъ представляютъ живость и безпрестанная дѣятельность Магонцовъ, съ молчаливостью испанскихъ начальствъ, которыя столь же угрюмы и скрытны, сколько тѣ обходительны и разговорчивы.

Въ Магонъ находится очень мало общественныхъ зданій, за исключеніемъ шести церквей самаго оригинальнаго архитектурнаго стиля, съ странными украшеніями, между которыми, разумѣется, первое мѣсто занимаютъ эмалевые цвѣты. Въ соборѣ находится нѣсколько памятниковъ, вырѣзанныхъ изъ дерева и позолоченныхъ, которые поражаютъ съ перваго разу хотя стилемъ ихъ и не изъ лучшихъ.

Послѣ церквей особеннаго вниманія заслуживаетъ кладбище; само село Магона образуетъ большой, обнесенный высокими стѣнами дворъ, въ которомъ находится столько входовъ въ каделы, сколько мѣстность то позволяетъ. Имена и званія умершихъ выставлены на доскѣ, висящей подъ алтаремъ каждой каделы, между-тѣмъ какъ смертныя ихъ останки покоятся подъ сводами, на которыхъ стоитъ самый алтарь. Собственно же кладбище есть большая аллея, которая раздѣляется на столько же частей, сколько находится могилъ, отчего онъ получаетъ поразительное сходство съ шахматною доскою.

Сады въ окрестностяхъ Магона имѣютъ особенный, даже нѣсколько печальный видъ. Представьте себѣ возвышенное пространство, не отнѣемое ни однимъ порядочнымъ деревомъ и раздѣленное на множество квадратовъ, и вы будете имѣть повидимому о здѣшнихъ садахъ. На нѣкоторыхъ крутыхъ склонахъ растетъ виноградная лоза Минорка, доставляющая довольно хорошее вино. Въ Магонъ находится театръ, въ которомъ играютъ попеременно испанскіе и итальянскіе артисты.

Вообще Магонцы любятъ музыку и занимаются ею съ большимъ пристрастіемъ. Во всякомъ домѣ вы найдете арфу, скрипку и гитару, а вечеромъ со всѣхъ сторонъ доносится до слуха вашего звукъ гитары и мадонны. Оркестръ въ теа-

трѣ, составленный изъ дилетантовъ, такъ хорошъ, какъ будто бы въ немъ участвовали одни настоящіе артисты. Внутренность театра довольно обширна и производитъ пріятное впечатлѣніе; ложи расположены въ три ряда, часть партера занимаетъ оркестръ. Дамы являются въ театръ въ пышныхъ нарядахъ, всё почти въ мантияхъ, которыя, какъ извѣстно, составляютъ необходимую принадлежность испавской національной одежды, и съ вѣромъ въ рукахъ. На слѣдующее уже утро, по нашемъ прибытіи, пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ насъ объ отъѣздѣ. Въ часъ по полудни распространился мы съ этимъ нѣкогда столь цвѣтущимъ городомъ, и гостепріимнымъ портомъ; нѣсколько минутъ еще взоры наши различали островокъ del Rey, пока и онъ не исчезъ изъ виду за утесистыми берегами Минорки. На слѣдующее утро показалась роскошная зелень Алжира и вскорѣ за нею появились бѣлые дома главнаго города французской Африки.

ПУТЕШЕСТВІЕ Г. МАРШЬЕ ПО ПИРЕНЕЙСКИМЪ ГОРАМЪ. Есть впечатлѣнія, которыхъ перо не можетъ передать; есть мысли, которыя душа носитъ въ себѣ съ наслажденіемъ, но которыхъ нельзя выразить словомъ. Созданіе въ душѣ художника всегда бываетъ лучше созданія на дѣлѣ. Картина, которую онъ обдумалъ, измѣняется и слабѣетъ, переходя на полотно. Такъ и мысль, выраженная словомъ, какъ будто становится безжизненною. По крайней мѣрѣ я такъ чувствую, когда припоминаю живыя и сладостныя движенія сердца, которыя я испытывалъ, впервые увидѣвъ Пиреней. Эти горы видны еще изъ Тулузы и Норбонны; онѣ выказываются вдаль, какъ облако, какъ дымъ. Но за Сенъ-Годеномъ, онѣ явились передо мной во всемъ ихъ величіи. Я смотрѣлъ на нихъ съ прелестной долины, изгибающейся у ихъ подошвы. Было утро; солнце только что взошло. Часть горъ была еще одѣта лазуревымъ цвѣтомъ, какъ волны моря, освѣщеннаго первыми лучами зари. Густыя капли росы блистали на каждой былинкѣ луга, на каждомъ листочкѣ вустаршиковъ; свѣжій вѣтеръ шелестилъ въ гибкихъ вѣтвяхъ осины и плакучей лвы. Я шелъ пѣшкомъ по долинѣ, наслаждался внутренно этой чудною картиной. Горы возвышаются отдѣльными грядами и гигантскими холмами и тянутся какъ кольца непрерывной цѣпи. Часто вы думаете, что дорога вдругъ прерывается; горы окружаютъ васъ со всѣхъ сторонъ. Но идете далѣе, и вотъ отирается ущелье, и дорога снова извѣ-

зается передъ вами. На каждомъ шагѣ, представляется вашимъ глазамъ новая картина, одна разнообразнѣе другой.

Препрассная была мысль древнихъ обитателей этой страны начать исторію Пиреней любовнымъ преданіемъ. Каждый народъ, въ эпоху своего младенчества, живетъ болѣе воображеніемъ. Онъ съ удивленіемъ останавливается передъ чудесами природы; старается объяснить ихъ себѣ, а изъ того, чего не можетъ понять, составляетъ поэтическую басню. Греческая мифологія приписывала землетрясенія силѣ Титановъ, слившихся освободиться изъ темницы, въ которую заперъ ихъ Юпитеръ. Сѣверные народы думаютъ, что жалобные стоны, раздающіеся по вечерамъ, посреди лѣсовъ, возлѣ горъ, суть стenanія ихъ предковъ, заключенныхъ въ мрачныхъ пещерахъ до страшнаго суда, въ наказаніе за ихъ язычество. Припиренейскіе обитатели рассказываютъ, что Геркулесъ сложилъ эти горы, складывая груду на груду, скалу на скалу, чтобы сдѣлать гробницу своей возлюбленной Пиренѣ.

Отъ деревни Сьерпъ, долина суживается и дорога идетъ въ гору. Здѣсь видны развалины христіанской церкви, которая воздвигнута была среди этихъ горъ во дни гоненій. Когда Наполеонъ приказалъ сдѣлать всеобщую перепись по всей Франціи, то въ Пиренейскихъ горахъ нашли цѣлыя селенія потомковъ Альбигойцевъ, которые и не слышали ничего о революціи 1789 года и по-прежнему считали себя изгнанниками.

Наконецъ, мы достигли до Баньера-де-Люшона, расположеннаго въ прекрасной долинѣ и окруженнаго горами, на подобіе вала.

Въ Баньерѣ одна только большая улица, которая идетъ мимо купальнъ, одна порядочная, довольно просторная аллея, служащая гульбищемъ, и нѣсколько недавно построенныхъ домовъ для пріѣзжающихъ. Мы прибыли туда въ концѣ сентября; а въ это время купальщики уже отправляются по своимъ мѣстамъ,—и купцы убираютъ свои палатки, залы собранія закрываются, трактирщики отдыхаютъ; только толпы носильщиковъ, проводниковъ, извозчиковъ и факторовъ нападаютъ тогда на бѣднаго путешественника, какъ на неожиданную добычу. И въ лѣтнюю пору, когда собирается тамъ довольно значительное число путешественниковъ, Баньеръ не можетъ похвалиться большою дѣятельностію, но, съ окончаніемъ купальнаго времени, городъ совершенно пустѣетъ, и жители его кое-какъ пробиваются, остальное время года, заработками прошлаго лѣта.

Мы пріѣхали туда въ день ярмарки; это одинъ изъ послѣднихъ тамошнихъ праздниковъ. Всѣ окрестные крестьяне соби-

расходятся на этотъ день въ Баньеръ, пастухи спускаютъ съ горы Каталонецъ и Арагонецъ, въ своихъ вышивкахъ, чегусроутовскихъ, арагонскихъ шапкахъ, подпоясанные шелковыми или шерстяными красными кушаками, также приходятъ на этотъ праздникъ. Тутъ являются и молодые девушки изъ Венаски въ своихъ черныхъ мантильяхъ и вертлукъ сапожкахъ, и горюки женщины въ своихъ живописныхъ нарядахъ. Эта сѣлая одежда, обычная, нарѣднѣй, была для насъ совершенно новымъ и замѣтлѣвымъ зрѣлищемъ.

Иностранцы, заѣзжающіе въ Баньеръ, развлекаютъ себя отъ скучной и однообразной жизни этого города прогулками по его живописнымъ окрестностямъ. Чаще всего посещаются иностранцами берега озера Оо и его большой каскадъ, и долина Лаліи, названная по множеству растущихъ на ней этихъ лиственницъ. Дорога къ озеру Оо идетъ черезъ волшебныя буковые лѣса. Подъ ногами шумятъ бѣлыя волны Писо, въ которую сбѣгаютъ все горные потоки. Вправо, виднѣется тамъ и сямъ разбросанныя жилища пастуховъ. Это малые, грубо сложенные изъ камней, домики, покрытые широкими осиплыми плитами. Пастухи приходятъ туда только на лѣто, когда стада ихъ пасутся въ горахъ. А на зиму они расходятся по своимъ деревнямъ. Пастухи ведутъ самую воздержную жизнь: пищу ихъ оставляютъ сыръ, который они приготавливаютъ сами, и вяленая козлятина. Въ деревняхъ своихъ, они устраиваютъ особенный общественный сарай, гдѣ проводятъ длинныя зимніе вечера между разговоромъ и работой. Въ каждомъ селеніи также находится школа, въ которой учатъ дѣтей странствующіе учителя, нанимающіеся на всю зиму.

Долина Лаліи замыкается лѣсомъ и скалами, съ которыхъ ниспадаютъ четыре каскада, привлекающіе любопытныхъ посетителей. Особенно замѣчательна Аденій каскадъ; онъ падаетъ съ значительной высоты и вытекаетъ изъ прямой и глубокой расщелины; воды его отсвѣчиваются всеми цвѣтами и то падаютъ внизъ, какъ хлопья снѣга, то разносятся по вѣтру, какъ прозрачная ткань.

Послѣ этихъ двухъ поѣздокъ, мы вздумали отправиться подалѣе: именно, черезъ горы пробраться до Венаски, перваго города арагонскаго. Мы выѣхали въ пять часовъ утра: насъ было четверо, въ томъ числѣ проводникъ нашъ, который шелъ впередъ въ своемъ живописномъ костюмѣ. Только что мы вышли изъ Баньера, какъ надо было подниматься въ гору, лѣсомъ, по скользкимъ и пзвляистымъ тропикамъ. Недалекъ отъ насъ, мы замѣтили остатки старой башни, построенной для защиты отъ

Сарацинъ, и развалины одного изъ тѣхъ безчисленныхъ замковъ, которыми владѣли въ этихъ мѣстахъ храмовые рыцари.

Всходя безъ остановки, въ продолженіе двухъ съ половиной часовъ, мы добрались до французской гостиницы. Этимъ именемъ называютъ одинъ домъ, который городъ Баньеръ отдаетъ въ нашіе частнымъ людямъ, съ тѣмъ чтобы въ немъ всегда были готовы комната и столъ для путешественниковъ; но это условіе исполняется тѣмъ только, что въ немъ можно найти нѣсколько соломенныхъ тюфяковъ, да немного хлѣба и сыру, по очень дорогой цѣнѣ. Зимой, здѣсь происходитъ довольно занятельная вещь. Въ это время наешники выѣзжаютъ изъ дома, потому-что, каждую минуту, имъ угрожала бы опасность лечь подъ горами снѣга и льда; но они, всякую недѣлю, доставляютъ туда свѣжую провизію и дрова для очага. Путешественники входятъ въ домъ, разводять огонь, берутъ кому что угодно, оставляютъ деньги на столъ, сколько кто считаетъ нужнымъ, за пріетаніе и за пищу, которою пользовался. Говорятъ, что съ самаго учрежденія этого страннопріимнаго дома, никто не уходилъ изъ него, не заплативъ сколько слѣдовало. Мы сѣли на травѣ, на краю ручья, и позавтракали совершенно по-швейцарски, какъ по роду кушаньевъ, изъ которыхъ состоялъ нашъ завтракъ, такъ и по веселью, которымъ онъ сопровождался.

Добравшись до гостиницы, мы думали, что уже были очень высоко; между-тѣмъ, еще не прошли и половины дороги. Нужно было снова пуститься въ путь, и на этотъ разъ уже не роскошнымъ лѣсомъ, но по голой, каменной землѣ. Я удивлялся силѣ и смѣлвости маленькихъ лошадокъ, которыхъ употребляютъ здѣсь для ѣзды по горнымъ дорогамъ. Нога человѣческая врядъ ли бы остановилась тамъ, гдѣ онѣ ставятъ свои копыта, и опытный глазъ пастуха не открылъ бы вѣрнѣе дороги, по которой надобно идти. Часто, при трудныхъ переходахъ, я съ пріятностію наблюдалъ за своею лошадейю; иногда она останавливалась на минуту, какъ бы раздумывала и искала почти на гладкой скалѣ удобнаго мѣста, потомъ ставила свои ноги въ какую-нибудь расщелину, зацѣплялась за маленькую неровность и съ силой вскакивала наверхъ. При спускѣ съ крутизны, она изъ всѣхъ силъ упиралась передними ногами; если же спускъ былъ широкъ и ровенъ, то она съ ловкостію скользила по нему и такимъ образомъ скатывалась внизъ.

Дорога, по которой мы ѣхали, шла непрерывными извилинами и съ каждымъ шагомъ дѣлалась неровнѣе и труднѣе. Высоты, на которыя мы взбирались утромъ, теперь казались намъ

равнинами. Орелъ парилъ подъ нами, облака послѣлись лишь въ нѣсколькихъ футахъ выше насъ. Каждую минуту, намъ надо было останавливаться, чтобы дать вздохнуть лошадямъ, и потомъ снова подниматься еще выше, по растрескавшимся сватамъ горы, по едва замѣтнымъ тропинкамъ. Когда мы достигли до большихъ голубыхъ озеръ, находящихся почти на самой вершинѣ горы, воздухъ тамъ былъ такъ холоденъ, что мы должны были завернуться въ плащи. Оттуда, намъ оставалось еще сдѣлать небольшой, но очень трудный переходъ. Портъ Вемскъ былъ уже виденъ; желѣзный крестъ, раздѣляющій Францію отъ Испаніи, явился нашимъ глазамъ надъ скалою; взобравшись на самый верхъ горы, мы съ изумленіемъ остановились. Подъ нашими ногами тянулось узкое, бесплодное ущелье, съ мутнымъ потокомъ; насупротивъ, гора безъ деревьевъ, безъ зелени, покрытая желтоватою землею, усыпанная скалами и увѣчанная стѣпною вершиной. Это Маладетта.

Прежде, говорить Испанецъ, эта гора не имѣла того страшнаго вида, какой она представляетъ теперь. Она была одѣта роскошными пастбищами и величественными лѣсами. Пастухъ любилъ устранивать тамъ свое жилище, и цѣлыя деревни угнѣчивали ее своими бѣлыми домиками съ аспидными крышами. Однажды, говорить преданіе, добрый духъ захотѣлъ испытать нравы этихъ жителей; одѣвшись въ платье пилигрима, онъ пошелъ просить у нихъ гостепримства. Никто ему не отворялъ воротъ, потому-что довольство окаменило сердца этихъ людей, и нищета странника не могла ихъ тронуть. Духъ, обойдя такимъ образомъ всѣ дома, хотѣлъ уже удалиться, какъ вдругъ замѣтилъ въ сторонѣ маленькую хижину, которая отличалась отъ другихъ домовъ своею скромною наружностію; онъ рѣшился сдѣлать еще попытку и только что успѣлъ постучаться, какъ дверь отворилась, и добрая семья поспѣшила принять странника, приготовила ему ужинъ и теплую постель. Духъ, справедливо раздраженный жестокосердіемъ другихъ жителей деревни и тронутый бѣдностію и безкорыстіемъ этого семейства, перевезъ его на соседнюю гору, далъ ему домъ, поля и богатые пастбища; потомъ, поставивъ всю семью лицомъ къ Маладеттѣ, сказалъ имъ: «Посмотрите, вотъ какъ небо наказываетъ злыхъ!» и указалъ рукою на жилища негостепримныхъ, которыя въ ту же минуту со всѣми жителями были завалены горами сѣна; луга потеряли свою зелень, стада превратились въ камни, и человекъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эту гору, не смѣя приблизиться къ ней.

Очевидно, что это древняя басня о Филемонѣ и Бавкидѣ, еще

одна изъ тѣхъ восточныхъ бассейновъ, которыя усвоилъ себѣ сѣверъ; слѣдя за нихъ измѣненіемъ, за нихъ переходомъ изъ страны въ страну, можно гораздо вѣрнѣе объяснить сродство народовъ, чѣмъ сближеніемъ разныхъ нарѣчій или сходствомъ физическаго устройства.

Маладетта, послѣ Монъ-Пердю, есть самая возвышенная точка Пиренейскихъ горъ. На ней водятся лѣкіе, длинношерстые бараны, съ необыкновенно-крѣпкими рогами; изюары, красивые верблюды, съ прекрасно сложенною головою. У подошвы кое-гдѣ растущихъ елей, вырываетъ берлогу бурый медвѣдь; между безчисленныхъ ея утесовъ вьютъ себѣ гнѣзда царскій орелъ и гризъ. Въ Маладеттѣ встрѣчаются различныя породы камней, желтый камень, похожій на сѣру, желѣзнякъ, аспидный камень, бѣлый мраморъ, не уступающій карарскому, красный мраморъ различныхъ оттѣнковъ, зеленый мраморъ; попадаются также и серебряная руда.

Достигнувъ до порта Венаסקа, дорога постоянно начинаетъ понижаться. Но что это за дорога! На каждомъ шагѣ—груды камней, поваленныя потоками деревья, широкія расщелины, высунувшіяся скалы, преграждаютъ вамъ путь. Лошади непрерывно скользятъ, спотыкаются и чуть-чуть не падаютъ. А съ лѣвой стороны отъ этой дороги, иногда въ полуфутѣ отъ того мѣста, гдѣ ставитъ копыто ваша лошадь, бездонная пропасть! Можно бы въ нѣсколько дней сдѣлать эту тропинку, если бы совсѣмъ удобно; но крайней мѣрѣ безопасно: но никто не хочетъ позаботиться объ этомъ. Каждый годъ, во время зимы, иногда даже и въ лѣтнюю пору, здѣсь погибаетъ множество людей. Священники ночью за нужное освятить эту землю, чтобы она служила христіанскимъ кладбищемъ для несчастныхъ, застигнутыхъ ночью или ураганомъ, но Каталонцамъ, живущимъ въ окрестныхъ деревняхъ, и торговцамъ мулами, которые каждый годъ проходятъ здѣсь, не пришло въ голову собраться однажды съ заступами и исправить по возможности дорогу. Правда, городъ Венаскъ давно уже испрашивалъ дозволенія продать часть своихъ лѣсовъ, для улучшенія дороги; но испанское правительство до-сихъ-поръ еще не разрѣшило этой просьбы, и дорога остается въ прежнее состояніи.

Подъ горою, съ которой спускались, мы замѣтили первый испанскій домъ; это гостиница для путешественниковъ, устроенная на счетъ города Венаски. Если мы совсѣмъ были довольны и баньерскою гостиницей, то надо признаться, что та была дворецъ въ сравненіи съ этой. Мы вошли въ домъ, кое-какъ сложенный изъ камней. По срединѣ его поставлена легкая пере-

городка, по одну сторону которой помещается скотъ, а по другой путешественники; крыша въ ростъ человека, а сдѣланными въ ней отверстія служатъ вмѣсто оконекъ и трубы; на полу, или лучше на землѣ, былъ разведенъ большой огонь, и кругомъ этого жарника, въ густомъ дымѣ, сидѣли какіе-то мужчины съ мрачными лицами, и до чрезвычайности неопрятныя женщины. То былъ настоящій шалашь дикарей. Мы поспѣшили выйти изъ этой заразной атмосферы, и сѣли подлѣ открытыя нѣбомъ. Къ счастью, съ нами было нѣсколько provisions. Намъ принесли воды въ сосудѣ, въ которомъ только что варилъ похлебку, и подали чернаго хлѣба на грязной скатерти.

Отдохнувъ немного, мы снова отправились въ путь; дорога становилась все труднѣе и труднѣе. Горы какъ будто были взорваны какими-нибудь вулканическимъ изверженіемъ, горные потоки непрерывно пересѣкали тропинку; нигдѣ не видно было растительности, ни въ чемъ не замѣтно было близкаго присутствія человека. Впереди, позади, со всѣхъ сторонъ, представлялись намъ только странныя, но съ тѣмъ вмѣстѣ и величественныя картины природы.

Лишь къ вечеру, съ приближеніемъ къ Венаскѣ, мы увидѣли небольшія лужайки, на которыхъ паслись мулы. Вскорѣ мы подѣхали къ крѣпости, которая, судя по ея валамъ, не могла бы долго сопротивляться и одной ротѣ артиллеристовъ; затѣмъ вошли въ городъ, въ испанскій городъ, какимъ я представлялъ его, грязный, мрачный, тѣсный. Тамъ не увидишь ни лавокъ, ни выѣсокъ, и уже не видишь ни фонтановъ, ни какихъ-нибудь общественныхъ памятниковъ. По вечерамъ, тамъ не зажигаютъ фонарей, жители ходятъ по улицамъ съ резниковыми факелами. Населеніе тамошнее крайне бѣдно: мы вездѣ встрѣчали только оборванныхъ ребятишекъ и едва одѣтыхъ женщинъ.

Въ Венаскѣ тысяча-семьсотъ жителей, и нѣтъ ни одной гостиницы. Насъ отрекомендовали губернатору, который принялъ насъ самымъ лучшимъ образомъ; но онъ не могъ предложить къ нашимъ услугамъ своего дома, потому-что самъ живетъ слишкомъ тѣсно. Мы надѣялись остановиться у торговца мулами, который исправляетъ должность почтмейстера, а когда представится случай, то не отказывается быть и трактирщикомъ; но, на бѣду, въ его домѣ производилась, въ то время, передѣлки, и онъ не могъ намъ отвѣсть ни одной комнаты. И такимъ образомъ послѣ десятичасовой, чрезвычайно трудной дороги, намъ приходилось ночевать хоть на открытомъ воздухѣ! Къ счастью, что губернаторъ самъ отрекомендовалъ насъ почтмейстеру, и тотъ доставилъ намъ ночлегъ въ домѣ одного сво-

его пріятеля, гдѣ мы нашли три довольно чистыя кровати и хорошій ужинъ. На другой день, только что мы встали, почтмейстеръ пришелъ пригласить насъ къ себѣ на шоколадъ. Мы вошли въ большую его залу, украшенную фамильнымъ гербомъ, потому-что онъ былъ дворянинъ, такъ же какъ и пріятель его, у котораго мы ночевали.

Торговля Венески очень незначительна; земледельцы совсѣмъ не занимаются. Не больше тридцати семействъ въ этомъ городѣ, которые живутъ чѣмъ жить, остальные всѣ или нищие или поденщики. И такое бѣдное народонаселеніе должно содержать десять священниковъ и ватеристъ ихъ викариевъ. Священники получаютъ до пяти тысячъ франковъ въ годъ, а викарии по тысячѣ франковъ. Почтмейстеръ говорилъ намъ, что треть всѣхъ его доходовъ поступаетъ въ казну, а другая треть на содержание священниковъ, на вспомошествованіе путешествующимъ миссионарямъ и другіе сборы. Послѣ завтрака, онъ повелъ насъ въ церковь, показалъ воюющую ризницу, золотыя и серебряныя сосуды; потомъ, повелъ насъ къ небольшому вѣдѣлю, въ которомъ помѣщается серебряное изображеніе св. Марціала, покровителя города.

По выходѣ изъ церкви, мы посѣтили школу. Тамъ нѣтъ школы для дѣвушекъ. Полагаютъ, что для нихъ достаточно умѣть перебирать четки, а если которая непремѣнно захочетъ выучиться читать и писать, то должна ходить за двадцать миль, въ Барбастро. Мы нашли въ бѣдной, маленькой комнатѣ около двадцати дѣтей. То была школа Венески. Здѣсь учатъ по методѣ взаимнаго обученія. Это уже шагъ впередъ.

У всѣхъ дѣтей были одинаковыя книги, букварь, катихизисъ аббата Флѣри, повѣсти аббата Сабатіе, и чисто испанское сочиненіе, подъ названіемъ: *Избранные уроки*. Это удивительная смѣсь всякой всячины: тутъ есть молитвы, нравственныя размышленія, аскетическія правила, и наконецъ, ода на Наполеона, написанная въ 1808 году. Имена тигра, страшнаго Корсиканца, тирана, бегемота расточаются ему въ каждой строфѣ; стихи заключены похвалою Англій.

Учитель, съ которымъ мы разговаривали довольно долго, показавъ намъ человѣкомъ довольно образованнымъ. Онъ хорошо понималъ по-итальянски, легко говорилъ по-латинѣ. Мы послѣ спрашивали у почтмейстера, сколько этотъ учитель можетъ получать за свои труды. Онъ сказалъ намъ, что должность учителя доставляетъ ему не больше 500 франковъ, но что, въ

свободные часы и во время канкуль, онъ занимается гораздо прибыльнѣйшимъ ремесломъ, именно кузнечнымъ.

Мы отправились въ обратный путь уже довольно поздно. Намъ хотѣлось-было въ тотъ же день добраться до Боссоса, въ Каталоніи, но до ночи мы успѣли доѣхать только до померскаго гѣса. Дорога была ужасная, часто почти совсѣмъ непроходимая. Мы опустили поводья и предали себя на волю лошадей. Чѣмъ болѣе мы углублялись въ гѣсъ, тѣмъ онъ становился гуще и мрачнѣе. Скоро мы уже не могли различать проводника, шедшаго впереди насъ, и чтобы не обиться съ дороги, стали переликататься.

Проведя цѣлую ночь въ этой мучительной дорогѣ, на утро мы счастливо вѣехали въ Боссосъ. Этотъ городъ красивѣе и веселѣе Венаски. Церковь тамошняя довольно великолѣпна, и при ней не менѣе десяти священниковъ. Но народонаселеніе Боссоса до чрезвычайности бѣдно: въ каждой улицѣ, у каждыхъ воротъ, вы встрѣчаете толпы молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ, дѣтей, которыя протягиваютъ къ вамъ руку; когда вы проходите полями, то всѣ крестьянцы бросаютъ свою работу и бѣгутъ просить у васъ милостыни самымъ трогательнымъ, самымъ плачевнымъ голосомъ. Если вы подадите имъ, прибѣгутъ другіе; если откажете, васъ обругаютъ и закидаютъ камнями.

Осмотрѣвъ два грязные города Арагоніи и Каталоніи, прогулявшись по этимъ горнымъ дорогамъ, одно воспоминаніе о которыхъ приводитъ въ ужасъ, испытавъ безсовѣстность трактирщиковъ и неопратность гостиницъ, съ грустію взглянувъ на народъ, такъ богато одаренный природою, но погрязшій въ невѣжествѣ, суевѣріи и нищетѣ, мы съ радостію привѣтствовали Баньеръ и его долину.

Черезъ два дня, мы отправились въ Баньеръ-де-Бигоръ. Дорога шла по очаровательнымъ мѣстностямъ; здѣсь уже не было тѣхъ ужасовъ природы, какъ при поѣздкѣ нашей въ Венаску. Мы или любовались роскошными долинами или изумлялись величественнымъ видамъ горъ, вершины которыхъ, покрытыя ледниками, какъ будто усыпаны были алмазами.

Въ Баньеръ-де-Бигоръ мы пріѣхали ночью. Этотъ городъ всегда оживленъ; въ немъ прекрасныя ванны, хорошія гостиницы, чудесныя магазины; народонаселеніе его довольно многочисленно. Недалеко оттуда находится долина Кампайъ, отрадная, какъ оазисъ, зеленая какъ изумрудъ, веселая какъ осеннее утро. Когда узнаешь всю предѣсть этой долины, когда познакомишься съ ея мирными обитателями, то неохотно возвращаешься въ городъ, который богатѣетъ на счетъ пороковъ или болѣзней

человѣческихъ, который украшается, пользуясь слабостями и легковѣріемъ. Даже на минуту стыдно войти въ эти игорные дома, гдѣ игроки держатъ свои карты подъ столомъ, и ни одна не довѣряетъ другому.

Послѣ зданія купаленъ и пиренейскаго музея, я видѣлъ только двѣ замѣчательныя вещи въ Банзарѣ: мраморную фабрику г-на Жерюзе, прекрасное заведеніе. Тамъ вы можете видѣть всѣ мраморы, какіе находятся въ обширныхъ пиренейскихъ каменистыхъ долинахъ. Отдѣлка вещей превосходна. И еще—да извинятъ меня люди солидные,—театръ марьонетокъ! Марьонетки! уми! ихъ изгоняютъ изъ нашихъ большихъ городовъ, люди высшего общества, ихъ презираютъ; народъ, посѣщающій французскій театръ, отворачивается отъ нихъ: гдѣ-нибудь марьонка, случайно встрѣтишь ихъ подъ открытымъ небомъ, оборванныхъ, съ толпой ребятишекъ. Каково же было мое удивленіе, когда я встрѣтилъ ихъ въ довольно-чистомъ театрѣ, освѣщенномъ лампами! Зала наполнена была людьми почтенными, матерями семействъ и хорошенькими дѣвушками. Я вообразилъ, что мы перенеслись къ счастливому времени семнадцатаго столѣтія, когда полишинель игралъ, въ Берлинѣ, драмы Фауста и Донъ-Жуана, и привлекалъ къ себѣ всѣхъ ученыхъ. Я снова увидѣлъ полишинеля, этого браваго, болтавшаго полишинеля, эту живую эпиграмму; полишинеля, который, съ дня своего рожденія, ни на одну минуту не переставалъ жить нашею жизнью, вѣшивался въ наши страсти, шутилъ надъ нашими глупостями. Я снова увидѣлъ его молодымъ, блестящимъ, торжествующимъ, съ ленивымъ лицомъ, съ краснымъ брюхомъ, какъ у рака, и съ глазами полными смѣливости. Я увидѣлъ и арлекина, его пріятеля: арлекинъ игралъ роли игольщика и губернатора, какъ Санчо роль принца. Всѣ аплодировали арлекину; даже люди пожилые не могли удержаться отъ смѣха.

На другой день, я сдѣлалъ прощальный привѣтъ Пиренеямъ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СПОСОБЪ УДОСТОВѢРЯТЬСЯ ВЪ ЯСНОСТИ СВОЕЙ РАЧИ. Извѣстный парижскій астрономъ Араго читалъ каждый годъ въ обсерваторіи публичный курсъ астрономіи, на который всегда стекалась многочисленная публика. Первымъ стараніемъ астронома было излагать какъ можно проще и яснѣе свой предметъ, такъ, чтобъ онъ былъ понятенъ каждому. Чтобъ удостовѣриться, что онъ достигъ своей цѣли, онъ употреблялъ слѣдующее средство.

Передъ начатиємъ чтенія, онъ отвѣчалъ сперва на вопросы, сдѣланные ему письменно, о предметахъ предшествующей лекціи. Послѣ этого онъ осматривалъ всѣхъ присутствовавшихъ, которые и не подозрѣвали настоящаго значенія этого смотра. Однако легко было догадаться, что ученый профессоръ ищетъ чего-нибудь. И действительно, Араго высматривала «физиономію», которая казалась ему самою глупою. Когда онъ находилъ *своего* человека, какъ онъ говорилъ, онъ начиналъ лекцію и не смущалъ глазъ съ избраннаго имъ лица. Оно становилось его руководителемъ: по немъ онъ заключалъ о ясности своего излаганія. Пока глупая «физиономія» оставалась холодною, пока профессоръ замѣчалъ въ его глазахъ неопредѣленность, нерѣшительность, онъ продолжалъ объяснять то же самое, пока взоръ избраннаго человека, съ глупою «физиономіею», не оживался, и на лицѣ не выражалось довольства. Араго не заботился о рупорскенияхъ остальной части публики, лишь бы только глупая «физиономія» выражала довольство, и тогда онъ продолжалъ говорить дальше; тогда онъ увѣренъ былъ, что совершенно пошелъ вслѣдъ.

Однажды Араго завтракалъ въ обсерваторіи съ братьями своими и нѣкоторыми короткими пріятелями. За десертомъ онъ рассказывалъ имъ: какими образомъ онъ удостоверяется, что его изложеніе понятно каждому. Въ это время ему пришла доложить о пріѣздѣ посетителя; Араго велѣлъ просить его.

— Ахъ, милостивый государь, вскричалъ пріѣхавшій гость, обращаясь къ Араго: вы не можете себя представить, какъ я ослѣпелъ, что нѣтъ случая присутствовать на удивительномъ мурѣ, который вы читаете! Но скажите, пожалуйста, почему вы всегда смотрите на меня, когда говорите?

Каждый легко себя можетъ представить положеніе почтеннаго астронома и всѣхъ присутствовавшихъ!

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ ЖИВОПИСНЫХЪ ВИДОВЪ. (*Изъ Гофмана*). Во время моего пребыванія въ Бевергенъ, (пишетъ знаменитый Гофманъ), однажды вечеромъ, гуляя въ саду своемъ гдѣсь, я увидѣлъ толпу крестьянъ, занятыхъ рубкой дѣса. Не знаю почему, я спросилъ у нихъ: не прокладываютъ ли здѣсь новую дорогу? Крестьяне, посмотрѣвъ другъ на друга, со смѣхомъ, предложили мнѣ идти далѣе и повторить мой вопросъ господину, который стоялъ на небольшомъ возвышеніи вдали отъ самаго дѣса. Действительно, я встрѣтилъ, нѣсколько минутъ спустя, человека, вооруженнаго лорнеткой, которую онъ направлялъ дѣсь-

не къ тому мѣсту, гдѣ я оставилъ крестьянъ. Услышавъ мои шаги, онъ обернулся и сказалъ мнѣ съ живостью: «Вы идете въ лѣсу, милостивый государь; каково идетъ работа?» Я разсказалъ ему то, что видѣлъ.

«Хорошо, сказалъ онъ, хорошо. Съ трехъ часовъ утра (а тогда было шесть по полудни), я здѣсь на дежурствѣ, и начиналъ уже беспокоиться, что медленность этихъ дураковъ испортитъ все дѣло. Но теперь, надѣюсь, что, съ помощію неба, перспектива откроется сейчасъ благополучно.»

Тутъ онъ возвратилъ свою лорнетку къ лѣсу и смотрѣлъ съ удивительнымъ вниманіемъ. Нѣсколько минутъ спустя, большее пространство лѣса вдругъ повалилось, и перспектива открылась какъ бы волшебствомъ; я увидалъ вдали удивительную панораму, освѣщенную послѣдними лучами заходящаго солнца. Дѣйствительно, видъ былъ прекрасный!

Любителя видовъ стоялъ около четверти часа въ созерцаніи на одною и тою же мѣстѣ, выражая свой восторгъ какими-то странными восклицаніями и топаньемъ ногъ. Когда солнце совершенно скрылось, онъ положилъ свою лорнетку въ карманъ и, не поклонясь мнѣ и не сказавъ ни слова, какъ будто меня тутъ и не было, ушелъ оттуда скорымъ шагомъ.

ИДЕАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ ОСМЬИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ СТАРУШКИ. Одна почтенная старушка, окруженная внуками и правнучками, перечитывая любимый романъ, который понравился ей въ молодости: «*Матильда или Крестовые походы*», до того была очарована героемъ романа Малекъ-Адедемъ, что непременно захотѣла достать портретъ этого, никогда не существовавшаго героя. Она откуда-то достала желаемый портретъ, носила его всегда съ собою и не могла довольно насмотрѣться на него.

ЧЕРТА НЕОБЫКНОВЕННОЙ РАЗСЯЯННОСТИ НѢМЕЦКАГО БУРГОМИСТРА. Мѣтъ съ пять тому назадъ, когда еще на улицахъ германскихъ городовъ былъ надлежащій порядокъ, бургомистръ одного нѣмецкаго города, Павелъ Карловичъ, утомленный многочасовыми дѣлами въ ратушѣ, надъ которыми онъ просидѣлъ съ ранняго утра до поздняго вечера, пошелъ прогуляться по улицамъ города, чтобы освѣжиться воздухомъ и потомъ покричать устать послѣ тягостныхъ трудовъ. Павелъ Карловичъ, съ юныхъ лѣтъ своихъ, отличался необыкновенною рассяянностію, которая на шестидесятилѣтнемъ году его жизни достигла полнаго раз-

вита. Не говоримъ уже о томъ, что онъ, благодаря этому шествію, во время своей вечерней прогулки, припалъ, въ темнотѣ, канаву за троттуаръ, сѣбло шагнулъ, слетѣлъ въ канаву и такъ, по счастью, удачно, что только испугался, а не ушибся: ссадилъ, правда, слегка локоть правой руки. Отыскавъ въ канавѣ слетѣвшую съ головы его шляпу, Павелъ Карловичъ пошелъ далѣе. Палки своей, съ костянымъ набалдашиникомъ, онъ не выпустилъ изъ руки, при паденіи. Долго бродилъ онъ изъ улицы въ улицу и слушалъ заунывные возгласы ночныхъ сторожей. Фонари гасли. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ ночи, онъ вошелъ въ ту улицу, въ которой стоялъ его домъ. Всѣ дома, въ старинныхъ германскихъ городахъ, бывають очень часто похожи не только своимъ наружнымъ видомъ, но и внутреннимъ расположеніемъ комнатъ. Разсѣянный Павелъ Карловичъ въ темнотѣ не разпозналъ своего крыльца и вошелъ въ домъ своего сосѣда и сослуживца, Христіана Карловича. Взойдя ощупью по лѣстницѣ, которая помѣщалась въ обширныхъ, мрачныхъ сѣняхъ и дѣлила жилые комнаты дома на двѣ отдѣльныя половины, Павелъ Карловичъ поворотилъ на лѣво, по площадкѣ лѣстницы, къ предполагаемой двери своей спальни. Дверь была не заперта, и онъ вошелъ въ обширную комнату, тускло-освѣщенную горѣвшими ночникомъ. Эта комната служила спальнею двумъ дочерямъ совѣтника ратуши, хозяина дома, Христіана Карловича. Двѣ его хорошевыя дочери, одна семнадцати, другая девятнадцати лѣтъ, уживали въ это время, вмѣстѣ со своими родителями, по другую сторону сѣней, въ правой половинѣ дома.

Разсѣянный, шестидесятилѣтній Павелъ Карловичъ, утомленный и дѣлами, и вечернею прогулкою, и печальнымъ паденіемъ въ канаву, началъ проворно раздѣваться, сложилъ свой мѣшковатый пальто и прочую одежду на стулъ, отдернулъ кисейный пологъ, оберегавшій отъ мухъ и комаровъ кровать старшей дочери Христіана Карловича, улегся на ея постель и заснулъ самымъ сладкимъ сномъ. Кровать старшей дочери Христіана Карловича стояла въ такомъ же точно направленіи и положеніи, какъ и кровать Павла Карловича въ собственной его спальнѣ. У него и пологъ былъ отъ комаровъ и мухъ, но только не кисейный, а изъ серпянки. Павелъ Карловичъ, котораго клонилъ сильно сонъ, не обратилъ на всѣ эти мелочи ни малѣйшаго вниманія; онъ даже не замѣтилъ, что у другой стѣны стоитъ еще какая-то кровать, не существующая въ его спальнѣ, и что въ простѣвникѣ, между двумя окнами комнаты, красуется, вмѣсто его дѣловой конторки, женскій туалетъ. Словомъ сказать, онъ ни

чего не замѣтилъ и заснулъ самымъ пріятнымъ, крѣпкимъ сномъ.

Христіанъ Карловичъ, его супруга Вильгельмина Ивановна и двѣ ихъ дочери, Христіана и Шарлотта, отужилили между-тѣмъ въ правой половинѣ дома. Дочери простлились съ родителями и отправились, черезъ сѣни, въ свою спальню. Войдя въ нее при тускломъ свѣтѣ горѣвшаго ночника, онѣ начали раздѣваться передъ зеркаломъ туалета. Женщины, какъ замѣтилъ одинъ древній индѣйскій мудрецъ, и одѣваются и раздѣваются, не иначе, какъ передъ зеркаломъ. Шнуровка старшей дочери лежала уже на стулѣ. Вдругъ, въ это время, послышалось двумъ сестрицамъ, что кто-то сильно всхрапнулъ. Онѣ обѣ вздрогнули, начали прислушиваться. Между-тѣмъ, спавшій крѣпкимъ сномъ бургомистръ Павелъ Карловичъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на испугъ дѣвушекъ, захрапѣлъ еще громче.

— Что это такое, сестрица? Слышишь?

— Слышу!

— Миѣ страшно!

— И миѣ также! Ахъ, сестрица! Не пугай меня!

— Да кто тебя хочетъ пугать! А вотъ, вотъ! Прислушайся! Опять храпить!

Съ неизобразимою робостью подошла старшая дочь Христіана Карловича къ своей кровати, отдернула пологъ и вскрикнула:

— Ахъ! сестрица! Мужчина!

— Убѣжимъ, убѣжимъ, сестрица!

— Убѣжимъ!

Накинувъ на себя что первое подъ-руку попало, бѣдныя дѣвушки перебѣжали темныя сѣни и начали стучаться въ дверь правой половины дома.

— Что тамъ такое, доннерветтеръ! Кто тамъ такъ глухо стучитъ?

— Это мы!

— А! Мои дочки! Что вамъ нужно?

— У насъ въ комнатѣ мужчина!

— Вы говорите чепуху! Этого быть не можетъ! Это одинъ бредъ и фантазія!

— Увѣрляемъ васъ, папешка!

— Доннерветтеръ! Что жъ такое это значитъ? Войдите сюда! Я все изслѣдую!

Ключъ въ двери шелкнулъ, и двѣ испуганныя бѣдняжки, Христіана и Шарлотта, вскочили въ комнаты правой половины дома.

— Что у васъ такое?

— Мужчина!

— Какой мужчина? Гдѣ?

— Въ нашей комнатѣ!

— Ты говоришь пустяки!

— Онъ хранилъ!

— Кто хранилъ? Это вадоры!

— Право, папенька, это сущая правда! Извольте сами послушать. Вы сами услышите, какъ онъ хранилъ!

— Доннерветтеръ! воскликнулъ съ достоинствомъ Христіанъ Карловичъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ хранилъ, то я его убью!

Съ этимъ словомъ побѣжалъ онъ въ свой кабинетъ и снялъ со стѣны не заряженное, запыленное и заржавѣвшее ружье.

Христіанъ Карловичъ прошелъ, въ темнотѣ, скорыми шагами, сѣлъ, отворилъ дверь въ комнату своихъ дочерей и крикнулъ громкимъ голосомъ: «Веръ да!» то есть: «Кто тамъ?»

При этомъ крикѣ Павелъ Карловичъ не проснулся и повернулся только съ одного бока на другой.

— *Веръ да!* крикнулъ невообразнымъ голосомъ Христіанъ Карловичъ и прицѣлился не заряженнымъ ружьемъ въ неизвестнаго нарушителя его спокойствія, котораго онъ еще не рассматривалъ.

Сударуга Христіана Карловича и его двѣ дочки смотрѣли на эту страшную сцену, а въ сѣней, сквозя полурастворенную дверь.

— *Веръ да!* повторилъ въ третій разъ Христіанъ Карловичъ такимъ отчаяннымъ и громовымъ голосомъ, что отъ него стѣны дома не разрушились, но бургомистръ Павелъ Карловичъ проснулся, потянулся и началъ протирать глаза.

— Что такое? Кто тамъ такъ неприлично шумитъ?

— Кто тамъ такой? воскликнулъ Христіанъ Карловичъ, побѣжавъ къ кровати своей дочери и отдернувъ сѣбя и рѣшительно вставивъ ноги въ тапочки.

— Это я! Что вамъ угодно, любезный Христіанъ Карловичъ! Зачѣмъ у васъ ружье въ рукѣ!

— Ружье—это пустяки! Зачѣмъ вы въ этой постели, мой почтенный Павелъ Карловичъ?

— Я очень усталъ и хочу спать!

— Вамъ не должно здѣсь спать!

— А что? Развѣ пожаръ въ городѣ, развѣ какая-нибудь есть тревога, любезный Христіанъ Карловичъ? Я сейчасъ же иду съ вами въ такомъ случаѣ! Позвольте только одѣться.

— Никакого пожара и тревоги нѣтъ, мой многосудимый Павелъ Карловичъ!

— Такъ что же вы меня напрасно беспокоите? Я очень усталъ.
Для чего вы меня разбудили?

— Посмотрите: гдѣ вы?

— Я въ постели!

— Но въ чьей?

— Въ моей!

— А если не въ вашей?

— Что вы за глупости такія говорите, любезный и достопочтенный Христіанъ Карловичъ!

— Увѣряю васъ, что вы спите не въ вашей постели!

Шестидесятилѣтній Павелъ Карловичъ внимательно осмотрѣлся, увѣрился въ своей ошибкѣ, проворно одѣлся, съ безконечными извиненіями протиснулся съ хозяиномъ дома и его семействомъ, и улегся спать въ свою собственную, настоящую постель.

=

НОВѢЙШІЯ МОДЫ.

Не смотря на холодную октябрьскую погоду, которая требует большихъ измѣненій въ дамскихъ туалетахъ, мы, признаемся, не замѣтили еще ни какихъ поразительныхъ новостей по части шляпокъ и бурнусовъ. Сообщимъ однакожъ нашимъ читательницамъ о томъ что мы видѣли и знаемъ; напиримѣръ розовую шляпку изъ гладкой шелковой матеріи, подбитую бѣлою; два большія шу (shoux) изъ розовой же матеріи, вырѣзанной зубцами, положенныя по обѣимъ сторонамъ тулья; другую шляпку изъ голубаго атласа подбитую бѣлымъ, отделанную англійскими кружевами и мелкими розами. Вуалетки изъ кружевъ составляютъ любимое украшеніе для шляпокъ. Иногда ими замѣняютъ ленты. Но тогда эти вуалетки имѣютъ видъ какъ бы наброшенныхъ сверхъ уборки изъ цвѣтовъ, откуда онѣ спускаются длинными концами по обѣимъ сторонамъ шляпки.

Для спектаклей креповыя и кружевыя шляпки украшенныя перьями или цвѣтами пользуются преимуществомъ передъ шелковыми.

— Бальныя платья отдѣляются множествомъ фалбаль. Ихъ часто бываетъ до десяти. Фалбалы, обшитыя узкою багровою составляютъ очень изящное украшеніе. Берты и длинныя шипы не измѣняютъ бальнымъ костюмамъ. Скажемъ еще, что къ бальнымъ украшеніямъ принадлежитъ также жемчужное ожерелье, которое теперь вошло въ большую моду. — О башмакахъ кажется говорить нечего. Всѣмъ извѣстно, что легкіе

башмаки и узорчатые чулки составляютъ необходимую принадлежность бальнаго наряда. Полусапожки какъ бы изящны ни были, совершенно изгнаны съ паркета. — Поговоримъ теперь о такъ называемомъ *политоалетъ* (demitiquillette). Мы видѣли шелковое платье съ полудлинными рукавами à la Dubaggy. Она спускаются не много ниже локтя, и обшиты по краямъ собранными кружевами. Талия при такихъ рукавахъ дѣлается открытыми, съ которыми носить бѣлыя, вышитыя шюмизетти, плущія подъ горло. На шелковыхъ платьяхъ отдѣлка изъ черныхъ кружевъ въ большомъ употребленіи. Съ такой отдѣлкой рукавчикъ должны быть изъ чернаго тюля. Талия полувысокія, открытыя напередѣ, находятъ много почитательницъ. — О бурнусахъ нечего сказать новаго. Одинъ только обратилъ на себя наше вниманіе. Это бурнусъ изъ зеленаго бархата, гладко обтягивающій плеча и застегнутый напередѣ до талия. Низъ его округленъ. Тисненная гирлянда вокругъ всего бурнуса составляла единственное украшеніе. Рукава широкіе, очень длинныя и округленные въ видѣ греческихъ, подбиты были атласомъ ярко-пунсоваго цвѣта.

Говорятъ, что матеріи съ широкими полосами, или съ большими цвѣтами, будутъ предпочитаемы нынѣшнюю зиму; но это еще одно предположеніе, которое покрыто мракомъ будущаго.

У КНИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

въ гостиномъ дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 17-мъ,

продаются слѣдующія книги:

(Цѣна на серебро).

РУКОВОДСТВО КЪ РОССИЙСКИМЪ ЗАКОНАМЪ, составленное экстраординарнымъ профессоромъ императорскаго С. Петербургскаго университета, докторомъ законовѣдѣнія, Николаемъ Рождественскимъ. На лучшей веленовой бумагѣ. Спб. 1848 Ц. 9 р. съ перес. 2 р. 50 к.

СЛОВА И БЕСѢДЫ. Архимандрита Израила, херсонской семинаріи ректора и богословскихъ наукъ профессора т. 1 Спб. 1848 Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

УСТРОЙСТВО ЛѢСОВЪ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, руководство для управителей, лѣсничихъ и землемѣровъ. Спб. 1848 Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 50 к.

ПОЛЕЗНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ: СИЛОТВОРЪ, дворянина Ивана Шенгелидзева. Спб. 1848 Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

ДВА АДМИРАЛА, романъ Феннмора Купера, въ 2 ч. перев. съ Англійскаго. Спб. 1848 Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

ГРАФЪ ДЕ-МОЖИРОНЪ или спекуляторы нашего времени, романъ Александра Делавернъ. Пер. съ француз. 8 ч. М. 1848 Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 75 к.

ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА, сочиненіе Николая Полеваго 5 т. заключающіе въ себѣ около 2.300 страницъ въ 12 д. л. Спб. 1844 и 1848 Ц. 6 р. съ перес. 7 р.

КРАТКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СѢВЕРНЫЙ И СРЕДНІЙ ДАГЕ-СТАНЪ, въ топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Четыре отрывка изъ рукописи Подполковника Генеральнаго штаба Невѣровскаго. Спб. 1847 и 1848 Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЛУЖАЩИХЪ НА ВОЕННЫХЪ МОРСКИХЪ ПАРОХОДАХЪ. Сост. Капитанъ-Лейтенантъ Р. Славовскій. Часть третья съ атласомъ гравированныхъ чертежей. Спб. 1848 Ц. 5 р. съ перес. 6 р.

Тоже части первая и вторая Спб. 1845 съ чертежами Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

БЛАЖЕННАГО ЮАННА МОСХА ЛУГЪ ДУХОВНЫЙ, въ переводѣ съ греческаго языка. М. 1848 Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

СЛОВА ВО ВРЕМЯ ГУБИТЕЛЬНОЙ БОЛѢЗНИ, говорившій Игнатіемъ, Архіепископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ. Спб. 1848 Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ, сочиненіе Германа. Трѣ части, содержащія въ себѣ Исторіи древнюю, среднюю и новую. Спб. 1848 Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА для Русскихъ. Соч. И. Л. Бюрнуфа, переводъ съ послѣдняго исправленнаго и дополненнаго изданія. Спб. 1848 Ц. 1 р. 50 к.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА, въ вопросахъ и отвѣтахъ, и съ многими примѣрами. Ф. Эльснера, лектора императорскаго университета въ с.петербургѣ; изд. второе въ 3 частяхъ Спб. 1847 Ц. 80 к. съ перес. 1 р.

ХРЕСТОМАТІЯ для перевода съ Нѣмецкаго языка на русскій, составленная учителемъ В. Благовѣщенскимъ; изд. второе исправленное и умноженное. Дерптъ 1844 Ц. 1 р. 15 к. съ перес. 1 р. 50 к.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ, или избранныя мѣста изъ русскихъ прозаиковъ и стихотворцевъ, съ нѣмецкими объясненіями словъ и предметовъ Ф. Святоваго. Курсъ 1-й и 2-й. Ревель. 1846 и 1848 Ц. 2 р. 15 к. съ перес. 2 р. 75 к.

ХИМІЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ. Для начинающихъ составилъ д-ръ К. Ремизій Фрезениусъ. Профессоръ химіи и физики въ Висбаденѣ. Перев. съ нѣмецкаго языка

изданія, въ двухъ частяхъ. Спб. 1848 Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. Соч. преосв. Филарета епископа Рижскаго. Москва 1848. Ц. 4 р. съ перес. 3 р.

ИСТОРИЯ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ во Франціи, соч. А. Тьера. Перев. Ф. Коны, съ портретами и картинами. 8 т. Спб. Ц. 8 р. съ перес. 9 р. отдѣльно каждая часть по 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

9-й томъ печатается и въ непродолжительномъ времени поступить въ продажу.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА, шутка водевилъ, въ одномъ дѣйствіи, пер. съ французскаго А. Н. Андреева. Спб. 1848 Ц. 40 к. съ перес. 75 к.

ТУРОКЪ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи пер. съ франц. А. Н. Андреева Спб. 1848 Ц. 40 к. съ перес. 75 к.

У него же В. П. Полякова принимается подписка на всѣ русскіе журналы и газеты на 1849 годъ по цѣнамъ, объявленнымъ отъ издателей.

Гг. многородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публ.икуемыми и отъ другихъ книжнородателей, на имя Василья Петровича Полякова.

Требованія исполняются съ первоотходящею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера военно-учебныхъ заведеній и библиотекъ гвардейскаго корпуса.

Я. А. ИСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подѣ № 22,

Цѣны на серебро безъ пересылки.

Champagnac. Philippe-Auguste et son siècle. Tableau historique et détaillé des guerres de ce prince 1 vol. in 12 relié en toile 1 r. 25 c.

Savigny. Le livre des jeunes filles, jeux, récréations, exercices, arts utiles et d'agrément, amusement, etc. 1 vol in 16. 95 c.

— *Le livre des écoliers*, illustré de 400 vignettes, jeux, récréations, exercices. Arts utiles et d'agrément, amusement de la science. 1 vol. in 16. 1 r. 25 c.

— *Les Confessions d'un écolier*, recueillies et mises en ordre par A. de Saillet. 1 vol. g-d in 8, illustré de 12 lithographies à deux teintes. Paris. 1848. 2 r. 35 c.

— *Les Histoires de la vieille tante Christine*, ouvrage pour le premier âge, 1 joli vol. in 8, orné de 8 lithographies à 2 teintes. Paris. 1848. 1 r. 75 c.

— *Soirées d'hiver.* Souvenirs et nouvelles. Un vol. g-d in 8 orné de 12 belles lithographies à 2 teintes. Paris. 1847. 2 r. 35 c.

Richomme. Les Beautés de l'ame, livre des jeunes filles. Un beau vol. in 8, avec un frontispice et 12 gravures. Paris. 1848. 3 r.

Brillat-Savarin. Physiologie du gout illustrée par Bertall, précédée d'une notice biographique par Alp. Karr. 1 beau vol. g-d in 8. 3 r. 65 c.

Chenu. (M. J. C.) Leçons élémentaires d'histoire naturelle, comprenant un aperçu sur toute la zoologie et un traité de

conchyliologie à l'usage des gens du monde, ouvrage adressé à M-me François Delessert. 1 vol. g-d in 8. Paris 1847. 4 r. 5 c.

Landais. (Napoléon) Dictionnaire classique de la langue française, contenant tous les mots du dictionnaire de l'academie. nouvelle edition. Paris. 1846. 1 vol. in 16. 1 r. 5 c.

Guizot. Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. Bruxelles. 1846. 65 c.

Vocabulaire de la langue française, extrait de la 6 et dernière édition par M. Ch. Nodier et M. Ackermann. Paris. 1847. Un très gros volume in 8. 1 r. 20.

Pierrot-Deseilligny. Choix de compositions françaises et latines ou narrations, scènes, discours, lettres etc. 2-e édition revue et augmentée par M. Rinn. Paris. 1847. 1 vol. in 8. 2 r. 30 c.

Amory. (M-lle Joséphine) Galerie des femmes célèbres. Paris. 1847. 1 vol. Un beau vol. in 8. 2 r. 25 c.

Sue (Eugène) Histoire de la marine française sous Louis XIV. 2-e édition 4 beaux volumes in 8, illustrés de beaucoup de gravures. 13 r.

— Le même ouvrage 4 volumes in 12. 3 r. 80 c.

Toussenel. Précis chronologique de l'histoire de France 1 vol. in 4. 1 r. 75 c.

Boudin. Histoire de Louis-Philippe 1-r, roi des français. Paris. 1847. 2 vol. g-d in 8. 8 r. 10 c.

Féval (Paul) Le Fils du diable édition illustrée, 2 beaux volumes g-d in 8. Paris. 1848. 6 r.

Grenier et Gordon. Flore de France, ou description des plantes qui croissent naturellement en France, et en Corse, 3 forts vol. in 8, publiés en 6. parties. Paris. 1848. 12 r. 30 c.

Denis et Rouard. Traité complet de l'horticulture pour les grands et les petits jardins, précédé de la botanique simplifiée. Un vol in 8. orné de gravures. Paris. 1848. 2 r. 30 c.

Rodet. Essai sur les accidents qui peuvent résulter, de l'emploi de l'iodure de potassium. 1 brochure in 8. Paris. 1847. 50 c.

Jaumes. Traité de pharmacologie spéciale, ou histoire des especes médicamenteuses T. 1-r Paris. 1848. 1 r. 75 c.

Claudé. Introduction théorique et pratique à la science de l'ingénieur 1 vol. in 8. Paris. 1848. 2 r. 60 c.

S-t Hilaire. Voyage aux sources de Rio de S. Francisco et dans la province de Goyaz. T-r et in 8. 4 r. 35 c.

Bonnet. Hygiène physique et morale des prisons ou de l'influence que les systèmes pénitentiaires exercent sur le physique et le morale des prisonniers 1 vol. in 8. Paris. 1847. 1 r. 5 c.

Bureau-Riopey. Du Choléra moyens préservatifs et curatifs. Paris. 1847. 1 vol. in 8. 90.

Crosilhes, Hygiène et maladies des cheveux. Paris. 1847. 20 c.
— Hygiène et maladies de la poitrine et de la voix, 1 brochure in 8. Paris. 1847. 40 c.

Londe. Nouveaux éléments d'hygiène 3-e, édition. Paris. 1847. 2 vol. in 8. 4 r. 10 c.

Coste. Manuel de dissection, ou éléments d'anatomie générale, descriptive et topographique Paris. 1847. 1 vol. in 8. 2 r. 30 c.

Prus. Rapport à l'academie royale de médecine sur la peste et les quarantaines, fait au nom d'une commission. Paris 1846. 2 r. 60 c.

Collection de machines les plus intéressantes et les plus utiles, dessinées et gravées par *Chaumont.* 1 vol. f. obl. 2 r. 30 c.

Гг. иногородные благоволят отнѣситься съ требованіями своими по вышеозначенному адресу, подписывая на конвертахъ имя книгопродавца.

Печатать позволяется, 29 сентаб. 1848 г. Старшій ценсоръ *Рочфордъ.*

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ
СЫНА ОТЕЧЕСТВА

на 1849 годъ.

Журналъ *Сынъ Отечества* будетъ издаваемъ и въ будущемъ 1849 году, безъ всякой перемѣны въ вышедшемъ его планѣ, съ нѣкоторыми улучшеніями, о которыхъ будетъ нами объявлено въ особой, подробной программѣ.

Цѣна остается прежняя: *пятнадцать рублей* серебромъ за годовое изданіе. Съ пересылкою къ господамъ иногороднымъ, или съ доставкою въ С. Петербургъ на домъ: *шестнадцать рублей 50 копѣекъ* серебромъ.

Подписка принимается исключительно: 1) Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; 2) въ конторѣ *Сына Отечества*, въ книжномъ магазинѣ *Василія Петровича Полякова*, на Невскомъ проспектѣ, по линіи Гостиного двора, подъ № 17, въ С. Петербургѣ.

Предъ всѣми господами подписавшимися въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, редакторъ и издатель принимаютъ на себя отвѣтственность въ исправной и своевременной доставкѣ журнала, къ чему будутъ ими приняты всѣ возможные мѣры.

1 октября 1848.

Редакторъ *Константинъ Масальскій*.
Издатель *Константинъ Жернаковъ*.

2731

